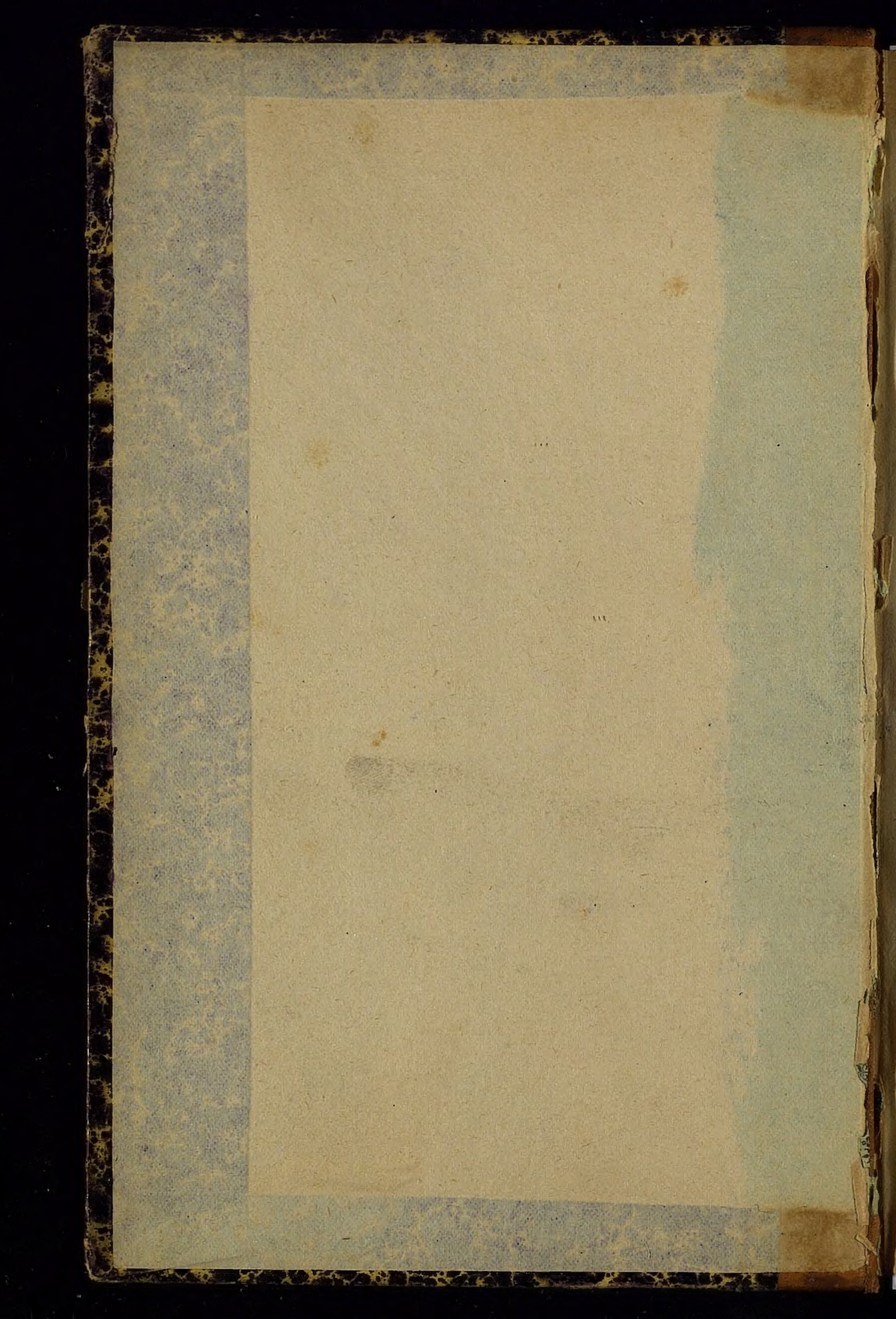

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

№5,6

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и Ко).
На Страстномъ Бульварѣ.
1875.

НА ГОРАХЪ*

(РАЗКАЗЪ).

I.

Отъ устья Оки до Саратова и дальше правая сторона Волги *Горами* зовется. Начинаются Горы еще надъ Окой, выше Мурома, тянутся до Нижняго, потомъ по Волгѣ внизъ. И чѣмъ дальше тѣмъ выше онѣ. Рѣдко горы перемежаются — тамъ только гдѣ съ праваго бока въ Волгу рѣка пала. А такихъ рѣкъ немного.

Мѣста „на Горахъ" ровно окаменѣлыя волны бурнаго моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во всѣ стороны межь доловъ, логовъ, овраговъ и суходоловъ; рѣки и рѣчки колесятъ во всѣ стороны, пробираясь межь угорій и на каждомъ изгибѣ встрѣчая возвышенности. По инымъ мѣстамъ рѣдко такія рѣки найдутся какъ Пьяна, Свіяга, Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной ** рѣка за то прозвана что шатается она, мотается

* Продолженіе разказовъ помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1871—1874 подъ заглавіемъ: *Въ лѣсахъ*.

** Пьяна упоминается въ лѣтописяхъ; Русскіе на ней поселились въ половинѣ XIV вѣка.

во всѣ стороны ровно хмѣльна́я баба, и пройдя закрутасами да изворотами верстъ съ пятьсотъ, подбѣгаетъ къ истоку и чуть не возлѣ него въ Суру выливается. Свіяга—та лучше еще Пьяны куралеситъ: подошла къ Симбирску, версты полторы до Волги остается, — нѣтъ, повернула въ сторону и пошла рядомъ съ Волгой: Волга на́ полдень, она на́ полночь, и верстъ триста рѣки другъ дружкѣ на встрѣчу текутъ, а слиться не могутъ. Кудьма, та совсѣмъ къ Окѣ подошла, только бы влиться, такъ нѣтъ же, вильнула въ сторону да верстъ за сотню въ Волгу ушла. Не захотѣлось, слышь, Кудьмѣ Оку въ матеряхъ держать, захотѣлось сестрицей быть, Волгиной дочерью. Такъ говорятъ... Другія рѣки и рѣчки что̀ текутъ на Горахъ всѣ до единой извилисты.

Издревле та сторона крыта была лѣсами дремучими, сидѣли въ нихъ Мордва, Черемиса, Булгары, Буртасы и другіе языки чужеродные; лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ того Русскіе люди стали селиться въ той сторонѣ. Константинъ Васильевичъ, великій князь Суздальскій, въ половинѣ XIV вѣка перенесъ свой столъ изъ Суздаля въ Нижній Новгородъ, назва̀лъ изъ чужихъ княженій Русскихъ людей, и разселилъ ихъ по Волгѣ, по Окѣ и по Кудьмѣ. Такъ лѣтопись говоритъ, народныя преданья вотъ что̀ сказываютъ:

„На горахъ то было, на горахъ на Дятловыхъ: * Мордва своему богу молится, къ землѣ-матушкѣ на встокъ поклоняется.... Ѣдетъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, плыветъ государь по Воложкѣ на камешкѣ. Какъ возго̀воритъ Бѣлый Царь людя́мъ своимъ: „ой, вы гой еси слуги вѣрные, слуги вѣрные неизмѣнные, подите-ка, поглядите-ка на тѣ ли на горы на Дятловы, что̀ это тамъ за березникъ мотается, мотается-шатается, къ землѣ-матушкѣ преклоняется?... Слуги пошли, поглядѣли, назадъ воротились, Бѣлому Царю поклонились, великому государю таку рѣчь держа̀тъ: „не березникъ то мотается-шатается, Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ своему богу молится, къ землѣ-матушкѣ на встокъ преклоняется". Вопросилъ ихъ Бѣлый Русскій Царь: „а зачѣмъ Мордва кругомъ стоитъ и съ чѣмъ она своему богу молится?" Отвѣчаютъ слуги вѣрные: „стоятъ у нихъ въ кругу бадьи могучія, въ рукахъ дѐржитъ Мордва ков-

---

* Въ *Книгѣ Большаго Чертежа*: „А Нижній Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ".

ши завѣтные, завѣтные ковши больши-набольшіе, хлѣбъ да соль на землѣ лежатъ, каша, яичница на рычагахъ висятъ, вода въ чанахъ кипитъ, въ ней говядину янбедъ * варитъ". Какъ возговоритъ Бѣлый Русскій Царь: „слуги вы мои, подите, дары отъ меня Мордвѣ отнесите, такъ ей на молянѣ ** скажите: вотъ вамъ боченокъ серебра, старики, вотъ вамъ боченокъ злата, молельщики; на мордовскій молянъ вы прямо ступайте, мордовскимъ старикамъ сребро, злато отдайте". Вѣрные слуги пошли, царскій даръ старикамъ принесли; старики сребро, злато приняли, сладкимъ сусломъ царскихъ слугъ напояли; слуги къ Бѣлому Царю приходятъ, вѣсти про Мордву ему доводятъ: „угостили насъ мордовски старики, напоили сусломъ сладкіимъ, накормили хлѣбомъ мягкіимъ". А мордовски старики отъ Бѣлаго Царя казну получивши, послѣ моляна судили-рядили: что бы Бѣлому Царю дать, что бъ великому государю въ даръ отъ Мордвы послать. Меду, хлѣба, соли набрали, блюда могучія наклали, съ молодыми ребятами послали. Молодые ребята пріуставши сѣли: медъ, хлѣбъ-соль поѣли, „старики де не узнаютъ". Земли да желта песку въ блюда накладали, наклавши пошли и Бѣлому Царю поднесли. Бѣлый Русскій Царь землю и песокъ честно принимаетъ, крестится, Бога благословляетъ: „слава Тебѣ, Боже Царю, что отдалъ въ мои русскія руки Мордовску землю". И поплылъ Бѣлый Царь по Волгѣ рѣкѣ, поплылъ государь по Воложкѣ на каметкѣ, въ лѣвой рукѣ держитъ ведро русской земли, правой кидаетъ ту землю по берегу... И гдѣ броситъ земли горсточку тамъ городъ ставится, а гдѣ броситъ щепоточку, тамо селеньице."

Таковы сказанья на Горахъ; идутъ они отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ. И у Русскихъ людей, и у Мордвы съ Черемисой о русскомъ заселеньѣ по Волгѣ преданье одно.

Русскіе люди чуждую землю занявъ селились въ ней по путямъ по дорогамъ. Въ даль не забирались, чтобъ среди враждебныхъ племенъ на всякій случай быть на готовѣ, другъ ко дружкѣ поближе. Путями-дорогами—рѣки были тогда. И до сихъ поръ по рѣкамъ примѣтны слѣды старорусскаго разселенья. По Волгѣ, по Окѣ, по Сурѣ и по меньшимъ рѣкамъ живетъ народъ совсѣмъ другой, чѣмъ вдали отъ нихъ:

---

* Одинъ изъ прислужниковъ „возати"—мордовскаго жреца.

** Общественное моленіе.

ростомъ выше, станомъ стройнѣй, изъ себя красивѣй, силою крѣпче, умомъ богаче сосѣдей — издавна обрусѣвшей Мордвы, что совсѣмъ позабыла и древнюю вѣру, и родной языкъ, и преданья своей старины. Мѣстами Мордва еще сохраняетъ народность, но съ каждымъ поколѣньемъ больше и больше русѣетъ. Такъ межь Сурой и Окой. Ниже Сурскаго устья верстъ на двѣсти по обѣ стороны Волги сплошь чужеродцы живутъ, они не русѣютъ: Черемисы, Чуваши, Татары. И ниже тѣхъ мѣстъ по нагорному берегу Волги встрѣтишь ихъ поселенья, но отъ Самарской Луки вплоть до Астрахани сплошь Русскій народъ живетъ, только о́кругъ Саратова, на лучшихъ земляхъ пшеничнаго царства, Нѣмцы поселились; и живутъ они межь Русскихъ тою жизнію какой жили на далекой своей родинѣ, на прибрежьяхъ Рейна и Эльбы.... Велика̀, обширна ты матушка наша земля Святорусская!.. Въ волю простора, въ волю раздолья!... Всѣхъ, матушка, кормишь, поишь, одѣваешь, обуваешь, всѣмъ мать-кормилица хлѣба даешь — и своимъ, и чужимъ, и ро́днымъ сынамъ и пришлымъ и́зъ чужа пасынкамъ. Любишь гостей угощать!... Кто ни пришелъ, всякому: „милости просимъ—честь да мѣсто къ русскому хлѣбу да соли!...“ Ну, ничего, насъ не объѣдятъ.

Въ стары годы росли на Горахъ лѣса кондовые, мѣстами досель уцѣлѣли они, больше по тѣмъ мѣстамъ гдѣ Чуваши, Черемиса да Мордва живутъ. Любятъ тѣ племена лѣса дремучіе да рощи темныя, ни одинъ изъ нихъ безъ ну́жды деревца̀ не тронетъ, рони́ть лѣсъ безъ пути по ихнему грѣхъ великій, по старинному закону ихъ: лѣсъ — жилище боговъ. Лѣса истреблять—божество оскорблять, его домъ разорять, кару на себя накликать. Такъ думаетъ Мордвинъ, такъ думаютъ Черемисъ и Чувашанинъ.

И потому еще, можетъ-быть, любятъ чужеродцы родные лѣса что въ старину, не имѣя ни городовъ, ни крѣпостей, долго въ недоступныхъ дебряхъ отстаивали они вольную волю, сперва отъ Татаръ, потомъ отъ Русскихъ людей.... Русскій не то, онъ прирожденный врагъ лѣса: свалить вѣковое дерево чтобы вырубить изъ сука ось либо оглоблю, сломить ни на̀ что̀ не нужное деревцо̀, ободрать липку, изсушить березку, выпуская изъ нея сокъ, либо снимая бересту на подтопку— ему ни почемъ. Столѣтніе дубы даже ро́нитъ, обобрать бы только съ нихъ желуди свиньямъ на кормъ. Въ старые

годы, когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у древнихъ насельниковъ землю, нещадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни. Привычка осталась; и теперь на Горахъ, гдѣ коренные Русскіе люди живутъ, не помѣсь съ чужеродцами, а чистой славянской породы, лѣсовъ больше нѣтъ, остались кой-гдѣ рощицы, кустарникъ да ёрники.... По инымъ мѣстамъ таково стало безлѣсно, что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь что кнутовища негдѣ вырѣзать, парнишку нечѣмъ посѣчь. Сохранились лѣса въ большихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ, да и тамъ въ послѣдни годы сильно порѣдѣли.... Лѣсныя порубки въ чужихъ дачахъ нашими мужиками въ грѣхъ не ставятся, па совѣсти не лежатъ. „Деревьевъ въ лѣсу никто не сажалъ, толкуютъ они, это не садъ. Самъ Богъ на пользу человѣкамъ выростилъ лѣсъ, значитъ руби его сколько надо.“

Хлѣбопашество — главное занятье нагорнаго крестьянина, но повсюду оно объ руку съ какимъ ни на есть промысломъ идетъ, особливо по рѣчнымъ берегамъ, гдѣ живетъ чистокровный славянскій народъ. Въ однихъ селеньяхъ слесарничаютъ, въ другихъ скорняжничаютъ, шорничаютъ, столярничаютъ, веревки вьютъ, сѣти вяжутъ, проволоку тянутъ, гвоздь куютъ, суда строятъ, сундуки дѣлаютъ, изъ мѣди кольца, наперстки, кресты-тѣльники да бубенчики льютъ, всего не перечесть.... Кромѣ того народъ тысячами каждый годъ въ отхожи промысла расходится: кто въ лоцмана, кто въ Астрахань на рыбны ватаги, кто въ Сибирь на золотые пріиски, кто въ Самарскія степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу въ бурлаки; теперь пароходство въ конецъ убило тотъ тяжелый и вредный промыселъ. И слава Богу!...

Охочь до отхожихъ работъ нагорный крестьянинъ, это не степнякъ домосѣдъ, что вѣкъ сидитъ на мѣстѣ словно медъ киснетъ, и кромѣ сосѣдняго базара да развѣ еще своего уѣзднаго города, съ роду нигдѣ не бываетъ. Любитъ нагорный крестьянинъ постранствовать, любитъ людей посмотрѣть, себя показать. „Дома сидѣть, ни гроша не высидишь, онъ говоритъ, подъ лежачій камень вода не течетъ, на одномъ мѣстѣ камень мохомъ обрастаетъ.“ Нѣтъ выгоднаго на сторонѣ промысла — въ извозъ.... Не то избойну, мочену грушу да

парену рѣпу по деревнямъ поѣдетъ мѣнять на кость, на тряпье, на желѣзный поломъ.

До того велика у нагорныхъ крестьянъ охота на чужой сторонѣ побродить, что изстари завелся у нихъ такой промыселъ, какого опричь еще литовскихъ Сморгонь на всемъ свѣтѣ нигдѣ не бывало. Въ Сергачскомъ уѣздѣ деревень до тридцати медвѣжатнымъ промысломъ кормилось — жилось не богато, а въ добрыхъ достаткахъ. Закупали медвѣжатъ у сосѣднихъ Чувашъ да Черемисъ Казанской губерніи, обучали ихъ всякой медвѣжьей премудрости: „какъ баба угорѣла въ нетоплёной горницѣ, какъ малы ребята горохъ воровали, какъ у Мишеньки съ похмѣлья голова болитъ“. Хаживали Сергачи со своими питомцами куда глаза глядятъ, ходили вдоль и поперекъ по Русской землѣ, заходили и въ Нѣмечину на Липецку * ярмарку. Изстари велся тотъ промыселъ: еще на Стоглавомъ соборѣ, жалуясь Грозному на поганскіе обычаи, архіереи про Сергачей говорили что они „кормяще и храняще медвѣдя на глумленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣкъ... ** велію бѣду на христіанство наводятъ“... Силёнъ, могучь, властенъ и грозенъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, а медвѣжатниковъ не могъ извести — изводилъ ихъ Саксонскій король, а въ конецъ погубило заведенное недавно общество покровительства всякимъ животнымъ, опричь человѣка. Тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ потѣшали Сергачи на Липецкой ярмаркѣ тамошній людъ медвѣжьею пляской. Какой-то Нѣмецъ съ лѣснымъ бояриномъ обошелся невѣжливо и снялъ съ него Михайло Иванычъ костяную шапку. Въ ужасъ впали Нѣмцы — шутка ль? цѣлаго подданнаго лишился Саксонскій король, а ихъ у него и безъ того не ахти много. Пожалобились. Воспретили Сергачамъ по чужимъ царствамъ медвѣдей водить. Ни почемъ бы это было медвѣжатникамъ — Русская земля длинна, широка, не клиномъ сошлась, есть гдѣ лѣсному боярину разгуляться, потѣшиться. Сердобольные покровители животныхъ вступились за Мишеньку: какъ дескать можно по бѣлу свѣту его на цѣпи таскать, какъ дескать можно Михайла Иваныча палкой бить, въ ноздри кольцо ему пронимать?... Воспретили. Въ тридцати деревняхъ не одну

---

* Лейпцигъ.

** Стоглавъ, гл. 93.

сотню ученыхъ медвѣдей мужики перелобанили, а сами по міру пошли; все-таки — отхожій промыселъ.

А что въ прежни времена съ Сергачами бывало, того не перескажешь. Но къ слову пришлось разказать, какъ ученыхъ медвѣдей плѣннымъ Французамъ на смотръ выставляли. Когда Французы изъ московскаго полымя попали па русскій морозъ, забирали ихъ тогда въ плѣнъ сплошь да рядышкомъ, и тѣхъ полонянниковъ по разнымъ городамъ на житье разсылали. И въ Сергачъ сколько-то офицеровъ попало, полковникъ даже одинъ. На зиму въ городъ помѣщики съѣхались, ознакомились съ Французами и по русскому добродушію пріютили ихъ, приголубили. Полонянникамъ не житье, а масляница, а тутъ подоспѣла и настоящая весела, честна Масляница, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины — конца пированьямъ нѣтъ. И разговорились плѣнники съ радушными хозяевами про то чего лѣтомъ надобно ждать. „Не забудетъ, говорятъ, Наполеонъ сраму своего, новое войско сберетъ, опять на Россію нагрянетъ, а у васъ все истощено, весь молодой народъ въ полки забранъ—не сдобровать вамъ, не справиться.“ Капитанъ-исправникъ случился тутъ, говоритъ Французамъ: „правда, много народу у насъ на войну ушло, да это еще бѣда невеликая, медвѣдей полки на Французовъ мы выдвинемъ.“ Плѣнники смѣются, а исправникъ ихъ увѣряетъ: самому де ему велѣно къ веснѣ полкъ медвѣдей обучить и что новобранцы маленько ужь попривыкли—военный артикулъ стали дружно выкидывать. „Послѣзавтра милости просимъ ко мнѣ на блины, медвѣжій баталіонъ на смотръ вамъ представлю.“ А медвѣжатники по бѣлу свѣту шатались только лѣтней порой, зимой-то всѣ дома. Повѣстили имъ отъ исправника, вели бы медвѣдей въ городъ къ такому-то дню. Навели звѣрей съ тысячу, поставили рядами, стали ихъ заставлять палки на плечо вскидывать, показывать какъ малы ребята горохъ воровали. А исправникъ Французамъ: „это, говоритъ, ружейнымъ пріемамъ да по егерски ползать они обучаются“. Диву Французы дались, домой отписали: сами де своими глазами медвѣжій баталіонъ видѣли.

Чуть не по всѣмъ нагорнымъ селеньямъ каждый крестьянинъ хоть самую пустую торговлю ведетъ: кто хлѣбомъ, кто мясомъ по базарамъ переторговываетъ, кто за рыбой ѣздитъ въ Саратовъ да зимой ее по деревнямъ продаетъ, кто сбираетъ тряпье, овчины, шерсть, который строевой

лѣсъ съ Унжи да съ Немды * гоняетъ; есть и „напольные мясники“, что̀ кошекъ да собакъ бьютъ и шкурки ихъ скорнякамъ продаютъ. Мало-мальски денегъ залежныхъ накопилось, то́тчасъ ихъ въ оборотъ. И если по скорости мужикъ не свихнется, непремѣнно выйдетъ въ люди, тысячами ворочать зачнетъ. Бывали на Горахъ крѣпостные съ милліонами, у одного Лысковскаго ** барскаго мужика въ Сибири свои золотые промыслы были. Теперь на Горахъ много крестьянъ сотнями десятинъ владѣютъ. За то тутъ же рядомъ и бѣднота не покрытая. У иного дворъ крытъ свѣтомъ, обнесенъ вѣтромъ, платья что̀ на себѣ, а хлѣба что̀ съ себѣ, голь да перетыка—и голо̀ и босо̀ и безъ пояса. Такой бѣдности не замѣтно однакожь по близости рѣкъ, только въ мѣстахъ отъ нихъ удаленныхъ можно встрѣтить ее. Общинное владѣнье землей, частые ея передѣлы — вотъ гдѣ коренится причина той бѣдности. Чуть не каждый годъ міръ-община передѣляетъ поля, отъ того землю никто не удобряетъ, что̀ де за прибыль на чужихъ работа́ть. На дворахъ наво́зу — пролѣзть негдѣ, а на́ полѣ ни воза̀, землю выпахали; пошли недороды. Нѣтъ корысти въ пере́дѣлахъ, толкуетъ каждый мужикъ, а община-міръ то и дѣло за передѣлъ... И богатые и бѣдные въ одинъ голосъ жалобятся на тѣ передѣлы, да подѣлать ничего не могутъ... Община!... За то кому удастся выбиться изъ этой — прахъ ее возьми — общины, да завестись хоть не великимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на Горахъ родитъ хорошо.

Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на Горахъ, наврядъ найти, за то и заволжскимъ тысячникамъ далеко̀ до нагорныхъ богачей. Только эти богачи не въ примѣръ тяжелѣй для бѣдныхъ людей, чѣмъ заволжскіе тысячники. Лѣсной народъ добродушнѣй, проще, а нагорному пальца въ ротъ не клади. Нагорный богачъ норовитъ изъ осмины четвертину вытянуть, изъ бло́хи голенище скроить.

---

* Рѣки въ Костромской губерніи, текутъ по лѣсамъ.
** Лысково—село на Волгѣ.

II.

Съ краю славныхъ лѣсовъ Муромскихъ, въ лѣсу Салавирскомъ, что̀ тянется межъ Сережей и Тешей, * въ деревушкѣ Родяковой, что̀ подъ самымъ почти Муромомъ, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, а можетъ и больше, жилъ-поживалъ сначала бѣдный смолокуръ, потомъ „темный богачъ" Данило Клементьевъ. Гналъ онъ смолу: до десятка казано̀въ ** въ лѣсу у него было ставлено. Много годовъ работа̀лъ, но богатства смолою не нажилъ, а вдругъ такъ разбогатѣлъ, что не только съ муромскими, съ любымъ московскимъ купцомъ могъ бы въ вёрсту стать. Ломали головы лѣсники надъ скороспѣлымъ богатствомъ Данилы, не могли додуматься отколѣ взялось оно. Кто говорилъ что кладъ Кузьмы Рощина *** достался ему, кто завѣрялъ что знается Данило съ разбойниками. Въ Муромскихъ лѣсахъ въ тѣ поры они еще „пошаливали", отъ того и пошла молва по народу будто богатство Данилѣ на дуванѣ **** досталось. Много разнаго говорили, истинной правды никто допытаться не могъ.

Нажился Данило отъ Андрея Поташова. О томъ Поташовѣ сказъ:

Во дни Петра Великаго, посадскіе люди изъ Мурома, братья Желѣзняковы да третій Кирилъ Мездряковъ, на Окѣ руду желѣзну сыскали. Слыхали тѣ посадскіе про тульскаго кузнеца Демидова, какъ наградилъ его государь и какія богатства взялъ тотъ кузнецъ съ непочатыхъ Уральскихъ ру́дниковъ. Заявили и они про находку, и за́ годъ до смерти первый императоръ зе́мли на Окѣ имъ пожаловалъ, ставили бы тамъ заводы желѣзные. Не пошло Муромцамъ въ прокъ царско жалованье — по лѣсамъ возлѣ Оки разбойники хозяйничали: съ заряжёнными ружьями приходилось дудки † копать, заводъ рвами окапывать, по валамъ пищали да пушки

* Теша близъ Мурома впадаетъ въ Оку, Сережа въ Тешу.

** Большой котелъ для добыванья смолы.

*** Знаменитый разбойникъ Муромскихъ лѣсовъ, грабившій особенно проѣзжавшихъ на Макарьевскую ярмарку московскихъ купцовъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Говорятъ, онъ много кладовъ зарылъ по лѣсамъ.

**** Дѣлежъ добычи разбойниками.

† Колодезь для добычи рудъ, шахта.

разставлять.... Работали кой-какъ, дѣло кончилось тѣмъ что одинъ рабочій хозяевамъ измѣнилъ, заводъ разбойникамъ передалъ. Разграбили они его, выжгли, валы срыли, пушки, пищали съ собой увезли.... И за то Бога благодарили заводчики что головы цѣлы на плечахъ снесли.

Черезо много годовъ на мѣсто неудачливыхъ Муромцевъ новые заводчики на Оку пріѣхали. Два Туляка, братья Андрей да Иванъ Родивоновы, дѣти оружейника Поташова, въ четырехъ губерніяхъ четырнадцать заводовъ по скорости поставили. Андрей дѣло велъ. „Образъ правленія его считался безотчетнымъ и необыкновеннымъ.“* Чего ни надѣлалъ онъ при томъ образѣ правленія! Пруды заводскіе выкопалъ на́ диво: верстъ по девяти въ долину, съ трехверстными плотинами; по тѣмъ прудамъ суда подъ парусами у него хаживали. Въ каждомъ заводѣ по господскому дому поставилъ и каждый домъ дворцомъ у него глядѣлъ. Что было въ тѣхъ домахъ картинъ, мраморныхъ статуй, дорогихъ мебелей, какія теплицы были при нихъ, какіе въ нихъ рѣдкостные цвѣты, плоды, деревья... И все прахомъ пошло, все погибло въ омутѣ пятидесятилѣтнихъ тяжебъ и въ бездонныхъ карманахъ ненасытной ватаги олекуновъ.

Поташовъ скопилъ несмѣтныя богатства въ короткое время, скопилъ ихъ умомъ, трудомъ, неистомной силой воли, упорной стойкостью въ дѣлахъ, а также и темными путями. Безнаказанные захваты сосѣднихъ имѣній, пріемъ бѣглыхъ людей стекавшихся со всѣхъ сторонъ подъ кровъ сильнаго барина, тайный переливъ тяжеловѣсной Екатерининской мѣдной монеты, умножали богатство тульскаго оружейника. Кто Поташову становился поперекъ дороги: деревни, дома, лошади, собаки, жены, дочери не хотѣлъ добромъ уступить, того иной разъ и въ домну ** сажалъ. Слова супротивнаго никто молвить не смѣлъ, все преклонялось передъ властнымъ оружейникомъ. Перевелъ Поташовъ разбои въ лѣсахъ Муромскихъ, но не перевелъ разбойниковъ—подобравшись подъ сильное крыло неприкосновеннаго барина, лѣсная вольница попрежнему продолжала дѣла свои, но только по его приказамъ, какъ говоритъ преданіе. И не было

* Въ послѣдствіи, когда возникли нескончаемыя тяжбы о наслѣдствѣ, это выраженіе встрѣчалось не только въ частныхъ запискахъ, но даже въ офиціальныхъ бумагахъ.

** Плавильная печь.

на Андрея Родивоныча ни суда ни расправы; не только въ Питерѣ, въ сосѣдней Москвѣ не знали про дѣла его... Все было шито да крыто.

А отъ того что умѣлъ съ нужными людьми ладить. Ладилъ съ княземъ Григорьемъ Орловымъ, вoвремя отъ него отвернулся и вoвремя прилѣпился къ другому князю Григорью — къ Потемкину. Одного закала были, хоть по разнымъ дорогамъ шли. Съ Потемкинымъ Поташовъ съ роду не видался, но въ дружеской перепискѣ былъ и въ безграмотныхъ письмахъ „братцемъ“ его называлъ. Цѣнными подарками Таврическаго удивить было нельзя, за то нарочные то и дѣло скакали съ Поташовскихъ заводовъ то въ Петербургъ, то подъ Очаковъ, съ рѣдкими плодами заводскихъ теплицъ, съ солеными рыжиками, съ кислой капустой, либо съ подновскими огурцами въ тыквахъ. Старики разказываютъ что однажды Потемкинъ зимой въ Москвѣ проживалъ; подошелъ Григорій Богословъ *—его именины; какъ разъ къ концу обѣда прискакалъ отъ Поташова нарочный съ такими плодами, какихъ ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ никто и не видывалъ. При нихъ записка Андреевой руки: „Сіи ананасы тамо родятся гдѣ дровъ въ изобиліи; у меня лѣсу не занимать, потому и сей дряни довольно“.

— Уважилъ! на весь столъ крикнулъ Потемкинъ.—Спасибо!.. Захотѣлъ бы Поташовъ ремень изъ спины у меня выкроить, я бы сейчасъ.

Черезъ Потемкина выпросилъ Андрей Родивонычъ дозволенье гусаровъ держать при себѣ. Семнадцать человѣкъ ихъ было, ростомъ каждый чуть не въ сажень, за старшàго былъ у нихъ польскій полонянникъ, конфедератъ Язвинскій. И тѣ гусары зà поясъ заткнули удáлую вольницу чтò изстари разбои держала въ лѣсахъ Муромскихъ. Барыню ль какую, барышню, поповну, купецкую дочку выкрасть да къ Андрею Родивонычу предоставить — ихъ взять. И тѣхъ гусаровъ всѣ боялись пуще огня, пуще полымя.

А когда помиралъ Андрей Родивонычъ были при немъ двѣ живыхъ жены; обѣ вкругъ ракитова кустика вѣнчаны; у каждой дѣти и всѣ какими-то судьбами законныя.

— Кому покидаешь имѣнье? спросили умиравшаго.

---

* 25го января.

— Кто одолѣетъ, съ усмѣшкой онъ отвѣчалъ, и тѣ злобныя слова послѣдними словами его были.

Затрещали, застонали заводы Потаповскіе, дрогнуло правдой и неправдой нажитое богатство.

Начались тяжбы, опеки.... Кто жь одолѣлъ? Опекуны, да тѣ что̀ дѣла вершали....

Таковъ былъ Андрей Родивонычъ. Богатырю на подмогу богатыри бывали нужны. На иныя дѣла гусаровъ нельзя посылать — ихъ берегъ Потаповъ, а надо жь бывало иной разъ кому языкъ мертвой петлей укоротить, у кого воза̀ съ товарами властной рукой отбить, кого въ стѣну замуровать, либо въ прудъ послать карасей караулить. Мѣдныя деньги переливать тоже не стать была гусарамъ. Для того и водились у Потапова нужные молодцы; на заводахъ они не живали, въ потаенныхъ мѣстахъ по лѣсамъ больше привитали, въ зимницахъ да въ землянкахъ.

Смолокуръ Данило Клементьевъ былъ изъ такихъ.... Но держалось имъ это въ тайнѣ отъ чужихъ и своихъ. По мѣсяцамъ Данило дома не видывалъ, а когда являлся въ деревню, разказывалъ что бродилъ по лѣсамъ, новаго смолья * розыскивалъ. А разжился Данило вотъ какъ.... Былъ у него на рукахъ мѣшокъ съ золотомъ, не успѣлъ передать Потапову когда смерть застигла его.... Померъ Андрей Родивонычъ, и смолокуръ съ тѣмъ мѣшкомъ подальше отъ Муромскихъ лѣсовъ убра̀лся — въ уѣздномъ своемъ городѣ въ купцы записался. Покинулъ смолокурный промыселъ, зачалъ канаты да веревки вить, съ Астраханью по рыбной части дѣла завелъ.

Трехъ годовъ на новомъ мѣстѣ не прожилъ, какъ умеръ въ одночасье. Жена его померла еще въ Родяковѣ; осталось двое сыновей неженатыхъ: Мокей да Марко. Отцовское прозвище за ними осталось — стали писаться они Смолокуровыми.

За̀ разъ двухъ невѣстъ братья приглядѣли — а были тѣ дѣвицы межь собой свойственницы, сироты круглыя, той и другой по восьмнадцатому годочку только-что минуло. Дарья Сергѣевна шла за Мокея, Олена Петровна за Марку Данилыча.

---

* Сосновые корья изъ которыхъ смолу сидятъ.

Сосватались въ Филиповки, мясоѣдъ въ томъ году былъ короткій, Срѣтенье въ Прощено воскресенье приходилось, а старшему брату надобно было въ Астрахань до водополи съѣздить. Рѣшили вѣнчаться на Красну Горку и обѣ свадьбы справить за разъ въ одинъ день.

Прошелъ Великій Постъ, пора бы домой Мокею Данилычу, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Письма Марко Данилычъ въ Астрахань пишетъ и къ брату и къ знакомымъ; нѣтъ никакого отвѣта. Пора бъ веселымъ пиркомъ да за свадебку, да нѣтъ одного жениха, другой безъ брата не вѣнчается. Минулъ Цвѣтной мясоѣдъ, настало Крапивное заговѣнье. * Петровки подоспѣли, про Мокея Данилыча ни слуху ни духу. Пали наконецъ слухи что ни Мокея, ни Смолокуровскихъ прикащиковъ въ Астрахани нѣтъ, откупныя Смолокуровскія воды пустуютъ, остались ловцамъ не сданныя.

Передъ Ильинымъ днемъ прибрелъ къ Марку Данилычу астраханскій прикащикъ его, Корней Евстигнѣевъ. Вѣсти принесъ недобрыя. Вотъ что разказывалъ:

По съёмѣ на откупъ казенныхъ водъ, Мокею Данилычу, до той поры какъ съ ловцами рядиться, гулевыхъ дней оставалось недѣли съ три. Дѣло было Великимъ Постомъ, вздумалось ему на померзломъ морѣ потѣшиться — на „бѣленькаго“ ** съѣздить. Подобралъ товарищей, своихъ прикащиковъ взялъ, „разъѣздныхъ“, поѣхали артелью человѣкъ въ тридцать на саняхъ въ Каспійское море. Напрасно опытные люди ихъ отговаривали, напрасно пугали что время выбрали они не надежное, потому что вѣтра стоятъ сильные. Не слушалась молодежь—поѣхала. Дня три везли до вольной воды на саняхъ съѣстные припасы, дрягалки, кротилки, чекмари и ружья. *** Видятъ на закрайнѣ шихану **** видимо-невидимо: ловъ значитъ будетъ удачный. Въ тѣхъ огражденныхъ отъ вѣтра шиханахъ тюлени дѣтенышей выводятъ и оставляютъ тамъ до весны, по нѣскольку разъ на дню вылѣзая изъ

* Цвѣтной мясоѣдъ—отъ Пасхи до Петровокъ; Крапивное заговѣнье—воскресенье черезъ недѣлю послѣ Троицы.

** Мелкій тюлень, еще не покинувшій матери, иначе „бѣлокъ“.

*** Орудія для тюленьяго боя. „Дрягалка“ небольшая ручная дубинка, „кротилка“—то же, но побольше, „чекмарь“ или „чекуша“—большая деревянная колотушка или долбня.

**** Взгромоздившіяся ребромъ и бокомъ льдины.

воды черезъ „лазки“ * покормить дѣтенышей. Набили неудалые охотники бѣленькихъ множество, стономъ стоялъ тогда крикъ тюленятъ, сходный съ плачемъ ребенка... Рукъ не покладывали охотники, работали на славу, и до верховъ нагрузивъ сани богатой добычей, стали сбираться домой. Вдругъ зафыркали лошади, стали копытами о ледъ бить... Бывалые охотники всполошились, „на конь!.. кричатъ, назадъ поскорѣй!..“ Шестъ въ тюленій лазокъ опустили—маячитъ, льдину значитъ оторвало. Поскакали назадъ по своему слѣду, глядь—синѣетъ вода, а вдали сверкаетъ и бѣлѣетъ закрайна матёраго льду... Туда, сюда —море кругомъ... Остались охотники на ледяномъ острову; сильный вѣтеръ гонитъ ихъ въ море на огромной льдинѣ.... Носиться имъ на тающемъ плоту по Каспійскому морю, и если не переймутъ на раннюю косовую **, гибнуть имъ въ хвалынскихъ волнахъ!...

„Пятнадцать дёнъ насъ по морю носило, разказывалъ Корней Евстигнѣевъ, ни берега не видать, ни лодокъ, ничего живаго.... Запасы пріѣли, голодать стали. Долго крѣпились, да нечего дѣлать — пришлось согрѣшить: лошадей стали рѣзать, конину ѣсть, тюленье мясо даже ѣли... А тутъ красные дни наступили, вѣтру нѣтъ уйму, дуетъ, подуваетъ отъ Астрахани, а насъ все дальше да дальше въ море уноситъ, а льдина все таетъ да таетъ, часъ отъ часу рыхлѣй да рыхлѣй... Опасно стало всѣмъ въ одной кучкѣ быть, провалиться боялись... По сторонамъ разбрелись, разставили сани другъ отъ дружки подальше.... Ночью однажды слышимъ треснуло что-то, потомъ зашумѣло, бросились на шумъ — вода.... Забрежжилось въ небѣ.... Глядимъ — льдину на двое разломило, межъ половинокъ широкій проливъ. На нашей половинкѣ пять человѣкъ, на той двадцать четыре, тамъ и хозяинъ. Солнышко встало, а ихъ ужъ чуть видно, ихня половинка меньше нашей была, гнало вѣтромъ ее поскорѣй. Къ полуднямъ совсѣмъ изъ виду скрылись они.... Дёнъ пять еще насъ носило, вѣтеръ смѣнился, насъ на востокъ потянуло. Уральски казаки съ морскихъ кусовыхъ насъ увидали, переняли и были мы съ ними на Эмбинскихъ промыслахъ вплоть до Петровокъ, оттуда насъ привезли въ Гурьевъ,

* Отверстія во льду, которыя тюлени продуваютъ снизу.

** Большая ловецкая лодка, рано выходящая на морской промыселъ.

а изъ Гурьева мы по своимъ сторонамъ разошлись. И я, Христовымъ именемъ питаясь, вотъ до домо́въ доволокся.“

Марко Данилычъ то́тчасъ въ Астрахань сплылъ, въ Красный Яръ ѣздилъ, въ Гурьевъ городокъ, въ Уральскъ, вездѣ справлялся о братѣ, нигдѣ ничего провѣдать не могъ... Одно лишь узналъ въ Астрахани, что по тѣмъ удальцамъ кои ѣздили съ нимъ „бѣленькихъ“ бить давно панихиды отпѣли.

Домой воротясь, Марко Данилычъ справилъ по братѣ доброе поминовенье: по тысячѣ нищихъ каждую субботу въ домѣ кормилось, цѣлый годъ канонницы изъ Комарова „негасиму“ стояли, поминали покойника по Керженскимъ скитамъ, по Черниговскимъ слободамъ, на Иргизѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ. Че́стно устроилъ братнюю душу Марко Данилычъ. Потуживъ, послѣ Рождества свадьбу онъ справилъ, женился на Оленѣ Петровнѣ.

Пышная свадьба была. Изо многихъ городовъ гостей наѣхало много, люди богатые, первостатейные, конца пира́мъ не было. Но какъ ни шумны́, какъ ни ве́селы были пиры тѣ—горемъ, печалью съ нихъ вѣяло. Грустилъ по братѣ Марко Данилычъ; грустила его молодая жена Олена Петровна, тяжко было ей на подругу глядѣть, что̀ не видавши вѣнца овдовѣла. Много о Дарьѣ Сергѣвнѣ тихихъ слезъ она пролила; люди тѣхъ слезъ не видали, знали про нихъ только Богъ да мужъ... А мужъ жену не тревожилъ, печалью во дни брачной радости ее не попрекалъ, самъ горевалъ вмѣстѣ съ Оленушкой о безмолвной, на всѣ слова безотвѣтной Дарьѣ Сергѣевнѣ...

Убѣдила Оленушка бездомную „сиро́тку-сестрицу“ жить у нея, всякимъ довольство́мъ ее окружила, жениха обѣщалась сыскать. Безродная Дарья Сергѣвна перешла жить къ „сестрицѣ“, но съ угово́ромъ—не поминали бъ ей никогда про брачное дѣло. „Остатокъ дней положу на молитвы“, сказала она, надѣла черный сарафанъ, покрылась чернымъ пла́томъ въ ро́спускъ и въ тѣсной, уютной горенкѣ повела жизнь „Христовой невѣсты“. Никто ее не видывалъ, кромѣ хозяевъ, да еще одной старушки, что̀ жила при горницѣ молодой подвижницы.

Только четыре годика прожилъ Марко Данилычъ съ женой. И тѣ четыре года ровно четыре дня передъ нимъ пролетѣли. Жили Смолокуровы душа въ душу, жесткаго слова никогда другъ отъ дружки не слыхивали, косаго взгляда не видывали. На третій годъ замужства родила Олена Петровна

дочку Дунюшку, черезъ полтора года сыночка принесла Марку Данилычу, на пятый день померъ сыночекъ; недѣлю спустя пошла вслѣдъ за нимъ и Олена Петровна.

Когда умирала, позвала Дарью Сергѣвну. Богомъ ее заклинала — скинула бъ черное платье, женой была бы Марку Данилычу, матерью Дунѣ сироткѣ.

Не восхотѣла Дарья Сергѣвна. Наотрѣзъ отказала кончавшей дни сестрицѣ-подругѣ.

— Матерью Дунѣ готова я быть, сказала она. — Бога Создателя ставлю тебѣ во свидѣтели, что сколько смогу замѣню ей тебя.... Но замужъ не посягну — земной женихъ до дня воскресенья въ пучинѣ морской почиваетъ, Небесный царитъ надъ вселенной... Третьяго нѣтъ и не будетъ.

Замолкла Олена Петровна и собравшись съ силами молвила тихо, сквозь слезы, взглянувъ на подошедшаго Марка Данилыча:

— Его не оставь ты совѣтомъ своимъ.... попеченьемъ.... заботой.... Мнѣ бы глядѣть на васъ—радоваться... Дунюшку, Дунюшку ты не покинь!

А Дунюшка тутъ. Посадили ее на кровать возлѣ матери. Бѣлокуренькая дѣвочка смѣется аленькимъ ротикомъ и синенькими глазками, треплетъ розовую ленточку, что̀ была въ вороту̀ материной сорочки... Такъ и заливается—яснымъ, радостнымъ смѣхомъ смѣется.

— Господи!.. Царю Небесный, милостивый!.. глядя на дочку, съ трудомъ шептала умиравшая. — Даруй ей, Господи, всегда такой радостной быть... даруй ей Господи... не знать въ жизни кручины...

Замолкла. А въ глухой тишинѣ все еще слышится веселый, младенческій смѣхъ Дуни, игравшей ленточкой на груди умиравшей матери. И при звукахъ ангельскаго веселья малютки, къ ангеламъ полетѣла чистая душа непорочной матери ея.

— Оленушка! вырвалось изъ наболѣвшей груди Марка Данилыча.... И потерявъ сознанье, снопомъ покатился у одра почившей.

— Отошла? горько воскликнулъ онъ, придя въ память.

— Къ Богу духовъ и всякія плоти, печально, торжественно молвила Дарья Сергѣвна и подавъ ему на̀ руки все еще смѣявшуюся Дуню:—подите съ ней,—сказала,—надо опрятать покойницу.

Съ Дуней на рукахъ въ другую горницу перешелъ Марко

Данилычъ. Окна раскрыты, майское яркое солнце горитъ въ поднебесьи, отрадное тепло по землѣ разливая, въ лазурной высотѣ заливаются жаворонки, въ тѣнистомъ саду поетъ соловей—все глядитъ весело, празднично... Дѣвочка радостно хохочетъ, подпрыгивая на отцовскихъ рукахъ, взмахивая пухленькими ручками.

Новый вдовецъ клонится на́ земь, клонится, клонится и бережно опустивъ на́ полъ дочку, такъ зарыдалъ, что всѣ домашніе сбѣжались и недвижнаго, почти бездыханнаго перенесли на постель.

И когда пришелъ въ себя Марко Данилычъ вспомнилось ему участье отца его въ кровавыхъ дѣлахъ Поташова. И такъ говорилъ онъ:

„Родитель померъ въ одночасье!... Братъ въ морѣ потонулъ!... Она, въ такихъ молодыхъ годахъ померла!... Господи! Ты по Писанію мстишь до седьмаго колѣна!... Но Ты вѣдь, Господи, и милостивъ!... Излей на меня ярость Свою, но Дуню мою сохрани, Дуню помилуй!...

III.

И потекли дни за днями.

Марко Данилычъ весь торговымъ дѣламъ предался. Трудомъ, заботами, неустанной работой утолялъ онъ сколько было возможно заѣвшее жизнь его горе. Каждый годъ не по одному разу сплывалъ онъ въ Астрахань на рыбные промысла̀, а въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ отецъ его поселился, построилъ большой каменный домъ, такой что въ губернскомъ городѣ былъ бы не изъ послѣднихъ.... Рядомъ съ тѣмъ домомъ поставилъ Марко Данилычъ обширныя прядильни и скоро смолокуровскіе канаты да рыболовныя снасти въ большую славу вошли какъ въ Астрахани, такъ на Азовскомъ поморьѣ. На Унжѣ лѣсныя дачи скупалъ, строилъ для Каспійскихъ промысловъ кусовыя и ловецкія лодки, реюшки, бударки, сгонялъ строевой лѣсъ въ безлѣсныя мѣста низова́го Поволжья и отъ того немало барышей получалъ. Въ неустанной дѣятельности старался утопить свое горе, но забыть Оленушку не могъ.... Мрачно смотрѣлъ на весь міръ, на всѣхъ людей, кромѣ подраставшей Дуни — въ нее одну положилъ душу свою. И трудился и работалъ только для нея одной. „Мнѣ, говаривалъ онъ, не надо ничего, ей бы только

голубушкѣ побольше припасти, не знала бъ нужды, аль какихъ недостатковъ.“

Мраченъ, грозенъ и властенъ съ другими, скулъ, суровъ, неподступенъ для всѣхъ подначальныхъ онъ сталъ. Съ утра дó ночи ровно черная, хмарая туча, но только взглянетъ на отца синенькими глазками Дуня—онъ просіяетъ, и тутъ чтò хочешь проси у него.

И любили за то Дуню, и много за нее молитвъ возносилось отъ старыхъ, отъ бѣдныхъ, отъ подначальныхъ обиженныхъ...

Богатства съ каждымъ годомъ росли — десяти лѣтъ послѣ братниной смерти не минуло, какъ Марка Данилыча стали считать въ милліонѣ, по Волгѣ имя его загремѣло. А годовъ Смолокурову было еще немного — въ самой порѣ человѣкъ, и даромъ что вдовецъ, а любой невѣстѣ завидный женихъ. И московскіе и поволжскіе семейные купцы съ думъ своихъ его не скидали, замышляя съ нимъ породниться. По старорусскимъ свычаямъ-обычаямъ не повелось съ невѣстиной стороны сватовство зачинать, однакожъ купцы то и дѣло къ Смолокурову свахъ подсылали. Выхваляли тѣ свахи невѣстъ своихъ луще Божьяго милосердія, хвастали про нихъ безъ стыда, безъ совѣсти, всѣми мѣрами уговаривая Марка Данилыча дѣломъ не волоча, перстнями мѣняться, золотой чарой переливаться. Но отъ него одинъ свахамъ отвѣтъ бывалъ: „Богъ васъ спасетъ, что меня изъ людей не выкинули, а безпокоились вы пóпусту. Невѣсты вашей не хаю, а думаю такъ: нашелъ бы я въ ней жену добрую, разумную, да не сыскалъ бы родной матери Дунюшкѣ. До гробовой доски не возьму я дочкѣ моей мачиху!...“ И сколь ни старались свахоньки, въ надеждѣ на богатыя милости невѣстиныхъ родителей, сколь ни тарантили передъ золотымъ женишкомъ, сколько ни краснобаяли, не удалось имъ подцѣпить на удочку сумрачнаго Марка Данилыча. На всѣ уговоры, на всѣ увѣщанья ихъ даже отъ Писанія, непреклоннымъ онъ оставался, себѣ даннаго слова не рушилъ.... И послѣ каждаго сватовства, послѣ каждаго отказа досужимъ свахонькамъ, больше и больше полнилось сердце его любовью и жалостью къ ненаглядной своей, безматерней сиротиночкѣ. Со всѣми сумрачный, со всѣми суровый, зачастую даже жестокій, таялъ душою передъ дочкой своей. Довольно было ей словечко промолвить за кого изъ провинившихся домочадцевъ иль работниковъ, тóтчасъ гнѣвъ на милость смѣнялся. И не было

изъ многочисленной прислуги Смолокурова ни единаго человѣка кто бъ за маленькую Дуню въ огонь бы и въ воду не пошелъ.

Марко Данилычъ богатѣлъ, Дуня красой и добромъ полнилась. Росла подъ умнымъ, нѣжнымъ присмотромъ Дарьи Сергѣевны... Безмужняя вдовица какъ сказала такъ и сдѣлала — замѣнила Дунѣ родную мать, всю любовь непорочнаго сердца перенесла на дочку незабвенной подруги, вся жизнь ея въ Дунѣ была... Ради милой дѣвочки покинула она жизнь „Христовой невѣсты“, горячей любовью, материнскими ласками, денноночными заботами о сироткѣ наполнились дни ея, но не нарушила Дарья Сергѣвна строгаго поста, не умалила теплыхъ молитвъ передъ Господомъ объ упокоеніи души въ морѣ погибшаго раба Божія Мокея. Къ тѣмъ молитвамъ прибавила столь же горячія, столь же задушевныя молитвы о здравіи, душевномъ спасеніи и честно́мъ возрастаніи рабы Божіей младенца Евдокіи. Изъ любви къ названной дочкѣ приняла Дарья Сергѣвна на себя и хозяйство по́ дому Марка Данилыча, принимала гостей его, сама съ Дуней изрѣдка къ нимъ ѣздила, но чернаго платья и чернаго въ ро́спускъ платка не сняла. Незримо для людей ведя суровую жизнь строгой постницы, о домѣ и всемъ мірѣ теплая молитвенница, Дарья Сергѣвна похудѣла, поблѣднѣла, но прекрасно было крытое скорбью и любовью лицо ея, святымъ чувствомъ добра и любви сіяли живыя, выразительныя ея очи. Удивлялись вдовицѣ всѣ ее знавшіе, но были и прокаженные совѣстью, что̀ не вѣря чистымъ ея побужденьямъ, на подвижную жизнь ея метали грязныя сплетни. Никто, кромѣ самого Марка Данилыча, не зналъ что покойница Олена Петровна на смертномъ одрѣ слезно молила подругу выйти за него замужъ и быть матерью Дуни. Да и узнали бъ, такъ вѣры тому не дали... Какъ можно повѣрить чтобъ молодая бѣдная дѣвушка не захотѣла быть полноправной хозяйкой въ домѣ такого богача?... Какъ повѣрить чтобъ она изъ одной безкорыстной любви къ безматерней сироткѣ рѣшилась беззавѣтно посвятить ей дни свои.

„Не́ спроста тутъ“, говорили смо́тники. Ретивыя до клеветъ и напраслинъ кумушки на тѣ рѣчи поддакивали. Бродячія приживалки, какихъ изстари много по всѣмъ городамъ, тѣ перелетныя птицы что̀ вѣкъ свой кочуютъ, перебѣгая изъ дому въ домъ: за больными походить, съ дѣтьми

поводиться, постряпать помочь, пошить, помыть, сахарку поколоть, — съ клятвами увѣряли что про безпутную Дарёнку вѣрнехонько онѣ всю подноготную знаютъ — ходитъ де въ черномъ, а жизнь ведетъ пеструю; живетъ безъ совѣсти, безъ стыдѣнія у богатаго вдовца въ полюбовницахъ. И никто тѣмъ сплетнямъ не былъ такъ радъ, какъ свахоньки, что неудачно предлагали невѣстъ Марку Данилычу. Много ему доставалось отъ досужихъ ихъ языковъ — зачѣмъ дескать на честныхъ, хорошихъ невѣстахъ не женится, а творя своей жизнью соблазнъ, другихъ во грѣхъ, въ искушеніе вводитъ... И много при томъ бывало непрошенныхъ заботъ объ участи Дуни. „Попало милое, неразумное дитятко въ мерзость грѣховную, говорили смотницы.... Чего насмотрится, чему научится?... Выростетъ большая, сама по тѣмъ же стопамъ пойдетъ.“ Такъ говорили приживалки, такъ говорили и обманувшіяся въ разчетахъ свахи.

Недобрыхъ слуховъ до Марка Данилыча никто довести не смѣлъ. Человѣкъ былъ крутой, властный — не ровенъ часъ, добромъ отъ него не отдѣлаешься. Но дошли, добѣжали тѣ слухи до Дарьи Сергѣевны.

Разъ поутру забѣжала къ ней одна изъ бродячихъ приживалокъ Ольга Панфиловна. Была она вдова губернскаго секретаря, служившаго когда-то въ полиціи и скончавшаго пьяные дни подъ заборомъ не вдалекѣ отъ питейнаго. Много гордилась Ольга Панфиловна званьемъ „чиновницы“, и тѣмъ что мужъ ея второй чинъ получилъ. Звала себя „благородною“, шляпки носила да чепчики, шлялась по дворянскимъ домамъ и чиновничьимъ, но не видя отъ нихъ большаго прилѣпу, нисходила посѣщеньями до „неблагородныхъ“, даже до самыхъ послѣднихъ мѣщанъ. Не было у ней постояннаго жилища—гдѣ день, гдѣ ночь привитала. И пожитки ея по всему городу были раскиданы: у исправницы сундукъ, у стряпчихи ларецъ, у казначейши постелишка — все у „благородныхъ“. И мыкалась бездомная Ольга Панфиловна вѣкъ свой промежъ дворовъ, переносила сплетни, рѣдкій творческій даръ имѣла— иной разъ такое выдумаетъ что послѣ сама надивиться не можетъ. Много бранили ее, было дѣло — колачивали, но возверзая печаль на Господа, мирилась она съ оскорбителями, и работать языкомъ не переставала. Ничѣмъ не оскорблялась Ольга Панфиловна, кромѣ одного только: если кто усомнится въ ея „благородствѣ“, если кто скажетъ что

чинъ губернскаго секретаря не важенъ. Глаза тому выцаралаетъ, если только сказавшій чиномъ еще не повыше.

Когда Ольга Панфиловна бойко влетѣла въ горенку Дарьи Сергѣевны, та за самоваромъ сидѣла. Большимъ крестомъ * помолившись на иконы и чопорно поклонясь „хозяюшкѣ", перелетная гостейка весело молвила:

— Чай да сахаръ!

— Къ чаю милости просимъ, не особенно привѣтно отозвалась ей Дарья Сергѣвна.

— Какъ живете, можете?... Всѣ ли здоровы у васъ, матушка?... Дунюшка свѣтикъ здорова ли? зачастила Ольга Панфиловна, снимая капоръ, и оправляя старомодный и крѣпко поношенный челчикъ.

— Слава Богу, живы, здоровы, молвила Дарья Сергѣвна.— Садитесь, чайку покушайте.

— Ну, и слава Богу что здоровы, здоровье вѣдь луще всего... затарантила Ольга Панфиловна.—Не клади а ты, сударыня, въ накладку-то мнѣ, сахаръ-отъ нонче вѣдь дорогъ. Мы вѣдь люди недостаточные, въ прикусочку все больше. Да не одинъ сахаръ, матушка, все стало дорогимъ-дорогохонько, приступу нѣтъ ни къ чему... Вышла я сегодня на базаръ, пришла ранымъ ранешенько, воза́ еще не развязывали, хотѣлось подешевле купить кой-чего на Масляницу... Ничего сударыня не купила, какъ есть ничего — соленый судакъ четыре да пять копеекъ, топлёно масло четырнадцать, грешнева мука полтинникъ. ** Икорки бы надо къ блинкамъ-то — купила бъ исправской, хорошенькой, да купилъ-то, *** Сергѣвнушка, нѣтъ, такъ я ужь пробоечекъ **** думала взять — и тѣ восьмнадцать да двадцать копеекъ, самы послѣднія... Какъ жить, чѣмъ бѣднымъ людямъ питаться? Сама посуди... Опять же дрова вздорожали какъ! Хоть мерзни съ холоду, хоть помирай съ голоду... Вотъ тебѣ хорошо, Сергѣвнушка, живешь безо всякой заботы, на всемъ на готовомъ, все есть у тебя, чего душенькѣ только угодно, а вспомни-ка прежне-то время, какъ съ маткой у насъ въ слободѣ

---

* Двуперстнымъ.

** Цѣны въ небольшихъ городкахъ на Горахъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ.

*** Купилы - деньги.

**** Остатки въ грохотѣ, послѣ приготовленія зернистой икры.

проживала. Покойница твоя, тоже вѣдь что и наша сестра, и горе и нужду видала, вѣкъ свой колотилась сердечная... Ну, а тебѣ вотъ за красоту за твою счастье досталось... Про Марка Данилыча нѣтъ ли вѣстей?... Пріѣдетъ чай къ Масляницѣ-то?

Хоть Дарья Сергѣвна не поняла злаго намека благородной приживалки, но какъ-то неловко ей стало, краска показалась на блѣдномъ лицѣ ея.

— Надо бы пріѣхать, отвѣтила. — Астраханскіи дѣла къ Срѣтенью кончилъ, со дня на день его ожидаемъ.

— Надо пріѣхать ему, надо, Сергѣвнушка, — тоже вѣдь заговѣнье, съ усмѣшкой сказала Ольга Панфиловна, лукаво прищуривъ быстро бѣгавшіе глазки. — До кого ни доведись, всякъ къ заговѣнью къ хозяюшкѣ торопится. А ты хоть не заправская, а тоже хозяйка.

Пуще прежняго вспыхнула Дарья Сергѣвна, вполнѣ понявъ наконецъ ядовитый намекъ благородной приживалки. Дрогнули губы, потупились очи, сверкнула слезинка. Не ускользнуло это отъ пытливыхъ взоровъ Ольги Панфиловны; замѣтивъ смущенье Дарьи Сергѣвны увѣрилась въ правотѣ сплетни, ею же пущенной по городу.

— Я вѣдь, Сергѣвнушка, такъ съ проста молвила, облокотясь на уголъ стола и подгорюнясь, заговорила она унылымъ голосомъ.—Отъ меня, мать моя, слава Богу, сплетокъ никакихъ до сихъ поръ никогда не выходитъ.... Смерть не люблю пустяковъ говорить... Я такъ только молвила, тебя жалѣючи, сироту беззаступную, знать бы тебѣ про людскія рѣчи, да иной разъ, сударыня моя, маленько и остеречься.

— Да чтой-то вы Ольга Панфиловна?... Про что говорите?.. съ горькими слезами въ голосѣ спросила растерявшаяся Дарья Сергѣвна.

— Ахъ Сергѣвнушка, Сергѣвнушка! Куда каково мнѣ жалко тебя горемычную!... участливо покачивая головой, со слезами даже на красныхъ, масляниcтыхъ глазахъ молвила Ольга Панфиловна. — Вѣдь весь городъ что въ трубы трубитъ, а ты и не знаешь ничего, моя горегорькая!... Вотъ ужь истинна-то правда, что въ сиротствѣ жить — только слезы лить, всѣ-то обидѣть сироту хотятъ, поклепы на нее несутъ да напраслины, а напраслина-то вѣдь что уголь, не обожжетъ такъ запачкаетъ... Въ трубы трубятъ,

сударыня, въ трубы трубятъ!... А все Аниська Красноглазиха—первая всякимъ злыднямъ заводчица... Сейчасъ на базарѣ попалась — такъ и судачитъ, такъ и судачитъ. И что ужь за языкъ у этой подлюхи — такъ вѣдь и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ... А ужь она ли кажется не оставлена милостями Марка Данилыла да твоими, Сергѣвнушка... И рыбкой-то ее не оставляете, и мучкой-то, и дровишками, шубу по осени справили злоязычницѣ... Вотъ тѣ и благодарность!.. Да и ждать другаго отъ Аниськи нечего... Кровь-то какая въ ней? Самая подлая: подкидышъ вѣдь она, дѣвицына дочка... Еслибъ въ ней хоть единая капелька благородной крови была, развѣ бы стала такія рѣчи нести про свою благодѣтельницу?... Говоритъ этакая подлая, будто ты, Сергѣвнушка, лѣтось ребеночка принесла!... Вотъ вѣдь аспидъ-отъ какой, вотъ ехидна-то!... Не стерпѣла я, Сергѣвнушка, выругала ее, такъ выругала, что надолго ей памятно будетъ. Тебѣ бы, говорю, денно и нощно Бога молить за Дарью Сергѣвну, а ты безстыжая гляди-ка каки новости распускаешь.... Сама ты, говорю ей, паскуда, и мать-то твоя была паскудная, да и тетка-то тоже, Матрешка калачница, весь, говорю, родъ твой самый подлѣющій, а ты смѣешь честную дѣвицу порочить... Да тебѣ, говорю, плетей мало за такія сплетки... Что Сергѣвнушка, говорю, сирота, такъ ты и думаешь что на нее всякую канитель можно плести... Нѣтъ, говорю, сударыня, я тебѣ этого не позволю; хоть, говорю, и не видывала я такихъ милостей какъ ты ни отъ Марка Данилыча ни отъ Сергѣвнушки, а въ глаза при всѣхъ тебѣ наплюю и что̀ знаю, все про тебя, все разкажу, какъ на ладонкѣ все выложу... Вотъ она какая, Сергѣвнушка, а ты еще ее одѣляешь всѣмъ.... И сегодня на базарѣ похваляется: что̀, это, говоритъ, за рыба — соленый судакъ?... мнѣ, говоритъ, отъ Смолокуровыхъ осетрины къ Масляницѣ пришлютъ да малосольной бѣлужины, да икры зернистой буракъ; приходи, говоритъ, ко мнѣ, хорошими блинками тебя угощу... А я ей: совѣсти, говорю, въ тебѣ нѣтъ, искаріотка ты подлая... Кто тебя кормитъ да жалуетъ, на тѣхъ и сплетки плетешь... Плюнула я на нее, матушка, да и прочь пошла... А она хоть бы бровью моргнула, хоть бы что̀ — такая безстыжая... Ахти, матушки!.. Закалякалась я съ тобой, Сергѣвнушка, а у меня квашня поставлена, творить надо — хлѣбы-то не перекисли бы... На минуточку забѣжала,

провѣдать только живы ли вы всѣ, здоровы ли, да вотъ и заболталась грѣхомъ....

Дарья Сергѣвна не отвѣчала. Ровно убитая сидѣла она, поникнувъ головою.

Размашисто надѣла и завязала свой капоръ Ольга Панфиловна, помолилась на иконы и стала на прощанье цѣловать Дарью Сергѣвну.

— Да ты Сергѣвнушка, не огорчайся, утѣшала она ее.— Мало-ль чего не навретъ Аниська Красноглазиха — всего отъ нея, паскуды, не переслушаешь. Плюнь на нее — собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Къ чистому срамота не пристанетъ... А вотъ это скажу: послѣ такихъ сплетокъ я бы такую смотницу не то что бы въ домъ, къ дому-то близко не подпустила бы, собакъ бы на нее на смотницу съ цѣли велѣла спустить, поганой бы метлой сбила ее со двора, чтобъ почувствовала она, подлая, что̀ значитъ на честны́хъ дѣвицъ сплетки плести.... Прощай моя сердечная, прощай моя миленькая.... Дунюшку поцѣлуй.... А если милость будетъ пришли-ка мнѣ на бѣдность къ Масляницѣ-то рыбешки какой ни на есть, да икорочки— вѣдь у васъ подвалы погреба отъ запасовъ-то ломятся.... Не оставь, Сергѣвнушка, яви такую милость, а Аниську Красноглазиху и на глаза къ себѣ не пущай, не то пожалуй и еще Богъ знаетъ чего наплететъ.

По уходѣ Ольги Панфиловны, Дарья Сергѣвна долго за чайнымъ столомъ просидѣла. Мысли у ней путались, въ умѣ помутилось. Не вдругъ могла сообразить она всю ядовитость рѣчей Ольги Панфиловны, не сразу могла представить что̀ люди толкуютъ про ея положенье. Въ головѣ шумитъ, въ глазахъ туманъ разстилается, съ мѣста двинуться не можетъ. Одно только слышится: „Въ трубы трубятъ, въ трубы трубятъ!..."

Вдругъ тихо-тихохонько растворилась дверь и въ горницу смиренно, степенно вошла маленькая, тщедушная, не очень еще старая женщина въ черномъ сарафанѣ, съ чернымъ платомъ въ роспускъ. По одёжѣ знать что „Христова невѣста". Положивъ уставно̀й поклонъ передъ иконами, низко пренизко поклонилась она Дарьѣ Сергѣвнѣ и молвила:

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ!... Съ преддверіемъ честно̀й Масляницы поздравляю васъ, сударыня.

Это была Анисья Красноглазова, того же поля ягода что и Ольга Панфиловна. Разница между ними въ томъ только

была что благородная приживалка водилась съ одними благородными, съ купцами да съ достаточными людьми изъ мѣщанства, а Анисья Терентьевна съ чиновными людьми вовсе не зналась; держалась одного купечества да мѣщанства.... Ольга Панфиловна хоть и крестилась большимъ крестомъ въ старообрядскихъ домахъ, желая тѣмъ угодить хозяевамъ, но какъ чиновница не считала возможнымъ раскольничать, потому де что это неблагородно. Отъ того водилась она и съ матушкой протопопицей, и съ попадьями и съ просвирнями. Аксинья Терентьевна старинки держалась—по Спасову согласію была. Раскольники этого толка дѣтей крестятъ и вѣнчаютъ въ церкви, но скорѣй голову на отсѣченье дадутъ, чѣмъ хоть на минутку войдутъ въ православный храмъ, хотя бъ и не во время богослуженія. Терентьевна не то что въ церковь, къ церковнику въ домъ войти считала такимъ тяжкимъ грѣхомъ что никакими постами, никакими молитвами его не загладить, не избѣжишь за него въ вѣчной жизни ни тьмы кромѣшной, ни пламени неугасающаго. Потому Красноглазихѣ въ старообрядскихъ домахъ и было больше довѣрія чѣмъ прощалыгѣ Ольгѣ Панфиловнѣ, что̀ ходя по раскольникамъ только изъ-за подарковъ прикидывалась вѣрующею въ „спасительность старенькой вѣры“, увѣряя что только по благородству своему не можетъ открыто войти въ „ограду спасенія“, и потому живетъ „Никодимски“. Какъ Никодимъ * тайно ко Христу приходилъ, такъ и она тайно приходитъ на поученіе и бесѣды о старой вѣрѣ. На свадьбахъ ли, на именинахъ ли, при другихъ ли какихъ случаяхъ на обѣдахъ и вечернихъ столахъ у Никоніанъ Ольга Панфиловна бывала непремѣнной участницей, хоть и не сажали ее за краснымъ столомъ, не пускали даже въ гостиныя комнаты, приспѣшничала она въ заднихъ горницахъ за самоваромъ, распоряжалась подачей ужина, присматривала чтобы пришлая прислуга чего не стащила. Анисья Терентъевна не то что у церковныхъ, и у раскольниковъ на пирахъ съ роду не бывала, всячески порицая ихъ и обзывая „бѣсовскими игрищами“. За то каждый разъ получала она отъ согрѣшившихъ „даяніе благо“, потому что очень ужь горазда была отмаливать грѣхи учреждавшихъ въ угоду дьяволу и на прельщеніе человѣкамъ демонскія празднества.

* Никодимами у раскольниковъ зовутся православные тайно придерживающіеся старообрядства.

Кромѣ того у Анисьи Терентьевны еще два промысла было, и оба тѣ промысла Ольгѣ Панфиловвѣ, какъ церковницѣ, были не съ руки. Покойникъ у кого изъ раскольниковъ случится—Анисья Терентьевна Псалтырь надъ нимъ бывало читаетъ, службу на праздникъ Господень либо на хозяйскіе именины въ моленной надобно справить—ее зовутъ. Былъ и еще у ней промыселъ, „мастерицей" была она, грамотѣ дѣтей обучала. За то получала плату съѣстными припасами, кой-чѣмъ изъ одёжи, деньгами рѣдко. Брала за выучку съ кого погодно, съ кого такъ: за азбуку плата, за Часовникъ другая, за Псалтырь третья. По домамъ обучать Красноглазиха не ходила, развѣ только къ самымъ богатымъ; мальчики, иногда и дѣвочки сходились къ ней въ лачужку, что̀ поставилъ ей какой-то дальній сродникъ на огородѣ, еще въ то время какъ она только что надѣла „черное" и пожелала на̀ вѣкъ остаться Христовой невѣстой. Дѣти всяки домашнія послуги ей отправляли—воду носили, дрова кололи, весной гряды копали, лѣтомъ пололи ихъ. Хоть эти работы въ уговоръ при отдачѣ въ науку ребятъ не входили, однакожь родители за то на Терентьевну не скорбѣли, а еще ей же въ похвалу говорили: „пущай де къ трудамъ пріучаетъ". Розогъ на ребятъ Красноглазиха не жалѣла, оплеухи, подзатыльники не ставились въ счетъ. Лѣнивыхъ и шалуновъ пугала „букой" либо „турлы-мурлы, желѣзнымъ носомъ", что̀ въ потьмахъ сидитъ, непослушныхъ дѣтей клюетъ и желѣзными когтями вырываетъ у нихъ изъ бока куски мяса. Когда дѣти подростая переставали рѣзвиться, когда зачинали, по выраженію Анисьи Терентьевны, Часословъ дёрма драть, тогда турлы-мурлы въ сторону, мѣсто его заступалъ дьяволъ съ хвостомъ, съ рогами, съ черной ееіопской образиной.... „Рыскаетъ онъ, поучала учениковъ своихъ Анисья Терентьевна, по землѣ, и кто Богу не помолясь спать ляжетъ, кто войдетъ въ никоніанскую церковь, кто въ постный день молока хлебнетъ, аль мастерицу въ чемъ не послушаетъ, того желѣзными крюками тотчасъ стащитъ на мученье во адъ преисподній." Поученья о дьяволѣ и адѣ расширяла мастерица когда ученики станутъ „Псалтырь говорить"—тутъ по цѣлымъ часамъ разказываетъ бывало имъ про козни бѣсовскія и такъ подробно расписываетъ мученія грѣшниковъ, будто сама только-что изъ ада выскочила. Еще подробнѣй

разказывала она про Антихриста. Онъ ужь пришелъ, по ея словамъ, въ міръ и царствуетъ въ Никоніанахъ: церковные попы — его жрецы идольскіе, власти—его слуги, творящіе волю сына погибельнаго, всяко „скоблено рыло“, * всякій щелотникъ, всякій табашникъ запечатлѣнъ его печатью. Сидитъ онъ въ церкви, въ судахъ, кроется въ щелоти, ** въ четвероконечномъ крестѣ, въ пяти просфорахъ, въ еретическихъ никоніанскихъ книгахъ. Все въ мірѣ растлѣно его прелестью: земля осквернена въ глубь на тридцать сажень, рѣки, озёра, источники нечисты отъ тлетворнаго его дыханья; потому и нельзя ни пить ничего, ни ѣсть, не освятивъ напередъ брашна иль питья особой молитвой. Залугавъ Антихристомъ и дьяволомъ учениковъ, поучаетъ бывало ихъ мастерица какъ должно жить и чего нет ворить чтобы не впасть во власть врага Божія, не сойти вмѣстѣ съ нимъ въ „тартарары“ преисподніе. О Господнихъ заповѣдяхъ, о любви къ Богу и ближнему ни единаго слова; пьянство, обманы, злорѣчье, клевета, воровство, даже распутство, все извинялось—то не грѣхи, но паденіе токмо, покаяніемъ можно очистить ихъ.... Уставные поклоны, постъ во дни положённые, а пуще всего „необщеніе со еретики“, вражда и ненависть къ церкви и церковникамъ—вотъ и всѣ нравственныя обязанности что внушаютъ раскольничьимъ дѣтямъ мастерицы. Творить брань со Антихристомъ и со всѣми его слугами — доблестный подвигъ, доставляющій въ здѣшнемъ мірѣ гоненія, а въ будущемъ неувядаемые, свѣтозарные вѣнцы. Такъ учила Анисья Терентьевна и за то далекò разносилась о ней громкая слава, какъ о самой мудрой учительницѣ.

Хоть Марко Данилычъ былъ по половщинѣ, однакожь Анисья Терентьевна очень надѣялась что какъ только подрастетъ у него Дуня, ее позоветъ онъ обучать дочку грамотѣ. Мастерицъ изъ половщинскаго согласу ни одной во всемъ городѣ не было, а Красноглазиха считалась самой лучшей, потому и разчитывала она на Дуню. Тутъ не куль муки за „Часословъ“, не овчинная шуба за выучку „всему до крошечки“—обученье единственной дочери такого богача не тѣмъ пахло.... И Анисья Терентьевна, еще ничего не видя, утѣшала ужь себя

---

* Брѣющіе бороду.

** Трехперстное крестное знаменье.

мыслію что Марко Данилычъ хорошенькій домикъ ей выстроитъ, наполнитъ его всѣмъ нужнымъ по хозяйству, да кромѣ того и деньженокъ на разживу пожалуетъ. Потому и забѣгала частенько къ Дарьѣ Сергѣвнѣ, лебезила передъ Маркомъ Данилычемъ, угождала во всемъ, а Дунюшку такъ ласкала, что всѣмъ только на диво. За то и не оставлялъ ее Смолокуровъ подарками.... И то злобой распаляло благородную Ольгу Панфиловну, спать не давало ей.

Семь лѣтъ Дунѣ минуло — срокъ „вдавати отрочатъ въ поученіе чести книгъ божественнаго писанія". Справивъ канонъ, помолясь пророку Науму да безсребренникамъ Кузьмѣ-Демьяну, Марко Данилычъ, подавъ дочкѣ азбуку въ золотомъ переплетѣ и точеную костяную указку съ фольговыми завитушками, самъ сталъ показывать ей буквы, заставляя говорить за собой: „азъ, буки, вѣди, глаголь...."

Дуня, какъ всѣ дѣти, съ большой охотой, даже съ самодовольствомъ принялась за ученье, но скоро соскучилась, охота отпала и никакъ не могла она отличить буки отъ вѣди. Сидѣвшая рядомъ Анисья Терентьевна сильно нахмурилась. Такъ и подмывало ее прикрикнуть на ребенка по своему, разсказать ей про турлы-мурлы, да не посмѣла Марка Данилыча. А отецъ, видя что мысли у дочки въ разбродъ пошли, отодвинулъ азбуку и ласково погладивъ Дуню по головкѣ, сказалъ:

— На первый разъ будетъ съ тебя, грамотница. Самъ-отъ я учить не гораздъ, да мнѣ же и некогда.... Самому хотѣлось только починъ положить, а учить тебя станетъ тетя Дарья Сергѣвна. Слушайся ее, да учись хорошенько, за то гостинца тебѣ привезу.

Улыбнулась Дуня, припала личикомъ къ груди тутъ же сидѣвшей Дарьи Сергѣвны. Какъ мука поблѣднѣла Анисья Терентьевна, задрожали у ней губы, засверкали глаза, запрыгали.... Прости, прощай новенькій домикъ съ полнымъ хозяйствомъ!... Прости, прощай изрядный капиталецъ на разживу! Дымомъ разлетѣлись завѣтныя думы, но опытная въ житейскихъ дѣлахъ мастерица виду не подала что сталось у ней на сердцѣ. Скрѣпя досаду, зачала выхвалять передъ Маркомъ Данилычемъ Дунюшку: и разуму-то она остраго, и такая дѣвочка понятливая, да такая умная. Смолокуровъ самодовольно улыбался, гладилъ умницу по головкѣ и велѣлъ выдать Анисьѣ Терентьевнѣ фунтъ чаю да голову сахару.

Съ того часу не взлюбила Красноглазиха и Марка Данилыча, и Дарью Сергѣевну, и даже ни въ чемъ передъ ней неповинную Дуню.. Но про злобу ту знали только грудь ея да подоплёка... Пуще прежняго стала мастерица лебезить передъ Смолокуровымъ, больше прежняго ласкать Дунюшку и при каждомъ свиданьи удавалось ей вылестить у „Марка богатаго" то мучки, то крупки, то рыбки, то дровешекъ на бѣдность. Дарью Сергѣевну главной злодѣйкой своею считала она за то что перебила у ней ученицу, какой досель не бывало и никогда не будетъ впередъ. Льстя ей въ глаза въ надеждѣ на подарки, заглазно старалась ей насолить. А чѣмъ недругу насолить крѣпче какъ не злымъ языкомъ?..

Не объ одной любви сердце сердцу вѣсть подаетъ, тайный ворогъ тѣмъ же сердцемъ чуется. Не слыхивала Дарья Сергѣвна отъ Красноглазихи слова неласковаго, не видывала отъ нея взгляда непривѣтнаго, а стало сдаваться ей что мастерица зло мыслитъ. Не взлюбила она Анисью Терентьевну, и была бъ ея воля, не пустила бъ ее къ себѣ на глаза, но Марко Данилычъ Красноглазиху жаловалъ, да и нельзя идти на перекоръ обычаямъ, а по обычаю маленькихъ городковъ Анисьи Терентьевны необходимы въ дому, какъ смѣтана ко щамъ, какъ масло къ кашѣ — радушно принимаются такія всюду, и если хозяева люди достаточные и тароватые, гостятъ у нихъ по долгу.

— Все ли въ добромъ здоровьѣ, сударыня? съ умильной улыбочкой спрашивала Анисья Терентьевна, садясь на краешекъ стула возлѣ двери.

— Слава Богу, сухо отвѣтила ей Дарья Сергѣвна, силясь оправиться отъ смущенья, наведеннаго на нее только-что ушедшей Ольгой Панфиловной.

— Дунюшка здоровенька ли?

— Слава Богу.

— Учится каково?

— Учится—ничего.

— Далеко ль ушла?

— Часословъ покончили, за перву каѳизму сѣла, отвѣтила Дарья Захаровна.

— Такъ, сударыня... Такъ и впрямь за Псалтырь сѣла... Слава Богу, слава Богу, говорила Анисья Терентьевна и маленько помолчавъ, повела умильныя рѣчи.

— А я на базаръ ходила, моя сударыня, да и думаю, давно не видала я болѣзную мою Дарью Сергѣвну, семъ-ка забреду я къ ней, семъ-ка погляжу на нее, да узнаю какъ всѣ вы живете-можете.... Вдругорядь когда-то еще выпадетъ досужее времечко—дѣла вѣдь тоже, сударыня, съ утра до ночи хлопоты, да и ходить-то, признаться, далеконько къ вамъ, а базаръ-отъ отъ васъ рукой подать, разъ шагнула, два шагнула и у васъ въ гостяхъ... А до базару заходила я къ Шигинымъ, забѣгала на едину минуточку—мальчонка-то ихній азбуку прошелъ, за Часословъ пора сажать, да вотъ друга недѣля ни каши не несетъ, ни плата, ни полтины. * Сами посудите, Дарья Сергѣвна, какъ же я за Часословецъ-отъ его безъ даровъ посажу?.. Не водится... И посмотрѣла же я на ихне житье-бытье: бѣднота-то какая, нищета-то, печь не топлена, мерзнутъ въ избѣ-то, а шабры говорятъ по тро-имъ де суткамъ не пьютъ, не ѣдятъ. Гдѣ полтину имъ взять, гдѣ платокъ купить, да еще кашу варить? Сама вижу—не изъ чего... А стары обычаи не преставишь.... Нельзя, не годится: въ малѣ порушишь — все преданіе порушишь... Нечего дѣлать, велю Ѳедюшкѣ, мальченкѣ-то ихнему, сызнова учить азбуку, пущай его зады твердитъ, покамѣсть батька съ маткой не справятся... Да гдѣ горемычнымъ имъ справиться, гдѣ справиться!... Совсѣмъ подрѣзались, все что было, и одежонку и постеленку, все продали, одно Божіе милосердіе ** покуда осталось... А большачокъ-отъ *** все куритъ, сударыня, все куритъ, каждый день во хмѣлю, каждый Божій день... Иной разъ въ кабакѣ, что супротивъ Михайлы Архангела, съ утра до ночи просидитъ, а домой приволочется, первымъ дѣломъ жену таскать. Она во всю мочь „караулъ", а онъ ее перекрикиваетъ: „жена да боится своего мужа! жена да боится своего мужа!.." Дѣло ночное, шабры сбѣгутся — сраму-то что, содомъ-отъ какой!.. Да этакъ, сударыня моя, кажинный-то

* Кромѣ условной платы за ученье, мастерица при каждой перемѣнѣ ученикомъ книги, то-есть при началѣ Часослова и при началѣ Псалтыря, получаетъ горшокъ свареной на молокѣ каши, платокъ, въ которомъ ученикъ несетъ этотъ горшокъ, и полтину деньгами. Кашу съѣдаютъ ученики, платокъ и деньги поступаютъ въ карманъ мастерицы. Старинный обычай, упоминаемый еще въ XV вѣкѣ, сохраняется доселѣ у раскольниковъ.

** Иконы.

*** Большакъ, большачокъ—мужъ.

день, кажинный день!... Не разъ усовѣстить его хотѣла: „что, говорю, срамникъ ты этакой, дѣлаешь?.. Что ты и себя и жену-то срамишь? Побойся, говорю, Бога-то, вѣдь ты не церковникъ какой, чтобъ тебѣ по кабакамъ дневать-ночевать!... Вѣдь ты, говорю, на все общество наше, на всю святую вѣру наводишь поношеніе. Послушай-ка молъ что Никоніане-то про тебя говорятъ!...“ Неймется, сударыня, что говори, что нѣтъ! И Бога не боится и людей не стыдится!... Охъ, охъ, охъ, охо! Дѣла наши дѣла, какъ подумаешь!...

Молча слушала Дарья Сергѣвна трещавшую какъ заведенное колесо мастерицу. Жалко стало ей голодавшихъ Шигиныхъ, а пуще всего бойкаго, способнаго на ученье Өедюшку. Вынула изъ сундука бумажный платъ и денегъ полтину. Подавая ихъ мастерицѣ, молвила:

— Вотъ тебѣ, Терентьевна, платокъ, вотъ тебѣ и полтина, сейчасъ велю работницѣ и крупы на кашу отсыпать, доучивай только пожалуйста Өедюшку какъ слѣдуетъ, сажай его за Часословъ поскорѣй. Знаю я мальчика — славный такой.

— Что ты, сударыня?... съ ужасомъ почти вскликнула Анисья Терентьевна.—Какъ смѣть старый завѣтъ преставлять?... Споконъ вѣку такъ водится, чтобы кашу да полтину мастерицамъ родители посылали.... Отъ чужихъ книжныхъ дачь не положено брать. Опять же надо мальчонкѣ по улицѣ кашу въ платѣ нести—всѣ бы видѣли да знали что за нову книгу садится онъ. Вотъ, мать моя, принялась ты за наше мастерство, учишь Дунюшку, а старыхъ порядковъ по ученью и не вѣдаешь!.. Ладно ли такъ-то?.. А?

— Да не все ль равно? молвила было Дарья Сергѣвна.

— Что ты, что ты, сударыня!.. Окстись! опомнись! громко вскликнула Анисья Терентьевна. — Какъ возможно только помыслить старину преставлять?... Послѣ того скажешь пожалуй: „не все ль де едино что въ два что въ три перста креститься“!...

— Экъ къ чему примѣнила!... начала было Дарья Сергѣвна, но мастерица и договорить ей не дала.

— Всяка перемѣна во святоотеческомъ преданіи, всяко новшество, мало ль оно, велико ли—Богу противно, строго, громко и внушительно зачала Анисья Терентьевна.—Если ты, сударыня, обучая Дунюшку, такъ поступаешь, великъ отвѣтъ предъ Господомъ дашь. Про тѣхъ что соблазняютъ малыхъ-то дѣтей какое слово въ Писаніи сказано? „Да обѣсится жерновъ

осельскій на выи его, да потонетъ въ пучинѣ морстѣй". Вотъ что̀ сударыня!..

— Чѣмъ же я соблазняю? спросила Дарья Сергѣвна.

— А премѣною древняго чина, подхватила Анисья Терентьевна. — Сказано: „малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ..." Са́ма мала отмѣна святоотеческаго преданія все тщетнымъ, все грѣховнымъ творитъ... Упрямится иной разъ у тебя Дунюшка-то?

— Бываетъ... отвѣтила Дарья Сергѣвна.—Нельзя же — ребенокъ.

— А ты что̀ съ нею дѣлаешь какъ она заупрямится, не захочетъ учиться, аль зашалитъ? спросила мастерица.

— Когда пожурю, а больше все лаской... Она вѣдь у насъ кроткая, послушная, сказала Дарья Сергѣвна.

— Пожурю! Лаской! съ насмѣшкой молвила Анисья Терентьевна. — Не такъ, сударыня моя, не такъ... Что̀ про́ это писано?.. А?.. Не знаешь?.. Слушай-ка что̀: „Не ослабляй бія младенца, аще бо лозою біеши его — не у́мретъ, но здравѣе будетъ, ты бо бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти; дщерь ли имаши—положи на ню гро́зу свою и соблюдеши ю отъ тѣлесныхъ, да не свою волю пріемши, въ неразуміи проку́дитъ дѣвство свое" *. Такъ-то, сударыня моя, такъ-то, Дарья Сергѣвна.

— Ну ужь этого никогда не будетъ, вспыхнула Дарья Сергѣвна. — Да и Марко Данилычъ пальцемъ тронуть ее не позволитъ...

— И погубитъ свое рожденіе! Безпремѣнно погубитъ, возвысивъ голосъ, горячо заговорила мастерица.—Сказано: „наказуй дѣти въ юности, да покоятъ тя на старости, аще же дѣти согрѣшатъ отцовскимъ небреженіемъ, ему о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати". Скажи ты это отъ меня Марку-то Данилычу.. Опослѣ' какъ выростетъ Дуня да согрѣшитъ, будетъ ему о́тъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и по́смѣхъ. Такъ-то, сударыня... Намедни какъ была я у васъ, поглядѣла на Дунюшку и поболѣла сердцемъ, охъ, каково горько поболѣла... Дѣвочка махонькая, а по всѣмъ горницамъ бѣгаетъ, по стульямъ скачетъ, да еще, прости Господи, мірски пѣсни поетъ... Тутъ бы сейчасъ дубцомъ ее, а тятенька смѣется, хохочетъ, да и ты тоже сударыня... Хорошо ль это?.. Что̀ про̀ это

* *Домострой*, XVII. Проку́дить — шалить, проказничать. Проку́дить дѣвство — лишиться цѣломудрія.

сказано? „воспитай дѣтище съ прещеніемъ и не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя“.* А Василій-отъ Великій что юнотамъ и отроковицамъ заповѣдалъ?.. А?.. Не знаешь, сударыня?.. „Безстрастіе тѣлесное имѣти, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и литіе немятежно“; а она у васъ намедни за обѣдомъ кричитъ, шумитъ, даже, прости Господи, мірску пѣсню запѣла... А отецъ-отъ ровно и не слышитъ, а тебѣ ровно и дѣла нѣтъ... Что дальше Василій-отъ Великій гласитъ?.. „При старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшимъ послушаніе...“ а я намедни стала было ее уговаривать маленько съ пристрастіемъ, про турлы-мурлы молвила ей, а она мнѣ языкъ высунула... Благочинно ли это, по Писанію ли?.. Отроковицамъ по Василію Великому „не дерзку быти на смѣхъ“, а она только и дѣла что гогочетъ у васъ, „стыдѣніемъ украшатися“, а она языкъ мнѣ высунула, „долу зрѣніе имѣти“, а она ровно коза лупитъ глаза во всѣ стороны... Хорошее ли то дѣло, совмѣстимо ль съ закономъ святоотеческимъ?.. Сама посуди, сударыня! Дѣвица ты не глупая, скажи по чистой по совѣсти: хорошо ли такую волю отроковицѣ дать?

— По моему нѣтъ тутъ вреда, молвила Дарья Сергѣвна.— Ребенокъ еще, пущай порѣзвится...

— Нѣтъ, мать моя! возразила Анисья Терентьевна. — Послушала бы ты что въ людяхъ-то говорятъ про твое обученье, да про то какъ учишь ты свою ученицу... Уши вянутъ, сударыня. Вотъ что.

— Мало ль что люди говорятъ, молвила Дарья Сергѣвна,— людскихъ рѣчей не переслушаешь.

— Что тутъ люди! Не люди, а я тебѣ говорю, вспыхнула Анисья Терентьевна.—Я, матушка, слава Тебѣ Господи, не одну сотню ребятъ переобучила. Знаю это дѣло въ досталь... На счетъ чего другаго—такъ; а ужь на счетъ учьбы со мной, сударыня, не спорь. Можетъ, верстъ ста на полтора кругомъ супротивъ меня другой мастерицы нѣтъ. Не въ похвальбу скажу, сколько ребятенокъ грамотѣ ни обучила, мужеска пола и женска, всѣ до единаго въ древлемъ благочестіи крѣпко пребываютъ, свято хранятъ отеческія преданія... А вы, сударыня, со своимъ Маркомъ Данилычемъ неповинную отроковицу отъ Бога отводите,

* Тамъ же.

съ бѣсомъ же на пагубу приводите... Да!.. Нечего, сударыня, лицо-то косить—не бойсь, не испугаюсь, всю правду матку выложу тебѣ какъ на ладонкѣ.... Губите вы, сударыня, со своимъ Маркомъ Данилычемъ отроковицу непорочну, губите!.. Да-съ!....

— Да чтой-то ты, Анисья Терентьевна?... Помилуй, ради Христа, съ чего ты взяла мнѣ такія слова говорить? взволнованнымъ голосомъ, но рѣшительно сказала ей на то Дарья Сергѣвна.—Что за дѣло тебѣ? Кто проситъ твоихъ совѣтовъ да поученій?

Спохватилась мастерица, что этакъ пожалуй и гостинца не будетъ, тотчасъ понизила голосъ, заговорила мягко, льстиво, угодливо. Затаенной язвительности не было больше слышно въ рѣчахъ ея, зазвучали онѣ будто сердечнымъ участьемъ.

— Ахъ, сударыня ты моя Дарья Сергѣвна! Вѣдь жалѣючи васъ, моя болѣзная, такъ говорю я вамъ. Можетъ, что не угодное молвила—не обезсудьте, не осудите, покройте нашу глупость своей лаской-милостью.... Изъ любви къ вамъ, матушка, изъ единой любви говорю, помнючи милости Марка Данилыча и ваши, сударыня.... Люди вѣдь зазираютъ, люди, матушка. Теперь у всѣхъ только и рѣчи что про васъ да про Дунюшкино ученье.... Извѣстно, сударыня, Марко Данилычъ такой богатей, дочка у него одна единственная. До кого ни доведись, всякому занятно посудить, порядить....

— Да что кому за дѣло? съ досадой молвила Дарья Сергѣвна.

— Народъ—молва, сударыня. Никто ему говорить не закажетъ. Ртовъ у народа много—всѣхъ не завяжешь.... Такъ говорила Анисья Терентьевна, отираясь бумажнымъ платкомъ и свертывая потомъ его въ клубочекъ. — Охъ, знали бъ вы да вѣдали, матушка, что въ людяхъ-то про васъ говорятъ.

— Что такое? чуть слышно спросила Дарья Сергѣвна. Вспомнились ей слова Ольги Панфиловны.

— Да вотъ хоть бы сейчасъ на базарѣ, отвѣтила Анисья Терентьевна.—Стоитъ Панфилиха у возовъ съ рыбой, а сама такъ и разсылается, такъ и разсылается.... И все-то про васъ, все-то про васъ да про Марка Данилыча.... Имъ, говоритъ, грѣховодникамъ и безъ вѣнца весело живется. Безъ стыда, говоритъ, живутъ ровно мужъ съ женой.... Да и пошла, и пошла.... А еще барыня, благородная!... Ну

да какъ же не благородная?... Стоитъ взглянуть на харю анаѳемскую, тотчасъ по рылу знать что не простыхъ свиней.... Отецъ-отъ отопкомъ щи хлѣбалъ, матенка на рогожкѣ спала, въ одномъ студёномъ шушунишкѣ * по пяти годовъ щеголяла, за то какая-то, лесъ ихъ знаетъ, была елистраторша, а дочку за секлетаря что ли тамъ за какого-то выдала.... Родословная, видишь!... А какое у нихъ родословье? Отъ ёрника балда, отъ балды шишка, отъ шишки комъ!... ** А вы еще, сударыня, такую ласкуду до себя допускаете! Перво на перво—невѣрная, у поповъ у церковныхъ, да у дьяконовъ хлѣбъ ѣстъ, всяко скоблено рыло, всякаго табашника и щепотника за добрыхъ людей почитаетъ, второ дѣло смотница, такая смотница, что не приведи Господи. Только на самое себя сплетокъ не плететъ, а то на всѣхъ, на всѣхъ, что ни есть на свѣтѣ людей.... А вы еще на глаза ее къ себѣ допускаете. Не дѣло, Дарья Сергѣвна, не дѣло!... Видите какая отъ нея благодарность-то — у кого ѣстъ да пьетъ, на того и зло мыслитъ.

Не отвѣтила Дарья Сергѣвна.

— Ахти засидѣлась я у васъ, сударыня, вдругъ встрепенулась Анисья Терентьевна. — Ребятенки-то поди собралися чай ко мнѣ на учьбу. Набѣдокурятъ еще пожалуй чего безъ меня проклятики — теперь поди чать на головахъ по горницѣ ходятъ... Прощайте, сударыня Дарья Сергѣевна. Дай вамъ Богъ въ добромъ здоровьѣ и въ радости честную Масляницу проводить. Прощайте, сударыня.

И тихой походкой, склоня голову, пошла вонъ изъ горенки.

Убитая нежданными вѣстями Дарья Сергѣвна вся погрузилась въ неиспытанное еще ею доселѣ горе отъ клеветы. Вся была поглощена тѣмъ горемъ. Краемъ уха слушала она росказни мастерицы про учьбу ребятишекъ, не охотно отвѣчала ей на укоры, что держитъ Дуняшу не по старин-

---

* Шушунъ—верхнее платье, въ родѣ кофты, изъ крашенины. Студеный шушунъ—сшитый не на ватѣ.

** Ерникъ—кривой, низкорослый кустарникъ по болоту, а также безпутный, плутъ, мошенникъ; балда—лѣсная кривулина, дубина, а также дуракъ, полоумный; шишка—наростъ на деревѣ, а также бѣсъ, чортъ (шишко, шишига); комъ — сукъ въ видѣ клуба на древесномъ наростѣ, а также драчунъ, забіяка (комша).

нымъ обычаямъ, но когда сказала она что Ольга Панфиловна срамитъ ее на базарѣ, какъ бы застыла на мѣстѣ, слова не могла отвѣтить... „Въ трубы трубятъ, въ трубы трубятъ!“ думалось ей, и когда мастерица оставила ее одну, изъ-за густыхъ рѣсницъ ея вдругъ заискрились горькія слезы. Дарья Сергѣвна пересѣла къ пяльцамъ, хотѣла дошивать канвовую работу, но не видитъ ни узора, ни вышиванья, въ глазахъ туманится, въ вискахъ такъ и стучитъ, сердце тоскуетъ, горячо обливается кровью. Опираясь на столы и стулья, вышла она въ другую горенку, думала стать на молитву, но ринулась на кровать и залилась слезами.

Клевета что стрѣла человѣка разитъ. На себя непохожа стала Дарья Сергѣвна: въ очахъ печаль, на лицѣ кручина. Горе, коль есть съ кѣмъ размыкать его — не горе еще, только полгоря. А ей кому подѣлиться печалью? Не Марку жь Данилычу сказать, не съ Дунюшкой про напраслину разговаривать!.. Съ нянькой, съ работницами, тоже говорить не доводится. Поймутъ развѣ онѣ ея кручину?... Пожалуй еще больше насплетничаютъ!.. Уйти изъ дому Смолокурова?.. А обѣтъ данный Оленѣ Петровнѣ на смертномъ одрѣ ея? Бога вѣдь ставила ей во свидѣтели, что замѣнитъ сироткѣ родную мать... Всѣ обиды стерпѣть, всѣ оскорбленья перенесть, а данной клятвы не изгубить!... Опять же Дунюшку жаль.... Какъ ее съ нянькой да съ работницами, одну оставить!.. Марко Данилычъ? Его дѣло мужское—гдѣ ему до всего доходить, опять же почасту надолго изъ дому отлучается.... Нельзя одну Дуню оставить, нельзя....

Долго думала Дарья Сергѣвна какъ бы дѣлу помочь, какъ бы не разставаясь съ Дуней, годъ, два, нѣсколько лѣтъ не жить въ одномъ домѣ съ молодымъ вдовцомъ и тѣмъ бы заглушить базарные пересуды и пущенную досужими языками городскую молву. Придумала наконецъ.

IV.

Прошла Масляница, наступилъ Великій Постъ. Дарья Сергѣвна таила въ сердцѣ скорбь, нанесенную ей благородной приживалкой и мастерицей! Три недѣли еще прошло—наступило „пролѣтье“, пришла Евдокія Плющиха весну

снаряжать. * Въ тотъ день Дуня была именинница, восемь годковъ тогда ей минуло. Марко Данилычъ надарилъ имениннице разныхъ подарковъ и называя ее уже „отроковицей“, веселился, глядя на дочку и любуясь разцвѣтавшею ея красотой. Рада была Дуня подаркамъ, съ самодовольствомъ называла себя „отроковицей“ — значитъ стала большая теперь, — нѣжно ластилась то къ отцу, то къ Дарьѣ Сергѣевнѣ. Евдокіинъ день въ томъ году въ среду на четвертой недѣлѣ поста приходился; по старинному обычаю за обѣдомъ подали „кресты“, испеченные изъ тертаго на орѣховомъ маслѣ тѣста. Въ одномъ изъ крестовъ запеченъ былъ на счастье двугривенный, онъ достался имениннице. Дѣвочка такъ и сіяла восторгомъ.

— Да, Марко Данилычъ, вотъ ужь и восемь годковъ минуло Дунюшкѣ, сказала Дарья Сергѣевна, только-что встали они изъ-за стола, — пора бы ее теперь учить хорошенько. Грамоту знаетъ, „Часословъ“ прошла, втору каѳизму читаетъ, съ завтрашняго дня думаю ее за письмо посадить... Да этого мало... Надо вамъ подумать кому бы ее отдать въ настоящее ученье.

— Кому же какъ не вамъ учить ее, Дарья Сергѣевна?.. молвилъ Марко Данилычъ. — Не Терентьиху же приставить къ ней...

— Всей бы душой рада я, Марко Данилычъ, да сама-то я не на столь обучена, чтобъ хорошенько Дунюшку всему обучить... Подумали бы вы объ этомъ, сказала Дарья Сергѣевна.

— Не въ Москву же въ пенсіонъ везти ее, нахмурясь слегка, сказалъ Смолокуровъ. — Пошло нынче это заведеніе по купечеству, у старообрядцевъ даже, только я на то не согласенъ... Потому — одно развращеніе! Выучится тамъ на разныхъ языкахъ лепетать, на музыкѣ играть, танцамъ, а какъ персты на молитву слагать, которой рукой лобъ перекрестить — забудетъ.... Видалъ я много такихъ, не хочу чтобъ Дуня моя хоть капельку на нихъ походила. Надо ее обучить всему, чему слѣдуетъ по древлему благочестію, ну и рукодѣльямъ тоже... Такъ это, я полагаю, и вы все можете.

— Ну нѣтъ, Марко Данилычъ, за̀ это взяться я не могу, сама мало обучена, возразила Дарья Сергѣевна. — Конечно,

* 1го марта празднуютъ преподобномученицѣ Евдокіи. Въ народѣ тотъ день зовутъ „пролѣтьемъ“, „Евдокіей-Плющихой“ (потому что снѣгъ тогда настомъ плющитъ). Говорятъ еще въ народѣ что Евдокія весну снаряжаетъ.

что̀ знаю, все передамъ Дунюшкѣ, только этого будетъ ей мало.... Она же дѣвочка острая, разумная, не по годамъ понятливая—черезъ годъ либо черезъ полтора сама будетъ знать все что̀ знаю я — тогда-то что̀ жь у насъ будетъ?

Марко Данилычъ задумался.

— Учителей что ли какихъ бы пріискали.... начала было Дарья Сергѣвна, но Смолокуровъ поспѣшно ее перебилъ:

— Это изъ училища-то что ли? Ни за что̀ на свѣтѣ!... Чему научатъ?... Какому бѣсу, прости Господи!

— Такъ другаго кого поищите, молвила Дарья Сергѣвна. — Подумайте объ томъ, Марко Данилычъ.

— Ладно, подумаемъ, отрывисто отвѣтилъ онъ и круто повернулся къ окну. Помолчала немножко Дарья Сергѣвна, другой разговоръ повела:

— Сегодня поста переломъ, Христовъ праздникъ не за горами. Кого располагаете звать страстную службу да свѣтлу заутреню въ вашей моленной отправить?...

— Кого позвать? Опричь Красноглазихи некого, отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Путаетъ много она по „Минеи-то“, сказала Дарья Сергѣвна. — По „Псалтырю“ * еще бредетъ, а по Минеи не сладить ей. Чтобъ опять такого жь соблазну не натворила, какъ въ прошломъ году.

— Это за часами-то въ Великую Пятницу? Изъ пятницы въ субботу переѣхала, засмѣялся Марко Данилычъ, отворачиваясь отъ окна.

— А въ позапрошломъ году помните, какъ на Троицу по „Общей Минеи“ стала было службу справлять, да изъ Пятидесятницы простое воскресенье сдѣлала?... Грѣхи только съ ней! улыбаясь, сказала Дарья Сергѣвна. — Къ тому жь и то надо взять, Марко Данилычъ, не нашего вѣдь согласу....

— Это еще не велика̀ бѣда, замѣтилъ Смолокуровъ.—Разница межь нами не великая — та же стара вѣра что у нихъ,

---

* Домашняя служба у старообрядцевъ справляется по Псалтырю, то-есть читается Псалтирь и послѣ каждой каѳизмы тропари празднику. Службою по Минеи или уставно̀ю называется та что̀ отправляется по уставу. Великимъ Постомъ справляютъ уставную службу по книгѣ „Минея Постная“, отъ поста до Троицы по книгѣ „Минея Цвѣтная“, въ прочіе дни по „Минеи Общей“.

что у насъ. Половъ только нѣтъ у нихъ, такъ вѣдь и у насъ они были да сплыли.

— Все-таки не единаго стада, молвила Дарья Сергѣвна.

— А вы ужь не больно строго, сказалъ на то Марко Данилычъ. — Что станешь дѣлать при такомъ оскудѣніи священства? Не то что попа, читалокъ-то нашего согласу по здѣшней сторонѣ нѣтъ ни единой. Поневолѣ за Терентьиху примешься... На Керженцъ развѣ не спосылать ли?... Въ скиты?..

— Оченно бы это хорошо было, Марко Данилычъ, обрадовалась Дарья Сергѣвна.—Тогда бы настоящая служба была у васъ. Всѣ бы нашего согласу благодарны остались вамъ. Можно бы старицу позвать, да хоть одну бѣлицу для пѣнія... Старица-то бы въ соборную мантію облеклась, бѣлица-то демественомъ бы Пасху пропѣла... Какъ бы это хорошо было! Настоящій бы праздникъ тогда!... Вотъ и Дунюшка подросла, а заправской службы Божьей она еще и не слыхивала, а тутъ поглядѣла бы, хорошехонько помолилась бы. Послушала бы пѣвицу...

— Зачѣмъ пѣвицу? Брать такъ ужь пятокъ либо полдюжину. Надо чтобъ и пѣніе и вся служба были какъ слѣдуетъ, по чину, по уставу, сказалъ Смолокуровъ. — Дунюшки ради хоть цѣлый скитъ приволоку, денегъ не пожалѣю... Хорошо бы старца какого ни на есть, да гдѣ его сыщешь? Шатаются, шутъ ихъ возми, волочатся изъ деревни въ деревню — шатуны такъ шатуны и есть... Нечего дѣлать, и со старочкой, Богъ дастъ, попразднуемъ... Только вотъ бѣда какая, Дарья Сергѣвна, знакомства-то нѣтъ у меня на Керженцѣ. Послать-то не знаю къ кому.

— Да вы бы къ Лещовымъ отписали, у нихъ по всѣмъ скитамъ знакомства есть, отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Мигомъ бы дохнули на Керженцъ вѣсточкой. Теперь четверта недѣля, къ Вербному воскресенью и старочка и бѣлицы были бы здѣсь. Нынче же Пасха ранняя, Благовѣщенье на Страстной придется, рѣки пропустятъ. Разойдутся не раньше Мироносицкой.

— Не раньше, согласился Смолокуровъ. — И въ самомъ дѣлѣ къ Лещовымъ, на Ветлугу писать. Никитѣ Петровичу точно всѣ Керженски обители знакомы, для меня онъ сладитъ то дѣло, сегодня жъ погоню къ нему нарочнаго.

Нефедъ Тихонычъ Лещовъ свойственникъ былъ Смолоку-

рову, на двоюродной сестрѣ Олены Петровны женатъ. Человѣкъ съ достаткомъ, но далеко не съ такимъ каковъ былъ у Марка Данилыча, отъ того и старался онъ при всякомъ случаѣ угодить богатому сватушкѣ. Только-что получилъ онъ письмо тотчасъ же въ путь дорогу—самъ поѣхалъ на Керженецъ, самъ обдѣлалъ дѣло; и наканунѣ Лазарева Воскресенія на дворъ Смолокурова въѣхали три скитскія кибитки, нагруженныя старицей Макриной да пятью бѣлицами. Старица и пѣвчія дѣвицы были съ Каменнаго Вражка, изъ обители Манееы Чапуриной.

Макрина уставщицей была, несмотря на великій праздникъ отправила ее Манееа къ Марку Данилычу, приказавъ помощницѣ ея матушкѣ Аркадіи заправлять въ обительской часовнѣ службой. Когда Лещовъ разказалъ дальновидной игуменьи про Смолокурова, про его богатства, про то что у него всего одна единственная дочь, наслѣдница всему достоянью и что отцу желательно воспитать ее въ древлемъ благочестіи, во всей строгости святоотеческихъ преданій, мать Манееа тотчасъ смекнула что изъ этого со временемъ можетъ выйти.... Потому исполняя желаніе Марка Данилыча, хоть и въ ущербъ благолѣпію службы въ своей часовнѣ, послала она пять наилучшихъ пѣвицъ праваго крылоса, а съ ними уставщицу Макрину, умную, вкрадчивую, ловкую на обхожденье съ богатыми благодѣтелями и мастерски умѣвшую обдѣлывать дѣла на пользу обители.

Отправивъ страстную и пасхальную службу Макрина не тотчасъ поѣхала отъ Смолокурова. Марку Данилычу старица Божія понравилась; цѣлые вечера проводилъ онъ съ ней въ бесѣдахъ не только отъ божественнаго писанія, но и о мірскихъ дѣлахъ; ловкая уставщица была въ нихъ очень свѣдуща... Много она ѣздила по дѣламъ обительскимъ, по всему старообрядству вела обширное знакомство и разказы ея были очень занятны Марку Данилычу. Сталъ онъ упрашивать ее прогостить Святую, а на Радуницѣ хорошенько помянуть родителей. Потомъ отъѣздъ келейницъ замѣшкался отъ того что дороги отъ распутицы попортились, рѣки стало опасно переѣзжать... Вскрылись рѣки, Марко Данилычъ сталъ Макрину упрашивать остаться до его именинъ, * потомъ до именинъ погибшаго въ морѣ брата, чтобъ

---

* День Св. Марка 25го апрѣля.

отпѣть за него поминальный канонъ.* А тутъ дня черезъ четыре Троица — не ѣхать же отъ такого праздника; черезъ недѣлю послѣ Троицы память по Оленѣ Петровнѣ.** Такимъ образомъ откладывая отъѣздъ день за́ день, недѣлю за недѣлю, комаровскія гостьи прожили у Смолокурова вплоть до Иванова дня.

Смолокуровъ до того времени въ скитахъ никогда не бывалъ, совсѣмъ не зналъ жизни обительской. Макрина въ продолженіи гостинъ много разказывала ему про житье-бытье матушекъ, про ихъ занятія, хозяйственность, богомолье. Марку Данилычу тѣ разказы пришлись по́ сердцу, обѣщалъ онъ щедро наградить Манеѳу за домашнія службы, въ его моленной отправленныя, и на будущее время быть навсегда благодѣтелемъ честно́й обители, если же мать Манеѳа съ сестрами будутъ согласны, то пожалуй и ктиторомъ сдѣлаться. Оставаясь съ глазу на́ глазъ съ Макриной, Дарья Сергѣвна иные разговоры вела: совѣтовалась съ ней на счетъ обученья Дунюшки. Жаль было разставаться ей съ воспитанницей, въ которую положила всю душу свою, но нестерпимо было и оставаться въ домѣ Смолокурова, послѣ того какъ узнала что про нея „въ трубы трубятъ“. Чтобъ не разлучаясь съ Дуней прожить нѣсколько лѣтъ внѣ Смолокуровскаго дома и тѣмъ заглушить недобрые слухи, задумала она склонить Марка Данилыча на отдачу дочери для обученья въ Манеѳину обитель. Только-что намекнула объ этомъ она матери Макринѣ, та съ обычной для нея ловкостью затѣянное дѣло на ладъ поставила. И были и небылицы по цѣлымъ вечерамъ стала разказывать Марку Данилычу про дѣвицъ обучавшихся въ московскихъ пансіонахъ и про тѣхъ что̀ дома у мастерицъ обучались. Называла по именамъ дома богатыхъ раскольниковъ гдѣ отъ того либо другаго рода воспитанія дочери вышли такія что не приведи Господи: однѣ Бога забыли, стали пристрастны къ нововводнымъ обычаямъ, грубы, непочтительны къ родителямъ, покинули стыдъ и совѣсть, ударились въ такія дѣла что не лѣть и глаголати.... другія, что̀ у мастерицъ обучались, всѣ сколько ихъ ни знала Макрина одна другой вышли глупѣе, какъ есть дуры дурами — ни встать, ни сѣсть не умѣютъ, а чтобъ съ хорошими людьми

* Св. Мокія 11го мая.

** Св. Елены 21го мая.

бесѣду вести, про то и думать нечего. Смолокуровъ соглашался съ красноглаголивой уставщицей, говорилъ что ему самому нерѣдко доводилось и тѣхъ и другихъ видать, и что не знаетъ онъ которы изъ нихъ хуже. „И то еще я замѣчалъ, говорилъ онъ, что пенсіонная, выйдя замужъ, рано ли поздно, хахаля себѣ заведетъ безпремѣнно, а не то и двухъ, а котора у мастерицы въ обученьи была, дура-то дурой окажется, да къ тому жь и злобы много въ себѣ накопитъ“.... А Макрина тотчасъ на тѣ рѣчи: „Съ мужьями у такихъ женъ, сколько я ихъ ни видывала, ладовъ никогда не бываетъ: взбалмошны, непокорливы, что ни день, то въ дому содомъ да драна грамота, и такимъ женамъ много отъ супружескихъ кулаковъ достается....“ Наговорившись съ Маркой Данилычемъ о такихъ женахъ и дѣвицахъ, Макрина ровно обрывала свои розказни, тотчасъ заводила рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ, а тамъ дня черезъ два опять поведетъ прежнія рѣчи... Дарья Сергѣвна въ одно слово съ ней говоритъ. Сумрачно глядитъ Марко Данилычъ, молчитъ и глубоко вздыхая, гладитъ по головкѣ ненаглядную дочку. Потомъ Макрина зачнетъ бывало разказывать про житье обительское, и будто мимоходомъ помянетъ про дѣвицъ изъ хорошихъ домовъ что̀ живутъ у Манеѳы и по другимъ обителямъ въ обученьи, называетъ поименно ихъ родителей: имена все крупныя, извѣстныя по купечеству. Называетъ обучавшихся и прежде въ скитахъ, а теперь вышедшихъ замужъ и ставшихъ добрыми, домовитыми, умными, попечительными хозяйками... Знавалъ Марко Данилычъ иныхъ изъ названныхъ Макриной и соглашался со старицей, что въ самомъ дѣлѣ жены онѣ добрыя, матери хорошія, потому главное, прибавлялъ онъ, живутъ во страхѣ Божіемъ. „Страхъ Божій при обученьи дѣвицъ у насъ въ обителяхъ первое дѣло, спѣшитъ бывало отвѣтить Макрина, потому что и въ Писаніи сказано: „страхъ Божій начало премудрости...“ И сказавши это опять замолчитъ, либо сведетъ рѣчь на другое. Потомъ черезъ день черезъ два снова зачинаетъ разказы какъ строго въ обителяхъ за дѣвицами смотрятъ, какъ пріучаютъ ихъ къ скромному и доброму житію по Господнимъ заповѣдямъ, какимъ обучаютъ рукодѣльямъ, какія книги даютъ читать, какъ поучаютъ ихъ добру старыя матери.

— Все это хорошо и добро, молвилъ какъ-то Марко Дани-

лычъ,—одно лишь не ладно, къ иночеству, слышь, у васъ молоденькихъ дѣвицъ склоняютъ, особливо тѣхъ которы побогаче... Разчетецъ извѣстенъ — останется въ обители, все внесетъ въ нее, чѣмъ благословятъ родители... Таковы, матушка Макрина, про скиты обносятся слухи.

— Не вѣрьте, Марко Данилычъ, то пустыя, наносныя рѣчи, сплетни однѣ отъ какихъ-нибудь недоброхотовъ, съ горячностью вступилась Макрина.—Мало ль чего ни говорятъ про насъ убогихъ, про насъ беззащитныхъ!... Не вѣрьте.... Бываетъ что старыя матери инымъ дѣвицамъ внушаютъ покрыть себя черною рясой... Таить не стану, это точно бываетъ. Только такіе совѣты не отецкимъ дочерямъ, не богатымъ дѣвицамъ внушаются, а сироткамъ, что̀ съ малолѣтства призрѣны въ обители Христа ради. Ни отца у сироты, ни матери, ни ближнихъ, ни сродниковъ, гдѣ жь ей сердечной въ міру главу преклонить? А въ обители мѣсто готово ей завсегда... Такихъ точно уговариваемъ, а богатыхъ, ни, ни... никогда.... Родныхъ своихъ тоже уговариваемъ, у которой старицы племяненка бѣдная, либо другая сродница есть, такихъ беремъ на воспитанье и точно иной разъ склоняемъ такую принять ангельскій чинъ... А отецкихъ дочерей какъ можно уговаривать?... Помилуйте!

Разговаривая такъ съ Макриной, сталъ Марко Данилычъ подумывать не отдать ли ему Дуню въ скиты обучаться. Тяжело только разстаться съ нею на нѣсколько лѣтъ... „А впрочемъ, подумалъ онъ, и безъ того вѣдь я мало ее голубушку видаю... Лѣто въ отъѣздѣ, по зимамъ тоже на долгіе сроки изъ дому отлучаюсь... Станетъ въ обители жить, скиты не за тридевять земель, въ свободное время завсегда могу съѣздить, поживу тамъ недѣльку-другую, полюбуюсь на мою голубушку, да опять въ отлучку, ворочусь изъ отлучки—опять къ ней.

И вотъ однажды подъ вечерокъ, сидя за чаемъ, сказалъ Смолокуровъ Макринѣ при Дарьѣ Сергѣвнѣ что думаетъ онъ Дуню къ нимъ въ обученье отдать.

Другая на мѣстѣ Макрины тотча́съ бы возрадовалась, но ловкая уставщица бровью не повела. Напротивъ; приняла озабоченный видъ и медленно покачивая головой, промолвила:

— Не знаю что̀ сказать вамъ на̀ это, Марко Данилычъ, не знаю какъ вамъ посовѣтовать. Дѣло такое, что надо объ немъ подумать да и подумать.

А Дарья Сергѣвна, хоть и радехонька рѣчамъ Марка Данилыча, но хмурится, будто ей непріятную вѣсть онъ сказалъ. Не молвила впрочемъ ни слова.

— Чего тутъ раздумывать? нетерпѣливо вскликнулъ Марко Данилычъ. — Сама же ты, матушка, не разъ говорила что у васъ дѣвичья учьба идетъ по хорошему... А у меня только и заботы чтобъ Дуня какъ выростетъ была бъ не хуже людей... Нѣтъ, ужь ты, матушка, рѣчами не отлынивай, а лучше со мной посовѣтуй.

— Ничего не могу я тутъ вамъ совѣтовать, Марко Данилычъ, никакого безъ матушки Манеѳы отвѣта дать не могу, смиренно, покорнымъ голосомъ отвѣчала Макрина. — Такого родителя дочку принять не бездѣлица!... Конечно, еслибъ это дѣло сбылось, матушка Манеѳа Дунюшку поближе бы къ кельѣ своей помѣстила, въ своей бы „стаѣ“. Да теперь врядъ ли тамъ возможно ее помѣстить.... Чапурина Патапа Максимыча не изволите ль знать?... Братецъ матушкѣ-то нашей по плоти: двухъ дочерей отдалъ къ ней, да третью дочку не родную, богоданную — сиротку онъ одну воспитываетъ. Четвертая съ ними живетъ матушкина воспитанница, тоже сирота безродная.... Вотъ четыре, пятая съ ними живетъ головщица. А горницъ-то всего три, и то не великія... Изъ этакого дома Дунюшкѣ-то и тѣсненько покажется тамъ — скучать бы не стала. Опять же не одну вѣдь вы ее къ намъ въ обитель привезете, кто-нибудь тоже будетъ при ней...

— Ну вотъ этого я ужь и не знаю какъ сдѣлать... И придумать не могу кого съ ней отпустить. Черныхъ работницъ хоть двѣ, хоть три предоставлю, а чтобъ въ горницахъ при Дунюшкѣ жить—нѣтъ у меня таковой на примѣтѣ.

— Работницъ не надо намъ, Марко Данилычъ, въ обители у насъ своихъ трудницъ довольно. Дунюшкѣ все онѣ изготовятъ: и помыть, и пошить, и поштопать, и новое платьице могутъ сшить, даже башмачки пожалуй справятъ когда, сказала Макрина.

— Ну это ладно, хорошо, молвилъ Марко Данилычъ. — А гдѣ жь такую намъ взять чтобы при ней завсегда была безотлучна, присмотрѣла бъ за ней?

— А я-то на что? вступилась Дарья Сергѣвна, вскинувъ глазами на Смолокурова. — Я съ Дуняшей поѣду.

— Какъ? удивился и съ досадой промолвилъ Марко Данилычъ.—А домъ-отъ какже?... Хозяйство-то?... Домъ-отъ тогда на кого я покину?

— Марко Данилычъ, пристально глядя на него, сказала Дарья Сергѣвна.—Развѣ вамъ неизвѣстно что живу я у васъ не ради хозяйства, а для Дунюшки?... Клятву дала я на смертномъ одрѣ Оленѣ Петровнѣ, обѣщалась ей за мѣсто матери Дунюшкѣ быть — и то обѣщанье передъ Творцомъ Создателемъ данное, сколько Господь мочи даетъ, исполняю... А на счетъ хозяйства вашего покойница мнѣ ничего не говорила и я ей слова въ томъ не давала... При Дунюшкѣ до ея возраста останусь, гдѣ бъ она ни жила, — конечно, ежели это вашей родительской волѣ будетъ угодно,—а отвезете ее, въ дому у васъ на одинъ день не останусь.

Повисла слеза на рѣсницѣ у Марка Данилыча когда вспоминалась ему женина кончина. Съ легкимъ укоромъ грустно онъ покачалъ головой и промолвилъ:

— А не просила она васъ, умираючи, чтобъ и меня не оставили совѣтомъ своимъ да заботами?... Попомните-ка?... Не говорила развѣ того?

— Говорила, потупляя глаза и слегка вспыхнувъ, отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Но вѣдь вы и того, думаю я, не забыли, послѣ какихъ уговоровъ, послѣ какого отъ меня отказа про то она говорила?

Смолкъ Марко Данилычъ, нахмурилъ брови и почесалъ въ затылкѣ.

— Все-таки однакожь... началъ было онъ, но не зналъ что̀ дальше сказать.

Подумавъ недолгое время, онъ молвилъ:

— Вы у меня въ дому все едино что братня жена, невѣстка то-есть. Такъ и смотрю я на васъ, Дарья Сергѣвна... Вы со мной да съ Дуней —одна семья.

— А люди какъ на̀ это посмотрятъ, Марко Данилычъ? строго взглянувъ на него, взволнованнымъ голосомъ тихо возразила Дарья Сергѣвна. — Ежели я отпустивши въ чужіе люди Дунюшку, въ вашемъ домѣ хозяйкой останусь, на что̀ это будетъ похоже?.. Что̀ скажутъ?.. Подумайте-ка объ этомъ...

— Чего сказать? Никто ничего не посмѣетъ сказать, рѣзко и мрачно отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Не говорите... съ горячностью сказала Дарья Сергѣвна.— Можетъ, и теперь ужь не знай чего на меня ни плетутъ!.. А тогда что̀ будетъ? Пожалѣйте и меня хоть маленько, Марко Данилычъ.

— Кто смѣетъ сказать про васъ что-нибудь нехорошее?... вскликнулъ Марко Данилычъ, и быстро вскочивъ съ дивана, зашагалъ по горницѣ крупными шагами. — Головы на плечахъ не унесетъ, кто посмѣетъ сказать нехорошее слово!..

— Перестанемъ о томъ говорить, спокойно промолвила Дарья Сергѣвна. — Отъ басенъ да отъ сплетенъ никому не уйти, заказу на нихъ положить невозмо̀жно. Послѣднее мое вамъ слово: будетъ Дунюшка жить въ обители, и я съ ней буду, исполню Оленушкинъ завѣтъ, не захотите чтобъ я при ней была, дня въ дому̀ у васъ не останусь... Христовымъ именемъ стану кормиться, а не останусь... А если приметъ меня матушка Манеѳа, къ ней въ обитель уйду, иночество надѣну, ангельскій образъ приму и тѣмъ буду утѣшаться, что хоть издали иной разъ погляжу на мою голубоньку, на сокровище мое безцѣнное.

И закрывъ руками лицо, зарыдала. Марко Данилычъ продолжалъ насупясь и молча ходить по горницѣ.

— Эхъ, Дарья Сергѣвна, Дарья Сергѣвна! горько онъ вымолвилъ. — Богъ съ вами!.. Не того я ждалъ, не то думалъ... Ну, да ужь если такъ—воля ваша... Дуню въ такомъ разѣ ужь вы не оставьте.

— Мое дѣло сторона, вмѣшалась при этомъ Макрина.— А по мо́ему разсужденью было бы очень хорошо еслибъ въ обители при Дунюшкѣ Дарья Сергѣвна жила. Разкажу вамъ что̀ у насъ въ Комаровѣ однажды случилось, не у насъ въ обители,—у насъ на этотъ счетъ оборони Господи,— а въ сосѣдней въ одной.

И пошла разказывать, ни такъ ни сякъ не подходящее къ дѣлу. Ей только надо было отвести въ сторону мысли Смолокурова; для того только и рѣчь повела.... И отвела... Мастерица была на такіе отвороты.

Дёнъ пять прошло послѣ тѣхъ разговоровъ. Про отправленье Дунюшки на выучку помина нѣтъ. Мать Макрина каждый разъ старается заминать разговоръ о томъ, если бывало зачнетъ его Марко Данилычъ, тоже и Дарья Сергѣвна. Иначе нельзя было укрѣпить его въ намѣреньи, не то пожалуй какъ

разъ какое ни на есть подозрѣнье найдетъ на него. Тогда ужь ничѣмъ не возьмешь.

Разъ при Макринѣ и при Дарьѣ Сергѣевнѣ посадилъ Марко Данилычъ Дуню къ себѣ на колѣни и лаская дочку, сказалъ:

— Хочешь уму разуму учиться, Дунюшка?

— Хочу, тятя, весело улыбаясь голубенькими глазками отвѣтила дѣвочка.

— Отдамъ я тебя матушкѣ Макринѣ, увезетъ она тебя къ себѣ домой и тамъ всему хорошему научитъ тебя, сказалъ Марко Данилычъ. — Поѣдешь съ матушкой Макриной?

На минутку Дуня задумалась. И быстро вскинувъ головкой, блеснула на отца взорами и спросила:

— А тетя Даша поѣдетъ?

— Нѣтъ, не поѣдетъ, молвилъ Смолокуровъ.

— Такъ и я не поѣду, отвѣтила дѣвочка.

— И учиться не станешь?

— И учиться безъ тети не стану, рѣшительнѣй прежняго молвила Дуня.

— А если мать Макрина безъ тети тебя увезетъ?

— Убѣгу.

— А поймаютъ?

— Тогда умру. Какъ мама померла, такъ и я помру, сказала Дунюшка, и такъ спокойно, такъ увѣренно, какъ будто говорила что вотъ посидитъ, посидитъ съ отцомъ да и побѣжитъ глядѣть какъ въ огородѣ работницы гряды копаютъ.

Заискрились взоры Марка Данилыча. Молча вышелъ онъ изъ горницы. Торопливо надѣвъ картузъ, пошелъ на городской бульваръ, вытянутый вдоль кручи, поднимавшейся надъ Окою. Медленнымъ шагомъ, понуривъ голову, долго ходилъ онъ между тощихъ, нераспустившихся липокъ.

Рѣка была въ полномъ разливѣ, верстъ на семь затопило луга, поло́и* и кустарники лѣваго берега. Попутнымъ вѣтромъ внизъ по рѣкѣ бѣжалъ моршанскій хлѣбный караванъ; стройно неслись гусянки и барки, широ̀ко раскинувъ полотняные бѣлые паруса́ и то́псели, слышались съ судовъ громкія пѣсни бурлаковъ, не тѣ что̀ поются надорванными ихъ голосами про дубину, когда рабочій людъ напирая изо

* Низменное мѣсто, затопляемое весною.

всей мочи грудью на лямки, тяжело ступаетъ густо облѣпленными глиной ногами по скользкому бечевнику и едва-едва тянетъ подачу. Ша́мра * бѣжитъ въ одну сторону съ судами, „святой воздухъ“ ** до полна̀ выдуваетъ „апостольскую скатерть“,*** и довольные попутнымъ вѣтромъ бурлаки, разметавшись по палубѣ на солнышкѣ, весело распѣваютъ про старыя казацкія времена, про поволжскую вольную вольницу. Громко, раздольно разносится въ свѣжемъ воздухѣ удалая пѣсня:

Разыгралася, разгулялася Сура рѣка—
Она устьицемъ пала въ Волгу матушку,
На томъ устьицѣ на Сурскомъ частъ ракитовъ кустъ,
А у кустика ракитова бѣлъ горючъ камень лежитъ,
Кругомъ камешка того люди добрые сидятъ,
А сидятъ они, думу думаютъ на дуванѣ,
Кому-то изъ молодцевъ что̀ достанется на долю....

И за что̀ это такъ полюбились простому народу разбойничьи пѣсни?.. Удальство вспоминаютъ, отвагу — вотъ отъ чего полюбились.

На другой гусянкѣ разда́лся дружный, громкій хохотъ — какой-то бурлакъ взявъ за обо́ру истоптанный лапоть и размахивая имъ, представляетъ попа съ кадиломъ, шуткой отпѣвая мертвецки пьянаго товарища ровно покойника—на такую-то вовсе несмѣшную шутку веселымъ смѣхомъ заливаются бурлаки....Вслѣдъ за тѣмъ веселымъ хохотомъ съ другой гусянки слышится неистовый вопль: „батюшки, буду глядѣть!... отцы родные, буду доваривать!... батюшки бурлаченьки, помилуйте!... родные, помилуйте!“ То бурлацкая артель самосудомъ расправлялась съ излюбленнымъ кашеваромъ, за то что подалъ на ужинъ не провареную какъ надо пшенную кашу...

По лону рѣки мелькаютъ лодочки рыбныхъ ловцовъ, вдали изъ-за колѣна рѣки выбѣгаетъ черными клубами дымящійся пароходъ, а клонящееся къ закату солнце горитъ въ высокомъ небосклонѣ, осыпая золотыми искрами рѣчную ша́мру; ширятся въ воздухѣ и сверкаютъ подъ лучами небеснаго свѣтила бѣлоснѣжные паруса̀ и то́псели, вдали по

* Рябь на водѣ во время ровнаго, не очень сильнаго вѣтра.
** Такъ бурлаки зовутъ попутный вѣтеръ.
*** Такъ бурлаки зовутъ надутый вѣтромъ парусъ.

красноватымъ отвѣснымъ горамъ праваго берега выдѣляются обнаженные, ровно серебряные, слои алебастра, синѣютъ на вѣнцѣ горъ дубовыя рощи, зеленѣетъ орѣшникъ густо поросшій по отлогимъ откосамъ. Ничего не видитъ, ничего не слышитъ Марко Данилычъ, ходитъ взадъ и впередъ по бульвару, одно на мысляхъ: „приходится съ Дуней разстаться!“

До глубокихъ сумерекъ проходилъ онъ вдоль кручи. Воротясь домой весь ужинъ промолчалъ, передъ отходомъ ко сну молвилъ Дарьѣ Сергѣевнѣ да матери Макринѣ:

— Рѣшилъ я. Стану просить мать Манеѳу приняла бы Дуню къ себѣ.... А вы ужь ее не оставьте, Дарья Сергѣевна, поживите съ ней покамѣсть будетъ она въ обученьи. Она жь и привыкла къ вамъ.... Обидно даже немножко—любитъ васъ пуще чѣмъ роднаго отца.

Радостно блеснули взоры Дарьи Сергѣевны, но она постаралась подавить радость, скрыть ее отъ Марка Данилыча, не показалась бы ему та радость обидною. „Тому-дескать рада что покидаетъ хозяйство, домъ бросаетъ Богъ знаетъ на чьи руки.“

V.

Макрина рѣшенью Марка Данилыча была еще больше рада чѣмъ Дарья Сергѣвна. „Большое спасибо скажетъ мнѣ мать игуменья за то что сумѣла уговорить такого богача отдать въ обитель единственную дочку свою“, такъ думала довольная своимъ успѣхомъ уставщица. Перечисляла ужь въ мысляхъ она сколько денегъ, сколько подарковъ получитъ обитель отъ новаго „благодѣтеля“, а ужь насчетъ запасовъ, особенно рыбныхъ, нечего и думать — завалитъ Смолокуровъ обительскіе погреба, хоть торгъ заводи: всю рыбу никакъ тогда не пріѣсть. Но этого мало показалось ревностной до обительскихъ выгодъ уставщицѣ, вздумалось ей еще поживиться на счетъ Марка Данилыча.

— О вашемъ рѣшеньи надо скорѣе отписать къ матушкѣ, обратилась она къ нему.—Вы какъ располагаете дочку-то къ намъ привезти?

— Да ужь лѣто-то пущай ее погуляетъ, пущай поживетъ со мной... Ради ея и на Низъ не поѣду—побуду остáнное время

съ Дунюшкой, нагляжусь на мою голубушку, сказалъ Смолокуровъ.

— Значитъ по осени? молвила Макрина.

— Да, послѣ Макарья — въ сентябрѣ что ли, отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Та́къ я и отпишу къ матушкѣ, молвила Макрина.—Приготовилась бы принять дорогую гостейку. Только вотъ что̀ сокрушаетъ меня, Марко Данилычъ. Жить-то гдѣ будетъ она? Келлій-то нѣтъ такихъ. Сказывала я вамъ намедни что въ игуменьиныхъ кельяхъ тѣсновато ей будетъ, а въ другихъ кельяхъ еще тѣснѣй, да и не понравится вамъ—не больно приборно.... А она, голубушка, вонъ къ какимъ хоромамъ пріобыкла.... Больно ужь ей не покажется.

— Какъ же тому пособить? сказалъ Марко Данилычъ и призадумался.

— Не знаю какъ это сдѣлать, Марко Данилычъ, не придумаю, отвѣтила хитрая Макрина. — Отписать развѣ матушкѣ, чтобы къ осени-то нову „стаю“ келій поставила.... Будетъ ли согласна, не знаю.

— А мѣсто гдѣ строиться есть? спросилъ Марко Данилычъ.

— Мѣста за глаза, на двадцать либо на тридцать стай достанетъ, сказала Макрина.

— За чѣмъ же дѣло стало? молвилъ Марко Данилычъ.— Отпишите матушкѣ, отвела бы поближе къ себѣ мѣстечко, а я на томъ мѣстѣ выстрою Дунюшкѣ домикъ.... До осени поспѣемъ и построить и всѣмъ его пріукрасить.

— Развѣ что такъ, молвила Макрина.—Не знаю только какое на то будетъ рѣшеніе матушки. Завтра же ей напишу.

— Да, ужь пожалуйста скорѣй напишите, торопилъ ее Марко Данилычъ. — Завтра жь кстати день-отъ почтовый, можно будетъ письмо отослать.

— Сегодня жь изготовлю, молвила Макрина и простясь съ Маркомъ Данилычемъ, предовольная пошла въ свою горницу. „Дѣльцо ладно обдѣлалось, думала она. Послѣ выучки домъ-отъ намъ достанется. А онъ домикъ хорошій поставитъ, приберетъ на богатую руку, всѣмъ разукраситъ, души вѣдь не чаетъ въ дочкѣ-то.... Скажетъ спасибо матушка, поблагодаритъ меня за пользу святой обители.“

Недѣли черезъ полторы Макрина получила отвѣтъ отъ игуменьи. Съ великой охотой брала Манеѳа Дуню въ обуче-

нье и обѣщалась для ея домика отвести мѣсто возлѣ своихъ келлій. На счетъ лѣсу писала, что по сосѣдству отъ Комарова, верстахъ въ пяти, въ одной деревнѣ у мужичка его запасено довольно, можно по сходной цѣнѣ купить, а лѣсъ хорошій, сосновый, крупный, вылежался хорошо—сухой. Одно только не знаетъ она, какъ строить его.... Галки, что̀ пришли на Керженецъ плотничать, всѣ теперь при мѣстахъ, подряжённой работы будетъ имъ вплоть до глубокой осени; а пріискать иныхъ плотниковъ и за дорогую плату теперь никакъ нельзя.

— Не матушкина бѣда, безъ нея справимся, молвилъ Марко Данилычъ, когда Макрина прочитала ему Манеѳино письмо. — Плотниковъ я найму и пошлю къ вамъ въ Комаровъ. Отписать только надо чтобъ тотъ лѣсъ, коли хорошъ, то̀тчасъ бы купили и на мѣсто перевезли. Что̀ будетъ стоить сочтемся, завтра же пошлю рублевъ съ тысячу до разчета. Зачинала бы только матушка дѣло-то скорѣй. Домъ надо будетъ ставить пятистѣнный, немного помолчавъ примолвилъ Марко Данилычъ. — Въ передней три либо четыре горницы для Дунюшки да для Дарьи Сергѣевны, въ задней для работницы горенку да стряпущую.

— Стряпущую-то пожалуй и не надо, молвила Макрина,— кушанье-то будетъ имъ отъ обители, изъ матушкиной кельи станутъ приносить, не то съ Чапуринскими дѣвицами станетъ обѣдать и ужинать. Поваднѣе такъ-то будетъ, онѣ жь ей погодки, * ровесницы—подругами будутъ.

— Этого, матушка, нельзя, возразилъ Смолокуровъ. — Вѣдь у васъ ни говядинки, ни курочки не полагается, а на рыбѣ на одной Дунюшку держать я не стану. Она вѣдь мірская, иночества ей на себя не вздѣвать — зачѣмъ же ей отвыкать отъ мяснаго? Въ положённые дни пущай ее мясное кушаетъ на здоровье.... Какъ это у васъ? Дозволяется?

— Конечно дозволяется, Марко Данилычъ, поспѣшила отвѣтить Макрина. — И Чапурински дѣвицы безъ курочки, аль безъ гуська за обѣдъ въ скоромные дни не садятся. Особо готовятъ имъ въ матушкиной стряпущей. Вотъ на счетъ говядины али свинины, на счетъ значитъ всякаго крупнаго — этого до сей поры у насъ не водилось.... Потому, знаете, живемъ на виду, отъ недобрыхъ людей клеветы могутъ пойти

---

* Одного возраста.

ло́ міру — говядину-дескать ѣдятъ у Манееиныхъ, скоромничаютъ. Ради соблазна не допущается... Да ваша дочка ина статья—матушка Манееа разрѣшитъ ей на всеядѣніе... Можно будетъ когда и говядинки...

— Ладно, хорошо, молвилъ Марко Данилычъ. — А вотъ еще: чай-отъ, я знаю, у васъ всѣ пьютъ, а какъ на счетъ кофею? Дунюшка у меня кофей любитъ.

— Такъ что̀ же? спросила Макрина.

— Да вѣдь кто пьетъ кофей, тотъ ковъ на Христа строитъ, усмѣхнулся Марко Данилычъ. — Такъ что ли у васъ говорится?

— Полноте, Марко Данилычъ!.. Никогда отъ насъ вы этого не услышите, возразила Макрина. — Всякъ злакъ на службу человѣкомъ, сказано...

— А табакъ?.. Вѣдь тоже злакъ?.. прищуривъ глаза и усмѣхнувшись, спросилъ уставщи́цу Марко Данилычъ.

— А что̀ же табакъ? сказала она. — И табакъ на пользу человѣкомъ. Ломота случится въ ногахъ — ничѣмъ какъ табакомъ лучше не пользуетъ. Обложи табачнымъ листо̀мъ больну ногу, облегченье получишь не малое.... Опять же мухъ изводить чего лучше какъ табакомъ? Червякъ вредный на овощь нападетъ, настой табаку да спрысни—какъ рукой сниметъ.... Вотъ курить, да нюхать—грѣхъ, потому что проти́ву естества.... Естествомъ и Божьимъ закономъ носу питанія не положено, такожде и дымомъ питанія не положено, а на полезную потребу отъ чего жь табакъ не употреблять — Божье созданіе, все едино какъ и другія травы и злаки.

— А на счетъ картофелю какъ? спросилъ Смолокуровъ.— У меня Дунюшка большая до него охотница.

— Это гулёна-то, гульба-то? * молвила Макрина.—Да у насъ по всѣмъ обителямъ на общу тра́лезу ее поставляютъ. Вкушать ее нималаго грѣха не поставляемъ, все едино что морковь, аль свекла, плодъ въ землѣ даетъ, во своемъ корню. У насъ у самихъ на огородахъ садя́тъ гулёну-то. По другимъ обителямъ больше съ торгу ее покупаютъ, а у насъ са́дятъ.

— Ладно, хорошо, довольнымъ голосомъ ска́залъ Марко Данилычъ. — А на счетъ служебъ?.. Которы дѣвицы у васъ обучаются, въ часовню-то ходятъ-ли?

— Какъ же не ходить? Ходятъ, безъ того нельзя, отвѣтила Макрина.

* Такъ зовутъ за Волгой картофель.

Марко Данилычъ поморщился.

— Неужто за всѣ службы? спросилъ онъ. — Вѣдь у васъ онѣ долгія, опять же къ утрени подымаются у васъ ранымъ-ранехонько....

— Зачѣмъ же живущимъ дѣвицамъ за всяку службу ходить? Не инокини, не пѣвчи бѣлицы, сказала Макрина.

— По воскресеньямъ бы часы только стояла, а къ утренѣ ходила бы развѣ только на самые большіе праздники — а то не неволить: ребенокъ еще, молвилъ Марко Данилычъ.

— Такъ у насъ и дѣлается, Марко Данилычъ, такъ у насъ и водится, сказала Макрина. — Вотъ Чапуринскія—вздумаютъ когда, пойдутъ въ часовню, не вздумаютъ — дома сидятъ — никто ихъ не неволитъ.

— А на счетъ одёжи? спросилъ Смолокуровъ. — Неужли Дунѣ черное вздѣть?

— Зачѣмъ это, Марко Данилычъ?.. Что за инокиня? У насъ и бѣлицы, какъ сами видите, цвѣтны передники да цвѣтны платочки на головахъ носятъ. А вашей дочкѣ и сарафанчики цвѣтные можно пошить. Одного только для живущихъ дѣвицъ у насъ не полагается — платьица бы нѣмецкимъ покроемъ не шили, да головку бы завсегда покровенну имѣли, хоть маленькимъ бы платочкомъ повязывались, потому что такъ по Писанію. Апостолъ-отъ Павелъ женскому полу повелѣлъ главу покровенну имѣти.... А косы съ лентами — можно. Еще перстеньковъ да колечекъ на перстикахъ не носить. На этотъ счетъ у насъ строго.

— Если все такъ, такъ по мнѣ ничего, молвилъ Марко Данилычъ.—А какъ на счетъ обученья? Это и для Дуни и для меня главное дѣло.

— На счетъ обученья вотъ какъ дѣло у насъ пойдетъ, сказала Макрина.—Конечно никто бы такъ не обучилъ Дунюшку, какъ еслибъ сама матушка за нее взялась, потому что учительнѣе нашей матушки по всему Керженцу нѣтъ, да и по другимъ мѣстамъ нашего благочестія едва ли гдѣ такая найдется. Однакожъ самой матушкѣ тѣмъ дѣломъ обязать себя никакъ невозможно. И немощна частенько бываетъ, и заботъ да хлопотъ у ней много — обителью-то править вѣдь не легкое дѣло, Марко Данилычъ. Опять же переписка у нея большая и все.... Невозможно, никакъ невозможно. Чапурински дѣвицы родныя племянницы ей по плоти, кажись бы своя кровь, и отъ нихъ отступилась, сердеч-

ная, мнѣ препоручила ихъ обучать.... Конечно, подъ ея надзоромъ и руководительствомъ обучаю.... Рукодѣльямъ старшія дѣвицы Дуню обучатъ, а самое-то нужное, самое-то главное обученье отъ самой матушки идетъ. Каждый Божій день дѣвицы вечеромъ чай кушать къ ней собираются и тутъ она ихъ поучаетъ какъ надобно жить по добру да по правдѣ, по евангельскимъ значитъ заповѣдямъ, да по уставамъ преподобныхъ отецъ.... Таково учительно говоритъ она съ ними, Марко Данилычъ, что не токма̀ молодымъ дѣвицамъ, и намъ, старымъ ино̀кинямъ, очень пользительно для души послушать ея наставленій... И все такъ кротко да любовно, поучительно.... Для выучки коли я въ угоду вамъ буду, такъ я, а не то и опричь меня другія старицы найдутся.... Божественнымъ книгамъ обучимъ, гражданской грамотѣ, писать—всему что̀ слѣдуетъ дѣвицѣ. Въ томъ, сударь, будьте покойны.

— Да вы пожалуй на чернецкую стать ее обу̀чите? молвилъ Марко Данилычъ.—Запугаете.... Вонъ у насъ мастерица Терентьиха: у той все турлы̀-мурлы̀, да Антихристъ, да вся супротивная сила.

— Какъ это возможно, Марко Данилычъ?.. возразила Макрина. — Не въ ино̀кини Дунюшку станемъ готовить, зачѣмъ же ее на чернецкую стать обучать? Носила бъ только въ сердцѣ страхъ Божій, да о̀пасно бы хранила себя отъ мірскихъ со̀блазновъ... Къ родителю была бы почтительна, любовь бы имѣла къ вамъ нелицемѣрную, повиновалась бы вамъ по Бозѣ во всемъ, старость бы вашу, когда достигнете ея, чтила, немощь бы вашу и всякую скорбь отъ всея души понесла бъ на себѣ. Душевную бы чистоту хранила, безстрастіе тѣлесное, отъ злыхъ бы и плотскихъ отлучалась, стыдѣніемъ себя украшала, въ нечистыхъ бесѣдахъ не бесѣдовала, а судьбу Господь пошлетъ—дѣлала бы супругу все ко благожитію, чадъ воспитала бы во благочестіи, о домѣ пеклась бы, простирала бы руцѣ своя на вся полезная, милость бы простирала къ бѣдному и убогому и тѣмъ возвеселила бы дни сожителя своего и лѣта его миромъ бы исполнила.... Вотъ чему у насъ мірскихъ дѣвицъ обучаютъ.

— Это все добро, хорошо, по Божьему, молвилъ Марко Данилычъ.—На счетъ родителя-то больше твердите, чтобъ во всемъ его почитала. Она у меня дѣвочка смышленая, притомъ же мягкосердая—вся въ мать покойницу.... Обучи̇те ее,

воспитайте мою голубоньку—сторицею воздамъ, ничего не пожалѣю. Доброту-то ея, доброту сохраните, въ мать бы была... Охъ, не знала ты, мать Макрина, моей Оленушки!... Ангелъ Божій была во плоти!... Дунюшка-то вся въ нее, сохраните же ее, соблюдите!... По гробъ жизни благодаренъ останусь....

По̀ лѣту Дунюшкѣ домикъ въ Манеѳиной обители поставили и какъ надо, по богатому его отдѣлали. Отъ Макарья Марко Данилычъ на его убранство всего навезъ: и обоевъ, и зеркалъ, и столовъ, и стульевъ, а все краснаго да орѣховаго дерева, посуды мѣдной, хрустальной, фарфоровой и всякой всячины для домашняго обихода накуплено было множество. Все было хорошее, цѣнное. Поварчивала мать Манеѳа на Смолокурова, зачѣмъ дескать столь дорогія вещи закупаешь, но Марко Данилычъ отвѣчалъ: „Нельзя же Дуню кой-какъ устроить, всѣмъ вѣдомы достатки мои, всѣ знаютъ что она у меня одна единственная дочь, недобрые, позорные слухи могутъ разнестись про меня по купечеству, ежели я на дочь поскуплюсь. Аредъ, скажутъ, этакой, для родной дочери пожалѣлъ, устроилъ ее въ скиту ровно сироту бесприданную. Такіе слухи, матушка, могутъ и кредитъ подорвать... Нѣтъ ужь я лучше все широкой рукой справлю, чего и не надо, пусть будетъ надобно.... Не перечьте вы мнѣ, матушка, Дуня отучится, вамъ же все достанется, не везти же мнѣ тогда добро изъ обители...“ И на то поворчала Манеѳа, хоть и держала на умѣ: „подай-ка Господи побольше такихъ благодѣтелей“.... И сдержалъ свое обѣщанье Марко Данилычъ; когда взялъ обученную дочку изъ обители — все покинулъ матери Манеѳѣ съ сестрами. Тогда Манеѳа посуду и всякое убранство къ себѣ забрала̀, Фленушкины горницы оскрасила, а иное что̀ и къ себѣ въ келью взяла, домикъ отдала на житье матери Макринѣ за ея усердіе. И когда года черезъ полтора Макрина померла, Манеѳа передала тотъ домикъ матери Таифѣ, обительской казначеѣ.

Передъ Вздвиженьемъ поселилась въ своемъ новенькомъ домикѣ маленькая хозяйка съ „тетей“ Дарьей Сергѣвной. На новоселье самъ Марко Данилычъ привезъ ихъ, и больше двухъ недѣль прогостилъ въ обители — все-то было жалко ему разставаться съ Дунюшкой.... Глядѣлъ сумрачно, невесело, мало съ кѣмъ говорилъ, видно что тяжкая кручина одолѣвала сердце его. Пришла наконецъ пора разста-

ванья, насилу оторвался Марко Данилычъ отъ дочки, а уѣхавши, миновалъ свой городъ и съ послѣднимъ пароходомъ сплылъ въ Астрахань, не глядѣть бы только на опустѣлый безъ Дунюшки домъ. И всю зиму до весны провелъ на чужой сторонѣ.

Въ обители всѣ полюбили Дуню Смолокурову, начиная съ матушки Манеѳы до послѣдней трудницы. А полюбили ее не только въ чаяніи богатыхъ подарковъ отъ Марка Данилыча, но больше за то что была Дуня такая добрая, такая умница, такая до всѣхъ ласковая. Мать Макрина по книгамъ учила ее, а когда иной разъ Таифа мѣсто ея заступала, на досугѣ и сама Манеѳа поучала ее какъ жить по доброму, по хорошему.... Рукодѣльнымъ работамъ Фленушка да Марьюшка обучали Дуню на ряду съ Чапуринскими дѣвицами: то у нея въ горницахъ собирались, то въ горницахъ Фленушки. Дарья Сергѣвна на шагъ не отпускала отъ себя Дуни — въ часовнѣ ли, на гулянкахъ ли, на ученьи ли, бывало не отойдетъ отъ нея. Никто изъ дѣвицъ, сама даже Фленушка, не смѣли при ней лишнихъ словъ говорить, отъ того выросши въ обители Дуня многаго не знала, о чемъ узнали дочери Чапурина. Ни соловьевъ въ перелѣсокъ слушать вмѣстѣ съ пріѣзжими купчиками не хаживала, ни разговоровъ нескромныхъ не слыхивала, ни проказъ дѣвичьихъ не видывала. Изо всѣхъ больше свыклась она съ Груней, богоданною дочкой Чапурина. И хоть та ее лѣтъ на пять постарше была, но дружба между ними завязалась неразрывная. Дарья Сергѣвна тому не препятствовала, видя какъ скромна, какъ добра, чиста и въ мысляхъ своихъ непорочна тихая, нѣжная, немножко всегда грустная и всегда къ чуждому горю чуткая богоданная дочка Патапа Максимыча. Груня имѣла большое вліянье на подраставшую дѣвочку, ее да Дарью Сергѣевну благодарить надо Дунѣ за то что проживши семь лѣтъ въ Манеѳиной обители всецѣло сохранила она чистоту душевныхъ помысловъ и внѣдрила въ своемъ сердцѣ стремленье къ добру и правдѣ, неодолимое отвращенье ко лживому, злому, порочному.

Разъ по пяти, иной годъ и чаще наѣзжалъ въ Комаровъ Марко Данилычъ поглядѣть на дочку и каждый разъ гащивалъ у нея недѣли по двѣ и по три. Строя домикъ, для своихъ пріѣздовъ нарочно съ боку прирубилъ онъ двѣ небольшія

горенки. Каждый пріѣздъ Смолокурова праздникомъ бывалъ не для одной Манеѳиной обители, но для всего скита Комаровскаго. Навезетъ бывало онъ Дунѣ всякихъ гостинцевъ, а какъ побольше выросла, цѣлыми кусками возилъ ей ситцы, холстинки, платки, синій кумачъ на сарафаны, и все это Дуня бывало, ото всѣхъ потихоньку, раздастъ по обителямъ, и „сиротамъ", да кромѣ того самымъ бѣднымъ выпроситъ денегъ у отца на раздачу.... Марко Данилычъ самъ никому ничего не давалъ, опричь рыбныхъ и разныхъ другихъ запасовъ, что̀ присылалъ къ матушкѣ Манеѳѣ, Дуня всѣмъ раздавала, отъ Дуни подарки всѣ шли; за то и ублажали ее ровно ангела небеснаго. За́ годъ до того какъ Дунѣ домой подъ отеческій кровъ воротиться, еще новый домикъ въ Манеѳиной обители построился, а убранъ и разукрашенъ былъ чуть ли не лучше Дунина домика — Марья Гавриловна жить въ Комаровъ изъ Москвы переѣхала. Марко Данилычъ съ богатой вдовой познакомился, просилъ ее не оставить Дунюшки. Ото всей души Марья Гавриловна полюбила дѣвочку, чуть не каждый день проводила съ нею по нѣскольку часовъ; отъ Марьи Гавриловны научилась Дуня тому обращенью, какое по хорошимъ купеческимъ домамъ водится.

VI.

Семь лѣтъ въ скиту выжила Дуня, и когда воротилась въ родительскій домъ, его не узнала. Поджидая дочку и зная что года черезъ два, черезъ три женихи начнутъ свататься, Марко Данилычъ весь домъ передѣлалъ и убралъ его съ невиданной въ томъ городкѣ роскошью—хоть въ само̀й Москвѣ любому милліонщику такой домъ завести. Но кромѣ отдѣланныхъ подъ мраморъ стѣнъ залы, кромѣ саженныхъ зеркалъ, штофныхъ занавѣсъ, бронзы и мелкоштучнаго паркета, еще одна новость появилась въ домѣ Смолокурова. Живя въ мрачномъ одиночествѣ Марко Данилычъ сталъ книги читать и мало-по-малу къ нимъ пристрастился. Сталъ собирать сначала только печатанныя при первыхъ пяти патріархахъ да старописьменныя, потомъ и новыя, гражданскія. Когда воротилась Дуня, и увидала шкапы со множествомъ книгъ, весело кивнула отцу миловидной головкой, когда онъ указавъ на книги сказалъ ей: „читай на досугѣ, Дунюшка,

тутъ есть чего почитать, хоть теперь ты у меня обучёная, а все-таки храни старую нашу пословицу: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“.

Возвратясь на старое пепелище довольна была и Дарья Сергѣвна. Въ семь лѣтъ злорѣчіе кумушекъ стихло и давно позабылось, теперь же когда „Христовой невѣстѣ“ стало ужь по́дъ сорокъ, и прежняя красота сошла съ лица, новыя сплетки заводить даже благородной вдовицѣ Ольгѣ Панфиловнѣ было не съ руки, пожалуй еще никто не повѣритъ, пожалуй насмѣется еще въ глаза вѣстовщицѣ. А это бы было ей пуще всего. Попрежнему приняла на свои руки Дарья Сергѣвна хозяйство въ домѣ Марка Данилыча и по просьбѣ его стала понемногу и Дуню пріучать къ домоводству.

Жизнь у Смолокуровыхъ была тиха, однообразна. Въ Манеѳиной обители если не живѣй, то гораздо шумнѣй и веселѣе было, чѣмъ въ полномъ роскоши и богатства домѣ Смолокурова. Тамъ у Дуни были дѣвицы-ровесницы, тамъ умная, добрая, привѣтливая Марья Гавриловна, ласковая Манеѳа, йнокини, бѣлицы, всѣ надышаться не могли на Дунюшку, на рукахъ носили ее. До́ма совсѣмъ не то: въ немногихъ купеческихъ семействахъ уѣзднаго городка ни одной дѣвушки не было что̀ бъ подходила къ Дунѣ по возрасту, изъ женщинъ рѣдкія даже грамотѣ знали, дворянскіе дома были недоступны—тогда еще такое время было что не только дворяне самые мелкопомѣстные, приказный людъ даже, уѣздные чиновники, на купцовъ смотрѣли съ высока́ и никакъ не хотѣли равнять себя даже съ тѣми у кого оборотовъ на сотни тысячъ бывало. Съ мѣщанскими дѣвицами нельзя было водиться—очень вольны, сойдись съ ними Дуня, не хорошая бъ слава пошла про нея... Все одна да одна, только и свѣту въ окошкѣ что Дарья Сергѣвна. И вышло такъ, что воротясь изъ монастыря, точно въ затворъ обѣ попали. Принялась Дуня за отцовскія книги. Старые, черные кожаные переплеты старинныхъ книгъ и въ обители ей приглядѣлись, за новыя принялась, за мірскія. Путешествія, описанья разныхъ городовъ и странъ, сказанья о временахъ минувшихъ читались и перечитывались ею. Другаго рода книгъ не было въ шкапахъ Марка Данилыча, другія почиталъ онъ „богоотводными“, либо „потѣшными“. Чтеніе книгъ раскрыло Дунѣ новый, невѣдомый дотолѣ ей міръ, цѣлые вечера бывало просиживала она надъ книгами, такъ что отецъ начиналъ ужь

немножко на дочку хмуриться, глазъ бы не попортила, либо сама, борони Господи, не захворала.

Шестнадцати лѣтъ еще не было ей когда воротилась она изъ обители, а досужія свахи тотчасъ одна за другой стали подъѣзжать къ Марку Данилычу—домъ богатый, невѣста одна дочь у отца, всякому охота Дунюшку въ жены взять. Сунулись было свахи съ купеческими сыновьями изъ того городка гдѣ жили Смолокуровы, но всѣмъ отказъ какъ шестъ. Сына городскаго головы сватали и тому такой же отвѣтъ.

Сынъ дворянскаго предводителя, часто гуляя по бульвару, подъ которымъ въ полугорѣ стоялъ домъ Смолокурова, поглядывалъ частенько въ подзорную трубку на Дуню, когда гуляла она по садику, либо на балконѣ съ книжкой сидѣла. Влюбился въ нее черезъ трубку.... Не мудрое дѣло,—у отца у его имѣнье висѣло на волоскѣ, а Дуня наслѣдница перваго богача по окрестности, милліонщика. Свахъ не засылали, самъ предводитель пріѣхалъ къ Марку Данилычу посватать сынка. Думалъ онъ что Смолокуровъ до потолка вспрыгнетъ отъ радости, вышло не то: Марко Данилычъ ему на отрѣзъ отказалъ, говоря что дочь у него еще молода, про жениховъ ей рано и думать, да еслибъ и постарше была, онъ бы ее за дворянина не выдалъ, а только за своего брата купца, и тоже съ хорошимъ капиталомъ. Послѣ того никто изъ помѣщиковъ не захотѣлъ вѣнчаться съ „мужичкой", хоть каждому хотѣлось породниться со Смолокуровымъ ради поправки обстоятельствъ. Стали свататься купцы-женихи изъ большихъ городовъ, изъ самой даже Москвы, но Марко Данилычъ всѣмъ говорилъ что Дуня еще не перестарокъ, а родительскій домъ ей еще не надоѣлъ. Когда же минуло Дунѣ восьмнадцать лѣтъ, подарилъ ей обручальное колечко, примолвивъ чтобъ она, когда придетъ время, выбирала жениха по мыслямъ, по своей волѣ, а онъ замужствомъ ее нудить не станетъ. Говорено это было Великимъ Постомъ, а послѣ того Смолокуровъ виду не подавалъ, никакого намеку не сдѣлалъ на счетъ этого, а самъ съ собой такую думу раздумывалъ: „гдѣ жь въ нашемъ городишкѣ Дунѣ судьбу найти?.. Людей здѣсь не видать, да и видѣть-то, признаться, некого, подходящихъ нѣтъ ни единаго". Придумалъ къ Макарью свозить ее на ярмонку, въ Ярославль оттуда на пароходѣ прокатиться, потомъ Москву показать. А до тѣхъ поръ вздумалось ему свозить Дуню на Ветлугу въ

село Воскресенское къ ея сроднику Лещову. Самъ-отъ каждый годъ онъ къ нему къ Нефедову дню на именины ѣзжалъ. У Лещовыхъ гостей было много, но Дуня никого даже не замѣтила, но бывши съ отцомъ въ Петровъ день на старомъ своемъ пепелищѣ, въ обители матушки Манефы, казанскаго купчика Петра Степаныча Самоквасова маленько запримѣтила.

Къ первому Спасу Марко Данилычъ Дуню къ Макарью повезъ, поѣхала съ ними и Дарья Сергѣвна. Оптовый торгъ рыбой прямо съ судовъ ведутъ; потому и не было у Смолокурова въ ярмонкѣ лавки ни своей ни наемной, каждый годъ живалъ онъ на которой-нибудь изъ баржей, каюты хорошія были въ баржахъ-то устроены. Но нельзя же Дуню на баржу везти, непривычный человѣкъ за полверсты отъ рыбнаго каравана носъ затыкаетъ, очень ужь не хорошо отъ него попахиваетъ. Помѣстились въ гостиницѣ, не на ярмонкѣ, гдѣ ужь очень шумно и безпокойно было, а на городской сторонѣ.

Устроившись на квартирѣ, Марко Данилычъ поѣхалъ съ Дуней на ярмонку. Какъ ни уговаривалъ онъ Дарью Сергѣвну ѣхать съ ними „подъ Главный Домъ", она не согласилась.

Обширное зданіе Главнаго Дома стоитъ въ самой срединѣ ярмонки, подъ его арками устроены небольшія лавочки съ разными блестящими товарами. Тутъ до самыхъ, не высокихъ впрочемъ, сводовъ развѣшаны персидскіе ковры, закавказскія шелковыя ткани, роскошные бухарскіе халаты, кашмировыя шали, разложены екатеринбургскія работы изъ малахита, топазовъ, аквамариновъ, аметистовъ, бронза, хрусталь, мраморныя изваянія. При яркомъ освѣщеньи все это горитъ, блеститъ, сверкаетъ и переливается радужными лучами. Въ срединѣ на досчатомъ возвышеньи играетъ музыка, кругомъ кишитъ разнообразная толпа. Тѣснятся тутъ и разряженныя въ пухъ и прахъ губернскія щеголихи, и дородные купцы съ золотыми медалями на шеѣ, и глубокомысленные земскіе дѣятели съ толстыми супругами подъ руку, и вертлявые, тоненькіе молодые чиновники судебнаго вѣдомства и гордо посматривающіе вкругъ себя пѣхотные офицеры. Вотъ казанскіе Татары въ шелковыхъ халатахъ съ золотыми тибетейками на бритыхъ головахъ важно похаживаютъ съ чернозубыми женами, прикрывшими бѣлыми флеровыми фатами густо набѣленныя лица, вотъ длинноносые Армяне въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, съ патронташами

на чекменяхъ * и съ кинжалами на кожаныхъ съ серебряными насѣчками поясахъ, Евреи въ длиннополыхъ сертукахъ, съ рѣзко очертанными, своеобразными обличьями; молча, какъ будто лѣниво похаживаютъ задумчивые, сдержанные Англичане, трещатъ и громко хохочутъ Французы съ наполеоновскими бородками, и съ какой-то торжественностью тихо двигаются гладко выбритые, широколицые саратовскіе Нѣмцы; неподвижно стоятъ разинувъ рты на невиданныя диковинки деревенскія молодицы въ московскихъ ситцевыхъ сарафанахъ съ разноцвѣтными шерстяными платками на головахъ.... Разноязычный говоръ заглушаетъ музыку, когда не гремитъ она трескучими трубами, оглушающими литаврами и бьющими дробь барабанами.... Ошеломили Дуню и этотъ шумъ, и этотъ блескъ, и эта пестрая, тѣсная толпа. Много людей, ни одного знакомаго лица, и тамъ и тутъ говорятъ непонятно, не порусски, вездѣ суетливость, тревожность. Мутится у Дуни въ очахъ, сердце такъ и стучитъ, голова кружится, стало ей страшно; тихо проситъ отца удалиться отъ шума и гама. Но не слышитъ онъ дочернихъ рѣчей, встрѣтивъ знакомца, пустился съ нимъ въ разговоръ про цѣны на икру да на сушь. **

Вдругъ передъ Дуней Петръ Степанычъ Самоквасовъ. Поздоровался онъ съ Смолокуровымъ. Марко Данилычъ радъ нечаянной встрѣчѣ. Кончивъ съ знакомцемъ разговоръ о судакѣ, заботливо сталъ онъ разспрашивать Самоквасова давно ли на ярмонкѣ, откуда пріѣхалъ, и долго ль останется у Макарья. Петръ Степанычъ почтительно, и лишь съ едва замѣтной радостью во взорѣ, поклонился Дунѣ. Просіяла она, улыбнулась ясной, открытой улыбкой, потомъ вспыхнула и опустила голубые глазки. Замѣтилъ Петръ Степанычъ и улыбку и разлившійся по лицу румянецъ и вдругъ стало ему съ чего-то весело. Но онъ осторожно и сдержанно выражалъ радость, вдругъ охватившую душу его. Нѣжно поглядывая на Дунюшку, разказывалъ онъ Марку Данилычу что пріѣхалъ ужь съ недѣлю, а пробудетъ на ярмонкѣ до флаговъ, *** что онъ, послѣ того какъ видѣлись на праздникѣ у Манеѳы, дома въ Казани еще не бывалъ, что поѣхалъ тогда по дѣламъ въ Ярославль да въ Москву, тамъ вздумалось ему прокатиться по новой еще тогда желѣзной

* Чекмéнь — короткій полукафтанъ съ перехватомъ.

** Сушеная на солнцѣ рыба.

*** Спускъ ярмоночныхъ флаговъ 25го августа.

дорогѣ, сѣлъ, поѣхалъ, попалъ въ Петербургъ, да тамъ и застрялъ на мѣсяцъ.

— А вы давно ли здѣсь, Марко Данилычъ? спросилъ Петръ Степанычъ, кончивъ разказъ про петербургскую поѣздку.

— Съ сегодняшнимъ пароходомъ, отвѣтилъ Марко Данилычъ.—Ярмонку дочкѣ хочу показать, прибавилъ онъ улыбаясь и съ любовью взглянувъ на Дуню.

— А вы никогда еще не бывали на ярмонкѣ? Въ первый разъ? спросилъ Самоквасовъ, быстро повернувъ голову и взглянувъ въ лицо Дунѣ.

— Въ первый разъ, проговорила она и потупилась.

— Что жь понравилась вамъ? опять спросилъ Петръ Степанычъ, обливая взоромъ разгорѣвшееся личико дѣвушки.

— Шумно очень, отвѣтила она.

— А вы не любите шума? продолжалъ онъ спрашивать.

— Не люблю, потупивъ глаза сказала Дуня.

— Дѣло не привычное, улыбаясь на дочь, молвилъ Марко Данилычъ.—Людей-то еще мало видала. Нашъ-отъ городъ махонькой да тихой, на улицахъ-то ни души, травой поросли онѣ. Гдѣ жь ей было людей-то видѣть?... Да ничего, обглядится, маленько попривыкнетъ. Согрѣшить хочу для нея, въ циркъ повезу, въ театры....

— Нѣшто грѣхъ? усмѣхнувшись, спросилъ Самоквасовъ.

— А нѣшто спасенье? засмѣялся Смолокуровъ.

Разстались. На прощаньѣ другъ отъ друга узнали что остановились въ одной гостиницѣ.

— Значитъ, сосѣди, видѣться будемъ. Милости просимъ насъ посѣтить, чайку когда покушать, съ теплымъ радушіемъ молвилъ Самоквасову Марко Данилычъ.

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, отозвался Петръ Степанычъ. Скромно, вѣжливо поклонился онъ сначала отцу, потомъ дочери и скрылся въ толпѣ.

— Поѣдемъ, тятенька, домой, сказала Дуня отцу тотчасъ по уходѣ Самоквасова.

— Рано еще, всего восьмой часъ, молвилъ Марко Данилычъ.—Погуляемъ... Можетъ, еще кого изъ знакомыхъ встрѣтимъ.

— Голову что-то ломитъ... Съ дороги должно-быть... сказала Дуня.

— Какое съ дороги? сказалъ Смолокуровъ.—Ѣхали недолго, шести часовъ не ѣхали, не трясло, не било, ни дож-

демъ не мочило.... Ты же все лежала на диванчикѣ — съ чего бы кажись головкѣ разболѣться?... Не продуло ль развѣ тебя, какъ на верхъ выходила?

— Тепло я одѣта была, отвѣтила Дуня.

— Это съ непривычки. Вишь народу-то что!... А музыка-то? Не слыхивала такой? Почище нашего органа? А? Ничего, привыкай, привыкай, Дунюшка, не все жь въ четырехъ стѣнахъ жить, придется и выпрыгнуть изъ родительскаго гнѣздышка.

Не отвѣтила Дуня, но крѣпко прижалась къ отцу. Въ то время толпа напирала, и прямо передъ Дуней сталъ высокій, чуть не въ косую сажень Армянинъ.... Устремилъ онъ на нее тупоумный, сладострастный взоръ, и отъ восторга причмокивалъ даже губами. Дрогнула Дуня — слыхала она что Армяне у Макарья молоденькихъ дѣвушекъ крадутъ. Потому и прижалась къ отцу.

Протѣснился Марко Данилычъ въ сторону, сталъ у прилавка, гдѣ разложены были екатеринбургскія вещи.

— Выбирай, что̀ по мысли придется, сказалъ онъ, становясь рядомъ съ дочерью.

Продавецъ то́тчасъ сталъ снимать съ по́локъ замшевыя коробочки, сафьянныя укладочки, маленькіе ларчики и раскладывать ихъ передъ Дуней. Но блестящіе, играющіе разноцвѣтными лучами самоцвѣтные камни не занимали ее. Душно ей было, на просторъ хотѣлось, а восточный человѣкъ не отходитъ, какъ вкопаный съ боку прилавка сталъ и не сводитъ жадныхъ глазъ съ Дуни, а тутъ еще какой-то офицеръ съ наглымъ видомъ уставился глядѣть на нее. Робѣетъ Дуня, не глядитъ на разложенныя передъ ней вещи и почти сквозь слезы проситъ отца: „Поѣдемъ домой, пожалуста поѣдемъ!“ Согласился Смолокуровъ, поѣхали.

Когда воротились, Дарья Сергѣевна встревожилась, взглянувъ на на́званную племянницу... На себя была не похожа — лицо разгорѣлось, нижняя губка дрожала. Старалась Дуня успокоить „тетю“, дѣлала надъ собой усиліе, чтобъ не выказать волненья, принужденно улыбалась, но волненье выступало на лицѣ, дрожащій блескъ вспыхивалъ въ голубыхъ глазкахъ и невольная слезинка сверкала въ темныхъ, длинныхъ рѣсницахъ. Перепугался и Марко Данилычъ, никогда не видывалъ онъ Дуню такою, и сама Дуня удивилась, взглянувъ на себя въ зеркало. Засуетились и отецъ

и Дарья Сергѣвна.... Несмотря на увѣренья Дуни что никакой боли она не чувствуетъ, что только въ духотѣ у нея голова закружилась, Марко Данилычъ хотѣлъ-было посылать за лѣкаремъ, но Дарья Сергѣвна уговорила оставить больную въ покоѣ до у̀тра, а тамъ посмотрѣть что̀ надобно будетъ дѣлать. Не очень жаловала она лѣкарей, не хотѣлось ей чтобъ лѣчили они Дунюшку.

— Прохватило должно-быть на пароходѣ, въ полго̀лоса говорилъ встревоженный Марко Данилычъ Дарьѣ Сергѣвнѣ, когда Дуня пошла раздѣваться. — Сиверко было какъ она на верхъ-отъ выходила?

— Богъ милостивъ, пройдетъ, успокоивала его сама неспокойная Дарья Сергѣвна. — Горяченькимъ на̀ ночь ее напою, горчишникъ приложу. Нельзя же иной разъ не прихворнуть.

— Охъ, боюсь я, Дарья Сергѣвна! Ну, какъ сохрани Господи!... Что̀ тогда?... съ отчаяньемъ говорилъ Смолокуровъ, поникнувъ головой и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Полноте, Марко Данилычъ, ничего нѐ видя убивать себя. Какъ это не стыдно. А еще мущина! уговаривала его Дарья Сергѣвна. — На такомъ многолюдствѣ она еще не бывала, что̀ мудренаго что головка заболѣла? Богъ милостивъ! Вотъ развѣ что̀? быстро сказала Дарья Сергѣвна.

— Что̀? вдругъ остановясь и зорко глядя на нее, спросилъ Смолокуровъ.

— Не сглазилъ ли ее кто? Мудренаго нѣтъ. Народу много, а на нее, голубоньку, есть на что̀ посмотрѣть, молвила Дарья Сергѣвна. — Спрысну ее черезъ уголекъ — Богъ дастъ полегчаетъ.... Ложитесь со Христомъ, Марко Данилычъ; утро вечера мудренѣе.... А я что̀ надо надъ ней сдѣлаю.

Смолокуровъ вошелъ въ комнату дочери проститься на сонъ грядущій. Какъ ни увѣряла его Дуня что ей лучше, что голова у ней больше не болитъ, что совсѣмъ она успокоилась, не вѣрилъ онъ, и когда прощаясь поцѣловалъ ее въ лобъ, крупная слеза канула на лицо Дуни.

— Тятенька! вскликнула она. — Что̀ ты?

— Ничего, ничего, моя дорогая, подавляя волненье, сказалъ Смолокуровъ, потомъ перекрестя дочь, быстро вышелъ изъ комнаты.

Оставшись съ Дуней Дарья Сергѣвна раздѣла ее и уложила въ постель. Въ сосѣдней горницѣ съ молитвой налила

въ полоскательную чашку чистой воды на́ уголь, на соль на печинку, * — нарочно на всякій случай ее съ собой захватила, — взяла въ ротъ той воды и войдя къ Дунѣ невзначай спрыснула ее, а потомъ оставленною водой принялась умывать ей лицо, шепотомъ приговаривая:

— Отъ стрѣшнаго, поперечнаго, отъ лихаго человѣка помилуй Господи рабу свою Евдокею! Отъ притки, отъ приткиной матери, отъ чернаго человѣка, отъ рыжаго, отъ черемнаго, завидливаго, урочливаго, прикошливаго, отъ сѣраго глаза, отъ каряго глаза, отъ синяго глаза, отъ чернаго глаза!... Какъ заря-Амнитарія исходила и потухала, такъ бы изъ рабы Божіей Евдокеи всякіе недуги напущонные исходили и потухали. Какъ изъ булату, изъ синяго укладу каменемъ огнь выбиваетъ, такъ бы изъ рабы Божіей Евдокеи всѣ недуги и порчи вышибало и выбивало.... Притка ты притка, приткина мать, бо́лѣсти, уроки, призоръ очесъ, подите отъ рабы Божіей Евдокеи во темны́е лѣса, на сухі́ дерева, гдѣ народъ не ходитъ, гдѣ скотъ не бродитъ, гдѣ птица не летаетъ, гдѣ звѣрьё не рыщетъ.... Соломонида бабушка ** Христоправушка, Христа мыла, правила, намъ окатышки оставила!... Запираю приговоръ тридевяти тремя замками, тридевяти тремя ключами.... Слово мое крѣпко!... Аминь.

И взявъ чистую сорочку, подала ее Дунѣ утереться изнанкой.

Затѣмъ надѣвъ чистую сорочку и напоивъ дѣвушку липовымъ цвѣтомъ съ малиной, укутала ее съ ногъ до головы и велѣла тотча́съ глаза закрыть. Сама не раздѣваясь, возлѣ Дуниной кровати прилегла на диванѣ.

Стихло въ гостиницѣ, лишь изрѣдка слышится гдѣ-то въ дальнихъ коридорахъ глухой топотъ по чугунному полу запоздавшаго постояльца да зазвенитъ замокъ отпираемой двери.... Прошумѣло на улицѣ и то́тчасъ стихло, — то передъ разводкой моста черезъ Оку возвращались съ ярмонки

* Кусочекъ глины выковыренный изъ связи печныхъ кирпичей.

** Апокрифическая баба Соломея или Соломонида, будто бы принимавшая Христа при рождествѣ Его, упоминается въ апокрифическихъ Евангеліяхъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ (напримѣръ „Синаксарь"). У старообрядцевъ поминается она, когда даютъ молитву роженицамъ. Празднуютъ бабѣ Соломеѣ на другой день Рождества (26го декабря), въ этотъ день варятъ кашу и угощаютъ бабушекъ-повитухъ. Обычай этотъ называется „бабьи каши".

послѣдніе горожане.... Тишина ничѣмъ не нарушается, развѣ гдѣ въ сосѣднихъ квартирахъ чуть слышно раздастся храпъ, либо кто-нибудь въ просонкахъ промычитъ, что-то пробормочетъ и стихнетъ.

На соборной колокольнѣ полно́чь пробило, пробило часъ, два.... Дуня не спитъ.... Сжавшись подъ одѣяломъ лежитъ она недвижи́мо, боясь потревожить чуткій сонъ заботливой Дарьи Сергѣевны.... Вспоминаетъ что̀ видѣла въ тотъ день. Въ первый еще разъ на пароходѣ ѣхала, въ первый разъ и ярмонку увидала. Видѣнное и слышанное одно за другимъ оживаетъ въ ея памяти.

Вотъ раннее свѣжее утро, со́ свѣтомъ вмѣстѣ поднялись Смолокуровы въ ожиданьи бѣгущаго съ верху парохода. Небо чисто и ясно, утренняя заря румянцемъ разливается по́ небу и отражаясь въ тихихъ зеркальныхъ водахъ Оки, обливаетъ ихъ розовымъ сіяньемъ. Вдали за песчаной косой засвистѣлъ пароходъ, стали спѣшно укладывать на долгушу чемоданы, сами въ коляскѣ съѣхали къ пристани. Все занимаетъ Дуню: и необычное раннее вставанье, и свѣжесть іюльскаго утра и кроткое сіянье зари... Вотъ паромъ и нѣсколько лодокъ стоитъ у пристани, наполняются тѣ лодки молодицами и дѣвушками съ подойниками, крытыми чистыми тряпицами. Идутъ межь ними шутливыя перебранки и веселые разговоры, порой вырываются громкіе, визгливые крики. Паромъ отвалилъ, за нимъ и лодочки поплыли на луговой берегъ. Ни при городѣ, ни при слободѣ что̀ возлѣ него длиннымъ поселкомъ вытянулась по́ берегу, нѣтъ ни пяди выгонной земли—луга за рѣкой. Только сольетъ рѣка съ по́ймы, скотъ перевозятъ обонпо̀лъ, * тамъ и пасется онъ до поздней осени.... Отъ того каждый день на утренней зарѣ и передъ солнечнымъ закатомъ бабы ѣздятъ за Оку коровушекъ доить. Съ дѣтства о томъ Дуня слыхала, но досель не видала переѣзда черезъ рѣку доильщицъ.... Жалко ей стало ихъ, и теперь въ ночной тиши про ихъ труды она думаетъ.... Хорошо было ей: ясно, тихо, тепло.... А каково имъ, бѣдняжкамъ, въ дождь, непогоду, каково имъ тогда какъ по рѣкѣ вѣтры разыграются и не только мелкія лодки, паромъ волна́ми какъ мячикъ къ верху подкидываетъ.... Какъ помочь, какъ имъ пособить?... Не придумаетъ...

Съ оглушительнымъ свистомъ подбѣжалъ пароходъ. При-

* На ту сторону рѣки.

чалилъ, забираетъ охотниковъ ѣхать. Робко вступаетъ Дуня на палубу, дрожащей поступью идетъ за отцомъ въ уютную каюту, садится у окошка, смотритъ на маленькій свой городокъ что̀ раскинулся причудливо по берегу, полугорьямъ и на верху высокой кручи.... Опять пронзительно свистнуло, Дуня невольно вздрогнула.... Разъ, два и зашумѣли колеса и побѣжалъ пароходъ по желтосинему лону Оки.... Яркое, привѣтно сіяющее солнце поднимается надъ горами праваго берега. Длинной, предлинной полосой растянутые на восточной сторонѣ неба облака серебромъ засверкали отъ всплывшаго подъ ними свѣтила, хлынули съ небесной высоты золотые лучи и подернули чуть замѣтную рябь рѣчнаго лона сверкающими переливами яркаго свѣта. Въ верху небосклона появились ясныя, сѣроватыя облака съ нѣжно-серебристыми краями и надъ сверкающей золотистыми огнями и багровымъ отблескомъ рѣкой стали недвижимо въ бездонной лазури....

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ, безпрестанно мѣняются виды: высятся крутыя горы, то покрытыя темнозеленымъ орѣшникомъ, то обнаженныя и прорѣзанныя глубокими и далеко уходящими врагами. Рѣка извивается и съ каждымъ изгибомъ ея го̀ры то подходятъ къ водѣ и стоятъ надъ ней краснобурыми стѣнами, то удаляются отъ рѣки и отъ подошвы ихъ широко̀ и привольно раскидываются яркозеленые сочные покосы поемныхъ луговъ. Тамъ и сямъ на вѣнцѣ горъ чернѣютъ ряды высокихъ бревенчатыхъ избъ, бѣлѣютъ сельскія церкви, помѣщичьи усадьбы.

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ.... Вотъ на желтыхъ, сыпучихъ пескахъ обширныя слободы сливаются въ одно непрерывное селенье.... Дома все большіе двухъэтажные, за ними дымятся заводы, а дальше въ густомъ желтосѣромъ туманѣ виднѣются огромныя кирпичныя зданія, надъ ними высятся церкви, часовни, минареты, китайскія башенки.... Впереди рѣки не видать—сплошь заставлена она рядами разновидныхъ судовъ... Направо по горамъ и по скатамъ раскинулись сады и зданія большаго стариннаго города.

Одно за другимъ вспоминается Дунѣ, вспоминается и тѣснота, шумъ, блескъ что̀ испугали ее на ярмонкѣ. И каждое вспоминанье, о пароходѣ ли, о берегахъ ли Оки, о бабахъ ли переѣзжавшихъ за рѣку къ коровушкамъ — почему-то все сливается съ памятью о Петрѣ Степанычѣ. Его образъ то и дѣло передъ душевными очами Дуни. То вдругъ вышелъ онъ изъ береговыхъ кустовъ, то перерѣзываетъ рѣку въ легкой

косной лодочкѣ, то входитъ въ ея каюту, то съ яростью отталкиваетъ Армянина, когда тотъ нагнулся было къ ней, и крѣпко обнявъ захотѣлъ поцѣловать ее.... Вотъ онъ выводитъ ее изъ тѣсной толпы, ведетъ въ какой-то садъ, она оглядывается, а это ихъ садъ, вотъ ея грядки, вотъ ея цвѣточки, вотъ и раскрашенная узорчатая бесѣдка, гдѣ каждый день сидитъ она съ работой либо съ книжкой въ рукахъ.... Онъ зоветъ ее въ бесѣдку.... Робко и медленно идетъ она на́ зовъ, но—не стало ни его, ни бесѣдки, стоитъ прилавокъ съ яшмами, аметистами, а тутъ и Армянинъ съ офицеромъ.... они хватаютъ ее, куда-то тащатъ.... Въ глазахъ Дуни все кру́жится, туманится, все кроется мракомъ, за ней гонятся какія-то чудовища съ огненными глазами, а вдали въ слабо мерцающемъ свѣтѣ—онъ. Хочетъ бѣжать къ нему, но не можетъ отдѣлить ногъ отъ земли, точно приросли онѣ, а чудища ближе и ближе... и опять все кру́жится, опять все темнѣетъ....

Марко Данилычъ, снявъ сапоги, въ однихъ чулкахъ всю ночь проходилъ взадъ и впередъ по сосѣдней горницѣ, чутко прислушиваясь къ тяжелому, перерывистому дыханью дочери и при каждомъ малѣйшемъ шорохѣ заглядывалъ въ щель недотво́ренной двери.

VII.

На другой день Дуня поздно поднялась съ постели и была совсѣмъ здорова. Сіялъ Марко Данилычъ, обрадовалась и Дарья Сергѣевна.

— Говорила я что съ сглазу, разливая чай сказала она.— Моя правда и вышла: вечоръ спрыснула ее да водицей съ уголька умыла, и все какъ рукой сняло.... Вотъ Дунюшка теперь у насъ и веселенькая, и головка у ней не болитъ.

Но Дуня вовсе не была веселенькою. Улыбалась она, ласкалась и къ отцу и къ назва́нной тетѣ, но нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ и задумается, и не то тоской не то заботой подернется миловидное ея личико. Замолчитъ, призадумается, но только на минуту, вдругъ будто очнется изъ забытья, вскинетъ лазурными очами на Марка Данилыча и улы́бнется ему своей кроткой, ясной улыбкой.

— Что жь, Дунюшка, поѣдемъ что ли сегодня на ярмонку? спросилъ онъ, допивая пятый или шестой стаканъ чаю.

— Нѣтъ, тятя, за чѣмъ же? Лучше я съ тетей посижу, отвѣтила Дуня.

— Съ тетей-то и дома насидѣлась бы, молвилъ Марко Данилычъ.—Коль на мѣстѣ сидѣть, такъ не за чѣмъ было и на ярмонку ѣхать?... Не на то привезена чтобъ въ заперти сидѣть. Людей надо смотрѣть, себя показывать.

— Чтò мнѣ себя показывать? Узоры что ли на мнѣ? улыбнулась Дуня.

— Какъ за чѣмъ? тоже улыбнулся Смолокуровъ. — Знали бъ люди да вѣдали какова у меня дочка выросла: не уродъ, не ряба, не хрома, не кривобокая.

— Чтой-то ты, тятенька? зардѣвшись молвила Дуня.—Нéшто ты меня какъ товаръ какой привезъ продавать на ярмонкѣ?..

— А почемъ знать чтò впереди? улыбнулся Марко Данилычъ.—Думаешь у Макарья такого товара не бываетъ? Много его въ привозѣ.... Кажный годъ со всѣхъ концовъ дѣвицъ привозятъ къ Макарью невѣститься.

Поникла Дуня головой, и глубоко вздохнувъ, замолчала.

— Отовсюду купцы дочерей да племянницъ сюда привозятъ, шутливо продолжалъ Смолокуровъ.—И господа тоже, вотъ и я тебя привезъ.... Товаръ у меня безъ обману, первый сортъ!... Глянь-ка въ зеркало-то—правду ль говорю?...

Кто-то кашлянулъ въ сосѣдней горницѣ. Выглянулъ туда Марко Данилычъ.

— Добро пожаловать, весело сказалъ онъ.—А мы еще за чаемъ. Съ дороги, должно-быть, признаться долгонько прòспали.... Милости просимъ, пожалуйте сюда!

И ввелъ Петра Степаныча въ ту комнату гдѣ Дуня съ Дарьей Сергѣвной за чаемъ сидѣли.

Обѣ встали, поклонились. Дуня вспыхнула, но глаза просіяли. Дарья Сергѣвна зорко на нее посмотрѣла.

— Садитесь-ка къ столику, Дарья Сергѣвна, чайку гостю дорогому. Подвинь сюда Дунюшка крендельки, да баранки. Аль можетъ-быть, московскаго калача не желаете ли? ласково говорилъ Смолокуровъ, усаживая Петра Степаныча.

— Напрасно безпокоитесь, отвѣчалъ Самоквасовъ,—я ужь давно отпилъ.

— Отъ чаю, сударь, не отказываются, молвилъ Марко Данилычъ,—особенно же здѣсь, у Макарья. Здѣсь вѣдь самый главный чайный торгъ. Ну какъ ваши дѣла? Расторговались ли?

— Да вѣдь я безъ дѣла, Марко Данилычъ, по пу́сту проживаю. Покамѣсть не отдѣленъ, своихъ дѣловъ у меня нѣтъ, а за чужими на послѣдяхъ что-то не охота и время терять.

— Не чужія кажись бы дѣла-то? молвилъ Марко Данилычъ.

— Въ Ярославлѣ послѣднюю дядину пору́ченность выполнилъ — такой у насъ былъ уговоръ, отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Раздѣлъ-отъ скоро ли? помолчавъ немножко, спросилъ Марко Данилычъ.

— Да вотъ послѣ Макарья, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.— Какъ годовые счета́ дядя сведетъ, такъ и раздѣлимся.

— Тимоѳей-отъ Гордѣичъ на ярмонку пріѣдетъ?

— Ко второму Спасу, не́хотя отвѣтилъ Петръ Степанычъ.— Нельзя не пріѣхать, разчеты тоже надо свести, долги койкакіе собрать.

— Платежи-то, говорятъ, нонѣ будутъ тугоньки, замѣтилъ Смолокуровъ.

— Толкуютъ, что не больно подходящіе, разсѣянно отозвался Самоквасовъ.

— А покончивши съ дяденькой, какъ располагаете?.. Рыбкой что ли займетесь? съ улыбкой спросилъ гостя Марко Данилычъ.

— Не знаю какъ вамъ сказать... Больно ужь вы тогда меня напугали, въ Комаровѣ-то, отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Не совладать съ такимъ дѣломъ... Не привычно...

— Напрасно такъ говорите, покачивая головой, сказалъ Смолокуровъ. — По нонѣшнему времени эта коммерція са́ма прибыльная—цѣны что ни годъ, то выше да выше, особливо на икру. За границу, слышь, много пошло ее, отъ того и дорожаетъ.

— Рыбы-то, сказываютъ, меньше стало, замѣтилъ Петръ Степанычъ. — Переводится. Пароходы что-ли ее, слышь, распугали.

— Какъ на́ это сказать? раздумчиво отозвался Марко Данилычъ. — Красной рыбы точно что меньше стало. Отъ пароходовъ ли то, отъ другаго ли отъ чего — Богъ ее знаетъ. А частиковой не выловишь. Отъ Царицына по воложкамъ да по ильменямъ * страсть ее что, а ниже Астрахани и того

* Воложка — рукавъ Волги. Ильмень — озеро, образующееся отъ

больше. У меня хоть взять — ловы имѣю большіе, а развѣ съ осетра аль съ бѣлужины главну пользу получаю? Не было бъ частику все бы рыбное дѣло хоть брось. Перво дѣло судакъ, да еще вотъ бѣшенка теперь пошла *. Вечоръ справлялся, красной рыбы: осетра, бѣлуги, севрюги да икры съ балыками всего-то сотъ на шесть тысячъ наберется, а частику больше трехъ милліоновъ.

— Все это такъ... Однакожъ для меня все-таки рыбная часть не къ рукѣ, Марко Данилычъ, сказалъ Самоквасовъ.— Нѣтъ, Богъ дастъ отдѣлюсь, прежнимъ торгомъ займусь. Съ чего прадѣдушка зачиналъ, того и я придержусь — сальцомъ да кожицей стану промышлять.

— Заводы-то какъ подѣлите? Вѣдь ихъ въ разны руки нельзя, спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ-нибудь подѣлимъ, молвилъ Петръ Степанычъ. — Я и на то пожалуй буду согласенъ, чтобъ деньгами за свою часть въ заводахъ получить... Новы бы тогда построилъ...

— Въ Казани же?

— Нѣтъ, по нонѣшнимъ обстоятельствамъ съ саломъ сходнѣе въ Самарѣ устроиться.... Кожей пожалуй можно на старомъ пепелищѣ, отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Давай Богъ, давай Богъ! радушно промолвилъ Марко Данилычъ.—А по моему всего бы лучше рыбная часть... Коммерція завсегда съ барышомъ! Право.

— Нѣтъ ужь увольте, Марко Данилычъ, съ улыбкой отвѣтилъ Петръ Степанычъ. —По моимъ обстоятельствамъ это дѣло совсѣмъ не подходящее. Ни привычки нѣтъ, ни сноровки. Какъ всего что по Волгѣ плыветъ не переймешь, такъ и всѣхъ торговъ въ однѣ руки не заберешь. Чего добраго, зачнешь новаго-то искать, старое и потеряешь. Что тогда будетъ хорошаго?

— Ну, какъ знаете, съ небольшой досадой молвилъ Смолокуровъ и вставъ со стула, къ окну подошелъ.

— Батюшки свѣты! Никакъ Зиновій Алексѣичъ?.. вскрик-

разлива вешней воды, съ берегами поростшими камышомъ, тростникомъ и мокрою порослью. Озеромъ на низовьѣ Волги зовутъ только соленое, прѣсноводному имя—ильмень.

* Рыба *Cyprinus cultratus*, иначе „волжская сельдь". Ее множество. Прежде считали рыбу эту вредною, стали ловить небольше сорока лѣтъ тому назадъ.

нулъ онъ, чуть не до половины высунувшись изъ раствореннаго окошка!.. Онъ и есть! Вотъ не чаялъ-то!

И подойдя къ двери, кликнулъ коррпдорнаго.

— Слушай-ка, другъ любезный, добѣги пожалуста до крыльца — тутъ сейчасъ купецъ подъѣхалъ, высокій такой, широкоплечій, синій сертукъ, сѣда борода. Узнай голубчикъ не Дорогинъ ли это Зиновій Алексѣичъ. Пожалуста, сбѣгай скорѣе... Ежели Дорогинъ, молви ему Марко молъ Данилычъ Смолокуровъ къ себѣ его зоветъ.

— Да они у насъ въ гостиницѣ стоятъ, сказалъ коррпдорный. — Другу недѣлю проживаютъ. Въ двадцать первомъ и двадцать второмъ номерѣ, отъ васъ черезъ три номера. Съ семействомъ пріѣхали.

— Какъ? И съ семействомъ? вскликнулъ Марко Данилычъ. — И съ женой и съ дочками?

— Такъ точно-съ, и съ супругой съ ихней и съ двумя барышнями.

— Спасибо, любезный. На-ка тебѣ.

И вынувъ изъ кармана какую-то мелочь, сунулъ ее коррпдорному; тотъ молча поклонился и то́тчасъ спро́силъ:

— Еще чего не потребуется ли вашему степенству?

— Нѣтъ, покамѣстъ, кажись, ничего... А вотъ что̀: зайди-ка ты къ Зиновью-то Алексѣичу, молви ему что и я у васъ же присталъ.

— Слушаю-съ, сказалъ коррпдорный и полетѣлъ вонъ изъ горницы, ухарски размахивая руками.

— Вотъ тебѣ Дунюшка и подруги, молвилъ Марко Данилычъ, весело обращаясь къ дочери. — Зиновій Алексѣичъ великій мнѣ пріятель. Хозяюшка его, Татьяна Андревна, женщина стоющая, дочки распрекрасныя. Скромныя такія, разумныя, меньшая-то тебѣ ровесница никакъ будетъ, а большенькая годомъ либо двумя постарше... Вотъ ужо ознакомитесь... Сегодня же надо будетъ повидаться съ ними.

— Какой это Дорогинъ? спросилъ Петръ Степанычъ.—Не изъ Волжска ли?

— Волжской, подтвердилъ Смолокуровъ. — Пшеномъ торгуетъ. А нешто вы его знаете?

— Большаго знакомства не имѣлъ, а кой у кого встрѣчались, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.—Мельница еще у него на Иргизѣ, какъ разъ возлѣ нѣмецкихъ колоній.

— Самый онъ и есть, молвилъ Марко Данилычъ. — Зиновій

Алексѣичъ допрежь и самъ-отъ на той мельницѣ жилъ, да вотъ ужь годовъ съ пятокъ въ городу̀ домъ поставилъ. Важный домъ, настоящій дворецъ. А ужь въ домѣ—такъ чего, чего нѣтъ...

— Съ большимъ, значитъ, капиталомъ? спросилъ Самоквасовъ.

— Съ порядочнымъ, въ бокъ кивнувъ головой и слегка наморщивъ верхнюю губу, сказалъ Смолокуровъ. — По тамошнимъ мѣстамъ изъ первыхъ. До Сапожниковыхъ далёко, а деньги водятся. Это какъ-то они, человѣкъ съ десятокъ, складчину было сдѣлали, да на складочны деньги заводъ стеариновый завели. Не пошло. Однѣ только пустыя затѣи. Другіе-то, что̀ съ Зиновьемъ Алексѣичемъ въ до̀ляхъ были, хоть кошель черезъ плечо, а онъ ничего, ровно блоха укусила.

— Много въ Волжскѣ-то такихъ богачей? спросилъ Самоквасовъ.

— Есть, отвѣтилъ Марко Данилычъ.—Супроти̇̀въ прежнихъ, каковы были Злобинъ аль Сапожниковъ, теперь ужь нѣтъ, а вотъ хоть бы Зиновья Алексѣича взять—человѣкъ состоятельный, по всей Волгѣ извѣстенъ.

Такіе разговоры вели межь собой Марко Данилычъ съ Самоквасовымъ часа два, если не больше. Убрали чай, Дарья Сергѣвна вышла куда-то, Дуня сѣла въ сторонкѣ и принялась вязать шелковый кошелекъ, изрѣдка вскидывая глазами на Петра Степаныча. Въ мужскіе разговоры дѣвицѣ вступать не слѣдъ, отъ того она и молчала. Петръ Степанычъ и радъ бы словечкомъ съ ней перекинуться, да тоже нельзя—въ людя̀хъ такъ не водится.

За то карія очи его были рѣчисты. Каждый украдкою брошенный на Дунюшку взоръ приводилъ ее въ смущенье. Отъ каждаго взгляда сердце у ней ровно̀ вздрагивало и потомъ такъ сладостно трепетало.

Когда Петръ Степанычъ собра̀лся домой, простившись со Смолокуровымъ, поклонился онъ Дунѣ. Та молча привстала, слегка наклонила головку и взглянула на него такими сіяющими, такими ясными очами, что глубо̀ко вздохнулось добру мо̀лодцу, и голубемъ встрепенулось ретиво̀е сердце его.

— Такъ вы заходи̇̀те же къ намъ, когда досужно будетъ... Посидимъ, покалякаемъ. Оченно рады будемъ, провожая гостя говорилъ Марко Данилычъ.—По ярмонкѣ бы вмѣстѣ когда

погуляли, Зиновья Алексѣича въ компанію прихватили бы... Милости просимъ, мы вѣдь люди простые, къ намъ по́ просту, безъ чиновъ.

Вышелъ Петръ Степанычъ, а Марко Данилычъ, пройдясь по комнатѣ, молвилъ въ полго́лоса:

— Важный парень! И съ достаткомъ!

Быстро вскинула глазами на отца Дуня и то́тчасъ ихъ опустила. Кошелекъ что-то не вязался, петли путались.

— Ты что̀? чуть-чуть улыбнувшись, спросилъ ее отецъ.

— Ничего, чуть слышно промолвила Дуня и пристально стала вглядываться въ работу.

Марко Данилычъ вышелъ изъ комнаты.

VIII.

На низовыхъ и на каспійскихъ * промыслахъ солятъ рыбу такъ: Въ „крутой“ разсолъ бузуна ** кладутъ рыбу, а послѣ ея посола свѣжаго разсола не заводятъ. Прибавятъ въ старый разсолъ немного соли да нальютъ туда побольше воды и въ этомъ солятъ новую рыбу. Такой разсолъ, называемый „тузлуко́мъ“, держатъ во все время посола, каждый разъ когда надо класть свѣжую рыбу прибавляя воды и соли. Отъ того коренная рыба скоро „доспѣваетъ“, отъ того и дѣлается она такимъ товаромъ который нельзя причислять къ разряду благовонныхъ. Хоть въ сосѣднихъ озёрахъ бузуну въ вѣкъ не исчерпать, но соль обло́жена большой пошлиной, а воровать ее не всегда легко. Отъ того рыбнымъ промышленникамъ и нѣтъ разчета для каждаго посола свѣжій разсолъ заводить. Опять же какъ рыбу ни посоли, ее все съѣдятъ, товаръ на рукахъ не останется; сѣрому человѣку та только рыба и лакома что̀ хорошо доспѣла, маленько пованиваетъ.

Когда рыбный караванъ приходитъ къ Макарью, его ставятъ вверхъ по рѣкѣ, на Гребновской пристани *** подальше, чтобъ не вѣяло на ярмонку и на другіе караваны душкомъ „коренной“. Баржи разставляются въ три, либо въ четыре ряда, глядя по тому сколь великъ привозъ. На караванъ ѣздятъ только кому дѣло до рыбы есть. Поглядѣть на вонючіе рыбные склады въ нѣсколько милліоновъ пудовъ изъ

* Низовыми называются промысла въ Волгѣ, каспійскими—въ морѣ.
** Озерная самосадочная соль.
*** Гребновская пристань на лѣвомъ берегу Оки выше Желѣзной.

одного любопытства никто не поѣдетъ — это не чай, что̀ горами наваленъ вдоль Сибирской пристани.

Цѣлый рядъ баржей былъ съ рыбой Марка Данилыча; запоздалъ въ пути его караванъ, отъ того и стоялъ позадь другихъ, чуть не у самаго стержня Оки. Хозяева обыкновенно каждый день наѣзжаютъ на Гребновскую пристань... У прорѣзей *, что̀ стоятъ возлѣ ярмоночнаго моста, гребцы на косной со Смолокуровскаго каравана ждали Марка Данилыча. Въ первый разъ плылъ онъ на свой караванъ.

Величаво и медленно спустился по ступенькамъ съ моста на плашкотъ Марко Данилычъ, молча садился на коверъ разостланный на середней лавочкѣ лодки, слегка приподнялъ картузъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гребцовъ, разодѣтыхъ на его счетъ въ красны кумачевы рубахи съ украшенными лентами шляпами на головахъ. Молчалъ и въ пути Смолокуровъ, когда удалые гребцы, бойко, рѣдко, но зá разъ, точно по командѣ, взмахивали веслами и легкая косная быстро неслась по стержню Оки, направляя путь къ Гребновской пристани. Молчалъ хозяинъ, молчали и гребцы, знали они что безъ нужнаго дѣла заводить разговоры съ Маркомъ Данилычемъ значитъ только прогнѣвлять хозяина. Суровъ, нерѣчистъ онъ бывалъ съ подначальными... Поглядѣть на него въ косной аль потомъ въ караванѣ, повѣрить нельзя что этотъ сумрачный, грозный купчина тотъ самый Марко Данилычъ что дó свѣту вплоть, въ однихъ чулкахъ проходилъ по горницѣ, отирая слезы при одной мысли объ опасности нѣжно любимой дочери.

Подъѣзжаетъ Марко Данилычъ къ каравану. Издали узналъ и косную и своего хозяина главный прикащикъ, длинный, сухой, сильно оспой побитый Василій Ѳадѣевъ, въ длиннополомъ, спереди насквозь просаленномъ нанковомъ сертукѣ, съ бумажнымъ плáтомъ на шеѣ — значитъ не по древлему благочестію; истый старовѣръ плáта на шею не вздѣнетъ, то фряжскій обычай, святыми отцами не благословенный. Увидавъ подъѣзжавшаго хозяина Василій Ѳадѣевъ стремглавъ бросился въ размалеванную разными красками казенку,** стоявшую въ видѣ бесѣдки на кормовой части крайней

* Садки съ живой рыбой.

** Рубка или каютка на рѣчномъ суднѣ, въ ней живетъ хозяинъ или прикащикъ, хранятся деньги, паспорты и разныя бумаги.

баржи. Тамъ наскоро порывшись въ разложенныхъ по столу бумагахъ, взялъ одну и подошелъ къ трапу, ожидая подъѣзда Марка Данилыча.

— Хозяинъ плыветъ! мимоходомъ молвилъ Василій Ѳадѣевъ лоцману. Тотъ бѣгомъ въ казенку на второй баржѣ и тамъ наскоро вздѣлъ красну рубаху, чтобъ достойнымъ образомъ встрѣтить впервые пріѣхавшаго на свой караванъ такого хозяина, что любитъ хорошій порядокъ, любитъ его во всемъ отъ мала до велика. Пробѣгая къ казенкѣ лоцманъ повѣстилъ проходившаго мимо водолива о пріѣздѣ хозяина и тотчасъ на всѣхъ восьми баржахъ Смолокуровскаго каравана раздались голоса:

— Хозяинъ плыветъ! Смолокуровъ! Крѣпи трапъ-отъ ладнѣе!.. Эй, ну вы ребята, вылѣзай на волю! Хозяинъ!

И полѣзли рабочіе на палубы изъ одной мурьи,* изъ другой, изъ третьей, на всѣхъ восьми баржахъ полѣзли наверхъ и становились вдоль бортовъ посмотрѣть-поглядѣть на хозяина. Никто изъ рабочихъ его еще не видывалъ, а ужь всѣ до единаго были злы на него. Четвертый день какъ они поставили въ пристани баржи какъ слѣдуетъ, но несмотря на мольбы, просьбы, крики, брань и ругань, не могутъ получить заслуженныхъ денегъ отъ Василья Ѳадѣева. На томъ уперся прикащикъ, что покамѣсть самъ хозяинъ баржей не осмотритъ, ни одному рабочему онъ ни копейки не дастъ.

Подъѣхалъ Смолокуровъ, лоцманъ съ водоливомъ подали трапъ на косную и приняли подъ руки поднимавшагося хозяина. Почтительно снявъ картузъ, Василій Ѳадѣевъ молча подалъ ему „лепортицію". Молча и Марко Данилычъ просмотрѣлъ ее, и медленными шагами пошелъ вдоль по палубѣ. На всемъ караванѣ примолкли: и лоцмана и водоливы, и рабочій людъ, всѣ стояли безъ шапокъ.... Напередъ повѣстилъ Василій Ѳадѣевъ всѣхъ, кто не знавалъ еще Марка Данилыча, что у него на глазахъ горло зря распускать не годится, и пока не велитъ онъ головы крыть, стой безъ шапокъ, потому что любитъ почетъ и блюдетъ порядокъ во всемъ.

— Былъ кто за рыбой? отрывисто спросилъ Василья Ѳадѣева Смолокуровъ, не поднимая глазъ съ бумаги и взглядомъ

* Мурья — трюмъ, пространство между грузомъ и палубой, гдѣ укрываются бурлаки во время непогоды и гдѣ у нихъ лежитъ лишняя одежа и другой скарбъ.

даже не отвѣчая на отдаваемые со всѣхъ сторонъ ему поклоны.

— Вчорашній день отъ Маркеловыхъ пріѣзжали, подобострастно отвѣтилъ прикащикъ.

— Ну?

— Дешевенько-съ, вертя указательными пальцами и вскидывая плутовскими взглядами на хозяина, молвилъ Василій Ѳадѣевъ.

— По чемъ?

— Девять гривенъ судакъ, два съ четвертью коренная, другихъ сортовъ не спрашивали.

— Жирно будетъ, сквозь зубы процѣдилъ Марко Данилычъ, не глядя на прикащика и сунулъ въ карманъ его „лепортицію".

— Ладно ль пароходъ-отъ поставили? насупясь спросилъ у прикащика Марко Данилычъ.

— Какъ слѣдуетъ-съ, отвѣчалъ Василій Ѳадѣевъ, судорожно вертя въ рукахъ синій бумажный платокъ.

— Много ль народу на немъ?

— Капитанъ, лоцманъ, водоливъ да пять человѣкъ рабочихъ.

— Разчитаны?

— По день прихода разчитаны-съ.

— Которо мѣсто пароходъ-отъ поставили?

— Къ низу, съ самаго краю.*

— Дляче далеко?

— Ближе-то водяной не пускаетъ, тамъ дескать мѣсто для пассажирскихъ, а вамъ, говоритъ, гдѣ ни стоять—все едино...

— Все едино! Извѣстно имъ все едино, ихни же солдаты крайни пароходы обкрадываютъ.... Трехъ рабочихъ еще туда поставь, караулъ бы былъ безсмѣнный: и день и ночь караулили бы.

— Слушаю-съ, молвилъ Василій Ѳадѣевъ.

По доскамъ положеннымъ съ борта на бортъ перешли на вторую баржу.

— На баржахъ много ль народу? спросилъ Марко Данилычъ, быстро оглядывая все что ни лежало на палубѣ.

* Когда баржи съ грузомъ поставятъ на мѣсто въ Гребновской или въ другой какой-либо Макарьевской пристани, пароходы отводятъ на другую пристань ниже по теченію Волги—подъ Кремль и подъ Егорьевскій съѣздъ. Это дѣлается для безопасности отъ огня.

— Сто двадцать восемь человѣкъ, отвѣтилъ Ѳадѣевъ и сдержанно кашлянулъ въ сторону, прикрывая ротъ ладонью.

— Денегъ въ пути давалъ?

— Помаленьку получали иные, отвѣчалъ прикащикъ.

— Для чего?

— Надобности кой-какія бывали... у нихъ... запинаясь отвѣчалъ прикащикъ.—У кого обувь порвалась, кому рубаху надо было справить... Не по многу давано-съ.

— Баловство! недовольно промолвилъ Марко Данилычъ.

— Пристаютъ, робко проговорилъ прикащикъ.

— Мало ль что пристаютъ! А тебѣ бъ ихъ не слушать. Дай имъ, чертямъ, поблажку, послѣ съ ними не справишься... Заборы-то записаны?

— Какъ же-съ! Всѣ въ книгѣ значатся, и съ ихними расписками.

— Лепортицу сготовь.

— Слушаю-съ.

И перешли на третью баржу.

Грязный, кудластый щенокъ выскочилъ изъ казенки. Съ ласковымъ визгомъ и радостнымъ бреханьемъ быстро вертя хвостикомъ и припадая всѣмъ тѣломъ къ полу, бросился онъ къ ногамъ вступившихъ на палубу.

— Кто смѣлъ въ караванѣ собакъ разводить? грозно вскрикнулъ Марко Данилычъ, изо всей силы пихнувъ сапогомъ кутяшку. Съ жалобнымъ визгомъ взлетѣла собаченка къ верху, ударилась о́ полъ и поджавъ хвостъ, прихрамывая, поплелась въ казенку.

— Чей песъ? продолжалъ кричать Смолокуровъ.

— Водолива, должно-быть, тихо, въ полго́лоса, промолвилъ Василій Ѳадѣевъ.

— Должно-быть! передразнилъ прикащика Марко Данилычъ.—Все долженъ знать что̀ у тебя въ караванѣ. И какъ могъ ты допустить на баржахъ псовъ разводить?.. А?.. Рыбу крали да кормили?... Гдѣ водоливъ?

Водоливъ немножко выдвинулся впередъ.

— Виноватъ, батюшка Марко Данилычъ, боязливо промолвилъ онъ, чуть не въ землю кланяясь Смолокурову.—Всего-то вчерашній день завелъ, тонулъ сердечный, жалко стало песика—вынулъ его изъ воды... Простите великодушно!.. Виноватъ, Марко Данилычъ.

— То-то виноватъ!... Изъ твоей вины мнѣ не шубу шить!

вскрикнулъ Смолокуровъ.—Чтобъ духу ея не было... За́ бортъ, назадъ, въ воду ее проклятую. Ишь что̀ выдумали! Ахъ вы разбойники!..

И обругавъ водолива, молча перешелъ съ Ѳадѣевымъ на четвертую баржу.

— Это судакъ? спросилъ Марко Данилычъ прикащика.

— Первы три баржи всѣ съ судакомъ-съ, молвилъ Василій Ѳадѣевъ.

— Съ соленымъ?

— Такъ точно-съ.

— Бѣшенка гдѣ?

— На пятой-съ.

— На четвертой что̀?

— Суть.

— Вся?

— Вся-съ.

— Коренная гдѣ?

— На шестой бѣлужина съ севрюгой, на седьмой осетёръ. Икра тоже на седьмой-съ, пробойки, жиры, молоки.

— На восьмой значитъ во́рвань? *

— Такъ точно-съ.

Замолчали и молча прошли на другую баржу... Набрался́ тутъ смѣлости Василій Ѳадѣевъ, молвилъ хозяину:

— Разчету рабочіе требуютъ, Марко Данилычъ.

Промолчалъ, ровно не ему говорятъ, Марко Данилычъ.

— Галдятъ, четвертый дескать день простой идетъ, харчимся дескать понапрасну, работу у другихъ хозяевъ упускаемъ.

Опять промолчалъ Марко Данилычъ.

— Говорю имъ, обождите немножко, вотъ молъ хозяинъ подъѣдетъ, безъ хозяина, говорю, не могу я вамъ разчетовъ дать, да и денегъ при мнѣ столько нѣтъ чтобъ всѣхъ васъ ублаготворить... И слушать не хотятъ-съ... Вечоръ даже чуть бунтъ не подняли, насилу улестилъ ихъ, чтобы хоть до сегодняшняго дня обождали.

— Это все судакъ? спросилъ Марко Данилычъ.

— Такъ точно-съ.

— Зачѣмъ ворвань далёко поставили? Съ того бы краю было сподручнѣе.

* Тюленій жиръ.

— Не велятъ-съ, встряхнувъ волосами, молвилъ приказчикъ. Духу дескать оченно много.... Желѣзняки, слышь, жалобились. *

— Гмъ! промычалъ Марко Данилычъ.—Не отвалились бы носы-то.—Тебѣ бы водяному ** поклониться.

— Кланялся.... Не берутъ-съ, быстро вскинувъ глазами на хозяина, молвилъ приказчикъ.

— Гм!... опять промычалъ Марко Данилычъ.—Покажь-ка сушь-то.

— Миронычъ! крикнулъ Василій Ѳадѣевъ ходившему вслѣдъ за ними лоцману.—Сушп достань изъ мурьи каждаго сорта по рыбинѣ; и судака, и леща, и сазана и воблы — всего... Да живѣй у меня!...

Ни слова не молвивъ, бѣгомъ побѣжалъ толстый Миронычъ, нырнулъ въ мурью и минуты черезъ четыре поднесъ Марку Данилычу четыре рыбины.

Смолокуровъ, молча осмотрѣлъ каждую, поковырялъ ногтями и отвѣдавъ по кусочку, поколотилъ каждой рыбиной о причалъ *** баржи, прислушивая сь къ звукамъ.

— Жидка! Плохо сушена, строго молвилъ онъ Василью Ѳадѣеву.

— Солнцо̀въ **** мало было, Марко Данилычъ, все время шли дожди неуемные! поникнувъ головой, отвѣчалъ приказчикъ.

— Солнцо̀въ мало! передразнилъ его Смолокуровъ.—Знаю я какіе дожди-то шли!... Лѣнь! Вотъ что̀! Гуляли, пьянствовали! Вамъ бы все кой-какъ да какъ-нибудь! Раченья до хозяйскаго добра нѣтъ. Вотъ что̀!

— Помилуйте, Марко Данилычъ, мы бы со всякимъ нашимъ усердіемъ, да не наша вина-съ.... Супротивъ Божьей воли ничего не подѣлаешь!...

— Воли Божьей тутъ не было. Лѣнь была, а не Божья воля, сурово молвилъ Смолокуровъ, гнѣвно посмотрѣвъ на приказчика.—Про погоду мнѣ изъ Астрахани кажду недѣлю отписывали.... Такъ ты не ври!...

— Да помилуйте.... началъ было совсѣмъ оробѣвшій приказчикъ.

* Желѣзный караванъ становятъ на Окѣ рядомъ съ рыбнымъ, невдалекѣ.

** Начальникъ пристани.

*** Колъ на палубѣ для причала баржи.

**** Солнечнаго припеку.

— А тебѣ бы нишкнуть, коли хозяинъ съ тобой разговариваетъ! крикнулъ Марко Данилычъ, швырнувъ въ прикащика бывшимъ у него въ рукѣ лещемъ.—Перечить!... Я задамъ вамъ мошенникамъ!... Что̀ это за сушь?... Глянь-ка, пощупай!... Копейки на двѣ противъ другихъ будетъ дешевлѣ!... Недоборъ доправлю — ты это знай!....

— Власть ваша, Марко Данилычъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ прикащикъ, а только вотъ, какъ передъ самимъ истиннымъ Богомъ, мы тутъ нисколько не причинны.... Хоть весь караванъ извольте обойти — у всѣхъ сушь жидковата, твердой нынѣшній годъ нигдѣ не найдете.

— И обойду, и посмотрю, и на вѣсахъ прикину и свою и чужую, гнѣвно говорилъ Смолокуровъ.—А ужь копейки разбойнику не спущу.... Знаю я васъ, не первый годъ съ вами хоровожусь!... Только и наровятъ, бездѣльники, чтобы какъ ни на есть хозяину въ шапку накласть....

Замолчалъ прикащикъ. По опыту зналъ онъ что чѣмъ больше говорить съ Маркомъ Данилычемъ тѣмъ хуже. Примолкъ и Марко Данилычъ.

Обойдя восьмую баржу спросилъ онъ:

— У другихъ продавали?

— Передъ постомъ съ Орѣховскихъ баржѐй саму малость свезли соленаго.... Лодокъ съ пятокъ.... Въ лавки на ярмонку брали да въ Обжорный рядъ.

— По чемъ?

— Таятъ-съ. Ужь я было пыталъ спрашивать — не сказываютъ.

— Узнать! повелительно молвилъ Смолокуровъ.

— Не скажутъ-съ.

— А ты кого ни на есть изъ ихнихъ прикащиковъ въ трактиръ сведи, да чайкомъ попой, закуской угости, приказывалъ Марко Данилычъ. И вынувъ изъ бумажника рублевую, примолвилъ:—Получай на угощенье!...

Съ кислой улыбкой принялъ прикащикъ рублевую. Цѣны-то Орѣховскія онъ уже зналъ, но не сказалъ хозяину, чтобъ хоть рублишкомъ съ него поживиться. „Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ“, думалъ Василій Ѳадѣевъ, кладя бумажку въ карманъ.

— Ко мнѣ на квартиру зайди, разцѣночну вѣдомость дамъ, молвилъ Смолокуровъ.—Да чтобъ никто ее не видалъ.... Слышишь?

— Слушаю, Марко Данилычъ, отвѣчалъ прикащикъ.

— Эй ты! крикнулъ Смолокуровъ стоявшему вблизи рабочему.—Пробѣги на перву баржу, молви гребцамъ: косную-то сюда бы подали, да трапъ притащи.

Видя что хозяинъ уѣзжать сбирается, трое рабочихъ робко подошли къ нему и низко поклонясь, стали.

— Чего вамъ? угрюмо спросилъ ихъ Марко Данилычъ.

— До вашей милости, робко заминаясь, проговорилъ бывшій впереди, рослый, молодой, чуть не до́ черна загорѣвшій парень въ синей пестрядиной рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ.

— Ну?

— Разчетецъ бы намъ, проговорилъ загорѣлый парень.

— Тебя какъ звать-то? почти ласково спросилъ его Марко Данилычъ?

— Сидоромъ.

— По батюшкѣ-то какъ?

— Аверьяновъ.

— Здѣшній аль низовый?

— Сызранскій. Села Елшанки.

— Такъ.... Знаю я вашу Елшанку—село хорошее.

— Живетъ, молвилъ загорѣлый парень.

— А ты откудова? обратился Марко Данилычъ къ приземистому, коренастому, пожилому рабочему, весело глядѣвшему на него своими маленькими сѣренькими глазами.

— Мы-то? Мы здѣшни, Балахонскаго уѣзда, изъ подъ Городца—Кобылиху деревню слыхалъ?

— Нѣтъ не слыхалъ, и зовутъ-то тебя какъ?

— Меня-то?.. А Карпъ Егорычъ.

— А тебя какъ? спросилъ третьяго рабочаго Марко Данилычъ.

— Его-то?.. А племянникъ мнѣ-ка по хозяйкѣ будетъ, добродушно отвѣтилъ за него Карпъ Егоровъ. — Софронкой звать-то, Бориса Маркелыча знаешь?.. Сынокъ ему... Онъ у насъ грамотѣй, письма даже писать маракуетъ. Вотъ у Василья Ѳадѣича, у твоего прикащика, въ книгѣ за всѣхъ расписывается, которы въ путинѣ заборы забирали.

— Такъ чего жь вамъ отъ меня надо? спросилъ Марко Данилычъ.

— Деньжонокъ бы надо, ваше степенство, сказалъ Карпъ Егоровъ.—Разчетецъ бы получить. Шутка ли?... Четвертый день какъ мы караванъ твой на мѣсто поставили.

— Такъ что̀ же что четвертый день? Хоть бы шестой былъ аль седьмой, такъ и то невелика бѣда, сказалъ Смолокуровъ.

— Какъ же не бѣда? молвилъ Карпъ Егоровъ.—Что жь намъ по пусту-то проживаться у тебя, ваше степенство? На други бы мѣста пора поступать.

— Поспѣешь... молвилъ Смолокуровъ и повернулъ отъ рабочихъ.

— Хорошо вашей милости такъ говорить! сказалъ Сидоръ Аверьяновъ.—А поспрошать бы насъ, намъ-то каково...

— Подождешь успѣешь! сказалъ съ досадой Марко Данилычъ и отвернулся отъ рабочихъ; но тѣ всѣ трое въ одинъ голосъ смѣлѣе стали просить разчета.

— Вѣдь ты, батюшка, за̀ эти за лишни-то дни платы намъ не положишь, добродушно молвилъ Карпъ Егоровъ.

— Не положу, спокойно отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Такъ почто же намъ харчиться-то да работу у другихъ хозяевъ упущать? громко заговорили рабочіе.—Власть ваша, а это ужь не порядки. Разчитайте насъ какъ слѣдуетъ.

— Это вы что̀ вздумали?.. Бунтъ поднимать?.. А? наступая на рабочихъ, крикнулъ Смолокуровъ.—Да я васъ....

Рабочіе немного попятились, но униматься не унимались.

— Своего, заслужённаго просимъ!... Вели насъ разчитать какъ слѣдуетъ!... Что̀ жь это за порядки будутъ!.. Задаромъ людей держать!... Аль на тебя и управы нѣтъ? громче прежняго кричали рабочіе.

Ихъ было ужь не трое, а больше пятидесяти. Съ семи первыхъ баржей, перегоняя другъ дружку, бѣжали на шумъ остальные; всѣ становились передъ Маркомъ Данилычемъ, кричали и бранились одинъ громче другаго.

— Нечего намъ у тебя проживаться. Разчетъ подавай! Просили, просили приказщика, четвертый день прошелъ, а разчитывать насъ не разчитываетъ.... Такъ самъ разчитай— ты хозяинъ, дѣло твое....

— Такъ такъ-то вы, кособрюхіе! зычнымъ голосомъ крикнулъ на нихъ Смолокуровъ.—Ахъ вы анаѳемы!.. Бунтовать!... Да я въ нитку васъ вытяну!.. Сейчасъ къ водяному поѣду, онъ васъ переберетъ по своему!... По мѣстамъ, разбойники!

Но разбойники по мѣстамъ не пошли, толпа росла и вскорѣ вся почти палуба нагруженной тюленьимъ жиромъ восьмой баржи покрылась рабочими. Гомонъ поднялся страшный. По

всему каравану рабочіе другихъ хозяевъ выбѣгли на палубы смотрѣть да слушать что̀ дѣется на Смолокуровскихъ баржахъ. Плывшіе мимо избылецкія * лодки съ малиной и смородиной остановились на рѣчномъ стержнѣ и сидѣвшія въ нихъ бабы съ любопытствомъ смотрѣли на шумѣвшихъ рабочихъ.

— Разчетъ подавай!... Сейчасъ же разчетъ!... Нечего отлынивать-то!... Жила ты этакой!.. Бѣдныхъ людей обирать!... Не бойсь, не дадутъ тебѣ потачки.... И на тебя судъ найдемъ!... Разчетъ подавай!...

Клики громче и громче. Сильнѣй и сильнѣй напираютъ рабочіе на Марка Данилыча. Прикащикъ, конторщикъ, лоцманъ, водоливы, понуривъ головы, отошли въ сторону. Смолокуровъ былъ окруженъ шумѣвшей и галдѣвшей толпой. Рабочій что̀ первый завелъ рѣчь о разчетѣ картузъ надѣлъ и фертомъ подбоченился. Глядя на него другой надѣлъ картузъ, третій, четвертый—всѣ... Иные стали даже рукава засучивать.

— Сейчасъ же разчетъ!... Сію же минуту!.. кричали рабочіе, и за криками ихъ нельзя было разслушать что̀ имъ на отвѣтъ кричалъ Смолокуровъ.

Косная межь тѣмъ подгребла подъ восьмую баржу, но рабочій что̀ притащилъ трапъ не могъ продраться сквозь толпу, загородившую бортъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, бросилъ онъ трапъ на палубу, а самъ, надѣвъ шапку, вылучилъ глаза на хозяина и во всю мочь крикнулъ:

— Разчетъ подавай, такой, этакой!

Расходилась толпа, что волна. Нѣтъ уйму. Ни брань, ни угрозы, ни уговоры Смолокурова не въ силахъ остановить расходившагося волненья. Но не сробѣлъ, шагомъ не попятился Марко Данилычъ. Скрестивъ руки на груди, гнѣвенъ и грозенъ стоялъ онъ недвижно передъ толпою.

— Молчать! крикнулъ онъ. — Молчать! Слушай что̀ хочу говорить.

Передніе грубо, съ задоромъ ему отвѣчаютъ:

— Чего еще скажешь?... Ну, говори.... Эй ребята, полно галдѣть—слушай что̀ онъ скажетъ.... Перестань же ребята!.. Нишкни!.. Что глотку-то дерешь, чертовой матери сынъ,

* Избылецъ—село на Окѣ возлѣ города Горбатова. Въ немъ много садовъ. Яблоки и ягоды отправляютъ оттуда каждый почти день въ лодкахъ на Макарьевску ярмонку въ огромномъ количествѣ. Возятъ ягоды и яблоки больше бабы.

зарычали передніе на кричавшаго пуще всѣхъ Сидора Аверьянова изъ сызранской Елшанки.

А Марко Данилычъ попрежнему стоитъ скрестивъ руки на груди. Самъ ни слова.

Унялась толпа, послѣднимъ горлопанамъ, что̀ не хотѣли уняться, отъ своихъ досталось и взрыльниковъ и подзатыльниковъ. Стихли.

— Сказывай что̀ хотѣлъ говорить, говорили передніе Марку Данилычу.—Слушаемъ!..

— А вотъ что̀ я хотѣлъ говорить, ровнымъ, твердымъ голосомъ началъ протяжно свою рѣчь Марко Данилычъ.— Кто сейчасъ, сію же минуту, на свое мѣсто пойдетъ, тотъ часа черезъ два деньги получитъ сполна. И за четыре дня что̀ лишняго простояли получитъ.... А кто не пойдетъ, не уймется отъ буйства, не отъ меня тотъ деньги получитъ, а отъ водянаго—ему предоставлю съ тѣми разчитываться, и за четыре простойныхъ дня тотъ гроша́ не получитъ.... Сидоръ Аверьяновъ, Карпъ Егоровъ, Софронъ Борисовъ—вы зачинали, вы и унимайте буяновъ!.. Имена ваши знаю—плохо вамъ будетъ коли не уймете товарищей!... Лозаны у водянаго здоровые!... А кто по мѣстамъ пойдетъ, для тѣхъ сію минуту за деньгами поѣду — при мнѣ нѣтъ, а что̀ есть у Василья Ѳадѣева того на всѣхъ не хватитъ. Первые кто на свои мѣста пойдутъ, тѣмъ до моего возврата Василій Ѳадѣевъ деньги выдастъ и пачпорты.... Слышали?

Пуще прежняго зашумѣли рабочіе, но крики и брань ихъ шли не къ хозяину, межь собой пошли браниться—одни идти по мѣстамъ хотятъ, другіе съ мѣста тронуться не желаютъ. Тамъ одинъ другаго за шиворотъ, тамъ другъ друга въ зубы—и пошла на баржѣ драка, но добрая доля рабочихъ пошла по мѣстамъ, говоря прикащику:

— Василій Ѳадѣичъ, пиши насъ по именамъ да деньги сейчасъ подавай—мы то̀тчасъ же пошли по приказу хозяйскому.

Пользуясь сумятицей, перемахнулъ Марко Данилычъ за̀ бортъ, спустился по канату въ косную и немного отплывъ крикнулъ на баржу:

— Ѳадѣевъ! Денегъ не давать никому!.. Погодите вы у меня, разбойники!.. Я съ вами расправлюсь съ мошенниками!.. Сейчасъ же сюда привезу водянаго.

— Упустили! въ одинъ голосъ крикнули оста̀вшіеся на восьмой баржѣ... И полились брань и ругань на удалявшагося Марка Данилыча. Быстро неслась косная внизъ по теченію.

— Теперь онъ, собака, прямо къ водяному!... Сунетъ ему, а тотъ насъ совсѣмъ завинитъ, такъ говорилъ толпѣ плечистый рабочій съ сивой окладистой бородой, съ черными какъ уголь глазами. Вся артель его уважала, рабочіе звали его „дядей Архиломъ“. — Снаряжай, Сидоръ, спину-то: тебѣ, парень, отвѣчать въ перву голову.

— Еще посмотримъ кто кого! бодрился Сидоръ, а у самого душа въ пятки ушла. — Линьки водяныхъ солдатъ были знакомы ему. Макарьевскихъ только покамѣсть не пробовалъ.

— И порютъ же здѣсь, братцы! весело подхватилъ молодой парень, присѣвши на брусъ переобуться. — Лѣтось объ эту же самую пору меня анаѳемы здѣсь угощали.... Въ Самарѣ здорово порютъ, и въ Казани хорошо, а супротивъ здѣшняго и самарскія розги и казанскія званія не стоятъ.

— А за что мнѣ въ перву-то голову отвѣчать? тоскливо заговорилъ Сидоръ Аверьяновъ, хорошо знакомый и съ Казанью и съ Самарой.—Что я первый заговорилъ съ жидомъ проклятымъ... Такъ что же?.. А галдѣть да буянить, развѣ я одинъ буянилъ?... Тутъ надо по-божески. По справедливости, значитъ... Всѣ галдѣли, всѣ буянили — такъ-то.

— Вѣстимо всѣ, подтвердилъ Карлъ Егоровъ, тоже помышляя о линькахъ макарьевскихъ.

— Всѣхъ перепороть нельзя, спокойно молвилъ переобувавшійся парень. — Линьки перепортишь, да и солдатики притомятся.

— Знамо, всѣхъ нельзя, не слѣдуетъ, согласились съ нимъ другіе.

— А вѣдь не дастъ онъ, собака, за простой ни копеечки, не то что намъ, а и тѣмъ что его послушались, по мѣстамъ съ перваго слова пошли, замѣтилъ одинъ рабочій.

— Извѣстно, не дастъ, согласились съ нимъ. — Это онъ только для отводу молвилъ, чтобы утечь значитъ. А мы, дураки, и упустили...

И много тосковали, и долго промежь себя толковали про то чему быть и чего не отбыть...

IX.

Много спустя, когда рабочіе угомонились и почесывая спины укоряли другъ друга въ бунтѣ, къ нимъ подошелъ Василій Ѳадѣевъ.

— Что?... Небось присмирѣли? съ усмѣшкой сказалъ онъ. — Обождите-ка до вечера, узнаете какъ бунты въ караванѣ заводить! Земля-то вѣдь здѣсь не безсудная — хозяинъ управу найдетъ. Со Смолокуровымъ вашему брату тягаться не рука, онъ не то что съ водянымъ, съ самимъ губернаторомъ водитъ хлѣбъ-соль. Его на васъ, гололятыхъ, начальство не смѣняетъ...

— Да что жь это такое будетъ, Василій Ѳадѣичъ?... заговорили двое-трое изъ рабочихъ.—Вечоръ самъ училъ говорить бы покрѣпче съ хозяиномъ, а теперь вонъ что зачалъ толковать... Нѣшто это по-божески?..

— Такъ нѣшто я васъ бунтовать училъ? вспыхнулъ прикащикъ.—Говорилъ я вамъ чтобъ вы его просили покрѣпче значитъ пожалостливѣй, а вы, чортовы куклы, горланить вздумали, ругаться, рукава даже стали засучивать, бестіи... Этому развѣ училъ я васъ?... А?

— Вѣстимо не тому, Василій Ѳадѣичъ, почесывая въ затылкахъ, отвѣчали рабочіе. — Твои слова къ добру шли, училъ ты насъ по хорошему. А мы-то гляди-ка чего съ дуру-то надѣлали... Гляка-еь какое дѣло-то вышло!.. Что теперича намъ за́ это будетъ?... Ты Василій Ѳадѣичъ человѣкъ знающій, всѣ законы произошелъ, скажи Христа ради, что намъ за́ это будетъ?

— Перепорютъ, равнодушно отвѣтилъ прикащикъ.

— Ежели только перепорютъ, это еще не велика́ бѣда — спина-то вѣдь не на базарѣ куплена, молвилъ одинъ рабочій. — А вотъ какъ въ кутузку засадятъ, да продержатъ въ ней съ недѣлю али денъ съ десять!...

— Дольше продержутъ, молвилъ Василій Ѳадѣевъ. — Въ одинъ день развѣ сто двадцать человѣкъ перепорешь?... Этого нельзя.

— То-то вотъ и есть, жалобно и грустно отвѣтилъ рабочій. — Вѣдь десять-то дёнъ мало-мало три цѣлковыхъ надо положить, да здѣсь вотъ еще четыре дня простою. Вѣдь это, милый человѣкъ, четыре цѣлковыхъ — вотъ что ләсуди.

— Вѣрно, подтвердилъ Василій Ѳадѣичъ. — По нонѣшнимъ цѣнамъ у Макарья пожалуй и больше четырехъ-то цѣлковыхъ пришлось бы. Плотники нонѣ по рублю да рублю двадцати на серебро брали, крючники по полтинѣ да по шести гривенъ, солоносы по семи... Вотъ каки нонѣшнимъ годомъ Господь цѣны устроилъ... Да!

— Василій Θадѣичъ! Будь отецъ родной, яви Божеску милость, научи дураковъ уму-разуму, присовѣтуй какъ бы намъ ладненько къ хозяину-то?... Смириться бы какъ?... стали приставать рабочіе, въ ноги даже кланялись прикащику.

— Смирится онъ? Какъ же! Растопырь карманъ-отъ! съ усмѣшкой отвѣтилъ Василій Θадѣевъ.—Не на таковскаго напали... Нашъ хозяинъ и въ маломъ потакать не любитъ, а тутъ шутка ль что вы вздумали?... Бунтъ!... Рукава засучивать на него зачали, окружили со всѣхъ сторонъ. Вѣдь мало бы еще, такъ вы бы его въ потасовку... Нечего тутъ и думать пустаго—не смирится онъ съ вами.... Такъ дойметъ что до гроба жизни будете нонѣшній день поминать...

— Ахти, Господи батюшка, истинный Христосъ!.. Да что жь это будетъ? тосковали рабочіе, въ отчаяньи понуривъ головы.

Крѣпко задумавшись, Сидоръ Аверьяновъ сидѣлъ одаль, на косякѣ. * Вдругъ быстро вскочилъ онъ и шепнулъ подойдя къ прикащику:

— Подь-ка со мной къ сторонкѣ, Василій Θадѣичъ.

Прикащикъ отошелъ съ нимъ къ самой кормѣ.

— Такъ какъ мнѣ теперича доводится безъ трехъ гривенъ шесть цѣлковыхъ.... началъ Сидоръ.

— Ну? спросилъ прикащикъ, когда тотъ немного замялся.

— Возьми ты ихъ себѣ, Василій Θадѣичъ, эти самыя деньги... Поступаюсь ими, пачпортъ только выдай—я бы котомку на плечи да айда домой. Ну васъ тутъ и съ караваномъ-то!...

— Мудрено, братъ, придумалъ, засмѣялся прикащикъ.— Ну, выдамъ я тебѣ пачпортъ, отпущу, какъ же деньги-то твои добуду?... Хозяинъ-отъ вѣдь чать расписку тоже спроситъ съ меня. У него, братъ, не какъ у другихъ — безъ расписокъ ни единому человѣку мѣдной полушки не велитъ давать, а за всякій прочетъ, ежели случится, съ меня вычитаетъ... Нѣтъ, Сидорка, про то и думать не моги.

— Эхъ, горе-то какое! вздохнулъ Сидорка.—Ну инъ вотъ что: сапоги-то что я въ Казани купилъ, три цѣлкача далъ, вовсе не хожены. Возьми ты ихъ за пачпортъ, а деньги, ну ихъ къ бѣсу — пропадай онѣ совсѣмъ, подавись ими кровопійца окаянный, чтобъ ему ни дна ни покрышки!...

* Толстый канатъ на которомъ кабестанный, иначе шкивной пароходъ тянетъ подачу.

Василій Ѳадѣичъ раздумывалъ, пристально разглядывая Сидоровы сапоги.

— Полно-ка пустое городить-то, молвилъ онъ маленько помолчавъ.—Ну что у тебя за сапоги? Стоитъ ли изъ-за нихъ грѣхъ на душу брать?.. Нѣтъ ужъ, брательникъ, неча дѣлать, готовь спину на линьки да посиди недѣльки двѣ въ кутузкѣ. Что станешь дѣлать?... такой ужъ грѣхъ приключился... А онъ тебя безпремѣнно заводчикомъ выставитъ... Пожалуй еще, вспороть-то тебя вспорютъ, да на придачу по этапу на родину пошлютъ. Со всякими, братецъ, тогда острогами дорогой-то сознакомишься.

— Мерлушчату шапку на придачу. Знатная шапка, настояща мурашкинская.... И совсѣмъ какъ есть новенькая... Двухъ-то цѣлковыхъ стоитъ. Христа ради, Василій Ѳадѣичъ, будь аки Богъ, вызволь меня изъ бѣды неминучей...

— Полно-ка ты, перестань! Что вздоръ-отъ молоть понапрасну?.. молвилъ Василій Ѳадѣевъ, и повернувшись, пошелъ къ казенкѣ.

Сидоръ за нимъ. Сталъ у дверей. Въ казенку рабочимъ нѣтъ ходу, не посмѣлъ и Сидоръ войти туда за прикащикомъ.

— Помилосердуй, Василій Ѳадѣичъ, слезно молилъ онъ, стоя на порогѣ у притолоки.—Платъ бумажный дамъ на придачу. Больше ей-Богу нѣтъ у меня ничего.... И радъ бы что далъ, да нечего... При случаѣ встрѣтились бы гдѣ, угостилъ бы я тебя, и деньжонокъ аль чего-нибудь еще далъ бы.... Мнѣ бы только на волю-то выйти, тотчасъ раздобудусь деньгами. У меня тутъ купцы знакомые на ярмонкѣ-то есть, седни же работу найду... Не оставь, Василій Ѳадѣичъ, Христомъ Богомъ прошу тебя.

И повалился въ ноги и заволилъ, не поднимая головы отъ полу.

— Эхъ ты!.. съ досадой молвилъ ему прикащикъ. — Да не валяйся—увидятъ... Подь сюда въ казенку.

Сидоръ всталъ и вошелъ къ прикащику. Тотъ сказалъ ему:

— Хозяину-то что скажу? Ты объ этомъ-то подумалъ ли? Скажетъ: Сидоръ всему бунту зачинщикъ, а куда онъ дѣвался? Что я скажу?

— Сбѣжалъ, молъ.

— А пачпортъ спроситъ?

— Пачпортъ спроситъ! задумался Сидоръ. — А ты скажи

что я былъ изъ слѣпенькихъ.... Вѣдь есть же у насъ на баржахъ слѣпеньки-то. *

— Такъ при водяномъ-то и сказать? Хорошо вздумалъ — нечего! усмѣхнулся Василій Ѳадѣичъ.

— Допрежь молви ему, упреди... Аль не знаетъ что на его баржахъ слѣпые-то водятся?

— Знать-то знаетъ... Какъ не знать... Только, право, не знаю какъ это сдѣлать... задумался прикащикъ. — Ну, была не была! вскликнулъ онъ, еще немного подумавши. — Тащи шапку, скидай сапоги. Такъ ужъ и быть, избавлю тебя, потому знаю что человѣкъ ты добрый — языкомъ только гораздъ лишнее болтать. Вотъ хоть сегодняшнее взять — ну какой чортъ совалъ тебя первымъ-то къ нему лѣзть?

— Брательники просили, ты де всѣхъ рѣчистѣй, потому де самому ты и зачинай. Съ общаго значитъ совѣта всей артели мы съ Карломъ да съ Софронкой пошли. Что жь, вѣдь я кажись говорилъ съ нимъ по хорошему?

— По хорошему! А какъ загалдѣли, такъ оралъ пуще всѣхъ, да еще рукава засучалъ... сказалъ прикащикъ.

— Рукавовъ я не засучивалъ, Василій Ѳадѣичъ, а что кричать, точно кричалъ... Такъ развѣ я одинъ? говорилъ Сидоръ.

— Полно растобарывать-то. Неси скорѣй, а я пачпортъ отыщу.

Сіялъ отъ радости Сидоръ, сбѣжалъ въ мурью и минутъ чрезъ десять вылѣзъ оттуда въ истоптанныхъ лаптяхъ, съ котомкой за плечами и съ сапогами въ рукахъ. Войдя въ казенку, поставилъ онъ сапоги на́ полъ, а шапку и платокъ на столъ положилъ. Молча подалъ прикащикъ Сидору паспортъ, внимательно осмотрѣвъ передъ тѣмъ каждую вещь.

Сидоръ взялъ паспортъ, пріосанился и ужь не такъ робко и покорно какъ прежде, сказалъ:

— Ты ужь мнѣ, Василій Ѳадѣичъ, каку-нибудь шапченку пожертвуй...

— Гдѣ мнѣ про тебя шапокъ-то набраться? строго взглянувъ на него, вскликнулъ прикащикъ.—Вотъ еще что̀ вздумалъ!

— Да какъ же я по ярмонкѣ-то безъ шапки пойду? Тамъ казаки по улицамъ такъ и шныряютъ — пожалуй какъ разъ заподозрятъ въ чемъ, да стащутъ меня...

* Слѣпыми у бурлаковъ зовутся не имѣющіе письменнаго вида, безпаспортные.

— Слѣзь въ мурью да украдь у кого-нибудь картузъ либо шапку, молвилъ Василій Ѳадѣичъ. — А то вдругъ шапку ему пожертвуй. Вѣдь выдумаетъ же!

— И то видно украсть... Счастливо оставаться, Василій Ѳадѣичъ, сказалъ Сидоръ.

— Съ Богомъ, пробурчалъ прикащикъ, взялъ перо и наклонился надъ бумагами.

Сидоръ, въ лаптяхъ, въ краденомъ картузѣ, съ котомкой за плечами, попросилъ одного изъ рабочихъ, закадычнаго своего пріятеля, довезти его въ лодкѣ до берега. Проходя мимо рабочихъ, все еще стоявшихъ кучками и толковавшихъ про то что будетъ, крикнулъ имъ:

— Прощайте, братцы!

— Куда ты, Сидоръ, куда? закричали рабочіе, подбѣгая къ нему.

— Сбѣжать задумалъ, молвилъ Сидоръ. — Такъ-то сходнѣе: и спина цѣлѣй, и за работу седни же...

— А деньги-то?

— Песъ съ ними! Пущай анаѳема Маркушка ими подавится, молвилъ Сидоръ.— Денегъ-то за нимъ не сполна шесть цѣлковыхъ осталось, а какъ засадятъ недѣли на двѣ, такъ по четыре только гривенника поденьщину считай, значитъ пять рублей шесть гривенъ. Одинъ гривенникъ убытку понесу. Такъ нешто спина гривенника-то не стóитъ.

Рабочіе захохотали.

— Ну, прощай, Сидоръ Аверьянычъ, прощай, милый человѣкъ, заговорили они, прощаясь съ товарищемъ.

— А пачпортъ-отъ какъ же? спросилъ его Карпъ Егоровъ.

— Песъ съ нимъ! молвилъ Сидоръ.—И безъ него проживу ярмонку-то.—У меня тутъ купцы знакомые—и слѣпаго примутъ.

И сѣвъ въ косную, поплылъ къ песчаному берегу.

— А вѣдь Сидóрка-отъ умно разсудилъ, молвилъ парень что знакомъ былъ съ линьками самарскими, казанскими и макарьевскими. Чего въ самомъ дѣлѣ?.. Айда ребята, сбѣжимъ гуртóмъ... Веселѣе!.. Пущай Маркушка лопнетъ съ досады!..

— А разчетъ-отъ? А деньги-то? заговорили рабочіе.

— Мнѣ всего три цѣлковыхъ получки.... А какъ засадятъ, такъ въ самомъ дѣлѣ будетъ накладно.... Дороже обойдется.... Я сбѣгу.

— А пáчпортъ-отъ какъ же?... Васька Ѳадѣевъ нешто отдастъ? спрашивали у него.

— Я изъ слѣлыхъ, да и Сидорка-то тоже никакъ. Эй, рабята!... Кто слѣлой да у кого денегъ много забрано—айда!...

И полѣзъ въ мурью снаряжаться.

Съ нимъ сбѣжало еще десятеро слѣлыхъ. Тѣ слѣпые у которыхъ мало денегъ было въ заборѣ не пошли за Сидоркой, остались. Онъ крикнулъ имъ изъ лодки:

— Дурни!... Хоть бы и вовсе заборовъ не было, и задатковъ ежели бы вы не взяли, все же сходнѣе сбѣжать. Ярмонкѣ еще мѣсяцъ стоять—плохо, плохо четвертную заработашь, а безъ лачпорта-то тебя водяной въ острогъ засадитъ, да по эталу оттуда. Развѣ къ зимѣ до домовъ-то доплетешься... Плюнуть бы вамъ, братцы слѣлые!... Эй, помяните мое слово!..

— А вѣдь онъ дѣло сказалъ, заговорили рабочіе.

— Сбѣжать точно что будетъ сходнѣе, толковали они.

— Что жь, ребята?... Айда что ли?... почти ужь у берега закричалъ отплывавшій слѣпой.

— Айда!.. Айда, ребята! закричали зычные голоса, и много рабочихъ кинулось въ мурьи сбираться въ путь-дорогу.

На шумъ вышелъ изъ казенки заснувшій было тамъ Василій Өадѣевъ.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Слѣлые сбѣжали, отвѣтили ему.

Взглянулъ прикащикъ на рѣку—видитъ ото всѣхъ баржей плывутъ къ берегу лодки, на каждой человѣкъ по семи, по восьми сидитъ. Слѣлыхъ въ Смолокуровскомъ караванѣ было на половину. На всемъ Низовьѣ по городамъ, въ Камышахъ * и на рыбныхъ ватагахъ изстари много народу безъ глазъ ** проживаетъ. Про Астрахань, что бурлаками Разгуляй-городокъ прозвана, въ путевой бурлацкой пѣснѣ поется:

Кому плыть въ Камыши—
Тотъ паспорта не пиши,
Кто захочетъ въ Разгуляй —
И билетъ не выправляй.

Рыбные промышленники, судохозяева и всякаго другаго рода хозяева съ большой охотой слѣлыхъ нанимаютъ: и берутъ

* Камышами называются берега Волги и острова на ней въ Астраханской губерніи.

** Глаза—паспортъ, на языкѣ бурлаковъ, а также на языкѣ московскихъ жуликовъ, петербургскихъ мазуриковъ.

дешевле, и обсчитать ихъ сподручнѣй, и своимъ судомъ можно съ ними расправиться, хоть бы даже и посѣчь коль до того доведется. Кому безъ глазъ-то пойдетъ онъ жалобиться? Еще въ досталь накланяется, только батюшки отпустите. Марко Данилычъ слѣпыми не брезговалъ—у него и в ловляхъ и на баржахъ завсегда ихъ вдоволь бывало... Потому, выгодно.

— Ахъ, дуй ихъ горой! воскликнулъ Василій Ѳадѣевъ.— Лодки-то подлецы на берегу покинутъ!... Ну, такъ и есть... Осталась ли хоть одна косная?.. Слава Богу, не всѣ захватили... Миронычъ, въ косную!.. Приплавьте, ребята, лодки-то.... Покинули ихъ бестіи, и весла по берегу разбросали... Ахъ чтобъ васъ розорвало!... Ишь что вздумали!... Поди вотъ тутъ—ищи ихъ... Ахъ разбойники, разбойники!.. Вотъ взодрать-то бы всѣхъ до единаго. Гляка-сь что надѣлали!..

Василій Ѳадѣевъ не горевалъ: и хозяинъ не въ убыткѣ и онъ не въ накладѣ. Притомъ же хлопотъ да привязокъ отъ водянаго за слѣпыхъ избыли. А то пошла бы переборка рабочихъ да дознались бы что на баржахъ больше шестидесяти человѣкъ безпаспортныхъ, можетъ изъ Сибири бѣглыхъ да изъ полковъ—тогда бы дешево-то пожалуй не раздѣлались. А теперь, слава Богу, всѣмъ хорошо, всѣмъ выгодно, и хозяину, и прикащику, и слѣпымъ. Зрячимъ только не было выгоды: пригорюнились они, особливо Карпъ Егоровъ съ племянникомъ. Вмѣстѣ съ Сидоромъ зачинщиками Марко Данилычъ ихъ обозвалъ — имъ первымъ и отвѣчать.

— Батюшка, Василій Ѳадѣичъ, пожалѣй ты насъ дураковъ, умоли Марка Данилыча, преклони гнѣвъ его на милость!.. вопили они, валяясь въ ногахъ у прикащика.

Другіе рабочіе тоже не чаяли добра отъ водянаго. Понадѣясь на свои паспорты они громче другихъ кричали, больше наступали на хозяина, они же и по мѣстамъ не пошли. Теперь закручинились. Придется, сидя въ кутузкѣ, рабочіе дни терять.

— Ничего я тутъ не могу сдѣлать, говорилъ Василій Ѳадѣевъ рабочимъ.

— Какъ же не можешь? Вся сила въ тебѣ... Ты всему каравану голова... Кого же ему какъ не тебя слушать, кланялись и молили его рабочіе.

— Сговоришь съ нимъ!.. Какъ же!.. молвилъ Василій Ѳадѣевъ.—Не въ примѣту развѣ вамъ было какъ онъ ничего не́ видя, никакого дѣла не разобравши, за сушь-то меня обругалъ? И мошенникъ-отъ я у него, и разбойникъ-отъ! Жиденька!.. Весломъ что ли небо-то разшевырять, коли солнцовъ не было... Собака такъ собака и есть!.. Подойди-ка теперь я къ нему, да заведи съ нимъ рѣчь про ваши дѣла, такъ онъ и не знай что̀ со мной подѣлаетъ... Ей-Богу!

— Нѣтъ, ужь ты Василій Ѳадѣичъ, яви Божеску милость, за насъ, беззаступныхъ, попечалуйся, приставали рабочіе. — Мы бы тебя вотъ какъ уважили!... Безъ гостинца, милый человѣкъ, не остался бы!.. Ты не думай, чтобы мы на шаромыгу!..

— Полноте-ка ребята челуху-то нести, молвилъ отходя отъ нихъ прикащикъ.—Да и некогда мнѣ съ вами растабарывать, лепортицу велѣлъ сготовить кто сколько денегъ изъ васъ перебралъ, а я грѣхомъ прослáлъ маленько... Пойти сготовить скорѣе, не то пріѣдетъ съ водянымъ—разлютуется.

И ушелъ въ казенкку.

Стоятъ на мѣстѣ рабочіе, понуривъ думныя головы. Дѣло куда ни верни, со всѣхъ сторонъ никуда не годится. Ни линьковъ, ни великихъ убытковъ никакъ не избыть. Кто-то сказалъ что прикащикъ только ломается, а ежели поклониться ему полтиной съ души, пожалуй упроситъ хозяина.

— На полтину съ брата согласенъ не будетъ, молвилъ дядя Архипъ.—Считай-ка сколь насъ осталось.

Стали считать, насчитали какъ разъ шестьдесятъ человѣкъ.

— Всего значитъ тридцать цѣлковыхъ, сказалъ дядя Архипъ. — И подумать не захочетъ... Цѣлковыхъ по два собрать, тогда можетъ-статься возьмется, и то наврядъ....

Зашумѣли рабочіе, у кого много забрано денегъ тѣ кричатъ что по два цѣлковыхъ будетъ накладно, другіе на томъ стоятъ что можно и больше двухъ цѣлковыхъ прикащику дать ежели станетъ требовать. Безъ перекоровъ и перебранокъ сходка не стоитъ. Согласились наконецъ дать прикащику сто цѣлковыхъ. Такъ порѣшивъ стали смекать по скольку на брата придется; по пальцамъ считали, на бирках рѣзали, чурочками да щепочками метали; наконецъ добрались что съ каждаго по цѣлковому да по шестидесяти шести копѣекъ надо. Ради вѣрности по рукамъ чурочки да

щепочки разобрали и потомъ въ груду метали ихъ. Рты разинули отъ удивленья, когда пересчитавъ чурочки увидѣли что цѣлыхъ сорока не хватаетъ. Опять начались толки да споры куда сорокъ копеекъ дѣвалось.

Сладились наконецъ. Дядя Архипъ робко пошелъ къ казенкѣ и ставъ въ дверяхъ молвилъ сидѣвшему за лепортицей прикащику:

— Батюшка, Василій Ѳадѣичъ, прикажи слово молвить.

— Чего еще? съ досадой крикнулъ прикащикъ.—Мѣшаете только! Дѣломъ заняться нельзя съ вами, буянами.

— Да я все насчетъ того же, порадѣй ты объ насъ, помоги въ нашей бѣдѣ, говорилъ дядя Архипъ.

— Сказано вѣдь вамъ! Такъ нѣтъ, лѣзутъ!

— По рублику бы съ брата мы поклонились вашей милости—шестидесятью цѣлковыми... Прими сударь, не ломайся!.. только выручи Христа ради!.. При разчетѣ съ каждаго человѣка ты бы по цѣлковому взялъ себѣ, и дѣло бы съ концомъ.

— Ишь что̀ еще вздумали! гнѣвно вскликнулъ прикащикъ.—Стану изъ-за такой малости я руки марать!.. Пошелъ прочь!.. Говорятъ тебѣ, не мѣшай.

— Ты Василій Ѳадѣичъ не гнѣвись. Скажи свою цѣну. Богъ дастъ сойдемся какъ-нибудь, не трогаясь съ мѣста, говорилъ дядя Архипъ.

Замолкъ Василій Ѳадѣевъ, сталъ писать свою лепортицу, а дядя Архипъ не отходитъ отъ дверей казенки.

— Полтораста! вполголоса пробурчалъ прикащикъ послѣ короткаго молчанья, кладя перо и глядя въ упоръ на дядю Архипа.

— Не многонько ли будетъ, Василій Ѳадѣичъ?... посмѣлѣй прежняго заговорилъ дядя Архипъ.—Пожалѣй насъ хоть маленечко — не подъ силу будетъ такой суймой * намъ поступиться твоей милости.

— Полтораста, еще тише промолвилъ прикащикъ, и снова взялся за перо.

Помялся на мѣстѣ дядя Архипъ. Протягивая въ казенку руку, сказалъ:

— Такъ и быть, куда ни шло, получай три четвертухи, семьдесятъ пять цѣлковыхъ значитъ.

Молчитъ Ѳадѣевъ.

* Сумма.

— Будетъ съ тебя, милый человѣкъ, ей-Богу будетъ, продолжалъ Архипъ, переминаясь и вертя въ рукахъ оборванную шляпенку.—Мы бы сейчасъ же разверстали по скольку на брата придется и велѣли бъ Софронкѣ въ книгѣ расписаться: получили молъ въ Казани по стольку-то, аль тамъ въ Симбирскѣ что ли, это ужь тебѣ виднѣе какъ надо писать.

— Сколько васъ? не поднимая съ бумаги глазъ, спросилъ прикащикъ.

— Шестьдесятъ человѣкъ, отвѣтилъ дядя Архипъ.

— По два цѣлковыхъ съ брата, чуть слышно проговорилъ Василій Ѳадѣевъ.

— Нѣтъ, ужь ты сдѣлай такую милость, возьми три четвертухи, пожалѣй насъ, родимый, вѣдь кровь свою отдаемъ— ты это подумай, умолялъ дядя Архипъ.

— Какъ задержатъ у водянаго да по этапу домой погонятъ, не по два цѣлковыхъ убытку примете, шепотомъ почти сказалъ Ѳадѣевъ.

— Да, оно такъ-то такъ, что̀ про̀ это говорить. Вѣстимо больше потерпишь, да ужь ты помилосердуй, заставь за себя вѣчно Бога молить... Ты вѣдь наша заступа, на тебя наша надёжда — какъ Богъ, такъ и ты. Сдѣлай милость, пожалѣй насъ, Василій Ѳадѣичъ, слезно умолялъ дядя Архипъ прикащика.

Наконецъ сладились. Сошлись на сотнѣ. Дядя Архипъ пошелъ къ рабочимъ, все еще галдѣвшимъ на седьмой баржѣ, и объявилъ имъ о сдѣлкѣ. То̀тчасъ одинъ за другимъ стали Софронкѣ руки давать, и паренекъ, склонивъ голову, робко пошелъ за Архипомъ въ прикащикову казенку. Въ полчаса дѣло покончили, и Василій Ѳадѣевъ, кончившій межъ тѣмъ свою лепортицу, вырядился въ праздничную одёжу, сѣлъ въ косную и сопровождаемый громкими напутствованіями рабочихъ поплылъ въ городъ.

Межъ тѣмъ во всемъ караванѣ кашевары ужинъ сготовили. ользуясь отъѣздомъ Василья Ѳадѣева и тѣмъ что водоливы съ лоцманомъ усѣвшись на восьмой баржѣ засаленными, полуразорванными картами стали играть въ три листика, рабочіе подсластили послѣднюю свою ужину—вдоволь накрали рыбы и навалили ее во̀ щи. На шестой да на седьмой баржа̀хъ щи были всѣхъ вкуснѣй—съ севрюгой, съ осетриной, съ бѣлужиной. Су̀противъ другихъ обижены были рабочіе на восьмой бар-

жѣ—тамъ нельзя было воровать, у самаго лаза въ мурью лоцманъ сидѣлъ съ водоливами за картами; да и кладь-то къ ѣдѣ была неспособная — ворвань.... Хорошо поужинали, на руку было рабочимъ что вдвое супротивъ обычнаго ѣли, щи-то заварены и каша засылана были еще до того какъ слѣлые сбѣжали. Инымъ и въ ротъ ужь не лѣзло, да не оставлять же добро — понатужились, сердечные, поѣли все до чиста.

Двѣ трети рабочихъ наѣвшись тотчасъ же спать завалились, человѣкъ съ двадцать въ кучку собралось. Опять галдѣнье пошло.

Какъ на каменну стѣну надѣялись они на Василья Ѳадѣева и больше не боялись ни водянаго, ни кутузки, ни отправки домой по этапу; веселый часъ накатилъ, стали забавляться ребята: боролись, на палкахъ тянулись, дрались на кулачки, и подъ конецъ громкую пѣсню запѣли:

Какъ споемъ же мы ребята про кормилицу,
Про кормилицу про нашу, Волгу-матушку,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Волгу-матушку.
Мы поплавали по матушкѣ и вдоль и поперекъ,
Истоптали мы, ребята, ея круты бережки,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Ея круты бережки.
Исходили мы на лямкѣ всѣ ея жолты пески,
Коли плыли мы ребятушки отъ Рыбной къ Костромѣ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Какъ отъ Рыбной къ Костромѣ.
А вотъ городъ Кострома — гульливая сторона,
А пониже его Плёсъ, чтобъ шайтанъ его пронесъ.
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Чтобъ шайтанъ его пронесъ.
За нимъ Кинешма да Рѣшма — тамой дѣвушки не честны,
А вотъ городъ Юрьевецъ — что ни парень, то подлецъ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Что ни парень, то подлецъ.
Въ Городцѣ-то на дворѣ, по три дѣвки на дворѣ,
А вотъ городъ Балахна — стоятъ полы распахня,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Стоятъ полы распахня.
А вотъ село Козино — много дѣвокъ свезено,
Еще Сормово село — сороминки на-голо,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Сороминки на-голо.
А вотъ Нижній городокъ — ходи, гуляй въ погребокъ,
Вотъ Кунавино село, въ три дуги меня свело.
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Въ три дуги меня свело!
А вотъ Кстово-то Христово, развеселое село,
Хоша чарочка маленька, да винцо хорошо.
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Да винцо хорошо.
Вотъ село Великій Врагъ — въ каждомъ домѣ тамъ кабакъ,

А за нимъ село Безводно — живутъ дѣвушки зазорно,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Живутъ дѣвушки зазорно.
Рядомъ тутъ село Работки — покупай, хозяинъ, водки.
Вотъ Слопинецъ да Татинецъ—всѣмъ мошенникамъ кормилецъ,
Ахъ, ну! Охъ ты мнѣ! Всѣмъ мошенникамъ кормилецъ.*

Громче и громче раздается по каравану удалая пѣсня. Дядя Архипъ, молча и думчиво сидѣлъ у борта и въ тихомолку ковырялъ лапотки изъ лыкъ, украденныхъ имъ на баржѣ сосѣдняго каравана. На своемъ красть неловко—кулаки у рабочихъ пожалуй расходятся.

— Чего заорали, чортовы угодники? Забыли что здѣсь не въ плесу? крикнулъ онъ распѣвшимся ребятамъ. — Городъ здѣсь, ярмонка!... Оглянуться не успѣешь какъ съѣдутъ съ берега архангелы да линьками горла-то заткнутъ. Одну бѣду избыли, на другу рветесь!... Спины-то по плетямъ видно больно соскучились!...

Смолкли пѣвуны, не допѣли разудалой бурлацкой пѣсни, что поминаетъ все прибрежье Волги-матушки отъ Рыбной до Астрахани, поминаетъ соблазны и заманчивыя искушенья большею части рабочему люду недоступныя, потому что у каждаго въ карманѣ-то не очень густо живетъ. Не вскинься на пѣвуновъ дядя Архипъ, спѣли бъ они про „Суру рѣку важную—донышко серебряно, круты бережки позолоченые, а на тѣхъ бережкахъ вдовы дѣвушки живутъ сговорчивыя“, спѣли бы, сердечные, про Свіяжанъ-лещевниковъ, про казанскихъ плаксивыхъ сиротъ, про то какъ въ Тетюшахъ городничій лапоть плелъ, спѣли бъ они про Симбирцевъ гробокрадовъ, качанниковъ, про Сызранцовъ ухорѣзовъ, про то какъ Саратовцы соборъ съ молотка продавали, а чилимники, ** тухлая ворвань, Астраханцы кобылятину вмѣсто бѣлой рыбицы въ Новгородъ слали. До самой Бирючей Косы пропѣли бы, да вотъ дядя Архипъ помѣшалъ.

И дѣло онъ говорилъ, на пользу рѣчь велъ. И въ большихъ городахъ, и на ярмонкахъ такъ у насъ повелось что чуть не на каждомъ шагу нестерпимо гудятъ захожіе Нѣмцы въ свои волынки, наигрываютъ на шарманкахъ Итальянцы, брен-

---

* Путевая бурлацкая пѣсня. Въ ней больше чѣмъ тремъ стамъ мѣстностей отъ Рыбинска до Бирючьей Косы (ниже Астрахани на взморьѣ), даются болѣе или менѣе вѣрныя примѣты.

** Чилимъ—водяные орѣхи, *Trapa natans*.

чатъ на цимбалахъ Евреи, но раздайся громко русская пѣсня—въ кутузку пѣвцовъ.

Смолкли рабочіе, нахмурясь кругомъ озирались, а больше на желтый сылучій песокъ Кунавинскаго берега: не йдетъ ли въ самомъ дѣлѣ посуленный дядей Архиломъ архангелъ. Бѣда однако не грянула.

Иныя забавы пошли у рабочихъ. Скучно.

Здоровенный, приземистый, но ширь въ плечахъ парень, ровно изъ перекатнаго желѣза скроенный, Яшка Моргунъ, первый возвеселилъ братію, первый нову забаву придумалъ. Опрокинулъ порожнюю изъ-подъ сельдей кадку, сѣлъ на нее и крѣпко обвилъ ногами. Вызываетъ охотниковъ треснуть его кулакомъ во всю ширь, аль на отмашь, кому какъ угодно: свалится съ кадки платитъ семитку, * усидитъ—семитка ему, свалится вмѣстѣ съ кадушкой, ногъ съ нея не спуская—ни въ чью. Сыскались охотники, восемь разъ Моргунъ не свалился, два раза кадка свалилась подъ нимъ и онъ плашмя повалился не выпустивъ кадки изъ ногъ. Четвертакъ безъ малаго у Яшки въ карманѣ — послалъ за косушкой.

— Хочешь, ребята, стану орѣхи лбомъ колотить? Такъ послѣ подвиговъ Яшки, голосомъ зычнымъ на всю артель крикнулъ рябой, краснощекій, поджаристый, но крѣпко сколоченный Спирька, Бѣшенымъ Горломъ его прозывали, на всѣхъ караванахъ первый силачъ.—Не простые орѣхи, грецкіе стану шибать. Что разшибу то мое, а который не разобью за тотъ получаю по плюхѣ—хошь ладонью, хошь всѣмъ кулакомъ.

Съ шумомъ, съ крикомъ, со смѣхомъ артель приняла вызовъ Спирьки. Софронку къ бабенкѣ перекупкѣ на берегъ послали, два фунта грецкихъ орѣховъ Софронка принесъ; шесть оплеухъ, всѣ кулакомъ, Бѣшену Горлу достались, остальными орѣхами Спирька вдоволь налакомился.

Кузька Ядреный, родомъ Алатырецъ, сильный, мощный крѣпышъ, слова не молвя, на палубу ринулся навзничь. Звонко затылкомъ хватился о смоленыя гладкія доски. Лёжа на спинѣ онъ такъ похвалялся:

— Катай полѣномъ по брюху, по грошу за разъ.

Весело захохотали рабочіе и нахватавъ полѣньевъ принялись за работу. Дядя Архилъ сталъ было ихъ останавливать: что де вы, лѣшіе, убійства что ли хотите?

---

* Двухкопѣечная мѣдная монета.

— Дурень ты дядя, крикнулъ Кузька Ядреный ему на отвѣтъ.—Слина что ли брюхо-то?... Кости въ немъ что ли?... Духу наберусь, вспучу животъ—что твой пузырь. Катай ребята, не слушай его!..

И катали ребята, на цѣлу косушку выигралъ Кузька Ядреный и всталъ какъ ни въ чемъ не бывало.

И долго еще, пока не стемнѣло, такъ забавлялся, такъ потѣшался рабочій народъ. Не хитры затѣи, дики забавы, да что же дѣлать, нѣтъ иныхъ налицо. Надо же было душу отвести чѣмъ-нибудь....

Поздно, къ самой полночи, воротился на баржи приказчикъ. Безмолвной, тяжко вздыхающей толпой его обступили. Двигаясь важно къ казенкѣ, отрывисто молвилъ Василій Ѳадѣевъ:

— Милости ждите. Завтра разчетъ.

И въ ночной тиши раздались радостные клики по всему каравану.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ *

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО-БІОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

III.

(1795—1801)

Переломъ въ жизни И. А. Второва.—Служба въ Ставрополѣ и опять въ Самарѣ, засѣдателемъ нижняго земскаго суда. — Разъѣзды по уѣзду. — Любовь. — Путешествіе въ Москву. — Алатырь. — Арзамасъ. — Муромъ. — Суздаль. — Юродивая. — Москва. — Оберъ-полицеймейстеръ Эртель. — Семейство Тургеневыхъ. — Спектакль въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. — Балъ въ Дворянскомъ Собраніи. — Маскарадъ въ Петровскомъ театрѣ. — Академіи (клубы) музыкальная и танцовальная. — Литературныя знакомства. — Знакомство съ Н. М. Карамзинымъ. — Московская жизнь Второва и его наблюденія. — Смерть императора Павла. — Смѣна Эртеля Каверинымъ. — Скандалъ при сдачѣ должности. — Весна. — Прогулки. — Карты и знакомства. — Заячьи садки.—Гулянье въ Нѣмецкихъ Станахъ. — Пѣвчіе Колокольникова. — Гулянье въ Слободскомъ саду и въ саду Инвалиднаго Дома. — Сумашедшій Дьяконовъ.—Останкино.— Путешествіе въ Троицко-Сергіевскую Лавру.

Читая самарскія записки И. А. Второва, мы часто встрѣчаемъ въ нихъ выраженія недовольства собою, въ родѣ слѣдующихъ: „я совсѣмъ почти испортился; потухаетъ моя стремительность къ наукамъ и я всѣмъ скучаю. Сколько было предпріятій, сколько плановъ! Всѣ остаются безъ дѣй-

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 4й.

ствія;" „Что я здѣсь пресмыкаюсь?.. Я самъ себѣ удивляюсь; самъ себя не понимаю и пребываю совершеннымъ скотомъ, совершеннымъ тунеядцемъ: ни (по) должности, опредѣленной мнѣ судьбою, ни по склонности моей, предпринимаемаго ничего почти не дѣлаю. И оттого самъ терзаюсь; но самъ же себя не могу преодолѣть... Что̀ это такое? Создатель мой! къ чему Ты меня приводишь?" и пр. Въ числѣ самообличительныхъ фразъ, на которыя не скупился нашъ герой, разъ пять, шесть встрѣчаются и такія: „былъ пьянъ", „былъ погруженъ въ гнусныя мерзости" и т. п. Повидимому тина глухой самарской жизни не разъ грозила втянуть въ себя юнаго Второва, который уже по одному своему экономическому положенію, по крайней своей бѣдности и безпомощности, менѣе чѣмъ кто-либо изъ людей ему подобныхъ (какъ Болотовъ, Добрынинъ), имѣлъ возможность сопротивляться напору житейскихъ невзгодъ. Это, впрочемъ, не объясняетъ еще шестилѣтняго періода въ жизни Второва, времени съ 1795 по 1801 годъ. Самъ онъ, уже въ позднѣйшую пору своей жизни (въ 1818 году), вотъ что̀ говоритъ объ этомъ періодѣ:

„Волнуемый страстями, свойственными сему возрасту, пріобрѣтя болѣе знакомствъ и кружась въ вихрѣ свѣтской жизни, мало-по-малу я оставилъ свои занятія въ наукахъ. Уединеніе стало тяготить меня; я былъ разсѣянъ и рѣдко принимался за журналъ свой. Я сдѣлалъ ужасный переломъ одной страсти, которая была для меня раемъ и адомъ. Сего перелома требовалъ разсудокъ и таковы были обстоятельства. Я оставилъ службу и рѣшился оставить тѣ мѣста гдѣ провелъ юность свою. Я желалъ видѣть обѣ столицы и людей и поѣхалъ въ Москву."

Мы уже видѣли что самарская жизнь Второва не представляла ему тѣхъ средствъ къ самообразованію, какія давала симбирская. Тогдашнюю русскую литературу, то-есть все написанное отъ Ломоносова до Карамзина, онъ поглотилъ; литература текущая въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка была въ крайнемъ оскудѣніи; стало-быть, питаніе ею могло и не удовлетворять человѣка, даже съ такимъ развитіемъ какое имѣлъ тогда Второвъ; ему могло надоѣсть чтеніе, которое онъ называетъ „занятіемъ въ наукахъ". Этотъ перерывъ нельзя впрочемъ назвать бѣдою, великимъ несчастіемъ для нашего героя, какъ онъ самъ называетъ, такъ какъ изъ

своихъ литературныхъ занятій извлекалъ онъ, между прочимъ, и тѣ разслабляющіе соки сентиментальности, которыми, какъ мы видѣли, онъ питался чрезъ мѣру. Самая исторія съ Чекановымъ, то моральное униженіе которое испыталъ Второвъ отъ самарскаго судьи, не могли не содѣйствовать нравственному перелому въ жизни молодаго Второва. Изъ приведенныхъ выше словъ видно что исходъ перелома былъ ко благу и притомъ исходъ мужественный, уже обличавшій сформировавшуюся волю: вырваться изъ провинціальной жизни и бѣжать въ столицы, въ ту пору, для человѣка въ положеніи Второва, было крайне смѣло. Такому благопріятному исходу, хотя и косвенно, какъ возбуждающее къ энергіи средство, помогла любовь къ двумъ женщинамъ, которыхъ именъ герой нашъ, съ сожалѣнію, не называетъ и подробностей о которой въ своихъ краткихъ запискахъ, относящихся къ этой порѣ, никакихъ не сообщаетъ.

Выйдя въ отставку Иванъ Алексѣевичъ надѣялся, какъ мы видѣли, получить мѣсто въ Казани; туда особенно звалъ его Савва Андреевичъ Москотильниковъ, предлагавшій ему гдѣ-то мѣсто секретаря, съ жалованьемъ трехсотъ рублей въ годъ. Полагаясь на это обѣщаніе, Второвъ поѣхалъ въ Казань, оставивъ свое семейство въ Самарѣ; на пути онъ заѣхалъ въ Симбирскъ. Въ этомъ городѣ былъ тогда прокуроромъ И. Д. Апраксинъ, старинный хорошій его знакомый, который уговорилъ его остаться на службѣ въ Симбирскомъ намѣстничествѣ, предложивъ ему два стряпческихъ мѣста. Второвъ выбралъ городъ Ставрополь, куда и переѣхалъ въ маѣ 1795 года. Здѣсь пробылъ онъ два года. Въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ замѣтокъ Второвъ называетъ свою ставропольскою жизнь „самою лучшею и пріятнѣйшею"; мы не знаемъ почему именно она была такою. Ставрольское общество приняло его очень радушно. Онъ завязалъ здѣсь множество знакомствъ, обратившихся потомъ въ прочныя дружескія отношенія; ближе всѣхъ онъ сошелся здѣсь съ семействами Наумовыхъ, Цызыревыхъ, Пановыхъ и Мильковича, какого-то дальняго своего родственника. Наумовыхъ было четыре брата: Алексѣй, Николай, Павелъ и Михаилъ Михайловичи. Николай былъ владѣльцемъ села Архангельскаго, Павелъ—Юркулей, Михаилъ—Вознесенскаго или Головкина. Объ имѣніяхъ Цызыревыхъ намъ неизвѣстно. О Пановыхъ и Мильковичахъ будетъ сказано ниже. Никакихъ подробно-

стей о двухгодичной жизни въ Ставрополѣ въ дневникѣ Второва нѣтъ. Дневникъ возобновляется только 1го января 1797 года, слѣдующими словами:

„Два года уже пролетѣли въ вѣчность какъ я опомнился отъ забвенія, праздностію и разсѣяніемъ духа моего сопровождаемаго. Сердце мое заражено еще. Молю Всемогущаго Отца: да подастъ съ сего утра обновленіе душевныхъ силъ моихъ, да очиститъ сердце, суетами свѣта зараженное!“

Журналъ, по обыкновенію, начинается тоскливою нотой, предчувствіемъ какого-то несчастія, даже скорой смерти, хотя выше говорилось о праздности духа и суетности сердца, и тутъ же прибавлено: „Я во всемъ счастливъ; я любимъ; я не имѣю у себя враговъ; я не сдѣлалъ ничего что̀ бы меня страшило, рано или поздно, возмездіемъ.“ Смерти не послѣдовало; но 27го февраля читаемъ слѣдующую запись:

„Я отъигралъ свою роль въ Ставрополѣ. Богъ знаетъ, найду ли еще столько пріятностей въ моей жизни, какими я здѣсь наслаждался. Властію царя нашего упразднено мое мѣсто, а властію судьбы я разлучаюсь съ любезнымъ мнѣ сердцемъ, которое, чрезъ частое свиданіе, чрезъ частое изліяніе взаимныхъ чувствъ нашихъ, столь привязано ко мнѣ что Богъ знаетъ чего будетъ стоить обоимъ намъ разорвать этотъ союзъ! Прости, мой ангелъ!“ и пр.

Эти слова не были однѣми сентиментальными фразами. Разлука съ *нею* была очень тяжела: въ продолженіи всего 1797 года Второвъ только и занятъ былъ мыслію о *ней*, перепискою съ *ней*, обмѣнами сюрпризовъ и подарковъ и т. п. Съ упраздненіемъ стряпческой должности, Второва не оставили безъ мѣста: его назначили опять въ ту же Самару, засѣдателемъ нижняго земскаго суда, нѣкоторымъ образомъ товарищемъ исправника. Въ Самару онъ прибылъ въ концѣ марта. Новою своею должностью, на первыхъ порахъ, онъ былъ очень доволенъ. Она требовала безпрестанныхъ разъѣздовъ по уѣзду, участія его въ такъ-называемыхъ „временныхъ отдѣленіяхъ“. Эти поѣздки, продолжавшіяся не рѣдко по нѣскольку недѣль къ ряду, были во всякомъ случаѣ для него полезны, расширяя кругъ его знакомствъ и приводя его въ непосредственное соприкосновеніе съ живою дѣйствительностію. Великимъ благомъ для Второва было то что онъ вырвался изъ душной канцелярской атмосферы, что онъ не сдѣлался „уѣзднымъ приказнымъ“. Онъ былъ обязанъ этимъ,

конечно, литературѣ, которая ввела его въ кругъ болѣе развитыхъ людей и окрестныхъ помѣщиковъ; но и обществу послѣднихъ, привѣтливо его встрѣтившему, онъ былъ не мало обязанъ своимъ спасеніемъ отъ приказной проказы. Въ обществѣ самарскихъ и ставропольскихъ помѣщиковъ, между которыми, какъ уже замѣчено, были и родные по матери, Второвъ сталъ находить теперь себѣ друзей и лучшее препровожденіе времени, начиналъ становиться своимъ человѣкомъ. Въ эту же пору уладились и его семейныя отношенія: никакихъ бурь уже не было. Но городская самарская жизнь оставалась тою же самою; пребывалъ въ ней тотъ же А. Ф. Чекановъ, котораго одно присутствіе уже волновало Второва; очутившись въ Самарѣ, послѣдній сталъ пристращаться къ картамъ и началъ было проигрывать значительные куши. Семейство Второва, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ мѣстамъ записокъ, оставалось въ Ставрополѣ. Въ первыхъ строкахъ этихъ записокъ за 1798 годъ говорится о новой страсти нашего героя, — къ кому, опять неизвѣстно. Предметъ первой страсти его, кажется, уѣхалъ въ Петербургъ. Предметъ второй пребывалъ гдѣ-то въ Самарской „округѣ" (такъ Второвъ постоянно называетъ уѣздъ), потому что герой нашъ, во время своихъ безпрестанныхъ отлучекъ изъ города, не разъ съ нею видѣлся. Занятый только собою, своими чувствами и страданіями, юный Второвъ не обращалъ вниманія на окружающую его жизнь; поэтому, между прочимъ, такъ пусты его замѣтки относящіяся къ этимъ годамъ. Но изъ нихъ, между прочимъ, видно что въ ту пору въ Самарскомъ уѣздѣ былъ еще великъ калмыцкій элементъ и встрѣчались еще случаи окалмыченія Русскихъ. Частію Второвъ былъ доволенъ такою непосѣдною, деревенскою жизнію, въ особенности весною и лѣтомъ среди волжской природы, которой онъ былъ поклонникъ. „Боже милосердый (пишетъ онъ 13го мая 1798 года), чего еще желать мнѣ! Я чувствую Твои благости ко мнѣ. Въ такихъ лѣтахъ (ему было 26 лѣтъ), въ такомъ бѣдномъ состояніи, я вижу вездѣ уваженіе къ себѣ, а особливо въ сихъ бѣдныхъ деревняхъ: (здѣсь) вездѣ готовы къ исполненію всѣхъ приказаній моихъ. Однакожъ я желалъ бы хотя посмотрѣть большіе города и ихъ жителей." Въ городѣ, съ его городничимъ и картами, Второвъ чувствовалъ невыра-

зимую тоску и скуку, жалобами на которыя переполнены краткія записки его за 1798—1800 годы.

Новое столѣтіе нашъ герой встрѣтилъ слѣдующею замѣткой:

„Новое столѣтіе! И такъ дни жизни моей назначены въ двухъ вѣкахъ человѣческаго лѣтосчисленія. Сколько времени протекло какъ я кружусь въ хаосѣ заблужденій, оставилъ все чѣмъ пламенно занимался я въ молодости! Слишкомъ жертвую я праздности. Богъ меня оставилъ, какъ преступника, достойнаго презрѣнія. Тяжки грѣхи мои, Творецъ милосердый, я чувствую и т. д.“

Подъ день Свѣтлаго праздника того же года, вотъ что записано:

„Ангелъ небесный! другъ мой безцѣнный! Ни минуты не выходишь ты у меня изъ мыслей. Думаешь ли ты обо мнѣ? Какъ проведешь ты сію наступающую недѣлю? Мы прежде вмѣстѣ были, а теперь розно. Отъ часу становится труднѣе наше свиданіе. Можетъ будетъ и такое время, когда совсѣмъ не возможно будетъ видѣться.“

Это время наступило 25го октября,—день въ который совершилась вѣчная разлука Второва со вторымъ предметомъ его страсти. 11го ноября 1800 года Второвъ оставилъ Самару и отправился въ свое путешествіе въ Москву и Петербургъ. На какія средства онъ его дѣлалъ, чѣмъ жилъ два года въ нашихъ столицахъ, это мы увидимъ изъ его записокъ, изъ образа жизни его въ обѣихъ столицахъ. Тогдашнее гостепріимство и общительность Второва, развившаяся въ немъ за послѣдніе годы, дѣлали возможнымъ такое путешествіе безъ особенныхъ денежныхъ запасовъ. Легче было теперь Второву, чѣмъ прежде, оставить и свое семейство: одна изъ сестеръ его, кажется, старшая, зачѣмъ-то очутилась въ Москвѣ, другая жила съ матерью въ Ставрополѣ; мать крѣпко постарѣла и вскорѣ умерла, въ маѣ 1800 года. Иванъ Алексѣевичъ сталъ, какъ говорится, вольнымъ казакомъ.

Слѣдующее ниже повѣствованіе о путешествіи въ столицы, подвергнувшееся (въ 1818 году) тщательной обработкѣ автора, приводится его собственными словами о пребываніи въ Москвѣ и въ извлеченіи о его петербургской жизни.

Путешествіе въ Москву.

„Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1800 года, простясь съ родными, выѣхалъ я изъ Ставрополя. Былъ въ деревняхъ у Н. А. Дурасова,* у П. П. Тургенева, у друзей моихъ гг. Наумовыхъ, въ Симбирскѣ, а 26го декабря отправился въ дальній путь съ любезнымъ Алексѣемъ Михайловичемъ (Наумовымъ), его супругою, Анною Ѳедоровною, и дѣвицею Катериной Дмитріевною Сличинскою. Два дня мы прогостили въ деревнѣ Н. С. Кроткаго.

„Января 1го 1801 года пріѣхали въ Алатырь, лучшій городъ нашей губерніи. Здѣсь увидѣлся я съ добрымъ другомъ моимъ К. М. Сербулатовымъ. Арзамасъ показался мнѣ прекраснымъ городомъ по многимъ красивымъ домамъ, церквамъ и монастырямъ, особливо когда подъѣзжаешь къ нему въ нѣкоторомъ разстояніи. Мы, не останавливаясь въ немъ, проѣхали улицей мимо торговой площади и монастыря въ находившуюся близь него большую слободу, называемую Выѣздной.

„Января 6го числа, въ субботу, поутру пріѣхали въ Муромъ; были у обѣдни, поклонились гробницѣ Свв. Петра и Февроніи. Сей городъ еще лучше Арзамаса. Подъѣзжая къ нему съ Оки, древность церквей привлекала мое зрѣніе, а при въѣздѣ въ него глубокія ямы, въ коихъ видно строеніе, представили пріятный контрастъ: надобно было поднимать голову вверхъ чтобы видѣть построенные на холмахъ домы, старинныя церкви и садики по скату холмовъ, потомъ наклоняться внизъ чтобы смотрѣть на строеніе цѣлыхъ улицъ въ глубокихъ оврагахъ. Здѣсь видѣлъ я старинную церковь построенную царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, на возвышенномъ пригоркѣ Оки, готической архитектуры. Примѣчанія достойны были здоровыя и привлекательныя лица здѣшнихъ посадскихъ женщинъ, ихъ красивые русскіе наряды и головныя высокія повязки. Разсматривая пригожія ихъ лица, я находилъ много пріятности для глазъ,

* Пріятеля и товарища И. И. Дмитріева по училищу. Отецъ его былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Мясникова (Твердышева), Аграфенѣ Ивановнѣ; о Дурновѣ говорится ниже. П. П. Тургеневъ— членъ „Дружескаго Общества“ и братъ Ивана Петровича.

а для сердца?.... Оно уже окаменѣло. Муромскій лѣсъ, по слухамъ о немъ, ничего не представлялъ мнѣ чрезвычайнаго.

„Въ понедѣльникъ утромъ, 8го числа января, пріѣхали въ Суздаль. По множеству церквей и каменнаго строенія издали заключилъ и о немъ лучше нежели о Муромѣ; но или по непріятности квартиры нашей въ тѣсной улицѣ, или по ненастному времени, онъ показался мнѣ хуже. Мы были у обѣдни, въ дѣвичьемъ монастырѣ, и прикладывались къ закрытымъ мощамъ Св. Евфросиніи. Богослуженіе совершаемое женщинами и самыя сіи богослужительницы, старицы и бѣлицы, оставили въ головѣ моей много странныхъ мыслей. Надобно сказать что я видѣлъ здѣсь баснословнаго оракула, извѣстную во всей окрестности здѣшней и даже въ нашихъ мѣстахъ юродливую женщину Марѳу, которая прослыла святою и у которой при мнѣ набожныя женщины просили благословенія! Увидѣлъ и скорбѣлъ душевно о ней, а болѣе о жалкомъ заблужденіи бѣдныхъ невѣждъ. Близь дѣвичьяго монастыря, въ тѣсномъ домикѣ, поразила взоры мои сидѣвшая на печи гнусная каррикатура, самый уродливый скелетъ, у котораго къ безобразному длинному лицу присохла сморщенная кожа, а наросты краснаго мяса на гноючихъ глазахъ дѣлали видъ ея отвратительнымъ и страшнымъ. Синій пестрядиный лоскутъ нѣкогда бывшей рубашки прикрывалъ ея остовъ. На вопросы наши отвѣчала она несвязными отрывками словъ, просила вина, просила сѣсть возлѣ нея, упоминала дьяволовъ, говорила: „умретъ, плакать будутъ“, и пр. Женщина живущая съ нею называлась ея родственницею и говорила что сей несчастной около 80ти лѣтъ, что она помѣшалась въ умѣ, будучи 20ти лѣтъ отъ роду, ходила нагая и босикомъ даже зимою по улицамъ и теперь уже года три какъ не выходитъ изъ избы. Послѣ того изъяснила намъ значеніе нѣкоторыхъ словъ сей новой Сивиллы. Мы должны были заплатить нѣсколько денегъ за зрѣлище лжесвятой каррикатуры и за объясненіе ея предсказаній; пошутили кому изъ насъ должно умирать по ея пророчеству и вышли отъ нея. Мнѣ разказывали что сія безумная несвязными своими изреченіями предузнавала будущее приходящимъ къ ней людямъ. У нея часто бываютъ посѣтители, особливо женщины. Многія почтенныя дамы съ набожнымъ чувствованіемъ вопрошаютъ ее о судьбѣ своей, а надзирательница изъясняетъ имъ значеніе словъ ея, за что

собираетъ пошлину со смиреннымъ благочестіемъ. Многіе съ благоговѣніемъ произносятъ ея имя и отъ чистаго сердца называютъ ее святою. Какъ оскорбительно унижаютъ они величіе Божества, умышленно (ежели догадка моя справедлива) унижая бѣдное человѣчество, природою обезображенное. Я заключаю что несчастный скелетъ сей содержится такъ тирански, безъ покрова и на голыхъ кирпичахъ, нарочно для привлеченія суесвятовъ приносящихъ жертву обману. Духовные отцы смотрятъ равнодушно на сіе униженіе человѣческаго разума и святыни, ибо пророчица живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря. Пріѣхавъ въ Суздаль, едва успѣли мы остановиться на квартирѣ, какъ начали приходить разные сборщики денегъ. Одинъ сѣдобородый старикъ, держа въ рукѣ блюдечко, требовалъ нараспѣвъ: „Лазарю праведному, другу Божію, Антилію преподобному, зубному исцѣлителю“, на украшеніе церквей Божіихъ отъ усердія мзды, называя насъ „высокопочтенными господами“. Получа мзду, лишь успѣлъ выдти, какъ явился другой, съ такимъ же блюдечкомъ и съ рыжимъ на затылкѣ пучкомъ волосъ церковникъ. Онъ также съ распѣвомъ: „Николаю, скорому помощнику и заступнику, на церковь“. Мы скоро пошли въ монастырь, а потому и избавились отъ другихъ сборщиковъ.

„Проѣзжая мимо древняго монастыря (Спасо-Евѳиміевскаго), смотрѣлъ я на высокія каменныя стѣны его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже поврежденныя, и на высокія башни. Тутъ содержались прежде и нынѣ содержатся несчастныя жертвы преступленія или несчастія. Въ семъ монастырѣ жила первая супруга нашего императора Петра Іго. Несчастная слабость ея довела до ужасной, мучительной казни генерала Глѣбова и другихъ участниковъ его преступленія и злополучія.

„Верстъ 35 отъ Суздаля село Нельша есть владѣніе моего друга, Алексѣя Михайловича (Наумова). Я прогостилъ у него около трехъ недѣль и время провелъ весьма пріятно. Мы ѣздили съ нимъ по гостямъ въ сосѣдственныя деревни, къ знакомымъ ему помѣщикамъ, съ коими и я познакомился. Были у А. Н. Бутурлина, гг. Возницыныхъ, Каблукова, Трегубова, гр. М. С. Шереметева и пр.

„26го числа января, въ пятницу, простившись съ моими спутниками, выѣхалъ я изъ Нельши въ Москву. Проѣзжалъ

чрезъ города: Юрьевъ, Киржачъ и большую слободу, прекрасную по многимъ каменнымъ домамъ и церквамъ, называемую Гавриловскій посадъ. Въ воскресенье поутру, 28го января, въѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на строенія и на толпы людей идущихъ и ѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія! Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволитъ ли мое состояніе завести знакомство? Можетъ-быть никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

„Остановился на Тверской улицѣ, въ Царьградскомъ трактирѣ. На заставѣ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ; но онъ возвратясь сказалъ мнѣ что должно требовать его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицеймейстера, къ которому надобно явиться лично. Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицеймейстеру Ѳ. Ѳ. Эртелю. Дождавшись въ его канцеляріи, видѣлъ я какъ изъ внутреннихъ покоевъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ, подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. Наконецъ вышелъ г. Эртель, спросилъ мой паспортъ, прочиталъ его, спросилъ меня долго ли я пробуду въ Москвѣ и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавъ чтобъ я изволилъ расписаться. * Дѣло кончено! Я поѣхалъ знакомиться съ извѣстными мнѣ людьми. Былъ у Павла Ивановича Комарова, гдѣ и обѣдалъ, потомъ у г. Тургенева, Ивана Петровича, директора университета. Знакомство его и дѣтей его, Андрея и Александра Ивановичей, для меня весьма интересно. ** Былъ у гг. Дурасова Николая Алексѣе-

* Характеристику Эртеля представляетъ Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (часть 1я, стр. 178—180), хотя этому источнику слѣдуетъ довѣрять съ большою осторожностію.

** О семействѣ Тургеневыхъ, именно о трехъ старшихъ братьяхъ (Андреѣ, Александрѣ и Николаѣ), говоритъ тотъ же Вигель въ разныхъ мѣстахъ своихъ *Воспоминаній* (ч. I, стр. 175; ч. III, стр. 149; ч. VI, стр. 46—49). Неблагосклонный къ Александру и Николаю, извѣстнѣйшимъ изъ Тургеневыхъ, Вигель очень симпатично относится къ ихъ старшему брату Андрею Ивановичу, рано (1803) умершему. Тургеневы были Второву земляки. Къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно о симбирскихъ отношеніяхъ его къ этой фамиліи. Просимъ

вича и Мельгунова Степана Григорьевича. Въ трактирѣ ночевалъ я только одну ночь, а потомъ, по ласкамъ ко мнѣ Павла Ивановича (Комарова) и приглашенію его, переѣхалъ къ нему въ домъ, состоящій близь Сухаревой Башни, въ приходѣ Троицы, въ Троицкой улицѣ.

„Пріѣздъ мой въ Москву былъ въ самомъ началѣ Сырной недѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты; театры, собранія и маскарады наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и увеселенія ихъ. Въ первый день пріѣзда моего, весь вечеръ провелъ я въ домѣ И. П. Тургенева въ самомъ пріятномъ сообществѣ. Хозяинъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни. У него видѣлъ я друга бѣдныхъ, Ивана Владиміровича Лопухина, и лучшаго баснописца нашего И. И. Дмитріева, а въ комнатахъ дѣтей его многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ, изъ коихъ помню только гг. Жуковскаго Василія Андреевича, кн. Козловскаго и пожилаго уже Невзорова Максима Ивановича. * Меня пригласили въ театръ Университетскаго Благороднаго

не забывать что по матери, Пяткиной, И. А. Второвъ принадлежалъ къ дворянству. Независимо отъ его личныхъ достоинствъ, этимъ обстоятельствомъ также можно объяснить то радушіе которое онъ находилъ въ семействахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Объ А. И. Тургеневѣ († 1845) см. въ *Воспоминаніяхъ* В. И. Панаева, гл. II, стр. 237 (*Вѣстн. Евр.* 1867, т. III). Если не вся семья этихъ симбирскихъ Тургеневыхъ, то Андрей, Александръ и Николай могли бы быть предметомъ любопытной культурно-біографической монографіи. Матеріала кажется набралось не мало.

* Жуковскій окончилъ курсъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ въ 1800 году и въ это время служилъ въ Москвѣ въ главной соляной конторѣ. Козловскій князь, сослуживецъ Тургеневыхъ, Блудова и Вигеля по Московскому архиву иностранныхъ дѣлъ, тогдашній отчаянный западникъ. О немъ смотри у Вигеля, ч. I, стр. 186—17. Невзоровъ, воспитанникъ И. В. Лопухина и Н. И. Новикова. См. біографію его, состав. П. А. Безсоновымъ, въ *Русск. Бесѣдѣ*, 1856, кн. 3, также въ сочиненіи М. Н. Лонгинова *Новиковъ и Московскіе мартинисты* (въ разныхъ мѣстахъ), у Жихарева, въ *Дневникѣ Студента* и въ *Запискѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина*. Невзоровъ былъ докторъ медицины и довольно плодовитый авторъ. Онъ, между прочимъ, писалъ стихи, былъ издателемъ журнала *Другъ Юношества* (1807—1815, по май) и переводнаго *Историческаго Журнала* (1813).

Пансіона и я поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми г. Тургенева. Играли драму, помнится, *Добрый Сынъ*, переведенную питомцами изъ Беркенева L'ami des Enfants — и прекрасно. Актеры и музыканты въ оркестрѣ были всѣ изъ питомцевъ сего Пансіона. Зрители были по большей части родители воспитывающихся въ Пансіонѣ дѣтей и почетные люди, родственники ихъ и знакомые. Я былъ чрезвычайно доволенъ симъ первымъ днемъ.

„29го января, во вторникъ, отъ С. Г. Мельгунова присланъ мнѣ визитерный билетъ въ Благородное Собраніе. Въ 8 часовъ вечера мы поѣхали туда съ П. И. Комаровымъ, Елизаветой Матвѣевной Ратьковой и ея дочерью Елизаветой Михайловной въ каретѣ. Входъ въ освѣщенныя комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненныя лучшимъ дворянствомъ обоего пола, былъ поразителенъ. До четырехъ тысячъ персонъ собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенныя брилліантами и жемчугомъ, составляли для меня восхитительное зрѣлище какимъ я никогда не наслаждался. * Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ знатнѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елисаветы императрицы, каковы напримѣръ два брата Ѳедоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и пр. Кавалеры всѣ безъ исключенія (кромѣ одного старика Остермана) въ башмакахъ и въ мундирахъ со шпагами. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность! Ежели потѣсните вы кого, или васъ кто заденетъ нечаянно, то всегда съ пріятною миною и уклончивостію извиняются; жаль только что по боль-

* Современное описаніе этой залы, съ тѣмъ же отъ нея впечатлѣніемъ находится въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля (ч. I, стр. 184—185). Москва при Екатеринѣ II и при Павлѣ нѣкоторымъ образомъ играла роль оппозиціоннаго города: въ ней водворялись недовольные правительствомъ. И хотя московская оппозиція преимущественно ограничивалась дворскими интересами, но тѣмъ не менѣе, она имѣла значеніе своего рода силы, съ которой иногда приходилось считаться: такъ было при Екатеринѣ и въ первые годы Александра I. Но что этой оппозиціи были чужды политическіе интересы, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ записки Жихарева. Предъ войною 1805 года императоръ Александръ хотѣлъ узнать о московскомъ общественномъ мнѣніи,—и ничего кромѣ фразы „какъ угодно государю", не добился.

шей части на французскомъ языкѣ: Pardon, monsieur! или je vous demande pardon. Русскій языкъ слышенъ весьма рѣдко. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышенъ въ маскарадахъ, или въ другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорохъ отъ движущихся массъ народа. Залъ, великолѣпный и обширнѣйшій, освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ огней. На внутреннихъ верхнихъ балконахъ вокругъ всего зала, поддерживаемыхъ множествомъ колоннъ, возлѣ стѣнъ, сдѣлано возвышеніе о двухъ ступеняхъ, окруженное перилами. По обѣимъ сторонамъ сего возвышенія, у стѣнъ и у краевъ, мягкіе диваны для сидящихъ зрителей; вверху — два оркестра, одинъ инструментальной, а другой роговой музыки. Посреди залы въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ, между сидящихъ по диванамъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ концѣ залы, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ поставленъ мраморный бюстъ Екатерины II, который, по вступленіи на престолъ Александра I, былъ всегда освѣщаемъ. Конфеты, мороженое, лимонадъ и аршадъ, во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ разносятъ богато одѣтые лакеи; цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиры, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, и тѣ и другіе не только своего отечества, но и другихъ государствъ. Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами; узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разъѣзда изъ Собранія; это были: Василій Николаевичъ и Анна Васильевна Пановы, Ѳедоръ Михайловичъ, Капитолина и Марья Ѳедоровны Тимашевы.* Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урочище дома своей квартиры. Всякій день, послѣ того, я видѣлся съ сею почтенною женщиной. Она имѣетъ въ Москвѣ много

---

* Семейство Пановыхъ играетъ важную роль въ послѣдующей жизни Второва-отца; Тимашевы—симбирскіе помѣщики. Въ ту эпоху дворянство проживавшее зимою въ Москвѣ прежде всего сходилось и сближалось съ своими земляками. Можно сказать что въ древней столицѣ помѣщики жили по губерніямъ: дворяне извѣстной губерніи, или „округи“, не рѣдко сплошь занимали цѣлыя улицы, или урочища, которыхъ въ Москвѣ такъ много.

знакомыхъ и родныхъ; мы часто ѣздили съ нею къ симъ знакомцамъ ея на обѣды и вечера. Черезъ нея познакомился я довольно коротко съ тремя домами: гг. Ладыженскихъ, Дмитрія и Андрея Ѳедоровичей, тетки ея, любезной Анны Петровны Кротковой, урожденной княжны Волконской, и Григорья Борисовича Кошелева, у которыхъ и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны бывалъ очень часто.

„Въ послѣднее воскресенье, въ маскарадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 11 часовъ утра начинается денной маскарадъ, а съ 8 часовъ вечера—ночной; многіе остаются въ обоихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семъ домѣ. Денной маскарадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго потому что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первая зала съ прихода, длинная и большая, освѣщена солнечнымъ свѣтомъ. Изъ нея входишь въ круглую огромную залу называемую *ротондой;* въ ней нѣтъ ни одного окна. Она окружена колоннадой съ переходами; между каждою колонной виситъ люстра, коихъ много повѣшено и въ срединѣ комнаты, съ потолка сдѣланнаго куполомъ. Множество возженныхъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдственно, представляютъ ночь среди дня. Людей обоихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество, разныхъ состояній, купечества и дворянства, одѣтыхъ въ разныя маскарадныя платья и съ разными каррикатурными масками. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ въ нѣсколько круговъ; по переходамъ и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разъѣздъ и оканчивается уже часовъ въ 6 поутру; по сему можно заключить какое бываетъ многочисленное собраніе людей и экипажей.

„Въ Великій Постъ, въ Благородномъ Собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлю (кромѣ первой и страстной), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сіи великопостныя собранія называются *консертомъ.* Тутъ играетъ музыка, а члены и визитеры сидятъ, ходятъ, разговариваютъ и играютъ въ карты. При жизни царствовавшаго тогда императора Павла запрещены были и названія клубовъ; вмѣсто того, при мнѣ было два клуба подъ названіями академій,—музыкальной и танцовальной. Первая была въ домѣ генерала Г. Ап. Хому-

това, для благородныхъ людей, гдѣ читаютъ газеты, журналы, играютъ въ карты и на билліардѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ; во второй то же дѣлаютъ иностранцы и купечество, сверхъ того, и танцуютъ; здѣсь много членовъ и изъ благородныхъ. Я былъ въ обѣихъ академіяхъ визитеромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ коихъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшаго роста, физіономія невзрачная, но умная и добрая. * Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною. Но я, бывши три раза въ сей академіи, не видалъ его и — что еще удивительнѣе! — ни въ одномъ публичномъ собраніи, но въ спектакляхъ, ни гдѣ не случилось видѣть сего любимаго моего писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частные дома. Два раза случалось что я нѣсколькими минутами не заставалъ его въ домѣ И. П Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, сказалъ ему о желаніи моемъ познакомиться съ нимъ и обѣщалъ вмѣстѣ со мною ѣхать къ нему; однакожь, за разными отвлеченіями, сего не случилось до тѣхъ поръ, когда я пріѣхалъ къ нему одинъ. Я часто бывалъ въ домахъ С. Г. Мельгунова, Н. А. Дурасова, А. Д. Карпова, бывшаго губернатора нашего; часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ, наконецъ увидѣлъ и любезнаго автора, Н. М. Карамзина.

„Февраля 14го числа, въ четвертокъ, объявлено было что въ первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славнуюораторію г. Гайдена *Твореніе Свѣта.* Въ большой круглой залѣ Петровскаго театра собрано было около трехсотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, коими дирижировали гг. Денглеръ и Керцелли. Кантаты и речитативы переведены были съ нѣмецкаго Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ. Купивши билетъ для входа за пять рублей, пріѣхалъ я въ пять часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Алексан-

* См. о немъ *Воспоминанія* Вигеля, ч. III, стр. 137. Онъ былъ горячій сторонникъ Карамзина, авторъ книги *Путешествіе въ Полуденную Россію,* имѣвшей три изданія, переводчикъ многихъ книгъ и, въ послѣдствіи, издатель двухъ журналовъ, *Россійскаго Музеума,* на 1815, и *Литературнаго Музеума* на 1827. Его надобно отличать отъ *Измайлова* Петербургскаго, Александра Ефимовича, баснописца.

дромъ Ивановичами Тургеневыми и нашелъ въ залѣ большое собраніе слушателей изъ лучшей московской публики, кавалеровъ и дамъ. Консертъ еще не начинался. Мы ходили по залѣ, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали; вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говоритъ, хочу ли я видѣть Николая Михайловича? Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человѣка стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темнозеленымъ казиміромъ. Физіономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною. Я долго смотрѣлъ на него, воображая всѣ его творенія, какія читалъ я съ удовольствіемъ; представилъ себѣ и то, какъ сіе доброе, милое лицо улыбалось съ непріятнымъ ощущеніемъ, читая язвительную на него критику въ одѣ *Въ честь моего друга*. Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ. Все собраніе слушателей, коихъ было до трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, сто́ялъ или сидѣлъ, — тутъ всякій и остановился; шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ; всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и пѣніемъ.

„Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть съ Андреемъ Ивановичемъ у Н. М. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ на Никольской улицѣ, въ каменномъ домѣ портнаго Шмидта. * Я пріѣхалъ къ нему поутру и нашелъ его только лишь возвратившагося съ утренней прогулки, которую дѣлать обыкновеніе имѣетъ онъ всякій день. Въ залѣ, на окошкахъ и на полу, лежали большія книги. Онъ встрѣтилъ меня ласково и когда я сказалъ свое имя, то онъ отвѣчалъ мнѣ что уже меня знаетъ по словамъ Андрея Ивановича Тургенева и читалъ мои сочиненія напечатанныя въ двухъ журналахъ. * Мы сидѣли съ нимъ въ гостиной, или

* См. *Записки* И. И. Дмитріева *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 247. Въ томъ же году (въ октябрѣ), въ томъ же домѣ и въ той же комнатѣ, происходило первое свиданіе и Каменева съ Карамзинымъ. Разговоръ и впечатлѣнія вынесенныя посѣтителями были кажется схожи. *Вчера* и *Сегодня*, литер. сборн. гр. Соллогуба, стр. 48—50.

** Если это тѣ сочиненія которыя напечатаны въ *Пріятномъ и Полезномъ Препровожденіи Времени* и въ *Иппокренѣ или Утѣхахъ Любословія*—о нихъ скажемъ ниже; укажемъ также псевдони-

диванной его комнатѣ, пили кофе и говорили о разныхъ предметахъ. Я сказалъ ему что не зная его лично давно уже почиталъ и любилъ по его сочиненіямъ. Онъ спрашивалъ меня гдѣ я учился. Какъ старшина Музыкальной Академіи предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ лежали напечатанные листы *Московскаго Журнала* издаваемаго имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Его перепечатывали вновь съ его позволенія, и онъ самъ разсматривалъ корректуру. Вдругъ вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ, среднихъ лѣтъ, эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву, кажется, познакомившійся съ нимъ прежде, во время его путешествія по Европѣ. Онъ началъ говорить съ нимъ по-французски, а я, побывъ нѣсколько, раскланялся и вышелъ удостоясь его привѣтствія чтобы посѣщать его чаще. На сей разъ его физіономія и острота показались мнѣ гораздо значительнѣе нежели прежде, а въ обращеніи его замѣтилъ я меньше философіи нежели въ его сочиненіяхъ. Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣли чрезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту же комнату. На лѣвой сторонѣ у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ дверей, сидѣлъ хозяинъ, обвязанный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ. Возлѣ него стояли два лѣкаря и готовились выдергивать больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня сими словами: „извините меня, милостивый государь! Вы видите, въ какомъ я положеніи; прошу васъ въ другое время.“ Такой пріемъ огорчилъ меня и заставилъ, извинясь взаимно, выйти. За дверью слышалъ я что г. Дмитріевъ спрашивалъ обо мнѣ: не Урусовъ ли я? какъ видно, принимая меня за молодаго автора сего имени, сочинившаго книгу подъ титуломъ *Оттѣнки Моего Сердца.* * Не

мы Второва. Послѣ тщательнаго просмотра старыхъ журналовъ находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, другихъ статей Второва мы не нашли. Принимая же во вниманіе время когда онъ упоминаетъ (1807) о своихъ напечатанныхъ статьяхъ, можно съ увѣренностью сказать что въ столичныхъ журналахъ онъ болѣе ничего уже не печаталъ. Въ журналахъ конца прошлаго и первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія встрѣчается не мало статей (стиховъ и прозы) подписанныхъ буквами: *В. И. В.*, *В—овъ*; но всѣ эти статьи И. А. Второву не принадлежатъ.

* Книга подъ этимъ названіемъ напечатана въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, въ 1802 году, имя автора—П. У—въ.

успѣлъ я перейти еще чрезъ залъ, какъ хозяинъ выбѣжалъ за мною и назвавъ меня по имени, извинялся что онъ не узналъ меня, говорилъ что дня черезъ четыре онъ будетъ здоровъ и просилъ тогда къ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявилъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ будучи довольнѣе собою. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ, я не бывалъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ; ибо весной жилъ онъ на дачѣ, а потомъ женился на первой супругѣ своей, урожденной Протасовой. *

„Московская жизнь моя въ первые дни доставляла мнѣ много пріятностей въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ; но для чувствительнаго сердца существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды была отравою мысль о будущей безызвѣстности и о бѣднѣйшемъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ пышностяхъ. Позволитъ ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ коими я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды по отдаленнымъ разстояніямъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки, впрочемъ гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ. Сверхъ того, я часто съ знакомцами моими обѣдывалъ или въ русскихъ трактирахъ, или у ресторатеровъ, а чаще у Поляка Ивана Васильва (?), содержащаго ресторацію на Никольской улицѣ, за умѣренную цѣну. Часто бывалъ въ спектакляхъ, маскарадахъ и почти ни одного Благороднаго Собранія не пропускалъ по визитернымъ билетамъ, всегда легко доставляемымъ мнѣ отъ почтенныхъ членовъ онаго, особливо посредствомъ С. Г. Мельгунова и любезной А. П. Кроткой. Въ семъ собраніи, какъ я сказалъ прежде, бываетъ лучшее и блестящее общество и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости. Здѣсь между знакомыхъ и незнакомыхъ наблюдательный философъ можетъ съ любопытствомъ разсматривать разныя физіономіи и характеры, вслушиваться въ разговоры смѣшные и занимательные. Молодые люди, избалованные счастьемъ и богатствомъ, гордясь купленными мальтійскими орденами, выказывали свою модную прическу, жабо и высокіе воротники на мундирахъ; бо́льшая часть ихъ въ очкахъ, не для пособія

* Елизаветѣ Ивановнѣ, въ апрѣлѣ 1801 года.

своему зрѣнію, а для моды. Нѣкто г. Чебышовъ, кажется штабсъ-капитанъ, имѣя иностранный орденъ, довольно сходный съ нашимъ Андреевскимъ, съ голубою лентой по камзолу и съ мишурною звѣздою, расхаживалъ по Собранію какъ Діогенъ, нагнувъ свой корпусъ и повертывая головою какъ будто искалъ людей, только вмѣсто фонаря имѣлъ на носу очки. Въ толпѣ молодыхъ щеголей я рѣдко слыхалъ умные разговоры, но по большей части смѣшные; вотъ напримѣръ какіе. Изъ числа трехъ модниковъ, сидѣвшихъ подъ оркестромъ, одинъ, лѣтъ двадцати, говорилъ другому: „Я бы теперь ужь былъ полковникомъ, ежели бы батюшка мой не упустилъ случая попросить N; а онъ съ нимъ очень знакомъ". Въ ту минуту проходитъ мимо ихъ молодой блѣднолицый мальтійскій кавалеръ. Мечтающій полковникъ вскакиваетъ съ мѣста и почтительно кланяется ему, называя „вашимъ сіятельствомъ"; а сей сіятельный едва удостоилъ его кивнуть головой и прошелъ мимо. Въ другой разъ сѣлъ я возлѣ своего знакомаго, Александра Николаевича Волкова. Близь него сидѣлъ модный щеголь съ превеликимъ жабомъ, причесанный и одѣтый довольно каррикатурно. Я вслушался въ разговоръ его. Онъ роп таль, для чего долго не умираетъ отецъ его: онъ могъ бы располагать имѣніемъ, жить веселѣе и ѣхать въ чужіе края. Разказывалъ какъ онъ былъ недавно въ Казани въ тамошнемъ Собраніи, гдѣ онъ нашелъ только четырехъ человѣкъ, да и тѣ влезали на хоры смотрѣть его. Это былъ, конечно, фарсъ, но весьма глупый. Въ большемъ количествѣ людей, конечно, больше глупцовъ и умныхъ чѣмъ въ маломъ.

„Марта 14го числа, въ четвертокъ, послѣ обѣда, дошелъ первый слухъ о смерти императора Павла I. Во всемъ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. Сначала шептали и боялись говорить открыто; потомъ увидѣли какъ всѣ полки стоящіе въ Москвѣ повели въ Кремль присягать новому императору Александру I. Я поѣхалъ въ Кремль узнать достовѣрнѣе, и на Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ, встрѣтился съ симбирскимъ моимъ знакомцемъ Н. А. Дудинымъ; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали мы на его квартиру. Тамъ читалъ я и манифестъ о восшествіи на престолъ государя Александра Павловича. Онъ разказывалъ какъ при немъ, когда онъ былъ у Д. А. Гурьева, вошелъ пріѣхавшій изъ Петербурга курьеромъ князь Долгоруковъ и сказалъ ему:

„l'Empereur est mort!“ Весь день и вечеръ говорили о сей перемѣнѣ въ цѣломъ городѣ. Куда ни пріѣдешь вездѣ только и разговоровъ было о смерти государя. Сначала шептали, а потомъ уже говорили вслухъ о всѣхъ подробностяхъ смерти его. На другой день, 15го марта, было гулянье въ Кремлѣ—множество каретъ, саней, пѣшихъ и конныхъ. Это гулянье издавна въ обыкновеніи и принято оттого что прежде ходили покупать вербу для будущаго воскресенья. Москву можно уподобить республикѣ по образу жизни, мнѣніямъ и свободѣ. Чрезвычайно любопытнымъ и страннымъ показалось что многіе изъ молодыхъ щеголей были уже на семъ гуляньи въ круглыхъ шляпахъ, о чемъ прежде боялись и думать. Полиція смотрѣла равнодушно на сей запрещенный нарядъ. Надобно сказать что вмѣстѣ съ курьеромъ привезшимъ извѣстіе о смерти государя, пріѣхалъ и новый оберъ-полицеймейстеръ въ Москву, г. Каверинъ, и тотчасъ смѣнилъ прежняго г. Эртеля, котораго всѣ боялись какъ строгаго блюстителя строгихъ повелѣній покойнаго государя. Другой предметъ разговоровъ, тайныхъ и явныхъ, для московскихъ жителей былъ о смѣнѣ господъ полицеймейстеровъ. Вотъ анекдотъ разказываемый почти во всѣхъ домахъ. Каверинъ, принимая должность отъ Эртеля, требовалъ отчета въ денежной суммѣ; сей не хотѣлъ дать ему, а говорилъ что ему было ввѣрено отъ государя императора, а потому и долженъ онъ дать отчетъ лично новому государю. Каверинъ прибѣгнулъ съ жалобою къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Ивану Петровичу Салтыкову, которому г. Эртель хотя и отзывался тѣмъ же, но былъ принужденъ прочитать свой отчетъ; но въ самомъ началѣ чтенія былъ остановленъ имъ, ибо въ первыхъ строкахъ расхода суммы открылись лица самыя почтенныя и близкія къ графу Салтыкову, которые получали жалованье за свое шпіонство....

„24го марта былъ день Св. Пасхи. Мы были у заутрени въ приходской церкви Троицкой. При концѣ службы, отъ множества народа и стѣсненнаго воздуха, со мною сдѣлался обморокъ, и я не помню какъ вынесли меня изъ церкви. Во время заутрени—пріятное зрѣлище по всей Москвѣ. Всѣ церкви (а ихъ величайшее множество) въ семъ городѣ освѣщены снаружи плошками и разноцвѣтными фонарями; особенно глава и крестъ Ивана Великаго казались украшенными

бриллiантами, яхонтами и изумрудами. Во всю недѣлю Пасхи бываетъ здѣсь гулянье подъ Новинскимъ. Множество каретъ и колясокъ туда съѣзжаются, множество пѣшихъ и конныхъ. Тутъ простой народъ качается на качеляхъ и смотритъ разныя увеселенiя. Ташеншпиллеры удивляютъ зрителей, представляя имъ фокусъ-покусы, ходятъ по канату, балансируютъ и пр.

„Сюда прiѣхали весновать изъ симбирскихъ моихъ друзей Михаилъ Михайловичъ Наумовъ, съ Катериною Николаевною и маленькою дочерью, Анной Михайловной; первый и послѣдняя—болѣе для излѣченiя болѣзни. Къ нимъ ѣздилъ докторъ Политковскiй. * Я часто бывалъ у нихъ и проводилъ время прiятно. Наступившая весна доставила мнѣ много прiятности и удовольствiй въ прогулкахъ. Я пользовался тогда здоровьемъ и молодостью, имѣлъ хорошее знакомство, не было большой нужды въ деньгахъ, потому что игралъ въ коммерческiя игры довольно счастливо. Коротко знакомые были у меня въ домѣ, а любезный хозяинъ мой, Павелъ Ивановичъ, держалъ всегда мнѣ половину; слѣдовательно, я игралъ иногда въ бостонъ по рублю призъ, и въ пикетъ по 50 копѣекъ поэнь. По такимъ достоинствамъ молодые люди и здѣсь принимаются лучше нежели по учености: знатные и лучшiе дома для нихъ всегда открыты. Правда, я бывалъ и въ такихъ гдѣ любятъ болѣе ученость, напримѣръ въ домѣ И. П. Тургенева, Г. Б. Кошелева, Семена Дмитрiевича Ситникова, любезнаго и почтеннаго старика, который любилъ меня и у котораго была отборная библiотека. А чаще всѣхъ бесѣдовалъ въ уединенiи съ добрымъ, умнымъ и несчастнымъ слѣпцомъ, Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который во всю бытность мою въ Москвѣ былъ мнѣ другомъ и съ которымъ, по разлукѣ, болѣе шести лѣтъ мы переписывались.

„У Симонова монастыря бывалъ я нѣсколько разъ, любовался прекрасными видами, кои описывалъ Н. М. Карамзинъ, искалъ хижины въ которой жила его бѣдная Лиза, и видѣлъ только нѣкоторые признаки по буграмъ и ямамъ. Видѣлъ тотъ прудъ, или лучше озеро, осѣненное березами, въ коемъ

---

* Өедоръ Герасимовичъ, профессоръ Московскаго университета и извѣстнѣйшiй въ то время практикъ. См. бiографiю его въ *Словарѣ профессоровъ Московскаго университета*, ч. 2, стр. 280—288.

утопилась Лиза. Смотрѣлъ на многія надписи, начертанныя на деревахъ, русскія и французскія. Трудно прочитать на древесныхъ корахъ, а потому не могъ разобрать тѣхъ стиховъ о коихъ сказывалъ мнѣ Александръ Ивановичъ Тургеневъ:

Погибла въ сихъ струяхъ Эрастова невѣста;
Топитесь, дѣвушки! И вамъ здѣсь много мѣста.

„Бульваръ въ срединѣ города; слѣдовательно, я бывалъ на немъ каждый вечеръ. Отъ Тверскихъ воротъ до Никитскихъ сдѣлана перспектива, около версты длиною, разсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями, укатанная и усыпанная пескомъ. Улицы и площади заставлены каретами, а по проспекту прогуливается знатная московская публика обоихъ половъ. Тутъ всякій вечеръ найдете нѣсколько тысячъ персонъ, а въ праздники до пяти и болѣе тысячъ; можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть и разговаривать, а въ галлереѣ, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и аршадъ, лакомиться конфетами, мороженымъ и пр.

„Въ воскресенье, апрѣля 21го, пользуясь прекрасною весеннею погодой, поѣхали мы съ семействомъ Елизаветы Матвѣевны въ поле, за Тверскую заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу. Это—огромный за́мокъ, стоящій на дорогѣ, верстахъ въ трехъ отъ Москвы, окруженный стѣнами и башнями, въ азіятскомъ вкусѣ. Дворецъ выкрашенъ кирпичнымъ цвѣтомъ, съ пробѣлами. Придворный лакей, въ аломъ сюртукѣ съ позументами, показывалъ намъ всѣ внутреннія комнаты дворца. Я не считалъ сколько перешли мы всѣхъ покоевъ; скажу только что около часа безпрестанно переходили мы изъ комнаты въ комнату. Тутъ нѣтъ никакихъ лышныхъ украшеній. Огромный круглый залъ, простиравшійся во всю высоту дворца, съ куполомъ лѣпной работы, украшенъ барельефами всѣхъ россійскихъ князей, царей и императоровъ, отъ Рюрика до Александра I.

„Близь Тверской заставы, въ полѣ, по воскресеньямъ, бываетъ чрезвычайное множество народа разныхъ состояній. Тутъ дѣлаютъ такъ-называемые садки, то-есть сажаютъ пойманныхъ зайцевъ и пускаютъ собакъ, коихъ приводятъ большими стаями. Охотники спорятъ здѣсь о своихъ псахъ и доходятъ иногда до драки. Для меня любопытно было смотрѣть на толпу народа, какъ она, устремя взоры на зайцевъ и собакъ, бѣгущихъ за ними, колеблется во всѣ тѣ стороны

куда стремятся зайцы и собаки. Раздается ужасный шумъ и восклицанія. Тутъ глупыя дѣти разныхъ возрастовъ, отъ 15 и до 80 лѣтъ, составляютъ, такъ-сказать, одну душу въ тиранскомъ удовольствіи смотрѣть какъ бѣдный заяцъ старается избѣгнуть мучительной смерти, какъ его схватываютъ собаки и терзаютъ и какъ иногда онъ вырывается, оставляя кровавые куски плоти своей; его опять настигаютъ и оканчиваютъ страданія его ножомъ. Какое кровопійственное зрѣлище! И это люди одаренные умомъ, невѣжды и просвѣщенные!! *

„Мая 1го числа, послѣ обѣда, хозяинъ мой далъ мнѣ свою карету, и я поѣхалъ въ ней на гулянье въ Нѣмецкіе Станы. Тамъ было до четырехъ тысячъ каретъ и болѣе ста тысячъ народа. Мѣстоположеніе сихъ Становъ прекрасное; по рощамъ и долинамъ вездѣ палатки, галлереи, и разныя увеселенія для черни. Но всего лучше надобно гулять тамъ пѣшкомъ или верхомъ, а сидящіе въ каретахъ похожи на заключенныхъ въ клѣткахъ невольниковъ. Надобно глотать пыль и ѣхать поневолѣ гдѣ тихо, гдѣ прытко, и притомъ никто не властенъ остановиться или выѣхать изъ цѣпи каретъ, тянувшейся на нѣсколько верстъ: полицейскіе драгуны не пускаютъ и бьютъ кучеровъ которые отважатся своротить въ сторону.

„Мая 2го числа, четвертокъ; праздникъ Вознесенія Господня. У обѣдни былъ я въ церкви Никиты Мученика, въ Басманной улицѣ, гдѣ славятся лучшіе въ Москвѣ пѣвчіе г. Колокольникова и гдѣ каждое воскресенье бываетъ съѣздъ лучшей московской публики, не для моленія, но болѣе для слушанія пѣвчихъ и свиданія. ** Церковь огромная. Во время чтенія или службы священника бóльшая часть знатной публики разговариваетъ и даже переходитъ съ мѣста на мѣсто, для свиданія съ другими; но какъ скоро запоютъ пѣвчіе, то всѣ умолкаютъ и слушаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, ангель-

---

* Благодушнѣе смотрѣлъ на эту московскую забаву студентъ Жихаревъ, разказывая о дракѣ происшедшей въ 1805 году между тогдашними собачниками, Лихаревымъ и Похвисневымъ, травившими зайцевъ (*Дневникъ*, стр. 190—192). Онъ же повѣствуетъ о гусиныхъ и пѣтушиныхъ бояхъ, которыми забавлялись тогда нѣкоторые Москвичи.

** Объ этихъ пѣвчихъ см. Жихарева *Дневникъ Студента*, стр. 31.

скіе голоса и искусство управлять оными приводятъ въ восхищеніе слушателей. Я слышалъ въ Москвѣ и другихъ пѣвчихъ, напримѣръ Университетскихъ, Бекетовскихъ, Чашникова и пр., но никакіе не могутъ сравниться съ Колокольниковскими. Во время коронаціи государя, когда весь Дворъ былъ въ Москвѣ, то всегда церковь Никиты Мученика наполнена была знатнѣйшими людьми, и всѣ петербургскіе жители отдавали преимущество пѣвчимъ Колокольникова предъ пѣвчими петербургскими. Надобно знать что сіи пѣвчіе люди свободные, изъ купцовъ. Богатый купецъ Колокольниковъ, которымъ построена и церковь Никиты Мученика, посылалъ на свой счетъ нѣсколько мальчиковъ, изъ купеческихъ дѣтей, имѣющихъ лучшіе голоса, въ Италію, учиться пѣнію, и вотъ основанія Колокольниковскихъ пѣвчихъ! Въ сей день бываетъ гулянье въ прекрасномъ саду Слободскаго дворца. Я обѣдалъ у бывшаго симбирскаго губернатора, Александра Дмитріевича Карпова, а послѣ обѣда поѣхали на гулянье въ Дворцовый Садъ. Кажется, не одно столѣтіе потребно было на усовершенствованіе сего сада. Это доказываютъ искусственныя пирамиды изъ выросшихъ елей, величиною съ колокольни; другія ели представляютъ степные стога, подстриженныя гладко. Прекрасная аллея простирается во весь садъ отъ самыхъ воротъ, гладко укатанная и усыпанная пескомъ; пруды, мостики и фонтаны составляютъ пріятное зрѣлище для гуляющихъ. Здѣсь всѣ ходятъ по аллеямъ съ открытыми головами, точно такъ какъ въ комнатахъ; благопристойность и вѣжливость подобны Благородному Собранію. Купечества и дворянства въ саду болѣе пяти тысячъ человѣкъ обоего пола. Пожаръ, случившійся въ сей день за Москвою-рѣкою, не сдѣлалъ большой тревоги гуляющимъ.

„Въ воскресенье, мая 5го числа, былъ я также на гуляньѣ въ саду Инвалиднаго Дома, куда съѣзжаются всякое воскресенье и гдѣ можно свободно гулять во всякое время. Густыя липовыя аллеи, еловыя пирамиды, прекрасный большой прудъ, бесѣдки, холмики и пр. привлекаютъ сюда большое число людей. Многихъ найдешь тутъ или въ бесѣдкѣ, или въ углу уединенной дорожки, или на берегу пруда, сидящихъ съ книгами въ рукахъ. Сей садъ и домъ, гдѣ покоятся теперь инвалидные офицеры, принадлежалъ прежде предкамъ главнокомандующаго нынѣ въ Москвѣ, фельдмаршала, графа Ивана

Петровича Салтыкова. Отъ сада сего отдѣляется одною рѣшеткой домъ сумашедшихъ, изъ коихъ смирные прогуливаются по двору въ пестрыхъ халатахъ и колпакахъ. Съ величайшимъ любопытствомъ желалъ я видѣть сей ужасный феноменъ моральной болѣзни человѣка. Сквозь рѣшетку, разговаривалъ я съ одимъ изъ сихъ несчастныхъ; мнѣ сказали что онъ студентъ Московскаго университета, Иванъ Андреевичъ Дьяконовъ. Я назвалъ его по имени. Онъ подошелъ къ рѣшеткѣ, снялъ свой колпакъ, учтиво поклонился и спросилъ меня, почему я его знаю. Принимая его за безумнаго, сказалъ я что, учась съ нимъ въ университетѣ, зналъ его. Онъ вошелъ въ подробные разспросы,—когда я учился, когда кончилъ науки и какъ я прозываюсь? Сказавъ ему, какъ мнѣ вздумалось, о времени и о фамиліи, какой можетъ-быть и не было, устыдился предъ нимъ, замѣтя его замѣчанія совсѣмъ не безумныя. Потомъ сдѣлалъ ему вопросъ: чувствуетъ ли онъ, гдѣ находится? Казалось что я симъ вопросомъ встревожилъ всю его чувствительность: онъ измѣнился въ лицѣ и, помолчавъ, предложилъ мнѣ свой вопросъ: „Бывали ль вы когда несчастны?“ И, не дожидаясь отвѣта, сказалъ: „видно нѣтъ, а потому и не можете судить. Надобно спрашивать только тому кто испыталъ бѣдствія, напримѣръ князю Сибирскому, котораго провели по Москвѣ, скованнаго въ желѣзо....“ Вдругъ зарыдалъ и, отошедъ далѣе, началъ расхаживать по двору мѣрными шагами, сложа руки и повѣся голову. Я жестоко болѣзновалъ и стыдился что огорчилъ его безъ намѣренія. Со мною были дамы, Лизавета Матвѣевна съ дочерьми; онѣ упросили его опять подойти къ рѣшеткѣ. Тутъ извинился я съ чувствомъ въ неумышленномъ его оскорбленіи. Онъ, сдѣлавшись покойнѣе, разказывалъ намъ свои несчастія: что онъ безвинно посаженъ въ домъ сумашедшихъ, гдѣ въ жестокіе морозы купали его холодною водой, тирански мучили его прикладываньемъ шпанскихъ мухъ и пр.; жаловался на полицеймейстера Эртеля, на директора университетскаго И. П. Тургенева за то что не защитили его, превозносилъ похвалами Андрея Ивановича. И все это говорилъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ краснорѣчіемъ что всѣхъ насъ растрогалъ до слезъ. Ежели онъ поврежденъ въ умѣ, то слишкомъ виденъ умъ и острота. Всѣ заключали что онъ не безумный, но я оставался подъ сомнѣніемъ и послѣ узналъ его исторію отъ

А. И. Тургенева. Онъ былъ изъ лучшихъ учениковъ университета и, бывъ учителемъ въ какомъ-то частномъ домѣ, дѣйствительно помѣшался въ умѣ.

„Въ понедѣльникъ, мая 6го числа, обѣдали мы на дачѣ пріятеля нашего Василія Ивановича Окорокова, на Бутыркахъ. Оттуда, вскорѣ послѣ обѣда, поѣхали, въ числѣ десяти человѣкъ дамъ и кавалеровъ, въ Останкино,—такъ называемое селеніе и домъ графа Шереметева, отстоящее въ пяти или шести верстахъ отъ городской заставы. У насъ былъ билетъ для осмотра сего дома. Одинъ изъ служителей повелъ насъ по всѣмъ комнатамъ. Я видѣлъ тутъ такія сокровища какихъ вѣрно нѣтъ и у индійскаго Могола: вездѣ сіяетъ золото, зеркала, картины, статуи, вазы, драгоцѣнныя ткани. Все это разсматривалъ я мимоходомъ, перебѣгая отъ одного предмета къ другому. Все казалось волшебствомъ: мраморъ одушевленъ, картины съ жизнію. Какая роскошь! Какое великолѣпіе! И все это тщетно, безъ употребленія, безъ пользы! Горестная мысль стѣсняла мое сердце; я почиталъ сіи сокровища какъ бы зарытыми въ землю. Домъ стоитъ въ отдаленіи отъ города, пустой; никто не живетъ въ немъ. Сколько богатства пожираетъ тлѣніе, между тѣмъ какъ въ одной Москвѣ и окрестностяхъ ея тысячи несчастныхъ безъ пристанища, едва поддерживаютъ бѣдную жизнь нужнѣйшимъ пропитаніемъ. У графа Шереметева не одинъ такой домъ съ сокровищами остается пустымъ: въ Кусковѣ, другой деревнѣ его, еще болѣе богатства тлѣетъ въ ничтожествѣ. Садъ въ Останкинѣ великолѣпный. Тутъ видѣлъ я величайшій кедръ, перевезенный, сказываютъ, изъ Сибири. Я сорвалъ нѣсколько иглистыхъ листьевъ его и послалъ въ Ставрополь къ любезнымъ людямъ, вмѣстѣ съ цвѣтами нарванными на дачѣ Окорокова.

„Мая 24го, въ пятницу, пользуясь прекрасною весеннею погодой, поѣхали мы въ славный Троицкій монастырь Св. Сергія, отстоящій отъ Москвы въ шестидесяти верстахъ. Недалеко отъ Троицкой дороги продавалась деревня Горбунова, владѣнія г. Рубецкаго, побочнаго брата кн. И. Н. Трубецкаго. * Хозяинъ мой располагался купить ее и хотѣлъ

* Сына фельдмаршала и генералъ-прокурора, кн. Никиты Юрьевича, Иванъ Никитичъ былъ женатъ на Катеринѣ Дмитріевнѣ, дочери, бывшаго симбирскаго губернатора. П. Долгорукій, *Росс. Родосл. Кн.*, ч. I, 322.

посмотрѣть. Мы нигдѣ не останавливались до первой станціи, селенія Братовщины. Выѣхавъ изъ Москвы, проѣхали мимо села Алексѣевскаго и стараго деревяннаго дворца царя Алексѣя Михайловича, а на четырнадцатой верстѣ отъ города пили чистую воду изъ славнаго колодца, названнаго Громовымъ, потому, какъ говорятъ, что онъ открылся отъ громоваго удара. Отъ сего колодца проведена вода, посредствомъ трубъ, до самаго города Москвы; трубы, по возвышеніямъ мѣстоположенія, скрыты въ землѣ, а чрезъ низкую долину виденъ мостъ, длиною болѣе 50 саженъ, на каменныхъ аркахъ. Минерныя работы, начатыя при императрицѣ Екатеринѣ, продолжались еще въ самомъ городѣ. Вся дорога отъ Москвы до Троицкаго монастыря казалась намъ большою улицей многолюднаго города, наполненною пилигримами, идущими на богомолье и возвращающимися обратно. Бѣдные и богатые, изъ набожности идутъ пѣшкомъ, только за послѣдними тянутся кареты и они совершаютъ своего пути не болѣе десяти верстъ въ день: нѣжныя ноги благочестивыхъ и богатыхъ женщинъ скоро утомляются. Стеченіе народа чрезвычайное. Многіе по обѣщанію ходятъ болѣе нежели за триста верстъ, и сіе путешествіе къ святымъ мѣстамъ облегчаетъ ихъ труды, а чистая вѣра исцѣляетъ ихъ болѣзни и утѣшаетъ въ горестяхъ. Въ Братовщинѣ, на постояломъ дворѣ стѣны и окошки исписаны были стихами и прозою, по-русски и по-французски. Тутъ читалъ я написанное какою-то влюбленною женщиной, какъ она сидѣла подъ окномъ и думала о своемъ любезномъ; а подъ строками письма ея какой-то грубіянъ написалъ стихи на счетъ ея, довольно грубые. Послѣ обѣда проѣхали мимо женскаго Хотькова монастыря, отъ котораго около двухъ верстъ была деревня Горбунова, съ красивымъ домомъ и прекрасною рощей. Тутъ мы остановились; вечеромъ прогуливались по рощѣ и по берегу небольшой рѣки.

„На другой день, 25го числа, услыша благовѣстъ въ Хотьковомъ монастырѣ, поѣхали мы туда къ обѣднѣ. По дорогѣ и въ оградѣ монастыря лежали обезображенные люди и, выставя больные и изуродованные члены свои, просили подаянія; иной, казалось, едва могъ двигаться отъ болѣзни. Все это оскорбляло чувства. Церковь была уже наполнена людьми. Во время службы въ первый разъ услышалъ я визги такъ-называемыхъ кликушъ, ихъ разные голоса, подобно лаю

собакъ. Во время выхода со Св. Тайнами, ихъ подводили и нагибали къ землѣ; тутъ крики усугубились и никто не думалъ о томъ чтобы вывести ихъ изъ ужасной тѣсноты на свѣжій воздухъ. Здѣсь хранятся подъ спудомъ мощи родителей Св. Сергія коимъ служатъ паннихиды. Въ оградѣ сего монастыря погребаютъ умершихъ. Между прочихъ надгробныхъ памятниковъ замѣтилъ я одну каменную пирамиду, на которой вырѣзана весьма не кстати слѣдующая надпись Карамзина:

Ударилъ часъ; друзья, простите!
Иду; куда, — вы знать хотите?
Въ страну покойниковъ; зачѣмъ?
Спросить *тамъ*: для чего мы здѣсь,
Друзья, живемъ?

Въ самые полдни пріѣхали мы къ Троицкой Лаврѣ. Въ дальнемъ разстояніи еще открылось прекрасное зрѣлище монастыря съ его церквами и зеленью садовъ, особливо высокой колокольни о четырехъ ярусахъ, которая около трехъ саженъ еще выше Ивана Великаго. Монастырь окруженъ глубокимъ рвомъ и каменною стѣной съ башнями; по стѣнѣ поставлены пушки. Какое ужасное стеченіе народа, усердныхъ богомольцевъ и несчастныхъ страдальцевъ, пришедшихъ или исцѣлиться отъ болѣзней, или выпрашивать милостыни! Я видѣлъ обезображенные трупы съ отгнившими носами, съ распухлыми и обнаженными руками или ногами, круги пѣвцовъ слѣпыхъ съ чашечками въ рукахъ и пр. Почти не останавливаясь здѣсь, проѣхали мы далѣе въ Виѳанію, такъ-называемое жилище нашего первосвященника Платона, отстоящую въ трехъ верстахъ отъ Троицкаго монастыря. По дорогѣ, съ лѣвой стороны, около двухъ верстъ идетъ каменная стѣна большаго монастырскаго сада. Подъѣзжая къ Виѳаніи, открывается величественный и огромный прудъ, разлитый предъ домомъ митрополита Платона, семинарія и церковь Преображенія Господня; все это каменное. Въ домѣ его есть комнатная церковь съ иконостасомъ шитымъ золотомъ и шелками. Хозяинъ дома былъ тогда въ Москвѣ; слѣдовательно, мы свободно могли осмотрѣть всѣ его комнаты, даже кабинетъ или спальню его. Къ удивленію, нашли въ немъ зеркальный потолокъ; постель съ великолѣпными китайскими занавѣсами, на коихъ вытканы драконы и разныя чудовища, какъ обыкновенно изобража-

ютъ Китайцы; стѣны украшены похвальными стихами и прозою, подносимыми ему отъ духовныхъ льстецовъ. Осмотря семинарію и домъ митрополита, пошли мы въ церковь Преображенія Господня. При входѣ въ нее, представилась высокая гора, весьма искусно поддѣланная подъ натуру, съ каменными трещинами, а на вершинѣ ея — олтарь, въ который входятъ съ высокихъ хоръ, сдѣланныхъ по сторонамъ всей церкви. При подошвѣ горы, внизу, съ правой и лѣвой стороны, — двѣ пещеры, изъ коихъ въ правой поставленъ гробъ Сергія чудотворца, изъ крѣпкаго затвердѣлаго дуба, какъ примѣтно выкрашенный. Набожные люди отдѣляютъ отъ него частички и съ благоговѣніемъ хранятъ какъ вещь священную. Я откололъ частичку грунтовой краски и послалъ въ свои отдаленныя мѣста набожнымъ родственникамъ. Въ семъ гробѣ были мощи Св. Сергія, хранящіяся нынѣ въ Троицкомъ монастырѣ, а гробъ преосвященнымъ Платономъ перенесенъ въ Виѳанію. Въ другой пещерѣ стоитъ гробъ приготовленный для живущаго еще Платона; возлѣ сей пещеры, внутри церкви, стоитъ найденный въ здѣшнихъ мѣстахъ слоновый зубъ, вѣсомъ въ 2 пуда 17 фунтовъ. Возлѣ дома преосвященнаго поставленъ монументъ, по случаю посѣщенія его покойнымъ императоромъ Павломъ I, съ надписью года, мѣсяца и числа. Возвратясь въ Троицкій монастырь, остановились мы на квартирѣ въ каменномъ домѣ, называемомъ *гостиницею*, гдѣ не берутъ никакой платы за постой и за квасъ, но приходитъ монахъ съ кружкою и обыкновенно получаетъ гораздо болѣе чего стòитъ квартира. Съ высокой колокольни, на которую влѣзалъ я и былъ даже въ самой главѣ, чрезвычайное зрѣлище на всѣ окрестности монастыря и на движущійся народъ; тогда былъ благовѣстъ, и отъ звона большаго колокола дрожала вся колокольня. Внутри монастыря мы видѣли чудотворный колодезь, изъ коего пили чистую воду. Осматривали разныя гробницы съ мощами, разныя богатства монастырскія; вездѣ виденъ блескъ и несчетныя сокровища, собранныя съ древнѣйшихъ временъ и по нынѣ безпрерывно собираемыя. Вмѣсто всякаго благоговѣнія, болѣе стѣснялось мое сердце; ибо въ стѣнахъ и за стѣнами монастыря толпы бѣднѣйшихъ людей просятъ подаянія, и всѣ охотнѣе и щедрѣе прибавляютъ богатства богатому, а не бѣднымъ; самые неимущіе удѣляютъ изъ своей собственности въ жертву

суесвятства. Боже мой! Какое разнообразіе человѣческихъ мнѣній! Какая смѣсь богатства и бѣдности, величія и низости Монахи показываютъ любопытнымъ и набожнымъ разныя священныя вещи, одежды и посуду, употреблявшіяся святымъ пустынникомъ Сергіемъ, служатъ молебны, и за все собираютъ деньги; раздаютъ, также за деньги, образа и писанныя полууставомъ тетрадки, читаютъ ихъ безграмотнымъ и разказываютъ чудеса. Толпы простолюдиновъ слушаютъ со слезами, крестятся и покупаютъ сіи тетрадки. Я читалъ одну и удивился нелѣпости, писанной о Св. Максимѣ, почитая сіе злоупотребленіемъ монаховъ, не позволеннымъ отъ Синода.

„Въ воскресенье вечеромъ возвратились мы въ Москву изъ сего путешествія. На обратномъ пути, близь села Пушкина, любовался я прекраснѣйшимъ мѣстоположеніемъ. Здѣсь построенъ двумя братьями, изъ московскихъ купцовъ, мѣдный заводъ; здѣсь природа и искусство привлекательны, по пріятному саду и прудамъ, съ красивыми мостиками.

IV.

(1801—1802)

Продолженіе.—Присяга императору Александру Іму. — Общій восторгъ при вступленіи его на престолъ.—Приготовленія къ коронаціи.—Торжественный въѣздъ императора въ Москву.—День коронаціи, 15го сентября.—Народный праздникъ въ Сокольникахъ.—Балъ въ Дворянскомъ Собраніи и маскарадъ въ Слободскомъ дворцѣ.—Балъ данный гр. Н. П. Шереметевымъ въ Останкинѣ, въ честь государя императора.—Причины успѣховъ Второва въ московскомъ обществѣ.—Актъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.—*Евангельскіе богачи.*—С. Г. Мельгуновъ.—Путешествіе Второва изъ Москвы въ Петербургъ.—Тверь.—Разговоръ съ „гражданиномъ".—Двѣ Тверитянки, „прекрасная" и „любезная".—Валдайскіе баранки.—Новгородъ.—Посѣщеніе Городища и Юрьева монастыря.—Въѣздъ въ сѣверную столицу.

„Въ пятый или шестой день, послѣ извѣстія о вступленіи на престолъ новаго императора, я присягалъ ему въ Успенскомъ соборѣ, который былъ открытъ ежечасно и болѣе двухъ недѣль былъ наполненъ присягающими людьми. Вмѣстѣ со мною подписалъ присяжный листъ бригадиръ графъ Варѳоломей Толстой *.

* Гр. Варѳоломей Васильевичъ, камергеръ, † 1838, женатый на гр. Аннѣ Петровнѣ Протасовой. П. Долгорукій, *Росс. Родословная Кн.*, II, 125.

„Надобно сказать о нашемъ любезномъ монархѣ что милости и кротость его безпримѣрны. Здѣсь всѣ, какъ вновь одушевленные, чувствуютъ свободу человѣчества, всѣ восхищаются его щедротами и, наслаждаясь весною, забываютъ зимніе ужасы. Всѣ пишутъ, въ похвалу его, стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ: и (чего никогда не бывало) пишутъ то что̀ прежде чувствовали и что̀ нынѣ чувствуютъ. Такъ много надѣются на снисхожденіе любезнаго царя, который, безъ сомнѣнія, мыслитъ по сердцу обожаемой всѣми бабки его Великой Екатерины, говорящей въ стихахъ г. Державина:

Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху, и лесть.

Ода г. Державина на вступленіе государя на престолъ не была еще напечатана, но съ нея у многихъ были списки и читались съ жадностью. Разказывали тогда что государь, принявъ сію оду, сдѣлалъ автору подарокъ стоящій шесть тысячъ рублей и не приказалъ ему печатать оной. Потомъ, будто, въ Сенатѣ, г. Трощинскій *, отозвавъ г. Державина, говорилъ ему что государь приказалъ ему сказать чтобъ онъ не только не печаталъ свою оду, но и никому не давалъ съ нея списковъ. Г. Державинъ, будто съ огорченіемъ, возразилъ ему что вѣрно государь приказалъ сказать ему о томъ не въ Сенатѣ. „Да“, отвѣчалъ г. Трощинскій, — „ежели бы существовала *Тайная*, тогда бы вамъ сказали тамо; а мнѣ ни времени, ни мѣста не назначено.“ Кажется сей анекдотъ подверженъ сумнѣнію, когда послѣ оказалась напечатанною сія ода въ сочиненіяхъ г. Державина. Равнымъ образомъ и сіе невѣроятно, какъ разказывали тогда за несумнѣнное, что сей же авторъ написалъ къ портрету государя слѣдующую надпись:

Се образъ ангельскій любезныя души;
Ахъ, еслибъ вкругъ его всѣ были хороши!

Надпись сія не понравилась окружающимъ его царедворцамъ и кто-то изъ нихъ подъ нею отвѣчалъ ему такъ грубо и нелѣпо:

Конечно! Только бы Державина не надо:
Паршивая овца и все испортитъ стадо. **

---

* Дмитрій Прокофьевичъ, тайный совѣтн. † 1829.

** Этотъ разказъ, доставленный Второвымъ-сыномъ напечатанъ

„Г. Карамзинъ за свои стихи получилъ перстень въ двѣ тысячи рублей. Много было стихотвореній прекрасныхъ и самыхъ уродливыхъ, каковы напримѣръ князя А. Голицина, а особливо площаднаго стихомарателя Тодорскаго и пр. и пр. Я успѣлъ тогда собрать всѣ вышедшіе на сей случай стихи и прозу. Прекрасную оду сочиненія г. Клушина * и понынѣ (1818) не видалъ я напечатанною. Многіе писали, въ подражаніе г. Державину, весьма свободно и напечатали. Я приведу здѣсь въ примѣръ два стихотворенія, на русскомъ и французскомъ языкахъ: первое молодаго человѣка, бывшаго тогда юнкеромъ Иностранной Коллегіи, кн. Якова Козловскаго, а второе профессора французскаго языка Авіата Ватая. Вотъ начальныя строфы ихъ:

1.

На что хвалить великихъ въ мірѣ?
Дѣла ихъ славны безъ похвалъ....
Сколь часто на прекрасной лирѣ
Піитъ злодѣевъ воспѣвалъ!
Своимъ искусствомъ унижался,
Змѣей предъ трономъ изгибался,
Вѣнокъ отъ лести заслужилъ,
Тирана славилъ совершенство,
Народа бѣднаго блаженство!
Сколь часто Неронъ Титомъ слылъ! и т. д.

академикомъ Я. К. Гротомъ въ его изданіи Державина (т. II, стр. 363). О князѣ Голицынѣ (Ал—й Ив.), переводчикѣ Вольтерова *Эдипа* и *Генріады*, см. примѣчаніе Я. К. Грота во II томѣ сочиненій Державина, стр. 724. При составленіи этого примѣчанія, академикъ Гротъ, не знаемъ почему, былъ введенъ въ заблужденіе: И. А. Второвъ не дѣлалъ никакой приписки къ тексту своего дневника, именно къ тому мѣсту которое приводитъ г. Гротъ на стр. 363й II тома. Дневникъ Второва, какъ уже сказано, былъ обработанъ имъ (по черновому) въ 1818, сплошь весь былъ писанъ его рукою, безъ малѣйшихъ поправокъ, дополненій и оговорокъ.

* Клушинъ (Александръ Иван.), товарищъ Крылова по изданію *С.-Петербургскаго Меркурія* на 1793. Онъ напечаталъ стихи на прибытіе императора Александра Іго изъ Москвы въ Петербургъ (тип. Губ. Правл. Спб. 1801). Другія его сочиненія и переводы указаны въ росписи Смирдина. Тодорскій Иванъ, переводчикъ нѣкоторыхъ сочиненій блаженнаго Августина. Ода его, о которой говоритъ Второвъ, была напечатана въ Москвѣ, въ тип. Рѣшетникова, 1801.

2.

A la dure austérité
D'une implacable justice,
Succède le joug propice
D'une douce autorité:
Ainsi la nature passe
Du noir frimat qui la glace,
Aux triomphes du printemps,
Qui, marquaient par le ravage
Leur effroyable passage,
Quittent les plaines des cieux;
Et le soleil radieux
Succède au bruyant orage.

Между тѣмъ въ Москвѣ дѣлались приготовленія къ коронаціи. Съ этою цѣлію была учреждена особая экспедиція, куда принимались разные чиновники и куда приглашали Ивана Алексѣевича Второва; но онъ отказался отъ этого приглашенія, обязательно предложеннаго ему многочисленными московскими знакомыми. Не имѣя въ Москвѣ никакихъ опредѣленныхъ занятій, проводя все время, по собственному сознанію, въ совершенной праздности и карточной игрѣ, Второвъ рѣшился пробыть тамъ все время коронаціи, которое онъ описываетъ довольно подробно въ письмахъ своихъ къ роднымъ.

„Здѣсь въ Москвѣ (пишетъ онъ отъ 4го сентября въ середу) теперь болѣе милліона людей. Всѣ гвардейскіе полки, придворный штатъ и сегодня пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ. Государь будетъ въ четвертокъ и остановится въ подъѣздномъ Петровскомъ дворцѣ, а въ субботу мы увидимъ торжественный его въѣздъ въ Москву. Постороннее наше упражненіе, кромѣ картъ, было то что мы болѣе трехъ недѣль смотрѣли вступающіе церемоніально въ городъ гвардейскіе полки. Они проходили чрезъ день, по одному баталіону. Московская публика неутомима въ любопытствѣ: зрителей всегда было до десяти полковъ на одинъ баталіонъ.

„По прибытіи государя, онъ пріѣзжалъ изъ Петровскаго дворца въ городъ верхомъ для прогулки. Толпы народа всегда сопутствовали ему во всѣхъ мѣстахъ. Дня за три до торжественнаго шествія его въ Москву, когда онъ ѣхалъ по Тверской улицѣ съ великимъ княземъ и нѣсколькими изъ

его свиты, большія кучи людей разныхъ состояній, по обыкновенію, толпились по обѣимъ сторонамъ улицы безъ шапокъ. Онъ всегда ѣздилъ тихо и кланялся народу на его привѣтствія. Вдругъ изъ густой кучи людей выбѣжали два мужика впередъ и растянулись среди улицы на самомъ томъ мѣстѣ гдѣ государь долженъ былъ проѣзжать. Онъ остановился, видя загражденнымъ свой путь, спрашивалъ чего они хотятъ и для чего легли?—„Ничего, надёжа-государь!" говорили мужики, поднявъ головы: „ступай по насъ!" Государь улыбнулся, поворотилъ въ сторону свою лошадь и проѣхалъ мимо. Толпы народа, идущія за нимъ, наполнили сіе мѣсто. Отъ избытка или усердія къ монарху, или отъ нетрезваго состоянія сіи мужики сдѣлали такой фарсъ, не знаю; но видѣлъ и чувствовалъ самъ какое вліяніе можетъ имѣть присутствіе монарха на его подданныхъ. Видѣвъ нѣсколько разъ государя вблизи, я не могъ насытиться зрѣніемъ и считалъ всегда за первое счастіе только видѣть его. Прекрасная наружность и привлекательная физіономія заставляютъ каждаго любить и уважать его, даже тогда когда бы онъ былъ простымъ гражданиномъ; но въ такомъ санѣ, и при такихъ милостяхъ, какую ревность, какое усердіе не могъ бы онъ возродить въ каждомъ изъ своихъ подданныхъ! И какая жертва для него не будетъ пріятна всякому!

„8го сентября, въ воскресенье, былъ торжественный въѣздъ въ Москву государя. Отъ самаго Петровскаго дворца, по всей Тверской улицѣ до Кремля, стояли по обѣимъ сторонамъ въ парадѣ гвардейскіе полки, держа свои ружья у ноги, въ такомъ положеніи какъ отдаютъ честь. Всѣ домы по улицѣ украшены были вывѣшенными изъ оконъ коврами и разными шелковыми матеріями. Возлѣ домовъ, по всей улицѣ, построены были галлереи разныхъ фигуръ, выкрашенныя и завѣшенныя также коврами. Всѣ галлереи наполнены были зрителями обоихъ половъ. Шествіе началось часовъ въ 10 поутру. Сначала ѣхали парадныя кареты цугами, шагомъ, разныхъ первоклассныхъ вельможъ. Впереди каждой кареты шли скороходы, по два и по одному, съ своими булавами, въ легкихъ платьяхъ и башмакахъ, украшенныхъ разноцвѣтными лентами, и въ каскахъ съ перьями; возлѣ каретныхъ дверей гайдуки гигантскаго роста, въ мантіяхъ и киверахъ. Цѣпь каретъ тянулась весьма долго, по множеству оныхъ. Потомъ отряды кавалергардовъ и лейбъ-

гусаровъ съ трубнымъ звукомъ и литаврами. Когда проѣхали сіи отряды, то въ разныхъ мѣстахъ улицы и у Тверской заставы заревѣли ракеты, пущенныя вверхъ, возвѣщающія шествіе царской фамиліи. Звонъ колоколовъ и громъ пушекъ раздавались по всей Москвѣ. Придворныхъ экипажей было множество. Помнится, въ двухъ или трехъ позлащенныхъ каретахъ, съ изображеніемъ вверху коронъ и съ опущенными стеклами, сидѣли императрицы, вдовствующая Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна, и кланялись на обѣ стороны зрителямъ. Великія княжны и маленькіе великіе князья также сидѣли въ каретахъ. Государь съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и со многими составляющими свиту его военными чиновниками, въ мундирахъ, ѣхали верхами. Одинъ только государь былъ съ открытою головой и кланялся зрителямъ на обѣ стороны; прочіе всѣ въ шляпахъ. * Весь кортежъ заключался отрядомъ конной гвардіи. Покуда проходила сія процессія въ Кремль, мы успѣли переѣхать на Мясницкую улицу, и тамъ на галлереѣ, коихъ также множество было настроено и наполнено людьми, дождались продолженія сего шествія изъ Кремля. По всей Мясницкой улицѣ стояли въ парадѣ армейскіе полки. Шествіе продолжалось до Слободскаго дворца, гдѣ государь остановился. Церемонія сія кончилась уже за полдни, и мы въ 4мъ часу пополудни возвратились на квартиру. Еще до прибытія государя въ Москву, нѣсколько дней продолжалось извѣщеніе о его коронованіи чрезъ герольдовъ. По всѣмъ улицамъ московскимъ, съ отрядомъ драгунъ, ѣздили герольды въ шитыхъ мундирахъ, въ суперверсахъ, въ обложенныхъ позументами шляпахъ съ плюмажами и разноцвѣтными перьями, съ жезлами. Предъ ними трубачи и литаврщикъ возвѣщали шествіе, останавливались въ разныхъ мѣстахъ и читали объявленіе о коронованіи.

„Во вторникъ, 10го сентября, я былъ въ саду Слободскаго дворца и наслаждался зрѣніемъ государя. Тогда было много тамъ прогуливающихся; кажется, всѣ толпились только возлѣ него. Въ субботу, 14го числа, былъ въ Кремлѣ и видѣлъ пріуготовленныя мѣста для зрителей; видѣлъ, какъ всѣ были въ движеніи ожидая важнѣйшей церемоніи. Многіе съ вечера откупили мѣста на колокольнѣ Ивана Великаго или на башняхъ и ночевали тамъ.

* Сходное описаніе этого въѣзда см. у Вигеля, ч. I, стр, 200.

„15го сентября, въ воскресенье, часа за два до свѣту, поѣхали мы въ каретѣ, съ Павломъ Ивановичемъ, Елизаветою Матвѣевной, ея дочерью и Елизаветою Степановной Сметковой, въ Кремль. Разстояніе было отъ нашей квартиры не болѣе версты, но мы ѣхали болѣе двухъ часовъ, потому что тянувшаяся цѣпь каретъ едва двигалась и болѣе останавливалась на улицѣ. Изъ четырехъ воротъ ведущихъ въ Кремль, назначены были для въѣзда каретъ одни Боровицкіе, а для выѣзда—Никольскіе; для пѣшихъ—Тайницкіе, а для входа въ Кремль войскамъ—Спасскіе. Мы подъѣхали къ Боровицкимъ воротамъ уже по разсвѣтѣ дня. Не доѣзжая саженъ 50 отъ нихъ и видя что многіе выходятъ изъ каретъ, соскучась медленностью, вышли и мы и пошли пѣшкомъ въ Кремль; но стоящіе у воротъ гренадеры не пропустили пѣшихъ. Видя что кучи дамъ и кавалеровъ пошли къ Никольскимъ воротамъ, принуждены были и мы идти за ними; но встрѣчавшіеся намъ обратно оттолѣ сказали что и тамъ не пропускаютъ, и что не иначе можно попасть въ Кремль пѣшимъ, какъ чрезъ Тайницкіе ворота, къ коимъ проходить было далеко берегомъ Москвы-рѣки. Кареты же своей въ стѣснившихся рядахъ экипажей и въ густотѣ народа мы не могли найти: вмѣстѣ съ другими она проѣхала чрезъ Кремль весьма спокойно. Что̀ дѣлать? Дамы наши въ отчаяніи: съ одною сдѣлалась истерика. Мы должны были помогать больной и успокоивать отчаянныхъ. По счастію, караульный офицеръ былъ знакомъ Павлу Ивановичу: онъ сжалился на положеніе дамъ и пропустилъ насъ между каретъ въ сіи Боровицкіе ворота. У насъ были билеты * на большой амфитеатръ, построенный около Ивана Великаго. Подошедши къ нему, увидѣли что нижнія мѣста всѣ были наполнены зрителями, а въ самомъ верху, вокругъ всей башни, до самыхъ колоколовъ, набито было людей безчисленное множество. Новая бѣда! Дамы наши рѣшительно сказали что онѣ готовы умирать, а не пойдутъ вверхъ. Мы провели ихъ къ другому амфитеатру, построенному между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами. Приставленные къ сему амфитеатру не допускали насъ на мѣсто по нашимъ билетамъ, а отсылали къ большому. Дамы наши рѣшились хотя на ногахъ про-

---

* Билеты на мѣста для всѣхъ зрителей раздавались изъ коммиссіи безденежно.

быть все время, но не хотѣли идти никуда болѣе. Чрезъ полчаса кое-какъ могли и мы помѣститься на мѣстахъ сего амфитеатра. Между тѣмъ весь Кремль наполнился людьми, привели войска, и въ 10 часовъ утра началась процессія.

„Отъ Краснаго Крыльца до Успенскаго собора, отъ онаго до Архангельскаго, а отъ сего до Благовѣщенскаго соборовъ, сдѣланы были переходы и покрыты алымъ сукномъ. По Красному Крыльцу стояли лейбъ-гусары съ обнаженными саблями; по обѣимъ сторонамъ — кавалергарды и рейтары конной гвардіи, пѣшіе. Императорскій великолѣпный балдахинъ несенъ былъ первоклассными чиновниками. Подъ симъ балдахиномъ прошли въ Успенскій соборъ вдовствующая императрица, государь и его супруга. Въ семъ Успенскомъ соборѣ, у всѣхъ стѣнъ, были также сдѣланы мѣста, въ видѣ амфитеатра, для иностранныхъ посланниковъ и первоклассныхъ чиновниковъ. Митрополитъ Платонъ совершалъ тамъ извѣстный обрядъ мѵропомазанія и коронованія государя и его супруги. Въ церкви были только чиновники первыхъ пяти классовъ и высшее духовенство, а мы, простые зрители, не могли видѣть сего обряда, но возвѣщаемы были о всемъ залпами изъ ружей стоящихъ въ Кремлѣ гвардейскихъ полковъ, пушечною пальбой и колокольнымъ звономъ. День былъ съ утра пасмурный; но часу въ 12мъ, кажется, въ то время какъ совершился обрядъ коронованія, блеснуло солнце. * Первый лучъ его, какъ я помню, игралъ въ брилліантахъ короны вдовствующей императрицы, когда она одна съ своею свитой возвращалась изъ Успенскаго собора и восходила на Красное Крыльцо. Вскорѣ послѣ того государь императоръ съ супругою проходили изъ Успенскаго собора въ Архангельскій, а изъ него въ Благовѣщенскій по переходамъ, крытымъ алымъ сукномъ, подъ балдахиномъ. На немъ былъ мундиръ гвардіи Преображенскаго полка, сверху порфира, на головѣ корона, а въ рукахъ скипетръ и держава; возлѣ него шла императрица, также въ коронѣ и порфирѣ. За ними шли первостепенные вельможи и несли царскія регаліи. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ несъ подушку на которой кладется корона; онъ былъ въ старомъ Екатерининскомъ мун-

---

* Гораздо кратче, но тѣми же чертами, изображаетъ Вигель какъ этотъ день, такъ и вообще все время пребыванія въ Москвѣ новаго императора (*Воспоминанія*, ч. 1, стр. 199—203).

дирѣ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ, во всѣхъ орденахъ. Тутъ же находились: графъ М. Ѳ. Каменскій, графъ Н. П. Шереметевъ и пр. За вельможами шли депутаты отъ всѣхъ губерній. Отряды кавалергардовъ и конногвардейскихъ рейтаръ, пѣшіе, въ авангардѣ и аріергардѣ, сопровождали всю процессію. Великій князь Константинъ Павловичъ, въ конногвардейскомъ колетѣ и съ обнаженнымъ палашомъ, командовалъ сими отрядами. Пушечная пальба и звонъ колоколовъ гремѣли по всей Москвѣ. Мы не могли видѣть тѣхъ площадей кои простираются отъ Никольскихъ и отъ Спасскихъ воротъ, гдѣ поставлены были войска; въ виду у насъ были только: Кремлевскій дворецъ, Грановитая Палата съ Краснымъ Крыльцомъ, часть Успенскаго собора и двѣ стороны Ивана Великаго. Сей послѣдній, во всю высоту его, до самой колокольни, застроенъ былъ амфитеатромъ для зрителей и представлялъ безчисленное множество людей, сидящихъ одни надъ другими; самая колокольня была наполнена людьми. Всѣ крыши строеній, какія были видны намъ въ Кремлѣ, усыланы были народомъ. Многіе, взлѣзши на высоту крыши и нашедши какую-нибудь вещь за которую могли привязать кушаки, держались за нихъ и такимъ образомъ висѣли на желѣзныхъ крышахъ во все продолженіе церемоніи; къ нимъ всползывали другіе и держались за ноги или за платье. Задняя стѣна нашего амфитеатра, къ сторонѣ Тайницкихъ воротъ, трещала отъ тягости влѣзавшаго на нее народа: другъ друга стаскивали и падали на землю; слышны были стоны, но неизвѣстно—лишился ли при томъ кто жизни. Удивительно, до чего простирается человѣческое любопытство! Не было ни одной впадины гдѣ бы не висѣлъ человѣкъ, съ трудомъ держась за гладкія стѣны или углы. Вся церемонія кончилась часу во 2мъ или въ 3мъ. Въ тотъ же день вечеромъ освѣщенъ былъ весь городъ. По всѣмъ улицамъ, предъ домами, были щиты, съ зажженными плошками и разноцвѣтными фонарями, и прозрачныя картины. Всѣ церкви также освѣщены были плошками, а особливо Иванъ Великій, отъ самой подошвы его до вершины креста, представлялъ ослѣпительный блескъ огней въ темную ночь; надъ главою его сдѣлана была корона изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Стѣны, башни и зданія всего Кремля были также иллюминованы. Вся Москва представляла зрѣлище необыкновенное, прекрасное! Всѣ улицы были наполнены народомъ, пѣшими,

верховыми и густыми рядами каретъ и колясокъ. Долго ѣздили мы по улицамъ, наслаждаясь зрѣлищемъ разныхъ иллюминацій и движеніями людей. Многіе дома, во всю высоту, освѣщены были плошками и фонарями. Домъ Пашкова, съ обоими его флигелями и садомъ, былъ весь въ огнѣ; отъ вершины его бельведера къ вершинамъ флигелей протянуты были огненныя гирлянды. Въ Кремлѣ было безчисленное множество людей обоего пола. Всѣ площади онаго представляли какъ будто освѣщенныя комнаты. Слѣдующія потомъ три ночи продолжались точно такія же иллюминаціи по всему городу и въ Кремлѣ. Въ сіи три ночи были даны для всего дворянства балы въ Грановитой Палатѣ. Я былъ на двухъ и толпился въ тѣснотѣ между блестящаго общества кавалеровъ и дамъ. Кто успѣлъ пріѣхать прежде, тотъ и правъ, а опоздавшіе не могли продраться, кромѣ самыхъ значительныхъ вельможъ. Тутъ была вся императорская фамилія, иностранные посланники и пр. Между прочимъ обращали вниманіе многихъ магометанскій муфтій съ двумя женами своими, покрытыми съ головы до ногъ тонкими прозрачными покрывалами. Величина Грановитой Палаты не соотвѣтствовала многочисленному собранію: едва могли раздвинуть узкую дорожку для польскаго, въ коемъ танцовалъ въ первой парѣ императоръ съ супругою.

„Въ четвергъ, 19го сентября, было для меня самое любопытнѣйшее зрѣлище на данномъ для всего народа праздникѣ. За городомъ, на обширномъ полѣ, въ урочищѣ называемомъ *Сокольниками*, сдѣланъ былъ городокъ, обведенный дерновымъ валомъ. Вокругъ всего городка построены были довольно высокія галлереи для зрителей, которыя отдавались по пяти и десяти рублей съ персоны, смотря по удобности и выгодности мѣстъ. Среди городка были построены разныя пирамиды, домики, открытыя галлереи для балансеровъ и ташеншпиллеровъ, карусели, качели и пр. Разныя вина и пиво закрыты были досчатыми домиками, сверху коихъ были спущены жолоба къ большимъ чанамъ, находящимся подъ ними. Дороги для проѣзда царскимъ экипажамъ отдѣлены были натянутыми канатами. Вся внутренняя окружность уставлена была, нарочно сдѣланными на сей случай, столами, въ видѣ высокихъ и широкихъ скамей. По всѣмъ столамъ наставлены были деревянныя и глиняныя тарелки, жареные гуси, утки, индѣйки, части разныхъ мясъ, яйца, пироги и пр.,

примѣрно, тысячъ на сорокъ персонъ. По краямъ, чрезъ три аршина разстояніемъ, врыты были березки съ вѣтвями и на каждой вѣтви, по всѣмъ сучкамъ, навязаны свѣжія яблоки. Въ разныхъ мѣстахъ видны были высокія мачты, на вершинахъ коихъ укрѣплены призы изъ платковъ, шелковыхъ матерій и разныхъ вещей для искусныхъ охотниковъ. Дожидались императора. Но вскорѣ предъ его пріѣздомъ, когда разъѣзжалъ и осматривалъ всѣ приготовленія оберъ-полицеймейстеръ съ драгунами, вдругъ кому-то изъ народа пришло въ голову что поданъ знакъ къ обѣду. Всѣ толпы съ шумомъ устремились къ столамъ и, несмотря на удерживающихъ драгунъ, въ минуту расхватали все кушанье, сорвали яблоки и поломали не только деревья, но и столы. Многіе говорили тогда что Каверинъ, оберъ-полицеймейстеръ, сдѣлалъ это умышленно до прибытія государя; что, будто, приготовленная пища не соотвѣтствовала той суммѣ какую получилъ онъ на угощеніе. Какъ бы то ни было, но не осталось ни куска въ одну минуту. Вскорѣ потомъ пущенныя ракеты возвѣстили прибытіе государя. Вдругъ раздался ужасный крикъ: *ура!* Полетѣли вверхъ шапки. Народа, занимающаго густою толпою пространство болѣе четырехъ квадратныхъ верстъ, было, кажется, около милліона. Государь и великій князь со свитою ѣздили верхами, а фамилія царская и знатные вельможи въ открытыхъ каретахъ. Изъ домиковъ и пирамидъ пущены были по жолобамъ разныя вины и пиво. Народъ устремился къ симъ домикамъ и въ мигъ, какъ муравьи, покрылъ всѣ крыши оныхъ и жолоба; движенія и крики народа изображали шумящую бурю. Въ разныхъ мѣстахъ, близь сихъ домиковъ, поставлены были пожарныя трубы. Вдругъ заревѣла вода въ разныхъ направленіяхъ и полилась сильно на людей, висящихъ по жолобамъ и по крышамъ. Сперва держались они крѣпко; но, когда почувствовали льющуюся стремительно на нихъ воду, начали падать, кто въ чаны наполненные виномъ, кто на землю. Забавное и любопытное зрѣлище! Кто подставляетъ шапку подъ жолобъ; кто ловитъ капли открытымъ ртомъ; кто черпаетъ сапогами или котами или высасываетъ изъ платья купающихся въ винѣ! Потомъ начались разныя увеселенія. Нашлись отважные смѣльчаки; лазили на шесты и доставали призы; качались на качеляхъ и ѣздили на деревянныхъ коняхъ; между тѣмъ балансеры и комедіанты забавляли чернь своими фарсами. Усердныхъ

гостей было множество лежащихъ и шатающихся, однакожь полицейскою командой всѣ были прибраны: кто довезенъ до своего жилища, а бо́льшая часть ночевали на съѣзжахъ и послѣ отпущены по домамъ. Съ 10 часовъ утра и до самаго вечера бо́льшая часть гостей пробыла на семъ празднествѣ.

„Московское дворянство давало балъ императору въ своемъ домѣ Собранія. Я съ трудомъ могъ достать тогда визитерный билетъ; потому что, кромѣ членовъ, по множеству собранія, визитеровъ было немного. Въ огромной залѣ сего Собранія, въ концахъ его поставлены были два щита. Они иллюминованы были разноцвѣтными стаканчиками. На одномъ былъ вензель государя, а на другомъ его супруги. Прочее освѣщеніе залы и комнатъ было блестящее. За щитами, какъ горы, навалены были шпаги и шляпы танцующихъ кавалеровъ; но тѣснота была чрезвычайная, отъ многочисленнаго собранія всѣхъ придворныхъ, военныхъ, иностранныхъ и прочихъ посѣтителей. Во всѣхъ залахъ было болѣе 6.000 персонъ. Кромѣ двухъ небольшихъ пространствъ для танцующихъ, всѣ мѣста, всѣ переходы и даже окошки были заняты людьми. Государь нѣсколько разъ танцовалъ польскій; великій князь и послѣ отъѣзда его оставался и танцовалъ контрдансы. На другой день полицейскіе офицеры по всѣмъ благороднымъ домамъ отыскивали шпагу великаго князя которую онъ не нашелъ въ кучѣ; видно кто-нибудь ошибкою взялъ ее вмѣсто своей.

„21го сентября, въ субботу, былъ маскарадъ въ Слободскомъ дворцѣ для дворянства и купечества. Всѣ комнаты сего дворца были открыты; въ собраніи было болѣе 15.000 гостей. Заключаю такъ по ужасной тѣснотѣ во всѣхъ комнатахъ и потому что на моемъ билетѣ былъ № свыше 15.000. Здѣсь видѣлся я со многими изъ моихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ сюда изъ Симбирской и Казанской губерній, напримѣръ, съ И. В. Жадовскимъ и его дочерью, съ графомъ В. А. Толстымъ и его женою,* съ К. П. Алашеевою, А. И. Мясниковой, А. И. Толстымъ и проч. Я встрѣчался очень часто и былъ близко къ государю и всей его фамиліи. Я былъ кавалеромъ одной изъ знакомыхъ моихъ, прекрасной дѣвицы, Н. А. Черепановой. На нее устремлялись часто взоры великаго

---

* Екатерина Яковлевна, рожденная Трегубова, † 1831. Графъ В. А. Толстой, о которомъ говорится и ниже, † 1824.

князя, встрѣчающагося съ нами и всегда ходящаго рука въ руку съ г. Боуромъ, гусарскимъ генераломъ. Когда толпы переходили изъ одной комнаты въ другую то тѣснота въ дверяхъ была столь велика что многія изъ дамъ вскрикивали отъ давки.

„Въ теченіе сего времени былъ еще балъ, данный государю графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ * на его дачѣ, въ Останкинѣ, куда приглашены были только знатнѣйшія особы по билетамъ. Прочихъ гостей поручено было угощать въ особомъ домѣ, на той же дачѣ, управляющему. Мы поѣхали туда съ Павломъ Ивановичемъ, Елизаветой Матвѣевной и ея дочерьми. Отъ самой городской заставы до Останкина, на разстояніи четырехъ или пяти верстъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, сдѣланы были перила, на подобіе высокихъ скамеекъ. Сіи перила всѣ сплошь уставлены были зажженными плошками. За ними въ нѣкоторомъ отдаленіи, также по обѣимъ сторонамъ дороги и по всему ея пространству, на разстояніи саженъ 10ти, горѣли смоляныя лагуны, а чрезъ 200 саженъ и менѣе поставлены были высокіе щиты, изображающіе тріумфальныя ворота которыя прекрасно освѣщены были плошками и разноцвѣтными фонарями; во всѣ сіи ворота проѣзжали кареты тянувшіяся длинною цѣпью изъ Москвы до Останкина. Вся дорога представляла прекрасно освѣщенную галлерею. Въ самомъ селеніи, улица крестьянскихъ домовъ закрыта была съ обѣихъ сторонъ высокими щитами, освѣщенными плошками и фонарями. Господскій домъ со всѣми строеніями, равно какъ и прекрасный садъ его съ деревьями, иллюминованы были удивительно. Площадь въ саду, предъ окошками, и одна аллея казалась огненною рѣкою. Въ разныхъ мѣстахъ представлялись огненные фонтаны какъ будто изливающіе вверхъ блестящее серебро: такъ поддѣлано было, посредствомъ движущихся машинъ и серебряныхъ тканей. Прибытіе государя и его фамиліи возвѣщено было пущенными ракетами и пальбою. Въ домѣ былъ великолѣпный балъ и театръ, на коемъ играли собственные актеры графа Шереметева. Послѣ ужина пушечные выстрѣлы открыли фейерверкъ за прудомъ, противъ балкона. Это было прекрасное и величественное зрѣлище! Послѣ многихъ перемѣнъ

---

* Оберъ-камергеръ, основатель Страннопріимнаго Дома въ Москвѣ, † 1809. П. Долгорукій, III, 502.

бывшихъ въ фейерверкѣ, поднялись вверхъ, съ ужаснымъ ревомъ, около пятидесяти тысячъ ракетъ, со шлагами и звѣздами. Небеса казались отверстыми отъ искусственныхъ огней въ ночномъ мракѣ. Сильный и продолжительный громъ, съ блескомъ молній и блестящихъ звѣздъ, колебалъ воздухъ. Картинный щитъ изъ разноцвѣтныхъ огней, съ императорскими вензелями, горѣлъ долго. Въ томъ домѣ гдѣ насъ угощали аршадомъ, лимонадомъ, конфетами и мороженымъ, также была чрезвычайная тѣснота. Празднество кончилось уже на разсвѣтѣ; но мы, послѣ фейерверка, поѣхали обратно въ Москву."

Празднества по случаю коронаціи императора Александра I закончились маскарадомъ въ Слободскомъ дворцѣ; затѣмъ дворъ оставилъ Москву, въ половинѣ октября. Иванъ Алексѣевичъ Второвъ прожилъ въ Москвѣ до 27го апрѣля 1802 года, по словамъ его, въ праздности, иногда недѣлю и болѣе не принимаясь не только за перо, но и за книгу. Показаніе это, впрочемъ, мы не можемъ принимать буквально, по пристрастію нашего героя къ самообличеніямъ, всегда преувеличеннымъ. Что онъ писалъ въ это время много, доказываетъ его журналъ и дѣятельная переписка съ симбирскими и самарскими друзьями: писаніе вообще было его страстію, которой онъ съ увлеченіемъ предавался во всю свою жизнь. Что онъ читалъ, размышлялъ и что жизнь его въ Москвѣ была все же содержательнѣе чѣмъ въ провинціи, это доказываетъ обширный кругъ знакомствъ пріобрѣтенныхъ имъ въ древней столицѣ въ высшихъ и образованнѣйшихъ слояхъ тогдашняго общества; это же подтверждаютъ и слѣдующія его слова: „Дня по два иногда въ недѣлю удѣляю на собесѣдованіе съ любезнымъ другомъ моимъ Андреемъ Алексѣевичемъ (Соколовымъ), говоримъ, читаемъ и философствуемъ. Здѣсь (въ Москвѣ) насмотрѣлся я на подобныхъ мнѣ людей, много узналъ такого чего въ тамошнихъ тихихъ кругахъ (то-есть въ Самарѣ) никогда бы не узналъ. Разлука, перемѣнныя мѣста и виды много дѣлаютъ впечатлѣнія на сердце и перемѣняютъ мысли и чувствованія подобнаго мнѣ неопытнаго младенца." О времяпровожденіи своемъ онъ говоритъ: „Обыкновенныя мои упражненія здѣсь, почти каждый день убивать время за бостономъ, чрезъ недѣлю — смотрѣть пышное и праздное чело-

вѣчество въ театрѣ, который доставляетъ мнѣ болѣе удовольствія. Часто выѣзжаю въ знакомые дома на обѣдъ, на вечеръ и во всѣхъ почти домахъ карты бываютъ необходимымъ занятіемъ." „Мысли у меня богатырскія", восклицаетъ въ одномъ письмѣ нашъ юный литераторъ. Съ этими богатырскими мыслями, ничѣмъ впрочемъ не выразившимися, во всякомъ случаѣ ему жилось въ Москвѣ въ ту пору лучше, чѣмъ на Поволожьѣ. Но чѣмъ и на какія средства жилъ тогда въ нашей древней столицѣ бѣдный, отставной провинціальный чиновникъ, пріѣхавшій туда съ нѣсколькими рублями? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ частію самъ Второвъ, говоря что онъ не чувствуетъ „никакого ущерба въ кошелькѣ своемъ съ самаго пріѣзда въ Москву" потому, можетъ-быть, что этому „способствуетъ мнѣ небольшая удача въ игрѣ". Извѣстное московское гостепріимство, тогдашняя дешевизна жизни, почти равнявшаяся нулю, такъ какъ общество помѣщиковъ, которое посѣщалъ Второвъ, жило въ столицѣ въ своихъ домахъ, на своемъ деревенскомъ содержаніи, да и сама тогдашняя Москва была на половину колоссальной русской деревней, въ которой жили помѣщики всей центральной и восточной Россіи, еще лучше чѣмъ удача въ карточной игрѣ, объясняетъ причину почему Второвъ былъ желаннымъ гостемъ въ московскомъ обществѣ, почему жить ему въ столицѣ почти ничего не стоило, почему и самая жизнь, при замѣчаемой имъ пустотѣ и однообразіи, все же въ концѣ концовъ, была ему пріятна. Къ тому же въ самомъ Второвѣ было нѣчто привлекавшее къ нему вниманіе лучшихъ представителей тогдашняго московскаго общества. Эти представители не могли не замѣтить въ пріѣхавшемъ провинціалѣ явленія выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ: бѣднякъ, не дворянинъ, канцеляристъ въ отставкѣ, съ жалкимъ чиномъ XIV класса, чѣмъ могъ привлечь къ себѣ вниманіе самарскій гость въ Москвѣ, еслибъ онъ ничѣмъ не отличался отъ людей подобнаго ему общественнаго положенія? Москвичи увидѣли въ немъ явленіе по тому времени диковинное, провинціальнаго литератора, человѣка съ развитіемъ, съ потребностями, съ привычками совсѣмъ иными чѣмъ тѣ которыя преобладали въ тогдашнихъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ. Остаться не замѣченными эти качества не могли, особенно въ оживленную пору первыхъ дней царствованія

императора Александра Павловича. Лучшимъ представителямъ тогдашняго московскаго общества пріятно было убѣдиться что въ провинціи уже появлялись люди подобные Второву, что они стали выходить даже изъ темнаго приказнаго міра. Не забудемъ что появленіе Второва, его успѣхи въ Москвѣ, предшествовали преобразовательной дѣятельности Сперанскаго, съ которой начинается появленіе образованныхъ людей въ приказномъ сословіи. Въ 1802 году Ивану Алексѣевичу было тридцать лѣтъ, возрастъ въ которомъ человѣкъ опредѣляется на всю жизнь. Въ эту пору во Второвѣ вполнѣ опредѣлилось литературное направленіе: литераторомъ остался онъ до конца своего поприща, несмотря на то что имя его не занесено въ литературные списки и что провинціальная служба брала у него перевѣсъ надъ литературной производительностью, всѣ его симпатіи принадлежали литературѣ и онъ во всю жизнь остался вѣренъ перу и книгѣ. Итакъ не одною общительностію и живостію характера, но и тѣми качествами о которыхъ мы сейчасъ говорили, объясняются многочисленныя связи и знакомства которыя завелъ Второвъ въ Москвѣ и въ числѣ которыхъ было не мало и съ людьми жившими постоянно въ Петербургѣ и пріѣзжавшими въ Москву на время коронаціи.

Въ остальное время пребыванія своего въ Москвѣ И. А. Второвъ останавливается только на двухъ предметахъ, на посѣщеніи имъ публичнаго акта въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и на своихъ отношеніяхъ къ семейству Мельгуновыхъ. Актъ происходилъ 22го декабря (1801 года). „Мы пріѣхали туда, говоритъ Второвъ, съ Андреемъ Ивановичемъ Тургеневымъ вечеромъ. Въ огромной залѣ былъ оркестръ и музыканты играли симфоніи. Нѣсколько рядовъ креселъ и стульевъ было разставлено; на нихъ сидѣли отцы, матери и родственники питомцевъ. Возлѣ императорскаго портрета стояла каѳедра, на которой читалъ рѣчь, своего сочиненія, Александръ Ивановичъ Тургеневъ; потомъ читаны были стихотворенія питомцевъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ, въ томъ числѣ и прекрасные стихи г. Жуковскаго *Къ человѣку.* * Затѣмъ питомцы бились на рапирахъ

---

* Въ послѣднемъ (6мъ) изданіи *Собранія сочиненій В. Жуковскаго* (Спб. 1869), въ IV томѣ, въ отдѣлѣ „Юношескихъ опытовъ“, помѣщено стихотвореніе *Человѣкъ* (стр. 463—467), помѣченное 1803 годомъ,—очевидно, ошибочно.

и эспадронахъ и, наконецъ, представлено было, въ родѣ театральной пiесы, судилище. За столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣли: президентъ и два ассессора, или судья съ засѣдателями. По обыкновенному порядку наблюдаемому въ судебныхъ мѣстахъ, въ указный часъ вахмистръ доложилъ о просителяхъ, кои были впущены и подали судьѣ свои просьбы. Судья заставилъ секретаря читать и далъ на нихъ резолюціи. Потомъ трактовали одинъ процессъ, собирали голоса съ нижнихъ членовъ и, по случаю несогласія въ рѣшеніи онаго и для отысканія приличныхъ къ тому законовъ, отдали его на заключеніе прокурору. Всѣ сіи судьи, просители, секретарь, прокуроръ и повытчики были изъ молодыхъ питомцевъ пансіона. Прокуроръ, никогда ни занимавшійся юриспруденціею и, какъ видно по словамъ его, недавно вышедшій изъ военной службы, затруднялся разрѣшить сомнѣніе судей: говорилъ не то о чемъ спрашивали, соглашался на то и на другое мнѣніе. Ему принесли большія кучи бумагъ, документовъ, претолстыя книги указовъ и законовъ. Онъ ужасался, смотря на всѣ сіи кучи; говорилъ что не достанетъ человѣческой жизни и прочитать ихъ, не только помнить ихъ и знать. Президентъ прекрасно сыгралъ свою роль, согласилъ мнѣнія и рѣшилъ дѣло согласно съ законами и справедливостію. Такой спектакль, гдѣ были представлены всѣ ябеды и крючки, чѣмъ можно запутывать дѣла, довольно забавенъ, а между тѣмъ и полезенъ для учениковъ, могущихъ быть въ гражданской службѣ. Захаръ Аникѣевичъ Горюшкинъ, будучи профессоромъ юриспруденціи, преподавалъ оную такимъ образомъ. По окончаніи акта, раздавали посѣтителямъ книжки, напечатанныя на сей случай.“ *

Степанъ Григорьевичъ Мельгуновъ былъ женатъ на Дурасовой (Катеринѣ Алексѣевнѣ). Дурасовы, Мельгуновы и Козицкіе, находившіеся между собою въ родствѣ, слыли тогда, по словамъ Второва, въ Москвѣ подъ прозваніемъ

---

* Пансіонскій актъ (1805) совсѣмъ въ иномъ, комическомъ видѣ представляетъ Жихаревъ. По его словамъ (см. *Дневникъ Студента*, стр. 240), всѣ эти представленія, въ продолженіи двадцати лѣтъ, происходили съ удивительнымъ однообразіемъ; рѣчи, стихи, музыкальныя піесы и т. п. были только въ рѣдкихъ случаяхъ произведеніями воспитанниковъ. Біографія Горюшкина помѣщена въ 1мъ томѣ *Словаря Москов. профессоровъ*, стр. 247—254.

евангельскихъ богачей. Съ ними также находились въ родствѣ князья Бѣлосельскій, Пашковы, Бекетовы, Бибиковы, графъ Толстой и пр. Всѣ эти фамиліи, которыя нашъ авторъ называетъ богатѣйшими въ Россіи, владѣли тогда громаднѣйшимъ состояніемъ симбирскихъ Крезовъ Мясниковыхъ (Твердышевыхъ), состоящимъ въ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ, въ 76.000 душъ крестьянъ и въ денежныхъ капиталахъ. У С. Г. Мельгунова была въ Москвѣ прекрасная картинная галлерея изъ оригинальныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ школъ; между прочими здѣсь находилась какая-то картина Рафаеля, за которую Мельгуновъ, по словамъ Второва, заплатилъ 10.000 рублей. У Н. А. Дурасова было великолѣпное подмосковное имѣніе Люблино, мало чѣмъ уступающее Кускову, съ превосходными оранжереями, въ которыхъ зимою, по воскресеньямъ, гастрономъ-хозяинъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать съ своими пріятелями. Случайные посѣтители Люблина въ это время также дѣлались гостями хозяина. Кромѣ того, Н. А. Дурасовъ, вмѣстѣ съ В. А. Всеволожскимъ, былъ извѣстенъ въ это время своею любовью къ музыкѣ: у обоихъ были лучшіе оркестры въ столицѣ.Всѣ эти *евангельскіе богачи* были одновременно самарскими или симбирскими помѣщиками, съ которыми Второвъ началъ сближаться, вѣроятно, на мѣстѣ. Какъ бы то ни было, но герой нашъ чаще другихъ бывалъ у Степана Григорьевича и, случалось, по долгу съ нимъ бесѣдовалъ съ глазу на глазъ. Предметомъ бесѣдъ ихъ были разсужденія объ участи человѣческой, и судьбѣ бѣднаго человѣчества и прочія отвлеченности въ этомъ родѣ. С. Г. Мельгуновъ былъ до нѣкоторой степени философомъ; „но несмотря на то что онъ почитается евангельскимъ богачомъ, едва ли не одинакимъ подверженъ безпокойствамъ съ бѣдными, въ разсужденіи заботъ и желаній“: это собственныя слова Мельгунова сообщаемыя Второвымъ. „Я согласенъ съ нимъ, прибавляетъ этотъ послѣдній, только въ такомъ случаѣ, когда спокойствіе души замѣняетъ всѣ богатства мірскія; а можетъ ли быть покойна душа при нуждахъ и недостаткахъ!“ Общество обыкновенно собиравшееся у Мельгунова состояло изъ представителей тогдашней московской знати, изъ аристократіи родовой, денежной и чиновной. Второвъ бывалъ въ этомъ обществѣ и даже игралъ съ его членами въ бостонъ; но здѣсь онъ чувствовалъ себя несвободнымъ. „Какое разстояніе,

говоритъ онъ, я чувствовалъ между собою и каждымъ изъ гостей, по богатству и по чинамъ! Но душою и сердцемъ не со многими бы я промѣнялся....“ С. Г. Мельгуновъ былъ близко знакомъ съ графомъ Васильевымъ, тогдашнимъ государственнымъ казначеемъ, покровительство котораго онъ и предлагалъ Ивану Алексѣевичу для опредѣленія послѣдняго на государственную службу; но герой нашъ отказался „отъ всѣхъ обѣщанныхъ рекомендацій, думая по какой-то химерѣ, во всю жизнь наполняющей мою голову, что счастія не должно искать самому; но, ежели судьба благосклонна будетъ человѣку, само счастіе найдетъ его“.

Мысли у нашего героя были богатырскія, и вотъ они-то тянули его изъ Москвы въ Петербургъ, куда приглашали его также и новые знакомцы. „Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, говоритъ онъ, не для исканія случаевъ и средствъ къ какимъ-нибудь почестямъ, къ возвышенію: для сего я слишкомъ малъ, а можетъ-быть и слишкомъ гордъ и вовсе неспособенъ ни ползать, ни просить; но для одного любопытства и больше ничего!“ Такія рѣчи въ устахъ русскаго человѣка назадъ тому болѣе семидесяти лѣтъ были еще слишкомъ новы. Собираясь въ Петербургъ, Второвъ купилъ себѣ *Ручной Дорожникъ* *, въ которомъ описаны были всѣ станціи находящіяся между обѣими столицами.

Путешествіе отъ Москвы до Петербурга описано нашимъ авторомъ весьма подробно на девяти съ половиною листахъ убористаго письма. Оно изложено имъ въ формѣ писемъ къ московскимъ друзьямъ и раздѣлено по станціямъ, на манеръ путешествія Радищева, которому впрочемъ Второвъ, поклонникъ Карамзина, не подражаетъ. Дѣлаемъ краткія извлеченія изъ этого путешествія.

И. А. Второвъ выѣхалъ изъ Москвы 27го апрѣля, на почтовыхъ, и прибылъ въ Петербургъ 6го мая 1802 года. Эту продолжительную поѣздку ему всячески хотѣлось сдѣлать путешествіемъ въ Карамзинскомъ вкусѣ, то-есть ѣхать и наслаждаться прелестями натуры и счастливою жизнію невинныхъ поселянъ. Но русская сѣверная натура въ это время года была весьма непривлекательна, въ особенности по мѣрѣ

---

* *Ручной Дорожникъ для употребленія въ пути между императорскими всероссійскими столицами.* Сочин. Ив. Глушкова. Спб. 1801. Т. Ак. Наукъ.

приближенія къ Петербургу: шли проливные дожди; грязь, холодъ; дороги были отвратительныя, вымощенныя бревнами. Русскіе поселяне оказались далекими отъ идиллическаго благополучія и отъ аркадской чистоты нравовъ. Съ сентиментальнаго путешественника драли деньги на каждомъ шагу за всякую бездѣлицу; вымаливаніямъ и выпрашиваніямъ самымъ наглымъ не было конца. Не слышалъ онъ почти во всю дорогу и препрославленной „веселой, удалой русской пѣсни", которая, какъ онъ воображалъ, должна раздаваться по всему пространству отъ Москвы до Петербурга: грубымъ, недовѣрчивымъ и мрачнымъ показался ему Русскій народъ, живущій между обѣими столицами. Отъ чего это происходитъ? спрашивалъ самъ себя любознательный путешественникъ, и отвѣтъ на этотъ вопросъ у него отыскался. „Какой ты добрый баринъ!" сказала ему старуха-хозяйка на станціи Черная Грязь: „говоришь съ нами, а къ иному боимся мы и подойти." „На всѣхъ постоялыхъ дворахъ", замѣчаетъ онъ въ Зимогорьѣ, „гдѣ я останавливался, хозяева, особливо старухи, называютъ меня добрымъ бариномъ; оттого ли что я говорю съ ними ласково, разспрашиваю о подробностяхъ ихъ жизни, не дѣлая ничего имъ непріятнаго, или оттого что многіе изъ проѣзжающихъ досаждаютъ имъ самымъ дерзкимъ образомъ безъ причины? чему и я былъ свидѣтелемъ на одной станціи." На первой станціи отъ Москвы, въ Черной Грязи, услыхавъ женскіе голоса, раздававшіеся на улицѣ въ хороводной пѣснѣ, Иванъ Алексѣевичъ пришелъ въ восторгъ: „давно уже", говоритъ онъ, „не слыхалъ я сельскихъ утѣшеній! Даже и гулъ шумящей толпы мужиковъ, около повозки моей собравшихся, пріятенъ для моего слуха." Но на другой же день, въ Пѣшкахъ, пришлось ему разочароваться. По улицѣ проходилъ обозъ. Пьяные пѣшковскіе мужики затѣяли драку съ извощиками. Женщины выбѣжали изъ домовъ и кулаками и сковородами унимали пьяныхъ забіякъ, своихъ мужей и сыновей. „Жалкая и смѣшная сцена", восклицаетъ нашъ авторъ: „крестьяне по воскресеньямъ гуляютъ, то-есть напиваются до безумія. Теперь (дѣло было въ понедѣльникъ), поутру, или не проспались еще, или уже опохмѣлились. Пьяный пастухъ ударилъ одного изъ проѣзжающихъ за то что скотина изъ его стада забѣжала въ обозъ и едва не задавлена; его толкнули, а можетъ-быть и ударили самого. Онъ

закричалъ, и вотъ вся причина драки! Каково правосудіе пьяныхъ скотовъ! каковы подмосковные мужики!“ Въ Клину случилась такая сцена. На постоялый дворъ, гдѣ остановился Второвъ, приходитъ старикъ съ блюдечкомъ и проситъ на построеніе церкви. „Я вижу“, сказалъ ему Второвъ, „ты и самъ бѣденъ.“ „Бѣденъ, батюшка!“ отвѣчаетъ старикъ. „Возьми же себѣ“, продолжаетъ онъ, „пять копѣекъ, а для Бога есть неистощимое богатство, лучшій, величественный храмъ Его—природа! Онъ не требуетъ нашихъ подаяній, но добрыхъ дѣлъ.“ Старикъ отвѣсилъ низкій поклонъ, а пятачокъ положилъ въ карманъ. Но за то Тверью и пребываніемъ въ Твери нашъ путешественникъ остался вполнѣ доволенъ. Онъ отправился пѣшкомъ осматривать городъ, прямо на Милліонную улицу, которую называетъ прекрасной, обстроенной высокими каменными домами, съ лавками внизу и погребами. Останавливается у присутственныхъ мѣстъ, противъ высокой каменной пирамиды, поставленной въ память императрицы Екатерины II, при которой началось построеніе прочной дороги между обѣими столицами. Заходитъ въ соборъ во время литургіи, гдѣ обращаетъ на себя его вниманіе большая картина, написанная на стѣнѣ, изображающая Екатерину во весь ростъ, въ порфирѣ, коронѣ и со скипетромъ; Павелъ и Марія — по сторонамъ ея, а назади — Вѣра, Надежда и Любовь, съ ихъ символами. Изъ собора нашъ путешественникъ прошелъ прямо къ Волгѣ и остановился на высокомъ ея берегу. Видъ родимой рѣки вызвалъ въ немъ слѣдующія чувства:

„Здравствуй, родная рѣка моя! Я привѣтствую тебя какъ милаго друга съ которымъ давно разстался. Сколь часто, царица водъ моего отечества, сиживалъ я на крутыхъ, каменистыхъ берегахъ твоихъ въ ясные дни весны и лѣта! Смотрѣлъ на зеркальную поверхность струй твоихъ, позлащенныхъ вечернимъ солнцемъ, — смотрѣлъ и восхищался! Съ малолѣтства я утѣшался тобою и плавалъ по хребтамъ твоимъ всегда съ удовольствіемъ. Меня не устрашили и бурные валы твои когда ты плещешь ими въ берега съ ужаснымъ шумомъ, обламываешь большія глыбы, разбиваешь суда! Я не видалъ, однакожъ, большихъ несчастій и несчастныхъ поглощенныхъ твоими волнами, и потому любилъ во время бури смотрѣть на разгнѣванную стихію.“ Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ, всѣ Тверитяне показались нашему

путешественнику вѣжливыми, ласковыми, „любезными гражданами“: многіе изъ встрѣчавшихся съ нимъ кланялись. Одинъ изъ такихъ гражданъ также стоялъ на берегу Волги. Иванъ Алексѣевичъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Гдѣ вашъ Отрочъ-монастырь? Гдѣ Воксалъ?

— Извольте смотрѣть вправо, отвѣчаетъ вѣжливый гражданинъ, снимая шляпу, — видите на другой сторонѣ, между Волгою и Тверцою, на самой стрѣлкѣ? А Воксалъ еще далѣе, на семъ берегу Волги. Ежели угодно вамъ погулять, подите къ Тресвятскому монастырю: тамъ мѣстоположеніе вамъ понравится; тамъ вы увидите и архіерейскій домъ въ рощѣ.

— Какой прекрасный у васъ городъ! Вѣрно, весело вамъ жить здѣсь? спросилъ Второвъ.

— Да, сударь, весело кому есть чѣмъ жить; но бѣдныхъ не утѣшаетъ веселое мѣсто. Бѣдныхъ много и здѣсь.

— Такъ, мой другъ! утѣшалъ гражданина нашъ путешественникъ, — бѣдные осуждены къ такой участи во всѣхъ мѣстахъ; однакожь имѣютъ иногда свои сердечныя утѣшенія и не завидуютъ богачамъ.

Вѣжливый гражданинъ промолчалъ.

Отсюда, съ берега Волги, Второвъ отправился въ Гостиный Дворъ, обошелъ всѣ нижнія и верхнія лавки и заглядѣлся на одну прекрасную Тверитянку, напомнившую ему его „сердечнаго друга“ о которомъ онъ не переставалъ вздыхать въ Москвѣ. Нѣсколько разъ встрѣчался нашъ путешественникъ съ этою Тверитянкой въ разныхъ лавкахъ, вмѣстѣ съ нею нарочно торговалъ платки и, наконецъ, добился цѣли: какимъ-то „забавнымъ разчетомъ съ купцомъ“ вызвалъ на устахъ ея пріятную улыбку. Послѣ обѣда, несмотря на дурную, дождливую погоду, нашъ путешественникъ снова отправился на прогулку въ Тверской городской садъ или Воксалъ, расположенный на берегу Волги, въ надеждѣ быть-можетъ встрѣтиться опять съ „прекрасною Тверитянкой“. Садомъ и мѣстностью онъ былъ очарованъ; по его словамъ, такого прекраснаго мѣста онъ не видалъ и на нижнемъ теченіи родной своей рѣки. Вдали виднѣлся Отрочъ-монастырь; по Волгѣ и Тверцѣ тянулось множество барокъ лошадьми вверхъ по теченію; садъ содержался съ замѣчательною чистотой и даже изяществомъ. Восхищенный всѣмъ видѣннымъ, герой нашъ развернулъ свой дорожникъ и

началъ читать, сидя въ одной бесѣдкѣ, напечатанное въ немъ письмо какой-то „любезной Тверитянки"; читая, онъ „восхищался пріятнымъ описаніемъ невинныхъ удовольствій и забавъ блаженныхъ тверскихъ жителей". Письмо Тверитянки описывающей Вокзалъ, очевидно, адресованное къ подругѣ, оканчивалось слѣдующею тирадой:

„Такъ, моя милая, и на хладномъ краю сѣвера, и на цвѣтущихъ равнинахъ романической Гишпаніи, въ огромныхъ палатахъ и въ бѣдной хижинѣ, съ доброю душой, чувствительнымъ сердцемъ, умѣя быть довольною, равно можно наслаждаться благополучіемъ."

„Чувствительный, нѣжный авторъ! обращаясь къ тверскому, восклицаетъ нашъ самарскій авторъ: можетъ-быть нѣсколько разъ ты сиживала на семъ мѣстѣ гдѣ я сижу теперь. Наслаждайся, милая, всегда достойнымъ тебя благополучіемъ..." Въ Торжкѣ нашъ путешественникъ также гулялъ по городу, былъ въ соборной церкви, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ и въ Гостинномъ Дворѣ, переполненномъ мѣстными издѣліями всякаго рода обуви. Въ Вышнемъ Волочкѣ, куда онъ прибылъ 11го мая, Второвъ подробно осматривалъ Цнинскій каналъ; но вмѣсто „любезной, цвѣтущей" весны, онъ встрѣтилъ здѣсь сквернѣйшую ненастную погоду, а потому и осмотръ и пребываніе въ городѣ были кратковременны. Второвъ замѣтилъ только что онъ ни одного человѣка не видитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а всѣ въ русскихъ кафтанахъ и съ бородами. Остановившись въ домѣ какого-то купца, Второвъ разговорился съ его маленькимъ сыномъ Лёшей (Алексѣемъ), который разказалъ ему что прежде онъ (Лёша) былъ въ народномъ училищѣ, но отецъ его выкупилъ оттуда и отдалъ дьячку который доучиваетъ его Часослову и скоро начнетъ Псалтирь. „Въ народномъ училищѣ, говорилъ Лёша, у насъ очень мало учатся: почти всѣ отцы берутъ назадъ своихъ дѣтей, потому что тамъ учатъ грамотѣ не по-нашему". По всѣмъ тогдашнимъ станціямъ, по дорогѣ между обѣими столицами, были устроены дворцы, каменные и деревянные дома для остановокъ лицъ царской фамиліи. Въ Ядровѣ, проѣзжая мимо дворца, нашъ путешественникъ увидѣлъ множество каретъ и колясокъ. Оказалось что это былъ поѣздъ графа Н. И. Салтыкова, отправлявшагося въ Петербургъ. Графъ ночевалъ въ Ядровѣ и подъ его экипажи заготовляли только (!) 126 лошадей. „Проѣзжая по Вал-

дайскимъ горамъ, замѣчаетъ Второвъ, попадались намъ нѣсколько лошадиныхъ труповъ и костей, лежащихъ близь дороги. Нѣтъ ли здѣсь волковъ? спросилъ я извощика. Нѣтъ, сударь! Это падали лошади какъ ѣхала царская свита. Скачутъ ни вѣсть какъ, лошади-то и не выдержутъ!" Въ Зимогорьѣ путешественнику надоѣдали валдайскими баранками. Сначала щедро надѣлила его ими хозяйка крестьянской избы, въ которой онъ остановился; потомъ явились двѣ старухи и навязывали ему свой товаръ. Герой нашъ ловко отдѣлался отъ новой покупки, подаривъ торговкамъ прежнюю, которую онѣ взяли съ радостію. Бабы разболтались. Одна изъ нихъ разказала что она воспитываетъ подкинутое дитя, прибавивъ: „видно, ваша братія, проѣзжіе, поцѣловали горячо за баранки какую-нибудь дѣвушку!" Выпросивъ у Второва денегъ для своего питомца, старуха хотѣла еще прислать дочерей своихъ съ баранками. „Цѣлуй ихъ какъ хочешь!" сказала она при уходѣ. Баранки преслѣдовали Второва и въ самомъ Валдаѣ, гдѣ въ рядахъ „миловидныя дѣвушки съ улыбкою выманили" у него нѣсколько денегъ. Въ Новгородѣ, для обозрѣнія этого города, нашъ путешественникъ остановился на полсутокъ. Онъ прибылъ туда 4го мая, въ воскресенье. Погода стояла чудесная. Пѣшкомъ онъ обошелъ почти весь городъ. Постоялъ и помечталъ на Волховскомъ мосту, заходилъ въ нѣкоторыя церкви; былъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ служилъ архіерей и гдѣ было большое стеченіе публики и, между прочими, губернаторъ и много „новгородскихъ красавицъ". Послѣ обѣдни ему захотѣлось осмотрѣть Городище и отыскать признаки существованія „древнѣйшаго города Славянска". Въ это время Городище отдѣлялось отъ города разливомъ Волхова, еще не вошедшаго въ берега. Иванъ Алексѣевичъ отправился на лодкѣ. Съ нимъ плыла одна новгородская мѣщанка, старуха. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Ты здѣсь родилась, бабушка? спросилъ Второвъ.

— Здѣсь, батюшка! отвѣчала старуха. — Родители мои были архіерейскіе служки. Мы жили прежде въ Городищѣ и давно уже переселились въ Новгородъ. А ты, мой батюшка, зачѣмъ ѣдешь въ Городище, не къ Елизару ли Максимовичу?

— Нѣтъ, бабушка. Я тамъ никого не знаю: я проѣзжающій. Ѣду погулять, посмотрѣть.

— А я ѣду къ Палагеѣ Григорьевнѣ, продолжала слово-

охотливая старуха:—она мнѣ племянница, да и Елизаръ-то Максимовичъ мнѣ родственникъ.

— Кто они такіе? спросилъ Второвъ.

— Кожевники, отвѣчала старуха.

— Ты уже давно живешь на свѣтѣ и въ Новгородѣ. Скажи-ка, бабушка, не слыхала ли ты чего о старинѣ здѣшней, о Гостомыслѣ, о Вадимѣ, Мароѣ Посадницѣ?

— Что̀ это, батюшка, святые что ли были?

— Нѣтъ, это̀ въ старину извѣстные здѣсь были люди, по ихъ знатности и могуществу.

— Нѣтъ, батюшка, я объ нихъ ничего не знаю. А вотъ слышала что на этомъ берегу (старуха показала на Торговую сторону) жилъ Арсеній преподобный, а на томъ Никола Качановъ. Они, мои батюшки, спасались въ своихъ кельяхъ, ѣзжали другъ къ другу въ лодочкахъ, да однажды какъ-то поссорились. Арсеній преподобный погналъ Николу Кочанова съ своего берега. Онъ побѣжалъ черезъ его огороды и ухватился за кочанъ капусты. Арсеній преподобный сказалъ тогда: „Будь ты отнынѣ и до вѣку *Никола-Кочанный!*“ Такъ онъ и понынѣ называется. Какое было мѣсто славное на этомъ берегу! Арсеній преподобный назначилъ самъ себѣ здѣсь могилку — чтобъ его не трогали отсюда, какъ онъ умретъ; однако послѣ перенесли его, батюшку, въ Кирилловъ монастырь.

— Отъ кого это ты слышала, бабушка? спросилъ Второвъ.

— Какъ, батюшка! Здѣсь всѣ малые ребятишки это знаютъ.

Перевощикъ подтвердилъ разказъ старухи. Въ Городищѣ Иванъ Алексѣевичъ нашелъ нѣсколько жалкихъ лачугъ, страшную нечистоту и зловоніе. На возвышеніи стояла каменная церковь, пустая; вокругъ виднѣлось распаханное поле, а по немъ кое-гдѣ торчало нѣсколько засохшихъ и поломанныхъ яблонь,—жалкіе остатки прежняго архіерейскаго сада. Никакихъ слѣдовъ „великаго Славянска“, разумѣется, онъ не нашелъ, что̀ однакожь дало ему поводъ помечтать о древнихъ нашихъ предкахъ и о суетности человѣческой жизни. Полюбовавшись прекраснымъ видомъ, открывавшимся съ возвышенія, подлѣ самой церкви, нашъ путешественникъ рѣшился посѣтить Юрьевъ монастырь. Но въ этомъ монастырѣ не нашелъ онъ тогда ничего замѣчательнаго. Старинный

садъ былъ въ страшномъ запустѣніи; и только нѣсколько барынь, сидящихъ подъ открытыми окнами въ гостяхъ у эконома, обратили на себя вниманіе недовольнаго путешественника: онѣ любезно отвѣтили на его поклонъ. До берега провожалъ его сѣдой монахъ, не чисто говорившій порусски. Оказалось что онъ былъ Прусакъ, по фамиліи Линтнеръ, взятый въ плѣнъ Русскими, и что онъ живетъ въ Россіи лѣтъ сорокъ. Принявъ православіе, онъ поступилъ въ монашество (подъ именемъ Іосифа), былъ іеромонахомъ на кораблѣ *Двѣнадцати Апостоловъ*, во время послѣдней войны съ Франціею, въ Голландіи и Англіи, а въ Юрьевъ перешелъ на окончательный покой, который и пожелалъ ему найти здѣсь Второвъ.

По мѣрѣ приближенія къ Петербургу, мечты юнаго провинціала, въ первый разъ въѣзжавшаго въ сѣверную столицу, разгарались; воображеніе работало сильно; но сѣренькое небо, жестокій вѣтеръ и мотросившій дождикъ въ состояніи были охладить самое пылкое воображеніе. Непроглядный туманъ висѣлъ надъ Петербургомъ. О близости громаднаго города можно было догадываться только спустившись съ Пулковой горы. Не взирая на дождь и вѣтеръ, отъ самаго Царскаго Села, бо́льшую часть дороги нетерпѣливый путешественникъ шелъ пѣшкомъ. Каждый предметъ останавливалъ его вниманіе, даже верстовые столбы сдѣланные „изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, пирамидальными фигурами". На 10й верстѣ блеснулъ Адмиралтейскій шпицъ; на пятой показались красныя крыши и ярко блистающія главы Николы Морскаго. Вотъ и застава; но ничего кромѣ громады крышъ и нѣсколькихъ церквей, не видно. Гдѣ же великолѣпный городъ, о которомъ мечталось столько времени нашему самарскому литератору, о которомъ разказываютъ всѣ столько чудесъ?... „И такъ меня обманули!" думаетъ озадаченный путешественникъ, приказавшій везти себя въ Семеновскій Полкъ. Ѣдетъ онъ по улицамъ: мостовая скверная, строеніе посредственное, грязь, ничего великолѣпнаго.... Совершенно разочарованнымъ въѣзжаетъ Второвъ въ квартиру своихъ пріятелей, Семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Усовыхъ, Петра и Александра Николаевичей, встрѣтившихъ его съ распростертыми объятіями.

V.

(1802—1804).

Петербургъ. Осмотръ достопримѣчательностей.—Поѣздка въ Петергофъ.—Петербургскія знакомства.—Публичныя лекціи Смѣльковскаго, Сѣвергина, Озерецковскаго, Захарова и Савостьянова.—Петербургскій театръ и литература.—Семейство Авдѣевыхъ.—Выставка въ Академіи Художествъ.—Прогулка по Петербургу.—Дуэль князя Щербатова съ принцемъ де-Саксомъ.—Знакомство Второва съ Семеновскими офицерами.—Встрѣча съ государемъ.—Петергофскій праздникъ.—Дядька Никитушка.—Стрѣльна.—Отъѣздъ въ Москву.—А. А. Соколовъ.—С. Е. Кротковъ.—Возвращеніе въ Симбирскъ.—Дурасовы и Мильковичи.—Странствованіе по помѣщикамъ.—Спектакли въ домѣ Жадовскихъ, въ Симбирскѣ.—Село Архангельское, имѣніе Наумовыхъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Иванъ Алексѣевичъ Второвъ поспѣшилъ познакомиться съ тѣми домами которымъ онъ былъ отрекомендованъ въ Москвѣ, отыскать прежнихъ знакомыхъ и осмотрѣть слѣдующія петербургскія достопримѣчательности: Зимній Дворецъ, Адмиралтейство, Петропавловскую крѣпость, Кунсткамеру, Готторбскій глобусъ, Таврическій дворецъ, Невскій монастырь, стеклянный и фарфоровый заводы и Эрмитажъ. Въ Зимнемъ Дворцѣ онъ замѣтилъ что кабинетъ императора Павла оставался въ томъ же видѣ въ какомъ былъ и при немъ. При входѣ въ Эрмитажъ вниманіе его остановилось на надписи на доскѣ золотыми буквами; то были: *Правила для входящихъ.* Вотъ что̀ говоритъ Второвъ по поводу этихъ правилъ:

„Безсмертная, нѣжная мать наша Екатерина, которой великая душа царствуетъ нынѣ въ небесномъ Эрмитажѣ, какъ добрая хозяйка приглашаетъ сюда всѣхъ кто имѣлъ право тогда входить при ней и проситъ оставить за дверьми шпаги, шляпы, чины и мѣстничества, быть всѣмъ равными, обращаться просто, кому какъ угодно, какъ въ собственномъ домѣ своемъ, однакожь безъ шуму и безъ ссоры. Въ противномъ случаѣ, преступившій правила сіи, долженъ выпить стаканъ воды и прочитать вслухъ страницу *Телемахиды* Третьяковскаго, а за вторичное преступленіе цѣлую главу.“

Изъ картинъ вниманіе Второва обратила на себя особенно одна, изображавшая покойнаго императора въ своемъ семействѣ и отличавшаяся поразительнымъ сходствомъ. Павелъ I сидитъ въ креслахъ и ласкаетъ Анну Павловну и Николая Павловича, обнимающихъ его колѣни. Михаилъ Павловичъ сидитъ у ногъ его на полу, съ барабаномъ. Императрица Марія Θеодоровна разговариваетъ съ Маріей и Екатериной Павловнами, а Александра Павловна и Елена Павловна, обнявшись, „идутъ отъ нихъ съ печальными лицами въ изображенный вдали лѣсъ". Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ стоятъ у бюста Петра I, а вдали, подъ кипарисами, поставленъ бюстъ Ольги Павловны *. Въ Таврическомъ дворцѣ поразило нашего путешественника тогдашнее его запустѣніе. „На развалины великолѣпнаго Таврическаго дворца, говоритъ онъ, взглянулъ я со вздохомъ. Видѣлъ обломанныя колонны, облупленныя пальмы и теперь еще поддерживающія своды, а въ огромномъ залѣ съ колоннадой украшенной барельефами и живописью, гдѣ прежде царствовали утѣхи, пышность и блескъ, гдѣ отзывались звуки: „Громъ побѣды раздавайся!" Что̀ вы думаете теперь? Дымящійся лошадиный навозъ!... Вмѣсто гармоническихъ звуковъ раздается хлопанье бичей, а вмѣсто танцевъ бѣгаютъ лошади на кордѣ: залъ превращенъ въ манежъ! Романическій садъ понынѣ еще привлекаетъ всѣхъ для прогулки въ немъ. Тутъ поставлена чрезъ одинъ прудъ славная модель Кулибина механическаго моста для Невы. На бесѣдкахъ и храмикахъ стѣны и двери исписаны сквернословными стихами и прозой." Въ Александро-Невской Лаврѣ показывали Второву пустую могилу императора Петра III, тѣло котораго, какъ извѣстно, было перенесено въ Петропавловскій соборъ по приказанію Павла Петровича. На Невскомъ кладбищѣ нашъ самарскій философъ обратилъ вниманіе на надгробные памятники со множествомъ надписей, по его словамъ, трогательныхъ и каррикатурныхъ. „Какой блескъ, какая гордость и надъ прахами, восклицаетъ онъ,—бо́льшая часть достоинствъ покойныхъ значится въ ихъ чинахъ, родѣ и орденахъ". Такова была надпись на памятникѣ генерала

* Въ „Каталогѣ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вѣка", составленномъ г. Петровымъ (Спб. 1870), этой картины нѣтъ.

Турчанинова. „Съ чувствованіемъ почтенія взглянулъ онъ на могилу отца нашей словесности Ломоносова“ и остановился съ особеннымъ вниманіемъ надъ памятникомъ поставленнымъ надъ дочерью Демидова. Памятникъ изображалъ мраморную группу, состоявшую изъ матери и мертваго младенца, лежавшаго во гробѣ. Мать наклонилась къ нему съ печальнымъ лицомъ, на которомъ видны слезы. Скорбь ея выражалась слѣдующими стихами, высѣченными на гробницѣ:

Давно ль я счастлива была?
Давно ли ты, мой другъ, какъ ангелъ улыбалась!
Съ тобой я счастье погребла;
Одна печаль, одна любовь со мной осталась.

Ни покоя, ни усталости не зналъ нашъ путешественникъ въ своихъ странствованіяхъ по Петербургу, томимый желаніемъ все видѣть. Въ квартирѣ Усовыхъ, въ обществѣ Семеновскихъ офицеровъ, онъ наслаждался самымъ пріятнымъ отдыхомъ, о которомъ даетъ понятіе слѣдующая картина, набросанная 22го мая: „Сижу подъ окномъ, противъ коего караулъ Семеновскаго полка стоитъ во фронтѣ. Любезный Петръ Николаевичъ вытягивается съ своимъ экспонтономъ предъ усатыми гренадерами; я улыбаясь грожу ему пальцемъ. Вдали слышны голоса пѣсенъ, роговая музыка и глухой шумъ отъ каретъ. Двѣ главы Исакіевской церкви * видны чрезъ крыши домовъ, въ прямой чертѣ отъ меня. Мимо оконъ нашего дома, по тротуару, проходятъ красавицы подъ флеромъ; на улицѣ кареты поднимаютъ облака пыли. Въ комнатѣ расхаживаетъ милый, чувствительный мой другъ, Александръ Николаевичъ, въ своемъ шлафрокѣ, и разговариваетъ со мною. Я въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.“

29го мая Второвъ съ своими хозяевами и П. Л. Флоровымъ отправился, въ открытой коляскѣ, въ Петергофъ. „Прекрасные виды натуры и искусства, говоритъ онъ, утѣшали меня во всю дорогу, особливо отъ Петербурга до Краснаго Кабачка. По обѣимъ сторонамъ гладкой перспективы построены мызы, или загородные дома, лучшей архитектуры, съ англійскими садами и прудами. Живущіе въ сихъ мызахъ казались мнѣ блаженными людьми, царствующими въ райскихъ селеніяхъ.“ Выѣхавъ изъ Петербурга въ

* Прежней, до Монферановской постройки.

8 часовъ вечера, наши путешественники прибыли въ Петергофъ далеко за полночь. Они хотѣли остановиться въ домѣ нѣкоего Чипелева, но какъ хозяева спали, да домъ и безъ того былъ полонъ гостей, поэтому они вынуждены были расположиться въ трактирѣ. На другой день они осмотрѣли Верхній Садъ, дворецъ, фонтаны, Марлинъ Домикъ, Березовый Домикъ, Монплезиръ; описаніе всѣхъ этихъ мѣстъ, сдѣланное Второвымъ, ничего не представляетъ любопытнаго для современнаго читателя. У Чипелева Второвъ и его спутники обѣдали и играли въ бостонъ. Но отыгравши партію, они опять пошли къ Монплезиру и до 8 часовъ вечера гуляли по Нижнему Саду. Самарскій степнякъ былъ въ восторгѣ отъ тогдашнихъ петергофскихъ чудесъ. Первыми лицами съ которыми тотчасъ же встрѣтился Второвъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, были: Григорій Борисовичъ Кошелевъ, московскій его знакомый, и Павелъ Александровичъ Цызаревъ. О послѣднемъ вотъ въ какихъ словахъ выражается Второвъ: „Сей любезный человѣкъ сдѣлался мнѣ сердечнымъ другомъ. Мы часто бесѣдуемъ съ нимъ о суетѣ большаго свѣта, который довольно знакомъ ему, по его чину, воспитанію и связямъ съ первѣйшими особами. Случайные успѣхи счастія не развратили его добраго, чувствительнаго сердца, можетъ-быть потому что онъ не слишкомъ богатъ“. 2го іюня Иванъ Алексѣевичъ былъ именинникъ. Этотъ день онъ провелъ у Цызарева, который для него никуда не выѣзжалъ и никого къ себѣ не принималъ. Вечеромъ они были въ Лѣтнемъ Саду, гдѣ нашъ путешественникъ встрѣтился съ своимъ стариннымъ знакомымъ, Антономъ Андреевичемъ Платеномъ, имѣвшимъ свой домъ въ 14й линіи. Впрочемъ, число знакомыхъ Второва возрастало съ каждымъ днемъ. По воскресеньямъ въ то время на Дворцовой площади бывали царскіе смотры, или, какъ ихъ тогда называли, *кейзеръ-парады*. Здѣсь собирались всѣ караулы находящихся въ Петербургѣ войскъ и проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо дворца, въ присутствіи государя, который въ это время стоялъ безъ шляпы. 13го іюня Ивану Алексѣевичу въ первый разъ пришлось посѣтить Петербургскій театръ. По случаю поправки Большаго Театра, играли тогда въ деревянномъ театрѣ Аничковскаго дворца. Шла комедія *Охота сватать* и балетъ *Александръ Македонскій*. Петербургскіе актеры, по мнѣнію Второва, ничѣмъ не отличались отъ москов-

скихъ, а Шушеринъ положительно ему не понравился, по своему силоватому голосу. Тѣснота въ театрѣ была ужасная. Герой нашъ былъ въ партерѣ и все время представленія долженъ былъ простоять на ногахъ; въ началѣ балета съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, еслибы какой-то „чувствительный“ гвардейскій офицеръ не помогъ ему на чемъ-то присѣсть.

Лѣтомъ 1802 года въ Петербургѣ читались публичныя лекціи, по четыре дня въ недѣлю. * Въ понедѣльникъ, въ четыре часа пополудни, у Обухова моста, въ домѣ Лепехина, читалъ ботанику адъюнктъ Смѣлковскій. Во вторникъ, поутру, въ Кунсткамерѣ читали профессора: Сѣвергинъ минералогію и Озерецковскій зоологію; въ тотъ же день, послѣ обѣда, въ физическомъ кабинетѣ Академіи Наукъ адъюнктъ Захаровъ читалъ физику и химію. Въ четвергъ утромъ, въ Кунсткамерѣ, читались минералогія и зоологія, а послѣ обѣда, въ Ботаническомъ Саду Лепехина—ботаника. Въ пятницу, послѣ обѣда, въ Академіи Наукъ — физика и химія. Иванъ Алексѣевичъ почти не пропускалъ этихъ лекцій, особенно въ Кунсткамерѣ и въ физическомъ кабинетѣ при Академіи; но слушателей на этихъ лекціяхъ было чрезвычайно мало, не болѣе двадцати человѣкъ; впрочемъ между ними бывали и дамы. Причина такого явленія лежала частію въ неподготовленности публики, частію въ самихъ лекторахъ. Вотъ что говоритъ Второвъ о послѣднихъ: „Мнѣ не понравился г. Озерецковскій потому болѣе что слишкомъ много вмѣшиваетъ латыни въ свои лекціи, излишне повторяетъ и отвлекается отъ настоящей матеріи посторонними сужденіями. Напримѣръ говоря о миссіонерѣ, исцѣлившемся чрезъ вампира, онъ слишкомъ откровенно и свободно изъяснялъ свои мысли о религіи, и на публичныхъ лекціяхъ!“ Въ другой разъ тотъ же Озерецковскій, на публичной лекціи, около часа читалъ на латинскомъ языкѣ изъ книги Альдрованди разказы объ ослѣ. О лекціяхъ Смѣлковскаго Второвъ отзывается не лучше: „Забавно было слушать педантическій языкъ безъ привычки. Онъ (лекторъ) часто отвѣчалъ на вопросы слушате-

* Любопытныя подробности объ этихъ лекціяхъ и еще любопытнѣйшія характеристики лекторовъ (напримѣръ Озерецковскаго) представляетъ Гречъ въ своихъ запискахъ (*Русс. Арх.* 1873, I, 709—716). О началѣ этихъ чтеній, устроенныхъ княгиней Е. Р. Дашковой, см. Сухомлинова, *Ист. Росс. Акад.* I, 29—30.

лей латинскимъ языкомъ, пополамъ съ русскимъ, думая что всѣ могутъ понимать его." Изъ всѣхъ чтецовъ Второвъ хвалитъ только одного адъюнкта Севастьянова, бывшаго прежде библіотекаремъ у великаго князя Константина Павловича; „въ разговорахъ его, замѣчаетъ онъ, видно болѣе свѣдѣній и учтивости".

21го іюня Второвъ поѣхалъ въ Кронштадтъ съ своими знакомыми, А. М. Коноплинымъ и А. А. Шиловскимъ. Онъ распространяется о своихъ сопутникахъ въ этомъ недалекомъ плаваніи и между прочими объ одномъ Англичанинѣ, графѣ Патенѣ, служившемъ въ нашемъ флотѣ. Этотъ Патенъ, какъ видно человѣкъ бывалый, осматривалъ Геркуланъ и Помпею и разказывалъ ему о тамошнихъ находкахъ. На другой день, въ Кронштадтѣ, въ Англійскомъ трактирѣ, гдѣ остановились петербургскіе пріѣзжіе, Второвъ разговорился съ другимъ иностранцемъ, путешествовавшимъ по Европѣ, съ какимъ-то Швейцарцемъ. Этотъ послѣдній расхваливалъ Петербургъ и дворянство, но былъ пораженъ невѣжествомъ русскаго простаго народа. Въ Кронштадтѣ пробылъ нашъ путешественникъ двое сутокъ и возвратился въ Петербургъ черезъ Ораніенбаумъ и Петергофъ. Третья встрѣча съ замѣчательнымъ иностранцемъ случилась позднѣе, въ домѣ Цызарева. То былъ нѣкто Оливьери, родомъ Венеціанецъ или Албанецъ, подавшій, какъ говорили, первую мысль императору Павлу о завоеваніи Индіи. По словамъ Второва, этотъ господинъ былъ лѣтъ сорока, недуренъ собою, одѣтъ былъ по-турецки, съ бритою головой, въ тибетейкѣ и туфляхъ. Въ этомъ костюмѣ онъ щеголялъ по всей Европѣ, а въ Азіи носилъ европейское платье. Съ хозяиномъ онъ говорилъ пофранцузски, но зналъ будто бы всѣ европейскіе и азіятскіе языки живые и мертвые.

24е іюня ознаменовалось въ Петербургѣ нѣкоторымъ образомъ литературнымъ событіемъ: давали въ первый разъ драму Ильина (Ник. Ив.), *Лиза, или Торжество Благодарности.* * Піеса была принята съ восторгомъ, автора вызывали.

* Объ Ильинѣ очень подробно говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ *Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаніяхъ.* Ильинъ былъ еще авторомъ другой піесы, *Рекрутскій Наборъ.* Успѣхъ этихъ піесъ на сценѣ, очевидцемъ котораго былъ Аксаковъ, свелъ автора ихъ съ ума. Бѣдняга вообразилъ себя великимъ писателемъ, ничего не дѣлалъ и жилъ въ крайней бѣдности въ Москвѣ. Слабость къ

Но такъ какъ онъ не показывался и публика не позволяла продолжать представленія; поэтому директоръ долженъ былъ отправиться разыскивать его и, нашедъ гдѣ-то въ партерѣ, представилъ публикѣ изъ своей ложи. Рукоплесканіямъ не было конца; авторъ піесы былъ растроганъ до слезъ. Послѣ того, по требованію публики, піеса эта была играна нѣсколько дней къ ряду. Государь прислалъ Ильину въ подарокъ драгоцѣнный перстень. Не отрицая достоинствъ піесы, Второвъ замѣчаетъ что Ильинъ обязанъ своимъ успѣхомъ игрѣ актеровъ, „которые разыгрывали ее *(Лизу)* весьма естественно и съ превосходнымъ искусствомъ". Заговоривъ о литературѣ и литераторахъ, выбираемъ изъ дневника Второва тѣ мѣста которыя непосредственно относятся до этого предмета. Литературная производительность была въ эту пору самая неблестящая: Иванъ Алексѣевичъ говоритъ всего о трехъ-четырехъ новыхъ піесахъ. Вотъ его отзывы. „Читалъ (11го іюля) книгу *Лилія*, сочиненную коллежскимъ архиваріусомъ Алексѣемъ Поповымъ, читалъ, смѣялся и сожалѣлъ о бѣдномъ авторѣ! А еще болѣе удивлялся, какъ г. Шепелевъ (одинъ изъ знаомыхъ) отъ чистаго сердца хвалилъ такое глупое сочиненіе". 14го іюля, онъ посѣтилъ опять театръ съ новыми своими знакомыми, братьями Чагиными (Алек. и Дан. Ѳед.). Давали: трагедію *Безбожный* * и балетъ *Новый Вертеръ*. Яковлевъ, по словамъ Ивана Алексѣевича, и Каратыгина играли прекрасно; но Шушеринъ не твердо зналъ свою роль и не у мѣста кричалъ; „словомъ, замѣчаетъ критикъ, я не нашелъ въ немъ того славнаго актера, котораго превозносили въ Москвѣ". Сахаровъ, несмотря на странность своей жестикуляціи, игралъ не хуже Шушерина. Трагедія не удовлетворила вкусу нашего самарскаго литератора: „монологи предлинные, говоритъ онъ, а штиль и неупотребительныя слова противны слуху. Сколько педантизма, славянщины, восклицаній — увы!... *Сіе, оное, мню, престань, колико* и пр., и пр.!" Авторъ бале-

---

знати и желаніе казаться богатымъ составляли второй пунктъ его помѣшательства. Вызовъ Ильина замѣчателенъ какъ первый вызовъ автора на русской сценѣ.

* *Лилія* напечатана въ Москвѣ, въ типогр. Кряжева, Готье и Мея, 1802. Трагедія *Безбожный*, въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Браве, переводъ Ив. Елагина. М. Въ типогр. Клаудія, 1786 года. Второе изданіе напечатано въ слѣдующемъ году въ типографіи Компаніи Типографовъ.

та *Новый Вертеръ* на афишѣ значился Вальдбергомъ, а на самомъ дѣлѣ былъ Лѣсогоровымъ. * Сказавши объ этомъ, Иванъ Алексѣевичъ ставитъ слово *преглупо* съ точками, неизвѣстно, относя ли свою аттестацію къ такому переводу фамиліи или къ содержанію балета, котораго онъ не одобряетъ. Во французскомъ театрѣ Второвъ былъ всего одинъ разъ, кажется, по недостаточному знанію имъ французскаго языка. Давали какую-то комедію и балетъ *Геркулесъ*. Въ комедіи отличался Ла-Рошъ, въ балетѣ—Пикъ, чета Дидло, Розъ-Колонетъ и Констанція. Объ игрѣ французскихъ актеровъ Иванъ Алексѣевичъ приводитъ мнѣніе Петербуржца (Цызарева), назвавшаго ихъ *господами*, по отношенію къ русскимъ актерамъ, которые не болѣе какъ *слуги*. 23го іюля, Второвъ прочиталъ вновь вышедшую книгу: *Не всѣмъ на вкусъ рѣдкая чета*. ** „Мнѣ приходила, говоритъ онъ, сильная охота написать рецензію; но подумалъ что такой трудъ безполезенъ: книга не стóитъ даже вниманія; и оставилъ.“ Въ числѣ петербургскихъ знакомыхъ Второва былъ нѣкто Николай Петровичъ Авдѣевъ, жившій гдѣ-то на Васильевскомъ Островѣ, у котораго Иванъ Алексѣевичъ бывалъ очень часто. Семейство Авдѣевыхъ, кажется, было литературное, по крайней мѣрѣ, здѣсь велись литературные разговоры, а сынъ хозяина, Сергѣй Николаевичъ, писалъ стихи. Въ домѣ Авдѣевыхъ Второвъ познакомился съ извѣстнымъ въ послѣдствіи

---

* О всѣхъ названныхъ выше актерахъ, особенно о Шушеринѣ и Яковлевѣ, очень подробно говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ *Литературныхъ и Театральныхъ Воспоминаніяхъ*. Шушерину онъ посвятилъ особую главу въ своей *Семейной Хроникѣ* (стр. 375—455, 1е изд.). Вигель и Жихаревъ, особенно послѣдній, также говорятъ не мало о театрахъ въ обѣихъ столицахъ. До 1806 года въ Москвѣ не было казеннаго театра, а только частный, содержимый нѣкіимъ Медоксомъ. Актеры Медоксовой труппы почти на половину состояли изъ оброчныхъ крѣпостныхъ людей. По свидѣтельству Жихарева, съ ними не церемонились. Ихъ даже въ театральныхъ афишахъ постоянно отличали отъ свободныхъ артистовъ тѣмъ что не удостоивали прибавлять къ ихъ фамиліи букву *Г.* (*господинъ* или *гжа*). Это право они пріобрѣли только съ того времени, когда Московскій театръ сдѣлался Императорскимъ, событіе нетерпѣливо ожидавшееся этими бѣдняками.

** Сочиненіе какого-то П. В., вышедшее въ Петербургѣ въ 1802 году, типографія Академіи Наукъ.

баснописцемъ, Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ. * „Измайловъ, говоритъ Второвъ, будучи тогда однихъ лѣтъ со мною или годомъ моложе, былъ извѣстенъ только однимъ романомъ, *Иванъ Лукичъ Негодяевъ*, осмѣяннымъ въ *Новостяхъ* Голубкова, ** и нѣкоторыми мелкими стихотвореніями;" но по своему самохвальству и непривлекательной физіономіи, по смуглому и суровому лицу, Александръ Ефимовичъ не понравился Второву. Съ Сергѣемъ Николаевичемъ Авдѣевымъ у нашего героя случилась цѣлая исторія, рисующая тогдашніе литературные нравы. Молодой Авдѣевъ, какъ мы сказали, писалъ стихи, которые онъ не рѣдко показывалъ Второву; этотъ послѣдній поправлялъ ему ошибки. Но разъ случилось что Сергѣй Авдѣевъ, вмѣсто своихъ, показалъ ему стихи чужіе, но выдавалъ ихъ за свои. Второвъ уличилъ его въ этомъ подлогѣ и, какъ другъ семейства, прочелъ ему наставленіе о скромности и о неприличіи самохвальства. Отецъ, слышавшій это наставленіе изъ другой комнаты, въ которую дверь была затворена, бросился на шею къ Ивану Алексѣевичу и началъ его благодарить за любовь къ сыну. „Сія минута, говоритъ Второвъ, была для меня восхитительна и неожидаема: мы всѣ трое плакали". О поползновеніи къ литературнымъ подлогамъ Второвъ разказываетъ еще въ одномъ письмѣ изъ Москвы. Разъ онъ зашелъ въ Университетскую книжную лавку для покупки книгъ. Здѣсь онъ нашелъ какого-то молодаго человѣка (Кунина, *** какъ оказалось потомъ),

* Въ послѣдствіи извѣстный баснописецъ и журналистъ, издатель *Благонамѣреннаго* (1818—1826) и (вмѣстѣ съ П. Яковлевымъ) *Календаря Музъ*, на 1826—1827. См. о немъ въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля (ч. III, 153) и Панаева (*Вѣстникъ Европы* 1867, т. III, стр. 264).

** *Новости*, ежемѣсячное изданіе на 1799 (съ мая по сентябрь). Издалъ Петръ (Иванов.) Голубковъ. 4я кн. Спб. Тип. Медицинской Коллегіи. Романъ Измайлова *Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества* (2 ч. 1799—1801) въ сатирическомъ родѣ и пользовался заслуженною популярностью. Герой романа не Иванъ, а Евгеній.

*** Кунинъ Николай—переводчикъ съ французскаго, напечатавшій (М. Т. Университет. 1806) стихи въ честь адмирала Мордвинова, по случаю избранія послѣдняго начальникомъ Московскаго ополченія. Книга *Жестокая Истина* или *Неосторожный Опытъ*, соч. д'Арно, напечатана Кунинымъ въ 1796 году (М. Универс. Тип.). Названный Второвымъ князь Мещерскій долженъ быть авторъ оды императору

который разспрашивалъ кто издалъ недавно напечатанную книгу, въ стихахъ, *Юлія, письмо къ другу,* утверждая что эта *Юлія* его переводъ съ французскаго, напечатанный имъ прежде особою книжкой, вмѣстѣ съ другою піесой, подъ названіемъ *Жестокая Истина. Юлія* лежала на прилавкѣ. Второвъ, взявъ книжку въ руки и прочитавъ нѣсколько стиховъ, нашелъ что они ему знакомы и что онъ читалъ ихъ прежде, въ рукописи. Стихи приписывались московскому литератору, князю Прокопію Васильевичу Мещерскому. Мнимые авторы или переводчики, конечно, воспользовались бывшимъ тогда въ обычаѣ рукописнымъ распространеніемъ литературнаго товара. Юный литераторъ сконфузился отъ обличенія Второва и началъ увѣрять что піеса Мещерскаго называется *Элилой,* а эта *Юлія — его* переводъ. „Я подивился, говоритъ Второвъ, страшному шарлатанству такихъ авторовъ, которые присвоиваютъ себѣ чужіе таланты и труды.“

Въ концѣ іюня въ Академіи Художествъ открылась годичная выставка. Иванъ Алексѣевичъ довольно подробно описываетъ какъ самую Академію, такъ и эту выставку. Въ одной изъ залъ остановилъ его вниманіе портретъ императора Павла, во весь ростъ, въ порфирѣ и коронѣ, работы Боровиковскаго, отличавшійся поразительнымъ сходствомъ. * „Многіе служившіе при немъ, замѣчаетъ Второвъ, и часто видѣвшіе его, останавливаются съ какою-то робостію, взглянувъ нечаянно на сію картину.“ Изъ картинъ находящихся въ Академіи публика обращала тогда особенное вниманіе на произведенія Угрюмова,—на его три картины: *Избраніе на престолъ Михаила* и *Покореніе Казани,* написанныя по заказу императора Павла и хранящіяся нынѣ въ Эрмитажѣ, и *Испытаніе силъ Усмаря,* принадлежащую Академіи. **

Павлу I въ день его рожденія, напечатанной безъ обозначенія времени и мѣста. Другой князь Василій Мещерскій, переводчикъ сочиненія Вольтера *О несогласіяхъ церквей въ Польшѣ,* напечатаннаго въ 1778 году (М. Унив. Тип.), вѣроятно, былъ отецъ стихотворца.

* О Боровиковскомъ см. *Живопись и Живописцы* Андреева, стр. 492—494. Портретъ этотъ нынѣ принадлежитъ Департаменту Удѣловъ. (См. *Каталогъ истор. выставки портретовъ* лицъ XVI—XVIII в., Петрова, № 641, стр. 174.)

** Объ Угрюмовѣ см. у Андреева *Живопись и Живописцы,* стр. 491—492.

Фланируя по Петербургу по дѣлу и отъ бездѣлья, Второвъ не оставлялъ безъ вниманія ничего. Онъ ходилъ по Гостиному Двору, бывалъ на биржѣ, чаще всего посѣщалъ книжныя лавки, гдѣ, разумѣется, покупалъ и книги, навѣщалъ и трактиры, и „ресторацiи". Изъ послѣднихъ онъ съ особенною похвалой отзывается о находившейся на Васильевскомъ Островѣ и содержимой нѣкою Нѣмкой, мадамъ Рейслеръ. Къ ней онъ заходилъ нерѣдко обѣдать послѣ публичныхъ лекцій въ Кунсткамерѣ. Ресторація обозначалась вывѣскою „Здѣсь кушаютъ" и привлекала къ себѣ публику дешевою, по тогдашнему времени, цѣною: за 55 копѣекъ Mme Рейслеръ отпускала три вкусныхъ блюда, кислыя щи со льдомъ, чашку кофе и трубку табаку. Любилъ нашъ герой и „воинственную живость красивыхъ Марсовыхъ полей", разные парады и ученья, очень часто происходившіе на Царицыномъ Лугу, въ присутствіи государя, съ пальбою ружейною и пушечною. Отъ этой пальбы трещали и летѣли стекла въ сосѣднихъ домахъ. Царицынъ Лугъ былъ тогда плохо выровненъ: послѣ дождей долго стояли непросыхаемыя лужи, по которымъ солдаты маршировали чуть не по колѣна. Разказывая объ ученьи солдатъ Кегсгольмскаго полка, происходившемъ въ лагеряхъ, за 14ю линіей, въ присутствіи многочисленной публики, въ томъ числѣ и дамъ, Иванъ Алексѣевичъ сообщаетъ что тутъ же выводили изъ фронта солдатъ, отмѣченныхъ мѣломъ на спинѣ, и наказывали палками. „Это было оскорбительное зрѣлище, говоритъ онъ: я жалѣлъ о солдатской участи." Лагерь Кегсгольмскаго полка былъ разбитъ на низменномъ мѣстѣ; въ палаткахъ была грязь и вода; въ каждой палаткѣ помѣщалось по десяти человѣкъ. Любовался нашъ путешественникъ и тогдашними кадетами. Съ А. Н. Усовымъ онъ посѣтилъ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, гдѣ воспитывались два брата перваго, Алексѣй и Дмитрій. У воротъ стояла караульная будка; ружья были поставлены въ сошкахъ. Кадетикъ стоявшій на часахъ, увидя офицера въ гвардейскомъ мундирѣ, сталъ во фронтъ, ружье на плечо, и вызвалъ караулъ; взводъ этихъ маленькихъ солдатиковъ отдалъ Усову такую же честь. „Пріятно смотрѣть, замѣчаетъ на это Второвъ, какъ дѣти, вмѣсто игры, пріучаются къ дисциплинѣ и ко всѣмъ экзерциціямъ военной службы!" Садъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, имѣя прекрасные пруды,

аллеи и бесѣдки, по воскресеньямъ привлекалъ къ себѣ цѣлыя толпы гуляющихъ мущинъ и женщинъ, большею частію кадетскихъ родственниковъ. Чаще всѣхъ петербургскихъ гульбищъ нашъ путешественникъ посѣщалъ Лѣтній Садъ, въ которомъ ежедневно толпился весь петербургскій „бомондъ". Тогдашними львицами и первыми красавицами столицы были двѣ графини Шувалова и Зубова, вокругъ которыхъ толпился цѣлой рой поклонниковъ; Второвъ отдавалъ предпочтеніе первой. Моднымъ львомъ въ то время былъ князь Щербатовъ, только-что возвратившійся изъ-за границы, гдѣ онъ убилъ на поединкѣ принца Де-Сакса. Объ этой дуэли, надѣлавшей въ свое время столько шума, И. А. Второвъ разказываетъ слѣдующія подробности. Въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, принцъ Де-Саксъ находился въ Петербургѣ и былъ знакомъ съ первѣйшими аристократическими фамиліями, въ томъ числѣ и со Щербатовымъ. Однажды, прогуливаясь пѣшкомъ, принцъ встрѣтился со Щербатовымъ, ѣдущимъ верхомъ. На извѣстное французское привѣтствіе принца „какъ вы поживаете (portez-vous, поситесь)", Щербатовъ отвѣчалъ ему каламбуромъ: „Меня носитъ моя лошадь". Принцъ обидѣлся и, при встрѣчѣ со Щербатовымъ въ театрѣ, далъ ему пощечину. Щербатовъ, гвардейскій офицеръ, по обычаю тогдашняго времени, былъ въ цивильномъ платьѣ, съ тростью въ рукѣ. Этою тростью онъ началъ бить по головѣ Де-Сакса. Обоихъ драчуновъ арестовали. Въ этой исторіи императрица приняла сторону Щербатова, которому покровительствовалъ фаворитъ, князь П. А. Зубовъ. Де-Сакса выслали за границу, съ запрещеніемъ въѣзда въ Россію; Щербатова отослали къ родителямъ для исправленія. Де-Саксъ, по выѣздѣ изъ Россіи, всю вину своего оскорбленія сталъ приписывать Зубову, котораго черезъ письма вызывалъ на дуэль, за границу. При Екатеринѣ на этотъ вызовъ не обратили вниманія; при Павлѣ, частію по строгости императора, частію по причинѣ удаленія Зубова отъ двора, принцъ молчалъ. Но, при вступленіи на престолъ Александра, когда князь Зубовъ опять появился при дворѣ, принцъ Де-Саксъ возобновилъ свою претензію и напечаталъ свой вызовъ въ иностранныхъ газетахъ, назначивъ Зубову мѣсто свиданія и поединка. Зубовъ принялъ вызовъ и поѣхалъ. Говорятъ „проѣзжая Варшаву, онъ подверженъ былъ оскорбленію Поля-

ковъ и даже опасности, за вліяніе его на послѣдній раздѣлъ Польши". Князь Щербатовъ, узнавши о вызовѣ Зубова, поспѣшилъ его предупредить, чтобы самому драться съ принцемъ. Это ему удалось: дуэль состоялась близь Аусиха, на границѣ Богеміи; Де-Саксъ, первый дуэлистъ въ Европѣ, былъ убитъ. Карамзинъ въ послѣдней книжкѣ издаваемаго имъ тогда журнала *Вѣстникъ Европы* (іюль, стр. 163), напечатавъ извѣстіе объ этомъ поединкѣ, слѣдующими словами высказалъ свое мнѣніе о дуэли вообще: „Законодатели стращаютъ, философы доказываютъ, но ложное мнѣніе торжествуетъ, къ стыду разума и къ горести многихъ семействъ". Но мнѣніе знаменитаго писателя только не многими раздѣлялось въ ту эпоху; къ числу ихъ принадлежалъ и нашъ герой. Большинство было въ пользу дуэли, а потому и князь Щербатовъ былъ самымъ моднымъ въ ту пору человѣкомъ во всемъ Петербургѣ. Семеновскій полкъ, пріобрѣтшій въ послѣдствіи такую знаменитость для Второва, по его отношеніямъ къ Усовымъ, сталъ почти своимъ: въ обществѣ Семеновскихъ офицеровъ онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ, для котораго не было тайнъ. Семеновцы особенно горячились по поводу этой дуэли, защищая дуэль вообще. Наибольшимъ краснорѣчіемъ въ пользу дуэли отличался нѣкто Власовъ (Александръ Серг.), капитанъ. Онъ называлъ дуэль „самымъ благороднымъ поступкомъ, благороднымъ мщеніемъ за обиженную честь. Прибѣгать къ защитѣ законовъ значитъ, по его словамъ, ябедничество и подлость; и тотъ кто не отомщаетъ за честь свою оружіемъ, подвергая опасности жизнь, не имѣетъ понятія о чести". Изъ числа новыхъ знакомыхъ И. А. Второва едва ли не самымъ замѣчательнымъ былъ Василій Николаевичъ Антоновскій, курскій помѣщикъ, отличный хозяинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ со спеціальною цѣлью изучить фабричное и заводское дѣло, которое онъ, какъ замѣтно, и безъ того хорошо понималъ. Антоновскій жилъ въ квартирѣ Анненкова, семеновскаго офицера, сошелся со Второвымъ и таскалъ его съ собою повсюду при обозрѣніи петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, принадлежавшихъ тогда большею частію иностранцамъ, читая ему цѣлыя лекціи о незавидномъ у насъ состояніи этого дѣла. Такъ они осмотрѣли: стеклянный и фарфоровый заводы; сахарный заводъ Володимірова, извѣстнаго богача при Екатеринѣ, но теперь принадлежавшій его „глупому и безпечному"

сыну, вышедшему въ дворяне; чугунный заводъ Англичанина Берда: пороховые заводы и пр. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Антоновскій снималъ копіи съ моделей и разныхъ машинъ.

Острова, окрестности Петербурга, дачи ближнія и дальнія были не разъ посѣщаемы нашимъ путешественникомъ въ его уединенныхъ прогулкахъ и съ своими пріятелями, пѣшкомъ и въ экипажахъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ на Каменномъ Островѣ ему пришлось видѣть императора Александра Павловича. Объ этой встрѣчѣ (13го іюля) онъ разказываетъ слѣдующія подробности. „Тутъ (у дворца), во время присутствія государя, надобно было снять шляпу. Я поворотилъ влѣво къ берегу и, проходя мимо дворца, нечаянно обернулся и увидѣлъ близь себя императора, въ преображенскомъ мундирѣ, стоящаго безъ шляпы, возлѣ перилъ, и смотрящаго на заливъ. Такое неожиданное и близкое отъ меня присутствіе государя меня встревожило. Я прошелъ мимо его къ другому мосту, который соединяетъ Аптекарскій Островъ съ Каменнымъ. Тамъ нанялъ ботикъ и поѣхалъ на одну изъ трехъ яхтъ стоящихъ противъ дворца, на которой былъ пріятель мой лейтенантъ А. А. Платенъ. Въ сіе время государь стоялъ на берегу уже съ графомъ Толстымъ, который былъ во фракѣ, и смотрѣлъ на лавирующіе по заливу катеры. Я проѣхалъ мимо его, разстояніемъ не болѣе двухъ саженъ. Мы пристали къ яхтѣ. Тутъ я увидался съ Платеномъ, который встрѣтивъ меня рекомендовалъ капитану сей яхты Гамильтону, изъ Англичанъ. Мнѣ показали всѣ каюты и комнату государя: онѣ убраны и меблированы прекрасно. Вышедши на палубу, мы смотрѣли какъ по приказанію государя подъѣхалъ къ берегу одинъ изъ лавирующихъ катеровъ. Государь сѣлъ на него одинъ, безъ шляпы, и около часа плавалъ подъ парусами по заливу; присталъ къ тому же мѣсту и вышелъ на берегъ. Катеръ подъ парусами плылъ быстро къ берегу, и мы на яхтѣ слышали трескъ у самыхъ мостковъ пристани: это было отъ того что стоящій на носу матросъ при быстромъ приближеніи катера упершись къ мосткамъ переломилъ багоръ приставленный къ груди. Сіе разказывалъ намъ пріѣхавшій на яхту морской офицеръ Гамалѣя. Вдругъ сдѣлалась тревога на нашей яхтѣ. Матросы и юнги быстро взлѣзали на всѣ мачты, начали дѣйствовать парусами по сигналу принимаемому съ другой яхты, бѣгали,

суетились, кричали, передергивали снасти. Мой пріятель Платенъ, съ рупоромъ въ рукахъ, смотрѣлъ на сигналы другой яхты, бросался къ мачтамъ и кричалъ что-то дѣйствующимъ на верху матросамъ. Гамильтонъ прыгалъ отъ досады что не скоро дѣйствуютъ, и бранился дурнымъ русскимъ языкомъ. Когда кончилась сія тревога, все успокоилось, и государь ушелъ съ берега во дворецъ.“ Посѣтилъ нашъ путешественникъ и Михайловскій За́мокъ, описаніе котораго, сдѣланное Коцебу, онъ находилъ весьма сходнымъ; въ за́мкѣ онъ нашелъ величайшую смѣсь великолѣпнаго, поразительнаго со „страннымъ и уродливымъ“.

Живя въ Петербургѣ лѣтомъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, Второвъ началъ скучать и помышлять о возвращеніи въ Москву. Сначала у него былъ планъ ѣхать изъ Петербурга водою вмѣстѣ съ Г. Б. Кошелевымъ, на купленномъ этимъ послѣднемъ суднѣ, до Костромы или до Ярославля, по близости которыхъ находилась деревня Кошелева, а оттуда сухимъ путемъ въ Москву; но планъ этотъ не могъ быть исполненъ по невозможности для Кошелева оставить Петербургъ. Послѣ этого Второвъ торопился уѣхать одинъ, но Цызаревъ соблазнилъ его Петергофскимъ праздникомъ, который въ 1801 году былъ 30го іюля, по случаю работъ въ садахъ и дворцѣ. Второвъ остался посмотрѣть праздникъ, который онъ описываетъ слѣдующими словами:

„Поутру (30го іюля) пришелъ я къ П. А. Цызареву. Онъ уже совсѣмъ собрался. Мы съ нимъ позавтракали и поѣхали въ его каретѣ во дворецъ; взяли тамъ билеты на петергофскій маскарадъ; заѣхали къ Mme де-Моде, взяли венеціаны и—въ Петергофъ! Дорога отъ города до самаго Петергофа, на 32 версты, вся наполнена была экипажами, которые тянулись туда въ два ряда. Сколько ѣхало и шло народу! Не считая тѣхъ которые плыли туда водою на катерахъ и элботахъ, едва ли не болѣе было сухопутныхъ. * На встрѣчу намъ ѣхали изъ Петергофа только три экипажа, и то пустые, придворные. Въ Петергофѣ мы остановились въ Англійскомъ трактирѣ; одна комната сто́итъ 25 рублей въ сутки. Мы одѣлись и пошли въ садъ. Верхній и Нижній сады были уже наполнены народомъ. Государь былъ тогда на балконѣ

* Объ оживленности Петергофской дороги въ это время см. также у Вигеля (*Воспоминанія*, ч. 1. стр. 160).

дворца съ англійскимъ принцемъ Глочестеромъ, который былъ одѣтъ въ алый мундиръ, въ орденской синей лентѣ черезъ плечо. Мы гуляли до вечера, а вечеромъ пріѣхали въ каретѣ и вошли во дворецъ. Съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ Павла Александровича дядька, Никитушка, добрый, почтенный старикъ, котораго онъ любилъ и уважалъ какъ своего родственника; и когда бывалъ одинъ дома, то сажалъ его во время обѣда съ собою за столъ и часто дарилъ его деньгами, когда былъ въ выигрышѣ. За то и дядька Никитушка любилъ своего барина больше нежели роднаго сына; оберегалъ его во всѣхъ случаяхъ. Вотъ анекдотъ о семъ Никитушкѣ. Господинъ его былъ игрокъ, игралъ на большія суммы, расточителенъ, щедръ и столько добръ что однажды при мнѣ бѣдному офицеру, совсѣмъ незнакомому ему, просящему его помощи, отдалъ всѣ деньги сколько было въ его книжкѣ, кажется до тысячи рублей. Никитушка часто журилъ его за расточительность, и когда ничего не оставалось у него денегъ, помогалъ ему своими, полученными отъ него въ подарокъ. Во время войны 1812 года, Павелъ Александровичъ, будучи въ арміи дежурнымъ генераломъ, былъ въ большомъ выигрышѣ, до милліона, потомъ опять все проигралъ и, вышедъ въ отставку, жилъ въ Кіевѣ въ совершенной бѣдности. Никитушка накопилъ и сберегъ изъ даренныхъ ему бариномъ денегъ двадцать тысячъ рублей и предъ своею смертью всѣ эти деньги положилъ въ Сохранную Казну на имя своего барина, съ тѣмъ чтобы всѣхъ денегъ ему не выдавать, а только бы одни проценты. Это разказывали мнѣ потомъ всѣ знающіе г. Цызарева, который будто бы только и пользовался Никитушкиными процентами.

„Всѣ залы дворца наполнены были публикой. Мущины всѣ въ шляпахъ и домино, или венеціанахъ, но безъ масокъ. Тутъ была и вся царская фамилія. Императрица Марія Ѳеодоровна какъ еще прелестна въ такихъ лѣтахъ. Тѣснота была ужасная; въ нѣсколькихъ комнатахъ танцовали. Никитушкѣ баринъ приказалъ еще прежде чтобъ онъ отнюдь не скидалъ шляпы, ни предъ царскою фамиліей, особливо, забывшись, предъ бариномъ. Мы вышли на балконъ. Освѣщеніе сада, игра фонтановъ, въ разныхъ направленіяхъ, были восхитительны! Въ концѣ сада, на морѣ темнота. Противъ дворца стояли три царскія яхты. На средней яхтѣ, отъ самаго верха мачтъ до палубы, была одна большая огненная буква М. По водному

проспекту, идущему отъ горы, на которой стоитъ дворецъ, берега были иллюминованы, а фонтаны, по нимъ расположенные, образовали одну сплошную водяную арку. Самсоновъ фонтанъ изъ челюстей льва билъ перпендикулярно вверхъ, наравнѣ съ балкономъ, гдѣ мы стояли, такъ что предъ нами образовался водяной шаръ. Марлинъ Домикъ и прудъ, на которомъ плавали разныя огненныя штуки, были превосходно иллюминованы. Музыка въ разныхъ мѣстахъ сада услаждала слухъ, а гуляющіе по саду толпы народа и красота освѣщенныхъ предметовъ восхищали зрѣніе. Въ Верхнемъ и Нижнемъ садахъ разставлено было множество палатокъ для угощенія публики. Въ нижнемъ этажѣ дворца накрытъ былъ длинный столъ. Мы съ Павломъ Александровичемъ сѣли за этотъ столъ и ужинали со многими неизвѣстными мнѣ людьми лучшаго общества. Дамъ не замѣтили ни одной; Никитушки также съ нами не было. Угощеніе было царское! Разныя вина, кромѣ шампанскаго, были разносимы. Моему товарищу знакомы были всѣ придворные служители. Онъ спросилъ шампанскаго, и тотчасъ подали бутылку, которою онъ подчивалъ своихъ сосѣдей; остальное допили сами. Мы ночевали въ каретѣ.“

31го іюля Второвъ съ Цызаревымъ отправились въ Стрѣльну. Съ ними встрѣтился великій князь Константинъ Павловичъ, ѣхавшій въ Петергофъ; Цызаревъ, желая съ нимъ видѣться, вернулся туда же, а Второвъ остался въ Стрѣльнѣ у своихъ знакомыхъ, конногвардейскихъ офицеровъ Коноплина (Павла Михайловича) и князя Вяземскаго. По возвращеніи Цызарева изъ Петергофа, Второвъ, вмѣстѣ съ нимъ, ѣздилъ въ Сергіевскую пустынь, а оттуда отправился на дачу къ старинному своему знакомому еще по Самарѣ, къ генералъ-лейтенанту Николаю Петровичу Кожину. Будучи шефомъ Баденскаго полка, Кожинъ въ 1797 году проходилъ черезъ Самару, гдѣ и познакомился съ нашимъ героемъ. Онъ тотчасъ же узналъ его, представилъ своей женѣ (Аннѣ Ивановнѣ) и принялъ его весьма радушно. У Кожина на дачѣ Второвъ пробылъ до вечера слѣдующаго дня, то-есть 1го августа. Въ этотъ день утромъ Цызаревъ опять ѣздилъ къ великому князю въ Стрѣльну, откуда возвратился послѣ обѣда. Въ отсутствіе его, генералъ Кожинъ вдался въ философію, въ разсужденія объ уравненіи богатыхъ съ бѣдными, о необходимости *безсмертнаго легіона*. При имени послѣдняго

Иванъ Алексѣевичъ замѣчаетъ въ скобкахъ: „эта послѣдняя мысль, кажется, осуществилась послѣ, проектомъ графа Аракчеева о военныхъ поселеніяхъ“. Возвращаясь въ Петербургъ, наши путешественники останавливались у Краснаго Кабачка, гдѣ ѣли знаменитыя тогда вафли и пили медъ.

Изъ петербургскихъ нравовъ обратило на себя вниманіе нашего самарскаго путешественника развитіе проституціи между дѣвочками отъ одиннадцати до четырнадцати лѣтъ, о чемъ онъ говорилъ съ ужасомъ.

И. А. Второвъ покинулъ сѣверную столицу 4го августа, а 9го прибылъ въ Москву. На обратномъ пути онъ подробно осмотрѣлъ Царское Село со всѣми его достопримѣчательностями, дворцомъ и паркомъ. Въ Москвѣ нашъ путешественникъ остановился на прежней своей квартирѣ, у Павла Ивановича Комарова; но хозяина не было дома: въ пустыхъ комнатахъ прохаживался давнишній жилецъ его и родственникъ, Андрей Алексѣевичъ Соколовъ, съ которымъ, какъ мы видѣли, подружился Второвъ, и о которомъ онъ разказываетъ слѣдующую исторію. Соколовъ служилъ при Павлѣ въ гвардіи, и въ 1797 году женился на Комаровой (Марья Ив.), сестрѣ Павла Ивановича. Женившись, онъ жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Мѣщанской, и состоялъ на службѣ въ Межевой канцеляріи. Еще не прошло года послѣ свадьбы, какъ вздумалось ему праздновать свои или женины именины. Много было гостей, и праздникъ окончился уже далеко за полночь. Едва гости разъѣхались, какъ хозяева почувствовали сильный запахъ дыма. Андрей Алексѣевичъ выбѣжалъ въ сѣни; но дымъ валилъ изъ нихъ столбомъ, а пламя чрезъ растворенныя двери тотчасъ же бросилось въ покои. Весь домъ въ одно мгновеніе былъ обхваченъ огнемъ. Едва не задохнувшійся отъ дыма, въ ужасѣ за участь нѣжно любимой жены, молодой хозяинъ, (ему было лѣтъ 25) бросился ее спасать и, найдя въ отдаленныхъ комнатахъ, схватилъ ее на руки и побѣжалъ къ дверямъ, охваченнымъ огнемъ. Ему удалось вынести свою дорогую ношу на крыльцо; но тутъ силы его оставили и онъ, вмѣстѣ съ нею, упалъ безъ чувствъ. Пока сбѣжался народъ и пріѣхала пожарная команда, весь домъ Соколовыхъ уже обратился въ пепелъ. Несчастныхъ супруговъ нашли обгорѣлыхъ, Марью Иванову безъ признаковъ жизни, Андрея Алексѣевича удалось спасти. Но онъ не имѣлъ и

подобія человѣческаго: глаза у него лопнули, волосы, лицо и руки обгорѣли. Три дня онъ былъ безъ чувствъ и уже дѣлались приготовленія къ его погребенію: желая похоронить его вмѣстѣ съ женою, три дня не засыпали совсѣмъ могилы этой послѣдней. Но искусный докторъ Фрезъ черезъ двѣ недѣли возвратилъ его къ страдальческой жизни. Иванъ Алексѣевичъ, узнавшій Соколова по прошествіи пяти лѣтъ послѣ этого несчастія, нашелъ его, нѣкогда красавца собою, все въ томъ же безобразномъ видѣ. Лица его, кромѣ слуги, никто не видѣлъ: онъ закрывалъ его длиннымъ зеленымъ зонтикомъ, доходившимъ до нижней губы. На бородѣ его не росло волосъ, а виднѣлась тонкая, съ легкимъ румянцемъ, бѣлая кожица; руки имѣли такой же видъ, но на нихъ и вокругъ глазъ еще не зажили раны, происшедшія отъ обжога. Второвъ изображаетъ несчастнаго слѣпца, прожившаго до глубокой старости, человѣкомъ образованнымъ и съ большими свѣдѣніями. Наемный писецъ былъ у него секретаремъ и чтецомъ. Въ его разговорахъ и письмахъ еще болѣе было замѣтно то тоскливое, сентиментальное направленіе, которое было въ характерѣ эпохи, но которое въ немъ было вполнѣ искренно. Когда онъ говорилъ о своемъ прошломъ, то всегда употреблялъ выраженіе: „тогда я былъ еще живъ“. Его симпатичный голосъ и умная рѣчь заставляли собесѣдниковъ забывать о его безобразіи. Второвъ очень съ нимъ подружился и, живя въ Петербургѣ, обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими письмами. Мы увидимъ что и долго спустя онъ не забывалъ своего слѣпаго друга.

Итакъ, Второвъ очутился въ Москвѣ въ обществѣ Комарова, Ратькова (Петръ Мих.) и Серафимовича (Ром. Гавр.), проводя время на обѣдахъ, вечерахъ, за картами и за разными „пустяками“ и ничего не замѣчая „полезнаго для ума и сердца“. 2го сентября онъ ѣздилъ съ родственникомъ Комарова Акимовымъ (Сем. Куз.) въ село Дубно, принадлежавшее женѣ его, Катеринѣ Ивановнѣ, сестрѣ П. И. Комарова, бывшей прежде въ замужствѣ за ставропольскимъ комендантомъ Цызаревымъ (Алексѣй Ил.), дядею вышеупомянутаго. По дорогѣ они заѣхали въ деревню къ помѣщику Кроткову (Степ. Егоров.), извѣстному въ то время во всей Россіи хозяину, который въ продолженіе 40 лѣтъ умѣлъ нажить 10 тысячъ душъ крестьянъ, имѣя родовыхъ только

300, и котораго Екатерина II выставляла въ образецъ всѣмъ русскимъ помѣщикамъ. Кроткову въ это время было уже за 70 лѣтъ. Сѣдыя густыя брови его почти совсѣмъ закрывали глаза; но зоркое око еще пристально слѣдило за движеніемъ хозяйственной машины. По словамъ Жихарева, автора *Дневника Студента,* Кротковъ былъ обязанъ своимъ богатствомъ Пугачеву, который, сдѣлавъ его Симбирскую деревню своей резиденціей, подѣлалъ тамъ склады для храненія всего награбленнаго имъ имущества. Когда отряды царскихъ войскъ выгнали самозванца изъ этого убѣжища, Кротковъ, слѣдовавшій за ними, водворился въ своей деревнѣ и воспользовался брошенными сокровищами. * Онъ началъ скупать деревни и, будучи отличнымъ хозяиномъ, зажилъ на славу. Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ сыновей, служившихъ въ Петербургѣ и кутившихъ напропалую. Одинъ изъ нихъ выкинулъ такую штуку: продавъ родовое отцовское имѣніе, онъ въ числѣ крестьянъ помѣстилъ и своего родителя, подъ скромнымъ именемъ бурмистра Степана Кроткова. Гораздо позже, вѣроятно, въ наказаніе дѣтей, Кротковъ женился на бѣдной молодой дѣвушкѣ, которой укрѣпилъ свое подмосковное село Молоди. Второвъ встрѣтился съ нимъ, кажется, ранѣе ссоры съ дѣтьми. Кротковы, о которыхъ будетъ упоминаться въ дальнѣйшемъ разказѣ, были его дѣти, а тетка Пановой, о которой говорилось выше, кажется, была за однимъ изъ нихъ. Незванные гости встрѣтили старика Кроткова за дѣломъ, бодро наблюдающаго какъ крестьяне рыли затѣйливые пруды. 14го октября, въ полдень, случилось въ Москвѣ землятресеніе, описанное Карамзинымъ въ ноябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы.* Въ тотъ же день квартальные надзиратели и частные пристава ходили по домамъ и собирали всякаго рода свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Въ Москвѣ прожилъ Второвъ до 22го ноября, какъ замѣтно уже скучая и помышляя о возвращеніи на родину.

* Извѣстностію императрицѣ С. Е. Кротковъ обязанъ графу П. И. Панину, который отличалъ его отъ другаго Кроткова, его брата, человѣка, по словамъ графа, „худой совѣсти". (*Сборн. Истор. Общества,* VI, 194—195).

Этотъ обратный путь онъ держалъ съ извѣстными московскими „евангельскими богачами“, С. Г. Мельгуновымъ и Василіемъ Александровичемъ Пашковымъ (потомъ оберъ-шталмейстеръ, тесть Д. В. Дашкова), отправившимися въ Симбирскъ, въ свои деревни. Нашъ скромный путешественникъ готовился ѣхать въ рогожной кибиткѣ; „евангельскіе богачи“ отправлялись въ теплыхъ возкахъ, обитыхъ медвѣжьимъ мѣхомъ. Они взяли съ собою изъ московскаго почтамта почтальйона который долженъ былъ заботиться о заготовленіи лошадей подъ ихъ экипажи на всемъ пути отъ Москвы до Симбирска. Мельгуновъ взялъ къ себѣ въ возокъ Второва; вѣрный слуга послѣдняго, Филиппъ, ѣхалъ въ кибиткѣ, нагруженной разною поклажей. Наши путники выѣхали изъ Москвы уже ночью; но ѣхать было не скучно, потому что возки освѣщались восковыми свѣчами. Иванъ Алексѣевичъ захватилъ съ собою на дорогу недавно вышедшую книгу, романъ Коцебу *Страданія Ортенберговой фамиліи.* *
Въ длинныя ноябрьскія ночи, во все время пути, читалъ онъ въ возкѣ вслухъ эту книгу; изъ числа героевъ романа, сопутнику его Мельгунову особенно понравился добрый капитанъ Штурмъ, о которомъ Степанъ Григорьевичъ долго потомъ вспоминалъ, при всякомъ свиданіи со Второвымъ и даже въ своихъ къ нему письмахъ. Съ В. А. Пашковымъ они сходились и бесѣдовали на каждой станціи; сверхъ того они пробыли болѣе сутокъ вмѣстѣ съ нимъ въ деревнѣ его брата Ивана Александровича, Ветошинѣ.

Въ Симбирскѣ наши московскіе путешественники пробыли до первыхъ чиселъ декабря. Зиму 1803 года Симбирскъ былъ особенно оживленъ. Губернаторомъ въ это время былъ тамъ князь Сергѣй Николаевичъ Хованскій, человѣкъ, по словамъ Второва, умный, благонамѣренный и дипломатъ. „Все дворянство его любило и уважало. Старожилые дворяне, богатые и значительные по губерніи, кромѣ должностныхъ, съѣзжались на зиму изъ деревень въ городъ. Каждый день были обѣды, вечера, балы, два раза въ недѣлю благородное собраніе и театръ. Такъ пріятно и весело было въ Симбирскѣ что многіе пріѣзжали изъ Москвы и Казани, а одинъ Москвичъ, М. И. Раевскій, остался даже на житье въ Симбирскѣ.“ 4го декабря Второвъ поѣхалъ съ Мельгуновымъ въ село Николь-

* Напечатана въ Москвѣ, въ Сенатской типогр. 2 части. 1802.

ское, въ 50 верстахъ отъ Симбирска, принадлежавшее Николаю Алексѣевичу Дурасову. Никольское славилось гостепріимствомъ хозяина и разными барскими затѣями, на самую широкую ногу. Въ немъ были: театръ и оркестръ, состоящіе изъ крѣпостныхъ артистовъ, и содержался какимъ-то Французомъ пансіонъ для дворянскихъ дѣтей. Въ Никольскомъ гостилъ въ это время пріѣхавшій изъ Москвы зять хозяина, тоже Дурасовъ, генералъ-лейтенантъ. 6го декабря хозяинъ Никольскаго былъ именинникъ, и вотъ къ нему съѣхалось множество гостей, не только изъ окрестныхъ деревень, но и изъ Симбирска и Ставрополя, за 70 верстъ. Между этими послѣдними находился и ставропольскій предводитель дворянства, Василій Сергѣевичъ Мильковичъ, какъ уже сказано, дальній родственникъ Вторая, у котораго жила въ это время меньшая сестра его, Александра Алексѣевна; старшій сынъ Мильковича воспитывался тогда въ Никольскомъ пансіонѣ. Завтраки, обѣды, ужины, танцы, музыка, театръ, карты и пр. предлагались многочисленнымъ гостямъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. * Но Иванъ Алексѣевичъ воспользовался такимъ гостепріимствомъ только до 8е декабря: въ этотъ день онъ уѣхалъ съ Мильковичемъ въ Ставрополь. Семейство Мильковичей состояло изъ жены его, Катерины Ѳедотовны, четырехъ дочерей, Марьи, Фіоны, Дарьи и Натальи, и двухъ маленькихъ сыновей, Сергѣя и Николая. Вся семья очень любила нашего героя „словно ближайшаго роднаго“; но о степени ихъ дѣйствительнаго родства онъ нигдѣ не говоритъ. Второвъ привезъ съ собою изъ столицъ множество книгъ, которыя и читалъ по вечерамъ любопытнымъ барышнямъ и сестрѣ. Здѣсь въ домѣ Мильковичей, Иванъ Алексѣевичъ встрѣтилъ новый 1803 годъ.

Изъ Ставрополя Второвъ ѣздилъ съ В. С. Мильковичемъ въ село Новый Буянъ, къ своему спутнику С. Г. Мельгунову, и въ деревню Екатериновку, въ 52 верстахъ отъ Самары, принадлежавшую Мильковичу. Изъ Екатериновки, которая будетъ часто упоминаться въ нашемъ дальнѣйшемъ разказѣ, Второвъ поѣхалъ одинъ въ Самару, гдѣ и пробылъ до 5го февраля, странствуя, впрочемъ, изъ Самары въ

* О роскошной жизни Дурасова въ Люблинѣ говорилось выше. О его оркестрѣ и актерахъ говоритъ миссъ Вальмотъ, видѣвшая ихъ въ Люблинѣ (*Русск. Арх.* 1873, стр. 1890).

деревню Богдановку, къ другу своей юности, Моисею Александровичу Богданову, и въ другія мѣста. Въ Богдановкѣ онъ нашелъ своего двоюроднаго брата, Петра Борисовича Второва, вышедшаго въ отставку. Возвратившись въ Ставрополь, Иванъ Алексѣевичъ былъ на свадьбѣ у любимой сестры своей, Александры Алексѣевны, вышедшей замужъ за нѣкоего Ефебовскаго (Василья Ѳедоровича). Другая сестра его, Катерина, вышла замужъ за Ганецкаго и также жила въ Ставрополѣ; но когда и при какихъ обстоятельствахъ случился этотъ бракъ, онъ ничего не говоритъ въ своихъ запискахъ. Послѣ свадьбы Ефебовскіе отправились на жительство въ Сенгилей. Второвъ сначала былъ противъ этой свадьбы; но, видя желаніе сестры, благословилъ ее, какъ старшій въ родѣ. Весь 1803 годъ герой нашъ провелъ въ странствованіяхъ изъ Ставрополя въ Самару, въ Симбирскъ, въ деревню Н. М. Наумова, село Архангельское, въ Корсунъ, на ярмарку и въ Екатериновку къ Милькевичамъ. Бездѣлье начало его томить; онъ почувствовалъ сильную скуку и почти бросилъ свой журналъ. Въ рѣдкія минуты, когда онъ къ нему обращался, оставшись лицомъ къ лицу съ самимъ собою, онъ, по обыкновенію, нылъ отъ тоски и во всемъ обвинялъ людей, носясь съ чувствительностію сердца и съ добротою своей души, какъ съ такими качествами которыя, будто бы, непремѣнно дѣлаютъ человѣка несчастнымъ. Если въ ту дешевую и сытую пору нечему удивляться что въ средѣ помѣщичьяго быта, гдѣ жизнь текла какъ по маслу, молодой, образованный человѣкъ, не будучи паразитомъ и прихлебателемъ, какихъ тогда было множество, могъ жить спокойно и беззаботно, могъ даже имѣть небольшія деньги, благодаря нѣкоторой ловкости въ карточной игрѣ; то все же остается непонятнымъ на какія средства пріобрѣлъ себѣ Второвъ домъ въ Ставрополѣ, на Солдатской улицѣ, близь берега Волошки. Въ послѣдствіи отъ этого дома не осталось даже и слѣда: ежегодные обрывы береговъ этой рѣчки въ весеннюю пору сорвали болѣе двухъ улицъ.

1804 годъ герой нашъ провелъ точно также, то-есть въ скукѣ и тоскливости въ тѣ рѣдкія минуты когда онъ оставался одинъ съ самимъ собою, и въ суетахъ совершенно праздной и шумной жизни. Весь этотъ годъ онъ собирался въ Москву, куда звали его пріятели, уже распрощался было съ своими симбирскими, самарскими и ставропольскими друзьями,

уже все приготовилъ къ отъѣзду и сдалъ домъ подъ постой, но поѣхать ему не удалось: на дворянскихъ выборахъ происходившихъ въ декабрѣ этого года въ Симбирскѣ, его выбрали уѣзднымъ судьею въ городъ Самару. Изъ событій этого года Иванъ Алексѣевичъ останавливается съ особенною подробностью на такъ-называемомъ благородномъ спектаклѣ, происходившемъ въ концѣ января или въ началѣ февраля въ Симбирскѣ. Въ этомъ шумномъ городѣ, какъ оказывается, кромѣ публичнаго, были еще домашніе театры; по крайней мѣрѣ, такой былъ у Ивана Васильевича Жадовскаго. * Семейство Жадовскихъ состояло изъ театраловъ: самъ онъ былъ большой любитель и хорошій актеръ, а дочь его, Аграфена Ивановна, дѣвица, не только отличною актрисой, лучше которой, по словамъ Второва, не было въ Москвѣ и Петербургѣ, но и писательницей. Она перевела съ французскаго драму *Англійскій купецъ Ботъ,* ** которую Жадовскіе и рѣшились поставить на домашнемъ спектаклѣ; она же упросила Второва участвовать въ этомъ спектаклѣ. Самъ Жадовскій взялъ роль Бота, Иванъ Алексѣевичъ—Донъ Альзона, Неплюевъ (Алексѣй Александр.)—Клоранса, его друга. Другіе актеры были: Буткевичъ (Ѳед. Филип.), пензенскій помѣщикъ Бубыгинъ и Плотниковъ (Левъ Борис.); изъ актрисъ участвовали въ спектаклѣ дѣвицы: Блюммъ (Анна Петр.), Еналеева (Праск. Андр.), дочь совѣтника, и Насакина (Анна Сидор.). Сама Аграфена Ивановна, какъ переводчица, не взяла себѣ никакой роли. „Когда весело было на душѣ, говоритъ Второвъ, въ молодости я весьма удачно копировалъ нѣкоторыхъ людей со странными привычками, подражая голосу и походкѣ копируемаго лица. На репетиціяхъ такое лицедѣйство имѣло эффектъ, тѣмъ болѣе что одинъ изъ играющихъ (Буткевичъ) былъ предметомъ копировки.“ Участвующіе въ спектаклѣ забавлялись этими шутками и были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ нашего героя; но вышло напротивъ. Уже

---

* И. В. Жадовскій былъ секретаремъ Симбирской ложи „Златаго Вѣнца“, въ числѣ членовъ которой находились знакомыя Второву фамиліи Голубцовыхъ, Ладыженскихъ, Колюбакиныхъ, Аржевитиновыхъ и Хардиныхъ.

** Въ *Смирдинской Росписи*, № 7015, эта піеса значится переведенною съ французскаго княземъ Петромъ Долгоруковымъ (М. 1804. Т. Гарія и К°).

все было готово къ представленію, какъ наканунѣ губернаторъ князь Хованскій * (Сергѣй Николаев.) просилъ участвующихъ въ спектаклѣ сыграть его на городскомъ театрѣ, потому что, объяснялъ онъ, по случаю множества пріѣзжихъ изъ Москвы и Казани, и половина „благородныхъ зрителей" не можетъ помѣститься на домашнемъ театрѣ Жадовскаго. Всѣ согласились на это предложеніе. „Я уже заранѣе струсилъ при семъ предложеніи, говоритъ Второвъ, просилъ увольненія и передавалъ роль свою другому; но, въ угодность Аграфенѣ Ивановнѣ и по просьбѣ другихъ, остался. Мы пріѣхали въ театръ за полчаса до представленія; публика съѣхалась и заняла всѣ мѣста. Ложи были въ два яруса; партеръ и раекъ наполнены зрителями. Я сидѣлъ въ ложѣ А. М. Наумова, когда играли первую комедію; наконецъ дошла и до меня очередь. Послѣ антракта, мнѣ надлежало выйти на сцену первому, съ другомъ Клорансомъ. Дрожь пробѣжала по мнѣ. Я, какъ осужденный преступникъ, стоялъ на эшафотѣ, особливо когда поднялся занавѣсъ и тысячи глазъ устремились на меня. Мы вдвоемъ должны были выйти на самый край сцены. Клорансъ мой началъ читать какъ дьячокъ свою роль, а у меня едва языкъ ворочался. Я говорилъ тихо и робко, безъ всякихъ жестовъ и декламаціи, готовъ былъ извиниться и раскланяться съ публикой. Аграфена Ивановна изъ-за кулисъ ободряла меня: „Courage, monsieur, courage!" но ничто не помогало. Я чувствовалъ себя шутомъ и смѣшнымъ дуракомъ, который рѣшился кривляться и болтать вытверженный вздоръ предъ публикою; однакожъ продолжалъ дурачиться немного посмѣлѣе, въ другой сценѣ съ своею дочерью (Блюммъ) получше, а съ Ботомъ-Жадовскимъ, какъ съ опытнымъ и искуснымъ актеромъ, уже гораздо лучше. Но все скверно! И слава Богу что выдержалъ всю роль свою до конца и не ушелъ со сцены. Намъ аплодировали, однакожъ не мнѣ и не Клорансу, который игралъ хотя смѣлѣе меня, но едва ли еще не хуже. По окончаніи спектакля, пришелъ къ намъ губернаторъ и благодарилъ всѣхъ за доставленное удовольствіе публикѣ, и

---

* Въ *Россійской Родословной Книгѣ* князя Петра Долгорукова имени князя Сергѣя Николаевича Хованскаго совсѣмъ нѣтъ. Онъ былъ назначенъ въ Симбирскъ изъ Владиміра, гдѣ былъ вице-губернаторомъ. *Капище моего Сердца*, князя И. М. Долгорукова, стр. 64—65.

хвалилъ гжу Блюммъ. Къ этому я сказалъ что отецъ ея, Донъ-Альзонъ, худо исполнилъ свою роль.

— Ну, что жь! замѣтилъ князь Хованскій, вы хорошо играли, только замѣтно было что сначала сконфузились.

— Нѣтъ, ваше сіятельство! я самъ чувствую что это не мое ремесло.

Итакъ Второвъ не поѣхалъ въ Москву, а остался въ своей „Азіи“, какъ называлъ родныя мѣста его С. Г. Мельгуновъ, манившій его въ древнюю столицу. Но „Азія“ начинала втягивать въ себя, начинала привлекать къ себѣ нашего героя. „Здѣсь я какъ птичка перелетаю съ мѣста на мѣсто,“ писалъ онъ московскому пріятелю, въ отвѣтъ на призывъ послѣдняго: „утѣшаюсь иногда, какъ младенецъ, разными игрушками, и тогда только грущу, какъ разстаюсь съ любезными для сердца моего и съ любящими меня людьми. Но за то и живу какъ птицы небесныя, только безъ гнѣзда и безъ цѣли. Такова моя участь! Можетъ-быть, съ юностью вмѣстѣ пройдетъ этотъ зефирный образъ жизни.“ Не имѣя ничего противъ „зефирнаго образа жизни“, Мельгуновъ только замѣтилъ: „неужели пространныя степи воздушнымъ птичкамъ придаютъ лучшую силу въ полетахъ?“ Но герой нашъ леталъ не въ пространныхъ степяхъ, а кружился въ довольно тѣсномъ пространствѣ, между Симбирскомъ, Ставрополемъ и Самарою, въ этихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ тогдашняго помѣщичьяго сословія, преимущественно же въ домахъ: П. П. Микулина, Мильковичей, Наумовыхъ, Пановыхъ, графа В. А. Толстаго и князя С. Н. Хованскаго. Литературныя занятія, относительно долгое пребываніе въ столицахъ и тамошнія связи и отношенія придавали ему значительную долю обаянія во мнѣніи обитателей „пространныхъ степей“. Въ „пространныхъ степяхъ“ рѣшалась участь Второва: здѣсь установились отношенія которыми онъ дорожилъ всю жизнь; здѣсь онъ нашелъ себѣ подругу и то общественное положеніе, „гнѣздо и цѣль жизни“ (по его выраженію), о недостаткѣ котораго онъ горько сѣтовалъ.

Изъ безчисленнаго множества знакомыхъ, перечень которыхъ занялъ бы не одну страницу, братья Наумовы начинаютъ играть очень важную роль въ житейскихъ отношеніяхъ героя нашей хроники, который, какъ мы видѣли, прямо называетъ ихъ своими друзьями. Трудно сказать, кто изъ

четырехъ братьевъ Наумовыхъ ближе къ Второву; но въ ту пору о которой мы говоримъ, ближе всѣхъ къ нему былъ Николай Михайловичъ Наумовъ, владѣлецъ ближайшаго къ тремъ вышеназваннымъ городамъ помѣстья Архангельскаго. Благодаря такой близости и радушію хозяевъ, Архангельское очень часто видѣло у себя громадные съѣзды гостей, не только изъ окрестныхъ деревень, но изъ Симбирска, Ставрополя и Самары. Кажется, въ этомъ селѣ была усадьба не одного Николая Михайловича, но и другихъ его родственниковъ; объ этомъ можно догадываться по обширности помѣщенія предлагавшагося гостямъ: гости-мущины занимали одинъ домъ, дамы помѣщались также въ особомъ домѣ. Съѣзды въ Архангельское особенно стали многолюдны съ той поры, когда поселилась тамъ одна знатная особа, племянница главнаго владѣльца (дочь вѣроятно умершаго брата), вдова бывшаго казанскаго губернатора Александра Андреевича Аплечеева († 1802), Катерина Александровна, съ маленькою дочкой. Въ числѣ лицъ заинтересованныхъ молодою вдовою, находился и симбирскій губернаторъ князь С. Н. Хованскій, вступившій съ нею въ бракъ въ 1805 году. За годъ до этого, въ маѣ 1804 года, былъ, по словамъ Второва, особенно великъ съѣздъ гостей въ село Архангельское. Сюда привлекла нашего героя особа игравшая въ жизни его очень важную роль; особа эта была Анна Васильевна Панова. Анна Васильевна была дочь богатаго казанскаго помѣщика, Василія Ивановича Чемезова, отличалась бойкимъ умомъ и красотою и принесла мужу своему Василію Николаевичу (кажется, сыну симбирскаго воеводы), человѣку доброму, но весьма не далекому, громадное приданое (болѣе тысячи душъ), состоявшее въ двухъ деревняхъ: Кротовкѣ и Александровкѣ, Самарскаго уѣзда. По количеству этого приданаго можно судить о богатствѣ отца ея, проживавшаго въ Казани, у котораго былъ еще сынъ Николай и дочь Авдотья, вышедшая (кажется гораздо позже) за Купріянова. Анна Васильевна отличалать способностью вокругъ себя сплотить и оживить общество; будучи хороша собой и обладая значительною долею кокетливости, она умѣла особенно нравиться мущинамъ. И. А. Второвъ былъ всегда великимъ ея почитателемъ и панегиристомъ.

Итакъ, на майскій съѣздъ происходившій въ селѣ Архангельскомъ, Второвъ отправился вмѣстѣ съ Пановыми, гдѣ

Анна Васильевна блистательно выдержала соперничество бывшей казанской губернаторши, К. А. Аплечеевой. Пробывши пять дней въ Архангельскомъ, она увлекла за собою цѣлую толпу гостей, съ которыми сдѣлала наѣздъ на одинокое жилище нашего героя въ Ставрополѣ, проживъ у него двое сутокъ. Изъ Ставрополя, опять вмѣстѣ со Второвымъ, она отправилась въ Самару, „городъ лучшій и многолюднѣйшій“, гдѣ пробыла двѣ недѣли. Веселостямъ и праздникамъ не было конца. Героинею этихъ празднествъ была Анна Васильевна, „женщина любезная, умная, ласковая и добрая“, какъ выражается Второвъ: предъ „почтенною гостьей,“ по его словамъ, всѣ преклонялись: мущины и женщины.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. ДЕ-ПУЛЕ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПРУДОНА.

Correspondance de Proudhon, t. VI—VII. Paris, 1875.

Предпринятое книгопродавцемъ Лакруа изданіе писемъ Прудона должно составить десять довольно большихъ томовъ. Оно быстро подвигается впередъ и въ настоящее время вышли уже семь томовъ, въ которыхъ переписка знаменитаго публициста, экономиста и философа восходитъ до 1858 года. Надо впрочемъ сказать что размѣры изданія могли бы сильно сократиться, еслибъ эпистолярный матеріалъ былъ подвергнутъ болѣе тщательной сортировкѣ. Между письмами вошедшими въ это собраніе, очень много такихъ которыя могли бы быть исключены безъ всякой потери для читающей публики. Издатели не пренебрегали даже клочками, заключающими въ себѣ простое извѣщеніе что въ такой-то день Прудонъ не можетъ придти обѣдать къ такому-то, или же просьбу о присылкѣ какой-нибудь книги. Помѣщена также цѣлая коллекція писемъ Прудона къ его домашнему доктору, не имѣющихъ ни малѣйшаго интереса. Весь подобный матеріалъ только напрасно обременяетъ изданіе и затрудняетъ пользованіе имъ, такъ какъ внимательное чтеніе должно поминутно прерываться механическимъ перелистываніемъ. Масса этого балласта тѣмъ болѣе возбуждаетъ досаду что

очевидно многія въ высшей степени интересныя письма Прудона не попали въ собраніе; напримѣръ помѣщено всего только одно письмо къ Герцену, тогда какъ есть основаніе предполагать что переписка между этими представителями революціонной идеи велась въ пятидесятыхъ годахъ гораздо дѣятельнѣе. Прилагаемая теперь въ концѣ каждаго тома масса писемъ пропущенныхъ въ предыдущихъ томахъ показываетъ что изданіе вообще предпринято ранѣе чѣмъ былъ собранъ весь матеріалъ, и дѣло поведено безъ достаточной осмотрительности и тщательности въ подготовительной работѣ.

Тѣмъ не менѣе изданіе это надо отнести къ числу самыхъ интересныхъ въ текущей литературѣ. Какого бы кто ни былъ мнѣнія объ экономическихъ и политическихъ воззрѣніяхъ Прудона, никто не станетъ отрицать что личность его во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательна. Онъ до извѣстной степени представляетъ собою нынѣшнюю Францію, съ ея живучестью и съ ея элементами разложенія. Выросшій въ скромной рабочей средѣ, получившій самое ограниченное первоначальное образованіе, онъ вырабатываетъ въ себѣ такую самобытность мысли, какою могутъ похвалиться лишь немногіе французскіе писатели, воспитавшіеся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но на этомъ самобытномъ и часто даже глубокомъ мыслителѣ отяготѣло разлагающее вліяніе соціальной розни и революціонной лжи, разъѣдающей французское общество, и изъ-подъ этого роковаго тяготѣнія онъ никогда не могъ освободиться, несмотря на всю независимость своего ума. Чрезвычайно прямой и честный въ своей частной жизни, сохранившій печать здороваго цѣломудрія среди всеобщей деморализаціи, Прудонъ въ то же время не умѣлъ возвыситься до чувства національной чести, не понималъ тѣхъ инстинктовъ которые одушевляли самую честолюбивую и воинственную націю въ мірѣ. Такимъ образомъ высокая чистота частнаго человѣка сочеталась въ немъ съ политическою двусмысленностью, которую вносятъ въ общество соціальныя страсти и заблужденія; въ этомъ смыслѣ Прудонъ, какъ мы замѣтили, можетъ быть названъ вполнѣ сыномъ своего вѣка и своей страны, сохранившей такъ много живучихъ силъ среди деморализаціи, произведенной длиннымъ рядомъ революцій.

Переписка Прудона представляетъ весьма обширный

матеріалъ для изученія его нравственной физіономіи. Нельзя не удивляться здоровымъ задаткамъ его натуры, устоявшей противъ всѣхъ искушеній и обольщеній. Въ горнилѣ парижской жизни онъ сберегъ цѣломудренную трезвость духа и тѣла, вмѣстѣ со скромными привычками провинціальнаго рабочаго. Жажда наживы и личной выгоды, двигавшая все то что̀ окружало его, оставалась постоянно чужда ему. Женившись въ самый разгаръ февральской революціи, онъ велъ совершенно патріархальный образъ жизни въ лонѣ своего семейства, удѣляя что̀ могъ отъ своихъ скромныхъ средствъ своимъ родственникамъ и обнаруживая во всѣхъ случаяхъ жизни самую взыскательную щепетильность. Настойчиво отклонялъ онъ всякую попытку друзей, подъ видомъ подарка или иной матеріальной услуги, придти на помощь его стѣсненному положенію, когда Наполеоновская цензура лишила его почти всякихъ средствъ жить литературнымъ заработкомъ.

Но самая привлекательная черта въ характерѣ Прудона, это настойчивость съ которою онъ старался пополнить пробѣлы своего школьнаго образованія. Несмотря на автодидактизмъ, въ немъ не было и тѣни верхоглядства и полузнанія. Онъ занимался своимъ самообразованіемъ совершенно систематически, положивъ въ основаніе его изученіе древнихъ языковъ и древнихъ авторовъ. Чтеніе классиковъ онъ продолжалъ всю жизнь и письма его сохранили слѣды того постоянно свѣжаго впечатлѣнія которое онъ испытывалъ бесѣдуя съ Тацитомъ или Титомъ Ливіемъ. Французскіе ученые, не посвятившіе себя спеціально классической древности, обыкновенно вскорѣ послѣ школьныхъ лѣтъ забываютъ греческій языкъ; Прудонъ пользовался имъ всю жизнь. Хотя предметомъ его спеціальныхъ занятій была экономическая наука, но онъ много занимался также филологіей, исторіей, философіей и правомъ, и вносилъ въ эти занятія столько же усидчивости и основательности, сколько и въ изученіе экономическихъ вопросовъ. Диллетантизмъ былъ совершенно чуждъ его натурѣ; въ этомъ отношеніи онъ ни мало не походилъ на тѣхъ заносчивыхъ самоучекъ которые стремятся возмѣстить отсутствіе систематическаго образованія бойкою развязностью полузнанія. Демократъ и радикалъ по убѣжденіямъ, Прудонъ былъ въ жизни строгій консерваторъ и можетъ-быть самый скромный человѣкъ во всемъ Парижѣ.

Значительнѣйшая часть переписки Прудона относится къ

періоду февральской республики и переворота 2го декабря. Принимая личное участіе въ событіяхъ того времени, Прудонъ долженъ былъ расширить кругъ своихъ личныхъ сношеній, что и отразилось на его корреспонденціи. Мы однако не остановимся здѣсь на этой части переписки, такъ какъ событія и лица къ которымъ она относится слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны; притомъ Прудону, какъ человѣку лично заинтересованному, трудно было сохранить полное безпристрастіе. Замѣтимъ впрочемъ что несмотря на свой опредѣленный образъ мыслей, Прудонъ далеко не былъ ослѣпленъ на счетъ людей считавшихся его политическими единомышленниками, и радикальная партія не можетъ сказать чтобы знаменитый экономистъ сохранилъ о ней слишкомъ лестное мнѣніе. Въ настоящей статьѣ мы обратимъ вниманіе на послѣдніе (шестой и седьмой) изъ вышедшихъ донынѣ томовъ переписки, обнимающихъ четырехлѣтіе 1854 — 1858 годовъ. Это періодъ политическаго бездѣйствія и полной литературной зрѣлости Прудона. Удаленный событіями отъ практической дѣятельности, онъ вступаетъ въ роль наблюдателя, сосредоточивается на научныхъ занятіяхъ, и изъ уединенія своего кабинета слѣдитъ за ходомъ дѣлъ. Крымская война главнымъ образомъ овладѣваетъ его вниманіемъ, и письма его относящіяся къ этой кровавой международной драмѣ представляютъ для насъ особенный интересъ. Эта сравнительно спокойная эпоха въ жизни Прудона вообще отразилась въ его письмахъ зрѣлостью мысли и потребностью подвести итогъ своимъ опытамъ и впечатлѣніямъ, что конечно очень важно для читателя, обращающагося къ перепискѣ сошедшаго со сцены дѣятеля какъ къ матеріалу для изученія и оцѣнки его личности.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, Прудонъ въ немногихъ строкахъ опредѣляетъ положеніе въ которомъ онъ очутился къ тому времени когда Наполеоновскій режимъ надо было считать окончательно утвердившимся во Франціи. „Я вернулся въ Парижъ въ концѣ 1847 года и занимался своимъ любимымъ предметомъ, когда вспыхнула февральская революція. Я провелъ въ уединеніи два первые мѣсяца, мартъ и апрѣль, слѣдя за ходомъ событій и страдая въ душѣ при видѣ ужаснаго положенія въ которомъ находилась наша страна. Вниманіе нѣкоторыхъ демократовъ, котораго я не искалъ, и нападки журналовъ, которыхъ я ничѣмъ

не вызывалъ съ моей стороны, толкнули меня въ политическую дѣятельность; журналистика избрала меня своимъ представителемъ; разъ что я попалъ въ Собраніе, легкомысленная ненависть консервативной партіи заставила меня прервать молчаніе, и въ концѣ концовъ ожесточеніе обнаруженное противъ моей личности, возбуждая меня до бѣшенства, сдѣлало изъ меня то чѣмъ я явился потомъ.

„Это не могло такъ продолжаться; судъ отправилъ меня, съ утвержденія Собранія, на три года въ тюрьму. Поступивъ со мною съ такою строгостью, судьи спасли мнѣ жизнь. Въ пять лѣтъ, протекшія со времени моего осужденія, я много работалъ, много видѣлъ, многому научился; я конечно не измѣнился, но я сдѣлался тѣмъ чѣмъ могу быть; и я надѣюсь, будущее докажетъ моимъ друзьямъ и врагамъ что я лучше своей репутаціи, и что во мнѣ дѣйствительно есть нѣчто.

„Въ сорокъ лѣтъ, я женился на молодой и бѣдной работницѣ, не по страсти — ты знаешь какого рода страсти мнѣ доступны — но изъ участія къ ея положенію, изъ уваженія къ ея личности, наконецъ потому что по смерти моей матери я остался безъ семьи, и повѣришь ли? — за недостаткомъ любви у меня явилась потребность *своего хозяйства* и родительскаго чувства. Другія размышленія не приходили мнѣ въ голову.

„Въ четыре года, моя жена подарила мнѣ трехъ бѣлокурыхъ, румяныхъ дѣвочекъ, которыхъ она сама выкормила и которыхъ жизнь наполняетъ теперь всю мою душу. Пусть говорятъ сколько хотятъ что я поступилъ неблагоразумно, что недостаточно произвесть на свѣтъ дѣтей, надо ихъ воспитать и приготовить имъ приданое; я знаю то что родительское чувство наполнило необъятную пустоту существовавшую во мнѣ, дало недостававшую мнѣ опору и двигающую силу, которой я не зналъ прежде. Я сожалѣю что въ 48 году не былъ уже отцомъ семейства по крайней мѣрѣ лѣтъ пять или шесть!

„Литературное поприще мнѣ нынче почти совсѣмъ закрыто. Ни одинъ типографщикъ, ни одинъ книгопродавецъ въ Парижѣ не осмѣлился издавать или продавать что-нибудь мое. Всякая книга подписанная моимъ именемъ должна исчезнуть съ оконъ магазиновъ и изъ каталоговъ. Я жаловался на этотъ остракизмъ полиціи, которая отвѣчала мнѣ

шутками. Мнѣ оставался книгопродавецъ съ которымъ я условился объ одномъ важномъ историческомъ трудѣ; но этотъ книгопродавецъ разорился вслѣдствіе положенія въ какое поставлена печать послѣ 2го декабря, и ликвидировалъ. Въ настоящую минуту я принялъ на себя, не оставляя своихъ занятій, редакцію нѣкоторыхъ частныхъ бумагъ для лицъ согласныхъ воспользоваться моими услугами. Хотѣлъ пріискать себѣ какое-нибудь частное мѣсто, но всѣ съ ужасомъ бѣжали отъ меня; повидимому общество, серіозно убѣдившись что я его величайшій врагъ, исключило меня изъ своей среды. *Terra et aqua interdictus sum!*

„Вообще впрочемъ жизнь моя спокойна; я не испытываю никакихъ передрягъ. Полиція знаетъ что̀ я за человѣкъ, знаетъ что я въ душѣ столько же гнушаюсь якобинцами, какъ и легитимистами, что я равнодушенъ къ политической формѣ и скептически отношусь ко всякому авторитету, и что меня гораздо болѣе заботятъ задачи и обязанности власти, чѣмъ ея титулы.“

Стараясь придти какъ-нибудь на помощь своему затруднительному финансовому положенію, Прудонъ занялся интересами одной частной компаніи капиталистовъ и пытался получить для нея концессію; но правительство, освѣдомившись объ участіи какое принималъ въ этомъ дѣлѣ Прудонъ, отказало въ ходатайствѣ. Компанія, желая вознаградить Прудона за принятые имъ на себя въ этомъ дѣлѣ труды, предложила ему 20.000 франковъ, но онъ отклонилъ это предложеніе. Онъ продолжалъ свою скромную жизнь кабинетнаго труженика, въ особенности много работая надъ исторіей. Наука эта интересовала его не со стороны факта, но преимущественно со стороны философской. Онъ изучалъ ее для обобщеній и выводовъ, которые должны были поставить исторію въ связь съ законами и явленіями экономическими. „Рядомъ съ политическою экономіей — писалъ онъ къ тому же лицу — я принялся изучать исторію, и пришелъ къ убѣжденію что освѣщенная новою наукой, она сама представляетъ цѣлый новый міръ для изслѣдованія. У меня уже накопилось на десять тысячъ франковъ разныхъ замѣтокъ, собранныхъ отчасти мною самимъ, отчасти моими двумя сотрудниками; издержки этихъ приготовительныхъ работъ принялъ на себя одинъ несчастный книгопродавецъ, раззоренный въ послѣдствіи переворотомъ 2го декабря. Ты понимаешь

что я не могу отказаться отъ этого труда, цѣнность котораго, если мнѣ удастся привести его къ концу, легко можетъ учетвериться и даже удесятериться. Я далъ этому труду — ты опять обвинишь меня въ тщеславіи — я далъ этому труду, единственному въ своемъ родѣ, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, названіе *Chronos*, чтобъ онъ представилъ нѣчто подобное книгѣ Гумбольдта *Cosmos*, которая тебѣ конечно извѣстна.“ Эти занятія помогали Прудону терпѣливо переносить политическое бездѣйствіе, на которое онъ былъ осужденъ ходомъ событій; въ нихъ почерпалъ онъ и увѣренность что въ немъ сохранялись и крѣпли его интеллектуальныя силы. „Меня считаютъ — писалъ онъ — раздавленнымъ, мертвымъ, считаютъ что со мною совсѣмъ покончили. Духовенство, судьи, старыя партіи и секты ликуютъ. На самомъ же дѣлѣ я только стушевался; и если я не ошибаюсь на счетъ своихъ силъ, современемъ убѣдятся что до сихъ поръ видѣли только половину того что̀ во мнѣ заключается“.

Мы сказали что для насъ особенно любопытны письма Прудона выражающія мнѣнія и впечатлѣнія его относящіяся до событій Восточной войны. Въ этихъ письмахъ высказался голосъ партіи для которой интересы демократіи и революціи были гораздо ближе вопросовъ національной чести и военной славы. Такая точка зрѣнія помогла Прудону отнестись критически къ истиннымъ цѣлямъ и побужденіямъ Наполеоновской политики и сохранить въ самый разгаръ войны довольно безпристрастное отношеніе къ Россіи, вообще чуждое французскимъ публицистамъ. Для Прудона въ Крымской экспедиціи не существовало никакого національнаго вопроса; въ его мнѣніи это была чисто политическая игра, на которую рискнулъ Наполеоновскій режимъ ради своихъ собственныхъ интересовъ, связавъ съ ними и общіе интересы реакціонной партіи. Съ этой точки зрѣнія, каждый успѣхъ французскаго оружія являлся побѣдою реакціи, каждый уронъ приносилъ надежду на скорое разрушеніе только-что возникшей Имперіи. Въ русской политикѣ, напротивъ, Прудонъ видѣлъ солидарность съ европейскою революціей, такъ какъ онъ предполагалъ сначала что императоръ Николай, въ виду грозной коалиціи западныхъ державъ, выдвинетъ на первый планъ вопросъ объ освобожденіи славянскихъ племенъ изъ-подъ иноземнаго господства. Въ такомъ

предположенія, онъ считалъ побѣду Россіи несомнѣнною, и заранѣе торжествовалъ ее. Вотъ что̀ писалъ онъ въ апрѣлѣ 1854 года, въ самомъ началѣ войны: „Система реакціи, управляющая съ 25го февраля страною подъ именами Ламартина, Ледрю-Роллена, Кавеньяка, Бонапарта и Наполеона III, близится къ своему апогею и къ своему концу. Это она, въ послѣднія шесть или восемь недѣль, дала Восточному вопросу, легкомысленно поднятому въ Тюилери, оборотъ священнаго союза, направленнаго въ одно и то же время и противъ Царя, главы греко-славянской революціи, и противъ соціалистскихъ революціонеровъ, болѣе или менѣе вѣрно представляемыхъ Кошутами, Маццини и пр. Отсюда кутерьма, съ каждымъ днемъ все болѣе очевидная, въ которую стремится западная Европа, отсюда явное безсиліе англо-франко-турецкой коалиціи противъ рѣшительнаго движенія къ освобожденію христіанскихъ народностей Турціи, подготовлявшагося въ теченіи двухъ вѣковъ и поддерживаемаго императоромъ Николаемъ. Что̀ можетъ сдѣлать, спрашиваю васъ, реакція подписанная Друэнъ-де-Люисомъ, Джономъ Росселемъ и Решидъ-пашей, противъ соединенныхъ силъ Царя и революціи? Что̀ значутъ эти сорокъ съ чѣмъ-то тысячъ человѣкъ противъ главы государства располагающаго милліономъ солдатъ, становящагося представителемъ свободы и начинающаго съ того что сжигаетъ свои форты, высаживаетъ на сушу свои морскія силы, и не принимая битвы на морѣ, уводитъ корабли и запираетъ всѣ проходы на Дунаѣ, въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ? Предпріятіе невозможное, и не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ какъ политика Друэновъ и Росселей будетъ освистана... Христіане греческаго исповѣданія, также какъ и католики, хотятъ быть хозяевами у себя дома; ничто не можетъ быть справедливѣе. Они призываютъ на помощь императора Николая — это ихъ право. До сихъ поръ, за́падная революція ничего не можетъ возразить. Она не можетъ безъ всякаго предлога взять сторону Турокъ, и съ этой точки зрѣнія я оплакиваю журнальный походъ предпринятый вашимъ другомъ Жирарденомъ. Все что̀ западной революціи надлежитъ здѣсь сдѣлать, это признать новую народность и протестовать противъ всякаго раздѣла и дробленія. Подъ видомъ ли королевства, имперіи, республики или федераціи, необходимо турецкимъ провинціямъ образо-

вать новое и независимое государство; вотъ все что можетъ сдѣлать Франція, все чего можетъ требовать революція:

„Реакція 1848—54 годовъ думала сдѣлать въ Константинополѣ второе изданіе Римской экспедиціи; возбудили шовинистскій духъ страны противъ казаковъ; стали гремѣть противъ Царя, тогда какъ слѣдовало войти съ нимъ въ соглашеніе чтобы покончить съ Турками, хотя бы вслѣдъ затѣмъ пришлось драться за независимость новаго государства. И послѣ цѣлаго ряда ошибокъ, похваляются низвергнуть сѣвернаго деспота съ помощью нѣсколькихъ полковъ, когда *великій человѣкъ* потерпѣлъ въ томъ неудачу съ полмилліономъ солдатъ!

„Повторяю вамъ, реакція 48го года сама себя заклала; *система* близится къ концу, и можетъ случиться что династія Бонапартовъ, прежде чѣмъ дать себя выгнать какъ она того заслуживаетъ, сдѣлаетъ налѣво кругомъ и укроется въ глубокихъ нѣдрахъ революціи.“

Въ іюлѣ 1854, когда торжество Россіи едва ли кому представлялось несомнѣннымъ, Прудонъ продолжалъ относиться къ Крымской экспедиціи самымъ критическимъ образомъ. Его возмущало лицемѣріе съ какимъ Англія и Франція приходили въ ужасъ отъ предложеній русской политики. „Если что дѣйствительно постыдно — писалъ онъ — это не заявленія лорда Сеймура, а лицемѣрный скандалъ произведенный ими. Какъ! Англія, приглашающая бѣднаго Абдулъ-Меджида отречься отъ заблужденій Корана, приведена въ краску стыда словами императора Николая? Не хотятъ слышать о смерти Турціи, хотятъ чтобъ она была жива! Уваженіе къ слабымъ! необходимость неприкосновенности Турціи для европейскаго равновѣсія! Вотъ дипломатія Друэнъ-де-Люиса, дѣятеля Римской экспедиціи! Кто заставлялъ васъ принимать предложенія Царя? Дѣлая ихъ, Царь открываетъ пренія, ставитъ вопросъ; надо было изслѣдовать, оспаривать, противополагать, чтобы приготовить основанія для договора.“ Переходя къ предполагаемымъ результатамъ какихъ Франція можетъ ожидать отъ войны, Прудонъ говоритъ: „Съ Востока мы не получимъ ничего, ни копѣйки, ни даже славы.... Третьяго дня императорскимъ декретомъ открытъ военному министру чрезвычайный кредитъ въ 52 милліона на потребности экспедиціи; это составляетъ уже 302 милліона. Вы знаете что если государ-

ство дѣлаетъ заемъ, стало-быть деньги уже истрачены; мы имѣемъ время дойти къ концу декабря до полумилліарда.

„Вы говорите мнѣ что Русскіе будутъ побиты. Я желалъ бы этого. Но это нисколько не подвинетъ насъ, и хуже всего будетъ если мы возьмемъ у нихъ провинцію, которую надо будетъ сохранять. Мы влутались въ предпріятіе которое на худой конецъ будетъ стоить намъ 50 тысячъ человѣкъ и 200 милліоновъ франковъ въ годъ. Скоро поймутъ это, и придетъ день когда контръ-революція, для которой Наполеонъ III служитъ только мало-любимымъ орудіемъ, скажетъ: стой!

„Стой—это значитъ отреченіе."

Такого результата главнымъ образомъ чаялъ Прудонъ отъ англо-французской коалиціи, и съ этой только стороны она интересовала его. Онъ настаивалъ на томъ что война противъ Россіи есть война Наполеоновской реакціи противъ революціи. „Давно уже, писалъ онъ, вопросъ о Гробѣ Господнемъ тутъ ни причемъ; повѣрьте мнѣ что въ эту минуту и сама Турція ни причемъ, и восточные христіане ни причемъ, и Россія ни причемъ. Все дѣло въ спасеніи стараго порядка вещей."

Любопытны мысли Прудона о тѣхъ явленіяхъ въ жизни и въ положеніи западной Европы которыя дѣлали войну съ Россіей чрезвычайно популярною. Мнѣніе радикала и демократа въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе замѣчательно что оно вовсе не отзывается той предвзятою ненавистью и злобой ко всему русскому, которою отличалась тогда гораздо болѣе умѣренная европейская печать. „Старая Европа, говоритъ Прудонъ, больна, очень больна. Она умираетъ подобно Турціи, цѣпляясь за всякаго шарлатана, молясь всѣмъ Мадоннамъ; нѣтъ надобности чтобъ императоръ Николай доказалъ вамъ это. Озабоченное своею болѣзнью, старое общество вздумало воевать; оно вообразило что это вылѣчитъ его. Въ Англіи есть старая аристократія, себялюбивая, сварливая, гордость которой страдаетъ отъ того что среднее сословіе давитъ ее, и что промышленная буржуазія, кобденизмъ, чартизмъ, волненіе на континентѣ—все это толкаетъ ее куда-то туда гдѣ она не видитъ больше ни зги. Эта старая аристократія мечтаетъ теперь о чемъ-нибудь въ родѣ борьбы Питта съ республикой и съ имперіей.

„Въ Германіи буржуазія вчетверо тулѣе нашей и помѣ-

шана на парламентарныхъ учрежденіяхъ. Съ такимъ же ужасомъ какъ и парижская буржуазія или англійская аристократія относясь къ соціалистской демократіи, это нѣмецкое бюргерство не желаетъ болѣе монархій на божественномъ правѣ и ждетъ конституціонной хартіи. Кто же въ его глазахъ врагъ хартій? Императоръ Николай. Думаютъ что когда надъ нимъ одержана будетъ побѣда, парламентарная свобода не встрѣтитъ болѣе препятствій. Отсюда необычайная популярность какою пользуется въ Германіи англо-французское предпріятіе. Чернь вмѣшивается въ дѣло, ненависть къ славянскому племени ударяетъ въ голову, и весь міръ кричитъ: долой казаковъ! Прекрасно, мои буржуа. Но вспомните 1814—1815 годы: какъ только Наполеонъ былъ подавленъ, короли забыли свои обѣщанія. Они явились побѣдителями; идите же требовать хартій отъ побѣдителей.

„Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, всегда зоркаго, Пруссія и Австрія зашевелились. Боже мой, какъ все соединилось чтобы помочь имъ.

„Никто не понимаетъ ихъ политики, тогда какъ она совершенно ясна. Очень естественно что королю Прусскому и императору Австрійскому надоѣли интриги бюргеровъ, демократическіе и революціонные происки, и что имъ немного наскучило высокое и могущественное покровительство императора Николая. А тутъ французское и англійское правительства предлагаютъ имъ гарантіи противъ демагоговъ, французская буржуазія произноситъ свое *mea culpa*, нѣмецкое бюргерство предлагаетъ имъ свои талеры для покупки ружей противъ казаковъ и республиканцевъ; султанъ, отдавая послѣдній вздохъ, проситъ своего добраго друга Фердинанда принять въ свое владѣніе Молдавію и Валахію.... И вы удивляетесь что Австрія,—не слишкомъ однако впутываясь въ дѣло, Боже сохрани!—открываетъ уши внушеніямъ Наполеона III, главы новаго священнаго союза?

„Что до Россіи, не пугайтесь слишкомъ: я думаю ее побьютъ, сожгутъ ея флоты, чего Англіи въ особенности хочется; затѣмъ каждый возьметъ свою долю въ наслѣдіи Абдулъ-Меджида.... Когда дѣла повернутся такимъ образомъ,—а какъ вы хотите чтобъ они иначе повернулись?—Франція, истощенная деньгами и людьми, довольно уже наскучившая своимъ Алжиромъ, консервативная Франція закричитъ Наполеону: стой!

„Стой, то-есть довольно мнѣ тебя, другъ мой, уходи себѣ! И лишь только императоръ Николай захочетъ показать себя удовлетвореннымъ и войти въ соглашеніе съ консервативными державами—Наполеонъ III, лишенный партіи, лишенный корней, не имѣя мѣста въ порядкѣ вещей, становится безсмыслицей и принужденъ отречься въ пользу графа Парижскаго, который, будучи великодушнѣе узурпатора 2го декабря, вознаградитъ его приличною пенсіей.“

Мысль что Вторая Имперія должна пасть подъ стѣнами Севастополя не покидала Прудона до самого конца войны. Это обычный припѣвъ всѣхъ его писемъ того времени. „Всѣ чувствуютъ, писалъ онъ напримѣръ въ сентябрѣ 1854 года, что мы близимся къ кризису. Если за опустошеніями произведенными холерой послѣдуетъ военная неудача, весьма возможно что Имперія взлетитъ на воздухъ.“ Ходъ военныхъ дѣйствій, какъ и самое предпріятіе, подвергались съ его стороны безпощадной критикѣ; онъ настаивалъ что даже государственные интересы Франціи компрометтированы въ этомъ дѣлѣ, что даже въ случаѣ полной удачи, страна не можетъ ожидать отъ дорого стоющихъ побѣдъ ни малѣйшей выгоды. „Не сомнѣваются, писалъ онъ, что союзники наконецъ возьмутъ Севастополь. Но что̀ же это будетъ за добыча? Въ дѣловой рѣчи подобный языкъ не долженъ быть терпимъ. Севастополь обойдется союзникамъ, со времени высадки, въ 40 или 50 тысячъ человѣкъ и въ милліардъ денегъ. Они не найдутъ тамъ и на милліонъ мѣди, желѣза, чугуна, остатковъ русскаго арсенала, которые непріятель, переходя чрезъ рейдъ по понтонамъ, не въ состояніи будетъ унести, да еще осколки нашихъ собственныхъ гранатъ. Севастополь—городокъ въ которомъ не болѣе трехъ тысячъ не-военнаго населенія; въ немъ нѣтъ ни магазиновъ, ни фабрикъ, ни цѣнныхъ движимостей; казармы, камни, вотъ и все. Когда городъ и портъ будутъ взяты приступомъ, придется начать вторую осаду чтобы выгнать непріятеля изъ укрѣпленій Сѣверной Стороны и уничтожить стотысячную армію, что̀ также будетъ стоить людей и денегъ. Когда все это будетъ сдѣлано, мы окажемся хозяевами Крымскаго полуострова — необъятной степи, равняющейся цѣлому нашему Франшъ-Конте и въ которой едва насчитываютъ 200.000 бѣдныхъ татарскихъ поселянъ. Чтобы сохранить это пріобрѣтеніе, намъ

понадобится по меньшей мѣрѣ 50.000 человѣкъ. И это будетъ только начало войны!“

Въ январѣ 1855 года Прудонъ считалъ экспедицію окончательно неудавшеюся. „Мы ввязли въ предпріятіе изъ котораго не выйдемъ со славою, если будутъ упорствовать въ образѣ дѣйствій принятомъ до сихъ поръ. Здѣсь всѣ кто только не клянется „счастьемъ Цезаря“, считаютъ союзную армію погибшею; полагаютъ по меньшей мѣрѣ что ее нельзя спасти не принявъ одной изъ двухъ мѣръ, на которыя правительство одинаково не можетъ рѣшиться: послать 300.000 солдатъ къ Пруту, или заключить миръ на условіяхъ предложенныхъ Царемъ. Что касается Турціи, она не оправится отъ услуги оказанной ей Англо-Французами: конецъ ея пришелъ. Такимъ образомъ, какъ бы ни разрѣшился вопросъ, пораженіемъ или униженіемъ, трудно будетъ новой Имперіи устоять: ея конецъ также насталъ!“ „Мы осаждены въ нашемъ лагерѣ, писалъ Прудонъ въ другомъ письмѣ отъ того же числа, день и ночь тревожитъ насъ непріятель, подкарауливающій часъ нашей слабости и отчаянія; у насъ нѣтъ болѣе лошадей чтобы двигать артиллерію; нѣсколько разъ уже наши солдаты принуждены были довольствоваться половинными раціонами; наши несчастные новобранцы прибываютъ въ Крымъ, послѣ трехъ недѣль труднаго плаванія, только для того чтобы поступить въ госпиталь; наконецъ, ужасная вещь — армія не можетъ, когда захочетъ, сѣсть вновь на суда; она осуждена побѣдить, а побѣда ей такъ трудна! Сжечь, стереть Севастополь еще не значитъ побѣдить; нужно овладѣть мѣстомъ, арміей, цитаделью, прогнать Русскихъ, занять Перекопъ; все вещи невозможныя для арміи потерявшей лошадей и не могущей удалиться на двѣ мили отъ флота, ея единственной опоры.“

Два мѣсяца спустя, по поводу одной брошюры, напечатанной въ Бельгіи и подвергшейся преслѣдованію французскаго правительства, Прудонъ возвращается къ перечисленію потерь понесенныхъ союзниками въ Крыму. „По словамъ этой *записки*, число офицеровъ и солдатъ выбывшихъ изъ строя съ начала экспедиціи достигаетъ 18.000 человѣкъ. Три недѣли раньше мнѣ называли, на основаніи министерскихъ свѣдѣній, цифру 75.000 человѣкъ. Всѣ знаютъ и не сомнѣваются болѣе что безпорядокъ, лишенія, смертность въ нашей крымской арміи ужасны и что мы также мало

пощажены какъ и Англичане. Офицеры и солдаты пишутъ друзьямъ что не надѣются болѣе увидѣть Францію и т. д. Эти факты, обличенные принцемъ Наполеономъ, признанные генералами Ніелемъ и Канроберомъ, заставили императора рѣшиться ѣхать въ Крымъ и принять на себя руководство военными дѣйствіями. Его отъѣздъ, назначенный на 20е февраля, отложенъ уже до 20го марта, чѣмъ доказывается что само правительство не считаетъ штурмъ возможнымъ ранѣе 15го апрѣля. Я очень опасаюсь что если Наполеонъ не поспѣшитъ заключить миръ, положеніе его будетъ сильно поколеблено. Въ настоящую минуту обаяніе его уничтожено; буржуазія никогда не была на его сторонѣ, а теперь онъ потерялъ также рабочихъ и крестьянъ. Вотъ уже шесть недѣль какъ царствуетъ волненіе въ умахъ, и оно понемногу переходитъ къ массамъ. Наполеонъ III совершенно одинъ посреди своего царства. Отъ министровъ до послѣдняго наемника каждый готовъ повернуться къ нему спиной и пристать къ Орлеанской династіи. Ждутъ только случая. Я могъ бы указать вамъ множество признаковъ обличающихъ тайную, всеобщую конспирацію; но лучше скажите сами себѣ: много ли вы видите вокругъ себя бонапартистовъ?“ Въ концѣ того же мѣсяца Прудонъ добавляетъ: „Деньги, люди, все исчезаетъ съ разорительною быстротой; нищета растетъ, партіи ропщутъ, волнуются, приготовляются въ ожиданіи бѣдствія; охранительные интересы вопіютъ громко и требовательно. Общественное мнѣніе въ послѣднія двѣ недѣли сложилось въ томъ смыслѣ чтобы принять предложеніе Россіи, то-есть отказаться отъ Севастополя.“

Дальнѣйшія письма Прудона представляютъ новое подтвержденіе того, сдѣлавшагося уже общеизвѣстнымъ, факта что истощеніе союзниковъ росло въ 1855 году вмѣстѣ съ истощеніемъ Россіи и что исходъ войны зависѣлъ отъ послѣдняго напряженія съ той или съ другой стороны. Положеніе Наполеона III, въ виду всеобщаго возрастающаго неудовольствія, стало до того затруднительно что миръ представлялся ему столь же необходимымъ, какъ и измученнымъ защитникамъ Севастополя. Еслибъ осажденные могли продержаться осень 1855 года, союзники по всей вѣроятности сняли бы осаду, такъ какъ вторично зимовать подъ стѣнами Севастополя для нихъ не представлялось возможности. Послѣ отбитія штурма Малахова Кургана въ іюлѣ мѣсяцѣ,

союзная армія дошла до высшей степени деморализаціи; къ несчастію, неудачное Инкерманское дѣло, нанеся намъ невознаградимыя потери, ободрило непріятеля. Тѣмъ не менѣе, положеніе французской арміи и французскаго правительства было отчаянное. „Правительство, писалъ Прудонъ въ началѣ сентября новаго стиля, страшно нуждается въ побѣдѣ и стремится купить ее всякою цѣной. Севастополь или смерть—вотъ крайность въ какую оно приведено. Сильное волненіе господствуетъ во многихъ департаментахъ; попытка возстанія, очень важная, имѣла мѣсто въ Анжерѣ, и не удалась потому что правительство было вóвремя предупреждено; въ Кото, на сѣверѣ, водили въ дѣло кирасировъ; Ньевръ весь переполненъ тайными обществами; императорскіе прокуроры доносятъ со всѣхъ сторонъ что демагогія подымаетъ голову и пр. Отъ Бордо до Бреста заговоръ зрѣетъ среди бѣла дня. Нужна побѣда, громадная побѣда, или все потеряно.“ Авторъ письма повторяетъ что Канроберъ настаиваетъ на отъѣздѣ императора въ Крымъ и что императорскій багажъ уже высланъ впередъ. По этому поводу онъ приводитъ каламбуръ французскихъ солдатъ: „Oui, disent les troupiers, nous avons la *tante*, mais nous ne voyons pas le *neveu* (непереводимая игра словъ: tante—тетка и tente—палатка).

Прудонъ полагаетъ что Англія въ той же мѣрѣ утомлена войною какъ и Франція, но по его соображеніямъ она имѣетъ особыя причины желать чтобы примиреніе между Франціей и Россіей какъ можно долѣе не могло состояться. Эти причины онъ видитъ въ вопросѣ о Суэцскомъ перешейкѣ, разрѣшеніе котораго, отодвигаемое войною, грозило торговымъ интересамъ Великобританіи. Прорытіе Суэцскаго канала, приближая Францію, Италію и Россію къ Индіи, доставляло этимъ державамъ господство надъ средиземными водами, несмотря на то что Англія владѣетъ тамъ Гибралтаромъ, Мальтой и Корфу. „Предположите, говоритъ Прудонъ, что Франція, послушавшись внушеній императора Николая, согласилась бы устроить вмѣстѣ съ Австріей и Россіей участь Оттоманской Имперіи. Она могла бы это сдѣлать, и Англія, оставленная въ сторонѣ, принуждена была бы разрываться отъ печали и изрыгать безсильныя угрозы. Не взирая на Гибралтаръ, Мальту и Корфу, Россія и Франція, соединивъ свои эскадры, были бы полными хозяевами Средиземнаго моря и предписывали бы его водамъ свои законы.

Африка почти вся поступила бы подъ покровительство Франціи, Царь покончилъ бы съ кавказскими горцами и придвинулся бы къ Евфрату, который, соединясь съ Чернымъ Моремъ, поставилъ бы Москву въ непосредственное сообщеніе съ Калькуттой. Судьба міра была бы такимъ образомъ устроена помимо Англіи и вопреки Англіи.... Вотъ это-то и заставляетъ препятствовать заключенію мира, или по крайней мѣрѣ оттягивать его сколько можно. Разрѣшеніе вопроса лежитъ въ Суэцѣ; и прорытію перешейка будутъ всячески препятствовать. Союзъ Франціи съ Россіей будетъ для Великобританіи рѣшительнымъ ударомъ; поэтому надо во что бы то ни стало поддерживать войну. Англичане знаютъ что имѣютъ дѣло съ честолюбцемъ; они расточаютъ ему похвалы, удивляются ему, ласкаютъ его, посылаютъ королеву древней крови съ любезностями къ Mlle Теба. Франція не только сражается для Англичанъ на свой собственный счетъ, она бьется противъ своихъ интересовъ, противъ своей законной судьбы."

Понятно что относясь къ великой международной драмѣ съ исключительной точки зрѣнія демократа и республиканца, Прудонъ въ торжествѣ императорскихъ войскъ видѣлъ только пораженіе нанесенное интересамъ партіи которой онъ служилъ. Обаяніе національной славы было ему совершенно чуждо; онъ съ горечью принялъ извѣстіе о томъ что французскій флагъ развивается на Малаховомъ Курганѣ. Онъ писалъ тогда одному изъ друзей своихъ: „Выборы 48 года, рѣзня 51 года и севастопольскіе трофеи — вотъ три печали моего сердца. Первые показали намъ мудрость народныхъ массъ и ихъ презрѣнные инстинкты; вторая среди рукоплесканій положила начало капральской тиранніи; послѣдніе ее освятили и увѣнчали."

Замѣчательно что въ то время когда Прудонъ давалъ печальный примѣръ отсутствія національнаго чувства,—явленіе понятное въ странѣ гдѣ политическія и соціальныя революціи оставили такіе глубокіе слѣды какъ во Франціи,—съ нимъ въ этомъ отношеніи сошелся выходецъ изъ страны явившей въ эту тяжкую годину знаменія высокаго патріотическаго напряженія. Въ то время какъ вся Россія со скорбнымъ участіемъ слѣдила за кровавою борьбой, длившеюся подъ стѣнами Севастополя, Герценъ приступалъ къ изданію періодическаго сборника, имѣвшаго цѣлью подрывать авторитетъ

русскаго правительства и государства, и запасался связями въ западно-европейской революціонной партіи. Между прочимъ онъ обратился и къ Прудону, приглашая его сотрудничать въ своемъ изданіи. Въ шестомъ томѣ *Correspondence* etc. есть отвѣтъ Прудона на это приглашеніе, любопытный во многихъ отношеніяхъ. Письмо помѣчено 23го іюля 1855 года. „Наши идеи — писалъ французскій радикалъ русскому эмигранту—я полагаю, однѣ и тѣ же; наши интересы солидарны; наши надежды сходятся. Отъ одной окраины Европы до другой, одна мысль, одинъ лучъ озаряетъ всѣ свободныя сердца. Не сговариваясь и не списываясь, волею или неволею, мы сотрудники другъ друга... Но увы! какъ трудна наша задача. Тогда какъ вы занимаетесь преимущественно правительствами, я имѣю дѣло съ управляемыми. Прежде чѣмъ нападать на деспотизмъ властителей, не слѣдуетъ ли сначала побороть его въ самихъ солдатахъ свободы? Знаете ли что никто такъ не походитъ на тирана, какъ народный трибунъ, и не казалась ли вамъ много разъ нетерпимость мучениковъ столь же ненавистна какъ и ярость преслѣдователей? Не потому ли такъ трудно побороть деспотизмъ что онъ находитъ опору въ интимномъ чувствѣ своихъ противниковъ, вѣрнѣе сказать соперниковъ — до такой степени что искренно-либеральный писатель, истинный другъ революціи, часто не знаетъ въ какую сторону долженъ онъ направить свои удары—противъ стачки угнетателей или противъ нечистой совѣсти угнетаемыхъ? Развѣ вы никогда не были скандализованы и приводимы въ отчаяніе лицемѣріемъ и макіавелизмомъ тѣхъ кого европейская демократія терпитъ и признаетъ своими вождями? Не производите раздора въ виду непріятеля, скажете вы мнѣ. Но, дорогой Герценъ, что опаснѣе для свободы—разладъ или измѣна?“ Читателямъ извѣстно изъ посмертныхъ бумагъ Герцена что русскій эмигрантъ въ послѣдніе годы своей жизни пришелъ къ той самой точкѣ зрѣнія на которую Прудонъ старался поставить его за пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, и что самые мѣткіе, хотя запоздалые удары его остроумія упали на тѣхъ кому онъ такъ долго служилъ и въ комъ такъ горько разочаровался.

Въ то время когда Прудонъ писалъ это письмо, французскія газеты много занимались слухами (слишкомъ преждевременными) о намѣреніи новаго русскаго правительства расширить привилегіи Царства Польскаго. Прудонъ былъ чрез-

вычайно заинтересованъ этими слухами и какъ видно сильно преувеличивалъ ихъ и придавалъ всему дѣлу вовсе несвойственную ему окраску. „Тогда какъ Западъ—писалъ онъ Герцену—сражаясь за Турцію, объявляетъ себя разомъ противъ Царя и противъ революціи, Царь призываетъ къ себѣ революцію! Съ Востока отнынѣ идетъ къ намъ свобода—продолжаетъ онъ, перефразируя извѣстныя слова Вольтера; съ Востока считаемаго варварскимъ, изъ отечества послѣднихъ рабовъ, изъ страны номадовъ, течетъ къ намъ жизнь нравственная, убитая на Западѣ буржуазнымъ себялюбіемъ и якобинскою глупостью. Тогда какъ матеріализмъ пожираетъ насъ, эпидемія и картечь истребляютъ нашу несчастную армію, Русскій народъ влекутъ на поле битвы чувства облагораживающія человѣческую душу—національность, религія, ненависть къ варварству и—сказать ли?—надежда свободы, возжигаемая Царемъ. Исторія полна подобныхъ противорѣчій.“

Мечта увлекаетъ Прудона далѣе—онъ уже думаетъ о томъ, въ состояніи ли будутъ французскіе солдаты перенести на родину изъ-подъ стѣнъ Севастополя свѣточъ пламенѣющій въ Россіи. Онъ не надѣется, онъ ничего не ждетъ отъ „солдатъ папы и императора, Римской экспедиціи и 2го декабря.“ Но перо писателя можетъ сдѣлать то на что негодны солдаты, пораженные духомъ казармы и *механизаціей* дисциплины. „Съ береговъ Черной, Днѣпра и Вислы свобода принесется на крыльяхъ мысли и чтобы пристыдить старый революціонный городъ. Тогда міръ узнаетъ, Франція ли, побѣдительница въ Крыму, держитъ скипетръ цивилизаціи и прогресса, или этотъ скипетръ уступленъ ею Россіи, ея побѣжденному врагу—но въ такомъ случаѣ истинному побѣдителю.“

Оканчивая на этой куріозной выходкѣ обзоръ послѣднихъ томовъ *Переписки Прудона*, напомнимъ то что было сказано нами въ началѣ статьи: Прудонъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей современной Франціи, съ ея живучестью и съ ея элементами разложенія. Сынъ своего вѣка, онъ вкусилъ отъ его ядовитаго плода, и тамъ гдѣ дѣло касается заповѣдныхъ вопросовъ соціальной революціи, самобытная дѣятельность его мысли прекращается и предъ читателемъ выступаетъ человѣкъ партіи, поклоняющійся своимъ фетишамъ.

V. W.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА
ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

I.

Въ концѣ 1863 года, безпристрастному наблюдателю наша привислинская окраина представлялась въ отчаянномъ положеніи. Вся общественная жизнь была потрясена до глубины основаній. Всѣ элементы гражданскаго общества выступили изъ своихъ естественныхъ предѣловъ, забыли свои сферы, метались въ какой-то фантасмагоріи, переживали вновь, подъ новыми юридическими и политическими нормами, то броженіе которому нерѣдко подвергалась во время оно Рѣчь Посполитая. Къ исторической шляхетской наклонности къ хаотическимъ движеніямъ присоединился организованный терроръ. Революціонная партія была единственною организованною силой и не встрѣчала отпора ни со стороны измѣнявшей правительству мѣстной администраціи, ни со стороны считавшихся надежнымъ элементомъ консерватизма мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ни со стороны здороваго третьяго трудоваго сословія, которое никогда не существовало въ Польшѣ какъ замѣтная, самостоятельная общественная сила. Терроръ, ослабѣвшій въ Вар-

шавѣ, пустилъ глубокіе корни въ областяхъ. Революціонные агенты разсылались по всей странѣ и страхомъ смерти владычествовали надъ сельскимъ населеніемъ. Русскіе отряды были рѣдки. Сельское населеніе глубоко деморализовалось, подчиняясь то революціи, то правительственной власти. Вслѣдъ за шайкой повстанцевъ проходилъ нашъ отрядъ, вслѣдъ за отрядомъ появлялся делегатъ революціи, и сельскій житель, волей-неволей подчиняясь всякой силѣ, неся кару за невольное подчиненіе, могъ сознавать лишь одно — свое собственное безсиліе, свою безпомощность. Семейный союзъ, расшатавшійся тоже въ безпутное время раздѣловъ Польши, представлялся въ самомъ печальномъ видѣ. Изъ героинь Мицкевича, не Іося, а Гражина носились идеалами предъ польскими женщинами. Забывая свой очагъ, свою семью, онѣ вполнѣ предались политической агитаціи. Сынъ, отецъ, мужъ, братъ, все исчезало у нихъ въ понятіи патріота. Въ политической восторженности ихъ чувствовалось горячее вѣяніе религіознаго фанатизма. Въ тѣсномъ союзѣ съ женщинами чрезъ исповѣдальню стояло латинское духовенство. Оно властвовало надъ женщинами, которыхъ въ Польшѣ искони религіозное воспитаніе подготовляло къ экзальтированности, властвовало чрезъ женщинъ надъ мущинами и было политическимъ рычагомъ первостепенной важности. Католическій священникъ или монахъ не привязанъ къ странѣ родствомъ и семьей, какъ православный, не ограниченъ общиной, какъ у протестантовъ: онъ живой членъ всемірной космополитической крѣпкой организаціи. Ему нечѣмъ рисковать, неуклонно осуществляя свои логическіе выводы, къ которымъ такъ приспособляется умъ латинскою теологіей, — если онъ одинаково дома въ Китаѣ и Парагваѣ, если онъ знаетъ что однимъ духомъ одушевлена организація его церкви во всей вселенной. При этой отрѣшенности и независимости отъ мѣстныхъ условій, при этомъ подчиненіи государственныхъ интересовъ страны церковной политикѣ, организація латинскаго духовенства проникнута духомъ безусловнаго послушанія и дисциплины. Безусловное подчиненіе личному, не соборному, началу дѣлаетъ изъ всего латинскаго духовенства превосходную боевую силу, воинствующую церковь въ полномъ смыслѣ слова. И эта сила, въ угоду которой въ конституціонную эпоху Царства и позже были перестроены гражданскіе законы французскаго

кодекса, на которую правительство долгое время, подъ вліяніемъ мистики Священнаго Союза, считало возможнымъ опираться, эта сила не могла забыть что до раздѣла она безусловно царила въ Польшѣ; что послѣ раздѣла лишь подчиняясь схизматикамъ или обманывая ихъ она могла удержать хотя часть своего прежняго значенія, что пропаганда для нея стала возможной лишь подъ условіемъ тайны, а явная преслѣдовалась. Эта сила, сосредоточившись вполнѣ на послушномъ ей стадѣ католиковъ, была намъ совершенно враждебна; подъ ея вліяніемъ, въ массѣ, религія слилась съ народностью; обѣ идеи неестественно срослись и произвели польскую вѣру и русскую вѣру, религіозная рознь раздула племенную и политическую непріязнь. На ряду съ неспособнымъ къ инициативѣ, проникнутымъ воспоминаніями и сожалѣніями о шляхетскомъ строѣ землевладѣльческимъ классомъ и фанатическимъ духовенствомъ стояла самая главная сила революціоннаго броженія—городское народонаселеніе, болѣе подвижное, ближе стоящее къ событіямъ и заключавшее въ своей средѣ значительную массу образованныхъ людей. Здѣсь идея шляхетскаго равенства перерабатывалась въ демократизмъ, демократизмъ организовался въ революціонную силу противъ Россіи; все было окрашено въ рѣзкій національный цвѣтъ. Въ городскихъ центрахъ выработалась рѣшительная партія движенія, партія красныхъ. Города поставили главный контингентъ молодыхъ силъ безвременно погибшихъ въ повстанскихъ бандахъ. Изъ мелкой землевладѣльческой и городской шляхты вышелъ и главный контингентъ чиновниковъ, наполнявшихъ коронную администрацію. Она была вся польская по личному составу, за исключеніемъ начальствующихъ лицъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ. Офиціальный языкъ былъ тоже польскій, несмотря на неоднократныя попытки правительства дать русскому государственному языку подобающее значеніе. Въ такомъ положеніи находился привислинскій край. Это броженіе началось уже давно. Неудачи Восточной войны подняли надежды польскихъ патріотовъ. Реформы въ автономическомъ смыслѣ въ Царствѣ Польскомъ, начавшіяся въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ войны, оживили ихъ. Наконецъ великая крестьянская реформа въ Россіи, при осуществленіи которой, по мнѣнію враждебныхъ Россіи агитаторовъ, не могло обойтись у насъ безъ крупнаго государственнаго или соціальнаго

катаклизма, показалась партіи движенія самой удобною минутой начать борьбу за независимость Польши. Въ ожиданіи внутреннихъ волненій, когда вниманіе правительства поглощено освобожденіемъ крестьянъ, казалось наступилъ самый благопріятный моментъ для возстанія. Возстаніе началось.

Но при самомъ началѣ революція натолкнулась на непредвидѣнный тормазъ, котораго нельзя было тронуть ни костельною проповѣдью, ни демократико-патріотическою пропагандой, еще менѣе картинами прошлаго; нельзя было потому что этотъ тормазъ представлялъ собою едва ли не исключительно экономическую силу, отрѣшенную въ теченіе многихъ вѣковъ отъ всякихъ идеальныхъ интересовъ, занятую исключительно заботой о хлѣбѣ и деньгахъ, шедшихъ къ панамъ и жидамъ за хлѣбъ. Мы говоримъ о крестьянствѣ. Эта равнодушная, безличная въ государствѣ и обществѣ, но живая, стихійная сила была страшна своимъ многолюдствомъ и исходъ дѣла зависѣлъ отъ того поднимется ли она за возстаніе, или останется спокойною. На этой безмолвной, нѣмой силѣ сосредоточился весь интересъ политической борьбы.

Вооруженное возстаніе началось въ Царствѣ если не безъ вѣдома, то противъ желанія аристократической *бѣлой* партіи. Терроръ оттолкнулъ бѣлыхъ отъ дѣятельнаго участія въ революціи. Крестьянскій вопросъ, разрѣшеніе котораго было во власти землевладѣльческаго класса, застигнутый возстаніемъ, остался неразрѣшеннымъ, и крестьяне, зная о правительственныхъ планахъ улучшить и регулировать ихъ экономическій бытъ, видѣли что это дѣло задержано шляхетскимъ политическимъ движеніемъ. Между тѣмъ начавъ возстаніе красные кромѣ словъ и убійствъ не имѣли никакихъ средствъ улучшить положеніе крестьянства, но ни того, ни другаго не было достаточно. До какой пассивности было исторически доведено польское крестьянство уже достаточно видно изъ того что оно не двигалось ни въ ту, ни въ другую сторону въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, когда вся страна, всѣ сословія были проникнуты революціоннымъ огнемъ. Ставъ рѣшительно на сторону правительства, крестьянство задушило бы мятежъ въ самомъ началѣ; примкнувъ къ мятежу, оно сдѣлало бы исходъ всего дѣла донельзя сомнительнымъ. Оно не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Наши отряды бьютъ мятежниковъ, гоняются за ними по лѣсамъ,

но въ концѣ 1863 года все-таки „владычество Россіи ограничивается лишь тѣмъ пространствомъ которое непосредственно доступно дѣйствію русскаго оружія; одно лишь *безотчетное сочувствіе* сельскихъ массъ и бодрая сила войска придаютъ владычеству Россіи въ Царствѣ наружный видъ дѣйствительности и всеобщности“. Въ это время, то-есть въ теченіе трехъ лѣтъ, безотчетно, но и бездѣятельно сочувствующее намъ крестьянство осыпается на перебой самыми льстивыми обѣщаніями и красной, и бѣлокостной партіи. Революціонныя власти отмѣняютъ крестьянскія повинности: крестьянство вбираетъ въ себя эти небывалыя льготы, перестаетъ платить за пользованіе землями и за тѣмъ остается попрежнему безучастнымъ къ дѣлу революціи. Зная историческій характеръ забитаго до степени быдла польскаго крестьянина, это странное положеніе его въ теченіи трехъ лѣтъ мы не можемъ объяснять исключительно „безотчетнымъ сочувствіемъ“ къ законному порядку. У польскаго крестьянина съ давнихъ поръ отечество не простиралось далѣе его загона; онъ съ давнихъ поръ привыкъ считать все выходящее изъ предѣловъ его тѣснаго кругозора дѣломъ панскимъ, то-есть ему совершенно постороннимъ, чужимъ. Эта безпочвенность главнымъ образомъ разстроила революціонные планы, а съ другой стороны, инерція сельскаго населенія уяснила правительству что странѣ, земскому міру и законному порядку, необходимы не политическія, административныя реформы, но коренное, органическое преобразованіе, которое должно начаться переустройствомъ поземельныхъ отношеній. Непрерывное военное положеніе, доблесть нашихъ войскъ, энергія военныхъ правителей, сила штыка, какъ оказалось, не помѣшали въ странѣ разразиться вооруженному возстанію, стало-быть не могли сами по себѣ служить гарантіей законному порядку и мирному развитію страны, несмотря на условія способствовавшія дѣйствительно небывалому въ исторіи Польши развитію матеріальнаго благосостоянія. Оказалось что всѣ умственныя силы страны развились въ направленіи враждебномъ Россіи, что революціонными началами, каждое на свой ладъ, проникнуты и бѣлокостный классъ аристократовъ помѣщиковъ, и латинское духовенство, и демократическое населеніе городовъ. Никто, казалось, не заинтересованъ въ охраненіи законнаго порядка. Консервативнымъ матеріа-

ломъ было одно польское крестьянство, до тѣхъ поръ неимущее и равнодушное, но которое нужно было сдѣлать имущимъ и заинтересованнымъ впредь въ охраненіи земскаго мира.

Таково было основаніе для всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ въ привислинскомъ краѣ. Систематизація, разработка и направленіе всего многосложнаго и многотруднаго дѣла преобразованія экономическаго и административнаго строя Царства Польскаго составляютъ незабвенную заслугу Н. А. Милютина. Основною мыслью всѣхъ этихъ работъ была ясно поставленная задача: органически связать привислинскій край съ прочими краями Россіи, „чего къ сожалѣнію до сихъ поръ (1863) не было". Мы здѣсь не будемъ распространяться о блистательно законченной операціи выкупа крестьянскихъ земель, объ общинной организаціи, о реформѣ въ сферѣ духовнаго вѣдомства, объ устройствѣ городовъ, о преобразованіи учебныхъ заведеній, объ объединеніи администраціи, о полицейскомъ устройствѣ; ближайшій предметъ подлежащій нашему разсмотрѣнію—судебная реформа въ Царствѣ; но намъ позволено будетъ упомянуть что широкій планъ задуманныхъ реформъ не исчерпывался совершеннымъ при жизни Н. А. Милютина. Ему совершенно ясно было видно что ни подворное, ни общинное землевладѣніе не можетъ застраховать страну отъ язвы бездомнаго, бродячаго пролетаріата, что поэтому необходимо организовать и примѣнять систему колонизаціи; онъ также ясно видѣлъ что гминная единица недостаточна, какъ единственная общественная форма, для пріученія общества къ законной дѣятельности, и предполагалъ преобразовать уѣздные и губернскіе совѣты „на началахъ болѣе соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ обобщившейся гражданственности". Но и на этихъ мѣропріятіяхъ не остановился въ самодовольствіи неутомимый государственный умъ почившаго дѣятеля. Всѣ эти мѣры, по его мнѣнію, имѣютъ лишь характеръ частный и переходный, онѣ необходимы впредь до окончательнаго устройства края. Онѣ не что иное какъ частныя скрѣпы и сцѣпленія, впервые тѣсно связывающія польскій край съ Русскимъ государствомъ. Когда окажутся снесенными и сглаженными тѣ вѣковыя грани которыя такъ искусственно раздѣляли обѣ, отнынѣ въ той или другой формѣ

неразрывно соединенныя, части славянскаго государства, когда съ поднятіемъ консервативнаго землевладѣльческаго крестьянства до степени сословія политическаго, призваннаго къ дѣятельному и самостоятельному участію въ дѣлахъ страны по мѣстному управленію, возстановится нормальный строй польскаго общества, сдѣлается возможнымъ нормальное поступательное движеніе страны, а вслѣдствіе того и политическое настроеніе пріобрѣтетъ разумный характеръ, чуждый фантазій, тогда можно будетъ „вводить и расширять тѣ учрежденія которыхъ требуетъ современное настроеніе всего европейскаго общества, причемъ однако необходимо полное и безусловное соглашеніе ихъ съ учрежденіями прочихъ частей Имперіи. До тѣхъ поръ тщетно было бы искать разрѣшенія польскаго вопроса въ какихъ бы то ни было политическихъ комбинаціяхъ, столь явно обнаружившихъ доселѣ свою несостоятельность.“

По мысли Н. А. Милютина, перечисленныя реформы должны объединить оба края, установить одну общую почву государственнаго права, и за тѣмъ, по мѣрѣ успѣшнаго воспріятія страною этихъ реформъ, долженъ открыться для всего государства одинъ общій нормальный путь дальнѣйшаго развитія, причемъ польскій край уже не будетъ стоять особнякомъ, требующимъ какихъ-либо крупныхъ мѣстныхъ изъятій, которыми не рѣдко и злоупотребляютъ, находя ихъ необходимость тамъ гдѣ они едва ли чѣмъ-либо серіознымъ оправдываются, но составитъ нераздѣльную, связанную общими судьбами часть великаго государства, развитіе котораго будетъ нормой и для этого края. Это широкое воззрѣніе понятно всякому русскому человѣку. Все пріобрѣтенное Русскому государству на западѣ, югѣ, востокѣ и сѣверѣ куплено цѣною тяжкой борьбы, цѣною народной крови и трудно себѣ представить чтобъ эти края, напитанные русскою кровью, могли долго оставаться изолированными отъ общенародной, отъ общегосударственной жизни, могли имѣть какія-то особыя права, привилегіи, могли во имя своихъ мѣстныхъ интересовъ провозглашать свою особность отъ Русской земли. Оттого въ мысли Н. А. Милютина сказалось понятное и дорогое всякому Русскому чувство единства земли. Въ ряду преобразованій въ смыслѣ объединенія привислинскаго края съ Имперіей одно изъ важныхъ и существенныхъ звеньевъ

составляетъ судебная реформа. Она является послѣ всѣхъ, послѣ крестьянской—аграрной, послѣ новой общинной организаціи, послѣ преобразованія городскаго управленія. Судебное вѣдомство одно сохранило и сохраняетъ свою особность и отдѣльность послѣ того какъ прочія отрасли государственной администраціи, финансовая, административная, учебная, духовная, уже слились съ министерствами Имперіи; оно послѣднее офиціально употребляло и употребляетъ польскій языкъ, какъ языкъ суда, какъ языкъ государственный. Это обстоятельство объясняется, вопервыхъ, тѣмъ что при началѣ преобразованій въ Царствѣ русскій типъ суда, выразившійся въ судебныхъ уставахъ 20го ноября, еще не выработался, и къ проекту преобразованій можно было приступить не ранѣе какъ по введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ въ Имперіи; вовторыхъ, тѣмъ что образецъ данный уставами требовалъ участія общества въ дѣлѣ суда, а въ Царствѣ Польскомъ переустройство общественной организаціи, образованіе городскихъ и сельскихъ единицъ, не было еще приведено къ окончанію, не была выяснена наличность благонадежныхъ общественныхъ силъ и взвѣшено ихъ знаненіе; втретьихъ, тѣмъ что судебная реформа въ Царствѣ представляла особыя затрудненія, такъ какъ она затрогивала болѣе широкій кругъ интересовъ, обширнѣйшій циклъ юридическихъ отношеній. Судъ и процессъ во многихъ отношеніяхъ получаютъ свой характеръ отъ системы гражданскаго права. И у насъ, и въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ судебныхъ функцій, на судъ возложено совершеніе многихъ корроборативныхъ, охранительныхъ дѣйствій, или наблюденіе за ними; при судахъ у насъ и тамъ существуютъ учрежденія ипотечныя, нотаріальныя, тоже тѣсно обусловленныя дѣйствующимъ положительнымъ правомъ. Такъ какъ объединеніе гражданскаго права въ Русскомъ государствѣ послѣдуетъ еще неизвѣстно когда, то приходилось примѣнять положенія мѣстнаго гражданскаго права къ новымъ судебнымъ и процессуальнымъ формамъ, причемъ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію что гораздо легче написать и ввести новый законъ, нежели приспособить старый къ новымъ формамъ. Потребовалось тщательное изученіе сложной системы гражданскихъ отношеній мѣстнаго права. Новый судебный законъ потребовалъ тщательной отдѣлки

подробностей, ибо дѣйствіе его не было моментальное, какъ напримѣръ аграрнаго закона, который разъ навсегда установилъ извѣстное гражданское отношеніе, а постоянное, такъ какъ судъ дѣйствуетъ неустанно и непрерывно. Наконецъ, будучи закономъ органическимъ, разчитаннымъ на долгое время, проектъ реформы подвергся всестороннему обсужденію и съ политической стороны и съ юридической и прошелъ несравненно болѣе разныхъ инстанцій, нежели другіе преобразовательные законы для Царства. Не малое значеніе имѣли подготовительныя мѣры и финансовыя соображенія. Такая крупная мѣра какъ введеніе въ судъ русскаго языка требовала большой постепенности и осмотрительности. Онъ постепенно вводился въ Сенатѣ и аппеляціонномъ судѣ съ большими промежутками времени. Нынѣшній бюджетъ судебнаго вѣдомства въ Царствѣ удивляетъ своею скромностью. Новые, хотя и скромные, судейскіе оклады потребовали изысканія дополнительныхъ источниковъ для покрытія добавочнаго расхода, а въ наше обильное всякими дорого стоющими предпріятіями въ государственномъ дѣлѣ время, это обстоятельство всегда сопрягается съ нѣкоторыми затрудненіями. По всѣмъ этимъ причинамъ судебная реформа является послѣднею въ числѣ первыхъ, неотложныхъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ.

Оставляя въ сторонѣ политическую сторону дѣла, обозрѣвая нынѣшнюю систему судоустройства и судопроизводства въ Царствѣ Польскомъ, нельзя не придти къ заключенію что уже по своимъ органическимъ недостаткамъ и судъ и процессъ въ Царствѣ требовали радикальнаго преобразованія. Въ судѣ и процессѣ мы встрѣчаемъ полное отсутствіе какой-либо цѣльной, послѣдовательно выдержанной системы, развѣ лишь за исключеніемъ французскаго кодекса гражданскаго судопроизводства. Мы встрѣчаемъ обрывки польскихъ уставовъ, французскихъ, австрійскихъ, прусскихъ, русскихъ законовъ; отдѣльныя законоположенія стоятъ безъ связи другъ съ другомъ, противорѣчатъ одно другому, не согласуются ни въ общемъ духѣ, ни въ частностяхъ. Съ паденіемъ Польши прекратили свое бытіе и старыя судебныя учрежденія, запечатлѣнныя рѣзкимъ сословнымъ оттѣнкомъ, но къ которымъ привыкъ народъ, и потому неудовлетворительные, быть-можетъ, болѣе по личнымъ недостаткамъ судей, нежели по своей организаціи. Въ прусской Польшѣ вве-

дены были прусскія, а въ австрійской—австрійскія судебныя учрежденія. Въ 1807 году Наполеонъ учредилъ герцогство Варшавское, даровалъ ему конституцію и ввелъ французское право и судебное устройство. Такой крутой юридическій переворотъ былъ встрѣченъ страною далеко не восторженно. Во многомъ возвѣщенные новые законы не согласовались съ установившимися общественными отношеніями, исконными обычаями, мѣстными потребностями. Люди стоявшіе во главѣ управленія, при всей преданности императору, вводили новый порядокъ не безъ колебаній, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ. Нынѣшняя судебная организація въ главныхъ чертахъ своихъ относится къ той эпохѣ и появилась въ 1807—1812 году. Въ это время были учреждены:

А) Для дѣлъ гражданскихъ:

1. Мировые суды, съ тремя отдѣленіями: примирительнымъ спорнымъ и полицейскимъ;

2. трибуналы первой инстанціи, и

3. аппелляціонные суды;

Б) для дѣлъ уголовныхъ:

1. суды исправительной полиціи, и

2. уголовные суды.

Всѣ дѣла вообще проходили двѣ инстанціи, но нѣкоторыя кончались въ первой. Засѣданія судовъ были публичны. Уголовныя дѣла разбирались инквизиціоннымъ порядкомъ. При судахъ состояли прокуроры. Члены судебнаго вѣдомства, подвергались испытанію въ юридическихъ наукахъ. Тогда же была учреждена школа права.

В) Кассаціонный судъ, наблюдавшій за правильнымъ примѣненіемъ закона и за дѣйствіями должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Въ опредѣленіи предѣловъ власти кассаціоннаго суда замѣчательно строгое отдѣленіе его судебной власти отъ сферы законодательной. Вопросъ объ истолкованіи закона принадлежитъ къ числу особенно важныхъ въ процессѣ. Въ юридической практикѣ встрѣчаются случаи къ которымъ примѣненіе закона бываетъ затруднительно, когда смыслъ закона кажется неяснымъ и является необходимость раскрыть истинный разумъ законоположенія. Такое истолкованіе бываетъ двухъ родовъ: научное и легальное. Но научное, какъ зависящее отъ индивидуальныхъ воззрѣній, не имѣетъ обязательнаго характера, каковымъ именно отличается легальное. Органомъ послѣдняго является или

самъ законодатель, или власть которой онъ это поручаетъ. При послѣдовательномъ раздѣленіи отдѣльныхъ функцій государственной власти, обязательное толкованіе должно принадлежать законодательной власти, ибо оно имѣетъ обязательную силу закона. Такое толкованіе называется int. authentica. По закону 1810 года, если кассаціонная жалоба признавалась основательною, то кассаціонный судъ, отмѣнивъ рѣшеніе, передавалъ дѣло на разсмотрѣніе другаго суда; если новое рѣшеніе было обжаловано по тѣмъ же основаніямъ, то кассаціонный судъ разсматривалъ дѣло въ усиленномъ составѣ членовъ (minimum 12). Если же постановлялось и третье рѣшеніе, подлежавшее кассаціи по тѣмъ же основаніямъ, тогда судъ представлялъ свое рѣшеніе вмѣстѣ съ актами въ Государственный Совѣтъ, а Совѣтъ немедленно представлялъ государю подробное и точное изложеніе случая требующаго истолкованія закона, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ. Королевское истолкованіе закона дѣлалось обязательнымъ для судовъ. Точный разумъ законовъ установляется у насъ не аутентическимъ толкованіемъ, а рѣшеніемъ кассаціонныхъ департаментовъ Сената (ст. 813 Уст. Гражд. Суд. и 930 Угол. Суд.). Организація кассаціоннаго суда отличалась отъ устройства кассаціонныхъ департаментовъ Сената и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, такъ 1) заочные приговоры подлежали кассаціи, но кассаціонная жалоба могла быть подана только по прошествіи срока назначеннаго для отзыва о новомъ разсмотрѣніи дѣла. На заочное рѣшеніе самого кассаціоннаго суда могъ быть также поданъ отзывъ, въ опредѣленный срокъ; напротивъ того, по судебнымъ уставамъ 20го ноября, заочные приговоры кассаціи не подлежатъ. 2) Кассаціонныя жалобы разсматривались въ особой коммиссіи. 3) Тяжущіяся стороны вызывались по кассаціонному производству и было безусловно необходимо участіе адвокатовъ. 4) Наконецъ, допускалась кассація въ интересѣ закона: противъ обвинительныхъ приговоровъ, какъ обвиненный такъ и прокуроръ могли подавать кассаціонныя жалобы, но если обвиняемый былъ оправданъ, то прокурору предоставлялось право входить съ протестомъ въ кассаціонный судъ единственно въ интересѣ закона, безъ всякихъ послѣдствій для обвиняемаго. У насъ такой видъ кассаціи не признается необходимымъ. Важныя отличія этого суда отъ нашего Сената заключались и въ опредѣленіи дисциплинарной

власти надъ членами судебнаго вѣдомства; ему же предоставлено было окончательно рѣшать всѣ пререканія о подсудности.

Въ такомъ видѣ кассаціонный судъ существовалъ съ 1810 по 1813 годъ. 1го октября 1813 года, еще до занятія Варшавы русскими войсками, дѣятельность кассаціоннаго суда, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ герцогства Варшавскаго и Государственнаго Совѣта, прекратилась. Движеніе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ порядкѣ кассаціонномъ пріостановилось. Въ юстиціи открылся пробѣлъ, который требовалъ пополненія. Возникла настоятельная потребность назначить судебное мѣсто которое, хотя бы временно, приняло на себя обязанности суда кассаціоннаго, и между дѣлами требовавшими скорѣйшаго движенія въ интересахъ правосудія и общественнаго порядка, были, конечно, на первомъ мѣстѣ дѣла уголовныя. Поэтому временный верховный совѣтъ герцогства Варшавскаго (постановленіе 22го марта 1814 года) возложилъ на аппелляціонный судъ производство по уголовнымъ кассаціоннымъ жалобамъ со всѣми правами принадлежавшими прежнему кассаціонному суду. Но соединеніе двухъ различныхъ обязанностей въ одной и той же инстанціи, безъ сомнѣнія, имѣло неблагопріятное вліяніе на успѣшный ходъ правосудія, а потому, въ видахъ облегченія аппелляціоннаго суда, рескриптомъ министра юстиціи отъ 31го мая 1814 года, аппелляціонный судъ былъ освобожденъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ уголовныхъ и полицейскихъ, вносимыхъ въ кассацію прокурорами единственно въ интересѣ охраненія закона. За этою перемѣной въ атрибуціяхъ кассаціоннаго суда послѣдовали и другія: по уничтоженіи рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ, аппелляціонный судъ уже не обязанъ былъ отсылать дѣла для новаго производства въ другой равностепенный судъ, но рѣшалъ ихъ по существу самъ, такъ что сдѣлался аппелляціонною и кассаціонною инстанціей. Такими постановленіями были удовлетворены потребности уголовной юстиціи, но дѣла гражданскія оставались безъ движенія въ теченіе почти трехъ лѣтъ и постоянно накоплялись. Поэтому, тотчасъ по учрежденіи Царства Польскаго, временное управленіе, не дожидаясь обнародованія конституціи дарованной Александромъ I, учредило (постановленіе 21го сентября 1815 года) верховный судъ (судъ наивысшей инстанціи) для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ въ порядкѣ кассаціон-

номъ и вмѣстѣ для окончательнаго ихъ разрѣшенія по существу. Поводы къ кассаціи были оставлены тѣ же самые какіе указаны въ первоначальной организаціи кассаціоннаго суда 1810 года, но порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ былъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: званіе прокурора было уничтожено, кассація въ интересѣ закона была отмѣнена, обязанности охранять законъ были возложены на члена-докладчика, коммиссія для приготовленія дѣлъ ко внесенію ихъ въ засѣданіе суда также упразднилась и кассаціонныя жалобы прямо передавались судьѣ-докладчику, который долженъ былъ разсмотрѣть ихъ и представить суду съ своимъ заключеніемъ о правильности или неосновательности жалобы; засѣданія суда въ которыхъ разсматривался вопросъ о принятіи или отказѣ въ жалобѣ были закрытыя. Рѣшеніе постановлялось простымъ большинствомъ голосовъ и жалобъ (recursa) на рѣшеніе не допускалось. До рѣшенія о принятіи кассаціонной жалобы никакія возраженія отвѣтчика не принимались. Уничтоживъ обжалованное рѣшеніе судъ наивысшей инстанціи самъ рѣшалъ дѣло по существу, поэтому адвокаты (меценасы) обязаны были представлять вмѣстѣ съ основаніями кассаціи и свои заключенія по существу дѣла. Этому суду предоставлены были и другіе аттрибуты кассаціоннаго суда: именно разрѣшеніе вопросовъ о подсудности и право представлять верховной власти объ удаленіи отъ должностей предсѣдателя и судей аппелляціоннаго суда и судей мировыхъ. Помимо другихъ недостатковъ, допущенныхъ вслѣдствіе упраздненія кассаціоннаго суда 1810 года, въ новой организаціи высшихъ инстанцій было допущено пагубное начало отдѣленія сверху до низу уголовной юстиціи отъ гражданской, которое съ тѣхъ поръ постоянно уже сохранилось въ польскомъ судоустройствѣ.

Съ установленіемъ конституціоннаго Царства Польскаго начались другія преобразованія въ судебномъ вѣдомствѣ, за немногими исключеніями, впрочемъ не приведенныя въ исполненіе. Организаціонная дѣятельность этой эпохи, окончившейся революціей 1830 года, отличается инымъ характеромъ, нежели время герцогства Варшавскаго. Насколько Прусаки, Австрійцы, Наполеонъ безцеремонно относились къ польскимъ началамъ въ правѣ и соціальной организаціи, настолько же, подъ вліяніемъ идеи о возрожденіи польскаго народа, благосклонно поддерживае-

мой всегда русскими государями, а также подъ вліяніемъ господствовавшей тогда исторической школы Савиньи, старались теперь массу новыхъ юридическихъ институтовъ, отчасти уже усвоенныхъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ народною жизнью, примирить и связать съ прошлымъ Польши. Но прошлое Польши было проникнуто главенствомъ шляхты, ея даже исключительнымъ господствомъ въ государствѣ, поэтому и реформы отмѣчены прежде всего шляхетскимъ характеромъ, насколько можно было примирить его съ равноправіемъ гражданъ и личнымъ освобожденіемъ крестьянъ. Во главѣ управленія стоялъ генералъ Зайончикъ, собратъ Косцюшки по оружію, но кромѣ этого не имѣвшій ничего общаго съ знаменитымъ патріотомъ. Въ дѣлѣ суда главнымъ нововведеніемъ была организація вотчинныхъ гминныхъ судовъ для маловажныхъ полицейскихъ и гражданскихъ дѣлъ. Система судоустройства, по конституціи 1815 года, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1. Мировые суды, имѣвшіе задачею примирять спорящихъ.
2. Суды первой инстанціи для гражданскихъ и полицейскихъ дѣлъ, въ каждой гминѣ и въ каждомъ городѣ.
3. Земскіе суды и съѣзды судей, по нѣскольку на одно воеводство.
4. Градскіе суды для дѣлъ уголовныхъ и полицейскихъ, по нѣскольку на воеводство.
5. Два аппелляціонные трибунала.
6. Верховный трибуналъ.

Кромѣ возстановленія вѣчно дорогихъ Полякамъ историческихъ польскихъ названій, хотя и прикрывавшихъ собою иныя матеріальныя содержанія, въ этой системѣ могло бы быть признано единственнымъ удобствомъ то что для дѣлъ маловажныхъ учреждены были подручные, многочисленные суды, но за этимъ номинальнымъ достоинствомъ стояло исключительное преобладаніе въ судѣ шляхетскаго сословія. Освобожденіе крестьянъ было совершено завоевательною волей Наполеона, и, отнявъ у помѣщиковъ рабочую даровую силу, конечно, было не въ ихъ интересѣ; съ другой стороны, крестьяне, свободные лично, утратили свои историческія права на свои земли и оставались на ней лишь въ силу добровольныхъ договоровъ съ землевладѣльцами. Предоставляя судебную власть гминному войту,—а каждое помѣстье составляло гмину и въ каждой гминѣ помѣщикъ былъ

войтомъ,—правительство отдавало интересы крестьянства въ руки ихъ прежнихъ господъ, и это, конечно, не способствовало ни благосостоянію страны, ни ея политическому развитію, ни правильности отправленія правосудія. Недостатки новой судебной организаціи были, впрочемъ, такъ очевидны что все время конституціонной Польши было преисполнено разными проектами улучшеній судоустройства, которые, за немногими исключеніями, остались безъ осуществленія. Польскіе юристы называютъ эту эпоху—эпохой проектовъ.

Революція 1830 года прекратила дѣятельность суда высшей инстанціи. Повторилось то же что мы видѣли въ 1813 году. По усмиреніи мятежа, временное правительство (постан. 14го февраля 1832) уполномочило этотъ судъ, въ составѣ изъ семи членовъ, разсматривать кассаціонныя жалобы, но только относительно принятія или непринятія ихъ. Органическая грамота 1833 года установляла то же судоустройство которое начертано было въ конституціи 1815 года. Разница сначала состояла въ томъ что названіе трибунала было отмѣнено, и судебныя установленія всѣхъ степеней именовались просто судами. Въ сущности же осталась въ дѣйствіи судебная система герцогства Варшавскаго, съ тѣмъ что удалось осуществить изъ конституціоннаго проекта судоустройства 1815 года. Вообще, многое изъ этой грамоты осталось безъ примѣненія, и правительственныя преобразованія въ Польшѣ послѣ 1832 года имѣютъ весьма слабую связь съ этимъ органическимъ статутомъ. Напротивъ того, въ дѣятельности правительства замѣчается стремленіе сблизить польскій край съ Имперіей, путемъ объединенія законодательства и политической организаціи. Въ дѣлѣ законодательства важнѣйшими проявленіями этой мысли были работы по сліянію гражданскихъ законовъ, выразившіяся въ положеніи 1836 года, о союзѣ брачномъ, положеніи составленномъ совершенно въ духѣ русскаго законодательства, и распространеніе на Царство общаго Уложенія о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ. Между 1836 и 1847 годомъ сдѣлана была и первая попытка судоустройственнаго объединенія Царства и Имперіи. „Первый, такъ-сказать, проломъ“ сдѣланъ былъ въ варшавской организаціи въ 1842 году учрежденіемъ IX и X департаментовъ Правительствующаго Сената. Изъ обзора судоустройства бывшаго въ Царствѣ съ 1813 по 1842 годъ,

мы видѣли что кассаціонное судопроизводство не было надлежащимъ образомъ отграничено отъ аппелляціоннаго. Преобразовывать судебныя мѣста съ цѣлью возстановить чистый кассаціонный порядокъ не входило въ намѣренія правительства, имѣвшаго въ виду объединеніе учрежденій, такъ какъ кассаціоннаго порядка не существовало и въ Имперіи. Но такъ какъ преобразованіе было необходимо, то оно и выразилось полнымъ сокращеніемъ кассаціонной инстанціи и введеніемъ третьей аппелляціонной инстанціи. Варшавскіе департаменты Сената стали третьею инстанціей какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ. Принятое для Сената начало должно было сдѣлаться общимъ для всѣхъ судовъ, хотя не безъ важныхъ неудобствъ и затрудненій. Нельзя было предоставить судамъ постановлять окончательныя рѣшенія въ первой инстанціи. Всѣ дѣла должны были проходить двѣ или три инстанціи. Вслѣдствіе этого, прежде всего, мировой судъ, лишившись власти рѣшать дѣла окончательно, утратилъ всѣ свои полезныя качества, какъ судъ для малоцѣнныхъ дѣлъ, подручный каждому, и сдѣлался лишнимъ звеномъ цѣли судоустройства. Три инстанціи продлили ходъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, увеличили количество судебныхъ издержекъ, а по уголовнымъ дѣламъ умножили число заключенныхъ. Съ учрежденіемъ Сената извратился и характеръ прокурорскаго надзора, организованнаго на французскій ладъ. Вопреки требованіямъ положительнаго права, прокуроры во всѣхъ судахъ должны были давать предложеніе по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ поступающимъ на окончательное рѣшеніе. Поколебалось начало гласности судебныхъ засѣданій, такъ какъ допущеніе посторонныхъ лицъ въ присутственную залу Сената предоставлено усмотрѣнію первоприсутствующаго. Такія послѣдствія учрежденія Сената предвѣщали совершенную перемѣну началъ на которыхъ основывалось судебное устройство во времена Рѣчи Посполитой и Варшавскаго герцогства, но этому предвѣщанію не суждено было, однако, осуществиться. Сдѣлавъ этотъ проломъ во французской, по существу, судебной организаціи, прилѣпивъ къ ней третью, нѣмецкую, инстанцію, реформа остановилась, правительство оставило въ рукахъ безконечной кодификаціонной коммиссіи безконечныя, широко задуманныя работы по преобразованію матеріальнаго и формальнаго права и эти работы мирно и безслѣдно для жизни, если не

для государственнаго казначейства и личныхъ выгодъ кодификаторовъ, тянулись до шестидесятыхъ годовъ. „Этотъ последній періодъ преобразованія въ судоустройствѣ, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ юристовъ, ознаменовался еще совершеннымъ упадкомъ науки и преобладаніемъ, по необходимости, раболѣпства предъ такъ-называемою практикой и рутиной. Это былъ самый ощутительный ударъ, такъ какъ много лѣтъ требуется для того чтобъ исправить вредъ причиненный кратковременнымъ устраненіемъ науки. Нѣтъ ничего самодовольнѣе рутины, и потому-то она такъ смѣло и противопоставляетъ себя научному образованію."

Болѣе цѣльной попыткой въ дѣлѣ судоустройства слѣдуетъ признать проектъ кодификаціонной коммиссіи, получившій силу закона въ 1856 году и присланный намѣстнику для введенія въ дѣйствіе, но, однако, оставшійся безъ примѣненія. По этому закону предполагалось учредить въ краѣ:

1. Гминные, сельскіе и городскіе суды, съ правомъ рѣшать маловажныя гражданскія и уголовныя дѣла окончательно или въ первой инстанціи;

2. Сорокъ уѣздныхъ судовъ, общихъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ;

3. Шесть палатъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ;

4. Наконецъ Сенатъ, какъ третью инстанцію для весьма ограниченнаго числа болѣе важныхъ дѣлъ и какъ судъ кассаціонный для окончательныхъ рѣшеній.

Гласность судебныхъ засѣданій установлена положительно.

Такимъ образомъ съ учрежденіемъ гминныхъ судовъ должна была осуществиться мысль конституціи 1815 года, а съ соединеніемъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ инстанціяхъ должно было восполниться устройство введенное во времена Герцогства. Каждый судъ имѣлъ свою окончательную юрисдикцію. Для большей части дѣлъ установлены были двѣ инстанціи. Сдѣланъ былъ шагъ къ возстановленію кассаціоннаго порядка.

Но уставъ 1856 не приведенъ былъ въ дѣйствіе, а случайное устройство, образовавшееся съ учрежденіемъ Варшавскихъ департаментовъ Сената, сохранялось неприкосновеннымъ до 1864 года, когда гминные суды видоизмѣнили судебную организацію, и съ гминными судами вся эта пестрая и нестройная амальгамма разнородныхъ порядковъ ожидаетъ нынѣ своего окончательнаго упраздненія введеніемъ въ дѣйствіе Положенія 19го февраля 1875 года.

II.

Устройство гминныхъ судовъ по указамъ 19го февраля 1864 года стоитъ въ тѣсной связи съ новою организаціей крестьянскаго землевладѣльческаго сословія, вышедшаго изъ-подъ власти помѣщиковъ. Голое право личной свободы, дарованное польскимъ крестьянамъ въ 1807 году, поставило историческое право крестьянъ на землю и необходимость для помѣщиковъ имѣть рабочую силу для эксплуатаціи своихъ земель въ зависимость отъ добровольныхъ соглашеній, отъ свободныхъ договоровъ. Въ юридическомъ отношеніи этотъ принципъ, конечно, вносилъ радикальную перемѣну въ отношенія крестьянства къ землевладѣльцамъ и требовалъ приложенія и развитія въ подробностяхъ. Въ этомъ была вся сила. Съ организаціей автономіи страны устройство новыхъ отношеній, какъ мы уже замѣтили выше, происходило подъ вліяніемъ идей о возстановленіи прежнихъ порядковъ Рѣчи Посполитой. Поэтому упраздненіе крѣпостной зависимости и личная свобода крестьянъ не только не сопровождались организаціей какого-либо прочнаго общественнаго сельскаго быта, который могъ бы послужить къ огражденію законныхъ интересовъ крестьянъ, но, напротивъ, естественно клонились къ тому чтобы разрушить всѣ существовавшіе въ старой Польшѣ остатки и зачатки таковаго быта, ради водворенія въ селеніяхъ полнаго преобладанія одного сословія надъ другимъ. Учреждая гмины, король Саксонскій (декретъ 1809 и 1810 годовъ) оставилъ за правительствомъ право назначать войтовъ въ селеніяхъ, но это право осталось номинальнымъ: кругомъ Герцогства, крестьянство, съ одной стороны, было въ рабствѣ, съ другой, патримоніальная власть надъ ними принадлежала помѣщикамъ, поэтому въ Польшѣ, гдѣ еще такъ свѣжи были преданія о правѣ жизни и смерти принадлежавшемъ помѣщику надъ крестьянами, помѣщики остались патримоніальными владыками, войтами, не требуя правительственнаго утвержденія. Это положеніе было приведено въ порядокъ и узаконено при намѣстникѣ Зайончкѣ (1816—18). Съ тѣхъ поръ до 1846 года основной принципъ о вотчинной власти помѣщика оставался непоколебимымъ. Съ 1846 года русское правительство начинаетъ усматривать неудобство

такого порядка, но шляхетская Польша, сохранявшая въ сущности мѣстное управленіе въ своихъ рукахъ, борется за сохраненіе его упорно и успѣшно. Съ 1853 по 1863 годъ центральное правительство и мѣстныя учрежденія Царства съ особеннымъ оживленіемъ обмѣниваются проектами, записками, мнѣніями и заключеніями объ устройствѣ гминъ. Сохранить въ принципѣ патримоніальную власть находятъ невозможнымъ и Государственный Совѣтъ Царства и правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ, но возникаютъ проекты которые дозволили бы сохранить ее не прямымъ путемъ. Имѣется въ виду ввести выборное начало въ широкихъ размѣрахъ поголовной подачи голосовъ при избраніи войта. Право голоса дается всѣмъ жителямъ гмины; къ выборамъ допускаются люди находящіеся на жалованьи и получающіе его 90 р. въ годъ, или нанимающіе квартиру въ 15 р., всѣ управители, экономы, фольварковые арендаторы, мелкіе торговцы, патентованные ремесленники, приходскіе ксендзы, настоятели приходовъ и монастырей. Очевиднымъ послѣдствіемъ такого широкаго избирательнаго права могло быть усиленіе и обезпеченіе преобладанія правъ помѣщика на гминномъ сходѣ посредствомъ всѣхъ его офиціалистовъ, работниковъ, арендаторовъ, корчмарей, жильцовъ и т. п. Войтомъ можетъ быть избрано лишь такое лицо которое окончило, по крайней мѣрѣ, четыре класса въ уѣздномъ училищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось учредить въ каждой гминѣ совѣтъ изъ шести членовъ, изъ числа коихъ трое: войтъ, ксендзъ и учитель, должны занимать постоянное мѣсто въ совѣтѣ по должности и, при согласномъ дѣйствіи, могутъ безгранично распоряжаться всѣми безъ изъятія общественными дѣлами гмины, всѣми гминными повинностями и даже работой крестьянъ въ произвольномъ количествѣ, подъ предлогомъ общеполезныхъ цѣлей. Предѣлы гмины долженствовали совпадать съ предѣлами приходовъ. Но въ 1863 году, освѣжающее вліяніе крестьянской реформы сообщило всѣмъ русскимъ людямъ ясное пониманіе государственныхъ интересовъ Россіи и эти проекты не могли уже ввести никого въ прежнія заблужденія, а потому не удались. Было понятно что, возлагая опору на крестьянство, какъ на устой порядка, необходимо было избавить сельское населеніе отъ давленія духовенства, отъ вотчинной судебно-полицейской власти помѣщика и отъ подсудности шляхетскимъ по своему

личному составу мировымъ судамъ. Этого можно было достигнуть лишь организаціей общиннаго управленія и суда съ преобладаніемъ въ немъ мелкоземельнаго крестьянскаго населенія. Такимъ образомъ явился общинный, гминный судъ. Относительно гминныхъ судовъ у насъ, внутри Россіи, господствуетъ ошибочное представленіе, въ силу того что гмину отождествляютъ съ волостью, польское крестьянство съ русскимъ, тогда какъ между этими понятіями есть существенное различіе. У насъ крестьянство до послѣднихъ временъ имѣло характеръ *политическаго сословія*, т.-е. класса людей имѣющихъ особыя права состоянія: въ Царствѣ сословій въ государственномъ значеніи нѣтъ, поэтому и крестьянство составляетъ сословіе только въ соціальномъ, общественно-экономическомъ значеніи слова, какъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, землепашцевъ. При отсутствіи политическихъ различій между соціальными сословіями учрежденіе гмины является земскимъ, безсословнымъ, и если искать аналогіи въ русскихъ учрежденіяхъ, то гмину можно приравнять только къ земству, по ея основнымъ чертамъ. При такомъ устройствѣ гмины и гминный судъ является земскимъ, общимъ для всѣхъ, которому подчинены всѣ жители гмины. Этотъ судъ, по указу 19го февраля 1864 года, организованъ слѣдующимъ образомъ. Гминный судъ состоитъ изъ гминнаго войта и двухъ или трехъ *лавниковъ*, избираемыхъ на гминномъ сходѣ. Въ войты и лавники можетъ быть избранъ всякій житель гмины, имѣющій право участія въ дѣлахъ схода, къ которому допускаются всѣ совершеннолѣтніе домохозяева, владѣющіе въ предѣлахъ гмины на правахъ личной собственности не менѣе какъ тремя моргами земли; устраняются отъ участія мѣстные мировые судьи, лица духовнаго званія и чины уѣздной полиціи. Кромѣ того въ эти должности не могутъ быть избираемы лица не христіанскаго вѣроисповѣданія, лица не достигшія 25 лѣтъ, состоящія подъ опекой или попечительствомъ, не имѣвшія въ предѣлахъ гмины постояннаго мѣста жительства по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, лица подвергнутыя наказанію лишающему права занимать общественныя должности и состоящія подъ судомъ, слѣдствіемъ или полицейскимъ надзоромъ. Затѣмъ для избранія въ должность войта требуется отъ избираемаго двойной поземельный цензъ, т.-е. владѣніе шестью моргами земли. Срокъ службы трехлѣтній. Въ гминномъ судѣ

впервые въ Царствѣ было установлено соединеніе уголовной и гражданской юрисдикціи. Его сужденію предоставлены всѣ споры и тяжбы между лицами имѣющими постоянное или временное мѣстопребываніе въ предѣлахъ гмины, такъ и дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ. Изъ споровъ и тяжбъ гминному суду предоставлено было разрѣшать лишь дѣла о движимомъ имуществѣ и личныхъ обязательствахъ, если цѣна иска не превышала 30 р. За маловажные проступки гминные суды властны были приговаривать виновныхъ къ штрафу до трехъ рублей серебромъ, къ замѣчанію и выговору въ присутствіи суда, къ аресту до 7 дней, къ наказанію розгами до 20 ударовъ и къ отдачѣ въ рабочій домъ. Въ первый же годъ гминный судъ былъ усвоенъ сельскимъ населеніемъ совершенно правильно и удовлетворительно. Крайне враждебное отношеніе крестьянства къ помѣщику, постоянно прорывавшееся при разбирательствѣ ихъ поземельныхъ споровъ въ коммиссіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, въ судахъ, составленныхъ почти изъ однихъ крестьянъ, не замѣчалось. Суды своимъ безпристрастіемъ пріобрѣли довѣріе у Евреевъ и шляхты. Помѣщики и ксендзы обращались въ гминные суды съ своими жалобами и получали по нимъ скорыя и безпристрастныя рѣшенія. Замѣчено было также что приговоры по дѣламъ касающимся помѣщиковъ отличаются внимательнымъ обсужденіемъ, что суды разслѣдуютъ эти дѣла подробнѣе и стараются стать не ниже своего назначенія; что за дѣйствія наносящія убытокъ помѣщикамъ они назначаютъ болѣе строгія взысканія, чѣмъ за вредъ наносимый крестьянамъ.

Въ 1865 году оказалось что удачно принявшееся новое учрежденіе еще болѣе достигнетъ своихъ цѣлей съ расширеніемъ компетенціи. Часть Царства Польскаго, Августовская губернія, нѣкоторое время находилась въ вѣдѣніи виленскаго генералъ-губернатора. Покойный графъ М. М. Муравьевъ расширилъ компетенцію гминныхъ судовъ по дѣламъ гражданскимъ до 100 рублей. Эту мѣру распространили и на прочія гмины Царства. Затѣмъ въ теченіе 1865 года оказалось что множество дѣлъ крестьянъ между собою по наслѣдованію и раздѣламъ недвижимыхъ имуществъ, поступившихъ въ ихъ собственность на основаніи указовъ 19го февраля 1864 года, остаются безъ движенія, такъ какъ крестьяне, *по недовѣрію къ общимъ гражданскимъ судамъ*, не обращаются къ нимъ съ сво-

ими исками, а прочія власти не признавали себѣ такія дѣла подсудными. Недовѣріе крестьянъ къ судамъ проистекало изъ многихъ оснований: суды были послѣднимъ оплотомъ чисто польской, то-есть панской стихіи въ администраціи; право наслѣдованія по кодексу было всегда чуждо польскому крестьянству, самое судопроизводство было медленно и дорого для сторонъ. Являлась настоятельная необходимость дать крестьянамъ по такимъ дѣламъ судъ знакомый съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ, которое было совершенно неизвѣстно общимъ судамъ. Въ этихъ видахъ состоялось Высочайшее повелѣніе 30го ноября 1865 года о томъ что споры крестьянъ между собою по наслѣдству и раздѣламъ какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества, поступившаго въ ихъ собственность на основаніи указа 19го февраля 1864 года, должны подлежать вѣдомству гминныхъ судовъ, подъ наблюденіемъ коммиссаровъ и коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Недовольнымъ предоставлено было обжаловать въ кассаціонномъ порядкѣ рѣшеніе гминнаго суда въ мѣсячный срокъ, если оно постановлено съ нарушеніемъ указовъ 19го февраля 1864 года и изданныхъ въ развитіе ихъ правилъ и постановленій; или если гминный судъ постановилъ рѣшеніе о землѣ не крестьянской, или же хотя и о крестьянской землѣ, но находящейся въ другой гминѣ. Этими правилами окончательно опредѣлилась гражданская компетентность гминнаго суда въ томъ видѣ въ какомъ она дожила до закона о введеніи судебныхъ уставовъ Имперіи въ Царство Польское.

Нѣсколько позже выработалась окончательная уголовная компетенція этихъ судовъ. Уже указъ 1864 года возвѣстилъ что для руководства гминныхъ судовъ будетъ выработана особая инструкція. Въ маѣ мѣсяцѣ 1866 года гминнымъ судамъ дана была особая инструкція для сужденія о дѣлахъ судебно-полицейскихъ. Въ предметахъ вѣдомства гминныхъ судовъ сдѣланы были слѣдующія измѣненія: 1) изъ наказаній была исключена отдача въ рабочій домъ, на томъ основаніи „что онъ находится только въ Варшавѣ и предназначенъ исключительно для содержанія варшавскихъ нищихъ и бродягъ, а въ другихъ мѣстностяхъ Царства Польскаго такого рода исправительныхъ заведеній нѣтъ; вносить же въ инстанцію наказаніе исполненіе котораго невозможно на мѣстѣ, при-

знано неудобнымъ; вовторыхъ, тѣлесное наказаніе, перешедшее въ указъ 1864 года изъ гминнаго устава 1860 года, исключено изъ инструкціи, на томъ основаніи что наказаніе это отмѣнено указомъ 30го августа 1864 года о смягченіи наказаній уголовныхъ и исправительныхъ въ Царствѣ Польскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не слишкомъ ослабить карательную власть гминнаго суда, въ инструкціи 1866 года возстановлено было правило устава 1860 года по которому гминный судъ могъ назначать денежный штрафъ до десяти рублей. Прочіе виды наказаній были оставлены въ томъ видѣ въ какомъ они установлены въ указѣ 19го февраля 1864 года. Инструкція 1866 года, имѣющая для гминъ то же значеніе какое въ Имперіи имѣетъ уставъ о наказаніяхъ 20го ноября 1864 года, представляетъ еще слѣдующія характеристическія особенности: вопервыхъ, назначеніе рода и мѣры взысканія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію суда; вовторыхъ, проступки только тогда подлежатъ уголовному преслѣдованію и, вообще, разсмотрѣнію уголовнаго суда, когда въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня совершенія проступка гминный судъ получитъ о томъ жалобу или донесеніе, слѣдовательно установленъ особый видъ кратковременной давности; втретьихъ, въ инструкціи опредѣлены проступки которые гминный судъ имѣетъ право разсматривать и наказывать, причемъ всѣ они раздѣлены на три группы: къ первой отнесены проступки противъ общественнаго порядка и нравственности, ко второй проступки противъ чужой собственности, къ третьей проступки противъ частныхъ лицъ. Наконецъ въ 38 ст. инструкціи постановлено что не подлежатъ разсмотрѣнію гминнаго суда слѣдующія преступленія: разбой, грабежъ, поджигательство, насильственное завладѣніе имуществомъ, повреждение желѣзныхъ дорогъ, телеграфныхъ столбовъ и проволокъ, поддѣлка денегъ разнаго рода и выпускъ ихъ въ обращеніе, подлогъ, святотатство, лжеприсяга, изнасилованіе, нарушеніе правилъ на случай повальныхъ болѣзней, убійство, увѣчье, повреждение здоровья, нанесеніе ранъ, воровство, если стоимость похищеннаго превышаетъ 15 р. и пр. Такова организація и компетенція гминныхъ судовъ, на которыхъ мы позволили себѣ остановиться съ большими подробностями въ виду того что изъ всѣхъ существующихъ судебныхъ учреж-

деній, одинъ гминный судъ признано полезнымъ сохранить на будущее время, введя его въ общую систему судебной организаціи, что и придало новому судоустройству въ Царствѣ характеръ оригинальности.

III.

Такимъ образомъ, проходя рядъ постоянныхъ измѣненій и дополненій, начиная съ 1808 года и кончая 1866 годомъ, система судоустройства Царства Польскаго представляется въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ:

а. Для дѣлъ гражданскихъ существуетъ нынѣ пять судебныхъ учрежденій:

1) IX Департаментъ Правительствующаго Сената.

2) Судъ аппелляціонный въ Варшавѣ, одинъ на все Царство.

3) Девять гражданскихъ трибуналовъ.

4) Восемьдесятъ мировыхъ судовъ.

5) 1.300 (въ 1871 году) гминныхъ судовъ учрежденныхъ на основаніи Высочайшаго указа 19го февраля 1864 года, по одному на каждую сельскую гмину.

б. Кромѣ того въ Варшавѣ существуетъ коммерческій судъ. Въ губерніяхъ права и обязанности коммерческаго суда возложены на гражданскіе трибуналы.

в. Для дѣлъ уголовныхъ существуетъ семь судебныхъ учрежденій:

1) X Департаментъ Правительствующаго Сената.

2) Судъ аппелляціонный въ Варшавѣ, тотъ же что и для дѣлъ гражданскихъ.

3) Четыре суда уголовныхъ: въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Люблинѣ и Кельцахъ.

4) Восемнадцать судовъ полиціи исправительной.

5) Восемьдесятъ судовъ полиціи простой, входящихъ въ составъ судовъ мировыхъ.

6) Полицейско-судная управа въ Варшавѣ, а въ другихъ городахъ президенты или бургомистры.

7) Гминные суды, о которыхъ сказано выше.

Эта система судебныхъ установленій, если только можно назвать системой аггрегатъ учрежденій не связанныхъ другъ

съ другомъ одною общею идеей, соединенныхъ одно съ другимъ въ силу чуждыхъ юстиціи и юриспруденціи политическихъ причинъ, страдаетъ сама по себѣ существенными органическими недостатками, которые ощущались издавна и были поводомъ къ неосуществившемуся закону 1856 года, содержаніе котораго мы изложили выше. Уже помимо политическихъ поводовъ къ судебной реформѣ, имѣющей въ виду объединеніе государственныхъ установленій Имперіи и Царства, недостатки существующаго судоустройства такъ велики что распространеніе нашихъ судебныхъ уставовъ на Царство составляетъ явленіе въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ котораго никто сомнѣваться не можетъ. Эти недостатки дѣйствующей системы можно сгруппировать въ слѣдующія рубрики: 1) Малое число судовъ и неудовлетворительность распредѣленія дѣлъ между судами 1й и 2й инстанціи. 2) Отдѣльность судовъ гражданскихъ отъ уголовныхъ. 3) Слишкомъ большое количество инстанцій. 4) Отсутствіе кассаціонной инстанціи. 5) Недостаточность надзора высшихъ судовъ за низшими. 6) Неудовлетворительное устройство прокурорскаго надзора и адвокатуры. 7) Недостатки въ слѣдственномъ производствѣ. Задача хорошаго судоустройства и цѣли закона исполняются тогда когда приговоръ и рѣшеніе суда становятся для каждаго легко доступными, нелицепріятными, основанными на фактической правдѣ и законѣ и неизбѣжно исполняемыми. Такимъ требованіямъ не могутъ удовлетворить суды привислинскаго края, прежде всего по своей малочисленности, вслѣдствіе чего люди небогатые, при всей правотѣ своего дѣла, не въ состояніи нести тяжебныхъ издержекъ. Еще болѣе ощутительна малочисленность судовъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Здѣсь недостатки судоустройства тяготѣютъ уже не надъ имуществомъ, но надъ честью, личною свободой, безопасностью. Въ уголовныхъ дѣлахъ главнымъ доказательствомъ являются свидѣтели; когда суды рѣдки, свидѣтельство является тягостью, на явку свидѣтелей требуется продолжительное время; они являются по одиночкѣ, смотря по возможности; дѣло длится, а между тѣмъ подсудимый томится въ заключеніи, или, оставаясь на свободѣ, несетъ на себѣ тяжкое подозрѣніе въ виновности, которое можетъ быть разсѣяно только судебнымъ приговоромъ. Малочисленность судовъ

влечетъ за собою обширность судебныхъ округовъ, а непосредственнымъ послѣдствіемъ этого является медленность исполненія судебныхъ рѣшеній. Въ Имперіи огромная масса дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ разрѣшается въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Въ Царствѣ гминные суды имѣютъ компетенцію нашихъ волостныхъ судовъ, и только въ имущественныхъ спорахъ возникающихъ между крестьянствомъ изъ отношеній установленныхъ указами 19го февраля 1864 года, составляютъ дѣйствительно удобное, подручное мѣстное судебное учрежденіе. По крестьяне подсудны общимъ судамъ. Между тѣмъ, округи мировыхъ судовъ колеблются между 166 кв. верстами и 343; округи судовъ полиціи исправительной среднимъ числомъ составляютъ площади въ 952 кв. в., одинъ трибуналъ приходится на 1.799 кв. верстъ; аппелляціонный судъ одинъ на весь край, т.-е. на 2.320 миль. Трудность съ которой приходится бороться успѣшному отправленію правосудія, будетъ еще яснѣе, если мы добавимъ что Царство обладаетъ весьма густымъ народонаселеніемъ, склоннымъ къ сутяжничеству; что въ мировыхъ судахъ, трибуналахъ и судахъ полиціи исправительной ежегодно производится до 160.000 дѣлъ. Въ тѣсной связи съ малочисленностью судовъ стоитъ неудовлетворительное распредѣленіе предметовъ вѣдомства въ судахъ первой и второй инстанцій. Въ девяти гражданскихъ трибуналахъ Царства вчинаются всѣ иски свыше 75 рублей и всѣ иски о недвижимостяхъ безъ ограниченія цѣны, всѣ споры о наслѣдствѣ. Затѣмъ огромная масса дѣлъ движется въ единственный аппелляціонный судъ, откуда, за немногими исключеніями, направляется въ третью инстанцію, IXй департаментъ Сената. Устройство уголовныхъ судовъ заимствовано изъ Франціи, гдѣ въ основаніе компетенціи положено было раздѣленіе наказуемыхъ дѣяній на преступленія, проступки и полицейскія правонарушенія (crimes, délits, contraventions); первыя предоставлены были вѣдомству ассизныхъ судовъ (cours d'assises), уголовнымъ судамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, вторыя — вѣдомству судовъ полиціи исправительной (tribunaux de police correctionelle), послѣднія вѣдомству простыхъ полицейскихъ судовъ (tribunaux de simple police). Для предупрежденія столкновенія между этими судами учреждена была обвинительная палата (chambre

de mise en accusation), которая опредѣляла свойство совершеннаго дѣянія и направляла дѣло въ надлежащій судъ. Въ Царствѣ такой обвинительной палаты никогда не было, а потому между судами и исправительною полиціей должны были происходить постоянныя столкновенія и пререканія, тѣмъ болѣе что система французскихъ уголовныхъ законовъ не была принята въ Царствѣ и самое судопроизводство до сихъ поръ основывается на австрійскихъ и прусскихъ законахъ. Насколько неудовлетворительно распредѣленіе предметовъ вѣдомства этихъ судовъ видно уже изъ того что суды полиціи исправительной рѣшаютъ окончательно во второй инстанціи о преступленіяхъ которыя въ настоящее время подлежатъ окончательному рѣшенію гминныхъ судовъ. Вслѣдствіе неудачнаго распредѣленія дѣлъ въ разностепенныхъ судахъ образовалась многочисленность инстанцій. Всѣ иски по личнымъ обязательствамъ, споры о владѣніи, начинающіеся въ мировомъ судѣ, рѣшаются окончательно въ трибуналѣ, если только цѣна иска не выше 240 р.; стало-быть въ двухъ инстанціяхъ. Иски цѣнность которыхъ превышаетъ 75 руб. начинаются въ трибуналѣ и кончаются въ аппелляціонномъ судѣ, если цѣнность иска не превышаетъ 600 р. Иски цѣнность которыхъ превышаетъ 600 р. рѣшаются окончательно во IXмъ департаментѣ Сената. Такимъ образомъ, иски цѣнностью до 600 р. рѣшаются въ двухъ инстанціяхъ, а выше 600 р. въ трехъ. Трибуналы составляютъ то вторую, то первую инстанцію, а аппеляціонный судъ то вторую, то третью. Всѣ споры о недвижимыхъ имуществахъ начинаются въ трибуналахъ и проходятъ двѣ или три инстанціи, смотря по цѣнности недвижимаго. Если годовой доходъ съ недвижимаго имущества не превышаетъ 30 р., то послѣднюю инстанцію составляетъ аппелляціонный судъ; если же выше, то дѣло переходитъ на окончательное рѣшеніе Сената. Сверхъ того важнѣйшія дѣла гражданскія, въ случаѣ несогласія большинства членовъ отдѣленія департамента Сената съ заключеніемъ оберъ-прокурора, разсматриваются въ усиленномъ комплектѣ отдѣленія. По распоряженію намѣстника нѣкоторыя особенно важныя дѣла могутъ поступать прямо въ полное собраніе департамента, помимо отдѣленія. Такимъ образомъ нѣкоторыя гражданскія дѣла могутъ проходить четыре инстанціи.

Дѣла по преступленіямъ и проступкамъ проходятъ двѣ

или три инстанціи. Проступки за которые полагается выговоръ, денежное взысканіе до 10 рублей и арестъ до 7 дней, подлежатъ окончательному сужденію суда полиціи исправительной, въ качествѣ второй инстанціи; дѣла за которыя полагается арестъ до трехъ недѣль, рѣшаются окончательно въ судѣ уголовномъ; всѣ другіе проходятъ три инстанціи. Потомственные и личные дворяне, лица имѣющія ордена и знаки отличія, жены и дѣти личныхъ дворянъ состоящихъ въ должностяхъ VII и VIII классовъ, судятся за всѣ преступленія и проступки въ первой инстанціи въ судѣ уголовномъ, съ правомъ обжалованія въ судъ аппелляціонный, какъ во вторую инстанцію, а на приговоръ аппелляціоннаго суда въ X департаментъ Сената. Такой порядокъ имѣетъ то важное неудобство что дѣло объ одномъ и томъ же преступленіи, совершенномъ вмѣстѣ лицами привилегированными и непривилегированными, дробится между различными судами и проходитъ, смотря по правамъ состоянія лицъ, для однихъ только двѣ низшія инстанціи, а для другихъ три, начиная притомъ прямо съ уголовнаго суда.

Третьимъ важнымъ недостаткомъ разсматриваемаго судоустройства слѣдуетъ признать отдѣльность гражданскихъ судовъ отъ уголовныхъ. „Отдѣльность, введенная у насъ случайнымъ образомъ, — говоритъ одинъ изъ уважаемыхъ польскихъ юристовъ, — не можетъ быть оправдана никакой необходимостью, никакой теоріей. Напротивъ того, она крайне вредна, поддерживая заблужденіе, будто правосудіе нуждается въ иныхъ судьяхъ, въ особомъ производствѣ для гражданскихъ и въ особомъ для уголовныхъ дѣлъ. Она пагубна, потому что образуетъ двѣ спеціальности изъ того что должно составлять одно цѣлое. Гражданскіе законы могутъ быть изложены въ такихъ точныхъ и опредѣлительныхъ формулахъ что судья, обязанный прилагать ихъ къ дѣлу, привыкаетъ разсуждать исключительнно въ ихъ рамкѣ, нерѣдко въ ущербъ своей индивидуальности, не освѣжаемой непосредственными вѣяніями жизни. Онъ привыкаетъ не смотрѣть далѣе буквы закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утрачиваетъ понятіе о законѣ какъ о выраженіи жизненныхъ отношеній, разсматривая его всегда какъ нѣчто стоящее внѣ жизни. Уголовное право не можетъ быть съ одинаковымъ удобствомъ заключено въ такую точную формулу. Уголовный судья имѣетъ дѣло не съ однимъ писанымъ закономъ, но

и съ законами человѣческой мысли и чувства, съ началами нравственности и общественнаго блага. Его горизонтъ гораздо шире. Законодатель предоставляетъ въ дѣлѣ уголовной юстиціи многое усмотрѣнію и совѣсти судьи. Его отвѣтственность не исчерпывается одной легальною отвѣтственностью: нравственная отвѣтственность лежитъ на уголовномъ судьѣ предъ самимъ собою и обществомъ несравненно болѣе нежели на гражданскомъ. Не находя такой абсолютной опоры въ буквѣ закона, какую находитъ гражданскій судья, уголовный судья, долго занимаясь уголовными дѣлами, впадаетъ нерѣдко въ другую крайность — ищетъ опоры въ рутинѣ, въ практикѣ, съ большимъ еще вредомъ для своей индивидуальности. Такимъ образомъ одинъ теряетъ отъ того что вѣчно ходитъ съ опорой, другой — что безъ опоры. Только при соединеніи этихъ занятій судья въ состояніи будетъ вносить въ разсмотрѣніе уголовнаго дѣла свѣжія умственныя силы, привычку обсуждать данное происшествіе со всѣхъ точекъ зрѣнія, а къ дѣлу гражданскому тотъ свободный отъ формализма навыкъ къ самостоятельному сужденію, на которое законодатель такъ часто ссылается и которое никогда не должно исчезать въ судѣ. Исконное качество хорошаго юриста *divinarum et humanarum rerum notitia justi injustique scientia* не можетъ быть пріобрѣтено судьею при исключительномъ занятіи гражданскими или уголовными дѣлами, изъ коихъ одни вращаются въ предѣлахъ исключительно человѣческихъ, а другія божественнныхъ дѣлъ. Не безъ причины мы видимъ что судья повсюду занимается разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ. Во Франціи даже принято за правило что для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ присутствіе суда не можетъ быть составляемо изъ судей занимавшихся практикой только по гражданскимъ дѣламъ и что судья не обязанъ оставаться болѣе двухъ лѣтъ въ уголовномъ отдѣленіи суда." „Отдѣльность эта, продолжаетъ цитуемый нами юристъ, распространила невыгодное мнѣніе, будто для дѣлъ гражданскихъ нужно болѣе способностей, нежели для дѣлъ уголовныхъ; тогда какъ тѣ и другія требуютъ различныхъ способностей, которыя лишь въ совокупности могутъ образовать настоящаго судью. По каждому дѣлу, по гражданскому и уголовному, судья ищетъ истины, а потому и долженъ употребить въ дѣло всѣ свои умственныя способности для достиженія

предположенной цѣли. Въ этомъ отношеніи судья философъ, а это понятіе недѣлимо.“

Отсутствіе верховнаго учрежденія для наблюденія за правильнымъ и единообразнымъ примѣненіемъ закона принадлежитъ также къ числу важныхъ недостатковъ современной организаціи. Прекращеніе кассаціоннаго порядка, установленнаго на короткое время въ герцогствѣ Варшавскомъ, имѣло весьма вредное вліяніе на судебную практику, давъ возможность развиться въ ней различному пониманію въ разныхъ судахъ одного и того же закона. Изъ замѣчаній польскихъ юристовъ на судебные уставы Имперіи видно что отсутствіе подобнаго органа имѣло такое вліяніе на толкованіе и примѣненіе законовъ что нѣкоторые изъ нихъ представляются неудовлетворительными и недостаточными лишь по причинѣ ихъ дурнаго толкованія.

IV.

Совершенно ненормальны организація и положеніе въ судѣ какъ прокурорскаго надзора, такъ и адвокатуры.

Въ Царствѣ прокурорскій надзоръ введенъ вмѣстѣ съ новымъ учрежденіемъ гражданскихъ судебныхъ установленій, въ 1808 году, какъ необходимая принадлежность французскаго гражданскаго судопроизводства, получившаго обязательную силу вмѣстѣ съ кодексомъ 1го мая того же года. Въ 1810 году послѣдовала организація уголовныхъ судебныхъ установленій также по французскому образцу и, слѣдовательно, съ прокурорскимъ надзоромъ; но такъ какъ при этомъ остались въ силѣ прежніе уставы уголовнаго судопроизводства: прусскій и австрійскій, которымъ чуждо учрежденіе прокурорскаго надзора, то онъ получилъ при уголовныхъ судахъ тотчасъ же иной характеръ, нежели во Франціи. Сначала онъ даже не имѣлъ опредѣленнаго значенія и былъ введенъ въ систему уголовной судебной системы единственно, повидимому, для сохраненія симметріи въ постройкѣ новаго судоустройства, скопированнаго съ французскаго. Разновременность учрежденій 1808 и 1810 года и поспѣшность съ которою въ то время переносили въ Герцогство французскія учрежденія была главною причиною того разъединенія уголовной и гражданской юстиціи, которое

составляетъ главный недостатокъ всего послѣдующаго устройства судебныхъ учрежденій въ Царствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишило силы и организаціи прокуратуру. Единство прокурорскаго надзора, его строгая іерархическая подчиненность, составляющая его силу во Франціи, не существуетъ въ Царствѣ съ самаго появленія этого института въ герцогствѣ Варшавскомъ. При гражданскихъ и уголовныхъ судебныхъ установленіяхъ учреждаются особые прокуроры, тѣ и другіе исполняютъ различныя функціи, не находясь между собою въ тѣсной связи, не образуя одного особаго, цѣльнаго учрежденія прокуратуры. Положеніе прокуроровъ при гражданскихъ судахъ тотчасъ же опредѣлилось съ совершенною точностью. Права и обязанности чиновъ прокурорскаго надзора основывались на гражданскомъ кодексѣ, уставѣ гражданскаго судопроизводства, преимущественно на книгѣ 1, раздѣл. 2, ст. 83 и 84, о сообщеніи дѣлъ прокурорамъ, и на торговомъ уставѣ (глава о возстановленіи торговой чести, ст. 606 и слѣд.). Другія обязанности ихъ были опредѣлены и развиты въ послѣдствіи особыми законодательными и другими актами. Напротивъ, при уголовныхъ судахъ учрежденіе прокурорскаго надзора не скоро получило опредѣленный характеръ. Въ первоначальной „уголовной инструкціи“ 1806 года о правахъ и обязанностяхъ прокуроровъ упоминается вскользь. Инструкція эта вовсе не возлагаетъ на нихъ обязанности обвиненія, которое поддерживается (по назначенію суда) однимъ изъ адвокатовъ. По силѣ уголовной организаціи 1810 года, хотя составленіе обвинительнаго акта и преслѣдованіе обвиняемаго предъ судомъ и предоставлено чинамъ прокурорскаго надзора, которые, впрочемъ, сохранили право возложить послѣднюю обязанность на адвокатовъ, однако обязанности прокуроровъ какъ публичныхъ обвинителей не имѣли ни практическаго примѣненія, ни систематическаго развитія; эта важная сторона установленія была парализована тѣмъ что учрежденные тогда подсудковскіе суды, переименованные въ послѣдствіи въ суды полиціи исправительной, были обязаны ex officio возбуждать производство уголовныхъ дѣлъ и поддерживать преслѣдованіе преступленія. Всѣ дѣйствія прокуроровъ ограничились наблюденіемъ за движеніемъ уголовныхъ дѣлъ и предъявленіемъ письменныхъ заключеній относительно дополненія слѣдствій, при-

знанія виновности или невиновности подсудимаго и примѣненія закона.

Измѣненія въ организаціи судебныхъ установленій Царства и предѣлахъ ихъ вѣдомства *въ существѣ* не измѣнили правъ и обязанностей прокуроровъ, были только точнѣе опредѣлены ихъ подчиненность и отношеніе къ судамъ,—были возложены на нихъ обязанности по наблюденію за исполненіемъ рѣшеній и приговоровъ судебныхъ мѣстъ, за движеніемъ дѣлъ особенно интересующихъ правительство и т. п. Изъ правительственныхъ постановленій спеціально относящихся къ опредѣленію обязанностей и правъ прокурорскаго надзора, мы отмѣтимъ только одно, именно Высочайшій указъ 4го іюня 1834 года, предоставившій прокурорамъ при уголовныхъ судахъ право въ опредѣленныхъ случаяхъ переносить дѣла по аппелляціи въ высшія инстанціи. Такимъ образомъ сущность прокурской обязанности въ Царствѣ состоитъ единственно въ предъявленіи заключеній по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ, въ наблюденіи за охраненіемъ силы закона и за исполненіемъ приговоровъ. Обвинительная же власть, составляющая главную характеристику господствующаго на континентѣ типа прокуратуры, ограничивается правомъ возбуждать уголовныя дѣла, правомъ, впрочемъ, имѣющимъ мало примѣненія на практикѣ. Эта слабость института прокуратуры весьма ясно сознавалась всегда польскими юристами. „Въ странѣ *гдѣ общественная безопасность и законный порядокъ вовсе не ограждаются непосредственнымъ участіемъ общества въ преслѣдованіи преступныхъ цѣлей* и гдѣ безмѣрное неравенство положенія и раздѣленія богатствъ, личный интересъ и мелкія политическія страсти составляютъ отрицательную сторону общества", говоритъ одинъ изъ проектовъ уголовнаго судопроизводства, составленный чинами польскаго судебнаго вѣдомства,—публичный искъ долженъ быть ввѣренъ сильно организованному учрежденію, быстрота, сила и единство дѣйствій коего служили бы вѣрнымъ ручательствомъ въ неуклонномъ укрощеніи всѣхъ преступныхъ дѣяній. Польскіе юристы, обсуждая проекты судоустройства и судопроизводства въ 1852 и 1856 годахъ, находили необходимымъ дать институту прокуратуры еще бо́льшее развитіе и власть, нежели составители нашихъ судебныхъ уставовъ.

Если прокурорскій надзоръ существуетъ въ Царствѣ срав-

нительно еще не много времени и не успѣлъ, какъ учрежденіе не пустившее корней въ народной жизни, съ 1808 года до настоящаго времени сложиться въ прочную организацію, то, напротивъ того, адвокатура имѣетъ весьма почтенную исторію. Въ 1347 году Вислицкій статутъ постановилъ что „такъ какъ не каждый способенъ самъ ходить по своему дѣлу, то мы повелѣваемъ чтобы каждый человѣкъ безъ различія состоянія наряжалъ на судъ рѣчника". Такой рѣчникъ назывался по-латыни procurator, а по-польски, смотря по мѣстности, пѣрца, пржилравца, прокураторъ. Первоначально его обязанности заключались исключительно въ произнесеніи рѣчей и въ веденіи судебныхъ словопреній, въ присутствіи стороны, которая сама управляла процессомъ. Въ концѣ XV вѣка уже появляются сеймовыя конституціи въ которыхъ прокураторы разсматриваются какъ составная часть судоустройства, какъ сословіе стоящее въ постоянныхъ отношеніяхъ къ суду и обществу. Въ 1496 году прокураторовъ было уже достаточное число при всѣхъ судахъ. Законодатель пользуется этимъ и постановляетъ что, по прошенію лица не имѣющаго рѣчника и не умѣющаго изложить свое дѣло, судъ обязанъ дать ему способнаго рѣчника. Рождается уже понятіе объ обязательной защитѣ по дѣламъ бѣдныхъ, которое дѣлалось съ каждымъ годомъ опредѣлительнѣе и уже въ 1768 году одна конституція придаетъ силу закона установившемуся обычаю что „по дѣламъ personarum, miserabilium et incarceratorum, трибуналъ обязанъ назначать защитника (латрона) и назначенный не долженъ отказываться отъ защиты sub animadversione judicii." Основной законъ опредѣлившій права и обязанности сословія адвокатовъ появился въ 1511 году. Адвокатамъ разрѣшено было исполнять всѣ дѣйствія по производству дѣла, не нуждаясь для сего въ соприсутствіи стороны или въ спеціальной довѣренности. Вмѣстѣ съ этимъ частный характеръ довѣреннаго смѣнился публичнымъ: они числятся при судѣ, состоятъ подъ его надзоромъ, даютъ присягу въ томъ что не примутъ неправаго дѣла, что не будутъ вчинать неправильныхъ исковъ и напрасно тянуть въ судъ гражданъ въ качествѣ свидѣтелей. Виновный въ несоблюденіи даннаго клятвеннаго обѣщанія лишался права на производство дѣлъ во всѣхъ судахъ Царства (1543). *Онъ лишался этого права и*

тогда когда позволялъ себѣ у рѣшетки суда (barreau) оскорбить противную сторону. За убытокъ понесенный его довѣрителемъ по его винѣ онъ наказывался „какъ слуга за мошенничество“ (1548). За стачку съ противною стороной, во вредъ своему кліенту, защитникъ подвергался смертной казни (1638 года). Такимъ образомъ уже въ началѣ XVI столѣтія понятіе о правахъ и обязанностяхъ адвоката въ своихъ существенныхъ чертахъ было установлено въ томъ же смыслѣ въ какомъ мы находимъ его и въ судебныхъ уставахъ Имперіи. Ихъ важное значеніе въ общественной жизни отражается на присвоенныхъ имъ именахъ: въ XVII вѣкѣ адвокаты называются патронами; въ XVIII патроны при верховномъ судѣ именуются меценасами. Канцеляріи защитниковъ наполнялись лучшею молодежью тогдашняго общества. Знаніе права въ старой Польшѣ, какъ въ Римѣ, Англіи, Франціи, открывало путь къ политической карьерѣ, считалось необходимою предварительною школой для общественной дѣятельности. Это знаніе болѣе всего привлекало молодыхъ людей въ канцеляріи адвокатовъ. Всѣ патроны или меценасы съ своими помощниками и судебными аппликантами (кандидатъ на судебную должность) составляли при каждомъ судѣ *палестру* (barreau). Помощники были двухъ родовъ; поступивъ съ нѣкоторою уже практическою подготовкой въ канцелярію патрона, помощникъ нѣкоторое время работалъ у него въ канцеляріи и назывался депендентомъ. Пріобрѣтя надлежащія познанія, депендентъ получалъ разрѣшеніе помогать своему патрону въ засѣданіяхъ суда „у рѣшетки“ и заступать его въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тогда уже назывался агентомъ. Вступавшій въ число патроновъ принималъ въ присутствіи суда присягу, формы которой часто измѣнялись и дополнялись, но сущность которой весьма напоминаетъ присягу установленную судебными уставами 1864 года.

Весь публичный характеръ, весь корпоративный строй адвокатуры исчезъ съ паденіемъ Польши. Меценасы и патроны опять обратились въ частныхъ повѣренныхъ, какими были до Вислицкаго статута, какими были современные имъ адвокаты Пруссіи и Австріи, безъ самостоятельности, безъ голоса при рѣшеткѣ.

Въ 1807 году, со введеніемъ французскихъ законовъ

защитники отчасти возвратили себѣ прежнее значеніе. По „организаціи судебныхъ мѣстъ“ 1808 года было опредѣлено необходимое число защитниковъ (обронцевъ) при трибуналахъ, аппелляціонномъ судѣ и кассаціонномъ судѣ, которые при трибуналѣ назывались патронами, при аппелляціонномъ судѣ — адвокатами и при кассаціонномъ судѣ — меценасами. Изъ офиціальныхъ актовъ того времени видно что правительство имѣло въ виду установленный комплектъ защитниковъ организовать на корпоративномъ началѣ. Въ 1809 открыты были палаты защитниковъ (избы обронче) въ Плоцкѣ, Ломжѣ, Быдгощѣ. При спорныхъ отдѣленіяхъ мироваго суда былъ также установленъ комплектъ защитниковъ, не болѣе четырехъ. По первоначальной мысли организаціи 1808 года, патроны, адвокаты и меценасы имѣли право вести дѣла только въ тѣхъ судахъ при которыхъ они состояли. Въ послѣдствіи это основаніе измѣнилось. Въ 1813 году кассаціонный судъ прекратилъ свою дѣятельность. Временное правительство, какъ мы уже говорили, перенесло уголовныя функціи этого учрежденія на аппелляціонный судъ, въ силу чего меценасы стали являться тамъ по дѣламъ уголовнымъ, а допустивъ ихъ по дѣламъ уголовнымъ, правительство пришло къ заключенію что нѣтъ основаній отказывать имъ ходатайствовать въ аппелляціонномъ судѣ и по дѣламъ гражданскимъ. Затѣмъ въ 1815 году былъ учрежденъ судъ высшей инстанціи для гражданскихъ дѣлъ; ходатайство по этимъ дѣламъ было попрежнему предоставлено меценасамъ, сохранившимъ за собой право являться защитниками по дѣламъ уголовнымъ въ аппелляціонномъ судѣ. Такимъ образомъ меценасы, вслѣдствіе раздѣленія аттрибуцій кассаціоннаго суда, получили право ходатайствовать въ двухъ высшихъ инстанціяхъ. При новомъ судоустройствѣ судебное вѣдомство признавало необходимымъ все сословіе защитниковъ устроить на началахъ корпораціи. Въ 1819 году въ этомъ смыслѣ проектировано было учрежденіе адвокатуры при аппелляціонномъ судѣ и Варшавскомъ трибуналѣ. Но времена Священнаго Союза неблагосклонно смотрѣли на общественныя организаціи не имѣющія чиновничьяго характера. Испуганныя общественными потрясеніями, корень которыхъ, главнымъ образомъ, находился въ ненормальномъ отношеніи власти къ гражданамъ, въ злоупотребленіяхъ того же чиновничества, государ-

ственные люди Священнаго Союза думали устраненіемъ общества отъ самодѣятельности, стѣсненіемъ правильнаго и свободнаго проявленія общественныхъ силъ, достигнуть того покоя въ которомъ нуждалась Европа, но который они отождествляли съ безгласностью общества подъ рукой всевластной политической администраціи. Видя крушеніе древнихъ государственныхъ учрежденій, упускали изъ вида что не въ однихъ политическихъ учрежденіяхъ проявляется общественная жизнь и что не прочна никакая политическая система учрежденій, если она не опирается на цѣлый порядокъ организованныхъ общественныхъ интересовъ, на цѣлый рядъ союзовъ, не имѣющихъ государственнаго характера въ тѣсномъ смыслѣ, но въ которыхъ общество привыкаетъ къ совокупной дѣятельности, въ которыхъ оно живѣе сознаетъ и чувствуетъ свои спеціальныя права, пріучается дорожить ими, пріучается дорожить тѣмъ порядкомъ государственнымъ который охраняетъ ихъ. Повторяемъ, въ то время народно-психологическая важность корпоративныхъ учрежденій была оттѣснена, непризнана узкимъ политическимъ, доктринарнымъ либерализмомъ, въ которомъ вообще нельзя отказать большинству либеральныхъ сподвижниковъ Александра I. Корпоративное устройство адвокатуръ, единственное которое ограждаетъ общество, единственное которое можетъ способствовать высокому развитію этого сословія, — а едва ли можно сомнѣваться что правительство, учреждая этотъ институтъ, не задавалось мыслью дать ему возможность къ полному совершенствованію — это корпоративное устройство признано было неудобнымъ. Защитники остались судебными чиновниками и съ этого момента начинается продолжительный и непрерывный упадокъ адвокатскаго сословія.

Съ учрежденіемъ Варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената наименованіе меценасовъ было замѣнено названіемъ защитниковъ при Варшавскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ. Строго говоря, и права ихъ вести дѣла въ судѣ апелляціонномъ должны бы были кончиться, но однако права эти не подверглись никакому измѣненію, несмотря на то что кассаціонный порядокъ вовсе былъ уничтоженъ. Таковъ историческій ходъ образованія права меценасовъ ходатайствовать по дѣламъ производящимся въ апелляціонномъ судѣ. Гораздо труднѣе объяснить какимъ образомъ меценасы и адвокаты получили право защи-

щать дѣла въ трибуналахъ, гдѣ въ 1808 году были установлены особые защитники подъ названіемъ патроновъ. Впервые мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ въ 1815 году: министръ юстиціи высказываетъ положительное мнѣніе что въ трибуналахъ, кромѣ патроновъ, имѣютъ право являться защитниками адвокаты и меценасы. Изъ этого циркуляра однако не видно на чемъ основано такое право; поводомъ же къ изданію такого циркуляра было постановленіе Варшавскаго гражданскаго трибунала, запрещающее адвокатамъ и меценасамъ хожденіе по дѣламъ въ трибуналѣ и основанное на томъ что дѣйствующими законами и постановленіями имъ было дозволено только окончить начатыя ими дѣла въ трибуналѣ, но не начинать новыхъ. Сверхъ того трибуналъ находилъ что участіе меценасовъ и адвокатовъ въ трибунальскихъ дѣлахъ препятствуетъ образованію дѣльныхъ и способныхъ патроновъ, не дозволяя и самимъ адвокатамъ и меценасамъ, обремененнымъ занятіями при высшихъ судахъ, относиться съ надлежащею внимательностью къ трибунальскимъ дѣламъ, которыя поручаются ими обыкновенно своимъ депендентамъ. Эти соображенія трибунала, правильныя съ извѣстной точки зрѣнія, были отмѣнены упомянутымъ циркуляромъ министра юстиціи, 24го января 1815 года, на томъ основаніи что судъ не имѣетъ права собственною властью *измѣнять* существующую судебную организацію, и что о всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ, какъ въ законахъ, такъ и въ судоустройствѣ, суды обязаны дѣлать сообщенія министру юстиціи. Этотъ фактъ любопытенъ и характеристиченъ самъ по себѣ. Во всякомъ неразвитомъ государственномъ бытѣ, начинающемъ свое прогрессивное движеніе съ раздѣленія судебной и административной власти, съ дифференцированія, если позволено такъ выразиться, государственныхъ функцій, отдѣльные органы заботятся не о томъ чтобъ оставаясь вѣрными общему духу своихъ функцій, совершенствовать ихъ отправленіе и тѣмъ самымъ помогать общему развитію государственнаго организма; но о томъ чтобы забрать побольше власти, хотя бы изъ чуждыхъ имъ сферъ. Столкновеніе и глухая борьба суда и судебной администраціи въ такихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, весьма нерѣдкое явленіе. Въ разказанномъ нами случаѣ трибуналъ поступалъ совершенно правильно. Онъ устранялъ не недостатокъ закона или постановленія, но устранялъ явленіе воспрещенное закономъ, ис-

полнялъ свою обязанность, возстановляя въ предѣлахъ своего вѣдомства законный порядокъ. Но канцелярскій, административный характеръ министерства не могъ переварить такого самостоятельнаго, хотя и совершенно правильнаго отношенія суда къ его дѣламъ. Администрація не могла понять что судъ не имѣетъ права быть политическимъ учрежденіемъ и дѣйствовать сообразно временнымъ, измѣнчивымъ условіямъ внутренней политики, что судъ долженъ заботиться объ одномъ, чтобы признанныя закономъ юридическія отношенія были неуклонно соблюдаемы, что всякій иной образъ дѣйствія будетъ равносиленъ отреченію суда отъ его консервативнаго назначенія, отрицанію закона во имя произвола, и произвольно утвердила незаконный обычай.

Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ былъ оставленъ безъ законодательнаго разрѣшенія. Судебная организація, вслѣдствіе отсутствія несмѣняемости судей, лишенная главнаго основанія устойчивости и независимости, подчинилась этому распоряженію и министерскій циркуляръ остался видимымъ основаніемъ правъ адвокатовъ и меценасовъ защищать дѣла въ трибуналахъ, такъ что въ настоящее время меценасы могутъ вести дѣла во всѣхъ инстанціяхъ, адвокаты—въ аппелляціонномъ судѣ и трибуналахъ, а патроны лишь въ трибуналахъ. Они признаны состоящими въ государственной службѣ, имѣютъ право переходить на соотвѣтственныя штатныя должности и приступать къ эмеритальному обществу. Повышеніе въ степеняхъ зависитъ отъ правительственной коммиссіи юстиціи.

Очевидно что такой порядокъ не выгоденъ для тяжущихся, для адвокатуры, для всей судебной организаціи. Прежде всего стороны, перенося дѣла въ высшую инстанцію, должны мѣнять и своихъ судебныхъ представителей, безъ которыхъ вообще по закону нельзя обойтись въ процессѣ, или же пользоваться услугами двухъ защитниковъ разомъ, а потому издержки процесса увеличиваются. Кромѣ двойныхъ издержекъ невыгоды организаціи отражаются и на судьбахъ процесса. Патронъ, изучивъ дѣло, давъ ему первоначальное направленіе, строго говоря, долженъ бы былъ его оставить при переносѣ въ высшую инстанцію, а тяжущіеся должны бы выбрать себѣ адвоката или меценаса, но въ дѣйствительности продолжаетъ вести дѣло адвокатъ или патронъ начавшій его: онъ сочинялъ и всѣ бумаги и самую защити-

тельную рѣчь, меценасъ же является не болѣе какъ подставнымъ лицомъ, читаетъ и говоритъ то что внушено патрономъ и, не изучивъ дѣла самостоятельно, нерѣдко становится въ тупикъ, не имѣя возможности указать какое-либо обстоятельство ведомаго имъ дѣла, а потому и проигрываетъ самое дѣло. Это не предположенія, но факты засвидѣтельствованные официальными актами. Такой порядокъ вещей возбуждалъ постоянныя жалобы частныхъ лицъ. Къ главному директору правительственной коммиссіи юстиціи,—должность соотвѣтствующая нашему министру юстиціи,—поступали нерѣдко прошенія о дозволеніи защитникамъ низшихъ степеней суда, пользующимся довѣріемъ сторонъ, вести дѣла и въ высшихъ инстанціяхъ. Главный директоръ въ однихъ случаяхъ признавалъ просьбы заслуживающими уваженія, а въ другихъ отказывалъ на основаніи строгаго права. Дозволеніе давалось въ слѣдующей формѣ: патронамъ дозволялось защищать дѣло въ аппелляціонномъ судѣ *при ассистенціи адвоката*, а адвокатамъ въ Сенатѣ при ассистенціи меценаса, то-есть смотря по инстанціи, патронъ и адвокатъ были главными дѣятелями, вели процессъ, произносили состязательныя рѣчи, а состоящій при судѣ защитникъ присутствовалъ единственно для формальнаго соблюденія закона по которому адвокатъ состоящій при низшей инстанціи не могъ вести дѣла въ инстанціяхъ высшихъ.

Іерархическое построеніе адвокатуры, дѣйствующее теперь, было, какъ мы упомянули вскользь выше, не чуждо и старопольскому быту. Въ нынѣшней организаціи удержался тотъ типъ основанія котораго скрываются въ сѣдой древности, выработанный отчасти въ народномъ судоустройствѣ края. Потому нѣтъ удивительнаго что несмотря на несогласимость такого порядка съ нормальнымъ для континента французскимъ типомъ адвокатуры, въ Царствѣ мѣстные юристы въ своихъ замѣчаніяхъ на судебные уставы Имперіи высказывались хотя и не единогласно, въ пользу сохраненія степеней въ адвокатурѣ. Они говорили что возможность повышенія и перехода съ низшей степени на высшую заставляетъ быть усерднѣе и избѣгать такихъ поступковъ которые мѣшали бы повышенію; что постепенный переходъ отъ дѣлъ менѣе важныхъ къ болѣе сложнымъ служитъ къ постепенному развитію защитниковъ, но эти соображенія не выдерживаютъ никакой критики. Законъ требуетъ и теперь отъ всѣхъ защит-

никовъ одинаковыхъ условій для вступленія въ это званіе; обязанности всякихъ защитниковъ, при всякомъ судѣ, однѣ и тѣ же, стало-быть и права должны быть одни и тѣ же; выяснить юридическій вопросъ, дать правильное направленіе тяжебному дѣлу, составляетъ самый трудный и рѣшительный моментъ, а эта задача выпадаетъ всегда на долю защитниковъ при трибуналѣ. Что касается до повышенія какъ стимула для тщательнаго отправленія своихъ обязанностей, то едва ли слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣтскомъ аргументѣ. Обязанность должна быть добросовѣстно исполнена по чувству долга, а не изъ приманки, и корпоративный судъ, карающій за неисполненіе законныхъ или даже нравственныхъ обязанностей адвоката къ кліенту, конечно, представляетъ болѣе солидныя гарантіи для общества, для заинтересованныхъ лицъ, нежели всевозможныя служебныя отличія, разсчитанныя преимущественно на вліяніе мелкаго тщеславія на человѣческую природу. Отсутствіе корпоративнаго начала составляетъ другой коренной недостатокъ нынѣшней адвокатуры, но о немъ мы будемъ говорить ниже, равно какъ и о коренномъ недостаткѣ магистратуры — отсутствіи несмѣняемости судей. Въ настоящее время мы закончимъ обзоръ судоустройства и его недостатковъ немногими замѣчаніями о слѣдственной части въ Царствѣ Польскомъ. Тамъ въ настоящее время нѣтъ особыхъ судебныхъ органовъ для раскрытія преступленія. По установленному порядку открытіе слѣдовъ совершеннаго преступленія и розыскъ предполагаемыхъ виновниковъ его лежатъ на обязанности полиціи; затѣмъ первоначальное изслѣдованіе дѣла и удостовѣреніе въ томъ что такое-то преступленіе дѣйствительно учинено (corpus delicti) представлено судамъ мировымъ, въ качествѣ простыхъ полицейскихъ судовъ; наконецъ, окончательное изслѣдованіе уголовныхъ преступленій производится судами полиціи исправительной, но такъ какъ этихъ судовъ очень мало, то это дѣло поручается, по большей части, тѣмъ же мѣстнымъ мировымъ судамъ. Такимъ образомъ предварительное слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ принадлежитъ въ Царствѣ тремъ различнымъ властямъ: полиціи, судамъ мировымъ и судамъ полиціи исправительной. Такое дробленіе одного и того же дѣла, успѣшный исходъ котораго прежде всего зависитъ отъ ясно сознанной одной руководящей мысли и отъ энергическаго ея исполненія, поражаетъ вялостью все пред-

варительное изслѣдованіе дѣла и сильно препятствуютъ открытію истины. Всѣ проекты судебнаго преобразованія составленные мѣстными юристами указывали на этотъ недостатокъ и единственнымъ средствомъ устранить его признавали сосредоточеніе производства предварительныхъ слѣдствій у одной и той же власти.

Таковы существенные недостатки дѣйствующаго судоустройства въ Царствѣ Польскомъ, устраняемые, хотя и не вполнѣ, какъ это мы увидимъ, Положеніемъ 19го февраля 1875 года. Теперь мы перейдемъ къ обозрѣнію судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и его недостатковъ.

V.

Дѣйствующій нынѣ въ Царствѣ Польскомъ порядокъ гражданскаго судопроизводства опредѣляется французскимъ кодексомъ гражданскаго процесса, введеннымъ въ Царствѣ въ 1808 году, и не подвергшимся почти никакимъ измѣненіямъ. Этотъ кодексъ послужилъ образцомъ для всѣхъ новѣйшихъ уставовъ судопроизводства, въ томъ числѣ и для устава 20го ноября 1864 года, почему между нашею и польскою гражданскою процедурой существуетъ родственное сходство. И тамъ и здѣсь допущена гласность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, устному производству дается предпочтеніе предъ письменнымъ; судъ въ своихъ дѣйствіяхъ почти безусловно ограничивается предѣлами требованій тяжущихся сторонъ и лишь въ очень немногихъ случаяхъ дѣйствуетъ въ процессѣ ex officio. Существующія, тѣмъ не менѣе, различія составляютъ тѣ усовершенствованія и упрощенія которыя указаны практикой, какъ необходимыя для французскаго процесса и которыми удачно воспользовались составители судебныхъ уставовъ 20го ноября 1864 года.

Въ чистомъ своемъ видѣ французскій кодексъ стоитъ ближе къ нашему уставу, но съ 1809 года онъ уже начинаетъ понемногу уклоняться отъ своего типа. Въ 1809 году были учреждены административные суды, въ 1817 году нѣкоторыя казенныя дѣла подчинены вѣдѣнію правительственныхъ коммиссій (министерствъ), военнымъ управленіямъ (1847 года), и вслѣдствіе этихъ распоряженій значительная часть гражданскихъ исковъ стала подсудна не суду, а административнымъ

властямъ. Въ 1816 году учреждена была прокураторія Царства, которой спеціально было ввѣрено судебное охраненіе интересовъ казны и учрежденій, и для этихъ дѣлъ былъ установленъ особый порядокъ, существенно отличающійся отъ общихъ процессуальныхъ правилъ. Такимъ образомъ въ Царствѣ судамъ подсуденъ не всякій споръ о правѣ гражданскомъ. Съ другой стороны, имъ подсудны въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла о недѣйствительности брака и о разводѣ, изъятыя въ Имперіи изъ общей подсудности.

Въ Царствѣ всѣ дѣла начинаются обязательнымъ примирительнымъ разбирательствомъ у мироваго судьи. За неявку взыскивается штрафъ (10 фр.), чѣмъ въ Польшѣ обыкновенно и оканчивается примирительное разбирательство, хотя во Франціи, благодаря этому правилу, огромная масса дѣлъ прекращается у мироваго судьи. Съ теоретической точки зрѣнія, однако, этотъ порядокъ давно вызываетъ весьма сильныя нападки. Послѣ примирительнаго разбирательства начинается тяжба тѣмъ что истецъ вручаетъ отвѣтчику черезъ вознаго (судебнаго пристава) вызовъ (позевъ) въ судъ. Докладъ членамъ суда дѣлается лишь тогда когда судъ признаетъ что словесныя объясненія сторонъ недостаточно разъяснили дѣло, и послѣ доклада стороны уже не могутъ прибавлять къ докладу какія-нибудь словесныя разъясненія. Существуютъ различія и въ отводахъ тяжущихся лицъ. Допускается особое судебное дѣйствіе „разспросъ тяжущихся судомъ объ обстоятельствахъ дѣла“ по прошенію одной изъ сторонъ, причемъ въ случаѣ неявки стороны для разспроса или въ случаѣ отказа ея отвѣчать на вопросы судьи, обстоятельства долженствовавшія разъясниться изъ разспроса признаются доказанными. Въ числѣ доказательствъ нѣтъ дознанія чрезъ окольныхъ людей, за то удержаны два вида присяги: присяга можетъ быть или предложена одною стороной другой сторонѣ, которая или принимаетъ присягу, или предоставляетъ принять ее предлагающей сторонѣ, или же назначается одной изъ сторонъ судомъ. При отсутствіи кассаціоннаго порядка, въ Царствѣ отмѣна рѣшеній происходитъ нѣсколько иначе, нежели у насъ. Таксы судебныхъ издержекъ не существуетъ и вознагражденіе оправданной сторонѣ опредѣляется по усмотрѣнію суда. Способы исполненія судебныхъ рѣшеній также отличаются отъ нашихъ: нѣтъ самостоятельныхъ правилъ о вводѣ во владѣніе присужденнымъ имуществомъ.

Существуетъ, кромѣ продажи имущества, отдача имущества должника въ арендное содержаніе съ публичнаго торга; личное задержаніе должника допускается не за всякій долгъ, а лишь по обязательствамъ извѣстнаго рода и въ случаяхъ специально опредѣленныхъ законами. При этомъ время задержанія подъ арестомъ не соразмѣряется съ количествомъ долга и крайній срокъ задержанія не опредѣленъ; наконецъ, изъятія отъ личнаго задержанія опредѣлены иначе чѣмъ у насъ. Особаго порядка для взысканія вознагражденія съ должностныхъ лицъ за причиненные ихъ дѣйствіями убытки въ Царствѣ не установлено. Постановленія третейскаго суда подлежатъ обжалованію въ аппелляціонномъ порядкѣ. Нотаріальные акты исполняются непосредственно судебными приставами, безъ предварительнаго судебнаго разбирательства. Вотъ существенныя отличія тамошней процедуры отъ нашей. Далеко не всѣ они могутъ быть признаны недостатками, далеко не всѣ должны бы были подлежать отмѣнѣ. Нельзя того же сказать о дѣйствующемъ уголовномъ судопроизводствѣ.

Уголовное судопроизводство Царства Польскаго основано:

1. На австрійскомъ уставѣ 3го сентября 1803 года и прусскомъ уставѣ 20го декабря 1805 года. Австрійскій уставъ имѣетъ силу въ губерніяхъ: Люблинской, Радомской и Варшавской по правую сторону Вислы, а прусскій въ губерніи Варшавской по лѣвую сторону Вислы и въ губерніяхъ Августовской и Плоцкой.

2. На декретахъ герцога Варшавскаго короля Саксонскаго.

3. На постановленіяхъ русскаго правительства, по присоединеніи Царства Польскаго къ Россіи.

Коренные недостатки дѣйствующихъ законовъ могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи: 1) смѣшеніе суда съ властью слѣдственною и обвинительною, 2) слабое развитіе защиты обвиняемаго, 3) слабое развитіе судебныхъ преній и гласности засѣданій, 4) господство теоріи формальныхъ доказательствъ и 5) многочисленность судебныхъ инстанцій.

По прусскому уставу слѣдствіе производилось единоличнымъ судьей или членомъ низшаго суда, затѣмъ дѣло разсматривалось въ судѣ коллегіальномъ другимъ членомъ; въ судѣ же единоличномъ дѣло, по необходимости, разсматривалось и рѣшалось тѣмъ же судьей который производилъ

слѣдствіе. По австрійскому уставу слѣдствіе о преступленіяхъ производилось, по распоряженію суда, особымъ чиновникомъ, состоящимъ при судѣ. Судебный приговоръ постановлялся тѣмъ же уголовнымъ судомъ по распоряженію котораго производилось слѣдствіе надъ обвиняемымъ. По обоимъ уставамъ на обязанности суда лежало обвиненіе подсудимаго и разъясненіе обстоятельствъ дѣла. „Доказать преступленіе — говоритъ 364 параграфъ прусскаго устава — лежитъ на обязанности судьи". „Уголовный судъ обязанъ начать слѣдствіе о преступленіи, совершенномъ въ его округѣ, какъ только будетъ извѣщенъ о томъ молвою или инымъ какимъ-либо путемъ, или если самъ усмотритъ преступленіе" (§ 226 австр. уст.). Герцогскими декретами 26го іюля 1810 года и 19го февраля 1812 года на суды полиціи исправительной возложено производство слѣдствій по особо важнымъ дѣламъ, съ представленіемъ ихъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе уголовныхъ судовъ. На обязанности подсудка мироваго суда лежало все то что относится къ раскрытію corporis delicti, къ разысканію и задержанію обвиняемаго.

Постановленія прусскаго устава относительно защиты обвиняемаго носятъ на себѣ отпечатокъ того переходнаго времени въ которое появился уставъ. Новыя понятія о требованіяхъ суда и обвинительнаго порядка начинали проникать изъ области науки права въ сферу практическаго законодательства, но еще смутно сознавались практическою жизнью. Старинныя понятія и опасенія, унаслѣдованныя отъ эпохи инквизиціоннаго процесса и господства устрашительнаго принципа въ положительномъ уголовномъ правѣ, еще крѣпко держались въ умѣ юристовъ-практиковъ. Отсюда противорѣчія въ основныхъ началахъ. Повидимому прусскій уставъ давалъ обвиняемому довольно широкое право и средство защиты: избранный обвиняемымъ повѣренный или защитникъ имѣлъ право присутствовать, съ самого начала слѣдствія, при допросахъ обвиняемаго и свидѣтелей; обвиняемый могъ совѣщаться съ нимъ и передавать черезъ него защитительныя бумаги къ слѣдственному производству; но рядомъ съ этимъ наталкиваемся въ прусскомъ уставѣ на слѣдующую статью: „по дѣламъ о кражѣ, разбоѣ, мошенничествѣ и подобныхъ преступленіяхъ, когда они не влекутъ за собою присужденія къ десятилѣтней работѣ или болѣе тяжкимъ наказаніямъ, защитникъ дается обвиняе-

мому лишь тогда когда онъ *положительно потребуетъ его* (§§ 438 и 439). Нельзя не замѣтить что при такомъ изъятіи, наиболѣе многочисленный разрядъ дѣлъ могъ разрѣшаться, по старинному, на основаніи актовъ собранныхъ и избранныхъ однимъ судьей, когда обвиняемый, по незнанію, не требовалъ себѣ защитника положительно. Кромѣ того, по прусскому уставу, повѣренный имѣетъ право не совѣщаться съ обвиняемымъ, не прочитывать и не объяснять ему составленной о немъ защиты. По австрійскому уставу совсѣмъ не допускается защиты обвиняемаго. Защита вполнѣ возложена на безпристрастный судъ. Обвиняемый не можетъ требовать ни защитника, во время производства слѣдствія (объ этомъ, къ сожалѣнію, законъ умалчиваетъ и у насъ), ни сообщенія полученныхъ или собранныхъ при слѣдствіи свѣдѣній и доказательствъ: обвиняемый извѣщался только о предметѣ обвиненія и получалъ право лично и непосредственно сообщать что̀ онъ считаетъ нужнымъ для своей защиты. Послѣдующія узаконенія ввели въ эти порядки новыя правила. Съ 1810 года защита обвиняемаго получила *на судѣ* отдѣльное и самостоятельное значеніе. Въ уголовномъ судѣ никто не могъ быть судимъ безъ защитника. Этотъ принципъ былъ утвержденъ и положеніемъ 11го ноября 1847 года, по которому подсудимый имѣлъ право требовать и всегда получалъ себѣ защитника ex officio, если уголовное дѣло было таковаго свойства что окончательное рѣшеніе постановлялось аппеляціоннымъ судомъ.

По нѣмецкимъ уставамъ приговоръ постановлялся судомъ послѣ доклада дѣла однимъ изъ членовъ. Докладъ состоялъ въ изложеніи обстоятельствъ дѣла по актамъ слѣдствія, произведеннаго внѣ суда; въ единоличныхъ судахъ судья произносилъ приговоръ по дѣлу имъ самимъ обслѣдованному. По декрету 1810 года, докладъ остался письменнымъ, но уже докладъ читается при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи обвиняемаго. Однако это начало подверглось ограниченію въ 69 ст. Учр. Сената 26го марта 1842 года: подсудимые содержимые подъ стражею представляются въ присутствіе X департамента Сената лишь въ томъ случаѣ если самъ Сенатъ признаетъ это нужнымъ, а во время засѣданія могутъ находиться въ присутствіи, кромѣ подсудимыхъ и состоящихъ при судѣ защитниковъ, единственно тѣ которые имѣютъ на то позволеніе отъ первоприсутствующаго.

Недостатокъ общій и нашему старому судопроизводству и уголовной процедурѣ Царства Польскаго составляетъ теорія формальныхъ доказательствъ. Въ прусскомъ и австрійскомъ уставахъ съ точностью опредѣлено: когда и при какихъ условіяхъ различныя судебныя доказательства получаютъ законную силу. Доказательства же заключаются: 1) въ собственномъ сознаніи подсудимаго, 2) въ осмотрѣ и заключеніи свѣдущихъ людей, 3) въ показаніи свидѣтелей, 4) въ письменныхъ актахъ и 5) совокупности уликъ. Конечно, собственное сознаніе почитается главнѣйшимъ доказательствомъ содѣяннаго преступленія, и въ прусскомъ уставѣ 1805 года мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія относящіяся къ этому предмету: „когда упорный преступникъ дерзкою ложью и выдумками, упрямымъ запирательствомъ или совершеннымъ молчаніемъ можетъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, тогда, послѣ надлежащихъ увѣщаній и предостереженій, судья, изслѣдующій дѣло, обязанъ донести объ этомъ тому суду котораго онъ состоитъ членомъ, или высшему суду, съ приложеніемъ или безъ приложенія документовъ слѣдствія, смотря по обстоятельствамъ, и съ добросовѣстнымъ изложеніемъ свѣдѣній о состояніи здоровья обвиняемаго. Согласно такому донесенію, можетъ быть выданъ указъ о тѣлесномъ наказаніи обвиняемаго. На такой указъ жалоба не принимается. Тѣлесное наказаніе должно состоять, смотря по состоянію здоровья обвиняемаго, изъ опредѣленнаго указомъ числа ударовъ кнутомъ или розгами (Peitschen-oder Ruthenhieben)“ — (§§ 292, 293 и 296). Этотъ остатокъ *пытки* существовалъ въ царствѣ до 1864 года; указомъ 30го августа 1864 года онъ отмѣненъ вмѣстѣ съ постановленіемъ о „чрезвычайномъ наказаніи“. По прусскому уставу, убѣжденіе судьи имѣетъ *нѣкоторое значеніе* только при оцѣнки совокупности уликъ служащихъ къ изобличенію обвиняемаго. „Когда противъ обвиняемаго“, сказано въ уставѣ (§§ 491 и 405), „имѣются значительныя улики, хотя не составляющія совершеннаго доказательства, но согласныя между собою или пересиливающія противныя доказательства, тогда обвиняемый подвергается уменьшенному противъ установленнаго закономъ или такъ-называему чрезвычайному наказанію (ausserordentliche Strafe, Kara nadswyczajna). Послѣднее встрѣчается въ особенности тогда когда нѣсколько уликъ, согласныхъ между собою, подкрѣпляются еще дурнымъ характе-

ромъ и прежнимъ дурнымъ поведеніемъ обвиняемаго.“ По австрійскому уставу, сила внутренняго убѣжденія судьи не ограничивается однѣми уликами, но распространяется нѣкоторымъ образомъ на всѣ виды законныхъ доказательствъ. Уставъ предписываетъ не придавать рѣшающаго значенія доказательствамъ въ отдѣльности, но въ связи со всѣмъ изслѣдованіемъ. Въ австрійскомъ уставѣ признается законная сила и *одного* свидѣтельскаго показанія. Хотя дѣйствительность такого доказательства, какъ показаніе одного свидѣтеля, признана не въ видѣ общаго правила, но лишь въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ, тѣмъ не менѣе оно представляется намекомъ на принципъ: testes non numerantur sed ponuntur.

По прусскому уставу уголовныя дѣла или разрѣшались окончательно въ одной инстанціи, или проходили въ ревизіонномъ порядкѣ двѣ или три инстанціи. Кромѣ того, по всякому приговору могла быть представлена аппелляціонная жалоба. Та же многочисленность ревизіонныхъ инстанцій встрѣчается и въ австрійскомъ уставѣ, усиленная, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представленіемъ приговора на усмотрѣніе государя, если судъ назначалъ смертную казнь. Въ аппелляціонномъ порядкѣ дѣло могло проходить три инстанціи. Декретомъ 26го іюля 1810 года ревизіонный порядокъ былъ отмѣненъ. Сторонѣ недовольной рѣшеніемъ дѣла было предоставлено право жалобы, а прокурору право протеста въ одну аппелляціонную инстанцію по дѣламъ подвѣдомственнымъ какъ суду простой, такъ и исправительной полиціи. Что касается до болѣе важныхъ дѣлъ рѣшаемыхъ уголовными судами, то относительно ихъ декретъ 1810 года ограничивался установленіемъ кассаціоннаго порядка отмѣны приговоровъ, *предполагая ввести присяжныхъ засѣдателей* въ составъ уголовнаго суда. Предположеніе не состоялось и только черезъ 24 года разрѣшено было приносить аппелляціонныя жалобы на приговоры уголовныхъ судовъ (ук. 4го іюля 1834 года). Учрежденіе X департамента Сената и изданіе правилъ 26го марта 1847 года произвело общее измѣненіе въ числѣ инстанцій. На основаніи этихъ правилъ, каждое дѣло, по жалобѣ подсудимаго или по протесту прокурора, можетъ пройти двѣ аппелляціонныя инстанціи, то-есть побывать въ трехъ инстанціяхъ. Бываютъ случаи когда оно проходитъ и четвертую инстанцію, именно когда въ X

департаментѣ Сената не состоится единогласнаго приговора. Изъ предложеннаго краткаго обзора коренныхъ недостатковъ дѣйствующаго въ привислинскомъ краѣ уголовнаго судопроизводства видно что система польскаго уголовнаго процесса принадлежитъ къ разряду слѣдственныхъ и весь существующій порядокъ имѣетъ почти всѣ тѣ недостатки которые были замѣчены въ Имперіи при господствѣ слѣдственной системы и сознаніе которыхъ привело тамъ къ преобразованію уголовнаго судопроизводства на началахъ обвинительнаго процесса.

Разновременные и разноязычные уставы, унаслѣдованные отъ всѣхъ иноземныхъ властителей Польши, не приведенные въ систему, неполные, страдающіе внутренними противорѣчіями, доживаютъ свои послѣдніе дни. Соціальный экономическій переворотъ 1864 года открылъ эпоху преобразованій въ общественной и государственной организаціи привислинскаго края. Этотъ хаотическій строй судебныхъ учрежденій смѣняется новымъ, простымъ, удобнымъ порядкомъ изложеннымъ въ совершеннѣйшемъ законодательномъ памятникѣ нынѣшняго царствованія — судебныхъ уставахъ 20го ноября 1864 года. О примѣненіи уставовъ къ Царству, о положеніи 19го февраля 1875 года будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

М. СОЛОВЬЕВЪ.

ПАРЛАМЕНТСКОЕ СЛѢДСТВІЕ

О ДѢЙСТВІЯХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА

НАЦІОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

I.

Слѣдственная коммиссія коей поручено разсмотрѣніе дѣйствій правительства національной обороны оканчиваетъ возложенную на нее задачу. Совокупность ея работъ составитъ не менѣе пятнадцати томовъ in-quarto, въ которыхъ будущіе историки войны 1870 года и революціи 4го сентября найдутъ всевозможные матеріалы. Слѣдствіе выставляетъ вполнѣ на свѣтъ неопытность, иллюзіи, наивное тщеславіе революціонной партіи, которая не колебалась принять на себя 4го сентября продолженіе дѣла обанкрутившейся Имперіи, въ полномъ убѣжденіи что достаточно принятія ею правленія и „магическаго“ слова республика чтобъ отразить Нѣмцевъ за Рейнъ. Предаваясь подобнымъ иллюзіямъ, революціонная партія увлеклась заблужденіями пресловутаго преданія 1792 года. Не принимая въ разчетъ различія обстоятельствъ и перемѣнъ внесенныхъ въ условія вой-

ны прогрессомъ вооруженія, не разсудивъ что невозможно никакое сравненіе между громадною арміей, превосходно организованною и дисциплинированною, коею руководилъ генералъ Мольтке, и армейскими корпусами сравнительно малочисленными и состоявшими подъ командой генераловъ-рутинеровъ, которые вторглись во Францію въ 1792 году, люди 4го сентября вообразили что съ импровизованнымъ поголовнымъ ополченіемъ, съ вольными стрѣлками, съ прокламаціями и криками: „да здравствуетъ республика!" они будутъ также счастливо дѣйствовать, какъ ихъ предшественники. Опытъ жестоко доказалъ всю тщету ихъ усилій. Теперь совершенно ясно что ихъ попытка отразить нашествіе, предъ которымъ распалась прекрасная регулярная армія императорской Франціи, была и непрактична и безумна, и неудача этой попытки есть окончательное осужденіе военныхъ импровизацій, также какъ и вмѣшательства гражданскаго населенія въ дѣло войны. Регулярныя арміи сдѣлались машинами столь могущественными и совершенными что противопоставить имъ съ серіозною вѣроятностью на успѣхъ возможно только другія регулярныя арміи. И потому именно что онѣ машины усовершенствованныя, что организація и матеріалъ армій требуютъ болѣе чѣмъ когда-либо содѣйствія самыхъ разнородныхъ познаній, ихъ и невозможно импровизовать въ одинъ день. Когда организованная сила страны уничтожена, какъ была уничтожена сила Франціи послѣ цѣлаго ряда поразительныхъ бѣдствій, доведшихъ до Седанской капитуляціи, то необходимы долгіе годы для ея переустройства, и рѣшаться при такихъ условіяхъ на продолженіе борьбы во что̀ бы ни стало, значило подвергать страну самому полному разстройству. Вотъ что̀ говоритъ здравый смыслъ и чему научаетъ опытъ. Но если мы перенесемся въ ту эпоху когда Франція, пораженная изумленіемъ, присутствовала при столь неожиданной гибели своихъ армій, и когда съ тѣмъ вмѣстѣ она извѣстилась о неслыханномъ притязаніи побѣдителя отнять у нея Альзасъ и даже Лотарингію, Страсбургъ и Мецъ, то легко поймемъ что она не расположена была слѣдовать голосу разсудка и охотно склонилась къ воззваніямъ утопистовъ, которые обращались къ ея патріотизму, обѣщая ей побѣду во имя воспоминаній 1792 года. Лучшими изъ нихъ руководило великодушное желаніе, раздѣлявшееся лучшею частію націи, испытать послѣднее

усиліе прежде чѣмъ согласиться на разлуку съ своими вѣрными соотечественниками Альзаса и Лотарингіи. Прибавьте къ этому чувство оскорбленнаго національнаго самолюбія, неспособнаго примириться съ мыслью что Франція побѣждена и побѣждена безвозвратно, и вамъ понятны будутъ различныя побужденія коимъ повиновались люди 4го сентября. Конечно, посредничество ихъ было гибельно, и лучше было бы послѣ Седанскаго погрома сохранить то что̀ оставалось отъ Имперіи, предоставивъ на ея отвѣтственность и заключеніе мира. Это лучше было бы для Франціи и для самой республики, которая неизбѣжно послѣдовала бы за побѣжденною Имперіей, не принимая на себя даже отвѣтственности за несчастную войну и не подвергаясь обвиненію въ увеличеніи ея бѣдствій. Но то что̀ ясно теперь, не было таковымъ въ ту эпоху и требовалось тяжелое испытаніе опыта чтобы разсѣять иллюзіи которыя рано или поздно принесли бы свои плоды. Если республиканцы сдѣлали ошибку, ускоривъ паденіе Имперіи и продолжая войну, которая „въ военномъ смыслѣ“ была уже окончена, то и они имѣютъ на своей сторонѣ многія смягчающія обстоятельства.

Возвращаюсь къ изданіямъ коммиссіи. Въ одной изъ прежнихъ моихъ статей я представилъ анализъ той части слѣдствія которая касается возстанія 18го марта и имѣлъ случай разобрать доклады коммиссіи о подрядахъ. Нынѣ я имѣю въ виду бесѣдовать о двухъ послѣднихъ томахъ изданныхъ коммиссіей и заключающихъ въ себѣ собраніе офиціальныхъ телеграммъ, коими обмѣнялись между собою различныя республиканскія власти съ 4го сентября 1870 года до созванія настоящаго Національнаго Собранія въ февралѣ 1871 года. Эти два тома несомнѣнно самые интересные во всей коллекціи. Въ нихъ вы находите исторію административную и даже до нѣкоторой степени исторію политическую и военную этого періода кризиса, взятую прямо изъ жизни, разказанную сжатымъ слогомъ телеграфа, день за днемъ, подъ впечатлѣніемъ ощущеній и страстей минуты. Тамъ нѣтъ ни выработанныхъ фразъ, ни офиціальныхъ періодовъ: повсюду факты, событія и люди, сами себя изображающіе, какъ въ фотографическомъ снарядѣ. Въ первый разъ еще сборникъ документовъ такого рода появился на свѣтъ, а такъ какъ телеграфу предстоитъ играть съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе значительную роль въ политическихъ и

военныхъ дѣлахъ, также какъ и во всѣхъ остальныхъ, то видно тотчасъ же что можетъ извлечь исторія изъ корреспонденцій и документовъ всякаго рода, передачѣ коихъ онъ служилъ. Правда, коммиссія принуждена была дѣлать выборъ. И дѣйствительно одни телеграфныя бюро доставили ей болѣе ста тысячъ официальныхъ телеграммъ, писанныхъ съ 4го сентября 1870 года по 8е февраля 1871, и должны были бы доставить еще болѣе, но, какъ замѣчаетъ докладчикъ, по мѣрѣ того какъ непріятель захватывалъ департаментъ, — а онъ захватилъ ихъ до тридцати, — телеграфные архивы были уничтожены, увезены или спрятаны; чаще всего ихъ сожигали сполна или отчасти. Это громадное количество телеграммъ нисколько не удивительно, если принять въ соображеніе что главные государственные чиновники, каковы въ Парижѣ министры или уполномоченные ими начальники отдѣльныхъ частей, а въ провинціи префекты, генералы, прокуроры и пр., имѣютъ право безплатно сноситься между собою по телеграфу. Это право, впрочемъ, строго ограничивается официальными телеграммами, относящимися къ неотложнымъ общественнымъ дѣламъ, но, какъ легко себѣ представить, правила эти не были строго соблюдаемы во время этого критическаго періода. Телеграммы разсылались по всякому поводу, а иногда и безъ всякаго повода. Случалось также что телеграфировавшіе присоединяли къ сообщеніямъ объ общественныхъ дѣлахъ подробности совершенно частнаго характера, обнародованіе коихъ было бы самою куріозною частію слѣдствія, еслибы коммиссія не сочла долгомъ воздержаться отъ обнародованія такихъ сообщеній, несмотря на все свое желаніе придать имъ гласность. Такъ какъ оригиналы всѣхъ официальныхъ телеграммъ, отправленныхъ на счетъ государственнаго казначейства, сохранились въ архивахъ телеграфныхъ бюро, то коммиссіи стоило только распредѣлить ихъ и выбрать изъ нихъ наиболѣе интересныя. Она утверждаетъ что рекомендовала соблюденіе строжайшаго безпристрастія тому изъ своихъ членовъ, — досточтимому г. Шале, — на котораго она возложила этотъ колоссальный трудъ, прося его руководиться только историческимъ интересомъ, а не интересомъ той или другой партіи. Сколько можно судить, г. Шале держался вообще рекомендованнаго ему правила.

Распредѣленіе этой массы телеграммъ было также не легкимъ

дѣломъ. Коммиссія расположила ихъ по мѣстамъ ихъ отправленія: вопервыхъ, департаментскія телеграммы, причемъ департаменты расположены по алфавиту, а телеграммы по числамъ; затѣмъ телеграммы центральнаго правительства и Турской делегаціи въ хронологическомъ порядкѣ. Эта метода имѣетъ свои недостатки, потому что отдѣляетъ вопросы отъ отвѣтовъ, но трудно было придумать другую, да она и вообще была довольно удовлетворительна. Разумѣется я не могу анализовать всѣ телеграммы по каждому департаменту,—для этого недостаточно было бы цѣлаго тома. Я ограничусь изложеніемъ телеграфной исторіи нѣсколькихъ департаментовъ; образчикъ этотъ дастъ вамъ возможность судить о цѣломъ.

II.

Возьму сначала Нижне-Альпійскій департаментъ, гдѣ не совершилось ничего особенно замѣчательнаго, но гдѣ нахожу нѣкоторые факты, повторяющіеся почти во всѣхъ прочихъ: вопервыхъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣдовавшихъ за 4мъ сентября, замѣна префекта Имперіи, г. Лаволле, префектомъ „добрымъ республиканцемъ", г. Сипріеномъ Ше. Г. Лаволле удаляется безпрекословно. Преемникъ его тотчасъ же телеграфируетъ министру внутреннихъ дѣлъ г. Гамбеттѣ: „Префектъ министру внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ. Принимаю съ преданностью постъ который вы мнѣ довѣрили. Братское привѣтствіе." Нѣсколько дней спустя ему предлагаютъ другой постъ, въ Марсели. „Мое присутствіе необходимо здѣсь, телеграфируетъ онъ, въ странѣ развращенной Гарнье и Дювернуа (бывшими депутатами). Демократическая партія разстроится, если я уѣду." Тѣмъ не менѣе, такъ какъ пронесся слухъ что въ скоромъ времени произойдутъ общіе выборы — то было въ концѣ октября,—онъ посылаетъ свою отставку, чтобы выступить кандидатомъ въ Національное Собраніе. Когда же выборы были отсрочены, онъ беретъ назадъ свою отставку, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующая телеграмма отъ 10го октября 1870: „Такъ какъ выборы отсрочены, то отставка вслѣдствіе избирательныхъ причинъ оказывается недѣйствительною. Я принялъ снова обязанности, которыя передалъ-было временному администратору." Министръ нашелъ все это въ порядкѣ вещей. Въ администраціи этого

префекта я могу замѣтить только столкновеніе касательно аттрибуцій власти съ дивизіоннымъ генераломъ, — столкновенія этого рода повторялись повсюду, и я предоставляю читателямъ судить насколько они способствовали правильному теченію дѣлъ. Такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и военный (опять - таки Гамбетта) уполномочилъ его смѣстить г. Бони, баталіоннаго командира мобилей, то онъ извѣстилъ объ этомъ рѣшеніи генерала командующаго дивизіей въ Безансонѣ. Генералъ отвѣчалъ: „Когда министръ дастъ мнѣ приказъ касательно баталіоннаго командира Бони, то я его исполню." „Прошу васъ, телеграфируетъ озадаченный префектъ, обсудить отвѣтъ генерала и дать приказанія въ этомъ смыслѣ, ибо дѣло не терпитъ отсрочки и многочисленныя письма мобилей свидѣтельствуютъ о нестерпимыхъ поступкахъ баталіоннаго командира Бони." Значитъ, солдаты жаловались на своего командира префекту, а этотъ требовалъ его смѣщенія, на что̀ и изъявлено было согласіе, исполненія котораго онъ не могъ добиться отъ генерала. Какое извращеніе іерархическихъ правилъ и законовъ дисциплины! Тотъ же префектъ отличался лиризмомъ, даже въ своемъ телеграфномъ слогѣ. Доказательство тому телеграмма которою онъ отвѣчалъ 3го октября на восторженное и обманчивое извѣщеніе о великой побѣдѣ Парижской арміи (рѣчь шла о сраженіи при Шампиньи): „Великая вѣсть о побѣдѣ храбраго народа парижскаго прибыла сюда въ ночь на 2е декабря; она возбудила всѣ умы и укрѣпила всѣ сердца. Это громадный шагъ для республики, впредь уже непобѣдимой и безсмертной."

Но вотъ департаментъ сосѣдній съ этимъ, гдѣ дѣла идутъ далеко не такъ покойно. Мы разумѣемъ департаментъ Приморскихъ Альповъ, заключающій въ себѣ Ниццское графство, присоединенное всего десять лѣтъ тому назадъ и гдѣ существуетъ сепаратистская партія, которая съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ внушаетъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ опасенія своимъ безпокойнымъ духомъ и интригами. 4го октября, въ 10 часовъ вечера, императорскій префектъ г. Гавини извѣщаетъ что онъ получилъ депешу о сформированіи правительства національной обороны, что онъ ее обнародовалъ,но проситъ назначить ему преемника. Нетерпѣливая республиканская партія не ждетъ назначенія этого преемника: составляется комитетъ въ бюро радикальной газеты *Réveil* для

принятія въ свои руки департаменской администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ собирается генеральный совѣтъ, и когда префектъ отказался отъ должности, то онъ назначаетъ изъ среды своей коммиссію изъ пяти членовъ для управленія департаментомъ. Итакъ вотъ съ перваго же дня, вмѣсто одной, являются двѣ администраціи. Можно опасаться столкновенія. По счастію, г. Гамбетта отецъ, честный и скромный негоціантъ, проживаетъ въ Ниццѣ. Онъ поспѣшилъ телеграфировать сыну „о немедленномъ назначеніи префекта, который бы замѣнилъ организующіеся мѣстные комитеты, могущіе придти въ столкновеніе". Этого разумнаго совѣта послушали и 8го сентября г. Пьеръ Бараньйонъ, назначенный префектомъ департамента Приморскихъ Альповъ, прибылъ въ Ниццу, гдѣ его встрѣтили съ восторгомъ. Въ промежуткѣ, правда, произошли нѣкоторые безпорядки, тюрьмы были отперты, толпа захватила жилища полицейскихъ коммиссаровъ и устроила потѣшные огни изъ ихъ мебели; наконецъ бывшій префектъ принужденъ былъ выѣхать потихоньку, но все это было неважно, и полковникъ 25го линейнаго полка телеграфировалъ что для возстановленія порядка достаточно было нѣсколькихъ патрулей. Итакъ республиканскій префектъ вступилъ въ должность и повидимому не тяготится ею. „Я чрезвычайно доволенъ департаментомъ, пишетъ онъ въ ночь послѣдовавшую за его прибытіемъ; намъ нужно ружей и денегъ, и у насъ будутъ люди сформированные скоро и хорошо; патріотизмъ возбужденъ; гдѣ взять оружія и капиталовъ?" Но на другой же день ему сообщаютъ о движеніяхъ италіянскихъ войскъ на границѣ; онъ тотчасъ же телеграфируетъ министру иностранныхъ дѣлъ чтобы спросить его „не слѣдуетъ ли войти въ дружескія объясненія съ Флоренціей". А такъ какъ дѣло кажется ему неотложнымъ, то онъ прямо обращается къ посланнику во Флоренціи г. де-Маларе. Г. де-Маларе считаетъ невозможнымъ вести дипломатическую переписку съ префектомъ и г. Бараньйонъ жалуется на это—кому же?... министру иностранныхъ дѣлъ. „Я требую, телеграфируетъ онъ ему 11го сентября (онъ былъ префектомъ только три дня), отъ г. де-Маларе свѣдѣній о скопленіи войскъ. Онъ укрывается за іерархію! Я энергически требую, гражданинъ министръ, чтобъ онъ получилъ приказаніе отвѣчать мнѣ прямо, не черезъ Парижъ, когда это необходимо." Но приказанія этого онъ добиться не могъ и даже при-

нужденъ оправдываться въ томъ что его потребовалъ. Вотъ какъ онъ оправдывается. Онъ отправляетъ министру иностранныхъ дѣлъ новую телеграмму слѣдующаго содержанія: „Маларе и Жеромъ Наполеонъ вмѣстѣ во Флоренціи участвуютъ въ опасныхъ интригахъ, окружающихъ мой департаментъ съ присутствіемъ въ Монако, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Болоньѣ бывшихъ чиновниковъ или членовъ Наполеоновской фамиліи. Вотъ почему я дѣйствовалъ и желалъ бы дѣйствовать прямо. Ибо здѣсь я имѣю главныя свѣдѣнія о положеніи, настоящій авторитетъ, а дурно истолкованный или запоздавшій приказъ изъ Парижа можетъ сдѣлать меня жертвой нечаяннаго нападенія и открыть реакціи дверь, которую потомъ трудно будетъ запереть снова.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы придать болѣе вѣса своему оправданію, онъ призываетъ къ себѣ въ кабинетъ г. Гамбетту отца и диктуетъ ему слѣдующую телеграмму, писанную на бланкѣ и адресованную Гамбеттѣ сыну: „Положеніе опасное, Бараньйонъ справляется съ нимъ чрезвычайно ловко; смѣло утвердите всѣ его полномочія и онъ спасетъ насъ.“ Но вотъ наступаютъ другія болѣе серіозныя затрудненія. Гарибальди телеграфировалъ французскому правительству о предоставленіи себя въ его распоряженіе слѣдующимъ лапидарнымъ слогомъ: „Все что остается отъ меня—къ вашимъ услугамъ!“ Онъ высадится вѣроятно въ Ниццѣ и телеграфируетъ префекту, спрашивая у него объ отвѣтѣ правительства, которое медлитъ его присылкой. По этому поводу воображеніе г. Пьера Бараньйона воспламеняется, онъ требуетъ разрѣшенія вступить въ прямыя сношенія съ Капрерой и дать ему кредитъ въ три милліона. „Рѣшайте, телеграфируетъ онъ, желаете вы или нѣтъ воспользоваться революціонными силами Гарибальди... Гарибальди искрененъ, шайки нетерпѣливы. Всѣ элементы соединенные на различныхъ пунктахъ могутъ, какъ говорятъ, сформировать армію въ 30.000 годныхъ людей, среднимъ числомъ тридцатилѣтняго возраста. Для того чтобы перевезти ихъ, вооружить и направить къ Луарѣ потребуются кредитъ по крайней мѣрѣ въ три милліона и поставленіе меня въ прямое отношеніе съ Капрерой, чтобы все получить и направить,—дѣло чрезвычайно важное, но затруднительное и тяжелое.“ Правительство ограничивается отвѣтомъ что если Гарибальди высадится въ Ниццѣ, то его слѣдуетъ принять хорошо и отправить его

тотчасъ же „со скорымъ спеціальнымъ поѣздомъ“. Между тѣмъ сепаратистскій элементъ, разчитывая на прибытіе Гарибальди, волнуется въ Ниццѣ, и г. Бараньйонъ начинаетъ терять голову. Доказательствомъ служитъ слѣдующая телеграмма, отъ 24го сентября, 5 часовъ, 25 минутъ вечера: „Гарибальди оставляетъ Капреру, намѣревается проѣхать здѣсь. Многочисленныя банды ожидаютъ въ Генуѣ и въ другихъ мѣстахъ. Да здравствуетъ Французская республика! Ницца предана сепаратизму и Пруссіи. Инструкцій, полномочій и кредита! Отвѣчайте немедленно.“ Въ тотъ же вечеръ, въ 11 часовъ 45 м., онъ телеграфируетъ снова: „Осадное положеніе учрежденное здѣсь во всей его строгости произвело необходимое дѣйствіе. Италіянская мятежная партія, назначившая двухъ италіянскихъ офицеровъ для командованія національною гвардіей, повидимому разстроилась. Сегодня вечеромъ городъ покоенъ; увидимъ что̀ будетъ завтра. Здѣсь есть сильная прусская партія, которая, подъ предлогомъ выборовъ, устроила комитетъ вольнаго города Ниццы. Туземные извѣстные банкиры во главѣ этой партіи; они-то поддерживали сношенія съ Флоренціей и можетъ-быть съ Пруссіей.“ Правительство повидимому получило, однако, увѣдомленіе что префектъ Приморскихъ Альповъ могъ дѣйствовать подъ увлеченіемъ своего воображенія. Въ первыхъ числахъ октября разнесся слухъ что рѣчь идетъ о назначеніи ему помощника или даже о совершенномъ его смѣщеніи. Тогда префектъ, глубоко оскорбленный въ своемъ самолюбіи, прибѣгаетъ къ телеграфу: „При щекотливомъ и совершенно спеціальномъ положеніи въ которомъ находятся Ницца и департаментъ, я только въ Турѣ могу почерпать мою главную силу. Говорятъ уже о присылкѣ сюда уполномоченнаго для организаціи обороны. Ничего не понимаю. Я оставилъ Парижъ съ гражданскими и военными полномочіями, посредствомъ которыхъ я успѣлъ въ 48 часовъ подавить сепаратистскій заговоръ, въ существованіи коего нынѣ сознаются сами его виновники. Я изгналъ не безъ опасностей корсиканскую шайку, которая держалась здѣсь на служеніе Имперіи интригами Гавини. Если какое-нибудь вмѣшательство уменьшитъ, посреди полнаго спокойствія, авторитетъ необходимый мнѣ для моего положенія, то оно сдѣлается невыносимымъ.“ Между тѣмъ слухи оказались основательными; ему присылаютъ помощника, гражданина Блаша, съ неопредѣленнымъ званіемъ коммиссара обороны. Будетъ

ли Блашъ подчиненъ Бараньйону или раздѣлитъ съ нимъ власть? Призываютъ на совѣтъ Гамбетту отца по поводу этого щекотливаго вопроса. Онъ убѣждаетъ Блаша уступить первенство Бараньйону и тотчасъ же телеграфируетъ Кремьё о результатахъ своихъ переговоровъ: „Блашъ, желающій подготовить себѣ кандидатуру въ Варскомъ департаментѣ, соглашается состоять подъ начальствомъ Бараньйона. Необходимо такимъ образомъ рѣшить затрудненіе, иначе Бараньйонъ оставитъ насъ, что было бы для Ниццы опасностью и несчастіемъ." Кажется, однако, что такое самоотверженіе Блаша было не искреннее, ибо два дня спустя, 6го октября, тревога Бараньйона возобновляется. На этотъ разъ онъ обращается противъ притязаній честолюбиваго Блаша не только къ помощи Гамбетты отца, но и полковника командующаго военною поддивизіей, командира вѣстоваго парохода стоящаго на рейдѣ и... г. Альфонса Карра, знаменитаго ниццскаго романиста-садовника. Вотъ что они телеграфируютъ къ Кремьё: „Лорье прислалъ въ Ниццу гражданина Блаша; просимъ Кремьё дать ему какъ можно скорѣе другое назначеніе. Присутствіе его уже создаетъ неизбѣжныя столкновенія и порождаетъ слухи опасные для нашего департамента, гдѣ спокойствіе полное. Бараньйона здѣсь достаточно." Кто же одержитъ побѣду—Блашъ или Бараньйонъ? Между тѣмъ Блашъ принужденъ отправиться по дѣламъ въ Дрогиньянъ, и Бараньйонъ пользуется его отсутствіемъ чтобъ адресовать слѣдующее отчаянное воззваніе къ справедливости и политической опытности турскаго правительства: „Блашъ, коммиссаръ обороны, угрожаетъ нарушеніемъ моихъ полномочій; онъ утверждаетъ будто я возмущаюсь противъ васъ, и возвратясь завтра изъ Варскаго департамента, возбудитъ на этомъ основаніи въ нашемъ замиренномъ департаментѣ страшнѣйшіе безпорядки, противъ коихъ я буду съ помощію мѣстныхъ властей защищать мои полномочія. Блашъ въ Дрогиньянѣ. Онъ не хочетъ даже и обождать тамъ рѣшенія изъ Тура. Если онъ возвратится въ департаментъ Приморскихъ Альповъ, то столкновеніе неизбѣжно. Дѣйствуйте же, и телеграфируйте ему этою ночью." Правительство дѣйствительно телеграфируетъ, но для того чтобъ уполномочить Блаша занять мѣсто Бараньйона. Ярость Бараньйона. Величественное негодованіе Гамбетты отца, который телеграфируетъ въ свою очередь:

„Никто не можетъ имѣть на меня вліянія; руководствуюсь только интересами республики; оказываю содѣйствіе по мѣрѣ силъ. Всѣмъ извѣстно что моя личная популярность держала въ порядкѣ департаментъ отъ 4го до 8го октября. Турская делегація имѣетъ невѣрныя свѣдѣнія о положеніи департамента Приморскихъ Альповъ. Это непонятно или обнаруживаетъ много легкомыслія. Еслибы Парижъ не былъ въ блокадѣ, я бы все исправилъ.“ Что касается Бараньйона, то онъ рѣшается передать свои полномочія побѣдоносному Блашу и отправиться въ Туръ, но до принятія этого рѣшенія онъ было поколебался и даже далъ приказъ арестовать Блаша. Послѣдній извѣщаетъ насъ объ этомъ въ телеграммѣ отъ самаго дня вступленія своего въ должность, 8го октября: „Къ сожалѣнію для Бараньйона, я долженъ извѣстить васъ что вчера былъ имъ данъ приказъ арестовать меня гдѣ бы то ни было.“ Итакъ Блашъ остается во главѣ департамента, но не надолго. Противъ него сильно дѣйствуютъ друзья и родственники Бараньйона. Это ему извѣстно и онъ телеграфируетъ своему другу Лорье, чтобы тотъ „избавилъ его отъ этихъ интригановъ“. Онъ обращается также съ слѣдующею телеграммой къ Гамбеттѣ, только-что прибывшему на воздушномъ шарѣ въ Туръ: „Именемъ республики умоляю васъ принять относительно меня окончательное рѣшеніе. Я полагаю, не воображая, конечно, что я необходимъ, что могу оказать здѣсь правительству серіозныя услуги моими сношеніями и энергіей, которую ничто не заставитъ отступить. Если вы думаете иначе, если въ умѣ вашемъ есть хотя малѣйшее колебаніе, смѣните меня съ должности, на служеніе которой я охотно отдалъ бы мою жизнь, и я возвращусь къ моимъ скромнымъ адвокатскимъ занятіямъ... Но повѣрьте слову честнаго человѣка. Я могу быть здѣсь полезенъ. Умоляю васъ отвѣчать неотложно. Ваша прокламація произвела блестящій эффектъ.“ Между Бараньйономъ, котораго поддерживалъ Гамбетта отецъ, и Блашемъ, котораго поддерживалъ Лорье, правительство повидимому сильно затруднялось. Какъ же оно выпуталось изъ этого дѣла? Оно отправило въ Ниццу Марка Дюфресса, знаменитость 1848 года, съ титуломъ генеральнаго коммиссара департамента Приморскихъ Альповъ. Блашъ соглашается подчиниться этому именитому республиканцу, но желаетъ имѣть титулъ префекта, такъ какъ званіе „коммиссара обороны“ не понятно для публики. Но Маркъ Дюфрессъ,

съ своей стороны, отнюдь не желаетъ сохранить Блаша. Какъ только онъ прибылъ къ своему посту, 26го октября, то требуетъ чтобъ его избавили отъ Блаша и отправили его префектомъ въ Нижне-Альпійскій департаментъ. Но правительство не обращаетъ вниманія на это требованіе. Маркъ Дюфрессъ настаиваетъ, и слѣдствіе представляетъ до дюжины телеграммъ, адресованныхъ министру внутреннихъ дѣлъ и неизмѣнно оканчивающихся припѣвомъ: „*Назначьте Блаша префектомъ*“, и къ министру юстиціи съ такимъ варіантомъ: „*Назначьте Блаша генеральнымъ прокуроромъ!* Блашъ стѣсняетъ меня, Блашъ опасенъ, а впрочемъ Блашъ заслуживаетъ вознагражденія, назначьте Блаша.“ Былъ ли назначенъ Блашъ префектомъ или генеральнымъ прокуроромъ? Слѣдствіе не упоминаетъ объ этомъ и очень жаль, но Маркъ Дюфрессъ успѣлъ отъ него избавиться, и вотъ большая тяжесть свалилась у него съ плечъ. Онъ однако не скрываетъ отъ себя опасностей положенія, и злые языки утверждаютъ что онъ ихъ преувеличиваетъ. Онъ страшно подозрителенъ. Ему сообщаютъ о присутствіи г. Гауссмана въ Ниццѣ. Онъ тотчасъ же приказываетъ произвести обыскъ у г. Гауссмана. „Мнѣ сообщено было объ опасныхъ интригахъ, телеграфируетъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ я имѣлъ сильное основаніе подозрѣвать что бывшій префектъ Сенскаго департамента не чуждъ этихъ интригъ и сношеній Ниццы съ италіянскою границей, то я счелъ долгомъ въ интересахъ внутренней и внѣшней безопасности государства произвести у него сообразно со всѣми законными формами домовый обыскъ.“ Этотъ обыскъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ, но помимо бонапартистскихъ интригъ другія опасности возбуждаютъ до крайности безпокойство генеральнаго коммиссара. Дѣло идетъ о сепаратистскихъ интригахъ. Онъ требуетъ военнаго корабля изъ Тулона, чтобъ устрашить сепаратистовъ. Ему отказываютъ въ этомъ, предлагая въ видѣ вознагражденія „поддержку Ниццской національной гвардіи“. На это онъ отвѣчаетъ съ горькою ироніей: „Ясно вижу что вамъ не знакомъ духъ населенія этого города“. Эти заботы не препятствуютъ ему помышлять о множествѣ друзей и кліентовъ, которыхъ доставило ему его высокое положеніе и обязательный характеръ. Вотъ напримѣръ телеграмма которую онъ адресовалъ 31го декабря главному директору личнаго состава:

„Нынѣшній управляющій табачнымъ складомъ въ Ниццѣ, г. Боннеръ, бывшій депутатъ италіянскаго парламента. Должность доставляетъ ему 6.000 фр. Добейтесь его увольненія или смѣщенія. Мѣсто это очень пригодно для Дома.“ Мѣсяцъ спустя онъ телеграфируетъ генеральному директору почтъ, Стенакеру, чтобъ онъ „завтра же назначилъ дѣвицъ Коттъ, сестеръ префекта Варскаго департамента, одну директрисой почтъ, другую начальницей табачнаго бюро, не забывая всетаки адвоката Блаша, для котораго онъ, съ отчаянія, требуетъ мѣста военнаго коммиссара въ Альцинскомъ лагерѣ. Наконецъ наступаетъ февраль. Генеральному коммиссару удается пріобрѣсти на выборахъ депутатскія полномочія, „въ сообществѣ, какъ онъ говоритъ, двухъ Италіянцевъ, рьяныхъ реакціонеровъ, Бергарди и Пиккона.“ Назначеніе его не нравится жителямъ Ниццы и они принимаются шумѣть. Каждый вечеръ происходила манифестація, которой генеральный комиссаръ придаетъ въ своихъ телеграммахъ размѣры мятежа. Онъ принимаетъ мѣры строгости. Онъ предписываетъ арестовать до пятидесяти бунтовщиковъ и „стрѣлять на воздухъ“. Бунтъ тѣмъ не менѣе продолжается или лучше сказать возобновляется каждый вечеръ. „Этотъ Ниццскій бунтъ, телеграфируетъ онъ наконецъ съ отчаяніемъ, *укротить невозможно.* Каждый вечеръ онъ какъ будто оканчивается, но на другой денъ и въ тотъ же самый часъ онъ начинается снова въ тѣхъ же размѣрахъ.“ Для подавленія этого постоянно возобновляющагося бунта онъ требуетъ чтобъ ему прислали бригаднаго генерала и провозгласили осадное положеніе. Къ счастію бунтовщики утомляются, и послѣдняя телеграмма, адресованная министру внутреннихъ дѣлъ, извѣщаетъ насъ что „ниццскія волненія укрощены безъ пролитія капли крови. Не было инаго ущерба кромѣ разрушенія одного изъ фасадовъ префектуры“. Что не мѣшаетъ ему присовокупить: „По прибытіи въ Бордо, я сообщу вамъ отчетъ объ этомъ прискорбномъ мятежѣ“. И въ постскриптумѣ онъ говоритъ: „Припоминаю вамъ что я все-таки желаю занять дипломатическій постъ въ Бернѣ, куда вы имѣли въ виду назначить меня“. Правительство имѣло неблагодарность не выполнить этого требованія спасителя Ниццы, и г. Маркъ Дюфрессъ, нѣкогда яростный республиканецъ, нынѣ принадлежащій къ самой умѣ-

ренной фракціи лѣваго центра и человѣкъ вообще хорошій, остался простымъ членомъ Національнаго Собранія.

Вотъ вѣрный, хотя и краткій отчетъ телеграфной исторіи администраціи департамента Приморскихъ Альпъ съ 4го сентября до созванія Собранія и до начала правительства г. Тьера.

III.

Оставимъ теперь Приморскія Альпы и перенесемся на болѣе обширный театръ, во второй городъ Франціи, и можетъ-быть первый съ революціонной точки зрѣнія — я разумѣю Ліонъ. Нигдѣ во Франціи страсти не проявлялись съ такою запальчивостью, нигдѣ не встрѣчается такого рѣзкаго антагонизма между различными классами населенія: классъ рабочихъ состоитъ вообще изъ соціалистовъ и знамя у него красное, высшіе же классы клерикальные, даже страстно клерикальные, имперіалисты или легитимисты. Бѣдствія войны, начатой такъ опрометчиво, возбудили въ Ліонѣ впечатлѣніе сильнѣе даже чѣмъ въ Парижѣ, и революція произошла тамъ тотчасъ же по полученіи извѣстія о Седанской капитуляціи и прежде чѣмъ поданъ былъ сигналъ изъ Парижа. 4го сентября въ 9 часовъ утра республика была провозглашена, „комитетъ общественнаго спасенія“ водворился въ городской думѣ и водрузилъ на ней красное знамя. Комитетъ этотъ тотчасъ же раздѣлился на различные отдѣлы и принялся дѣятельно телеграфировать правительству національной обороны, объявляя ему что „онъ принялъ всѣ неотложныя мѣры и ожидаетъ сообщеній отъ временнаго правительства“. Между этими неотложными мѣрами первая касалась,—кто бы тому повѣрилъ?—пуговицъ національной гвардіи, какъ явствуетъ изъ слѣдующей телеграммы адресованной 5го сентября, то-есть на другой день послѣ революціи, комитетомъ общественнаго спасенія военному министру: „Благоволите назначить надпись для пуговицъ національной гвардіи,—общую надпись, которая могла бы служить для всей Франціи, во избѣжаніе множества различныхъ формъ, что̀ повело бы къ промедленію и къ значительнымъ расходамъ.“ Не правда ли что подобная забота въ такую минуту весьма оригинальна и характеристична? Впрочемъ военный отдѣлъ комитета очень серіозно вошелъ въ свою роль, и оттого естественно послѣдовало первое

столкновеніе съ военными властями, которыя отказывались признать эту импровизованную диктатуру, коей повелительные и революціонные приказы не признавали даже тираніи правописанія. Свидѣтельствомъ служитъ телеграмма адресованная военному министру за подписью президента комитета переплетчика Фавье:

„En raison des désordres qui ont *lieux* au camp de Sathonay et par un grand nombre d'officiers de la mobile qui refusent de réconnaitre la république. En consequence le comité de la guerre vous prie de *donné* des ordres le plus *promptemens* que vous le *pourré*.“ *

Сильно встревоженное положеніемъ Ліона и опасаясь всего болѣе преобладавшихъ въ немъ демагогическихъ элементовъ, правительство поспѣшило отправить туда въ качествѣ префекта одного изъ самыхъ смышленыхъ и энергическихъ людей республиканской партіи, сдѣлавшагося потомъ однимъ изъ ея вождей и правою рукой г. Гамбетты—г. Шаллемель-Лакура. Послѣдній прибылъ въ Ліонъ 6го сентября и представился комитету общественнаго спасенія, вооруженный своими полномочіями, но комитетъ и не подумалъ отречься въ его пользу отъ своей власти, и хотя не засадилъ его въ тюрьму, но тотчасъ же подчинилъ его строжайшему надзору, не дозволяя ему писать или телеграфировать безъ своей *visa*. Подъинспекторъ телеграфовъ извѣщаетъ главнаго директора въ Парижѣ объ этомъ критическомъ положеніи. „Я видѣлъ сейчасъ, говоритъ онъ, г. Шаллемель-Лакура. Ліонскій комитетъ не хочетъ его признавать. Всѣ наши офиціальныя и частныя телеграммы визируетъ делегатъ ліонскаго комитета, не выпускающій ихъ безъ этого. Г. Шаллемель - Лакуръ сказалъ мнѣ, что онъ самъ будетъ приносить свои телеграммы чтобъ избѣжать визированія.“ Комитетъ распоряжался въ городѣ; онъ посадилъ въ тюрьму бывшаго префекта, г. Сансье, генеральнаго прокурора и многихъ іезуитовъ; г. Шаллемель-Лакуръ не могъ распустить его, не вызвавъ кроваваго столкновенія. Итакъ онъ рѣшился протянуть время и попытаться привлечь къ себѣ самыхъ безпокойныхъ членовъ этого страшнаго комитета.

* То-есть: „По поводу безпорядковъ происходившихъ въ лагерѣ Сатоне и по множеству офицеровъ мобилей отказывающихся признать республику. Вслѣдствіе этого военный комитетъ васъ проситъ дать приказанія такъ скоро какъ вы только можете.“

Въ числѣ ихъ находился адвокатъ по имени Андріё. Г. Шаллемель-Лакуръ телеграфировалъ по поводу его министру иностранныхъ дѣлъ: „Прошу Кремьё назначить Андріё первымъ генеральнымъ адвокатомъ. Настойте на этомъ. Назначеніе это необходимо чтобы привлечь здѣшнихъ агитаторовъ и укротить Андріё удовлетвореніемъ его желанія.“ Этотъ рецептъ, какъ извѣстно, былъ всегда вѣренъ. Онъ вполнѣ удался г. Шаллемель-Лакуру. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ овладѣлъ положеніемъ по крайней мѣрѣ настолько насколько было возможно въ эту эпоху броженія; онъ заставилъ произвести муниципальные выборы, и совѣтъ, правда довольно красный, но все же избранный правильно, заступилъ мѣсто революціоннаго комитета. Но въ Ліонѣ, какъ и повсюду, была другая власть, съ которою префектъ долженъ былъ сговориться и съ которою, опять также какъ и повсюду, онъ сговориться не могъ, — власть военная. Послѣдняя очевидно была компетентнѣе гражданской власти въ дѣлѣ организаціи національной обороны. Но она не имѣла довѣрія къ оборонѣ, и между тѣмъ какъ *статскіе*, благодаря своему невѣжеству въ дѣлахъ войны, ни въ чемъ не сомнѣвались, *военные*, съ своей стороны, сомнѣвались во всемъ. Оттого г. Шаллемель-Лакуръ не переставалъ говорить о вялости генерала Эспивана де-ла-Вильбуане и требовать его смѣны. Его замѣнили генераломъ Мазюромъ, но и тотъ обнаруживалъ не болѣе горячности. Неукротимый префектъ отправляетъ телеграмму за телеграммой съ жалобами на его бездѣйствіе. „Столкновеніе между мною и военною властью. Она удерживаетъ множество ружей которыя необходимы для вооруженія національной гвардіи. Кромѣ нѣкоторыхъ фортификаціонныхъ работъ, которыя она во всеуслышаніе объявляетъ безполезными, она ровно ничего не дѣлаетъ и приводитъ въ уныніе волонтеровъ. Дайте мнѣ средства уничтожить это недоброжелательство.... Генералъ Мазюръ понимаетъ дѣло не лучше своего предшественника Эспивана. Онъ не хочетъ ни о чемъ слышать кромѣ арміи, когда арміи нѣтъ, и остается только одна нація. Онъ уединяется въ своихъ казармахъ. Сдѣлайте такъ чтобъ онъ слушался меня.“ Несомнѣнно упреки эти не лишены истины, хотя отъ военной власти требовали болѣе чѣмъ она могла дать при той дезорганизаціи въ какой находилась армія. Нетерпѣніе префекта ничего еще не значило въ сравненіи

съ нетерпѣніемъ населенія и его прямыхъ органовъ. Такъ муниципалитетъ не замедлилъ потребовать чтобы военная власть была подчинена гражданской. 27го октября муниципальный совѣтъ телеграфировалъ турскому правительству: „Телеграмма извѣщаетъ насъ что непріятель направляется на Ліонъ. Военная власть, безсильная или неспособная сдѣлать что-нибудь сама по себѣ, повидимому съ особеннымъ упорствомъ старается помѣшать всякой организаціи помимо ея собственной и отказывается содѣйствовать чему-либо. Генералъ Мазюръ и интендантство соперничаютъ другъ съ другомъ въ недоброжелательствѣ. Совѣтъ проситъ васъ чтобы гражданинъ Шаллемель-Лакуръ, съ званіемъ чрезвычайнаго коммиссара республики, былъ облеченъ полною властью надъ военнымъ начальствомъ, съ правомъ повышенія въ чины офицеровъ которые представятъ наиболѣе гарантій для организаціи дѣятельной и энергической обороны. Совѣтъ проситъ немедленнаго отвѣта; новое промедленіе въ виду фактовъ слишкомъ очевидныхъ для населенія можетъ принудить совѣтъ къ принятію энергическихъ мѣръ собственною властью.“ Такъ какъ правительство медлило отвѣтомъ на эту угрожающую телеграмму, то броженіе удвоилось, столкновеніе стало неизбѣжнымъ, и наконецъ телеграмма за подписью Кремьё и Гле-Бизуана предоставила г. Шаллемелю-Лакуру полномочія принять на свою отвѣтственность всѣ мѣры необходимыя для поддержанія порядка и общественнаго спокойствія. Телеграмма не объяснила однако вопроса о преобладаніи которой-либо изъ двухъ властей. Генералъ Мазюръ телеграфируетъ по этому предмету къ военному министру, который также не спѣшитъ отвѣтомъ. Въ ожиданіи этого, г. Шаллемель-Лакуръ объявляетъ ему о его смѣщеніи, которое тотъ отказывается принять. Возбужденное населеніе требуетъ чтобъ этого измѣнника разстрѣляли. Г. Шаллемель довольствуется задержаніемъ его, но такой арестъ доставляетъ ему много хлопотъ, потому что толпа требуетъ преданія его суду... Къ счастію, въ дѣло вступается военный министръ, отправляющій генерала Мазюра въ Нантъ. Со всѣмъ тѣмъ освободить его успѣли только чрезъ двѣнадцать дней. Значитъ г. Шаллемель-Лакуръ сосредоточиваетъ всю власть въ своихъ рукахъ; онъ производитъ смотры и употребляетъ всю свою дѣятельность для организаціи защиты Ліона. Дѣло это нелегкое и онъ долженъ въ томъ сознаться въ свою оче-

редь. „Прошу разрѣшенія, телеграфируетъ онъ отъ 21го октября, примѣнять въ случаѣ надобности военный законъ. Отсутствіе дисциплины обнаруживается между мобилями и даже между начальниками. Необходимо укротить ихъ. Нѣсколькихъ строгихъ примѣровъ будетъ достаточно.“ Повидимому онъ не питаетъ также полнаго довѣрія къ постоянной энергіи населенія. „Необходимо, говоритъ онъ, держать непріятеля въ отдаленіи. Если въ Ліонѣ сгорятъ два дома, то Ліонъ сдастся.“ Онъ занимается также преобразованіемъ полиціи, оставляющей многаго желать, и отправляетъ къ Ранку, директору общественной безопасности въ Турѣ, отчаянную телеграмму, отъ 7го ноября: „Будучи вынужденъ арестовать моего единственнаго полицейскаго коммиссара за сообщничество съ мятежниками, я не имѣю въ эту минуту ни одного человѣка на котораго бы можно было положиться для отправленія полицейскихъ обязанностей. Пришлите мнѣ тотчасъ же одного или двухъ вѣрныхъ людей съ десятью агентами, жившими когда-нибудь въ Ліонѣ, если у васъ найдутся таковые.“ При такихъ условіяхъ не легко было завѣдывать полиціей: чтобы упростить дѣло, страшный префектъ предписываетъ изгнаніе бывшихъ каторжниковъ и прочихъ подозрительныхъ людей. Впрочемъ всѣ эти хлопоты не до такой степени поглощаютъ его дѣятельность чтобъ онъ не заботился также о внѣшнихъ дѣлахъ. Вотъ напримѣръ, онъ предлагаетъ Гамбеттѣ дѣйствовать *частными вліяніями на женщинъ при иностранныхъ дворахъ!* Депеша эта несомнѣнно самая куріозная и я привожу ее буквально:

„Ліонъ, 9го ноября 1870 года, 4 часа 40 м. вечера, № 5.612. *Префектъ Гамбеттѣ въ Туръ. Личная и шифрованная.* Я въ состояніи дѣйствовать настоятельно и можетъ-быть весьма сильно частными вліяніями на женщинъ при дворахъ Вѣнскомъ, Петербургскомъ, Лондонскомъ и даже Берлинскомъ. Я могу также добиться частаго помѣщенія статей во множествѣ иностранныхъ газетъ. Если вы желаете воспользоваться этого рода операціей, то дайте мнѣ знать немедленно въ какомъ мѣстѣ слѣдуетъ употребить ее. Ожидаю по этому предмету телеграммы немедленно и письма Спюллера съ изложеніемъ болѣе полныхъ инструкцій. *П. Шаллемель-Лакуръ.*“

Отвѣта мы не находимъ въ собраніи телеграммъ, и поистинѣ нельзя не пожалѣть объ этомъ. Съ своей стороны и

г. Шаллемель-Лакуръ не настаивалъ, такъ что, по всему вѣроятію, мы никогда не узнаемъ какими „частными вліяніями“ ліонскій префектъ предполагалъ настоятельно дѣйствовать на женщинъ при иностранныхъ дворахъ. Повторяемъ, нельзя не пожалѣть объ этомъ.

Но вскорѣ болѣе близкія заботы поглощаютъ его вниманіе. Ліонъ наполнился Гарибальдійцами, настоящими или подложными, производившими всевозможные безпорядки. 16го ноября, префектъ извѣщаетъ Гамбетту что они въ одну ночь умертвили двухъ человѣкъ. „Ліонъ, присовокупляетъ онъ, не можетъ оставаться болѣе мѣстомъ ихъ сборища. Требую чтобы меня избавили отъ нихъ.“ А такъ какъ ему долго не отвѣчаютъ, то онъ настаиваетъ всѣми силами на своемъ требованіи. „Благоволите, говоритъ онъ, въ телеграммѣ отъ того же дня, дать приказаніе всѣмъ мнимымъ Гарибальдійцамъ здѣсь находящимся чтобъ они отправились организовываться въ другое мѣсто. Необходимо во что̀ бы ни стало очистить Ліонъ отъ этой сволочи.“ Сволочь! Надо сознаться что слово не слишкомъ лестное для гарибальдійскаго ополченія, но по крайней мѣрѣ г. Шаллемель-Лакура нельзя обвинить въ недостаткѣ откровенности. Другія заботы ему причиняютъ крестьяне, вообще плохіе патріоты, сопротивляющіеся распоряженіямъ о переправѣ ихъ продуктовъ въ городъ, чтобъ они не достались непріятелю. А между тѣмъ совершенно ли неправы были эти крестьяне, плохіе патріоты? Теорія опустошенія страны въ виду непріятеля можетъ-быть примѣняема только къ странамъ пустыннымъ, но отнюдь не къ мѣстности богатой и густо населенной. Развѣ въ Парижѣ она не имѣла результатомъ наводненія города подгороднымъ населеніемъ, которое далеко не увеличило средствъ Парижа и котораго движимое и недвижимое имущество осталось на произволъ непріятеля, и непріятель разумѣется счелъ себя въ правѣ распорядиться имъ въ отсутствіе владѣльцевъ. Затѣмъ возникаютъ снова затрудненія между префектомъ и командующимъ дивизіей генераломъ Брессолемъ, и командующимъ національною гвардіей генераломъ Александромъ. Г. Шаллемель-Лакуръ жалуется что реакція начинаетъ обнаруживаться слишкомъ дерзко и настоятельно, и что она находитъ себѣ орудія въ этихъ господахъ, „недовольныхъ что ими управляетъ простой префектъ.“ Съ другой стороны, генералъ Брессоль отправляетъ раздражительныя телеграммы съ жалобами на

вмѣшательство въ его команду двухъ только-что произведенныхъ генераловъ, Кремера и Кревизье. „Кто же командуетъ здѣсь наконецъ? (телеграмма отъ 26го ноября.) Генералъ Кревизье съ одной стороны, генералъ Кремеръ съ другой. Они раздаютъ приказанія въ моей дивизіи, не предупреждая меня. Одинъ желаетъ принять начальство надъ лоддивизіей въ Бургѣ, другой даетъ повелѣнія жандармеріи и уводитъ съ собой жандармовъ, объявляя капитану Макону, который дѣлалъ ему замѣчаніе по сему поводу, что теперь нѣтъ болѣе ни начальниковъ, ни іерархіи. Что же въ самомъ дѣлѣ значитъ такой безпорядокъ?" Мы узнаемъ потомъ что Брессоль предписываетъ Кревизье явиться къ нему въ Ліонъ для объясненія его поведенія. Кревизье конечно не исполняетъ этого предписанія и спѣшитъ въ Туръ, гдѣ у него есть друзья. Брессоль приходитъ въ справедливый гнѣвъ и объявляетъ въ телеграммѣ *военному министру въ Туръ*, что подобнаго отсутствія дисциплины не видано, и требуетъ чтобъ этотъ генералъ былъ немедленно уволенъ. „Какимъ образомъ, присовокупляетъ онъ, очень откровенно, но не совсѣмъ почтительно въ іерархическомъ отношеніи, возстановить дисциплину, когда дурной примѣръ идетъ *сверху?*" Впрочемъ г. Шаллемель-Лакуръ, телеграфируя военному министру, обнаруживаетъ не болѣе терпѣнія. Доказательствомъ служитъ слѣдующее разсужденіе по поводу патроновъ, которыхъ онъ напрасно требовалъ, хотя Лесенъ, коему поручены были подряды этого рода, увѣрялъ его что они существуютъ: „Стало-быть въ Турѣ неизвѣстно однимъ что происходитъ у другихъ." Но если въ Турѣ были безпорядки, то недостатка въ нихъ не было и въ Ліонѣ. Вольные отряды въ особенности приводили въ отчаяніе военныя власти, также какъ и власти гражданскія. Слѣдующая телеграмма генерала Брессоля характеристична въ этомъ отношеніи. „Я начинаю нѣсколько понимать, телеграфируетъ онъ отъ 8го декабря, все касающееся до отдѣльныхъ вольныхъ отрядовъ, проживавшихъ въ Ліонѣ безъ всякаго занятія. Только не могу отыскать франко-польскаго легіона подъ командой полковника О'Брина. Легіонъ этотъ безъ всякой организаціи и даже не формируется. Полковникъ этотъ отправился въ Туръ, чтобы получить полномочія и ускользнуть отъ наблюденія. Вышлите его ко мнѣ обратно." Полковникъ О'Бринъ дѣйствительно возвра-

щается, но для ускоренія сформированія легіона обращается не къ генералу, а къ прокурору республики, „чисто красному“, котораго онъ заставляетъ телеграфировать *министру внутреннихъ дѣлъ*, чтобы получить кредитъ въ 15.000 фр. для скорѣйшаго сформированія франко-польскаго легіона. Такъ какъ кредитъ не получается, то онъ объявляетъ что „положеніе невыносимо болѣе“, и затѣмъ нѣтъ уже рѣчи ни о немъ, ни о франко-польскомъ легіонѣ. 20го декабря случилось странное происшествіе. Командующій національною гвардіей Арно былъ умерщвленъ за то что отказался повиноваться толпѣ мятежниковъ, приказывавшихъ ему идти на префектуру. При извѣстіи объ этомъ, Гамбетта является въ Ліонъ, но онъ находитъ уже что порядокъ возстановленъ. Весь городъ присутствовалъ на похоронахъ Арно и правительство не встрѣчало никакого сопротивленія. Впрочемъ этотъ прискорбный эпизодъ единственный гдѣ пролилась кровь во время этого труднаго и тревожнаго періода, и это служитъ къ похвалѣ г. Шаллемель-Лакура, на которомъ въ окончательномъ результатѣ лежало бремя сохраненія порядка. Мы доходимъ до января мѣсяца, и между телеграммами этого послѣдняго періода я нахожу нѣкоторыя куріозныя указанія на жалкое положеніе вооруженія импровизованныхъ легіоновъ. Послушайте напримѣръ что̀ говоритъ генералъ Круза̀ о Савойскомъ легіонѣ:

„Первый Савойскій легіонъ, прибывшій сегодня вечеромъ, вооружился передѣланными кремневыми ружьями, а нѣкоторое число людей и вовсе не имѣетъ оружія; я видѣлъ ружья съ растреснутыми стволами, почти всѣ приклады перепорчены; я просилъ у генерала командующаго въ Ліонѣ оружія для этого легіона; онъ отвѣчалъ что въ арсеналахъ нѣтъ ничего. Обращаюсь къ вамъ и увѣряю васъ что невозможно стрѣлять изъ этихъ ружей, не опасаясь что ихъ разорветъ“.

Верхне-альпійскіе баталіоны не въ лучшемъ состояніи; они поднимаютъ бунтъ въ лагерѣ Сатоне, когда ихъ хотятъ отправить на театръ войны, заявляя что „они не обучены, что у нихъ нѣтъ никакихъ запасовъ и что они дурно вооружены“. Генералъ Круза̀ извѣщаетъ слѣдующимъ образомъ что онъ справился съ этимъ бунтомъ: „Мнѣ казалось что во всемъ этомъ больше трусости и тупоумія, чѣмъ злонамѣ-

ренности, но всего прискорбнѣе недостатокъ средствъ или заботливости выказанный префектами при снабженіи и вооруженіи ихъ мобилей.“ Тѣмъ не менѣе нѣкій генералъ Франципи, командующій бригадой Верхней Савоіи (вооруженною кремневыми ружьями), телеграфируетъ Гамбеттѣ отъ 28го января: „Хотите спасти Францію? Это еще легко. Ручаюсь въ томъ честью“. Францини не присовокупляетъ какимъ средствомъ онъ можетъ спасти ее, и это поистинѣ заслуживаетъ сожалѣнія. Шаллемель - Лакуръ, съ своей стороны, не раздѣляетъ мнѣнія Францини. Онъ понимаетъ что все потеряно; онъ упалъ духомъ, заболѣлъ и 29го января просится въ отставку, объявляя что онъ не можетъ болѣе принести никакой пользы Ліону. „Я не желаю, говоритъ онъ, служить политикѣ капитуляцій, съ другой стороны, я возбудилъ противъ себя такую массу вражды во всѣхъ партіяхъ что не могу съ пользой служить политикѣ революціи. Я не могу извлечь изъ этой страны ни однимъ человѣкомъ и ни однимъ франкомъ болѣе того что̀ она уже дала. Новый человѣкъ, даже неизвѣстный, успѣетъ больше меня въ поддержаніи ли порядка, въ одушевленіи ли трусовъ, въ укрощеніи ли реакціи или въ очищеніи и приведеніи въ дѣйствіе революціонныхъ элементовъ. Прошу васъ найти поскорѣе такого человѣка.“ Такъ какъ такого человѣка не находятъ скоро, то нѣсколько дней спустя, 4го февраля, Шаллемель-Лакуръ настаиваетъ предъ Гамбеттой въ слѣдующей телеграммѣ, переполненной горечью:

„Такъ какъ перемиріе можетъ быть разорвано съ минуты на минуту, я долженъ предупредить васъ что если непріятель пойдетъ на Ліонъ, то онъ найдетъ городъ безъ войска, безъ припасовъ, безъ одушевленія. Для защиты у насъ будетъ 600 моряковъ, изъ коихъ половина больна, да горсть республиканцевъ изъ предмѣстьевъ. Я буду съ ними, если они не зарѣжутъ меня до тѣхъ поръ, а намѣреніе это они обнаруживаютъ ежедневно.“ Къ счастію въ тотъ же день въ Ліонъ прибылъ Валантенъ, бывшій страсбургскій префектъ. Шаллемель-Лакуръ задерживаетъ его, приглашаетъ къ себѣ завтракать, убѣждаетъ его принять отъ него должность, и въ телеграммѣ датированной отъ 10 часовъ 50 минутъ утра требуетъ чтобъ ему немедленно прислали его назначеніе. Назначеніе прислано тотчасъ же, и въ тотъ же день Шал-

лемель-Лакуръ адресуетъ одному изъ своихъ друзей въ Бордо телеграмму, которая въ краткости своей выражаетъ радость доставленную ему его избавленіемъ: „Дѣло улажено. Валантенъ префектъ. Пріѣду въ Бордо въ середу или въ четвергъ. Назначь мнѣ гостиницу по телеграфу“.

IV.

Я изложилъ съ нѣкоторыми подробностями кризисъ послѣдовавшій въ Ліонѣ за революціей 4го сентября, потому что онъ заключаетъ въ себѣ характеристическія черты, повторяющіяся въ бо́льшей части другихъ департаментовъ. Такъ напримѣръ исторія департамента Устьевъ Роны и его буйной столицы Марсели очень похожа на эту. Марсель производитъ также свой республиканскій *пронунсіаменто* 4го сентября, выждавъ, впрочемъ, извѣстій изъ Парижа, ибо Марсельцы, хотя и большіе хвастуны, но благоразумнѣе Ліонцевъ. Комитетъ общественнаго спасенія, сформированный красными, тотчасъ же организуется подъ названіемъ *Комитета демократической уніи* и президентъ его г. Дельпешъ отправляетъ Гамбеттѣ слѣдующій адресъ, изложенный южно-демократическимъ слогомъ:

„Гражданинъ! Сыны Марсельцевъ 92го года съ гордостію привѣтствуютъ въ лицѣ вашемъ отца революціи 70го года. Соединенные съ вами неразрывными узами, мы гарантируемъ вамъ порядокъ и спокойствіе въ великомъ городѣ, бывшемъ вашею политическою колыбелью. Что касается до патріотизма нашей дорогой Фокеи, то онъ останется на высотѣ своей древней репутаціи.“

Муниципальный совѣтъ присоединяется къ нему и онъ назначаетъ г. Лабадье коммиссаромъ или временнымъ префектомъ. Наконецъ, правительство, не теряя времени, назначаетъ генеральнымъ коммиссаромъ г. Альфонса Эскироса. Отличный писатель, постоянный сотрудникъ *Revue des deux Mondes*, г. Эскиросъ, къ несчастію, не имѣлъ никакихъ административныхъ способностей и сдѣлался игрушкой марсельскихъ демагоговъ. Онъ поддается народнымъ манифестаціямъ, онъ приходитъ въ столкновеніе съ военною властью, не успѣвая, однако, удовлетворить неистовыхъ, которые упрекаютъ его что онъ оставляетъ на мѣстахъ подозрительныхъ

людей вмѣсто того чтобы замѣнить ихъ „добрыми ребятами". Положеніе скоро становится для него невыносимо. Онъ подаетъ въ отставку, получаетъ ее, и одинъ изъ самыхъ энергическихъ республиканцевъ, г. Альфонсъ Жанъ, заступаетъ его мѣсто. Но это не нравится демагогамъ, которые угрожаютъ „скорѣе сжечь городъ, чѣмъ отпустить Эскироса". Тѣмъ не менѣе г. Альфонсъ Жанъ является. Въ видѣ привѣтствія въ него стрѣляютъ изъ пистолета и наносятъ ему легкую рану, но онъ не оставляетъ дѣла и вскорѣ, благодаря его энергіи, Марсельцы успокоиваются насколько они могутъ успокоиться и порядокъ возстановляется до окончанія кризиса. Г. Жанъ соединяетъ въ своихъ рукахъ всѣ должности, онъ занимается всѣмъ на свѣтѣ. „Я нѣчто въ родѣ *maître Jacques*, говоритъ онъ, исправляю должности префекта, командующаго генерала, интенданта и директора артиллеріи, заключаю подряды, фабрикую пушки и уплачиваю за нихъ или заставляю уплачивать съ помощью открытыхъ кредитовъ"... Эта многосторонняя дѣятельность не доставляетъ большихъ результатовъ, ибо ревность Марсельцевъ испаряется въ словахъ, и ему никто не помогаетъ, но наконецъ порядокъ, скомпрометтированный Эскиросомъ, возстановляется, а это что-нибудь да значитъ. Эскиросъ, не оставлявшій Марсели за неимѣніемъ денегъ, получаетъ вознагражденіе въ 4.000 фр., которое даетъ ему возможность выѣхать въ началѣ января, и Жанъ произноситъ своему неловкому предшественнику слѣдующую похоронную рѣчь, которая не отличается снисходительностью, но вполнѣ имъ заслужена: „Мнѣ нечего говорить вамъ о немъ, вы его знаете. Но только ради его прошедшаго и ради его самого, гораздо болѣе чѣмъ для насъ, я радуюсь что онъ отправился отсюда, ибо здѣсь онъ окончательно бы погубилъ себя, не понимая этого и даже безъ всякаго сознанія. Человѣкъ этотъ живетъ внутреннею жизнью и одержимъ слѣпотой относительно всѣхъ внѣшнихъ фактовъ, что̀, конечно, очень прискорбно." И вотъ какимъ людямъ республиканская камарадерія поручала управленіе однимъ изъ важнѣйшихъ департаментовъ и однимъ изъ городовъ гдѣ всего труднѣе было установить правильную администрацію. Жанъ былъ человѣкъ инаго закала, но имѣлъ недостатки, неразлучные съ тѣми качествами которыми онъ обладалъ. Услышавъ о капитуляціи Парижа, онъ телеграфируетъ Жюлю Фавру въ

припадкѣ гнѣва: „Я не повинуюсь тому кто сдался Бисмарку, я не знаю его.“ Онъ протестуетъ также противъ декрета созывающаго избирателей для назначенія Національнаго Собранія и отказывается его обнародовать. Руководимый болѣе страстью, чѣмъ здравымъ разсудкомъ, онъ требуетъ диктатуры и борьбы на жизнь и смерть. Гамбетта отказывается отъ диктатуры и онъ телеграфируетъ ему: „Я не думалъ, Гамбетта, что мы разстанемся когда-нибудь. Итакъ прощайте.“ Наконецъ онъ подчиняется необходимости и сохраняетъ свой постъ до окончанія кризиса.

Въ Одскомъ департаментѣ, гдѣ главный городъ Каркассона, населеніе не менѣе воспламеняющееся, какъ и въ департаментѣ устьевъ Роны. Лишь только получено было тамъ извѣстіе о революціи въ Парижѣ, какъ республиканская группа провозгласила низверженіе Имперіи и удаленіе префекта. Ярый радикалъ, г. Марку, нынѣ депутатъ крайней лѣвой, овладѣлъ префектурой безъ выстрѣла, ибо префектъ поспѣшилъ уступить ему свое мѣсто „во избѣжаніе безпорядковъ“. Г. Марку провозгласилъ себя „революціоннымъ коммиссаромъ“, но онъ не обратилъ вниманіе на одного изъ друзей Гамбетты, г. Теодора Рейналя, который проѣздомъ черезъ Нарбоннъ, на возвратномъ путешествіи изъ Испаніи, узналъ о революціи 4го сентября, и не видя своего имени въ спискѣ новаго личнаго состава, не безъ горечи телеграфировалъ 8го сентября Гамбеттѣ: „Другъ, вы подумали о моихъ товарищахъ и забыли обо мнѣ; ѣхать ли мнѣ въ Парижъ или ожидать здѣсь? Дѣло ваше трудно, вамъ нужны испытанные люди“. На это Гамбетта отвѣчаетъ назначеніемъ его префектомъ въ Одскій департаментъ. Но, какъ не трудно понять, это назначеніе вовсе не нравится Марку и его друзьямъ, завоевателямъ префектуры. Вслѣдствіе этого телеграмма извѣщаетъ насъ что „избранный демократическій муниципальный совѣтъ въ Каркассонѣ отъ имени населенія выражаетъ желаніе чтобы гражданинъ Марку остался въ должности префекта, такъ какъ отъ этого зависитъ общественное спокойствіе.“ Въ тотъ же день самъ Марку телеграфируетъ: „Ожидаю Теодора Рейналя, преемника, котораго вы назначили для занятія поста *ввѣреннаго мнѣ единогласно народомъ*.“ Чтобы рѣзче обозначить свое неудовольствіе гражданинъ Марку адресуетъ эту телеграмму „господину министру внутреннихъ дѣлъ“. Тѣмъ не менѣе г. министръ не отвѣчаетъ ни слова, и

Рейналь съ гордымъ лаконизмомъ телеграфируетъ отъ 13го сентября: „Я занимаю мой постъ." Впрочемъ спустя шесть дней, онъ проситъ объ увольненіи, потому что желаетъ выступить кандидатомъ въ учредительное собраніе, но это было лишь фальшивою тревогой: выборы отсрочены и онъ остается на своемъ мѣстѣ, о чемъ возвѣщаетъ 24го сентября своимъ высокимъ слогомъ. „Остаюсь на моемъ постѣ. Мужайтесь, мужайтесь, мужайтесь!!! Республика спасетъ Францію и цивилизацію." Такой префектъ не могъ долго сговориться съ военною властью. Сначала онъ жалуется что ему прислали генерала который не нравится населенію. „Ничего не сдѣлаешь съ этимъ *лѣнивцемъ*, онъ способенъ только все разстраивать." Затѣмъ онъ доноситъ о полковникѣ мобилей, который раздаетъ чины „клерикальнымъ франтикамъ и самымъ скомпрометтированнымъ реакціонерамъ Нарбоннскаго округа." И онъ заключаетъ съ меланхолическою важностью: „Это болѣе чѣмъ ошибка, г. министръ, и наши друзья по справедливости чувствуютъ себя обиженными, видя что правительство раздаетъ чины тѣмъ кто ему измѣняетъ и кто приведетъ къ гибели республику. Это очень грустно!" Привожу еще личную телеграмму къ Гамбеттѣ, о прибытіи котораго на воздушномъ шарѣ извѣщаютъ префекта: „Благодарю отъ имени насъ всѣхъ, мужественный другъ, вы спасете республику, *sic itur ad astra* — не сказали ли вы себѣ садясь въ баллонъ?" Нѣсколько позже онъ поощряетъ его сопротивляться до крайности, все-таки въ интересахъ республики, которую онъ естественно ставитъ выше Франціи. „Въ особенности не заключайте ни мира, ни перемирія, вы убьете республику." Но средства и люди? Благодареніе Бога, ни въ тѣхъ ни въ другихъ не оказывается недостатка... въ телеграммахъ префекта Одскаго департамента. Вотъ напримѣръ испанскіе делегаты, находящіеся въ эту минуту у него въ кабинетѣ, „предлагаютъ десять тысячъ волонтеровъ, ревностныхъ республиканцевъ". Онъ спрашиваетъ слѣдуетъ ли принять предложеніе. Вѣроятно правительство не обнаруживаетъ такого довѣрія, какъ префектъ Одскаго департамента, ибо далѣе нѣтъ и рѣчи о 10.000 волонтеровъ; впрочемъ, къ чему тутъ Испанцы? Развѣ у страны недостаточно собственныхъ сыновъ? „Требуйте отъ нея все что угодно, она дастъ вамъ все, чтобы помочь вамъ противъ внѣшнихъ враговъ и противъ внутреннихъ измѣнниковъ." Увы! страна пред-

оставляетъ свободу говорить и дѣйствовать, но что же она дѣлаетъ, когда ей самой предоставляютъ слово? Она пользуется имъ чтобы требовать мира, даже въ Нарбоннѣ, и назначаетъ своими представителями враговъ республики и борьбы на жизнь и смерть. „Извѣстные результаты прискорбны въ высшей степени“, телеграфируетъ съ глубокою горестью Рейналь 8го февраля. Легитимисты одержатъ побѣду при крикахъ: „Миръ, миръ во что бы ни стало!“ Что оставалось тогда дѣлать Рейналю? Ему оставалось только подать въ отставку; онъ подаетъ ее и телеграфируетъ Эммануэлю Араго въ припадкѣ лирическаго отчаянія: „Возвращаюсь снова въ изгнаніе, тамъ я въ состояніи буду въ мирѣ оплакивать нашу злополучную страну, нашу бѣдную республику!“ Излишне присовокуплять что Рейналь не отправился въ изгнаніе — то была пустая фраза, — но на этомъ блаженномъ югѣ, стоитъ сказать слово, и его принимаютъ за дѣло.

Другой префектъ, не уступающій Рейналю во фразахъ, есть Луріонъ, префектъ Шерскаго департамента. Вотъ въ видѣ образчика его телеграмма въ отвѣтъ на извѣстіе о сдачѣ Меца: „Комитетъ обороны Шерскаго департамента, отнюдь не пришедшій въ уныніе отъ преступнаго бѣдствія Меца, далъ клятву что Французская республика ни въ какомъ случаѣ не будетъ капитулировать на этой древней галльской почвѣ, гдѣ живы еще, по прошествіи двухъ тысячелѣтій, воспоминанія борьбы на жизнь и смерть, которую нѣкогда поддерживали на ней наши предки.“ Въ Коррезкомъ департаментѣ, Латрадъ, также чисто красный, выказываетъ не меньшую энергію. Онъ телеграфируетъ 1го ноября, послѣ сдачи Меца: „Сформируйте въ Мецѣ военный судъ. Приговорите заочно измѣнившихъ маршаловъ и генераловъ. Это облегчитъ аресты и приговоры въ департаментахъ.“ Къ несчастію Латраду не помогаетъ никто. „Это крайне прискорбно, говоритъ онъ въ припадкѣ раздраженія (телеграмма шифрованная), но я не вижу ни одного годнаго человѣка въ республиканской партіи департамента.“ Въ Орнскомъ департаментѣ, префектъ относительно умѣренный, г. Альберъ Кристофъ, подаетъ въ отставку въ началѣ января, вслѣдствіе затрудненій съ военною властью. Онъ замѣненъ ярко-краснымъ журналистомъ Антоненомъ Дюбо, настоящимъ воителемъ. Подпрефектъ де-Мортань доноситъ ему о появленіи въ окрестностяхъ пяти уланъ и проситъ его дать приказъ о задержаніи ихъ. Онъ отвѣча-

етъ по-военному: „За коимъ чортомъ вы спрашиваете меня? Этихъ пятерыхъ уланъ задержите сами, и въ особенности не упустите ни одного.“ Не менѣе воинственнымъ образомъ онъ упрекаетъ нѣкоего полковника Бюффара, который, маневромъ бывшимъ въ общемъ употребленіи, отступалъ предъ Прусаками: „Мнѣ кажется, вы совершенно потеряли голову. Первое достоинство солдата хладнокровіе въ виду опасности... Я отправляю отсюда одинъ Майеннскій баталіонъ, которымъ вы распорядитесь для исполненія моихъ приказаній... При такихъ условіяхъ, полковникъ, если вы человѣкъ, и если ваши люди не трусы, то вы непобѣдимы. Во всякомъ случаѣ я даю вамъ приказъ скорѣе умереть всѣмъ до послѣдняго, чѣмъ отступить.“ Онъ не менѣе грозенъ относительно гражданскаго элемента. Онъ телеграфируетъ 13го января меру Бомона на Сартѣ: „Предупреждаю васъ что если, по полученіи этой телеграммы, вы не велите взорвать двухъ мостовъ въ Бомонѣ, желѣзнодорожнаго и на большой дорогѣ, а равно и другихъ, если таковые имѣются, то вы будете немедленно арестованы, преданы военному суду и тотчасъ же разстрѣляны.“ На другой день онъ не безъ гордости телеграфируетъ о результатахъ этого страшнаго внушенія. „Мерь и населеніе Бомона имѣли въ виду помѣшать намъ взорвать мосты и защищать городъ,— операціи которыя поручилъ мнѣ выполнить генералъ Шанзи. Я объявилъ меру что въ случаѣ сопротивленія онъ будетъ разстрѣлянъ, а населенію, если оно попытается разстроить наши войска, какъ оно поступило прошедшею ночью, что городъ будетъ выжженъ. Угрозы было достаточно и патріотизмъ пробудился.“ Надо сознаться что патріотизмъ этотъ былъ не изъ самыхъ добровольныхъ. Но Антонену Дюбо до этого дѣла нѣтъ. Онъ хлопочетъ только о результатѣ. Онъ желаетъ лишь содѣйствія, но не получаетъ его. „У меня здѣсь, говоритъ онъ, генералъ столь же безсильный умомъ какъ и тѣломъ: всегда готовый отступить, онъ имѣетъ самую плохую карту и никогда не имѣетъ при себѣ подзорной трубы.“ Не знаю умѣла ли быстрая энергія страшнаго префекта устрашить Прусаковъ, но несомнѣнно что она была не по вкусу мирнымъ обитателямъ Орнскаго департамента. Они обнаружили это какъ нельзя яснѣе во время выборовъ. „Реакціонный списокъ прошелъ весь сполна“, извѣщаетъ онъ, 10го февраля. Это его послѣдняя телеграмма, и не служитъ ли она многозначительнымъ комментаріемъ всѣхъ остальныхъ?

V.

Первая и самая обширная часть слѣдствія заключаетъ въ себѣ телеграммы отъ департаментскихъ властей; вторая состоитъ изъ правительственныхъ телеграммъ изъ Парижа, Тура и Бордо; она не менѣе интересна чѣмъ предыдущая. Впрочемъ значительная часть документовъ заключающихся въ ней, а именно депеши съ воздушными шарами изъ Парижа къ Турской делегаціи и отъ этой делегаціи въ Парижъ, отправленныя съ голубями, уже извѣстны. Вслѣдствіе этого я пройду ихъ молчаніемъ и ограничусь краткимъ указаніемъ на остальныя. Телеграммы первыхъ дней послѣдовавшихъ за революціей заключаютъ въ себѣ только въ самой сжатой формѣ извѣщеніе о низложеніи императорскаго правительства и объ утвержденіи республики, затѣмъ слѣдуетъ множество назначеній префектовъ и чиновниковъ всякаго рода, избранныхъ большею частію изъ воинствующаго личнаго состава республиканской партіи. Мы видѣли какъ неудаченъ былъ выборъ чиновниковъ новымъ правительствомъ. Подобно всѣмъ партіямъ достигающимъ власти, республиканцы не могли не поддаться духу исключительности и монополіи. Они не въ состояніи были понять что при опасномъ кризисѣ какой проходила Франція, необходимо было прибѣгнуть къ патріотизму всѣхъ партій и не опасаться порученія общественныхъ должностей роялистамъ и даже бонапартистамъ. На глаза ихъ республиканскія убѣжденія или даже просто республиканская фразеологія замѣняли всевозможныя умственныя и нравственныя качества. Такъ напримѣръ 17го сентября мы находимъ телеграмму министра внутреннихъ дѣлъ Гамбетты, къ префекту Шерскаго департамента, предписывающую ему „немедленно удалить меровъ враждебныхъ республикѣ“. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ рѣчь шла о республикѣ въ минуту такой страшной опасности! Въ послѣдствіи мы видимъ того же Гамбетту встревоженнымъ до крайности извѣстіемъ о прибытіи принцевъ Орлеанскихъ, явившихся подъ впечатлѣніемъ самаго почтеннаго чувства — желанія участвовать въ оборонѣ отечества. „Я имѣю письменное доказательство“, телеграфировалъ онъ 27го декабря Ранку, начальнику своей полиціи, о присутствіи въ арміи генерала

Шанзи лица, которое необходимо задержать во что бы ни стало и отправить въ вѣрное мѣсто подъ крѣпкимъ карауломъ. „Лицо это, называющее себя полковникомъ Бастероттомъ, и получившее помимо меня разрѣшеніе слѣдовать за арміей, есть не кто иной какъ принцъ Жуанвильскій. Вамъ нечего объяснять важность этого задержанія, какъ съ точки зрѣнія общественнаго порядка, такъ и преступныхъ интригъ которыя оно дастъ намъ возможность открыть и предать наказанію. Но необходимо дѣйствовать въ величайшей тайнѣ, задержать его безъ огласки, безъ предупрежденія Шанзи, и отвезти его въ Белль-Иль въ силу полномочій которыя я спеціально предоставляю вамъ на этотъ предметъ.“ Четыре дня спустя, онъ возвращается къ тому же предмету и телеграфируетъ манскому префекту чтобъ онъ вытребовалъ отъ принца показанія, не находится ли во Франціи кто-либо другой изъ членовъ его семейства. „Онъ не можетъ“, продолжаетъ Гамбетта, „оставаться здѣсь ни во время войны, ни послѣ нея. Необходимо чтобъ онъ оставилъ Францію, и чтобы предупредить его возвращеніе, вы должны потребовать у него отчета касательно средствъ имъ употребленныхъ чтобы проникнуть на нашу территорію. Онъ не можетъ отказать вамъ въ этомъ, не подвергаясь самой серіозной отвѣтственности, ибо отказъ его обозначалъ бы тайное намѣреніе возобновить попытку и былъ бы явнымъ доказательствомъ что онъ упорствуетъ въ нарушеніи закона и общественной безопасности.“ Исключать принцевъ Орлеанскихъ въ ту минуту когда Франція нуждалась во всѣхъ своихъ дѣтяхъ, были ли они принцы или нѣтъ, не значило ли ставить интересы секты выше интересовъ Франціи? И сколько душевной низости нужно было чтобы предполагать что принцы Орлеанскіе посвящаютъ свою шпагу на служеніе отечеству только съ эгоистическою и постыдною цѣлію! Что до меня касается, то я не знаю никакого акта который ярче выставлялъ бы на видъ узкій, завистливый и подозрительный духъ, характеризующій политическихъ республиканцевъ во Франціи, и въ этомъ дѣлѣ г. Гамбетта въ особенности мнѣ кажется не заслуживающимъ никакого извиненія. Отдадимъ, однако, справедливость ему и его товарищамъ, что они нерѣдко дѣйствовали гораздо благоразумнѣе. Бóльшая часть ихъ депешъ свидѣтельствуетъ что имъ далеко не чужды были умѣренность и спра-

ведливость. Когда г. Альфонсъ Эскиросъ, повинуясь марсельскимъ демагогамъ, предписываетъ, напримѣръ, изгнаніе членовъ религіозныхъ корпорацій, Гамбетта не колеблется кассировать его распоряженіе декретомъ изложеннымъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ. Онъ осуждаетъ и отмѣняетъ также распоряженіе о пріостановкѣ *Gazette du Midi.* Наконецъ онъ принимаетъ отставку Эскироса телеграммой заслуживающею полнаго одобренія по ея тону и твердой краткости. „Отставка ваша принята. Республика ни въ какомъ случаѣ не можетъ терпѣть чиновниковъ которые подаютъ примѣръ нарушенія законовъ и правъ собственности." Онъ обнаруживаетъ не менѣе энергіи для возстановленія порядка и дисциплины въ пресловутомъ отрядѣ волонтеровъ, начальники которыхъ имѣли претензію зависѣть только отъ себя самихъ, и которые, конечно, дѣлали гораздо болѣе вреда французскому населенію, чѣмъ прусской арміи. „Я узнаю, телеграфируетъ онъ, 31го декабря, Гюссону, командующему вольными стрѣлками въ Пуатье, что генералъ хочетъ отправить васъ въ Манъ, и что вы отказываетесь идти туда; этотъ отказъ возбуждаетъ во мнѣ недовѣріе къ вамъ... Вы говорите что половина вашихъ людей безъ оружія и безъ обуви. Снарядить ихъ вы не можете вашими фразами. Чего вы требовали касательно оружія и обмундировки? Перестаньте хвастаться вашими чувствами самоотверженія. Выкажите настоящій организаторскій духъ и вы увидите что требованія ваши будутъ удовлетворены." Съ другой стороны телеграммы г. Гамбетты обнаруживаютъ странныя иллюзіи, хотя при выходѣ изъ баллона въ Туръ онъ судилъ о положеніи умовъ и дѣлъ, скорѣе, какъ пессимистъ. „Селенія бездѣйствуютъ, телеграфировалъ онъ 14го октября, буржуазія мелкихъ городовъ труслива, администрація вѣроломна или равнодушна и отличается отчаянною медленностью. Дивизіонные генералы, вышедшіе изъ резервныхъ кадровъ, возбуждаютъ общую, неукротимую ненависть, которую они слишкомъ заслуживаютъ своею медленностью и безсиліемъ". 19го декабря, когда положеніе для всякаго здравомыслящаго человѣка было отчаянное, г. Гамбетта телеграфировалъ делегату иностранныхъ дѣлъ, по поводу переговоровъ о мирѣ, которымъ, какъ казалось, благопріятствовали добрыя намѣренія Россіи. „Мнѣ кажется невозможнымъ воспользоваться добрыми намѣреніями Россіи чтобы сдѣлать предварительныя предложе-

нія о мирѣ. Это значило бы связывать насъ слишкомъ... Нравственное и матеріальное положеніе Парижа, состояніе нашихъ военныхъ средствъ позволяютъ намъ попытаться на рѣшительное военное дѣло черезъ нѣсколько дней и безъ иллюзій надѣяться на успѣхъ онаго." Эти иллюзіи дозволили, конечно, продолжать оборону, и онѣ имѣли свою почтенную сторону, но какъ дорого онѣ обошлись Франціи!

Если телеграммы Гамбетты и большей части его товарищей отличаются умѣренностью тона, то нельзя сказать того же о г. Стенекерѣ, главномъ директорѣ телеграфовъ. Вотъ истинно страшный человѣкъ! Война, о которой онъ мечтаетъ, есть война на ножахъ, и онъ скорбитъ что не находитъ въ Турѣ людей которые бы стояли на одинаковой высотѣ съ нимъ. „Здѣсь, говоритъ онъ (телеграмма отъ 25го сентября, адресованная одному начальнику дивизіи), я не встрѣчаю необходимой энергіи для начатія войны дикарей на ножахъ, безъ отдыха и пощады. Адмиралъ Фуришонъ отличный и весьма честный человѣкъ, но не способенъ къ революціонымъ мѣрамъ, которыя однѣ могли бы спасти насъ; я повелъ бы дѣло иначе, еслибъ былъ на его мѣстѣ. Провинцію необходимо возбудить, а ее не возбуждаютъ." Въ телеграммѣ отъ того же дня, адресованной Гамбеттѣ, онъ развиваетъ свою систему обороны, и она представляетъ поистинѣ нѣчто куріозное и носитъ на себѣ печать болѣзненнаго раздраженія, въ которое увлеклись тогда нѣкоторые умы, по природѣ плохо настроенные. „Я предлагалъ сначала бить въ набатъ во всѣхъ общинахъ, потомъ сдѣлать распоряженіе чтобы всѣ охотничьи ружья были представлены въ меріи въ распоряженіе комитета обороны, что доставило бы 300.000 ружей, весьма полезныхъ въ партизанской войнѣ; затѣмъ сформировать маленькіе отряды въ 20, въ 50 и во 100 человѣкъ, подъ командой вѣрныхъ начальниковъ, которые перерѣзывали бы поѣзды, подстерегали бы въ засадахъ непріятеля, и вѣшали бы просто-на-просто за шеи, изуродовавъ какъ слѣдуетъ, непріятелей, которыхъ они успѣютъ захватить; затѣмъ добыть изъ Алжира за щедрую плату отъ 20 до 30 тысячъ Кабиловъ и ринуть ихъ въ Германію, съ порученіемъ имъ предавать огню, грабежу и насилію все что они встрѣтятъ на своемъ пути; потомъ напечатать по-нѣмецки преувеличенный разказъ объ этомъ нашествіи и распространить его въ милліонахъ экземплярахъ въ непріятельскихъ лагеряхъ подъ Парижемъ и подъ Мецемъ.

Словомъ, я предлагалъ войну какую вели Испанцы во время первой имперіи и Мексиканцы во время второй. Вашъ душою и сердцемъ." Эти неистовства бѣснующихся не во вкусѣ Гамбетты. Онъ на другой же день сухо отвѣчаетъ Стенекеру: „Звонить въ набатъ и собирать охотничьи ружья я нахожу средствами болѣе фантастическими, чѣмъ дѣйствительно полезными. Что касается 30.000 Кабиловъ, то мнѣ кажется гораздо лучше отправить 30.000 Французовъ. Побуждайте Лесена закупать ружья, прикажите запасать снаряды, приведите въ порядокъ вооруженныя банды—вотъ настоящія средства."

IV.

Вотъ заключеніе которое можно вывести изъ обнародованія этихъ телеграммъ и вообще изъ слѣдствія о дѣлахъ правительства 4го сентября: революціи, бѣдственныя и въ мирное время, еще ужаснѣе во время войны. Конечно, я не думаю защищать императорскую администрацію. Вслѣдствіе недостатка контроля, на который жаловался самъ императоръ, хотя онъ долженъ былъ бы обвинить въ томъ собственную систему, администрація эта, гражданская и военная, стала рутинною и подкупною, но она все-таки знала свое дѣло и учиться ей было нечего. Революція разразилась, и какой же былъ ея первый результатъ? Она замѣнила этотъ опытный личный составъ администраціи личнымъ составомъ ревностнымъ можетъ-быть, но совершенно не свѣдущимъ, которому приходилось учиться при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ какихъ только Франція находилась въ теченіе полувѣка. Республика импровизуетъ префектовъ, судей и генераловъ, и имѣетъ неловкость набирать ихъ преимущественно въ своихъ рядахъ, устраняя тѣхъ кого она считаетъ своими врагами. Но если республика во Франціи имѣетъ въ рядахъ своихъ ораторовъ и писателей, то она всегда была бѣдна администраторами, и причина эта понятна: правительства, которыя она замѣняла, не принимали къ себѣ на службу республиканцевъ, а только въ ихъ школѣ возможно было пріобрѣсти административное воспитаніе. Итакъ, несмотря на всю свою ревность, этотъ импровизованный личный составъ былъ всегда ниже своего призванія. Въ Парижѣ его неспособность и непредусмотрительность

допустили разразиться коммунѣ, что̀ легко было бы предупредить, и если въ департаментахъ порядокъ соблюдаемъ былъ лучше, то скорѣе благодаря благоразумію населенія, чѣмъ искусству администраціи. Что касается военной организаціи, то предписывая чрезвычайныя ополченія, успѣли собрать толпы людей, которыхъ вооружили кой-какъ, благодаря заключенію убыточныхъ подрядовъ, но которые и по наружности не были похожи на войско. Нигдѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, когда этимъ импровизованнымъ войскамъ приходилось имѣть дѣло съ малочисленными отрядами, они не въ состояніи были противиться нѣмецкимъ арміямъ, и разумѣется не отъ недостатка мужества—въ немъ никогда не было недостатка во Франціи,—а вслѣдствіе отсутствія организаціи, дисциплины и правильнаго командованія, безъ которыхъ нѣтъ армій, достойныхъ этого имени, и которыя не импровизуются. Прибавьте ко всѣмъ затрудненіямъ неразлучнымъ съ импровизованною администраціей, столкновенія властей, повторявшіяся повсюду и ставшія неизбѣжными посреди волненія и разстройства, причиненныхъ революціей. Такъ какъ г. Гамбетта, адвокатъ, импровизовалъ себя диктаторомъ и отправлялъ въ армію планы кампаніи, то почему же другимъ подобнымъ ему адвокатамъ, импровизованнымъ префектами, не имѣть притязанія командовать генералами своего округа? А эти послѣдніе, съ своей стороны, могли ли переносить чтобъ ихъ подчиняли „статскимъ“, наперекоръ революціонному преданію? Но изо всѣхъ этихъ разногласныхъ элементовъ можно ли было извлечь силу способную противодѣйствовать могуществу, которое было обязано своимъ побѣдоноснымъ перевѣсомъ чудесному порядку и несравненной дисциплинѣ? Безъ сомнѣнія, можно уважать чувство побудившее республиканцевъ на попытку отбросить нашествіе за границу, и это конечно обстоятельство смягчающее, но нельзя не признать что у нихъ всего болѣе былъ ощутителенъ недостатокъ въ здравомъ разсудкѣ и что они съ невѣроятнымъ легкомысліемъ принимали на себя самую тяжелую, самую подавляющую отвѣтственность. И что̀ жь изъ этого вышло? То что послѣ неудачи ихъ усилій, когда Франція сбросила ихъ диктатуру и назначила Собраніе при крикахъ: „Да здравствуетъ миръ!“ реакція едва не уничтожила республику, предавъ разстрѣлянію и ссылкѣ самую ярую часть республиканской арміи. Если монархія не

была возстановлена, то виноватъ въ томъ единственный король, который могъ вступить на престолъ, и если республика существуетъ и теперь, то потому только что нечѣмъ было ее замѣнить. Стóитъ только подняться бурѣ извнѣ или внутри, и она будетъ унесена этою бурей безъ надежды на возвращеніе! Итакъ революція 4го сентября отягчила пораженіе Франціи, отдаливъ заключеніе необходимаго мира, и позволительно усомниться было ли вознагражденіемъ за то основаніе республики. Да хранитъ насъ Богъ отъ революцій! Да хранитъ Онъ насъ отъ нихъ во время мира и еще болѣе во время войны!

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

БОЛѢЗНЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

КАРТИНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Мнѣ жалко васъ тоскующихъ и блѣдныхъ
Земли непрошенныхъ, взыскательныхъ госте

Гр. Ростопчина.

I.

— Ничего-то вы не понимаете, Наталья Владиміровна, а беретесь судить, и всему злу корень ваше идеальничанье

— Какъ не понимаю, вотъ прекрасно! Конечно вашихъ юридическихъ тонкостей я не знаю, да и знать-то не хочу, если онѣ могутъ такъ рѣзко противорѣчить справедливости и...

— И чему?

— И здравому смыслу.

— Покорнѣйше васъ благодарю!

— За что?

— За патентъ на безсмысліе.

Наталья Владиміровна сдѣлала гримаску которая очень шла къ ея, если не положительно красивому, то очень умненькому личику. Она это конечно знала, по крайней мѣрѣ очень часто прибѣгала къ этой гримаскѣ.

Разговаривающіе, кандидатъ правъ, будущій присяжный повѣренный Лихонинъ и Наталья Владиміровна Волгина, пикантная блондинка (какъ называла ее знакомая молодежь), лѣтъ двадцати, сидѣли на ступеняхъ обширной террасы одной изъ Сокольничьихъ дачъ. Наступалъ теплый, лѣтній вечеръ послѣ гнетуще-жаркаго дня. Молодые люди провели его вдвоемъ на той же самой террасѣ, защищенной отъ солнца и отъ шоссейной пыли густымъ рядомъ деревьевъ, изрѣдка перебрасываясь немногими словами, и только теперь, вмѣстѣ съ вечернею прохладой, что-то похожее на разговоръ завязывалось между ними, но не переходило еще въ бурный споръ, чѣмъ кончались почти всѣ ихъ бесѣды.

Наталья Владиміровна, или Натти, какъ зовутъ ее въ семьѣ, имѣла очень высокое мнѣніе объ умѣ Лихонина, и въ тайнѣ подчиняясь ему въ большинствѣ случаевъ, никакъ однако этого не обнаруживала; напротивъ, никому такъ отъ нея не доставалось, какъ Борису Михайловичу, „злополучному защитнику угнетенныхъ мошенниковъ", какъ она величала его въ свои веселыя минуты. Натти привыкла ни съ кѣмъ и ни предъ кѣмъ не стѣсняться. Балованная дочка вдоваго отца, лишившаяся матери въ такое время когда наиболѣе нуждалась бы въ ея надзорѣ, она пользовалась безграничною свободой, предоставленною ей отцомъ-либераломъ „по принципу", какъ любилъ онъ выражаться, а можетъ-быть и по неволѣ. Онъ зналъ очень хорошо что попробуй онъ стѣснить въ чемъ-нибудь свою Натти, она надѣлаетъ такихъ чудесъ что совсѣмъ собьетъ его съ толку. Однимъ словомъ, хотя ей и не приходилось еще бороться, но она каждую минуту готова была на борьбу, съ твердою увѣренностью выдти изъ нея побѣдительницей. Нельзя впрочемъ сказать чтобъ она злоупотребляла своею свободой. Самый строгій блюститель женскихъ нравовъ не могъ бы найти чего-либо дѣйствительно предосудительнаго въ ея поведеніи, хотя не объ одной дѣвушкѣ ея круга не говорили столько какъ объ ея сумасбродствахъ. Не многія изъ ея сверстницъ любили ее, да и она сама неохотно сближалась съ ними. Въ ея маленькой головкѣ, несмотря на ея кажущуюся вѣтренность, мелькали порой мысли и стремленія незнакомыя ея подругамъ. И Лихонинъ не напрасно упрекнулъ ее въ идеальничаньи.

Натти воспитывалась въ одномъ изъ модныхъ московскихъ пансіоновъ, очень мало оттуда вынесла, и горько сознавая

свое невѣжество, вполнѣ искренно стремилась дополнить свое образованіе, но природная лѣнь и безалаберность мѣшали сколько-нибудь систематическимъ занятіямъ. Она бралась за многое, читала все что ни попадало подъ руку, и все же знала очень мало, но тѣмъ болѣе уважала она знаніе въ другихъ. Умъ, знаніе, талантъ были ея кумирами. Какъ всякой молодой дѣвушкѣ ей хотѣлось любить, но любить было некого. Правда, были у нея женихи и не безвыгодные, какъ у единственной наслѣдницы порядочнаго состоянія, но она только смѣялась надъ ихъ претензіей ей понравиться, чѣмъ очень радовала отца которому совсѣмъ не хотѣлось разстаться съ дочерью, все еще представлявшеюся ему ребенкомъ.

Въ первыхъ годахъ дѣтства у Натти былъ товарищъ, годами пятью ея старѣе, двоюродный братъ, сирота, ввѣренный попеченіямъ Волгина. Они жили тогда безвыѣздно въ деревнѣ, и какъ Сашѣ минуло тринадцать лѣтъ, его отвезли въ Петербургъ въ одно изъ спеціальныхъ училищъ. Пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ самъ захотѣлъ поступить на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Тогда уже поговаривали о судебной реформѣ, и дядя-опекунъ, бредившій всѣми реформами, безъ труда согласился на его желаніе. По окончаніи курса молодому Волгину захотѣлось пожить въ единственно близкой ему семьѣ, онъ и пріютился въ Москвѣ поступивъ помощникомъ къ одному изъ присяжныхъ повѣренныхъ.

По пріѣздѣ двоюроднаго брата Натти ожила. Въ началѣ ихъ сближенія она готова была въ него влюбиться; среди окружавшей ее пустой молодежи онъ показался ей чуть не геніемъ, но первое защищаемое имъ въ судѣ дѣло разочаровало искательницу идеаловъ. Ея временный кумиръ оказазался плохимъ ораторомъ, что впрочемъ не мѣшало ей попрежнему бредить судебною реформой, и очень часто посѣщать уголовныя засѣданія. На одномъ очень запутанномъ дѣлѣ, заранѣе интересовавшемъ всѣхъ записныхъ посѣтителей судовъ, защитникомъ явился Лихонинъ. Это былъ его первый дебютъ и очень удачный. Ему посчастливилось разбить обвиненіе на всѣхъ пунктахъ и доказать невиновность подсудимой, молодой женщины, съ перваго взгляда привлекшей къ себѣ всѣ симпатіи. Натти была въ полномъ восторгѣ. Подъ этимъ-то впечатлѣніемъ, не выходя изъ залы засѣданія,

молодой Волгинъ представилъ ей Бориса Махайловича Лихонина. Это случилось зимой предшествовавшей описываемому нами лѣту. Молодой адвокатъ такъ понравился и отцу и дочери что самъ старикъ Волгинъ уговорилъ его нанять себѣ дачу въ Сокольникахъ, и несмотря на отсутствіе Александра Васильевича, уѣхавшаго въ свое имѣніе, мы находимъ Лихонина ежедневнымъ гостемъ въ семьѣ Волгиныхъ, ежедневнымъ, почти единственнымъ собесѣдникомъ Натти.

Немногіе знакомые посѣщавшіе ихъ на дачѣ начинали уже предсказывать свадьбу, и отецъ, нисколько не желавшій отдавать Натти замужъ, опять начиналъ тревожиться, но холодное, отчасти даже рѣзкое обращеніе ея съ молодымъ адвокатомъ вскорѣ его успокоило. „Не такъ ведутъ себя влюбленные, думалъ онъ, моя дѣвочка совсѣмъ умница, ей не скоро вскружишь голову, пускай же забавляется."

Короткость съ молодою и очень привлекательною дѣвушкой не могла не подѣйствовать благотворно на Бориса Михайловича, тѣмъ болѣе что онъ росъ одиноко, внѣ семьи, и почти не зналъ женскаго общества. Въ началѣ знакомства, застѣнчивый, какъ всѣ самолюбивые люди, онъ боялся за каждое свое слово, за каждое движеніе; но простое, безцеремонное обращеніе Натти вскорѣ развязало и его, а сознаваемое имъ тайное на нее вліяніе очень ему льстило. Роль авторитета, которому покорялись поневолѣ, очень ему нравилась, но нравилась ли ему сама Натти, какъ вѣроятно понравилась бы многимъ на его мѣстѣ, онъ и самъ бы не могъ дать себѣ яснаго отчета. Честолюбивый, мечтающій о блистательной карьерѣ и дѣйствительно человѣкъ не безъ дарованія, но пока еще бѣдный, онъ боялся каждаго рѣшительнаго шага, боялся сознаться самому себѣ что Натти можетъ ему нравиться. Боязнь быть отвергнутымъ заглушала въ его, прежде всего самолюбивой душѣ всѣ естественныя чувства молодости. Онъ обращался съ молодою дѣвушкой дружески, не болѣе; даже очень часто не выносилъ ея рѣзкостей и давалъ ей довольно жесткіе уроки. А при всемъ томъ представивъ, по просьбѣ Натти, въ домъ Волгиныхъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по университету, онъ очень искусно отвлекалъ ее отъ знакомства съ болѣе даровитыми между молодыми адвокатами. Но почему онъ поступалъ такъ, онъ опять-таки не желалъ дать себѣ яснаго отчета.

Послѣ презрительной гримаски, закончившей разговоръ, водворилось молчаніе. Натти глядѣла въ сторону, машинильно обрывая листочки лавелики, обвивавшей перилы террасы.

— Выиграть дѣло! точно что-то свое собственное, крѣпостное! скорѣе прошептала чѣмъ выговорила Наталья Владиміровна, все еще продолжая смотрѣть въ противоположную отъ Лихонина сторону.—Да вѣдь это возмутительно! почти вскрикнула она, быстро обращаясь къ Борису Михайловичу.

— Что̀ возмутительно, Наталья Владиміровна? спросилъ онъ лѣниво, какъ бы нехотя выговаривая каждое слово.

— Выиграть дѣло!

— Какъ выиграть дѣло возмутительно? Посмотрѣлъ бы я что̀ бы вы сказали, еслибъ у васъ завелся процессъ, и я его выигралъ.

— Точно вы не понимаете о чемъ я говорю, вы разказывали мнѣ, кажется, о защитѣ уголовной, а не о гражданскомъ процессѣ, сказала Натти съ своею обычною презрительною гримаской.

Кромѣ сознанія что эта гримаска ей къ лицу, она знала еще что, прибѣгая къ ней, она всегда враждебно дѣйствуетъ на Лихонина.

— Ничего не понимаю, хладнокровно отвѣчалъ Борисъ.

Натти пожала плечами, и опять отвернулась къ периламъ. Помолчавъ съ минуту, она медленно повернулась къ своему собесѣднику, и пристально смотря ему въ глаза, медленно, ударяя на каждомъ словѣ, сказала:

— Я нахожу возмутительнымъ ваше выраженіе: выиграть дѣло.

— А я не нахожу.

Опять водворилось молчаніе.

— Скажите, Борисъ Михайловичъ, и ваши прокуроры, то-есть обвинители, то же говорятъ: выиграть дѣло?

— И какъ еще иные говорятъ, а главное, какъ стараются выигрывать дѣла, во что̀ бы то ни стало улечь, какъ выражаются самые ярые.

— И вы не находите этого возмутительнымъ?

— Со стороны обвиненія пожалуй что и такъ. Впрочемъ „возмутительно“ слишкомъ ужь сильное выраженіе, а „нехорошо“,

я согласенъ. А съ другой стороны, надо же сдѣлать карьеру: взялся за гужъ, не говори что не дюжъ.

— Съ вашею карьерой вы сами для меня отвратительны! быстро, горячо сказала Натти.

За минуту предъ тѣмъ блѣдное личико ея такъ и вспыхнуло, и голубо-сѣрые выразительные глаза загорѣлись зловѣщимъ огонькомъ предвѣщавшимъ сильную бурю.

Послѣднія слова Натти, особенно же выраженіе ея лица задѣли за живое Лихонина. И онъ заговорилъ серіозно, почти также горячо какъ и она.

— Вы хорошо знаете, Наталья Владиміровна, что я не жертвую моими убѣжденіями карьерѣ, не беру дѣлъ безъ разбора, за что же вы на меня лично нападаете?

— А кто васъ тамъ знаетъ, какъ вы поступаете сами, по моему отъ слова до дѣла не далеко!

Лихонинъ поблѣднѣлъ, угрюмо потупивъ глаза въ землю. Онъ не зналъ какъ поступить въ этомъ случаѣ. Оскорбленное самолюбіе нашептывало: слѣдуетъ уйти тотчасъ же и никогда уже не показываться у Волгиныхъ. Между тѣмъ Натти опомнилась, поняла что зашла слишкомъ далеко. Она читала на блѣдномъ лицѣ Бориса все что происходило въ душѣ его, и въ ней начиналась борьба разсудка и добраго женскаго сердца съ самолюбіемъ. Къ счастію, борьба длилась не долго; прежде чѣмъ Лихонинъ дошелъ до какого-нибудь рѣшенія Натти протянула ему руку.

— Простите, Борисъ Михайловичъ, мягко, почти нѣжно начала она, — я наговорила вамъ невыносимыхъ глупостей! Пойдемте гулять, на встрѣчу къ отцу, онъ долженъ скоро вернуться; теперь совсѣмъ уже не жарко.

Выйдя изъ воротъ дачи и повернувъ къ Москвѣ они долго шли молча. Натти обдумывала новое нападеніе, а Лихонинъ невольно любовался ею. Онъ былъ въ необычномъ ему нѣжномъ настроеніи.

— Чѣмъ вы занимаетесь, Борисъ Михайловичъ, по утрамъ, когда сидите у себя на дачѣ?

— Дѣлами.

— Какими?

— У меня три гражданскихъ дѣла на рукахъ которыя на дняхъ назначены къ докладу въ судѣ.

— Очень интересныя дѣла?

— Не очень.

— И они васъ удовлетворяютъ вполнѣ?

— То-есть какъ удовлетворяютъ?

— Вамъ весело заниматься дѣлами?

— Эти дѣла даютъ мнѣ деньги, то-есть средства къ жизни. Воздухомъ да возвышенными теоріями не проживешь, Наталья Владиміровна.

— Вотъ новость сказали! Точно я васъ упрекаю что вы занимаетесь дѣлами. Но мнѣ хотѣлось бы знать...

— Что̀?

— Вы вполнѣ довольны вашими занятіями? Вамъ ничего больше не нужно?

— Но чего же? Я васъ не понимаю.

— Ахъ Боже мой! Да знанія! новыхъ мыслей, новыхъ выводовъ. Еслибъ я была подготовлена какъ вы, чего бы я ни надѣлала! Неужели вамъ не противна ваша безцѣльная, полусонная жизнь! Ваша полудремота у насъ въ саду, да пошлое перебрасываніе со мною какими-то глупыми полусловами?

Лихонинъ вздохнулъ не отвѣчая.

— Неужели вы избрали карьеру юриста для одной только цѣли зарабатывать деньги?

— А то для чего же? какъ-то желчно отвѣчалъ Лихонинъ и помолчавъ немного прибавилъ: — вы неисправимая идеалистка, Наталья Владиміровна, а еслибы вы знали суть дѣла, вы бы поняли что между идеаломъ и юриспруденціей очень мало общаго.

— Такъ бросьте юриспруденцію.

— Укажите мнѣ другую карьеру гдѣ бы не было той же самой разладицы.

— Такъ у васъ совсѣмъ нѣтъ идеала?

— Есть. Но между идеаломъ и дѣйствительностью цѣлая пропасть. Оттого-то такъ и скучно жить на свѣтѣ.

— Нѣтъ, вы не тотъ человѣкъ какимъ я васъ воображала!.. вырвалось у Натти:—и меня еще упрекаютъ...

Лихонинъ поднялъ опущенную дотолѣ голову и удивленно взглянулъ на нее. Она покраснѣла.

— Кто же и въ чемъ васъ упрекаетъ?

— Никто и ни въ чемъ.

— Но вѣдь вы сказали...

— Глупость.

— Однако... Мнѣ тоже бы хотѣлось знать..

Натти молчала.

— Наталья Владиміровна, въ чемъ васъ упрекаютъ?

— Впрочемъ почему же и не сказать, рѣшительно заговорила молодая дѣвушка выпрямившись и смѣло глядя на своего спутника.—Меня не разъ упрекалъ Саша что я безсердечная, что я не умѣю любить. Надо вамъ сказать что было время когда я готова была къ нему привязаться всею душой. Посудите!... Стало-быть не безсердечная я, стало-быть чувствую потребность любить. Сашу чуть не полюбила! прибавила она съ своею презрительною гримаской.—А я теперь у васъ спрашиваю: кого любить? Людей подобныхъ вамъ! Развѣ это возможно? Чего, чего не дано вамъ, и природой, и судьбой, и умъ, и образованье, а что̀ вы изъ нихъ дѣлаете? Тряпки вы всѣ, вотъ что̀!

И она быстро пошла отъ него въ чащу лѣса. Лицо ея горѣло, глаза сверкали. Въ эту минуту она была почти красавицей. У Лихонина сильно билось сердце, бездна новыхъ мыслей и чувствъ роились въ груди. Ему хотѣлось бѣжать за Натти, сказать ей: „полюбите меня, и я буду такимъ человѣкомъ какого вамъ нужно!“ Онъ и побѣжалъ бы, и сказалъ бы это, и многое другое что̀ тлѣло, давило его въ эту минуту, еслибъ одна мысль не помѣшала: „А не буду ли я смѣшонъ съ моими изліяніями? Дѣвочка вспылила, правда, хорошо, честно вспылила, а мнѣ ужь и разнюниться. Да и могу ли я быть когда-нибудь такимъ человѣкомъ какого она требуетъ въ эту минуту, ея избранникомъ? Обѣщать невозможное, особенно когда тебѣ безусловно повѣрятъ—безчестно.“

И грустно понуривъ голову, онъ продолжалъ машинально шагать по дорогѣ, пока Натти не вышла ему на встрѣчу, успѣвъ обѣжать всю куртину. Платье ея было во многихъ мѣстахъ прорвано сучьями, волосы въ безпорядкѣ.

— Пойдемте домой, уже поздно, отецъ долженъ быть дома, проговорила она проходя мимо его не останавливаясь и почти побѣжала по боковой дорожкѣ домой. Когда они дошли до дачи, не выговоривъ почти ни одного слова, уже совсѣмъ стемнѣло. Владиміръ Петровичъ ожидалъ ихъ за самоваромъ, замѣтно надувшись.

— Куда это вы запропали? проворчалъ онъ, нехотя цѣлуя дочь.—Я начиналъ безпокоиться, Натти.

— Я убѣжала отъ Бориса Михайловича, папа, все ходила

по чащѣ, избѣгала всю куртину, покойно отвѣчала Натти,— прощай, я страшно устала.

— А что же чаю?

— Не хочу, прощай, папа. И холодно протянувъ руку Лихонину, даже не взглянувъ на него, она ушла къ себѣ. И Лихонинъ поспѣшилъ откланяться, наскоро проглотивъ предложенный ему стаканъ чаю.

„Что-то съ ними случилось, ужь не объяснились ли они между собою? подумалъ либеральный папаша, — чего добраго!“ И сильно защемило сердце. Ему совсѣмъ не хотѣлось отдавать дочь за неизвѣстнаго еще покамѣсть помощника неизвѣстнаго присяжняго повѣреннаго, хотя онъ вполнѣ, и даже преувеличенно быть-можетъ, признавалъ даровитость молодаго адвоката.

Когда же на слѣдующее утро явилась Натти, веселая и живая, и попросила его съѣздить съ нею къ теткѣ въ Кунцево, онъ очень скоро успокоился.

А Лихонину не спалось въ эту ночь, все еще звучали въ ушахъ слова Натти: „всѣ вы тряпки, вотъ что!“ На слѣдующее утро явился онъ къ Волгинымъ раньше своего обычнаго часа. Ему сказали что господа уѣхали въ Кунцево и вернутся не раньше слѣдующаго дня, да и то къ вечеру. Лихонинъ пришелъ на третій день, ему опять сказали что Натальи Владиміровны нѣтъ дома, на четвертый тотъ же отвѣтъ, но въ этотъ разъ проходя мимо оконъ ея комнаты онъ увидалъ ее выглядывающею изъ-за занавѣсокъ съ книгою въ рукахъ.

„Если такъ, хорошо же, вспомните меня, соскучитесь, Наталья Владиміровна,“ подумалъ онъ, шагая съ досадой по дорожкѣ; и четыре дня затѣмъ не выходилъ съ своей дачи, не подозрѣвая что каждый вечеръ Натти, закутанная въ неизвѣстный ему старый бурнусъ, покрытая платочкомъ, проходила мимо его дачи и видя его подъ окномъ съ книгой въ рукахъ, лукаво улыбалась. На пятый день ему пришлось ѣхать по дѣламъ въ Москву, а оттуда въ Тверь и во Владиміръ. Такимъ образомъ прошло болѣе недѣли въ разъѣздахъ и цѣлыхъ двѣ со дня ихъ послѣдней бурной встрѣчи, когда измученный, усталый Лихонинъ возвращался въ Сокольники въ самый сильный жаръ и вдругъ увидалъ на шоссе Натти подъ руку съ однимъ юношей, особенно ему ненавистнымъ. Онъ отвернулся съ досадой, услыхавъ ея голосъ кричавшій ему:

— Борисъ Михайловичъ, Борисъ Михайловичъ, куда вы пропали? Приходите обѣдать, мнѣ безъ васъ скучно.

Онъ рѣшился было не ходить, однако къ пяти часамъ явился на дачу Волгиныхъ, гдѣ неожиданно встрѣтилъ только-что возвратившагося изъ путешествія Сашу. По окончаніи обѣда, за которымъ Натти болтала и дурачилась какъ въ давно минувшія уже времена, молодой Волгинъ завладѣлъ товарищемъ и увелъ его въ свою комнату толковать о своемъ возникавшемъ процессѣ. Сидя у окна, они вскорѣ увидали Натти и юношу, страдавшаго, по мѣткому выраженію Лихонина, *неизлѣчимою гражданскою скорбью*, съ воланомъ въ рукахъ. Юноша, недоучившійся студентъ Гремякинъ, третій годъ безуспѣшно стремящійся выдержать прямо на кандидата, несмотря на скорбь свою, сіялъ отъ восторга; онъ давно уже былъ влюбленъ въ Натти, и хотя не смѣлъ прямо говорить ей о любви, но въ тайнѣ не терялъ надежды тронуть ея сердце, а пока пробавлялся ея дружбой.

Пробѣгавъ съ полчаса, вся раскраснѣвшаяся Натти бросилась на дернъ, едва переводя дыханіе. Она притворилась спящей, а все же однимъ глазкомъ посматривала на окно откуда вылеталъ дымъ сигары. Наконецъ притворство ей надоѣло, она живо вскочила и закричала:

— Саша! Борисъ Михайловичъ! идите къ намъ! Я отдохнула, играть въ четверомъ веселѣе.

— Еще жарко, Наталья Владиміровна, лѣниво отвѣчалъ Борисъ,—я усталъ съ дороги.

— Ну, Саша, скорѣй иди хотя ты одинъ, если мсье Лихонину не угодно.

Александръ Васильевичъ не умѣлъ долго заниматься даже собственными дѣлами, онъ очень обрадовался призыву Натти, и схвативъ Лихонина за руку мигомъ сбѣжалъ къ играющимъ. Началось новое бѣганье и не прекращалось вплоть до чая.

II.

Съ этого дня Натти вошла въ свою, очень обычную ей до знакомства съ Лихонинымъ, колею ребячливости. Въ продолженіи двухъ недѣль она не произносила сама, да и не позволяла произносить при себѣ и другимъ ни одного путнаго слова, мучала и теребила отца до того что наконецъ

вызвала довольно строгое замѣчаніе, а молодому Волгину устраивала разныя западни въ видѣ песочницы опрокинутой въ чернилы, нужныхъ бумагъ и книгъ забрасываемыхъ невидимою рукой подъ диваны, такъ что и того, несмотря на его добродушіе и природную веселость, вывела изъ терпѣнья; больше же всѣхъ доставалось Гремякину, когда тотъ появлялся въ Сокольникахъ. Зная свою безграничную власть надъ его сердцемъ, она никогда съ нимъ не церемонилась. Съ Лихонинымъ она большею частью шутила какъ и съ другими, а то такъ обращалась холодно какъ будто не замѣчала его присутствія. Вначалѣ зараженный ея веселостью, онъ самъ дурачился вмѣстѣ съ нею, и какъ будто чувствовалъ себя довольнымъ жизнію, но при первомъ капризѣ, выразившемся холодностью къ нему одному, онъ обидѣлся и сталъ являться рѣже въ гостиной Волгиныхъ, прибывая впрочемъ постоянно въ комнатѣ Александра Васильевича, гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни валяясь на диванѣ, безъ всякаго дѣла и какого-либо связнаго разговора, что было хорошо извѣстно Натти, и постоянно вызывало ея презрительную гримаску.

„Еслибъ онъ былъ человѣкомъ, думала она сидя одиноко на террасѣ, онъ бы меня давно образумилъ, заставилъ бы заниматься, а то дрянь, тряпка!“ И чтобы заглушить тоску и скуку, она принималась дурачиться, какъ только появлялось живое лицо, надъ которымъ, или съ которымъ возможно было потѣшаться.

Однажды вечеромъ, войдя въ комнату молодаго Волгина, въ его отсутствіе, она нашла книгу возвращенную Лихонинымъ, развернула ее отъ нечего дѣлать и начала перелистывать. Краткія отмѣтки на поляхъ рукою Бориса поглотили все ея вниманіе. Она унесла книгу къ себѣ и прочитала часть ночи.

Слѣдующее утро увидало Натти преобразившеюся. Тихо, сошла она къ чаю, потолковала съ отцомъ о хозяйствѣ, предложила Александру Васильевичу переписать ему двѣ бумаги, о чемъ онъ уже давно, но безуспѣшно просилъ ее, и тотчасъ же принялась за работу, какъ только проводила отца и брата въ Москву. Но едва пробило три, обычный часъ прихода Лихонина, Натти быстро вскочила, поправила предъ зеркаломъ свои вѣчно трепавшіеся волосы и также быстро обѣжала на маленькую террасоку, ведущую въ комнату Але-

ксандра Васильевича. Не долго пришлось ждать ей, и Лихонинъ показался на дорожкѣ.

— Саша въ Москвѣ, сказала Натти, идя ему на встрѣчу.

Лихонинъ поклонился молча, и повидимому собрался уходить. Они предъ этимъ дня три не встрѣчались; несмотря ни на какія убѣжденія молодаго Волгина, упрямый товарищъ постоянно уходилъ отъ обѣда.

— Развѣ вы не зайдете къ намъ, Борисъ Михайловичъ? какъ-то стыдливо произнесла Натти.

— Боюсь наскучить вамъ, Наталья Владиміровна.

— Полноте, перестаньте дуться, довольно намъ дурачиться, быстро, сквозь зубы, выговорила молодая дѣвушка, и въ одинъ прыжокъ перескочивъ нѣсколько ступеней, поскользнулась и чуть не упала. Лихонину пришлось поддержать ее.

— Я право не замѣчалъ за собою все это время никакихъ дурачествъ, сказалъ все еще недовольный, но начинавшій уже улыбаться Лихонинъ.

— Ну такъ дурачилась я, а теперь никогда не буду, комически, какъ провинившійся ребенокъ, отвѣчала оправившаяся Натти, взявъ опять молодаго человѣка подъ руку и направляясь къ полисаднику чтобы пройти на свою собственную террасу.

— Посмотрите, продолжала она серіозно, съ оттѣнкомъ грусти,—деревья начинаютъ желтѣть, не долго наслаждаться намъ дачною свободой. Еслибы вы знали, Борисъ Михайловичъ, какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ просто гадко на душѣ, вы не стали бы надо мной смѣяться, серіозно заговорила Натти, когда Лихонинъ усѣлся противъ нея въ кресло.

— Я что-то не замѣчалъ до сихъ поръ вашей грусти, иронически отвѣчалъ онъ.

— А вы думаете я отъ сердечнаго веселья дурачилась все это время? Непонятливый вы человѣкъ послѣ этого, Борисъ Михайловичъ, нѣтъ у васъ шестаго чувства, чутья пожалуй, какъ у насъ женщинъ, грустно продолжала Натти. — Жизнь проходитъ, а я не живу, а только дурачусь, и Богъ знаетъ что ждетъ меня впереди; пора наконецъ опомниться, что-нибудь дѣлать.

Лихонинъ понялъ что Натти не шутитъ, не дразнитъ его по своему обыкновенію, что ей дѣйствительно было грустно, и ему стало жаль ея.

— Что же хотите вы дѣлать? серіозно, съ участіемъ спросилъ онъ.

— Какъ переѣдемъ въ Москву, возьму учителей, стану готовиться, а весною держать экзаменъ.

Лихонинъ пожалъ плечами.

— Вижу что вамъ дѣйствительно скучно, и вы не знаете что съ собою дѣлать. Неужели вы думаете что экзаменъ дастъ вамъ знанія? Полноте, Наталья Владиміровна, не увлекайтесь тщеславіемъ; у насъ въ Россіи женщинамъ со средствами нечего другаго дѣлать съ своимъ дипломомъ какъ выставлять его на показъ.

— А кто можетъ быть увѣренъ въ своихъ средствахъ? грустно, разсѣянно, какъ бы про себя сказала Натти, а потомъ, точно опомнившись, пристально взглянула на Лихонина, твердо, съ особенною интонаціей выговаривая слѣдующія слова:—Саша говорилъ съ вами конечно о своемъ процессѣ?

— Говорилъ, ну такъ что же?

— Вы увѣрены что онъ его выиграетъ?

Лихонинъ замялся.

— Процессъ не безнадежный, отвѣчалъ онъ чрезъ минуту.

— А все-таки не вѣрный?

— Что же есть вѣрнаго на свѣтѣ, особенно при запутанности нашихъ законовъ? По моему, въ принципѣ, Александръ Васильевичъ правъ.

— Однако все же можетъ проиграть.

— Можетъ.

Натти задумалась; наступило продолжительное молчаніе; Лихонинъ удивленно смотрѣлъ на нее.

— Сегодня, начала она наконецъ, — я поняла изъ разговора отца съ Сашей что и наше имѣніе какъ-то связано съ имѣніемъ Саши, оно смежное, какое-то черезполосное, кажется. Стало-быть проиграетъ онъ, и мы можемъ проиграть.

— Я ничего подобнаго не слыхалъ, Наталья Владиміровна, вы должно-быть ошибаетесь.

— Нѣтъ, не ошибаюсь, отецъ не любитъ говорить объ этомъ, а я давно вижу что его что-то безпокоитъ.

Она опять задумалась; а у Лихонина, смотря на ея грустное личико, особенно привлекательное въ задумчивости, промелькнула неясная мысль: если они потеряютъ бо́льшую часть состоянія, мы будемъ ро́вня, и на одну минуту, какъ будто, веселѣе стало на сердцѣ.

— Вы будете смѣяться надо мною, Борисъ Михайловичъ, начала опять Натти, — назовете меня идеалисткою, а я право не приду въ отчаяніе отъ проиграннаго процесса. Коечто у насъ еще останется, на отца хватитъ, а я буду работать.

Лихонинъ улыбнулся.

— Не смѣйтесь, говорю вамъ, мнѣ такъ надоѣла моя праздная, безцѣльная жизнь что я рада всякой перемѣнѣ. А безъ толчка, я вѣдь себя знаю, я ни за что путное не примусь. Простите, недавно я укоряла васъ въ лѣни, а сама такая же лѣнивица, нѣтъ, хуже, гораздо хуже, я во всю свою жизнь ничего не сдѣлала.

Лихонинъ окончательно растаялъ, такъ мило она каялась, и опять мелькнула отрадная мысль о ровнѣ.

— Я радъ, Наталья Владиміровна, что вы такъ бодро смотрите на жизнь, ничего не боитесь, сказалъ онъ серіозно, — такимъ звучащимъ голосомъ, какого Натти никогда отъ него не слыхала. — Да радъ, очень радъ, стало-быть вы можете довольствоваться немногимъ, и при этомъ такъ взглянулъ на нее что Натти вздрогнула и потупила глаза закраснѣвшись.

„Неужели, подумала она,—счастье должно придти ко мнѣ вмѣстѣ съ лишеніями? Что же, милости просимъ! я не боюсь лишеній!“

А Лихонинъ между тѣмъ опомнился и уже упрекалъ себя за увлеченье. „Глупость!... иное дѣло мечтать о бѣдности, о трудѣ, и совсѣмъ другое переносить ихъ, привыкнувъ къ роскоши. Надо покрѣпче подтянуть себя чтобы не пробалтываться.“

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей у него стало такое нехорошее лицо, изъ добраго, оживленнаго, какимъ оно было за минуту предъ тѣмъ, что Натти, рѣшившись наконецъ взглянуть на него, почувствовала внезапно какъ сжалось ея сердце.

Пріѣхали оба Волгина и не пустили Бориса. Пришлось ему оставаться обѣдать. За обѣдомъ и онъ и Натти говорили мало. Къ счастію пріѣхавшіе изъ Москвы привезли съ собою много новостей, такъ что не замѣтили ихъ молчаливости.

Лихонинъ измѣнился: приходилъ рѣже и рѣже и то холодный, надутый или насмѣшливо раздражительный, привязывался къ каждому слову. Разъ взялся за книгу, прочиталъ вслухъ двѣ, три страницы и принялся трунить надъ

Александромъ Васильевичемъ за случайно высказанное тѣмъ замѣчаніе. Такъ чтенія ихъ прекратились. Натти напомнила разъ, другой, и наконецъ замолчала, ушла сама въ себя и мало-по-малу стала удаляться отъ Бориса. Самолюбіе ея и можетъ-быть болѣе нѣжное чувство было сильно задѣто видимымъ отступленіемъ молодаго человѣка.

„Что же это такое? часто думала она,—развѣ находить мое общество пріятнымъ такъ уже оскорбительно для самолюбія господина адвоката что слѣдуетъ изъ-за пустаго предположенія бѣжать за тридевять земель, спрятаться въ свою скорлупку, вылѣзать изъ нея для того только чтобы злиться! Пусть будетъ такъ какъ вы того желаете, Борисъ Михайловичъ, ужь конечно бѣгать за вами никто не станетъ, проживемъ и безъ васъ!“

Натти и въ голову не входило чтобъ ея состояніе удаляло отъ нея Лихонина; сама она такъ мало цѣнила богатство, и вмѣстѣ съ тѣмъ придавала такую высокую цѣну талантамъ и способностямъ Бориса что никогда, ни на одну минуту, не могла бы подумать что, сдѣлавшись его женой, она низошла бы, а не возвысилась. Что касается Бориса Михайловича, то ему конечно нравилась Натти, и теперь, какъ онъ отъ нея добровольно отдалился, чаще и чаще являлось порывистое желаніе броситься очертя голову навстрѣчу всякаго рода препятствіямъ, завоевать во что бы то ни стало, взять съ боя свое счастье. По крайней мѣрѣ такъ мечталось ему иногда въ тиши безсонной ночи. Нервы его все болѣе и болѣе разстраивались отъ внутренней разладицы и недовольства собою и всѣми, часто приходилось вставать съ постели не уснувши во всю ночь полчаса сряду, и тогда, перебирая по ниточкѣ всю свою нескладную, безцвѣтную жизнь, онъ чувствовалъ неодолимую потребность измѣнить ее какъ бы то ни было, во что бы то ни стало; и при этомъ сознавалось ясно собственное его безсиліе произвести желаемую перемѣну, чувствовалось что только другой или, лучше сказать, другая, можетъ вылѣчить его отъ все болѣе и болѣе овладѣвающей имъ апатіи, дать толчокъ къ новой жизни. Сердце летѣло къ этой желанной другой, и онъ уже не могъ, да и не хотѣлъ скрывать отъ себя что она ни кто иная какъ Натти. Въ волненіи ему не разъ случалось вставать съ постели, одѣваться и идти на разсвѣтѣ бродить по лѣсу. Часъ, другой онъ упивался мечтой что вотъ наконецъ

ему удалось полюбить, отдаться всецѣло безъ оглядки; и тутъ ему казалось что онъ непремѣнно въ то же утро пойдетъ къ Волгинымъ, скажетъ или по крайней мѣрѣ намекнетъ Натти что онъ серіозно ее любитъ, и готовъ на все на свѣтѣ чтобы только заслужить ея взаимность.

Но всходило солнце, и, при его свѣтѣ, мечты разлетались вмѣстѣ съ утреннимъ туманомъ. Лихонинъ возвращался домой усталый, разбитый, перебирая въ умѣ одни только препятствія и недочеты, онъ анализировалъ себя, безпощадно анализировалъ Натти, и при этомъ осмотрѣ не видѣлъ ничего другаго кромѣ полнаго несходства между собою и ею; всѣ ея привлекательныя стороны, отъ которыхъ сильнѣе билось сердце въ ночной тиши, исчезали; оставались одни недостатки, и чтобы наказать себя за глупыя мечты, а вѣрнѣе чтобы наказать Натти зачѣмъ она не подходитъ ближе къ его идеалу, онъ въ этотъ день совсѣмъ не шелъ къ Волгинымъ, а оставаясь среди невыносимой скуки одиночества, утѣшалъ себя новыми мечтами объ идеальной женщинѣ, которую онъ современемъ полюбитъ или по крайней мѣрѣ могъ бы полюбить страстно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ забвеніемъ всего себя, даже своего ненасытнаго самолюбія. Лихонинъ любилъ увѣрять себя, а подъ мнимо откровенный часъ и другихъ, что онъ способенъ къ такого рода самоотверженной любви, еслибы только нашлась стоящая его женщина; и это самообольщеніе мѣшало ему сознать что никакъ не въ Натти, а гораздо больше въ немъ самомъ недостаетъ чего-то что бы дало ему силу не только взять приступомъ свое счастіе, но даже просто всецѣло броситься въ круговоротъ дѣйствительной жизни, не останавливаясь при каждомъ новомъ шагѣ на полдорогѣ. Тотъ же анализъ разоблачавшій недостатки бѣдной Натти, также безпощадно разоблачалъ предъ нимъ несостоятельность и всѣхъ другихъ сторонъ жизни. „Зачѣмъ? Къ чему? Куда это меня поведетъ?“ спрашивалъ себя мученикъ внутренняго недочета силъ, вслѣдъ за какимъ бы то ни было увлеченіемъ, человѣкомъ ли или идеей и дѣломъ, горько упрекая себя если не сумѣлъ скрыть отъ другихъ своего минутнаго увлеченія. Слова: „надо, надо подтянуть себя, все это ужасно глупо, я уже не мальчишка,“ заканчивали почти каждую изъ его бесѣдъ съ собою.

А между тѣмъ, пока Лихонинъ невѣдомо для нея боролся

со своею нерѣшительностью и самолюбіемъ, бѣдная Натти все глубже и глубже поддавалась овладѣвшей ею тоскѣ неудовлетворительности и разочарованія. Она должна была наконецъ сознаться что гораздо болѣе привязалась къ Борису чѣмъ думала въ то время когда, видая его постоянно занятымъ одною ею, она была почти увѣрена что онъ ее любитъ. Тогда она недостаточно цѣнила эту любовь, болѣе тѣшила ею свое самолюбіе чѣмъ сердце; она жаждала неограниченной власти надъ нимъ, какъ будто не рѣшалась вполнѣ отдаться привлекавшему ее къ нему чувству, точно чего-то ждала еще прежде нежели сказать даже самой себѣ что она его любитъ.

„Не ужели же", тоскливо раздумывала она въ своихъ одинокихъ прогулкахъ въ чащѣ Сокольничьяго лѣса, „я должна сказать теперь это рѣшительное слово, навѣки закабалить себя нераздѣленному чувству! Нѣтъ, нѣтъ, не бывать этому, не хочу! Неужели идти смиренно къ господину Лихонину вымаливать его драгоцѣнную любовь? А отчего же и не вымаливать если она мнѣ нужна, необходима? Я вѣдь хотѣла же чтобъ онъ вымаливалъ мою любовь, почему же намъ и не помѣняться ролями если такъ рѣшила судьба? Вздоръ это все, старые свѣтскіе предразсудки, что будто въ любви первый шагъ принадлежитъ мущинѣ. Я чувствую что онъ самъ готовъ полюбить меня, можетъ-быть уже и любитъ, одно его адское самолюбіе мѣшаетъ ему высказаться; онъ конечно будетъ тронутъ моимъ признаніемъ. Стало-быть можно попробовать... Попробовать! то-есть унижаться, нищенствовать. И на что̀ будетъ мнѣ она, вымоленная любовь, развѣ можетъ она продолжаться? Нѣтъ, нѣтъ, не надо! не хочу! Изломаю себя, всю изломаю, а справлюсь, перестану тосковать, забуду!"

Однако эта внутренняя борьба не могла не отразиться даже на здоровье Натти, она лишилась аппетита, замѣтно похудѣла, глаза ввалились.

Лихонинъ въ самыхъ первыхъ числахъ сентября переѣхалъ въ Москву. Холодно простился онъ съ Натти, встрѣтивъ ее вмѣстѣ съ отцомъ въ темной аллеѣ, отдѣлявшей палисадникъ отъ улицы, не отвѣтилъ даже положительнымъ обѣщаніемъ на приглашеніе Владиміра Петровича навѣстить ихъ на дачѣ.

— Борисъ Михайловичъ, Борисъ Михайловичъ, куда ты, закричалъ ему вслѣдъ прибѣжавшій въ попыхахъ Але-

ксандръ Васильевичъ, когда Лихонинъ, простившись съ хозяевами въ аллеѣ, выходилъ въ калитку. — Нѣтъ, какъ хочешь, я тебя не выпущу, цѣлую недѣлю пропадалъ, а теперь бѣжишь какъ угорѣлый.

— Нѣкогда, извощики ждутъ, я сегодня переѣзжаю, отвѣчалъ Лихонинъ, вырываясь изъ рукъ товарища.

— А ко мнѣ все-таки зайдешь, мнѣ надо потолковать съ тобой о моемъ дѣлѣ, продолжалъ молодой Волгинъ, увлекая Бориса на свою половину.

Показавъ ему наканунѣ полученную бумагу, Александръ Васильевичъ всунулъ пріятелю сигару, и силой привычки Лихонинъ очутился около хозяина на диванѣ.

— Скажи пожалуста, какая черная кошка пробѣжала между тобою и Натти? за что̀ вы дуетесь? вскорѣ заговорилъ Волгинъ.

— Откуда залѣзла тебѣ въ голову такая чушь? серіозно отвѣчалъ, весь вспыхнувъ, Лихонинъ.

— Если чушь, отчего же ты краснѣешь? А я вотъ что̀ тебѣ скажу, дружище, невозмутимо продолжалъ Александръ Васильевичъ,—если воображаешь что за тебя не отдадутъ, то знай что Натти пойдетъ за того за кого сама захочетъ, а дядя будетъ обожать ея мужа, кто бы онъ ни былъ.

— Да что ты вздумалъ насъ сватать? ни я, ни Наталья Владиміровна не воображаемъ....

— Это ужь ваше дѣло, мое было только предупредить тебя.... А теперь идемъ завтракать; завтракъ уже поданъ....

— Какъ знаешь.... я все сказалъ что нужно....

Проходя черезъ залу, молодые люди столкнулись съ Натти; взглянувъ на ея поблѣднѣвшее личико Лихонинъ почувствовалъ что его точно что-то кольнуло въ сердце и безсознательно повернулъ за ней въ столовую. Смущенно, точно первый разъ въ домѣ, сидѣлъ онъ за завтракомъ, молчалъ, почти ничего не ѣлъ, и какъ только встали изъ-за стола, сталъ поспѣшно прощаться, но совсѣмъ уже иначе чѣмъ въ аллеѣ пожалъ руку Натти.

„Это что̀ такое?“ думала она, глядя въ окошко за удалявшимся Борисомъ, „не Сашиныхъ ли тутъ рукъ дѣло? Какъ бы выспросить половчѣе о чемъ они поговорили на верху. Да нѣтъ, Саша догадается чего мнѣ нужно, да опять передастъ пожалуй. А я не хочу, не хочу чтобъ обо мнѣ толковали, жалѣли меня.... Погодите, Борисъ Михайловичъ, сумѣю и

сама доказать вамъ что не нуждаюсь въ вашемъ состраданіи. Дайте только съ собой справиться, приняться за дѣло!...“

Наступила осень, съ длинными, скучными вечерами. Повидимому равнодушная ко всему Натти не торопила отца переѣздомъ въ городъ. Владиміръ Петровичъ часто ѣздилъ въ Москву и что-то скрывалъ отъ дочери.

— А что, Натти, мы что-то очень ужь зажились въ Сокольникахъ, смотри-ка чуть что не одни остались; не хочешь ли прокатиться со мною въ Москву? а завтра и совсѣмъ до дому, весело сказалъ онъ, входя однимъ утромъ въ комнату дочери.

Наталья Владиміровна сидѣла за письмомъ въ Дрезденъ къ своей близкой подругѣ, съ которой она сошлась во время своей пансіонской жизни, и которой иногда, хотя не часто, открывала свою душу.

— Во что это вы такъ углубились, Наталья Владиміровна? весело продолжалъ Волгинъ:—какія такія тайны повѣдываете міру, позвольте узнать?

— Я писала въ Дрезденъ, папа, и знаешь что?

— Позвольте полюбопытствовать, авось мы узнаемъ тайну вашей тоски и грусти, отвѣчалъ Владиміръ Петровичъ, протягивая руку къ мелко исписаннымъ тоненькимъ листикамъ почтовой бумаги.

— Это ужь совсѣмъ лишнее, папа, храбро отвѣчала Натти, быстро собирая листы и запирая ихъ въ портфель.—Тутъ не одни мои дѣла. А вотъ ты послушай только что я пишу про себя, и дѣйствительно узнаешь тайну моей тоски.

— Ужь не влюблена ли ты, Натти? испуганно спросилъ Волгинъ.

Натти вспыхнула, но успѣла отвернуться и совершенно покойно заговорила:

— Какой вздоръ, папа, извини, какъ это могло войти тебѣ въ голову? Въ кого же прикажешь мнѣ влюбиться? не въ Лихонина же; выговорила она совершенно твердо, нисколько не краснѣя и прямо смотря отцу въ глаза. Въ эту минуту она почувствовала что и дѣйствительно смѣшно, нелѣпо ей любить человѣка который ее не любитъ, что это все вздоръ и стало-быть не слѣдуетъ отправлять письма въ Дрезденъ, надо только высказать отцу твердо принятое рѣшеніе.

— Моя тоска—бездѣйствіе, я глупо провожу жизнь и намѣрена измѣнить ее, если позволишь, серіозно заговорила

она,—а вѣдь ты позволишь, неправда ли? ласково продолжала она.

— Въ чемъ же измѣнить, моя кротечка? я право тебя не понимаю.

— Позволь мнѣ, какъ только мы устроимся, пригласить къ себѣ учителей. Я не хочу оставаться невѣждой, стыдно!

— Ужь и невѣждой, Натти! Да ты у меня больше знаешь чѣмъ всѣ твои подруги вмѣстѣ! Ты не въ профессора ли собралась?

— Въ профессора, не въ профессора, а собираюсь выдержать экзаменъ. Какъ знать, папа, что ожидаетъ меня въ жизни, грустно прибавила молодая дѣвушка быстро и пытливо взглянувъ отцу въ глаза.

Владиміръ Петровичъ вздрогнулъ, но тотчасъ же оправился и весело засмѣялся. Онъ только наканунѣ переговорилъ съ извѣстнымъ адвокатомъ и почти окончательно успокоился на счетъ угрожавшаго ему процесса.

— Хочешь, Наташа, я буду пророкомъ, скажу что тебя ожидаетъ нынѣшнею зимой? Ты выйдешь замужъ, это вѣрно!

Натти не улыбнулась въ отвѣтъ на шутку отца, а только отрицательно покачала головой.

— Не хочешь? Вѣрь вамъ дѣвчонкамъ! Ну да что толковать, одѣвайся Натти, ѣдемъ!

Въ продолженіи пути Натти была разсѣяна и молчалива; ее мучилъ вопросъ: правда ли все то что она написала въ Дрезденъ и слѣдуетъ ли отправлять мелко исписанные листики, запертые въ ея портфелѣ? Владиміръ Петровичъ весело посвистывалъ, продолжая лукаво улыбаться.

Когда доѣхавъ до Арбатскихъ Воротъ коляска повернула на Поварскую, Натти опомнилась.

— Куда же мы это ѣдемъ? Посмотри папа, мы съ тобой замечтались, а Василій ошибся дорогой, отсюда будетъ дальше, чѣмъ Арбатомъ.

— Потерпи крошка, Василій знаетъ куда ѣдетъ.

— Папа, ты развѣ перемѣнилъ квартиру?...

— Мы заѣдемъ сперва къ теткѣ.

Но вотъ коляска повернула за уголъ, въ одинъ изъ переулковъ и тотчасъ же остановилась у подъѣзда большаго бѣлаго дома, съ двумя выступающими флигелями.

— Выходи Наташа, мы пріѣхали.

— Такъ и есть, ты перемѣнилъ квартиру.

— Прочти-ка что написано на воротахъ.

Натти повернула голову. Вотъ что гласила черная надпись на золотомъ фонѣ: *Дочери надворнаго совѣтника Волгиной.*

— Милый папа, какой ты добрый! воскликнула Натти, бросаясь къ отцу на шею. Она вспомнила какъ говорила прошлою зимой что скучно вѣчно переѣзжать съ квартиры на квартиру.

— Что ты дурочка, на улицѣ-то! отвѣчалъ Волгинъ, проталкивая дочь въ разстворившіяся настежь обѣ двери подъѣзда. Ему думалось въ эту минуту „этого дома никто у тебя не отыметъ, что бы тамъ ни случилось“, и точно эта грустная дума сообщилась и Натти, у нея защемило сердце, когда она переступила въ первый разъ черезъ порогъ своего собственнаго дома.

III.

Домъ Волгиныхъ ярко горѣлъ огнями. Владиміръ Петровичъ расхаживалъ по освѣщеннымъ комнатамъ, любуясь эффектомъ своего бальнаго зала и весело выслушивая комплименты гостей. Молодая хозяйка, въ легкомъ бѣломъ платьѣ, украшенномъ васильками, едва успѣвала отвѣчать на приглашенія окружавшей ее молодежи. Танцы еще не начинались, ожидали сестру Владиміра Петровича, которая обѣщала пріѣхать заранѣе чтобы помочь племянницѣ въ непривычномъ для нея дѣлѣ, пріемѣ такого многочисленнаго общества, и однако не являлась когда общество было уже все въ сборѣ: не доставало только ея да Лихонина. Разсерженная отсутствіемъ послѣдняго, Натти готова была не разъ сказать Александру Васильевичу что пора начинать танцы, но ее безпокоила мысль что сдѣлаетъ она съ первой кадрилью обѣщанной Лихонину, отъ приглашеній на которую она положительно отказывалась, несмотря на всѣ убѣжденія и просьбы. Неужели придется признаться предъ всѣми что кавалеръ забылъ ее, не пріѣхалъ? А какъ нарочно безпрестанныя приставанья Гремякина, съ кѣмъ она танцуетъ, обратили общее вниманіе на эту злосчастную кадриль и Натти мѣшкала, подъ предлогомъ что непремѣнно надо дождаться тетушки. Но вотъ самъ Владиміръ Петровичъ подходитъ къ оркестру

и велитъ играть вальсъ. Натти завертѣлась съ сокрушеннымъ сердцемъ, придумывая какъ бы вѣрнѣе отмстить ей Лихонину, а отмстить слѣдовало непремѣнно. Въ послѣднюю недѣлю Борисъ Михайловичъ, бывая почти каждый день у Волгиныхъ, опять сталъ прежнимъ милымъ, веселымъ собесѣдникомъ Натти; объ ихъ размолвкѣ не было и помину.

„Что же это такое?“ раздумывала Натти, „опять какая-нибудь штука, желаніе доказать что ни я, ни мое мнѣніе ровно для него ничего не значатъ.“

И какъ нарочно остановясь чтобы перевести духъ около Александра Васильевича, въ надеждѣ удовлетворить свое любопытство, спросивъ его какъ-нибудь кстати гдѣ Лихонинъ, она слышитъ разговоръ его съ сосѣдкой, хорошенькою, но пустенькою молодою вдовушкой, вѣчнымъ врагомъ Натти, но за которою молодой Волгинъ слегка ухаживалъ.

— Кажется вашего товарища, Лихонина, здѣсь нѣтъ? говоритъ хорошенькая вдовушка,—странно....

— Онъ вѣроятно скоро пріѣдетъ; онъ конечно явился бы раньше еслибы зналъ что вы замѣтите его отсутствіе, любезно, но нѣсколько съ кислою миной отвѣчаетъ Александръ Васильевичъ.

— Мнѣ что до него за дѣло, я танцую первую кадриль съ вами, а вотъ ваша кузина....

— Какая кузина?

— Развѣ вы не замѣчаете какъ разсѣянна сегодня Mlle Натали? Она конечно ждетъ кого-нибудь, и кого же какъ не любезнаго дачнаго сосѣда?

— А, такъ это правда, вы танцуете первую кадриль съ Лихонинымъ? шепчетъ Натти подвернувшійся Гремякинъ.

— Это глупо, Гремякинъ, также шепотомъ отвѣчаетъ ему выведенная изъ себя Натти,—что вамъ за дѣло съ кѣмъ я танцую? Съ вами навѣрно не буду танцовать цѣлый вечеръ. Саша, продолжала она, становясь прямо предъ говорившею парочкой и нѣсколько презрительно окидывая вдовушку глазами,—тебѣ придется переходить въ первой кадрили, одного визави не хватаетъ.

— Вашего кавалера? вмѣшалась вдовушка. Она давно замѣтила присутствіе Натти.

— У меня совсѣмъ нѣтъ кавалера, серіозно отвѣтила молодая хозяйка,—я всѣмъ отказала, но и кромѣ меня, одной дамѣ придется сидѣть. Поди же устрой это скорѣй, Саша.

— Гдѣ Лихонинъ, Mlle Натали? не перестаетъ добиваться вдовушка.

Натти собралась отвѣтить, но въ эту минуту появилась давно ожидаемая тетушка. За нею слѣдомъ молоденькій гусаръ, статный, красивый юноша, съ ярко блистающими синими глазами. Лицо вдовушки такъ и разцвѣло въ привѣтливую улыбку, маленькіе глазки заискрились.

— Вотъ мое извиненье, говоритъ Зинаида Петровна представляя юношу племянницѣ,—мсье Груздевъ, товарищъ моего Васи. Я совсѣмъ собралась садиться въ карету, а онъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ Васи. Я тотчасъ же отправила его въ гостиницу переодѣться; ну и пришлось ждать, одинъ онъ бы къ вамъ ни за что̀ не явился.

— Очень кстати, очень рада, отвѣчала Натти привѣтливо протягивая руку новому знакомцу, на что̀ Зинаида Петровна нѣсколько покосилась: она не выносила фамиліарныхъ манеръ племянницы и вѣчно препиралась за нихъ съ братомъ.— У насъ какъ нарочно не достаетъ одного кавалера, опять начала Натти, обращаясь къ сконфуженно стоявшему предъ нею гусару.

— Вы конечно уже танцуете? пробормоталъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ни съ кѣмъ не танцую первой кадрили, я всѣмъ отказала, готова танцовать съ вами, если пригласите.

Гусаръ поклонился.

— А теперь пойдемте отыщемъ моего двоюроднаго брата, онъ найдетъ намъ визави.

Гусаръ едва рѣшился предложить ей руку, а вдовушка между тѣмъ думала: „вотъ вѣдь навязалась, а онъ можетъ-быть пригласилъ бы меня, такой хорошенькій мальчикъ.“ Она совсѣмъ забыла на эту минуту что танцовала съ Александромъ Васильевичемъ. Отыскавъ Сашу и визави, Натти наконецъ усѣлась со своимъ кавалеромъ на мѣсто. Минутное оживленіе ея прошло; не дождавшись ничего отъ гусара кромѣ односложныхъ отвѣтовъ, она совсѣмъ замолчала и тутъ только примѣтила Лихонина, стоявшаго у одной изъ колоннъ поддерживающихъ хоры.

Съ Борисомъ Михайловичемъ случилось приключеніе. Его понесла лошадь, вывалила въ снѣгъ и всего перепачкала, пришлось сызнова переодѣваться; и хотя онъ довольно сильно зашибъ себѣ ногу, а все-таки явился танцовать съ Натти.

Онъ входилъ въ залу когда раздалась ритурнель кадрили. Узнавъ отъ кого-то что это только первая, онъ тотчасъ же пошелъ отыскивать свою даму; увидавъ Натти уже сидящею съ гусаромъ, онъ не поклонившись ей съ досадой отошелъ къ колоннѣ, не сообразивъ на эту минуту что по позднему времени ей ничего другаго не оставалось какъ выбрать себѣ другаго кавалера.

Замѣтивъ Лихонина уже послѣ первой фигуры, Натти невольно покраснѣла. Онъ какъ нарочно выбралъ колонну напротивъ ея мѣста и точно дразнилъ ее, стоя на виду у всѣхъ предъ нею.

— Мсье Груздевъ, быстро обратилась она къ своему кавалеру.—Кстати, какъ васъ зовутъ?

— Петръ Николаевичъ, отвѣчалъ гусаръ, опять-таки краснѣя.

— Я терпѣть не могу нерусскаго прибавленья *мсье*, а тетушка бранитъ меня когда я обращаюсь просто по фамиліи. Вы видите, Петръ Николаевичъ, что мы люди простые, не церемонные. Я увѣрена что мы съ вами подружимся очень скоро, если только вы перестанете краснѣть, весело и живо продолжала Натти.

Гусаръ конечно покраснѣлъ еще сильнѣе, но ободренный ея добрымъ взглядомъ, рѣшился наконецъ заговорить.

— Я конечно кажусь вамъ очень глупымъ и неповоротливымъ, Mlle Волгинъ....

— Наталья Владиміровна, вставила Натти.

— А еслибы вы знали, Наталья Владиміровна, какъ мало имѣлъ я возможности до сихъ поръ познакомиться съ обществомъ, вы бы посмотрѣли на меня снисходительнѣе.

— Да я и такъ смотрю очень снисходительно, по контрасту съ собою я очень люблю застѣнчивыхъ людей. Разкажите мнѣ вашу исторію, а потомъ я разкажу вамъ свою, вотъ мы и познакомимся.

Гусаръ молчалъ, не зная съ чего начать.

— Скажите, зачѣмъ вы пошли въ военную службу?

— А затѣмъ что опекунъ отдалъ меня въ юнкерскую школу. И знаете, Наталья Владиміровна, во всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ, я никогда ни съ кѣмъ кромѣ товарищей не говорилъ, всѣ праздники сидѣлъ въ школѣ, только въ послѣдній годъ изрѣдка бывалъ въ театрѣ.

Вы первая женщина, по крайней мѣрѣ молодая, съ кѣмъ мнѣ приходится знакомиться.

— Ахъ какъ это весело! воскликнула Натти,—стало-быть вы въ моемъ лицѣ знакомитесь теперь со всѣмъ нашимъ поломъ. Посмотримъ какимъ-то онъ вамъ покажется.

— Навѣрно очаровательнымъ, прошепталъ Груздевъ, но такъ тихо что Натти скорѣе отгадала чѣмъ слышала его слова.

— Гдѣ же вы жили по выходѣ изъ школы?

— Въ страшномъ захолустьи, по собственной впрочемъ волѣ, я самъ просился въ *** полкъ.

— Чѣмъ же онъ привлекалъ васъ?

— Мнѣ не хотѣлось оставаться въ гвардіи.

— Это отчего? Неужели Петербургъ вамъ не нравился? а я такъ брежу Петербургомъ.

— Не надѣялся на себя, боялся закружиться, Наталья Владиміровна, едва слышнымъ голосомъ докончилъ Груздевъ.

Натти въ первый разъ пристально на него посмотрѣла, и выраженіе его блестящихъ синихъ глазъ показалось ей очень симпатичнымъ.

Ласковое обращеніе Натти мало-по-малу ободрило юнаго воина. Онъ объявилъ что намѣренъ заниматься и поступить въ Военную Академію. Натти предпочитала университетъ. Груздевъ былъ готовъ на все и даже сообщилъ что прошлою зимой въ Римѣ началъ учиться по-латыни.

— Счастливецъ! вы были за границей, въ Италіи! а еще называете себя невѣждой! воскликнула Натти.

— Я мало воспользовался своимъ путешествіемъ, всего четыре мѣсяца пробылъ за границей. Я былъ очень боленъ осенью, меня послалъ нашъ докторъ въ Италію оправляться. Сначала я ни на что не былъ способенъ, только къ веснѣ могъ гулять и заниматься, а тутъ пришлось ѣхать обратно въ полкъ.

— Зачѣмъ же вы не остались дольше?

— Отпускъ кончился, а главное, опекунъ не высылалъ денегъ, отвѣчалъ Груздевъ краснѣя;—мнѣ на дняхъ минулъ двадцать одинъ годъ, я теперь только самъ себѣ господинъ, за тѣмъ и пріѣхалъ сюда чтобы свести счеты.

Но тутъ перервалъ ихъ Владиміръ Петровичъ. Онъ давно отыскивалъ дочь по всѣмъ комнатамъ; кадриль давно уже

кончилась, а Натти все еще продолжала разговаривать съ своимъ кавалеромъ.

— А ты все еще съ своимъ кавалеромъ, началъ онъ недовольнымъ голосомъ, — сестра давно тебя спрашиваетъ, иди къ ней въ гостиную.

— Папа, вотъ пріятель вашъ и мой, Петръ Николаевичъ Груздевъ, рекомендую, живо заболтала Натти.

Замѣтивъ ея оживленное личико, блестѣвшіе отъ удовольствія глаза, Волгинъ смягчился, и радушно обратился къ молодому человѣку.

— Мы уже знакомы, иди Натти къ теткѣ, а я займу гостя, будь покойна, познакомлю его съ молодежью.

— Петръ Николаевичъ, мы танцуемъ съ вами мазурку, къ счастью я ее никому не обѣщала, другіе же танцы всѣ отданы...

Груздевъ смущенно поклонился.

— Но я право, Наталья Владиміровна, не умѣю ..

— Вотъ вздоръ какой, какъ-нибудь пройдемся. Я сама не мастерица, отвѣчала Натти убѣгая.

Лихонинъ обошелъ всѣ комнаты, нѣсколько разъ возвращаясь въ залу и издали наблюдая за оживленнымъ разговоромъ Натти съ гусаромъ; онъ встрѣтилъ наконецъ Александра Васильевича, разказалъ ему свое приключеніе, нѣсколько преувеличивая ушибъ чтобъ имѣть благовидный предлогъ немедленно уѣхать.

— Погоди, Борисъ Михайловичъ, закричалъ вслѣдъ ему Волгинъ, — покажись по крайней мѣрѣ Натти.

— Наталья Владиміровна занята и безъ меня, она меня и не замѣтитъ, сурово отвѣчалъ Борисъ, однако пріостановился.

— Вотъ вздоръ какой, я знаю что она тебя искала, ни съ кѣмъ не хотѣла танцовать первой кадрили.

Пріятели разговаривали въ дверяхъ между большой и маленькой гостиной, когда въ противололожной сторонѣ комнаты показалась Натти. Лихонинъ тотчасъ же отошелъ и вскорѣ уѣхалъ. Однако Наталья Владиміровна увидала его мелькомъ и тоже отвернулась, быстро заговорила съ кѣмъ-то изъ гостей, а тутъ заиграли польку и она опять убѣжала въ залъ. Танецъ слѣдовалъ за танцемъ. Натти совсѣмъ затормошилась, только предъ мазуркой сошлась она съ двоюроднымъ братомъ.

— Натти, ты видѣла Лихонина?

— Не видала, развѣ онъ былъ?

— Былъ и уѣхалъ совсѣмъ больной, знаешь что̀ съ нимъ случилось?

И онъ разказалъ исторію паденія съ небывалыми подробностями.

— Бѣдный! отвѣчала она съ непритворнымъ участіемъ:— какъ жаль что я съ нимъ не поговорила. Саша, привези его завтра къ намъ обѣдать, если будетъ можно, а то такъ папа поѣдетъ навѣстить его. Погоди, я пойду къ себѣ, напишу ему записку.

И она направилась въ свой дѣловой кабинетъ, гдѣ была устроена уборная для дамъ, но по дорогѣ встрѣтила Груздева.

— Наталья Владиміровна, сейчасъ будетъ мазурка; если вы дѣйствительно не боитесь танцовать со мной, то пора намъ занять мѣсто.

Заиграла музыка и она поневолѣ послѣдовала за своимъ кавалеромъ. Сначала она такъ углубилась въ свои тревожныя думы что совсѣмъ забыла гдѣ она и угрюмо молчала. Ее сильно упрекала совѣсть, а бѣдный гусаръ, смотря на пасмурное лицо своей дамы, не смѣлъ начинать разговора. Наконецъ кто-то выбралъ Натти, а Груздевымъ завладѣла хорошенькая вдовушка. Они сошлись оба въ фигурѣ и гусаромъ овладѣло такое смущеніе что онъ не рѣшился дѣлать тура, а прямо повелъ свою даму на мѣсто.

— Простите, Наталья Владиміровна, я право танцовать не умѣю, да вы сами видите... то-есть я вижу... что вы недовольны тѣмъ что рѣшились танцовать со мной... позвольте мнѣ удалиться, смущенно бормоталъ Груздевъ.

— Что̀ за вздоръ, Петръ Николаевичъ, развѣ можно уходить изъ мазурки, вѣдь вы оставите меня безъ кавалера. Ободритесь, все пойдетъ прекрасно, лучше разкажите мнѣ про Италію, давича намъ помѣшали.

Груздевъ оживился, и вскорѣ его восторженное описаніе Рима, а главное, его наивная откровенность, такъ увлекли Натти что она опомнилась только послѣ ужина, который по бальному обычаю провела вмѣстѣ съ своимъ кавалеромъ, опять подумала о Лихонинѣ и очень на себя разсердилась.

„Какая я безчувственная,“ думала она, — „человѣкъ страдаетъ, а я пляшу какъ угорѣлая. Нѣтъ, сейчасъ пойду напишу ему записку.“

Но тутъ пришлось провожать гостей, а вмѣстѣ съ ними уѣхалъ и сильно утомленный Александръ Васильевичъ; записка такъ и осталась не написанной.

— Какой, право, счастливый характеръ у вашей кузины, говорила вдовушка, прощаясь съ молодымъ Волгинымъ, — ее все забавляетъ, все увлекаетъ, не одинъ, такъ другой, ей со всѣми весело!

На слѣдующее утро Натти встала конечно поздно, утомленная и грустная. Ей хотѣлось думать о Лихонинѣ и только объ немъ одномъ, а мысли, противъ ея воли, перебивались воспоминаніями о заинтересовавшемъ ее своею наивностью гусарѣ. Она еще никогда не встрѣчала ничего похожаго на Груздева. „Вотъ ужъ сердце на ладони," думала она, „этотъ, если полюбитъ, такъ отдастся всецѣло, не будетъ разыгрывать комедіи, торговаться за чувство, насколько припрятать его, насколько выказать." И ей вдругъ захотѣлось быть, хотя разъ въ жизни, такъ любимой чтобы царствовать безраздѣльно въ чужой душѣ, въ душѣ свѣжей, молодой. Помечтавъ съ полчаса лежа въ покойномъ креслѣ, она принудила себя написать записку Александру Васильевичу, наполненную очень любезнымъ участіемъ къ больному, повторяя приглашеніе къ обѣду. Отвѣтъ пришелъ отрицательный: ушибенная нога распухла, нѣтъ возможности надѣть сапога.

IV.

Петръ Николаевичъ Груздевъ не помнилъ отца, ему было два года когда тотъ умеръ. Мать его не любила, вся ея страстная нѣжность сосредоточилась на старшей дочери. Болѣзненный, загнанный ребенокъ всю жизнь свою проводилъ сначала въ дѣтской съ прислугой, потомъ съ Французомъ-гувернеромъ. До двѣнадцати лѣтъ онъ не зналъ ласки. Тутъ умерла его сестра и вся страстная любовь матери перешла на него. При жизни ея любимицы, она не могла простить сыну что своимъ рожденіемъ онъ лишилъ ея драгоцѣнную Катю большей части состоянія, которое было отцовское, располагать имъ по своей волѣ она не могла и возненавидѣла мальчика. Но тѣмъ сильнѣй теперь заговорила въ ней совѣсть. Цѣлый

годъ полнаго, дѣтскаго счастья дала она сыну, но ея страстная, порывистая природа не вынесла дальше горя, она умерла, едва успѣвъ поручить тринадцати-лѣтняго Петю дальнему родственнику, суровому, скупому старику, но честному человѣку. Она была по крайней мѣрѣ увѣрена что состояніе сироты не разстроится. Опекунъ отвезъ его въ Петербургъ, отдалъ въ приготовительный пансіонъ съ полномочіемъ содержателю помѣстить его черезъ годъ въ юнкерскую школу. Тѣмъ и покончилась его забота о воспитанникѣ, сосредоточившись на его матеріальныхъ выгодахъ. Цѣлыя пять лѣтъ молодой Груздевъ не видалъ ни одного дружескаго, родственнаго лица, онъ жилъ воспоминаніемъ единственно счастливаго года своей жизни, постоянно жаждая какой-нибудь привязанности; но слишкомъ застѣнчивый чтобы сойтиться съ буйными, веселыми товарищами, онъ получилъ отъ нихъ прозвище „красной дѣвушки“ и постоянно былъ одинъ. Къ тому же опекунъ очень скупо высылалъ ему карманныя деньги и съ этой стороны не весела была его жизнь среди окружавшей его богатой молодежи.

Знакомство съ Волгинымъ открыло предъ нимъ новый міръ. Натти съ вечера бала завладѣла нераздѣльно всѣмъ его сердцемъ. Старикъ Волгинъ былъ ласковъ съ юношею, но не придавалъ никакого значенія новому знакомству и ничего не замѣчалъ. Не такъ смотрѣла на дѣло Зинаида Петровна. Она до страсти любила устраивать свадьбы; къ несчастію обѣ ея дочери были слишкомъ молоды, приходилось еще ждать годка три, четыре, и она мечтала на яву и во снѣ какъ бы поскорѣе обвѣнчать Натти. Это былъ вѣчный пунктъ раздора между братомъ и сестрой. Привычные глаза Зинаиды Петровны, съ перваго взгляда, подмѣтили настроеніе наивнаго гусара и сердце ея исполнилось надежды. Она не медля приступила къ дѣлу.

— Вася мнѣ пишетъ, начала она, обращаясь къ брату, — что Груздева въ полку считаютъ очень богатымъ. Онъ, знаешь, былъ выпущенъ въ кавалергарды, самъ не захотѣлъ оставаться, и перепросился въ армію. На отличномъ счету...

Волгинъ молчалъ.

— Вотъ бы хорошо... продолжала Зинаида Петровна, и вдругъ умолкла.

— Что?

— Ты опять разсердишься....

— Почему же? Конечно бы хорошо года черезъ три, четыре, отдать за него твою Надю. Женихъ къ тому времени будетъ совсѣмъ подходящій.

— Я такъ далеко не загадываю, отвѣтила Зинаида Петровна.—Нынѣшняя молодежь, если не женится до двадцати пяти лѣтъ, такъ избалуется съ разными Бертами что и не считай ихъ женихами!

— Что жь тутъ подѣлаешь? жаль конечно богатаго женишка, поддразнивалъ сестру Волгинъ,—да какъ уладить съ закономъ. Раньше шестнадцати лѣтъ не велитъ вѣнчать, да и все тутъ!

Зинаида Петровна нетерпѣливо отвернулась.

— Развѣ вотъ что, продолжалъ дразнить ее Волгинъ. — Помолви ихъ теперь же, да и возьми съ него росписку. Тебѣ переѣхать съ невѣстой жить къ Васѣ, а за будущимъ зятькомъ глядѣть въ оба чтобъ этихъ Бертъ—ни, ни, ни одной. Пускай удостоится Монтіоновской преміи за добродѣтель.

— Полно, Владиміръ Петровичъ! Ну что притворяешься, точно не понимаешь что я хочу сказать, на что обратить твое вниманіе.

— Не понимаю, да и понимать-то не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ты позволяешь Наташѣ дурачиться? Ну хорошо ли это, завладѣть молодымъ человѣкомъ, не выпускать его отъ себя изъ дому! Да ты понимай тутъ, не понимай, а она сама дѣвочка не промахъ, захочетъ, такъ обойдется безъ твоего разрѣшенія. Наладилъ на одномъ: не хочу отдавать дочь замужъ, молода, а ей скоро двадцать лѣтъ.

— Даже уже минуло, въ октябрѣ. А все-таки Груздевъ ей не женихъ.

— Какого тебѣ нужно еще принца? Вези за границу, авось какой и присватается.

— Не принца мнѣ нужно, а человѣка. Груздевъ твой мальчикъ, ребенокъ. Натти за него не пойдетъ!

— Такъ твои новомодные адвокаты, безъ копѣйки за душою, лучше!

— Послушай сестра! Я говорю тебѣ серіозно чтобъ этихъ сватаній не было, я не позволю кружить голову Натти, не позволю! Если я узнаю что ты ей, или твоему гусарику сказала хотя одно лишнее слово, увезу ее въ деревню, въ

Петербургъ, куда-нибудь, а къ тебѣ ни ногой. Это мое послѣднее слово, помни.

„Увидимъ какъ увезешь,“ подумала Зинаида Петровна, и на зло брату дала себѣ слово поставить-таки на своемъ, обвѣнчать въ эту зиму Натти съ Груздевымъ. И Владиміръ Петровичъ задумался.

„Нѣтъ, какъ тамъ хочетъ Натти, думалъ онъ, не стану пускать къ себѣ часто этого гусарика, далеко ли до грѣха! Одна бѣда миновала, — книги да учителя, грозитъ другая. Какъ мѣтко сказалъ Грибоѣдовъ: „что за коммиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ!“ Надо сказать Сашѣ чтобъ онъ побольше навезъ къ намъ адвокатовъ. Тѣ люди по крайней мѣрѣ взрослые, не мальчишки, пускай ужь лучше между ними выбираетъ!“

Желаніе Владиміра Петровича отчасти исполнилось. Въ домѣ Волгиныхъ явилось новое лицо, молодой адвокатъ Замшевъ, пріятель Лихонина и молодаго Волгина, только-что возвратившійся въ Москву и немедленно введенный Александромъ Васильевичемъ въ гостиную Волгиныхъ. Это былъ молодой человѣкъ небольшаго роста, съ изсиня черными блестящими волосами. Красивое лице его, съ крупными чертами, напоминавшими не русское происхожденіе, казалось старѣе своихъ лѣтъ отъ густыхъ почти сросшихся бровей и черной бороды, съ легкимъ рыжеватымъ оттѣнкомъ. Мать Замшева была Грузинка; онъ пріѣхалъ прямо изъ Тифлиса, гдѣ провелъ на службѣ всѣ четыре года по выходѣ изъ университета.

Лихонинъ сопровождалъ пріятелей. Натти радушно встрѣтила молодыхъ людей и увела ихъ въ маленькую гостиную, гдѣ познакомила съ Груздевымъ, который неподвижно сидѣлъ въ темномъ уголку. Разговоръ долго не клеился, несмотря на старанія Натти оживить его. Лихонинъ старался, можетъ-быть не безъ злаго умысла, втянуть въ бесѣду Груздева, но тотъ отдѣлывался односложными отвѣтами, а пріѣзжій видимо сдерживался, нѣсколько рисуясь. Всѣ замѣтно скучали, когда Александръ Васильевичъ возымѣлъ благую мысль перевести разговоръ на одну изъ любимѣйшихъ темъ Натти: о новыхъ судахъ, прокурорахъ, адвокатахъ и т. д.

— Совѣтую тебѣ, Натти, ѣхать послѣзавтра въ судъ, очень интересное дѣло, сказалъ онъ.

— Какое?

— Подлогъ маленькій, фальшивыхъ расписокъ надѣлалъ одинъ господчикъ, а защищаетъ его Б.

— Поѣду непремѣнно, если ты заѣдешь за мной. Папа ужь надоѣло.

— Не знаю какъ это сдѣлать. Развѣ всѣмъ втроемъ заѣхать. Мы веземъ новичка присматриваться къ новому дѣлу.

— А мсье Замшевъ тоже адвокатъ? спросила Натти.

Груздевъ просіялъ при словѣ мсье. „Съ нимъ она не попросту“, радостно думалъ онъ, и вышелъ изъ своего уголка.

— Надоѣло, Наталья Владиміровна, карпѣть надъ бумагами, хочу попробовать свои силы надъ живымъ дѣломъ, отвѣчалъ Замшевъ.

— И вы попадаете очень удачно, съ перваго раза увидите вѣроятно насколько это дѣло живо ведется у насъ, только не желаю вамъ такого рода живыхъ принциповъ, сказала Натти.

— Какого же это рода принциповъ, Наталья Владиміровна? живо спросилъ Замшевъ, и потомъ прибавилъ съ худо скрываемымъ оттѣнкомъ ироніи:—Вы, я вижу, судья компетентный въ моемъ новомъ дѣлѣ, и мнѣ, какъ новичку, интересно познакомиться съ вашимъ взглядомъ.

— Вы можете конечно насмѣхаться надъ моею компетентностью, съ своимъ обычнымъ задоромъ возразила Натти,— но я никакъ не отказываюсь отъ нея. Судебная реформа нисколько не меньше касается женщинъ, какъ и мущинъ, мы точно также въ правѣ интересоваться ею.

— Ça chauffe, ça chauffe, шепнулъ Александръ Васильевичъ, удаляясь въ гостиную, куда давно уже звалъ его дядя чтобы составить партію Зинаидѣ Петровнѣ.

— Я никакъ не отвергаю этого права и въ этомъ и во всякомъ другомъ случаѣ, вѣжливо и совершенно серіозно отвѣчалъ Замшевъ,—я защитникъ всѣхъ женскихъ правъ, всегда и вездѣ готовъ за нихъ ратовать.

— Оно и прекрасно, стало-быть намъ и спорить болѣе не о чемъ, покойно сказала Натти.

— Но я все-таки не знаю вашего взгляда.

— Я выскажу вамъ его послѣ засѣданія, если вы еще разъ о немъ спросите.

— Почему же не теперь? Мнѣ было бы полезно знать на что обратить мое особенное вниманіе.

— Предвзятый взглядъ никуда не годится, опять задорно возразила Натти, и обратилась къ Груздеву.

— Петръ Николаевичъ, поѣдемте вмѣстѣ съ нами въ судъ; вы вѣдь никогда тамъ не бывали.

— Если позволите, застѣнчиво отвѣчалъ гусаръ,—это будетъ для меня случай....

— Наталья Владиміровна, вы меня простите, но я никакъ не могу не повторить моей просьбы чтобы вы высказали ваше мнѣніе, прервавъ Груздева, сказалъ Замшевъ.

— Спросите у Бориса Михайловича, онъ знаетъ его наизусть, отвѣчала Натти, и опять обратилась къ гусару.

Но Лихонинъ продолжалъ молчать и улыбаться.

— Наталья Владиміровна обвиняетъ насъ, защитниковъ, за то что мы защищаемъ, вмѣшался тутъ прибѣжавшій Александръ Васильевичъ.

Чтобы вырваться, онъ спасовалъ съ очень хорошимъ вистомъ, чѣмъ возбудилъ полное негодованіе Зинаиды Петровны.

— Какъ, Наталья Владиміровна, что̀ я слышу? Неужели мнѣ придется отказаться отъ моего мнѣнія о вашей компетентности?

Натти пожала плечами.

— Не завидую вашему мнѣнію, если вы основываете его на словахъ Саши.

— Посмѣй повторить, Натти, что я сказалъ неправду! задорно возразилъ Волгинъ и опять убѣжалъ поневолѣ.

— Не совсѣмъ правду, вмѣшался наконецъ Лихонинъ.— Наталья Владиміровна находитъ что Б. и нѣкоторые другіе черезчуръ наперекоръ истинѣ и справедливости стараются выгораживать своихъ кліентовъ, и казнитъ ихъ за это безпощадно.

— Какъ, Наталья Владиміровна, ваше женское сердце сочувствуетъ карательному правосудію? вы на сторонѣ обвинителей, прокуроровъ?

— Я на сторонѣ именно правосудія, то-есть справедливости. Обществу которому вы служите почти одинаково вредно какъ оправданіе виновнаго, такъ и обвиненіе невиннаго.

— А кто виноватъ въ винѣ этого виновнаго какъ не общество его воспитавшее? Оно не имѣетъ права карать, сказалъ Замшевъ.—Если человѣкъ такъ поступилъ въ извѣстномъ случаѣ, стало-быть, иначе онъ поступить не могъ, и я долженъ только жалѣть что всѣ предыдущія обстоятельства его жизни: незнаніе, неразвитіе, безнравственность среды, слабость характера и пр., вызвали его на такой поступокъ, а обществу которое отъ того пострадало, подѣломъ, если оно не сумѣло предупредить преступленіе, сдѣлать его невозможнымъ. Да кто же составляетъ это общество, скажите, развѣ не такіе же люди какъ и самъ преступникъ, не сходные съ нимъ во многомъ? Если они не совершаютъ преступленія, то или не наталкиваются на него, или, по условіямъ ихъ окружающимъ, не находятъ въ немъ для себя выгоды.

Лихонинъ улыбался, а Натти недоумѣло смотрѣла на Замшева и какъ-то нерѣшительно отвѣтила:

— Положимъ что во многомъ виновато общество, среда, а главное неразвитіе. Мнѣ всегда бываетъ жаль подсудимаго изъ простаго народа; я понимаю что эти дикари часто не вѣдаютъ что̀ творятъ, но когда, какъ это будетъ послѣзавтра, преступникъ человѣкъ образованный....

— Наталья Владиміровна, вмѣшался Лихонинъ, — зачѣмъ такой предвзятый приговоръ, когда само правосудіе еще не признало его преступникомъ, а только заподозрило возможность преступленія.

— Не привязывайтесь къ словамъ, Борисъ Михайловичъ, сказала Натти,—я нисколько не желаю обвинять заранѣе, и буду очень рада, если этотъ господинъ окажется невиннымъ. Я говорю только что когда преступникъ человѣкъ образованный, то его никакъ нельзя оправдывать невѣдѣніемъ и средою—тутъ кромѣ нравственнаго чувства долженъ стоять на сторожѣ и страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ.

— А если страсти сильнѣе всего этого, надо предположить что вся его предыдущая жизнь обусловливаетъ ихъ сильное развитіе, стало-быть опять среда... возразилъ Замшевъ.

— Такимъ образомъ все позволено по-вашему, отвѣчала Натти уже съ своею презрительною гримаской.

— Да, все можно извинить, если войти въ дѣло глубже.

Натти замолчала и задумалась, сильное недоумѣніе было написано на ея выразительномъ личикѣ.

— Что же вы не возражаете, Наталья Владиміровна? опять заговорилъ Лихонинъ.

— Потому что не умѣю, хотя чувствую что во всемъ этомъ есть какая-то неправда.

Замшевъ засмѣялся.

— Я вижу что этотъ взглядъ еще новъ для васъ, Наталья Владиміровна, опять заговорилъ онъ докторальнымъ тономъ. — Поработайте надъ нимъ, почитайте и вы согласитесь съ нами....

— Говори впрочемъ за себя одного, сказалъ Лихонинъ, — я еще своего взгляда не высказывалъ.

— Въ этомъ я тебя прямо и обвиняю. Какъ, имѣя возможность часто бесѣдовать съ Натальей Владиміровной, ты не навелъ ее до сихъ поръ на единственно вѣрный путь воззрѣнія?

— Меня не такъ-то легко наводить на пути по желанію, задорно заговорила Натти.—Я вотъ что̀ скажу вамъ и теперь, хотя еще не нахожу твердаго возраженія на главный предметъ. Если преступника и можно извинить средою и прочимъ, все-таки не дозволительно, въ силу нравственнаго чувства, добиваться его полнаго оправданія предъ присяжными, потому что такимъ образомъ виновному приносятся въ жертву невинные.

— Наталья Владиміровна, шепнулъ ей Груздевъ, давно уже усѣвшійся позади ея кресла,—помните, вы спрашивали меня на какой факультетъ я поступлю; навѣрно только не на юридическій. Нѣтъ, быть юристомъ не по мнѣ. Я, кажется, буду медикомъ; какъ вы думаете?

Натти подарила его въ отвѣтъ добрымъ, блестящимъ взглядомъ, отъ котораго сердце юноши забилось восторгомъ.

— Поговоримъ послѣ, также тихо отвѣтила она, — вы не смущайтесь, мнѣ не вѣрится чтобъ этотъ господинъ сказалъ намъ всю суть правды.

— Ну что̀ же, Натти, спрашивалъ Александръ Васильевичъ при прощаньѣ, — который сусальное золото и который настоящее?

— Полно говорить загадками, Саша, задумчиво отвѣчала она.—Замшевъ показался мнѣ очень умнымъ человѣкомъ.

— Умнѣе Лихонина?

— Не знаю, онъ говоритъ прекрасно.

Александръ Васильевичъ засмѣялся и поспѣшно набросивъ шубу, побѣжалъ догонять уже вышедшихъ товарищей.

V.

Съ этого вечера Замшевъ и Лихонинъ вмѣстѣ съ Александромъ Васильевичемъ и являться къ Волгинымъ раза два, три въ недѣлю, большею частью къ обѣду, и сильно смущали своимъ присутствіемъ бѣднаго гусара. Онъ съеживался, уходилъ въ себя и быстро исчезалъ какъ только Натти не успѣвала вовремя задержать его. Оставаясь по ея именному повелѣнію, онъ выпрашивалъ себѣ въ награду за послушаніе свободные утренніе часы и наединѣ изливалъ ей свою душу, не осмѣливаясь впрочемъ прямо говорить о любви. Нельзя сказать чтобы Натальѣ Владиміровнѣ не нравилось это тайное обоготвореніе ея особы, но она избѣгала полнаго признанія, на которое пришлось бы отвѣчать да или нѣтъ. Она убаюкивала себя неясною мечтой о чемъ-то непредвидѣнномъ. Холодныя отношенія съ Лихонинымъ продолжались, они разошлись даже болѣе чѣмъ прежде, почти уже враждебно относились другъ къ другу, хотя бы отъ этого и страдали, и странно сказать, но Лихонинъ страдалъ больше нежели Натти. Нерѣдко ему хотѣлось сблизиться съ Натти. Онъ шелъ къ ней съ намѣреніемъ серіозно покаяться, разъяснить всѣ ихъ недоразумѣнія, и находилъ ее занятою Груздевымъ. Онъ начиналъ задушевный разговоръ; она отвѣчала ему или насмѣшкой или неяснымъ намекомъ что теперь уже поздно, не воротить прошлаго. Хотя сама послѣ страшно упрекала себя за такое нелѣпое отношеніе къ человѣку все еще дорогому и по крайней мѣрѣ сознательно признаваемому выше всѣхъ ее окружающихъ. Зачѣмъ поступала она такъ, въ покойную минуту она и сама не могла дать себѣ отчета; точно какой-то внутренній, враждебный голосъ нашептывалъ ей слова которыми если она и заставляла страдать другаго, то и себѣ не приносила никакой отрады. А Лихонинъ былъ слишкомъ гордъ чтобы дальнѣйшими попытками на сближеніе преодолѣть напускную враждебность дѣвушки. Это не мѣшало ему раздражаться, ревновать ее къ сопернику, счи-

таемому имъ вполнѣ недостойнымъ такой чести, и на насмѣшку отвѣчать насмѣшкой.

Александръ Васильевичъ искренно любилъ и уважалъ Лихонина, по своей природной добротѣ онъ нисколько не тяготился сознаваемымъ имъ очень хорошо превосходствомъ товарища. Онъ искренно огорчался видимымъ отчужденіемъ Натти, проклиналъ Груздева, тетушку, всѣхъ и все, но не зналъ какъ помочь горю. Попробовалъ разъ заговорить съ Борисомъ, но тотъ такъ грозно послалъ къ чорту непрошенныхъ посредниковъ что онъ быстро отретировался, и раздумывалъ какъ бы поискуснѣе подойти къ Натти. Она тоже съ нѣкотораго времени не поддавалась ни на какую попытку съ его стороны къ искреннему разговору. Онъ рѣшился обратиться къ Замшеву, какъ авторитету по части житейской практики. Польщенный довѣріемъ, Замшевъ сталъ усердно придумывать вмѣстѣ съ Волгинымъ чѣмъ бы помочь дѣлу, какъ свести разсорившуюся парочку. И нисколько не стѣсняясь продолжалъ разговоръ при входѣ Гремякина. Александръ Васильевичъ поморщился, считая несовсѣмъ удобнымъ брать еще новаго повѣреннаго въ чужія тайны, но дѣло было сдѣлано, надо было извлекать изъ худшаго лучшее.

— Ради Бога, господа, чтобъ это осталось между нами, помните что я довѣрилъ вамъ нѣкоторымъ образомъ тайну дѣвушки, моей родственницы, да и Борисъ не проститъ мнѣ если узнаетъ.

— Надѣюсь что вы считаете меня честнымъ человѣкомъ, Александръ Васильевичъ, торжественно отвѣчалъ Гремякинъ, — да и мнѣ Наталья Владиміровна не чужая. Нечего скрывать теперь, вы, я думаю, сами видѣли какъ я былъ искренно къ ней привязанъ, но насильно милъ не будешь, разумъ взялъ свое, у меня осталось одно чувство уваженія и дружбы. Я могу, желая ей счастія, уступить безъ борьбы мое мѣсто Борису Михайловичу, человѣку вполнѣ достойному уваженія; но меня ужасъ беретъ когда я подумаю что Груздевъ, этотъ ничтожный мальчишка, потому только что онъ богатъ, завладѣетъ сокровищемъ за которое я готовъ бы былъ заплатить моею жизнью.

— Надѣюсь вы не думаете что Натти предпочитаетъ его за богатство, обидчиво сказалъ Волгинъ. Досадуя на неумѣ-

стную болтливость Замшева, онъ готовъ былъ сорвать сердце на Гремякинѣ.

— Александръ Васильевичъ, отвѣчалъ тотъ еще торжественнѣе,—я сегодня сказалъ вамъ что любилъ, а можетъ-быть и теперь еще люблю Наталью Владиміровну; такого рода чувство какъ мое вдругъ не изглаживается; какъ бы могъ я обидѣть ее такимъ недостойнымъ подозрѣніемъ?

— Довольно о высокихъ чувствахъ, господа, вмѣшался Замшевъ. — Мы вполнѣ вѣримъ, Гремякинъ, вашей чести, даю вамъ слово за себя и за него. Подумаемъ лучше чѣмъ бы помочь дѣлу. Я удивляюсь тебѣ, Волгинъ, какъ ты не умѣешь столковать съ кузиной, которую знаешь съ дѣтства.

— Попробовалъ бы ты сладить съ Натти, когда она заупрямится.

— И попробую, если ты не успѣешь. Честь перваго почина принадлежитъ тебѣ по праву родства, и да будетъ тебѣ стыдно если ты не успѣешь. Тогда настанетъ наша очередь, Гремякинъ.

На слѣдующій день, вмѣсто Груздева, пришло отъ него письмо. Александръ Васильевичъ, пріѣхавъ по совѣту товарища образумить Натти, засталъ ее за чтеніемъ и перечитываніемъ немногихъ строчекъ.

„Я люблю васъ, Наталья Владиміровна, писалъ Груздевъ, люблю такъ какъ высказать не умѣю. Вы это знаете конечно сами, но быть-можетъ не знаете что я, несчастный, не могу ничего дѣлать, какъ только думать о васъ. Поэтому я не смѣю явиться, какъ вы приказали, отдать вамъ отчетъ въ моихъ занятіяхъ.“

Натти была тронута, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разсержена этимъ письмомъ. Оно полагало конецъ ея туманнымъ мечтаніямъ, вызывало на опредѣленныя дѣйствія, а что̀ ей дѣлать, она не знала. Прямо оттолкнуть Груздева ей было жаль для него самого, да немножко и для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно сознавала теперь что не только не любитъ его, но и никогда не будетъ въ состояніи полюбить такъ чтобы смѣло выдти за него замужъ. Не таковъ былъ ея идеалъ. Въ человѣкѣ любимомъ, въ мужѣ, она мечтала найти для себя опору и руководителя. Быть же вѣчною нянькой несовершеннолѣтняго,—а такимъ, она это очень хорошо сознавала, навсегда въ отношеніи ея останется Груздевъ,—она не чувствовала въ себѣ силы. Но неужели такъ грубо и сказать это бѣдному юношѣ,

беззавѣтно и всецѣло отдавшему ей свое сердце? Но что же дѣлать? Что сказать ему? Оставить ему какую-нибудь надежду въ будущемъ? Но не будетъ ли это безчестно, когда она знаетъ теперь очень хорошо, что надеждѣ этой, безъ какого-либо особеннаго чуда, могущаго измѣнить и ее и Груздева, никогда не осуществиться! Она взяла перо, написала нѣсколько безсвязныхъ строкъ и тутъ же разорвала написанное. „Еслибъ я была увѣрена что выдержу, что сдѣлаю изъ него человѣка, составлю его счастье, я бы рѣшилась пожертвовать собою. Не рѣшиться ли?“

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу, не могу вслухъ сказала она, — вскакивая съ мѣста.

— Натти, съ кѣмъ ты тутъ разговариваешь? спросилъ входившій Александръ Васильевичъ. — Да ты одна, продолжалъ онъ, протягивая руку и цѣлуя ее въ лобъ. — Что же значитъ что ты разсуждаешь сама съ собою?

Наталья Владиміровна стремительно бросилась подбирать разбросанные по полу клочки бумаги.

— Натти, что съ тобой? я никогда не видалъ тебя въ такомъ волненіи. Что случилось?

— Ничего; я сочиняла романъ, и боюсь чтобы ты не прочелъ моихъ глупостей.

— Какой же это романъ, литературный, или жизненный? Мнѣ кажется, Натти, что жизненный.

Она вся вспыхнула и молчала.

— Натти, я пришелъ поговорить съ тобой серіозно.

— О чемъ? О твоемъ дѣлѣ? испуганно спросила она.—Ты проигралъ его?

— А развѣ тебя безпокоитъ мое дѣло? я никакъ не подозрѣвалъ этого.

— За тебя, за папа, да; за себя — нисколько.

— Какъ за себя?

— Да, если и ты проиграешь процессъ, а вѣдь это можетъ быть, я знаю, я буду почти рада; это дастъ мнѣ толчокъ, силу выйти изъ моего невыносимаго состоянія, я буду знать тогда что мнѣ дѣлать, нужда научитъ.

— Невыносимое состояніе, Натти? Что случилось? ради Бога!

Она опомнилась, принудила себя успокоиться и сѣвъ на диванъ, усадила около себя Александра Васильевича.

— Ничего, Саша, право ничего особеннаго, кромѣ моихъ глупыхъ фантазій, покойно заговорила она,—но что же мнѣ

дѣлать, если мнѣ скучно, тоска, я мѣста себѣ нигдѣ не нахожу, съ такою тоской въ голосѣ прибавила молодая дѣвушка что Александръ Васильевичъ серіозно испугался.

— Натти, моя милая, ради Бога скажи что тебя такъ тревожитъ? и онъ нѣжно обнялъ ее за талію, пытливо вглядываясь въ ея взволнованное лицо? Такая искренняя привязанность была написана въ его испытующемъ взглядѣ что Натти была глубоко тронута и едва не подала ему письма Груздева, но опомнилась. „Это было бы слишкомъ нечестно, даже жестоко", подумала она, и принудивъ себя улыбнуться, заговорила весело:

— Охота тебѣ, Саша, безпокоиться о пустякахъ! Точно ты меня не знаешь, лѣвою ногой съ постели встала, вотъ и капризничаю, а ты невѣсть что думаешь. Право же, честное слово, ничего нѣтъ серіознаго.

Александръ Васильевичъ продолжалъ молча ее разсматривать.

— Что ты на меня такъ смѣшно смотришь? спросила она уже своимъ естественнымъ голосомъ.—Ничего нѣтъ, увѣряю тебя. Но вѣдь ты хотѣлъ поговорить о себѣ, говори же, я слушаю.

— Не о себѣ, Натти, а о другомъ; пожалѣй его, и можетъ-быть ты сама успокоишься.

— Пожалѣть кого?

— Точно ты сама не знаешь?

— Груздева? едва слышно проговорила Натти.

— Груздева! Чтобъ чортъ его побралъ! вспылилъ Александръ Васильевичъ,—прости, Натти, за грубое выраженіе, но я право не могу помириться съ мыслію что ты ради этого ничтожнаго мальчишки жертвуешь своею и чужою будущностью. Повѣрь что ты не найдешь никогда человѣка ближе къ тебѣ подходящаго какъ Борисъ—я его знаю, знаю хорошо, и безъ страха говорю тебѣ....

Натти прервала его рѣчь взрывомъ смѣха, но неестественнаго.

— Такъ вотъ за кого ты хлопочешь, иронически заговорила она, — смѣшной ты человѣкъ, Саша! Повѣрь что Борисъ Михайловичъ также мало обо мнѣ думаетъ, какъ о вчерашнемъ днѣ.

— То-то и есть что теперь, къ своему несчастію, думаетъ гораздо больше, но ты такъ съ нимъ обращаешься, что ско-

ро пожалуй ты будешь и права. Борисъ самолюбивъ, ты это знаешь....

— Если знаю, стало-быть такъ и дѣйствую какъ мнѣ нужно.

— Такъ это преднамѣренное, обдуманное поведеніе? Ты серіозно рѣшилась выдти за Груздева?

Она покачала головой.

— Натти, ужь не думаешь ли ты жертвовать собой дядѣ въ случаѣ если процессъ будетъ проигранъ? Груздевъ богатъ! Клянусь честью, дядя на это никогда не согласится я не допущу, открою ему глаза.

Наталья Владиміровна не выносила угрозъ, онѣ только вызывали ее на новое упрямство. Въ душѣ ея закипѣла досада, но она скрыла ее и спокойно сказала:

— Почему же ты не допускаешь что я могу любить Груздева? Я нисколько не думаю жертвовать собой, и можетъ-быть сочту за счастье принять его предложеніе, если онъ мнѣ его сдѣлаетъ, чего до сихъ поръ не было.

— Любить Груздева! тебѣ! никогда не повѣрю.

— Ты его не знаешь, у него золотое сердце, какого не найдется у тысячи Лихониныхъ взятыхъ вмѣстѣ.

— И поздравляю тебя съ золотымъ сердцемъ безъ капельки ума! Впрочемъ это твое дѣло, раскаешься, да поздно будетъ. Мнѣ остается только одно, посовѣтовать тебѣ серіозно, не раздражать Бориса своими капризами.

— А что? вызывающе спросила Натти.

— А то, что выйдетъ исторія которой ты сама не будешь рада.

— Исторія со мною? иронически продолжала она.

— Нѣтъ съ другими, дѣло можетъ дойти до дуэли.

— До дуэли? испуганно спросила Натти.

— Да до дуэли; Замшевъ шутокъ не любитъ.

— Что за дѣло Замшеву до меня?

— Не до тебя, а до Лихонина. Однако прощай, мнѣ некогда.

— Скажи ради Бога, Саша, что все это значитъ?

— При выяснившихся сегодня обстоятельствахъ, я не считаю себя въ правѣ разказывать.

— Ну, такъ я спрошу сама у Замшева.

— Можешь; и не слушая ничего болѣе, онъ вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна, Натти, что случалось съ ней не часто, залилась слезами. „Какая я несчастная, думала она, все обрушивается на меня разомъ! Что буду я теперь между ними двумя дѣлать?“ А голосъ совѣсти, непрошенный, нашептывалъ: „Кто же виноватъ, какое имѣла ты право, потому только что тебѣ скучно, что ты не умѣешь съ собою справиться, завлекать другаго въ свою разладицу, принимать искренно предлагаемое тебѣ чувство? Развѣ ты не все сдѣлала чтобъ усилить и развить его? Теперь и раздѣлывайся. Да надо на что-нибудь рѣшиться.“ Послѣдній выводъ внутренней мысли сказалъ ей что она и Лихонина не любитъ на столько чтобы беззавѣтно отдаться этому чувству. Теперь она поняла почему она капризничала и оскорбляла его, какъ бы помимо своей воли. Пока она думала что онъ ея не любитъ, ей хотѣлось во что бы то ни стало, добиться его любви, казалось что все ея счастье заключается въ ней одной, но какъ только его несмѣлыя попытки на сближеніе и замѣтная ревность къ Груздеву показали ей что цѣль совсѣмъ не такъ далека, какъ она того боялась; жажда любви утолилась и ей захотѣлось чего-то другаго; а послѣдній разговоръ съ Александромъ Васильевичемъ, окончательно убѣдившій ее что она любима, также окончательно выяснилъ теперь что неудовлетворится она и любовью Бориса, даже еслибъ у него было, по собственному ея выраженію, такое же золотое сердце, какъ у Груздева. „Боже мой, да чего же мнѣ наконецъ нужно? Что я за несчастное, отверженное созданіе, посланное для того только чтобы заставлять страдать другихъ и самой казниться ихъ страданіемъ.“

— Надо однако что-нибудь сдѣлать, сказала она опять и, сѣвъ къ письменному столу, быстро написала: „Пріѣзжайте сегодня вечеромъ къ тетушкѣ, гдѣ буду и я. Н. В.“

VI.

У Зинаиды Петровны совершенно неожиданно собралось цѣлое общество, чѣмъ она была очень довольна. Она позвала къ себѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, брата и племянника, а Александръ Васильевичъ просилъ позволенія привезти съ собой обоихъ товарищей, да еще втайнѣ уговорилъ врага Натти, хорошенькую вдовушку, пріѣхать, какъ бы слу-

чайно, избавить его отъ невыносимой скуки родственнаго собранія.

Вдовушка, разряженная въ пухъ и прахъ, зѣвала, закрываясь вѣеромъ, и все-таки благосклонно выслушивала комплименты Владиміра Петровича и еще двухъ старичковъ, которыхъ хозяйка приласла себѣ для ералаша. Натти не отходила отъ тетки, несмотря на усиленныя просьбы своихъ маленькихъ кузинъ идти съ ними въ залу; ей хотѣлось отдалить неловкую минуту объясненія съ Груздевымъ, сидѣвшимъ напротивъ ея. Онъ пожиралъ ее своими блестящими глазами.

Александръ Васильевичъ подсѣлъ ко вдовушкѣ, и хозяйка, избавившись отъ обязанности занимать незванную гостью, поспѣшила усадить своихъ партнеровъ за карты. Но Дубровина разсѣянно выслушивала любезности своего сосѣда. Все ея вниманіе было обращено на Лихонина. Ей давно хотѣлось отбить его у Натти. Замѣтивъ что со времени бала и появленія Груздева черная кошка пробѣжала между влюбленными, она не пропускала удобнаго случая возбудить въ молодомъ адвокатѣ желаніе вознаградить себя за измѣну Натти ея лестнымъ предпочтеніемъ. До сихъ поръ Борисъ Михайловичъ очень осторожно обходилъ приготовленныя для него сѣти. И теперь вмѣстѣ съ Замшевымъ и Гремякинымъ усѣлся около Натти. Они составили такимъ образомъ двѣ группы; одинъ бѣдный Груздевъ, не зная что съ собою дѣлать, вышелъ въ залу къ дѣвочкамъ. Натти становилось уже жаль его и она нѣсколько разсѣянно выслушивала шутки окружавшей ея молодежи. Борисъ острилъ очень удачно, никого впрочемъ не задѣвая, какъ это было въ послѣднее время въ его обыкновеніи; напротивъ, взявъ Гремякина подъ свое покровительство, онъ защищалъ его всякій разъ отъ нападковъ Натти.

Дубровина, все время прислушивавшаяся къ ихъ разговору, разсмѣялась изъ своего угла одной удачной остротѣ Лихонина.

— Чему вы смѣетесь, Анна Львовна? удивленно спросилъ молодой Волгинъ, серіозно ей что-то въ это время разказывавшій.

— Развѣ вы не слышите что говоритъ мсье Лихонинъ?

— Вы давно бы сказали что желаете слушать Бориса, а не меня; а я-то стараюсь, весело отвѣчалъ Александръ

Васильевичъ.—Эхъ, Анна Львовна, нѣтъ у васъ ни капли жалости къ моимъ страданіямъ.

— Я полагаю что вы отъ нихъ не умрете, даже не похудѣете.

— Зачѣмъ умирать, помилуйте, я еще не теряю надежды тронуть ваше каменное сердце.

— Сердце мое всегда расположено утѣшать страждущихъ.

— То-есть кого же это, Бориса или меня? Мы оба страдаемъ.

— Угадайте.

— Угадываю, угадываю, подойдемте къ нимъ. Что ужь съ вами дѣлать?

Анна Львовна не заставила повторить приглашенія и въ одну минуту очутилась возлѣ Лихонина, которому пришлось уступить ей свое мѣсто.

— Pardon, говорила она усаживаясь на его кресло,—но вы сами виноваты, вы, именно вы привлекли насъ своею заразительною веселостью.

— Я на сегодняшній вечеръ только въ отставкѣ, или навсегда? шепнулъ ей Александръ Васильевичъ.

— Это смотря по обстоятельствамъ.

— Вижу что пора мнѣ проситься въ чистую. Слушаю и повинуюсь, наслаждайтесь, наслаждайтесь, Анна Львовна, даю вамъ мое благословеніе.

Александра Васильевича въ эту минуту посѣтила отрадная мысль: авось Натти станетъ ревновать и образумится.

А Натти уже вспыхнула негодованіемъ какъ только подошла Дубровина.

— Извините, господа, сказала она быстро вставъ, — позвольте мнѣ уйти, здѣсь становится тѣсно, а меня давно зоветъ Надя.

И она храбро направилась въ залу на встрѣчу пугавшаго ее объясненія.

— Наталья Владиміровна, заговорилъ дрожащимъ голосомъ Груздевъ, какъ только она подошла къ нему, — вы на меня сердитесь? ради Бога, простите, я самъ не знаю какъ у меня вырвалось....

— Успокойтесь, Петръ Николаевичъ, смущенно отвѣчала Натти, — сердиться не за что, все это пустяки.

— Для меня не пустяки, глухо сказалъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ простите вы меня....

— Стало-быть никакой надежды нѣтъ? еще глуше спросилъ Груздевъ.

Натти хотѣла сказать: никакой, но слово не выговаривалось. Водворилось молчаніе.

— Петръ Николаевичъ, заговорила наконецъ она,—оставьте меня, забудьте, я несчастное существо: я ни васъ и никого не могу любить.

— Гдѣ же тотъ счастливецъ кого вы любите? только-что не выкрикнулъ задыхаясь Груздевъ.

— Ради Бога тише, насъ могутъ услыхать, я не хочу чтобы знали, для васъ не хочу.... Вы меня не поняли, никакого счастливца нѣтъ, я никого никогда не полюблю, не умѣю, да послужитъ вамъ это утѣшеніемъ, я никогда не выйду замужъ.

Груздевъ просіялъ.

— Выходите въ такомъ случаѣ за меня, тихо заговорилъ онъ,—я никогда не посмѣю требовать вашей любви, для меня будетъ довольно если вы удостоите носить мое имя, если я буду каждый день видѣть васъ, молиться на васъ какъ на недосягаемое для меня совершенство. Выходите, Наталья Владиміровна, даю вамъ честное слово что я не буду вамъ надоѣдать собою, не посмѣю являться къ вамъ на глаза иначе какъ если вы сами позовете меня.

Натти была тронута.

— Какъ мнѣ жаль васъ и какъ я себя ненавижу, чуть слышно прошептала она.

— Выходите, Наталья Владиміровна, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ, не обращая вниманія на ея слова.—Вы будете счастливы, быть любимою такъ какъ я васъ люблю чего-нибудь да стóитъ. Повѣрьте, я чувствую въ себѣ громадныя силы для вашего счастья.

Натти улыбнулась, ей вспомнилась ея утренняя мысль о роли безсмѣнной няньки вѣчно несовершеннолѣтняго; но ей было жаль Груздева.

— Дать вамъ слово, отвѣчала она,—не могу, не смѣю, это было бы безчестно, но я не отвергаю возможности современемъ, когда вы докажете не только вашу привязанность ко мнѣ, но и силу воли надъ собой, выйти за васъ замужъ, будьте же довольны.

— А если другой въ это время!... Поймите, Наталья Вла-

диміровна, чѣмъ буду я заниматься съ этою постоянною мыслью въ головѣ!

Натти почувствовала что этотъ другой дѣйствительно можетъ явиться и опустила голову.

— Что же мы будемъ въ такомъ случаѣ дѣлать? Конечно лучше всего разстаться—уѣзжайте въ полкъ, въ Петербургъ, за границу, куда хотите, только оставьте меня.

— Не могу, не уѣду, ни за что не оставлю! Прогоните меня отъ себя, запретите бывать у васъ, я буду ходить у вашихъ оконъ, стоять у вашего подъѣзда, всюду васъ преслѣдовать!

Натти съ отчаяніемъ удалилась по направленію къ гостиной и столкнулась въ дверяхъ съ Замшевымъ.

— Наталья Владиміровна, что вы насъ покинули? вмѣстѣ съ вами удалилось все наше веселье.

Натти заглянула въ гостиную.

Лихонинъ сидѣлъ возлѣ вдовушки и что-то оживленно ей разказывалъ, должно-быть очень веселое, она сіяла и безпрестанно хихикала. „Видите", сказали глаза Натти Замшеву.

— Вслушайтесь, отвѣчалъ онъ ей уже словомъ.

Она стала вслушиваться и должна была сознаться что искреннее, живое веселье дѣйствительно удалилось изъ смѣявшагося кружка, осталось только его подобіе. Внутренно раздраженный уходомъ Натти къ Груздеву, Борисъ скрывалъ свое напряженное состояніе подъ неестественною веселостью; онъ не острилъ уже, а просто дурачился, въ чемъ вторили ему и Гремякинъ и Волгинъ, но Анна Львовна, ничего не замѣчая, сіяла полнымъ удовольствіемъ.

— Что же, убѣдились въ правдѣ мною сказаннаго? спросилъ Замшевъ.

— Я вижу что имъ очень весело и намѣрена веселиться вмѣстѣ съ ними, отвѣчала Натти, переступая въ гостиную.

— А вы увѣрены что можно веселиться даже съ неспокойною совѣстью?

— Вы что за исповѣдникъ, или проповѣдникъ, мсье Замшевъ? вспыхнувъ отвѣчала Натти самымъ задорнымъ тономъ.

— Не сердитесь, Наталья Владиміровна, а выслушайте.

— Вашу проповѣдь? Сегодня должно-быть день такой, цѣлое утро отчитывалъ меня Саша, теперь вы покушаетесь. Кстати, съ кѣмъ это вы собираетесь выходить на дуэль?

— Я? на дуэль? и Замшевъ расхохотался. — Охотно бы вышелъ съ вами, Наталья Владиміровна. Позвольте мнѣ прислать вамъ моихъ секундантовъ.

— Это смотря кого вы выберете.

— Я выбираю здравый смыслъ и великодушіе.

— Ихъ я выбираю охотно. Посмотримъ что̀ они мнѣ скажутъ?

— Первый скажетъ вамъ: что неразумно отталкивать свое счастье, мѣнять его на дѣтскія игры съ малолѣтними. Второе, обратившись къ вашему женскому сердцу, будетъ умолять его сжалиться надъ страждущимъ и прекративъ его страданія успокоить и себя. Увидимъ что̀ вы имъ отвѣтите, какихъ секундантовъ выберете для себя?

— Я и безъ секундантовъ сумѣю вамъ сказать что терпѣть не могу загадокъ, и что такимъ путемъ вашъ здравый смыслъ ничему меня не научитъ.

— Такъ вы позволяете говорить прямо? Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу прямо и скоро: перестаньте, Наталья Владиміровна, изъ шутки завлекать мальчика во всѣхъ отношеніяхъ васъ недостойнаго, за котораго замужъ вы никогда не пойдете. Ваша шутка жестока, какъ относительно самого Груздева, такъ и другаго...

— Кого же это? позвольте узнать?

— Бориса, человѣка искренно къ вамъ привязаннаго, который страдая черезъ вашу дѣтскую забаву, раздражается до такой степени...

— Что забавляется отъ души и забавляетъ другихъ, презрительно вставила Натти.

— Не забавляется онъ, Наталья Владиміровна, а страдаетъ, вы это знаете, и изъ непонятнаго упрямства продолжаете вашу шутку.

— Мсье Замшевъ, вы забываетесь, я не нуждаюсь въ вашей оцѣнкѣ моихъ дѣйствій, гордо сказала Натти быстро повернувъ въ залу.

— Идите, идите, полюбуйтесь на дѣло вашихъ рукъ, посмотрите что̀ вы сдѣлали изъ бѣднаго мальчика, сказалъ онъ вслѣдъ удалявшейся Натти.

Лихонинъ, давно вслушивавшійся въ ихъ разговоръ, поймалъ вполнѣ послѣднюю фразу и еще громче началъ шутить и смѣяться съ хорошенькою вдовушкой.

„Подурачусь немножко, подумалъ онъ, авось заглушу окончательно глупую любовь, и тогда за дѣло, скорѣе вонъ изъ Москвы.“

VII.

Въ одинъ прекрасный или, лучше сказать, прескверный вечеръ пятой недѣли Поста (на дворѣ была слякоть и непогода), Замшевъ и Гремякинъ засѣдали вдвоемъ за чаемъ, толкуя, какъ это имъ часто случалось, о Натти и Груздевѣ.

— Не вѣрю я и теперь чтобъ она могла любить его, говорилъ Гремякинъ.

— Не вѣрьте пожалуй, а дѣло становится ясно, и намъ тутъ вмѣшиваться нечего, тѣмъ болѣе что и Борисъ повидимому успокоился, благодаря миленькой вдовушкѣ, и совершенно доволенъ своею участью. А досадно право, у меня точно личный интересъ какой отнимаютъ. Ну, о чемъ будемъ мы съ вами толковать по вечерамъ?

— Вотъ вы какъ относитесь къ такому воліющему дѣлу, замѣтилъ съ упрекомъ Гремякинъ.—Плохой вы наблюдатель, Михаилъ Ильичъ, если вѣрите довольству и спокойствію Лихонина,—продолжалъ онъ.—Мнѣ же сквозь его смѣхъ слышатся слезы.

— Ну, вы пошли съ вашими слезами, Гремякинъ! и Замшевъ расхохотался, вспомнивъ его неизлѣчимую гражданскую скорбь. Не успѣлъ его смѣхъ замолкнуть, какъ у наружной двери раздался сильный звонокъ: Чрезъ минуту вбѣжалъ Александръ Васильевичъ, блѣдный, разстроенный.

— Кончено дѣло, Замшевъ! закричалъ онъ на порогѣ:—Процессъ мой проигранъ, я теперь бѣднякъ, какъ и всѣ вы.

— Ну, ужь и бѣднякъ—переноси въ Сенатъ.

— Повѣренный мой пишетъ что не стóитъ, дѣло такъ запутано въ палатѣ, что самъ чортъ ногу переломитъ. Мнѣ жаль бѣднаго дядю, онъ совсѣмъ уничтоженъ.

— Дядя твой, якорь спасенья, теперь конечно и его притянутъ, а онъ поведетъ дѣло новымъ порядкомъ и выиграетъ свое дѣло. Тогда и ты можешь начать новый процессъ. Мой совѣтъ вамъ обоимъ ѣхать немедленно въ Д*** взявъ съ собою хорошаго адвоката.

— Только лишняя трата, не выйдетъ никакого толку. Бѣдная Натти, она еще ничего не знаетъ!

— Она теперь непремѣнно выйдетъ за этого мерзавца! вскрикнулъ Гремякинъ.

— Я не допущу, скажу дядѣ, твердо отвѣчалъ Волгинъ.

— А какъ это ты не допустишь, если она сама захочетъ, желалъ бы я знать? возразилъ Замшевъ.—Я же теперь убѣжденъ что онъ ей дѣйствительно нравится. Въ другое время можетъ-быть воспротивился бы Владиміръ Петровичъ, а теперь тетушка какъ разъ все устроитъ.

— Такъ это двойное несчастье! грустно воскликнулъ Александръ Васильевичъ;—эта свадьба погубитъ мою бѣдную Натти.

— А я тебѣ вотъ что скажу, Волгинъ, заключилъ Замшевъ,—не теряй присутствія духа, рано отчаяваться. Говорю тебѣ, дѣло поправимо, вспомни мнѣніе С. и другихъ, кажется компетентныхъ людей. Поѣзжай-ка опять къ дядѣ и успокой его; а завтра мы составимъ у тебя юридическое совѣщаніе, и тогда увидимъ что дѣлать.

Волгинъ послушно взялъ свою шляпу и вышелъ.

— Что дѣлать? что дѣлать? какъ помѣшать имъ? повторялъ Гремякинъ, въ волненіи расхаживая по комнатѣ.

— Да, хотѣлось бы поставить на своемъ! воскликнулъ Замшевъ.

— Знаете что, Замшевъ, посватайтесь вы за нее, въ послѣднее время она была къ вамъ очень благосклонна.

— А потомъ что?

— Какъ что? вы будете счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!

— Жениться! безъ гроша за душой, когда и у невѣсты не многимъ больше—покорнѣйше васъ благодарю! отъ одной этой мысли становится жутко. Поѣзжайте съ этимъ совѣтомъ къ Лихонину.

— Поѣзжайте сами, онъ такъ меня встрѣтитъ, что я дверей не найду, отвѣтилъ Гремякинъ, и опять зашагалъ по комнатѣ, машинально повторяя: — что дѣлать? что дѣлать? Развѣ вотъ что, продолжалъ онъ останавливаясь предъ Замшевымъ.—Поговорить съ самимъ Груздевымъ, затронуть его великодушіе.

— Вотъ выдумалъ сказать влюбленному мальчишкѣ: она васъ любитъ, но вы не должны на ней жениться изъ великодушія. Повѣрьте что и онъ сумѣетъ отправить васъ къ чорту.

— Такъ что жь дѣлать? неужели допустить ея погибель?

Замшевъ задумался.

— Постойте, молчите, мнѣ пришла великолѣпная мысль! и

Замшевъ, въ свою очередь, сталъ быстро ходить изъ угла въ уголъ; потомъ остановившись предъ Гремякинымъ сказалъ ему что-то на ухо, оглядываясь нѣтъ ли человѣка въ передней.

— Да не все ли это равно что и сказать ему прямо, отвѣчалъ Гремякинъ.

— Экій младенецъ, мы того наплетемъ что герой не обрадуется, и онъ опять началъ нашептывать.

— Но это будетъ подлость! воскликнулъ Гремякинъ.

— Ну, такъ сложите руки, батюшка, и готовьтесь держать вѣнецъ надъ невѣстой; я отказываюсь.

Водворилось молчаніе.

— Скажите, Гремякинъ, чего вы хотите? Спасти любимую вами дѣвушку, слѣпо стремящуюся къ своей погибели, вѣдь такъ?

Гремякинъ махнулъ утвердительно головой.

— И я хочу того же, да притомъ изъ болѣе безкорыстнаго чувства, изъ простой человѣческой жалости, продолжалъ Замшевъ, — а для такой цѣли всякое даже косвенное средство хорошо, особливо когда другаго нѣтъ и прямымъ путемъ ничего не подѣлаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу согласиться. У меня по крайней мѣрѣ никогда не подымется рука.

— У меня подымется, но впрочемъ я тутъ послѣдняя спица въ колесницѣ, безъ вашего согласія я дѣйствовать не буду.

— Дѣлайте какъ знаете, взволнованно сказалъ Гремякинъ, послѣшно отыскивая свою шляпу,—а я пойду домой, мнѣ слишкомъ тяжело.

— Это значитъ, любезнѣйшій, что вы хотите чужими руками жаръ загребать. Нѣтъ, батюшка, на эту удочку меня не поймаете, безъ васъ я ничего не сдѣлаю.

Гремякинъ молча вышелъ изъ комнаты.

— Подумайте, Гремякинъ, крикнулъ ему вслѣдъ хозяинъ,— утро вечера мудренѣе. Я жду васъ завтра утромъ съ разумнымъ рѣшеніемъ.

И какъ только дверь затворилась за гостемъ, Замшевъ сѣлъ къ письменному столу и сталъ писать письма.

Долго сидѣлъ онъ, одно письмо все какъ-то ему не удавалось, онъ перервалъ нѣсколько листовъ бумаги. Запечатавъ его наконецъ въ конвертъ, съ улыбкой надписалъ адресъ и довольный собою легъ въ постель и тотчасъ же заснулъ крѣп-

чайшимъ сномъ. Написанныя письма остались на столѣ въ первой комнатѣ, откуда по заведенному порядку бралъ ихъ рано утромъ его человѣкъ и относилъ въ почтовый ящикъ. Возвращаясь съ почты онъ встрѣтилъ у подъѣзда посланнаго съ письмомъ Гремякина, требовавшаго чтобъ онъ тотчасъ же разбудилъ своего барина.

„Такъ и есть, утро вечера мудренѣе", думалъ Замшевъ съ просонья медленно распечатывая письмо. „Стоило будить меня изъ пустяковъ, дѣло сдѣлано."

„Нѣтъ, Михаилъ Ильичъ, писалъ Гремякинъ,—никакъ нельзя. Я не спалъ, всю ночь продумалъ и спѣшу сказать вамъ что никакъ, никогда не рѣшусь на такой поступокъ и васъ убѣдительно прошу ничего подобнаго не дѣлать. Будь что̀ будетъ! Право нельзя!"

Замшевъ съ досадой изорвалъ письмо.

— Ухитрился таки, мошенникъ, загрести жаръ моими руками. Неужели же это такъ дурно? Вздоръ, совѣсть моя покойна.

И повернувшись на другой бокъ, онъ снова заснулъ.

— Михаилъ Ильичъ, будитъ его человѣкъ, — требуютъ отвѣта.

— Чортъ возьми! Да гони его вонъ, я спать хочу.

— Онъ говоритъ что не велѣно приходить безъ отвѣта.

— Дай клочокъ бумаги и карандашъ.

„Чтобы чортъ васъ побралъ, Гремякинъ, эка васъ угораздило разбудить меня ни свѣтъ ни заря изъ-за сущаго вздора. Я пошутилъ вчера, а вы и повѣрили, невинный младенецъ!"

VII.

Сильно поразило Лихонина извѣстіе о проигранномъ процессѣ. Занятый самъ собою, онъ давно забылъ думать о возможности такого исхода. Прежде всего конечно ему жаль было добраго товарища. Волгинъ не могъ не тронуться искренностью не выраженнаго, а вырвавшагося у него участія. Эта минута вознаградила Александра Васильевича за всю его тайную слабость къ Борису. Они были вдвоемъ когда пришло роковое письмо. Послѣ первыхъ сбивчивыхъ толковъ о

случившемся, Лихонинъ бросился разбирать присланную копію съ рѣшенія, вытащилъ томы свода и всѣ относящіяся къ этому случаю отдѣльныя постановленія, Волгина же потянуло къ дядѣ, хотя Борисъ и уговаривалъ его повременить непріятнымъ сообщеніемъ.

Оставшись одинъ, какъ ни принуждалъ себя Лихонинъ думать только о лежащихъ предъ нимъ бумагахъ, а образъ Натти мѣшалъ ясности его соображеній. „Неужели, лѣзло ему безпрестанно въ голову, наступила минута на что-нибудь рѣшиться? Теперь я могу посвататься безъ униженія своей гордости.“ Въ головѣ у него былъ хаосъ, сердце усиленно билось, но билось не радостно. Ему было страшно, было и жаль Натти, было жаль за что-то и самого себя, а главное онъ не зналъ что̀ ему дѣлать, чего именно ему хочется.

И вдругъ возстали предъ нимъ старыя воспоминанія дѣтства и ранней юности. Онъ видѣлъ себя живымъ, предпріимчивымъ ребенкомъ, когда задумать что-нибудь и сдѣлать было для него одно и то же. И дома, и въ гимназіи онъ былъ коноводомъ всѣхъ шалостей, ему повиновались товарищи. Вслѣдъ затѣмъ мелькнули и первые университетскіе годы. Ему минуло двадцать лѣтъ, онъ только-что лишился матери, помѣщицы десяти душъ, которая съ трудомъ содержала его въ губернскомъ городѣ, и очутился въ Москвѣ одинъ безъ средствъ, безъ связей, безъ всякой опоры. Тогда онъ бодро смотрѣлъ на жизнь, энергически принялся за дѣло, самъ сумѣлъ достать себѣ уроки, работалъ, но всегда былъ доволенъ собою. Потянулись предъ нимъ слѣдующіе годы, годы тяжелаго анализа, подъ вліяніемъ втянувшей его среды новыхъ товарищей, всего его юношескаго запаса убѣжденій, скопленнаго при помощи одного изъ воспитателей, идеалиста сороковыхъ годовъ, своею любовію и попеченіями замѣнившаго ему давно умершаго отца. Эти убѣжденія были ему однако дороги, онъ твердо стоялъ за нихъ, долго не поддавался ни насмѣшкамъ, ни убѣжденіямъ своего кружка, не легко досталась ему внутренняя ломка, она и тогда уже надорвала быть-можетъ цѣльность его природы. Составились наконецъ и новыя убѣжденія, явились новыя цѣли, но не тверда должно-быть была подъ нимъ почва, чаще и чаще мелькало сомнѣніе въ правильности вновь выработаннаго запаса. Юноша потерялъ внутреннюю руководящую нить....

„Надо бы вернуться вспять, думалъ Лихонинъ, попробую жениться, авось семейное чувство примиритъ меня съ жизнію. Скажу ей завтра же....“ Но опять предъ принятымъ рѣшеніемъ сжалось сердце непреодолимымъ страхомъ. Какъ смѣть рисковать не только своею, но и чужою судьбой, безъ всецѣльнаго порыва души. „Натти дорога мнѣ, это правда, но не люблю я ее настолько....“ Предъ нимъ возсталъ образъ черноволосой, блѣдной женщины, слушавшей его, бывало, какъ оракула, женщины несчастной, изломанной жизнію подъ гнетомъ обстоятельствъ. Она стремилась къ нему всею душой, готова была на всякую жертву для него. „Вздоръ, это была рисовка. Не изъ любви къ ней не принялъ я жертвъ. Я просто испугался отвѣтственности, не было и тогда во мнѣ цѣльности порыва. Я и теперь боюсь больше за себя чѣмъ за Натти.... Однако что же это я ничего не дѣлаю? Волгинъ можетъ скоро вернуться....“ И Лихонинъ принудилъ себя снова приняться за бумаги, но дѣловыя мысли перебивались мучившею его необходимостью на что-нибудь рѣшиться. Онъ опять пересталъ читать, машинально смотрѣлъ предъ собою.

— Да дуракъ же я наконецъ что такъ себя мучаю! вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ рукою по столу.—Пойдетъ ли еще она за меня? Точно нѣтъ между нами Груздева.... А я никакъ не желаю получить презрительный отказъ Натальи Владиміровны.... Нечего стало-быть и соваться, этого Сашѣ хочется, а не ей....

Онъ принялся твердо въ этотъ разъ за чтеніе, заглушая внутренній голосъ нашептывавшій: „Перестань себя убаюкивать, это новая ложь твоя предъ собою. Не любитъ она Груздева, ты это знаешь очень хорошо и не имѣешь права казнить ее за дѣтскій капризъ, придуманный въ пику тебѣ, за твое напускное равнодушіе. Попробуй высказаться и ты увидишь....“ Надоѣдливый голосъ замолкъ, и Борисъ вникнувъ наконецъ въ дѣло, напалъ на слабое мѣсто рѣшенія. Съ восторгомъ указалъ онъ на него вскорѣ вернувшемуся Александру Васильевичу, и оба порѣшили послѣдовать совѣту Замшева, собрать по возможности завтра же на совѣщаніе первыхъ московскихъ юристовъ.

Натти узнала о случившейся катастрофѣ черезъ Зинаиду Петровну. Она пріѣхала на слѣдующее утро къ племянницѣ

съ утѣшеніями и слезами и тотчасъ же заговорила о Груздевѣ. Испуганная, взволнованная дѣвушка молчала, она съ ужасомъ чувствовала какъ разлетаются въ прахъ всѣ ея прекрасныя намѣренія предъ дѣйствительною бѣдою, чувствовала что нѣтъ въ ней и не будетъ силы начать трудовую жизнь. Долго слушала она молча совѣты тетки, ради отца, потерявшаго голову, выдти какъ можно скорѣе за Груздева.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь, Натти? спросила наконецъ Зинаида Петровна. А Натти ни слова не слыхала изъ всего ея разглагольствованія, кромѣ безпрестанно повторяемаго имени гусара.

— Ахъ, тетушка, сказала она наконецъ чтобъ отвязаться,— не могу же я сама сдѣлать ему предложеніе.

— А онъ развѣ не дѣлалъ?

Натти молчала и Зинаида Петровна рѣшилась наконецъ уѣхать съ твердо задуманнымъ планомъ въ головѣ.

Оставшись одна, Натти залилась слезами.

„Что будетъ съ папа? что будетъ со мной? думала она рыдая.—Я глупая, гадкая, ни на что путное не способна. Почему я не могу исполнить совѣта тетки! Но нѣтъ, я внесла бы адъ въ его жизнь. Сдѣлайся я только его невѣстой, я его тотчасъ же возненавижу, съ наслажденіемъ буду мучить его, терзать каждую минуту. Всѣ меня покинули, Борисъ не смотритъ, увлеченъ другою....“ И ей вдругъ стало ужасно жаль своего заглушеннаго чувства: оно такъ сильно всплыло наружу изъ глубины ея сердца что явись Лихонинъ въ эту минуту съ предложеніемъ, она бы съ восторгомъ протянула ему руку. Но не долго длилось и это впечатлѣніе, опять потянуло ее вдаль, къ невѣдому счастью, о которомъ она смутно мечтала все это время. Пріѣхавшій послѣ своего юридическаго совѣщанія молодой Волгинъ засталъ ее еще въ слезахъ. Довольный результатомъ бесѣды, онъ вскорѣ ее успокоилъ и заставилъ разсмѣяться, передразнивъ очень удачно своего настоящаго повѣреннаго, извѣстнаго въ Д*** приказнаго крючка.

— Теперь мы будемъ умнѣе, прибавилъ онъ,—обратимся къ какой-нибудь здѣшней знаменитости. Сперва я вмѣстѣ съ дядей поѣду въ Д*** посмотримъ на мѣстѣ что дѣлать, а потомъ выпишемъ себѣ повѣреннаго.

— Когда вы собираетесь ѣхать?

— Тотчасъ послѣ Святой.

— И я поѣду съ вами!

— Я уговаривалъ Лихонина ѣхать въ Д***, ему всего бы охотнѣе поручилъ я свое дѣло, говорилъ Александръ Васильевичъ, не отвѣчая на высказанное ею намѣреніе, и всматриваясь какое произведетъ на нее впечатлѣніе имя Бориса.

Натти покраснѣла немного, но не отвѣчала ни слова. Не дождавшись отвѣта, Волгинъ продолжалъ:

— Борисъ не соглашается, совѣтуетъ обратиться къ болѣе опытному адвокату; но авось, когда онъ узнаетъ твое рѣшеніе ѣхать съ нами, то будетъ посговорчивѣе. Попроси его сама, Натти.

— Борисъ Михайловичъ говоритъ дѣло, я не стану его уговаривать. Ему не справиться съ тѣмъ что̀ прежде него напутали крючки, сурово сказала Натти, и помолчавъ немного прибавила грустно:

— Ты напрасно мечтаешь, Саша, что моя просьба можетъ подѣйствовать. Увѣряю тебя серіозно что теперь, по крайней мѣрѣ, мы совсѣмъ чужды другъ другу.

— Это-то меня и сокрушаетъ, Натти. Еслибы ты захотѣла!... Вчера, какъ дядя только узналъ что дѣло мое проиграно, его первое слово было: зачѣмъ Натти не замужемъ!

— Боже мой! Что̀ же это такое что всѣ вы меня сватаете! Должно-быть я вамъ очень надоѣла! вскрикнула Натти и опять горько заплакала. На томъ и кончился разговоръ.

VII.

Вернувшись отъ племянницы, Зинаида Петровна тотчасъ же послала съ запиской къ Груздеву, но прошло два часа, а молодой человѣкъ не являлся, хотя посланный и засталъ его дома. Въ волненіи расхаживала Зинаида Петровна по гостиной, приказавъ предварительно никого не принимать, кромѣ гусара. Наконецъ раздался звонокъ, и блѣдный, едва держась на ногахъ, вошелъ Груздевъ.

— Что̀ съ вами, Петръ Николаевичъ? спросила хозяйка, идя къ нему на встрѣчу. — Садитесь, вы нездоровы?

— Я пріѣхалъ съ вами проститься, выговорилъ наконецъ Груздевъ.—Я уѣзжаю завтра въ полкъ.

— Вы уѣзжаете завтра? Что̀ же это значитъ? Какъ мнѣ ни непріятно, я должна съ вами объясниться откровенно. Подумали ли вы, молодой человѣкъ, что такъ честные люди не поступаютъ, какъ поступили вы въ нашемъ семействѣ.

— Что̀ же я такое сдѣлалъ?

— Вы ухаживали слишкомъ явно за моею племянницей, компрометтировали ее, быть-можетъ удалили другихъ жениховъ.

Груздевъ горько улыбнулся.

— Если и такъ, отвѣчалъ онъ, — это не моя вина. Я дѣйствовалъ честно, по внушенію моего сердца. Я не зналъ что это не хорошо, почему же вы не сказали мнѣ прежде?

— Я полагала что вы намѣрены жениться.

Груздевъ молчалъ.

— А вы, не дѣлая предложенія, уѣзжаете. Развѣ это не оскорбительно для чести Натти?

— Не разъ, а всякій день умолялъ я Наталью Владиміровну отдать мнѣ свою руку. Если для ея репутаціи нужно объявить объ этомъ цѣлому свѣту, я готовъ. Прошу васъ говорить всѣмъ что я сватался и она мнѣ отказала.

— Но вѣдь она вамъ не отказывала?

Груздевъ опять молчалъ.

— Не отказывала?

— Спросите Наталью Владиміровну, это ея дѣло.

— Если Наташа и не соглашалась до сихъ поръ, теперь она согласится, я знаю, повторите предложеніе.

Груздевъ отрицательно покачалъ головою.

— Она сама сказала мнѣ сегодня. Говорю вамъ: повторите предложеніе.

— Она сказала вамъ? Что̀ же такое съ ней случилось?

Лицо юноши просіяло на минуту; но Зинаида Петровна испугалась чтобы до него не дошелъ слухъ о ихъ возможномъ разореніи, прежде чѣмъ она состряпаетъ дѣло, и сама не зная что̀ говоритъ, отвѣчала наугадъ:

— Ее уговорилъ Саша.

— Онъ? испуганно вскрикнулъ Груздевъ.—Нѣтъ, это ужь слишкомъ! Стало-быть все правда! Прощайте, Зинаида Пе-

тровна, мнѣ нечего здѣсь дѣлать. И буквально шатаясь, пошелъ изъ гостиной.

— Останьтесь, Петръ Николаевичъ, говорила вся блѣдная отъ негодованія Зинаида Петровна, хватая его за руку.— Вы обязаны объяснить мнѣ ваши слова.

— Спросите его, онъ объяснитъ вамъ, отвѣчалъ Груздевъ.

— Кого его?

— Вашего племянника, братца Натальи Владиміровны. Да вы сами знаете вѣроятно почему онъ одинъ могъ уговорить ее, бормоталъ Груздевъ, самъ себя не помня отъ отчаянія и гнѣва.

— Нѣтъ я не выпущу васъ прежде чѣмъ вы скажете.

— Ничего я вамъ не скажу, отвѣчалъ Груздевъ, вырвавъ у нея руку. Она схватила его за другую. Въ эту минуту изъ его кармана выпала вся скомканная бумажка исписанная поддѣльнымъ почеркомъ. Ничего не замѣчая, освободившійся Груздевъ пошелъ къ двери.

Ошеломленная хозяйка машинально подняла бумажку. Ее тотчасъ же поразили крупно написанныя слова: *прелестная Натти.* Она развернула письмо. На порогѣ Груздевъ обернулся; увидавъ бумажку въ ея рукахъ, онъ упалъ въ кресло и зарыдалъ какъ ребенокъ.

„Глупый, глупый вы мальчикъ, читала Зинаида Петровна — позволяете водить себя за носъ, пока васъ окончательно не ошельмуютъ, женивъ на *прелестной Натти.* Скажите что вамъ отвѣчаетъ на всѣ ваши страстныя моленья сія прелестная дѣвица? Morgen, morgen, nur nicht heute, то-есть попросту, не приказываетъ, не отказываетъ, не такъ ли? А знаете отчего это? Ея возлюбленный братецъ А. В. все еще надѣется сложить свои старые грѣшки съ нею на шею своего товарища и друга. Л., человѣкъ мирный (т.-е. фрачникъ), менѣе пугаетъ его въ будущемъ, когда придется расплачиваться, чѣмъ ваша сабля. На Г. были уже направлены батареи, отвертѣлся, узналъ вовремя... Развѣ вы не замѣчаете какъ презрительно относится къ нему ваша прелестница? На дняхъ, я знаю, будетъ послѣдній приступъ къ Л., онъ не удастся, я это тоже знаю: вдовушка помѣшаетъ. И тогда берегитесь, васъ немедленно окрутятъ, если вы не примете мѣры... Бѣгите, бѣгите безъ оглядки, повѣрьте другу истинно жалѣющему вашу молодость!"

— Какая мерзость! Какая низость! воскликнула Зинаида

Петровна.—И вы могли повѣрить, Петръ Николаевичъ? Нѣтъ, вы не любите Натти!

Груздевъ немного оправился.

— Я не вѣрилъ, клянусь Богомъ не вѣрилъ! Я такъ сказалъ вамъ что ѣду завтра, я бы не уѣхалъ. Развѣ я могу разстаться съ Натальей Владиміровной... Даже если все это правда, я готовъ жениться, но пускай она мнѣ скажетъ правду. А то быть обманутымъ, подставнымъ, за всю мою любовь. Ужасно, ужасно! Пускай скажетъ она сама! Я убью мерзавца и женюсь, клянусь Богомъ, женюсь! Никогда взглядомъ не напомню ей прошлаго!

Зинаида Петровна испугалась не на шутку.

— Вы все еще вѣрите? сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Зинаида Петровна, почему же онъ одинъ могъ уговорить ее? Она не соглашалась на всѣ мои мольбы!

Пришлось Зинаидѣ Петровнѣ покаяться въ выдуманномъ ею предлогѣ согласія Натти, разказать ему приблизительно все какъ было дѣло.

— Брату очень хочется выдать скорѣе Наташу замужъ, прибавила она.—Ему придется уѣхать, надолго оставить ее одну. Натали избалована, ей трудно разстаться съ дѣвическою свободой, изъ отца она дѣлаетъ все что̀ хочетъ; вотъ причина всѣхъ ея отказовъ. Развѣ одинъ слѣпой можетъ не видѣть какъ она васъ любитъ, она скомпрометтировала себя своимъ обращеніемъ съ вами предъ всѣми знакомыми. Лихонинъ, правда, ухаживалъ за ней, а теперь удалился изъ ревности. Неужели вы ничего не замѣчали?

— Грѣхъ вамъ будетъ, Зинаида Петровна, если вы меня обманываете, сказалъ Груздевъ.

— Ребенокъ вы, ребенокъ, Петръ Николаевичъ! Пожалуй самъ Лихонинъ, а то такъ другой ея поклонникъ Гремякинъ и написали письмо, а вы повѣрили.

— Я вызову ихъ обоихъ на дуэль, мрачно сказалъ гусаръ.

Зинаида Петровна опять испугалась.

— Оставьте, что̀ вамъ за дѣло до мерзавцевъ! Натти васъ любитъ, увѣряю васъ, любитъ. Поручите мнѣ поговорить офиціально съ братомъ, и все будетъ кончено сегодня.

Груздевъ просіялъ.

— Дѣлайте какъ знаете, отвѣчалъ онъ бросаясь цѣловать ея руки. — Но я боюсь что Наталья Владиміровна разсердится.

— Говорю же вамъ что она согласилась.

— О, такъ поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе къ Владиміру Петровичу, дорогая тетушка! Я обязанъ вамъ больше чѣмъ жизнью.

— Хорошо, я поѣду, но съ условіемъ. — Вы дадите честное слово не разыскивать автора безыменнаго письма?

Груздевъ замялся и опять сталъ мраченъ.

— Онъ будетъ достойно наказанъ, повѣрьте, когда увидитъ что его низкій поступокъ послужитъ только къ скорѣйшему окончанію дѣла. Что же, даете слово?

— Не могу.

— Ну такъ я ни во что не вмѣшиваюсь. Я не хочу видѣть мою племянницу вдовой черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы.

Груздевъ не говорилъ ни слова, но на лицѣ его было написано: „теперь я и безъ тебя все устрою".

— Послушайте, Петръ Николаевичъ, не дождавшись отвѣта, продолжала Зинаида Петровна,—если вы не дадите слова, я должна буду все разказать Наташѣ, а она горда, она никогда не проститъ вамъ что вы повѣрили клеветѣ, никогда не согласится...

Наконецъ слово было дано и Зинаида Петровна отправилась на свой трудный подвигъ. Она еще не знала какъ уломать племянницу, но сознавала болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимость выдать ее поскорѣе замужъ, не сознавала только этой необходимости сама Наталья Владиміровна. Холодно, не возражая ни однимъ словомъ, выслушала она тетку, но тонкій наблюдатель замѣтилъ бы что въ душѣ ея собирается буря. Презрительная гримаса не сходила съ ея лица, блѣдныя губы слегка дрожали.

Не дождавшись отвѣта, Зинаида Петровна прибавила:

— Дома отецъ? Ты предупреждена, я иду къ нему.

— Не трудитель, тетушка, я не пойду за Груздева.

— Не пойдешь? послѣ того что ты мнѣ сказала сегодня утромъ, послѣ того какъ ты вела себя съ нимъ все это время?...

Натти молчала.

— Отецъ заставитъ тебя! Я должна буду разказать ему все!.. вскрикнула Зинаида Петровна.

— Меня заставитъ? отецъ? и Натти презрительно расхохоталась.—Попробуйте, пожалуй, мнѣ рѣшительно все равно

что бы вы ему ни разказывали. Извините, у меня есть неотлагаемое дѣло.

— Какое?

Натти, не отвѣчая ни слова, вышла изъ комнаты; а выведенная изъ себя Зинаида Петровна только-что не побѣжала въ кабинетъ къ брату, и тамъ узнала отъ его камердинера что онъ обѣдаетъ и проведетъ весь вечеръ у Александра Васильевича. Одно оставалось ей теперь—отправляться скорѣе домой чтобы предупредить пріѣздъ къ Волгинымъ обнадеженнаго ею юноши. Она послала съ запиской просить его къ себѣ; но посланный не засталъ его дома. „Опоздала", подумала она съ досадой; онъ теперь у нея и вотъ сейчасъ явится ко мнѣ за объясненіемъ. Но она напрасно прождала его до поздней ночи. Груздевъ не явился.

Онъ сидѣлъ у себя въ невыразимомъ словами отчаяніи, перечитывая нѣсколько словъ, написанныхъ дрожащею рукой Натти.

„Все между нами кончено,—читалъ въ сотый разъ Груздевъ,—какъ вы могли обратиться къ отцу, говорить съ теткой безъ моего позволенія? Развѣ вы не знали какъ я не люблю ея, не терплю чтобъ она вмѣшивалась въ мои дѣла? Я и васъ теперь ненавижу. Не смѣйте никогда показываться мнѣ на глаза. Если придете, васъ не примутъ."

IX.

На слѣдующее утро Зинаида Петровна опять прождала Груздева до четырехъ часовъ, каждую минуту готовая вновь послать за нимъ, и наконецъ не вытерпѣла. Посланный принесъ ей поразительное извѣстіе: Груздевъ, забравъ всѣ свои вещи и расплатившись въ гостиницѣ, уѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ въ Петербургъ. Въ отчаяніи она бросилась къ брату чтобы все разказать ему, но по пути раздумала, и только вечеромъ, не дождавшись никакого извѣстія отъ племянницы, отправилась къ Волгинымъ съ твердо принятымъ рѣшеніемъ не упоминать о безыменномъ письмѣ.

„Письма нѣтъ налицо, думала она, какъ доискаться кѣмъ оно написано? Только надѣлаешь безцѣльной кутерьмы. Ни

во что не буду вмѣшиваться теперь; а потомъ можетъ-быть чрезъ Васю и поправлю дѣло: какъ дѣйствительно-то обѣдняетъ Наталья Владиміровна, такъ авось образумится!" утѣшала себя Зинаида Петровна.

Она застала семью всю въ сборѣ; ободренный во вчерашнемъ собраніи юристовъ, Владиміръ Петровичъ весело разговаривалъ съ племянникомъ о предстоящей имъ поѣздкѣ. Они назначали свой отъѣздъ на Ѳоминой недѣлѣ. Рѣшеніе Натти имъ сопутствовать очень обрадовало отца. Выслушавъ ихъ планы, Зинаида Петровна неожиданно спросила:

— Слышали новость? Груздевъ уѣхалъ сегодня въ Петербургъ.

— Что это съ нимъ сдѣлалось? Онъ, кажется, не собирался, отвѣчалъ старикъ Волгинъ. — Не говорилъ ли онъ тебѣ вчера, Натти?

— Онъ вчера у насъ не былъ, отвѣчала молодая дѣвушка блѣднѣя, но стараясь говорить спокойно.

Ее съ утра мучила совѣсть за свое жестокое письмо; но она была твердо увѣрена что пройдетъ день, два, Груздевъ все-таки явится, несмотря на ея запрещеніе, или наконецъ встрѣтитъ ее гдѣ-нибудь и тогда она смягчила бы свой отказъ, утѣшила бы бѣднаго юношу.

„А можетъ-быть и лучше что такъ все кончилось, подумала она, но мнѣ все что-то не вѣрится. Не сочинила ли тетушка, не согласились ли они обмануть меня."

— Папа, обратилась она къ отцу,—пошли пожалуста къ Дюссо узнать, мнѣ кажется тутъ какая-нибудь путаница. Кто сказалъ вамъ, тетушка?

— Я посылала къ нему съ запиской; въ гостиницѣ сказали что расплатился и уѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

„Стало-быть она ничего ему не писала и не говорила, если не вѣритъ его отъѣзду, думала Зинаида Петровна, пока молодой Волгинъ вышелъ исполнить желаніе Натти. Что же въ такомъ случаѣ значитъ его отъѣздъ?" И она готова была заговорить о письмѣ; но опять одумалась, отложила до болѣе удобнаго времени, когда ей удастся напасть на какой-нибудь слѣдъ его автора.

Изъ гостиницы принесли записку на имя Владиміра Петровича, съ извиненіемъ что забыли исполнить ранѣе при-

казаніе Груздева. Въ короткихъ словахъ благодарилъ онъ за гостепріимство, извинялся что не могъ проститься лично, но что полученная телеграмма заставила его уѣхать, не мѣшкая ни минуты. О томъ когда вернется, и вернется ли, ни слова.

— Странно, сказалъ Владиміръ Петровичъ, подозрительно взглядывая на дочь, но та крѣпко прикусила себѣ губу и не покраснѣла.

— Безумный мальчишка! Чего же вы отъ него путнаго ожидали? прибавилъ молодой Волгинъ сіяя отъ удовольствія.

Онъ вскорѣ уѣхалъ къ Замшеву подѣлиться съ нимъ своею радостію и по обыкновенію засталъ у него Гремякина. Не выдержалъ Замшевъ, слегка покраснѣлъ услыхавъ неожиданную новость. Подозрительно взглянулъ на союзника Гремякинъ, но не сказалъ ни одного слова и вскорѣ ушелъ къ себѣ насладиться безъ помѣхи побѣдой, которая, съ радостію сознавалъ онъ, не стоила ему ни малѣйшаго упрека совѣсти.

„А загребъ-таки жаръ вашими руками, Михаилъ Ильичъ, весело раздумывалъ онъ, шагая по лужамъ,—спасибо вамъ, Натти спасена! А все-таки это не честно, нѣтъ, какъ хотите, какъ бы ни хороша была цѣль, а не оправдываетъ она низкія средства!“ И съ этого времени Гремякинъ сталъ понемногу удаляться отъ бывшаго союзника, ему тяжело было съ Замшевымъ.

А самъ Замшевъ, проводя Александра Васильевича, съ которымъ онъ все-таки чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, уснулъ безмятежнымъ сномъ, не остановившись на мысли что̀ долженъ былъ чувствовать бѣдный гусаръ, бѣжавшій изъ Москвы по его совѣту.

„Дуракъ, думалъ онъ, если повѣрилъ такъ скоро, подѣломъ ему, не ожидалъ я такой полной побѣды!“

А можетъ-быть и его не чуткая совѣсть заговорила бы, еслибъ онъ могъ взглянуть въ небольшую грязненькую комнатку маленькой гостиницы около Мясницкой. Тамъ на жесткомъ, грязномъ диванѣ лежалъ одинъ, на попеченіи больничной сидѣлки, бѣдный обманутый юноша въ сильномъ бреду, то угрожая Александру Васильевичу и Лихонину, то призывая Натти. Сопровождавшій его деньщикъ ушелъ

отправлять телеграмму призваннаго хозяиномъ гостиницы доктора, къ опекуну Груздева.

Выучивъ наизусть записку своего кумира, Груздевъ всю ночь проходилъ въ одномъ сертукѣ по московскимъ улицамъ, и наконецъ рѣшилъ что ему дѣлать. Разыгравъ въ гостиницѣ комедію быстраго отъѣзда въ Петербургъ, онъ поселился въ маленькомъ трактирчикѣ, чтобъ оттуда, переодѣтымъ, наблюдать за всѣмъ что дѣлается у Волгиныхъ и ихъ знакомыхъ, разсчитывая посредствомъ придуманнаго имъ дѣтски-наивнаго плана узнать правду ли сообщило ему безыменное письмо, узнать имя его автора, и тогда на немъ или на Александрѣ Васильевичѣ утолить душившія его тоску и злобу. Горячка, слѣдствіе простуды и волненія, остановила его на самомъ первомъ шагу....

Не равнодушно, не такъ какъ Замшевъ, принялъ Борисъ сообщенную ему Александромъ Васильевичемъ новость. Первое чувство его было что-то въ родѣ испуга. Протолковавъ съ пріятелемъ чуть не до разсвѣта, онъ и послѣ не могъ уснуть ни на одну минуту. Теперь онъ очень хорошо сознавалъ это, ничто не стояло между нимъ и Натти, кромѣ его собственной нерѣшительности.

Быстро приближался день отъѣзда Волгиныхъ. Натти ходила какъ въ чаду, съ трудомъ занимаясь приготовленіемъ къ отъѣзду. Теперь она горько сознавала свою безпомощность предъ грядущею быть-можетъ скоро жизнію лишеній. Всякій день она видала Лихонина, но мало съ нимъ разговаривала. Имъ завладѣвалъ Владиміръ Петровичъ. По временамъ Натти казалось что молодой человѣкъ хочетъ сказать ей что-то особенное, быть-можетъ вымолвить послѣднее, рѣшительное слово. Опять сильнѣе билось ея сердце, стремясь на встрѣчу къ прежнему чувству, и опять замирало отъ страха предъ рѣшеньемъ.

„Чѣмъ же это кончится? думала она почти что съ отчаяніемъ дня за четыре до отъѣзда.—Боже мой, когда же наконецъ мы уѣдемъ! Я не люблю его такъ какъ хотѣлось бы любить, и все-таки мнѣ тяжело, невыносимо больно разставаться съ нимъ быть-можетъ навсегда. Какъ знать куда броситъ меня судьба, если дѣло наше будетъ проиграно? Борисъ

можетъ встрѣтить другую, которая сумѣетъ полюбить его лучше меня....

При мысли объ этой возможности, сердце ея болѣзненно сжалось. Она сидѣла за книгой въ своемъ дѣловомъ кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ столовой довольно тонкою перегородкой, и вдругъ услышала голосъ Александра Васильевича.

— Посидимъ здѣсь, Борисъ, въ ожиданіи завтрака, говорилъ онъ. — Его сейчасъ подадутъ, а между тѣмъ и дядя подъѣдетъ.

— Я боюсь опоздать въ судъ, ты можешь и одинъ передать Владиміру Петровичу.

— Въ судъ ты и такъ опоздалъ, засѣданіе давно открыто.

— Я ѣду за справкою, мнѣ обѣщали сказать сегодня когда назначатся къ докладу мои три дѣла.

— Какія?

— Единственныя которыя у меня теперь на рукахъ въ здѣшнемъ судѣ. Мнѣ хочется быть скорѣе свободнымъ.

— Такъ это рѣшено окончательно что ты разстаешься съ Москвою?

— Рѣшено, насколько что-нибудь можетъ быть окончательно рѣшеннымъ въ этомъ мірѣ. Я можетъ-быть совсѣмъ брошу адвокатуру, а на родинѣ мнѣ легче будетъ подыскать себѣ другія занятія. Не могу я вѣчно жить въ такомъ разладѣ самъ съ собою, не могу мучить себя почти при каждомъ новомъ дѣлѣ неразрѣшимыми вопросами: дѣйствительно ли правъ мой кліентъ? могу ли я по убѣжденію взяться за его дѣло? Такое состояніе невыносимо!

— А еще обвиняешь Натти въ идеальничаньи!

Разгорячившись, Борисъ говорилъ очень громко; Натти давно ихъ слушала невольно. Ее поразило неизвѣстное ей до сихъ поръ намѣреніе Лихонина оставить Москву, а при послѣднихъ его словахъ, такъ вполнѣ отвѣчавшихъ ея задушевнымъ взглядамъ, сильно забилось ея сердце. Въ волненіи она вскочила съ мѣста, и, не раздумывая, бросилась въ столовую.

— Простите меня, Борисъ Михайловичъ, начала она взволнованнымъ голосомъ, прямо подходя къ нему, и протягивая ему руку, — я васъ подслушала, и, хотя это дурно, но я очень рада... Вы честный, хорошій человѣкъ, такой какихъ, кромѣ васъ, быть-можетъ нѣтъ!

Борисъ былъ ошеломленъ; прежде всего это неожиданное,

горячее одобреніе Натти цѣлебнымъ бальзамомъ пролилось въ его самолюбивую душу, въ одну минуту изгладило слѣды многихъ недоразумѣній; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему сдѣлалось какъ-то совѣстно отъ ея порыва, точно онъ самъ усомнился въ полной искренности своихъ словъ.

Александръ Васильевичъ поспѣшно вышелъ, думая „авось теперь столкуются", и очень удивилъ буфетчика приказаніемъ повременить завтракомъ, котораго за пять минутъ предъ тѣмъ требовалъ немедленно.

— Наталья Владиміровна, началъ Лихонинъ послѣ минутнаго молчанія,—не дарите меня, ради Бога, такъ безусловно вашимъ сочувствіемъ, я его, мнѣ, кажется, не стòю.

— Какъ не стòите? Вѣдь не лгали же вы Сашѣ?

— Конечно, не лгалъ. Но что же изъ этого? Все что я сейчасъ говорилъ Александру Васильевичу, я это думаю, передумываю, переживаю давно, чуть ли не съ самаго начала моей адвокатской карьеры, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ мнѣ повезло и не приходится болѣе думать о завтрашнемъ днѣ. И, какъ видите, я все же продолжаю тянуть лямку, продолжаю вести жизнь которую ненавижу. Я бы давно перемѣнилъ карьеру еслибъ былъ увѣренъ что могу найти что-нибудь другое что будетъ мнѣ больше по сердцу. Ну, буду я учителемъ, напримѣръ; я вѣдь заранѣе знаю что преподаваніе не только надоѣстъ мнѣ также быстро, если еще не быстрѣе, чѣмъ надоѣла адвокатура, но что я и въ немъ найду стороны не ладящія съ моею совѣстью. Я слишкомъ привыкъ все анализовать до тонкости, скептицизмъ заѣдаетъ во мнѣ все живое. Что же тутъ прикажете дѣлать?

— Вамъ надо бы родиться богатымъ человѣкомъ, задумчиво сказала Натти.

— Тогда бы я окончательно заснулъ непробуднымъ сномъ бездѣйствія. — Скажите, вы сами развѣ не чувствуете подчасъ, когда раздумываете надъ собой, что вамъ чего-то хочется, а чего именно, неизвѣстно; и вмѣстѣ съ тѣмъ вы сознаете что все что бы вы себѣ ни представляли какъ идеалъ жизни, никакъ не удовлетворитъ васъ.

— Чувствую, очень часто чувствую, грустно сказала Натти,—но что же это значитъ? Чего не достаетъ намъ съ вами чтобы жить и наслаждаться жизнью, какъ живутъ и наслаждаются всѣ люди?

— Мнѣ, Наталья Владиміровна, не достаетъ любви къ чему-нибудь внѣ меня, любви которая бы вполнѣ, всецѣло поглотила меня: жить для одного себя невозможно. Одна эгоистическая цѣль никогда не удовлетворитъ ни васъ, ни меня, она идетъ слишкомъ въ разрѣзъ съ идеаломъ, который какая-то враждебная судьба вложила въ наше сознаніе.

— Но я, право, люблю отца, люблю Сашу, люблю мою подругу, Вѣру Покровскую.

Ей хотѣлось сказать „люблю васъ“, но она только взглянула на Бориса. Онъ невольно потупился предъ ея взглядомъ.

— Вы меня не понимаете, я вижу.

— Не понимаю.

— Да и я понялъ себя недавно. Еслибъ у меня была какая-нибудь намѣченная цѣль, которую я сознавалъ бы достойною всѣхъ моихъ усилій, я бы сталъ жить для нея. Нѣтъ этой цѣли, я и мечусь во всѣ стороны, увѣряя себя отъ душевной тоски что тамъ гдѣ меня нѣтъ, тамъ-то и счастье. Любви нѣтъ, Наталья Владиміровна, дайте мнѣ любовь, и я опять стану человѣкомъ.

Натти покраснѣла. Въ эту минуту, когда бы она отдала все въ мірѣ чтобы дать ему и любовь и счастье, обидно и горько было сознаніе своего безсилія.

— Боюсь что вы меня не совсѣмъ поняли, Наталья Владиміровна, не дождавшись отвѣта, продолжалъ Лихонинъ — Вы женщина, вамъ нужно другое, чѣмъ намъ. Вамъ нужна особенная, исключительная любовь къ человѣку, къ мущинѣ, который бы сумѣлъ заставить васъ полюбить свою цѣль и стремленія настолько чтобъ они стали вашими собственными. А такого человѣка у васъ нѣтъ. Вѣдь вы никого не любите?

Натти промолчала. Въ эту минуту она положительно любила его, Бориса.

— А вамъ не нужна такая любовь къ человѣку, а не къ идеѣ только? наконецъ рѣшилась она спросить.

Лихонинъ собирался съ мыслями чтобъ отвѣтить. И онъ въ эту минуту чувствовалъ что эта женщина, его подобіе въ другой формѣ, близка и дорога ему такъ какъ можетъ-быть никогда не будетъ другая; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то смутно сознавалъ что именно это сходство и мѣшаетъ имъ быть счастливыми вмѣстѣ. Онъ боялся сказать слишкомъ

много, въ чемъ придется раскаяться когда пройдетъ минута увлеченія.

— Что же вы не отвѣчаете, Борисъ Михайловичъ? заговорила опять Натти.

— Нужна, конечно нужна, Наталья Владиміровна, началъ онъ нерѣшительно, когда, къ его великому облегченію, вошелъ буфетчикъ съ подносомъ въ рукахъ, приготовляясь подавать завтракъ, и объявилъ что Владиміръ Петровичъ пріѣхалъ и проситъ барышню къ себѣ въ кабинетъ.

— Ахъ какая досада, сказала Натти уходя, — мы послѣ окончимъ этотъ разговоръ, Борисъ Михайловичъ.

Однако разговору этому не суждено было возобновиться, хотя и онъ, и она чувствовали потребность договориться до конца, до какого-нибудь безповоротнаго рѣшенія въ ту или другую сторону. Имъ постоянно мѣшали оставаться вмѣстѣ настолько чтобы задушевная бесѣда, не легкая при ихъ нерѣшимости, могла возобновиться когда прошла уже первая минута увлеченія, такъ неожиданно сблизившая ихъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ разлада. Напрасно старался соединить ихъ Александръ Васильевичъ. Зинаида Петровна, по нѣскольку разъ въ день пріѣзжавшая къ брату и зорко слѣдившая за Натти, да и разныя хлопоты павшія предъ отъѣздомъ на долю молодой хозяйки, шли наперекоръ его усиліямъ. Наконецъ наступилъ и канунъ отъѣзда.

Уложивъ всѣ свои чемоданы, Натти сидѣла за письмомъ въ Дрезденъ. Принудивъ себя наконецъ откровенно высказаться предъ подругой, она не скрыла ни одной своей ошибки, ни одного колебанія. Передавая послѣдній разгоръ съ Борисомъ, она окончательно уяснила себѣ почему не могла до сихъ поръ безповоротно привязаться къ нему.

„У него“, писала она, „нѣтъ такихъ опредѣленныхъ цѣлей и стремленій которыя я могла бы сдѣлать моими; стало-быть полное счастіе съ нимъ для меня невозможно, я глубоко сознаю это; но все же мнѣ такъ жаль его что я готова даже на несчастіе чтобы только облегчить его нескладно сложившуюся жизнь. Если онъ мнѣ скажетъ что со мною ему будетъ лучше чѣмъ одному....“

На этомъ словѣ ей неожиданно доложили о его пріѣздѣ.

— Я пришелъ проститься съ вами, Наталья Владиміровна, взволнованно сказалъ Лихонинъ, не садясь, несмотря на ея приглашеніе.

— Проститься? Но мы уѣзжаемъ завтра вечеромъ. Развѣ вы не обѣдаете вмѣстѣ съ нами?

— Я долженъ сейчасъ ѣхать во Владиміръ. Вызываютъ по дѣлу. Завтра назначенъ докладъ. Остался часъ до отхода поѣзда, торопливо говорилъ Борисъ, не рѣшаясь взглянуть ей прямо въ глаза.

— Прощайте, едва слышно выговорила Натти, протягивая ему руку.—Желаю вамъ, Борисъ Михайловичъ, всего хорошаго.

Онъ держалъ ея руку и не двигался.

Однѣ и тѣ же мысли занимали обоихъ. Отправляясь на это послѣднее свиданіе, Лихонинъ не зналъ чѣмъ оно можетъ кончиться. „Если она скажетъ одно сердечное, прямое слово, доказывающее что я нуженъ для ея счастія, я не выдержу,“ говорилъ онъ самъ себѣ.

Но сердечное слово не вырвалось ни у того, ни у другаго; Лихонинъ еще разъ пожалъ дорогую, маленькую ручку и быстро, не оглядываясь, вышелъ изъ комнаты.

Безмолвно смотрѣла ему вслѣдъ Натти.

„Стало-быть я ему не нужна.... Стало-быть одному безъ меня ему лучше,“ думала она, и слезы дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ, но не выкатились, силой воли она подавила ихъ.

И разошлись они тоскующіе, недовольные собою, въ разныя стороны, на поиски вѣчно манящаго ихъ вдаль, невѣдомаго счастія. Быть-можетъ мы опять когда-нибудь съ ними встрѣтимся.

С. ЭМАНУЭЛЬ.

ИСКУССТВО И ПОЗИТИВИЗМЪ *

Съ древнѣйшихъ временъ человѣкъ развивается по двумъ основнымъ направленіямъ, выходящимъ непосредственно изъ его умственной и физической организаціи. Направленія эти обозначаются въ наукѣ отвлеченными названіями: *идеализма* и *реализма*.

Идеализмомъ называютъ обыкновенно всѣ тѣ стремленія и проявленія человѣческой дѣятельности которыя имѣютъ свое начало въ духѣ, въ его мысляхъ, желаніяхъ и потребностяхъ, въ разумѣ, сердцѣ и самодѣятельности человѣка. Въ этомъ смыслѣ называютъ идеалистами: *философа* который больше довѣряетъ разуму нежели чувствамъ; далѣе *поэта* и *художника* непосредственно изображающихъ въ словѣ или въ какомъ-либо другомъ матеріалѣ свои глубочайшія чувствованія, не обращая притомъ особеннаго вниманія на внѣшнюю обработку своихъ произведеній, на случайный вкусъ публики. Далѣе мы назовемъ идеалистомъ *героя, политика*, вообще каждаго дѣятеля который дѣйствуетъ по непосредственнымъ внушеніямъ своего сердца, по требованіямъ чести, нравственности, человѣколюбія, и т. д., упуская при томъ изъ

---

* Публичная лекція читанная авторомъ въ Варшавскомъ университетѣ.

виду всѣ такъ-называемыя внѣшнія обстоятельства, всѣ разчеты.

Противоположное идеализму направленіе есть *реализмъ*, подъ которымъ понимаютъ обыкновенно всѣ проявленія какъ умственной, такъ и практической дѣятельности человѣка вызываемыя или его физическою организаціей, или же направленіемъ мыслей ко внѣшнему чувственному міру. Въ этомъ смыслѣ считаются реалистами *ученые* которые ставятъ опытъ выше разума; *поэты* и *художники* для которыхъ внѣшнее изящество произведенія или его сходство съ дѣйствительностью важнѣе всякихъ возвышенныхъ мыслей и чувствованій. Точно также называютъ *реалистами* и *политиковъ*, и *дѣятелей* которые, жертвуя честью, справедливостью, чувствомъ благодарности и другими требованіями внутренней духовной жизни, подчиняютъ свои стремленія и дѣйствія разчету, согласно внѣшнимъ обстоятельствамъ.

Мы не станемъ разбирать подробно ни содержанія, ни значенія этихъ двухъ основныхъ направленій проявляющихся во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности: въ философіи и наукѣ, въ религіи и искусствѣ, въ практической жизни государствъ, народовъ и отдѣльныхъ личностей. Для нашей цѣли, состоящей въ уясненіи столь индивидуальнаго и конкретнаго проявленія какъ искусство, я полагаю что вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ выводовъ слѣдуетъ прежде всего указать на соотвѣтственное индивидуальное и конкретное начало этого проявленія. *Искусство* не есть сухое, отвлеченное понятіе, и потому его содержаніе нельзя уразумѣть по однимъ логическимъ операціямъ ума. Равнымъ образомъ, сущность искусства не заключается въ его вещественномъ матеріалѣ, почему къ нему и не примѣнимы обыкновенныя средства научнаго анализа внѣшнихъ явленій. *Искусство* ни отвлеченная идея, ни мертвое тѣло; оно есть проявленіе *жизни*, родъ существа одушевленнаго, основныхъ свойствъ котораго вамъ никогда не раскроютъ ни абстрактный мыслитель въ своемъ мрачномъ кабинетѣ, ни изслѣдующій законы химіи и физики въ своей лабораторіи, ни наконецъ анатомъ въ своемъ театрѣ. *Жизнь* понятна и доступна только для жизни. *Искусство*, какъ внѣшнее явленіе, понятно и доступно только для тѣхъ жизненныхъ силъ которымъ оно обязано своимъ существованіемъ, для тѣхъ силъ духа которыя мы обыкновенно со-

единяемъ въ общемъ понятіи *эстетическаго чувства.* Безъ этого чувства, способнаго уразумѣть внутреннюю жизнь поэмы и храма, драматической фигуры и статуи, симфоніи и картины, вы никогда не узнаете что̀ такое искусство, несмотря на всѣ ученые трактаты идеалистовъ и реалистовъ.

Не удивляйтесь, слѣдовательно, если я, говоря объ искусствѣ, можетъ-быть не удовлетворю ожиданіямъ вашего отвлеченнаго ума, вашего критическаго смысла; если я не нашелъ удобнымъ представляться въ настоящую минуту ученымъ механикомъ, напрягающимъ съ надлежащимъ критическимъ хладнокровіемъ, со стоическимъ равнодушіемъ, всѣ пружины вашего умственнаго механизма: дедукцію и индукцію, аналогію и анализъ, сужденія и умозаключенія, тезы и антитезы, и т. д. Я понимаю очень хорошо удовольствіе вызываемое въ механикѣ зрѣлищемъ правильно дѣйствующей машины, напримѣръ локомобиля. Но тѣмъ не менѣе, несмотря на весь прогрессъ XIX вѣка, я до сихъ поръ еще не способенъ смотрѣть на человѣка вообще, а тѣмъ болѣе на моихъ почтенныхъ слушателей, какъ на зубчатыя колеса которыя слѣдуетъ приводить въ движеніе абстрактнымъ паромъ сухой учености. Машины очень полезны; я далекъ отъ того чтобъ отрицать это, но мѣсто ихъ ни въ мастерской художника, ни въ убѣжищахъ искусства, но въ механическихъ заводахъ и спеціальныхъ заведеніяхъ. При воззрѣніи же на искусство, человѣкъ долженъ быть вполнѣ *человѣкомъ*, существомъ живымъ, чувствующимъ глубоко, жаждущимъ свѣта, теплоты и воздуха.

Разбудить эту жажду, возвысить сердца мыслью о красотѣ и изящномъ, удовлетворить, хотя бы отчасти, ваше эстетическое чувство, вотъ, признаюсь откровенно, главная цѣль которой я желалъ бы достичь въ настоящую минуту. Задача эта несомнѣнно очень трудная для каждаго кто не поэтъ или художникъ. Тѣмъ не менѣе, однако, и теоретическій эстетикъ не можетъ отказаться отъ этой задачи. Рѣшеніе ея есть одно изъ необходимыхъ условій успѣшной разработки всякаго рода эстетическихъ вопросовъ. Разрѣшеніе и нашего настоящаго вопроса объ искусствѣ и объ отношеніи позитивизма къ нему не можетъ обойтись безъ участія эстетическаго чувства, котораго дѣятельность въ свою очередь можетъ-быть возбуждена только свѣтомъ живой фантазіи и теплотой искренней любви къ изящному.

Эстетическое чувство, по существу своему, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны которыя соотвѣтствуютъ вполнѣ вышеприведеннымъ направленіямъ общаго развитія человѣка: идеализму и реализму. Искусство, собственно говоря, есть ничто иное какъ живое звено, соединяющее непосредственнымъ образомъ оба эти направленія; сочетающее внутренній міръ человѣка со внѣшнимъ; идеальныя потребности и стремленія духа съ реальною, вещественною формой, съ изящнымъ матеріальнымъ облаченіемъ.

Чтобы ясно уразумѣть приведенныя начала эстетическаго чувства, безъ котораго нельзя получить надлежащаго понятія объ искусствѣ, взгляните на извѣстные вамъ міры, внутренній и внѣшній, къ которымъ вы принадлежите по своей умственной и физической организаціи.

Внутреннюю жизнь человѣка поэты неоднократно сравнивали съ Эоловою арфой, струны которой дрожатъ при всякомъ движеніи воздуха, распространяя вокругъ себя музыкальные звуки. И въ самомъ дѣлѣ, волненія души имѣютъ столько сторонъ сходныхъ съ музыкой что это сравненіе, при всей своей поэтичности, не лишено однако глубокаго смысла и реальной истины.

Приложите только внимательное ухо къ человѣческому сердцу, и вы услышите въ немъ такое богатство разнообразныхъ музыкальныхъ пiесъ что ихъ до сихъ поръ не сумѣлъ еще сыграть ни одинъ оркестръ міра. Иногда вы услышите нѣжную мелодію любви и тоски, воспроизведенную какъ бы рукой чистыхъ ангеловъ, иногда же изъ глубины дойдутъ до васъ стоны печали, унынія, вопли гнѣва, отчаянія, похожія на угрозы разъяреннаго грома. Отъ времени до времени, среди этихъ громовыхъ раскатовъ, вы услишите гармоническіе звуки псалмовъ которые на крыльяхъ надежды и вѣры возносятъ сердце въ небесныя сферы вѣчнаго покоя, то снова принуждаютъ васъ низойти къ землѣ звуки плясовой музыки. Эти звуки съ начала преисполнены сердечной веселости, такта и ритма, какъ бы издаваемые для развлеченія невинныхъ дѣтей. Но постепенно въ эту мелодію вкрадывается дисгармонія чувственныхъ раздраженій; тактъ и ритмъ вытѣсняются все болѣе и болѣе крикомъ безпокойной страсти, и наконецъ вы не слышите ничего больше кромѣ необузданнаго хаоса звуковъ въ родѣ Офенбаховыхъ оперетокъ.

Въ этомъ хаосѣ чувственныхъ раздраженій многіе находятъ больше наслажденія нежели въ ораторіяхъ Гайдена или симфоніяхъ Бетховена. Но они забываютъ что эти раздраженія не постоянны; между ними раздается неожиданно звонъ похороннаго колокола, а къ облакамъ возносятся возвышенные аккорды траурнаго марша, въ родѣ Шопена. Въ этомъ случаѣ, скажите, кто не желалъ бы услышать въ дополненіе къ этому концерту *Героическую Симфонію* Бетховена? Но не забудьте что великій капельмейстеръ міра, обладая какъ и мы эстетическимъ чувствомъ, не исполняетъ безъ разбора всѣхъ желаній публики. А потому какъ въ нашихъ обыкновенныхъ концертахъ, такъ и въ концертѣ всеобщей жизни, вы на одной программѣ не найдете никогда сопоставленія *Прекрасной Елены* съ *Героическою Симфоніей* Бетховена.

Вотъ, мм. гг., нѣсколько слабыхъ отголосковъ той богатой музыкальной ска́лы которая свойственна арфѣ человѣческаго сердца. Слова мои едва дотронулись нѣсколькихъ струнъ этой таинственной арфы; тѣмъ не менѣе однако, смѣю надѣяться, при содѣйствіи этихъ нѣсколькихъ аккордовъ я буду въ состояніи возбудить въ вашемъ духѣ живое понятіе о внутреннемъ идеальномъ началѣ эстетическаго чувства. Позвольте мнѣ только спросить васъ, кто настраиваетъ струны человѣческаго сердца? кто натягиваетъ вялыя струны, ослабленныя, неспособныя издавать ясныхъ и чистыхъ тоновъ? кто спускаетъ слишкомъ натянутыя изъ нихъ, наполняющія воздухъ пронзительнымъ визгомъ? кто вообще имѣетъ попеченіе о правильномъ созвучіи всѣхъ струнъ, о равновѣсіи всѣхъ тоновъ, о ихъ сліяніи въ одно гармоническое цѣлое? Все это есть непосредственное дѣйствіе нашего внутренняго дѣятеля, называемаго *эстетическимъ чувствомъ*. Оно проявляется въ жаждѣ внутренняго равновѣсія, гармоніи всѣхъ чувствованій и желаній, всѣхъ волненій сердца; въ жаждѣ симметрическаго строя нашихъ мыслей; порядка, взаимодѣйствія во всѣхъ проявленіяхъ духа. Это чувство есть наша *эстетическая совѣсть*, безъ дѣйствія которой человѣческое сердце подвергается разстройству, полному внутреннему разладу.

Обратимся теперь ко *внѣшнему, реальному міру*.

Если эстетическая сторона человѣческаго сердца находитъ

самое вѣрное выраженіе въ музыкѣ; то напротивъ внѣшній міръ представляется нашему чувственному глазу главнымъ образомъ въ видѣ *картины*. Живопись есть самое вѣрное изображеніе эстетическаго характера *природы и исторіи*, этихъ двухъ великихъ двигателей внѣшней жизни. Взгляните только на разные роды живописнаго искусства, и вашимъ глазамъ представится поочередно все богатство разнообразныхъ явленій внѣшняго міра.

Пейзажная живопись познакомитъ васъ со всѣмъ земнымъ шаромъ. Она рисуетъ предъ вами и вѣчные снѣга громадныхъ альпъ, и дикую роскошь тропическихъ странъ; пасмурное небо далекаго сѣвера, и свѣтлую лазурь благорастворенпаго юга; тихую деревеньку среди зеленѣющихъ нивъ на берегу ручья, и грозныя волны Океана, воздымающія на пѣнистыхъ хребтахъ своихъ гигантскіе корабли къ мрачнымъ громоноснымъ облакамъ.

Жанровый и историческій роды живописи оживляютъ арену внѣшняго міра представленіемъ животныхъ и человѣка. Эта живопись знакомитъ насъ съ разнородными проявленіями частной и общественной жизни, съ бытомъ всѣхъ состояній народа, съ главными моментами умственнаго, религіознаго и политическаго развитія человѣчества насколько эти моменты представились въ формѣ внѣшнихъ, видимыхъ фактовъ. То принимаемъ мы живое участіе въ весельи народа во время празднествъ, и воспоминаемъ съ улыбкой знаменитую картину Рубенса въ галлереѣ Люксембургской или картины Леопольда Роберта изображающія народную жизнь Италіянцевъ; то, напротивъ, открывается нашему взору вся нищета новѣйшаго пролетаріата, его нравственный и матеріальный упадокъ, его прискорбіе, уныніе и отчаяніе, представленныя съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ въ картинахъ Карла Гюбнера. То смотримъ на забавы невинныхъ дѣтей, на чистоту младенческой любви, на счастіе семейной жизни, представленныя такъ живо Кнаусомъ въ картинахъ: *Крещеніе, Золотая Свадьба*, въ большинствѣ картинъ Мейергейма и другихъ, то напротивъ приходимъ въ ужасъ предъ картинами Гораса Верне, изображающими съ такимъ драматизмомъ всѣ бѣдствія войны, всю ярость и кровожадность человѣка въ борьбѣ за существованіе. Тиціанъ и Корреджіо прелестными красками рисуютъ красоту жизни и золотыми узами приковываютъ насъ

къ землѣ; титаническая же сила Микель-Анджело возбуждаетъ нашу ослабленную энергію, а небесныя Мадонны Рафаэля указываютъ на высшую идеальную цѣль нашей жизни. Далѣе живопись представляетъ намъ поочередно всѣхъ великихъ людей міра, память коихъ возбуждаетъ удивленіе или благодарность. Предъ нашими глазами открываются драматическіе моменты жизни и смерти всѣхъ героевъ міра отъ Александра Великаго и Цезаря до Карла Великаго и Наполеона. Кажется что предъ нами воскресли и Гомеръ и Сократъ, и Гуссъ и Галлилей, и Колумбъ, и Коперникъ, и весь Олимпъ безсмертныхъ геніевъ человѣчества, изображенный въ величественныхъ картинахъ; Аѳинская школа Рафаэля, Апотеоза искуствъ Делароша въ Ecole des beaux arts въ Парижѣ, въ грандіозныхъ композиціяхъ Каульбаха, находящихся въ Берлинскомъ музеѣ, и въ многочисленныхъ картинахъ художниковъ каковы Делакруа, Энгръ, Жеромъ, Галле, де-Кайзеръ, Корнеліусъ, Шноръ, Лессингъ, Пилети и многіе другіе.

Я былъ бы принужденъ обойти съ вами, мм. гг., всѣ галлереи міра еслибы хотѣлъ дать вамъ полное понятіе объ эстетическомъ характерѣ внѣшняго міра. Но какъ это невозможно, то скажу только вкратцѣ что весь этотъ эстетическій характеръ внѣшняго міра сводится главнымъ образомъ къ одному общепонятному началу, называемому *формой*.

Разсматривая внѣшній міръ однимъ чувственнымъ глазомъ, вы принимаете его за *картину* и не увидите въ немъ ничего больше кромѣ *формы*. Вся природа, отъ атома до самыхъ громадныхъ небесныхъ тѣлъ, является для чувственнаго глаза ничѣмъ инымъ какъ *формой* въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Внутренняго содержанія этихъ формъ, ихъ сущности, силы дѣйствующей въ нихъ, мы не созерцаемъ чувствами. Мы можемъ получить извѣстное понятіе объ этой сущности лишь когда свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ пополняемъ идеальнымъ содержаніемъ нашего духа, когда внѣшность явленій, ихъ форму, оживляемъ жизнью нашихъ собственныхъ мыслей, чувствованій и стремленій. Но до тѣхъ поръ пока мы этого не дѣлаемъ, пока разрываемъ связь между собою, нашею внутреннею жизнію, и внѣшнимъ міромъ, пока противопоставляемъ послѣдній нашему духу какъ нѣчто чуждое для насъ, не имѣющее никакого сходства

съ *нашими* мыслями, чувствованіями и стремленіями, до тѣхъ поръ естественно внѣшній міръ представляется лишь въ видѣ мертвой, бездушной матеріи, лишенной всякой внутренней жизни. При подобномъ, чисто поверхностномъ, воззрѣніи на міръ, естественно что и вся исторія, все развитіе человѣчества, представляются отвлеченному уму какъ механическія видоизмѣненія внѣшнихъ формъ человѣческаго быта.

При этомъ воззрѣніи все становится *формой.* Стóитъ только указать на обычай опредѣляющій отношенія разнородныхъ членовъ общества, сейчасъ скажутъ что это *форма.* Стóитъ только говорить о нравственности и религіи какъ о явленіяхъ истекающихъ изъ глубины человѣческаго сердца,—снова скажутъ что это *форма.* Стóитъ, наконецъ, углубиться во внутреннюю жизнь исторіи, стремиться познать духъ ея, дать себѣ отчетъ какъ въ темныхъ, такъ и въ свѣтлыхъ ея сторонахъ, соболѣзновать о растлѣніи и упадкѣ, радоваться всему идеальному, возвышенному,—сейчасъ обожатели внѣшняго матеріальнаго глаза скажутъ: все это *формы,* видоизмѣненія, вызываемыя лишь дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, лишь движеніемъ механическихъ соотношеній почвы и климата, традиціи и воспитанія людей, народовъ и государствъ.

Никто изъ серіозныхъ естетиковъ, мм. гг., не станетъ оспаривать громаднаго значенія *формы,* наружности въ которой намъ представляются проявленія жизни всего окружающаго насъ. *Форма* есть необходимое ограничительное начало для всякаго содержанія. Какъ вода безъ сосуда разливается во всѣ стороны, лишается совокупности, видимаго единства своихъ частицъ, такъ и всякое, хотя бы и самое возвышенное содержаніе, безъ формы расплылось бы въ туманѣ неопредѣленности. Поэтому, *содержаніе* вездѣ и всегда ограничено формой; душа облечена тѣломъ, внутренняя жизнь опредѣлена въ своихъ проявленіяхъ внѣшними законами, природы и общественнаго порядка.

Равнымъ образомъ и въ эстетическомъ отношеніи вся внутренняя жизнь нашего духа, вся музыкальность человѣческаго сердца, желая вырваться изъ груди, найти для своихъ пѣснопѣній отголосокъ во внѣшнемъ мірѣ, должна непремѣнно подчиниться общему закону, принять матеріальную оболочку, принять опредѣленную осязательную *форму.* И въ

этомъ именно обнаруживается второе существенное начало *эстетическаго чувства,* его начало формальное, касающееся внѣшности, вещественной оболочки искусства. Въ этомъ формальномъ отношеніи эстетическое чувство соотвѣтствуетъ вполнѣ глазу, умѣющему оцѣнить достоинство произведеній живописи. При помощи этого глаза, художникъ и эстетикъ наблюдаютъ за правильнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ пересѣкающихся линій композиціи, за пластичностью и дѣйствительностью перспективы, за надлежащею живостью колорита и цвѣтовъ, словомъ, за гармоническимъ развитіемъ наружной формы художественныхъ произведеній.

Но изъ этого значенія формальнаго начала эстетическаго чувства вовсе не истекаетъ чтобы мы наравнѣ съ матеріализмомъ и формализмомъ могли пренебрегать внутреннимъ содержаніемъ, самостоятельною жизнію, духомъ искусства. Каждый изъ насъ представляется другимъ въ видѣ внѣшней матеріальной формы; безъ этого облаченія мы не могли бы дѣйствовать другъ на друга, жить въ вещественномъ мірѣ. Но тѣмъ не менѣе все то что̀ черлаемъ во глубинѣ нашего духа, всѣ наши идеи и чувствованія, страсти и стремленія,—все это мы сами никогда не назовемъ пустою формой; все это имѣетъ для насъ неоспоримое значеніе какъ содержаніе наполняющее наше сознаніе и жизнь. Всего этого никто и не рѣшится назвать пустою формой, потому что подобный взглядъ обидѣлъ бы наше личное достоинство, нашъ разумъ, наше сердце, наши желанія и стремленія. Во имя этихъ внутреннихъ волненій духа мы готовы неоднократно пренебречь внѣшними формами и требовать чтобъ онѣ измѣнялись согласно нашимъ идеямъ, нашимъ желаніямъ и стремленіямъ.

Если наше убѣжденіе относительно внутренней жизни таково, то спрашиваю я теперь: по какому праву рѣшились бы мы пренебрегать и обижать внутреннюю жизнь другихъ существъ, въ особенности природы и исторіи, обнаруживающихъ на каждомъ шагу гораздо больше разума и идеальнаго содержанія нежели наше единичное сознаніе? Мы уважаемъ въ человѣкѣ человѣка, принимая во вниманіе не только его наружность, но прежде всего его мысли, чувствованія и стремленія. Равнымъ образомъ и всѣ остальныя проявленія всеобщей жизни мы должны оцѣнивать не только

по ихъ наружности, по ихъ матеріальнымъ формамъ и видоизмѣненіямъ, а равнымъ образомъ и по разуму, дѣйствующему въ нихъ, по идеальному содержанію, по духу который живетъ не только въ нашей организаціи, но проникаетъ все и во всемъ обнаруживаетъ порядокъ и законы возбуждающіе удивленіе геніальнѣйшихъ умовъ человѣчества.

Существованіе, или что̀ то же, всеобщая жизнь представляетъ намъ на каждомъ шагу гармоническое сочетаніе внутренняго и внѣшняго началъ духа и матеріальной формы. Мы только въ нашемъ отвлеченномъ умѣ разрываемъ тѣ два начала которыя въ дѣйствительности составляютъ одно органическое цѣлое. Никто еще не видѣлъ отвлеченнаго духа безъ внѣшней, видимой формы; точно также и никто еще не видѣлъ матеріи лишенной разумнаго начала, мысли, закона, порядка, словомъ, лишенной внутренняго духа, соединяющаго весь матеріальный міръ въ гармоническое цѣлое.

Съ этой точки зрѣнія, и искусство, какъ непосредственное проявленіе жизни, заключаетъ въ себѣ оба эти начала: духовное и матеріальное, внутреннее и внѣшнее. Полное, развитое эстетическое чувство не можетъ никоимъ образомъ довольствоваться или одною только возвышенностью идей и благородствомъ чувствованій, безъ воплощенія оныхъ въ соотвѣтственную изящную форму, или одно̀ю только чувственною стороной художественныхъ произведеній, безъ вниманія къ потребностямъ нашей внутренней жизни и ея эстетическому содержанію. Каждое истинное произведеніе искусства, желая вполнѣ удовлетворить наше эстетическое чувство, должно непремѣнно соединить съ собою приведенные два основные художественные элемента. По своей *формѣ* оно должно приближаться насколько возможно къ живописи, къ ея ясности и опредѣленности, ея реальной пластичности и истинѣ. По своему же *содержанію* произведеніе искусства всегда должно имѣть характеръ музыкальный, задѣвая одну изъ многоразличныхъ струнъ нашего сердца. Безъ этого музыкальнаго элемента, потрясающаго сердце до глубины, произведеніе искусства оставляетъ насъ холодными или раздражаетъ только чувства дисгармоническими впечатлѣніями.

Въ эстетической необходимости и истинѣ этого воззрѣнія легче всего можетъ насъ убѣдить взглядъ на крайности до которыхъ доводитъ одностороннее развитіе приведенныхъ началъ эстетическаго чувства.

Одностороннее углубленіе духа въ самомъ себѣ, въ своихъ идеяхъ и чувствованіяхъ, имѣетъ всегда слѣдствіемъ туманность идей, мечтательность чувствованій и нерѣшительность постановленій. Человѣку этого рода не достаетъ опредѣленнаго матеріала для его душевныхъ способностей. Онъ подобенъ Эоловой арфѣ помѣщенной въ наглухо закрытомъ пространствѣ. До нея не доходитъ свѣжій воздухъ внѣшняго міра; до нея не касается ни дуновеніе вѣтерка, ни завыванія разыгравшейся бури; а потому она не даетъ отъ себя никакихъ звуковъ; все сводится къ одному внутреннему дрожанію струнъ, безъ всякой опредѣленности и ясности. При такой туманности, естественно что искусство не можетъ развиваться. Все что человѣкъ способенъ создать при подобномъ одностороннемъ направленіи есть незрѣлый субъективизмъ и темный мистицизмъ.

Съ давнихъ поръ психологи и эстетики приводили Шекспирова Гамлета какъ типическаго представителя подобной односторонности духа. Гамлетъ въ самомъ дѣлѣ одаренъ самыми высокими способностями ума и сердца. Натура его вполнѣ музыкальная. Но внѣшней жизни Гамлетъ не знаетъ и знать не хочетъ, и потому лишается самыхъ простыхъ средствъ способныхъ развязать трагическій узелъ его жизни. Вмѣсто того чтобы соединиться со своими друзьями, схватить Клавдія и отдать суду, какъ это хотѣлъ сдѣлать безпокойный Лаэртій послѣ смерти Полонія, Гамлетъ мечтаетъ и мечтаетъ, разсуждаетъ о томъ: быть или не быть, убить Клавдія или нѣтъ. Но онъ не дѣлаетъ того чего требовалось внѣшними обстоятельствами. Напротивъ того, онъ увлекается страстями и прибѣгаетъ къ незрѣлымъ дѣйствіямъ которыя имѣли слѣдствіемъ его трагическій конецъ.

Такова участь каждаго односторонняго мечтателя. И художникъ предающійся подобному одностороннему субъективизму никогда не создастъ произведенія способнаго удовлетворить реальныя требованія внѣшней художественной формы, несмотря на всю возвышенность идей, на все благородство чувствованій и желаній. Произведеніе подобнаго рода будетъ всегда туманно, лишено опредѣленности, преисполнено противорѣчій, а вслѣдствіе того не удовлетворитъ никогда самого художника.

Взглянемъ теперь на противоположную односторонность, то-есть на тѣхъ кто, пренебрегая внутреннею жизнью,

развитіемъ духа, его критическою мыслью, сердечнымъ чувствомъ и самостоятельностью воли, обращаютъ свое вниманіе исключительно на внѣшній міръ. Развиваясь по этому одностороннему направленію, они естественно къ концу концовъ теряются среди внѣшняго міра, сами становятся какимъ-то автоматомъ, дѣйствующимъ безсмысленно лишь только для того чтобъ удовлетворить свою жажду внѣшней дѣятельности.

Г. Тургеневъ въ одномъ мѣстѣ * указалъ на Сервантесова Донъ-Кихота какъ на комическій типъ подобнаго односторонняго направленія духа и противопоставилъ его Гамлету. Гамлетъ, говоритъ Тургеневъ, есть выраженіе коренной *центростремительной* силы природы, по которой все живущее считаетъ себя центромъ творенія и на все остальное взираетъ какъ на существующее только для него; между тѣмъ Донъ-Кихотъ представляетъ собою силу *центробѣжную*, по закону которой все существующее существуетъ только для другаго.

И въ самомъ дѣлѣ припомните себѣ этого странствующаго рыцаря, проникнутаго горячимъ желаніемъ передѣлать весь міръ, борющагося со всѣмъ дѣйствительно- и мнимо-существующимъ, для того только чтобы данныя формы замѣнить новыми, но столько же лишенными внутренняго содержанія какъ и прежнія; припомните себѣ всѣ мнимо-великія дѣянія Донъ-Кихота, иллюстрированныя съ такою фантазіей Густавомъ Доре́, и вы увидите вѣрный образецъ тѣхъ людей которые не спросясь бросаются въ пучину внѣшняго міра, безъ всякаго разумнаго начала, безъ достаточной зрѣлости ума, безъ надлежащаго развитія внутренней духовной жизни. Донъ-Кихотъ сдѣлался одною *формою*, лишенною всякаго разумнаго содержанія, всякой ясно созданной идеи, всякаго истиннаго чувства, истекающаго изъ глубины сердца. Подобно куколкѣ съ заведеннымъ механизмомъ, онъ странствуетъ по всему міру въ постоянномъ безпокойствѣ, не зная откуда онъ идетъ и куда его влечетъ судьба, что̀ заставляетъ его дѣйствовать и въ чемъ заключается истинная задача его жизни. Міръ имѣетъ для него лишь значеніе картины, написанной яркими красками на плоскости съ искусственною перспективой.

* Сочиненія Тургенева, т. IV, стр. 239 и слѣд. рѣчь *Гамлетъ и Донъ-Кихотъ*.

Таковы односторонніе реалисты, лишенные внутренней духовной жизни.

Въ искусствѣ это направленіе имѣетъ слѣдствіемъ развитіе одной внѣшней формы произведеній, одной техники, безъ всякаго идеальнаго содержанія. Все содержаніе подобныхъ произведеній сводится, съ одной стороны, къ преодолѣнію искусственно созданныхъ техническихъ трудностей, какъ мы видимъ это въ Донъ-Кихотовой борьбѣ съ вѣтряными мельницами, а съ другой стороны, къ грубому драматизму внѣшней жизни, напоминающему Санчо-Пансу, стремяннаго Донъ-Кихота.

Еще болѣе выразительными типами идеализма и реализма нашего вѣка являются Фаустъ Гёте и Донъ-Жуанъ Байрона.

Первый есть воплощеніе философскихъ взглядовъ нѣмецкаго идеализма, начиная съ Канта до Гегеля. Въ Донъ-Жуанѣ же мы могли бы безъ затрудненія отыскать начала той формы новѣйшаго реализма, которая довела Шопенгауэра, Гартмана и ихъ послѣдователей до жалкаго умственнаго разстройства, извѣстнаго подъ именемъ нигилистическаго пессимизма.

И въ художественномъ отношеніи не трудно было бы провести параллель между Фаустомъ и идеализмомъ, и между Донъ-Жуаномъ и реализмомъ. Новѣйшій идеализмъ въ искусствѣ стремится главнымъ образомъ къ воплощенію извѣстныхъ философскихъ идей. Чувственная форма сдѣлалась лишь средствомъ для выраженія этихъ идей; она лишена всякаго самостоятельнаго значенія; содержаніе представляется исключительною цѣлью искусства. Таковъ философскій характеръ Фауста. Такова поэзія Шиллера. Таковы въ живописи стремленія Корнеліуса и его школы; въ музыкѣ же обнаруживаетъ подобное стремленіе Рихардъ Вагнеръ.

Напротивъ, новѣйшій реализмъ ищетъ въ искусствѣ, какъ Донъ-Жуанъ въ жизни, лишь сильныхъ потрясеній нервовъ, одн ихъ чувственныхъ эффектовъ. Въ новѣйшей живописи представителями этого направленія являются такъ-называемыя колористическая и натуралистическая школы, начиная съ Герико и оканчивая циническими картинами многихъ французскихъ живописцевъ нашего времени. Въ музыкѣ Донъ-Жуановское направленіе находитъ свой вѣрнѣйшій отголосокъ въ Оффенбахѣ и его довольно многочисленной школѣ. Въ поэзіи образцомъ этого направленія можетъ слу-

жить Викторъ Гюго. Элементъ же внутренняго разстройства представляютъ главнымъ образомъ Гейне и Альфредъ де-Мюссе.

Мы не можемъ въ настоящую минуту развивать болѣе подробно приведенной параллели. Я указалъ на нее только для общей характеристики двухъ основныхъ направленій, вліяющихъ на всю новѣйшую исторію художествъ, а затѣмъ и на развитіе эстетической теоріи.

Исторія художествъ представляетъ намъ разные періоды высокаго процвѣтанія искусствъ. Въ эти-то періоды указанныхъ выше противололожностей мы не встрѣчаемъ. Періоды эти представляютъ совершенство искусства, то-есть полное гармоническое сочетаніе его составныхъ элементовъ и потому именно въ нихъ нѣтъ никакой односторонности. Къ греческой скульптурѣ и архитектурѣ непримѣнимы названія идеализма и реализма. Въ этомъ періодѣ искусства воплощаются самыя гармоническія идеи въ самой гармонической формѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о цвѣтущемъ состояніи живописи во времена Леонарда да-Винчи, Мякель-Анджело, Рафаэля; о музыкѣ Гайдна, Моцарта, Бетховена. Разладъ искусства на его идеальное и реальное начала есть всегда признакъ или его недостаточнаго развитія или же его упадка. Мы не рѣшаемся въ настоящую минуту судить о томъ, который изъ этихъ двухъ случаевъ, незрѣлость ли или упадокъ, составляетъ настоящую причину того разлада который мы встрѣчаемъ въ новѣйшихъ проявленіяхъ поэзіи и искусства. Скажемъ только что этотъ разладъ обнаруживаетъ всегда болѣзненное состояніе человѣка; онъ подобенъ разрыву органической связи между душою и тѣломъ. Поэтому желая содѣйствовать развитію или возрожденію поэзіи и искусства, какъ поэты и художники, такъ и эстетики должны стремиться главнымъ образомъ къ возсоединенію искусственно разорванныхъ основъ его, къ гармоническому соединенію его души съ его тѣломъ, его идеальнаго содержанія съ его реальною формой. Только при подобной органической связи обнаруживается *жизнь*, а вслѣдствіе того и правильное развитіе и прогрессъ искусства.

Во всемъ вышеизложенномъ я бросилъ, мм. гг., бѣглый взглядъ на общія начала эстетическаго чувства и его непосредственное жизненное проявленіе—*искусство*. Слѣдуя предложенной программѣ, мы зададимся теперь вопросомъ: какъ

относится *позитивизмъ,* одно изъ новѣйшихъ реалистическихъ направленій, къ искусству?

Позитивизмъ является въ наше время не только подъ видомъ научной теоріи утверждающей что всякое истинное знаніе должно основываться на анализѣ внѣшнихъ явленій міра при содѣйствіи внѣшнихъ средствъ изслѣдованія, но кромѣ того сдѣлался для многихъ предметомъ догматической *вѣры.* Подъ этимъ названіемъ *вѣры,* я, конечно, не разумѣю позитивной религіи Огюста Конта, отца позитивизма. Религія эта, какъ извѣстно, есть родъ фантастическаго произведенія, напоминающаго рыцарскія стремленія Донъ-Кихота. Еслибы Донъ-Кихоту пришла мысль самовольно создать новую религію, то онъ, безъ сомнѣнія, опередилъ бы Конта. Объ *этой* позитивной вѣрѣ я теперь не говорю. Я имѣю здѣсь единственно въ виду ту догматическую увѣренность въ исключительной научности эмпирическаго метода и внѣшняго опыта, которую такъ часто встрѣчаемъ въ средѣ новѣйшаго образованнаго и полуобразованнаго общества. Согласно этой вѣрѣ терминъ *позитивный* смѣшивается многими съ понятіемъ *строгой научности,* а каждый взглядъ который не раздѣляетъ этой вѣры обозначается презрительнымъ названіемъ *идеализма, субъективизма, мечты.* Таковая высокомѣрность переходитъ даже у многихъ позитивистовъ въ фанатическую нетерпимость чужихъ убѣжденій.

Для приверженцевъ подобной вѣры въ непогрѣшимость позитивизма, его эстетическая теорія становится предметомъ новаго догмата, которому долженъ подчиниться каждый кто хочетъ имѣть право называть себя строго научнымъ эстетикомъ.

Изложенныя мною вкратцѣ основныя эстетическія понятія ни по формѣ, ни по содержанію не имѣютъ ничего общаго съ позитивизмомъ. И потому я впередъ знаю чего ожидать отъ всѣхъ тѣхъ которые вѣрятъ въ евангеліе позитивизма, безъ всякаго разбора чужихъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе однако, не желая заслужить подобнаго упрека въ догматизмѣ и фанатическомъ отрицаніи, я хочу въ заключеніе изложить вкратцѣ позитивную теорію искусства, для безпристрастнаго указанія на ея достоинства и недостатки.

Основная мысль философіи Конта не имѣетъ ничего общаго съ эстетикою, напротивъ подкапываетъ одно изъ на-

чалъ эстетическаго чувства, то-есть его внутреннее, жизненное, духовное начало.

Человѣческое знаніе, какъ извѣстно, по Конту переходитъ три фазиса: *теологическій, метафизическій и позитивный.* Прогрессъ этотъ есть, собственно говоря, не что иное какъ постепенное умерщвленіе природы лишеніемъ ея внутренней жизни, духа. Первоначально люди, по Конту, все обожали, обожали весь внѣшній міръ; во всемъ видали они Бога или боговъ. Въ послѣдствіи устранили это богословское воззрѣніе и замѣнили боговъ метафизическими понятіями, каковы: *субстанція, сила, духъ* и т. д. Наконецъ убѣдились что и эти понятія существуютъ только въ человѣческомъ умѣ и признали что въ самомъ мірѣ нѣтъ ничего больше кромѣ однихъ видоизмѣненій природы, называемыхъ *явленіями* міра. Это воззрѣніе составляетъ по Конту самое высшее, позитивное.

Такимъ образомъ позитивизмъ Конта, вмѣсто того чтобы дойти до постепенно болѣе совершеннаго воззрѣнія на *жизнь* вселенной, на ту жизнь которая проявляется въ разумномъ устройствѣ міра, въ потребностяхъ и стремленіяхъ нашего духа, дошелъ до отрицанія этой *жизни,* до поверхностнаго Донъ-Кихотова воззрѣнія, по которому все существующее есть собраніе однѣхъ формъ, однихъ видоизмѣненій міра, лишенныхъ внутренней жизни, то-есть самостоятельнаго духа.

Правда что вообще нельзя Конту отказывать во внутреннемъ эстетическомъ чувствѣ. Напротивъ онъ самъ говоритъ очень часто объ идеальныхъ потребностяхъ нашего духа (besoins d'idéalité), о гармоніи, какъ послѣдней цѣли знанія.* Кромѣ того вся его фантастическая религія имѣетъ цѣлью удовлетворить потребности внутренней жизни. Но все это не находилось ни въ какой органической связи со стремленіями его отвлеченнаго ума. Послѣдній создалъ теорію на основаніи одной внѣшней формы міра, не обращая никакого вниманія на его оживляющій принципъ, то-есть на духъ. Во имя этой отвлеченной теоріи, противорѣчащей на каждомъ шагу дѣйствительнымъ, конкретнымъ проявленіямъ всеобщей жизни, Контъ высказалъ положеніе обнаруживающее всю поверхностность

---

* Смотри напримѣръ послѣднія главы 6го тома *Cours de philosophie positive*, 2е изд. 1869.

его міровоззрѣнія, именно положеніе что человѣкъ способенъ познать непосредственно все кромѣ процессовъ собственнаго духа: L'esprit humain, говоритъ Контъ, peut observer directement tous les phénomènes *excepté les siens propres.** Все донъ-кихотство этого положенія выходитъ наружу когда только зададимся вопросомъ: можемъ ли мы познать какой-нибудь внѣшній предметъ не постигая сознательно состояній нашего собственнаго духа вызываемыхъ этимъ предметомъ? Существовалъ ли бы вообще внѣшній міръ для насъ, еслибы мы не обладали способностью созерцать насъ самихъ? Безъ всякаго дальнѣйшаго разбора этого вопроса ясно что приведенное положеніе исключало изъ позитивизма Конта всю область *психологіи,* самостоятельныхъ духовныхъ явленій, а вслѣдъ затѣмъ лишило его возможности понять ту музыкальность человѣческаго сердца, которая составляетъ душу искусства. При подобномъ воззрѣніи не можетъ быть и рѣчи объ эстетикѣ въ истинномъ значеніи этого слова.

Общеизвѣстный эстетикъ позитивизма, Тэнъ, сознялъ приведенную односторонность Конта и стремился пополнить оную болѣе глубокимъ воззрѣніемъ на искусство. Пополненіе это заключаетъ въ себѣ два главные момента, изъ которыхъ одинъ относится ко внутреннему, а другой ко внѣшнему началу искусства.

Что касается до перваго начала, то Тэнъ принялъ въ соображеніе внутреннюю жизнь человѣка, психологическія основанія эстетическаго чувства. Правда что онъ, какъ позитивистъ, согласно духу своей школы, не могъ признать за внутреннею жизнью самостоятельнаго значенія, а вслѣдствіе того и идеальное содержаніе искусства играетъ у него роль второстепенную, подчиняется разнороднымъ внѣшнимъ началамъ. Тѣмъ не менѣе однако психологическія указанія и анализы, которые мы встрѣчаемъ въ его эстетическихъ сочиненіяхъ, равно въ его книгѣ *Объ умѣ,* обнаруживаютъ ясно стремленіе пополнить монотонность и сухость Контовой абстракціи какимъ-нибудь болѣе идеальнымъ и непосредственнымъ, болѣе жизненнымъ началомъ. Вслѣдствіе подобнаго стремленія, Тэнъ вводитъ въ свои разсужденія тотъ музыкальный элементъ безъ котораго не могутъ существовать ни эстетика, ни искусство. Если эстетическія сочиненія Тэна привлекаютъ читателя, воодушевляютъ его, возбуждаютъ

* *Cours,* томъ I, стр. 31.

въ немъ живой интересъ къ произведеніямъ искусства, то этимъ успѣхомъ они обязаны главнымъ образомъ дѣйствію приведеннаго музыкальнаго элемента, его оживляющей силѣ. Но тѣмъ не менѣе основательный критикъ эстетическихъ воззрѣній Тэна не можетъ не согласиться съ тѣмъ что эта музыкальность и теплота суть только непосредственное, такъ-сказать инстинктивное проявленіе эстетическаго чувства автора, а вовсе не вліяютъ на дѣятельность его отвлеченнаго ума, не принимаются имъ въ разчетъ при самомъ образованіи эстетической теоріи. Эта теорія извлечена исключительно изъ разбора внѣшней стороны художественныхъ произведеній. И Тэнъ, подобно всѣмъ позитивистамъ, смотритъ на искусство какъ на одно изъ многообразныхъ явленій внѣшняго міра, которое должно быть изслѣдовано на основаніи эмпирическаго метода, наравнѣ со всѣми другими явленіями мертвой, бездушной природы.

По Тэну все искусство сводится къ одной *характеризаціи* разнородныхъ предметовъ и явленій. Выставить на видъ главные характеристическіе признаки представляемыхъ предметовъ — вотъ вся задача искусства по Тэну. Идеалъ же искусства состоитъ въ двухъ моментахъ: вопервыхъ, въ томъ чтобы представляемая характеристическая черта достигла высшей степени *важности*, и, вовторыхъ, чтобъ она сдѣлалась какъ можно болѣе господствующею въ представляемомъ предметѣ. При ближайшемъ разборѣ вопросовъ: какія черты предметовъ слѣдуетъ назвать характеристическими и въ чемъ заключается разная степень ихъ важности? Тэнъ стремится вникнуть все болѣе и болѣе въ сущность искусства. При этомъ онъ иногда отождествляетъ даже характеристическую черту предмета съ его *идеею* и говоритъ о представленіи *идей* посредствомъ искусства. Но всѣ эти идеальные термины не отмѣняютъ сущности дѣла, которая сводится всегда къ тому что искусство есть родъ подражанія дѣйствительности, что наблюденіе внѣшнихъ проявленій жизни и ихъ характеризація составляютъ исключительную задачу художника.

Все значеніе такого взгляда на искусство, какъ характеризацію, заключается въ опредѣленіи внѣшняго, формальнаго начала его, то-есть того начала которое мы выше назвали началомъ живописнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, художникъ относительно воплощенія своихъ идей долженъ стремиться пре-

жде всего къ тому чтобъ это воплощеніе отличалось живою характеристикою, типичностью. Въ этомъ-то заключается главнымъ образомъ элементъ ясности и опредѣленности художественнаго произведенія. Вслѣдствіе подобнаго опредѣленія формальнаго начала, Тэнъ устранилъ всѣ тѣ недостойныя попытки новѣйшаго искусства которыя хотѣли свести всю его задачу къ однимъ техническимъ эффектамъ, къ одному раздраженію нервовъ. Тэнъ указалъ на то что техника должна подчиниться эстетическимъ требованіямъ характеризаціи, и что отъ надлежащаго развитія этого начала зависитъ изящество, точность и опредѣленность внѣшняго проявленія художественныхъ идеаловъ.

Во всемъ этомъ обнаруживается, слѣдовательно, истинное достоинство Тэновой эстетической теоріи, ея неоспоримое значеніе для научнаго уразумѣнія художества. Но изъ всего этого вовсе еще не истекаетъ чтобы вся *сущность* искусства сводилась къ одной характеризаціи, какъ утверждаетъ Тэнъ. Напротивъ, живое эстетическое чувство воспротивится всегда подобному сухому и поверхностному опредѣленію искусства, основанному исключительно на разборѣ его внѣшней, формальной стороны. Эстетическое чувство никогда не будетъ въ состояніи свести всей дѣятельности художника къ простому представленію выдающихся характеристическихъ признаковъ представляемыхъ предметовъ. Въ этомъ можетъ насъ убѣдить даже самый бѣглый взглядъ на знаменитѣйшія произведенія искусства.

Развѣ *Илліада* и *Одиссея*, *Потерянный Рай* и *Божественная Комедія*, драмы Шекспира и *Фаустъ* Гёте не заключаютъ въ себѣ ничего больше кромѣ изложенія характеристическихъ признаковъ представляемыхъ сюжетовъ? Можно ли сказать что Парѳенонъ, Альгамбра или готическій храмъ суть лишь характеристическія репродукціи какой-либо дѣйствительности? Милосская Венера, Аполлонъ Бельведерскій, Моисей Микель-Анджело, статуи Торвальдсена могутъ ли быть сведены къ одной характеристикѣ человѣческаго тѣла, безъ всякаго самостоятельнаго идеальнаго содержанія? Тѣ же самые вопросы я могъ бы предложить относительно драматическихъ личностей созданныхъ такими артистами какъ Девріенъ, Давидсонъ, Рашель, Ристори, равно относительно музыкальныхъ произведеній Баха, Глюка, Гайдна, Моцарта, Бетховена и наконецъ относительно картинъ всѣхъ

геніальныхъ живописцевъ отъ Леонардо да-Винчи и Рафаэля до Корнеліуса и Каульбаха.

Нѣтъ, истинное художественное значеніе всѣхъ этихъ произведеній не исчерпывается одною характеризаціей. Послѣдняя безъ сомнѣнія играетъ очень важную роль въ искусствѣ; но роль эта относится лишь только къ его формѣ, къ его наружности. Что же касается до содержанія, то оно не заключается въ характеризаціи, но въ самомъ характеризуемомъ предметѣ, въ мысляхъ, чувствованіяхъ и стремленіяхъ человѣческаго духа, въ возвышенныхъ идеалахъ истины и любви, гармоніи и совершенства. Всѣ эти идеалы, всѣ наши чувствованія и стремленія имѣютъ абсолютное значеніе для нашей внутренней жизни, безъ нихъ жизнь была бы пустою комедіей, а потому они и составляютъ не случайныя украшенія и арабески, безъ которыхъ храмъ искусства могъ бы обойтись, но составляютъ необходимый фундаментъ этого храма, безъ котораго все внѣшнее изящество формы, вся характеризація, лишены были бы истиннаго значенія для духовной жизни человѣка.

Каждый хорошо пойметъ что самая художественная характеризація предметовъ, идей и чувствованій противящихся по своему содержанію эстетическому чувству, не можетъ создать истиннаго произведенія искусства. Характеризація, даже самая правильная и точная, площаднаго, низкаго, превратнаго, отвратительнаго, сама по себѣ не удовлетворяетъ никогда внутреннему эстетическому чувству. Мы признаемъ въ такихъ случаяхъ всю ловкость и искусственность внѣшней обработки подобныхъ сюжетовъ, все совершенство техники и формы, но не согласимся никогда признать за подобнымъ произведеніемъ высшаго художественнаго значенія. Представленіе негативныхъ сторонъ жизни допускается эстетическимъ чувствомъ только для контраста, для яркаго отдѣленія истинно возвышеннаго и изящнаго содержанія отъ темнаго грунта. Въ каждомъ истинномъ произведеніи искусства, положительная идея остается всегда побѣдительницей. Эстетическое наслажденіе вызываемое подобнаго рода произведеніями заключается главнымъ образомъ въ побѣдѣ положительной идеи и въ гармоническихъ чувствахъ радости и счастія, которыми наполняетъ насъ зрѣлище этой побѣды, несмотря на всѣ препятствія и трудности. Представленіе же отрицательныхъ идей, само по себѣ,

безъ положительнаго содержанія, не имѣетъ истинно художественнаго характера и не удовлетворяетъ требованіямъ духа.

Самъ Тэнъ признаетъ все это. И *его* эстетическое чувство возмущается всѣмъ низкимъ, отвратительнымъ, что̀ такъ часто встрѣчается въ новѣйшемъ искусствѣ, въ особенности же въ новѣйшихъ романахъ. Но Тэнъ не указываетъ на то эстетическое начало которое служило бы критеріумомъ для подобной оцѣнки художественныхъ произведеній. По его взгляду преимущество однихъ характеристическихъ признаковъ предъ другими, то-есть положительныхъ, возвышенныхъ признаковъ, предъ отрицательными, площадными, зависитъ исключительно отъ степени ихъ *важности*, оцѣниваемой однако однимъ эмпирическимъ умомъ, однимъ внѣшнимъ соотношеніемъ этихъ признаковъ. Дѣло между тѣмъ не заключается въ подобномъ чисто внѣшнемъ соотношеніи предметовъ и ихъ признаковъ, но въ ихъ отношеніи ко внутренней, духовной жизни, къ музыкальному началу нашего эстетическаго чувства, къ его требованіямъ идеальной гармоніи и совершенства. Обо всемъ этомъ, Тэнъ, какъ односторонній реалистъ, вовсе не упоминаетъ.

По этой-то односторонности Тэнъ и при разборѣ произведеній искусства оставляетъ безъ всякаго вниманія столь важный въ эстетическомъ отношеніи элементъ *художественнаго творчества.* По его теоріи преимущество генія заключается не въ чемъ иномъ, какъ только въ высокой способности непосредственно воспринимать характеристическія черты предметовъ. Вмѣстѣ со всѣми позитивистами Тэнъ не имѣетъ никакого понятія о самостоятельномъ творчествѣ, о производствѣ *новыхъ* идей, не почерпаемыхъ изъ скуднаго матеріала внѣшней дѣйствительности, но изъ глубины живаго духа. Ему чужды идеи не имѣющія характера монотонной копіи прошедшаго и настоящаго, того что̀ было или того что̀ есть. Онъ вовсе не постигаетъ идей имѣющихъ предметомъ то что̀ *должно быть,* идей которыя, подобно восходящему солнцу, оживляютъ человѣка къ осуществленію новой, болѣе совершенной будущности.

Но при подобномъ отрицаніи творчества раждается вопросъ: въ чемъ же заключается вся исторія, весь прогрессъ человѣчества, если мы лишимъ его этого творчества, если мы и геніямъ не позволимъ освободиться отъ существую-

щихъ внѣшнихъ формъ, отъ такъ-называемой реальности, и не предоставимъ имъ права обогащать умъ и сердце *новымъ* содержаніемъ, способнымъ оживить грубую реальность, преобразовать и усовершенствовать ея внѣшнія формы?

Безъ этого самодѣятельнаго творческаго источника жизни, истекающаго хрустальною струей изъ глубины человѣческаго духа, не было бы ни исторіи, ни прогресса. Глухая монотонность покрывала бы всю жизнь человѣка, и наконецъ онъ закоснѣлъ бы совершенно, или сдѣлался бы безсмысленнымъ и бездушнымъ автоматомъ, который не можетъ развиваться и не имѣетъ будущности. Самыми важными эпохами въ развитіи человѣчества мы обязаны главнымъ образомъ великимъ творческимъ идеямъ, которыя не были подражаніемъ внѣшности, воспроизведеніемъ ея эмпирическаго содержанія, но истекали изъ глубины самодѣятельнаго духа и были произведеніемъ его таинственной работы, той работы которая не можетъ быть замѣнена никакимъ механизмомъ, никакими внѣшними рычагами; работы называемой *жизнью, духомъ.* Только упавшіе эпигоны или незрѣлые еще умы могутъ пренебрегать этою работой, этимъ неутомимымъ источникомъ жизни, развитія и прогресса, источникомъ всего того что проявляется въ измѣненіи внѣшнихъ формъ, въ замѣнѣ старыхъ новыми, болѣе совершенными.

Искусство не можетъ и не должно никогда отказаться отъ рѣшенія высокой задачи: содѣйствовать всеобщему развитію, усовершенствованію человѣчества. Разрѣшеніе же этой задачи требуетъ непремѣнно вниманія къ идеальному содержанію духа, къ разнороднымъ требованіямъ его внутренней жизни. Искусство не есть предметъ развлеченія, не имѣетъ цѣлью услаждать нашихъ внѣшнихъ чувствъ ни драматическими эффектами, ни характеризаціею плоской реальности. Его истинная задача заключается въ изящномъ представленіи возвышенныхъ идеаловъ, способныхъ руководить человѣчествомъ на темномъ пути ежедневной жизни. Идеалы эти живутъ и дѣйствуютъ въ глубинѣ нашего сердца; стóитъ только обратить на нихъ вниманіе и предоставить имъ возможность развиваться и принять осязательную форму. Искусство, воплощая эти идеалы, расширяетъ при ихъ содѣйствіи нашъ умственный горизонтъ, облагораживаетъ чувствованія, возбуждаетъ ослабленную энергію, словомъ,

возвышаетъ общій уровень нашей внутренней жизни и содѣйствуетъ такимъ образомъ ея надлежащему развитію.

Жизнь обусловливается всегда и вездѣ двумя основными условіями: *свѣтомъ* и *теплотою*. Свѣтъ духа—это *философія* и *наука*. Теплота же возбуждается въ человѣческомъ сердцѣ только *религіею* и *искусствомъ*. Отъ правильнаго развитія каждаго изъ этихъ проявленій духа и отъ гармоническаго сочетанія ихъ дѣйствія зависитъ нравственное и физическое благосостояніе человѣчества, его истинное счастье въ далекомъ будущемъ.

Г. СТРУВЕ.

ПО ПОВОДУ

СПИРИТИЧЕСКИХЪ СООБЩЕНІЙ Г. ВАГНЕРА*

Въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы* напечатано въ высшей степени интересное сообщеніе, касающееся такъ-называемыхъ медіумическихъ явленій (столовращенія, стологоворенія, и пр.). Интересъ этого сообщенія заключается не въ фактахъ въ немъ описанныхъ: изумительныя явленія о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь извѣстны по наслышкѣ всякому кто имѣлъ случай заглянуть въ спиритскую книгу или побесѣдовать со спиритомъ. Но въ высшей степени важно то обстоятельство что помянутое сообщеніе подписано Н. П. Вагнеромъ, ученымъ извѣстнымъ своими точными и любопытными наблюденіями. Еще важнѣе другое обстоятельство, явствующее изъ содержанія письма г. Вагнера: при всѣхъ описанныхъ опытахъ присутствовалъ также нашъ извѣстный химикъ г. Бутлеровъ. Нѣтъ сомнѣнія что эти два ученые сравнивали свои наблюденія, свѣряли свои впечатлѣнія, и что г. Вагнеръ сообщаетъ намъ лишь о явленіяхъ представлявшихся во всѣхъ подробностяхъ въ одинаковомъ видѣ обоимъ ученымъ.

При такой обстановкѣ опытовъ, нельзя не изумиться дважды выраженной г. Вагнеромъ надеждѣ что читатели ему

* Не думаемъ чтобы сужденія и объясненія излагаемыя почтеннымъ авторомъ этой статьи удовлетворили г. Вагнера и другихъ изслѣдователей сообщавшихъ свои наблюденія надъ этими явленіями, такъ неожиданно вторгшимися въ самыя повидимому недоступныя для нихъ научныя сферы. А потому, оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы не прочь дать у себя мѣсто сообщеніямъ и съ другой стороны. *Ред.*

не повѣрятъ. Признаюсь что смыслъ этой реторической фигуры мнѣ совершенно непонятенъ. Еслибы сообщаемыя наблюденiя были приведены въ отдѣльности г. Вагнеромъ, или г. Бутлеровымъ, мнѣ могло бы придти въ голову что наблюдатель былъ жертвою галлюцинацiи, но совмѣстное свидѣтельство обоихъ ученыхъ не оставляетъ мѣста этому предположенiю. Остановился я на странномъ выраженiи г. Вагнера только для того чтобъ убѣдить его что никому изъ его читателей не придетъ на мысль усомниться въ объективной дѣйствительности описанныхъ имъ явленiй, на которой онъ такъ энергически настаиваетъ. Разнорѣчiе можетъ возникнуть только въ ихъ объясненiи, и въ тѣхъ выводахъ которые г. Вагнеръ считаетъ себя въ правѣ дѣлать изъ сообщенныхъ имъ фактовъ.

Что такое разнорѣчiе возникаетъ, и что оно будетъ радикальное, въ томъ г. Вагнеръ, конечно, не сомнѣвается. Люди болѣе меня свѣдущiе вѣроятно примутъ на себя трудъ освѣтить со всѣхъ сторонъ массу темныхъ фактовъ имъ сообщаемыхъ. Берусь за перо только потому что при сложности и новизнѣ дѣла, всякое указанiе можетъ имѣть цѣну, а время не терпитъ. Дѣло въ томъ что по моему крайнему и искреннему убѣжденiю, статья г. Вагнера можетъ принести непоправимый вредъ, если произведенное ею влечатлѣнiе не будетъ взвѣшено самою тщательною критикой.

Спѣшу предупредить и г. Вагнера, и читателей что я не спецiалистъ по части спиритизма. Литература этого предмета мнѣ мало извѣстна, и, въ настоящее время, совершенно недоступна. Но я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ многихъ такъ-называемыхъ медiумическихъ явленiй. Позволю себѣ говорить только на основанiи видѣннаго мною и сообщенiй г. Вагнера.

Явленiя описанныя г. Вагнеромъ можно, ради удобства, раздѣлить на три разряда:

1. *Столовращенiе.* Сюда я отношу разнообразныя движенiя столовъ и другихъ неодушевленныхъ предметовъ, а также сопровождающiе ихъ почти постоянно таинственные шумы, стуки и т. д.

2. *Стологоворенiе.* Составленiе словъ и фразъ изъ буквъ указанныхъ условленнымъ способомъ постукиванiемъ одной изъ ножекъ стола.

3. *Духовидѣнiе.* Не могу придумать иного названiя для

самыхъ разительныхъ изъ явленій описанныхъ г. Вагнеромъ, и которыя будутъ ниже переданы его собственными словами.

Первые два разряда явленій мнѣ извѣстны по личному опыту; послѣдній только по наслышкѣ. Въ статьѣ г. Вагнера я въ первый разъ встрѣтилъ о подобныхъ явленіяхъ свидѣтельство исходящее отъ людей науки.

Сущность явленій столовращенія заключается въ слѣдующемъ: когда нѣсколько человѣкъ садятся вокругъ стола, и кладутъ на него обѣ руки, то иногда, по прошествіи болѣе или менѣе долгаго времени, столъ начинаетъ производить разнообразныя движенія: самыя обыкновенныя изъ нихъ движеніе вращательное (въ особенности, если столъ круглый), движеніе поступательное, наклоны въ разныя стороны, наконецъ, ритмическое поднятіе и опусканіе одной стороны, разумѣется, сопровождаемое стукомъ. Но кромѣ этого стука, во время всякихъ движеній стола и даже до начала этихъ движеній, слышатся разнообразные стуки, изъ которыхъ иные повидимому исходятъ изъ стола, другіе изъ разныхъ угловъ комнаты, изъ стѣнъ и т. д. Интенсивность этихъ явленій, время нужное для того чтобъ они обнаружились, разнообразны до крайности. Иногда нѣтъ возможности ихъ добиться, иногда они настаютъ черезъ нѣсколько минутъ; иногда они до того слабы что можно сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, иногда такъ сильны что характеръ ихъ прямо можно назвать порывистымъ и бурнымъ.

Условія способствующія развитію этихъ явленій, по свидѣтельству г. Вагнера, слѣдующія: сухой и теплый воздухъ, темнота или слабый полусвѣтъ, тишина, музыка, наконецъ особое настроеніе всѣхъ производящихъ опытъ, настроеніе, которое г. Вагнеръ не пытается опредѣлить.

Наблюденій надъ температурою и влажностію атмосферы во время столовращенія я не производилъ, да и г. Вагнеръ не сообщаетъ на этотъ счетъ точныхъ данныхъ. Что̀ касается до тишины, музыки * и освѣщенія, могу сказать положительно что эти вліянія относятся къ числу второстепенныхъ. Мнѣ не случалось присутствовать при сеансахъ съ музыкою, и несмотря на то я былъ очевидцемъ всѣхъ вышеисчисленныхъ явленій. Самыя же сильныя движенія стола

* Подъ музыкою г. Вагнеръ разумѣетъ безпрерывную игру табатерки съ музыкою. Впрочемъ табатерка иногда замѣняется дамою безпрерывно наигрывающею въ сосѣдней комнатѣ шотландскіе мотивы.

которыхъ я былъ свидѣтелемъ происходили при дневномъ свѣтѣ, во время сильнѣйшей грозы.

За то я вполнѣ согласенъ съ г. Вагнеромъ относительно важности послѣдняго условія—особаго общаго настроенія, охватывающаго всѣхъ, или большинство лицъ производящихъ опытъ. Настроеніе — дѣло темное и сложное, и его трудно опредѣлить словами. Могу указать лишь на нѣкоторые изъ элементовъ изъ которыхъ, по моимъ наблюденіямъ, слагается это настроеніе. Это напряженное ожиданіе обѣщанныхъ явленій (у большинства желаніе чтобъ они совершились) и физическая усталость отъ неподвижнаго положенія, сопровождаемая бо́льшимъ или меньшимъ онѣмѣніемъ рукъ и ногъ. Этихъ двухъ причинъ достаточно чтобы черезъ нѣсколько времени въ извѣстной степени разстроить нервы всѣхъ участвующихъ въ опытѣ. Поэтому музыкальная пытка, къ которой прибѣгаетъ при своихъ опытахъ г. Вагнеръ, кажется мнѣ излишнею жестокостью.

Въ чемъ условія опыта? На столъ, то-есть на чрезвычайно сложный аппаратъ, состоящій изъ множества склееныхъ брусковъ, дощечекъ, фанерокъ, давятъ десять или двѣнадцать рукъ. Давленіе это сперва равномѣрно и слабо, и производится сверху внизъ. Мало по малу, вслѣдствіе усталости и онѣмѣнія членовъ, давленіе это становится сильнѣе и неравномѣрнѣе, направленіе его колеблется во всякой отдѣльной рукѣ совершенно независимо отъ воли и сознанія лицъ производящихъ опытъ. Поверхность стола мало по малу нагрѣвается у краевъ, и если на немъ нѣтъ ковра, пропитывается влагою. Разнообразныя давленія, произведенныя руками, то слагаются, то уравновѣшиваются, какъ между собою, такъ и съ дѣйствіемъ теплоты и влаги. Наконецъ этой суммѣ вліяній подвергается внутри стола какая-нибудь точка находящаяся въ напряженномъ состояніи (такихъ точекъ всегда много во всякомъ предметѣ склеенномъ изъ кусковъ дерева различной сухости и плотности). Происходитъ разрывъ древесной фибры или тонкой прослойки клея, то-есть стукъ или трескъ, происхожденіе котораго прослѣдить невозможно, ибо явленіе слагается изъ безсознательныхъ, весьма слабыхъ движеній нѣсколькихъ лицъ. *

* По наблюденіямъ г. Вагнера, движенія стола начинаются прежде стука. Мнѣ случалось видѣть и это. Описываю явленія въ томъ видѣ въ какомъ они представлялись мнѣ всего чаще.

Въ большинствѣ случаевъ, этотъ первый стукъ производитъ замѣтное впечатлѣніе на присутствующихъ. Нервное напряженіе усиливается, вниманіе еще болѣе отвлекается отъ рукъ, все болѣе и болѣе нѣмѣющихъ. Начинаются движенія стола, сопровождаемыя разнообразными звуками. Сперва два слова о движеніяхъ.

Сначала они не представляютъ никакой правильности: это легкія нагибанія въ ту или другую сторону, слабыя попытки къ вращательному или поступательному движенію. Но мало по малу ихъ характеръ выясняется и складывается по одному изъ двухъ типовъ: по типу вращенія или по типу качанія, сопровождаемаго, разумѣется, постукиваніемъ.

Движеніе перваго типа преобладало въ началѣ повѣтрія на опыты этого рода. Къ нему относится объясненіе Фарадея, къ которому не считаю нужнымъ ничего прибавить. Замѣчу только что при крайнемъ развитіи этого явленія (я видалъ столы положительно вальсирующіе по комнатѣ), адепты, принужденные слѣдить за быстрымъ движеніемъ стола, на которомъ лежатъ ихъ руки, тѣмъ самымъ подталкиваютъ его по направленію вращенія. Избѣгнуть этого почти невозможно.

Въ настоящее время, съ развитіемъ стологоворенія и умноженіемъ такъ-называемыхъ медіумовъ, стало преобладать покачиваніе съ постукиваніемъ. Въ присутствіи медіума, или еще лучше, какъ совѣтуетъ г. Вагнеръ, двухъ, помѣщенныхъ насупротивъ другъ друга, это явленіе становится почти неизбѣжнымъ.

Происхожденіе этого движенія, насколько хватаютъ мои наблюденія, слѣдующее: Всѣ люди съ разстроенными нервами болѣе или менѣе подвержены такъ-называемымъ *тикамъ* (tics) то-есть, непроизвольнымъ, ритмическимъ сокращеніямъ извѣстныхъ мышцъ. Эти сокращенія выражаются либо подергиваніями въ лицѣ, либо покачиваніями ноги или всего туловища, либо непроизвольнымъ перебираніемъ пальцами. Эти *тики* постоянно усиливаются при всякомъ напряженіи нервной системы, при всякомъ неудобномъ или утомительномъ положеніи тѣла. Это движенія которыя могутъ быть остановлены по произволу, но которыя могутъ повторяться всегда долго помимо сознанія лица ихъ производящаго. Точно также могутъ они быть остановлены безсознательно, а именно всякою, хотя бы незначительною, но внезапною

перемѣною во внѣшнихъ условіяхъ, словомъ, звукомъ, видимымъ явленіемъ, возбуждающимъ мгновенно вниманіе субъекта подверженнаго тику. Наконецъ, движенія эти имѣютъ собственный, болѣе или менѣе опредѣленный ритмъ, но легко подчиняются каждому ритмическому шуму, напримѣръ, музыкѣ, чиканью часовъ и т. д., и даже нерѣдко возбуждаются внѣшними впечатлѣніями, имѣющими ритмическій характеръ. Полагаю что въ справедливости всего сказаннаго убѣдится всякій кто возьметъ на себя трудъ нѣкоторое время наблюдать за нервными субъектами, въ особенности дѣтьми. Если же сказанное справедливо, то вполнѣ понятно почему при участіи весьма нервныхъ субъектовъ движеніе стола рано или поздно должно принять характеръ ритмическаго качанія. Изъ разнообразныхъ, неправильныхъ давленій, коимъ подвергается столъ, неминуемо должно взять верхъ то которое повторяется ритмически, ибо всякій послѣдующій толчокъ усиливаетъ вліяніе предыдущаго, и ритмы непроизвольныхъ движеній разныхъ субъектовъ мало по малу согласуются между собою. При этомъ непроизвольныя мышечныя сокращенія могутъ быть весьма слабы, они могутъ происходить въ любой части тѣла — приведеніе стола въ качательное движеніе или возникновеніе внутри его ритмическаго стука или треска становится только вопросомъ времени.

Что касается до прочихъ звуковъ сопровождающихъ столовращеніе, то я долженъ сознаться что мнѣ никогда не случалось слышать ничего необъяснимаго. Звуки въ столѣ всегда мнѣ казались слѣдствіемъ давленія на него произведеннаго, звуки исходящіе изъ другихъ точекъ комнаты имѣли тотъ характеръ обыденныхъ звуковъ, видоизмѣненный окружающею тишиною, напряженіемъ нервовъ и вниманіемъ, какой имѣютъ, напримѣръ, звуки слышимые ночью, въ тихомъ домѣ, во время безсонницы. По всей вѣроятности это происходитъ отъ того что я никогда не присутствовалъ при опытахъ руководимыхъ профессіональнымъ медіумомъ.* Не сомнѣваюсь что при такихъ опытахъ слышатся звуки несравненно болѣе разительные. Это я заключаю

* Такъ г. Вагнеръ называетъ медіумовъ получающихъ за участіе въ сеансахъ опредѣленную плату.

изъ важности которая придается этимъ звукамъ всѣми убѣжденными спиритами.

Таковы явленія столовращенія въ томъ видѣ въ которомъ они доступны наблюденію безъ участія медіума. Въ присутствіи же медіума, и притомъ профессіональнаго, къ нимъ присоединяется движеніе другихъ предметовъ въ комнатѣ (часто весьма тяжелой мебели), и что̀ всего страннѣе, *отдѣленіе отъ пола и поднятіе всего стола* до аршина вышины, причемъ, по наблюденіемъ г. Вагнера, онъ можетъ провисѣть на воздухѣ до 12 секундъ. Это весьма рѣдкое явленіе, происходящее исключительно въ темнотѣ, наблюдать я не имѣлъ случая, и оно совершается лишь въ сопровожденіи иныхъ манифестацій высшаго порядка, поэтому предоставляю себѣ поговорить о немъ въ послѣдствіи.

Люди которымъ доводится быть свидѣтелями описанныхъ явленій и участвовать въ ихъ вызываніи раздѣляются на двѣ категоріи. Одни, и это, къ счастію, большинство, выносятъ изъ нихъ влечатлѣніе сходное съ тѣмъ которое они произвели на меня, то-есть движенія стола и сопровождающіе ихъ звуки представляются имъ слѣдствіемъ непроизвольныхъ мышечныхъ движеній тѣхъ лицъ которыя прикасаются къ столу. Другія, и это по большей части женщины, люди склонные къ мистицизму или страждущіе болѣе или менѣе сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, приходятъ къ убѣжденію что между движеніемъ стола и мышечными движеніями соприкасающихся съ нимъ лицъ нѣтъ никакой связи, и что видѣнныя ими явленія зависятъ отъ особой неизвѣстной силы. Это ошибка очень понятная, ибо всякое нервное разстройство препятствуетъ наблюденію надъ самимъ собою и надъ явленіями окружающей среды. Но что̀ на первый взглядъ гораздо страннѣе, почти всѣ люди этой категоріи, вмѣсто того чтобъ остановиться на изслѣдованіи этой неизвѣстной силы и ея любопытныхъ проявленій, прямо переходятъ къ высшей ступени спиритизма—къ стологоворенію. Настоятельно обращаю вниманіе читателя на громадность скачка который нужно совершить чтобы перейти отъ перваго разряда явленій ко второму. Явленія столовращенія, если допустить ихъ независимость отъ нашихъ мышечныхъ движеній, могутъ только заставить насъ допустить что нервные токи, происходящіе въ человѣческомъ тѣлѣ, способны при извѣстныхъ услові-

яхъ приводить въ движеніе предметы внѣ нашего тѣла лежащіе, безъ посредства мышечныхъ сокращеній—допущеніе противорѣчащее всѣмъ физіологическимъ аналогіямъ, но въ сущности лишь количественно измѣняющее наше воззрѣніе на извѣстныя явленія природы. Если же мы допустимъ такую же независимость стологоворенія отъ экспериментатора, матеріальную и психическую, мы должны будемъ признать существованіе миріадъ духовныхъ существъ всегда готовыхъ сообщаться съ нами при посредствѣ столовъ, существъ безплотныхъ, впрочемъ вполнѣ знакомыхъ съ нашими языками, и притомъ неимовѣрно пошлыхъ и глупыхъ или же находящихся въ постоянномъ лихорадочномъ бреду. Читатель согласится что это второе допущеніе ставитъ вверхъ дномъ всѣ понятія нормальнаго человѣка объ окружающемъ его мірѣ. Притомъ между первымъ и вторымъ допущеніемъ нѣтъ и тѣни логической связи. Есть только связь чисто внѣшняя, одинаковость инструмента—стола, служащаго для спиритическихъ опытовъ. Меня долго занималъ вопросъ о томъ какимъ образомъ и почему совершается это психологическое salto mortale, пока я наблюденіемъ не убѣдился въ томъ что скачокъ только кажущійся и что онъ, въ сущности, вовсе не совершается. Дѣло въ томъ что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, къ стологоворенію переходятъ только тѣ лица которыя и къ столовращенію приступали не въ качествѣ безпристрастныхъ изслѣдователей, но съ несознаннымъ желаніемъ или страхомъ чего-то сверхъестественнаго, словомъ, въ настроеніи ожидающемъ только предлога, чтобы перейти въ увлеченіе. Таково впечатлѣніе выведенное мною изъ моихъ наблюденій надъ спиритами, и оно объясняетъ мнѣ почему явленія столовращенія, представляющіяся инымъ лицамъ лишь любопытною механическою загадкой, другихъ приводятъ въ крайнее нервное возбужденіе и, даже въ самой слабой и неопредѣленной формѣ, кажутся имъ безусловно необъяснимыми.

За то людямъ относящимся спокойно и трезво къ столовращенію, и стологовореніе представляется совершенно въ иномъ видѣ чѣмъ людямъ разстроившимъ себѣ нервы при опытахъ перваго разряда. Они видятъ въ стологовореніи явленіе крайне любопытное, но вполнѣ объяснимое безъ помощи интеллектуальной силы посторонней людямъ соприкасающимся со столомъ.

Перехожу къ разсмотрѣнію этихъ новыхъ явленій, оговариваясь напередъ что буду упоминать лишь о тѣхъ случаяхъ, мною видѣнныхъ, въ которыхъ, по крайнему моему убѣжденію, основанному на близкомъ знакомствѣ съ участвовавшими лицами, не могло быть умышленнаго обмана. Случаи въ которыхъ возможно хотя бы малѣйшее подозрѣніе, разумѣется ничего не доказываютъ.

Для стологоворенія, то-есть для того чтобы столъ, по условленной азбукѣ, выстукивалъ буквы, составляющія слова и фразы, необходимо присутствіе медіума. Для убѣдительности опыта желательно чтобы медіумъ не былъ профессіональный, то-есть не получалъ денегъ за участіе въ сеансахъ. Всѣ мои наблюденія относятся къ медіумамъ непрофессіональнымъ.

Что̀ такое медіумъ? По опредѣленію г. Вагнера, это „лицо котораго нервная система вѣроятно имѣетъ весьма тонкое, но тѣмъ не менѣе достаточно сильное отличіе отъ нервной системы обыкновенныхъ людей и можетъ вызвать всѣ эти явленія, которыя, мнѣ кажется, можно назвать психологическими“.

Постараюсь нѣсколько точнѣе опредѣлить это „весьма тонкое, но тѣмъ не менѣе достаточно сильное отличіе“. По моимъ наблюденіямъ медіумъ есть лицо способное, при извѣстныхъ нервныхъ настроеніяхъ, производить безсознательно движенія и дѣйствія, въ нормальномъ состояніи сопровождающіяся сознаніемъ. Подобныя нервныя состоянія не составляютъ рѣдкости. Нѣтъ почти человѣка который въ извѣстномъ возрастѣ не подвергался бы хотя легкимъ припадкамъ лунатизма. Почти всякій нервный субъектъ способенъ подъ извѣстными условіями впасть въ искусственный сомнамбулизмъ. Въ этомъ состояніи совершаются, помимо сознанія, болѣе или менѣе сложныя дѣйствія, изъ которыхъ самое обыкновенное есть связный отвѣтъ на данный вопросъ. Оставляю въ сторонѣ тѣ крайніе случаи гдѣ это безсознательное состояніе сопровождается ясновидѣніемъ. Замѣчу только что въ этихъ нервныхъ состояніяхъ встрѣчаются всѣ возможныя постепенности въ интенсивности безсознательной дѣятельности. Для медіумичности выражающейся въ стологовореніи достаточно самой слабой степени этого искусственнаго сомнамбулизма, степени столь неуловимой что безъ помощи стола ее почти невозможно было бы отличить отъ

нормальнаго состоянія. Дѣйствительно вспомнимъ сказанное о причинахъ качанія и постукиванія стола. Онѣ заключаются въ ритмическихъ движеніяхъ, въ нормальномъ состояніи не доходящихъ до сознанія, движеніяхъ способныхъ остановиться столь же безсознательно. Представимъ же себѣ эту безсознательность хоть немного усиленною и возьмемъ простѣйшій примѣръ стологоворенія, вопросъ на который не можетъ послѣдовать иного отвѣта какъ *да* или *нѣтъ*. Буквы алфавита вычитываются подъ ритмъ мѣрнаго выстукиванія стола. Не согласится ли со мною читатель что существуютъ громадные шансы въ пользу остановки безсознательнаго движенія, стало-быть и стука, на буквахъ *д* или *н*? Это единственные моменты въ которыхъ прерывается тоскливое однообразіе этой безконечно скучной процедуры, единственные моменты въ которые на чемъ-нибудь сосредоточивается вниманіе медіума, утомленное однообразнымъ, безсодержательнымъ напряженіемъ. Звукъ этихъ буквъ играетъ тутъ роль внезапнаго оклика, заставляющаго нервнаго ребенка безсознательно прекратить свои безсознательныя гримасы. Съ еще большею вѣроятностію буква *д* повлечетъ за собою букву *а*, буква *н* буквы *ѣ*, *т*, *ъ*.

Какъ только медіумъ добился какого-либо простаго результата въ этомъ родѣ, его нервное возбужденіе возрастаетъ въ громадной степени. Онъ теряетъ послѣдніе слѣды контроля надъ своими движеніями, послѣдніе остатки способности къ самонаблюденію. Подъ его руками слагаются слово за словомъ, фраза за фразой. Притомъ, сначала, эти слова и фразы совершенно безсвязны и безсмысленны. Первыя ихъ буквы обыкновенно возникаютъ совершенно случайно и наводятъ на слѣдующія. Случайно сложившееся слово влечетъ за собою цѣлую фразу. Первыя фразы имѣющія смыслъ обыкновенно суть цитаты (всего чаще стихи) изъ авторовъ извѣстныхъ медіуму. Это въ высшей степени характеристично. Всякій знаетъ по опыту какъ неотвязчиво, при извѣстныхъ нервныхъ настроеніяхъ, насъ преслѣдуетъ какой-нибудь стихъ, даже въ то время когда мысли наши заняты совершенно другимъ. Весьма поучителенъ примѣръ приведенный г. Вагнеромъ. Столъ подъ руками медіума выстукалъ всѣмъ извѣстный стихъ Данте русскими буквами. Происхожденіе этого явленія можно объяснить почти безошибочно. Столъ совершенно случайно

выстукалъ безсмысленный наборъ буквъ *н, е, с, у, н, м, а*.... Воображеніе медіума устремленное на эти звуки безсознательно дополнило ихъ тѣми звуками которое оно привыкло съ ними соединять и вышло:

Nessun maggior dolore и т. д.

Затѣмъ слѣдуютъ самостоятельныя фразы, всего чаще общія мѣста и пошлости, отвѣты, по большей части безтолковые и неясные, на заданные вопросы, отрывочные афоризмы блуждающіе около какого-либо понятія, словомъ, это бредъ, но не „бредъ пророческихъ духовъ", а бредъ несчастнаго медіума, быстрыми шагами подвигающагося къ полному нервному разстройству.

Я описалъ тотъ способъ выстукиванія буквъ котораго я былъ свидѣтелемъ. При опытахъ г. Вагнера употреблялся нѣсколько иной способъ. Столъ молчалъ во время произнесенія азбуки и обозначалъ стукомъ лишь тѣ буквы изъ которыхъ составлялась получаемая фраза. Читатель согласится что это различіе не существенное. Если допустить что стуки имѣютъ свой источникъ въ безсознательныхъ движеніяхъ медіума, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что при отсутствіи ритмическаго тика, эти движенія совпадаютъ съ буквами видъ или звукъ которыхъ особенно возбуждаетъ нервную систему паціента. Способъ употребленный г. Вагнеромъ вѣроятно требуетъ нѣсколько бо́льшаго нервнаго напряженія чѣмъ тотъ который я описалъ. Но за то онъ затрудняетъ наблюденіе. Дѣло въ томъ что въ каждомъ столѣ найдется немного точекъ легкое давленіе на которыя могло бы произвести стукъ безъ предварительнаго раскачиванія. Поэтому роль медіума при подобныхъ опытахъ будетъ выпадать случайно то на одно, то на другое лицо. Это прибавитъ опытамъ больше разнообразія и сбивчивости.

Объяснюсь точнѣе. При продолжительныхъ и повторенныхъ опытахъ стологоворенія съ участіемъ *одного* медіума, среди потока общихъ мѣстъ, цитатъ и безсмыслицъ, рано или поздно выясняется въ писаніяхъ стола извѣстный характеръ какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ этихъ сообщеній. *Характеръ этотъ положительно и несомнѣнно соотвѣтствуетъ кругу понятій, интересамъ, привычкамъ, даже мельчайшимъ идіосинкразіямъ медіума.* Проскакиваютъ обороты рѣчи, пріемы мышленія, симпатіи и антипатіи вполнѣ

убѣдительныя въ этомъ отношеніи для лицъ близко знающихъ медіума.

Быть-можетъ читателю покажется слишкомъ обширною та область которую я удѣляю безсознательной дѣятельности мышечной и психической лицъ повидимому здоровыхъ, каковы бываютъ нѣкоторые медіумы. Но пусть онъ вспомнитъ что̀ производятъ, совершенно безсознательно, лунатики—ихъ способность къ эквилибрическимъ фокусамъ, къ связной, осмысленной рѣчи, даже къ писанію. Пусть онъ вспомнитъ что состояніе лунатизма можетъ быть вызвано искусственно, не только пріемами магнитизера, но чисто физическими вліяніями, сильнымъ, однообразнымъ возбужденіемъ одного изъ органовъ чувствъ (такъ-называемый гипнотизмъ), длиннымъ повтореніемъ ритмическихъ возбужденій зрѣнія и слуха, и пусть онъ сравнитъ сложность безсознательныхъ дѣйствій совершаемыхъ лунатиками, съ элементарною простотой тѣхъ безсознательныхъ дѣйствій которыя достаточны для низшихъ степеней стологоворенія.

Мнѣ неизвѣстно кому принадлежитъ честь изобрѣтенія стологоворенія посредствомъ выстукиванія. Но нельзя не сознаться что это изобрѣтеніе въ высшей степени остроумно и цѣлесообразно. Едва ли можно придумать пріемъ самообольщенія болѣе простой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе тонкій. Этимъ отчасти объясняется его громадный успѣхъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ былъ распространенъ иной способъ стологоворенія, несравненно менѣе совершенный. Употреблялись миніатюрные столики въ которые вставлялся, кончикомъ внизъ, карандашъ. На столикъ, подъ который подкладывался листъ бумаги, клалъ руку медіумъ, и карандашъ писалъ. Само собою разумѣется что при этихъ условіяхъ самообольщеніе было гораздо труднѣе и требовало гораздо сильнѣйшаго разстройства нервной системы чѣмъ при нынѣшнемъ способѣ стологоворенія. Тѣмъ не менѣе, трудность была не такъ велика какъ кажется съ перваго взгляда. Близость карандаша и бумаги, въ силу привычнаго рефлекса, удивительно предрасполагала руку къ движеніямъ писанія. Даже подъ руками лицъ никогда не бывшихъ медіумами, карандашъ нерѣдко чертилъ каракули связанныя на подобіе буквъ. Одинъ разъ, въ моемъ присутствіи, человѣкъ замѣчательный своимъ физическимъ и нравственнымъ самообладаніемъ положилъ случайно руку на столикъ, и каран-

дашъ явственно начертилъ росчеркъ которымъ это лицо имѣло привычку пробовать перья. Что касается до медіумовъ, то они всѣ, предварительно разстроивъ свои безъ того слабые нервы долгими и тщетными опытами, доходили до того что столикъ писалъ подъ ихъ рукою *помимо ихъ сознательной воли.* Характеръ этихъ писаній былъ точь въ точь такой же какъ и при нынѣшнемъ стологовореніи, только сообщенія были многословнѣе, обильнѣе и по этому самому поучительнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ нервное разстройство, неминуемое слѣдствіе всѣхъ подобныхъ упражненій, развивалось несравненно быстрѣе чѣмъ при писаніи постукиваніемъ. Одинъ близкій мнѣ медіумъ былъ спасенъ отъ полнаго сумашествія лишь острою, страшною нервною болѣзнью, заставившею его прекратить свои вредныя занятія.

До сихъ поръ я говорилъ о явленіяхъ извѣстныхъ мнѣ лишь по личному опыту и описывалъ и объяснялъ лишь то что̀ видѣлъ, не вдаваясь въ разборъ однородныхъ явленій описанныхъ г. Вагнеромъ. Въ этой области спиритизма, видѣнное имъ и мною до того сходно, что такой разборъ казался излишнимъ. Перехожу теперь къ явленіямъ высшаго порядка, никогда мною не виданнымъ, но засвидѣтельствованнымъ гг. Вагнеромъ и Бутлеровымъ. Спѣшу заявить что это двойное свидѣтельство для меня важнѣе личнаго опыта. Еслибъ я *одинъ* видѣлъ то что̀ одновременно видѣли оба эти ученые, я бы безусловно счелъ себя жертвою галлюцинаціи или ловкаго обмана, и счелъ бы излишнимъ сообщать печатно о видѣнномъ. Но пусть судятъ сами читатели. Выписываю дословно разказъ г. Вагнера объ этихъ явленіяхъ, принадлежащихъ уже къ области *духовидѣнія.*

„Въ Лондонѣ и Америкѣ спириты давно уже пришли къ убѣжденію что медіумическія явленія совершаются гораздо успѣшнѣе и интенсивнѣе когда медіумъ сидитъ отдѣльно отъ кружка, въ темномъ помѣщеніи, за занавѣской, гдѣ онъ вскорѣ впадаетъ въ магнетическій сонъ. Такіе сеансы извѣстны подъ именемъ „face seance“. Мы приложили этотъ самый способъ къ Бредифу. * Мысль этого приложенія пришла въ голову нѣкоторымъ спиритамъ, которые были свидѣтелями медіумическихъ явленій при такихъ условіяхъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

* Камиллъ Бредифъ, — профессіональный медіумъ, участвовавшій по найму въ опытахъ г. Вагнера, личность, по его свидѣтельству, не внушающая довѣрія.

„Я опишу здѣсь одинъ изъ такихъ сеансовъ, который происходилъ въ средѣ нашего обыкновеннаго кружка, то-есть состоящаго изъ меня, Бутлерова, Аксакова, жены его и доктора А. Сеансъ происходилъ, по обыкновенію, въ квартирѣ Аксакова. Одна изъ дверей его кабинета, съ глубокою амбразурой, была назначена для помѣщенія медіума. Опущенная портьера изъ тонкаго сѣраго сукна отдѣляла эту амбразуру отъ кабинета и дѣлала помѣщеніе совершенно темнымъ. Кстати замѣчу здѣсь что темнота составляетъ одно изъ любимыхъ условій для медіумическихъ явленій, а для того отдѣла ихъ о которомъ теперь идетъ рѣчь, это условіе превращается въ необходимость. Въ описываемомъ сеансѣ мы употребляли для освѣщенія одну стеариновую свѣчу, которая была поставлена въ углу комнаты и заслонена ширмочкой.

„Предварительно предъ этимъ сеансомъ было обычное засѣданіе за столомъ. Вѣроятно, оно необходимо для того чтобы привести всѣхъ участвующихъ въ сеансѣ въ одинъ согласный строй. Во время этого сеанса были обычные стуки, движенія, поднятія стола, и затѣмъ, спустя полчаса, мы приступили къ устройству сеанса a parte. Осмотрѣвъ, хорошо ли заперта дверь которая вела въ амбразуру, превращенную въ темное помѣщеніе, и спрятавъ ключъ отъ нея, мы занялись связываніемъ медіума, для того чтобы предохранить себя отъ обмана съ его стороны. Способъ завязки былъ нами заранѣе тщательно обдуманъ.“

Слѣдуетъ подробное описаніе этого способа.

„За занавѣскою, напротивъ Бредифа, былъ поставленъ маленькій столикъ, на которомъ лежало нѣсколько чистыхъ лоскутковъ бумаги и карандашъ. Устроивши все это, мы опустили занавѣску, поставили предъ нею въ серединѣ небольшой столикъ, на которомъ положили тамбуринъ, колокольчикъ и нѣсколько карандашей. Около этого стола подлѣ самой занавѣски справа помѣстился Бутлеровъ, докторъ А. и гжа Аксакова; слѣва сидѣлъ Аксаковъ и я. Вскорѣ мы перемѣнились съ нимъ мѣстами. Довольно большой ящикъ съ музыкой, поставленный на другомъ столѣ, игралъ во все продолженіе сеанса.

„Спустя нѣсколько минутъ послѣ того какъ мы сѣли Бредифъ сказалъ: o ça vient! Je sens l'oppression.... — затѣмъ за занавѣской все смолкло. Черезъ три минуты послѣ этого мы услыхали рѣзкіе стуки въ косякъ двери, и вся занавѣска заколыхалась, какъ будто кто-нибудь въ различныхъ мѣстахъ трогалъ ее руками. Вскорѣ въ серединѣ, въ разрѣзѣ, нѣсколько выше стола за которымъ мы сидѣли, появилась рука. Хотя эта дрожащая рука оставалась нѣсколько мгновеній и въ комнатѣ былъ полусвѣтъ, но тѣмъ не менѣе мы всѣ очень ясно видѣли форму этой руки, небольшой, узкой женской руки, которая вовсе не походила на руку Бредифа.

Вслѣдъ за тѣмъ какъ она исчезла, я тихонько раздвинулъ портьеру и сквозь отверстіе ясно видѣлъ руки медіума, спокойно лежащія на его колѣняхъ.

„Затѣмъ мы услыхали какъ двигался маленькій столикъ, который былъ за занавѣской, услыхали какъ сильно шелестѣли бумажки, которыя лежали на столикѣ, и какъ двигался по нимъ карандашъ. На вопросъ: „Жеке, ты пишешь намъ? всѣмъ намъ?!“ послѣдовали утвердительные удары въ косякъ двери.

„Я долженъ здѣсь привести небольшое объясненіе по поводу употребленнаго нами имени Жеке. Спириты которые пользовались услугами Бредифа увѣряютъ что къ нему является духъ китайской женщины, которая называетъ себя Жеке. Я, разумѣется, не желалъ вмѣшиваться въ эти суевѣрныя объясненія. Мнѣ было все равно подъ какимъ именемъ и при какихъ воображаемыхъ условіяхъ происходятъ явленія.

„Чрезъ нѣсколько мгновеній мы услыхали еще болѣе явственный шелестъ бумажками, какъ будто ихъ складывали. Затѣмъ занавѣска заколыхалась, кто-то дрожащими руками шарилъ около отверстія и на мгновеніе выдвинулась опять та же рука и въ ней двѣ сложенныя бумажки. Мы взяли ихъ. Одна была пустая, на другой нацарапана небольшая каракуля. По окончаніи сеанса, когда мы осматривали пустое помѣщеніе, то на полу нашли двѣ другія бумажки. На одной, на углу, было написано Je...., на другой довольно четко и красиво Jeke — съ росчеркомъ. Въ теченіе слѣдующихъ сеансовъ эта подпись сдѣлалась гораздо тверже и явственнѣе. Кромѣ того, мы получили нѣсколько написанныхъ фразъ: Jeke, si Février 23...., Je vous aime, mais je...., Grace à Dieu, je vais bien....

„Затѣмъ мы услыхали обычные пять ударовъ — требованіе азбуки. Стуки означали три буквы: T, a, m.... — „Tambourin!“— догадались мы, и послѣ подтвержденія тамбуринъ былъ переданъ. Его тотчасъ же взяли и начали на немъ сильно выстукивать подъ тактъ музыки. При этомъ онъ отзывался въ разныхъ точкахъ темнаго помѣщенія. Но всего интереснѣе были прикосновенія этой руки, которая намъ являлась, или, правильнѣе говоря, при насъ образовалась, руки совершенно теплой, маленькой, женской, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной человѣческой руки. Каждый изъ насъ кто пожелалъ вдвинуть свою руку за занавѣску, чувствовалъ какъ трогали его руку и пожимали его пальцы. Съ меня рука пробовала стащить кольцо и очень явственно зацѣпляла его ногтемъ. Черезъ сукно занавѣски мы всѣ совершенно явственно ощупывали эту руку; я сжималъ ея пальцы, ощупывалъ на нихъ ногти. Точно также эта рука или эти руки, въ свою очередь, схватывали и сжимали наши руки, утягивали ихъ внутрь темнаго помѣщенія. Одинъ разъ занавѣска въ той сторонѣ гдѣ сидѣлъ медіумъ сильно отодвинулась и при-

поднялась, такъ что Бутлеровъ и докторъ А., сидѣвшiе съ этой стороны, явственно видѣли Бредифа сидящаго на стулѣ неподвижно, со сложенными руками и завязками на локтяхъ, и надъ его головой мелькала изъ-за занавѣски бѣлая рука.

„Вскорѣ послѣ этого явленiя стали слабѣе, и наконецъ вовсе прекратились. Мы услыхали движенiя и вздохи медiума, который просыпался. Мы тщательно осмотрѣли его положенiе. Всѣ наши узлы и завязки были не тронуты. Допустить какое-нибудь участiе съ его стороны или фокусничество было положительно невозможно. Правда, какой-нибудь скептикъ можетъ заподозрить самое помѣщенiе, косяки, двери, наконецъ самую дверь, которая могла быть отперта со стороны противоположной занавѣскѣ, и какой-нибудь помощникъ медiума могъ проскользнуть и разыграть роль видѣнныхъ нами и осязаемыхъ рукъ. Но такое предположенiе для насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, лишено всякаго человѣческаго смысла. Мы очень хорошо знаемъ что косяки двери—самые обыкновенные косяки и что никто къ ней не подходилъ, не могъ подходить во все время сеанса. Притомъ эта дверь была отчасти видима для насъ сквозь отверстiе, оставленное въ занавѣскѣ. Повторяю еще разъ что для всѣхъ насъ, присутствовавшихъ въ сеансѣ, всѣ происходившiя явленiя имѣютъ несомнѣнную неподдѣльность и полнѣйшую объективность. Всѣ они повторялись съ различными измѣненiями въ теченiе нѣсколькихъ сеансовъ.

„Я привожу здѣсь факты, толкованiе которыхъ считаю въ настоящее время положительно невозможнымъ. Всѣ видѣли, осязали руки, сложившiяся въ нашемъ присутствiи. Правда, мы не видали самаго процесса образованiя, но мнѣ кажется вполнѣ возможнымъ и даже необходимымъ допустить его.“

Еще разъ напоминаю читателю что сомнѣваться въ объективной дѣйствительности этихъ удивительныхъ явленiй мы не имѣемъ права. Они происходили въ присутствiи двухъ извѣстныхъ ученыхъ, и засвидѣтельствованы однимъ изъ нихъ, слѣдовательно они представлялись одновременно обоимъ, и притомъ въ видѣ тождественномъ до мельчайшихъ подробностей, иначе г. Вагнеръ довелъ бы до нашего свѣдѣнiя различiе между его впечатлѣнiями и впечатлѣнiями г. Бутлерова. Умалчиваю о прочихъ очевидцахъ, ибо свидѣтельство двухъ извѣстныхъ естествоиспытателей совершенно достаточно.

Разберемъ же вкратцѣ условiя опыта. Происходилъ онъ въ весьма слабо освѣщенной комнатѣ, при звукахъ довольно большаго музыкальнаго ящика, предъ лицами давно занимающимися спиритическими манипуляцiями, и кромѣ того, предъ самымъ опытомъ настроенными сеансомъ стологоворе-

ренія. Иными словами, было по возможности затруднено наблюденіе видимыхъ предметовъ, наблюденіе звуковъ, и ослаблена способность присутствовавшихъ ко всякому точному наблюденію. Изслѣдователи помѣстились предъ опущенною занавѣской, за которою находилась запертая изнутри дверь. Между дверью и занавѣской помѣщался привязанный руками и ногами къ стулу профессіональный медіумъ. Затѣмъ, въ продолженіе часа съ небольшимъ, произошло слѣдующее: занавѣска заколыхалась, были слышны разнообразные звуки, наконецъ изъ-за нея высунулась маленькая женская ручка, которая передавала предметы изъ-за занавѣски присутствующимъ, брала изъ ихъ рукъ другіе и написала (за занавѣской) кое-какую безсмыслицу.

Изъ этихъ явленій г. Вагнеръ заключаетъ что въ пространствѣ между занавѣской и дверью сложилось женское тѣло или одна женская рука * и, совершивъ разныя безсмысленныя дѣйствія, исчезла безъ слѣда. Читатель ошеломленъ насильственностью этого объясненія, тѣмъ болѣе что г. Вагнеръ самъ упоминаетъ о другомъ, вполнѣ естественномъ. Это объясненіе заключается въ существованіи, безъ вѣдома хозяина дома, другаго ключа отъ двери находящейся за занавѣской. Изумленіе наше возрастаетъ когда г. Вагнеръ объявляетъ намъ что эта альтернатива въ данномъ случаѣ невозможна, не приводя доказательствъ этой невозможности, изъ чего мы въ правѣ заключить что такихъ доказательствъ у него нѣтъ. Почему же г. Вагнеръ предпочитаетъ первое объясненіе второму? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ. Потому что это объясненіе было готово въ его умѣ прежде чѣмъ онъ былъ свидѣтелемъ описанныхъ имъ явленій. Дѣйствительно, отъ стологоворенія до духовидѣнія только одинъ шагъ. Допустивъ существованіе интеллектуальныхъ силъ бесѣдующихъ съ нами посредствомъ столовъ, убѣдившись въ разительномъ ихъ сходствѣ съ нами, мы невольно привыкаемъ придавать имъ мысленно всѣ аттрибуты человѣческой личности, между прочимъ человѣческій обликъ, и мы уже подготовлены къ тому чтобы встрѣтиться съ ними лицомъ

* Это остается неразъясненнымъ. Г. Вагнеръ, державшій въ своей рукѣ эту таинственную руку, къ сожалѣнію не воспользовался этимъ случаемъ чтобъ изслѣдовать имѣлось ли при этой рукѣ предплечіе и т. д.

къ лицу. Мы становимся безоружными предъ всякою галлюцинаціей, предъ всякимъ обманомъ...

Остается мнѣ сказать два слова о явленіи котораго я никогда не былъ свидѣтелемъ, и которое въ сущности относится къ области столовращенія. Но такъ какъ оно происходитъ лишь при участіи профессіональныхъ медіумовъ и въ присутствіи адептовъ искусившихся въ стологовореніи (исключенія допускаются лишь для лицъ весьма высокопоставленныхъ), притомъ въ темнотѣ и вообще весьма рѣдко, то его мѣсто скорѣе здѣсь чѣмъ въ началѣ моего обзора. Разумѣю поднятіе всего стола и висѣніе его на воздухѣ, на болѣе или менѣе значительной вышинѣ. Объяснить это явленіе я не берусь, и вѣроятно не взялся бы и въ томъ случаѣ еслибъ былъ его свидѣтелемъ, точно также какъ я не берусь объяснить и десятой доли изъ фокусовъ показываемыхъ, при яркомъ освѣщеніи, самымъ дюжиннымъ фокусникомъ. Но я утверждаю, и г. Вагнеръ конечно согласится со мною, что мыслимо не мало механическихъ объясненій этого явленія, разумѣется при нѣкоторой подготовкѣ, возможность которой никогда вполнѣ не устранена въ присутствіи профессіональнаго медіума. Предлагаю, для примѣра, на усмотрѣніе гг. профессіональныхъ медіумовъ слѣдующее простое и дешевое приспособленіе, требующее лишь присутствія въ обществѣ столовращателей одного помощника. Это два желѣзные браслета, надѣваемые на руки подъ рукава рубашки. На каждомъ браслетѣ виситъ небольшой, но крѣпкій желѣзный крючокъ. Помѣстивъ своего помощника противъ себя, нѣтъ ничего легче какъ въ данный моментъ выпустить въ прорѣзь рукава крючки, захватить ими снизу верхнюю доску стола, продолжая держать кисти рукъ на его поверхности, и поднять весь столъ на любую вышину.

Кстати о профессіональныхъ медіумахъ. Мы очевидно впали бы въ грубую ошибку, еслибы сочли ихъ за *обыкновенныхъ* обманщиковъ и фокусниковъ. Я даже убѣжденъ что они прибѣгаютъ къ фокусамъ весьма рѣдко, лишь въ крайнихъ случаяхъ. По большей части они люди искренно увлекавшіеся столовращеніемъ и стологовореніемъ, затѣмъ отдавшіе себѣ отчетъ въ ихъ механизмѣ и пользующіеся пріобрѣтенною опытностію для возбужденія въ другихъ лицахъ состояній испытанныхъ и переиспытанныхъ ими самими. Имъ стоитъ только se laisser aller, для того чтобы производить

всѣ возможныя столовращенія и стологоворенія. Явленія отъ этого выходятъ такъ-сказать натуральнѣе, то-есть выступаютъ во всей своей самородной нелѣпости, сохраняютъ тотъ характеръ одуряющаго бреда который всего способнѣе сбить съ толку слабонервнаго зрителя. Это конечно не мѣшаетъ медіуму вставить гдѣ нужно преднамѣренное словечко. Вообще же эта процедура, особенно когда медіумъ имѣетъ дѣло съ людьми образованными и мыслящими, требуетъ для полнаго успѣха большаго такта, чувства мѣры и наблюдательности. Тутъ главное искусство заключается въ томъ чтобы поддерживать въ обществѣ извѣстное настроеніе, кошмарный колоритъ, что̀ дается лишь людямъ испытавшимъ нервныя разстройства, подобныя тѣмъ которыя они хотятъ вызвать въ своей публикѣ. Наконецъ,—я въ этомъ убѣжденъ,—между профессіональными медіумами есть такіе (et c'est le sublime du genre) у которыхъ страннымъ образомъ чередуется и переплетается шарлатанизмъ съ искреннимъ увлеченіемъ. Такія психическія уродства, отчасти извиняемыя крайнимъ разстройствомъ нервной системы, несомнѣнно существуютъ. Эти медіумы самые опасные. Къ нимъ, по всѣмъ дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, я долженъ причислить знаменитаго Юма.

Послѣ всего сказаннаго надѣюсь оправдать предъ г. Вагнеромъ рѣзкое выраженіе употребленное мною въ началѣ моей замѣтки. Я назвалъ его статью положительно вредною. По крайнему моему убѣжденію, столовращеніе есть упражненіе въ безсознательныхъ тѣлодвиженіяхъ, стологовореніе—упражненіе въ безсознательномъ писаніи. Способность къ первымъ и въ особенности ко второму можетъ быть пріобрѣтена и изощрена не иначе какъ при весьма серіозномъ потрясеніи нервной системы и не ведетъ ровно ни къ какимъ пріобрѣтеніямъ, умственнымъ или нравственнымъ. Совѣтъ г. Вагнера, обращенный къ читателямъ *Вѣстника Европы*, заняться изслѣдованіемъ медіумическихъ явленій—совѣтъ вредный, потому что̀ эти изслѣдованія могутъ быть произведены безъ опасности и съ пользою лишь спеціалистами по части нервныхъ болѣзней и психіатріи, предметовъ совершенно чуждыхъ массѣ нашей публики. При изслѣдованіи всѣхъ явленій сюда относящихся, первымъ предметомъ наблюденія долженъ быть единственный постоянный элементъ этихъ явленій—медіумъ, затѣмъ лица находящіяся подъ его вліяніемъ. Ни тотъ, ни другія изслѣдованій этихъ производить не

могутъ, ибо ихъ вниманіе обращено не на самихъ себя и другъ друга, а на ожидаемыя движенія и стуки.

Я знаю что протестъ мой недостаточно авторитетенъ: онъ имѣетъ только цѣлью обратить на этотъ предметъ вниманіе людей болѣе меня компетентныхъ. Не сомнѣваюсь что къ моему голосу присоединятся вѣскіе голоса изъ медицинскаго міра.

Прежде чѣмъ кончить мою замѣтку не могу не коснуться послѣдняго аргумента въ пользу спиритизма приведеннаго г. Вагнеромъ. Это чрезвычайное распространеніе этого ученія въ Америкѣ и Англіи. Дѣйствительно, надъ цифрами приведенными г. Вагнеромъ и сообщаемыми отъ времени до времени газетами нельзя не задуматься. Эти цифры имѣютъ громадное значеніе, но не то которое приписываетъ имъ г. Вагнеръ. Онѣ не доказываютъ существованія внѣшнихъ намъ интеллектуальныхъ силъ, говорящихъ съ нами посредствомъ столовъ, но указываютъ на страстную религіозную жажду пробуждающуюся въ протестантскомъ мірѣ вообще, а въ англо-саксонской расѣ въ особенности. Ибо нельзя этого не видѣть—спиритизмъ для большинства его увлеченныхъ адептовъ составляетъ суррогатъ религіи. Колоссальное его развитіе на Западѣ одинъ изъ многочисленныхъ предвѣстниковъ великаго религіознаго кризиса, готовящагося въ протестантскихъ церквахъ. Онъ, вмѣстѣ съ экстатическими сектами Сѣверной Америки, подготовляетъ для этого кризиса тѣ слѣпыя стихійныя силы которыя придаютъ всякому великому религіозному перевороту его роковую мощь, но вмѣстѣ съ тѣмъ затемняютъ его чистоту и ясность....

С. РАЧИНСКІЙ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО РОМАНА ГР. ТОЛСТАГО

Анна Каренина, романъ графа Л. Н. Толстаго. *Русскій Вѣстникъ* 1875 года.

Давно и нетерпѣливо ожидавшійся новый романъ графа Толстаго нѣсколько мѣсяцевъ уже жадно читается всею образованною и полуобразованною русскою публикой. Интересъ возбужденный этимъ произведеніемъ несомнѣненъ; повсюду слышатся толки о немъ, всѣ спрашиваютъ другъ друга: читали вы? Даже люди, по выраженію одного нашего писателя, „нѣсколько беззаботные на счетъ литературы"—и тѣ на этотъ разъ измѣнили своему умственному воздержанію. Романъ еще далеко не оконченъ, но впечатлѣніе уже начинаетъ слагаться, хотя и не вполнѣ однородное. Люди литературный вкусъ которыхъ развитъ настолько что для нихъ задача художественнаго произведенія совершенно ясна приходятъ отъ *Анны Карениной* въ положительный восторгъ и съ наслажденіемъ слѣдятъ за всѣми перипетіями тонко развитой и превосходно воспроизведенной драмы. Не всѣ страницы романа въ одинаковой степени заслуживаютъ ихъ безусловное одобреніе, но иначе и не можетъ быть, когда приходится провѣрять въ себѣ цѣлую массу впечатлѣній, вынесенныхъ изъ произведенія такого значительнаго объема. Однакоже читателей стоящихъ на высотѣ оцѣниваемаго произведенія немного. Продолжительный литературный упадокъ сильно испортилъ вкусы публики; и къ сожалѣнію, искаженіе замѣ-

чается всего болѣе не въ той подспудной средѣ которая мало привыкла давать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, но въ средѣ присяжныхъ цѣнителей, обращающихся къ литературнымъ произведеніямъ съ извѣстными болѣе или менѣе опредѣленными требованіями. Мы конечно не говоримъ о тѣхъ ревнителяхъ „новыхъ идей" для которыхъ безусловно противно всякое художественное произведеніе и заранѣе безынтересна всякая драма развивающаяся не въ кругу мастеровыхъ и причетниковъ. О такихъ читателяхъ можно только пожалѣть, но справляться съ ихъ литературными впечатлѣніями было бы излишне. Нѣтъ, мы имѣемъ въ виду такихъ цѣнителей которые готовы отнестись къ произведенію безъ предвзятаго непониманія, которые считаютъ себя охотниками до художественныхъ наслажденій, которые искренно восхищались *Войной и Миромъ*, *Казаками*, *Севастопольскими Разказами*, и въ настоящее время столь же искренно восхищаются нѣкоторыми отдѣльными главами и эпизодами *Анны Карениной*. У этихъ читателей успѣхъ послѣдняго романа не полонъ. Упрекъ съ которымъ они обращаются къ автору — тотъ, что содержаніе романа слишкомъ вседневно, что оно не поднято до какой-то чрезвычайной высоты, на которой они ожидали его видѣть. Они находятъ что талантъ автора слишкомъ привязанъ къ подробностямъ, что слишкомъ много его потрачено на мелочную отдѣлку такихъ характеровъ и явленій жизни которые сами по себѣ не представляютъ де достаточнаго интереса. Они рѣшаются наконецъ сказать что въ романѣ не чувствуется ни подъема авторской мысли, ни подъема изображаемой жизни, и что эта жизнь вообще ниже современной дѣйствительности и удалена отъ ея задачъ и интересовъ. Таковъ самый общій смыслъ впечатлѣнія сложившагося у извѣстной доли читателей, которыхъ нельзя назвать предубѣжденными ни противъ художественной литературы вообще, ни противъ таланта графа Л. Н. Толстаго.

Не входя въ оцѣнку этого впечатлѣнія, мы должны сказать что во всякомъ случаѣ видимъ въ немъ хорошій признакъ. Оно свидѣтельствуетъ что въ нашей публикѣ, такъ долго пробавлявшейся и довольствовавшейся безсодержательными бытовыми картинками и сценками, начинаютъ вообще слагаться болѣе серіозныя требованія; что она тяготится скудостью внутренняго содержанія нашей литературы, что она хотѣла бы видѣть литературу не внизу, а на верху

дѣйствительной жизни. Но обращаясь въ частности къ настоящему случаю, мы не можемъ устраниться отъ вопроса: поняты ли эти требованія въ ихъ дѣйствительномъ, истинномъ смыслѣ, и нѣтъ ли тутъ нѣкотораго не сознаваемаго недоразумѣнія портящаго дѣло?

Надъ этимъ вопросомъ необходимо остановиться.

Возможна двоякаго рода содержательность художественнаго произведенія: художественное произведеніе можетъ имѣть дѣло съ вопросами и интересами присутствующими въ данную минуту въ жизни общества, и можетъ точно также имѣть дѣло съ чисто-внутреннею жизнью человѣка. Каждый человѣкъ болѣе или менѣе живетъ этими двумя жизнями, и какъ бы ни были близки его связи съ обществомъ, сколько бы ни поглощали его общественные интересы и задачи, за всѣмъ тѣмъ въ немъ есть своя частная внутренняя жизнь, глубина и ширина которой зависятъ отъ его интеллектуальнаго уровня, темперамента, натуры и т. д. Разграничить вполнѣ эти двѣ области трудно, но во всякомъ художественномъ произведеніи одна изъ нихъ преобладаетъ надъ другой. Вкусы современной публики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературы, склоняются въ пользу первой. Намъ кажется что только то произведеніе интересно и содержательно въ которомъ затрогиваются такъ-называемыя общественныя задачи, ставятся и разрѣшаются такъ-называемые „вопросы“. Въ этомъ элементѣ мы ищемъ той пряной приправы безъ которой литературное произведеніе представляется намъ прѣснымъ. Но если таковы господствующіе въ данную минуту вкусы, это еще не значитъ что удовлетвореніе имъ обязательно для современнаго романиста. Помимо интересовъ общественныхъ, жизнь представляетъ и другіе, съ такимъ же правомъ входящіе въ область художественнаго творчества. Не однѣ только общественныя формы заслуживаютъ вниманія, но и тѣ условія подъ давленіемъ которыхъ человѣкъ живетъ своею внутреннею жизнью. Послѣднія для романиста-художника представляютъ даже болѣе обширный матеріалъ. Культурныя начала разлитыя въ обществѣ, идеалы въ немъ присутствующіе или отсутствующіе, семейныя отношенія, формы общежитія, явленія повседневной жизни, словомъ, все то что опредѣляетъ общественные и частные *нравы* въ данную эпоху — все это составляетъ законное достояніе романиста, и если онъ по-

тратилъ на него свой художественный талантъ, свою наблюдательность, мы конечно не вправѣ будемъ назвать его произведеніе безсодержательнымъ потому только что въ немъ не фигурируютъ земскіе дѣятели, желѣзнодорожные тузы и присяжные повѣренные. Общественность есть только форма, получающая свою жизнь, свое содержаніе отъ нравовъ общества и условій индивидуальнаго развитія, подъ которыми живетъ частный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, внѣшній интересъ романа можетъ показаться намъ значительнѣе когда мы встрѣчаемъ въ числѣ его героевъ такихъ лицъ которыя движутся на поверхности общественной жизни, наполняютъ ее внѣшними фактами, занимаютъ собою столбцы газетъ и т. д. Но достиженіе внѣшняго интереса конечно не составляетъ главной задачи художественнаго произведенія. Интимная, не всплывающая на поверхность, жизнь общества всегда полна серіознаго и глубокаго интереса. Чтобъ изобразить и освѣтить эту жизнь такъ какъ это сдѣлалъ графъ Толстой, требуется не одинъ только художественный талантъ, но и большая сила мысли. Только эта мысль не носится надъ поверхностью романа, она большею частью лежитъ на днѣ его; выясняется лишь тогда когда читатель серіозно и глубоко вникаетъ въ смыслъ тѣхъ отношеній въ какія авторъ ставитъ дѣйствующихъ лицъ романа, въ тѣ внутреннія задачи съ которыми борются его герои.

Въ самой основѣ романа лежитъ идея которую конечно нельзя назвать мелкою или безынтересною. Это не новый, но тѣмъ не менѣе все еще остающійся открытымъ вопросъ о любви между мущиной и женщиной не имѣющими возможности вступить въ бракъ потому что одна изъ сторонъ уже находится въ бракѣ. Авторъ повидимому намѣренъ глубоко исчерпать эту идею, или эту задачу, въ своемъ произведеніи. До сихъ поръ она уже дважды предлагается вниманію читателя. Романъ начинается съ того что Долли Облонская обнаруживаетъ невѣрность своего мужа. За этой прелюдіей, какъ бы представляющей тему романа en miniature, въ ея простѣйшей формѣ, раскрывается главная драма, построенная на томъ же мотивѣ. Анна Каренина, замужняя женщина, влюбляется во Вронскаго, и послѣ напряженной борьбы съ своею страстью, уступаетъ ея давленію. Тема, какъ мы сказали, та же, но партитура распредѣлена между главными сюжетами труппы, драма находитъ здѣсь свой центръ и обѣщаетъ болѣе полное и слож-

ное развитіе. Романъ еще не оконченъ въ печати, и потому нельзя судить о томъ какимъ образомъ авторъ разрѣшаетъ вопросъ. Да и дѣло не въ томъ. Намъ всегда казалось что разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ, то-есть указаніе разумнаго и примирительнаго исхода изъ жизненныхъ затрудненій не входитъ въ задачу беллетристическаго произведенія. Еслибы романисты могли легко распутывать такіе Гордіевы узлы, жизнь распутала бы ихъ еще ранѣе. Но вопросы подобные тому который легъ въ основу романа *Анна Каренина*, въ жизни разрѣшаются лишь насильственнымъ образомъ. Всѣ попытки найти этимъ неразрѣшимымъ вопросамъ какое-либо практическое рѣшеніе — чѣмъ часто занимаются французскіе нувеллисты и драматическіе писатели — обыкновенно ни къ чему не приводятъ. Задача художественнаго произведенія заключается въ настоящемъ случаѣ не въ томъ чтобъ явиться на помощь жизни съ готовою развязкой для ея проблеммъ, а въ томъ чтобъ анализовать явленіе жизни, дать почувствовать его трагизмъ, его безысходность. И мы видимъ что обиліе красокъ положенныхъ графомъ Толстымъ на обаятельный образъ героини, богатство нѣжныхъ, такъ-сказать интимныхъ оттѣнковъ, которыми авторъ рисуетъ главныя ситуаціи романа — все это потрачено на то чтобы ввести изображаемую драму въ самую глубину жизни, облечь ее тѣми дѣйствительными признаками, которые не оставляютъ въ читателѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея полной реальности. На художественную разработку этихъ признаковъ потрачено въ романѣ чрезвычайно много ума, таланта, наблюдательности; нельзя не удивляться тонкому, ничего не забывающему анализу, которымъ какъ лучами свѣта пронизана вся эта жизнь, спутавшаяся въ такіе крѣпкіе узлы. Можно ли сказать что эти затраты сдѣланы непроизводительно, что онѣ не даютъ роману внутренняго содержанія, потому что онъ остается чуждъ такъ-называемыхъ „общественныхъ вопросовъ“ и интересовъ дня? Безъ сомнѣнія такъ могутъ говорить только люди которые живутъ лишь тѣмъ что̀ носится вокругъ нихъ по вѣтру. Интимная жизнь человѣческаго сердца, обставленная явленіями повседневной дѣйствительности, всегда давала и будетъ давать художественной литературѣ наибольшую и лучшую часть ея содержанія. Это въ особенности понятно для русской публики, потому что въ нашей беллетристикѣ попытки чисто-тенденціознаго романа весьма рѣдко были удачны, и въ

большинствѣ случаевъ такъ-называемые „носители общественныхъ идей", попадая въ герои романа, являлись или каррикатурами на что-то грандіозное, или безличными и безцвѣтными манекенами, разукрашенными кое-какими журнальными тенденціями. Если мы сравнимъ совершенно частную, интимную исторію Анны Карениной съ тѣми похожденіями якобы гражданскаго и политическаго характера которыми любятъ украшать жизнь своихъ героевъ беллетристы новаго склада, мнящіе выводить на сцену общественныхъ дѣятелей, мы должны будемъ согласиться что эта частная исторія Анны Карениной — не говоря уже о томъ что она въ тысячу разъ лучше разказана — гораздо интереснѣе и даже содержательнѣе беллетристическихъ экспериментовъ съ русскими Лассалями и прочими „новыми людьми". И она потому именно интереснѣе и содержательнѣе ихъ что самыя мельчайшія подробности ея полны жизни и дѣйствительности, тогда какъ „новые люди" живутъ и дѣйствуютъ въ пустотѣ населенной тенденціозными призраками.

Намъ случалось однако слышать отъ тѣхъ которые вполнѣ понимаютъ художественную реальность *Анны Карениной* другаго рода упрекъ роману. Отдавая автору справедливость въ томъ что онъ вездѣ остается безусловно вѣренъ жизни, эти судьи готовы сѣтовать на самую жизнь, и въ особенности на среду въ которой вращается дѣйствіе романа. Имъ кажется что изъ всей ширины и глубины современной жизни авторъ захватилъ наименѣе живую и дѣятельную ея часть, что изъ различныхъ слоевъ современнаго русскаго общества онъ избралъ тотъ слой который дальше другихъ стоитъ отъ общаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, признаки наиболѣе характеризующіе современную жизнь въ ея послѣдней, сегодняшней формѣ, играютъ очень небольшую роль въ романѣ. На сценѣ, какъ мы говорили уже, нѣтъ ни мировыхъ судей, ни присяжныхъ повѣренныхъ, ни концессіонеровъ и директоровъ акціонерныхъ обществъ. Одинъ только Константинъ Левинъ пробовалъ служить въ земствѣ, да и тотъ бросилъ, и проба эта очевидно была ошибкой съ его стороны. Если мы будемъ обращать вниманіе не на общій тонъ и колоритъ романа, а на его внѣшнее, фактическое содержаніе, то за исключеніемъ кое-какихъ маловажныхъ, побочныхъ подробностей, ничто не укажетъ намъ должны ли мы отнести дѣйствіе романа къ настоящему времени, или къ

пятидесятымъ и даже сороковымъ годамъ. Въ одной газетной рецензіи намъ случилось даже прочесть будто бо́льшая часть дѣйствующихъ лицъ въ новомъ романѣ — тѣ же самыя лица которыхъ мы видѣли въ *Войнѣ* и *Мирѣ*; такимъ образомъ дѣйствіе романа оказывается возможнымъ отодвинуть еще далѣе. Ниже мы еще вернемся къ этой наивной претензіи газетнаго рецензента; теперь же слѣдуетъ нѣсколько остановиться на общемъ вопросѣ: что̀ такое среда воспроизведенная графомъ Толстымъ въ его новомъ романѣ, и въ какомъ отношеніи стоитъ она къ современной дѣйствительности, т.-е. къ тому что̀ фигурируетъ на поверхности современной жизни, наполняя собою столбцы газетъ, судебныя лѣтописи, протоколы земскихъ и акціонерныхъ собраній и т. д.?

Прежде всего мы видимъ что это та же самая среда изъ которой взяты почти всѣ прежнія произведенія графа Толстаго. У насъ въ настоящее время она называется „аристократическою". Мы говоримъ „въ настоящее время", потому что прежде она считалась просто дворянскою образованною средою. Но нынче понятія наши во многомъ измѣнились. Казалось бы, во времена крѣпостнаго права и прочихъ сословныхъ прерогативъ, русское дворянство скорѣе, чѣмъ теперь, могло напоминать, въ слабой степени, нѣчто подобное тому что̀ въ западной Европѣ соединяется съ понятіемъ объ исторической аристократіи. Однако масса помѣстнаго дворянства владѣвшая крѣпостными душами и сосредоточивавшая въ своихъ рукахъ всю силу, все богатство, всю образованность и всю жизнь страны, вовсе не казалась и не считалась „аристократіей". Это было просто хорошее, образованное общество, усвоившее себѣ европейскія формы общежитія, хотя нравы его иногда еще отличались вовсе не европейскою грубостью. Но вотъ дворянство утратило свои сословныя прерогативы, совершился въ огромныхъ размѣрахъ переходъ матеріальныхъ богатствъ изъ рукъ дворянъ въ постороннія руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ заговорили объ аристократіи. Мы придаемъ слову „аристократія" такое значеніе какого конечно не найдемъ ни въ одномъ европейскомъ словарѣ. И однакожь мы постоянно слышимъ это слово, намъ постоянно указываютъ аристократовъ. Кого же называютъ этимъ именемъ?

Подъ словомъ „аристократъ" у насъ принято разумѣть пре-

имущественно свѣтскаго человѣка. Если кто-нибудь являетъ внѣшніе признаки свѣтскости, да вдобавокъ владѣетъ наслѣдственными независимыми средствами, то значитъ онъ аристократъ. Если онъ, или его родня, занимаютъ при этомъ значительное общественное положеніе, то аристократическія свойства такого лица не подлежатъ уже ни малѣйшему сомнѣнію. Въ столицахъ, гдѣ понятія вообще болѣе формируются на европейскій ладъ, еще существуетъ нѣкоторая разборчивость при выдачѣ такихъ дипломовъ; но чѣмъ далѣе отъ большихъ центровъ, тѣмъ требованія становятся ограниченнѣе, и можно попасть наконецъ въ такіе закоулки гдѣ аристократомъ считается всякій умѣющій изъясняться по-французски.

Такимъ образомъ, наше аристократическое общество есть собственно свѣтское общество, и главнымъ признакомъ аристократизма являются у насъ извѣстныя формы общежитія, отрицаемыя другими общественными слоями и кругами.

Съ такимъ признакомъ является и среда изображенная графомъ Толстымъ въ его новомъ романѣ. Дѣйствующія лица этого романа—„аристократы“ по понятіямъ нашей критики и значительной части нашего общества. Откуда же вышло это опредѣленіе? Конечно не оттого что мужъ Анны Карениной занимаетъ важное служебное мѣсто, что Константинъ Левинъ имѣетъ свою деревню, что Вронскій служитъ въ гвардіи, что Облонскій предсѣдаетъ въ какомъ-то присутствіи. Главный признакъ заключается въ нравахъ этой среды, въ образѣ жизни, въ усвоенныхъ формахъ общежитія. Эти люди живутъ въ свѣтѣ, ѣздятъ на балы и принимаютъ у себя извѣстный кругъ столичнаго общества, тратятъ деньги на извѣстную обстановку; обстановка въ особенности играетъ здѣсь чрезвычайно важную роль. Этого достаточно чтобы видѣть въ нихъ „аристократовъ“, придавая конечно этому слову нѣсколько ироническій смыслъ. Между тѣмъ очевидно что если извѣстная среда отличается только болѣе или менѣе свѣтскимъ образомъ жизни и нѣкоторою требовательностью относительно внѣшнихъ приличій — такую среду странно разсматривать какъ какую-то корпорацію, выдѣляющуюся изъ общественной массы своей политическою программой или своими соціальными привилегіями. Понятно что такая среда одинаково не представляетъ достаточныхъ основаній ни для того чтобы стоять наверху національной жизни, ни

для того чтобы возбуждать серіозное чувство соперничества и тѣмъ болѣе вражды со стороны другихъ классовъ. Многое изъ того чѣмъ эта среда въ настоящее время отличается, у насъ какъ и вездѣ болѣе и менѣе обязательно для каждаго образованнаго человѣка. Въ Англіи самый маленькій клеркъ или даже фермеръ старается быть джентльменомъ, и одно изъ важнѣйшихъ завоеваній цивилизаціи заключается именно въ томъ что понятія соединяемыя со словомъ „джентльменъ" сдѣлались достояніемъ общественныхъ массъ.

Намъ кажется что мы подошли къ одному изъ главныхъ источниковъ недоразумѣнія возникшаго между читателями и авторомъ *Анны Карениной.* Дѣйствующія лица этого романа являются несомнѣнно людьми свѣтскими. Свѣтская среда—это нѣчто такое къ чему наша журналистика привыкла относиться пренебрежительно. Съ другой стороны, эта среда такъ рѣдко фигурируетъ въ нашей литературѣ, внѣшніе признаки ея такъ мало примелькались, что рѣзко бросаются въ глаза. За этими внѣшними признаками значительная доля читающей публики не замѣчаетъ если авторъ показываетъ ей нѣчто другое, гораздо болѣе заслуживающее вниманія. Такъ случилось и съ *Анной Карениной.* Всѣ замѣтили что романъ выводитъ на сцену свѣтскую среду, но не всѣ дали себѣ трудъ проникнуть что свѣткость составляетъ лишь внѣшній ея признакъ, за которымъ таится нѣкоторое весьма цѣнное содержаніе. А между тѣмъ такое содержаніе несомнѣнно существуетъ, и авторъ чрезвычайно искусно даетъ его почувствовать. Въ этомъ складѣ жизни, которымъ живутъ три московскія дворянскія семьи — князей Щербацкихъ, Облонскихъ и Левиныхъ, очевидно сохраняется не одинъ только внѣшній декорумъ, но и нѣчто иное — сохраняются извѣстныя преданія, извѣстный уровень цивилизованныхъ нравовъ, уваженіе къ извѣстнымъ принципамъ, и въ особенности чрезвычайное уваженіе къ человѣческой личности. Въ этомъ складѣ жизни чувствуется нѣкоторая наслѣдственность культуры, чего вообще недостаетъ нашему обществу. Все это особенно хорошо объяснено и высказано въ тѣхъ строкахъ которыми авторъ опредѣляетъ отношенія Константина Левина къ семейству князя Щербацкаго, и которыя мы здѣсь напомнимъ читателямъ: „Дома Левиныхъ и Щербацкихъ были старые дворянскіе московскіе дома, и всегда были между собою въ близкихъ и дружескихъ отно-

шеніяхъ. Связь эта утвердилась еще больше во время студенчества Левина. Онъ вмѣстѣ готовился и вмѣстѣ поступилъ въ университетъ съ молодымъ княземъ Щербацкимъ, братомъ Долли и Кити. Въ это время Левинъ часто бывалъ въ домѣ Щербацкихъ и влюбился въ домъ Щербацкихъ. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Константинъ Левинъ былъ влюбленъ именно въ домъ, въ семью, въ особенности въ женскую половину семьи Щербацкихъ. Самъ Левинъ не помнилъ своей матери, и единственная сестра его была старше его, такъ что въ домѣ Щербацкихъ онъ въ первый разъ увидалъ ту самую среду стараго дворянскаго, образованнаго и честнаго семейства, которой онъ былъ лишенъ смертью отца и матери. Всѣ члены этой семьи, въ особенности женская половина, представлялись ему покрытыми какою-то таинственною, поэтическою завѣсой, и онъ не только не видѣлъ въ нихъ никакихъ недостатковъ, но подъ этою поэтическою покрывавшею ихъ завѣсой предполагалъ самыя возвышенныя чувства и всевозможныя совершенства.“ Авторъ продолжаетъ анализовать это обаяніе, производимое на Левина домомъ Щербацкихъ. Источникъ и причина обаянія лежали во всемъ строѣ жизни царствовавшемъ въ домѣ, въ подробностяхъ и мелочахъ составлявшихъ его ежедневный бытъ. Левинъ и не отдавалъ себѣ отчета почему всѣ эти подробности входили въ жизнь семьи, но его плѣняло то что эти подробности были выработаны всѣмъ образованнымъ старо-дворянскимъ кругомъ, и каждый домъ принадлежавшій къ этому кругу считалъ ихъ какъ бы обязательными: это были бытовыя преданія того слоя который явился на нашей почвѣ первымъ воспріемникомъ европейской цивилизаціи и культуры. „Всего этого онъ не понималъ, говоритъ авторъ про Левина, — но зналъ что это такъ нужно, что это прекрасно, и былъ влюбленъ именно въ эту таинственность совершавшагося.“ Надо вспомнить что самъ Левинъ вовсе не свѣтскій человѣкъ, и терпѣть не могъ внѣшнихъ признаковъ свѣтскости; слѣдовательно то что̀ его плѣняло въ домѣ Щербацкихъ, вовсе не заключалось во внѣшнемъ декорумѣ ихъ барской жизни. Его плѣняло внутреннее содержаніе этой жизни, вѣяніе преданій и наслѣдственной культуры. И не на одного Левина домъ Щербацкихъ производилъ это освѣжающее, обаятельное впечатлѣніе. Вронскій — человѣкъ уже

потершійся въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, человѣкъ гораздо болѣе охлажденный и въ особенности гораздо болѣе самообожающій, испытываетъ то же самое. Авторъ позволяетъ заглянуть въ его впечатлѣнія, когда онъ возвращается послѣ вечера у Щербацкихъ; и хотя эти впечатлѣнія главнымъ образомъ привязаны къ Кити, но чувствуется что не одна Кити участвуетъ въ нихъ, что обаяніе наполняющее Вронскаго онъ вдохнулъ вмѣстѣ съ воздухомъ царствующимъ въ гостиной Щербацкихъ. „То и прелестно, думалъ онъ возвращаясь отъ Щербацкихъ и вынося отъ нихъ какъ и всегда пріятное чувство чистоты и свѣжести.... то и прелестно что ничего не сказано ни мной ни ею, но мы такъ понимали другъ друга въ этомъ невидимомъ разговорѣ взглядовъ и интонацій что нынче яснѣе чѣмъ когда-нибудь она сказала мнѣ что любитъ. И какъ мило, просто и главное довѣрчиво! Я самъ себя чувствую лучше, чище. Я чувствую что у меня есть сердце и что есть во мнѣ много хорошаго... И онъ задумался о томъ, гдѣ ему кончить нынѣшній вечеръ. Онъ прикинулъ воображеніемъ мѣста куда онъ могъ бы ѣхать. Клубъ? партія безика, шампанское съ Игнатовымъ? Нѣтъ не поѣду. Château des fleurs, тамъ найду Облонскаго, куплеты, cancan; нѣтъ, надоѣло. Къ ней? Нѣтъ, къ ней-то ужь ни въ какомъ случаѣ нынче. Вотъ именно за то я люблю Щербацкихъ что самъ лучше дѣлаюсь. Поѣду домой.“

Объ этомъ обаятельномъ впечатлѣніи Вронскій говорилъ на другой день Облонскому: „признаться, мнѣ такъ было пріятно вчера послѣ Щербацкихъ что никуда не хотѣлось“...

Обаяніе этой жизни сопровождаетъ читателя на всѣхъ страницахъ гдѣ выступаетъ семейство Щербацкихъ. Сама Кити, съ ея чистою, наивною и иногда наивно-безпомощною прелестью — лучшій продуктъ этой жизни, сохранившей преданія стараго семейнаго воспитанія, преданія, все болѣе и болѣе исчезающія въ наше время. Дѣтство, проведенное въ честной, любящей семейной средѣ, старые пріемы дѣвическаго воспитанія, нетороплива ведущіе дѣвушку чрезъ всѣ заповѣдныя фазы ея развитія, тонъ высшей порядочности господствующій въ домѣ — все это положило на Кити печать обаятельной женственной чистоты, и она выступаетъ въ романѣ въ лучахъ свѣта, совершенно не похожая на барышень новѣйшей формаціи, прошедшихъ чрезъ открытыя учебныя заведенія, публичныя лекціи, консерваторіи и

развивательныя бесѣды блестящихъ тетушекъ и кузинъ, идущихъ „наравнѣ съ вѣкомъ“. Этими именно сторонами своей индивидуальности такъ неотразимо дѣйствовала Кити на Константина Левина, перенося его „въ волшебный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя умиленнымъ и смягченнымъ, какимъ онъ могъ запомнить себя въ рѣдкіе дни своего ранняго дѣтства“. Мы не знаемъ ничего плѣнительнѣе въ этомъ отношеніи небольшой сцены на каткѣ, въ первой части романа: въ разговорѣ между Кити и Левинымъ столько чуткости, столько цѣломудренной впечатлительности къ каждому оттѣнку слова и чувства что для большинства современныхъ читателей, мы полагаемъ, смыслъ этой сцены надо считать почти потеряннымъ. Да и вообще вся та внутренняя сторона жизни которою живутъ Щербацкіе, Левины, Облонскіе, все то обаяніе которымъ облекъ авторъ эту жизнь и взаимныя отношенія этихъ лицъ между собою, почувствованы вѣроятно весьма немногими. По крайней мѣрѣ то что мы встрѣтили въ печатныхъ отзывахъ о романѣ графа Толстаго, только подтверждаетъ наше предположеніе. Критика или прошла мимо этой стороны изображаемой авторомъ дѣйствительности, или не скрыла своего неудовольствія — зачѣмъ ее хотятъ въ такомъ обаятельномъ свѣтѣ показать читателю, тогда какъ она заранѣе осуждена всѣмъ теченіемъ „новыхъ идей“ и новыхъ вкусовъ. Въ одной газетной рецензіи мы даже встрѣтили сѣтованіе, зачѣмъ авторъ даетъ такъ мало мѣста Николаю Левину и его подругѣ жизни, тогда какъ эти два лица, по мнѣнію рецензента, самыя интересныя во всемъ романѣ...

Заговоривъ о дѣйствующихъ лицахъ *Анны Карениной*, нельзя обойти молчаніемъ странный упрекъ, дѣлаемый автору за то будто эти лица по большей части представляютъ лишь повтореніе героевъ и героинь *Войны и Мира*. Здѣсь опять сказалось крайнее непониманіе среды выведенной въ обоихъ произведеніяхъ, даже непониманіе общихъ условій жизни. Новые люди являются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ лишь въ томъ летучемъ слоѣ общества который лишенъ всякой внутренней жизни и представляетъ нѣчто въ родѣ открытаго пустаго сосуда, свободно наполняемаго всякимъ теченіемъ. Въ этомъ слоѣ, преимущественно знакомомъ нашей литературѣ, дѣйствительно характеры и типы формируются по покрою послѣдней журнальной идеи и вби-

раютъ въ себя все то что̀ носится по вѣтру. Но въ нашемъ обществѣ, несмотря на всю его расшатанность и распущенность, существуетъ нѣчто болѣе содержательное и устойчивое, чѣмъ этотъ летучій слой. Среда выведенная въ *Войнѣ и Мирѣ* и въ *Аннѣ Карениной* (это одна и та же старо-дворянская, московская среда) имѣетъ свою собственную жизнь, свои историческія и бытовыя преданія, представляющія значительный отпоръ новымъ теченіямъ. Она вбираетъ въ себя изъ нихъ то въ чемъ дѣйствительно выражается поступательное движеніе цивилизаціи, но отвергаетъ все враждебное тѣмъ культурнымъ началамъ, на которыя эта среда въ правѣ смотрѣть какъ на свое лучшее достояніе. Такая устойчивость ведетъ къ весьма естественной наслѣдственности типовъ и характеровъ. Несмотря на существенныя измѣненія испытанныя нашимъ общественнымъ устройствомъ, условія подъ которыми живетъ эта среда — одни и тѣ же: матеріальная независимость, европейское просвѣщеніе, европейскія формы жизни, обширныя, близкія, часто кровныя связи съ московскимъ и петербургскимъ большимъ свѣтомъ. При такихъ условіяхъ, родовыя преданія получаютъ значительную крѣпость, и нѣтъ ничего удивительнаго, напримѣръ, если старый князь Щербацкій — такой же московскій баринъ, такой же отецъ въ своей семьѣ, такая же чисто-русская старо-дворянская натура какъ и старый графъ Ростовъ въ *Войнѣ и Мирѣ*. Нѣтъ ничего удивительнаго если Кити, воспитанная въ такомъ же семействѣ, въ такихъ же преданіяхъ какъ и Наташа Ростова, представляетъ кое-какія общія съ нею черты. Тутъ разница можетъ быть только въ оттѣнкахъ, и конечно никто не станетъ увѣрять чтобъ оттѣнки не были положены авторомъ. Въ этой средѣ отдѣльныя индивидуальности слишкомъ поддающіяся тѣмъ новымъ вѣяніямъ которыя приносятся извнѣ неизбѣжно тотчасъ же изъ нея выходитъ. Такой примѣръ представляетъ братъ Константина Левина, Николай. Его натура протестуетъ именно противъ устойчивости среды, его бѣситъ присутствіе въ ней контролирующаго аппарата, который она представляетъ всякой новой идеѣ, всякому новому явленію жизни. Самъ онъ разомъ перешагнулъ въ это *новое*, и хотя бы ему пришлось въ томъ раскаяться, онъ навсегда сохранитъ ожесточеніе противъ своей среды за то что она не только не одобряетъ его прыж-

ка, но видитъ въ немъ нѣкотораго рода casus belli, актъ безповоротнаго и непоправимаго разрыва. Всѣ жалѣютъ Николая Левина, но всѣ, даже братъ его, понимаютъ что онъ принадлежитъ уже другому міру, что всѣ связи съ воспитавшею его средой порваны. И чѣмъ болѣе Николай чувствуетъ что самые близкіе къ нему люди, въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, стараются замаскировать фактъ разрыва, тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ настаиваетъ онъ на этомъ фактѣ: состраданіе оскорбляетъ его и растравляетъ незажившую рану.

Все что̀ мы говорили до сихъ поръ объ отношеніяхъ нашей критики и литературныхъ вкусовъ современной публики къ новому роману графа Толстаго, свидѣтельствуетъ до какой степени трудно бороться съ господствующими понятіями и требованіями писателю продолжающему художественныя преданія предыдущаго періода нашей литературы. Эти понятія и требованія настолько понизились что всякое произведеніе возвышающееся надъ уровнемъ тенденціозной посредственности порождаетъ недоразумѣнія. Автору приходится имѣть дѣло не только съ непониманіемъ его художественной задачи, но и съ вырожденіемъ общественныхъ вкусовъ, съ недоступностью для читающей массы тѣхъ обаяній которыя сохранили власть надъ нимъ. Онъ расходуетъ свой талантъ чтобы создать поэтическій образъ, и вдругъ оказывается что его читатель вовсе не расположенъ любоваться этимъ образомъ, что для него Маша, подруга жизни Николая Левина, гораздо интереснѣе Кити Щербацкой и Анны Карениной...

Нельзя сомнѣваться въ томъ что краски потраченныя графомъ Толстымъ на обѣихъ героинь его романа пропали для большинства современныхъ читателей. Мы видѣли что уже не понято самое главное въ изящно-поэтическомъ образѣ Кити — не понято не потому чтобъ этотъ образъ былъ чуждъ современной дѣйствительности, но потому что такія героини не во вкусѣ общества нашихъ дней. Русскій читатель обращается къ романисту съ такими же требованіями новыхъ фасоновъ и матерій, какъ къ своему портному. Его вкусы демократизированы всѣмъ тѣмъ что̀ ежедневно подноситъ ему текущая литература, и въ области типовъ и идеаловъ у него сложились новыя симпатіи. Онъ желаетъ чтобы героини современнаго романа были демокра-

тизованы въ той же мѣрѣ въ какой демократизовался онъ самъ, чтобы на нихъ легъ тотъ пошловатый тонъ, который лежитъ на всей современной жизни.

Наиболѣе непониманія обнаружила впрочемъ критика въ отношеніи къ самой Аннѣ Карениной. Если воздухъ окружающій Кити Щербацкую оказался непонятенъ или непріятенъ газетнымъ рецензентамъ, то по крайней мѣрѣ они не рѣшились сказать чтобы для нихъ оказалась непочувствованною наивная, дѣвственная грація, въ лучахъ которой выступаетъ въ романѣ этотъ прелестный образъ. Аннѣ Карениной повидимому посчастливилось еще менѣе. Фельетонисты большихъ и малыхъ газетъ признали ее обыкновенною и безнравственною женщиной. Они осудили ее уже не за обстановку, которая имъ конечно тоже очень мало нравится, а за ея женскую индивидуальность.

Фактъ очень любопытный. Та самая критика которая требуетъ свободы чувства, невмѣняемости паденія и пр., владаетъ въ негодующій тонъ по поводу увлеченія Анны Карениной, замужней женщины.... Та самая журналистика которой наше общество болѣе всего обязано опошленіемъ вкусовъ и понятій, пониженіемъ умственнаго и эстетическаго уровня, вопіетъ теперь, зачѣмъ Анна Каренина—обыкновенная женщина. Нѣтъ ли тутъ опять какого-нибудь недоразумѣнія, чтобъ не сказать лицемѣрія?

Безъ всякаго сомнѣнія, недоразумѣніе играетъ тутъ огромную роль. Газетная критика отнеслась бы къ паденію Анны Карениной совершенно иначе, еслибъ оно совершилось при другой обстановкѣ. Анна Каренина невозвратно погубила себя въ глазахъ современной критики, вопервыхъ, тѣмъ что она барыня, вовторыхъ, тѣмъ что будучи барыней она не сознаетъ въ этомъ обстоятельствѣ никакой вины съ своей стороны и не желаетъ выйти изъ своего привилегированнаго положенія, и наконецъ втретьихъ, тѣмъ что она влюбляется въ графа Вронскаго, человѣка съ блестящею военно-придворною карьерой. Влюбись она иначе, напримѣръ хоть бы въ Николая Левина, было бы совсѣмъ другое дѣло: въ глазахъ современныхъ цѣнителей она вдругъ выросла бы до героизма, до идеала. Сознался же одинъ рецензентъ что Маша гораздо интереснѣе Анны; тогда Анна сдѣлалась бы, вѣроятно, гораздо интереснѣе Маши...

Оставимъ впрочемъ въ сторонѣ вопросъ о нравственности,

такъ какъ въ этой области современные литературные судьи мѣряютъ весьма различными аршинами, и остановимся на томъ обвиненіи которое низводитъ Анну Каренину на степень обыкновенной женщины.

Здѣсь мы опять входимъ въ область вкусовъ и модныхъ фасоновъ. Что значитъ обыкновенная, иначе говоря пошлая женщина? Каждое новое поколѣніе отвѣчаетъ у насъ на этотъ вопросъ иначе. Обыкновенная ли женщина Татьяна Пушкина? Обыкновенная ли женщина Вѣра въ *Героѣ Нашего Времени*, съ которою Анна Каренина имѣетъ ближайшее сродство? Обыкновенная ли женщина Зинаида Вольская, едва намѣченная Пушкинымъ въ небольшомъ отрывкѣ, начинающемся словами: „Гости съѣзжались на дачу"?... Обыкновенная ли женщина княжна Засѣкина въ повѣсти г. Тургенева *Первая Любовь*? Да, конечно, всѣ эти женщины очень обыкновенны, потому что онѣ вполнѣ женщины, онѣ ничего не приняли въ себя извнѣ кромѣ того что даетъ сама жизнь — обыкновенная повседневная жизнь въ извѣстномъ кругу общества, гдѣ женщина занимаетъ свое опредѣленное мѣсто, среди издавна сложившейся обстановки. Современная критика вѣроятно назоветъ этихъ героинь даже пошлыми женщинами, и она будетъ права съ своей точки зрѣнія, хотя можно также сказать что это такая точка зрѣнія съ которой нельзя быть правымъ. Современная критика, отчасти и современные общественные вкусы, требуютъ прежде всего отъ женщины чтобъ она какъ можно менѣе была женщиной и какъ можно болѣе походила на студента или на семинариста. Приглядитесь къ героинямъ выводимымъ на подмостки романа новѣйшими беллетристами—васъ непремѣнно поразитъ стараніе авторовъ отнять у этихъ героинь всякую женственность и привить имъ тѣ протестующіе элементы которые такъ противны въ самомъ принципѣ женской натурѣ. И читатель очень хорошо чувствуетъ это, хотя по свойственнымъ русскому читателю табуннымъ свойствамъ не рѣшается сознаться въ своемъ чувствѣ. Однако не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ что эти новѣйшія героини, привлекая любопытство какъ нѣчто новое, модное и иногда куріозное, лишены самаго обыкновеннаго обаянія, производимаго на читателя *женственными* женскими типами. Современный читатель не влюбляется въ этихъ героинь, какъ влюблялись читатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ Татьяну Пушкина, въ

княжну Мери и въ Вѣру Лермонтова; поэтическій нервъ, связывающій публику съ женскими идеалами создаваемыми литературой, остается мертвъ. Какъ ни сбита съ толку современная публика, она понимаетъ что женщина является въ романѣ не съ той стороны гдѣ ея достоинство могло бы быть возвышено блестящимъ знаніемъ акушерскаго искусства или педагогическими способностями учительницы воскресной школы. Романъ, какъ бы то ни было, есть поэтическое отраженіе жизни, а потому и женщинѣ всего естественнѣе выступить въ немъ поэтическою стороной своей натуры. Современная критика повидимому вовсе не допускаетъ этого простаго логическаго требованія. Ей хотѣлось бы сдѣлать женщину носительницей идей, которымъ служитъ нынѣшній журнализмъ, хотѣлось бы наполнить ее газетными тенденціями, и съ этимъ снарядомъ втолкнуть въ общество, въ семью. У героинь этого сорта есть своя публика, которая можетъ-быть даже находитъ особаго рода поэзію въ такомъ извращеніи женской природы. Для этой публики конечно будутъ совершенно непонятны тѣ героини которыя, вопреки всѣмъ новымъ вкусамъ и фасонамъ, остаются вполнѣ женщинами, со всѣми женскими слабостями и добродѣтелями; которыя остаются равнодушны къ совершающемуся въ той области гдѣ онѣ не живутъ сердцемъ, и уходятъ въ свою внутреннюю жизнь, полную страсти, борьбы и неизбѣжныхъ разочарованій. Ввести въ этотъ интимный міръ современнаго читателя довольно трудно: онъ встрѣчаетъ тамъ непокорное женское сердце, не подчиняющееся рѣшеніямъ, столь для него яснымъ, сложившимся въ такія стереотипныя формулы; онъ находитъ тамъ индивидуальные интересы, такъ мало понятные для него, пріученнаго выкраивать всякое явленіе жизни по извѣстному шаблону.

По поводу Анны Карениной мы припомнили нѣкоторыхъ героинь нашей прежней художественной литературы, потому что у всѣхъ этихъ женщинъ есть одна преобладающая общая черта: всѣ онѣ по преимуществу живутъ жизнью сердца. Въ этой жизни для нихъ заключенъ цѣлый міръ, настолько богатый впечатлѣніями что уже мало интересуетъ что-либо внѣ его. Современная критика видитъ въ этомъ своего рода ограниченность и называетъ такихъ женщинъ обыкновенными и пошлыми; прежняя наша литература видѣла въ этой ненасытной потребности сердца признакъ глубокой на

туры и, главное, проявленіе того что̀ она наиболѣе цѣнила въ женщинѣ—ея женственности. Указываемъ на это лишь какъ на фактъ, не предполагая вдаваться въ его оцѣнку.

Замѣтимъ что личныя симпатіи автора романа не склоняются къ Аннѣ Карениной. Это не изъ тѣхъ женскихъ типовъ которые онъ воспроизводитъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Припомнимъ замѣчаніе сдѣланное Кити на балѣ послѣ мазурки, которую Вронскій танцовалъ съ Анной: „Да, что-то *чуждое*, бѣсовское и прелестное есть въ ней, сказала себѣ Кити.“ Въ этихъ словахъ, и въ особенности въ элитетѣ *чуждое*, отчасти высказалось отношеніе самого автора къ своей героинѣ. Анна Каренина очевидно принадлежитъ къ тѣмъ женскимъ типамъ которые покойный Аполлонъ Григорьевъ называлъ „хищными“. На противоположности между Карениной и Кити Щербацкой основанъ главнымъ образомъ интересъ одной изъ лучшихъ главъ въ первой части романа, именно той главы гдѣ обѣ героини встрѣчаются на балѣ. Нигдѣ авторъ не положилъ столько нѣжныхъ и плѣнительныхъ красокъ; онѣ обѣ прекрасны, эти двѣ царицы блестящаго московскаго бала, но это двѣ совершенно различныя красоты и двѣ совершенно различныя индивидуальности. И онѣ обѣ отразили на себѣ ту фазу въ которую вступили ихъ отношенія къ Вронскому въ этотъ вечеръ—одна уныніе и увяданіе, другая медленно разгоравшійся внутри ея огонь страсти и удовлетвореннаго самолюбія. Припомнимъ нѣсколько строкъ, сопоставленныхъ авторомъ почти рядомъ: „Она (Кити) чувствовала себя убитою. Она зашла въ глубь маленькой гостиной и опустилась на кресло. Воздушная юпка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана; одна обнаженная рука безсильно опущенная утонула въ складкахъ розоваго тюника, въ другой она держала вѣеръ и быстрыми короткими движеніями обмахивала свое разгоряченное лицо. Но вопреки этому виду бабочки, только-что уцѣлившейся за травку и готовой вотъ-вотъ вспорхнувъ развернуть радужныя крылья, страшное отчаяніе щемило ей сердце.“ А противъ нея въ той же гостиной сидѣла Каренина съ Вронскимъ и на лицѣ послѣдняго лежало выраженіе потерянности и покорности, похожее на выраженіе умной собаки, когда она виновата: онъ былъ виноватъ своимъ счастьемъ. „Анна улыбалась и улыбка передавалась ему. Она задумывалась и онъ становился серіозенъ.

Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити къ лицу Анны. Она была прелестна въ своемъ простомъ черномъ платьѣ, прелестны были ея руки съ браслетами, прелестна шея съ ниткой жемчуга, прелестны волосы разстроившейся прически, прелестны граціозныя легкія движенія, прелестно это красивое лицо въ своемъ оживленіи; но было что-то ужасное и жестокое въ ея прелести.“

Съ этого вечера начинается собственный романъ Анны. Ничего особеннаго повидимому еще не произошло, но заронившаяся искра начинаетъ тлѣть, медленно, но упорно разгораясь все болѣе и болѣе. Анализъ этой непримѣтно зарождающейся и разгорающейся страсти исполненъ авторомъ съ такимъ высокимъ мастерствомъ, къ которому современный читатель совсѣмъ не пріученъ. Въ романѣ введено столько необычайно тонкихъ и глубокихъ наблюденій что часто по одному намеку автора внезапно озаряются свѣтомъ самые интимные тайники женскаго сердца. Пусть читатель возьметъ снова въ руки февральскую книжку нашего журнала и перечтетъ напримѣръ XX главу, въ которой Анна ѣдетъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ: такой силы психологическаго анализа графъ Толстой не достигалъ даже въ *Войнѣ и Мирѣ*. Во время этой поѣздки опять ничего замѣчательнаго во внѣшнемъ смыслѣ не произошло съ Карениной, а между тѣмъ въ тайникахъ ея сердца совершился тотъ невидимый процессъ который рѣшилъ всю ея жизнь. Страницы подобныя этимъ нельзя читать такъ какъ обыкновенно читаются романы, то-есть въ ожиданіи ближайшей развязки; къ нимъ надо возвращаться, когда это ожиданіе уже удовлетворено, и вникать въ каждую отдѣльную черту, въ каждый штрихъ этой высоко-художественной работы. Развитіе страсти, борьба съ нею, новыя и трудныя отношенія къ мужу, въ какія вступаетъ Анна, и наконецъ та поразительная сцена, гдѣ эта женщина съ ужасомъ и отвращеніемъ оглядывается на свое паденіе, предъ глазами смущеннаго и уничтоженнаго сознаніемъ своего роковаго счастья Вронскаго— все это поэма страсти, изумительная по обилію красокъ и оттѣнковъ и по тонкости анализа. Для тѣхъ которые не умѣютъ различить въ Аннѣ ничего далѣе обыкновенной, опошловатой и чувственной женщины, мы желали бы въ особенности указать на тѣ нѣсколько словъ которыми она обмѣнивается съ Вронскимъ въ только-что упомянутой сценѣ:

„— Все кончено, сказала она.—У меня ничего нѣтъ кромѣ тебя. Помни это.

„— Я не могу не помнить того что̀ есть моя жизнь. За минуту этого счастія....

„— Какое счастіе! съ отвращеніемъ и ужасомъ сказала она, и ужасъ невольно сообщился ему. — Ради Бога, ни слова, ни слова больше.“

Если мы рядомъ съ этими двумя женщинами поставимъ обоихъ героевъ романа, Вронскаго и Левина, мы должны будемъ сознаться что первыя поставлены авторомъ гораздо сильнѣе. Вронскій и Левинъ безъ всякаго сомнѣнія ниже того подъема на которомъ стоитъ захваченная романомъ жизнь. Вронскій очень типиченъ, очень ясенъ, но внутреннее содержаніе его, конечно, ниже роли предоставленной ему въ драмѣ. И это вышло не случайно, это очевидно входило въ планъ автора. Не безъ намѣренія показываетъ авторъ глубокое различіе между міросозерцаніемъ Вронскаго и тѣми внутренними признаками которыми отмѣчена въ романѣ жизнь Щербацкихъ, Левиныхъ, даже Облонскихъ. Повидимому, это люди одного и того же круга, это одно и то же столичное свѣтское общество — но въ старо-дворянскихъ московскихъ семьяхъ за внѣшнимъ ритуаломъ свѣтскаго быта чувствуется нѣчто нравственно-культурное, есть честныя и строгія преданія, тогда какъ Вронскій и его общество вполнѣ наполнены и удовлетворены одною внѣшнею, свѣтскою стороною существованія. „Въ его петербургскомъ мірѣ, говоритъ авторъ, всѣ люди раздѣлялись на два совершенно противоположные сорта. Одинъ, низшій сортъ: пошлые, глупые и главное смѣшные люди, которые вѣруютъ въ то что одному мужу надо жить съ одною женою, съ которою онъ обвѣнчанъ, что дѣвушкѣ надо быть невинною, женщинѣ стыдливою, мущинѣ мужественному, воздержному и твердому, что надо воспитывать дѣтей, зарабатывать свой хлѣбъ, платить долги, и разныя тому подобныя глупости. Это былъ сортъ людей старомодныхъ и смѣшныхъ. Но былъ другой сортъ людей, настоящихъ, къ которому они всѣ принадлежали, въ которомъ надо быть главное элегантнымъ, красивымъ, великодушнымъ, смѣлымъ, веселымъ, отдаваться всякой страсти не краснѣя и надъ всѣмъ остальнымъ смѣяться. Вронскій только въ первую минуту былъ ошеломленъ послѣ впечатлѣній *совсѣмъ другаго міра*, привезенныхъ имъ изъ Москвы;

но тотчасъ же, какъ всунулъ ноги въ старыя туфли, онъ вошелъ въ свой прежній веселый и пріятный міръ.“

Вѣроятно въ общемъ планѣ произведенія автору нуженъ былъ именно такой герой; чтобы судить объ этомъ, необходимо подождать окончанія романа.

Константинъ Левинъ очевидно сосредоточиваетъ на себѣ всѣ симпатіи автора, и выступаетъ въ романѣ съ тѣми чертами задушевности какими графъ Толстой умѣетъ рисовать свои любимые простые и смиренные русскіе типы. Но ему недостаетъ инціативы, и потому въ тѣхъ мѣстахъ романа гдѣ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ Левинъ, какъ будто ослабѣваетъ драматическое напряженіе, и читатель входитъ въ область идилліи. Въ особенности это относится къ главамъ посвященнымъ деревенской жизни Левина. Здѣсь интересъ сосредоточивается уже не на столкновеніи характеровъ, а на эпическомъ изображеніи остановившагося теченія жизни... Надо впрочемъ сказать что художественное мастерство и свѣжесть этихъ изображеній искупаютъ недостатокъ драматическаго дѣйствія.

Говоря о герояхъ *Анны Карениной*, невозможно забыть Стиву Облонскаго, этотъ вполнѣ удавшійся, превосходный типъ современнаго московскаго барина. Невозможно представить болѣе увлекательнымъ образомъ человѣка средняго ума и среднихъ достоинствъ: несмотря на его средніе размѣры, читатель съ первыхъ страницъ пріучается любить его тѣмъ дружески снисходительнымъ чувствомъ, какое эти люди возбуждаютъ въ самой жизни.

Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ мы конечно не предполагали дать полную оцѣнку новаго произведенія графа Толстаго; да такая оцѣнка и невозможна пока романъ не оконченъ въ печати. Мы имѣли въ виду только объяснить по своему крайнему пониманію происхожденіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, замѣченныхъ нами въ отношеніяхъ критики и читающей публики къ этому въ высшей степени замѣчательному произведенію. Для полной же критической оцѣнки мы еще будемъ имѣть время, когда весь романъ сдѣлается достояніемъ печати.

А.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

Вышла и раздается гг. подписчикамъ (пятая) МАЙСКАЯ книжка историческаго, иллюстрированнаго сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“. Содержаніе ея слѣдующее:

Текстъ: I. Чума въ Москвѣ 1771 года. Гл. I и II. *Д. Л. Мордовцева.* — II. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Критико-біографическій очеркъ. Гл. I. Проф. *В. С. Иконникова.*—III. Василій Никитичъ Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII в. Гл. IX. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—IV. Ссылка прусскаго почтъ-директора Вагнера въ Сибирь (1759 — 1763). *Е. К. Петровскаго.*—V. Остатки Засѣчно-сторожевой линіи въ предѣлахъ Воронежской губерніи. *В. Н. Майнова.*—VI. Херсонесскій монастырь. *П. К. Мартьянова.*—VII. Критика и библіографія: 1) Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи (гг. Васильевскаго и Миллера). Проф. *Д. И. Иловайскаго.* — 2) Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807). А. Г. Брикнера. М. 1874. *Б. Гнв.*—3) Металлы и металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи (матеріалы для исторіи русскаго горнаго промысла). Соч. М. Д. Хмырова, исправленное и дополненное К. А. Скальковскимъ. Спб. 1875.—VIII. Анекдотъ объ Аракчеевѣ. *Рисунки:* I. П. Д. Еролкинъ.—II. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій (хромолитографія).—III. Карта Воронежской губерніи.—IV. Херсонесскій монастырь.—V. Фасадъ и планъ собора Св. Владиміра въ Херсонесскомъ монастырѣ.

Подписка на Сборникъ Древняя и Новая Россія принимается въ Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, на Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при типографіи и хромолитографіи издателя В. И. Граціанскаго и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ, д. № 30, и И. Г. Мартынова, на Вознесенскомъ, д. № 15. *Въ Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣевыхъ. *Въ Варшавѣ:* въ книжномъ магазинѣ В. М. Истомина. *Въ Одессѣ:* въ книжномъ магазинѣ Бѣлаго.

Подписная цѣна за 12 книжекъ въ годъ 12 р., съ доставкою на домъ 12 р. 50 к., съ перес. 13 р. 50 к. 4.674.

Сего 1го мая вышла и разослана подписчикамъ V, майская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА".

Содержаніе книги: I. Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини (императрицы) Александры Ѳеодоровны 1817—19 (Окончаніе.). — II. Князь Потемкинъ-Таврическій, біографическій очеркъ, по неизданнымъ матеріаламъ: переписка и событія 1786—89 — III. Атаманъ Войска Донскаго Кутейниковъ: пребываніе двухъ сенаторовъ на Дону,—донесенія сенат. Болгарскаго,—переписка съ Чернышевымъ и пр., 1827—36 — IV. Василій Назаровичъ Каразинъ: Основаніе Харьковскаго университета 1802 — V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, гл. XV: Москва и московское общество въ 1828—29 — VI. А. С. Даргомыжскій, матеріалы для его біографіи, вновь открытыя о немъ свѣдѣнія 1865 года.— VII. Петръ Великій во Франціи 1717 года: вновь открытыя о немъ дѣянія. — VIII. Екатерина II и Пугачевщина: неизданныя собственноручныя распоряженія императрицы Екатерины 1774 года. — IX. Русская церковь въ Потсдамѣ 1718 — 1807 — X. Памятникъ Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи.—XI. Замѣтка А. Баумгартена къ письмамъ кн. Меншикова о Севастополѣ.—XII. Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь?—XIII. Листки изъ записной книжки *Русской Старины:* 1) Письмо служилаго человѣка при Петрѣ Великомъ.—2) Лѣкарство отъ правежа.—3) Карлъ-Леопольдъ Мекленбургскій † 1747 — 4) Одинъ изъ докладовъ кн. Потемкина 1788 г.—5) Характеристика полководца Суворова, имъ самимъ сдѣланная.—6) Предсказаніе о смерти Ермолова.—7) Выкупъ артиста М. С. Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія 1818 года.—8) Письмо поэта Т. Шевченка съ примѣчаніями Н. И. Костомарова. — 9) Архитекторъ Р. И. Кузьминъ.—XIV. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ этой книгѣ приложены: I. Записки Манштейна о Россіи, 1727—1744, переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи автора. Главы V—VII, событія 1732—1734 — II. Заглавная виньетка къ XIII тому, рисунокъ профессора Шарлеманя, гравир. академикъ А. А. Сѣряковъ.—III. Изображеніе рѣдкой медали: императрица Анна Іоанновна. —

IV. Снимокъ съ письма кн. Потемкина къ А. В. Суворову.— V. Рисунокъ памятника Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи.

Русская Старина 1870 года (два изданія), 1871 года, 1873 года и 1874 года разошлась сполна по подпискѣ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ двѣнадцать книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой (*осталось 42 экземпляра).*

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изданія 1875 года продолжается. Двѣнадцать книгъ, съ портретами, рисунками и прочими приложеніями,

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургъ, Надеждинская, домъ № 42, кв. № 12.

Примѣчаніе. Печатается (въ двухъ типографіяхъ) *третье* изданіе *перваго* года *Русской Старины*, то-есть 1870 года, двѣнадцать книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ присылать *восемь* рублей, дабы своевременно получить это изданіе по его отпечатаніи. Цѣна 8 р. съ пересылкой. 4.677.

О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ *

III. О блокадѣ.

Говоря о правѣ торговли нейтральныхъ съ воюющими, мы замѣтили что при исполненіи нейтральнымъ государствомъ обязанностей принятыхъ имъ на себя въ силу своего положенія, то-есть при соблюденіи безпристрастія и невмѣшательства въ военныя дѣйствія, оно остается совершенно свободнымъ въ остальныхъ своихъ торговыхъ дѣйствіяхъ съ воюющими. Но такъ какъ торговля усиливаетъ непріятеля, то, очевидно, въ интересахъ воюющаго уничтожать ее. Спрашивается, какимъ же образомъ соединить эти два права: дать воюющему возможность осуществить свое право относительно непріятеля, не нарушая тѣмъ правъ державъ оставшихся мирными зрителями борьбы? Отвѣтомъ на это служитъ право воюющаго блокировать территорію своего непріятеля, по частямъ или въ цѣлости. **

---

* Окончаніе. См. № 4 *Русскаго Вѣстника.*

** Весьма важно различіе между блокадою и контрабандой: препятствовать торговлѣ нейтральнаго военною контрабандой съ противникомъ есть со стороны воюющаго мѣра *репрессивная,* такъ какъ торговля контрабандой, какъ вмѣшательство въ войну, обусловливаетъ нарушеніе нейтралитета. Блокада же, распространяющаяся на торговлю всякими предметами нейтральнаго государства съ

Какое же юридическое основаніе права блокады? Какимъ условіямъ должна соотвѣтствовать блокада, чтобы дать воюющему *право* прекратить сношенія нейтральныхъ съ непріятелемъ, не нарушая тѣмъ принципа свободы ихъ торговли?

Большинство писателей видятъ въ блокадѣ лишь приложеніе права необходимости: только въ силу военной необходимости воюющее государство можетъ блокировать портъ или прибрежье непріятельской территоріи и прекратить сношеніе съ нейтральными. Выше было сказано объ этомъ мнимомъ правѣ, о его неопредѣленности даже въ понятіяхъ его защитниковъ, его противорѣчіи всѣмъ принципамъ международнаго права. Здѣсь можно указать только на то что если видѣть основаніе блокады въ правѣ необходимости, то мы придемъ къ такимъ выводамъ которые отвергаютъ сами защитники этой теоріи.

Дѣйствительно, необходимость можетъ побудить воюющаго воспретить всякую торговлю съ нейтральнымъ, не только въ мѣстахъ дѣйствительно блокируемыхъ, но подъ видомъ общей, фиктивной, блокады, во всѣхъ портахъ и гаваняхъ непріятеля. Этого не допускаютъ защитники системы необходимости, такъ какъ чрезъ фиктивную блокаду уничтожается общее право торговли нейтральныхъ. Но гдѣ же граница права необходимости? Почему по праву необходимости государство можетъ воспротивиться торговлѣ нейтральнаго съ тѣмъ или другимъ портомъ, гаванью и пр. непріятеля, но право это не распространяется на всю его торговлю?

Чувствуя несостоятельность теоріи о правѣ необходимости въ своемъ непосредственномъ приложеніи къ блокадѣ, Коши * раздѣляетъ военныя дѣйствія на двѣ группы: первую составляетъ война полевая въ широкомъ смыслѣ слова (сюда же относится и морская), вторую — война осадная и блокадная. Относительно первой нейтральные обязаны только воздерживаться отъ торговли военною контрабандой, относительно второй обязанность ихъ гораздо шире. Вторая

однимъ изъ воюющихъ, не отрицая права торговли нейтральнаго *вообще*, отрицаетъ его только относительно нѣкоторыхъ опредѣленныхъ блокированныхъ мѣстъ. Блокада такимъ образомъ есть дѣйствіе предпринимаемое прямо противъ непріятеля и лишь *косвенно* падающее на нейтральное.

* Cauchy, II, 197.

группа военныхъ дѣйствій влечетъ за собою возможность полнаго прекращенія нейтральной торговли, * хотя въ существѣ своемъ обязанности нейтральныхъ остаются тѣ же. Граница права необходимости, по мнѣнію Коши, въ слѣдующемъ. Для того чтобъ оно было приложимо на дѣлѣ, необходимо чтобы портъ или гавань были подвергнуты дѣйствительной блокадѣ, чтобъ осадная война существовала de facto. Это послѣднее положеніе, само по себѣ вѣрное, однакоже вовсе не вытекаетъ изъ дѣленія войны на полевую и осадную. Оно можетъ быть важно для стратегика, но для юриста не имѣетъ значенія. Допуская даже его, остается все-таки необъясненнымъ на основаніи какого права можетъ быть прекращена торговля нейтральныхъ съ блокированнымъ портомъ, если обязанности нейтральныхъ и при блокадной войнѣ не терпятъ измѣненія. **

По Гесснеру, *** также признающему право необходимости, блокада есть не что иное какъ расширеніе понятія о контрабандѣ. **** Это не вѣрно: блокада имѣетъ цѣлью прекратить всякаго рода сношенія осажденнаго съ остальнымъ міромъ, а не только лишить его извѣстныхъ продуктовъ. Къ тому же, если напримѣръ осаждающій стоитъ предъ мѣстомъ котораго голодомъ нельзя принудить къ сдачѣ, то, очевидно, нѣтъ уже *необходимости* считать подвозъ жизненныхъ припасовъ контрабандой. Такимъ образомъ понятіе о блокадѣ является весьма неясно формулованнымъ. Оно то расширяется, то суживается; при однихъ обстоятельствахъ, одни предметы считаются контрабандой, при другихъ тѣ же предметы перестаютъ считаться таковою. Блунчли † видитъ въ блокадѣ лишь необходимость, но думаетъ что именно поэтому блокада должна быть допускаема только тамъ гдѣ есть *абсолютная* въ ней необходимость. Но гдѣ же эта абсолютная необходимость? Кто въ ней судья, воюющій или нейтральный? Что касается до англійскихъ писателей, они не углубляются въ вопросъ объ основаніяхъ блокады и

* Это *conséquence spéciale*, ibid, 420.

** Cauchy. II, 199 et 200.

*** Gessner, *Recht*, 68.

**** Ibid. 72: *„der Einfluss einer Blockade auf den neutralen Schandel würder daher nur der sein dass der Begriff der Contrabande ausgebehnt wird...“*

† Bluntshli, § 827.

слѣдуя постоянной своей методѣ, принимаютъ рѣшенія англійскаго Адмиралтейства какъ непреложныя истины, и ограничиваются ихъ разработкой.

Всѣ названные писатели однакоже признаютъ необходимымъ условіемъ блокады ея *дѣйствительность*. Только съ момента дѣйствительнаго обложенія начинается приложеніе права необходимости для воюющаго.

Ясно что это условіе вовсе не вытекаетъ изъ предшествующихъ разсужденій; оно основано на одномъ лишь наблюденіи *факта*. Вопросъ же о томъ почему необходимо требуется *дѣйствительность* блокады, съ юридической стороны остается необъясненнымъ. Спрашивается, гдѣ же искать основаніе права блокады? Воюющее государство, осаждая гавань, портъ непріятельскій, окружаетъ его своими войсками. Мѣста на которыхъ расположены войска эти, eo ipso, по праву завоеванія, становятся территоріей государства которому принадлежатъ силы занимающія ихъ; имъ слѣдовательно пріобрѣтается юрисдикція въ силу территоріальной власти *. Въ силу своей юрисдикціи, государство войска коего осаждаютъ можетъ воспротивиться всякому дѣйствію несогласному съ законами изданными имъ на своей территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя неограниченную и безконтрольную власть на собственной территоріи, оно можетъ издать какія угодно постановленія, можетъ дозволить иностранцамъ доступъ на свои владѣнія, но можетъ и воспретить его. Воспрещая доступъ иностранцевъ на территорію окружающую осажденный городъ или крѣпость, оно *блокируетъ* его. Очевидно что дѣлая это оно пользуется своимъ правомъ, дѣйствуетъ въ силу своего суверенитета и здѣсь вполнѣ приложимо правило: qui jure suo utitur neminem laedit. Поэтому-то завоеватель, прекращая торговлю нейтральнаго съ блокированнымъ мѣстомъ, не нарушаетъ тѣмъ правъ нейтральнаго на свободную торговлю. Онъ воспрещаетъ только транзитную торговлю съ непріятелемъ черезъ свою территорію. Нейтральное государство не можетъ видѣть въ этомъ дѣйствіи нарушенія своей независимости и своихъ правъ; оно можетъ только, въ силу своего суверенитета, дѣйствовать на основаніи взаимности, и наложить на подданныхъ воюющаго тѣ же стѣснительныя

* *Occupatio bellica est modus aequirendi dominium.*

мѣры которымъ подвержены его подданные на территоріи воюющаго.

Вотъ принципы лежащіе въ основаніи права блокады. Территоріальная власть, а не право необходимости, находитъ здѣсь свое приложеніе. Такого взгляда держатся Готфёль, Гюбнеръ, Ортоланъ. Возраженія дѣлаемыя противъ нихъ съ точки зрѣнія теоріи необходимости весьма полно сформулованы Блунчли и приводятся къ слѣдующимъ *. „Блокада производится на открытомъ морѣ, гдѣ стоятъ блокирующія суда, а открытое море не зависитъ отъ территоріи какого-либо государства.“ Справедливо что открытое море свободно, но не менѣе справедливо и то что корабль пріобрѣтаетъ своему отечеству ту частицу моря на которой онъ стоитъ, точно также какъ на континентѣ войско пріобрѣтаетъ своему суверену ту часть непріятельской или *ничьей* (res nullius) территоріи которою завладѣло. Къ тому же блокада на открытомъ морѣ имѣетъ мѣсто только тамъ гдѣ не можетъ служить препятствіемъ къ сношеніямъ нейтральныхъ съ нейтральными же портами. Такъ, проливъ дающій доступъ къ морю, берега котораго принадлежатъ не исключительно непріятельской, а частью и нейтральнымъ державамъ, не можетъ быть занятъ блокирующею эскадрой, такъ какъ такое дѣйствіе составило бы, вопервыхъ, не *прямо* и *исключительно* противъ непріятеля направленное дѣйствіе, и вовторыхъ, нейтральное государство можетъ усмотрѣть по полному праву casus belli въ этомъ дѣйствіи, ставящемъ преграду свободѣ его сношеній. Блокада же, если производится даже судами стоящими на открытомъ морѣ, но явно и исключительно съ цѣлью вредить лишь непріятелю и препятствовать доступу только къ его территоріи, не содержитъ въ себѣ противорѣчія принципу свободы открытаго моря.

Блунчли ** признаетъ блокаду существующею если доступъ къ порту закрытъ батареями выведенными на берегу. Если же, за невозможностью устройства береговыхъ укрѣпленій, блокада возможна только съ открытаго моря, то не допустить такой блокады на томъ основаніи что она противорѣчитъ принципу свободы открытаго моря, значило бы жертвовать существеннымъ правомъ одной лишь формально-

* Bluntschli, § 827, примѣч. 1e.

** Bluntschli, § 829.

сти, и здѣсь воюющей сторонѣ пришлось бы испытать summum jus, summam injuriam.

Второе возраженіе касается шаткости, недолговременности суверенитета пріобрѣтаемаго кораблями надъ морскою территоріей (la souveraineté est essentiellement provisoire.) Но шаткій или нѣтъ, долговременный или краткосрочный, суверенитетъ этотъ однако существуетъ; международное право не можетъ руководиться вѣроятіемъ успѣха или неуспѣха, оно признаетъ совершившійся фактъ завоеванія, и пока фактъ продолжается оно его признаетъ за таковой. Только съ прекращеніемъ его, прекращается и право на немъ основанное. * Далѣе, по мнѣнію Блунчли, право это, основанное на фактѣ завладѣнія, далеко не неоспоримое. Блокированный берегъ большею частью остается въ рукахъ непріятеля, сохраняющаго такимъ образомъ суверенитетъ свой на портъ и на территоріальное море, такъ что нельзя утверждать чтобы фактъ завладѣнія совершился. ** Возраженіе это падаетъ само собою. По самому существу своему, блокада не требуетъ необходимымъ условіемъ завоеванія части морской территоріи, находящейся подъ vis armarum береговаго государства. Достаточно того чтобы доступъ къ блокируемому мѣсту находился въ рукахъ осаждающаго; и если онъ дѣйствительно въ его власти, то безразлично, остается ли портъ и часть моря во власти непріятеля.

Итакъ, право прекратить сношенія блокированнаго мѣста съ остальными государствами вытекаетъ изъ территоріальной власти, пріобрѣтенной воюющимъ вслѣдствіе факта завоеванія. Слѣдовательно, блокада безъ факта завоеванія немыслима. Воюющій не имѣетъ права противиться свободному пользованію территоріей ему не принадлежащею. Поэтому первое, существенное и необходимое условіе блокады — ея дѣйствительность, дѣйствительное завоеваніе извѣстной территоріи. Требованіе это есть логическое послѣдствіе вышеизложенныхъ данныхъ, оно принято и писателями основывающими право блокады на правѣ необходимости, но, какъ было замѣчено, вовсе не вытекаетъ логически изъ предпосылаемыхъ ими разсужденій. Но

---

* „Jus illud tantum acquiritur occupanti, quatenus occuppat.“

** Bluntschli, § 827, примѣч. 1е.

возникаетъ вопросъ: что должно считать *дѣйствительною блокадой?* Очевидно доступъ къ блокированному мѣсту долженъ находиться подъ постоянною властью блокирующаго. Поэтому здѣсь прилагается правило: ibi finitur potestas, ubi armorum vis. Что же касается до того чтобъ опредѣлить число судовъ необходимыхъ для блокады, то, очевидно, единообразное рѣшеніе этого вопроса не возможно. „Противно здравому смыслу“, говоритъ Ортоланъ, „требовать такого опредѣленія блокады для неизвѣстнаго мѣста“. * Одинъ портъ можетъ быть блокируемъ однимъ кораблемъ, другой требуетъ цѣлой эскадры. Должно замѣтить что нѣкоторые писатели признаютъ правильною блокаду производимую крейсерами (blocus par croisière). Этого нельзя допустить однако, вопервыхъ, потому что подобная блокада основана не на дѣйствительномъ и постоянномъ завоеваніи, и вовторыхъ, оттого что она освящаетъ вполнѣ произволъ воюющаго. „Характеристическая черта блокады“, говоритъ Готфёль, „есть устойчивость блокирующихъ силъ; напротивъ, характеристическая черта blocus par croisière, это постоянное перемѣщеніе ихъ, ** то-есть черта несовмѣстимая съ постояннымъ владѣніемъ извѣстною частью территоріи. Нельзя также принять и мнѣнія Блунчли; онъ думаетъ что крейсеръ зависящій отъ остановившейся блокирующей эскадры *** можетъ правильно блокировать берега. Это значило бы, однако, допустить фиктивную блокаду цѣлаго ряда открытыхъ портовъ на томъ основаніи что одинъ портъ дѣйствительно блокированъ.

Изъ всего сказаннаго ясно что вопросъ о томъ можетъ ли воюющее государство блокировать только портъ непріятельскій или же цѣлый берегъ, рѣшается самъ собой. Воюющее государство имѣетъ право блокировать цѣлый берегъ. Нѣтъ никакого юридическаго основанія отрицать это право, но оно должно дѣйствительно блокировать его, а не довольствоваться, какъ часто дѣлала Англія, нѣсколькими крейсерами у непріятельскаго берега.

Воюющее государство, воспрещая иностранцамъ доступъ

---

* Ortolan, II, liv. III.

** Hautefeuille, *Droits*, II, 245.

*** Bluntschli, § 830.

къ блокированному мѣсту, должно, очевидно, увѣдомить ихъ о фактѣ блокады. Иначе, за незнаніемъ факта, обусловливающаго право, нейтральному не можетъ быть вмѣнено и нарушеніе этого права. Увѣдомленіе можетъ быть сдѣлано двоякимъ способомъ: общею дипломатическою нотификаціей о блокадѣ нейтральнымъ государствамъ и спеціальною нотификаціей (Гесснеръ называетъ ее индивидуальною), дѣлаемою порознь каждому нейтральному кораблю идущему въ блокируемый портъ. Гесснеръ, придавая дипломатической нотификаціи значеніе аналогичное промульгаціи внутренняго закона, видитъ въ ней существенное условіе для юридическаго существованія блокады. * Однако это значитъ придавать общей нотификаціи значеніе котораго она не имѣетъ. Она не составляетъ обязанности для воюющаго; въ качествѣ территоріальнаго суверена, онъ можетъ на своей территоріи прилагать свои законы къ иностранцамъ, не извѣщая о томъ ихъ правительствъ. Но извѣщеніе это принято международнымъ обычаемъ въ виду пользы которую оно можетъ имѣть относительно иностранцевъ. Оно дѣлается въ предупрежденіе могущихъ возникнуть столкновеній, съ цѣлью поддержать добрыя отношенія. Вошедши въ обычай международнаго союза, оно весьма полезно для нейтральнаго, такъ какъ можетъ остановить извѣстныя торговыя предпріятія, направленныя къ блокированному мѣсту. По выраженію Готфёля это актъ гуманности относительно нейтральныхъ. **

Совершенно иное значеніе имѣетъ нотификація *спеціальная*: нейтральное судно, идущее съ открытаго моря въ блокированный портъ, должно получить отъ блокирующей эскадры объявленіе что блокада существуетъ, и поэтому входъ въ портъ не можетъ быть допущенъ. Такимъ образомъ, это объявленіе, спеціальная нотификація, имѣетъ цѣлью *удостовѣрить нейтральнаго въ дѣйствительности факта*, между

---

* La notification générale est une des conditions de l'existence juridique du blocus; elle est une des conditions nécessaires à sa validité; la notificaton a.... une importance analogue à celle de la publication pour la validité d'une loi.“ Gessner, *Droit*, 181—186. Того же мнѣнія и Блунчли, § 831.

** „C'est un *acte d'humanité* envers les peuples neutres.“ Hautefeuille, *Droit*, II, 225.

тѣмъ какъ нотификація дипломатическая имѣла цѣлью *предувѣдомить* нейтральнаго о блокадѣ. Нѣкоторые ученые ставятъ вопросъ: нужна ли специальная нотификація если была сдѣлана дипломатическая? Изъ предшедшаго ясно что специальная нотификація во всякомъ случаѣ необходима: если не была сдѣлана дипломатическая, вопросъ рѣшается самъ собой; если же нейтральный корабль и былъ увѣдомленъ, но несмотря на то пошелъ къ блокируемому мѣсту для того чтобъ удостовѣриться въ фактѣ блокады, то и здѣсь специальная нотификація необходима, такъ какъ право удостовѣриться въ дѣйствительности блокады несомнѣнно принадлежитъ нейтральному и въ этомъ нельзя видѣть нарушенія блокады. *

Какія дѣйствія обусловливаютъ нарушенія блокады? Общій принципъ, принимаемый большинствомъ ученыхъ, тотъ что нарушенія блокады вмѣняемы только въ томъ случаѣ если, вопервыхъ, блокада дѣйствительна, то-есть входъ въ портъ дѣйствительно блокированъ эскадрой, подъ огнемъ которой находится окружающее море, и вовторыхъ, если нейтральное судно знало и было удостовѣрено въ дѣйствитнльности блокады, то-есть получило спеціальную нотификацію.

Англійское Адмиралтейство выработало впрочемъ иную теорію, теорію нашедшую горячихъ защитниковъ въ лицѣ Филлимора, Рэдди, отчасти и Цитона. Вотъ эта теорія, какъ она высказана оракуломъ англійскаго Адмиралтейства, В. Скоттомъ. Для существованія нарушенія блокады необходимо доказать три факта:

1) Дѣйствительность полной блокады.

2) Знаніе этого факта обвиняемымъ въ нарушеніи.

3) Насильственное дѣйствіе со стороны его при входѣ или выходѣ изъ порта съ грузомъ, взятымъ послѣ открытія блокады. **

Эти положенія, казалось бы, тѣ самыя какія только что изложенны нами. Но что же дѣлаетъ изъ нихъ софи-

---

* Въ войну 1861 — 64, американское правительство вовсе не давало дипломатической нотификаціи, ограничиваясь спеціальною. См. депеши лорда Лайонса къ лорду Росселю; у Ortolan, II *Appendice spécial*, № XXVII (p. 549).

** Robinson's *Admiralty Reports*. См. у Wheaton, *Elements*, II, 174.

стическая логика англійскаго судьи и къ какимъ выводамъ приводитъ она его?

„Должно различать“, говоритъ онъ, „два вида блокады: одинъ—основанный на простомъ фактѣ, другой—на нотификаціи, сопровождаемой фактомъ (one *by* the simple fact only, the other by a notification accompanied vith the fact“. Не правильнѣе ли было бы сказать: фактомъ сопровождаемымъ нотификаціей?). Въ первомъ случаѣ, когда фактъ прекращается, прекращается тотчасъ же и блокада; но если фактъ сопровождается дипломатическою нотификаціей отъ правительства воюющей державы къ правительству державы нейтральной, думаю, prima facie, что блокада должна предполагаться существующею, пока не послѣдуетъ тѣмъ же путемъ нотификація о снятіи ея. Несомнѣнная обязанность воюющей державы, давшей нотификацію о началѣ блокады, извѣстить тѣмъ же путемъ, и не медля, о прекращеніи ея. Дать эту нотификацію лишь по прошествіи долгаго срока по прекращеніи факта значило бы поступить не честно относительно нейтральныхъ державъ, и мы сомнѣваемся чтобы какое-либо государство было способно на такой поступокъ“ (?)... „Нотификація (о началѣ блокады) иностранному правительству, очевидно, относится ко всѣмъ его подданнымъ; она была бы излишней, еслибы подданные могли ссылаться на незнаніе нотификаціи. Иностранное правительство обязано извѣстить своихъ подданныхъ, интересы которыхъ оно должно охранять. А потому я утверждаю что капитанъ никогда не можетъ основывать своей защиты на незнаніи нотификаціи. Если онъ дѣйствительно не зналъ о ней, то онъ можетъ требовать вознагражденія убытковъ отъ своего правительства, но его невѣдѣніе отнюдь не можетъ лечь въ основу его защиты предъ призовымъ судомъ воюющаго. Въ блокадѣ de facto положеніе дѣлъ иное, но здѣсь идетъ рѣчь о блакадѣ нотифицированной. Блокада нотифицированная отличается тѣмъ именно отъ блокады de facto что въ первой одно уже *снятіе съ якоря съ назначеніемъ къ блокированному порту* обусловливаетъ нарушеніе блокады.... Съ того момента какъ корабль снимается съ якоря имѣя назначеніе въ такой портъ, нарушеніе блокады уже произошло вполнѣ и грузъ подлежитъ конфискаціи. Положеніе можетъ быть иное при блокадѣ de facto: здѣсь нѣтъ презумпціи о продолженіи

блокады и *невѣдѣніе* можетъ быть допускаемо въ извиненіе предпринятаго перехода.“ *

Относительно нарушенія блокады В. Скоттъ продолжаетъ: „Если блокирующая эскадра принуждена выйти въ открытое море вслѣдствіе состоянія моря, нѣтъ причины заключать отъ этого обстоятельства о перемѣнѣ системы; не возможно предположить чтобы блокада могла продолжиться нѣсколько мѣсяцевъ безъ подобныхъ временныхъ перерывовъ. Но если эскадра была принуждена силой снять блокаду, то наступаетъ рядъ фактовъ обусловливающихъ совершенно новую презумпцію, презумпцію въ пользу нормальной свободы торговли. Нейтральный негоціантъ уже не обязанъ предвидѣть или соображаться съ тѣмъ что блокада вновь будетъ начата; слѣдовательно, если блокада снова должна быть начата, воюющее государство снова должно принять обычныя мѣры (то-есть дать нотификацію), не взирая на предшествующій фактъ блокады, такъ какъ фактъ прекратился.... Снятіе блокады послѣдовавшее благодаря непріятельскимъ силамъ есть полное уничтоженіе этой блокады и дѣйствій предпринимаемыхъ въ виду ея существованія.“ **

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій вытекаетъ что англійское Адмиралтейство 1) разсматриваетъ блокаду обязательною для нейтральной державы съ момента дипломатической нотификаціи. 2) Оно дѣлаетъ исключеніе только для судовъ дальняго плаванія, которыя не имѣли возможности получить свѣдѣніе объ этой нотификаціи. Для нихъ англійское Адмиралтейство допускаетъ ignorantiam facti, и требуетъ поэтому спеціальную нотификацію. 3) Спеціальная нотификація нужна только при блокадѣ de facto (не нотифицированной дипломатическимъ путемъ). 4) Нарушеніе блокады существуетъ уже тамъ гдѣ нейтральное судно *направляется* къ блокируемому порту. 5) Блокада нотифицированная прекращается только черезъ нотификацію о снятіи ея.

Вотъ къ какимъ заключеніямъ приходитъ англійское Адмиралтейство. Заключенія эти вполнѣ согласны съ англійскою практикой, и политика освятившая ихъ была необходима Англіи для поддержанія „величія и морскаго могущества,

---

* Robinson's *Admiralty Reports*. См. у Wheaton, *Elements*, II, 176 и слѣд.

** Robinson's *Admiralty Reports*. См. у Ortolan, II, 346.

дарованныхъ ей Провидѣніемъ, и поддержаніе которыхъ столь важно для благосостоянія всего міра". *

Ложность этихъ положеній очевидна. Относительно реальности блокады англійское правительство не разъ высказывалось въ смыслѣ необходимости этого условія, но при этомъ допускало столько изъятій, столько модификацій что дѣйствительность блокады становилась химерой. Вслѣдъ за англійскимъ Адмиралтействомъ, въ томъ же смыслѣ выражаются и англійскіе публицисты: такъ, напримѣръ, Рэдди, говоря о дѣйствительности блокады, прибавляетъ: „насколько дозволяетъ ее погода и состояніе моря". ** Но ясно что перерывъ, по какимъ бы то ни было причинамъ происшедшій, уничтожаетъ возможность нарушенія блокады. Очевидно что здѣсь уже воюющій перестаетъ быть сувереномъ моря, занятаго предъ тѣмъ его войсками; такъ какъ суверенитетъ его обусловливается этимъ занятіемъ и съ нимъ же прекращается. Также относительно нарушенія блокады; нарушеніе можетъ быть только тамъ гдѣ есть насиліе, или покушеніе на насиліе со стороны нейтральнаго корабля. Англійское же Адмиралтейство усматриваетъ нарушеніе блокады и въ томъ дѣйствіи что нейтральный корабль идетъ къ блокированному порту. Въ этомъ случаѣ оно руководится предположеніемъ что корабль, зная о существованіи блокады, благодаря дипломатической нотификаціи, не имѣлъ бы никакой нужды идти къ блокируемому порту, если не съ явнымъ намѣреніемъ прорвать блокаду. Но на какомъ же основаніи англійское Адмиралтейство, столь склонное допустить широкія презумпціи въ пользу воюющей державы, допускаетъ только презумпціи въ ущербъ нейтральныхъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ должно искать въ политикѣ Англіи, стремившейся всегда и всѣми средствами къ исключительному морскому господству. Англійское Адмиралтейство старается оправдать свои положенія разъясненіемъ значенія нотификаціи дипломатической и спеціальной. Достаточно бросить взглядъ на это воззрѣніе чтобъ убѣдиться въ его крайней софистикѣ и несостоятельности съ юридической точки зрѣнія.

Дипломатическая нотификація, какъ было замѣчено выше, есть актъ гуманности, нотификація же спеціальная удосто-

---

* Order of Council 12 Nov. 1807. См. у Hautefeuille, II, 256.

** „So far as weather permitted." Цитов. у Ortolan, II, 344.

вѣряетъ нейтральнаго въ дѣйствительности факта и вытекающаго изъ него для воюющаго права. Очевидно что, если фактъ дѣйствителенъ, то нѣтъ никакого затрудненія для блокирующаго дать ту и другую нотификацію; отвергать же спеціальную нотификацію, значитъ отнять у нейтральнаго право удостовѣриться въ дѣйствительномъ существованіи для него извѣстной обязанности. Наконецъ, и необходимость нотификаціи о снятіи блокады не имѣетъ никакого основанія. Съ прекращеніемъ блокады, eo ipso падаетъ и право воюющаго. Требованіе нотификаціи направлено исключительно противъ нейтральнаго государства, такъ какъ съ минуты *фактическаго* снятія блокады непріятельская торговля тотчасъ возстановляется, между тѣмъ какъ нейтральная должна еще остаться пріостановленною до полученія нотификаціи, которая, по словамъ В. Скотта, должна быть дана немедленно, „такъ какъ ни одно государство неспособно на обманъ дружественной державы". Все англійское ученіе очевидно клонитъ къ одному: къ освященію блокады безъ дѣйствительнаго обложенія, къ блокадѣ извѣстной подъ названіемъ блокады per notificationem или бумажной (paper blockade). Какое значеніе можетъ имѣть подобная бумажная блокада? Какое дѣйствіе можетъ она имѣть на торговлю непріятеля, какъ скоро у объявленнаго блокированнымъ мѣста нѣтъ органа охраняющаго и приводящаго въ дѣйствіе право воюющаго? Прекратившись de facto, блокада уже очевидно не мѣшаетъ ни мало непріятельскимъ судамъ входить и выходить изъ гавани: для непріятеля объявленіе блокады per notificationem не обязательно. Казалось бы что и нейтральныя суда могутъ, не взирая на объявленіе о блокадѣ, пользоваться фактическимъ положеніемъ вещей, какъ юридически они имѣютъ право это сдѣлать. Но для того чтобъ обезпечить дѣйствіе paper blockade, государства прилагавшія ее къ дѣлу провозгласили новое право для воюющаго, право *предупрежденія* и *преслѣдованія*. * По теоріи принимаемой англійскимъ Адмиралтействомъ, всякій корабль направляющійся къ порту объявленному блокированнымъ, тѣмъ самымъ нарушаетъ уже блокаду. Точно также и всякій корабль вышедшій изъ объявленнаго блокированнымъ порта, считается также нарушившимъ блокаду. Очевидно почему при этой системѣ

---

* *Droits de prévention et de suite.*

Англія отказывается признать необходимость спеціальной нотификаціи. Принять ее значило бы нанести смертельный ударъ праву предупрежденія. Пользуясь этимъ правомъ государство имѣетъ возможность уничтожить нейтральную торговлю почеркомъ пера, объявленіемъ о блокированіи того или другаго порта, если воюющее государство хочетъ прекратить съ нимъ торговлю нейтральнаго. Это прямо противоположно высказаннымъ выше основаніямъ правъ воюющаго вообще, правъ блокирующаго въ особенности. Прекращая торговлю *нейтральнаго съ блокированнымъ мѣстомъ*, воюющій прямо и непосредственно вредитъ нейтральному; между тѣмъ какъ блокада состоитъ прежде всего въ прекращеніи торговли *извѣстнаго порта съ нейтральнымъ*, то-есть въ дѣйствіи направленномъ прямо и непосредственно на непріятеля и лишь косвенно (хотя можетъ-быть и весьма чувствительно) вліяющемъ на нейтральнаго.

Современная наука рѣшительно отвергаетъ фиктивную блокаду, какъ противную основнымъ юридическимъ положеніямъ военнаго права. Даже и англійскіе публицисты признали всю несправедливость, всю юридическую несостоятельность мнимой блокады. * Но, какъ мы видѣли, желая оправдать дѣйствія своего отечества, они, ограничивая до крайнихъ предѣловъ условія блокады для воюющаго, приходятъ къ результатамъ освящающимъ только-что осужденное ими право.

Что же касается до правъ предупрежденія и преслѣдованія, то нѣкоторые писатели не отвергаютъ ихъ, ставя впрочемъ непремѣннымъ къ нимъ условіемъ дѣйствительность блокады и полученіе спеціальной нотификаціи. Мнѣніе свое они основываютъ на томъ соображеніи что не имѣя права преслѣдованія и предупрежденія воюющее государство часто было бы лишено возможности карать нарушеніе. По-

---

* „Современное международное право... не допускаетъ ничего подобнаго кабинетной блокадѣ; нарушеніе блокады признается за таковое лишь при дѣйствительномъ существованіи блокады, поддерживаемой морскими силами, приспособленными къ естественнымъ качествамъ блокированнаго мѣста...“ Phillimore, III, p. 416. „Блокада должна быть дѣйствительна и постоянно поддерживаема достаточными морскими силами...“ Reddie, II, 568 у Ortolan, II, 573.

этому-то они и принимаютъ фикцію flagrant délit во все время слѣдованія до порта назначенія. * Это мнѣніе однако едва ли можетъ быть принято: вопервыхъ, принявши разъ фикцію flagrant délit, не логично ограничить ее произвольнымъ срокомъ, то-есть пока корабль не достигнетъ своего назначенія. Фикція должна бы быть распространена на все время войны, такъ какъ эта мѣра предупрежденія ** и фактъ прибытія въ тотъ или другой портъ— обстоятельство не существенное, и къ факту о нарушеніи блокады не относящееся. *** Вовторыхъ, право предупрежденія противорѣчитъ принципу свободы открытаго моря. Находясь разъ въ открытомъ морѣ, корабль не подчиненъ никакой чужой юрисдикціи; оно свободно. Единственное ограниченіе допускаемое на открытомъ морѣ, это осмотръ, который блокады не касается. Поэтому нельзя принять фикціи flagrant délit — въ тѣхъ размѣрахъ которые даютъ ей Ортоланъ и Уитонъ. Кажется что здѣсь должно принять вполнѣ мнѣніе Готфёля:

„Мнѣ кажется невозможнымъ, говоритъ онъ, допустить фикцію flagrant délit во время всего похода, часто весьма продолжительнаго; особенно въ томъ случаѣ если виновный не былъ замѣченъ въ моментъ нарушенія, и если для того чтобъ узнать объ этомъ нарушеніи, необходимо прибѣгнуть къ осмотру его бумагъ. Допустить подобную систему значитъ отрицать всѣ принципы уголовнаго права. Flagrant délit имѣетъ и можетъ имѣть мѣсто лишь въ моментъ нарушенія, когда онъ былъ замѣченъ блокирующею эскадрой; въ этомъ случаѣ flagrant délit будетъ продолжаться пока

---

* Ortolan, II, 254. Wheaton, *Elements*, II, 184—185.

** „Pour prévenir une transgression future." Wheaton, ibid.

*** Англійское Адмиралтейство считаетъ нарушителя *in delicto* до момента прибытія его въ какую-либо гавань; но и здѣсь оно требуетъ чтобъ эта гавань была дѣйствительно мѣстомъ назначенія, а не случайною остановкой. Одно коммерческое судно (*General Hamilton*), по состоянію моря, было принуждено остановиться въ англійскомъ портѣ, послѣ того какъ нарушило блокаду. Адмиралтейство признало его правильно захваченнымъ, и in delicto, такъ какъ оно *по необходимости* (by stress of wheather) вошло въ англійскій портъ. Robinson's *Admir. Reports* (the *General Hamilton*); цит. у Ortolan, II, 355—356.

продолжается преслѣдованіе нарушителя замѣтившимъ кораблемъ, и прекратится, какъ скоро преслѣдуемое судно выйдетъ изъ вида преслѣдующаго." *

Посмотримъ теперь на историческое развитіе началъ лежащихъ въ основаніи права блокады. Вопросы сюда относящіеся возникли не ранѣе конца XVI вѣка и ни одинъ трактатъ до этого времени не говоритъ о блокадѣ. „Позднее появленіе этихъ вопросовъ", говоритъ Коши, „объясняется поздними успѣхами морскаго дѣла.... Только съ того момента когда стало возможнымъ вооружать орудіями корабли, запирать этими кораблями входъ въ порты, могла возникнуть современная теорія блокады." ** И дѣйствительно слабые ея зачатки мы находимъ лишь въ весьма немногихъ актахъ XVI и XVII вѣка. Всѣ главные трактаты того времени содержатъ въ себѣ слѣдующее положеніе: перечисливъ предметы не составляющіе военной контрабанды, они заключаютъ тѣмъ что торговля ими остается свободною, за исключеніемъ того случая когда они направлены въ мѣсто „осажденное, блокированное, или окруженное войсками". ***

Но о томъ что̀ должно понимать подъ названіемъ блокированнаго мѣста, трактаты эти не говорятъ. Повидимому, тогдашняя практика называла блокированными всѣ непріятельскіе порты, куда, по распоряженію воюющаго, не допускалась нейтральная торговля. Другими словами, господствовала система фиктивной блокады. „Честь этого изобрѣтенія", говоритъ Готфёль, „принадлежитъ Голландіи. Первыя попытки его приложенія относятся къ 1584 году". **** Но это, кажется, не совсѣмъ вѣрно: можно сказать только что въ 1584 году система эта въ первый разъ прикрылась именемъ блокады. На самомъ же дѣлѣ, будучи ничѣмъ инымъ какъ запрещеніемъ торговли нейтральныхъ, она прилагалась и гораздо ранѣе. Даже въ XIV столѣтіи, воюющія государства прилагали во всей ихъ строгости мнимыя свои права предупрежденія и преслѣдованія (таковы напримѣръ ордоннансы

---

* Hautefeuille, II, 246—247, vid. также Bluntschli, § 836 примѣч.

** Cauchy, I, 299—300.

*** См. трактаты: Пиренейскій, Нимвегенскій, Рисвикскій, Утрехтскій и многіе другіе (у Hautefeuille *Histoire,* 189 въ примѣчаніи).

**** Hautefeuile, *Histoire,* 191.

Англіи 1315 и 1337 года, во время войны съ Шотландіей). Эдиктъ же 27го іюля 1584 года только яснѣе формуловалъ эту систему и старался подкрѣпить ее, кладя въ основаніе ея право блокады.

Съ этого момента видимъ по отношенію къ вопросу о блокадѣ двойственное направленіе: съ одной стороны сильныя морскія державы, Голландія, а за ней Англія, стараются всѣми силами поддерживать систему фиктивной блокады, или другими словами систему уничтоженія нейтральной торговли; съ другой стороны, въ противность этой политики, остальныя державы стремятся ограничить это мнимое право, поставить блокаду въ болѣе тѣсныя границы и тѣмъ оградить право нейтральной торговли. Эдикты голландскихъ Генеральныхъ Штатовъ отъ 4го апрѣля и 4го августа 1586 года, 9го августа 1622 года, 21го марта 1624 года, содержатъ постановленія относительно фламандскихъ гаваней согласныя съ эдиктомъ 1584 года. Наконецъ, эдиктъ отъ 26го іюня 1630 года представляетъ полное освященіе фиктивной блокады. * Въ 1652 году объявлены блокированными всѣ англійскіе порты. Но въ 1663 году, когда Испанія хотѣла употребить то же средство противъ Португаліи, она встрѣтила горячее сопротивленіе со стороны Голландіи же, оставшейся нейтральною, и не желавшей испытать на себѣ послѣдствій политики которую она сама столько разъ прилагала къ дѣлу. ** Испанія

* Изъ комментарій Бинкерсгука на этотъ эдиктъ видно что онъ не былъ строго приложенъ на практикѣ. Многія нейтральныя суда шедшія во фламандскіе порты или вышедшія изъ нихъ и захваченныя какъ нарушившія блокаду, были освобождены и лишь предметы военной контрабанды были конфискованы. Тѣмъ не менѣе эдиктъ этотъ послужилъ основой фиктивной блокады, и доводы его всегда повторялись Голландіей, а потомъ, при переходѣ морскаго владычества въ руки Англіи, англійскимъ Адмиралтействомъ.

** Точно также поступила Голландія, а вслѣдъ за ней и Англія во время Сѣверной войны. Оставаясь нейтральными, онѣ отказались признать для себя обязательною блокаду русскихъ портовъ, объявленную Карломъ XII. „Еслибъ означенные города“, сказано въ одномъ англійскомъ мемуарѣ того времени, „были дѣйствительно осаждены или блокированы, то подданные его величества и Генеральныхъ Штатовъ не имѣли бы права туда ѣхать; но этого нѣтъ, и въ Балтійскомъ морѣ только нѣсколько шведскихъ крейсеровъ.— Robinson, *Collectanea marit.* 162. См. у Wheaton, *Histoire*, I, 187, примѣчаніе 2.

должна была уступить, но Бинкерсгукъ, комментируя дѣйствія своего отечества, укоряетъ его въ непослѣдовательности.

Въ 1689 году вспыхнула война между Франціей, съ одной, Англіей и Голландіей, съ другой стороны; 22го августа 1689 года былъ подписанъ въ Лондонѣ трактатъ, которымъ Англія и Голландія объявили что въ виду войны, онѣ считаютъ необходимымъ прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній съ Франціей со стороны остальныхъ державъ и поэтому блокируютъ ея порты. 3я и 4я статьи провозглашаютъ что для поддержанія блокады, они намѣрены прилагать право преслѣдованія и предупрежденія. Будучи на сей разъ прилагаемо во всей строгости, это право, присвоенное воюющими, встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны Даніи и Швеціи. Въ 1693 году (17го марта) онѣ заключили трактатъ, которымъ объявили что намѣрены поддерживать всѣми силами свободу нейтральной торговли, столь явно нарушаемой дѣйствіями Англіи и Голландіи. Эти послѣднія державы, въ виду грознаго положенія какое принимало дѣло, должны были отказаться отъ фиктивной блокады.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка пало морское могущество Голландіи. Англія осталась господствующею на морѣ. Она унаслѣдовала отъ Голландіи систему фиктивныхъ блокадъ, и въ теченіи всего XVIII вѣка, можно утвердительно сказать, не вела ни одной войны не прилагая къ дѣлу этой пагубной для нейтральныхъ державъ политики.

Въ войну 1756 года, Англія объявила блокаду всѣхъ французскихъ портовъ. Въ войну же 1775 года, когда Франція приняла участіе въ войнѣ за независимость американскихъ колоній, англійское Адмиралтейство резюмировало всю свою практику въ слѣдующемъ соображеніи: „порты Франціи, по ихъ положенію, *естественнымъ образомъ* блокированы англійскими“.

Но скоро первый вооруженный нейтралитетъ принудилъ Англію отказаться, по крайней мѣрѣ на время и de facto, отъ своихъ притязаній. Впрочемъ и ранѣе мы находимъ слабыя попытки опредѣленія блокаднаго права, направленныя противъ злоупотребленій фиктивныхъ блокадъ, и стремившіяся къ огражденію правъ нейтральныхъ государствъ.

Уже въ XVII вѣкѣ три трактата * прибавили къ смутному опредѣленію блокады, употребительному во всѣхъ тогдашнихъ и позднѣйшихъ трактатахъ, квалифицирующее условіе, а именно *дѣйствительность* блокады. Многіе трактаты XVIII вѣка разработали это положеніе. Такъ, трактатъ 1742 года (Франція—Данія) требуетъ присутствія двухъ военныхъ судовъ или береговой батареи; трактатъ 1748 года (Данія—обѣ Сициліи) двухъ кораблей; трактатъ Голландіи и обѣихъ Сицилій 1753 года (ст. 22) шести кораблей или береговыхъ батарей, такъ чтобы нельзя было пройти въ портъ, не проходя подъ выстрѣлами блокирующаго. Выше было уже указано на невозможность подобныхъ опредѣленій условій блокады и указанія силъ необходимыхъ для блокированія неизвѣстной и необозначенной мѣстности. Гораздо важнѣе было опредѣлить *принципъ* блокады, и это въ первый разъ торжественнымъ трактатомъ сдѣлалъ первый вооруженный нейтралитетъ. Трактатъ 1780 года опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ блокаду: „блокируемымъ можетъ считаться лишь тотъ портъ гдѣ, вслѣдствіе присутствія судовъ поставленныхъ нападающимъ и достаточно близкихъ, есть явная опасность для проѣзда.“ Второй вооруженный нейтралитетъ повторилъ высказанное первымъ, и вообще съ этого времени нѣтъ трактата, за исключеніемъ морской конвенціи 1801 года, который не признавалъ бы, для юридической обязательности блокады, необходимости присутствія дѣйствительныхъ и достаточныхъ силъ предъ блокируемымъ мѣстомъ. Послѣ Копенгагенскаго сраженія, и по кончинѣ императора Павла I, въ 1801 году, Великобританія заключила трактатъ съ Россіей (потомъ съ Швеціей, 23го октября 1801 года, и Даніей, 18го марта 1802 года). Относительно блокады она приняла постановленіе вооруженныхъ нейтралитетовъ, но перемѣнила въ немъ одно слово, чѣмъ и былъ искаженъ самый смыслъ, вмѣсто словъ: „avec des bâtiments *arrêtés et suffisament* proches...“ было сказано: „avec des bâtiments *arrêtés ou suffisament* proches...“, чѣмъ, очевидно, была освящена система блокады par croisière,—блокады неправильной, какъ было показано выше. Это было, такимъ образомъ, возобновленіе старой англійской

* Голландія и Алжиръ 1662 года, Голландія и Швеція 1667 года, Голландія и Англія 1674 года. См. Gessner, *Droit*, 176.

практики. Въ парламентѣ, въ преніяхъ по поводу этого трактата, лордъ Гранвиль выразилъ неудовольствіе на то что правительство имѣло неосторожность поставить въ зависимость отъ одного слова возможность приложенія одного изъ главныхъ для величія и могущества Англіи принциповъ. * Впрочемъ, со времени заключенія трактата 1801 года и особенно со времени погрома Наполеона I, Англія офиціально и de jure признавала существеннымъ условіемъ блокады ея дѣйствительность. Но рядомъ съ этимъ англійское Адмиралтейство, посредствомъ софистическихъ истолкованій, старалось оправдывать систему кабинетной блокады. Укажемъ два примѣра, депешу Форстера (англійскаго посланника при правительствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ), по поводу блокадъ 1806 и 1807 годовъ, блокадъ вызвавшихъ, какъ извѣстно, континентальную систему: „Великобританія, говоритъ Форстеръ, никогда не отрицала что по международнымъ обычаямъ всякая блокада, чтобы быть обязательной, должна основываться на достаточныхъ силахъ и представлять опасность для судовъ пытающихся ее нарушить. Въ силу своего принципа блокада и была нотифицирована Фоксомъ (статсъ-секретарь при Foreign Office) лишь тогда когда онъ, на основаніи доклада Адмиралтейства, убѣдился что Адмиралтейство *употребитъ* всѣ средства для наблюденія береговъ отъ Бреста до Эльбы, и дѣйствительно осуществитъ блокаду. Посему блокада мая 1806 года была правильна и законна съ самаго своего начала, такъ какъ она была обоснована какъ *намѣреніемъ*, такъ и дѣйствительными силами.“ **

Такимъ образомъ, въ основаніи полагается дѣйствительность блокады. Но вслѣдъ затѣмъ, въ чемъ состоитъ эта дѣйствительность, не обозначено, а средства употреблявшіяся Англіей для *наблюденія* были не что иное какъ приложеніе права предупрежденія и преслѣдованія. Далѣе, указывается *намѣреніе* блокировать непріятельскіе берега, и выставляется мысль что блокада дѣйствительна какъ скоро держава нотифицирующая ее располагаетъ достаточными для осуществленія ея силами. Другими словами, по аналогіи, это то же что утверждать что лицо владѣетъ если имѣетъ *animus*

* См. Wheaton, *Histoire*, II, 103 и слѣд.
** Цитов. у Gessner, *Droit*, 162—163.

possidendi, хотя бы и не было *corpus possidendi.* Трактатъ 1801 года былъ отвергнутъ Россіей въ 1807 году. Деклараціей отъ 20го октября 1807 года русское правительство объявило что оно снова и вполнѣ принимаетъ принципы вооруженнаго нейтралитета, сего „плода мудрости императрицы Екатерины II“, и что никогда не отступится отъ нихъ. Англія же держалась системы крейсерской блокады до конца войны, то-есть до 1814 года. Съ тѣхъ поръ ни одно государство, кромѣ Даніи, въ 1864 году, не приложило ея. *

Во время Восточной войны всѣ блокады какимъ подверглись русскіе порты были дѣйствительныя. **

Блокада алжирскихъ портовъ (1827—1830), блокада мексиканскихъ портовъ (1838) и блокада Ла-Платы (blocus pacifique—1838) также были дѣйствительныя. Словомъ, можно сказать что современное международное право признаетъ дѣйствительность блокады существеннымъ условіемъ ея обязательности для нейтральныхъ государствъ. Англія, примкнувъ къ Парижскому трактату 1856 года, также de jure отказалась отъ системы бумажной блокады. 4я статья деклараціи 16го апрѣля 1856 года гласитъ: „Les blocus pour être obligatoires, doivent être effectifs, c'est à dire maintenus par une force suffisante, pour interdire réelement l'accès du littoral de l'ennemi.“ Хотя такое опредѣленіе и не совсѣмъ ясно и точно и, повидимому, допускаетъ и блокаду par croisière, такъ какъ не сказано что блокада должна производиться *стоящими* (*arrêtés*) судами, но однакоже, при безпристрастной интер-

* Извѣстно“, говоритъ по этому поводу Гесснеръ, „что лишь симпатія великихъ державъ къ Даніи побудила ихъ оставить безъ вниманія образъ дѣйствій столь же вредный для собственной ихъ торговли, сколько для торговли прусской; образъ дѣйствій, противъ котораго протестовали не одни прусскіе, но и бордосскіе и манчестерскіе негоціанты.“ Gessner, *Droit,* 169.

** Деклараціей отъ 27го марта 1854 года, англійское правительство объявило что „оно воспротивится нарушенію со стороны нейтральныхъ дѣйствительной блокады, которая будетъ производима дѣйствительными силами предъ портами, берегомъ или гаванями непріятеля.“ То же самое повторила и французская декларація отъ 29го марта того же года (см. Gessner, *Droit,* 166).

На интерпелляцію лорда Кланрикарда, герцогъ Ньюкастльскій (военный министръ) положительно высказалъ „что Англія не имѣетъ намѣренія открыть такъ-называемую бумажную блокаду, и блокады будутъ дѣйствительныя.“ ibib.

претація, принципъ дѣйствительности весьма положительно выраженъ. Декларація эта могла быть разсматриваема какъ всемірно-обязательная, такъ какъ всѣ государства Европы, * за двумя лишь исключеніями, подписали ее. Соединенные Штаты не участвовали въ ней, но по причинамъ совершенно чуждымъ вопроса о блокадѣ. Практика же ихъ доказываетъ что они считаютъ дѣйствительность блокады основнымъ ея принципомъ. **

Рядомъ съ признаніемъ реальности блокады основнымъ ея принципомъ, идетъ и постепенное уничтоженіе права преслѣдованія и предупрежденія; требованіе спеціальной нотификаціи слышится чаще и упорнѣй; уже второй вооруженный нейтралитетъ 1800 года, *** и за нимъ всѣ почти трактаты XIX столѣтія, содержащіе статьи о блокадѣ, содержатъ и требованія спеціальной нотификаціи. **** Особенно энергично настаивало на этомъ пунктѣ французское правительство. До Восточной войны, Франція не вела ни одной войны гдѣ ея блокирующія эскадры не давали бы спеціальной нотификаціи даже кораблямъ тѣхъ государствъ съ которыми не было заключено по этому вопросу трактатовъ. † Нота графа Моле (бывшаго министра иностранныхъ

---

* За исключеніемъ Испаніи.

** Война 1861—1864 годовъ, см. депеши лорда Лайонса къ лорду Росселю (отъ 2го и 4го мая 1861), у Ortolan, II, p. 549 и слѣд. и Gessner, *Droit*, 165.

*** Tout batiment ne pourra être regardé comme contrevenant, que lorsque aprés avoir été averti par le commandant de blocus de l'état du port, il tâchera d'y pénétrer.“ Art. III.

**** Таковы напримѣръ 31го августа 1828 (Франція-Бразилія); 15го сентября того же года—Мексика—нѣмецкіе города. 20го января 1836 года (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—Венецуэла); 26го сентября 1838. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—Сардинія), 30го іюня 1842 (Австрія—Мексика) и др. (см. Martens et Cussy, tome III.)

† Такъ, см. дѣло американской шкуны *The Josefine* (1843) у Hautefeuille, *Droits*, II, 231 прим. Во время Восточной войны французскія эскадры давали спеціальную нотификацію (хотя англійскія этого не дѣлали), см. *Instruction aux officiers généraux, superieurs etc.*, 31го мая 1854 art 7, у Ortolan, II, *Appendisse spécial*, N. VI (p. 448 и слѣд.).

дѣлъ) содержитъ резюме взгляда французскаго правительства на этотъ вопросъ.*

Только Англія до сихъ поръ еще не отказалась отъ прежней своей политики; во время Восточной ** и Китайской войны она, хотя и не установляла ни одной бумажной блокады, давала только нотификацію дипломатическую. Должно думать, однако, въ виду уступокъ сдѣланныхъ ею требованіямъ новѣйшаго международнаго права, въ виду признанія и слѣдованія ею (по крайней мѣрѣ съ 1854 года) принципа *дѣйствительности* блокады, что она не замедлитъ признать и логическое ея послѣдствіе: *необходимость* спеціальной нотификаціи помимо дипломатической. Уже въ самой средѣ Англійскаго парламента раздавались голоса въ пользу такой политики *** хотя, можетъ-быть, и менѣе выгодной для Англіи въ матеріальномъ отношеніи, но согласной съ принципами международнаго права, принципами признаваемыми и прилагаемыми къ практикѣ всѣми государствами цивилизованнаго міра.

---

* Нота графа Моле отъ 17го мая 1838 года и его же письмо къ морскому министру по поводу американскаго коммерческаго судна, не получившаго спеціальной нотификаціи и захваченнаго французкимъ фрегатомъ: „Г. N. (командиръ фрегата)", пишетъ графъ Моле, „смѣшиваетъ двѣ различныя вещи; дипломатическую нотификацію о блокадѣ, которая должна быть дана нейтральнымъ государствамъ, и заявленіе которое командиръ блокирующихъ силъ обязанъ дать судамъ подходящимъ къ блокированному мѣсту... А таковое смѣшеніе не только совершенно противно принципамъ морскаго права, но и всѣмъ инструкціямъ вышедшимъ изъ вашего министерства." См. Ortolan, II, 340.

** Такъ, датскій корабль *Union* былъ захваченъ за нарушеніе блокады, не получивъ спеціальной нотификаціи. По этому поводу лордъ Грагамъ еще разъ выразилъ англійскій взглядъ на нотификаціи: „The effect of a more general notice from the seat of government is, that all parties in every portion of the ocean are held to be cognizant of that notice, and the blockade is held to be effectual against all neutrals, when the notice has been given". Рѣчь 26го мая 1854 года см. Gessner, *Droit* 207 примѣч.

*** Рѣчь лорда Бомона въ палатѣ лордовъ. Говоря вообще о значеніи нотификаціи, лордъ Бомонъ заключаетъ такимъ образомъ: „....... Что же касается до спеціальной нотификаціи, она должна всегда даваться, даже когда была и нотификація официальная". См. Gessner. *Droit*, 188.

IV. О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза.

Въ послѣднія два столѣтія перевозная торговля или торговля по коммиссіи заняла самое видное мѣсто въ системѣ торговыхъ международныхъ сношеній.

Два вопроса о перевозной торговлѣ имѣютъ отношеніе къ вопросу о правахъ нейтральныхъ, а именно: имѣютъ ли нейтральные право свободнаго перевоза непріятельской собственности на своихъ корабляхъ? Имѣютъ ли нейтральные право свободнаго перевоза нейтральной собственности на непріятельскихъ корабляхъ?

Не трудно усмотрѣть что вопросы эти независимы другъ отъ друга: первый относится къ иммунитетамъ нейтральнаго флага, второй—къ свободѣ и неприкосновенности нейтральнаго имущества. Раздѣльность этихъ двухъ вопросовъ подмѣчена и развита учеными занимавшимися ими. * Если большинство трактатовъ и международныхъ актовъ соединяли оба вопроса, и ставили ихъ разрѣшеніе въ зависимость отъ одного и того же принципа, такъ что рѣшеніе въ извѣстномъ смыслѣ одного изъ нихъ уже включало въ себѣ рѣшеніе и другаго, то причины этого явленія слѣдуетъ искать въ фактическихъ, утилитарныхъ соображеніяхъ, и, главнымъ образомъ, въ неравности значенія того и другаго вопроса. Первый, о свободѣ непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ, несравненно важнѣе втораго. Къ перевозу своего имущества на корабляхъ воюющихъ рѣдко прибѣгаютъ нейтральные; наоборотъ, воюющіе, чтобъ обезопасить свои имущества отъ захвата, нагружаютъ ими нейтральныя суда. Спорнымъ пунктомъ потому былъ всегда первый вопросъ, вопросъ о свободѣ непріятельскаго имущества. Второй же, „для удобства", или въ видѣ уступки той или другой стороны, разрѣшался по тому же принципу какъ и первый, то-есть

* Wheaton, II *Elem.* 104. Hautefeule, II, 445 и слѣд. Gessner, *Recht.* 84 и слѣд. „Man hat daher dem Rechtsatz: frei Schiff frei Gut, seine Umkehrung: unfrei Schiff unfrei Gut gegenübergestellt,—ein Verfahren, welches lebhaft an die Trugschlüsse, welche in den für Gymnasien bearbeiteten Compendien der formalen Logik aufgezählt zu werden pflegen,—erinnert."

или по національности флага, или по національности груза. Такъ было на практикѣ, но наука отдѣляетъ одинъ вопросъ отъ другаго.

А. О правахъ нейтральнаго флага.

Имѣютъ ли нейтральные право свободнаго перевоза непріятельской собственности на своихъ нейтральныхъ кораблях.

„Вопросъ этотъ", говоритъ Гесснеръ, „вызвалъ на свѣтъ необозримую массу споровъ, груды дипломатическихъ актовъ, и можно указать на постоянно возобновляемыя, особенно въ новѣйшее время, попытки науки найти руководящую нить въ страшной запутанности вопроса. Удивительно что лишь столь поздно удались эти попытки, ибо недавно только наука, далеко отставшая отъ практики, вступила на твердую почву. И однако, ни одинъ вопросъ изъ области права нейтральной морской торговли не даетъ возможности стать на болѣе строго юридическую точку зрѣнія, какъ разбираемый. *

Вопросъ, дѣйствительно, ставится просто. Если припомнить что обязанности нейтральнаго государства: невмѣшательство въ военныя дѣйствія и полное безпристрастіе къ воюющимъ сторонамъ составляютъ сущность нейтралитета и что, съ другой стороны, всѣ дѣйствія нейтральныхъ совмѣщающія эти два требованія — суть несомнѣнное ихъ право, то принципъ свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ будетъ ясенъ. Если свобода торговли нейтральныхъ несомнѣнна, то спрашивается: на какомъ же основаніи дѣлать исключеніе для одной изъ отраслей этой торговли — торговли перевозной? Если и она соотвѣтствуетъ обязанностямъ нейтралитета, то очевидно, и она должна быть свободна и подвергаться только тѣмъ ограниченіямъ которыя налагаются на мѣновую, то-есть не перевозить предметовъ контрабанды и не нарушать блокады.

Перевозная торговля не обусловливаетъ вмѣшательства въ военныя дѣйствія со стороны нейтральнаго, если не способствуетъ доставленію воюющимъ войскъ, военныхъ матеріаловъ и пр. Съ другой стороны, и безпристрастіе къ воюющимъ

* Gessner, *Recht*, 73.

легко можетъ быть соблюдаемо: оно нарушается, по вѣрному замѣчанію Готфёля, лишь обстоятельствами совершенно чуждыми основнаго характера перевозной торговли. „Такъ, напримѣръ, систематическимъ отказомъ одному изъ воюющихъ перевозить собственность его подданныхъ.... Если нейтральное государство воспретитъ своимъ подданнымъ перевозить собственность подданныхъ одного изъ воюющихъ, дозволяя въ то же время перевозъ собственности подданныхъ другаго, оно нарушаетъ свои обязанности, но не потому что занимается перевозною торговлей, а потому что выкажетъ явное пристрастіе.“ *

Справедливо что принятіемъ принципа свободы перевоза наносится весьма чувствительный ударъ воюющему относительно его добычи. Но предъ этимъ останавливаться нельзя. Или должно держаться строгихъ началъ права и признавать ихъ, или же пожертвовать ими въ пользу воюющаго, дать этому послѣднему право на всевозможныя дѣйствія; другими словами, допустить неограниченное господство права необходимости. Именно такъ поступали писатели защищавшіе принципъ что нейтральный флагъ неспособенъ охранять непріятельскіе грузы отъ захвата. Конечный, основный ихъ аргументъ—право необходимости. Но если въ силу права необходимости объявлять недозволенной перевозную торговлю, почему же допускать свободу торговли вообще. Логически было бы отвергнуть и ее, однакоже ни одинъ изъ писателей защищавшихъ право необходимости не рѣшился открыто принять этотъ выводъ, который есть въ сущности крайнее, но логическое послѣдствіе ихъ ученія.

Главные доводы приводимые противниками свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ слѣдующіе:

1) Римское право освящаетъ конфискацію непріятельскаго имущества, находящагося на римскомъ кораблѣ, и конфискацію самаго корабля. ** На это можно отвѣтить что римское право, будучи гражданскимъ, внутреннимъ законодательствомъ, не можетъ быть считаемо обязательнымъ въ международныхъ сношеніяхъ. Затѣмъ, не трудно замѣтить что и въ приведенномъ примѣрѣ рѣчь идетъ вовсе не о нейтральномъ, независимомъ отъ воюющихъ кораблѣ,

---

* Hautefeuille, II, 297—298.

** Lampredi, § 10, за нимъ и Azuni.

а о кораблѣ римскомъ, то-есть подданномъ и перевозящемъ собственность не дружественнаго, а непріятельскаго для Рима государства.

2) Воюющіе имѣютъ право захвата непріятельской собственности какъ военной добычи. Объявить же эту собственность свободною подъ нейтральнымъ флагомъ значитъ отнять у воюющаго одно изъ главныхъ средствъ къ нанесенію вреда непріятелю.

Къ сожалѣнію, право захвата частной собственности, какъ военной добычи, на морѣ, еще господствуетъ въ международной практикѣ. Морское военное право еще не приняло въ этомъ отношеніи принциповъ континентальнаго. Но не справедливо что воюющіе имѣютъ право захвата этой собственности гдѣ бы она ни находилась. Если она на нейтральной территоріи, она свободна, какъ мы видѣли выше. Это ограниченіе замѣчено Дженкинсомъ, и имъ приводится рядъ разсужденій въ доказательство того что нейтральный корабль не есть нейтральная территорія и слѣдовательно имущество непріятеля на немъ находящееся не освобождается отъ захвата. По его мнѣнію, всѣ корабли вышедшіе въ открытое море находятся другъ къ другу въ тѣхъ же отношеніяхъ въ какихъ находились люди до возникновенія государства (status naturalis). А посему нейтральный корабль не имѣетъ никакихъ правъ, никакихъ преимуществъ предъ другими.* Реневаль, возражая Дженкинсону, весьма справедливо замѣчаетъ что если нейтральный корабль теряетъ свою національность и свои права вышедши въ открытое море, то совершенно та же участь постигаетъ и корабли воюющаго государства, которые такимъ образомъ перестаютъ быть воюющими и слѣдовательно не имѣютъ уже права захвата.** Мнѣнія Дженкинсона, что корабль не можетъ разсматриваться какъ нейтральная территорія, держится и Уитонъ.***

Возражая Дженкинсону и прочимъ ученымъ, отрицавшимъ территоріальныя свойства корабля въ открытомъ морѣ, Готфёль, впалъ въ противоположную крайность. Допустивъ что нейтральный корабль есть пловучая часть нейтральной территоріи, онъ отсюда заключилъ что и непріятельскія имущества

* Ibid, 122, прим.

** Wheaton. *Elements*, 99–101.

*** Rayneval. II, 116 и слѣд.

находящіяся на нейтральномъ кораблѣ въ томъ же точно положеніи какъ нейтральныя имущества находящіяся на нейтральной континентальной территоріи. Этимъ доводомъ, по его мнѣнію, устраняется всякое возраженіе. * Но корабль не *территоріаленъ*, а лишь *экстерриторіаленъ*; иммунитеты которыми онъ пользуется основаны на юридической фикціи. Поэтому-то экстерриторіальность корабля можетъ быть допущена лишь пока нейтральный не нарушаетъ своихъ обязанностей и правъ остальныхъ государствъ. Точно также и въ занимающемъ насъ вопросѣ, иммунитеты нейтральной территоріи распространяются на нейтральный корабль, только если перевозъ непріятельской собственности самъ по себѣ не есть нарушеніе правъ воюющихъ державъ. Выше я уже старался доказать что нейтральные имѣютъ несомнѣнное право на перевозную торговлю и поэтому экстерриторіальность не прекращается и здѣсь.

Итакъ, нейтральный флагъ охраняетъ непріятельскую собственность, но не по территоріальному свойству корабля, а по совершенно законному характеру перевозной торговли. Дѣйствія же не дозволеннаго международнымъ правомъ, составляющаго право нарушенія, нейтральный флагъ покрыть не можетъ. Ultra casum fictum, fictio non extenditur.

Главный, любимый и въ сущности наиболѣе сильный изъ всѣхъ аргументовъ англійскихъ писателей противъ свободы перевоза есть историческій фактъ. Они утверждаютъ что принципъ ими защищаемый основывается на международномъ обычаѣ, вѣками освященномъ.

Предполагая даже что международная практика принимаетъ принципъ конфискаціи, невозможно отсюда заключать къ юридической силѣ принципа, къ его правомѣрности; фактъ не право. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергать значеніе историческаго факта точно также невозможно, это противно правильному пріему, особенно въ вопросахъ международнаго права, которое, по мѣткому замѣчанію Блунчли, будучи само продуктомъ исторіи, не можетъ отвергать ея выводовъ.

Посмотримъ же насколько международная практика приняла принципъ защищаемый англійскими писателями.

Вопросъ о правахъ нейтральнаго флага одинъ изъ самыхъ

---

* См. выше (*Права территоріал:* 59) и Hautefeuille, II, 378 и ibid. I, 289 и слѣд.

древнихъ. Онъ возникъ весьма рано и уже въ XIII вѣкѣ его можно встрѣтить въ исторіи. Не надо забывать что тогда еще мало обращали вниманія на права государствъ не участвовавшихъ въ войнѣ. Ими легко жертвовали въ пользу воюющихъ и, какъ я уже имѣлъ случай указать выше, первоначальная практика состояла въ полномъ прекращеніи торговыхъ сношеній съ воюющими.

„Уничтожить торговлю противника было главною, можетъ-быть единственною цѣлью сторонъ", говоритъ Готфёль. „Въ этой борьбѣ слабѣйшій старался спасти хоть часть своей промышленности, употребляя для перевоза корабли нейтральные, такъ какъ его собственный флагъ былъ уже безсиленъ. Противникъ его, съ другой стороны, прилагалъ все свое стараніе чтобы поразить непріятеля въ послѣднихъ его средствахъ. Средство для достиженія этой цѣли было конфисковать и на чужихъ, дружескихъ корабляхъ непріятельскіе товары. Средство это и было принято." *

Оно было принято, при полномъ отсутствіи трактатовъ, per usum, и принципъ о несвободѣ непріятельскаго груза вошелъ въ обычное право Среднихъ Вѣковъ. Подробное изложеніе юридическихъ обычаевъ касательно занимающаго насъ вопроса находится въ такъ-называемомъ *Морскомъ консулатѣ* „Consolato del mare". Труды Пардессю ** доказали что морской консулатъ былъ составленъ въ концѣ XIV столѣтія, въ сѣверной Испаніи, на романскомъ языкѣ. На него должно смотрѣть, не какъ на внутренніе законы одного или нѣсколькихъ государствъ, но какъ на компиляцію обычаевъ, господствовавшихъ въ сношеніяхъ прибрежныхъ городовъ Средиземнаго моря.*** Глава 276 морскаго консулата относится къ вопросу объ участи непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ. Ея содержаніе въ общихъ чертахъ слѣдующее: непріятельскій грузъ, найденный на дружественномъ кораблѣ, конфискуется, но корабль свободенъ. Перевощикъ получаетъ транспортную плату, какъ бы доставивши въ мѣсто назначенія. Адмиралъ (начальникъ корабля воюющихъ) можетъ требовать доставки конфискованнаго груза въ указанное имъ мѣсто на нейтраль-

---

* См. Hautefeuille, *Hist.* 119—120.

** Pardessus. *Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siécle,* 1826—1845.

*** См. Wheaton, *Histoire* I, 69 и слѣд.

номъ же кораблѣ, но лишь за вознагражденіе перевозчику, а въ случаѣ если сей послѣдній не будетъ соглашаться, корабль дозволено потопить.*

Итакъ, морскимъ консулатомъ принятъ принципъ что нейтральный флагъ непріятельскаго груза не покрываетъ. Таково было обычное право не только южной Европы, но и всего тогдашняго торговаго міра, ибо постановленія морскаго консулата встрѣчаются и на сѣверѣ; они составляютъ обычное право и Ганзейскаго Союза.**

Практика XIV, XV, XVI столѣтій вполнѣ приняла правила морскаго консулата что нейтральный флагъ не покрываетъ непріятельскаго груза. Какъ немногіе трактаты этихъ вѣковъ, такъ и внутреннее законодательство государствъ освятили его. Самый древній договоръ коснувшійся этого вопроса договоръ между городами Арль и Пизой, 1221 года;*** договоръ 1351 года между Англіей и Бискайскими и Кастильскими приморскими городами, и Англіи съ Португаліей 1353 года содержатъ то же постановленіе.

Немногіе трактаты заключенные въ теченіи XV и XVI столѣтій всѣ безъ исключенія подтвердили правило морскаго консулата.**** Такимъ образомъ правило это было вполнѣ господствующимъ въ Средніе Вѣка. Самая немногочисленность трактатовъ и ихъ единогласіе служитъ доказательствомъ общераспространенности сихъ правилъ.

Французскіе эдикты 1543 и 1584 годовъ не только приняли правило морскаго консулата, но постановили что и самый нейтральный корабль подлежитъ конфискаціи, † чего, какъ мы видѣли, въ морскомъ консулатѣ не было. Англія также слѣдовала неизмѣнно правилу морскаго консулата, иногда конфискуя, иногда освобождая нейтральный корабль. Колебаніе относительно этого послѣдняго вопроса должно

* Ibid. 73 и слѣд.

** Wheaton, *Histoire*, I, 88. Лешковъ, 14.

*** Готфейль (*Hist.* 122) ошибается, считая первымъ трактатомъ содержащимъ это правило Англо-Бургонскій трактатъ 1406 года. См. Спасовичъ 31, Лешковъ 16 и слѣд. 31 и слѣд. Wheaton, *Hist*, I, 86.

**** Англія-Бургундія 1406, 1417 и 1467 годахъ. Англія-Фландрскіе города 1446. 1478, 1495, 1758 годахъ, Англія-Генуя 1460 года, Англія-Бретань 1486 года, Hautefeuille *Hist.*, 122, *Droits*, II, 308, Спасовичъ 32—33.

† Hautefeuille, *Droit.*, II, 329—330. Wheaton, *Hist.* 153 и слѣд.

приписать противодѣйствію голландскихъ и ганзейскихъ городовъ, съ которыми она не разъ приходила въ столкновеніе по этому поводу, какъ въ 1575 и 1598 году. *

Внутреннее законодательство главныхъ морскихъ государствъ за XVII и первую половину XVIII вѣка осталось вѣрнымъ принципу морскаго консулата. Французскіе эдикты 1639, 1645 и 1650 годовъ ** повторяютъ постановленія эдиктовъ XVI столѣтія. Однако же нейтральный корабль объявленъ не подлежащимъ конфискаціи, слѣдовательно они суть точное воспроизведеніе постановленій морскаго консулата. Наконецъ, выходитъ „Ordonnance pour la marine de guerre", 1681 года; нейтральный флагъ объявленъ не покрывающимъ непріятельскаго груза, и нейтральный корабль снова подлежащимъ конфискаціи. *** Тѣ же принципы подтверждены Франціей въ „Arrêt du Conseil" отъ 26го октября 1692 года **** и повторены вновь регламентами 1704 и 1744 годовъ (сей послѣдній объявляетъ нейтральный корабль свободнымъ). Регламентъ 1744 года былъ послѣдній узаконившій правила морскаго консулата. Послѣдовавшій за нимъ регламентъ 1778 года основанъ на совершенно другихъ началахъ, какъ будетъ ниже указано.

Англія, какъ извѣстно, не имѣла никогда постояннаго внутренняго законодательства касающагося вопросовъ насъ занимающихъ. Предъ открытіемъ войны она пукликовала такъ-называемые orders of Council, rules of the war. Не только ими всегда освящался принципъ не свободы непріятельскаго груза, но, какъ уже не разъ было сказано, Англія шла гораздо дальше, поражая по возможности полнымъ воспрещеніемъ торговлю нейтральныхъ, прикрывая свои дѣйствія правомъ необходимости (right of necessity).

---

* Reddie, I, 92 Цитир. у Ortolan, II, 109.

** Hautefeuille, II, 331 и прим. 1е.

*** Объ ордонансѣ 1681 года см. Ortoland, II, 103 и слѣд. Hautefeuille, *Histoire* 181 и слѣд., Спасовичъ 50 и слѣд., Wheaton *Histoire*, I, 149, 153 и слѣд.

**** Ortoland, II, 105, прим. 1е. Въ силу установившагося обычая, призовые суды давали свободу кораблямъ конфисковавъ грузъ; Arrêt du Conseil 1692 года имѣлъ цѣлью уничтожить это и повелѣваетъ во всей точности исполнять постановленія ордонанса 1681 года.

Первые международные акты провозгласившіе принципъ свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ были такъ-называемыя capitulations между Портой и Франціей.* Первый актъ этого рода относится къ 1604 году; онъ послужилъ образцомъ остальныхъ подписанныхъ въ теченіе XVII вѣка между христіанскими и мусульманскими государствами.**

Первый же международный торжественный трактатъ заключенъ въ 1646 году Франціей и Голландскими Генеральными Штатами. Съ этого времени и до конца XVIII столѣтія принципъ свободы непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ провозглашенъ не только всѣми главными трактатами составлявшими основу европейскаго международнаго права, *** но и значительнымъ большинствомъ трактатовъ заключенныхъ между отдѣльными государствами.

Ограничимся главными: Испанія — Голландія 1650, Франція—Данія 1663, Франція — Швеція 1672, Швеція—Голландія 1667 и 1675, Австрія—Испанія 1725, Франція—Голландія 1739, Франція—Данія 1742. ****

Безполезно было бы пересчитывать здѣсь всѣ трактаты освятившіе права нейтральнаго флага; Гесснеръ насчиталъ съ половины XVII вѣка (то-есть, какъ мы видѣли, съ того момента когда трактаты начинаютъ принимать правило противоположное морскому консулату) и до 1780 года 36 трактатовъ принявшихъ принципъ свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ, между тѣмъ какъ лишь 15 выразили противное. † Съ другой стороны, Филлиморъ насчитываетъ за тотъ же періодъ времени 35 актовъ принявшихъ либеральное правило и 76 провозгласившихъ противное или же *вовсе не упомянувшихъ о правилѣ*: „free ships, free goods".†*

---

* Эти акты не могутъ быть названы трактатами, они не равны, хотя и подписаны со стороны Порты безъ принужденія. Они даютъ французскимъ кораблямъ извѣстныя льготы, между тѣмъ какъ Порта не получаетъ ничего въ замѣнъ. См. у Wheaton, *Hist.* I, 162, примѣчаніе 1е.

** Голландія—Порта, 1612; Франція—Марокко, 1631; Франція—Порта, 1673; Англія—Алжиръ, 1682.

*** Пиренейскій трактатъ 1659, Утрехтскій 1713, Ахенскій 1748 Парижскій миръ 1763.

**** Подробный перечень всѣхъ трактатовъ см. Ortalan, II. 128 и 132. Спасовичъ, 41—44.

† Gessner, *Droit*, 229.

†* Philimore, III, 268.

Въ этихъ словахъ явная недобросовѣстность; если трактаты не упоминали о правилѣ „free ships, free goods", то отсюда отнюдь нельзя заключить что они освятили противоположное. Дѣйствительно, не трудно найти множество трактатовъ умалчивающихъ о занимающемъ насъ вопросѣ, или же выразившихся темно и неясно, оставляя такимъ образомъ каждой сторонѣ возможность интерпретаціи выгодной для себя. Но, повторяю, умолчанія или общія и темныя выраженія о свободѣ нейтральной перевозной торговли не могутъ считаться *отрицаніемъ* правъ нейтральнаго флага.

Изъ 15ти трактатовъ принявшихъ правило что нейтральный флагъ не покрываетъ непріятельскаго груза, 9 относятся къ XVII, и 6, по указанію Готефёля, къ XVIII и XIX вѣкамъ. * Нѣсколько изъ нихъ заключены Англіей, но гораздо большее число трактатовъ освятившихъ новое правило было подписано ею же.

Англія заключала подобные договоры: съ Португаліей 1654, съ Испаніей 1665, съ Голландіей 1667, съ Франціей 1667 и Испаніей 1667, съ Голландіей 1668, 1674, съ Франціей 1677. Наконецъ она является стороной и въ Утрехтскомъ, Ахенскомъ и Парижскомъ трактатахъ. *

Всѣ эти торжественные акты приняты повидимому Англіей только для того чтобы въ удобную минуту ихъ нарушить. Однако уже въ 1689 году твердость датскаго и шведскаго правительствъ принудили ее измѣнить свой образъ дѣйствій; во второй же половинѣ XVIII вѣка ея политика встрѣтила еще болѣе сильное сопротивленіе и потерпѣла пораженіе сначала отъ Пруссіи, затѣмъ отъ всей соединенной Европы. Въ 1780 году Россія явилась главнымъ поборникомъ правъ нейтральныхъ, и подъ ея руководствомъ составился знаменитый союзъ державъ извѣстный подъ именемъ перваго вооруженнаго нейтралитета; 1780 годъ можно считать эпохой въ исторіи международнаго права нейтральныхъ вообще, относительно правъ нейтральнаго флага въ особенности. Съ этого

---

* Къ XVII в. Англія — Швеція, 1661, 1666, 1670; Англія — Данія, 1670, см. Wheaton, *Hist.* I, 168. Къ XVIII, Франція—Ганзейскіе города, 1716, 1769; Мекленбургъ, 1779, Англія — Соединенные Штаты 1794—95, и наконецъ XIX в. Convention maritime 1801. и Англія—Португалія 1842. Hautefeuille, *Hist.* 312 и слѣд.

времени всѣ государства международнаго союза, окончательно принявъ начала вооруженнаго нейтралитета какъ во внутреннемъ своемъ законодательствѣ, такъ и въ торжественныхъ международныхъ актахъ, лишь временно отступали отъ нихъ чтобы возвращаться къ принципамъ морскаго консулата. Эти временныя отступленія являются какъ репрессаліи противъ Англіи, продолжавшей держаться старыхъ преданій. Краткій историческій очеркъ главныхъ событій 1780—1854 года, то-есть до Восточной войны, ясно доказываетъ это.

Съ 1780 года до начала революціонныхъ войнъ ни одинъ договоръ не отступалъ отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Даже Англія, принужденная въ 1780 году признать права нейтральнаго флага, дважды высказалась въ пользу ихъ торжественнымъ образомъ въ Версальскихъ трактатахъ 1783 и 1786 годовъ. * Новый самостоятельный членъ международнаго союза, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, высказались также какъ сторонникъ либеральнаго принципа. Уже деклараціей конгресса отъ 1781 года они примкнули къ союзу вооруженнаго нейтралитета; трактаты ихъ съ Голландіей 1782 года, съ Швеціей 1783 года и съ Пруссіей 1785 года не отступили отъ правилъ вооруженнаго нейтралитета. **

Войны французской революціи воскресили снова правила морскаго консулата въ еще болѣе строгомъ и невыгодномъ для нейтральныхъ видѣ. Англійскій order of Council отъ 8го іюня 1793 года и дополнительныя къ нему инструкціи 6го ноября 1793 года и 8го января 1794 года установили не только конфискацію непріятельскаго груза, но, какъ я указалъ выше, фиктивную блокаду всѣхъ портовъ Франціи. *** Съ другой стороны, Національный Конвентъ уже ранѣе, декретомъ отъ 9го мая 1793 года, объявилъ что въ виду дѣйствій англійскаго правительства, нарушающаго права нейтральнаго флага, и французскимъ судамъ дозволяется конфисковать англійскую собственность подъ флагомъ тѣхъ государствъ которыя дозволяютъ англійскимъ силамъ нарушать ихъ права. Постановленія Исполнительной Директоріи

* О трактатахъ 1786 года см. Ortolan, II, 142.

** Wheaton, *Histoire* e. t. c. I, 369.

*** См. выше и Wheaton, *Histoire*, II, 33 и слѣд.

2го мая 1797 года распространили эту мѣру на Сѣверо-Американскіе Штаты, въ виду ихъ трактата съ Англіей 1794 года которымъ они нарушили трактатъ съ Франціей 1778 года. * Итакъ Франція въ этотъ періодъ времени отступила отъ регламента 1778 года и отъ всѣхъ трактатовъ заключенныхъ ею послѣ его обнародованія. Но она отступила не отъ принципа, объявляя что она лишь временно, въ видѣ репрессалій, конфискуетъ непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ и готова возвратиться къ регламенту 1778 года тотчасъ, если противная сторона это сдѣлаетъ. ** Консульство издало рядъ декретовъ въ этомъ смыслѣ; наконецъ въ 1799 году возстановленъ регламентъ 1778 года. ***

Таково было положеніе принятое Франціей, Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами во время войнъ революціи. Остальныя державы въ этотъ періодъ частью держались стороны Англіи, частью строгаго нейтралитета, защищая по возможности свои права. Таково, въ особенности, было положеніе Даніи, наотрѣзъ отказавшейся подчиниться англійскимъ orders of Council 1793 и 94 годовъ. ****

Между тѣмъ Россія отказалась отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета и, по политическимъ соображеніямъ, враждебнымъ французской революціи, дѣйствовала за одно съ Англіей. † Однако, съ восшествіемъ на престолъ императора Павла I, русское правительство приняло иную политику, болѣе согласную съ прежнимъ его образомъ дѣйствій. Въ 1800 году, деклараціей отъ 27го августа Пруссія, Швеція и Данія приглашены къ возобновленію союза, на основаніяхъ вооруженнаго нейтралитета 1780 года и въ томъ же году союзъ Балтійскихъ державъ состоялся на этихъ началахъ. †* Въ томъ же году Франція заключила трактатъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами (30го сен-

---

* Ortolan, II, 148 и слѣд.

** Ст. 5 закона 1795 года. См. Hautefeuille, II, 349, прим. 1.

*** Декретъ консуловъ отъ 20го декабря 1799. см. Ortolan, II, 151.

**** См. ноту графа Бернсдорфа отъ 28го іюля 1798 года у Ortolan, II, 146—147.

† Конвенція Россіи съ Великобританіей 25го марта 1793 года.

†* Wheaton, *Histoire*, II, 83 и слѣд. Спасовичъ, 81.

тября), возобновлявшій договоръ 1778 года, слѣдовательно освящавшій права нейтральнаго флага. *

Такимъ образомъ, Англія снова была поставлена въ опасное для нея положеніе. Понимая вполнѣ всю невыгоду для себя положенія дѣлъ, и предвидя возобновленіе союза 1780 года въ полномъ его составѣ, она рѣшилась воспротивиться сему силой. 2го апрѣля 1801 года англійскій флотъ, безъ предварительнаго объявленія войны, бомбардировалъ Копенгагенъ и уничтожилъ датскій флотъ. Въ то же самое время скончался императоръ Павелъ I, и Александръ I, руководясь иными видами, заключилъ 17го іюня 1801 года знаменитую „Convention maritime“ съ Англіей. Въ ней признанъ подлежащимъ конфискаціи непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ. Къ конвенціи примкнули, принужденныя къ тому Англіей, Данія и Швеція. **

Я уже имѣлъ случай замѣтить что конвенція 1801 года не можетъ обосновывать какихъ-либо международныхъ правилъ, такъ какъ она принадлежитъ къ договорамъ не равнымъ, заключеннымъ по принужденію. Притомъ она недолгое время оставалась въ силѣ. Вслѣдъ за вторичнымъ бомбардированіемъ Копенгагена, въ 1807 году, англійскимъ флотомъ, Россія въ объявленіи войны Англіи отказывается навсегда отъ конвенціи 17го іюня 1801; подтверждаетъ, напротивъ, начала вооруженнаго нейтралитета, „плодъ мудрости ея императорскаго величества императрицы Екатерины II, и пріемлетъ на себя обязанность не отступать отъ сей системы“. *** Мирнымъ договоромъ 5го іюля 1812 года и Англія отказалась отъ конвенціи 1801 года, отложивши соглашеніе относительно вопросовъ морскаго нейтралитета на неопредѣленное время. **** Въ 1842 году Англія заключила трактатъ съ Португаліей, въ силу котораго непріятельскій грузъ объявленъ подлежащимъ конфискаціи.

„Трудно было бы объяснить согласіе на это со стороны Португаліи“, говоритъ Готфёль, „если не принять во вниманіе положеніе сей державы относительно Англіи и желаніе ея освободиться отъ обременительнаго для нея тракта 1703

* Ortolan, II, 151.

** Wheaton, *Histoire*, II, 86 и слѣд.

*** Декларація Россіи 22го октября 1807, см. Спасовичъ, 86.

**** См. Hautefeuille, *Histoire* etc, 314 и слѣд.

года". * Такимъ образомъ трактатъ 1842 года, которымъ Португалія отступила отъ принципа свободы непріятельскаго груза, можно также отнести къ разряду договоровъ неравныхъ, заключенныхъ по принужденію.

Конвенція 1801 года и трактатъ 1842 года единственные международные акты XIX столѣтія не принявшіе принципа свободы непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ. Съ другой стороны, принципъ сей, будучи принятъ всѣми государствами во внутреннее законодательство, освященъ огромною массой международныхъ договоровъ и такимъ образомъ несомнѣнно долженъ быть признанъ дѣйствующимъ правиломъ въ новѣйшей международной практикѣ. **

Наконецъ во время Восточной войны и Англія „временно" отказалась отъ своего „права" конфисковать непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ. *** Декларацieй же 16го апрѣля 1856 года провозглашенъ принципъ свободы непріятельскаго груза окончательно, такъ что нынѣ Англія приняла общій принципъ. Къ сожалѣнію опытъ показалъ что Великобританія рѣдко держится своихъ самыхъ торжественныхъ обѣщаній.

Такимъ образомъ историческое развитіе занимающаго насъ вопроса ясно показываетъ что международное право вполнѣ принимаетъ принципъ свободы непріятельскаго груза. Только пристрастный взглядъ англійскихъ публицистовъ не можетъ или не хочетъ этого замѣтить.

Ясно однако что и на перевозную торговлю нейтральныхъ распространяются и общія ограниченія торговли, налагаемыя понятіями о военной контрабандѣ и блокадѣ. Кромѣ того здѣсь возникаетъ еще вопросъ о такъ-называемой контрабандѣ *по аналогіи*. Можетъ ли нейтральный флагъ

---

* Idid., 315.

** По исчисленію барона Кюсси, 122 трактата приняли принципъ свободы непріятельскаго груза съ 1746—1846; между тѣмъ какъ менѣе десяти (изъ которыхъ лишь два, какъ мы видѣли, XIX столѣтія) отрицали его. См. Hautefeuille, *Histoire*, 316, прим. 1е.

*** Въ англійской декларацiи отъ 28го марта 1854 года читаемъ: „....Her Majesty is willing, *for the present, to waive a part of the belligerent rights*, appartaining to Her.... etc", и далѣе: „*to waive the right* of seizing enemy's property, laden on board a neutral vessel.... etc". См. Ortolan, II, *Appendice spécial*, N. V.

покрыть извѣстные предметы относящіеся собственно не къ военной контрабандѣ, но могущіе быть ей приравнены, а именно депеши и подданныхъ воюющаго государства находящихся на государственной службѣ.

Что касается до депешъ воюющаго государства, нѣтъ сомнѣнія что нейтральное судно не можетъ доставлять ихъ не нарушая нейтралитета. Доставленіе одного извѣстія, одного плана кампаніи и т. п. можетъ быть, по справедливому замѣчанію В. Скотта, несравненно важнѣе чѣмъ подвозъ нѣсколькихъ грузовъ оружія. * Нейтральное судно, доставляя депеши, тѣмъ самымъ вмѣшивается въ войну, становится перевощикомъ, курьеромъ воюющаго.

Вопросъ о перевозѣ лицъ находящихся на службѣ воюющаго государства съ особенною силой возникъ въ междуусобную американскую войну 1861—64, по дѣлу объ англійскомъ почтовомъ пароходѣ *the Trent*; сѣверо-американскій военный корабль остановилъ его, и при этомъ были арестованы четыре Американца-федералиста, подъ предлогомъ что они могутъ быть разсматриваемы какъ „олицетвореніе (embodiement) депеши". ** Такой образъ дѣйствій однако былъ единодушно осужденъ всѣми европейскими кабинетами, и сѣверо-американское правительство нашло себя вынужденнымъ освободить плѣнныхъ.

Дѣйствительно, перевозъ подданныхъ воюющей державы, не уполномоченныхъ на веденіе войны (то-есть не военнослужащихъ), не можетъ быть разсматриваемъ какъ нарушеніе нейтралитета. Только перевозъ войска не совмѣстенъ съ обязанностями нейтралитета. Число же перевозимыхъ военныхъ лицъ врядъ ли можетъ вліять на рѣшеніе вопроса. Нельзя не согласиться съ Уитономъ что „перевозъ одного опытнаго полководца въ иныхъ случаяхъ можетъ быть гораздо важнѣе перевоза цѣлаго полка".

---

* Robinson's *Admir. Reports,* VI, см. у Wheaton, *Elem.* II, 162.

** См. рапортъ коменданта фрегата *The San Jacinto,* отъ 16го ноября 1861 Ortolan, II, 512. Вся подробная переписка по этому дѣлу тамъ же, 511—546.

*** Wheaton, *Elem.* II, 161.

B. Права нейтральнаго груза.

Вопросъ о правахъ нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ проще и яснѣе предыдущаго. Какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ онъ не представляетъ тѣхъ запутанностей, неясностей и многочисленныхъ толкованій, съ коими постоянно можно встрѣтиться въ вопросѣ о правахъ нейтральнаго флага.

„Сомнѣваться въ истинѣ принципа свободы нейтральнаго имущества невозможно", говоритъ Гесснеръ, „она есть не что̀ иное какъ логическое слѣдствіе восьмой заповѣди: „не укради". На какомъ основаніи, по какому праву воюющее государство могло бы подвергать захвату нейтральное имущество на непріятельскомъ кораблѣ, между тѣмъ какъ на территоріи континентальной, гдѣ бы оно ни находилось, оно неприкосновенно?

Вполнѣ признавая въ принципѣ свободу нейтральнаго груза, нѣкоторые писатели, однако, думали что на практикѣ она приложима лишь съ весьма крупными неудобствами.

Таково мнѣніе Ортолана. Ортоланъ полагаетъ что принятіе ея на практикѣ породитъ страшныя затрудненія; между тѣмъ какъ принятіе одного лишь принципа національности корабля значительно упрощаетъ дѣло. Не трудно замѣтить однако что это соображеніе не касается сущности дѣла; оно совершенно постороннее и утилитарное; бо́льшія или меньшія практи́ческія затрудненія не должны вліять на рѣшеніе вопроса права.

Если обратиться къ историческому развитію занимающаго насъ вопроса, то находимъ что практика XVII и XVIII вѣковъ постоянно освящала соединеніе (connexio) обоихъ правилъ и признавала слѣдовательно нейтральный грузъ подлежащимъ конфискаціи. Только Англія, согласно съ постановленіями морскаго консулата, которыхъ она, какъ мы видѣли, постоянно держалась, клонила вообще къ признанію свободы нейтральнаго груза. Такой образъ дѣйствій со стороны державы направлявшей всѣ свои усилія къ уничтоженію торговли своихъ соперниковъ могъ бы показаться необъяснимымъ, если упустить изъ вида сочетаніе правилъ о нейтральномъ грузѣ и флагѣ, соче-

таніе, отъ котораго Великобританіи было бы невыгодно отказаться, такъ какъ въ случаѣ признанія правъ нейтральнаго флага, она лишь при его помощи могла найти слабое, правда, вознагражденіе въ конфискаціи нейтральнаго груза *. Притомъ и самый вопросъ о правахъ нейтральнаго груза, какъ уже замѣчено, далеко не такъ важенъ какъ вопросъ о свободѣ непріятельскаго имущества подъ нейтральнымъ флагомъ. И допуская свободу нейтральнаго груза, Англія всегда находила возможность, путемъ фиктивныхъ блокадъ, конфискаціи относительной контрабанды и т. п. вредить нейтральной торговлѣ.

Вотъ почему въ основныхъ положеніяхъ вооруженныхъ нейтралитетовъ, направленныхъ противъ принциповъ оспариваемыхъ Англіей, не упоминается о свободѣ нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ. Объ этомъ не было надобности говорить, такъ какъ Великобританія не отказывалась признавать свободу нейтральнаго груза. Такимъ образомъ первый вооруженный нейтралитетъ de facto уже отдѣлилъ вопросъ о грузѣ отъ вопроса о флагѣ, но это отдѣленіе нашло себѣ ясное выраженіе и полное признаніе лишь въ декларацiи 16го апрѣля 1856 года.

Уже при самомъ началѣ войны союзники объявили что не будутъ подвергать конфискаціи нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ **. Декларація 16го апрѣля 1856 года провозгласила какъ принципы:

„Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, „исключая военную контрабанду.

„Нейтральный грузъ свободенъ подъ непріятельскимъ фла„гомъ, исключая военную контрабанду“. ***

Только три державы, какъ извѣстно, не примкнули къ деклараціи.

Важнѣе другихъ для насъ политика Сѣверо-Американскихъ

---

* По совершенно произвольному толкованію, англійское Адмиралтейство, признавая свободу нейтральнаго груза вообще, отвергаетъ ее для нейтральнаго груза на военныхъ корабляхъ. См. Gessner, *Droit*, 261.

** Англійская декларація 28го марта 1854 года, французская 29го марта 1854 года у Ortolan, II *Appendice Spécial*, *N V* и VI (p. 446 и слѣд.)

*** Ст. 2 и 3.

Соединенныхъ Штатовъ. Вся практика ихъ доказываетъ что свобода нейтральнаго груза принята ими; и, при отсутствіи трактатовъ, сѣверо-американскія призовые суды постоянно рѣшали въ пользу свободы нейтральнаго груза на томъ основаніи „что таково общее международное право". * Если же въ нѣкоторыхъ своихъ трактатахъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и согласились на конфискацію нейтральнаго груза, ** то это объясняется какъ уступка за признаніе правъ нейтральнаго флага, которыя Сѣверо-Американскіе Штаты постоянно охраняли особенно старательно. Въ теченіе же протекшихъ двадцати лѣтъ американское правительство не разъ имѣло случай выразить свой взглядъ на вопросъ о свободѣ нейтральнаго груза, и взглядъ этотъ былъ всегда ей благопріятенъ. 22го іюля 1854 года подписанъ трактатъ съ Россіей, признающій нейтральный грузъ подъ непріятельскимъ флагомъ свободнымъ. Точно также и во время междуусобной войны принципъ былъ строго соблюдаемъ. Однимъ словомъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты разсматриваютъ свободу нейтральнаго груза „какъ принципъ нынѣ вполнѣ признанный международнымъ правомъ." ***

V. Заключеніе.

Все вышеизложенное можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Всякое вмѣшательсто въ войну и всякое пристрастное дѣйствіе по отношенію къ одной изъ воющихъ сторонъ есть нарушеніе нейтралитета.

2) Обязанности нейтральныхъ державъ, вытекая изъ самого существа нейтралитета, абсолютны; воюющее же государство надъ нейтральнымъ правъ не пріобрѣтаетъ; обязанности нейтральныхъ чисто отрицательнаго свойства — онѣ состоятъ *in non faciendo* извѣстныхъ дѣйствій.

3) Какъ мѣновая, такъ и перевозная торговля нейтраль-

---

* Напримѣръ по дѣлу испанскаго корабля *Nereides*. См. Wheaton *Elements* 105....

** Таковы трактаты съ Колумбіей 1824, съ центр. Америкой 1825 съ Бразиліей 1828, съ Чили 1832 (Ortolan, II, 158).

*** „.... a right, now generally recognized by the law of nations", см. Gessner, *Droit*, 261.

ныхъ съ воюющими свободна; исключеніе составляютъ военная контрабанда и блокада, и, кромѣ того, военная контрабанда *по аналогіи* для перевоза непріятельскаго имущества спеціально.

4) Право морскаго убѣжища теоретически ни чѣмъ не разнится отъ права убѣжища въ войнѣ континентальной — международная практика клонится къ сравненію ихъ.

5) Корабль не есть, въ *дѣйствительности*, продолженіе государственной территоріи, но онъ пользуется фикціей экстерриторіальности.

6) Понятіе о военной контрабандѣ имѣетъ начало въ самомъ принципѣ нейтралитета; оно не есть исключительно историческій фактъ, какъ думаютъ Клюберъ и другіе.

7) Должны считаться военною контрабандой исключительно предметы находящіе непосредственное употребленіе въ войнѣ.

8) Право блокады основано для воюющаго на правѣ завоеванія; сношенія нейтральныхъ съ блокированнымъ мѣстомъ могутъ быть прерваны на основаніи территоріальной юрисдикціи воюющаго.

9) О блокадѣ должна быть дана дипломатическая и, во всякомъ случаѣ, спеціальная нотификація.

10) Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ (за исключеніемъ военной контрабанды по *аналогіи*, т.-е. офиціальныхъ депешъ и военно-служащихъ воюющихъ). Нейтральный грузъ свободенъ подъ непріятельскимъ флагомъ.

11) Свобода непріятельскаго груза подъ нейтральнымъ флагомъ вытекаетъ изъ общихъ принциповъ международнаго права (касательно торговли нейтральныхъ), а не изъ территоріальности нейтральнаго корабля, которая, будучи юридическою фикціей, сама по себѣ права обосновать не можетъ.

12) Общій ходъ историческаго развитія нейтралитета показываетъ стремленіе международнаго права принять юридическія начала выработанныя теоріей, и стремленіе это тѣмъ болѣе осуществимо что съ конца XVIII вѣка, благодаря вооруженному нейтралитету и вступленію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ международный союзъ, стало возможнымъ установленіе политическаго равновѣсія и на морѣ.

Ю. НОВОСИЛЬЦОВЪ.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ *

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО-БІОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

VI.

(1805—1807).

Судейство Второва въ Самарѣ.—Образъ его жизни.—Исторія Е. Ф. Строміловой.—Исторія женитьбы И. А. Второва на М. В. Мильковичъ.—Замѣчательнѣйшіе процессы рѣшенные судьею Второвымъ.—Канцеляристъ Дмитріевъ и графъ В. А. Толстой.

Въ 1805 году Второву исполнилось 32 года и въ жизни его произошли важныя перемѣны. Мы уже видѣли что дворянское сословіе весьма любовно приняло его, не дворянина, въ среду свою, приняло какъ человѣка замѣчательнаго по своему образованію; поэтому нечего удивляться что дворянство удостоило его избраніемъ на должность судьи. Этотъ выборъ однакоже тѣмъ замѣчателенъ что Второвъ не былъ помѣщикомъ и что его, молодаго человѣка, предпочли старику Чеканову, еще недавнему его гонителю. Къ эпохѣ судейства всѣ душевныя тревоги Второва улеглись; судейство окончательно его успокоило, установило его духовное существованіе, до тѣхъ поръ тревожное и колебавшееся.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 4й и 5й.

Судейство заставляетъ его усѣться на одномъ мѣстѣ и приняться за живое дѣло тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ что въ область крючкотоворства и взятокъ ему удается внести много здраваго и честнаго. На первыхъ порахъ онъ былъ очень доволенъ своею дѣятельностью. Объ образѣ жизни его въ Самарѣ можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма къ одному изъ симбирскихъ пріятелей, Колюбакину (Серг. Ив.).

„Мало ли было у меня плановъ, замысловъ и предположеній! Я все откладывалъ до завтра, а завтра—разсѣяніе, послѣзавтра—другое препятствіе, потомъ новый планъ. Авось, успѣю: я еще молодъ! Наконецъ оглянулся и вспомнилъ что мнѣ уже стукнуло за 30 лѣтъ... Мудрено ли пролетѣть и остатку назначеннаго времени жизни между подобныхъ мечтаній безъ исполненія! Вы спрашиваете, получаю ли я и читаю ли я *Вѣстникъ Европы*? Да на нынѣшній годъ я получаю газеты, два вѣстника, *Европы* и *Сѣверный*, *Московскій Курьеръ* и *Новости Литературы*. Должно сказать *тебѣ** о моихъ занятіяхъ: Утренніе и вечерніе часы посвящены у меня исполненію должности по службѣ которою нынѣ обремененъ я: рыться въ юридическихъ бумагахъ, разсматривать и читать подъяческіе крючки, развязывать узлы (правда не Гордіевы), порожденные ябѣдою, или опредѣлять судьбу подобныхъ мнѣ людей. Казалось бы это не по склонности моей, но я уже нѣсколько привыкъ къ тому поневолѣ. Со вступленія моего въ должность, я успѣлъ рѣшить (въ три мѣсяца) около 30 дѣлъ, а впереди еще ужасныя горы: у насъ есть дѣла такія жирныя что производясь болѣе 10 лѣтъ растолстѣли въ полларшина. Не знаю, могу ли я выдержать трехлѣтній срокъ здѣшняго заключенія, особливо если встрѣтятся непріятности отъ начальства за несоблюденіе какихъ-нибудь канцелярскихъ обрядовъ. Вы знаете каково переносить невинному, который основываетъ дѣла свои на чистой совѣсти!.. Отъ головоломныхъ дѣлъ есть у меня и свободныя минуты въ будни, а праздники всѣ мои. Я читаю журналы, книги и между тѣмъ перевожу извѣстную вамъ

* Переходъ *вы* къ *ты* и обратно—обычная форма выраженія у людей прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Она встрѣчается и въ офиціальныхъ документахъ.

книгу сочиненія г. Коцебу, *L'Année la plus rémarquable de ma vie*, но только для себя. Сверхъ того у меня есть питомецъ, бѣдный сирота, сынъ умершаго виннаго пристава Енульева (Григ. Ив.), Иванъ. Я развиваю юныя чувства его, замѣчаю нравственность и пріучаю къ наукамъ. * Вотъ мои занятія въ здѣшней пустынѣ! На три года я простился съ картами и со всѣми удовольствіями большаго свѣта; желаю вамъ утѣшаться ими. Впрочемъ, я въ совершенномъ почти уединеніи; лучшіе собесѣдники мои книги. Наступающая весна обѣщаетъ мнѣ пріятныя прогулки въ прекрасныхъ окрестностяхъ города, расположеннаго между двухъ рѣкъ."

Первое время своего судейства И. А. Второвъ, со свойственною ему горячностью, взялся за слѣдующее дѣло. Въ Самарѣ проживалъ нѣкто Стромиловъ (Филиппъ Ивановичъ) мелкопомѣстный помѣщикъ. Онъ былъ холостякъ и имѣлъ любовницу съ которою прижилъ дочь Елизавету. Желая предоставить законныя права дочери онъ женился на ея матери, но почему-то медлилъ въ исполненіи своего намѣренія; между тѣмъ жена его умерла, а вскорѣ и самъ онъ скончался скоропостижно. Елизавета осталась послѣ отца 9 лѣтъ, безъ всякихъ правъ и нравственной поддержки. Покойный Стромиловъ воспитывалъ ее какъ родную дочь, слѣдовательно дѣвочка была подготовлена не къ той жизни какая ожидала ее какъ незаконную. У Стромилова было 20 душъ крестьянъ въ Самарскомъ уѣздѣ, наличныя деньги и векселя. Все это имущество было благопріобрѣтенное, но покойный духовнаго завѣщанія не оставилъ, а потому законными наслѣдниками явились послѣ его смерти родной его братъ и племянница, дочь другаго брата. Судьба миловидной дѣвочки-сироты возбудила тѣмъ большее сочувствіе во всемъ самарскомъ обществѣ что братъ умершаго былъ человѣкъ весьма незавидной репутаціи, а племянница имѣла свое состояніе, доставшееся ей отъ отца. Иванъ Алексѣевичъ горячо вступился за Елизавету и убѣдилъ духовника Стромилова и двухъ дворянъ подать объявленіе въ Дворянскую Опеку о смерти Стромилова и объ отставшейся послѣ него безъ призрѣнія малолѣтней его дочери. Опека назначила

---

* О судьбѣ этого питомца и о дальнѣйшемъ ходѣ его воспитанія наши источники умалчиваютъ.

опекуна, которому поручила сдѣлать на законномъ основаніи опись всему Стромиловскому имѣнію и взять его подъ свой присмотръ. Независимо отъ этого Второвъ садится и пишетъ отъ имени неизвѣстнаго письмо къ тогдашнему министру юстиціи, князю П. В. Лопухину, разказавъ ему подробно исторію Елизаветы и обращаясь къ человѣколюбію князя и самого императора Александра. „У насъ нѣтъ еще, говоритъ между прочимъ Второвъ въ этомъ письмѣ, особливаго класса людей адвокатами называемыхъ. Одинъ неизвѣстный который не имѣетъ никакой связи ни съ покойными родителями несчастной ни съ живыми ея родственниками, и даже неизвѣстенъ будучи самой ей, по одному только соболѣзнованію рѣшился писать къ вашей свѣтлости и просить милостиваго заступленія у государя человѣколюбиваго,—даровать ей право законной дочери и наслѣдства.“ Между тѣмъ Алексѣй Стромиловъ, братъ умершаго, не допустилъ опекуна до описи и взялъ къ себѣ ключи отъ всѣхъ сундуковъ и ящиковъ. Опека отнелась къ полиціи и потребовала чтобъ она отобрала ключи отъ Стромилова брата, внушивъ послѣднему что опись имѣнія дѣлается въ интересѣ того кому оно достанется по закону, но Алексѣй Стромиловъ этихъ внушеній не послушался и ключей не отдалъ. Тогда опека прибѣгнула къ силѣ, приказавъ снять замки и приступить къ описи, что̀ и было сдѣлано. Наслѣдники начали дѣло. Алексѣй требовалъ себѣ сполна все имѣніе покойнаго своего брата; племянница только половины. Начались разныя справки и безконечная переписка. Между тѣмъ получается на имя губернатора отвѣтъ князя Лопухина на письмо неизвѣстнаго: министръ предлагаетъ употребить содѣйствіе къ склоненію родственниковъ Стромилова о неоставленіи дочери его безъ пропитанія и о соглашеніи ихъ уступить ей хотя часть отцовскаго имѣнія. Но родственники стояли на своемъ: Алексѣй ничего не хотѣлъ дать, а племянница предлагала только одну семью людей. Дѣло затянулось; имѣніе состояло подъ опекой; Елизавету взяла къ себѣ въ домъ жена уже извѣстнаго намъ самарскаго лѣкаря Баумгартена. Алексѣя Стромилова, служившаго тогда въ нижнемъ земскомъ судѣ, взялъ подъ свое покровительство исправникъ Харитономъ, извѣстный взяточникъ и негодяй, побывавшій потомъ не разъ въ острогахъ за разныя уголовныя преступленія и, между прочимъ, за присвое-

ніе себѣ непринадлежащихъ ему титуловъ. Обобравъ Алексѣя Стромилова, Харитоновъ подговаривалъ его къ продолженію процесса и къ перенесенію дѣла въ Петербургъ, въ формѣ жалобы министру на Дворянскую Опеку. Иванъ Алексѣевичъ также не дремалъ и написалъ отъ имени Елизаветы Стромиловой письмо къ князю Лопухину. Прошло болѣе года. Дѣло это доходило до самого государя; но по недостаточности свидѣтельскихъ показаній что Елизавета дѣйствительно рождена женой Стромилова внѣ брака и что родители не просили о ея усыновленіи, оно было проиграно. Все имѣніе Филиппа Стромилова досталось его брату, который менѣе чѣмъ въ два года его размоталъ и пропилъ. Алексѣй Стромиловъ кончилъ жизнь свою шляясь по кабакамъ въ грязномъ рубищѣ и проживая ради Христа у братнина отпущенника. По окончаніи этого дѣла, симбирскій губернаторъ князь Хованскій, ревизуя въ Самарѣ присутственныя мѣста и вѣроятно предупрежденный Второвымъ, пожелалъ видѣть Елизавету. Она предстала предъ нимъ обливаясь слезами и упала ему въ ноги. Ласково поднявъ дѣвочку, добродушный губернаторъ сказалъ ей: „Чтò дѣлать, мой другъ! Я не въ силахъ ничего тебѣ сдѣлать.“ Затѣмъ, обратившись ко Второву, онъ сказалъ: „Напрасно вы письмо свое о ней послали къ Лопухину, а не прямо къ государю императору“. Недѣлю спустя послѣ губернаторской ревизіи пріѣзжаетъ въ Самару, прямо въ городническую квартиру, коляска съ пожилою женщиной и лакеемъ. Оказывается что этотъ экипажъ былъ посланъ губернаторомъ за Елизаветой. Князь Хованскій въ это время былъ уже женатъ на К. А. Алисчеевой, великодушіе которой спасло несчастную сироту. И такъ Елизавета Стромилова поступила въ домъ симбирскаго губернатора, гдѣ и жила въ положеніи его родственницы до перевода князя Хованскаго въ Минскъ, на ту же должность, что̀ послѣдовало въ концѣ мая 1805 года. * При отъѣздѣ, Хованскіе поручили Елизавету попеченію Анны Александровны Наумовой, родной сестры княгини Хованской. Въ послѣдствіи времени „интересная“ сирота вышла замужъ за какого-то землемѣра, и нашему герою пришлось еще разъ съ

* Второвъ этого князя Хованскаго называетъ Сергѣемъ, а не Николаемъ; но въ родословной книгѣ Долгорукова князя С. Н. Хованскаго вовсе нѣтъ.

нею встрѣтиться. Исторія Елизаветы Стромиловой послужила, двадцать лѣтъ спустя, сюжетомъ повѣсти, правда не напечатанной, но весьма распространенной по Поволжью. Авторомъ повѣсти былъ нѣкто Шмаковъ (Алексѣй Иван.), одинъ изъ пріятелей нашего героя, посвятившій ему свое произведеніе, отличавшееся, по словамъ Ивана Алексѣевича, излишнею плодовитостью и отвлеченностью.

Отъѣзжая въ Минскъ, князь Хованскій заѣзжалъ въ Самару, гдѣ пробылъ сутки, радушно встрѣченный и провожаемый всѣмъ самарскимъ обществомъ, служащими и неслужащими. Съ нимъ ѣхалъ нѣкто Киндяковъ (Павелъ Васил.), сосланный при Павлѣ въ Сибирь, гдѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ писателемъ Коцебу, проживавшимъ въ Тобольскѣ. Второвъ, непреминувшій познакомиться съ Киндяковымъ, называетъ его „умнымъ и прекраснымъ человѣкомъ“.

Перехожу къ исторіи женитьбы Второва.

Въ небольшомъ городѣ Ставрополѣ первый домъ по богатству и значенію былъ Мильковичей, * состоявшій, какъ мы видѣли, изъ мужа, жены, четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Неизвѣстно какъ велико было состояніе Мильковичей, но они жили весьма открыто, имѣли свою капеллу, часто давали балы и вечера. Сосѣдніе помѣщики какъ пчелы слетались каждую зиму въ развеселый городокъ, въ надеждѣ на радушіе и гостепріимство Мильковичей; домъ Благороднаго Собранія, существовавшій также въ Ставрополѣ, занималъ послѣ дома Мильковичей уже второе мѣсто, и въ дѣйствительности, и въ воображеніи тогдашняго дворянскаго общества, любившаго пожить на широкую ногу. Благодаря близости къ Самарѣ, фамилія Мильковичей пользовалась большою извѣстностью и въ этомъ послѣднемъ городѣ. Съ Василіемъ Сергѣевичемъ Мильковичемъ мы встрѣтились въ 1802 году, когда онъ былъ ставропольскимъ предводителемъ дворянства. Къ тому времени о которомъ мы ведемъ рѣчь, то-есть въ 1805 году, вторая дочь его Фіона уже была замужемъ за Плотниковымъ (Владиміромъ Борисовичемъ); старшій сынъ Сергѣй уже подросъ. Читатель замѣтилъ, конечно, что нашъ герой, говоря о

---

* Эта фамилія несомнѣнно малороссійскаго происхожденія. Въ Полтавской губерніи распространена фамилія Милькевичъ,—вѣроятно родственная по происхожденію.

людяхъ, не скупился на названія „умный и добрый"; поэтому изъ его характеристикъ трудно составить опредѣленное понятіе о Мильковичахъ, мужѣ и женѣ. Но несомнѣнно одно что Сергѣй Васильевичъ былъ что называется добрякъ и находился подъ башмакомъ своей супруги. Всѣмъ домомъ и мужемъ управляла Катерина Өедотовна, урожденная Чирикова, типъ дворянки прошлаго вѣка, ревниво относящейся къ породѣ, чину и богатству. Находясь въ какомъ-то дальнемъ родствѣ со Второвыми, Мильковичи, какъ мы видѣли, ласкали это семейство и особенно любили Ивана Алексѣевича; тщеславію Катерины Өедотовны несомнѣнно льстило что въ густой фалангѣ родныхъ, которая въ доброе старое время простиралась у насъ до безконечныхъ степеней „кумовства и сватовства", находился такой недюжинный, такой образованный человѣкъ какъ Иванъ Алексѣевичъ Второвъ; бесѣда съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бывалымъ и начитаннымъ, была пріятна не только старикамъ, но и молодому поколѣнію Мильковичей, дѣвицамъ,—качество „пріятнаго собесѣдника" всегда было отличительнымъ свойствомъ Второва. Мильковичи очень ласкали Второва и не стѣснялись говорить что любятъ его больше дѣтей своихъ. Обзаведясь своимъ гнѣздомъ въ Ставрополѣ, Второвъ почти безвыходно жилъ у Мильковичей въ городѣ и въ деревнѣ Катериновкѣ. Онъ узналъ короче старшую дочь ихъ Марью Васильевну, которая, по его словамъ, была „скромнѣе и умнѣе" своихъ сестеръ и которая ему очень понравилась; дѣвушка питала къ нему болѣе горячее чувство. Когда они объяснились, Марья Васильевна тотчасъ же призналась своимъ родителямъ, сказала что она ни за кого не пойдетъ замужъ и, дѣйствительно, начала отказывать женихамъ. Родители не на шутку разсердились, начали преслѣдовать дочь и стали принимать Второва съ убійственною холодностью. Василій Сергѣевичъ еще былъ не прочь отъ брака дочери съ Иваномъ Алексѣевичемъ, но гордая и тщеславная Катерина Өедотовна не хотѣла и слышать объ этомъ, не допускала и мысли о томъ чтобы старшую свою дочь отдать замужъ за человѣка бѣднаго, незнатнаго, не чиновнаго, да еще „родню", не шутя считая нарушеніе послѣдняго препятствія грѣхомъ, хотя со стороны церкви не было ровно никакихъ препятствій къ этому брачному союзу. Словомъ, начался романъ, продолжавшійся болѣе двухъ лѣтъ, романъ со всѣми затѣя-

ми старинныхъ повѣствованій этого рода и хорошо рисующій тогдашніе нравы. Тутъ было все, и „жестокосердые родители“, и слезы, и страданія, и дневники съ письмами, и неизмѣнные друзья, и бѣгство изъ родительскаго дома, и испрашиваніе прощенья на колѣняхъ.

Трудно опредѣлить степень чувства которое питалъ Иванъ Алексѣевичъ къ Марьѣ Васильевнѣ. Была ли то дѣйствительно сильная страсть, или на самомъ дѣлѣ болѣе спокойное чувство, подогрѣваемое лишь припадками сентиментальной романтичности, — рѣшить трудно; но, кажется, послѣднее вѣрнѣе. По крайней мѣрѣ, прежняя рана еще не затянулась, еще не изгладились изъ памяти его прежнія отношенія къ двумъ женщинамъ, страстно имъ любимымъ. Кто была первая, неизвѣстно. Иванъ Алексѣевичъ скрываетъ ея имя подъ буквами *М. И.*, и притомъ не въ журналѣ, а на особомъ лоскуткѣ бумаги. Можно догадываться что дѣвица эта была довольно образованная: она любила читать книги и вела журналъ. Она жила въ Ставрополѣ, въ домѣ Цызаревыхъ, въ качествѣ лица чѣмъ-то облагодѣтельствованнаго ими. У ней гдѣ-то былъ отецъ и, почему-то, находилась въ Ставрополѣ сестра. Любовь Второва къ *М. И.* началась въ концѣ ноября 1796 страшными клятвами: любовники клялись въ вѣчной вѣрности предъ образомъ, потомъ разрѣзывали пальцы на лѣвой рукѣ и пили кровь другъ у друга. Но отъ этихъ ужасовъ они перешли вскорѣ къ болѣе мирнымъ отношеніямъ. Иванъ Алексѣевичъ не говоритъ о результатахъ этой, какъ онъ выражается, „связи“. Извѣсто только что онъ писалъ къ ея отцу, вѣроятно, прося ея руки, и что *она* въ февралѣ 1797 оставила домъ Цызаревыхъ и потомъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ отцомъ, очутилась гдѣ-то за тысячу верстъ. Мы уже говорили *о второй* его страсти въ 1798. Она-то кажется была болѣе сильнымъ и глубокимъ чувствомъ. Иванъ Алексѣевичъ называетъ эту вторую „страсть“ также „связью“, не давая точнаго опредѣленія этому слову и тщательно скрывая не только имя своей возлюбленной, но даже мѣста гдѣ они встрѣчались, страдали и были счастливы. Связь почему-то была порвана; но въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, въ шумѣ жизни разсѣянной и праздной, въ столицахъ и провинціи, оставаясь самъ съ собою, герой нашъ почасту и подолгу вспоминалъ о *ней*. Уже одинъ способъ выраженія этихъ воспоминаній,

краткій и чуждый аффектаціи, свидѣтельствуетъ о глубинѣ чувства. Воспоминаніе о *ней* было еще живо и тогда когда начался, продолжался и оканчивался романъ Ивана Алексѣевича съ Марьей Васильевной. Это воспоминаніе усугубляло страданія нашего несчастнаго любовника, производимыя „жестокосердыми“ родителями его новой возлюбленной; къ воспоминанію, можетъ-быть, примѣшивалось какое-нибудь тревожное чувство по отношенію къ прежней привязанности, въ родѣ чего-нибудь укоряющаго. Могли, напримѣръ, служить безмолвнымъ укоромъ порванной связи тщательно сберегаемыя *ея* письма. Иванъ Алексѣевичъ въ патетическую минуту своего романа, что конечно случилось къ концу его, собирался умирать и воображая что подобный финалъ дѣйствительно воспослѣдуетъ, собралъ всѣ эти письма и запечаталъ ихъ при своемъ письмѣ въ пакетъ, адресовавъ его на имя сестры своей А. А. Ефебовской. Когда же романъ окончился благополучно, онъ сжегъ всѣ письми *К.* (подъ этою буквою онъ скрывалъ свой второй *предметъ*), вырѣзалъ только тѣ мѣста которыя были залиты слезами. Эти вырѣзки сохранялись въ томъ же пакетѣ который предназначался для Александры Алексѣевны. Изъ этихъ вырѣзанныхъ лоскутковъ, омоченныхъ слезами бѣдной женщины, теперь ничего нельзя понять; только изъ одной сохранившейся приписки къ какимъ-то стихамъ на разлуку видно желаніе *ея* идти въ монастырь. Если Иванъ Алексѣевичъ съ Марьей Васильевной не переживалъ (трудно допустить это, при возможности такихъ горячихъ воспоминаній о *ней*), а только продѣлывалъ романъ, по готовымъ идеаламъ, вычитаннымъ изъ книгъ, то несомнѣнно что тотъ же Иванъ Алексѣевичъ съ К. пережилъ романъ дѣйствительный, чувство глубокое и сильное; вотъ почему безграмотныя каракульки, писанныя въ концѣ прошлаго вѣка любящею женщиной, выцвѣтшія отъ времени и слезъ, не возбуждаютъ улыбки, между тѣмъ какъ приведенныя ниже письма, вѣроятно, не разъ заставятъ улыбнуться современнаго читателя. Вотъ письмо Ивана Алексѣевича къ сестрѣ, писанное 1го февраля 1805, когда онъ *готовился* умереть:

„Милая сестрица и другъ!

„Я сдѣлался скелетомъ отъ тайныхъ сердечныхъ горестей. Много страдалъ отъ несчастной чувствительности, сталъ

ужаснымъ меланхоликомъ: мудрено ли что одна минута можетъ разорвать всѣ связи съ любезными мнѣ людьми и цѣлымъ свѣтомъ. Я боюсь чтобы не пострадалъ кто изъ любившихъ меня людей и не сталъ проклинать моей памяти.

„Вотъ памятникъ сердечной слабости моей, памятникъ блаженнѣйшихъ минутъ въ моей жизни и самыхъ лютѣйшихъ! Тебѣ поручаю я, милый, единственный мой другъ, послѣ смерти моей, не открывая сжечь.

„Возможно ли.... Сколь священны для меня сіи бумаги, которыя поручаю тебѣ, — что я не смѣю дерзнуть, покуда живъ, истребить ихъ своими руками. Блеженныя, небесныя минуты!... я не забуду васъ при послѣднемъ издыханіи! Прости! исполни мое завѣщаніе. Я теперь здоровъ, а завтра не знаю что̀ со мной случится: кто можетъ предвидѣть будущее!“

Но не пришлось не только умереть, но даже уѣхать въ Москву; а потому и письмо не дошло по адресу. Чрезъ полтора года, то-есть послѣ уже женитьбы, на немъ сдѣлана была слѣдующая приписка: „Боже мой! я рѣшился самъ истребить драгоцѣнный памятникъ. Но могъ ли я не сохранить тѣ слезы которыя были пролиты любезнѣйшимъ моему сердцу человѣкомъ! Я сжегъ всѣ письма, вырѣзавъ только тѣ мѣста которыя закаланы были слезами.“ Марья Васильевна посвящена была въ тайну стараго романа, писемъ однако же не читала. Но мы покинули нить романа новаго.

Романъ съ Марьей Васильевной шелъ и развивался своимъ порядкомъ. „Жестокіе родители“, какъ мы сказали, начали преслѣдовать дочь, холодно принимали ея влюбленнаго, но отъ дому ему не отказывали, собирались съ нимъ говорить *серіозно*, но такъ и не собрались. Марья Васильевна, просто, но страстно полюбившая, была въ постоянной горести и слезахъ; Иванъ Алексѣевичъ въ отчаяніи, образцики котораго едва ли будетъ нужно приводить; но хранилъ упорное молчаніе предъ родителями своей возлюбленной, „боясь ихъ прогнѣвить“. Любовь ихъ не была тайной въ Ставрополѣ, гдѣ, по словамъ Второва, не только все „благородное“ общество, но даже дворовые люди о ней знали и желали соединенія любящихся сердецъ; младшіе члены семейства Мильковичей были положительно на ихъ сторонѣ. Въ Самарѣ ихъ тайна была открыта только тремъ, но надежнымъ лицамъ: старинному другу Богданову (Моисею Але-

ксандровичу), уѣздному предводителю, самарскому городничему Лукину (Алексѣю Акимовичу) и родственнику П. И. Бронскому, служившему въ земскомъ судѣ засѣдателемъ. Романъ продолжавшійся два года породилъ обширную переписку между любовниками, большая часть которой утратилась; но нашъ автобіографъ сохранилъ для потомства семь своихъ и девять писемъ своей возлюбленной. Настоящею героиней романа была Марья Васильевна. Она прямѣе и проще смотрѣла на дѣло; она давала ему направленіе; чувство ея было сильнѣе и глубже; герой нашъ только безпричинно изнывалъ и не умѣлъ или не хотѣлъ смѣлѣе относится къ фактамъ. Марья Васильевна, какъ мы видѣли, тотчасъ же объявила родителямъ о своемъ чувствѣ; Иванъ Алексѣевичъ молчалъ о немъ два года. Родители на первыхъ порахъ встрѣтили ея признаніе съ большимъ неудовольствіемъ и угрожали ей какимъ-то „страшнымъ“ наказаніемъ; вслѣдствіе такихъ угрозъ она рекомендуетъ своему возлюбленному осторожность и предлагаетъ на время разлучиться. Но Иванъ Алексѣевичъ оскорбляется такимъ предложеніемъ, не безъ ироніи выражаясь въ отвѣтномъ письмѣ своемъ слѣдующимъ образомъ: „Я уѣду. Забудьте меня! Вы, конечно, въ силахъ это сдѣлать; но я не свыше человѣка! Судьбѣ угодно было наказать меня злосчастнымъ сердцемъ: оно слишкомъ чувствительно и слабо!“ Приводимъ цѣликомъ слѣдующее письмо Марьи Васильевны:

„На что терзаешь растерянное сердце! Что тебя, мой милый, заставило такъ обидно мыслить обо мнѣ? Или думаешь что родительскій гнѣвъ истребилъ это чувство! Нѣтъ, никакія адскія муки не истребятъ его: оно для меня священно. Ахъ, еслибы зналъ сколько я люблю тебя, безцѣнный другъ, и какъ о тебѣ страдаю! Одинъ Богъ тому свидѣтель; но что дѣлать! Научи меня, скажи, какія средства предпринять? Я тебѣ пожертвовать рада моею жизнію. Прошу, научи меня, милый другъ, а я всю надежду потеряла. Жестокія сердца, пагубные предразсудки насъ терзаютъ. Имъ нужны богатство, высокія степени, знатное родство; но меня, мой другъ, привязали твой умъ и твое доброе сердце. Боже мой! Еслибы зависѣло отъ меня, мы были бы счастливы. Люби и не забудь меня, а я, клянусь вамъ что обожаю, и что одна смерть истребитъ мою любовь къ тебѣ. Ты хочешь, мой драгоцѣнный другъ, узнать мысли батюшки и маменьки? Они клянутъ и обѣщаютъ что со мною примѣрно поступятъ и просятъ Бога

чтобы лучше я умерла, чѣмъ нанесу срамъ имъ и всей ихъ почтенной фамиліи. Говорить и писать къ нимъ тебѣ не совѣтую: лучше не сдѣлаешь, а только они тебя оскорбятъ. Побереги свое чувствительное сердце отъ ихъ дерзости, потерпи; можетъ-быть, время перемѣнитъ ихъ жестокость. Надѣйся и проси Бога; Онъ одинъ наша надежда. Я просила тебя удалиться; ужели чтобъ тебя забыть! Нѣтъ! Богъ меня накажетъ. Я боюсь чтобъ они тебя не огорчили. Ужь было говорено — отказать тебѣ отъ дому. Твои горести и страданія болѣе терзаютъ мое сердце нежели мои собственныя. Они замѣчаютъ невольно вылетавшіе наши вздохи и взгляды и за это меня и тебя ругаютъ. Ты видѣлъ въ Новый Годъ какъ маменька разсердилась; — и вотъ уже третій день слушаю ихъ ругательныя проповѣди и боюсь чтобы тебя когда-нибудь не огорчили. Знаю, тебѣ это будетъ больно, да ты и самъ говорилъ что этого не перенесешь. Вотъ для чего я просила тебя уѣхать; но ты можешь здѣсь остаться, только кажись покойнымъ: побереги меня и себя. Прости, мой безцѣнный другъ, будь покоенъ: можетъ-быть, Богу угодно испытать насъ. Еще свидѣтельствуюсь тебѣ Богомъ что сердце мое не истребитъ къ тебѣ любви.“

Но Иванъ Алексѣевичъ и безъ просьбъ берегъ свое „чувствительное и злосчастное“ сердце; совѣтъ Марьи Васильевны, тѣмъ не менѣе, пришелся ему по вкусу. Успокоившись на ея счетъ, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ ней вдается въ философію. Идя отъ мысли что душа наша безсмертна, онъ доказываетъ что и страсть его къ Марьѣ Васильевнѣ тоже безсмертна и что, стало-быть, и она на его счетъ также должна быть покойна. Отъ этого силлогизма онъ переходитъ къ новому, — къ неизбѣжной для него необходимости удалиться на время, а можетъ-быть и на долго, съ цѣлью „подкрѣпить себя разсѣяніемъ“, забывая что назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ самъ же возмущался при одномъ словѣ *разлука*, въ пользу которой теперь ораторствуетъ и на случай которой даже предлагаетъ рецепты. Къ счастію, Марья Васильевна не обратила вниманія на эти противорѣчія, да едва ли и понимала такого рода умствованія: она продолжала дѣйствовать въ простотѣ сердца, по крайнему своему разумѣнію. „Жестокія сердца“, при всей грубости отказа на просьбы дочери, кажется были болѣе наивны или, по пословицѣ, себѣ на умѣ, чѣмъ жестоки. „Ну, пиши ему,“ говорили они, конечно, устами Катерины Ѳедотовны, „чтобъ

онъ пріѣхалъ, взялъ бы тебя, какъ недостойную нашихъ милостей и благословенія дочь, и повѣнчался бы съ тобою въ ближней деревнѣ.“ На этотъ совѣтъ Марья Васильевна просила у родителей послѣдней милости, — пусть отецъ напишетъ ко Второву, какъ къ другу, и попроситъ его избѣгать свиданія съ нею; „но сердце мое, говоритъ она, не было согласно съ словами“; но отецъ не внималъ ея просьбамъ, тоже, вѣроятно, боясь огорчить влюбленнаго родственника. Романъ затягивался и угрожалъ убійственнымъ однообразіемъ, еслибы сама Марья Васильевна не ускорила развязки. Сестра ея Ѳіона и женихъ ея, а потомъ вскорѣ и мужъ, Плотниковъ (Владиміръ Борисовичъ), держали сторону старшей сестры и къ ея просьбамъ присоединяли свои; но родители были непреклонны. Марья Васильевна, убѣдившись что „предразсудки ихъ (родителей) такъ сильны что нужно множество вѣковъ побѣждать ихъ“, ловитъ слово, еще прежде и можетъ-быть не безъ намѣренія вырвавшееся изъ родительскихъ устъ, размышляетъ надъ нимъ и—рѣшается бѣжать! Комизмъ романа увеличивается тѣмъ болѣе что на это бѣгство поспѣшили натолкнуть ее сами родители. „Если уже она его такъ любитъ, говорили они Плотниковымъ, мы дадимъ ей кибитку и тройку лошадей въ приданое, — пусть къ нему ѣдетъ!“ Но рѣшившись бѣжать, Марья Васильевна начинаетъ убѣждать своего возлюбленнаго въ необходимости такого рѣшенія, проситъ его съ нею согласиться; но ей приходитъ въ голову мысль что эта просьба не будетъ исполнена. „Я думаю, говоритъ она, ты скажешь: „безсовѣстно оскорбить родителей“. Но скажи, совѣстно ли уморить ту которая, полюбя тебя, отказала себѣ во всемъ. Скажи другъ мой: „Я согласенъ увезти тебя“, и ты возвратишь мнѣ жизнь. Твердо рѣшившись бѣжать, Марья Васильевна все-таки сильно тревожится: она говоритъ что начинаетъ бояться стѣнъ, что какъ будто и онѣ за нею присматриваютъ; сверхъ того, ей жалко оставить родителей. „Еслибы ты ихъ видѣлъ, пишетъ она Второву, они сами жалки. Какъ они меня любятъ! Я, другъ мой, люблю ихъ также много, но тебя несравненно“ и т. д. Марья Васильевна сама назначаетъ день побѣга, проситъ пріискать священника, а если, говоритъ, такого не знаешь, то *мы* здѣсь поищемъ.“ Но мысль о *похищеніи* невѣсты очень понравилась

Ивану Алексѣевичу. Приводимъ въ извлеченіи одно изъ его писемъ къ Марьѣ Васильевнѣ:

„Безцѣнный мой другъ! Была глубокая ночь какъ я получилъ драгоцѣнныя ваши строки. Сонъ удалился отъ меня; можетъ ли что̀ постороннее занимать теперь мои чувства, мою душу? Нѣтъ! Я одинъ въ безмолвной тишинѣ хожу взадъ и впередъ по моей комнатѣ, думаю, — и разныя мечты представляютъ мнѣ *жизнь* и *смерть*. Эти слова много значатъ. Могу ли я не рѣшиться на что̀ бы ни было, когда вы („такъ не говорятъ друзья—вмѣсто *ты—вы*“, замѣчаетъ Марья Васильевна въ своемъ отвѣтѣ на это письмо) мнѣ приказываете! Такъ я рѣшился и, расположа время, мѣсто и пособія, ѣду къ исполненію. Если случится какая неожиданная измѣна (?), какое важное препятствіе къ исполненію намѣреній нашихъ... Боже мой! Одна секунда превратитъ меня въ бездушный трупъ. Могу ли я послѣ того жить еще на свѣтѣ! Такъ это намѣреніе твердо. Ваша правда что не вѣкъ страдать: надобно положить какой-нибудь конецъ сему страданію. Такъ, мой другъ! Въ другое время, съ холоднымъ разсудкомъ, я бы могъ отвергнуть ваше предложеніе. Могъ бы представить вамъ картину послѣдствій, горесть вашихъ родителей и пр. Но теперь, когда уже всѣ средства испытаны безполезно и когда вѣчные предразсудки ихъ будутъ всегдашнимъ препятствіемъ, то какой разсудокъ, какая философія можетъ заставить отчаянно страдать навсегда, не испытавши рѣшительнаго конца? Да и кто со здравымъ разсудкомъ и съ добрымъ сердцемъ можетъ винить насъ за то, зная все происходившее, въ разсужденіи варварскихъ (?!) поступковъ съ вами родителей? Нѣтъ, мой другъ! Всякій по чистой совѣсти присовѣтуетъ то сдѣлать и всякій возьмется помогать намъ. Но чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже; надобно скорѣе рѣшиться“ и т. д....“

Но Марья Васильевна, рѣшившись на бѣгство и назначивъ срокъ, два раза его откладывала, по причинѣ тяжкой болѣзни матери, которую ей жалко было оставить въ такомъ положеніи; Иванъ Алексѣевичъ началъ дуться и считалъ эту отсрочку „измѣной“. Пришлось успокоивать капризнаго романтика и назначить послѣдній срокъ, 6го января 1806 года, когда Катерина Ѳедотовна уже выздоровѣла. Но, желая еще разъ для очистки совѣсти „поискать счастья не въ крайнихъ обстоятельствахъ“, она совѣтуетъ своему возлюбленному написать къ ея отцу письмо, справедливо замѣчая что ея родители „иногда говорятъ что еще отъ тебя ничего не слы-

хали". Она диктуетъ даже что писать. „Ты можешь сказать что не смѣлъ имъ объясниться, привыкши ихъ почитать; боялся оскорбить, зная неравенство твоего состоянія съ ними; но уже не въ состояніи переносить своихъ страданій,— просишь ихъ." Послушный и этому совѣту, Иванъ Алексѣевичъ пишетъ, 28го ноября 1805 года, къ Василію Сергѣевичу слѣдующее письмо:

„Чистосердечіе всегда управляло моими поступками, въ какихъ бы обстоятельствахъ они ни были. Я не зналъ притворства ни въ образѣ мыслей, ни въ дѣлахъ моихъ; можетъ-быть оттого и испыталъ я разныя невыгоды въ жизни. Могу ли я и теперь не быть чистосердечнымъ противъ моихъ благодѣтелей?

„Бываетъ всему конецъ. Надобно чѣмъ-нибудь кончить несчастную исторію которой обстоятельства вамъ извѣстны и которую до сихъ поръ скрывалъ я въ бѣдномъ сердцѣ моемъ и не смѣлъ открыть вамъ только для того что боялся оскорбить лучшихъ моихъ благодѣтелей. Но продолжительныя мои страданія наконецъ принудили меня рѣшиться на сіе открытіе. Мои чувствованія и поступки противъ васъ были всегда одинаковы. Почти съ малолѣтства будучи привязанъ ко всему почтенному семейству вашему привыкъ я издавна любить и почитать васъ за лучшихъ моихъ родственниковъ, каковымъ не гнушались считать меня и вы. Я помню всѣ ласки, всѣ благодѣянія ваши которыми нѣкогда пользовался и вѣчно буду помнить. Сіи счастливыя времена составили мнѣ несчастіе можетъ-быть на цѣлую жизнь,— несчастіе которое долженъ я омыть моею кровью если оскорбленныя противъ меня ваши чувствованія не перемѣнятся. Такъ, мнѣ все извѣстно сколь жестоко пострадали добрые родители, видя непреклонность любимой дочери на ихъ волю; извѣстно и то какимъ злодѣемъ почитался я въ глазахъ вашихъ. Не говорю ни слова о моемъ страданіи, о моихъ мученіяхъ какія перенесъ я оттого, видя перемѣну расположенія вашего ко мнѣ. Отдаю на собственный вашъ судъ когда не будетъ въ немъ посторонихъ предразсудковъ; судите по-человѣчески и, если угодно, по-божески. Вотъ все мое злодѣйство, все преступленіе предъ вами. Привязанность, почтеніе и любовь моя были равны ко всѣмъ дѣтямъ вашимъ; но одну изъ дочерей вашихъ предпочиталъ я по превосходнымъ качествамъ ея ума и сердца. Сіе предпочтеніе родило въ обоихъ насъ дружбу, превратившуюся потомъ въ сильную страсть. Сколько доставало разсудка и силъ моихъ старался я преодолѣть эту страсть, зная неравенство состояній нашихъ, зная важнѣйшее препятствіе, что ни богатствомъ, ни чинами не могу я блистать въ большомъ свѣтѣ;

но любезная ваша дочь, имѣя совершенныя лѣта и разсудокъ не дѣтскаго легкомыслія, почитаетъ блескъ большаго свѣта за пустую мечту, не составляющую благополучія въ жизни. Вы сами, почтеннѣйшій благодѣтель мой, давно рѣшили это въ собственномъ сердцѣ своемъ, которое меньше подвержено предразсудкамъ другихъ людей. Вамъ извѣстенъ душевный характеръ мой, мое поведеніе: могу ли я имѣть противъ васъ какія преступныя мысли? Мои намѣренія и чувствованія были всегда самыя священныя; но я не въ силахъ бороться съ судьбой которая не всѣмъ равно раздѣляетъ дары свои. Итакъ, осмѣливаюсь въ послѣдній разъ испытать мое счастіе чрезъ сіе письмо. Теперь отъ васъ зависитъ моя участь: одно слово ваше или повергнетъ меня къ ногамъ вашимъ, или навсегда лишитъ вашихъ милостей."

На это письмо послѣдовалъ изъ Ставрополя, отъ 30го ноября 1805 года, слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь,

„Иванъ Алексѣевичъ!

„На письмо ваше отвѣчать поспѣшаю. Не покорять волю разуму не есть дѣло философа. Я родился и живу подъ закономъ. Въ настоящемъ письмѣ вашемъ сами изъясняете что вы пріобыкли почитать насъ за лучшихъ родственниковъ (что̀ вы и есть); слѣдовательно не предразсудокъ, а собственное ваше изреченіе и законъ не позволяютъ намъ согласиться на непозволенную страсть вашу. Быть въ законѣ необходимо должно и волю нашу покорять его уставамъ. Я увѣренъ что сія истина перемѣнитъ ваши мысли и заставитъ васъ посовѣтоваться съ разсудкомъ, только не пристрастнымъ. А за симъ не стыжусь отъ чистаго сердца васъ увѣрить что исключая сего пункта, расположеніе мое къ вамъ не перемѣнилось. Есть и будетъ съ истиннымъ почтеніемъ навсегда вамъ, м. г., вѣрно покорнѣйшимъ слугою.

„Василій Мильковичъ."

На это письмо Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ въ полемическомъ тонѣ что законы онъ знаетъ самъ, что родство его съ Марьей Васильевной въ такой дальней степени что для брака ихъ даже не потребуется архіерейскаго разрѣшенія, а что неравенство состояній легко уничтожить, сто̀итъ только родителямъ Марьи Васильевны ничего ей не давать, кромѣ своего благословенія. Но на эту полемику не послѣдо-

вало отвѣта. Родители хранили упорное молчаніе, а потому Марья Васильевна продолжала готовиться къ побѣгу. На Святкахъ Бронскій отправился въ Ставрополь и, въ качествѣ родственника, былъ принимаемъ въ домѣ Мильковичей, хотя не безъ нѣкоторой подозрительности: на самомъ дѣлѣ онъ былъ посредникомъ между влюбленными. Кромѣ трехъ выше названныхъ лицъ Иванъ Алексѣевичъ нашелъ себѣ въ Самарѣ еще четвертаго помощника,—Кузьму Ивановича Зеленева, почтмейстера. Между тѣмъ 5го января 1806 года, Второвъ получаетъ отъ Бронскаго слѣдующую рѣшительную записку: „Сейчасъ посылаю нарочно. Вы съ Кузьмой Ивановичемъ пріѣзжайте въ Жигулй (село въ 8ми верстахъ отъ Ставрополя и въ 65 отъ Самары) 6го числа поутру и тамъ дожидайтесь, да привезите маленькія санки. Будьте готовы совсѣмъ, но осторожно. Остановитесь въ крайнемъ дворѣ, на правой рукѣ, а повозку и сани оставьте въ другой квартирѣ или на почтовомъ дворѣ.“ На Крещенье послѣ обѣдни, Иванъ Алексѣевичъ отправился на почтовыхъ, съ „надежнымъ и сильнымъ“ человѣкомъ Матвѣемъ, крѣпостнымъ Богданова, въ Жигулй. Зеленевъ поѣхалъ въ своемъ экипажѣ. Они остановились въ назначенныхъ мѣстахъ. Въ 3 часа за полночь, во дворъ, занимаемый нашими похитителями въѣхала повозка; въ ней сидѣла Марья Васильевна, а на облучкѣ П. И. Бронскій. Этотъ послѣдній съ почтмейстеромъ поскакали впередъ, для заготовленія почтовыхъ лошадей; влюбленная чета отправилась вслѣдъ за ними. Въ Самару пріѣхали еще раннимъ утромъ, прямо на квартиру Второва. Онъ послалъ просить къ себѣ знакомую даму, Елизавету Андреевну Алашееву, исправницу, мужа которой не было тогда въ городѣ; она предназначалась быть посаженою матерью. Гжа Алашеева явилась и удивилась романтической обстановкѣ, увидя въ квартирѣ холостяка незнакомую дѣвицу; но загадка тотчасъ же, разумѣется, разъяснилась. Отцомъ посаженымъ былъ назначенъ Моисей Алекс. Богдановъ,—обстоятельство давшее поводъ родителямъ Марьи Васильевны называть ее нѣкоторое время иронически Марьей Моисевной. Во время обѣдни всѣ отправились въ церковь Спаса-Преображенія, гдѣ послѣ богослуженія совершено было вѣнчаніе, къ изумленію присутствовавшихъ въ церкви, ничего подобнаго не ожидавшихъ. Марья Васильевна выходила

замужъ 30 лѣтъ отъ роду; Ивану Алексѣевичу было 34 года. На другой день утромъ молодые дѣлали всѣмъ визиты, а къ обѣду и вечеромъ принимали у себя гостей. Вечеромъ при гостяхъ явился гонецъ изъ Ставрополя и громко, именемъ Василія Сергѣевича и Катерины Ѳедотовны, спросилъ въ какомъ положеніи находятся молодые люди и „не въ наложницахъ ли у Ивана Алексѣевича дочь ихъ?“ Гонецъ былъ отправленъ обратно на другой день (8го) съ письмами отъ обоихъ супруговъ. Приводимъ письмо Марьи Васильевны, отличающееся, какъ всѣ ея письма, глубокою искренностію:

„Дражайшіе и милые родители мои!

„Я слишкомъ чувствую сколько васъ огорчила, неблагодарная и непослушная дочь ваша. Ежели бы знали вы мои мученія и скорбь мою, когда я боролась съ собою и думала: на что мнѣ рѣшиться изъ двухъ средствъ? Прекратить мои страданія смертію, или поступкомъ который я теперь противъ васъ сдѣлала? Я знала что первое средство не легче бы вы могли перенести теперешняго; итакъ я рѣшилась на послѣднее. Хотя я жива теперь и счастлива, исполнивши свою волю, но счастіе мое отравляетъ ужасная скорбь о васъ, мои дражайшіе родители. Воображаю весь гнѣвъ вашъ. Знаю сколько вы много любили меня; знаете и вы какъ я любила васъ. Не могу и теперь вспомнить безъ слезъ ласки моей милой маменьки, которыя и тогда меня терзали болѣе потому что я чувствовала сколько недостойна была ихъ. Я любила противъ воли вашей, и любовь эта довела меня до сей крайности. Знаю сама что недостойна вашего прощенія, недостойна вашихъ милостей; но я надѣюсь на ваши добрыя, чувствительныя сердца, надѣюсь что вы не станете проклинать несчастную дочь вашу. Одинъ слухъ о васъ что вы успокоитесь и не будете печалиться обо мнѣ, какъ о преступницѣ вашей воли, почту я за счастіе и буду надѣяться что я моимъ терпѣніемъ, моими молитвами о васъ удостоюсь когда-нибудь вашего благословенія.“

Иванъ Алексѣевичъ на этотъ разъ писалъ краткое письмо и почти безъ фразъ. Отвѣта не было; но въ тотъ же день писала изъ Ставрополя Ѳіона Васильевна, между прочимъ, слѣдующее: „Положеніе батюшки и маменьки не такъ ужасно какъ мы думали. Батюшка сохранилъ все присутствіе разсудка: онъ чувствуетъ что сами они виною твоего поступка; но маменька... ты знаешь ея характеръ! И она мало

на тебя сердится, а все обращено на И. А. Батюшка готовъ простить тебя и твоего друга, я надѣюсь, скоро. Совѣтую тебѣ самой пріѣхать и какъ можно скорѣе. Въѣзжай къ намъ; но, Бога ради, одна: въ первомъ жару они не могутъ видѣть И. А. Мы скоро, я думаю, будемъ у васъ. Всѣ люди о тебѣ плачутъ и весь городъ обвиняетъ не тебя. Мнѣ прискорбно, другъ мой, что тебѣ чужіе люди дали рубашку: это разрываетъ мое сердце. Добрый мой Воля—ты его знаешь—онъ заплакалъ, услыхавши о томъ. Я посылаю тебѣ три рубашки, дульетъ, юпку, чулки и платье, носовой платокъ, шесть мотковъ нитокъ, косынку съ кружевами.... Сидя въ кучкѣ, плачемъ о тебѣ, добрый другъ нашъ." Дня черезъ два, пріѣхали ко Второвымъ изъ Ставрополя братъ Марьи Васильевны Сергѣй и Плотниковъ. Они привезли извѣстіе что огорченные родители теперь стали спокойнѣе и желаютъ видѣть дочь. Пробывъ у молодыхъ двое сутокъ, гости хотѣли хозяйку-сестру взять съ собою; но Иванъ Алексѣевичъ одну ее не отпустилъ. Вслѣдъ за ними онъ самъ поѣхалъ съ нею въ Ставрополь, гдѣ они остановились въ домѣ Плотникова, давъ тотчасъ знать кому слѣдуетъ о пріѣздѣ одной Марьи Васильевны. Является Василій Сергѣевичъ, и пробывъ съ четверть часа, увозитъ съ собою дочь; Иванъ Алексѣевичъ, по совѣту родныхъ, не показывался на глаза тестю. Марья Васильевна пробыла у родителей до вечера, обѣдала у нихъ и получила прощеніе. Но „комедія еще не кончилась", говоритъ Иванъ Алексѣевичъ въ своихъ запискахъ: его не пожелали видѣть, а потому молодые на другой день оставили Ставрополь. Комедія кончилась черезъ двѣ или три недѣли, когда молодые получили извѣстіе что родители желаютъ видѣть ихъ обоихъ. „Мы пріѣхали, говоритъ Второвъ, уже прямо къ нимъ въ домъ. Встрѣчи не было. Отецъ и мать находились въ особой комнатѣ. Мы вошли къ нимъ. Батюшка даже не далъ мнѣ стать на колѣни, обнялъ и расцѣловалъ меня, а матушка, рыдая, начала было дѣлать упреки. Но батюшка прервалъ ее: „Перестань, Катя! говорилъ онъ, забудемъ все прошедшее." Всѣ четверо мы плакали и не говорили ничего, кромѣ посторонних предметовъ. И такъ мы прожили въ Ставрополѣ болѣе двухъ недѣль пріятно и весело. Почти каждый день были у насъ гости, обѣдали и проводили вечера съ гостями или сами въ гостяхъ у нашихъ знакомыхъ."

Такъ переживался романъ, довольно затѣйливаго содержанія. Къ продолженію и окончанію его мы возвратимся въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же представимъ картину семейнаго счастія, нарисованную нашимъ героемъ, 35 лѣтъ спустя послѣ 7го января 1806 года, на изображеніе которой онъ не пожалѣлъ яркихъ красокъ. Нѣсколько лѣтъ, онъ говоритъ, прошли для него медовыми мѣсяцами, „въ совершенномъ счастіи, какого желалъ я и—достигнулъ, такъ что ничего даже не записывалъ въ свой журналъ. Родители моей жены совершенно примирились съ нами и полюбили меня попрежнему, если еще не болѣе. Они пріѣзжали къ намъ въ Самару взглянуть на наше житье-бытье, а свояченицы, особливо дѣвицы, гащивали у насъ по мѣсяцу. Семейная жизнь была самая пріятная вначалѣ, исключая нѣкоторыхъ хлопотъ по заведенію хозяйства. Мы любили другъ друга искренно, наслаждались счастіемъ. Иногда набѣгали и мрачныя тучки на горизонтъ нашего счастія, но безъ бури. Бывали небольшія ссоры, но непродолжительныя: въ тотъ же день мы мирились и забывали всѣ непріятности.“ Марья Васильевна получила отъ родителей 25 душъ крестьянъ съ отвѣтствующимъ количествомъ десятинъ земли, въ дачахъ той же Катериновки.

Возвращаемся къ судейской дѣятельности Второва, продолжавшейся 11 лѣтъ. Если онъ, какъ герой романа, является предъ читателями не совсѣмъ въ выгодномъ свѣтѣ, зато въ его общественной дѣятельности, мы надѣемся, читатель увидитъ много хорошаго. Человѣкъ образованный, побывавшій въ столицахъ, литераторъ на дѣлѣ и по натурѣ, онъ внесъ много добра и свѣта въ мрачныя катакомбы тогдашняго провинціальнаго правосудія и лихоимства. Женившись угомонившись, какъ говорится, онъ тѣмъ съ большею энергіей предался практической дѣятельности, которая совсѣмъ не оставляла мѣста и времени для одолѣвавшихъ его прежде пароксизмовъ сентиментальной романтичности. Самая его склонность къ литературнымъ занятіямъ нашла себѣ практическое примѣненіе, въ составленіи разнаго рода дѣловыхъ бумагъ, правильность изложенія которыхъ въ ту пору составляла большую рѣдкость не въ одной провинціи. Въ дополненіе къ сказанному прежде о его образѣ жизни въ

Самарѣ, приводимъ, его же словами, слѣдующую картину, которая, надѣемся, убѣдитъ читателя что И. А. Второвъ, для своего времени, явленіе весьма замѣчательное, прошедшее не безслѣдно.

„Домашнія заботы по хозяйству, занятія по склонности, знакомства, гости и угощенія у себя въ домѣ и взаимно у другихъ шли своимъ порядкомъ. Но занятія по службѣ были почти единственнымъ моимъ упражненіемъ и заботою. Бывши на свободѣ, любимымъ занятіемъ моимъ было чтеніе книгъ, собранныхъ мною отъ самой юности (до двухъ тысячъ), по которымъ я со страстію учился и пріобрѣталъ свѣдѣнія во всѣхъ почти родахъ наукъ, особливо по части литературной. Сочинялъ разныя брошюрки, изъ которыхъ напечатано въ двухъ московскихъ журналахъ подъ названіемъ: *Пріятное и Полезное Препровожденіе Времени* (ч. 19, стр. 123) и *Иппокрена или Утѣхи Любословія* (ч. III, стр. 97, 105 и 110, ч. VI., стр. 545 и 550), стихами и прозою. * Кромѣ того переводилъ съ французскаго языка на русскій. Теперь же, сперва по принужденію, а потомъ по необходимости, началъ читать законы и сочинять юридическія бумаги. Въ теченіи 11 лѣтъ моей судейской должности сколько было случаевъ открывать въ запутанныхъ процессахъ невинность подсудимыхъ лицъ, или виновныхъ, скрывающихся во мракѣ ябедническихъ крючковъ, изъ корыстолюбія и подлости производившихъ слѣдствія! Всякая несправедливость приводила

---

* Въ указанномъ мѣстѣ *Пріятнаго и Полезнаго Препровожденія Времени* (1798 ч. XIX, стр. 123—125) помѣщена прозаическая статья подъ названіемъ: *Прости, май!*—Подписано: И.... Д. Утро 10 часовъ 56 минутъ іюня 1го числа 1798 года. Деревня чувашская Токмакла, Челны, Вершины, въ Самарскомъ уѣздѣ.—Въ *Иппокренѣ* въ ч. III на 1799, стр. 97—104, помѣщена прозаическая статья *Царевъ Курганъ* (извѣстная красивая мѣстность на Волгѣ). Подписано: „8 (славянское и̃) В. 18го числа сентября 1798. Слобода Царево-Курганская въ Самарскомъ уѣздѣ.“ Въ той же части, стр. 105—109, помѣщено стихотвореніе: *Перемѣна Участи (друзьямъ моимъ)*, состоящее изъ десяти куплетовъ и подписанное: „8. 2. 2го числа декабря 1793 года; въ С.—Въ той же части, стр. 120—126, напечатано другое стихотвореніе, *Время*, состоящее изъ 15 куплетовъ, и подписанное словами: „Ив.... 2; декабря 31го числа 1794 года. Въ Самарѣ“.—Въ VI части *Иппокрены* (1800), на стр. 545 — 549, на-

меня въ отчаяніе, а правое дѣло и рѣшеніе справедливое радовали какъ ребенка. Много перенесъ я во всю мою службу непріятностей и огорченій за защиту правды и за открытіе вины въ рѣшеніи дѣлъ. Тогда не было еще Свода Законовъ. Мы руководствовались уложеніемъ, учрежденіемъ, уставами и собраніемъ указовъ, а болѣе здравымъ разсудкомъ, чистою совѣстью и безпристрастіемъ."

Словомъ, судейство было лучшимъ временемъ въ жизни Второва. Въ своихъ запискахъ онъ приводитъ нѣсколько процессовъ, любопытныхъ какъ въ юридическомъ, такъ и еще болѣе въ нравоописательномъ отношеніи.

У Мильковича, въ деревнѣ его Катериновкѣ, на рѣкѣ Кундурчѣ, была построена мельница, существовавшая болѣе 50 лѣтъ безъ всякаго спора со стороны сосѣдей, даже при генеральномъ размежеваніи. Мельница эта сгорѣла; Мильковичъ началъ строить новую на томъ же самомъ мѣстѣ. Ближайшій сосѣдъ его, надворный совѣтникъ Иванъ Гавриловичъ Дмитріевъ, отецъ тогдашняго министра юстиціи и извѣстнаго поэта и баснописца, человѣкъ богатый и значительный въ губерніи, просилъ судъ запретить эту постройку, на томъ основаніи что отъ этой мельницы и прежде затопляло въ его дачахъ нѣсколько луговъ и лѣсу. Уѣздный судъ произвелъ дознаніе, по которому оказалось что затоплялась только часть песчанаго берега да мелкій кустарникъ. До вступленія въ должность Второва члены суда боялись тронуть это дѣло; но Иванъ Алексѣевичъ, не бывшій еще въ то время зятемъ Мильковича, разсмотрѣлъ дѣло и отказалъ въ просьбѣ

печатана прозаическая статья *Моя Прогулка*, подписанная такъ: „Anonimus. Сентября 5го числа 1795 года. Въ той же книжкѣ (стр. 550—556 помѣщена (не указанная авторомъ) прозаическая статья подъ названіемъ: *Здравствуй май!* подписанная такъ: „8 Втор... утро мая 1го числа 1800 года. На берегу Волги, въ Симбирской губерніи."—Читатель настолько знакомъ съ характеромъ нашего героя и съ его манерою литературнаго изложенія что намъ нѣтъ надобности ни дѣлать выписокъ изъ этихъ статей, ни излагать ихъ содержанія. Въ указанныхъ статьяхъ встрѣчаются, правда, нѣкоторыя біографическія черты, но онѣ гораздо подробнѣе развиты въ настоящемъ трудѣ. Любопытно что Второвъ, говоря о своей литературной производительности, указываетъ на піесы напечатанныя 8—6 лѣтъ назадъ.

Дмитріеву. Является повѣренный этого послѣдняго, беретъ копію съ рѣшенія уѣзднаго суда, но неудовольствія на это рѣшеніе не объявляетъ. Чрезъ мѣсяцъ онъ снова является въ судъ, проситъ о дозволеніи подписать свое неудовольствіе и перенести дѣло на аппелляцію; но такъ какъ повѣренный пропустилъ узаконенный срокъ, то уѣздный судъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. Закипѣло дѣло. Дмитріевъ сталъ бомбардировать губернское правленіе жалобами, а это послѣднее посылать указы въ уѣздный судъ о допущеніи его повѣреннаго къ подпискѣ неудовольствія; но самарскій судъ мужественно стоялъ на своемъ до тѣхъ поръ пока не пригрозили ему оштрафованіемъ всѣхъ членовъ. Но и тогда, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, судъ опредѣлилъ, „изъ единаго повиновенія начальству", допустить повѣреннаго Дмитріева къ подпискѣ, принять отъ него аппелляціонныя деньги, а все дѣло отправить въ Симбирскую палату гражданскаго суда. Донесеніе уѣзднаго суда въ этомъ родѣ губернское правленіе сочло дерзостью противъ начальства и объявило уѣздному судьѣ Второву *строжайшій выговоръ.* Иванъ Алексѣевичъ уже написалъ возраженіе, требуя надъ собой строжайшаго суда, но пріѣхавшій изъ Симбирска городничій Лукинъ своимъ извѣстіемъ что губернаторъ князь Хованскій на него чрезвычайно озлобленъ, привелъ въ смущеніе нашего героя, позабывшаго что резолюціи губернскаго правленія полагаетъ самъ губернаторъ. „Тутъ только я одумался и оробѣлъ", добродушно сознается Второвъ. Будучи частымъ гостемъ въ Симбирскѣ, знакомый со всею тамошнею служебною и неслужебною аристократіей, Иванъ Алексѣевичъ не хотѣлъ знать секретарей и повытчиковъ, которые на самомъ дѣлѣ всѣмъ управляли и всѣ губернскія власти водили за носъ: онъ не бывалъ у нихъ съ визитами, не давалъ имъ денегъ или подарковъ, за что̀ они, разумѣется, платили ему полною ненавистью. Такъ и секретарь губернскаго правленія, воспользовавшись тѣмъ временемъ когда губернаторъ былъ не въ духѣ, доложилъ ему послѣдній рапортъ Самарскаго суда по дѣлу Дмитріева и „добрѣйшій" князь Хованскій вышелъ изъ себя отъ такой дерзости и уже велѣлъ было отдать подъ судъ всѣхъ членовъ, но къ счастію заступничество Наумовыхъ спасло самарскихъ судей отъ такой напасти. Узнавъ эти подробности, Иванъ Але-

ксѣевичъ разорвалъ приготовленный имъ протестъ и поскакалъ въ Симбирскъ „съ повинною головой". Онъ остановился въ домѣ М. М. Наумова и не успѣлъ еще переодѣться какъ въ комнату, въ которой онъ разговаривалъ, входитъ князь Хованскій съ женой, племянницей хозяина. На поклонъ Второва князь отвѣтилъ кивкомъ, послѣ котораго герой нашъ исчезъ. На другой день утромъ онъ явился къ князю, „выслушалъ всѣ его упреки за мои глупости, которыя я самъ глубоко чувствовалъ и сокрушался что могъ огорчить такого добраго начальника.... Его отеческія увѣщанія и наставленія довели меня до слезъ. Послѣднія слова его были: „Забудемъ! Будьте увѣрены что у меня на сердцѣ противъ васъ ничего не осталось". Этотъ урокъ въ послѣдствіи послужилъ мнѣ въ пользу къ осторожности." Такъ неудачно окончился протестъ Второва по дѣлу Милькович, когда онъ уже былъ его зятемъ; такъ сокрушилось гражданское мужество нашего героя предъ силою начальническаго неодобренія! Гораздо любопытнѣе слѣдующее дѣло.

Въ Самарскомъ городскомъ правленіи служилъ канцеляристомъ нѣкто Дмитріевъ, человѣкъ около 40 лѣтъ, по словамъ Второва, „невѣжда въ полномъ смыслѣ, пьяный и подлѣйшій". Городничій Лукинъ, „добрый и простой человѣкъ, ввѣрилъ ему все производство дѣлъ по полиціи, какъ человѣку дѣловому, по навыку, и дозволилъ даже пользоваться мелочными *доходами*, какъ они называли взятки, доставилъ ему чинъ коллежскаго регистратора и сдѣлалъ его квартальнымъ надзирателемъ". Получивъ эту должность, Дмитріевъ началъ пить до безобразія, кляузничать и обирать жителей. Городничій смотрѣлъ на эти продѣлки сквозь пальцы и только „иногда потчивалъ его пощечинами и сажалъ подъ арестъ". Вотъ какую штуку сочинилъ этотъ Дмитріевъ. Въ трехъ верстахъ отъ Самары, на берегу Волги, находился поташный заводъ купца Салтыкова. Мѣстность на которой расположенъ этотъ заводъ была въ ту пору любимымъ гульбищемъ Самарянъ и Самарянокъ, куда они каждое воскресенье и праздники являлись толпами, многіе съ самоварами и закусками. Это народное гулянье оживлялось пѣснями и плясками посадскихъ дѣвушекъ, водившихъ тутъ хороводы. Не разъ квартальный Дмитріевъ, въ качествѣ блюстителя порядка, присутствовалъ на „заводѣ" съ полицей-

скими солдатами и десятскими, но слѣдующую сцену онъ сдѣлалъ вѣроятно подъ вліяніемъ особеннаго вдохновенія. Замѣтивъ что три посадскія дѣвушки („дѣвки“ на тогдашнемъ языкѣ) и одна женщина пошли съ гулянья на заводъ и тамъ стали разговаривать съ сыномъ купца Салтыкова, Дмитріевъ съ своею командою ударился вслѣдъ за ними и началъ приставать къ Салтыкову съ вопросомъ: „зачѣмъ у него очутились дѣвки?“ и требовать съ него денегъ. Салтыковъ денегъ не далъ. Тогда Дмитріевъ приказалъ „дѣвокъ“ и женщину связать кнутьями, рука съ рукой, подъ мышки, и коса съ косой, а купеческаго сына Салтыкова раздѣть и оставить въ одной рубахѣ. Въ такомъ видѣ несчастныхъ, при большомъ стеченіи народа, гнали кнутьями какъ скотовъ по городу чрезъ Нижній Базаръ, Большую Улицу и торговую площадь до городническаго правленія, гдѣ продержали ихъ трое сутокъ подъ арестомъ. По произведенному слѣдствію оказалось что обвиненные во взводимомъ на нихъ Дмитріевымъ преступленіи (прелюбодѣйствѣ) были неповинны. 1го іюня 1806 года это слѣдствіе поступило въ уѣздный судъ. Такъ началось дѣло, въ которомъ городничій Лукинъ, къ чести своей, нисколько не поддерживалъ негодяя квартальнаго. Судъ освободилъ изъ заключенія арестованныхъ, обвинилъ Дмитріева и представилъ все дѣло въ палату уголовнаго суда. Домъ Дмитріева и имѣніе отданы были подъ присмотръ до рѣшенія дѣла. Палата утвердила этотъ приговоръ и опредѣлила: десятскихъ наказать плетьми, а солдатъ палками при полиціи, о квартальномъ же Дмитріевѣ представила губернскому правленію чтобъ отдать его подъ судъ; обиженнымъ предоставлено было право просить на Дмитріева особо. Экзекуція надъ десятскими и сотскими была исполнена; но квартальный Дмитріевъ продолжалъ себѣ служить и безобразничать. Несчастныя „дѣвки“ и женщина остались ни причемъ; правомъ иска воспользовался только одинъ купеческій сынъ Салтыковъ, который просилъ уѣздный судъ взыскать съ Дмитріева за безчестье и за убытки происшедшіе по случаю его арестованія, цѣною во 100 руб.“ Судъ потребовалъ къ отвѣту квартальнаго, но тотъ, отговариваясь болѣзнью, не явился. Ему послали на домъ вопросные пункты, сдѣлавъ слѣдующую ошибку противъ формы: не обозначили кому и отъ кого они посылаются, хотя подъ ними и подпи-

сались засѣдатель и секретарь земскаго суда. „Что мнѣ дѣлать съ пьянымъ скотомъ! спрашивалъ городничій, встрѣтившись чрезъ нѣсколько дней съ судьею: вѣдь онъ измаралъ вашъ листъ и не написалъ того чего вы требуете!“ Возвратите намъ вопросы, какъ они есть, съ его мараньемъ, отвѣчалъ Второвъ. Что же оказалось? Дмитріевъ вмѣсто отвѣтовъ написалъ слѣдующее:

„Сіи вопросные пункты хороши и я ихъ читалъ. *Неизвѣстный.*

„Отъ кого жь и по какому закону даются, не знаю.

„Но знай же, *Никогнитная* особа, * что законами не шутятъ. Впрочемъ, предаю себя на разсмотрѣніе высшему начальству.“

Судъ, конечно, счелъ такія изреченія за дерзость, опредѣлилъ взыскать съ Дмитріева истцовъ искъ и за негербовую бумагу, а за оскорбленіе имъ присутственнаго мѣста предать его суду уголовной палаты. Къ выслушанію рѣшенія Дмитріевъ опять не явился, а на сообщеніи объ этомъ написалъ слѣдующее:

„Оное сообщеніе слышалъ. Но какъ, безъ отобранія отъ отвѣтчиковъ отвѣтовъ, рѣшенія быть не можетъ; то и къ выслушанію рѣшительнаго опредѣленія явиться не для чего. А по выздоровленіи, ежели, по отобраніи отвѣта, дѣло рѣшено будетъ на законномъ основаніи, тогда явлюсь.“

Черезъ два мѣсяца палата уголовнаго суда вызвала Дмитріева къ отвѣту въ Симбирскъ, гдѣ онъ успѣлъ обработать дѣло въ свою пользу и самолично привезъ въ Самару указъ на имя городничаго, повелѣвавшій взыскать съ членовъ уѣзднаго суда за негербовую бумагу и освободить изъ-подъ присмотра домъ и имѣніе квартальнаго Дмитріева. Само собою разумѣется, такое торжество не обошлось Дмитріеву даромъ; частью награбленной и еще не пропитой добычи онъ подѣлился съ палатскимъ секретаремъ Кисловскимъ. Такой оборотъ дѣла до глубины души возмутилъ Второва, тѣмъ болѣе что персоналъ Симбирской уголовной палаты былъ ему коротко знакомъ. Предсѣдателемъ палаты былъ уже упомянутый прежде графъ Василій Андреевичъ Толстой. Второвъ

---

* Читатель, конечно, догадается что остроумный квартальный этимъ именемъ (incognito) называетъ уѣздный судъ.

называлъ его почтеннымъ человѣкомъ, добрѣйшаго сердца, съ прекрасными свѣдѣніями и умомъ, но мягкаго и добраго характера; всѣ эти качества онъ могъ имѣть, но кромѣ свѣдѣній и ума, которыя ни въ чемъ незамѣтны. Еще будучи холостымъ, во время пребыванія своего въ Симбирскѣ, Второвъ почти ежедневно бывалъ въ домѣ Толстыхъ, гдѣ, по его словамъ, былъ принятъ какъ родной самимъ графомъ и графиней Катериной Яковлевной (урожденной Трегубовой). Графъ любилъ пофилософствовать о суетѣ мірской вообще и о правосудіи въ особенности, хотя въ дѣлахъ непосредственно относящихся до его должности ровно ничего не понималъ и былъ въ полной власти секретаря Кисловскаго и засѣдатеся Трегубова. Но Иванъ Алексѣевичъ почему-то имѣлъ высокое понятіе о значеніи графа Толстаго, называлъ его своимъ „благодѣтелемъ" и имѣлъ несчастіе въ дѣлѣ Дмитріева положиться на его авторитетъ, вмѣсто того чтобъ искать содѣйствія у Жадовскаго, уже извѣстнаго намъ театрала, но кажется, самаго дѣльнаго человѣка въ палатѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Графъ В. А. Толстой въ сношеніяхъ своихъ со Второвымъ вполнѣ рисуется. Вотъ что онъ между прочимъ отвѣчаетъ на упрекъ послѣдняго о взысканіи палатою штрафа за бумагу:

„Я есмь человѣкъ; легко могу попасться въ сѣти коварнаго. Но чтобы быть осторожнѣе готовъ принять строгій выговоръ отъ внѣшняго начальства и тѣмъ самымъ вамъ доказать что мнѣ легче самому вытерпѣть гнѣвъ отъ него, нежели видѣть подначальствующихъ невинно терпящихъ по моей неосторожности... Въ тотъ часъ какъ я получилъ отъ васъ письмо, я писалъ точно такого жь сюжета письмо къ одному изъ моихъ благодѣтелей, сенатору 6го департамента. Сей департаментъ столько къ намъ неблагосклоненъ что другой разъ, безъ суда и отвѣта, штрафуетъ мѣсячнымъ жалованьемъ, и, истинно, безвинно. Мы взяли смѣлость объяснить свою невинность. Что будетъ, не знаю!" и пр. Къ удивленію это письмо утѣшило Второва. Но на другой день палата прислала, при указѣ, все дѣло, указавъ на разныя неисправности (формальныя) суда въ его рѣшеніи и выражаясь что „хотя *проясненіе* Дмитріева дерзновенно, однакожь отобраннымъ въ палатѣ показаніемъ (онъ) оправдываетъ себя что оное учинилъ въ то время когда былъ, по

болѣзни, въ безпамятствѣ". Второвъ, написавъ возраженіе на всѣ замѣчанія уголовной палаты, поскакалъ въ Симбирскъ, взявъ съ собою все дѣло, и прямо явился къ своему „благодѣтелю". „Чего вы хотите?" спросилъ у него графъ Василій Андреевичъ. Тотъ отвѣчалъ, пусть палата приметъ обратно дѣло, разсмотритъ его и сниметъ положенный штрафъ. „Все это сдѣлалъ бы я, скажу чистосердечно, говорилъ графъ Толстой, еслибъ я былъ одинъ; но у меня совѣтники, изъ коихъ болѣе всѣхъ не согласится Трегубовъ, а Жадовскаго теперь нѣтъ, онъ въ отпуску". Второвъ соглашался заплатить и штрафъ, но только просилъ предсѣдателя принять дѣло и рѣшить его по своему. „Не знаю, какъ согласятся другіе, отвѣчалъ ему графъ Толстой, а между тѣмъ не подъѣдетъ ли Жадовскій, подождите". Но Жадовскій не подъѣзжалъ, а палата, разсмотрѣвъ донесеніе при которомъ Второвъ препроводилъ дѣло, снова опредѣлила — возвратить его въ уѣздный судъ. Графъ Толстой пѣлъ все ту же пѣсню: „Что дѣлать! Я вамъ говорилъ что я не одинъ, а товарищи мои иначе не соглашаются. Подождите: я ожидаю И. В. Жадовскаго." Выведенный изъ терпѣнія, Второвъ пожаловался губернатору, князю Хованскому. Князь приказалъ ему представить записку объ этомъ дѣлѣ, которую обѣщалъ послать въ Сенатъ. Записка была представлена, но обѣщаніе не было исполнено. Протестъ прокурору также остался безъ послѣдствій. Члены уѣзднаго суда принуждены были заплатить штрафъ, но производить далѣе дѣла, какъ операціи крайне для себя обидной, не пожелали, несмотря на жалобы палаты губернскому правленію и, въ свою очередь, принесли жалобу на послѣднюю въ 6й департаментъ Сената; уголовная палата, съ своей стороны, также принесла жалобу на уѣздный судъ. Въ это время въ Сенатѣ служилъ повытчикомъ или секретаремъ нѣкто Пещуровъ, * родной племянникъ Кисловскаго, черезъ посредство котораго этотъ послѣдній совершалъ удивительныя продѣлки. Черезъ 10 мѣсяцевъ полученъ былъ въ Самарѣ сенатскій указъ слѣдующаго содержанія: 1) оштрафовать присутствующихъ и секретаря уѣзднаго суда третнымъ жалованьемъ, въ пользу Приказа Общественнаго

---

* Въ послѣдствіи псковскій губернаторъ. Объ отцѣ его говоритъ Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (см. ч. I, стр. 156—157), а также В. И. Панаевъ (*Вѣстникъ Европы* 1867. Т. III, стр. 258—262).

Призрѣнія и опубликовать объ этомъ печатными указами; 2) отрѣшить Дмитріева отъ должности и „предать вновь сужденію по законамъ“; 3) палатѣ же уголовнаго суда, за явную къ нему понаровку, „учинить строгій выговоръ“. Но Дмитріевъ, еще до сенатскаго рѣшенія, куда-то исчезъ изъ Самары, продавши свой домъ. Кисловскій пошелъ въ гору и въ непродолжительномъ времени получилъ мѣсто прокурора въ Казани.

Третье дѣло о которомъ разказываетъ Второвъ въ своихъ запискахъ случилось при новомъ губернаторѣ, князѣ Долгоруковѣ (Алексѣй Алексѣевичъ). * Князь Долгоруковъ, при назначеніи въ губернаторы, былъ переименованъ въ гражданскій чинъ, но штатскихъ не любилъ, былъ вспыльчивъ до такой степени что, какъ разказывали, на одномъ пожарѣ билъ палкою частнаго пристава Реймана, находившагося въ штабъ-офицерскомъ чинѣ; но потомъ стали говорить о немъ „какъ о наилучшемъ, умномъ и добромъ начальникѣ“, горѣвшемъ желаніемъ истребить зло. Въ селѣ Елшанкѣ у крестьянина Тимашева украли разныя вещи и деньги трое изъ его же односельчанъ и одна женщина. Женщина и двое крестьянъ, во время слѣдствія, сознались въ своемъ преступленіи, но третій запирался, отговариваясь тѣмъ что его въ это время не было дома. Но, посидѣвъ три дня въ острогѣ, женщина и двое сознавшихся воровъ объявили что они показали ложно, „отъ устращиванія обывателей“. Уѣздный судъ, разсматривавшій это дѣло, видя изъ слѣдствія явныя улики на подсудимыхъ, которые при повальномъ обыскѣ были не одобрены своимъ обществомъ и даже не принимались на жительство, опредѣлилъ: троихъ изъ подсудимыхъ, наказавъ, сослать на поселеніе, а четвертаго, оставя въ сильномъ подозрѣніи, отдать подъ присмотръ односельчанъ. Дѣло поступило на ревизію въ уголовную палату, которая опредѣлила: „По силѣ воинскихъ процессовъ, лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать, оставить всѣхъ воровъ въ подозрѣніи, возвративъ ихъ на мѣсто жительства, а съ членовъ суда и секретаря, за неправильное рѣшеніе, взыскать штрафъ 10 р., въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія. Счастливый случай открылъ Второву причину такой кассаціи. Перехвачена

---

* Въ послѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и министръ юстиціи. † 1834 года.

была переписка двухъ родныхъ братьевъ-канцеляристовъ, изъ которыхъ одинъ служилъ въ Самарскомъ уѣздномъ судѣ, а другой, младшій, въ Симбирской уголовной палатѣ. Старшій взялъ взятку съ преступниковъ и, при посредствѣ брата, подѣлился ею съ палатскимъ повытчикомъ, который самъ собою, безъ участія даже секретаря, и перерѣшилъ дѣло. „Здѣсь, братецъ, писалъ меньшой братъ старшему, въ палатѣ уголовной такъ можно обрабатывать дѣла, и за малость согласятся (на) то что̀ угодно подсудимымъ.“ Эта „малость“, опредѣляемая, конечно, состояніемъ подсудимыхъ и важностію дѣла, предоставлялась, какъ видно, повытчикамъ и мелкой канцелярской братіи. Преступный самарскій повытчикъ былъ тотчасъ же изгнанъ изъ суда; но судья Второвъ, написавъ записку о дѣлѣ, съ приложеніемъ къ ней переписки названныхъ братьевъ (Рудаковыхъ), не зналъ что̀ съ нею дѣлать и какъ вручить ее губернатору, утвердившему палатскій приговоръ, человѣку еще лично ему незнакомому. Къ счастію въ Симбирскъ отправлялся въ это время самарскій предводитель Богдановъ, который вызвался доставить записку губернатору, что̀ онъ и исполнилъ. Князь Долгоруковъ прочелъ и принялъ записку весьма благосклонно. „Объявите вашему судьѣ, сказалъ онъ Богданову, я много слышалъ о немъ хорошаго, чтобъ онъ извинилъ меня что я, по новости, утвердилъ несправедливое рѣшеніе палаты, не вникнувъ въ настоящее дѣло. Впередъ буду внимательнѣе разсматривать рѣшенія уѣзднаго суда.“ Услышавъ этотъ лестный отвѣтъ, Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ чтобы лично познакомиться съ губернаторомъ. Князь Долгоруковъ принялъ его, окруженный толпою чиновниковъ, привѣтливо пожалъ ему руку, сказавъ что ему пріятно служить „съ такими чиновниками“ и пригласилъ его къ обѣду.

Всѣ эти разказанныя нами событія происходили во времена между годами 1806—12. Но независимо отъ посильной и возможной борьбы съ тогдашними неправосудіемъ и крючкотворствомъ, Второвъ много употребилъ времени и труда на то чтобы раскрыть предъ начальствомъ жалкое состояніе низшихъ судебныхъ учрежденій и бѣдственное положеніе чиновниковъ, получавшихъ нищенское жалованье; при такомъ порядкѣ который существовалъ тогда лихоимство было, дѣйствительно, зломъ неизбѣжнымъ, ибо безъ него судьи

были бы лишены возможности имѣть помѣщеніе, дрова, письменные матеріалы, прислугу, уже не говоря о чиновникахъ, содержаніе которыхъ было гораздо ниже послѣдняго поденщика. Въ этомъ смыслѣ Второвъ писалъ цѣлые трактаты, которые прочитывались губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ, частію посылались для вѣчнаго покоя въ Сенатъ, частію же обрѣтали такой въ Симбирскихъ архивахъ. Не забудемъ что литераторъ-судья не могъ смотрѣть равнодушно на безграмотность и невѣжество подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, большею частію людей нетрезвыхъ; все это должно было болѣе чѣмъ удвоивать его труды.

VII.

(1807—1814).

Перемѣны въ семьѣ Второва и его казанскія знакомства. — *1812й годъ.* — Башкирскій бунтъ. — Г. Н. Струковъ. — Кн. Г. С. Волконскій, оренбургскій военный губернаторъ. — Вѣсти изъ Москвы. — Семейства графа Г. С. Салтыкова и графини А. Н. Толстой, проживавшія въ Самарѣ. — И. А. Второвъ не только судья, но и городничій и предводитель дворянства въ Самарѣ. — Плѣнные Наполеоновской арміи. — Подвиги полковника Языкова. — Князь А. А. Долгоруковъ, симбирскій губернаторъ, полемизирующій со Второвымъ изъ-за плѣнныхъ. — Озлобленіе Самарянъ противъ плѣнныхъ Французовъ. — Проводы плѣнныхъ. — Замѣчательные случаи изъ городничества и судейства Второва. — Минуты его недовольства. — В. Г. Пяткинъ.

Между тѣмъ событія обыденной жизни шли своимъ чередомъ. Они были не замѣчательны и только весьма немногими, блѣдными чертами отразились въ ежедневныхъ запискахъ нашего героя. Самыя записки эти порою до такой степени кратки и безсодержательны что изъ нихъ рѣшительно нечего выбрать; не разъ случалось что за цѣлый годъ записано только нѣсколько ничего не значащихъ строкъ.

Въ концѣ октября 1806 года Марья Васильевна родила дочь Катерину. Чрезъ годъ въ тѣ же числа Иванъ Алексѣевичъ отпускаетъ на оброкъ стараго слугу своего Гаврилу, что заноситъ, какъ событіе важное, въ свои записки, со слѣдующею замѣткой: „Онъ уже перешелъ на квартиру. Привычка къ человѣку бываетъ болѣе, нежели къ кафтану,

или какой вещи. Больно мнѣ, но дѣлать нечего!“ Въ 1808 году его избираютъ судьею на новое трехлѣтіе. Къ 1809 году относится его сближеніе съ Пановыми, пріѣзжавшими каждое лѣто въ свою Кротовку; но сближеніе, т.-е. тѣсная дружба, была не съ самимъ Пановымъ, а съ его женою, Анной Васильевной, которую герой нашъ называетъ „великимъ изъ женщинъ человѣкомъ, ангеломъ для всѣхъ“. Съ этимъ „ангеломъ“ каждое лѣто Второвы проводили по нѣскольку дней и даже недѣль, вмѣстѣ ѣздили по гостямъ, на воды и пр.; гащивали и Пановы у Второвыхъ въ Самарѣ. Года чрезъ три Иванъ Алексѣевичъ познакомился съ отцомъ Пановой, Василіемъ Ивановичемъ Чемезовымъ, котораго онъ очень расхваливаетъ. Пановы причисляли себя также къ казанской аристократіи; домъ ихъ былъ изъ первыхъ въ городѣ; Пановъ имѣлъ какой-то крупный чинъ. Въ 1810 году скончалась въ Ставрополѣ старшая сестра Второва, Катерина Алексѣевна. Жизнь ея прошла совершенно незамѣтною. Оплакивая ея смерть, братъ замѣчаетъ только: „Горестно было вспомнить ея непріятную жизнь и невинныя страданія отъ гордости.“ Умирая, она передала брату какую-то тайну ихъ матери. Въ іюлѣ того же года въ первый разъ ѣздилъ Второвъ на Сергіевскія сѣрныя воды. Съѣздъ былъ довольно большой, до 120 семействъ. Пріѣзжіе размѣщались лагеремъ, въ палаткахъ, кибиткахъ и балаганахъ; вокругъ этого лагеря паслось до двухъ тысячъ лошадей. Сѣрные ключи, вытекая изъ отлогой горы, съ шумомъ низвергаются въ прудъ и издаютъ отвратительный, далеко распространяющійся запахъ. Въ числѣ посѣтителей водъ находился профессоръ Казанскаго Университета Фуксъ (Карлъ Ѳедор.), съ которымъ не преминулъ познакомиться Второвъ, и старинные симбирскіе знакомцы его, братья Микулины (Пав. и Порф. Петровичи). Сергіевскія сѣрныя воды пользовались на востокѣ Россіи такою же славою какъ Липецкія на югѣ, съ тою однакоже разницей что жизнь на нихъ не представляла тѣхъ удобствъ какъ въ Липецкѣ, красивомъ и живописномъ городкѣ Тамбовской губерніи. Въ послѣдствіи, въ 20—30 годахъ, число посѣтителей сѣрныхъ водъ значительно увеличилось и помѣщеніе на нихъ представляло уже менѣе азіятскую картину, чѣмъ въ десятыхъ годахъ. Но и тогда, по словамъ очевидца (одного изъ пріятелей Второва, описывавшаго ему воды), помѣщеніе для пріѣзжихъ было весьма

жалкое. Кромѣ большихъ домовъ, принадлежавшихъ Тургеневымъ, Шалашникову и другимъ окрестнымъ богачамъ, и лазарета, всѣ постройки на водахъ состояли не болѣе какъ изъ 30 жалкихъ лачужекъ, сырыхъ и холодныхъ. За исключеніемъ лазарета, построеннаго Шалашниковымъ, каменнаго зданія не было ни одного, несмотря на обиліе глины, извести, гипса и хорошаго строеваго лѣса. Частную предпріимчивость убивалъ натуральный постой, который должны были отбывать владѣльцы убогихъ хижинъ, давая у себя безмездный пріютъ разнымъ чинамъ и чиновникамъ. При такихъ условіяхъ жизнь на водахъ была очень дорога: одинокіе люди платили за квартиру по 50 руб. на сезонъ; ванна стоила $1^1/_2$ руб.; пудъ илу или сѣрной грязи—2 р. Но неудобства и дороговизна не мѣшали съѣздамъ, увеличивавшимся съ каждымъ годомъ: съѣзжались не только со всего Поволжья, но изъ Москвы и другихъ отдаленныхъ мѣстъ. Сѣрныя воды и для нашего героя были всегда любимымъ мѣстомъ остановки во время его лѣтнихъ странствованій. Святки 1811—12 года Иванъ Алексѣевичъ провелъ въ Казани, гдѣ останавливался у Пановыхъ, на Лядкой улицѣ. Это посѣщеніе столицы русскаго востока оставило въ воспоминаніяхъ нашего героя слѣды болѣе глубокіе, чѣмъ предыдущее, когда онъ познакомился съ казанскими масонами; въ эту пору о какихъ-нибудь масонскихъ отношеніяхъ и знакомствахъ не могло быть и рѣчи. До знаменитаго пожара 1815 года, испепелившаго Казань, городъ этотъ, послѣ столицъ, былъ рѣшительно первымъ въ Россіи, лучшимъ, чѣмъ „нѣмецкая Рига, польская Вильна и вавилонская Одесса“, по выраженію Вигеля. Послѣдній, состоя при свитѣ графа Головкина, отправлявшагося посломъ въ Китай, посѣтилъ Казань въ 1805 году и оставилъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько бойкихъ, хотя, вѣроятно, не вполнѣ вѣрныхъ очерковъ казанской жизни (*Воспом.* Вигеля Ч. II, стр. 125—138). Замѣчательно то что ни Вигель, ни Второвъ ничего не говорятъ о только-что возникшемъ тоже Казанскомъ Университетѣ. Казанскимъ губернаторомъ былъ въ эту пору Борисъ Александровичъ Мансуровъ (1804—1814). Онъ былъ женатъ на прирожденной Казанкѣ, на княжнѣ Елисаветѣ Семеновнѣ Баратаевой, старшей дочери бывшаго казанскаго губернатора (1789—1796), князя Семена Михайловича, роднаго брата уже упомянутаго симбирскаго губернатора; другая

сестра ея (Александра Семен.) была потомъ замужемъ за Мусинымъ-Пушкинымъ (Мих. Никол.), въ послѣдствіи попечителемъ Казанскаго Университета. Домъ княгини Баратаевой и ея четырехъ дочерей-красавицъ былъ изъ первыхъ аристократическихъ домовъ въ Казани; въ пріѣздъ Вигеля Мансуровъ былъ уже вдовцомъ. Второе, послѣ Баратаевыхъ, мѣсто въ тогдашнемъ казанскомъ обществѣ принадлежало Юшковымъ (Иванъ Осиповичъ и Наталья Ипатовна), имѣвшимъ множество дѣтей, изъ которыхъ оставалось въ живыхъ пять сыновей и столько же дочерей. „Домъ Юшковыхъ, говоритъ Вигель, „почитался и былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Казани". Наталья Ипатовна Юшкова была родная сестра знаменитаго Василія Ипатовича Полянскаго, о которомъ мы скажемъ ниже. Вигель восхваляетъ только многочадіе этой четы; но мать и дочери, кажется, отличались и умомъ. Не малочисленна была въ Казани и фамилія Булыгиныхъ. Ихъ было, кажется, два дома: Катерины Александровны, вдовы и обладательницы нѣсколькихъ дочерей, и Дмитрія Александровича, ея сына. Первая, крестница императрицы Екатерины II, женщина очень умная и образованная, была въ это время уже древнею старухой. Домъ Геркенъ, или Геркиныхъ, Өедора Петровича и Катерины Петровны, также славился, подобно Юшковымъ и Булыгинымъ, многочадіемъ, — нѣсколькими дочерьми. Затѣмъ, послѣ Пановыхъ и Чемезовыхъ, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ фамиліяхъ: Мусиныхъ-Пушкиныхъ (Николай Михайловичъ и Авдотья Сергѣевна) и Желтухиныхъ (Өедоръ Өедоровичъ и Анна Николаевна), съ которыми герой нашъ также сблизился, какъ и со всей казанскою аристократіей. Вигель, хорошо принятый въ Казани, былъ невысокаго мнѣнія о тамошнемъ обществѣ и сожалѣлъ даже что въ немъ не было ни пересудовъ и злословія, ни толковъ о собакахъ и урожаяхъ, а царствовало, какъ онъ выражается, „какое-то веселое, безвинное пустословіе" (II, 131). Но въ короткое время пребыванія своего въ Казани Вигель, естественно, не могъ вполнѣ ознакомиться со всѣмъ казанскимъ обществомъ. Но почти въ ту же пору, и за долго до пріѣзда своего въ Казань, Второвъ находился въ перепискѣ съ Н. И. Юшковой, сестрою Полянскаго, и двумя дѣвицами Булыгиными; къ сожалѣнію, отъ этой переписки не осталось никакихъ слѣдовъ. Лажечниковъ, узнавшій Н. П. Геркенъ и

ея дочерей въ двадцатыхъ годахъ, съ восторгомъ отзывается объ этомъ семействѣ, называя послѣднихъ „милыми, умными, образованными" (*Русск. Вѣстн.* 1866. Т. LXI, стр. 141). Какъ бы то ни было, но со всѣми названными семействами Второвъ завязалъ такія прочныя отношенія, которыя порвались только со смертью представителей стараго поколѣнія. Казанскій театръ (Есипова) ему очень понравился, но такъ-называемое Благородное Собраніе оказалось хуже Симбирскаго. На этотъ разъ, вѣроятно, увлеченный казанскимъ большимъ свѣтомъ, Второвъ не обратилъ должнаго вниманія на юный Казанскій Университетъ; но однако же познакомился съ однимъ представителемъ его, профессоромъ Городчаниновымъ, плодовитымъ казанскимъ литераторомъ, который приглашалъ его вступить въ Общество Любителей Россійской Словесности. Въ маѣ того же года родилась у Второвыхъ другая дочь, Анна, а въ ноябрѣ скончался тесть Ивана Алексѣевича, В. С. Мильковичъ. Со второй половины 1812 до второй половины 1814 года Второвъ правилъ городническую должность, сверхъ своей; приходилось ему въ это же время, кромѣ этихъ двухъ, исправлять и третью должность, уѣзднаго предводителя дворянства. Недостатокъ въ людяхъ, объясняемый важными событіями того времени, былъ причиною такого страннаго явленія. Великія событія Отечественной Войны задѣли и тотъ отдаленный, тихій край средняго Поволжья, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ нашъ герой. Только 9го сентября, находясь въ Ставрополѣ, узналъ онъ о вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи. Вотъ что онъ записалъ о 1812 годѣ:

„Наступилъ несчастный 1812 годъ. Въ началѣ его каждую ночь мы любовались прекрасною звѣздой съ длиннымъ хвостомъ. Почти всѣ жители Самары предвѣщали какое-то общее несчастіе, какъ обыкновенно всегда съ самой древности пугали людей появляющіяся кометы; и когда исполнялись ихъ предвѣщанія, то вѣрили, такъ и теперь случилось.

„Не болѣе полугода прошло какъ мнѣ поручили еще городническую должность, а самарскаго городничаго перевели въ другой городъ; итакъ, мнѣ прибавилось заботы и трудовъ невыносимыхъ. При полиціи прежде была въ вѣдѣніи городничаго инвалидная команда, которая послѣ того причислена ко внутренней стражѣ и управлялась гарнизоннымъ офицеромъ, ни мало не завися отъ городничаго. Квартальными

наго надзирателя не было, а десятскихъ, человѣкъ восемь изъ стариковъ или мальчиковъ, по очереди присылала городская дума и тѣ жили по своимъ домамъ или квартирамъ. Въ городѣ не было ни одной будки. Въ городническомъ правленіи находилось только двое писцовъ: одинъ горькій пьяница, другой потрезвѣе; изъ нихъ первый, вскорѣ по вступленіи моемъ въ городническую должность, опился и найденъ близь кабака мертвымъ. Мнѣ же досталось одному съ лѣкаремъ производить слѣдствіе о скоропостижной его смерти. Другой, по прозванію Жевскій, въ чинѣ коллежскаго регистратора, умѣлъ только переписывать набѣло. Въ городѣ, по многолюдству жителей, особливо по множеству бурлаковъ пристающихъ къ нему на плывущихъ вверхъ и внизъ по Волгѣ судахъ и лодкахъ, случались ежедневно разныя происшествія: драки, ссоры, воровство, которыя долженъ я былъ разбирать словесно или производить слѣдствія, а между тѣмъ безпрерывно встрѣчать и провожать идущіе чрезъ городъ пѣшіе и конные полки изъ Оренбургскаго корпуса къ арміи. Исправляя должности судейскую, городническую и дворянскаго предводителя за его болѣзнію, я почти все время не имѣлъ свободнаго часу для отдыха ни днемъ, ни ночью. Письменною частію по полиціи занимался самъ, а писца Жевскаго сдѣлалъ квартальнымъ надзирателемъ, далъ ему свою лошадь чтобъ онъ съ десятскими объѣзжалъ городъ ночью и днемъ, что̀ дѣлалъ и самъ, и обо всемъ доносилъ губернатору и губернскому правленію, прося при томъ прислать мнѣ кого-нибудь въ помощники. И какъ никого не присылали, то просился въ учреждающееся тогда ополченіе, и на это также промолчали. По крайней мѣрѣ добрый нашъ губернаторъ (А. А. Долгоруковъ) лестными отзывами о моей дѣятельности утѣшалъ меня надеждою что̀ скоро будетъ опредѣленъ настоящій городничій.“

Лестные отзывы Иванъ Алексѣевичъ вполнѣ заслужилъ; но „настоящій“ городничій не появлялся въ Самарѣ до второй половины 1814 года, а между тѣмъ этотъ городъ въ 1812 году, когда непріятель еще находился въ предѣлахъ Россіи, едва не сдѣлался ареною башкирскаго бунта. Дѣло происходило такимъ образомъ. Въ половинѣ октября явился въ Самару квартирмейстеръ отъ идущаго позади его башкирскаго отряда, состоявшаго изъ пяти полковъ, по 500 людей и по 1.000 лошадей въ каждомъ. Этимъ полкамъ назначено

было пробыть въ Самарѣ двое сутокъ, по случаю переправы чрезъ Волгу. Такъ какъ всѣхъ полковъ нельзя было размѣстить въ Самарѣ, то Второвъ просилъ исправника Алашеева чтобъ онъ поспѣшилъ назначить имъ квартиры въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ. Алашеевъ поскакалъ на встрѣчу отряду, а между тѣмъ два полка уже вступили въ городъ. Ихъ пришлось размѣстить частію въ Самарѣ, частію въ пригородной слободѣ, населенной Татарами; остальные три полка успѣли разставить по селеніямъ. Несмотря на октябрь, въ Самарѣ уже начиналась большая стужа. Волга, хотя еще и не стала, но уже была покрыта громадными льдинами, препятствовавшими переправѣ чрезъ нее даже въ мелкихъ лодкахъ; сверхъ того, даже при возможности переправы, въ Самарѣ въ ту пору рѣшительно не было никакихъ перевозочныхъ средствъ, кромѣ одной за́возки, и достать ихъ было не откуда. Второвъ донесъ объ этомъ губернатору и просилъ у него разрѣшенія отправить полки въ Симбирскъ, куда имъ слѣдовало и по маршруту, именно по лѣвому берегу Волги, по которому шла хотя и небольшая, но ровная и кратчайшая дорога. Но отвѣта не было, и поэтому Башкирцы простояли въ Самарѣ цѣлый мѣсяцъ. Отъ новыхъ гостей, состоящихъ, кромѣ Башкирцевъ, изъ Тептярей, Киргизовъ и Татаръ, начались между тѣмъ разные безпорядки, какъ воровство, ссоры и драки съ жителями. Ни командиры ихъ, русскіе офицеры, ни городничій не могли унять буяновъ; обо всемъ этомъ Второвъ съ каждою почтой доносилъ князю Долгорукову. Между тѣмъ случилось слѣдующее происшествіе: 18го ноября, за два часа до разсвѣта, вбѣжалъ въ квартиру Второва командиръ 8го Башкирскаго полка, капитанъ Плѣшивцовъ, блѣдный и трепещущій. „Спасите меня, говорилъ онъ: полкъ мой взбунтовался! Нынѣшнею ночью, болѣе 300 человѣкъ рядовыхъ, въ полномъ вооруженіи, ушли самовольно по Оренбургской дорогѣ.“ Второвъ тотчасъ же послалъ исправника въ тѣ селенія гдѣ стояли Башкирцы, чтобы предупредить полковыхъ командировъ о самарскомъ происшествіи, а самъ зашелъ посовѣтываться что̀ именно дѣлать въ этомъ случаѣ, къ своему пріятелю, проживавшему тогда въ Самарѣ свитскому полковнику по квартирмейстерской части, Струкову (Григ. Никанор.), состоявшему прежде правителемъ дѣлъ у командовавшаго тогда Оренбургскимъ корпусомъ и военнаго губернатора, князя Волконскаго

(Григор. Семенов.). * Струковъ прежде служилъ въ корпусѣ Германа въ Голландіи, вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ Французами и болѣе года прожилъ въ Лилѣ. Онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, но болѣе двухъ лѣтъ не могъ переносить странностей и капризовъ своего начальника, поссорился съ нимъ и перешелъ къ другой дѣятельности. Ему поручено было сдѣлать первый опытъ перевозки каменной соли изъ Илецкой Защиты прямо до Самары; вотъ почему онъ проживалъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, съ состоящими при немъ чиновниками, Фурманомъ (Александ. Ѳедор.) ** и Кинешенцовымъ (Владим. Иванов.). Живя два года въ Оренбургѣ, Струковъ могъ считаться спеціалистомъ тамошнихъ азіятскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе что онъ пользовался особенною популярностью между Башкирцами, которые обращались къ нему за совѣтами во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Второвъ, по легкости тогдашнихъ отношеній, тотчасъ же подружился съ оренбургскими пріѣзжими, а потому и естественно что онъ нуждался въ совѣтѣ Струкова, человѣка очень умнаго и смѣлаго. Но въ связи съ самарскими происшествіями была и личность оренбургскаго военнаго губернатора, о которой, поэтому, приходится сказать нѣсколько словъ. Князь Григорій Семеновичъ Волконскій былъ самодуръ въ полномъ смыслѣ этого слова. „Разказываютъ, пишетъ Второвъ, что онъ часто представлялъ собою Суворова, дѣлалъ такія же штуки, зимою и лѣтомъ ежедневно обливался холодною водой, ходилъ часто по улицамъ безъ верхняго платья и говаривалъ: Суворовъ не умеръ; онъ во мнѣ! Кажется, не мудренъ былъ и прежде, а въ Оренбургѣ дошелъ до того что далъ предписаніе подчиненнымъ мѣстамъ чтобы повелѣній его не исполняли, если не будетъ на нихъ подписи Ермолаева“. Этотъ *Ермолаевъ*, Алексѣй Терентьевичъ, былъ оберъ-аудиторомъ по должности, но на самомъ дѣлѣ управлялъ

---

* Генералъ-отъ кавалеріи и членъ Государственнаго Совѣта, † 1824. Онъ былъ женатъ на княжнѣ А. Н. Рѣпниной, дочери фельдмаршала Николая Васильевича. О чудачествахъ его говоритъ и авторъ *Капища моего сердца* (стр. 218).

** Этотъ Фурманъ, большой пріятель Второва, былъ недюжинный по времени стихотворецъ: онъ писалъ юмористическіе стишки на нѣкоторыхъ тогдашнихъ Самарянъ и въ особенности на Нѣмца Баумгартена.

цѣлымъ Оренбургскимъ краемъ и, вѣроятно, не отечески, ибо иначе не назывался какъ *Терентьичемъ.* А вотъ другое обличительное слово противъ князя Волконскаго, изъ письма Марьи Васильевны Второвой къ ея родителямъ, писаннаго въ октябрѣ 1812 года: „Господи, сохрани насъ при такихъ начальникахъ, какъ нашъ оренбургскій! Ни о чемъ не думаетъ, всему радуется. А что̀ дѣлать! всѣ видятъ и молчатъ. Онъ даже, говорятъ, порадовался что Бертье, его знакомецъ, начальникомъ Москвы, даже перекрестился этому: вотъ до какого дожилъ безумія! Если это правда, то Оренбургъ намъ опаснѣе пришествія Французовъ. Тамъ всякая всячина ссыльныхъ, Киргизы, Башкирцы; все это благодаря ему возстановлено. Конецъ моему геройству: что-то сердце у меня замираетъ!"

Услышавъ разказъ Второва о бунтѣ, Струковъ ужаснулся и воскликнулъ: „Быть бѣдѣ! Французы теперь въ Москвѣ, и Башкирцы навѣрно затѣваютъ бунтъ; надобно ихъ предупредить". Онъ велѣлъ заложить тройку своихъ лошадей въ окрытыя сани, вооружился парою пистолетовъ, взялъ съ собою башкирскаго муллу и поскакалъ въ погоню за бѣглецами. А между тѣмъ Второвъ, простившись со Струковымъ, поѣхалъ въ Татарскую слободу для производства дознанія, такъ какъ въ городѣ, отъ русскихъ домовладѣльцевъ, по незнанію ими башкирскаго языка, естественно, нельзя было ничего узнать. Въ слободѣ нашъ городничій остановился у знакомаго Татарина, отъ котораго онъ узналъ слѣдующія подробности. Въ ночь подъ 18е ноября, въ полверстѣ отъ слободы и по Оренбургской дорогѣ, у Башкирцевъ было сборище, куда они валили толпами изъ города и слободы. Двое изъ ихъ старшинъ, какъ замѣтно, ихъ въ чемъ-то уговаривали, но безуспѣшно, а потому принуждены были уйти отъ нихъ скорымъ шагомъ, по направленію къ городу; бунтовщики погнались вслѣдъ за ними и одного едва не закололи, а по другому стрѣляли изъ лука; но бѣглецы спаслись, благодаря быстротѣ своихъ коней. Еще недѣли за двѣ до этого происшествія, по разказамъ Татарина, пріѣзжали въ слободу изъ города и деревень депутаты изъ другихъ башкирскихъ полковъ, кромѣ, впрочемъ, 9го (капитана Попова). Они собирались въ круги и о чемъ-то долго и горячо толковали, отстраняя отъ участія въ этихъ собраніяхъ мѣст-

ныхъ Татаръ. Но послѣ этихъ сходокъ многіе изъ нихъ часто плакали. О чемъ вы плачете? спрашивали Башкирцевъ хозяева Татары. „Насъ посылаютъ на войну, отвѣчали постояльцы, не царь, а *Терентьичъ*. Къ намъ дошли слухи что безъ насъ напали Киргизцы и всѣхъ женъ и дѣтей нашихъ порѣзали.“ Вотъ что̀ узналъ Второвъ. Кромѣ Струкова, погнался за бѣглецами и командиръ взбунтовавшагося полка Плѣшивцовъ; но ни онъ, ни исправникъ не успѣли ничего сдѣлать: VIII Башкирскій полкъ ушелъ въ цѣломъ составѣ, захвативъ съ собою не мало людей и изъ другихъ полковъ. Бѣглецы уже раздѣлились на партіи и поспѣшно бѣжали по направленію къ Оренбургу; но неутомимый Струковъ нагналъ ихъ и успѣлъ перерѣзать дорогу одной изъ партій. При посредствѣ муллы и своимъ авторитетомъ онъ успокоилъ бѣглецовъ и убѣдилъ ихъ возвратиться къ долгу службы. Между Башкирцами, какъ узналъ здѣсь Струковъ, существовалъ заговоръ, чрезвычайно оригинальный. „Такъ какъ теперь (по ихъ мнѣнію) въ Москвѣ царствуетъ новый царь, *Пугачъ*; поэтому настала самая пора взбунтовать всю Башкирію, идти на Оренбургъ и другія мѣста до самой Москвы, жечь города и убивать жителей.“ Услышавъ эти странныя вѣсти, Струковъ стремглавъ поскакалъ въ Оренбургъ. Въ жестокую стужу, легко одѣтый, скача по проселкамъ и лѣсамъ, гдѣ скрывались бѣглецы, на третій день неустрашимый, но измерзшій полковникъ былъ уже въ этомъ городѣ и прямо явился въ домъ новаго Суворова. Увидѣвъ личнаго своего недоброжелателя вооруженнымъ и встревоженнымъ, князь Григорій Семеновичъ струсилъ.

— Извините, князь, мой костюмъ, сказалъ Струковъ,—я имѣю объявить вамъ важную тайну. Прикажите людямъ вашимъ выдти или пойдемте въ особую комнату.

— Нѣтъ, не выходите, обращаясь къ людямъ, вскричалъ поблѣднѣвшій Волконскій,—пошлите еще кого-нибудь.... Да гдѣ мои адъютанты?...

— Не бойтесь, князь, успокоивалъ его Струковъ,—я не имѣю противъ васъ никакого злаго умысла, и тайна моя касается службы.

Они вышли въ другую комнату, гдѣ Струковъ разказалъ ему всѣ приведенныя выше подробности.

— А, батюшка!... воскликнулъ князь Волконскій своею любимою поговоркой,—я ихъ всѣхъ пересѣку кнутомъ.

— Сперва надобно поймать кого сѣчь, внушительно замѣтилъ Струковъ.—Послѣшите, князь, послать надежныхъ людей въ Башкирію и на встрѣчу бунтовщикамъ, надобно сейчасъ предупредить ихъ чтобъ они не могли исполнить своего заговора.

— А, батюшка!... Подите и перескажите все это Алексѣю Терентьичу и дѣлайте какъ надобно, сказалъ губернаторъ.

— Помилуйте, князь! возразилъ не церемонившійся съ нимъ Струковъ,—куда и зачѣмъ мнѣ ходить? Прикажите послать за кѣмъ вамъ угодно и призовите сюда; надобно сейчасъ дѣйствовать.

Струковъ настоялъ на своемъ. Собранъ былъ совѣтъ, въ которомъ участвовалъ и неизбѣжный Терентьичъ. Положили: генералу Герценбергу и адъютанту Кочкину отправиться въ Башкирію и на встрѣчу бѣглецамъ. Эти послѣдніе были переловлены частію на дорогѣ, частію въ самой Башкиріи. Возмущеніе не вспыхнуло; но замыселъ идти на Москву, къ Пугачу, какъ оказалось по слѣдствію, существовалъ дѣйствительно. Главные зачинщики были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Второвъ справедливо приписываетъ всю заслугу прекращенія этихъ безпорядковъ, грозившихъ большою бѣдою, энергіи и отважности Струкова, сѣтуя только что этотъ подвигъ остался даже неизвѣстнымъ правительству и прошелъ безслѣдно. Окончивъ дѣла въ степи, Герценбергъ прибылъ въ Самару для присутствованія при переправѣ черезъ Волгу башкирскихъ полковъ. Въ это время Волга только-что покрылась льдомъ, поэтому переправа черезъ нея была еще небезопасна. Иванъ Алексѣевичъ, въ качествѣ городничаго, долженъ былъ приготовить всѣ необходимыя средства, на случай несчастія. Это онъ и сдѣлалъ; но, занятый отправкою почты по суду и полиціи, самъ онъ не могъ присутствовать при переправѣ, а поручилъ заняться этимъ квартальному Жевскому. Но генералъ Герценбергъ, увидѣвъ злополучнаго квартальнаго, воспылалъ жестокимъ гнѣвомъ за такое неуваженіе къ его сану со стороны городничаго. Онъ прогналъ съ перевоза квартальнаго и потребовалъ къ себѣ Второва. Иванъ Алексѣевичъ явился и долженъ былъ выслушать цѣлую бурю генеральскихъ угрозъ, отъ обычнаго „какъ вы смѣете“ до „я представлю васъ къ отрѣшенію отъ должности“. Выслушавъ терпѣливо эти окрики, герой нашъ сказалъ сердитому гене-

ралу: „ваше превосходительство сдѣлали бы мнѣ величайшее благодѣяніе, еслибы, по вашему представленію, меня отрѣшили“. Спѣшимъ прибавить что Герценбергъ совсѣмъ смягчился когда узналъ подробности о многочисленныхъ занятіяхъ и должностяхъ Второва. Онъ извинился предъ нимъ, отпустилъ его съ переправы и въ остальное время пребыванія своего въ Самарѣ почти подружился съ нимъ, оказывая ему „особенныя ласки и вниманіе“.

Грозный, но „славный памятью“ Двѣнадцатый годъ задѣлъ крыломъ своимъ и отдаленную Самару. „Сердце замирало“ не у одной Марьи Васильевны. Не было почти дома гдѣ бы какой-нибудь членъ семьи, отецъ, братъ, сынъ или другой ближній родственникъ, не служилъ въ арміи или въ ополченіи. Газетъ не выходило; всѣ сношенія съ Москвою были прерваны; распространялись одни противорѣчивые слухи: говорили то о побѣдахъ, то о пораженіяхъ. Извѣстіе о занятіи Москвы Французами было получено въ октябрѣ, то-есть одновременно со слухами распространившимися въ степи о появленіи Пугача и о Башкирскомъ движеніи. Понятно, какъ должно было „замирать сердце“ у мирныхъ обитателей средняго Поволжья въ подобную пору, при внутреннемъ хаосѣ, когда цѣлый край грозившій возмущеніемъ управлялся сумазбродомъ. Что касается до нашего героя, то ему въ исторіи Самары несомнѣнно принадлежитъ почетное, хотя и скромное мѣсто. „Примите, приписываетъ Второвъ къ тестю и тещѣ въ письмѣ жены отъ 4го октября, только мой поклонъ; а писать много нѣкогда. Я сижу то въ судѣ, то въ полиціи. Почта ужасная! пишу самъ, а писаря мои всѣ пьяны. Больше ста бумагъ надобно послать. Замучился до смерти; хочу проситься лучше на службу (военную). Пугливую жену мою не слушайте... Французы вошли безъ выстрѣла въ Москву съ барабаннымъ боемъ, но потомъ опять вышли, награбивъ нѣсколько вещей и серебра, конечно, церковнаго, на 450 повозкахъ; но подъ Черною Грязью разбиты и обозъ сей отбитъ. Они уже потянулись назадъ.“ „26го августа, пишетъ Марья Васильевна къ родителямъ, было подъ Москвою такое кровопролитіе, что никакое перо и даже воображеніе представить не можетъ. Вездѣ звѣрствомъ отличаются Поляки. Изъ Москвы раненые всѣ перевезены во Владиміръ. Въ здѣшнюю губернію ведутъ плѣнныхъ

Французовъ. Говорятъ, въ Бугульмѣ они сдѣлали дебошь и зажгли было городъ.“ При такихъ занятіяхъ мужа, при такихъ страхахъ и ужасахъ, бѣдной Марьѣ Васильевнѣ, на которой лежала вся тяжесть домашнихъ заботъ, нѣкогда было вздохнуть свободно и она принуждена была отказываться отъ развлеченій, необходимыхъ и даже пріятныхъ. Въ это время проживало въ Самарѣ два знатныхъ семейства, бѣжавшія изъ Москвы отъ Французовъ, графиня Толстая (Александра Николаевна), съ тремя сыновьями и четырьмя дочерьми, и графъ Салтыковъ (Григорій Сергѣевичъ), * ея зять, женатый на ея дочери (Елизаветѣ Степановнѣ), съ своею матерью, двумя сестрами и двумя маленькими дѣтьми; большой запасъ гувернантокъ и компаньйонокъ увеличивалъ и безъ того не маленькія семейства. Графъ Григорій Сергѣевичъ былъ литераторъ и даже поэтъ и, по увѣренію Второва, зналъ въ совершенствѣ всѣ европейскіе языки. Онъ сблизился съ Иваномъ Алексѣевичемъ и долго потомъ находился съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Онъ каждодневно бывалъ у Второвыхъ и просиживалъ у нихъ далеко за полночь; очень часто хаживали и братья Толстые (Степанъ, Михаилъ и Петръ Степановичи). „Я еще не знакома съ графинями, говоритъ Марья Васильевна въ вышеприведенномъ письмѣ, да не знаю буду ли знакомиться: вы знаете всѣ мои должности (дѣла) и много ли я имѣю времени. Правда Иванъ Алексѣевичъ при всей охотѣ къ знакомству отказывался отъ частыхъ свиданій; но благосклонности такъ велики, что нѣтъ возможности отказаться. Сегодня (4го октября) у Салтыкова Ваня будетъ обѣдать и т. д.“ И дѣйствительно, потомъ, отказаться отъ знакомства не было никакой возможности: графини оказались любезными женщинами, и оба пріѣзжія семейства стали жить въ большой дружбѣ съ семьей самарскаго городничаго и судьи, дружбѣ не прекращавшейся во всю ихъ жизнь.

---

* Сынъ Сергѣя Петровича, сенатора. † 1814. Онъ былъ однимъ изъ основателей Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, издателемъ (вмѣстѣ съ Хвостовымъ и Кутузовымъ) журнала *Другъ Просвѣщенія* и авторомъ плохихъ стихотвореній. Графиня А. Н. Толстая была урожденная княжна Щербатова, † 1820. У этихъ Толстыхъ, не игравшихъ никакой административной роли, были помѣстья въ тогдашней Симбирской губерніи.

„Въ началѣ 1813 года и весь этотъ годъ, продолжаетъ Второвъ, мои хлопоты и мучительныя заботы по должностямъ, особливо по городу, умножились болѣе прежняго. Я долженъ былъ безпрестанно встрѣчать и провожать толпы плѣнныхъ Французской арміи, разныхъ націй: Французовъ, Нѣмцевъ, Поляковъ, Италіянцевъ и Гишпанцевъ, которыхъ сопровождали русскіе офицеры, съ командами ратниковъ и регулярныхъ солдатъ въ Сибирь и въ Оренбургскую губернію. Раненыхъ и больныхъ везли на подводахъ, а которые въ силахъ были идти пѣшкомъ, тѣхъ гнали, какъ свиней, палками. Тогда всѣ состоянія, особливо чернь, озлоблены были до неистовства противъ враговъ нашего отечества. Вмѣсто квартиръ, запирали ихъ кучами въ пустыхъ сараяхъ и амбарахъ. Равнодушно нельзя было смотрѣть на несчастныя жертвы властолюбія Наполеона.“

Первая партія плѣнныхъ прибыла въ Самару въ концѣ сентября 1812 года, уже въ глубокую осень. Эту партію, въ числѣ 1.700 человѣкъ, велъ Владимірскаго ополченія полковникъ Языковъ, конвоировавшій ее полнымъ батальйономъ ратникомъ. За день до прихода въ городъ, онъ далъ знать городничему о своемъ прибытіи, просилъ отвести для него, офицеровъ и команды квартиры, а для плѣнныхъ приготовить пустые амбары или сараи, а равнымъ образомъ озаботиться доставленіемъ необходимыхъ средствъ для переправы черезъ Волгу. Все это было приготовлено. Языковъ и нѣсколько офицеровъ въѣхали въ городъ первыми и расположились тотчасъ же въ отведенныхъ имъ квартирахъ. Второвъ съ графомъ Салтыковымъ отправились на переправу, въ двухъ верстахъ отъ Самары. Они были поражены увидѣнною ими картиною. „Положеніе плѣнныхъ было самое ужасное: кто въ силахъ былъ, шли пѣшкомъ; дрожали отъ холода, въ однихъ мундирахъ своихъ, безъ всякаго зимняго платья, худые, изнуренные; многіе падали дорогою, и тѣхъ клали на телѣги. За ними тянулись на подводахъ больные, лежащіе человѣкъ по пяти на одной телѣгѣ. На перевозѣ въ нѣсколькихъ лодкахъ приставали къ берегу, также дрожащіе отъ стужи, блѣдные, изнуренные люди; больныхъ вытаскивали изъ лодокъ и клали на телѣги. Ихъ стонъ и жалобы на безчеловѣчные съ ними поступки раздирали сердце. Зрѣлище ужасное и оскорбительное! Мы не могли долго видѣть такого бѣдствія

несчастныхъ и возвратились въ городъ.“ Графъ Салтыковъ, воспользовавшись своимъ знаніемъ языковъ, разговаривалъ съ плѣнными Французами, Нѣмцами, Италіянцами и Испанцами, разспрашивая ихъ о родинѣ и о тѣхъ битвахъ, гдѣ пришлось имъ пострадать.

Прямо съ перевоза нашъ пылкій городничій бросился въ квартиру полковника Языкова и разказалъ ему свои впечатлѣнія отъ видѣнной сцены, изъявляя, при этомъ, свое негодованіе на обращеніе ратниковъ съ плѣнными, которые „упавшихъ отъ безсилія бьютъ палками, а медленно идущихъ также погоняютъ палками, какъ скотовъ“. Языковъ, разказываетъ Второвъ, съ суровостію возразилъ мнѣ:

— Какъ вамъ не стыдно, сударь, жалѣть злодѣевъ, которые надѣлали столько бѣдъ нашему отечеству.

— Они были злодѣями тогда когда имѣли ружье и дрались, а теперь обезоружены, изранены и убиты несчастіемъ. Надобно жалѣть по человѣчеству, а не угнетать ихъ. Но моя философія не произвела на него никакого дѣйствія: онъ все говорилъ свое. Отъ него пріѣзжаю къ графу Салтыкову и разказываю ему о человѣколюбивыхъ сужденіяхъ г. Языкова. Въ ту самую минуту, противъ самыхъ оконъ его квартиры, провезли плѣнныхъ больныхъ. Двѣ сестры Салтыкова, графини Пелагея и Аграфена Сергѣевны, просили меня проводить ихъ къ больнымъ чтобы посмотрѣть и поговорить съ ними. Мы взошли на дворъ, гдѣ снимали больныхъ съ телѣги. Ихъ было пять человѣкъ, Французы. Верхнихъ трехъ сняли, а лежащіе внизу двое были уже мертвые. Графини начали говорить съ живыми по-французски, но они ничего не могли отвѣчать и только стонали. Хозяйка того дома принесла имъ по небольшой лепешкѣ и положила имъ на руки. Одинъ ничего уже не могъ ѣсть, а другіе двое, вмѣсто лепешекъ, грызли свои руки до крови. Видно было что они очень голодны, или въ безпамятствѣ. Графини со слезами на глазахъ возвратились къ себѣ на квартиру.

Эту партію плѣнныхъ Языковъ на другой день повелъ въ Оренбургскую губернію; но, пройдя верстъ 150 отъ Самары, онъ былъ остановленъ. Изъ Оренбурга присланы были медики для освидѣтельствованія больныхъ, потому что по пути Языкова шла эпидемически гнилая горячка. Изъ 1.700 человѣкъ плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Владиміра, Языковъ привелъ въ Орен-

бургскую губернію не болѣе 300 человѣкъ, а изъ ратниковъ только половину; остальные люди были зарыты на скорую руку въ землѣ въ разныхъ мѣстахъ, по которымъ проходили. Въ послѣдствіи обнаружилось что въ самой Самарѣ, во время переправы черезъ Волгу, на правомъ берегу этой рѣки, было зарыто въ пескѣ до сорока еще не остывшихъ труповъ. „Слышно было, говоритъ Второвъ, что полковникъ Языковъ отданъ былъ подъ военный судъ за свое варварство"; но не извѣстно оправдался ли этотъ слухъ и чѣмъ кончился судъ, если слухъ былъ вѣренъ.

На постоянное житье въ Самарѣ плѣнные Великой Арміи изъ разныхъ національностей явились только черезъ годъ, въ сентябрѣ 1813 года, въ числѣ 16 офицеровъ и 42 рядовыхъ. Офицерамъ выдавалось по 50 k., а рядовымъ по 5 k. въ день на человѣка, и сверхъ того солдатскій провіантъ. Городничему велѣно было смотрѣть за ихъ поведеніемъ и наблюдать „чтобы не было имъ чинимо никакого притѣсненія". „Всѣ плѣнные офицеры и рядовые, доносилъ Второвъ губернатору, имѣютъ на себѣ весьма худое платье, такъ что многіе босы, нѣтъ даже рубашекъ, кромѣ ветхихъ мундировъ или изорванныхъ сюртуковъ и капотовъ; а шубы или тулупа нѣтъ ни у кого. Всѣ они, кромѣ двѣнадцати человѣкъ, изранены или имѣютъ ознобленные на рукахъ или ногахъ пальцы. Молодость не спасаетъ ихъ отъ болѣзни, а страданія отъ наступившаго холода." И. А. Второвъ явился горячимъ защитникомъ интереса плѣнныхъ и не давалъ по этому случаю покоя губернатору. Мы уже нѣсколько знакомы съ тогдашнимъ симбирскимъ губернаторомъ княземъ А. А. Долгоруковымъ, человѣкомъ дѣйствительно умнымъ, который очень любилъ Второва, „но и онъ, по словамъ послѣдняго, по тогдашнему ожесточенію всѣхъ сословій противъ Французовъ, имѣлъ, какъ и другіе, политическій фанатизмъ и ни мало не входилъ въ бѣдственное положеніе плѣнниковъ. Часто онъ досадовалъ на меня за защиту ихъ и называлъ меня Французолюбцемъ." Главная забота Второва состояла въ томъ чтобъ одѣть и прокормить плѣнныхъ, не дать имъ умирать съ голоду и холоду и отъ болѣзней. Тогда былъ неурожайный годъ и цѣна въ Самарѣ на съѣстные припасы болѣе чѣмъ удвоилась, такъ что отпускаемыхъ денегъ не хватало даже на содержаніе рядовыхъ. Отпуская этимъ послѣднимъ по 5 k. и солдатскій порціонъ, правительство

разчитывало на ихъ заработокъ, а потому и отказывало въ снабженіи одеждой тѣхъ изъ нихъ которые были совершенно здоровы и способны къ работѣ; но разчетъ этотъ оказался ошибочнымъ, такъ какъ плѣнные при тогдашнихъ отношеніяхъ къ Русскому народу и помышлять не могли ни о какихъ заработкахъ, по крайней мѣрѣ въ Самарѣ. По положенію, составленному тогдашнимъ министерствомъ полиціи, отпускались для зимняго времени нижнимъ чинамъ изъ плѣнныхъ слѣдующія вещи: шапка изъ простаго сермяжнаго сукна, овчинный полушубокъ, сермяжный кафтанъ, такіе же штаны и онучи, рубашка, рукавицы съ варьгами и лапти. Штабъ- и оберъ-офицеры вмѣсто полушубковъ получали овчинные тулупы, а вмѣсто кафтановъ сермяжныя шинели; въ случаѣ неимѣнія никакой одежды имъ давали то же самое что̀ назначалось для нижнихъ чиновъ; но потомъ имъ стали давать на одежду по 100 р. на человѣка. Но на заготовленіе всѣхъ необходимыхъ вещей обозначенныхъ въ положеніи, въ которыхъ нуждались плѣнные, деньги и ассигновки высылались изъ Симбирска самымъ безпорядочнымъ образомъ: на лапти и онучи вышлютъ, а про полушубки и армяки позабудутъ, или наоборотъ! Между тѣмъ ранніе осенніе холода, обыкновенно бывающіе въ Симбирскѣ и Самарѣ, и сто́ящіе доброй зимы болѣе южныхъ и западныхъ губерній, уже давали себя чувствовать. Появились болѣзни, а въ городѣ всего на всего былъ одинъ лѣкарь (Калиновскій), да и тотъ никого не лѣчилъ, будучи и самъ одержимъ какимъ-то недугомъ. Но добрая воля и энергія чего не преодолѣваютъ! Такъ и Второвъ преодолѣлъ всѣ препятствія и сдѣлалъ положеніе плѣнныхъ весьма сноснымъ: они не нуждались болѣе въ пищѣ и одеждѣ; для нихъ былъ присланъ лѣкарь, изъ плѣнныхъ же, живущихъ въ Ставрополѣ. Нѣкоторое вліяніе на улучшеніе положенія плѣнныхъ могъ имѣть слѣдующій ихъ адресъ къ князю Долгорукову, отправленный Второвымъ уже въ концѣ декабря и, вѣроятно, по его мысли составленный:

A son excellence, Monsegnieur le gouverneur de Simberg.

Monsegnieur,

L'état déplorable dans lequel nous sommes, nous a engagé à Vous exposer nos pressans bésoins et à solliciter vos bontés.

Il y a dejà longtemps que nous sommes prisonniers, nous

n'avons plus ni vétement, ni linge, et ne pouvons suppléer au besoin par le fruit du travail ayant la plupart les pieds et les maines gélées. Nous sommes couverts de blessures qui nous ont affaiblies et privées de nos facultés, quelques uns même ont de membres de moins. Un partie de nous a reçu des pélisses et l'autre des demi-pélisses, mais la saison est rigoureuse, et Vôtre Excellence sait, que cette couverture est insuffisante. Nous faisons donc des voeux pour qu'elle daigne se disposer favorablement pour nous et pour qu'elle ordonne qu'il y soit ajouté quelque chose. Nous vous supplions, Monsegnieur, de fixér un instant vôtre attentions sur nous et d'accueillir nôtre prière avec cette bonté qui Vous caractérise.

Nous sommes avec le plus profond réspect etc.

Въ началѣ 1814 года прибыла въ Самару новая партія плѣнныхъ, такъ что всего составилось 18 офицеровъ и 101 рядовой. Плѣнные размѣщены были по квартирамъ, на каждой по два человѣка; офицеры въ особыхъ комнатахъ, а рядовые вмѣстѣ съ хозяевами. Нѣкоторые хозяева въ офицерскихъ квартирахъ испортили печи, или выставили окна, другіе не давали дровъ для топки. Хозяева солдатскихъ квартиръ не давали своимъ постояльцамъ не только посуды и воды, но даже сѣна и соломы, оправдываясь тѣмъ что Французы опоганятъ посуду, ибо они ѣдятъ зайцевъ и никогда не крестятся. Унтеръ-офицеръ и двое солдатъ должны были ежедневно обходить квартиры плѣнныхъ. Самъ Второвъ часто посѣщалъ квартиры офицеровъ, а иногда и нижнихъ чиновъ. Каждое воскресенье приводили ихъ къ городничему, выстраивали въ одну линію предъ окнами его дома и дѣлали имъ перекличку. Плѣнные вели себя скромно; но до губернатора дошли слухи о противномъ, и вотъ онъ рекомендуетъ Второву усилить надъ ними надзоръ, „который бы удерживалъ ихъ отъ всякихъ своевольныхъ поступковъ“. Иванъ Алексѣевичъ является опять горячимъ защитникомъ плѣнныхъ и вотъ что̀, между прочимъ, доноситъ о нихъ своему начальнику:

„Съ самаго начала нахожденія ихъ въ городѣ не могъ я замѣтить вообще никакого своевольства отъ нихъ. Во все сіе время одинъ только рядовой, за грубость хозяину, наказанъ былъ мною тюремнымъ содержаніемъ; впрочемъ, всѣ они, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, ведутъ себя наи-

лучшимъ образомъ среди людей естественно чувствующихъ къ нимъ, какъ къ врагамъ и иностранцамъ, ненависть. И тѣмъ (для нихъ) похвальнѣе что во все время нахожденія ихъ здѣсь ни одинъ плѣнный никогда и никѣмъ не былъ замѣченъ въ льянствѣ и даже въ начатіи ссоры, несмотря на то что ежедневно озлобляются они жителями названіемъ *собакъ, свиней* и, выдуманнымъ чрезъ какого-то цѣловальника, словомъ — *Парижъ-пардонъ*. Не было прохода ни одному Французу по улицѣ, чтобъ его толпы ребятъ и даже взрослыхъ и старыхъ людей не дразнили, какъ собаку, несмотря на запрещеніе отъ меня чрезъ полицейскихъ служителей и солдатъ, къ нимъ приставленныхъ. Дабы не случилось важнѣйшей между ними ссоры и драки, я принужденъ былъ нѣкоторыхъ буяновъ брать подъ караулъ и тѣмъ нѣсколько уменьшилъ озлобленіе противу плѣнныхъ. Однакожь и понынѣ еще сіе продолжается, такъ какъ недавно случилось что четверо льяныхъ людей избили жестоко одного Француза. Почти всегда отъ плѣнныхъ и отъ приставленныхъ къ нимъ солдатъ доходятъ ко мнѣ жалобы на сіи озлобленія и на разныя притѣсненія ихъ отъ хозяевъ квартиръ, и по разбирательству, я всегда находилъ невинными плѣнныхъ. Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство предписать здѣшнему магистрату и думѣ, чтобъ они подтвердили гражданамъ своего вѣдомства не озлоблять военноплѣнныхъ Французовъ, для избѣжанія ссоры и драки; ибо многіе изъ порядочныхъ гражданъ, по невѣжеству своему, одобряютъ такіе непристойные поступки съ плѣнными и недовольны моимъ защищеніемъ ихъ. Ежели и дошли до вашего сіятельства о своевольствѣ плѣнныхъ какіе слухи, то не иначе можно почитать какъ клеветою."

Между губернаторомъ и городничимъ - судьею возникла рѣшительная полемика по поводу плѣнныхъ. Вотъ что отвѣчалъ князь Долгоруковъ на донесеніе Второва: „На рапортъ вашъ симъ даю знать что я не нахожу ни мало со стороны жителей для военноплѣнныхъ озлобленій, ежели они говорятъ имъ что *Парижъ-пардонъ*. И сіи слова ходить имъ по улицамъ преграды дѣлать не могутъ; тѣмъ болѣе сіе подтверждается, если Французы такъ добронравны, какъ вы ихъ описываете." Въ доказательство озлобленія жителей Второвъ разказываетъ слѣдующій забавный анекдотъ:

„Въ послѣдніе дни Масляницы, во время катанья, разста-

вилъ я въ разныхъ мѣстахъ по улицамъ пѣшихъ казаковъ и строго приказалъ имъ смотрѣть, унимать и даже брать подъ караулъ тѣхъ кто будетъ дразнить Французовъ и ругать ихъ. Вечеромъ пошелъ я одинъ на Большую Улицу. На мнѣ былъ байковый капотъ. Доходя до одного мѣста, гдѣ стоялъ караульный казакъ, слышу: „Собака-Французъ! Парижъ-пардонъ". Подхожу ближе. Казакъ идетъ прямо ко мнѣ съ кулаками и продолжаетъ ругать свиньею и собакою; но, узнавъ меня, скинулъ шапку и вытянулся. Такъ-то ты исполняешь приказаніе? говорю ему. „Виноватъ, ваше благородіе! Я думалъ что это Французъ".

Озлобленіе дѣйствительно было; но отъ офиціальной полемики оно не унялось. По свидѣтельству Второва, жители Самары, видя молчаніе Французовъ на задирательныя фразы, стали бросаться на нихъ съ ругательствомъ, бить, толкать въ снѣгъ,бросать въ нихъ мерзлою грязью и пр. Но и плѣнные далеко не были такими агнцами, какими ихъ рисуетъ Второвъ. Въ Курмышѣ, во время Масляницы того же 1814 года, они надѣлали разныя безпокойства и поразбѣжались; даже между самарскими плѣнными, даже между офицерами, изъ которыхъ нѣкоторые „имѣли входъ въ три благородные дома", не все было ладно. Явились буяны, которыхъ надобно было усмирять, подвергать взысканіямъ, строгому выговору и аресту и, что̀ всего непріятнѣе, доносить объ этихъ происшествіяхъ полемизирующему губернатору. Князь Долгоруковъ, дѣйствительно, ловко воспользовался такимъ донесеніемъ. „Не могу не присовокупить моего удивленія что Французы такъ худо оправдываютъ вашу рекомендацію, прежде вами мнѣ обо *всѣхъ* ихъ сдѣланную, и *что*, какъ я съ прискорбіемъ замѣчаю изъ рапорта вашего, *благородные Русскіе могутъ водить компанію съ врагами ихъ отечества*!.. Желалъ бы чтобы всякій остался при тѣхъ чувствованіяхъ что къ безсильному уже непріятелю должно имѣть одно только сострāданіе и не вредить ему; но отнюдь не водить компаніи, а тѣмъ паче еще имѣть короткое обращеніе. Ибо сіи двѣ вещи весьма различны; и каждый истинный сынъ отечества увидитъ что первая изъ нихъ похвальна, а послѣдняя предосудительна и мараетъ честь Россіянина." Это назиданіе не осталось безотвѣтнымъ со стороны нашего героя. „Ежели изъ нихъ (плѣнныхъ офицеровъ), говоритъ онъ, че-

ловѣкъ пять и имѣли прежде входъ въ нѣкоторые благородные домы, то принимались они совсѣмъ не для компаніи, а дѣйствительно изъ одного состраданія только, по человѣчеству, и даже многіе изъ нихъ, по бѣдности, какъ несчастные, награждаемы были бѣльемъ, или подобными вещами. Короткаго жь обращенія никто съ ними имѣть не можетъ, потому болѣе что они не знаютъ русскаго языка, а на ихъ языкѣ здѣсь не болѣе трехъ человѣкъ могутъ съ ними объясняться." Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Иванъ Алексѣевичъ указываетъ въ своемъ журналѣ этихъ знатоковъ французскаго языка; то были: дѣвица Анфимова, гжа Ростовская * и онъ самъ. О себѣ онъ замѣчаетъ: „Я зналъ французскій языкъ только глазами, но чрезъ недѣлю такъ напрактиковался съ плѣнными что могъ свободно объясняться". Толстые и Салтыковы уже не жили въ Самарѣ въ то время. Во время этой полемики, въ одномъ мѣстѣ своего журнала, Второвъ пишетъ: „Несчастный, обезоруженный, изувѣченный и нуждающійся во всемъ плѣнникъ долженъ быть трактованъ хуже скота! Его должно озлоблять еще и притѣснять. Какой позоръ для человѣчества, особливо для націи и даже правительства! Но сіе послѣднее совсѣмъ не такъ думаетъ, судя по его попеченію о пищѣ и одеждѣ." Но полемика съ губернаторомъ этимъ не кончилась: случай происшедшій въ Ставрополѣ снова возбудилъ ее. По словамъ Второва, этотъ случай происходилъ такимъ образомъ. Въ Ставрополѣ проживалъ нѣкто Ш., разбогатѣвшій приказный, изъ отпущенниковъ, круглый невѣжда, котораго не принимали нигдѣ въ порядочныхъ домахъ, чего онъ сильно добивался. Онъ возненавидѣлъ Французовъ за то что ихъ принимаютъ и рѣшился имъ отомстить за это предпочтеніе, воспользовавшись исторіей курмышскаго буйства, за которое всѣ участники изъ плѣнныхъ были посланы въ Сибирь. Ш. сочинилъ такую штуку. Разъ онъ зазвалъ къ себѣ городскаго голову, напоилъ его до безчувствія пьянымъ и, когда уже смерклось, послалъ проводить его до дому подкупленнаго имъ инвалиднаго солдата. Еле-двигаясь и поддерживаемый подъ руку солдатомъ, тащится голова по опустѣвшей улицѣ и подходитъ къ

---

* Не писательница ли, Марья Ѳедоровна? (*Русскій Архивъ* 1865, стр. 1201), объ Анфимовой, Аннѣ Ефимовнѣ, говорится ниже.

одному дому, въ которомъ плѣнный Французъ, высланный своими хозяевами, закрывалъ ставни. Въ это время инвалидъ-менторъ вынулъ ножъ и слегка пырнулъ имъ въ заднія мягкія части опьянѣвшаго ставропольскаго мера, закричавъ во все горло: *караулъ!* Сбѣжался народъ. Инвалидъ указалъ на плѣннаго Француза, который, будто бы, хотѣлъ заколоть городскаго голову. Француза схватили и отвели въ тюрьму. Началось слѣдствіе; Ш. не жалѣлъ денегъ; ставропольскій уѣздный судъ приговорилъ: высѣчь кнутомъ несчастнаго Француза и сослать въ каторгу! * Рана головы оказалась, конечно, ничтожною. Это происшествіе дало новый поводъ князю Долгорукову предписать городничимъ своей губерніи усилить надзоръ надъ плѣнными. Выражая свою увѣренность въ этомъ, князь Долгоруковъ замѣчаетъ: „Я увѣренъ что господа городничіе не допустятъ жителей, *какъ то въ нѣкоторыхъ городахъ случилось,* до фамиліарнаго съ ними (плѣнными) обращенія; ибо сострадать и быть доброхотну есть совсѣмъ не то что водить съ врагами отечества компанію.“ Второвъ, при всѣхъ добрыхъ отношеніяхъ къ нему губернатора, не могъ не тревожиться своею съ нимъ полемикой, хотя тревога эта въ послѣдствіи оказалась совершенно напрасною: полемика съ княземъ не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Какъ всему бываетъ конецъ, такъ наступилъ конецъ и пребыванію военноплѣнныхъ въ Самарѣ. Въ началѣ іюня 1814 года велѣно было отправить Французовъ въ Бѣлостокъ, а военноплѣнныхъ другихъ національностей въ Радзивиловъ. Радость плѣнныхъ, при этомъ извѣстіи, была безпредѣльна. Приготовивъ все для ихъ отправленія на 7е число, въ воскресенье, Второвъ не побоялся устроить для нихъ проводы, до нѣкоторой степени торжественные, подробности которыхъ передаемъ его же словами:

„Въ полдни собралось ко мнѣ много изъ здѣшнихъ господъ дворянъ и чиновниковъ съ тѣмъ чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ Дуброву: такъ называется на берегу Волги мѣсто гулянья

---

* Къ счастію Француза, уголовная палата, разсмотрѣвъ дѣло, не утвердила приговора уѣзднаго суда. Плѣнный былъ совершенно оправданъ и поплатился за продѣлку Ш. только шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

здѣшнихъ жителей, куда они собираются по воскресеньямъ и привозятъ съ собою чайники, самовары, разныя закуски. Тутъ же, въ двухъ верстахъ отъ города, находится и перевозъ черезъ Волгу. Мы поѣхали туда. Барыни взяли съ собою приготовленные для закуски пироги, жаркое и пр. Туда же привели и всѣхъ плѣнныхъ. На полянѣ, близь берега, между кустовъ, разставили столики, разостлали ковры на травѣ и разложили завтракъ для отправляющихся въ путь гостей. День былъ прекрасный и тихій. Нижніе чины были выстроены въ линію на самомъ берегу, близь перевозныхъ лодокъ, а офицеры приглашены были въ нашъ кружокъ, на возвышеніе. Повѣренный питейными сборами привезъ солдатамъ нѣсколько ведеръ вина и сотни двѣ калачей. Офицеровъ подчивали мы. Только Тевененъ (арестованный буянъ) съ своимъ однополчаниномъ, Горсомъ, гнѣваясь на другихъ, не подходили къ намъ и прогуливались въ сторонѣ. Я послалъ сказать солдатамъ чтобъ они пили за здоровье нашего Государя. Имъ поднесли по стакану вина,—и вдругъ увидали мы бросаемыя вверхъ шапки и услышали крикъ, нѣсколько разъ повторяемый: „Vive l'empereur! Vive l'empereur!" Мнѣ шепнула Анна Ефимовна (Алфимова) что нѣкоторые кричатъ: Vive les empereures! Но я не замѣтилъ. Офицеры были довольны нашимъ угощеніемъ, благодарили насъ и распрощались. Посадили ихъ (плѣнныхъ) въ нѣсколько лодокъ, и лишь отстали отъ берега, какъ на всѣхъ лодкахъ полетѣли опять шапки вверхъ и раздались крики, нѣсколько разъ повторяемые: „Vive le commandant de Samara!"

Иванъ Алексѣевичъ не говорилъ, но, безъ сомнѣнія, эта минута была для него великимъ утѣшеніемъ, наградой за все тяжелое время 12—14 годовъ, когда имъ однимъ держался большой городъ. Особенно его мучило городничество, исполненіе несродныхъ ему полицейскихъ обязанностей, да ещё въ такую пору. Бѣдность въ людяхъ, поглощаемыхъ арміей, была изумителяна. Уѣздный судъ почти бездѣйствовалъ, по болѣзни секретаря и по причинѣ поголовнаго пьянства канцелярскихъ служителей; о городническомъ правленіи уже и говорить нечего: тамъ канцеляристы пребывали въ пьянствѣ „безчувственномъ" и непробудномъ. Какъ милости, просилъ Второвъ князя Долгорукова объ освобожденіи его отъ городническихъ обязанностей; но что̀ могъ сдѣлать князь когда

не только на городническую, но и на должность квартальнаго надзирателя некого было найти, а если и являлись, то народъ уже никуда негодный. Трезвость и порядочность были такими рѣдкими явленіями въ этомъ сортѣ людей что считались положительнымъ достоинствомъ, даже при дурковатости и безграмотности; по крайней мѣрѣ такими отрицательными добродѣтелями отличался новый помощникъ Второва, поручикъ Елузинъ (Никифоръ Матвѣевичъ), занявшій должность квартальнаго надзирателя, человѣкъ безграмотный и „немножко глуповатый". Второвъ рѣшительно изнемогалъ не только отъ непосильныхъ письменныхъ занятій, но отъ хлопотъ и тревогъ всякаго рода. Почти одному, въ большомъ городѣ, съ населеніемъ сброднымъ и подвижнымъ, мудрено было управиться. По городнической должности случались часто и скандалы; объ одномъ изъ нихъ Второвъ разказываетъ любопытныя подробности. Въ Самарѣ проживалъ нѣкто Ждановъ (Алексѣй Степановичъ), отставной казачій офицеръ, торговавшій хлѣбомъ. Онъ подрядилъ крестьянина Самарскаго уѣзда, деревни Березоваго-Гая, Григорія Иванова, поставить ему 50 пуд. пшеницы по 95 к. за пудъ, и далъ ему въ задатокъ 25 р. Крестьянинъ Ивановъ привезъ ему возъ пшеницы, вѣсомъ въ 23 пуда; но Ждановъ, принявъ пшеницу, отнялъ у крестьянина лошадь съ возомъ и вытолкалъ его вонъ со двора, требуя полной доставки законтрактованнаго хлѣба. Ивановъ пожаловался городничему. Второвъ послалъ съ крестьяниномъ Елузина требовать отъ Жданова возвращенія отнятыхъ вещей; но этотъ послѣдній не отдалъ, отговариваясь тѣмъ что крестьянинъ Ивановъ взялъ у него не 25, а 50 руб. Когда же Ивановъ сталъ увѣрять въ противномъ, Ждановъ замѣтилъ: „Не помню что-то. Надобно справиться по книгѣ." Второвъ въ другой разъ послалъ къ нему квартальнаго, требуя возвращенія отнятыхъ вещей и выставляя ему на видъ что крестьянину Иванову, у котораго была единственная лошадь, не на чѣмъ будетъ привезти къ нему хлѣба; но это убѣжденіе, какъ и совѣтъ разчесться съ Ивановымъ по тогдашней цѣнѣ на пшеницу (1 р. 50 к. за пудъ), остались безъ послѣдствій. Тогда Второвъ въ третій разъ послалъ квартальнаго, но уже съ солдатомъ, приказавъ ему взять силой со двора Жданова лошадь и возвратить ее хозяину. Но Жданова посланныя городничимъ лица не застали

дома: онъ уѣхалъ на свой хуторъ, взявъ съ собою лошадь крестьянина. На другой день повторилось то же самое: безполезность увѣщаній и отказъ отдать лошадь бѣдному крестьянину. Разжирѣвшій подрядчикъ, женатый на дочери богатаго сызранскаго купца, видимо глумился надъ полиціей. Когда квартальный хотѣлъ взять лошадь для передачи Иванову, Ждановъ схватилъ его за воротъ и хотѣлъ бить. „Пускай придетъ городничій! Я посмотрю какъ онъ возьметъ у меня лошадь!“ вскричалъ разсвирѣпѣвшій нахалъ. Второвъ вытребовалъ отъ инвалиднаго офицера 51 человѣка солдатъ, съ которыми, въ сопровожденіи Елузина и Иванова, и отправился въ домъ Жданова. Этотъ послѣдній встрѣтилъ его на крыльцѣ, но видимо струсилъ. Такъ какъ лошадь Иванова была уже спроважена на хуторъ, будто бы по дозволенію исправника, то Второвъ приказалъ просителю взять одну изъ лошадей Жданова и вести ее въ полицію. „Возьми хоть всѣхъ!“ вскричалъ послѣдній съ досадой. Второвъ просилъ его идти вмѣстѣ съ собою въ полицію. Ждановъ согласился было, но увидѣвъ что крестьянинъ Ивановъ уже свелъ со двора его лошадь, отказался наотрѣзъ. Никакія увѣщанія городничаго исполнить это приказаніе не подѣйствовали на Жданова, такъ что принуждены были почти насильно притащить его на что онъ, впрочемъ, самъ вызывался, растянувшись на полу своей комнаты и крича: „Пускай тащатъ меня!“ Приведенный въ полицію, онъ сѣлъ въ передней комнатѣ и не хотѣлъ войти въ присутствіе для дачи отвѣтовъ, говоря что у него болятъ ноги, и что онъ ни стоять ни отвѣчать не можетъ. Второвъ приказалъ посадить его подъ арестъ въ кордегардіи, а о буйныхъ его поступкахъ сообщить въ уѣздный судъ. Когда Ждановъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, то объявилъ что городничій, при арестованіи, отнялъ у него 2.800 р. ассигн. Князь Долгоруковъ принялъ сторону Второва и предписалъ суду поступить со Ждановымъ по всей строгости законовъ; судъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ и послалъ свое рѣшеніе въ уголовную палату. Нѣсколько тысячъ потратилъ тамъ Ждановъ; но милостивый манифестъ прекратилъ это дѣло и спасъ его. Ему только велѣно было размѣняться лошадьми съ крестьяниномъ Ивановымъ, что онъ и сдѣлалъ, но своей лошади отъ Иванова не взялъ, отговариваясь ея изнуренностію и негодностію.

Лошадь была продана съ аукціона въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія.

Въ продолженіи одиннадцатилѣтняго судейства черезъ руки Второва прошло болѣе двухсотъ замѣчательныхъ процессовъ. Всѣхъ ихъ онъ, конечно, не помнилъ, но во всѣхъ ихъ онъ былъ горячимъ поборникомъ правды. Кромѣ приведенныхъ выше, онъ разказываетъ еще объ одномъ, продолжавшемся четыре года и доставившемъ ему много огорченій съ одной стороны и не мало пріятныхъ влечатлѣній для его сердца и совѣсти съ другой, когда удалось ему открыть истину и обнаружить зло. Частію мистикъ, вполнѣ романтикъ, всегда идеалистъ, Второвъ восторженно относился къ добру и правдѣ; но, несмотря на свою общительность, мало зналъ людей. Не по одному благодушному настроенію, характеризующему эпоху, но и по личному своему характеру, мягкому и довѣрчивому, почти всѣ они казались ему „добрыми, умными“ и честными. Разочаровываться приходилось ему на каждомъ шагу; разочарованіе дѣйствовало на него болѣзненно, но не научало его житейской мудрости. Оно его раздражало, и въ такомъ случаѣ онъ повѣрялъ бумагѣ волли своего отчаянія. Вотъ что̀ онъ записалъ въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ въ своемъ журналѣ: „На что̀ ни посмотришь, и какъ ни подумаешь, все заставляетъ меня оставить сію мерзкую и гнусную службу. Несправедливости, развратъ отъ большаго до малаго, невниманіе правительства сдѣлали презрительными всѣ сіи должности, которыя я занимаю. Еслибы дозволено было поступать по разсудку и человѣчеству, еслибы были помощники лучшіе и награда за честность и правду, то за счастіе можно бы почесть быть при такихъ должностяхъ!“ Какъ бы то ни было, но и раздраженіе, и способность къ подобнымъ протестамъ дѣйствовали на нашего героя освѣжающимъ образомъ: въ 42 года онъ былъ еще свѣжъ и бодръ душой, и еще оставался вѣренъ своимъ идеаламъ. Но возвращаемся къ замѣчательному судебному процессу продолжавшемуся четыре года.

Еще въ 1808 году изъ земскаго поступило въ Самарскій уѣздный судъ дѣло объ убійствѣ трехъ разнощиковъ четырьмя государственными крестьянами деревни Мамыковой; при дѣлѣ представлены были и убійцы съ поличнымъ, то-есть съ вещами которыми обыкновенно торгуютъ разъѣзжающіе по деревнямъ продавцы. По показанію свидѣтелей,

убійство это совершилось слѣдующимъ образомъ. Въѣхавъ въ деревню Мамыкову, разнощики остановились у кабака, гдѣ цѣловальничалъ крестьянинъ Накрайниковъ. Двое изъ нихъ вошли въ кабакъ, а мальчика, бывшаго съ ними, оставили на возу. Убійство началось въ самомъ кабакѣ, гдѣ былъ умерщвленъ одинъ изъ разнощиковъ; другаго, полуживаго, вытащили въ сѣни и тамъ удушили; также поступили и съ мальчикомъ, караулившимъ возъ. Всѣ три трупа убійцы оттащили къ рѣкѣ и спустили въ прорубь. Все это видѣлъ одинъ изъ свидѣтелей, который во время убійства находился на своей повѣти, гдѣ бралъ сѣно, а повѣть стоитъ какъ разъ подлѣ самаго кабака, у сѣней котораго въ это время двери стояли настежь; этотъ свидѣтель не объявилъ тотчасъ же о происшествіи изъ боязни чтобъ убійцы не сдѣлали и ему какого-нибудь зла. Двое другихъ свидѣтелей показали что они видѣли по веснѣ плывущія по рѣкѣ три мертвыя тѣла. У жены Накрайникова найдено было поличное, и всѣ убійцы сознались въ преступленіи. Но когда скованные преступники были приведены въ присутствіе уѣзднаго суда и когда имъ было прочитано дѣло и сдѣланы вопросы, при увѣщаніи священника, тогда они всѣ упали на колѣни и со слезами увѣряли что не только не убивали разнощиковъ, но и не видали ихъ, что ихъ мучили тирански, подвѣшивая за связанныя руки къ потолку за матицу, и что они не могутъ владѣть руками, распухшими отъ веревокъ. Судъ назначилъ новое слѣдствіе и сдѣлалъ справки по всѣмъ губерніямъ, не пропадалъ ли кто изъ крестьянъ торгующихъ краснымъ товаромъ, согласно примѣтамъ значившимся въ первомъ слѣдствіи. Отвѣтъ получился отрицательный; переслѣдованіе ни къ чему не привело положительному и только болѣе запутывало дѣло. Такъ жена Накрайникова показала что поличное, то-есть платки, ситецъ и холстинку, она покупала даже не у разнощика, а у разъѣзднаго повѣреннаго по винной части, торгующаго этими вещами, нѣкоего Апарина. Между тѣмъ прошло около года, и одинъ изъ подсудимыхъ успѣлъ умереть въ острогѣ; умирая, несчастный передалъ священнику что онъ страдаетъ невинно. Не забудемъ что первый слѣдователь по этому дѣлу служилъ засѣдателемъ въ земскомъ судѣ, былъ человѣкъ не бѣдный и имѣлъ много знакомыхъ и друзей, которые увидя бѣду крѣпко его поддерживали; не забудемъ что земскій судъ

со всѣми его членами были для Второва почти своими людьми, короткими знакомыми, пріятелями; только вспомнивъ все это, мы должны будемъ признать что въ рѣшеніи Второва по этому дѣлу, героемъ нашего разказа обнаружено не мало нравственнаго мужества. Судъ освободилъ мнимыхъ убійцъ и возвратилъ ихъ на мѣсто жительства, приговоривъ къ наказанію только лжесвидѣтеля, будто видѣвшаго совершеніе убійства, но не донесшаго о немъ; о первомъ слѣдователѣ, какъ о чиновникѣ, судъ опредѣлилъ представить свое заключеніе уголовной палатѣ, куда и все дѣло было отправлено на ревизію. Неизвѣстно, былъ ли въ то время предсѣдателемъ палаты простоватый графъ Толстой, но секретарь Кисловскій еще пребывалъ. Засѣдатель земскаго суда, конечно, не жалѣлъ денегъ, и дѣло пролежало въ палатѣ три года и пролежало бы больше, еслибы не возобновилъ его новый совѣтникъ, должно-быть человѣкъ честный и энергическій, Андреевъ (Ефимъ Ѳедор.). Онъ самъ поѣхалъ на слѣдствіе въ деревню Мамыкову и открылъ ужасающія вещи. Собранныя имъ лица, прикосновенныя къ дѣлу, не только отреклись отъ прежнихъ своихъ показаній, но многіе изъ стариковъ говорили что они еще помнятъ Пугачевскій бунтъ, но и тогда такого ужаса не было, какъ въ ту пору когда пріѣзжалъ въ ихъ деревню засѣдатель съ солдатами и разсыльными, который подвергалъ пыткѣ какъ мнимыхъ убійцъ, заставляя ихъ сознаться въ небываломъ преступленіи, такъ и свидѣтелей, вынуждая этихъ послѣднихъ дѣлать ложныя показанія. Какой-то крестьянинъ, личный врагъ Накрайникова, желая отомстить ему, выдумалъ убійство и донесъ на него засѣдателю; этотъ послѣдній, конечно, имѣлъ въ виду одну поживу. Сверхъ того спрошенныя Андреевымъ лица объявили что свидѣтелей для засѣдателя они должны были выбирать по жеребью. Показаніе жены Накрайникова также оправдалось. Разказывая объ этомъ дѣлѣ, Иванъ Алексѣевичъ сознается что подробности его онъ забылъ, и что никакихъ черновыхъ бумагъ къ нему относящихся у него не сохранилось; по этой причинѣ, конечно, остается не все яснымъ какъ въ подробностяхъ мнимаго убійства, такъ и въ слѣдствіи Андреева. Мы не называли до сихъ поръ имени засѣдателя Самарскаго земскаго суда, котораго вывелъ на свѣжую воду Второвъ: засѣдатель этотъ былъ уже упомянутый нами Бронскій, его родственникъ, другъ юности, игравшій такую видную

роль въ похищеніи Марьи Васильевны. Читатель, конечно, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ отнесется къ нашему герою.

Выписываемъ изъ дневника его слѣдующія строки:

„Этотъ Бронскій былъ мнѣ родственникъ и способствовалъ моей женитьбѣ. Имѣя дурную нравственность, воспитанный въ невѣжествѣ, онъ клеветалъ на меня и вооружилъ противъ меня стараго друга моего М. А. Богданова и другихъ, вѣрившихъ ему, людей. У меня были жаркіе споры съ г. Богдановымъ, который укорялъ меня что я промѣнялъ своего брата-дворянина на мужиковъ: для чего по первымъ допросамъ подсудимыхъ не рѣшилъ дѣла и не приговорилъ ихъ къ кнуту и къ ссылкѣ?! Гдѣ справедливость? Гдѣ человѣчество?... Я спорилъ не равнодушно, наговорилъ ему много дерзостей, и съ тѣхъ поръ охладѣли его дружба и любовь ко мнѣ.“

Но въ рѣдкія минуты отдыха, въ ту же тревожную пору 1812—1814 годовъ, о которой идетъ рѣчь, оставаясь одинъ съ самимъ собою, герой нашъ приходилъ въ отчаяніе отъ тоски и скуки. „Какая здѣсь скука, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ: нѣтъ человѣка съ кѣмъ бы можно было не только посовѣтоваться и поговорить, но хотя раздѣлить время какъ бы нибудь!“ Почему же нѣтъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ почти тутъ же: „Товарищество непріятное: всѣ почти любятъ болѣе пить, чѣмъ лучшій способъ препровожденія времени“. Въ половинѣ 1814 года пріѣхалъ въ Самару новый городничій, стало-быть часть заботъ спала, становилось легче; но герой нашъ былъ недоволенъ этимъ облегченіемъ: „Какая бездѣйственность и скука!“ восклицаетъ онъ опять. Идеалъ который носилъ въ душѣ своей Второвъ былъ выше и свѣтлѣе окружающей его дѣйствительности и онъ начиналъ понимать свое безсиліе воплотить его въ самомъ себѣ. Разладъ этотъ былъ непріятенъ, тревоженъ; но, по романтическому складу міросозерцанія, онъ доставлялъ Второву нѣкоторое утѣшеніе уже самою своею тревогой и назывался на языкѣ его *философіей.* „Мнѣ бы, говоритъ онъ, надобно родиться или гораздо прежде или гораздо послѣ, нежели я произошелъ на свѣтъ. Да. Тогда бы можетъ-быть я не чувствовалъ сей грусти. Болѣе двадцати лѣтъ ядовитый червь гложетъ мое сердце. Можно бы залѣчить его раны, но я не вижу впереди никакой надежды. Такъ и быть! Терпѣть и утѣшаться тѣмъ что въ громадѣ

міра, конечно, есть много подобныхъ мнѣ и можетъ-быть добродѣтельнѣе, чувствительнѣе и—несчастнѣе!“ Несчастнѣе? спроситъ читатель: но куда же дѣвалось недавнее семейное счастіе? О семейномъ счастіи нашего героя мы побесѣдуемъ особо, ниже; здѣсь же замѣтимъ что грустный тонъ приведенной тирады имѣлъ вполнѣ реальное основаніе и отнюдь не былъ капризною выходкой мечтающаго романтизма. „Читая исторію, говоритъ онъ, въ то же время мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: ежели буду я свободенъ, написать замѣчаніе на исторію о всѣхъ убійствахъ и варварствахъ надъ родомъ человѣческимъ, произведенныхъ фанатизмомъ въ политикѣ, войнѣ, судахъ, въ религіи и наукахъ. Но когда это исполнится? Сколько предпріятій и, между тѣмъ, отвлеченій!“

Освободившись отъ городнической должности, Иванъ Алексѣевичъ тѣмъ не менѣе съ радостію бросился въ такъ-называемую имъ „тину“ жизни, въ вихорь „отвлеченій“. Былъ конецъ 1814 года, конецъ великой народной войны, когда отечественные герои, украшенные свѣжими лаврами и „еще покрытые парижскою пылью“, возвращались къ домашнимъ своимъ очагамъ. Появился и въ Самарѣ одинъ близкій родственникъ Второва, которому принадлежитъ видная роль въ послѣдующемъ нашемъ разказѣ: это былъ Василій Гавриловичъ Пяткинъ, сынъ родной тетки Второва по матери, Лизаветы Леонтьевны, бѣдной, бездомной дворянки, проживавшей по разнымъ помѣщикамъ, то у Микулиныхъ, то у Мильковичей, Кристовъ (или Хрістовъ) и т. д. Пріѣзжій гость былъ тотъ самый мальчикъ котораго Лизавета Леонтьевна ввѣрила попеченію племянника еще въ 1794 году (см. гл. II.). Прежній Вася, теперь Василій Гавриловичъ Пяткинъ, явился въ Самару къ проживавшей тамъ матери и къ благодѣтелю, двоюродному брату, въ чинѣ полковника лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, раненый и увѣшенный орденами. Василій Гавриловичъ поступилъ въ военную службу въ 1798 году юнкеромъ въ гарнизонный полковника Кондратьева полкъ. Въ 1807 году, находясь въ 26мъ Егерскомъ полку, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ участвовалъ въ войнѣ противъ Французовъ въ Пруссіи, затѣмъ въ Финляндской войнѣ, гдѣ прославился личною храбростію и обратилъ на себя вниманіе графа Каменскаго 2го, при которомъ состоялъ въ 1809 году бригадъ-майоромъ. Въ 1810 году, состоя дивизіоннымъ адъютантомъ при генералъ-

лейтенантѣ Раевскомъ, онъ участвовалъ въ войнѣ противъ Турокъ въ Молдавіи и Валахіи. Состоя при томъ же генералѣ, командовавшемъ корпусомъ, онъ особенно прославился въ сраженіи при селѣ Султановкѣ. По соединеніи нашихъ армій, будучи дежурнымъ штабъ-офицеромъ VIIго и Гренадерскаго корпусовъ, Пяткинъ участвовалъ почти во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ Отечественной войны, подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутиномъ, Маломъ-Ярославцѣ и подъ Краснымъ. Въ битвѣ при Маломъ-Ярославцѣ, гдѣ онъ былъ тяжело раненъ, Пяткинъ, въ присутствіи извѣстнѣйшихъ генераловъ того времени, Уварова и Ермолова, былъ однимъ изъ первыхъ героевъ того дня, разбивъ и прогнавъ подъ прикрытіе ихъ батарей непріятельскихъ стрѣлковъ. Въ битвахъ подъ Лейпцигомъ онъ снова былъ тяжело раненъ, произведенъ за отличіе въ подполковники и переведенъ въ гвардію; въ битвѣ при Арси, во Франціи, онъ снова прославился храбростію, выходящею изъ ряда обыкновенныхъ, за что и произведенъ въ полковники. Боевая жизнь и двухлѣтнее пребываніе за границей не прошли безслѣдно и для Пяткина, какъ и для большинства лучшихъ изъ его современниковъ. Человѣкъ *военный*, боевой, онъ не походилъ на тѣхъ *Скалозубовъ* и *бурбоновъ*, которыхъ развелось въ послѣдствіи такое множество. Замѣчательна была его мягкость во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Къ бѣдной старушкѣ-матери онъ питалъ самое нѣжное сыновнее чувство: онъ часто писалъ къ ней письма, присылалъ деньги и для нея пріѣхалъ въ Самару, съ кучею подарковъ, купленныхъ имъ въ лучшихъ парижскихъ магазинахъ. Съ И. А. Второвымъ, въ продолженіе всей его жизни, при значительно измѣнившемся ихъ общественномъ положеніи, когда Пяткинъ былъ уже генераломъ и губернаторомъ, Василій Гавриловичъ сохранилъ болѣе чѣмъ родственныя отношенія. Думаемъ что не одно общественное положеніе, не одинъ чинъ, такъ важный въ ту пору, заставляютъ отнынѣ нашего героя считать „брата Василія Гавриловича" авторитетомъ, къ которому онъ начинаетъ относиться съ уваженіемъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни обращается за совѣтомъ и помощью; помимо всего, добродушіе, откровенность и прямой взглядъ на вещи были, кажется, тому причиною.

Пріѣздъ Пяткина далъ поводъ Второву предаться любимому своему развлеченію, поѣздкамъ. Василій Гавриловичъ

звалъ его съ собою въ Оренбургъ, куда онъ съ удовольствіемъ и отправился. Въ этомъ городѣ каждый предметъ, каждая улица занимали нашего героя, по дорогимъ воспоминаніямъ его дѣтства. Онъ былъ у князя Волконскаго, Герценбера, Германна; видѣлъ въ служеніи оренбургскаго архіерея Августина, * котораго называетъ „хорошимъ актеромъ" и о которомъ разказываетъ что онъ былъ такъ раздражителенъ что одному священнику въ Бузулукѣ разбилъ зубы. Иванъ Алексѣевичъ обѣгалъ весь городъ, осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Оренбурга, побывалъ на всѣхъ званыхъ обѣдахъ, простыхъ и офиціальныхъ, съ пушечною пальбой, и вообще былъ очень доволенъ своею поѣздкой.

(Продолженіе слѣдуетъ)

М. ДЕ-ПУЛЕ.

---

* Августинъ Сахаровъ, управлявшій епархіей въ 1807—1819 годахъ. См. *Списки архіереевъ*, стр. 114.

MEMENTO MORI

Застывающія руки,
Потъ холодный лба,
Жизни съ смертью въ скорбной мукѣ
Страшная борьба,
Исказился ротъ отъ боли,
Глухъ колоколецъ....
Вздохъ, — послѣдній признакъ воли....
И всему конецъ!...

Тихо все.... Смежились вѣки,
Замерли уста,
Въ отстрадавшемъ человѣкѣ
Жизнь пережита.
Залегла сама собою,
Замѣняя страхъ,
Тайна вѣчнаго покоя
Въ каменныхъ чертахъ....

Мудрецы! — вотъ эту тайну
Разрѣшите намъ!
Если жизнь была случайна,
Если къ небесамъ
Нѣтъ пути, и если въ цѣломъ
Мірѣ Бога нѣтъ,—
Что жь свершилось съ этимъ тѣломъ,
Гдѣ же тутъ отвѣтъ?
И зачѣмъ тогда мученье
Скорбнаго конца
И покоя выраженье
Въ ликѣ мертвеца?

М. ХИТРОВО.

МОЕ ДѢТСТВО И НАША СЕМЬЯ

(ВОСПОМИНАНІЯ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНІАДЕСА, ЗАГОРСКАГО ГРЕКА). *

I.

Хотя родъ нашъ весь изъ эпирскихъ Загоръ, однако первое дѣтство мое протекло на Дунаѣ, въ домѣ отца моего, который по нашему загорскому обычаю торговалъ тогда *на чужбинѣ*.

Съ береговъ Дуная я возвратился на родину въ Эпиръ тринадцати лѣтъ, въ 1856 году; до пятнадцати прожилъ я съ родителями въ Загорахъ и ходилъ въ нашу сельскую школу; а потомъ отецъ отвезъ меня въ Янину чтобъ учиться тамъ въ гимназіи.

Я обѣщался тебѣ, мой добрый и молодой аѳинскій другъ, разказать подробно исторію моей прежней жизни, мое дѣтство на дальней родинѣ, мои встрѣчи и приключенія первой юности. Вотъ первая тетрадь.

* *Загоры*—гористый округъ южнаго Эпира; онъ начинается около самой Янины и долгое время былъ подобенъ небольшой христіанской республикѣ подъ властью султана, на опредѣленныхъ особенныхъ правахъ. Загоры въ старину управлялись своими старшинами и имѣли своего особаго представителя при янинскомъ пашѣ. Теперь этотъ край приравненъ къ другимъ уѣздамъ Турецкой имперіи. Мусульманскихъ селъ тамъ нѣтъ и прежде не было.

Если ты будешь доволенъ ею, если эти восломинанія мои займутъ тебя, я разкажу тебѣ позднѣе и о томъ какъ я кончилъ ученье мое въ Янинѣ, что со мной случилось дальше, какъ вступалъ я понемногу на путь независимости и дѣятельной жизни, кого встрѣчалъ тогда, кого любилъ и ненавидѣлъ, кого боялся и кого жалѣлъ, что думалъ тогда и что чувствовалъ, какъ я женился и на комъ, и почему такъ скоро разошелся съ тою первою женой. Вторая часть моего разказа будетъ занимательнѣе и оживленнѣе, но она не будетъ тебѣ ясна, если ты не прочтешь внимательно эту первую. Прежде всего я разкажу тебѣ объ отцѣ моемъ и о томъ какъ онъ женился на моей матери.

Онъ женился на ней совсѣмъ не такъ какъ женятся другіе Загорцы наши.

Ты слышалъ конечно, страна наша красива, но безлюдна.

Виноградники наши не даютъ намъ дохода. По холмамъ, около селеній, ты издали видишь небольшія, круглыя пятна обложенныя рядомъ бѣлыхъ камней.

Вотъ наши хлѣбныя поля! Вотъ бѣдная пшеница наша!

Рѣдкіе колосья, сухая земля, усѣянная мелкими камнями; земля которую безъ помощи воловъ и плуга жена Загорца сама вскопала трудолюбивыми руками, чтобъ имѣть для дѣтей своихъ непокупную пищу въ отсутствіи мужа.

Да, мой другъ! Мы не пашемъ, подобно счастливымъ Ѳессалійцамъ, тучныхъ равнинъ на живописныхъ и веселыхъ берегахъ древняго Пинея. Мы не умѣемъ, какъ жители Бруссы и Шаръ-Кёя, искусно ткать разноцвѣтные ковры. Не разводимъ милліоны розъ душистыхъ для драгоцѣннаго масла, какъ Казаильскъ болгарскій. Мы не плаваемъ по морю какъ смѣлые Греки Эгейскихъ острововъ.

Мы не пастыри могучіе какъ румяные Влахи Пинда въ бѣлой одеждѣ. Мы не сходимъ, подобно этимъ Влахамъ, каждую зиму съ лѣсистыхъ вершинъ въ теплыя долины Эпира и Ѳессаліи чтобы пасти наши стада; не живемъ со всею семьей въ походныхъ шалашахъ тростниковыхъ, оставляя дома наши и цѣлыя селенія до лѣта подъ стражей одной природы, подъ охраной снѣговъ, стремнинъ недоступныхъ и дикаго лѣса, гдѣ царитъ и бушуетъ тогда одинъ лишь гнѣвный старецъ Борей!

Мы, признаюсь, и не воины, подобно сосѣдямъ нашимъ, молодцамъ-Суліотамъ.

Грѣясь безпечно у дымнаго очага во время зимнихъ непогодъ, блѣдный паликаръ славной Лакки Сулійской поетъ про дѣла великихъ отцовъ своихъ и презираетъ мирныя ремесла и торговлю. Въ полуразрушенномъ домѣ, безъ потолка и окошекъ, онъ гордо украшаетъ праздничную одежду свою золотымъ шитьемъ. Серебряные пистолеты за сверкающимъ поясомъ, тяжелые доспѣхи вокругъ гибкаго стана, который онъ учится перетягивать еще съ дѣтства, ружье дорогое и вѣрное для Суліота милѣе покойнаго, теплаго жилья.

Мы, Загорцы, не можемъ жить такъ сурово и безпечно какъ живетъ Суліотъ.

Да, мы не герои, не пловцы, не земледѣльцы, не пастыри. Но за то мы Загорцы эпирскіе, другъ мой! Вотъ мы что̀ такое! Мы тѣ Загорцы эпирскіе которыхъ именемъ полонъ, однако, Востокъ.

Мы вездѣ. Ты это знаешь самъ. Вездѣ наше имя, вездѣ нашъ изворотливый умъ; если хочешь, даже хитрость наша, вездѣ нашъ греческій патріотизмъ, и уклончивый, и твердый, вездѣ наше загорское благо и вездѣ наше загорское зло!

Всюду мы учимъ и всюду мы учимся; всюду мы лѣчимъ; всюду торгуемъ, пишемъ, строимъ, богатѣемъ; мы жертвуемъ деньги на церкви и школы эллинскія, на возобновленіе олимпійскихъ игръ въ свободной Греціи, на возстаніе (когда-то), а теперь вѣроятно на примиреніе съ тѣми противъ кого возставали, быть-можетъ на борьбу противъ страшнаго призрака славизма; не такъ ли мой другъ? Тебѣ, аѳинскому политику, это лучше знать чѣмъ мнѣ, скромному торговцу. Мы открываемъ опрятныя кофейни и снимаемъ грязныя хаты въ балканскихъ долинахъ и въ глухихъ городкахъ унылой Ѳракіи; мы издаемъ газеты за океанами, въ свободной Филадельфіи, мы правимъ богатыми землями бояръ молдо-валахскихъ. Мы торгуемъ на Босфорѣ, въ Одессѣ, въ Марсели, въ Калькуттѣ и въ азовскихъ городахъ; мы въ народныхъ школахъ такихъ деревень куда съ трудомъ достигаетъ лишь добрый верховый конь или мулъ осторожный, уже давно внушаемъ македонскимъ дѣтямъ что они Эллины, а не варвары болгарскіе, которыхъ Богъ послалъ намъ въ сосѣди за наши грѣхи (кажется отъ тебя самого я слышалъ подобную рѣчь).

Мы служимъ султану и королю Георгію, Россіи и Британіи. Мы готовы служить Гамбеттѣ и Бисмарку, миру и

войнѣ, церкви и наукѣ, прогрессу и охраненію; но служа всему этому, искренно служимъ мы только милой отчизнѣ нашей, Загорскимъ горамъ, Эпиру и Греціи.

Радуйся, Эллинъ! Радуйся, молодой патріотъ мой!

Видишь ты этого юношу который такъ стыдливо и благоразумно молчитъ въ кругу чужихъ людей? Еще пухъ первой возмужалости едва появился на его отроческихъ щекахъ... Ты скажешь: „онъ дитя еще"; не правда ли? Нѣтъ, мой другъ. Онъ не дитя. Этотъ робкій юноша уже семьянинъ почтенный; онъ женатъ; онъ, быть-можетъ, отецъ!

Года два еще тому назадъ, какія-нибудь старушки въ его родномъ селѣ замѣтили его первую возмужалость. Онѣ долго совѣщались между собою; онѣ считали деньги его родителей, судили о родствѣ его, связяхъ и сношеніяхъ, и пришли, наконецъ, предложить его отцу, его матери, или ему самому, въ жены сосѣднюю дѣвушку, которая, какъ поетъ древній стихотворецъ, „едва лишь созрѣла теперь для мущины".

За ней даютъ деньги; воспитана она въ строжайшемъ благочестіи; привычна къ хозяйству; неутомима на всякую скучную работу; она не безобразна и здорова. Онъ соглашается. Ему нужна бодрая, дѣятельная хозяйка въ отцовскомъ домѣ; нужна помощница старѣющимъ родителямъ; нуженъ якорь въ отчизнѣ; его душѣ необходимъ магнитъ, который бы влекъ его домой хотя бъ отъ времени до времени изъ тѣхъ далекихъ странъ гдѣ онъ осужденъ искать счастья и денегъ.

И вотъ онъ мужъ, отецъ...

Теперь, когда Загорецъ привыкъ къ своей новобрачной, когда содрогнулось его сердце въ первый разъ внимая плачу новорожденнаго ребенка,—теперь пусть сбирается онъ смѣло въ тяжкій путь, на борьбу съ людьми и судьбой, на лишенія, опасности, быть-можетъ, на раннюю смерть. Теперь пусть онъ обниметъ старую мать и жену молодую; пускай благословитъ своего ребенка... Ему въ родномъ жилищѣ нѣтъ ужь больше дѣла, ему нѣтъ мѣста здѣсь; его долгъ уѣхать и искать судьбы хорошей въ большихъ городахъ торговыхъ, въ дальнихъ земляхъ плодородныхъ. И такъ жить ему теперь до старости и трудиться, лишь изрѣдка навѣщая семью и родныхъ на короткій срокъ.

„Откройся, сердце грустное, откройтесь горькія уста,
Скажите что-нибудь, утѣшьте насъ....
У смерти утѣшенье есть; есть у погибели забвенье...
А у разлуки заживо отрады вовсе нѣтъ.
Мать съ сыномъ разлучается и сынъ бросаетъ мать.
Супруги нѣжные, согласные, и тѣ въ разлукѣ,
И въ день разлуки той деревья высыхаютъ,
А свидятся—опять деревья листъ даютъ.“

Такъ говоритъ эпирская старая пѣсня разлуки.

Сорокъ слишкомъ селъ цвѣтетъ въ Загорахъ нашихъ.

И не думай ты что это села бѣдныя, какъ во Ѳракіи или въ иныхъ полудикихъ албанскихъ округахъ.

Я помню съ какимъ ты презрѣніемъ говорилъ о желтыхъ хижинахъ болгарскихъ, о томъ какъ тебя клали въ нихъ спать на сырую землю, около худаго очага, когда зимою ты ѣздилъ къ роднымъ въ Филиппополь. Не понравились тебѣ простые ѳракійскіе Болгары, ты звалъ ихъ звѣрями въ образѣ человѣка; ты порицалъ ихъ овчинныя шубы не покрытыя сукномъ, ихъ черныя чалмы, ихъ смуглыя, худыя лица; въ чертахъ этихъ лицъ ты тщательно отыскивалъ какіе-то слѣды туранской крови.

Я помню какъ негодовалъ ты на духовенство всѣхъ предковъ твоихъ, за то что не позаботились они „вовремя“ или не сумѣли, какъ ты говорилъ тогда, „эллинизировать (во славу рода нашего священнаго!) этихъ безграмотныхъ и грубыхъ чалмоносцевъ!“

Радуйся, Эллинъ! Загоры наши не таковы.

И здѣсь (скрывать я этого не буду) течетъ много славянской крови. Но что значитъ кровь?

Здѣсь Эллада по духу, Эллада по языку и стремленіямъ.

Любезныя горы моей дорогой отчизны! Есть въ Турціи мѣста живописнѣе загорскихъ, но для меня нѣтъ мѣста милѣе. Горы моего Эпира не украшены таинственною и влажною сѣтью дикихъ лѣсовъ, подобно горамъ южной Македоніи; широкій каштанъ и дубъ многолѣтній не простираютъ на ихъ склонахъ задумчивыхъ вѣтвей. Холмы Эпирскіе не обращены трудомъ человѣка въ безконечныя рощи сѣдыхъ и плодоносныхъ оливъ, подобно холмамъ Керкиры или Критскимъ берегамъ.

Только далѣе къ Пинду, гдѣ рослый Куцо-Влахъ жи-

ветъ, тамъ шумятъ душистыя сосны, толпясь на страшной высотѣ.

У насъ, внизу, высоты наги; колючiй дубъ нашъ не растетъ высоко; мелкими и частыми кустами зеленѣетъ онъ густо вокругъ нашихъ бѣлыхъ селъ.

Но и безъ садовъ масличныхъ и безъ лѣса дикаго наши Эпирскiя горы мнѣ милы.

Радуйся, Эллинъ аѳинскiй!

Села наши загорскiя, хотя и носятъ старо-славянскiя имена, но они села эллинскiя; богатыя, красивыя, провѣщенныя.

„Довра, Чепелово, Судена, Лѣсковецъ....“ Пусть эти звуки не смущаютъ тебя.

Не бойся. Уже и лѣсные Куцо-Влахи Загоръ стали узнавать и любить имена Ѳемистокла, Эсхила и Клетона.

Села наши богаты и чисты; дома въ нихъ — дома архонтскiе; училища просторныя, какъ въ большихъ городахъ; колокольни у церквей высокiя и крѣпкiя какъ башни. Колокола намъ издавна привычны; они и встарь еще сзывали старшинъ загорскихъ на совѣтъ, не только на молитву.

Турки не жили никогда въ нашемъ краю, огражденномъ древними правами фирмановъ.

У насъ они могли сказать по своему обычаю: „Здѣсь, о Боже мой! не Турцiя! Здѣсь я слышу несносный звукъ колоколовъ на храмѣ невѣрныхъ!“

Видишь какъ бѣло наше загорское село. Какъ груда чистѣйшаго мѣла сiяетъ оно на солнечныхъ лучахъ посреди виноградниковъ. А вокругъ за садами дальняя пустыня безлѣсныхъ высотъ. Тополи и дубы растутъ на дворахъ и шумятъ надъ домами.

На площади, у церкви, стоитъ большой платанъ и подъ его широкою тѣнью бесѣдуютъ загорскiе старцы, которымъ Богъ сподобилъ возвратиться домой и скончать на покоѣ трудовые дни.

Эллинской славной фустанеллы ты здѣсь, однако, не увидишь, другъ мой, хотя ею и полонъ весь остальной Эпиръ. Сюда заносятъ люди всѣ одежды съ которыми свыклись они на чужбинѣ.

Ты увидишь здѣсь и полосатый халатъ турецкiй, подпоясанный шалью, и короткiя шальвары, голубыя и красныя, расшитыя чернымъ шнуркомъ, и пестрый ситецъ подъ откидными рукавами, и модный сюртукъ европейскiй, и широкую

шляпу, и русскую круглую фуражку изъ Кишинева и Одессы, и маленькую казацкую феску, и кривую саблю турецкаго мундира.

Но кому бы ни служилъ Загорецъ, чьимъ бы подданнымъ онъ ни сдѣлался для выгодъ своихъ, онъ прежде всего Загорецъ, онъ Эллинъ и патріотъ!

Дѣла загорскія и дѣла Эллады дороже ему всего на свѣтѣ, и всѣ эти старики, всѣ богатые люди, которые въ различныхъ одеждахъ собрались совѣщаться и бесѣдовать подъ платанъ у церкви, еще живя безъ женъ и дѣтей своихъ на дальней чужбинѣ, думали о родномъ селѣ и посылали туда трудовыя деньги на народныя школы, на украшеніе храмовъ загорскихъ, на устройство удобныхъ и безопасныхъ спусковъ по уступамъ нашихъ горъ; на украшеніе веселыхъ и мирныхъ улицъ архонтскими высокими жилищами.

Иностранецъ дивится, проѣзжая по незнакомымъ и дикимъ горамъ, въ которыхъ ничего не слышно кромѣ пѣнія дикихъ птицъ и звона бубенчиковъ на шеяхъ нашихъ козъ; гдѣ ничего не видно кромѣ неба, скалъ, ручьевъ струящихсь въ ущельяхъ и привычныхъ тропинокъ протоптанныхъ по мягкому камню вѣрными копытами мула или стадами овецъ...

Но онъ дивится еще болѣе, когда робко спускаясь верхомъ съ горы, по ступенямъ скользкой мостовой, онъ видитъ внезапно у ногъ своихъ обширное село, въ зеленомъ уборѣ садовъ; видитъ крыши крестьянъ крытыя не красною черепицей, а бѣлымъ сіяющимъ камнемъ; обширное зданіе школы; церковь большую, широкіе столбы ея прохладной галлереи; слышитъ звонъ колоколовъ съ высокихъ колоколенъ; видитъ движеніе жизни людской, и мирный трудъ, и отдыхъ, и умъ, и свободу.

Предъ усталыми конями его отворяются широко ворота гостепріимнаго и чистаго жилища. Очагъ пылаетъ ему какъ бы радостно въ угоду; широкіе диваны ждутъ его на покой. Онъ находитъ въ домѣ книги, просвѣщенную бесѣду и нѣкоторые обычаи Европы, безъ которыхъ, конечно, ему было бы тяжело.

Таковы эпирскіе Загоры, мой добрый другъ: Такова моя незабвенная родина!

Радъ ли ты этому, Эллинъ? Радъ ли, скажи мнѣ?

II.

Отецъ мой, сказалъ я тебѣ, женился не совсѣмъ такъ какъ женятся почти всѣ Загорцы наши. Къ нему не приходили старушки сватать сосѣднюю дѣвушку, не торговались о приданомъ съ его отцомъ или матерью. Отецъ мой былъ сиротою съ раннихъ лѣтъ и женился поздно.

Когда дѣдъ мой и бабушка еще были живы, имъ случилось прогостить нѣсколько дней проѣздомъ у знакомыхъ въ Чепеловѣ, самомъ большомъ изъ нашихъ селъ. Отцу моему тогда было семь лѣтъ и онъ былъ съ родителями своими. У хозяина дома въ Чепеловѣ только-что родилась дочка. Зашла въ это время въ домъ Цыганка, гадала и предсказала что паликаръ этотъ, то-есть отецъ мой, женится на новорожденной дѣвушкѣ. Родные и хозяева стали шутить и смѣяться надъ отцомъ, стали кликать его: „женихъ". Мальчикъ стыдился, плакалъ сначала, а потомъ разсердился такъ что схватилъ дѣвочку изъ колыбели и выкинулъ ее изъ окна. Къ счастію она зацѣпилась пеленками за кустъ, который росъ подъ окномъ на землѣ, внизъ не упала.

Ее достали изъ куста; но она висѣла головой внизъ и успѣла такъ отечь кровью что ее долго растирали и очень долго боялись за ея здоровье.

Эта-та новорожденная и была моя мать.

Отца моего тогда наказали больно за это и онъ разказывалъ что долго ненавидѣлъ дѣвочку и думалъ часто про себя убить даже ее, когда выростетъ большой.

Выросъ онъ далеко, въ своемъ селѣ, уѣхалъ на чужбину; воротился двадцати шести лѣтъ; вспомнилъ объ Эленицѣ этой. Спросилъ: „что жь поправилась эта Эленица послѣ моего комплимента?" „Такъ поправилась Эленица, сказали ему люди, что вышла какъ древняя Елена, за которую считали старцы троянскіе приличнымъ кровь проливать. Стала она истинно, по словамъ пѣсней нашихъ, *бѣлокурая и черноокая; очи оливки, а брови снурочки; рѣсницы какъ стрѣлы франкскія, а волосы сорокъ пять аршинъ!* Она вышла замужъ за хорошаго молодаго человѣка, семьи не важной и самъ онъ ребенкомъ овецъ пасъ; но мать его хорошая хозяйка и онъ

обучился въ школѣ и теперь учителемъ школьнымъ во Ѳракію уѣхалъ.“

— Вотъ и солгала Цыганка! сказалъ отецъ и смѣялся.

Однако, Цыганка не солгала. Еще прошло три года; опять захотѣлось отцу побывать на родинѣ и родные ему все писали чтобъ онъ непремѣнно возвратился жениться. Пріѣхалъ онъ по новой дорогѣ, черезъ горы, которыя онъ мало зналъ. Ѣхалъ онъ только съ двумя товарищами; запоздали и сбились съ дороги. Стало темнѣть, погода была зимняя, дурная, сталъ падать снѣгъ. Стали и лошади падать.

И рѣшились они заѣхать ночевать въ село, которое въ сторонѣ совсѣмъ и не на пути ихъ стояло. Спутники отца моего были люди попроще его и попривычнѣе ко всему; одинъ былъ кузнецъ изъ нашихъ загорскихъ крещеныхъ Цыганъ, а другой былъ ханджи. * Кузнецъ имѣлъ въ этомъ селѣ другаго кузнеца знакомаго и взялъ съ собой къ нему въ хижину ханджи, а отца моего пожалѣлъ потому что ему дорогой сильно нездоровилось и отыскали ему ночлегъ въ домѣ одной старушки, которая жила въ своемъ хорошенькомъ домикѣ втроемъ, съ невѣсткой молодой и слугою.

Отецъ обрадовался и обѣщалъ хорошо заплатить за ночлегъ.

Встрѣтили его съ огнемъ на лѣстницѣ и съ почетомъ и старушка, и слуга, и невѣстка вышла сама съ лампадой. Хоть и поздній былъ часъ, а на ней сверху была новая *аба* ** безъ рукавовъ, вся сплошь расшитая краснымъ шелковымъ шнуркомъ, и платочекъ, голубой ли, красный ли, желтый ли, не помню я, только онъ былъ ей къ лицу. И отецъ мой былъ рослый мущина и молодецъ. Посмотрѣлъ онъ на невѣстку и она хотѣла къ рукѣ его подойти; и онъ ей сказалъ: „Кирія моя добрая, не присуждайте меня съ тридцати лѣтъ моихъ прямо въ сѣдые и почтенные архонты. Не дамъ я вамъ моей руки цѣловать и не стóю я этого!“

Хозяйку дома звали кира Евгéнко Стилова; она была старушка превеселая, предобрая.... и сейчасъ же въ простотѣ своей все разказала отцу.

— Вдова она у меня, вдова! закричала она.—Сына имѣла

* Содержатель *хана*, постоялаго двора.

** *Аба*, такъ зовутъ и толстое сукно мѣстной работы и самую одежду изъ него сшитую.

я, да на чужбинѣ умеръ, а мы съ ней его молитвами хорошо живемъ, и я все мое имѣніе ей отдамъ и найду ей мужа хорошаго, чтобы со мной вмѣстѣ жила, чтобы кормила меня и чтобы смотрѣла за мной....

Постелила красивая вдова отцу моему мягкую постель на широкомъ диванѣ у большаго очага; положила ему красную шелковую подушечку съ тюлевою наволочкой, два одѣяла шелковыя, восточныя, одно на другое и даже углы имъ въ головахъ у подушки загнула чтобы только былъ ему одинъ трудъ—лечь и заснуть. На очагъ повѣсила на гвоздикѣ лампадку; воды сама на ночь принесла. Кофе сама сидя предъ нимъ у очага сварила и сапоги съ него почти насильно сняла, чтобъ ему покойнѣе было сѣсть съ ногами на диванъ.

„Говорю я со старухой, разказывалъ послѣ отецъ, а самъ все однимъ глазомъ на вдову взоръ косвенный бросаю. И что эта женщина ни сдѣлаетъ, все мнѣ нравится! Кофе подастъ и станетъ ждать, головку на бокъ, съ подносомъ; кофе вкусенъ. Сапоги стала снимать, сердце мое отъ радости и стыда загорѣлось; и въ очагѣ же дрова такія сухія, большія поставила и сухими сучьями такъ хорошо и скоро ихъ распалила что и я вовсе распалился! Слово скажетъ.... и какое жь слово? Великое какое-нибудь?—Ничтожное слово „на здоровье кушайте“, напримѣръ, аманъ! аманъ! Пропалъ человѣкъ! и это слово человѣку медомъ кажется!“

Ночью отецъ совсѣмъ заболѣлъ; у него такая сильная лихорадка сдѣлалась что онъ въ этомъ домѣ двѣ недѣли прожилъ и пролежалъ.

Старушка и невѣстка ея доктора ему привели и смотрѣли за нимъ какъ мать и сестра. Онъ и стыдиться предъ ними вовсе пересталъ. И все ему въ этомъ домѣ еще больше прежняго начало нравиться, особенно когда послѣ болѣзни ему веселѣе стало.

Попросилъ отецъ какихъ-нибудь книгъ почитать. Старушка сходила къ священнику, къ учителю, къ богатымъ сосѣдямъ и принесла ему много книгъ.

Читалъ мой отецъ, лежалъ, гулялъ по дому и все ему было пріятно. Вдова сама попрежнему служила ему. Она даже сама ему вымыла два раза ноги и вытерла ихъ расшитыми полотенцами.

„Судьба была!“ говорилъ отецъ. Онъ уже не могъ оторваться отъ услужливой и красивой вдовы.

Разъ поутру помолился онъ Богу и увидавъ на столѣ Библію, съ глубокимъ вздохомъ раскрылъ ее, желая подкрѣпить свое рѣшеніе какимъ-либо священнымъ стихомъ.

Онъ до конца своей жизни считалъ это гаданіе свое истиннымъ откровеніемъ. Три раза раскрывалъ онъ, крестясь, Св. Писаніе и вотъ что̀ ему выходило изъ Евангелія, Апостоловъ и Притчей Соломона.

Первый разъ: „Представляю вамъ Ѳиву, сестру нашу, діа„кониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа... „ибо и она была помощницей многимъ и мнѣ самому“.

Потомъ: „Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, „какъ Я возлюбилъ васъ“.

А въ третій разъ раскрывъ на удачу Ветхій Завѣтъ отецъ встрѣтилъ въ Притчахъ Соломона нѣчто еще болѣе ясное: „Человѣкъ который нашелъ достойную жену, нашелъ „благо и онъ имѣетъ милость Всевышняго“.

Чего же лучше! Послѣ этого отецъ уже не колебался и женился на молодой вдовѣ.

Однажды, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, сидѣли они вмѣстѣ у очага. Мать пряла шерсть, а отецъ курилъ наргиле и разказывалъ ей о томъ какъ и гдѣ настрадался онъ на чужбинѣ и привелъ между прочимъ ей одно мусульманское слово на счетъ благоразумія и терпѣнія человѣческаго.

„Не будь никогда разгнѣванъ переворотами счастья, ибо терпѣніе горько, но плоды его сочны и сладки. Не тревожься о трудномъ дѣлѣ и не сокрушай о немъ сердца, ибо источникъ жизни струится изъ мрака.“

А мать моя на это сказала ему:

— Да! ты на чужбинѣ страдалъ много, а теперь вотъ со мной веселишься, а я еще безсмысленнымъ ребенкомъ была когда меня убить хотѣли, и однако спасъ меня Богъ.

И сказавъ это, передала отцу моему какъ выкинулъ ее изъ окна одинъ мальчикъ и какъ она пеленками зацѣпилась за кустъ.

Упалъ у отца тогда наргиле изъ рукъ отъ изумленія и сказалъ онъ только: „Предназначеніе Божіе!“

И въ самомъ дѣлѣ благословилъ Господь Богъ и старушку добрую, которая невѣсткѣ все имѣніе свое отдала, и отца съ матерью, которые старушку покоили. Заботъ у нихъ

и горя было много въ жизни, но раздора между ними не было никогда. А это, ты знаешь, самое главное. При домашнемъ согласіи и несчастія всѣ легче сносить.

Два года не могъ отецъ мой разстаться съ любимою женой, которая такъ умѣла ему угождать. Хотѣлъ было остаться торговать въ Янинѣ, но на Дунаѣ тогда было слишкомъ выгодно и такъ какъ и я уже родился къ тому времени, отецъ мой рѣшился уѣхать чтобы пріобрѣсти побольше для дѣтей.

Разлука была очень тяжела; но и старушку было бы грѣшно оставить одну послѣ столькихъ ея благодѣяній.

Отецъ уѣхалъ въ Тульчу; но пріѣзжалъ каждые два года на три или четыре мѣсяца въ Загоры.

Незадолго до Восточной войны, однако, пользуясь тѣмъ что родной братъ киры Стиловой возвратился съ большими деньгами изъ Македоніи и остался жить уже до конца жизни въ родномъ селѣ, отецъ мой рѣшился взять съ собой на Дунай и мать мою и меня.

Братъ киры Стиловой былъ докторъ практикъ, имѣлъ хорошія деньги и двухъ большихъ сыновей, которыхъ онъ вскорѣ и женилъ на загорскихъ дѣвицахъ, такъ что старая сестра его не оставалась никогда безъ общества и безъ помощи по хозяйству.

Когда между Россіей и Турціей возгорѣлась война и Русскіе вступили въ Дунайскія Княжества, отецъ мой испугался и хотѣлъ насъ съ матерью отправить на родину въ Элиръ; но скоро раздумалъ. По всѣмъ слухамъ и по секретнымъ письмамъ друзей онъ ожидалъ что и въ Элирѣ вспыхнетъ возстаніе. И тамъ и здѣсь грозили опасности и безпорядки. Но отецъ разсудилъ что на Дунаѣ будетъ безопасно.

На Дунаѣ слѣдовало ожидать настоящей правильной войны между войсками двухъ государей; въ Элирѣ чего можно было ждать?... Грабежей, пожаровъ, измѣнъ, предательствъ, безурядицы. Волонтеровъ эллинскихъ отецъ мой боялся столько же сколько и албанскихъ баши-бузуковъ, и ты согласишься что онъ былъ правъ.

Шайка Тодораки Гриваса оправдала его опасенія; увы! ты это знаешь, паликары наши уважали собственность и жизнь людей никакъ не больше чѣмъ мусульманскіе беи.

Еще надѣялся отецъ и на то что Русскіе однимъ ударомъ сломятъ всѣ преграды на Нижнемъ Дунаѣ; онъ думалъ что

борьба съ Турками для нихъ будетъ почти игрою, и первые слухи, первые разказы, казалось, оправдывали его. Извѣстія изъ Азіи были побѣдоносныя; имена князей Андроникова и Бебутова переходили у насъ изъ устъ въ уста. Турки казались очень испуганными; старые христіане вспоминали о Дибичѣ и о внезапномъ вторженіи его войска далеко за Балканы.

Эти надежды, воспоминанія и слухи приводили въ восторгъ моего отца, который до конца жизни боготворилъ Россію, и мы остались, ежедневно ожидая и прислушиваясь не гремитъ ли уже барабанъ россійскій по нашимъ тихимъ улицамъ. Но въ этомъ отецъ ошибся.

Тульчу взяли Русскіе, но гораздо позднѣе и съ большими потерями. Множество воиновъ русскаго дессанта погибло въ водахъ Дуная, переправляясь на лодкахъ противъ самыхъ выстрѣловъ турецкой батареи...

Потомъ мой бѣдный отецъ долженъ былъ сознаться что Турки на Дунаѣ защищались какъ слѣдуетъ, и до конца жизни дивился и не могъ понять отчего Русскіе распоряжались такъ медленно и такъ неудачно подъ Ольшаницей, Читате и Силистріей... Онъ приписывалъ всѣ неудачи ихъ валашскому шпіонству и предательству польскихъ офицеровъ, которыхъ было, по его мнѣнію, слишкомъ много въ русскихъ войскахъ.

Онъ никогда не могъ допустить и согласиться что и нынѣшніе Турки отличные воины и всегда дивился когда сами русскіе консулы или офицеры старались ему это доказать. „Что̀ за капризный народъ эти Русскіе! говорилъ онъ нерѣдко. У многихъ изъ нихъ я замѣчалъ охоту, напримѣръ, Турокъ защищать и хвалить. Отъ гордости большой что ли или такъ просты на это?“ спрашивалъ себя мой отецъ и всегда дивился этому.

III.

Семейство наше много перенесло, и больше отъ худыхъ христіанъ чѣмъ отъ Турокъ, потому что худые христіане, всегда я скажу, гораздо злѣе и лукавѣе Турокъ.

Первое дѣло почему отецъ мой пострадалъ. Когда въ 53мъ году переправились Русскіе черезъ Дунай, всѣ у насъ думали что они уже и не уйдутъ и всѣ радовались, кромѣ нѣ-

которыхъ липованъ и хохловъ бѣглыхъ изъ Россіи, но и тѣ разное думали, и между ними были люди которые говорили: „наша кровь!“ Отецъ мой тогда обрадованъ былъ крѣпко и Русскихъ всячески угощалъ и ласкалъ...

У насъ въ тульчинскомъ домѣ русскій капитанъ стоялъ и при немъ человѣкъ пять или шесть простыхъ солдатъ.

Скажу я тебѣ про этихъ людей вотъ что̀: куръ, водку, вино, виноградъ и всякій другой домашній запасъ, и вещи, и деньги береги отъ нихъ. Непремѣмно украдутъ.

Но если ты подумаешь что за это ихъ у насъ въ Добруджѣ ненавидятъ, то ты ошибешься.

Въ 67мъ году, когда одно время ожидали Русскихъ, весь край какъ будто оживился. Что̀ говорили тогда всѣ, и Греки, и Болгары, и простяки-Молдаване сельскіе въ бараньихъ шапкахъ?... И даже, повѣрь мнѣ, Жиды и Татары Крымскіе, которые у насъ цѣлый городъ Меджидіе построили... Что̀ говорили всѣ?

— Аманъ! Аманъ! придутъ скоро Русскіе! Вотъ торговля будетъ! Вотъ барышъ! Офицеру билліардъ нуженъ, ромъ, шампанское, икра свѣжая. Платитъ и не торгуется! А если казакъ курицу украдетъ, такъ онъ тутъ же продастъ ее офицеру и самъ деньги не спрячетъ, а въ нашихъ же кофейняхъ истратитъ на вино или на музыку. Такой народъ веселый и щедрый! Прибить человѣка онъ можетъ легко, это правда, но никто за то же такъ утѣшить и такъ приласкать человѣка не можетъ, какъ Русскій. Все у него — „братъ“ да „братъ“ и злобы въ сердцѣ не держитъ долго.

Такъ говорили мнѣ въ 67мъ году, вспоминая то что̀ видѣли въ 53мъ.

Разкажу я тебѣ какъ русскій солдатъ однажды укралъ у одного сосѣда нашего поросенка во время занятія Тульчи. Онъ спряталъ поросенка подъ шинель и идетъ по базару такъ важно, задумчиво, можно сказать, даже грозно и не спѣша. А поросенокъ визжитъ подъ шинелью его на весь базаръ. Всѣ люди глядятъ на солдата; солдатъ же ни на кого не смотритъ.

Сосѣдъ нашъ былъ Молдаванъ, но человѣкъ довольно смѣлый. Онъ догналъ солдата и при всѣхъ говоритъ ему:

— Остановись, братъ, ты укралъ у меня поросенка.

— Я? Ты съ ума сошелъ что ли? Какой это такой поросенокъ, скажи мнѣ, любезный другъ ты мой?...

Ужасно удивился солдатъ, и не улыбается, и не боится, и не сердится вовсе.

А поросенокъ еще громче прежняго визжитъ подъ его полой.

Сосѣдъ разсердился и говоритъ ему:

— Такъ нельзя дѣлать!.. Раскрой шинель или я къ полковнику твоему пойду.

Сейчасъ же раскрываетъ солдатъ шинель и видитъ поросенка.

Посмотрѣлъ съ изумленіемъ, перекрестился, плюнулъ и воскликнулъ:

— Посмотрите, проклятая тварь, куда забрался. Это отъ дьявола все! А ты возьми его, братъ, если онъ твой.

И пошелъ молодецъ дальше, опять не улыбается и ни на кого не глядитъ. Усы вотъ какіе въ обѣ стороны стоятъ и бакенбарды огромныя!

Весь базаръ до вечера смѣялся этому, и сосѣдъ жаловаться не пошелъ... Жалко ему было пожаловаться на такого человѣка, особенно зная что полковникъ былъ строгій Нѣмецъ и безпощадно наказывалъ этихъ бѣдныхъ людей за подобные безпорядки.

Капитана, который жилъ въ нашемъ домѣ, звали Иванъ Петровичъ Соболевъ. Онъ меня очень любилъ. Звалъ онъ меня „*Цыганóкъ*“, за то что я смуглый, и дѣлалъ мнѣ много подарковъ. Онъ каждый день, несмотря на холодъ, обливался холодною водой и приказывалъ солдатамъ и меня схватывать, раздѣвать и обливать насильно для укрѣпленія. Потомъ я и самъ это полюбилъ.

Выйдетъ капитанъ на балконъ, на улицу, самъ раздѣнется совсѣмъ и меня раздѣтаго выведетъ. Женщины бѣгутъ; а онъ имъ кричитъ: „Чего вы не видали? Куда бѣжите? Скажите! какой стыдъ великій!“

И восклицаетъ потомъ солдату:

— Катай Цыганóчка съ головы прямо!

Я и радъ, и кричу; а капитанъ бѣдный глядя на меня отъ души веселится. Ужасно любилъ я его.

Когда Австрійцы зашли Русскимъ въ тылъ и уходили Русскіе отъ насъ, капитанъ Соболевъ золотымъ крестикомъ благословилъ меня на память и я всегда ношу его на шеѣ съ тѣхъ поръ.

— Прощай, Цыганочекъ мой, прощай, голубчикъ, сказалъ онъ мнѣ и сѣлъ на лошадь.

Я сталъ плакать.

— Господь Богъ съ тобой, сказалъ капитанъ; — не плачь, братъ мой, увидимся еще. Съ Божьей помощью назадъ опять придемъ и освободимъ всѣхъ васъ.

Онъ поцѣловалъ меня и перекрестилъ, нагнувшись съ коня, а я держался за стремя его и плакалъ.

И не увидались мы съ нимъ больше! Да спасетъ Божія Матерь Своими молитвами его простую воинскую душу! Мы узнали потомъ что его подъ Инкерманомъ убили эти отвратительные Французы, которыхъ и отецъ мой, и я всегда ненавидѣли.

Послѣ ухода Русскихъ изъ Добруджи, когда у насъ опять стали вездѣ султанскія войска, отецъ мой едва было не лишился жизни.

Нашлись добрые люди, которые даже не изъ мести и не по злобѣ личной на отца, а лишь изъ желанія угодить турецкому начальству и выиграть отъ него деньги, донесли на отца моего что онъ русскій шпіонъ.

Сказать тебѣ что онъ русскимъ начальникамъ не передавалъ никогда гдѣ Турки и что̀ они дѣлаютъ, этого я не скажу. Конечно, было и это; не станешь ли ты его хулить за это? Или лучше было дѣлать такъ какъ Валахи дѣлали около Букурешта, когда они Туркамъ Русскихъ продавали?

Призвали отца къ пашѣ. Отецъ зналъ что доказательствъ никакихъ противъ него нѣтъ; помолился, поплакалъ съ нами, матушка на островъ *Тинъ* серебряную большую лампаду обѣщала и стали ждать его и молиться. Я былъ еще малъ; сталъ бѣгать и кричать; а мать говоритъ: „Кричи! кричи, веселись—теперь отцу можетъ-быть голову ножомъ Турки отрѣзали“. И я утихъ...

Такъ двѣ недѣли прошло; стоимъ мы однажды вечеромъ; застучали въ дверь. Испугались всѣ, а это батюшка возвратился веселый. Освободили его Турки и спасъ его самый тотъ Турокъ который долженъ былъ убить его.

Доносъ былъ тотъ что будто отецъ мой далъ черезъ Дунай вѣсть казакамъ (уже послѣ отступленія Русскихъ въ Молдавію) что въ Тульчѣ войска турецкаго мало. Тогда казаки ночью черезъ рѣку переправились и кинулись въ

городъ вскачь... это и я помню... крикъ какой поднялся... Турокъ точно было не много и они всѣ разсыпались въ испугѣ. Я ихъ и не виню въ трусости за это. Очень это было неожиданно и казаки слишкомъ страшно кричали *ура!* Убить никого и не убили; а только повеселились турецкимъ испугомъ и въ плѣнъ никого не успѣли взять, потому что сами замѣшкать боялись. Украли мимоходомъ кой-что, безъ разбора христіанскій ли домъ или турецкій; это они успѣли, и ушли. Вотъ по этому самому дѣлу въ особенности и былъ на моего отца доносъ.

Отецъ стоялъ на одномъ словѣ, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, и спрашивалъ „гдѣ-жь доказательства?“ Показывалъ что онъ во всю недѣлю предъ этимъ въ Бабадагѣ далеко отъ берега былъ и ни съ кѣмъ изъ своихъ не видался. „Кого жь бы онъ послалъ Русскихъ извѣстить?“ Паша не хотѣлъ слушать и велѣлъ его отвести къ палачу. Повели отца къ небольшому домику въ сторонѣ того села гдѣ паша тогда жилъ; подвели къ двери, отворили эту дверь и втолкнули его туда... Отецъ сколько разъ объ этомъ ни разказывалъ, всегда у него губы тряслись и голосъ мѣнялся. Закачаетъ головой и скажетъ: „увы! увы! дѣтки мои, какъ страшно! это совсѣмъ не то что война, гдѣ у человѣка кровь кипитъ... а это дѣло холодное и ужасное... Посмотри на курицу, и та какимъ голосомъ страшнымъ кричитъ когда ее рѣзать несутъ... Съ тѣхъ поръ, я и куринаго крика не могу даже такъ спокойно слышать, повѣрьте мнѣ, дѣтки мои. И вотъ однако спасъ меня Богъ!“

Остался отецъ въ этой комнаткѣ и видитъ сидитъ въ сторонѣ у очага худой Турокъ съ длинными усами. Оружія по стѣнамъ много. Понялъ отецъ что это и есть *джелатъ,** который долженъ его убить.

Отецъ ему поклонился и Турокъ говоритъ ему: „здравствуй“, и приглашаетъ вѣжливо сѣсть около себя.

Отецъ сѣлъ. Началъ Турокъ спрашивать откуда онъ и какъ его имя. И что̀ отецъ скажетъ, онъ все ему: „Такъ, хорошо, очень хорошо!“ И потомъ еще разъ спросилъ у него

* *Джелатъ* значитъ *палачъ*; но у Турокъ настоящихъ, казенныхъ палачей никогда не бывало—ремесло это грѣхъ и позоръ; но въ крайности нанимаются временно какіе-нибудь бѣдные люди для исполненія приговоровъ. Вѣроятно этотъ Турокъ нанялся потому что ему были очень нужны тогда деньги.

какъ его имя чтобъ онъ повторилъ. Отецъ сказалъ ему, и показалось отцу что джелáтъ какъ будто иначе взглянулъ на него.

— А есть у тебя братья? спросилъ потомъ Турокъ.

Отецъ сказалъ что есть два брата.

— А гдѣ они?

— Одинъ въ Греціи, а другой умеръ.

— А который умеръ чѣмъ занимался, гдѣ жилъ?

Отецъ сказалъ ему и объ этомъ.

— А въ Софьѣ не жилъ твой братъ?

Вспомнилъ отецъ что онъ долго жилъ и въ Софьѣ и *ханъ* тамъ держалъ.

— А никогда онъ ничего тебѣ не разказывалъ про этотъ ханъ или про какихъ-нибудь людей?

Не помнилъ отецъ; однако нарочно сталъ будто припоминать чтобы хоть минутку еще на этомъ свѣтѣ прожить. Измучился наконецъ и слезы у него изъ глазъ потекли и сказалъ онъ Турку:

— Не спрашивай у меня больше ничего, ага мой, эффенди мой. Я въ твоей волѣ и припомнить я больше ничего не могу; у меня одна память о бѣдной женѣ моей и моихъ сиротахъ несчастныхъ!

— А ты разкажи мнѣ, говоритъ Турокъ,—кто на тебя эту клевету выдумалъ?

Отецъ повторилъ ему то чтò сказалъ пашѣ.

— А ты мнѣ скажи, чорбаджи, говоритъ тогда Турокъ,— радъ вѣдь ты былъ когда ваши московскіе сюда пришли и Тульчу забрали и Силистрію осадили. Ты мнѣ, чорбаджи, правду говори только и меня ты не бойся.

— Чтò жь я тебѣ скажу, отвѣтилъ ему отецъ,—вѣра у нихъ съ нами одна....

— Это ты хорошо говоришь, чорбаджи. И вижу я что ты человѣкъ не лживый, а прямой и добрый. Все чтò ты сказалъ, все правда. Сиди здѣсь, я скоро вернусь, а ты сиди и не бойся.

Вышелъ Турокъ и заперъ отца снаружи. Долго ждалъ отецъ и молился. Наконецъ Турокъ вернулся и смѣется.

— Иди съ Богомъ куда хочешь. И лошадь твоя здѣсь. Да скачи скорѣй чтобы тебя не вернули. И уѣзжай потомъ куда-нибудь подальше и отъ насъ, и отъ Русскихъ.

Не вѣритъ отецъ и подумать не знаетъ что̀ такое случилось. И сказалъ онъ агѣ этому:

— Ага мой, не могу я съ этого мѣста тронуться пока не узнаю за что̀ ты меня такъ милуешь.

— А вотъ за что̀, говоритъ ему Турокъ.—За то что весь вашъ родъ люди хорошіе, другихъ милуете и васъ надо миловать.

— Слушай, говоритъ,—садись на коня. Я самъ тебя до другаго села провожу, никто тебя не тронетъ.

И разказалъ отцу что тотъ отцовскій братъ, дядя мой, который ханъ держалъ, его брата спасъ и кормилъ.

Ѣхали долго вмѣстѣ, около часа, и ага ему исторію брата разказывалъ.

Дядя мой держалъ *ханъ* около Софьи; а братъ этого Турка былъ ученикомъ у *налбанта* * въ самой Софьѣ. Онъ былъ молодъ и красивъ. У паши, который тогда начальствовалъ въ Софьѣ, была возлюбленная христіанка; жила она въ своемъ домикѣ на предмѣстьѣ, недалеко отъ того хана, гдѣ молодой Джемали лошадей ковалъ. Любилъ Джемали наряжаться и щеголять на дикихъ и злыхъ жеребцахъ. Случалось часто что онъ мимо сосѣдки въ пестрой одеждѣ скакалъ: и не зналъ что она всегда на него изъ-за рѣшетки въ окно глядѣла.

Потомъ нашла она случай познакомиться съ нимъ, нанимала тележку въ ихъ хану; кисетъ ему вышила и велѣла одной старушкѣ ему передать. Эта же старуха сказала ему:

— Джемали-ага, госпожа моя велѣла тебѣ сказать что она тебѣ табаку хорошаго хочетъ дать изъ окна вечеромъ; она тебя очень жалѣетъ и говоритъ: какой юнакъ, на *бейопуло* ** больше похожъ чѣмъ на простаго человѣка!

— Такъ узнали они близко другъ друга и впали въ грѣхъ, говорилъ отцу тотъ Турокъ.—Узналъ и паша. Тогда было все проще въ Турціи, и погибнуть было легче, но легче и спастись. Схватили Джемали въ саду у христіанки молодой и привели въ конакъ.

— Ты кто такой? закричалъ грозно паша,—что по ночамъ въ чужіе дома заходишь и черезъ стѣны лазѣешь? Кто ты такой, собака, скажи?

* *Налбантъ*, коновалъ или вообще человѣкъ который лошадьми занимается, куетъ ихъ и т. п.

** *Бейопуло*, дитя бея, молодой баринъ.

— Мы *иснафы*, паша, господинъ мой,—иснафы мы, самимъ вамъ это извѣстно.

Паша покраснѣлъ и закричалъ:

— Пошелъ вонъ, оселъ!

Въ чемъ же тутъ секретъ былъ что паша смутился? Иснафами зовутся люди одного ремесла, одного цеха, и самое это слово употребляется иногда иначе, аллегорически.

Мы съ тобой иснафы, то-есть товарищи, одного ремесла люди; кумовья, если хочешь...

А паша и самъ по ночамъ у этой христіанки бывалъ и бѣдный Джемали и не ожидалъ что онъ такъ остроумно и колко отвѣтитъ. Двое, трое изъ старшихъ чиновниковъ Турокъ даже улыбнулись, не могли воздержаться.

Однако, хотя паша и выгналъ Джемали, но все-таки велѣлъ потомъ чтобы заптіе его взяли и отвели въ тюрьму. Джемали притворился вовсе покорнымъ и слабымъ; двое заптіе вели его и сначала держали, а потомъ одинъ и вовсе оставилъ. Какъ увидалъ онъ это и разчелъ куда можно бѣжать, вырвалъ вдругъ у одного пистолетъ, ранилъ другаго и бросился черезъ разоренную стѣнку стараго кладбища, бѣжалъ, бѣжалъ; просидѣлъ потомъ до вечера въ разрушенной банѣ одной, вспомнилъ о моемъ дядѣ и ушелъ ночью къ нему въ ханъ за городъ. Дядя мой пряталъ и кормилъ его двѣ недѣли, а потомъ переправилъ черезъ Дунай въ Валахію и оттуда Джемали вернулся опять въ Турцію инымъ путемъ. Такъ какъ за нимъ никакого преступленія важнаго не было, то онъ боялся лишь ревности и мести того паши котораго онъ оскорбилъ, а не другихъ начальниковъ. Когда Джемали увидался съ братомъ своимъ онъ разказалъ ему все это и прибавилъ еще:

— Ты положи мнѣ клятву что гдѣ бы ты ни встрѣтилъ родныхъ загорскаго Дмитро Полихроноса или его самого, ты послужишь и поможешь и ему, и всему роду его. Они мнѣ теперь и до конца жизни моей все равно какъ *вламъ, побратимъ*. *

Вотъ какъ чудесно спасся отецъ мой. Онъ и говорилъ что въ его жизни два чуда было: встрѣча съ матерью моей и съ этимо Туркомъ, Мыстúкъ-агóю.

---

* Въ западной Турціи, въ Албаніи, Эпирѣ, другихъ сосѣднихъ странахъ существуетъ, какъ извѣстно, и у мусульманъ и у христіанъ старый обычай *побратимства*.

— А какое лицо у него было грозное, у Мыстикъ-аги! говорилъ иногда вздыхая глубоко отецъ.—Худое лицо, печальное, безъ улыбки! Усы длинные и острые въ обѣ стороны, туда и сюда стоятъ. Кто бы могъ ожидать такой доброты?

Мать моя думала напротивъ того что отцу это такъ показалось отъ страха и что у Мыстикъ-аги было обыкновенное турецкое лицо.

Отецъ мой любилъ объ этомъ событіи разказывать и, обращаясь ко мнѣ, грозился мнѣ рукой и говорилъ:

— Заклинаю я тебя, Одиссей, всѣмъ священнымъ, если и меня на свѣтѣ не будетъ и если когда-нибудь Мыстикъ-ага напишетъ тебѣ о чемъ-нибудь прося, или въ домъ твой пріѣдетъ, то вспомни объ отцѣ твоемъ и всякую просьбу его исполни. Въ домѣ же твоемъ почетъ ему окажи бо́льшій чѣмъ бы ты самому великому визирю оказалъ. Служи ты ему самъ и если жена у тебя будетъ, то хотя бы дочь эллинскаго министра или перваго фанаріотскаго богача за себя взялъ, но я хочу чтобъ эта жена твоя туфли ему подавала, и чубукъ, и огонь, и постель ему стлала бы руками своими, слышишь ты, въ домѣ твоемъ постелила! Слышишь ты меня, мошенникъ ты Одиссей? Это я, отецъ твой, тебѣ, Одиссей, говорю! Прощаясь съ Мыстикъ-агою я такъ и сказалъ ему:

— Эффенди и благодѣтель мой, паша мой, домъ мой—твой домъ отнынѣ! И жена и дѣти мои, и дѣти дѣтей моихъ, твои покорные слуги!

А онъ бѣдный отвѣтилъ мнѣ:

— Всѣ мы рабы Божіе, чорбаджи!

Сѣлъ на жеребца своего, приложилъ руку къ фескѣ и ускакалъ! И долго глядѣлъ я какъ развивались красныя кисти на зломъ жеребцѣ его и за спиной его голубые рукава, и не могъ я вовсе съ мѣста отойти пока не потерялъ его изъ вида. Какъ бы незримая сила приковала меня тамъ гдѣ я издали на него любовался.

Когда отецъ мой это разказывалъ, хотя бы и въ двадцатый разъ, трудно было не плакать.

Мать моя всегда плакала и обращая глаза къ небу, прикладывала руки къ груди своей и прерывала разказъ восклицаніемъ: „Боже! Пусть онъ живетъ долго и счастливо, человѣкъ этотъ, пусть спасетъ онъ свою душу, и хотя Турокъ онъ, но пусть угодитъ Тебѣ, Боже нашъ, хотя такъ какъ угодилъ Самарянинъ добрый!“

IV.

Тотчасъ по заключеніи мира, отецъ мой отправилъ насъ съ матерью на родину, въ Эпиръ, а самъ поѣхалъ въ Аѳины и досталъ себѣ тамъ безъ труда эллинскій паспортъ и такимъ образомъ право на защиту греческаго посольства и греческихъ консуловъ во всей Турціи.

Къ этому его побуждалъ не только тотъ страхъ который пришлось испытать ему отъ тогдашняго турецкаго беззаконія и самоуправной грубости, но и другое тяжелое дѣло, которое причинило и ему, и мнѣ позднѣе много непріятностей и хлопотъ.

Не только по поводу доноса на отца, но еще и по поводу этой тяжбы мнѣ пришлось сказать тебѣ, мой другъ, что худые христіане нерѣдко по природѣ своей злѣе и лукавѣе Турокъ.

Отъ отца же моего покойнаго я слышалъ одну небольшую и очень хорошую молдаванскую сказку или басню, не знаю какъ ее лучше назвать.

„Пошелъ одинъ человѣкъ, поселянинъ небогатый, дрова въ лѣсъ рубить и увидалъ что большое дерево упало на землю и придавило большую змѣю. Змѣя была жива и стала просить человѣка чтобъ онъ освободилъ ее. Человѣкъ подставилъ подъ дерево подпорки и освободилъ змѣю. Она тотчасъ же обвилась вокругъ него и сказала ему: „Я тебя съѣмъ!“ „За что?“ спросилъ человѣкъ. „Всѣ вы люди очень злы и злѣе васъ звѣря нѣтъ на свѣтѣ; за это я тебя съѣмъ.“ Тогда человѣкъ ей сказалъ: ты такъ говоришь, а другіе что скажутъ, пойдемъ судиться; до трехъ разъ кого встрѣтимъ того и спросимъ. Змѣя согласилась и они пошли. Сначала увидали они что люди пашутъ. И люди эти когда увидали человѣка и около шеи и тѣла его такую большую змѣю, вмѣсто того чтобы помочь ему испугались и убѣжали. Спросила змѣя у одной коровы которая была въ плугъ впряжена: „Съѣсть мнѣ этого человѣка?“ „Ѣшь! сказала корова. Люди всѣ злы и злѣе ихъ звѣрей нѣту. Я моему хозяину много телятъ, молока и масла дала; а онъ меня, корову, теперь въ плугъ съ волами запрегъ.“ Пошли они дальше, увидали на сухомъ полѣ худую, старую лошадь. Спросила у нея змѣя:

„Скажи мнѣ, лошадь, съѣсть мнѣ этого человѣка?“ И лошадь сказала: „Ѣшь! Люди всѣ злы и злѣе ихъ нѣтъ звѣрей на свѣтѣ. Я служила хозяину двадцать лѣтъ, а теперь стала стара; онъ меня и бросилъ на этомъ сухомъ полѣ, гдѣ меня можетъ-быть и волки съѣдятъ.“ Пошли они дальше. Встрѣтили лисицу. Ей далъ знать человѣкъ знаками что онъ ей трехъ куръ дастъ, если она въ его пользу разсудитъ. Лисица тогда сказала змѣѣ: „чтобы разсудить права ли ты, надо видѣть какъ онъ тебя спасъ и трудно ли ему это было. Отведите меня туда гдѣ тебя придавило большое дерево.“ Когда они всѣ пришли въ лѣсъ и увидѣли что дерево лежитъ еще на подпоркахъ. Лисица сказала змѣѣ: „полѣзай опять для примѣра подъ дерево чтобъ я могла видѣть какъ ты лежала и разсудить васъ.“ Змѣя подлѣзла, а лисица сказала человѣку: „Вынь подпорку!“ И змѣю опять придавило деревомъ и она издохла. Тогда человѣкъ повелъ лисицу къ своему селу и сказалъ ей: „подожди здѣсь въ полѣ, я вынесу тебѣ живыхъ куръ въ мѣшкѣ“. А самъ подумалъ, у нея мѣхъ очень красивъ, годится женѣ на шубку. Пойду вмѣсто куръ положу въ мѣшокъ злую и быструю собаку и она поймаетъ мнѣ лису. Пошелъ въ село и вынесъ собаку въ мѣшкѣ. Лисица сидитъ далеко на камнѣ хвостомъ играетъ и не подходитъ. „Что̀ это у тебя, другъ мой, мѣшокъ очень великъ?“ „Изъ благодарности шесть куръ несу вмѣсто трехъ,“ сказалъ человѣкъ, и выпустилъ на нее собаку; но лисица была далеко и спаслась, громко воскликнувъ: „Хорошо сказала и змѣя, и корова, и лошадь что вы люди злы и злѣе васъ нѣтъ звѣря на свѣтѣ!“

Отецъ мой говорилъ объ этой баснѣ такъ:

— Я давно ее зналъ и хотѣлъ забыть ее послѣ того какъ Турокъ Мыстикъ-ага спасъ мнѣ жизнь; но въ то же почти время одинъ Грекъ нашъ и одинъ Болгаринъ научили меня ее вѣчно помнить.

Отецъ мой торговалъ на Дунаѣ разными товарами и дѣлалъ всякіе обороты, но въ то время онъ особенно занимался рыбною торговлей, скупалъ икру у Русскихъ липованъ и другихъ рыбаковъ и продавалъ ее очень выгодно.

Онъ имѣлъ дѣла и большіе счеты съ однимъ эпирскимъ же Грекомъ, котораго звали Хахамопуло. Человѣкъ онъ былъ и жадный, и легкомысленный, и боязливый, и обманщикъ. Онъ былъ гораздо моложе моего отца и отецъ мой былъ ему

почти благодѣтелемъ. Отецъ этого Хахамопуло умеръ внезапно въ Валахіи и мальчикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ познаній и безъ ремесла. Однако онъ былъ хитеръ; пришелъ въ Галацъ, увидалъ что тамъ продаютъ козырьки для фуражекъ и вздумалъ дѣлать козырьки. Купилъ кожи, вырѣзалъ, сѣлъ верхомъ на скамью и сталъ какою-то гладкою костью лощить козырьки эти. Козырьки не годились.

Потомъ онъ увѣрилъ одного богатаго Валаха что онъ отличный красильщикъ, учился въ Одессѣ и можетъ выкрасить ему карету заново гораздо дешевле чѣмъ другіе мастера. А вся цѣль его была чтобы хоть недѣлю еще хлѣбъ имѣть и мѣсто для ночлега. Купилъ сажи, самъ лакъ попробовалъ сварить, совсѣмъ не такъ какъ было нужно; накрасилъ пальца на три густоты, не держится, все кусками падаетъ. Пришелъ хозяинъ кареты, взялъ палку и прогналъ его. Онъ сидѣлъ у воротъ гостиницы и плакалъ, когда отецъ мой увидалъ его и спросилъ у него кто онъ такой и отъ чего онъ плачетъ.

— Мнѣ и тогда, разказывалъ мой отецъ,—не очень понравился этотъ мальчикъ. Слишкомъ ужь ломался и гримасничалъ. И туда кинется, и сюда перегнется.... Эффендикò мой! Эффендикò! кричитъ онъ мнѣ и воетъ. — Ба! говорю я ему, слѣдуетъ ли паликару какъ женщинѣ плакать и выть. Пошлетъ Богъ тебѣ хлѣба. Не кричи, дуракъ, у меня ужь и голова отъ воя твоего какъ цѣлый казанъ раздулась. А все-таки жалко его было. Христіанинъ молодой и нашъ эпирскій Грекъ.

Рекомендовалъ его отецъ мой одному изъ нашихъ Загорцевъ, который имѣніемъ большимъ у молдаванскаго боярина управлялъ. Прожилъ Хахамопуло у Загорца пять лѣтъ; во время войны и Русскимъ, и Туркамъ, и Австрійцамъ служилъ, деньги нажилъ, женился и переѣхалъ въ Тульчу. Отецъ видѣвши что у него какъ будто хорошія деньги есть и полагая что онъ его благодѣянія помнитъ, взялъ его въ долю къ себѣ по рыбному промыслу и они нѣсколько времени торговали вмѣстѣ. Еще до войны случилось отцу занять тысячу золотыхъ турецкихъ лиръ у одного знаменитаго Болгарина добруджанскаго, Петраки Стояновича. Этотъ Стояновичъ теперь уже не просто Петраки, а Петраки-бей и капуджи-баши султана Абдулъ-Азисъ-хана, богатъ какъ лидійскій Крезъ, а ужь подлецъ такой что Хахамопуло нашъ

предъ нимъ Аристидомъ Справедливымъ является. Разкажу я тебѣ и про этого болгарскаго архонта, что̀ онъ такое за сокровище драгоцѣнное и откуда.

Отецъ его, старичокъ Стоянъ, простой болгарскій мужикъ изъ-подъ Костенджи, кажется. Я его видѣлъ. Простѣйшій земледѣлецъ болгарскій, въ бараньей шапкѣ и толстыхъ шароварахъ изъ коричневой абы. Какъ говорится по-болгарски: „Четыре кожи единъ колпакъ! Големъ-те чорбаджи!“ *

Старичокъ безвредный, лѣтъ ему 80, усы сѣдые, самъ худой и смуглый, пашетъ самъ до сихъ поръ, деньги въ землю зарываетъ, Турокъ боится, а больше никого знать не хочетъ; всю недѣлю черный хлѣбъ съ лукомъ или перцомъ краснымъ ѣстъ, а баранину жаритъ только по праздникамъ. У сыновей въ Тульчѣ рѣдко бываетъ, а они къ нему, кажется, никогда не ѣздятъ. При немъ дочь замужняя съ зятемъ и внучками уже большими живетъ.

Сыновей же у него двое, Петръ и Марка. Оба теперь богачи и беи. Петраки, какъ я сказалъ тебѣ, капуджи-баши, а Марко—предсѣдатель нашего Тульчинскаго торговаго суда, тиджирета, и такъ-сказать бичъ человѣчества въ нашемъ городѣ.

Пришли они оба на Дунай въ сельскихъ лутурахъ ** и колпакахъ еще молодые, но гдѣ-то въ греческой школѣ обученные не дурно, и открыли небольшую лавочку въ Тульчѣ. Было это еще до Восточной войны.

Какъ они торговали? Такъ какъ торгуетъ всякій христіанинъ бакалъ. Не безъ лжи и небольшаго обмана.

Это бы ничего; всѣ мы такъ дѣлаемъ. Но Петраки и Марко не удовольствовались такими обыкновенными доходами, но сперва пріобрѣли они отъ Турокъ много денегъ доносами, такъ что ихъ трепеталъ весь городъ, а потомъ разбогатѣли чрезвычайно во время сосредоточенія турецкихъ войскъ около Дуная, различными подрядами и оборотами, поставкой сѣна, ячменя, рису для войска; а доносы шли своимъ чередомъ.

По окончаніи войны, у болгарскихъ селянъ въ Добруджѣ и подъ Силистріей скопилось множество росписокъ отъ начальниковъ различныхъ турецкихъ отрядовъ. Часто нужда-

* „Четыре кожи бараньихъ—одинъ колпакъ; большой господинъ значитъ!“

** Деревенскіе *шальвары*.

ясь въ деньгахъ, начальство турецкое забирало въ долгъ у селянъ фуражъ для кавалеріи своей и всякую провизію для солдатъ. Какъ только узналъ Петраки Стояновичъ что у соотечественниковъ его собралось такое множество долговыхъ росписокъ, онъ сталъ хлопотать чтобъ общины сельскихъ Болгаръ выбрали его для поѣздки въ Константинополь; достигъ этого; поѣхалъ; но, явившись къ великому визирю, не денегъ потребовалъ, а повергъ къ стопамъ султана всѣ росписки его вѣрныхъ райя.... „ибо всѣ эти вѣрные подданные поручили мнѣ изъявить Блистательной Портѣ живѣйшую радость что общій врагъ московскій изгнанъ съ позоромъ изъ предѣловъ нашихъ!“ Такъ сказалъ Петраки.

Винить ли мы будемъ Турокъ за то что они съ радостью приняли этотъ даръ и дали мужичку нашему болгарскому меджидіе и мундиръ калуджи-баши съ расшитою золотомъ грудью?

Тогда еще больше сталъ рости и богатѣть Петраки, сынъ земледѣльца Стояна. Взглянулъ бы ты теперь на него! Широкій, румяный, здоровый *эффенди*; одѣтъ щегольски, красивый эффенди, борода черная съ просѣдью небольшою, походка важная, рѣчь серіозная, въ Парижъ ѣздилъ, по-французски немного сталъ говорить; паши его боятся, всѣ консула визитъ первые ему дѣлаютъ, коляска у него вѣнская, лошади львы свирѣпые. „Желудокъ“, говоритъ онъ, „у меня теперь разстроенъ и печенью, къ несчастью, страдаю, поэтому я не въ силахъ посты содержать, какъ бы того требовали приличія для примѣра простому народу, ибо необразованнымъ людямъ религія есть единственная узда для страстей. Сожалѣю крайне о таковомъ моемъ преждевременномъ разстройствѣ, но что̀ дѣлать! самъ докторъ Вельно въ Парижѣ не совѣтовалъ мнѣ поститься. Прекрасный городъ Парижъ и докторъ Вельно благороднѣйшій человѣкъ. Европеецъ человѣкъ, вполнѣ Европеецъ!“

Поститься уже теперь не въ силахъ Петраки, сердечный нашъ. За то нѣтъ Еврейки молодой и бѣдной, нѣтъ служанки, Болгарки сельской, Хохлушки или Молдаванки, которую бы онъ не обольстилъ за деньги и не бросилъ бы послѣ. Что̀ могутъ слезы сироты противъ Петраки-бея, когда сами паши боятся иногда его интригъ и тѣхъ взятокъ которыя онъ всегда въ силахъ въ Константинополѣ дать?

Въ 67мъ году прошелъ слухъ что Петраки-бея хотятъ кня-

земъ независимой Болгаріи сдѣлать. Но и тутъ онъ успѣлъ оправдаться предъ Турками. У такого-то человѣка отецъ мой имѣлъ несчастіе занять тысячу лиръ золотыхъ!

Хахамопуло между тѣмъ захотѣлъ отдѣлаться отъ отца моего и стали они сводить счеты. Отцу тогда было не подъ силу заплатить Петраки-бею, котораго срокъ подошелъ, и онъ, полагаясь на Хахамопуло, перевелъ долгъ на него и удовольствовался тѣмъ что Хахамопуло, который отцу былъ гораздо болѣе этого долженъ, записалъ при немъ тысячу лиръ для Петраки-бея въ свою счетную книгу. „Заплати только ему эту тысячу лиръ, и остальныя я прощаю тебѣ", сказалъ ему отецъ. Расписки отецъ мой съ Хахамопуло не взялъ. Какъ только объяснились между собой тайкомъ отъ отца два злодѣя, Болгаринъ и Грекъ, такъ и обнаружилась ихъ злоба, но что было дѣлать?

— Дай ты мнѣ, Хахамопуло любезный, сейчасъ пятьсотъ лиръ, сказалъ Парижанинъ-эффенди болгарскій нашему эпирскому молодцу.—Я же тебѣ дамъ бумагу или счетъ особый чтобы ты былъ покоенъ, какъ будто я эти пятьсотъ лиръ получилъ отъ тебя по иному торговому дѣлу. Ты отрекайся отъ своего долга Полихроніадесу, ибо онъ отъ тебя не имѣетъ росписки, а я съ него свои тысячу лиръ судебнымъ порядкомъ требовать стану, ибо я отъ него росписку правильную имѣю и буду утверждать что отъ тебя я не получалъ ничего и даже знать тебя, Хахамопуло, вовсе и не хочу. Долженъ же мнѣ съ большими процентами за просрочки Георгій Полихроніадесъ изъ Эпирскихъ Загоръ.

Вотъ поэтому-то и поспѣшилъ достать себѣ эллинскій паспортъ отецъ мой вскорѣ послѣ окончанія Восточной войны. Онъ предпочелъ бы, конечно, взять русскій паспортъ; тогда и это дѣлалось легко, но русскаго консульства въ то время не было въ Тульчѣ, и какъ ни слаба Эллада, все-таки независимое государство, думалъ отецъ мой, и можетъ его защитить.

Много перенесъ онъ тогда мученій, и паспортъ греческій если и былъ полезенъ, то развѣ для предохраненія жизни, на случай большой опасности, а для тяжбы, я полагаю, онъ сдѣлалъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы. Турецкое начальство признавать его никогда не хотѣло; нѣсколько разъ хватали отца и сажали въ тюрьму; не пускали его изъ тюрьмы въ Загорье съѣздить и съ нами видѣться. Греческіе консу-

лы постоянно мѣнялись; ѣдетъ министръ въ Аѳинахъ, сейчасъ ѣдетъ новый консулъ и старому нерѣдко онъ врагъ. Надо угождать новому. Сколько разъ англійскій консулъ освобождалъ отца изъ тюрьмы.

Со стороны Петраки-бея, кромѣ мошенничества и алчности, была еще и личная злоба на отца моего—за одно слово которое онъ дѣйствительно неосторожно, быть-можетъ, и необдуманно сказалъ въ обществѣ.

Тогда только-что начались разговоры о томъ что Болгарамъ слѣдуетъ отдѣлиться отъ вселенской патріархіи, имѣть свои славянскія школы и получить разрѣшеніе не только въ сѣверной Болгаріи, но и во Ѳракіи и въ Македоніи на своемъ церковно-славянскомъ языкѣ пѣть и читать въ церквахъ.

Отецъ мой былъ человѣкъ умѣренный и справедливый, и всегда говорилъ что Болгары въ подобныхъ требованіяхъ правы. „Отчего имъ не читать и не пѣть вездѣ на своемъ родномъ языкѣ? И Святой Духъ сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ именно для того чтобъ они проповѣдывали Евангеліе всѣмъ народамъ на нарѣчіяхъ имъ понятныхъ. Хорошо просятъ Болгары!“ говорилъ мой отецъ.

Но отдѣленія отъ вселенской церкви онъ не допускалъ ни подъ какимъ видомъ. И когда этотъ самый Петраки-бей однажды въ домѣ австрійскаго консула выразился такъ:

— Этого мало, мы надѣемся что султанъ дастъ намъ патріарха особаго; ибо мы, Болгары, ему всегда были вѣрны и бунтовщиками подобно вамъ, Грекамъ неразумнымъ, не были и не будемъ!

Отецъ мой отвѣтилъ ему хотя и шутя, но очень обидно:

— Да! сказалъ онъ.—И до меня дошли подобные слухи съ береговъ Босфора. Говорятъ люди свѣдущіе и высокопоставленные, будто бы садразамъ предложилъ вселенскому патріарху согласиться на учрежденіе особой болгарской патріархіи, но что его святѣйшество изволилъ отвѣтить такъ: „Ваша свѣтлость согласится, конечно, что Цыгане въ Турціи исповѣдуютъ одну вѣру мусульманскую съ чистыми Оттоманами, однакоже не видалъ еще никакой человѣкъ чтобы шейхъ-уль-исламъ изъ цыганскаго шалаша былъ взятъ!..“

Смѣху тогда было много въ Австрійскомъ консульствѣ по поводу этой остроты моего отца; но къ алчности Петраки-бея съ того дня примѣшалась еще и національная ненависть и личная досада на весь нашъ родъ.

V.

Пока мой бѣдный отецъ хлопоталъ и мучился на Дунаѣ, мы въ Загорахъ жили хорошо и спокойно.

Эпирскія пѣсни родное село наше зовутъ „пустынное Франгадесъ“... Пусть такъ! Но я люблю его.

Церковь у насъ обширна и красива; высокая колокольня подобна крѣпкой башнѣ; а нашъ *платанъ совѣта* такъ великъ, такъ широкъ и такъ прекрасенъ что я въ жизнь мою другаго подобнаго ему дерева не видалъ.

Домъ старушки нашей Евгѐнки Стиловой былъ и не великъ, и не малъ, а средній. Была въ немъ зала большая, съ колонками деревянными, а за колонками софа широкая вокругъ; было довольно маленькихъ комнатъ и направо, и налѣво, и наверху, и внизу; и погребъ былъ просторный, и виноградники у насъ, и мулы, и овцы были свои.

Старушка наша, мать моя, я, служанка молодая и старый работникъ, только насъ и было въ домѣ и мы жили всѣ мирно и согласно. Кокона Евгенко была трудолюбива и весела; мать моя кротка и заботлива; служанка бѣдная послушна и старикъ Константинъ, работникъ нашъ, вотъ былъ какой человѣкъ: онъ сражался волонтеромъ подъ Севастополемъ и возвратился въ Турцію съ крестомъ Св. Георгія за храбрость.

Говорили люди и смѣялись надъ нимъ, будто бы онъ съ какимъ-то русскимъ писаремъ по окончаніи войны вдвоемъ составили аттестаты и будто бы онъ крестъ Св. Георгія просто на базарѣ купилъ....

Можетъ-быть оно и правда; только для нашего дома Константинъ былъ очень хорошъ и мы его всѣ любили.

Мать моя шила, пряла сама, мыла бѣлье; вмѣстѣ съ молодою служанкой кушанье намъ готовили. Бабушка Евгенко съ Константиномъ въ виноградникахъ сама работала, рыла и копала неутомимо, пшеницу для дома сѣяла.... Цѣлый день въ трудахъ и всегда веселая. Не знала она ни жалобъ унылыхъ, ни лѣни. Мать моя имѣла наклонность впадать иногда въ глубокую грусть и ожидала тогда печальныхъ извѣстій и всего худаго; начинала плакать и одежду на груди собиралась себѣ разрывать и на землю садилась и восклицала:

„Увы, мой бѣдный мужъ! Онъ умеръ.... Съѣли его злыя собаки, враги его на Дунаѣ.... Нѣтъ вѣстей отъ него! Нѣтъ вѣстей отъ несчастнаго! Ахъ я *черная*, злополучная этакая!... О! проклятый вѣрно былъ часъ въ который я родилась на свѣтъ...."

А Евгенко не унывала и тотчасъ же спѣшила утѣшить и развлечь ее.... „Не проклинай, *море* Эленица моя, дня твоего рожденія! Это грѣхъ. Все пройдетъ и все будетъ хорошо, дочь ты моя.... Не бойся, я тебѣ, старуха, такъ говорю!" И сядетъ около нея на полу же и начнетъ ей разказывать: „Яковакина жена вотъ то-то сдѣлала; а Йоргакина другое сдѣлала. Кира-Мариго утромъ дѣвочку родила здоровую, толстую, дай Богъ ей жить! А кира-Киріакида тетку свою обижаетъ, кричитъ на нея.... „*бре*, ты такая, *бре!* ты сякая!" И развлечется мать моя немного и слушаетъ и скажетъ потомъ: „Много у тебя бодрости, вижу я и дивлюся тебѣ...." А старуха ей: „У тебя, дочь, сердце узкое, а у меня широкое сердце.... Оно и лучше такъ.... А что бы было, еслибъ у обѣихъ у насъ съ тобой узкія сердца были?"

Крѣпкая была женщина бабушка добрая наша и ты бы глядя на простоту рѣчей ея и на грубую старинную одежду, на ея жесткія руки, не различилъ бы ея отъ простой работницы деревенской и не догадался бы что она имѣетъ хорошій домъ въ селѣ и сама госпожа. Древняя и почтенная была женщина!

Всѣ ее уважали; но и смѣху съ ней было довольно....

Славилась она у насъ междометіями различными. На все у нея былъ особый возгласъ, особое междометіе. „Есть, кокона Евгѐнко, вода у васъ въ колодезѣ?" спрашиваетъ человѣкъ. „А.... а!" и глаза закроетъ. Значитъ: „ни капли!" — „Все работаете, кокона Евгѐнко?" „Гр-гр! гр-гр!" Это значитъ: „Все возимся, все работаетъ!" „Музыка играла на свадьбѣ...." — Аманъ, аманъ, что за хорошая музыка!... *Дзиннъ!*—Значитъ, громкая хорошая музыка.—„Легъ отецъ отдыхать, бабушка?" — „А, а, а!" то-есть, „да, да, да!" и головой потрясетъ. Смѣшила она насъ.

Когда стали появляться у насъ въ Элирѣ изрѣдко фотографы, она ни за что не соглашалась снять съ себя портретъ, утверждая что такой старой бабушкѣ картинки съ себя снимать и еще машинами и деньги за такой пустякъ

платить, какъ бы грѣхъ кажется, а ужь стыдъ, безъ сомнѣнія, великій!

Цвѣты она очень любила до самой смерти своей и разводить ихъ любила около дома, и любоваться на нихъ, и нюхать любила. Когда она стала все больше и больше старѣть подъ конецъ своей жизни и уже работать перестала, а почти все сидѣла или лежала на диванѣ, лѣтомъ у окошка открытаго, зимою у очага, ей домашніе люди не забывали приносить иногда душистые цвѣты и если цвѣтокъ былъ не великъ, она клала его себѣ въ носъ. — „Бабушка Евгѐнко, зачѣмъ вы цвѣтокъ въ носъ себѣ положили?“ — А затѣмъ, *морѐ*, человѣче ты неразумный, затѣмъ что руки у меня старыя и работать устали всю жизнь мою! Держать рукой я цвѣтокъ не хочу, а запахъ его хочу обонять.... Понялъ ты теперь, человѣче....“

И всѣ уже знали что она отвѣтитъ такъ, но всѣ хотѣли слышать ея занимательные отвѣты.

Скажу тебѣ еще вотъ что̀. Кокона Евгѐнко наша не только была трудолюбива, забавна и весела; она была и смѣлаго нрава. Ты слышалъ какой безпорядокъ царствовалъ въ краѣ нашемъ во время Восточной войны?... Я писалъ тебѣ уже о томъ какъ боялся отецъ мой отправить насъ съ матерью тогда съ Дуная въ Эпиръ. Онъ очень тревожился и за старушку и не разъ писалъ ей чтобъ она уѣхала изъ деревни въ Янину и жила бы тамъ, пока не кончится война и возстаніе. Но она всѣмъ говорила: „Кто старую такую, какъ я, обидитъ? А если и убьютъ.... Такъ вѣдь Харонъ * вездѣ человѣка найдетъ! Сказано что съѣзжаетъ Харонъ съ горъ отуманенныхъ и влачитъ съ собою старыхъ людей впереди, а сзади молодцовъ молодыхъ, а дѣточекъ, нѣжныхъ ребяточекъ, рядышкомъ, рядышкомъ на сѣдлѣ везетъ! Вотъ что̀!“ Съ большимъ трудомъ уговорилъ ее братъ ея, докторъ Стѝловъ, чтобъ она съ нимъ вмѣстѣ уѣхала на это время въ городъ. Въ городѣ казалось безопаснѣе. По возвращеніи нашемъ съ Дуная мы узнали отчего ей такъ не хотѣлось покидать домъ свой. И этому причиной главною

* Память о языческомъ *Харонѣ* сохранилась у Христіанъ Эпира. Они часто употребляютъ слово ὁ Χάροσ (*ὁ Χάροςъ*) вмѣсто слова *Смерть*. Есть много и пѣсенъ деревенскихъ *о Харонѣ* или о Смерти.

была ея любовь къ отцу моему, и матери, и ко мнѣ. У нея въ темномъ углу конюшни было зарыто въ землю золота лиръ двѣсти слишкомъ. Собрала она ихъ за многіе года и зарыла сама. Мѣсто зналъ одинъ только отецъ мой. Одною темною ночью приснилось ей что на этомъ мѣстѣ огонь горитъ, горитъ, горитъ и гаснетъ. Она испугалась, сошла туда и до разсвѣта со страхомъ великимъ трудилась и перенесла съ молитвами деньги въ иное мѣсто. И все ей казалось съ тѣхъ поръ что всѣ люди догадались и стóитъ ей только уѣхать, такъ сейчасъ и отроютъ деньги эти и послѣ смерти ея не найдетъ ничего отецъ мой и скажетъ: Вотъ злая старуха обманула меня. Боялась она и брата своего Стилова, хотя онъ и добрый былъ человѣкъ. „Семьянинъ-человѣкъ, думала она: свои дѣти есть; я же ему сестра, а Эленица (мать моя) чужая мнѣ по роду, вдова сына моего сердечнаго!“ Писать Евгенко сама не умѣла; кому довѣрить тайну, чтобъ отца моего извѣстить и указать ему заочно новое мѣсто гдѣ теперь деньги? Этимъ она мучилась долго. И рѣшилась она въ Янину къ брату ѣхать тогда только когда во всей сосѣдней Загорамъ *Курендѣ* села христіанскія загорѣлись. Въ Курендѣ порядокъ иной чѣмъ въ нашихъ Загорахъ.... Куренда мѣсто земледѣльческое, земля тамъ менѣе гористая; а народъ тамъ бѣденъ, потому что собственности у него нѣтъ. Земля беямъ принадлежала и ее крестьяне пахали. Во всемъ округѣ одно только и есть село богатое, свободное. Это село, прекрасная бѣлая Зица, у подножья высокаго холма, воспѣтаго самимъ лордомъ Байрономъ.

Когда крестьяне бѣдныхъ селъ въ Курендѣ возстали и убѣжали на высокія горы съ женами и дѣтьми своими, разказываютъ у насъ, будто бы богатые Зиціоты предали ихъ и подали Туркамъ мысль зажечь въ долинахъ всѣ дома, всѣ жилища возставшихъ людей.

Ужаснулись люди и, спустившись съ неприступныхъ высотъ, поклонились Туркамъ и получили помилованіе отъ нихъ.

Вотъ только тогда, когда загорѣлись всѣ эти бѣдныя села несчастной нашей Куренды, Евгенко рѣшилась уѣхать въ Янину къ брату.

Богъ спасъ старушку! У Гриваса въ охотникахъ была, конечно, вмѣстѣ съ добрыми патріотами и всякая сволочь,

жадная, безстрашная, свирѣпая. Эта сволочь не гнушалась грабить и христіанъ, когда въ чемъ-нибудь нуждалась.

Въ той самой пѣснѣ Элирской, въ которой родное село наше названо *пустынное Франгадесъ*, поется о подобномъ грабежѣ и нападеніи на христіанскіе дома:

„Ты пой, кукушечка, ты пой, какъ распѣвала прежде".
— Я что спою? и что скажу? Какую рѣчь держать я буду?
Вотъ Какаранца * на горахъ, на самыхъ на верхушкахъ,
Собралъ все войско онъ свое и всѣхъ своихъ Албанцевъ.
Ножи у нихъ дамасскіе и ружья всѣ готовы.
„Ребята вы не бойтеся, ни капли не страшитесь!
„Желѣзо вложимъ въ грудь, какъ сталь пусть будутъ ноги;
„И *айда!* грабить мы пустынное Франга́десъ"!
И Костарасъ ** сказалъ тогда, такъ Костарасъ имъ молвилъ:
„Идите вы себѣ, а мнѣ нельзя въ Франгадесъ,
„Тамъ у меня двѣнадцать братьевъ есть....
„Клялись мы на Евангельѣ....
„И крестникъ есть, еще дитя, его зовутъ Дмитраки."
И собрались они, идутъ поднялися всѣ разомъ;
Середь села привалъ и въ колоколъ звонили;
Сзывали архонтовъ, всѣхъ архонтовъ сбирали.
„Поклонъ вамъ, архонты!" „Здоровье вамъ, ребята".
„Откуда, молодцы? И путь куда вашъ будетъ?"
„Начальникъ насъ прислалъ на подвигъ за свободу!"
Тутъ киръ-Георгія они, Бинбука ** тутъ схватили...
„На ваши на дома напасть прислалъ насъ Ѳедоръ Гривасъ!"

Да, истинно Промыслъ спасъ нашу старушку!

Другую хозяйку и сосѣдку нашу беременную убили грабители, раздраженные подозрѣніемъ что она не хочетъ выдать имъ мужнины деньги! А она, несчастная жертва, и не знала гдѣ деньги: мужъ не открывалъ ей своей тайны!

И въ нашъ домъ входили; взяли нѣкоторыя покинутыя вещи и деньги искали въ амбарѣ и въ конюшнѣ; но деньги Евгенко рѣшилась съ собой увезти, и что бы сталось съ нею, еслибъ она не уѣхала!..

Итакъ, родные мои жили заботливо и трудились, а я ходилъ въ школу. Мальчикъ я былъ тогда, скажу тебѣ по

---

* *Какаранца* и *Костарасъ* — капитаны, начальники повстанцевъ или грабителей.

** *Киръ-Георгій Бинбука*, какой-нибудь сельскій богачъ, ограбленный охотниками Гриваса.

совѣсти, тихій и благочинный; принималъ участіе въ играхъ охотно; но къ буйству и отважнымъ шалостямъ я не былъ расположенъ. На ученье я не былъ лѣнивъ и память у меня была хорошая.

По желанію отца меня рано взяли пѣть въ церкви съ пѣвчими и скоро я сдѣлался любимымъ *анагностомъ* * священника нашего отца Евлампія. Читалъ Апостола я искусно и громко; сразу, какъ только первый разъ вышелъ, не сбивался ни въ какомъ порядкѣ, не забывалъ земные поклоны класть, когда нужно при чтеніи; зналъ годамъ къ пятнадцати уже многое на память и особенно любилъ Великимъ Постомъ читать громко съ выраженіемъ и чувствомъ послѣднюю молитву повечерія, молитву ко Христу, Антіоха Пандѐкта.... „И дай намъ, о Богъ нашъ! умъ добрый, цѣломудренныя мысли, трезвое сердце и легкій сонъ, свободный отъ всякой лживой фантазіи!..“

Отецъ мой зналъ изъ писемъ о томъ какой я *анагностъ* хорошій вышелъ и какъ скоро. Онъ сердечно утѣшался этимъ и писалъ намъ съ Дуная: „А сына моего Одиссея благословляю, и радуюсь тому что онъ преуспѣваетъ въ церковной діаконіи и псалмопѣніи. Похвальное и честное дѣло; ибо и въ древней Византіи дѣти и юноши, сыновья сенаторовъ императорскихъ и иныхъ великихъ архонтовъ, считали за честь и удовольствіе быть чтецами въ Божіихъ храмахъ!“

Такъ одобрялъ меня отецъ и я этому радовался и еще громче, еще старательнѣе читалъ и пѣлъ.

Мирно, говорю я, текла наша семейная жизнь въ горахъ; день тихо убѣгалъ за днемъ.... праздники церковные и трудовыя будни; веселыя свадьбы изрѣдка, училище, молитва; упорный трудъ у стариковъ, у насъ игры; слезы новыхъ разлукъ у сосѣдей; возвратъ мущинъ на родину, радость старыхъ отцовъ и матерей; иногда печальный слухъ о чьей-нибудь кончинѣ; ясные дни и ненастные; зной и дожди проливные; снѣга зимой грозные на неприступныхъ высотахъ и цвѣточки милые, алые, желтые, бѣлые, разные, загорскіе родные цвѣточки мои, весной по зеленой травочкѣ нашей и въ бабушкиномъ скромномъ саду.

* *Анагностъ*—чтецъ. На Востокѣ та часть церковной службы которая у насъ предоставлена *дьячку*, обыкновенно исправляется юношами или дѣтьми, нерѣдко изъ богатыхъ семействъ.

Я росъ, мой другъ, и умъ мой и сердце мое незримо и не слышно зрѣли.

Яснѣе видѣлъ я все; пробуждались во мнѣ иныя чувства, болѣе живыя.

Я начиналъ уже думать о будущемъ своемъ. Я спрашивалъ уже себя, отъ времени до времени, какая ждетъ меня судьба на этомъ свѣтѣ?

И что̀ на *томъ?*... Что̀ *тамъ*, за страшною, за безвозвратною ладьей неумолимаго Харона?

Я начиналъ все внимательнѣе и внимательнѣе слушать бесѣды и споры опытныхъ и пожилыхъ людей.

И здѣсь, въ городахъ Эпира, какъ и на Дунаѣ, великая тѣнь державной Россіи незримо осѣняла меня. Прости мнѣ! Ты хочешь правды, и вотъ я пишу тебѣ правду.

Эллада! Увы! Теперь Эллада и Россія стали для души нашей огонь и вода, мракъ и свѣтъ, Ариманъ и Ормуздъ.

— Смотрите, восклицаетъ пламенный Грекъ, — смотрите, православные люди, Русскіе возбуждаютъ Болгаръ къ непокорности и схизмѣ. Вы слышали, Эллины, объ ужасно̀мъ преступленіи свершившемся недавно въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ? Молодой сынъ, въ порывѣ нечеловѣческаго гнѣва, поднялъ святотатственную руку на собственную мать свою. Не мать ли русскому православію наша вселенская церковь? Не она ли просвѣтила древнюю Россію святымъ крещеніемъ? Не она ли исторгла Русскихъ изъ мрака идолослуженія?... И эта Россія, лучшая, любимая дочь нашей великой, гонимой матери, нашей святой восточной и вселенской церкви, она... страшусь вымолвить...

Да, мой добрый и молодой аѳинскій другъ. Слышу и я нерѣдко теперь такія пламенныя рѣчи. Но не радостью наполняется мое сердце отъ подобныхъ рѣчей. Оно полно печали.

Кто правъ и кто не правъ, я не знаю; но, добрый другъ, дорогая память дѣтства имѣетъ глубокіе корни.... И умъ нашъ можетъ ли быть вполнѣ свободенъ отъ вліяній сердца?

И тогда когда я еще невиннымъ мальчикомъ ходилъ съ сумкой въ нашу Загорскую школу, уже замѣчалось то движеніе умовъ которое теперь обратилось въ ожесточеніе и бурю.

Учитель нашъ, г. Несториди, суровый и сердитый, воспитался въ Греціи и не любилъ Россіи. Священникъ нашъ

отецъ Евлампій, веселый и снисходительный, иначе не называлъ Россіи какъ „святая и великая Россія". Братъ нашей доброй бабушки, врачъ Стиловъ, одѣтый по старинному въ *дуламà* и *джюбѐ*,* поддерживалъ отца Евлампія въ долгихъ спорахъ, зимой по вечерамъ у нашего очага, лѣтомъ у церкви, въ тѣни платана, гдѣ къ нимъ тогда присоединялись и другіе люди.

— Благодаря кому мы дышемъ, движемся и есьмы? говорилъ отецъ Евлампій, обращаясь къ Несториди.—Кѣмъ, продолжалъ онъ, — украшены храмы Господни на дальнемъ Востокѣ? Не Адріанопольскимъ ли миромъ утвердилась сама ваша Эллада, нынѣ столь свободная?... Молчи, несчастный, молчи, Несториди!... Я уже чтецомъ въ церкви здѣшней былъ когда тебя твоя мать только-что родила.... Ты помни это.

— Такъ чтò жь, говорилъ ему на это Несториди.—Если ты тогда чтецомъ былъ, когда меня мать родила, такъ значитъ и панславизма опасаться не слѣдуетъ.... Доброе дѣло, отецъ мой!

— Нѣтъ, Несториди, я этого тебѣ не говорю. Но у тебя много злобы въ рѣчахъ, отвѣчалъ отецъ Евлампій и смущался надолго и не находилъ болѣе словъ.

Онъ былъ умный и начитанный человѣкъ, но у него не было вовсе той ядовитости которую легко источалъ Несториди въ своихъ отвѣтахъ. „*Чулокъ дьявола* самого этотъ человѣкъ!" такъ звалъ учителя нашего добрый священникъ, хотя они были дружны и взаимно уважали другъ друга.

На помощь отцу Евлампію выходилъ, какъ я сказалъ, нерѣдко нашъ старый загорскій докторъ, братъ нашей бабушки Стиловой. Онъ былъ силенъ тѣмъ что приводилъ тотчасъ же примѣры и цѣлые разказы о былыхъ временахъ.

— Позвольте мнѣ, господинъ Несториди мой милый, началъ онъ убѣдительно и ласкательно (и слушая его тихую рѣчь смягчался и становился иногда задумчивъ нашъ грозный Спартанецъ).—Позвольте и мнѣ, простому и неученному старичку, вымолвить свое немудрое слово. Былъ я не дитя тогда когда сподобилъ меня Божій Промыслъ узрѣть этими самыми глазами которые вы видите великое событіе,

---

* Старинная восточная одежда; разноцвѣтная, широкая и длинная, на подобіе рясы и подрясника.

а именно вступленіе войскъ россійскихъ въ Адріанополь. Было мнѣ уже двадцать слишкомъ лѣтъ тогда, и я жилъ на чужбинѣ во Ѳракіи и видѣлъ, и слушалъ тамъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Видѣлъ я своими вотъ этими глазами какъ трепеталъ тогда Грекъ, какъ не смѣли женщины выйти на улицу безъ *фередже* и покрывала, и если *фередже* на христіанкѣ было зеленаго цвѣта, то разрывали на ней это зеленое фередже турецкія женщины въ клочки и били ее чтобы не смѣла она носить священнаго мусульманскаго цвѣта. Не осмѣливались тогда женщины наши выходить и за городъ на прогулку. Видѣлъ я какъ въ двадцать первомъ году влекли на убой адріанопольскихъ архонтовъ, милый мой господинъ Несториди! Слышалъ я вопли женъ и дѣтей ихъ невинныхъ; видѣлъ какъ янычары повергали стариковъ за волосы ницъ предъ дверьми собственныхъ ихъ жилищъ и отсѣкали головы христіанскія ятаганами.

И не было, скажу я вамъ, у христіанъ тогда ни друзей, ни заступниковъ. Жили и торговали тогда въ Адріанополѣ нѣкоторые богатые Франки (ихъ много и теперь); но и они не любили и не жалѣли насъ, и когда привлекаемыя воплями христіанъ жены и дѣти этихъ Франковъ бѣжали къ окнамъ со страхомъ, отцы-Франки успокоивали ихъ говоря съ равнодушіемъ: „Это ничего. Грековъ рѣжутъ!“ И жены ихъ возвращались спокойно къ своимъ домашнимъ трудамъ, и дѣти Франковъ предавались обычнымъ играмъ, господинъ Несториди! Тогда-то блаженной памяти императоръ Николай Всероссійскій рѣшился двинуть войска свои на султана (продолжалъ старикъ, одушевляясь и вставая).—Да успокоитъ Господь Богъ въ жилищѣ присноблаженныхъ его высокую и могучую душу!... Тогда!.!. Слушайте.... Смотрите! Адріанополь стоитъ сѣверною частью своей на высотахъ.... За высотами этими широкая равнина, и течетъ извиваясь Тунджа, небольшая рѣка.... Смотрите и теперь все также. Вотъ здѣсь, направо, большія деревья Эски-Сарая. Двѣ древнія башни у рѣки, стѣна высокая, а за ней старый дворецъ султановъ. А тутъ налѣво, подальше, большая казарма для солдатъ, давнишная казарма, и за казармой этой поле и холмы. Никто не ждалъ Русскихъ въ нашей сторонѣ. Турки не спѣшили укрѣплять городъ, и войска въ казармахъ было мало. Подъ Шумлой, всѣ знали, стоялъ корпусъ турецкій въ 60.000 чело-

вѣкъ; надо было одолѣть его чтобъ итти дальше. Иначе судилъ Божій Промыслъ. Не спѣшили Турки; однако велѣлъ паша весь народъ сгонять за городъ чтобы копать окопы. Себѣ приказалъ поставить шатеръ по близости и пріѣзжалъ глядѣть на работу. По его приказанію пріѣзжалъ и митрополитъ благословлять христіанъ и возбуждать ихъ усердіе. Работали христіане усердно отъ страха.... Вотъ, однажды,— друзья мои, слушайте.... однажды утромъ рано, день былъ свѣтлый, вышли мы къ Эски-Сараю; вышелъ и я. Стоялъ около меня съ лопатой одинъ старикъ христіанинъ и смотрѣлъ долго вдаль. Гляди! сказалъ онъ имъ.—Я взглянулъ налѣво.... О, Боже мой! Черная пыль поднималась вдали за Тундже. Больше все, больше. Смотрю, уже и сверкнуло тамъ и сямъ что-то на солнцѣ... Старикъ поблѣднѣлъ; задрожалъ и я.... Хочу сказать слово ему и руки дрожатъ, и ноги слабѣютъ, и голоса нѣтъ у меня, несчастнаго! Старикъ положилъ лопату и сказалъ мнѣ: „Пойдемъ къ деспоту". „Деспотъ мой! говоритъ онъ митрополиту-послу. Клянусь тебѣ хлѣбомъ моимъ и душой моей матери что пришли къ намъ Русскіе..." Какъ огонь сталъ митрополитъ нашъ, спѣшитъ къ шатру паши и говоритъ ему: „Паша, господинъ мой! Позволь мнѣ потревожить тебя.... Всѣ мы въ опасности нынче, райя султанскіе, отъ злыхъ Московъ; что̀ за войско, паша господинъ, идетъ сюда съ сѣверной стороны?" Вышелъ паша изъ шатра своего.... Глядитъ.... Что̀ глядѣть... Уже казаки съ пиками ѣдутъ, красуясь, по холмамъ и дорогѣ.... А пыль черная все гуще и ближе.... И вотъ раздались крики, и безоружные солдаты турецкіе въ услугѣ стали выбѣгать изъ воротъ и кидаться изъ оконъ казармы и спасаться въ городъ. Одинъ мигъ—и вся толпа наша огромная побѣжала туда же. Паша самъ скакалъ верхомъ, и слуги его, и офицеры въ ужасѣ, не разбирая, попирали народъ. Турки, христіане, Евреи, старцы и дѣти всѣ бѣжали въ городъ вмѣстѣ. И я бѣжалъ. Да, Несториди, страшно было тогда и Туркамъ и намъ..., Намъ отчего? ты спросишь. А оттого намъ было страшно что страхъ и трепетъ былъ намъ привыченъ какъ хлѣбъ насущный и не умѣли мы вѣрить тогда что есть на свѣтѣ сила сильнѣе грозной и безжалостной силы нашихъ тирановъ. Вотъ отчего я и говорю: „Да помянетъ Господь Богъ въ жилищѣ присноблаженныхъ державную душу императора Николая!" Не видали вы,

какъ видѣли мы, крови отцовской, не слыхали вы воплей родительскихъ, не знаете вы теперь, вы, которые смолоду жили въ Аѳинахъ, настоящаго страха турецкаго, господинъ Несториди, и не пустила въ гордыя сердца ваши благодарность глубокіе корни.

И садился старикъ, отдыхалъ немного. И Несториди молчалъ, слушалъ добраго старика. И не мѣшали ему отдыхать.

Потомъ старикъ Стиловъ начиналъ опять свой разказъ, и по мѣрѣ того какъ изображалъ онъ торжество Русскихъ, свѣтлѣло лицо его и рѣчь его становилась все веселѣе и теплѣе.

— И вотъ, эффенди мой, вступили русскія войска. Внутри города и до сей поры цѣлы безполезныя нынѣ и старыя стѣны крѣпости; но теперь этотъ центръ зовется „Кастро", и живутъ въ немъ христіане и Евреи. Улицы тамъ узки и дома высоки. По этимъ улицамъ, по двое въ рядъ, стояла кавалерія до самой митрополіи. Уланы на рыжихъ коняхъ. Архистратигъ императорскій, графъ Дибичъ-Забалканскій, хотя и былъ протестантъ (какъ съ сокрушеніемъ сердца и съ удивленіемъ не малымъ узнали мы все позднѣе), однако присутствовалъ самъ, во множествѣ царскихъ крестовъ и всякихъ отличій, на торжественномъ богослуженіи въ митрополіи нашей и соизволилъ исполнить всѣ приличія и обряды свойственные православію: цѣловалъ онъ руку деспота нашего и прикладывался ко святымъ иконамъ. И это ему сдѣлало у насъ въ народѣ великую честь. Дивились люди наши только его безобразію и неважному виду. Митрополитъ нашъ былъ внѣ себя отъ восторга, и когда мы къ нему наканунѣ пришли и сказалъ ему одинъ изъ архонтовъ: „Добрый день, святой отче!" — „Что̀ ты! воскликнулъ епископъ.—Что̀ ты? Такъ ли ты знаменуешь великую зарю нашей свободы!.. Христосъ воскресе! скажи... Христосъ воскресе! и со слезами поднялъ онъ руки къ небу повторяя: Христосъ воскресе!" И мы всѣ ему вторили: „Воистину, воистину воскресе, отче святый, хорошо ты сказалъ! Воистину Господь нашъ воскресе! И православію нынѣ праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ!"

Долго стояли у насъ Русскіе. Христіане всѣ ободрились. Женщины стали выходить смѣлѣе на улицу; люди наши начали ходить туда куда и въ помысляхъ прежде хаживать не осмѣливались. Около предмѣстья *Ени-Марѐтъ* не смѣли,

бывало, проходить христіане; Турки ихъ крѣпко бивали за это. Почему? И самъ я не знаю. Стали при Дибичѣ и туда дерзать. Иные грозили местью Туркамъ. Глядѣть глазами иначе начали, руками стали больше махать. Я и самъ сталъ, по молодости моей тогдашней, ощущать иныя чувства въ сердцѣ моемъ и проходилъ мимо турецкихъ домовъ, по моему неразумію дѣтскому, съ такою дерзновенною гордостью какъ будто бы я самъ перешелъ Балканскія горы и завоевалъ всю Ѳракію у султана. А послѣ когда ушли благодѣтели наши, пересталъ и я тотчасъ же руками махать и сложилъ ихъ почтительно подъ сердцемъ и полы опять сталъ смиренно запахивать и очи опустилъ поприличнѣе долу.... Да, недолго продолжался нашъ первый пиръ. Началъ Дибичъ съ того что успокоилъ всячески испуганныхъ Турокъ, приставилъ стражу къ мечетямъ, дабы никто изъ насъ или изъ Русскихъ не смѣлъ тревожить Турокъ въ богослуженіи и въ святынѣ ихъ; повелѣлъ всѣмъ намъ объявить что всякое посягательство на мусульманъ, и месть наша всякая, и обида имъ будетъ наказана строго. И, посѣтивъ митрополита, онъ въ присутствіи старшинъ такъ объявилъ ему: „Государь императоръ мой не имѣетъ намѣренія ни удержать за собой эти страны, ни освобождать ихъ изъ-подъ власти султана. Цѣль наша была лишь дать понятіе Туркамъ о могуществѣ нашемъ, принудить ихъ исполнять строже обѣщанное и облегчить вашу участь. Не враждуйте теперь съ Турками, не озлобляйте ихъ противъ себя, вамъ съ ними опять жить придется; старайтесь чтобъ у нихъ добрая память осталась за время моего присутствія о вашей умѣренности. Мы уйдемъ—это неизбѣжно, но будьте покойны! Отнынѣ участь ваша будетъ облегчена.“ Такъ говорилъ архистратигъ россійскій, и митрополитъ, и старшины слушали его въ ужасѣ и грусти за будущее. Однако, Дибичъ правду сказалъ: „отнынѣ участь ваша будетъ облегчена“. Да! Несториди, съ тѣхъ поръ каждый Турокъ ѳракійскій нашелъ что есть на свѣтѣ великая православная сила, и наше иго съ тѣхъ поръ стало все легче и легче.

Такіе разказы старика Стилова я слушалъ съ восторгомъ. И зимой по длиннымъ вечерамъ еще охотнѣе чѣмъ лѣтомъ въ тѣни родимаго платана.

Въ домѣ у насъ есть зимняя комната съ большимъ очагомъ. Это моя любимая комната, и я недавно велѣлъ обно-

вить ее по старому, такъ какъ она была прежде. Она не очень велика; по обѣимъ сторонамъ очага стоятъ низкія, широкія, очень широкія двѣ софы во всю длину стѣны и покрыты онѣ тою яркою пурпуровою шерстяною и прочною тканью которую ткутъ въ Болгаріи и Эпирѣ для диванов нарочно. Стѣны этой комнаты простыя бѣлыя и чистыя, пречистыя, какъ всегда въ нашемъ домѣ онѣ бываютъ; а противъ очага дулáпы * въ стѣнѣ, и рѣшеточки, и полки по стѣнѣ узенькія во всю комнату кругомъ, и окна, и двери, все окрашено зелеными полосами и трехугольниками и еще такого цвѣта какого бываютъ весенніе маленькіе цвѣтки, въ тѣни благоухающіе, по-турецки „зюмбюль".

Вотъ въ этой комнатѣ была у насъ какъ будто бы сама Россія! Лампада въ углу теплилась предъ золотыми и прекрасными русскими иконами; была одна изъ этихъ иконъ Божія Матерь Иверская, дивный, божественный ликъ! Новой живописи московской, но по древнимъ образцамъ; ликъ исполненный особой кротости и необычайно красивый; за золотымъ вѣнцомъ ея былъ укрѣпленъ другой вѣнецъ изъ яркихъ розъ самой восхитительной работы, какая-то особая пушистая зелень, какъ бархатъ нѣжная, и на цвѣтахъ сіяли капли искусственной росы. Теперь вѣнокъ этотъ снятъ отъ ветхости, но мнѣ было непріятно знать что Божія Матерь наша безъ него, и я послалъ недавно отсюда новый вѣнокъ такой же на Ея Святое чело.

На бѣлыхъ стѣнахъ этой комнаты висѣли картины. Портретъ государя Николая I и его нынѣ столь славно царствующаго Сына. Оба, ты знаешь, чтò за молодцы на видъ и чтò за красавцы!

На картинкахъ другихъ ты видишь коронацію Александра II въ Москвѣ, его шествіе съ Царицей въ митрополію Кремля съ державой и скипетромъ, видишь побѣду при Башъ-Калыкъ-Ларѣ и взятіе турецкаго лагеря еще при князѣ Паскевичѣ Эриванскомъ. Турки одѣты тогда были иначе; въ высокихъ и узкихъ шапкахъ убѣгаетъ ихъ кавалерія стремглавъ, напирая другъ друга сквозь тѣснину, а Русскіе съ обнаженными саблями мчатся на нихъ. Посреди картины молодой казакъ хватаетъ за грудь рукой самого пашу, у ко-

* Шкафы въ стѣнахъ; когда они хорошо расписаны или покрыты искусною рѣзьбой, то они очень украшаютъ комнату.

тораго на красивомъ мужественномъ лицѣ изображена прекрасно смѣсь испуга и рѣшимости. Онъ думаетъ еще защищаться, старый янычаръ не хочетъ отдаться легко; онъ спѣшитъ выхватить пистолетъ изъ-за пояса. Но.... ты уже понимаешь что это тщетно! Онъ плѣнникъ и его отвезутъ на смиренное поклоненію Царю въ Петербургъ.

Не была забыта у насъ и Эллада! О, не думай ты этого. Въ нашемъ домѣ увѣшаны были цвѣтами любви нашей обѣ дщери эти великой православной матери нашей, церкви восточной, и старинная дщерь полная сѣверной мощи и юная наша Грецiя, которая любуется на себя въ голубыя волны южныхъ морей и цвѣтетъ разнообразно красуясь въ тысячи зеленыхъ острововъ, надъ мирными и веселыми заливами, на крутизнахъ суровыхъ и безплодныхъ вершинъ.

Въ нашемъ домѣ, въ сердцахъ нашихъ, не раздѣляясь враждебно, цвѣли тогда любовью нашей эти прекрасныя обѣ вѣтви.

Побѣды блестящаго князя Паскевича не затмѣвали подвиговъ нашего великаго и простаго моряка Канáриса, и царь Николай взиралъ, казалось мнѣ, съ сожалѣнiемъ и благосклонностью, какъ на другой стѣнѣ умиралъ у насъ Марко Боцарисъ, въ арнаутской одеждѣ, склонясь на руки своей вѣрной дружины.

Вотъ въ той родительской и старой комнатѣ, въ ней самой и отецъ мой лежалъ больной когда-то и полюбилъ впервые мою мать. Зимой, темнымъ вечеромъ, когда вѣтеръ шумѣлъ въ долинѣ или падалъ снѣгъ въ горахъ, или лился скучный дождь, мы зажигали привѣтный и широкiй очагъ нашъ, и отцовскiе друзья приходили одни или съ женами и вели у очага долгую бесѣду. Мать моя и старая Евгенко пряли или вязали чулки и молча слушали мущинъ.

Слушалъ и я старика Стилова съ восторгомъ, и раннюю жизнь сердца, мой добрый аѳинскiй другъ, повѣрь мнѣ, не замѣнитъ ничто, и никакой силѣ лживаго разума не вырвать съ корнемъ того чтò посѣяно было рано на нѣжную душу отрока!

VI.

Я увѣряю тебя что и Эллада не могла быть забыта у насъ.

Забыть Элладу! Возможно ли было забыть ее, когда на насъ такъ грозно и умно глядѣлъ изъ-подъ густыхъ бровей нашъ патріотъ Несториди?

Какъ я боялся сначала и какъ послѣ любилъ и почиталъ этого человѣка.

И онъ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ шагомъ моимъ на пути первыхъ познаній, становился все благосклоннѣе и благосклоннѣе ко мнѣ, отдавая справедливость моимъ способностямъ и прилежанію.

Позднѣе еще, когда въ Янинѣ у меня открылся небольшой поэтическій даръ, Несториди первый ободрилъ меня и не разъ тогда проводилъ онъ со мною цѣлые часы въ дружеской бесѣдѣ, прочитывалъ мнѣ отрывки изъ древнихъ поэтовъ и объяснялъ мнѣ все неисчерпаемое богатство нашего царственнаго языка, который пережилъ такое дивное разнообразіе событій, подчинялся столькимъ чуждымъ вліяніямъ и возносился всякій разъ надъ всѣми этими вліяніями, овладѣвая вполнѣ духомъ вѣка и присвоивая его себѣ.

Несториди былъ нашъ Загорецъ изъ небогатой семьи; отецъ его, почти столѣтній старецъ, и теперь еще живетъ бродя кой-какъ съ палочкой и грѣясь на солнцѣ въ дальнемъ селеніи Врадетто, которое стоитъ на неприступныхъ каменныхъ высотахъ, у береговъ горнаго, холоднаго и безрыбнаго озера.

Несториди въ дѣтствѣ пасъ овецъ и часто спалъ, завернувшись въ бурку, подъ открытымъ небомъ. Потомъ отецъ взялъ его домой и обучилъ немного грамотѣ. Проѣзжалъ тогда черезъ Врадетто одинъ богачъ Загорецъ изъ Молдо-Валахіи. Остановился отдохнуть и вышелъ подъ вечеръ прогуляться съ друзьями. На небольшой полянкѣ онъ увидѣлъ толпу играющихъ дѣтей. Играли они въ игру которая зовется у насъ *клуцо-скуфица.* *

Дѣти становятся въ кругъ; одинъ снимаетъ съ себя бумажный или валеный колпачокъ или феску и всѣ на лету

---

* Бросаю шапочку.

должны успѣть ударить ее ногой такъ чтобъ она дальше и дальше летѣла.

Богатый Загорецъ сѣлъ на траву и любовался. Онъ лѣтъ двадцать уже не былъ на родинѣ и не могъ вдоволь насытиться радостью глядя на веселье и крики загорскихъ дѣтей.

Сынъ старика Нестора превосходилъ всѣхъ другихъ мальчиковъ красотой, энергіей и ловкостью. Смуглый, курчавый, румяный и стройный, въ бѣдной куцо-влашской одеждѣ, въ синихъ шальварчикахъ, въ бѣломъ валеномъ колпачкѣ, этотъ мальчикъ прыгалъ какъ олень молодой, глаза его сіяли; онъ ни разу не промахнулся, и быстрыя движенія его были такъ сильны что иные товарищи его падали на землю когда онъ и нечаянно отталкивалъ ихъ.

— Какой паликаръ и что̀ за бравый мошенникъ! говорилъ про него купецъ.

Священникъ сказалъ что онъ къ наукѣ способенъ.

Потомъ когда проѣзжій спросилъ у дѣтей кому изъ нихъ дать въ подарокъ деньги для всѣхъ и кто изъ нихъ раздѣлитъ эти деньги честнѣе, дѣти всѣ въ одинъ голосъ избрали маленькаго Несториди.

Тогда купецъ сказалъ:—Онъ и паликаръ, онъ и мошенникъ, онъ же и честный! Человѣкомъ будетъ! И предложилъ отцу отвезти его въ Янинское училище и устроить его тамъ на общественный счетъ.

Отецъ съ радостью согласился, и Несториди уѣхалъ съ своимъ благодѣтелемъ сперва въ Янину, а потомъ въ Аѳины.

Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ съ Дуная, я подружился съ маленькими дочерьми учителя и очень любилъ бывать въ ихъ скромномъ и чистомъ жилищѣ. Оно и не далеко было отъ нашего дома.

Жена его, кира-Марія, была еще молодая, кроткая, смирная, бѣлокурая, „голубая“, какъ говорятъ иногда у насъ, но не слишкомъ красивая. Онъ очень ее любилъ, но принималъ съ ней почти всегда суровый видъ. Она знала что онъ ее любитъ и была покорна и почтительна. Въ семейномъ быту онъ былъ древній человѣкъ и не любилъ свободы. „Я деспотъ дома! Въ семьѣ я хочу быть гордымъ аристократомъ!“ восклицалъ онъ нерѣдко и самъ.

Жена стояла предъ нимъ до тѣхъ поръ пока онъ не говорилъ ей: „Сядь, Марія!“ Она ему служила, подавала сама

гостямъ варенье и кофе; сама готовила кушанье, сама успѣвала домъ и дворикъ подмести.

И дочерей своихъ, и насъ, учениковъ, Несториди за шалости и лѣнь билъ крѣпко иногда и замѣчалъ при этомъ что „палка изъ рая вышла. Но надо бить безъ гнѣва и обдуманно, ибо въ гнѣвѣ побои могутъ быть и несправедливы и ужасны.“

Жена, впрочемъ, своими просьбами нерѣдко умѣла смягчать его. У нея было много сладкихъ и ласкательныхъ словъ.

— Учитель ты мой любезный! говорила она ему складывая предъ нимъ руки.—Очи ты мои, золотой мой учатель, *кузумъдаскала!* барашекъ ты мой! Отпусти ты это дитя домой не бивши. Я, твоя жена, прошу тебя объ этомъ. Жалко мнѣ, прежалко видѣть эти дѣтскія слезы.

И онъ уступалъ ей.

Самъ Несториди одѣвался хотя и бѣдно, но по-европейски и носилъ шляпу, а не феску, потому что былъ греческій подданный, а не турецкій. Но женѣ не позволялъ мѣнять стариннаго платья и она покрывалась всегда платочкомъ и носила сверхъ платья толстую нашу загорскую *абу* безъ рукавовъ.

Кира-Марія, бѣдная, не родила ему ни одного сына. Несториди жаловался на это и былъ правъ потому что въ Эпирѣ безъ хорошаго приданаго очень трудно выдавать дочерей.

Мать моя однажды спросила у него:

— Здорова ли супруга ваша, кира-Марія?

Несториди съ досадой отвѣтилъ:

— Что̀ ей дѣлается! Собирается новую дѣвчонку родить!

— А можетъ-быть и сына? сказала мать.

— Куда ей сына родить!

Былъ тутъ и докторъ Стиловъ, старикъ, онъ ласково сказалъ Несториди:

— Это все оттого что вы, господинъ Несториди, очень страстный *эросъ* къ молодой супругѣ питаете. Сила чувства на вашей сторонѣ, оттого женскій полъ и родится. Это и наукой замѣчено нашей.

Несториди покраснѣлъ и сказалъ сердито:

— Если это истинною наукой открыто,—иной разговоръ, а если *вашею* наукой загорскихъ врачей, которыхъ университетъ тутъ недалеко въ пещерѣ воздвигнутъ, такъ ужь позволь мнѣ не вѣрить этому открытію. *

---

* Загорье, между прочимъ, славилось прежде своими врачами-

Добрый старичокъ Стиловъ замѣтилъ ему на это недурно, что и пещера не вредитъ.

— Въ пещерѣ любитъ пребывать сова, птица Аѳины, богини премудрой. Вотъ что̀, друже ты мой!

А мать моя тогда сказала учителю:

— За что̀ вы, учитель, сердитесь? Развѣ стыдно *эросъ* имѣть къ законной супругѣ? Она же у васъ хоть и ростомъ маленькая, но весьма пріятная кирія и всякому человѣку понравиться можетъ.

— Великая пріятность! возразилъ Несториди.—Нашли что̀ хвалить! „Что̀ сто̀итъ рачекъ морской и много ли въ немъ навару?“ Забыли вы эту пословицу греческую? Вотъ что̀ такое жена моя.

Стыдился Несториди такихъ разговоровъ искренно, но досадовалъ онъ больше притворно, ибо жену свою онъ точно что отъ всего сердца любилъ. *Нѣжностей* только не *вмѣщала душа* его никакихъ, такъ онъ и самъ выражался.

Да! Въ семьѣ онъ былъ патріархальный властелинъ и „мужъ какъ надо быть мужу: будь нравственъ супругъ, будь самъ цѣломудренъ и къ женѣ справедливъ, но строгъ; жена сосудъ слабый“. Но для государства онъ былъ демагогъ внѣ всякой мѣры и часто объяснялъ свои чувства такъ: „Не постигаетъ мой умъ и никогда не постигнетъ почему кто-либо другой будетъ выше меня по правамъ. Умъ и сила воли — вотъ моя аристократія, вотъ мой царь, вотъ власть и права! Другихъ я не знаю!“

Несториди былъ очень ученъ для простаго сельскаго учителя; зналъ превосходно древній эллинскій языкъ, не дурно италіянскій, понималъ немного и французскій, но говорить на немъ не могъ.

Онъ издалъ не такъ давно въ Аѳинамъ довольно большой трудъ, *Хронографію Эпира*, гдѣ старался быть сжатымъ и яснымъ, какъ нѣкоторые историки древности; собиралъ пословицы народныя наши и записывалъ сельскія пѣсни. Прочитывая громко эти пѣсни онъ иногда бранилъ Грековъ за то что Европейцы будто бы лучше ихъ умѣютъ цѣнить

эмпириками. Они продолжаютъ и теперь лѣчить въ Турціи. Есть между ними, конечно, и способные люди, полезные своимъ опытомъ. Надъ загорскими докторами смѣются, утверждая что они обучались въ большой пещерѣ, *въ Загорскомъ университетѣ*.

подобныя произведенія простонароднаго творчества, или указывая тайкомъ на отца Евламлія, прибавлялъ при немъ съ намѣреніемъ: „Да! Нѣмцы, напримѣръ, потрудились много, а вотъ Русскіе-то ничего этого, я думаю, и не знаютъ! Замерзли тамъ въ лѣсахъ и болотахъ и ничего о Грекахъ не смыслятъ. Торгуютъ Греки, хитрый народъ... А поэзія наша?.. Не спрашивай!“

Отецъ Евламлій зналъ что онъ для него это говоритъ нарочно и отвѣчаетъ бывало съ упрекомъ: „Неразумное я дитя тебѣ что ты дразнить меня будешь?“ Или съ досадой: „Ядъ ты опять источаешь свой?“ Либо еще: „Нѣмцамъ дѣла лучшаго нѣтъ какъ твои разбойничьи пѣсни собирать, а Русскимъ не до нихъ. У нихъ дѣло есть какъ свое царство хранить, какъ Богу молиться, какъ мудрымъ правителямъ своимъ подчиняться!“

— Такъ, такъ, святый отче! возражалъ учитель.—Я давно ожидаю, когда это вы, попы и монахи, совсѣмъ насъ, Грековъ, погубите.

Несториди умѣлъ очень искусно пробуждать въ ученикахъ своихъ патріотическія чувства и пользовался всякимъ случаемъ чтобы напомнить намъ что мы Эллины!

Когда ученикъ его смотрѣлъ на карту и отыскивалъ скромные предѣлы нынѣшней Эллады, онъ любилъ спрашивать: „Да! А не помнишь ли ты до какихъ предѣловъ простиралась Македонская власть, просвѣщенная Эллинами, а потомъ Византія, просвѣщенная чистою вѣрой Христа?“

Рука ребенка уходила далеко до горъ Кавказа, къ истокамъ Нила, къ дикимъ Дакійскимъ берегамъ.

Глаза другихъ дѣтей слѣдили за рукой товарища, и пріучилась постепенно во слѣдъ за взорами летать и мечта.

Когда мы предъ нимъ перечисляли народы которые населяютъ Турецкую Имперію онъ не забывалъ и тогда напомнить намъ *что такое Греки.*

Онъ спрашивалъ у насъ „какой изъ всѣхъ народовъ Турціи способнѣе и къ воинскимъ подвигамъ, и къ наукѣ?“ Мы спѣшили отвѣчать: „Христіане“. И Несториди соглашался... „Да! Христіане... то-есть ты хочешь сказать этимъ — Греки. Греки, скажи, способнѣе всѣхъ.“

Иначе сталъ говорить онъ намъ когда мы выросли большіе.

Я помню, позднѣе, когда мы оба съ нимъ, я ученикомъ, а

Несториди наставникомъ, жили вмѣстѣ въ Янинѣ, онъ обращался съ такою рѣчью:

— Несмотря на тяжкія условія, о коихъ распространяться здѣсь нѣтъ нужды, византійское просвѣщеніе продолжало, подобно живоносному источнику, струиться въ тѣни и питать корни новыхъ всходовъ. Болгары, Молдаване, Валахи, Сербы, Русскіе обязаны всѣмъ духовнымъ существованіемъ своимъ однимъ лишь остаткамъ греческаго просвѣщенія, которое не могло стереть съ лица земли никакое жесточайшее иго. Два раза цвѣлъ Эллинскій народъ; онъ далъ сперва міру безсмертные образцы философской мудрости, искусствъ и поэзіи, и потомъ оживленный духомъ ученія Христа онъ благоустроилъ православную церковь, утвердилъ незыблемый догматъ христіанскій и оставилъ въ наслѣдство человѣчеству новые образцы краснорѣчія и возвышенныхъ чувствъ въ проповѣдяхъ святыхъ отцовъ и въ гимнахъ богослуженія, въ этихъ греческихъ гимнахъ, воспѣваемыхъ съ однимъ и тѣмъ же восторгомъ, съ одною и тою же вѣрой, въ снѣгахъ Сибирскихъ и въ знойныхъ пустыняхъ Сиріи и древняго Египта, въ роскошныхъ столицахъ подобныхъ Аѳинамъ, Москвѣ, Вѣнѣ, Александріи и въ самомъ бѣдномъ селѣ воинственной Черногоріи, въ дикихъ Балканскихъ горахъ и въ торговомъ Тріестѣ! Помните что весь міръ, все человѣчество обязаны Грекамъ до скончанія вѣка почти всѣмъ что у человѣчества есть лучшаго: вѣчными образцами воинской доблести Леонидовъ и Ѳемистокловъ, философской мудрости Сократовъ и Платоновъ, образцами прекраснаго въ созданіяхъ Софокла и Фидія, и наконецъ, какъ я вамъ сказалъ уже, воздвиженіемъ твердыхъ, незыблемыхъ основъ святой церкви православной нашей, одинаково приспособленной къ понятіямъ и чувствамъ мудреца и простѣйшаго земледѣльца, царя и нищаго, младенца и старца. Вы меня слушаете теперь внимательно, прибавлялъ онъ нерѣдко:—но я знаю что вы еще не въ силахъ понять вполнѣ то что̀ я вамъ говорю.... Придетъ время когда все это будетъ вамъ гораздо яснѣе.... Вы поймете когда будете старше почему мы, Эллины новѣйшаго времени, вызванные въ третій разъ къ новой жизни трудами Кораиса, мученическою смертью патріарха Григорія, кровавыми подвигами столькихъ героевъ Акарнаніи, острововъ и нашего прекраснаго Эпира, почему мы въ правѣ надѣяться на будущее наше и на то что мы третій разъ дадимъ вселенной

эпоху цвѣта и развитія. Малочисленность племени нашего пусть не смущаетъ васъ. Римъ, объявшій постепенно весь міръ, начался съ небольшаго разбойничьяго гнѣзда на берегахъ Тибра, съ городка который вѣроятно былъ бѣднѣе и хуже нашего Франгáдесъ; Россія имѣла, лѣтъ двѣсти, триста тому назадъ, не болѣе шести или семи милліоновъ жителей, по мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ статистиковъ, и вы видите чѣмъ стала теперь эта Россія,—Россія, которой народъ не могъ сравниться съ нашимъ по природнымъ способностямъ своимъ, по гордой потребности свободы, по энергіи и предпріимчивости.

Такъ говорилъ намъ Несториди, когда мы стали велики. Скажи мнѣ, могли ли мы при немъ забыть свободную Грецію? Теперь Несториди давно уже уѣхалъ изъ Элира. Онъ ѣздилъ съ тѣхъ поръ два раза въ Германію. Онъ сталъ приверженцемъ Турціи; живетъ у береговъ Босфора и прежняя подозрительность его противъ Славянъ обратилась постепенно въ яростное ожесточеніе. „Схизму, схизму намъ! восклицаетъ онъ:—чѣмъ дальше отъ Славянъ, тѣмъ лучше. Не только потому что этимъ отдаленіемъ мы пріобрѣтемъ довѣріе Германіи и Англіи, и самихъ Турокъ, которыхъ необходимо отнынѣ намъ хранить на Босфорѣ какъ зѣницу ока, но еще и вотъ почему (тутъ онъ обыкновенно понижаетъ голосъ и добавленіе это сообщаетъ конечно не всякому).... вотъ почему.... Православіе, сознайся, устарѣло немного въ формахъ своихъ, понимаешь? Духъ Эллина, другъ мой, есть творческій духъ.... Отдаляясь отъ Славянъ, мы быть-можетъ постепенно создадимъ иную, новую, неслыханную религію.... И новая религія эта будетъ новою основой новому просвѣщенію, новой эпохѣ эллинскаго процвѣтанія. Понялъ теперь ты меня или нѣтъ? Постепенно и неслышно, незримо и постепенно создаются великія вещи!“ Онъ угощаетъ теперь турецкихъ чиновниковъ и беевъ, изучаетъ арабскую литературу и Коранъ, и увѣряетъ не только встрѣчныхъ ему и знакомыхъ элирскихъ мусульманъ, которые, какъ ты знаешь, дѣйствительно одного племени съ нами, но и всѣхъ анатолійскихъ и румелійскихъ Турокъ что они Эллины.

— Выпьемъ вмѣстѣ, мой бей, еще рюмку *раки*, говоритъ онъ имъ теперь.—Подайте намъ съ беемъ еще раки. Слушай, мой бей, ты не говори впередъ что ты „Турокъ“, Турокъ слово грубое и обидное даже. Не говори просто: „я мусуль-

манинъ“, ты говори: „я *юнакъ*, я Эллинъ, но не христіанинъ Эллинъ, а чтитель правовѣрнаго Ислама“. Вотъ ты что̀. Гдѣ въ васъ осталась старая турецкая кровь? Со времени того какъ вы къ намъ пришли вы переродились; гаремы ваши были сначала полны Гречанками, Грузинками, Черкешенками прекрасными. Таковы ли были ваши грубые предки каковы вы теперь? У васъ теперь благородныя европейскія лица, у васъ теперь тонкій умъ и политическая мудрость. Это въ васъ течетъ кровь вашихъ матерей. Грузинки, Черкешенки, ты скажешь, не Гречанки. Но развѣ ты не знаешь, мой бей-эффенди, что Кавказъ былъ наполненъ колоніями Грековъ и Римлянъ? Развѣ ты не знаешь что западные Черкесы европейской породы, не знаешь что въ древности нашъ Грекъ Язонъ съ паликарами ѣздилъ въ Колхиду, то-есть именно въ эту Грузію, за золотымъ руномъ. Выпьемъ еще за султана и за твое здоровье, бей-эффенди, мой милый. Да, ты сынъ Ислама, я поклонникъ Христа, это все равно.... Государству нѣтъ дѣла до вѣры; пусть мы оба будемъ *юнаки* по роду и племени. Вамъ безъ нашихъ торговыхъ способностей и намъ безъ вашей нынѣ столь умѣренной, но твердой власти, не устоять намъ отдѣльно противъ общихъ враговъ.

Турки хвалятъ его и смѣются радостно, слушая его новыя для нихъ рѣчи.

Вѣрятъ ли они ему или нѣтъ?

По мѣрѣ того какъ я подросталъ, я началъ меньше бояться Несториди и больше сталъ любить и уважать его.

Я видѣлъ что и онъ любитъ меня больше всѣхъ другихъ учениковъ своихъ. Нельзя сказать чтобъ онъ хвалилъ меня въ глаза или какъ бы то ни было ласкалъ меня. Нѣтъ, не для ласковости былъ рожденъ этотъ человѣкъ; онъ смотрѣлъ и на меня почти всегда какъ звѣрь, но я уже привыкъ къ его пріемамъ и зналъ что онъ любитъ меня за мою понятливость.

Иногда, глядя на мою стыдливость и удивляясь моему тихому нраву, онъ говорилъ моей матери при мнѣ съ презрѣніемъ, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А ты что̀? Все еще спишь, несчастный?.. Проснись, любезный другъ! Мущина долженъ быть ужасенъ! Или ты въ монахи собрался? Или ты дѣвушка ни въ чемъ неповинная?

А когда мать моя спрашивала его:

— Довольны ли вы, господинъ Несториди, нашимъ бѣднымъ Одиссеемъ? Хорошо ли идетъ дитя?

Несториди опять съ презрѣніемъ:

— Учится, несчастный, бьется, старается... Умъ имѣетъ, фантазіи даже не лишенъ, но... что̀ жь толку изъ всего этого... Учитель какой-то, больше ничего! Въ учителя годится...

— Все вы шутите, скажетъ мать,—вѣдь вы же сами учитель... Развѣ худо быть учителемъ?

— Честенъ ужь очень и отъ этого глупъ, съ сожалѣніемъ говорилъ Несториди.—Ты понимаешь ли, несчастный Одиссей, что мущина долженъ быть деспотомъ, извергомъ ужаснымъ... надо быть больше мошенникомъ, Одиссей, больше паликаромъ быть! А ты что̀? дѣвица, дѣвочка... И выйдетъ изъ тебя учитель честный, въ родѣ меня... больше ничего. Развѣ не жалко?

— Когда бы мнѣ Богъ помогъ, даскалъ мой, отвѣчалъ я ему тогда,—вполовину быть тѣмъ что̀ вы есть, я бы счелъ себя счастливымъ!

— Браво, дитя мое! восклицала мать. — Дай Богъ тебѣ жить. Умно отвѣчаешь!

— Лесть! возражалъ съ презрѣніемъ Несториди.—Ты хочешь мнѣ этимъ доказать что умѣешь и ты быть мошенникомъ?.. И то хорошо.

Но я видѣлъ что онъ былъ утѣшенъ и радъ. Подъ видомъ презрѣнія и шутокъ Несториди долго скрывалъ свою мысль дѣйствительно приготовить меня на свое мѣсто учителемъ въ наше село Франгàдесъ. Онъ надѣялся скоро получить мѣсто при Янинской гимназіи. Его *Хронографія Эпира*, *Сборникъ эпирскихъ пословицъ*, и статьи *О Валашскомъ племени въ Эпирѣ и Македоніи*, гдѣ онъ доказывалъ что это многочисленное, энергическое и даровитое племя полукочующихъ пастырей должно войти неизбѣжно въ теченіе эллинскихъ водъ; всѣ эти труды его обратили на себя вниманіе ученыхъ людей въ Аѳинахъ и Константинополѣ и оставаться ему вѣчно сельскимъ учителемъ въ Загорахъ было невозможно.

Ожидая своего отъѣзда изъ роднаго села, которое онъ всею душой любилъ, Несториди мечталъ передать школу въ добрыя руки. Видѣлъ мой тихій и серіозный характеръ и думалъ что и въ 17—18 лѣтъ уже буду годенъ въ наставники, что въ помощь мнѣ можно будетъ взять другаго учителя и

наконецъ что священникъ нашъ отецъ Евлампій будетъ имѣть сверхъ того присмотръ за школой.

Онъ часто говорилъ что меня надо отправить въ Янинскую гимназію года на три. А потомъ, съ Божьею помощью, возвратить меня въ Загоры и дать мнѣ дѣло сообразное съ моими наклонностями.

— Во всякомъ случаѣ, утверждалъ Несториди:—не слѣдовало бы Одиссея слишкомъ рано въ торговыя дѣла вмѣшивать. Торговля, конечно, душа и кровь народной жизни въ наше время; но съ одною торговлей не могутъ преуспѣвать и двигаться впередъ національныя силы. Торговля и одна торговля неблагопріятна для развитія высшихъ умственныхъ способности.

Онъ продолжалъ попрежнему шутить надо мной:

— Совсѣмъ не мошенникъ этотъ юноша, говорилъ онъ моей матери. — Что онъ за купецъ? Купецъ долженъ быть умный, хитрый, интриганъ, чтобы головы не терялъ, чтобъ и совѣсти не было... Вотъ это купецъ! А онъ дуракъ у васъ, очень добръ и честенъ. Ему въ учителя бы хорошо. Вотъ какъ я. Что ты открылъ огромные глаза на меня и смотришь?.. Э, здравствуй, братъ! Чего не видалъ? Видите, какой онъ у васъ тяжелый и толстоголовый. Болгарская, а не эллинская голова, я вамъ скажу. Глядя на тебя, человѣче мой, даже противъ воли панславистомъ станешь; скажешь: и правда что въ Загорахъ течетъ не эллинская наша кровь! Вотъ и горе намъ чрезъ тебя...

Шутками и шутками понемногу пріучалъ онъ мать къ той мысли чтобы меня учителемъ оставить въ Загорахъ, хотя бы не на всегда, а на нѣсколько лѣтъ.

Матери эта мысль стала нравиться; она со слезами вспоминала о томъ что ей придется со мной разстаться, и примѣръ столькихъ другихъ эпирскихъ матерей которыя растаются точно также съ сыновьями мало утѣшалъ ее.

— Онъ у меня единородный, говорила мать. — У другихъ много дѣтей.

Старушка Евгенко спорила съ ней; она была крѣпче ли сердцемъ, на горе ли позабывчивѣе—не знаю...

— Такъ написано Загорцамъ, Эленко, говорила она матери.—Такъ имъ написано, чернымъ и несчастнымъ. У Бога такъ написано. У меня сынъ мой, первый твой мужъ, не былъ тоже единороденъ, глупая ты! Э, умеръ! Господи, спаси

его душу. А Богъ тебя мнѣ послалъ чтобы за мной смотрѣла.

— Велико утѣшенье! отвѣчала моя мать. — Велико мое смотрѣнье за тобой... Ты за мной смотришь; а не я за тобой. Мое смотрѣнье — на диванѣ сидѣть да чулки вязать, а ты сама виноградники роешь.. Такого для себя утѣшенья какое я для тебя—подъ старость не желаю. Мы до сихъ поръ все еще твой хлѣбъ ѣдимъ, а не ты нашъ...

И старуха бѣдная рада, смѣется, такъ и умираетъ отъ смѣха, руками по колѣнамъ себѣ ударяетъ. Какая де эта Эленко̀, наша шутница, забавница, дьявольскаго ума женщина! Все найдетъ, все какъ слѣдуетъ, всякую рѣчь и всякое слово!

Впрочемъ, бабушка наша веселая на все была согласна.

— Э! Одиссей, и такъ хорошо. Оставайся, дитятко, съ нами... Будешь учителемъ. Малымъ всѣмъ дѣточкамъ нашимъ станешь Божіи вещи объяснять... Такъ сдѣлалъ Богъ, такъ сдѣлалъ Богъ... И женимъ потомъ мы тебя въ этомъ ли селѣ или изъ Чепелова какую-нибудь „гвоздичку душистую", „лампадку раскрашенную и расписанную" посадимъ на мула съ музыкой громкой... *дзининь! бумъ, бумъ!* барабанъ!.. привеземъ сюда чтобы благоухала въ домѣ и свѣтила намъ... Дулама̀ шелковую на свадьбу надѣнешь, шубу на лисьемъ мѣху, платочекъ съ расшитыми концами за поясъ персидскій заткнешь. Феску назадъ... Ахъ! ты буря и погибель моя!

— Браво, браво! говорилъ Несториди. — Такъ, такъ, это все хорошо! Гименей, дня на три торжество и веселье; а послѣ иго, яремъ вмѣстѣ надо покорно и свято нести... *О сизигóсъ*—значитъ супругъ несущій вмѣстѣ *ярмо*. *И сизигóсъ* — значитъ супруга, *та* которая несетъ вмѣстѣ съ нимъ *ярмо*. Пашите вмѣстѣ, друзья мои, тяжкую пашню жизни земной... Увы!.. такъ оно, Одиссей, однако все же гораздо легче оставаться здѣсь чѣмъ ѣхать далеко и претерпѣвать недостатки и неудачи по ханамъ холоднымъ, странамъ далекимъ и нерѣдко варварскимъ... Ты же тихъ и кротокъ какъ агнецъ, и хотя я и шучу что ты глупъ, ты, напротивъ того, очень способенъ, но не знаешь ты, мальчикъ ты мой, сынъ ты мой, что̀ такое чужбина!..

И когда начиналъ вдругъ говорить этотъ суровый и жесткій человѣкъ такъ снисходительно, дружески и мягко, не

могу я тебѣ выразить до чего услаждалось мое сердце и чего бы я не готовъ былъ для него сдѣлать тогда.

Но мать моя справедливо отвѣчала ему: „Прежде всего посмотримъ что̀ скажетъ мой мужъ. Онъ глава дома и мы ожидаемъ теперь его возвращенія. Не нашему уму деревенскихъ и неученыхъ женщинъ судить о такихъ дѣлахъ!“

— Пусть будетъ такъ, соглашался учитель.

Отца моего точно мы ждали каждый день... Два слишкомъ года прошло уже съ тѣхъ поръ какъ онъ привезъ меня съ матерью въ Загоры и возвратился на Дунай. Онъ писалъ намъ что на счастье его въ Тульчу пріѣхалъ недавно изъ Аѳинъ двоюродный братъ моей матери, человѣкъ очень богатый и съ вліяніемъ. Онъ купилъ себѣ домъ и открылъ на Нижнемъ Дунаѣ обширную торговлю хлѣбомъ и думаетъ завести большую паровую мельницу на берегу рѣки. Бытьможетъ отецъ упроситъ его стать поручителемъ по дѣлу Петраки-бея и Хахамопула и тогда сейчасъ же пріѣдетъ самъ въ Загоры. Онъ писалъ еще намъ печальную вѣсть о томъ что глаза его очень слабѣютъ.

VII.

Наконецъ дождались мы отца. Пріѣхалъ онъ подъ вечеръ. Какъ мы были рады, что̀ говорить! Онъ поцѣловалъ руку у коко́ны-Евгенко, а мы всѣ, и мать, и я, и Константинъ-старикъ, у него цѣловали руку.

Матери отъ радости дурно сдѣлалось. Она сѣла на диванъ и держалась за грудь, повторяя со вздохами: „ахъ, сердце мое! ахъ, сердце мое!“ Отецъ тоже вздыхалъ и улыбался и ей, и мнѣ, и всѣмъ... и словъ не находилъ. Такая была радость! Такой праздникъ! Боже! Кинулись мы потомъ всѣ служить ему. Кто очагъ затапливалъ, кто кофе варить у очага садился, кто рукомойникъ несъ руки ему мыть, двое разомъ на одну ногу его бросались чтобы сапоги ему снять. Сосѣдъ за сосѣдомъ въ комнату собрались, отецъ Евлампій, Стиловъ старикъ, жена его, дочери, сыновья, Несториди съ женой, все село, кажется, сбѣжалось... Двое Цыганъ пришли и тѣ сѣли на полу у дверей... И тѣмъ отецъ жалъ руки и тѣхъ благодарилъ.

Всѣ его любили, потому что онъ не искалъ никого обидѣть и былъ очень справедливый человѣкъ.

Когда отецъ покушалъ и отдохнулъ, онъ разказалъ намъ подробно что̀ случилось. Незадолго до отъѣзда его изъ Тульчи, греческій консулъ уѣхалъ на два мѣсяца въ отпускъ въ Элладу и передалъ управленіе своего консульства англійскому консулу г. Вальтеру Гею. Вальтеръ Гей этотъ родомъ изъ Сиріи (мать его была, кажется, православная изъ арабской семьи); человѣкъ онъ отчаянный и капризный, хоть и бѣденъ и семьей обремененъ большою, но всегда грубитъ всѣмъ и даже вовсе не въ духѣ своего правительства пишетъ и дѣйствуетъ. Ему велятъ Турокъ хвалить, а онъ ихъ порицаетъ и критикуетъ во всемъ. Ему велятъ быть осторожнѣе, а онъ что̀ ни шагъ, то опрометчивость, ссора, дерзость... Маленькій, желтый, сердитый. „Я самъ варваръ!" кричитъ онъ всегда. „Всѣ мы, Европейцы, хуже Азіятцевъ варвары! Оттого у насъ и законы хороши и строги на Западѣ что изверга и разбойника хуже западнаго человѣка нѣтъ. Дай намъ волю, дай намъ волю только и мы сейчасъ Китайца за косу, негра повѣсимъ, пытки неслыханныя выдумаемъ, Турку дышать не дадимъ, къ Пирею эскадру приведемъ изъ-за Жида Пачифико. Варвары, изверги мы всѣ Европейцы и хуже всѣхъ англо-саксонское, свирѣпое племя... Дома мы смирны отъ страха закона... А здѣсь посмотри на насъ, кого мы только не бьемъ... За что̀? За то что насъ здѣсь не бьютъ." Однажды случилось что австрійскій драгоманъ, сидя у него, замѣтилъ ему на это: „Невозможно, однако, согласиться безусловно съ этимъ." „Нѣтъ", говоритъ г. Вальтеръ Гей, „соглашайся безусловно!" „Не могу", говоритъ драгоманъ австрійскій. „Ну такъ пошелъ вонъ изъ моего дома! Развѣ за тѣмъ я тебя приглашаю въ домъ мой чтобы ты противорѣчилъ мнѣ и безпокоилъ меня этимъ! Вонъ! Кавассы! выбросьте этого дурака за ворота!"

Австрійскій консулъ писалъ, писалъ по этому дѣлу множество нотъ и донесеній и самому Вальтеру Гею и въ Вѣну; а лорду Булверу, который самъ капризенъ былъ, нравились, видно, капризы г. Гея и ничего ему не сдѣлали.

Вотъ какъ разъ около того времени какъ г. Вальтеръ Гей принялъ въ свои руки Греческое консульство, Петраки-бей поссорился съ отцомъ за церковный вопросъ и сталъ

хлопотать въ Портѣ чтобъ отца моего въ тюрьму посадили. Пока самъ паша былъ тутъ, дѣло не подвигалось, потому что паша былъ человѣкъ опытный и осторожный. Г. Вальтеръ Гей между тѣмъ далъ моему отцу комнату у себя въ консульствѣ и говорилъ ему:

— Здѣсь тебя никто не возьметъ, берегись только на улицу днемъ выходить. Самъ знаешь что твой греческій паспортъ неправильный и Турки его знать не хотятъ. Да и правы Турки, потому что министры ваши эллинскіе за двадцать франковъ взятки сатану самого гражданиномъ признаютъ. Хорошо королевство! Это все Каннингъ нашъ безпутный и сумашедшій лордъ Байронъ, котораго надобно было бы на цѣпь пасадить, надѣлали! А я ужь усталъ отъ ссоръ и больше ни съ кѣмъ никогда вздорить не буду. И ты на меня и на помощь мою не надѣйся, издыхай здѣсь въ комнатѣ какъ знаешь самъ, пока твой консулъ вернется. Тамъ ужь они съ пашей хоть въ клочки изорви другъ друга, такъ мнѣ ужь все равно. Я старъ и боленъ и умирать скоро надо мнѣ; какое мнѣ до васъ всѣхъ дѣло!

Такъ говорилъ отцу г. Вальтеръ Гей, и отецъ около мѣсяца не выходилъ изъ Англійскаго вице-консульства.

Наконецъ сталъ тосковать и началъ выходить по вечерамъ.

— Берегись! говорилъ ему Вальтеръ Гей;—не буду я заступаться.

Замѣтилъ Петраки-бей что отецъ ходитъ къ роднымъ и друзьямъ иногда темнымъ вечеромъ. Поставили Турки въ угоду Петраки человѣкъ пять, шесть заптіе изъ самыхъ лихихъ Арнаутовъ по близости Англійскаго вице-консульства.

Только-что сѣло солнце, вышелъ отецъ тихонько и идетъ около стѣнки. „Айда!“ и схватили его Арнауты и повлекли въ конакъ. Однако отецъ успѣлъ закричать кавассу англійскому:

— Османъ! море! Османъ! схватили меня! Османъ услыхалъ, мигомъ къ консулу. А Вальтеръ Гей въ халатѣ и туфляхъ... Ни шляпы не надо, ни сапогъ... въ туфляхъ, въ халатѣ, съ толстою палкой въ рукѣ; кавассъ за нимъ едва поспѣваетъ. Ужь они на площади, на базарѣ, при всемъ народѣ, одного заптіе разъ! другаго—два! у третьяго ружье со штыкомъ изъ рукъ вонъ. Тѣ не знаютъ что̀ дѣлать! Какъ на консула руку поднять. „Консулъ!“ одно слово. Опустили

бѣдные Турки голову, а Вальтеръ Гей взялъ отца подъ руку и кричитъ:

— А, варвары! годдемъ! варвары!. Нѣтъ, врете, я хуже васъ варваръ! Я, варваръ, я!.. И увелъ отца домой. А на другой день пошелъ въ конакъ, засталъ тамъ только того чиновника который вмѣсто паши векилемъ * былъ, потому что паша уѣхалъ въ Галацъ по дѣлу, и говоритъ ему:

— А, это ты, ты... посягаешь на чужихъ подданныхъ... Васъ просвѣщать хотятъ, а вы анархію варварскую сами заводите. Такъ вотъ я вамъ еще хуже анархіи заведу...

— Pardon, мусье консулосъ, pardon! говоритъ ему несчастный векиль:—Кофе, эффенди мой, чубукъ одинъ, садитесь, садитесь, господинъ консулъ.

— Не сяду! не сяду! Сяду я дома и лорду Булверу самому напишу сейчасъ, какъ ты, именно ты меня оскорбилъ и что я даже здѣсь больше служить не могу.

— Сядьте, успокойтесь, господинъ консулъ. Англія великая держава.

— Нѣтъ не великая, когда даже ты можешь ее оскорбить.

— Сядьте, умоляю васъ. *Бре,* ** кофе! *бре,* чубукъ... Нѣтъ! Чего вы желаете? все будетъ по вашему.

— Сяду я, говоритъ г. Вальтеръ Гей,—съ тѣмъ чтобы писарь сейчасъ написалъ *тескере* на проѣздъ Полихроніадесу на родину.

— Какъ турецкому подданному, эффенди мой, извольте.

— Нѣтъ, говоритъ Вальтеръ Гей.

— Аманъ! аманъ! Что̀ же съ моею головой будетъ, господинъ консулъ! Что̀ съ нею будетъ если я пропишу на паспортѣ его эллинскимъ подданнымъ, когда мое государство его таковымъ не признаетъ и вы сами знаете что онъ райя.

— Да! райя; а ты не паши и не юнакъ табааси и не Османли табааси, а просто эпирскій уроженецъ и торговецъ города Тульчи.

— Извольте, извольте, но что̀ скажутъ его противники? Что̀ закричитъ Петраки-бей послѣ этого? Эффенди мой, эти люди очень сильны у насъ! Очень сильны!

— Такъ это у васъ девлетъ? Такъ это у васъ держава,

---

* *Векилъ*—исправляющій должность временно.

** *Бре* обыкновенное въ Турціи междометіе; то же что̀ и *море,* но грубѣе.

чтобы носильщика хамала, Стояновича этого, чтобы болгарскаго мужика Петраки-бея, предателя и вора, трепетать!... Прочь чубуки. Прочь кофе!

— Пишемъ, пишемъ, какъ вы говорите, эффенди мой! Дружба великое дѣло!

— Великое! великое! говоритъ Вальтеръ Гей.

И кончилъ онъ такъ дѣло и отправилъ отца на родину; а Петраки-бею отъ себя велѣлъ сказать чтобъ онъ ему на улицѣ не встрѣчался бы долго, долго, потому что онъ человѣкъ больной и легко раздражается.

Предъ отъѣздомъ своимъ отецъ, однако, чтобы сердце его было въ Загорахъ покойнѣе, упросилъ г. Діамантидиса (того двоюроднаго брата моей матери который изъ Аѳинъ пріѣхалъ и въ Тульчѣ мельницу собирался строить) остаться за него поручителемъ предъ турецкимъ начальствомъ по дѣлу Стояновича. Не хотѣлось ему также при этомъ и Турокъ оскорблять такимъ видомъ что онъ ихъ знать не хочетъ и не боится, и всю надежду возлагаетъ лишь на г. Вальтера Гея.

Векиль самъ ему много жаловался на англійскаго консула и спрашивалъ:

— Безумный онъ человѣкъ должно-быть и очень грубый? Политики никакой не знаетъ, кажется?

Отецъ, смѣясь, сознавался намъ что онъ векилю польстилъ и о своемъ спасителѣ отозвался безъ особыхъ похвалъ:

— Больной человѣкъ! сказалъ онъ, и благодарилъ векиля.

Затрудненіе процесса нашего состояло въ томъ что признать отецъ этого долга небывалаго не могъ. А тиджаретъ два раза уже возобновлялъ дѣло это и оба раза находилъ средства рѣшать его въ пользу Петраки-бея Стояновича. Въ Константинополѣ Стояновичъ тоже былъ силенъ, а греческое посольство слабо. Проценты между тѣмъ все росли и росли въ счетахъ Петраки и мы могли, наконецъ, если дѣло протянется еще долго и все-таки рѣшится не въ нашу пользу, потерять почти все наше состояніе. Были минуты въ которыя отецъ готовъ былъ уже и на соглашеніе; но двоюродный братъ моей матери, Исаакидисъ, отговорилъ его. Прошли слухи что въ Тульчѣ откроютъ скоро Русское консульство. „Тогда, совѣтовалъ ему дядя Діамантидисъ, постарайся перевести какимъ-либо изворотомъ весь этотъ процессъ на имя кого-нибудь изъ русскихъ подданныхъ на

Дунаѣ или самъ съѣзди въ Кишеневъ и возми себѣ тамъ русскій паспортъ. Русскіе защитить сумѣютъ. А Вальтеръ Гей хорошъ когда быть надо, на тяжбы же, самъ ты знаешь, какъ онъ безтолковъ и не способенъ.“

Послушался отецъ совѣта дяди и отложилъ мысль объ уступкѣ и соглашеніи.

Исторія г. Вальтера Гея, разумѣется, всѣхъ насъ повеселила, мы ей весь вечеръ смѣялись; но болѣзнь глазъ отцовскихъ и тяжба эта не только старшихъ огорчали, они и меня страшили; особенно когда отецъ говорилъ: „Я прежде не хвалилъ нашъ загорскій обычай рано жениться; а теперь завидую тѣмъ которые женились почти дѣтьми. Еслибъ я женился не поздно, Одиссею было бы теперь не шестнадцать, а двадцать и болѣе лѣтъ. И онъ могъ бы уже помогать мнѣ, могъ бы на чужбину поѣхать, а я бы здѣсь отдохнулъ, наконецъ, во святой тишинѣ и ѣлъ бы кривой-слѣпой старикъ свой домашній хлѣбъ!“

Очень страшно мнѣ становилось думать о чужбинѣ и о борьбѣ со злыми и хитрыми чужими людьми.

Если отцу тяжело, думалъ я, что̀ же я, безсмысленный и стыдливый, и неопытный, что̀ жь я съ ними, съ этими хитрыми людьми сдѣлать могу?... Нѣтъ! лучше бы такъ какъ Несториди учитель совѣтуетъ—дальше Янины мнѣ не ѣздить и взять бы здѣсь за себя какую-нибудь красивую, добрую и богатую архонтскую дочку, *красную арходтопулу, лампадку расписанную,* изъ вилайета нашего, *Яніотису* благородную, чтобы ходила она нѣжно, какъ куропатка ходитъ!

Такія вещи, хоть и тихъ я былъ, а думалъ молча!.. И никто бы, я полагаю, и не догадался какъ часто я начиналъ уже мечтать въ то время о „гвоздичкахъ“ этихъ, о „лампадахъ“ и о томъ какъ ходитъ куропатка, красивая птица, и по какимъ мѣстамъ.

VIII.

Отцу моему понравился совѣтъ Несториди отдать меня въ Янинскую гимназію. Но о томъ по какому пути меня послѣ вести, по торговому или ученому, онъ сказалъ что времени еще много впереди и что самые недуги посѣтившіе его заставляютъ его колебаться.

— Хорошо бы единственнаго сына около себя въ Загорахъ или по крайней мѣрѣ въ Янинѣ удержать; хорошо и на чужбину вмѣсто себя отправить для торговли, если болѣзнь глазъ не пройдетъ.

Такъ какъ отецъ ни въ какомъ дѣлѣ спѣшить не любилъ и очень хвалилъ Турокъ за ихъ поговорку: „Тихонько, тихонько,—все будетъ!“ *(Явашъ, явашъ,—эпси оладжакъ!)*, то можетъ-быть и годъ еще цѣлый мы съ нимъ не собрались бы, еслибы не пріѣхалъ къ намъ неожиданно въ Загоры изъ Янины новый русскій консулъ, г. Благовъ.

Затрудненіе отецъ находилъ въ томъ гдѣ меня помѣстить въ городѣ. Собственный нашъ домъ въ Янинѣ былъ отданъ за хорошую цѣну въ наймы англійскому консулу, такъ что черезъ это одно вся семья наша съ избыткомъ содержалась въ Загорахъ, и отецъ цѣлыхъ два года на расходы не высылалъ намъ ничего съ Дуная и могъ употреблять свободно деньги которыя пріобрѣталъ торговлей на новыя выгодныя дѣла. Онъ нашелъ даже возможность, не обременяя ни насъ, ни себя, поправить и отдѣлать прекрасно за это время маленькій *параклисъ* * во имя Божьей Матери „Широчайшей Небесъ“ **, за селомъ нашимъ, въ небольшой дубовой рощицѣ, на холмѣ. Параклисъ этотъ былъ давно уже разрушенъ, во времена старинныхъ смутъ и набѣговъ; и я еще съ дѣтства слыхалъ какъ часто отецъ, вздыхая, восклицалъ: „Когда бы сподобилъ меня Господь Богъ возобновить этотъ маленькій храмъ на мое иждивеніе!“. Наконецъ онъ этого достигъ.

Итакъ, что̀ дѣлать со мной родителямъ? Нанять мнѣ одну комнату—не трудно. Но у кого? Гдѣ? Кто будетъ смотрѣть за мной? Мать моя, замѣчая что я ростомъ становлюсь уже высокъ, начинала ужасно бояться чтобъ я не развратился. Кому въ городѣ поручить меня?

Былъ у насъ въ Янинѣ одинъ дальній родственникъ моей матери, полу-Яніотъ, полу-Корфіотъ, полу-Италіянецъ, полу-Грекъ — докторъ Коэвино. Онъ былъ холостъ и занималъ одинъ, какъ слышно было, большой и хорошій домъ.

---

* *Параклисъ*, придѣлъ или особый небольшой храмъ въ которомъ не бываетъ постояннаго богослуженія, а лишь отъ времени до времени. Такихъ церквей малыхъ на Востокѣ внѣ селъ довольно много.

** *Платитера Урану* (Ширшая или широчайшая небесъ), Знаменіе Пресвятой Богородицы.

Когда я еще былъ очень малъ (до отъѣзда матери моей съ отцомъ на Дунай) Коэвино жилъ нѣсколько времени въ Загорахъ, былъ друженъ съ отцомъ, былъ отцу моему многимъ обязанъ и даже долженъ былъ ему деньги. Живя во Франгадесѣ, онъ почти всѣ вечера просиживалъ у моихъ родителей, бесѣдуя иногда далеко за полночь и считалъ нашъ домъ почти своимъ домомъ.

Отецъ думалъ у него попросить для меня одну комнату. Но мать боялась доктора. Я его вовсе почти не помнилъ, но слышалъ о немъ отзывы какъ о безумномъ человѣкѣ.

Старикъ Константинъ говорилъ о немъ, качая головой: „На цѣль! на цѣль его!“ Бабушка Евгенко осуждала его за безвѣріе и за злой языкъ.—„Вотъ ротъ, такъ ужь ротъ!“ говорила она, „вотъ языкъ, такъ ужь языкъ!“ А мать моя съ отчаяніемъ поднимала глаза къ небу, восклицая: „Пресвятая Владычица, Заступница ты наша! Избави насъ отъ такой нужды чтобы ребенка невиннаго къ безумному и изступленному человѣку въ домъ отдавать!“ И потомъ, обращаясь къ отцу, упрашивала его такъ: „Киръ-Георгій! Мужъ мой хорошій! Я тебѣ, я, жена твоя, говорю вотъ какую рѣчь... что ты ждешь отъ человѣка который хвалится что мать его какого-то Италіянца (прости мнѣ это слово) любила? Я, кричитъ, „не янинской, не элирской крови!“ Коэвино къ тому же когда разсердится можетъ и убить мальчика... Избави насъ Боже, избави насъ!“

Отецъ улыбался и отвѣчалъ ей успокоительно: „Хорошо. Подумаемъ, подождемъ, посовѣтуемся. Коэвино точно человѣкъ своебычный и немножко безумный, хотя и очень добръ. Подумаемъ, посовѣтуемся и подождемъ“.

Такъ мы съ мѣсяцъ все думали, все совѣтовались, все ждали. Пришелъ и конецъ октября.

Однажды, въ день воскресный утромъ, отслушавъ обѣдню, пошли мы со старикомъ Константиномъ нашимъ прогуляться за село. Взяли мы немножко сыра, вина и орѣховъ, погуляли и сѣли за стѣнкой одной, на горкѣ. Поѣли, запили виномъ, сперва пѣсенки кой-какія пѣли, а потомъ Константинъ мнѣ свои старые разказы разказывать сталъ.

Опять про Севастополь, про великую войну, про то какъ цѣлый годъ, день и ночь, день и ночь гремѣли пушки; какіе Русскіе терпѣливые; какіе казаки у нихъ молодцы. О томъ еще какъ онъ самъ съ моряками и казаками рус-

скими вмѣстѣ ночью воевать куда-то пошелъ, и какъ оступился и падалъ съ горы и за кусты держался; какъ боялся что прямо къ Французамъ въ руки попадетъ... И какъ онъ услыхалъ около себя людей и притаился. Сердце бьется. А когда эти люди заговорили тихо: „Это не Грекъ ли, Пендо́съ нашъ солёный?“ какъ онъ обрадовался и сказалъ „Пендо́съ! Пендо́съ!“

Я слушалъ.

И вотъ увидали мы оба съ Константиномъ, вдругъ — по Янинской дорогѣ, внизу въ долинѣ, со стороны села Джуді́лы, толпу всадниковъ. Они тихо спускались съ горы.

Скоро различили мы что впереди ѣхали турецкіе сувари, конные жандармы, четыре человѣка. Ихъ можно было узнать по краснымъ фескамъ и чернымъ шальварамъ... За ними два человѣка въ красной верхней одеждѣ и бѣлыхъ фустанеллахъ. Потомъ ѣхалъ на рыжей лошади кто-то въ бѣлой чалмѣ и въ длинной одеждѣ, какъ кади или молла, такъ мнѣ издали казалось. А за нимъ еще люди, еще фустанеллы и вьючные мулы; пѣшіе провожатые съ боковъ прыгали по камнямъ.

Константинъ думалъ что это какой-нибудь консулъ. Я полагалъ что турецкій судья или другое мусульманское духовное лицо, судя по одеждѣ. Но старикъ нашъ настаивалъ что это не Турокъ, а непремѣнно консулъ какой-нибудь и совѣтовалъ мнѣ побѣжать домой и сказать отцу.—„Можетъ-быть и Русскій, и отецъ въ домъ его приметъ“.

Пока мы такъ совѣщались, всадники пріостановились въ долинѣ на минуту, сошли съ лошадей и потомъ одинъ Турокъ-сувари́ и съ нимъ одинъ молодецъ въ фустанеллѣ помчались во весь опоръ впередъ по нашей дорогѣ.

Тогда уже не было сомнѣнія.

Константинъ узналъ одного изъ кавассовъ Русскаго консульства, Анастасія, Суліота. У него и грудь, и поясъ блистали на солнцѣ серебромъ и золотомъ, какъ огонь.

Видно было что и консулъ сѣлъ опять. Немного погодя поскакалъ и онъ, а за нимъ и вся толпа. Только вьючные мулы и пѣшіе люди остались сзади.

Я побѣжалъ домой сказать отцу, но на пути уже меня обогнали кавассъ и сувари. Я показалъ имъ домъ отца, и они повернули къ намъ.

Какъ пожаръ у насъ сдѣлался въ домѣ! Консула русскаго у насъ въ Загорахъ никогда не видали.

Растворились наши ворота широко со скрипомъ и со стукомъ; отецъ новый сюртукъ надѣлъ; мать предъ зеркаломъ поправлялась; служанка по диванамъ въ большой залѣ бѣгала безъ башмаковъ и утаптывала ихъ чтобы ровнѣе были; старушка Евгенко новый фартукъ красный повязывала и кричала служанкѣ чтобъ она въ маленькую комнату дрова на очагъ несла и чтобы шаръ-кёйскій ковёръ у очага стелила.

А ужь по мостовой топотъ конскій все ближе и ближе. У меня отъ радости сердце билось.

Вышли мы всѣ за ворота и ждемъ. Отецъ тихо сказалъ тогда матери:—„Ты руку у него не цѣлуй. Это теперь уже не дѣлаютъ, а только пожми ему, если онъ тебѣ свою подастъ“.

А я думалъ: „Какой же онъ человѣкъ этотъ намъ покажется? Гордый и грозный? Старый должно-быть; и какими орденами царскими онъ будетъ украшенъ?“

И вотъ бѣгутъ толпой впередъ наши сельскія дѣти; бѣгутъ тихо и молча; только лица у нихъ измѣнились отъ изумленія или страха. Въѣхали шагомъ на улицу нашу прежде всего два сувари-Турка, ружья по формѣ держали; а за ними еще сувари и другой кавассъ; потомъ и самъ консулъ на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ; а за нимъ драгоманъ и еще одинъ нашъ Загорецъ его провожалъ. И слуги Греки. Старикъ Константинъ уже успѣлъ феску на свою старую русскую фуражку обмѣнить; руку у козырька держалъ и стоялъ какъ каменный у воротъ. Отецъ мой самъ стремя и узду консулу держалъ, когда онъ сходилъ съ коня; а Евгенко уже громко кричала ему и со смѣхомъ, по своему обычаю: „Добро пожаловать! Добро пожаловать къ намъ!“ Служанка наша успѣла и руку у него поцѣловать, когда онъ на лѣстницу входилъ.

Не старый былъ г. Благовъ, а очень молодой; не грозный, а веселый и ласковый; и не гордый, а можетъ-быть иногда уже и слишкомъ простой.

Вовсе не такимъ я его ожидалъ видѣть!

Орденами царскими онъ изукрашенъ не былъ, а только виденъ былъ у него красный бантикъ въ петелькѣ бархатнаго чернаго сюртучка. То что̀ я принялъ издали за чалму была

точно та бѣлая сирійская ткань, расшитая золотистымъ шелкомъ, которую употребляютъ нѣкоторые важные мусульмане для головнаго убора. У консула этой чалмой обвита была соломенная шляпа и сзади ниспадалъ длинный конецъ съ прекрасными узорами для защиты шеи отъ солнца.

Сверхъ бархатнаго сюртучка на консулѣ была надѣта длинная одежда изъ небѣленаго, простаго полотна съ башлыкомъ на спинѣ; сапоги на немъ были большіе, даже выше колѣнъ; черезъ плечо висѣла на красныхъ шнуркахъ съ кистями кривая турецкая сабля, и станъ у него былъ перетянутъ поверхъ дорогаго бархата обыкновеннымъ сельскимъ болгарскимъ кушакомъ.

Лицомъ г. Благовъ былъ красивъ, очень нѣженъ и блѣденъ; бороды не носилъ, а только маленькіе усы; глаза у него были большіе, и онъ ими на всѣхъ смѣло и прямо глядѣлъ.

Разсматривалъ я его внимательно, какъ чудо; все хотѣлъ я видѣть и все удивляло меня въ немъ.

Сюртучокъ показался мнѣ очень коротокъ для важнаго сановника, сапоги слишкомъ длинны, панталоны слишкомъ узки, сапоги въ пыли, а перчатки хорошія. И я замѣтилъ еще что отъ него чѣмъ-то душистымъ пахло, лучше розы самой!... Бархатъ и болгарскій кушакъ! Сирійская чалма и шляпа à la franca; перчатки и духи прекрасные, а длинная одежда изъ простаго полотна.

И что за почетъ, этому молодому человѣку! Капитанъ Анастасій Суліотъ, которому я почтительно подавалъ варенье и наргиле, бросился съ радостью снимать съ него грязные сапоги, когда онъ захотѣлъ сѣсть на диванъ съ ногами... Другой слуга уже бѣжалъ за туфлями; Турки-жандармы, которыхъ мы боялись и которымъ сама Евгенко бабушка внизу прислуживала, угощая ихъ всячески, эти Турки трепетали его и просили насъ сказать консулу объ нихъ доброе слово. Драгоманъ привставалъ когда онъ начиналъ говорить съ нимъ...

„Вотъ жизнь! Вотъ власть!“ думалъ я! „Только одежда странная!... Удивительно! Удивительно мнѣ все это!“

Въ дальнихъ комнатахъ мы шепотомъ совѣщались и дѣлились другъ съ другомъ нашими впечатлѣніями. Старикъ Константинъ жалѣлъ что консулъ очень молодъ. „Дитя! вчера изъ училища вышелъ.“

Бабушка жаловалась также какъ и я что панталоны слишкомъ узки и что сюртучокъ коротокъ и что на шляпѣ (какъ бы и грѣхъ это христіанину?) *сарыкъ* * арабскій, какъ на турецкомъ полѣ намотанъ.

И она, также какъ и я, говорила, ударяя рукой объ руку: „Развѣ не удивительно это?" Но мать успокоила насъ всѣхъ тѣмъ что сказала: „Ничего нѣтъ удивительнаго если между людьми высокаго общества такая мода вышла теперь."

Впрочемъ бабушка Евгенко, не стѣсняясь, и самому г. Благову сдѣлала замѣчаніе:

— Огорчилъ ты насъ что такъ просто пріѣхалъ къ намъ. Мы тебя во всѣхъ царскихъ украшеніяхъ и въ формѣ твоей желали бы встрѣтить и поклониться тебѣ; а ты пріѣхалъ смиренно и знать намъ въ Загорье заранѣе не далъ чтобы мы по заслугамъ твоимъ встрѣтить тебя могли!

А консулъ молодой засмѣялся на это и отвѣчалъ ей недурно по-гречески:

— Форма наша, кира моя хорошая, увѣряю тебя, не красива... Я чту ее потому что она Царская;—а сознаюсь тебѣ все-таки что кавассы мои куда какъ больше на вельможъ похожи, чѣмъ я. Орденовъ много я у Государя заслужить еще не успѣлъ; только этотъ маленькій... Не жалѣй же, кира моя, что я, какъ ты говоришь, такъ смиренно пріѣхалъ. Право, такъ лучше.

А Евге́нко ему:

— Гдѣ же это ты языку нашему обучился такъ хорошо?

На это консулъ отвѣчалъ ей такъ:

— Кира моя! Я хоть и молодъ, а на Востокѣ давно уже. — Говорить я люблю со всякими людями и говорю, можетъ-быть, и слишкомъ много иногда. А съ кѣмъ же намъ и говорить здѣсь, какъ не съ Греками? И мы имъ нужны и они намъ. Молимся мы въ одной церкви; однимъ и тѣмъ же молитвамъ и насъ, и Грековъ съ дѣтства матери наши учатъ. У меня же и отецъ военный былъ; былъ въ походахъ, у Турокъ въ плѣну былъ долго.

И разказалъ намъ Г. Благовъ еще что въ домѣ отца его много было картинъ которыя онъ въ дѣтствѣ очень любилъ и никогда ихъ не забудетъ. На одной было изображено какъ паша Египетскій хотѣлъ Миссолонги взять; на землѣ подъ ногами лошадей турецкихъ лежала убитая молодая Гречанка

* *Сарыкъ*—чалма.

съ растрепанными волосами. На другой, Турокъ въ чалмѣ закалывалъ тоже прекрасную Гречанку; на третьей, сынъ, почти дитя, защищалъ раненаго отца-Грека...

Когда г. Благовъ еще былъ малъ, то наглядѣвшись на эти картинки часто просилъ мать свою вырѣзывать ему изъ игорныхъ картъ Гречанокъ которыя идутъ на войну за родину и такъ какъ бубновый король на русскихъ картахъ въ чалмѣ, то ему всегда больно доставалось отъ Бобелины и Елены Боцарисъ... Иногда матери г. Благова наскучала даже эта игра, и она говорила ему: „оставь этихъ глупыхъ Гречанокъ; сидѣли бы и шили дома лучше чѣмъ сражаться, дуры такія!" Отнимала шутя у него карты эти и заставляла бубноваго короля въ чалмѣ греческихъ дамъ прогонять и наказывать... „А я кричалъ и заступался..." сказалъ Благовъ.

Всѣ мы и посмѣялись этому разказу, и тронуты имъ были сильно. Мать моя вздохнула глубоко и сказала: „Богъ да хранитъ православную нашу Россію!"

Благовъ помолчалъ немного и потомъ прибавилъ, улыбаясь:

— Оно, сказать правду, не совсѣмъ оно такъ... Поживши здѣсь на Востокѣ, видишь часто что Турки славные люди, простодушные и добрые; а христіане наши иногда такіе что Боже упаси! Но что дѣлать. Лукавая жена, а все жена!...

— Вотъ вы насъ какъ, ваше сіятельство! сказалъ отецъ мой, смѣясь.

Двое сутокъ прогостилъ у насъ г. Благовъ и онъ былъ очень веселъ, и всѣ мы были ему рады. Всѣмъ онъ старался понравиться. Служанкѣ нашей денегъ много за услуги далъ. Старику Константину подарилъ новую русскую фуражку и говорилъ съ нимъ о Севастополѣ. „Ты и лицомъ на русскаго стараго солдата похожъ. Я радъ тебя видѣть," сказалъ онъ ему и велѣлъ еще купить ему тотчасъ же новые шальвары. Константинъ ему въ ноги упалъ.

Старшины наши всѣ ему представлялись; всѣмъ онъ нашелъ привѣтливое слово. У отца Евлампія руку почтительно поцѣловалъ; внимательно слушалъ разказы старика Стилова о временахъ султата Махмуда; по селу ходилъ; въ церкви къ образамъ прикладывался и на церковь лиру золотую далъ; въ школу ходилъ; у Несториди самъ съ визитомъ

былъ и кофе у него пилъ; бесѣдовалъ съ нимъ о древнихъ авторахъ и очень ему этимъ понравился.

— Древне-эллинская литература, сказалъ г. Благовъ: — это какъ магическій жезлъ; сколько разъ ни прикасалась она къ новымъ націямъ, сейчасъ же и мысль и поэзія били живымъ ключомъ.

Несториди послѣ превозносилъ его умъ. Зубами скрипѣлъ и говорилъ: „О! Кириллъ и Меѳодій! надѣлали вы хорошаго дѣла намъ Грекамъ!.. Вотъ вѣдь хоть бы этотъ негодный мальчишка, Благовъ, знаетъ онъ, извергъ, что̀ говоритъ! Знаетъ мошенникъ!“

А попъ Евлампій ему:—Видишь, какъ эллинизмъ твой въ Россіи чтутъ люди?

— Великій выигрышъ! сказалъ Несториди.—У тебя же добро возьмутъ, твоимъ же добромъ задушатъ тебя! Великое счастье!

Но самого г. Благова учитель все-таки очень хвалилъ и называлъ его: „паликаромъ, молодцомъ-юношей и благороднѣйшаго, высокаго воспитанія человѣкомъ.“

— Нѣтъ, умна Россія! долго говорилъ онъ послѣ этого свиданья съ русскимъ консуломъ.

Отцу моему г. Благовъ искалъ всячески доставить удовольствіе и заплатить добромъ за его гостепріимство и расположеніе къ Русскимъ.

Отецъ разказалъ ему о своей тяжбѣ съ Петраки-беемъ и Хахамопуло и жаловался что придется, кажется, вовсе напрасно пойти на соглашеніе и уплатить часть небывалаго долга; но г. Благовъ ободрилъ его и совѣтовалъ взять въ Одессѣ или Кишеневѣ русскій паспортъ. Онъ сказалъ что, вѣроятно, въ Тульчѣ откроютъ скоро Русское консульство и тогда онъ возьмется рекомендовать особенно его дѣло своему будущему товарищу.

— Это дѣло будетъ въ такомъ случаѣ имѣть и политическій смыслъ, сказалъ г. Благовъ:—полезно было бы наказать такого предателя, какъ этотъ Петраки-бей. Можно будетъ, я думаю, начать уголовное дѣло и принести жалобу на вашихъ противниковъ въ мехкемѣ. * Хотя мы офиціально не

---

* *Мехкеме*, турецкое судилище по Корану; въ немъ до послѣднихъ судебныхъ реформъ въ Турціи судилъ одинъ молла или кади, безъ помощи какихъ бы то ни было гражданскихъ членовъ.

признаемъ ни уголовнаго, ни гражданскаго суда * въ Турціи, чтобы не потворствовать суду христіанъ по Корану, однако ловкій консулъ всегда можетъ войти въ соглашеніе съ моллой или кади и черезъ нихъ выиграть дѣло.

Отца слова эти очень обрадовали. Потомъ отецъ мой упомянулъ почти случайно о томъ что скоро хочетъ везти меня въ Янину и затрудняется только тѣмъ гдѣ меня оставить и кому поручить. Г. Благовъ тотчасъ же воскликнулъ:

— Пустое! У меня домъ большой и я одинъ въ немъ живу. Я ему дамъ хорошую комнату и пусть живетъ у меня, пусть и онъ привыкаетъ къ Русскимъ чтобы любить ихъ какъ вы ихъ любите. Черезъ недѣлю путешествіе мое кончится; я буду ждать васъ съ сыномъ и отсюда людямъ своимъ дамъ знать чтобы приготовили для васъ комнату.

Отецъ мой почти со слезами благодарилъ консула; а мать моя обрадовалась этой чести, такъ какъ будто бы меня самого въ какой-либо русскій высокій чинъ произвели. Отецъ, который сначала несовсѣмъ былъ тоже доволенъ молодостью консула и какъ бы легкомысленною свободой и веселостью его разговора, такъ послѣ этого разговора съ нимъ расположился къ нему что сталъ говорить: „Нѣтъ, ничего что молодъ.“

На другой день г. Благовъ и самъ пригласилъ меня къ себѣ въ Янину и вообще обошелся со мной очень братски и ласково, хотя и огорчилъ меня нѣкоторыми вовсе неожиданными замѣчаніями.

На первый день, когда отецъ представилъ меня ему, я ужасно смутился, ничего почти не могъ отвѣчать на вопросы которые онъ мнѣ предлагалъ и даже сѣлъ ошибкой отъ стыда вмѣсто дивана на очагъ. Г. Благовъ это замѣтилъ и сказалъ: „зачѣмъ же ты, г. Одиссей, сѣлъ такъ не хорошо?“ Я еще болѣе смутился; однако, пересѣлъ на диванъ. Отецъ мой тоже за меня покраснѣлъ и говоритъ: „это отъ стыда мальчикъ сдѣлалъ; вы ему простите“.

Потомъ наединѣ со мною отецъ сказалъ мнѣ: „не надо, Одиссей, такимъ дикимъ быть. Добрый консулъ съ тобой говоритъ благосклонно, а ты какъ камень. Уважай, но не бойся. Не хорошо. Онъ скажетъ что ты необразованъ и глупъ,

* Недавно и Россія признала новые суды въ Турціи для русскихъ подданныхъ.

сынъ мой. Держи ему отвѣтъ скромный и почтительный, но свободный.

Я вздохнулъ и подумалъ про себя: „правда! я глупъ былъ. Другой разъ иной путь изберу. Я вѣдь знаю столько хорошихъ и возвышенныхъ эллинскихъ словъ. Зачѣмъ же мнѣ молчать и чего мнѣ стыдиться?“

Послѣ разговора съ моимъ отцомъ г. Благовъ, какъ только встрѣтилъ меня, такъ сейчасъ же взялъ меня дружески за плечо и говоритъ: „буду ждать тебя, Одиссей, къ себѣ въ Янину. Повеселимъ мы тебя. Только ты меня не бойся и на очагъ больше не садись.“

А я между тѣмъ собралъ всѣ мои силы и отвѣчалъ ему такъ:

— Сіятельнѣйшей г. консулъ! Я не боюсь васъ, но люблю и почитаю какъ человѣка старшаго по лѣтамъ, высокаго по званію и прекраснѣйшей, добродѣтельной души.

— Ба! говоритъ г. Благовъ: — вотъ ты какой Демосѳенъ! А душу мою почемъ ты знаешь?

Я же все свой новый путь не теряя, восклицаю ему:

— Душа человѣка, г. консулъ, начертана неизгладимыми чертами на его челѣ!

— Слышите? говоритъ онъ: — Вотъ ты какіе, братъ, плохіе комплименты знаешь! Другой разъ, если будешь такъ мошенничать, я тебѣ и вѣрить не буду. Ты будь со мною проще. Я не люблю вашего греческаго риторства. Къ чему эта возвышенность? Бабка твоя кирія Евгенко гораздо лучше говоритъ. Учись у нея.

Я замолчалъ, а г. Благовъ спросилъ:

— Радъ ли ты что будешь у меня въ домѣ жить?

Я отвѣчаю ему на это отъ всего сердца что „готовъ послѣдовать за нимъ на отдаленнѣйшій край свѣта!“ А онъ опять:

— Ты все свое, терпѣть не могу краснорѣчія!

И ушелъ онъ отъ меня съ этими словами.

Я остался одинъ въ смущеніи и размышлялъ долго о томъ какъ трудно вести дѣла съ людьми высокаго воспитанія.

Уѣзжая, консулъ секретно просилъ отца собрать ему какъ можно болѣе свѣдѣній о странѣ, о населеніи, церквахъ, монастыряхъ, училищахъ, произведеніяхъ края; о правахъ христіанъ, о томъ чѣмъ они довольны и на что жалуются; просилъ изложить все это кратко, но какъ можно яснѣе и

точнѣе, съ цифрами, на бумагѣ, и прибавилъ: „какъ можно правдивѣе, прошу васъ, — безъ гипербол и клеветы...“

Онъ еще разъ повторилъ, садясь на лошадь, что его янинскій домъ — нашъ домъ отнынѣ и что онъ самъ черезъ недѣлю вернется въ городъ.

Мы всѣ, отецъ мой, я, попъ Евлампій и другіе священники, нѣкоторые старшины и жители и всѣ слуги наши, проводили его пѣшкомъ далеко за село и долго еще смотрѣли какъ онъ со всѣмъ караваномъ своимъ подымался на гору.

— Пусть живетъ, молодецъ, пусть благословитъ его Господь Богъ, сказалъ съ чувствомъ отецъ Евлампій.—Оживилъ онъ насъ. Теперь иначе дѣла Эпиротовъ пойдутъ.

— Дай Богъ ему жизни долгой и всего хорошаго, повторили и мы всѣ. Отецъ же мой сказалъ, провожая глазами толпу его всадниковъ:

— Вотъ это царскій сановникъ: и взглянуть пріятно. И собой красивъ, и щедръ, и на конѣ молодецъ, и веселъ и вещи у него всѣ благородныя такія и ковры на вьюкахъ хорошіе и людей при немъ многое множество. Душа веселится. Таковы должны быть царскіе люди. А не то что вотъ мой бѣдный мистеръ Вальтеръ Гей. Желтый, больной, дѣтей много, жилище небогатое, тѣсное! А такой адамантъ блестящій и юный; и православный къ тому же — душу онъ мою, друзья, веселитъ!...

— Правда! сказали всѣ согласно, и попы наши, и старшины, и слуги.

Тотчасъ по отъѣздѣ консула, мы съ отцомъ начали готовить для него тѣ замѣтки о которыхъ онъ просилъ. Отецъ пригласилъ себѣ на помощь одного только отца Евлампія и никому больше довѣриться не хотѣлъ—онъ боялся нетолько возбудить турецкую подозрительность, но и зависть Греческаго консульства въ Эпирѣ.

И онъ, и отецъ Евлампій отъ меня не скрывались. Они совѣщались при мнѣ, припоминали, считали, а я записывалъ. Оба они повторили мнѣ нѣсколько разъ: „смотри, Одиссей, чтобы Несториди не догадался, берегись“.

Въ досадѣ за нашу чрезвычайную близость съ Русскими онъ можетъ довести все это до Эллинскаго консульства.

Отецъ старательно изложилъ все что̀ касалось до древнихъ правъ Загорскаго края; объяснилъ въ какомъ подчиненіи Загорье находилось къ янинскимъ пашамъ; почему въ

нашей сторонѣ всѣ села свободныя, а не зависимыя отъ беевъ турецкихъ и отъ другихъ собственниковъ, какъ въ иныхъ округахъ Эпира; почему Турки тутъ никогда не жили и какъ даже стражу Загорцы нанимали сами христіанскую изъ сулійскихъ молодцовъ. Обо всемъ этомъ вспомнили отецъ и попъ Евлампій. Даже Цыганъ нашихъ загорскихъ крещеныхъ не забыли и объ нихъ сказали что они занимаются у насъ кузнечествомъ и другими простыми ремеслами; что мы ихъ держимъ нѣсколько далеко отъ себя и въ почтеніи и даже мѣсто гдѣ ихъ хоронятъ за церковью отдѣлено отъ нашего греческаго кладбища рядомъ камней. „Однако, прибавилъ отецъ: Они имѣютъ одно дарованіе, которымъ насъ превосходятъ, божественный даръ музыки.“

— На что это ему? сказалъ священникъ.

— Онъ все хочетъ знать, отвѣчалъ отецъ. И я записалъ и эти слова о музыкѣ.

Счесть села, церкви и маленькіе скиты, въ которыхъ живутъ по одному, по два монаха, упомянуть о большой пещерѣ, о посѣщеніяхъ грознаго Али-паши, все это было не трудно.

Но было очень трудно перечислить хотя приблизительно имена Загорцевъ-благодѣтелей и указать именно кто что сдѣлалъ и около какого села или въ какомъ селѣ. Кто сдѣлалъ каменный, мощеный спускъ съ крутизны для спасенія отъ зимней грязи и топи; кто мостъ, кто и гдѣ стѣну церковную починилъ, кто школу воздвигъ, кто храмъ украсилъ. Не хотѣлось отцу забывать и людей менѣе богатыхъ, менѣе именитыхъ, ему хотѣлось правды; а у всякаго встрѣчнаго открыто справки наводить сейчасъ по отъѣздѣ консула онъ не хотѣлъ.

Въ Янину пора была спѣшить: и вотъ мы всѣ трое тайно трудились съ утра ранняго; бросали тетради и опять брались за нихъ. Отецъ повторялъ: „Трудись, трудись, сынокъ мой, трудись, мой мальчикъ хорошій, для православія и для добраго консула нашего. Можетъ-быть скоро будешь хлѣбъ его ѣсть.“

И я съ охотой писалъ, поправлялъ и опять переписывалъ.

О турецкихъ злоупотребленіяхъ написали довольно много, но не слишкомъ преувеличивая. Отецъ Евлампій въ одномъ мѣстѣ продиктовалъ было: „Такъ изнываютъ несчастные Греки подъ варварскимъ игомъ Агарянъ нечестивыхъ!“ Но отецъ

велѣлъ это вычеркнуть и сказалъ: „Не хочетъ г. Благовъ такихъ украшеній, онъ хочетъ вотъ чего: Въ такомъ-то году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Турокъ Мехмедъ убилъ того-то въ томъ-то селѣ, а Турокъ Ахмедъ отнялъ барана у такого-то и тогда-то!" О такихъ случаяхъ и вообще о томъ чѣмъ христіане недовольны написали мы довольно много; но отецъ находилъ что эту часть онъ въ Янинѣ дополнить можетъ лучше, потому что въ самихъ Загорахъ Турокъ нѣтъ, ни народа, ни начальства, и случаевъ подобныхъ, конечно, меньше. Янинскіе же Турки славятся своимъ фанатизмомъ и городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ не свободными селами, а *чифтликами*, въ которыхъ и беи, и полиція, и сборщики царской десятины легче могутъ угнетать народъ и обнаруживать, такъ-сказать, удобнѣе недостатки которыми страждетъ управленіе обширной Имперіи. Даже на счетъ судовъ, относительно Загоръ говорить было труднѣе, ибо въ то время когда мы съ отцомъ занимались этими записками, у насъ не было еще ни мудира, ни кади; мы судились между собою въ совѣтѣ старшинъ по всѣмъ селамъ и только въ случаѣ обиды обращались въ Янину къ митрополиту или къ самому пашѣ, черезъ посредство особаго выборнаго загорскаго *ходжабаши*, который для этого и жилъ всегда въ городѣ.

Наконецъ отецъ сказалъ: „Довольно!" переправили мы еще разъ, спрятали тетрадки старательно и стали сбираться въ путь. Консулъ сказалъ что онъ черезъ недѣлю возвратится въ Янину другою дорогой, а мы прожили дома трудясь надъ его статистикой уже болѣе двухъ недѣль.

Итакъ пора! Уложились, простились съ матерью, съ бабушкой, съ сосѣдями и поѣхали.

Я былъ немножко взволнованъ и думалъ: „Какая, посмотримъ, будетъ тамъ судьба моя? хорошая или худая?"

Выѣхали мы рано и около полудня уже были у города.

Путешествіе наше было нескучное.

Непріятно только было въ это время года переѣзжать черезъ ту высокую и безлѣсную гору которая отдѣляетъ нашъ Загорскій край отъ Янинской длинной долины; вѣтеръ на высотахъ дулъ такой сильный и холодный что мы завернулись въ бурки и фески наши обвязали платками чтобъ ихъ не унесло. Предъ тѣмъ какъ спускаться внизъ, отецъ сошелъ съ мула чтобы было безопаснѣе и легче; я сдѣлалъ

то же и захотѣлъ послѣдній разъ взглянуть назадъ... Франгадеса нашего уже не было видно и только направо, въ селѣ Джудилѣ, на полгорѣ, въ какомъ-то домѣ одно окно какъ звѣзда играло и горѣло отъ солнца.

Жалко мнѣ стало родины; я завернулся покрѣпче въ бурку и погналъ своего мула внизъ.

Внизу, въ долинѣ, погода была ясная; воздухъ и не жаркій, и не холодный.

Отецъ мнѣ дорогой многое показывалъ и объяснялъ.

Тотчасъ же за переѣздомъ черезъ большую нашу гору идетъ длинный, очень длинный каменный и узкій мостъ черезъ большое болото. Мостъ этотъ построенъ давно уже однимъ нашимъ же Загорскимъ жителемъ для сокращенія пути изъ Янины въ эту сторону.

Это большое благодѣяніе! иначе приходилось бы людямъ и товарамъ на мулахъ далеко объѣзжать.

За болотомъ, по ровной и зеленой долинѣ Янинской, огражденной съ обѣихъ сторонъ гребнями нагихъ и безлѣсныхъ горъ, мы ѣхали скоро и весело.

Разогнали иноходью небольшою нашихъ муловъ; отдохнули въ хану подъ платаномъ, свѣжей воды и кофею напились и около полудня увидали съ небольшой высоты Янину; увидали озеро ея голубое и на берегу его живописную крѣпость съ турецкими минаретами.

Мнѣ городъ понравился. Тихія предмѣстья, въ зеленыхъ садахъ; все небольшіе, смиренные домики глиняные, крытые красною черепицей, а не бѣлымъ или сѣрымъ камнемъ какъ у насъ въ селахъ.

А дальше уже начались хорошіе архонтскіе и высокіе дома...

Въѣзжая въ предмѣстье Янинское, я сказалъ себѣ: „Посмотримъ, какой человѣкъ намъ первый встрѣтится, — веселый онъ будетъ или печальный. Такая будетъ и жизнь, и судьба моя въ Янинѣ!"

Сначала въ цѣломъ длинномъ переулкѣ намъ никто не встрѣтился; время было полдневное и всѣ люди или завтракали, или отдыхали. Кой-гдѣ у воротъ играли дѣти; но ихъ я не считалъ встрѣчными, потому что они стояли на мѣстѣ или сидѣли на землѣ, когда мы проѣзжали. На одномъ поворотѣ я испугался, увидавъ издали согбенную старушку

съ палочкой и въ черномъ платьѣ; но она повернула въ другую сторону и я успокоился.

Наконецъ предсталъ предъ нами человѣкъ, котораго я готовъ былъ въ первую минуту назвать вѣстникомъ истинной радости. Казалось бы что веселѣе, ободрительнѣе, праздничнѣе этой встрѣчи и придумать нельзя было въ угоду моему гаданью... Какъ древній атлетъ, грядущій на брань за отчизну, былъ нарядeнъ и веселъ Маноли, главный кавассъ Русскаго консульства, котораго отецъ мой зналъ давно. Ростомъ, длинными усами, походкой, гибкимъ станомъ, и блескомъ оружія—всѣмъ онъ былъ воинъ и герой... Фустанелла его была чиста какъ снѣгъ на зимнихъ вершинахъ Загорскихъ и верхняя одежда его была изъ синяго бархата, обшитаго золотымъ галуномъ съ черными двуглавыми россійскими орлами.

Но увы! самъ Маноли былъ и веселъ, и красивъ, вѣсти же его были печальныя!

Онъ сказалъ намъ что г. Благовъ еще не возвращался изъ путешествія, что записки отъ него никакой не было, что домъ его весь, кромѣ канцеляріи, запертъ и даже ходятъ слухи будто бы онъ уѣхалъ внезапно куда-то изъ Эпира, въ Корфу или въ Македонію, еще неизвѣстно пока...

Отецъ мой былъ замѣтно смущенъ этою неожиданностью и особенно тѣмъ что г. Благовъ не потрудился даже запиской, сообразно обѣщанію своему, извѣстить секретаря или слугъ своихъ чтобы намъ приготовили въ консульствѣ комнату.

Что касается до меня, то я больше отца, я думаю, обиженъ этимъ и огорченъ. Всѣ мечты мои жить въ первомъ и лучшемъ изъ иностранныхъ консульствъ, въ обществѣ такого молодаго и любезнаго высокопоставленнаго человѣка какъ г. Благовъ,—всѣ эти мечты исчезли какъ утренній туманъ, какъ дымъ или прахъ!..

Печально сидѣлъ я на мулѣ моемъ и ждалъ что̀ скажетъ отецъ. Я думалъ, онъ разкажетъ Маноли о приглашеніи г. Благова и намъ, быть-можетъ, отворятъ комнаты; но отецъ молчалъ...

Отецъ молчалъ, за то Маноли, кавассъ-баши, говорилъ все время, хвалилъ г. Благова, хвалилъ Загорцевъ, хвалилъ умъ отца, хвалилъ меня, говорилъ что я красавецъ, что всѣ „красныя“ дочери янинскихъ архонтовъ будутъ бѣгать къ

окнамъ чтобы смотрѣть на меня, и когда отецъ мой съ неудовольствіемъ замѣтилъ ему на это что я не дѣвицамъ, а учителямъ угождать ѣду въ Янину, тогда Маноли согласился съ нимъ что это гораздо лучше и полезнѣе...

— Да! сказалъ онъ съ поспѣшностью,—да! г. Полихроніодесъ, вы правы! Даже очень правы по моему. Что-нибудь одно: или мечъ, или перо! Просвѣщеніе въ наше время необходимо. Скажите мнѣ, я спрашиваю васъ, г. Полихроніодесъ, куда годенъ человѣкъ который ни къ мечу, ни къ наукѣ неспособенъ? Куда? На что? На какое дѣло? скажите мнѣ, во имя Божіе, я васъ прошу сказать мнѣ, куда онъ такой человѣкъ годится? Улицы мести? Уголь на ослахъ изъ города вовзить? Тяжести носить? Землю пахать? Грести на лодкѣ въ Янинскомъ озерѣ? Вотъ на что, вотъ на какія презрѣнныя занятія годится нынче простой человѣкъ, ни меча, ни пера не удостоившійся.... Да. Учись, учись, милый мой Одиссей.... Утѣшай родителей, утѣшай.... А г. Благовъ будетъ очень жалѣть, если не увидитъ васъ; онъ говоритъ что Загорцы умнѣйшіе люди и возноситъ ихъ гораздо выше глупыхъ янинскихъ архонтовъ. И я согласенъ съ консуломъ.

Такъ разсуждалъ сіяющій кавассъ-баши, а мы все молчали и смотрѣли съ отцомъ другъ на друга.

Наконецъ отецъ сказалъ: „Поѣдемъ къ доктору Коэвино". Мы простились съ Маноли и поѣхали дальше. Отецъ былъ не въ духѣ и продолжалъ все время молчать. Домъ который занималъ Коэвино принадлежалъ одному турецкому имаму и стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ; предъ окнами его была широкая зеленая площадка, старинное еврейское кладбище, на которомъ уже давно не хоронятъ и гдѣ множество древнихъ каменныхъ плитъ глубоко вросли въ землю. Часто здѣсь бываетъ гулянье и пляски на карнавалѣ и народъ отдыхаетъ тогда толпами на этихъ плитахъ. Напротивъ караульня турецкая, много хорошихъ домовъ вокругъ площади и большая церковь *Архимандріо* недалеко. Я немножко утѣшился и обрадовался что буду жить на такомъ веселомъ мѣстѣ и въ такомъ большомъ домѣ, если Коэвино согласится оставить меня у себя.

Однако, двери у доктора были заперты и мы, сошедши съ муловъ, напрасно стучались. Никто намъ не отворялъ. Стучаться принимались мы не разъ и все громче и громче, такъ

что даже нѣкоторыя сосѣдки стали смотрѣть на насъ изъ оконъ и дѣти повыбѣжали изъ дверей.

Намъ стало такъ стыдно что мы уже хотѣли садиться опять на муловъ и ѣхать въ ханъ; но одна сосѣдка увѣряла отца что докторъ скоро, вѣроятно, возвратится, потому что время ему обѣдать, а другая, напротивъ того, говорила: „Гдѣ жь у него обѣдъ? Гайдуша, служанка его, вчера поссорилась съ нимъ и сегодня на разсвѣтѣ ушла и вещи свои унесла“.

Третья женщина предполагала что докторъ гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ, у одного изъ больныхъ своихъ позавтракаетъ.

Чтò намъ было дѣлать? Стыдъ просто! Рѣшились мы ѣхать въ ханъ. Но еще одна старушка сказала что лучше послать къ Абдурраимъ-эффенди; не у него ли докторъ? Абудураимъ-эффенди, сосѣдъ, живетъ близко отсюда; доктора онъ очень любитъ и у него жена давно больна. Она позвала свою маленькую внучку и велѣла ей бѣжать скорѣе къ Абдурраимъ-эффенди за докторомъ.

Отецъ рѣшился ждать. Мы сняли ковры съ нашихъ муловъ, постелили ихъ на камняхъ и сѣли у докторскаго порога. Пока дѣвочка бѣгала къ Абдурраимъ-эффенди, старушка разказала отцу чтò случилось вчера у доктора въ домѣ. Былъ у доктора слуга Яни, изъ деревенскихъ. Сама же Гайдуша жаловалась что у нея очень много работы, что докторъ любитъ жить чисто и просторно, а у нея больше силъ нѣтъ уже одной все дѣлать, шить, мести, готовить, убирать, мыть, платье чистить, диваны равнять, самому ему раза три въ недѣлю еще тѣло все бритвой брить.

Отецъ спросилъ: „Какъ такъ все тѣло брить? Чтò это ты говоришь?“

— Да! сказала старушка (со вздохомъ даже, я помню),—да! хочетъ чтобы всегда весь выбритъ онъ былъ. Безумный человѣкъ!

— Безумный! безумный! закричали въ одинъ голосъ двѣтри сосѣдки.—На цѣль человѣка этого слѣдуетъ! На цѣль давно.

А одна женщина съ сожалѣніемъ прибавила:— Это онъ, черная судьба его такая, съ Турками очень подружился, все съ Турками, отъ того и въ грѣхъ такой впадаетъ. Даже и въ баню турецкую часто любитъ ходить, а это тоже не

хорошо, потому что муро святое изъ тѣла исходитъ отъ испарины.

Отецъ говоритъ:—Такъ, такъ, да что же вчера-то за ссора была?

Женщины разказали что когда Гайдуша долго жаловалась на обременительную работу, докторъ нанялъ этого Яни слугу. Двѣ недѣли всего прожилъ онъ и не могъ болѣе. Съ утра Гайдуша все его учила и осуждала. „Ты звѣрь, ты животное, ты необразованный человѣкъ. Графины на самые углы стола ставь, а не на середку: такъ въ благородныхъ домахъ дѣлаютъ. Иди сюда, нейди туда! Вонъ изъ кухни, деревенщина! ты только мѣшаешь.“ Яни и сказалъ доктору: „Прости мнѣ, эффенди, я не могу у тебя больше жить. Эта чума (на Гайдушу) съ утра мнѣ голову ѣстъ!“ А Гайдуша: „Я чума? Я?“ разъ! и за горло молодца; онъ почернѣлъ даже. Докторъ отнимать у нея паликара бѣднаго. Она въ доктора вцѣпилась. Тогда уже Яни доктора сталъ защищать и вмѣстѣ они хорошо ее наказали. Потомъ Яни съ вечера же ушелъ, а Гайдуша на разсвѣтѣ прежде тарелки, и блюда, и чашки всѣ перебила въ кухнѣ, а потомъ взяла свои вещи въ узелокъ и ушла. Докторъ ей за шесть лѣтъ службы по тридцати піастровъ въ мѣсяцъ долженъ, это значитъ болѣе двадцати турецкихъ лиръ! Мало развѣ? Какъ слѣдуетъ приданое цѣлое. Теперь Гайдуша пойдетъ пашѣ жаловаться. А доктору и кушанья готовить сегодня некому и домъ стоитъ пустой и не вернется Гайдуша никогда! Мало-по-малу, пока старушка разказывала, собралось около насъ много народа. Женщины, дѣти, одна сосѣдка уже и младенца груднаго съ собою принесла и стала его кормить, другія съ пряжей сѣли по плитамъ и на землю. Двое нищихъ сѣли тоже слушать. Потомъ и заптіе-Турокъ подошелъ посмотрѣть нѣтъ ли какого безпорядка, увидалъ что все мирно и онъ присѣлъ поодаль на камушекъ, сдѣлалъ себѣ папироску и одна изъ сосѣдокъ ему изъ дома уголь вынесла, а онъ поклонился ей и поблагодарилъ ее. И нищіе слушали внимательно и удивлялись, а заптіе-Турокъ сказалъ: „Увы! увы! хуже злой женщины есть ли что на свѣтѣ!“

Наконецъ прибѣжала сосѣдская дѣвочка отъ Абдурраима-эффенди, принесла ключъ и сказала что докторъ проситъ отца взойти въ домъ и подождать его не больше получаса, пока онъ кончитъ всѣ дѣла у бея.

Отперъ отецъ дверь; мы взошли и за нами нѣсколько сосѣдокъ тоже взошли въ сѣни. Онѣ стали намъ помогать вещи наши съ муловъ снимать. Мы ихъ благодарили. Та добрая старушка которая намъ все разказывала безпокоилась кто насъ сегодня накормитъ у доктора, а что самъ онъ вѣрно уже у Турка бея позавтракалъ. „Развѣ ужь мнѣ придти приготовить бѣдному Коэвино? Онъ у меня не разъ лѣчилъ дѣтей, чтобъ ему долго жить!“ сказала она.

— И птицы небесныя питаются, а не то мы! сказалъ ей отецъ.

Какъ только онъ это сказалъ, какъ вдругъ стрѣлой вбѣжала въ домъ сама эта Гайдуша, о которой вся рѣчь была; маленькая, смуглая, хромая; и глаза большіе, черные у нея и какъ огонь!

И какъ закричитъ отцу: „Добро пожаловать г. Полихроніодесъ, добро пожаловать. Извольте, извольте на верхъ.... окторъ очень радъ будетъ!“ А потомъ на сосѣдокъ: „Вы что же всѣ тутъ собралися? Все у васъ худое что-нибудь на умѣ у всѣхъ! Аманъ! Аманъ! Что за злобу имѣютъ люди. Идите по добру по здорову по жилищамъ своимъ.... Дѣти! вонъ сейчасъ всѣ.... вонъ!...

Господи! что за женщина! Я испугался. Дѣтей повыкидала за двери.... На женщинъ еще закричала. Одна было стала тоже на нее кричать: Ты что? Да ты что? А Гайдуша ей: а ты что.... А ты что? Разбойница!

— Нѣтъ, ты разбойница! Ты чума!

Шумъ, крикъ. Отецъ говоритъ: „Стойте! стойте, довольно!“ А Гайдуша одного нищаго въ спину, у другаго нашъ мѣшокъ вырвала, который онъ съ мула снималъ. „Еще украдешь, разбойникъ“... Заптіе-Турокъ въ двери заглянулъ на этотъ крикъ. Она и его: „Ты что желаешь, ага? Иди, иди. Не здѣсь твое мѣсто. Не здѣсь; я, слышишь ты, я это тебѣ говорю!“ Турокъ ей:

— Ты въ умѣ ли, женщина?

Какъ она закричитъ на него: „Я? я? Не въ умѣ? Такая-то царская полиція должна быть?.... Вы что смотрите? Вотъ смотри лучше что у васъ подъ городомъ два дня тому назадъ человѣка зарѣзали... Да я къ пашѣ пойду! Да мой докторъ, первый докторъ въ городѣ. Его всѣ паши любятъ и уважаютъ...“

Наговорила, наговорила, накричала; какъ потокъ весенній

съ горъ бѣжитъ и не удержать ничѣмъ. Бѣдный Турокъ только одежду на груди потрясъ и сказалъ: „Аманъ! Аманъ! Женщина!“ И ушелъ за другими.

Гайдуша какъ молнія и двери захлопнула и заперла ихъ изнутри и послѣ опять кричала: „Извольте, извольте“. И ставни въ большихъ комнатахъ отпирала и табакъ, и спички, и бумажку, и пепельницу отцу несла, и въ одну минуту и скрылась и опять съ водой и вареньемъ на большомъ подносѣ предъ нами явилась и привѣтствовала насъ еще; и кофе сварила и подала и два раза зачѣмъ-то уже къ сосѣдкѣ одной сбѣгала и помирилась съ ней и вещи какія-то принесла и мы уже видѣли ее пока она въ кухнѣ птицей съ мѣста на мѣсто летала, завтракъ намъ готовила.

И отецъ сказалъ, какъ и заптіе, глядя на нее: „Ну женщина! Это дьяволъ! Хорошо сказала твоя мать что у Коэвино оставлять тебя страшно. Такая въ худой часъ и задушитъ и отравитъ ядомъ тебя.“

Однако уже Гайдуша и соусъ прекрасный съ фасолью намъ изготовила и вареную говядину съ картофелемъ, и фруктами и халвой насъ угостила и множество разныхъ разностей, прислуживая намъ, очень умно и смѣшно намъ разказывала, а хозяинъ нашъ все еще не шелъ.

— Опоздалъ докторъ, сказалъ Гайдушѣ отецъ.

А Гайдуша ему на это:—Коэвино человѣкъ очень образованный и въ Европѣ воспитанный. У него слишкомъ много ума и развитія для нашей варварской Янины. Онъ любитъ разговаривать и спорить о любопытныхъ и высокихъ предметахъ. Вѣрно онъ заспорилъ или о вѣрѣ съ Евреемъ какимъ-нибудь или у Абдурраима-эффенди съ какимъ-нибудь имамомъ ученымъ: почему Фатьме, дочь Магомета, будетъ въ раю, а жена его Аиша, напримѣръ, не будетъ.... Или въ Русскомъ консульствѣ въ канцеляріи сидитъ и чиновникамъ про свою жизнь въ Италіи разказываетъ. Бѣдный докторъ радъ когда встрѣтитъ людей имѣющихъ премудрость, или такъ-сказать, капризъ какой-нибудь пріятный... И здѣсь у насъ христіане, даже и купцы, народъ все болѣе грубый.... Впрочемъ прошу у васъ извиненія что я, простая Меццовская селянка, берусь при васъ, господинъ мой, судить о такихъ вещахъ!...

— Я съ удовольствіемъ тебя слушаю, сказалъ ей отецъ.

А Гайдуша:—Благодарю васъ за вашу чрезмѣрную снисходительность къ моей простотѣ и безграмотности!

Я подумалъ: „Баба эта хромая краснорѣчивѣе многихъ изъ насъ. Она не хуже самого Несториди говоритъ. Вотъ какъ ее Богъ одарилъ!"

Послѣ завтрака я нестерпимо захотѣлъ спать: сказать объ этомъ Гайдушѣ боялся и стыдился, долго ходилъ по всѣмъ комнатамъ, отыскивая себѣ пристанище и, наконецъ, нашелъ одну маленькую горницу внизу съ широкимъ диваномъ и однимъ окномъ на тихій переулокъ.

Притворилъ поскорѣе дверь и упалъ на диванъ безъ подушки. Не успѣлъ я еще задремать, какъ Гайдуша вбѣжала въ комнату. Я испугался, вскочилъ и сѣлъ на диванѣ чтобы показать что я не сплю.

Но Гайдуша довольно милостиво сказала мнѣ: — Спи, спи, дитя, отдыхай. Принесла мнѣ подушку, вспрыгнула мигомъ на диванъ, чтобы задернуть занавѣску на окнѣ и поставила мнѣ даже свѣжей воды на случай жажды.

Сильно смущенный ея вниманіемъ я сказалъ ей, краснѣя:

— Благодарю васъ, кира-Гайдуша, за ваше гостепріимство и прошу васъ извинить меня за то что я такъ обременилъ васъ разными трудами.

Кажется бы и хорошо сказалъ?... Что̀ же могло быть вѣжливѣе съ моей стороны, приличнѣе и скромнѣе?

Но лукавая хромушка усмѣхнулась, припрыгнула ко мнѣ и, ущипнувши меня за щеку, какъ какого-нибудь неразумнаго ребенка, воскликнула: „Глупенькій, глупенькій паликарчикъ горный.... Спи ужь, не разговаривай много, несчастный! Куда ужь тебѣ!"

И ускакала изъ комнаты.

А я, вздохнувши, крѣпко уснулъ. И не успѣлъ даже отъ утомленія вникнуть въ смыслъ ея словъ и разобрать съ какою именно цѣлью она ихъ сказала; съ худою или хорошею? Вѣрнѣе что съ худою, однако; такъ казалось мнѣ. Спалъ я долго, и проснулся только подъ вечеръ отъ ужаснаго крика и шума въ сосѣдней комнатѣ. Казалось одинъ человѣкъ неистово бранилъ и поносилъ другаго, топая ногами и проклиная его. Другой же отвѣчалъ ему голосомъ нѣжнымъ, трогательнымъ и быть-можетъ даже со слезами.

Что̀ за несчастіе?! Что̀ случилось?

(До слѣд. №.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ И ОЧЕРКИ*

II.

Butte aux Cailles (Горка Перепеловъ)

Парижане слывутъ за страшнѣйшихъ домосѣдовъ; не въ смыслѣ сидѣнья дома, конечно, о, нѣтъ! но по привязанности къ мѣсту, къ тѣмъ семи тысячамъ пяти стамъ десятинамъ земли на которомъ выросъ и разросся ихъ дорогой, родной, незамѣнимый Парижъ.

На какой бы точкѣ міра ни находился Парижанинъ, куда бъ онъ ни былъ заброшенъ судьбой, у него одно стремленіе, одна мысль: вернуться въ свой милый Парижъ. Окончательно, осѣдло, сынъ Лютеціи не устраивается нигдѣ; онъ лихорадочно работаетъ, копитъ деньгу, устраиваетъ что̀ нужно на новомъ мѣстѣ, помышляя только объ одномъ, о возвратѣ. „Новая родина“, слово для него немыслимое. Для него существуетъ только одинъ обитаемый пунктъ, только одинъ возможный центръ на свѣтѣ — Парижъ; остальное не что̀ иное какъ громадное предмѣстье, нѣчто въ родѣ поля прилегающаго къ этому центру. Туда онъ отправляется только на работу, *уединяется* только по необходимости. Почить же отъ трудовъ, жить, понимаетъ онъ исключительно въ Парижѣ.

---

* См. *Русск. Вѣстн.* № 3.

Никого такъ не трудно сдвинуть съ мѣста какъ Парижанина; онъ привинченъ къ своему асфальту, и рѣшается разстаться съ нимъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Эмиграціонный элементъ здѣсь совершенно ничтоженъ; число путешествующихъ (изъ природныхъ Парижанъ) ничтожно сравнительно съ другими населенными центрами.

Я понимаю эту привязанность Парижанина къ своему родному городу, эту привинченность къ своей почвѣ. Зачѣмъ ему путешествовать, зачѣмъ ему скитаться по міру, когда весь міръ и всѣ вѣка у него подъ рукой?

Взглянетъ въ одну сторону, онъ видитъ роскошнѣйшій оазисъ высшей культуры, самаго утонченнаго комфорта и изящества, взглянетъ въ другую — предъ нимъ открываются голыя степи невѣжества и первобытнаго мрака, клоаки сточныхъ элементовъ человѣческой семьи, дѣвственные лѣса Америки. У ногъ его скучены, въ необычайномъ изобиліи, художественныя, научныя, историческія и культурныя сокровища, скучены также всевозможныя плевелы и язвы и болячки общественныя; скучены несчетныя богатства и затѣи роскоши, скучена страшная нищета, непроходимая грязь, безобразнѣйшія отрепья. Предъ его глазами тянутся великолѣпнѣйшія въ мірѣ улицы, и бокъ о бокъ извиваются невозможныя, смрадныя, средневѣковыя клоаки; открываются восхитительнѣйшіе пейзажи и адскіе уголки. Онъ имѣетъ подъ рукой такія крайности: Лувръ и *Butte aux Cailles* *, соборъ Парижской Богоматери и *Carrières de l'Amerique* **, академію сорока „безсмертныхъ“ и академію Монружской равнины ***, монументальное диво именуемое Новою Оперой и бельвильскіе бои звѣрей не звѣрей, людей не людей — бельвильскихъ туземцевъ. Онъ можетъ одновременно слышать и готическій возгласъ иныхъ вѣковъ, монсиньйора Дюпанлу: *Мы всѣ уйдемъ съ крестомъ и Евангеліемъ въ пустыню, и вы погибнете во мракѣ!* и возванія народныхъ представителей, свѣточей радикализма,

* *Горка Перепеловъ.* Описана ниже.

** Ямы и каменоломни близь Монружской равнины, служащія пристанищемъ ворамъ, разбойникамъ и бѣглымъ каторжникамъ.

*** Нѣчто въ родѣ разбойничьяго синдиката, дающаго совѣты, справки и даже матеріальныя пособія новичкамъ и неопытнымъ ворамъ. Это „учрежденіе“ было открыто полиціей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

поощряющихъ людъ Божій на возмутительное кощунство, убѣждающихъ согражданъ зарывать покойниковъ въ землю какъ собакъ, восхваляющихъ „гражданское погребеніе". Онъ видитъ всѣ крайности, онъ слышитъ всѣ крайности, онъ присутствуетъ при всѣхъ крайностяхъ.

Къ чему ему рыскать по свѣту когда цѣлой жизни не станетъ на то чтобъ узнать и исходить и изучить въ подробностяхъ свой родной городъ? Парижъ для него міръ.

И міръ онъ на самомъ дѣлѣ. Кто можетъ похвалиться что знаетъ Парижъ во всѣхъ подробностяхъ? Знаютъ свой кварталъ, свою улицу, или, если кругъ дѣятельности обширнѣе, нѣсколько кварталовъ, нѣсколько улицъ, и вращаются въ этихъ предѣлахъ какъ лошади въ манежѣ. Но затѣмъ? Затѣмъ начинается *terra incognita.*

Громадная централизація, въ свою очередь, ведетъ къ децентрализаціи.

Есть Парижане знающіе только по наслышкѣ о Сенъ-Жерменскомъ предместьи, о паркѣ Монсо, о площади Трона, не говоря уже о Бельвилѣ, Поленкурѣ, Монружѣ и другихъ окраинахъ. Мелкій промышлесный людъ знаетъ свои главныя артеріи, улицы Сенъ-Дени, фобуръ Сенъ-Дени, Сенъ-Мартенъ, Пуассоньеръ, фобуръ Монмартръ. Для другихъ опять, для такъ-называемыхъ присяжныхъ *boulevardiers,* Парижъ ограничивается старыми бульварами (Капуцинскимъ, Италіянскимъ, Монмартрскимъ), *ихъ* кафе, *ихъ* клубами, *ихъ cércle.* Виверы, разгульный и ультра-шикарный людъ, иностранцы, финансисты, кокотки, не выходятъ изъ извѣстнаго пространства, относительно очень ограниченнаго: правый берегъ Сены, фобуръ Пуассоньеръ, бульваръ Мальзербъ, Елисейскія Поля и улица Риволи. Это ихъ міръ, ихъ Парижъ; остальное — дикая, варварская страна, неизвѣстныя степи, провинціальный городъ, съ мостовыми заросшими травой, съ дворами заросшими осокой, гдѣ отъ каждаго дома вѣетъ непроходимою скукой. Многіе изъ нихъ только по наслышкѣ знаютъ что вокругъ скромныхъ, тихихъ, буржуазныхъ кварталовъ, облегающихъ кипятильникъ центральнаго Парижа, лѣпятся другіе, оживленные, шумные, живущіе собственною жизнью эксцентричные кварталы, а что за этими гнѣздятся тамъ-сямъ, гдѣ возможно, гдѣ поприводьнѣе и отъ глаза дальше, таинственные хищническіе кварталы, — Муромскіе и Брянскіе лѣса современнаго Парижа.

На сѣверо-западной оконечности Парижа, на такъ-называемыхъ „новыхъ мѣстахъ“, противъ самаго Марсоваго Поля, на правомъ берегу, возвышается большой отлогій холмъ, южный склонъ котораго омывается Сеною. Вершина этой возвышенности срѣзана, выравнена и представляетъ круглую площадь, метровъ въ двѣсти пятдесятъ въ поперечникѣ, носящую названіе *Площадь Римскаго Короля.*

Прежде все это возвышенное пространство, представлявшее огромное пустопорожнее мѣсто, усѣянное буграми и пригорками, изрытое ямами и рытвинами, заросшее сорными травами и чахлымъ кустарникомъ, называлось *Трокадеро*, въ честь побѣды одержанной французскими войсками на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Теперь это красивая площадь, выравненная по ватерпасу, превосходно вымощенная, обнесенная красивыми перилами, обсаженная деревьями и цвѣтами, уставленная монументальными газовыми фонарями.

Съ этой площади открывается видъ единственный въ своемъ родѣ. Весь онъ безмѣрный городъ разстилается предъ вами со своими сорока пятью тысячами домовъ, съ церквами, памятниками, садами и аллеями.

Послѣ первой минуты растерянности при видѣ этого громаднаго, безмѣрнаго великолѣпія, взоръ вашъ спокойнѣе уставляется на необъятную, восхитительную панораму и глазъ начинаетъ различать детали.

Первый планъ прелестенъ. У ногъ вашихъ Сена несетъ плавно и спокойно свои воды; берега ея окаймлены роскошною растительностью; вправо они утопаютъ въ зелени, среди которой весело пестрѣютъ пригородныя виллы и дачи. Въ эту сторону очертанія рѣки и безчисленныя детали, восхитительные пейзажи, докуда только хватаетъ глазъ, выдѣляются отчетливо и ярко; небо сине и прозрачно; воздухъ чистъ и ясенъ. Влѣво, къ центру, какъ бы ни былъ ясенъ день, небо и раскинувшійся подъ нимъ городъ подернуты сѣроватою дымкой. Эта дымка туманная и таинственная, стоящая вѣчно надъ Парижемъ, — дыханіе исполина города.

Въ этой дымкѣ вы видите море человѣческихъ жилищъ: дома громоздятся надъ домами, крыши торчатъ надъ крышами, тѣсно, плотно другъ къ другу, и все дома, все крыши, все, насколько хватаетъ глазъ. Это огромно и величественно.

Необъятный муравейникъ гдѣ вы не видите, но чувствуете жизнь двухмилліоннаго населенія.

Почти на самомъ горизонтѣ виднѣются двѣ возвышенности, залѣпленныя, какъ все остальное, домами, одна вправо, другая влѣво отъ Сены. Это двѣ горки: Монмартрская и *Butte aux Cailles.*

Странное впечатлѣніе онѣ производятъ: будто два нароста на этой сѣрой однообразной массѣ человѣческихъ жилищъ. И дѣйствительно это наросты, гнилые и прокаженные, всасывающіе въ свои смрадныя нѣдра ядовитѣйшіе соки новаго Вавилона. Осмотримъ одну изъ нихъ.

Butte aux Cailles (Горка Перепеловъ). Откуда идетъ это названіе? Должно-быть что нѣкогда здѣсь водились перепела, но это „нѣкогда" чрезвычайно отдаленно, такъ какъ триста лѣтъ тому назадъ почтенная горка была уже облѣплена лачугами и служила пристанищемъ разному сброду. Для перепеловъ, слѣдовательно, въ тѣ времена уже, на ней мѣста не было.

Что̀ за странное, прокаженное мѣсто!

Кругомъ, съ одной стороны роскошная растительность береговъ Біевры, съ другой—пригородные луга, и среди этого зеленаго пояса, голая, бѣлесоватая шишка, облѣпленная безобразными лачугами сложенными изъ мусора и грязи, лачугами покосившимися, накренившимися, осѣвшими, навалившимися, опирающимися другъ на друга, какъ пьяницы, для взаимной поддержки или чтобъ если рухнуть такъ ужь всѣмъ сразу; шишка прорѣзанная вкривь и вкось узкими, излучистыми улицами съ сильнѣйшимъ наклономъ, настоящими помойными ямами вѣчно струящими омерзительную смрадную жидкость, въ которой голодныя, страшно тощія, лысыя, ободраныя, паршивыя собаки роются съ остервененіемъ ища случайную поживу.

Ни деревца, ни кусточка, ни клочка зелени; одна грязь и мерзость, смрадъ и вонь, однѣ мусорныя, сальныя лачуги, претящіе душѣ дворы, и помойныя улицы. Да и какъ тутъ рости и жить дереву, травѣ? Зараза и вонь стоятъ въ воздухѣ. Вѣетъ чѣмъ-то кислымъ, гнилымъ, протухшимъ. Подумаешь что сама почва здѣсь на семь пядей насквозь прогнила, всасывая мерзость кишащаго на ея поверхности. Только человѣкъ, да собака, да развѣ еще свинья, могутъ тутъ ужиться,

но свинья слишкомъ аристократическое животное для этого забытаго Богомъ уголка.

Недолго еще остается этому безобразію выставляться на свѣтъ Божій съ такимъ невозмутимымъ цинизмомъ, парижскій муниципалитетъ принялся и за „горку" и намѣренъ преобразовать ее, изъ дикаго, хищническаго, неизвѣстной эпохи селенія, въ кварталъ современнаго Парижа. Съ каждымъ днемъ, муниципальная кирка и лопата проникаютъ далѣе и глубже въ эту трущобу и дѣлаютъ свое дѣло: прокладываются новыя улицы, прямыя и широкія; строятся человѣческіе дома трехъ- и четырехъ-этажные; улицы метутся каждый день, устраиваются канавки для стока нечистотъ.

Эта благодѣтельная работа—ножъ острый для аборигеновъ *Butte aux Cailles.* Имъ ненавистна преобразовательная кирка и потому медленно, нехотя, шагъ за шагомъ, скрежеща зубами, они отступаютъ предъ нею и понемногу выселяются въ другія мѣста. Подумайте! имъ даютъ чистоту, даютъ свѣтъ, даютъ просторъ, у нихъ отымаютъ грязь, въ которой они взросли и барахтались и жили съ дѣтства; у нихъ отнимаютъ смрадъ и вонь, атмосферу въ которой они живутъ какъ рыбка въ водѣ; имъ даютъ газъ, когда и тусклое мерцаніе теперешнихъ, закоптѣлыхъ, засаленныхъ, масляныхъ фонарей они порой находятъ излишнимъ и неудобнымъ; имъ даютъ свѣтъ, когда они, какъ нетопыри и совы, ищутъ мрака.

Я провелъ два дня на *Butte aux Cailles,* и не жалѣю этого времени; что̀ за живописность въ этомъ безобразіи, что̀ за художественная законченность въ этихъ уродливыхъ деталяхъ; какія странныя картины, какіе своеобразные ландшафты, какія типичныя жанровыя сцены; что̀ за виды, что̀ за типы!

Южный склонъ горки со стороны прудовъ Гласьеры блеститъ отсутствіемъ жилищъ. Вы видите какія-то насыпи бѣловатой, рыхлой земли. Земля эта наносная; ею засыпаны глубокія рытвины, въ которыхъ, во время оно, ботанисты собирали шалфей (*salvia verticillata*). Не сборъ цѣлебнаго растенія, какъ вы понимаете, побудилъ Парижскій муниципалитетъ засыпать эти морщины; сглажены онѣ потому что тамъ совершались всяческія безобразія, скрывались мѣст-

ные Могиканы, и складывались кожи уворованныя на окрестныхъ сыромятняхъ и кожевняхъ.

По мѣрѣ того какъ вы поднимаетесь на горку, кругозоръ вашъ увеличивается. На югъ, среди зелени и скученныхъ домовъ, выдѣляются: готическая часовня Бреа со своими вычурными стрѣльчатыми очертаніями; черная, раздающаяся у подножія, деревянная башня—старинная мельница *de la Roche*, бывшее ленное владѣніе Клодіона-Жана Фролло; дворецъ Тунисскаго бея, восточное великолѣпное зданіе въ мавританскомъ стилѣ, веселое, изящное, кокетливо пестрѣющее яркими цвѣтами, сверкающее золочеными куполами; и среди этихъ построекъ иныхъ вѣковъ и иныхъ странъ, бѣжитъ и красиво изгибается полотно желѣзной дороги. Далѣе торчатъ угрюмо фортъ Бисетръ, мрачное, казеннаго вида строеніе съ черными окнами; резервуаръ Ванны, снабжающій водою Латинскій и прилегающіе къ нему кварталы лѣваго берега, громадное круглое зданіе; башня въ романскомъ стилѣ церкви *Saint-Pierre-du-Petit-Montrouge*; пріютъ Св. Анны съ своею вульгарною, неуклюжею, наводящею необъяснимую тоску колокольнею.

На сѣверо-западъ картина восхитительна: предъ вами опять весь Парижъ. Ближайшіе предметы выдѣляются на сѣромъ небѣ съ удивительною отчетливостью и яркостью. Далѣе, рѣзкость очертаній смягчается въ сѣроватой дымкѣ; царствуютъ полутоны; еще далѣе, цвѣта исчезаютъ, контуры слабѣютъ, и наконецъ тамъ, совсѣмъ вдали, стушевываются, сливаются, и пейзажъ исчезаетъ какъ туманная картина.

Влѣво отъ васъ насупился мрачно тюремный зáмокъ *de la Santé*, далѣе высятся, неуклюжее зданіе *Обсерваторіи*; четырехъугольныя башни церкви Св. Сюльпиція, золотой куполъ *Инвалидовъ*, сверкающій на солнцѣ; Валь-де-Грасъ, знаменитый вязъ заведенія глухо-нѣмыхъ, считающійся однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ деревьевъ Франціи; стрѣлка церкви *Saint-Jacques du Haut-Pas*, куполъ Пантеона, куполъ Сорбонны, маленькая башенка стариннаго аббатства Св. Женевьевы, гдѣ Паскаль производилъ свои первые опыты надъ удѣльнымъ вѣсомъ воздуха; недостроенныя башни собора Парижской Богоматери, колонна площади Бастиліи съ своимъ золоченымъ, горящимъ на солнцѣ, геніемъ свободы, и

наконецъ совсѣмъ вправо, какъ бы въ *pendant* къ зáмку *de la Santé*, мрачное зданіе Сальпетріеры.

Весь онъ, славный и проклятый городъ, озарившій міръ и ужаснувшій міръ, весь онъ тутъ, у вашихъ ногъ. Глядя на эту громаду, предъ вами невольно проносится прошлое человѣческаго муравейника раскинувшагося на берегахъ Сены. Десять вѣковъ этому прошлому. Картины смѣняются картинами; то величественныя и славныя, то убогія и ужасныя, то свѣтлыя какъ солнечный лучъ, то мрачныя какъ ночь, то божественно прекрасныя и теплыя, то холодящія душу своею мерзостью. Чтò онъ вытерпѣлъ и выстрадалъ, этотъ городъ, чтò онъ вынесъ счастья, чтò онъ выплакалъ горючихъ слезъ! И перебирая, перелистывая это громадное, величественное прошлое, каждая страница котораго принадлежитъ исторіи, каждая строка котораго помѣчена краснымъ или чернымъ крестомъ, васъ охватываетъ невольное благоговѣніе, и вы, забывая всѣ язвы и болячки, прорухи и ошибки, смѣшныя стороны и безобразія, пустоту и легковѣрность современнаго Парижа, склоняете главу предъ историческимъ исполиномъ. У подножія горки разстилается прелестный оазисъ. Среди зеленѣющаго луга извивается Біевра, осѣненная по обоимъ берегамъ склоненными къ долу ивами, стройными тополями, раскинувшимися дубами, всевозможными породами деревъ, представляющихъ гармоническіе переливы всѣхъ оттѣнковъ зелени. Въ этой роскошной растительности мелькаютъ хорошенькіе бѣленькіе домики и виллы.

Первое знакомство мое съ Біеврой было самое неожиданное. Я слышалъ о „берегахъ“ Біевры, о „набережной“ Біевры, о переправѣ войскъ черезъ Біевру, и на основаніи этого составилъ себѣ о ней понятіе какъ о настоящей рѣкѣ. Пробираясь къ горкѣ, я подхожу къ небольшому пруду, у котораго стоятъ двѣ женщины съ маленькими сѣтками для ловли раковъ.

— Какъ мнѣ попасть на *Butte-aux-Cailles?* спрашиваю.

— Да такъ какъ вы идете. Взбирайтесь все по этой тропинкѣ. Она тутъ сейчасъ и начинается.

— А гдѣ же Біевра? Она вѣдь огибаетъ съ этой стороны горку.

— Біевра? Отвѣтила одна изъ женщинъ, посматривая на меня подозрительно, какъ бы недоумѣвая шучу ли я или говорю серіозно. — Да вѣдь вы на ней!

Тутъ только я замѣтилъ что стою на широкой досчатой настилкѣ перекинутой чрезъ вонючую канавку въ сажень ширины, не болѣе.

Это была Біевра.

Пренебрежительно отнесся я, однако, къ ней только въ первую минуту знакомства. Вскорѣ я съ ней помирился, увидѣвъ какъ сумѣли воспользоваться люди этою ничтожною струйкой воды, и что сдѣлала изъ нея художница природа.

Ниже зеленаго оазиса, среди котораго она сначала протекаетъ, Біевра сплошь окаймлена, по обоимъ берегамъ, сыромятнями, пивоварнями, прядильнями, красильнями, винокурнями, бѣлильнями, сушильнями и прачешными. Ихъ тутъ сотни фабрикъ, тѣсно стоящихъ одна возлѣ другой. Длинныя трубы дымятся; изъ другихъ судорожно вырываются клубы пара; колеса вертятся, какіе-то брусья ходятъ взадъ и впередъ, сточныя трубы изрыгаютъ темную жидкость. Шумъ, стукъ и визгъ машинъ, мѣрные удары молотовъ, плескъ воды, бурчаніе водяныхъ колесъ, все это сливается въ одинъ нестройный гулъ. Здѣсь кипитъ промышленная, фабричная дѣятельность. Для всѣхъ этихъ фабрикъ и заводовъ маленькая рѣчонка золотое дно.

Это второе превращеніе Біевры.

За Гобленами, рѣкою завладѣли исключительно кожевники. Здѣсь, благодаря сотнѣ заводовъ и фабрикъ пропустившихъ ее чрезъ себя, Біевра несетъ не воду а какую-то густую жидкость металлическаго цвѣта, смрадную, отвратительную. Съ обѣихъ сторонъ рѣка загромождена станками и рамками съ натянутыми воловьими шкурами.

Странный, въ высшей степени куріозный и своеобразный видъ представляетъ Біевра въ этомъ мѣстѣ. Надо взглянуть при лунномъ свѣтѣ на этотъ уголокъ стараго Парижа. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе оригинальное и фантастичное.

Налѣво, на первомъ планѣ, торчатъ деревянныя сушильни, ажурныя террасы которыхъ представляютъ самыя странныя сплетенія балокъ, досокъ, ломаныхъ, вычурныхъ линій. Далѣе, на голой поверхности горки бѣлѣются лачуги. Тѣни ложатся удивительно рѣзко. Направо, потрескавшіяся, покрытыя плесенью стѣны, самыхъ причудливыхъ очертаній, омываются Біеврой, на черныхъ, неподвижныхъ водахъ

которой тѣнь отражается столь же сильно какъ на землѣ. Всѣ предметы и сама горка, облитые звѣзднымъ и луннымъ свѣтомъ, кажутся ярко бѣлыми и выдѣляются какъ-то особенно рельефно на темной синевѣ неба. Тамъ и сямъ красноватый свѣтъ мерцаетъ сквозь заплеснѣвѣлыя окна. Ни души не видно. Все тихо, все мертво, лишь тамъ, гдѣ-то на Біеврѣ, слышится легкое журчаніе воды.

Вамъ кажется что вы перенесены въ иной міръ, за тысячу верстъ отъ Парижа, на пять вѣковъ назадъ, а между тѣмъ вблизи отъ васъ, почти подъ бокомъ, лежитъ разгульный шумный Латинскій кварталъ, полный жизни и движенія въ эту пору.

Не думайте однако, глядя на эту мертвенную картину, что здѣсь нѣтъ жизни и движенія въ ночную пору. Напротивъ, на самой горкѣ въ это время можетъ-быть всего болѣе жизни и движенія, только эта жизнь, это движеніе скрываются на глубокихъ задворкахъ, на задахъ лачугъ... Но я однако забѣгаю впередъ; до того чтобъ описывать жизнь мѣстныхъ обывателей, мнѣ надо прежде описать вамъ самую горку.

На склонѣ ея, глядящемъ на Парижъ, прорѣзанъ недавно широкій бульваръ, уже застроенный каменными трехъ- и четырехъ-этажными домами, съ магазинами и лавками. Отъ него идутъ четыре, пять улицъ начинающихъ принимать видъ... улицъ: *Croulebarbe*, *Champs-de-l'Alouette* и пр. Это граница образованнаго міра. Затѣмъ, кверху, влѣво, идетъ дѣвственная трущоба. Тутъ свои дома, свои улицы. Одни названія послѣднихъ чего стоятъ: *passage des reculettes*, *impasse de la Main rouge*, *passage du Grand Pendu*, *rue de l'Echarpé*. * Названія эти не случайныя; многія изъ нихъ имѣютъ свою легенду. Такъ, напримѣръ, въ улицѣ *Champs-de-l'Alouette*, обратила на себя мое вниманіе вывѣска кабака: *A la Bergère d'Ivry*. Я невольно вспомнилъ объ одномъ извѣстномъ дѣлѣ, занимающемъ видное мѣсто во французской уголовной лѣтописи и озаглавленномъ: *l'assassinat de la Bergère d'Ivry*.

Вхожу въ кабакъ. За узенькимъ прилавкомъ сидитъ какое-то заплывшее жиромъ, обрюзгшее существо, нѣчто въ родѣ борова, сидитъ въ страшно засаленномъ пестромъ жилетѣ и синей рубахѣ, *en bras de chemise*, какъ здѣсь выра-

---

* *Echarpé*—на парижскомъ острожномъ условномъ языкѣ (*argot*) значитъ зарѣзанный.

жаются. На прилавкѣ стоятъ нѣсколько стаканчиковъ прикрѣпленныхъ стальными цѣпочками къ прилавку.

Эти предохранительныя цѣпочки я уже имѣлъ случай видѣть въ другомъ, тоже хорошемъ мѣстѣ, въ Бельвилѣ, на прилавкахъ кабаковъ слишкомъ извѣстной дорожки *de la Révolte*. Назначеніе ихъ понятно. Отъ грѣха подальше! чтобы потребители не стащили стакановъ, или не могли бы пустить ими другъ другу въ голову.

Спрашиваю почему кабакъ называется: *a la Bergère d'Ivry*.

— Въ память событія, отвѣчаетъ кабатчикъ. — Здѣсь неподалеку была зарѣзана пастушка. Вотъ тамъ, видите, гдѣ мальчикъ играетъ, у самой стѣны... На этомъ самомъ мѣстѣ ее и укокошили... и надпись на стѣнѣ была сдѣлана, да теперь почти совсѣмъ стерлась. Давно вѣдь этому, лѣтъ тридцать.

Почтенный чичероне ошибся на цѣлые двадцать лѣтъ, потому что извѣстное убійство иврійской пастушки Ульбахомъ совершено въ 1824 году.

На указанномъ мѣстѣ я дѣйствительно увидѣлъ, на каменной, потрескавшейся, полуразвалившейся стѣнѣ, слѣды надписи совершенно уже стершейся. Одинъ только грубо высѣченный полукруглый ободокъ окружавшій ее остался виденъ.

Но какъ вамъ нравится этотъ кабакъ принявшій подобную вывѣску?

Вотъ напримѣръ улица.

Канава въ сажень шириною, съ наклономъ градусовъ въ пятнадцать. На каждомъ шагу вы рискуете разстаться съ вашею обувью засасываемою смрадною гущею замѣняющею мостовую. Надъ входомъ или скорѣе отверстіемъ улицы, во всю ширину ея, красуется слѣдующая краснорѣчивая надпись, выведенная большими бѣлыми буквами на черной продолговатой доскѣ:

Respect à la loi et aux propriétés.

Должно полагать однако что мѣстные жители не особенно надѣются на дѣйствительность административнаго напоминанія и внушенія, потому что приняли такія мѣры какъ будто ихъ обители стоятъ не въ Парижѣ, а гдѣ-нибудь въ Абруццскихъ горахъ: *ни единаго окна не выходитъ на улицу на всемъ ея протяженіи*. Ни единаго! По обѣимъ сторонамъ

тянутся заплеснѣвшія стѣны сажени въ двѣ вышиною. Надъ стѣнами видно начало крышъ спускающихся во внутрь, на дворъ. Окна туда же выходятъ, совсѣмъ какъ въ аристократическихъ палаццо, гдѣ лучшія хоромы смотрятъ въ садъ. Маленькія двери, аршина въ полтора вышиною, служатъ единственнымъ сообщеніемъ съ улицею.

Вы можете себѣ представить что за веселенькій видъ представляетъ такая улица.

Одного я не могъ понять: кого и чего боится эта безобразная нищета, укрывающая столь ревниво свои лохмотья? Воровъ? Разбойниковъ? Кто польстится на убогую ветошь, да на пустыя бутылки изъ подъ *petit-bleu*, изображающія все богатство мѣстныхъ собственниковъ? Скорѣе, самимъ имъ надо укрываться отъ посторонняго глаза. Это можетъ-быть вѣрнѣе.

Ни единаго фонаря, разумѣется. Мило тутъ должно-быть въ осеннюю ночь!

Надъ одною изъ дверей, нисколько не отличающеюся отъ другихъ, видна такая заманчивая надпись, выведенная прямо на стѣнѣ черною краскою:

Gloria à 10 centimes.

Superieur, 45 centimes le litre.

Чашка *глоріи* (кофе съ коньякомъ) за два су; литръ вина да еще *superieur* (высшаго качества), за девять су.

Что за химикъ долженъ быть этотъ трактирщикъ! Судя по цѣнамъ, нѣтъ для него таинствъ въ наукѣ суррогатовъ.

Улица начинается и кончается воротами. Въ серединѣ ея двойная излучина подъ прямымъ угломъ. Пространство между обоими поворотами не болѣе десяти шаговъ. На видъ — будто нарочно устроенное мѣстечко для засадъ.

Эта прелесть именуется: *Impasse des Reculettes.* Почему *impasse*—неизвѣстно, такъ какъ она дебушируетъ въ другую улицу; можетъ-быть потому что рѣдко кому удавалось во время оно благополучно добраться до другаго ея конца.

Хороша тоже въ своемъ родѣ улица Барро.

Своеобразность ея между прочимъ состоитъ въ томъ что на всемъ протяженіи она имѣетъ *поперечный* наклонъ горбомъ, не считая продольнаго. Вы отсюда видите, какъ выражаются Французы, все удобство движенія по такой арте-

ріи. Правда что кареты и омнибусы здѣсь не разъѣзжаютъ, и все движеніе ограничивается рѣдкими пѣшеходами.

По лѣвой сторонѣ улицы тянется сплошь стѣнка, та же заплеснѣвшая стѣнка, сложенная изъ мусора и булыжника скрѣпленныхъ бѣлою глиной и грязью. Въ стѣнкѣ такія же маленькія двери. Мнѣ удалось заглянуть въ нѣкоторыя изъ нихъ. Вездѣ то же самое устройство: отъ дверей идетъ нѣчто въ родѣ узкаго, открытаго сверху, корридора, стѣны котораго составлены изъ гнилыхъ досокъ, старыхъ рамъ, развѣшенныхъ лохмотьевъ и почернѣвшихъ отъ времени соломенныхъ плетенокъ. Въ концѣ корридора другая дверь, въ самое жилище, удаленное отъ наружной стѣны шаговъ на сорокъ.

Здѣшняя публика вѣроятно чувствуетъ еще большее влеченіе къ уединенію.

По правую сторону улицы нѣтъ жилищъ; вмѣсто ихъ торчитъ накренившійся частоколъ, на самомъ гребнѣ крутаго обрыва.

Одинъ одинешенькій древнѣйшаго вида масляный фонарь освѣщаетъ ночью эти великолѣпія.

Но вотъ вы натыкаетесь на такую диковинку:

Нѣсколько бездомныхъ паріевъ рѣшились когда-то соорудить себѣ кровъ. Натаскали разнаго хламу, наворовали досокъ, рамъ, дверей, деревянныхъ ящиковъ; стащили откуда-то балки, жерди; собрали побольше мусору, намѣсили море грязи, натаскали глины, и начали строить..... когда это было, Богъ вѣсть. Затѣмъ нашлись такіе что и камень добыли и сложили тутъ же нѣчто имѣющее подобіе дома. Это каменное „зданіе“ стало опорнымъ пунктомъ, къ которому прилѣпились другія постройки, сооруженныя опять изъ мусора, досокъ, рамъ, жердей, трехъ-четырехъ балокъ и грязи смѣшанной съ глиной.

Такимъ образомъ образовалось странное строеніе; нестройная кучка сплоченныхъ утлыхъ лачугъ, поддерживаемыхъ центральнымъ каменнымъ зданіемъ.

Потомки первыхъ владѣтелей этой архитектурной диковинки захотѣли должно-быть увеличить свои владѣнія, и начали строить вверхъ; возвелись вторые этажи и даже третьи, сколоченные и слѣпленные столь-же первобытнымъ образомъ какъ первые. Каменное зданіе, не желая отставать, также полѣзло въ вышину, превратившись со втораго этажа въ

деревянное. Но сіе было слишкомъ. Честолюбивые строители не сумѣли сохранить мѣры: краеугольный камень оказался наконецъ слишкомъ слабою опорой чтобы выдержать напоръ новыхъ пристроекъ и подался..... Къ счастью, начавшееся крушеніе остановилось на полдорогѣ. Каменное строеніе подалось лишь однимъ бокомъ; нѣкоторыя изъ пристроекъ рухнули, другія были придавлены; остальныя—бо́льшая часть—только накренились на бокъ плачевнѣйшимъ образомъ, но устояли какимъ-то чудомъ. Для предотвращенія дальнѣйшихъ бѣдствій, мѣстные собственники прибѣгнули къ палліативнымъ средствамъ: подперли покосившіяся строенія подпорками, завалили гдѣ нужно, гдѣ оказались пустоты, мусоромъ, приставили гдѣ балку, гдѣ доску, связали покрѣпче все вмѣстѣ..... и стали жить да поживать подъ этимъ кровомъ по старому.

Что вышло за необычайное строеніе изъ такой стряпни, вы не можете себѣ представить. Эту диковинку должны бы были хранить какъ зѣницу ока, на показъ и назиданіе будущимъ поколѣніямъ, но, увы! когда вами прочтутся эти строки, описанное чудо не будетъ уже красоваться въ поднебесной: неумолимая муниципальная кирка сроетъ его къ тому времени съ лица земли, на горе мѣстныхъ обитателей и любителей живописныхъ и уродливыхъ куріозовъ.

Это архитектурное безобразіе, притонъ страшной нищеты, называется *Cité Dorée!*

Сами ли обитатели сострили такъ жестоко на свой счетъ другіе ли окрестили эту кучку жилищъ такимъ неподходящимъ прозвищемъ?.....

Не стану водить васъ по всѣмъ закоулкамъ горки. Приведенные примѣры могутъ дать вамъ нѣкоторое понятіе о цѣломъ. Закончу это описаніе мѣстнымъ куріозомъ, находящимся впрочемъ уже внѣ трущобы, у подножія горки, въ томъ мѣстѣ гдѣ Біевра исчезаетъ подъ Парижемъ.

Дверь дома очень приличной наружности украшена слѣдующими двумя „орнаментами“: Съ правой стороны, капитель неизвѣстнаго ордена съ надписью:

Les arts l'an 1228
La civilisation commence.
La reine Blanche régente,
Saint Louis roi.

Съ лѣвой, прусская бомба, съ надписью:

Les arts l'an 1871.
La civilisation à son apogée.
Guillaume 1er
Empereur d'Allemagne.

Какъ выдержатъ императоръ Вильгельмъ и его канцлеръ этотъ ударъ?

Займемся обитателями горки.

Коренное населеніе *Butte-aux-Cailles* принадлежитъ къ почтенной корпораціи парижскихъ шиффоньеровъ (тряпичниковъ).

Тѣ которые не побывали въ Парижѣ, не имѣютъ понятія объ этомъ типѣ, и не совсѣмъ вѣрно отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ какъ именно производится шиффоньерская работа. Здѣшніе шиффоньеры, не наши патріархальные тряпичники, снующіе, среди бѣлаго дня, по дворамъ, роющіеся въ помойныхъ ямахъ, и собирающіе въ свои грязные мѣшки кости да битое стекло; парижскіе шиффоньеры—ночныя птицы; они имѣютъ право разгуливать по городу лишь въ строго опредѣленные часы (отъ 12ти ночи до 5ти утра), не затесываются ни на одинъ дворъ, кромѣ развѣ своего собственнаго, по той причинѣ что не только ночью, но и днемъ, никто ихъ къ себѣ на дворъ не пуститъ, и промышляютъ исключительно на улицѣ.

Это надо вамъ пояснить.

Въ Парижѣ нѣтъ „заднихъ дворовъ" съ помойными ямами. Все что ежедневно приходится выкидывать изъ квартиръ, комнатный соръ, зола изъ каминовъ, кухонные остатки и поскребки, битая посуда, кости и пр., все это собирается въ „поганое" ведро, выносится поздно вечеромъ на улицу и сваливается предъ домомъ. Къ утру эти кучки исчезаютъ, выдержавъ предварительно три операціи.

Сперва являются „рыцари крюка", какъ здѣсь называютъ шиффоньеровъ, съ корзиною *(hotte)* за спиною (корзина эта круглая, слегка приплюснутая со стороны прилегающей къ спинѣ, формы усѣченнаго конуса, широкимъ отверстіемъ кверху), съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ, съ крюкомъ въ правой, и начинаютъ рыться въ кучкѣ. Все что кажется ему пригоднымъ и подходящимъ, тряпье, бумажки, веревочки, кости и пр., онъ, съ необыкновеннымъ проворствомъ и лов-

костью, подцѣпляетъ крюкомъ и перекидываетъ черезъ плечо въ корзину. Каждая кучка задерживаетъ тряпичника не болѣе минуты. Глазъ его удивительно наметанъ; пять-шесть ударовъ крюка, и „сливки сняты“ съ помойной кучки. Смѣло можно поручиться что, въ большей части случаевъ, остающееся рѣшительно недостойно вниманія аристократа тряпичника,—аристократа, потому что шиффоньеры производящіе первую сортировку изображаютъ нѣчто въ родѣ привилегированнаго элемента своей корпораціи, это мастаки, шевронисты мусора и помоевъ, съ положеніемъ и „связями“. Эти оперируютъ обыкновенно „парами“: *онъ* и *она*. *Она* его подруга. Разумѣется церковь и мерія не играютъ ни малѣйшей роли въ этихъ ультра-гражданскихъ бракахъ.

Вторая операція производится новичками тряпичниками, или „особняками“, то-есть субъектами держащимися, по какимъ-нибудь причинамъ или по собственному влеченію, въ сторонѣ отъ корпораціи. Эти выступаютъ на сцену часамъ къ четыремъ утра, и тоже роются въ кучкахъ, подбирая что̀ могло случайно ускользнуть отъ зоркаго ока предшественниковъ, или же чѣмъ пренебрегли послѣдніе.

Затѣмъ является муниципальная телѣга на которую сваливаютъ остатки кучекъ. Соръ сметается въ *ruisseau* *, пускаютъ воды, и послѣдніе остатки нечистотъ уносятся въ сточныя трубы.

Утренній туалетъ города оконченъ.

Каждый вечеръ армія шиффоньеровъ обоего пола собирается у заставы ожидая минуты когда ее впустятъ въ городъ. Странное зрѣлище представляютъ улицы идущія отъ заставъ къ городу когда по нимъ проносится смрадный легіонъ. Издали вы видите множество быстро приближающихся огоньковъ. До васъ начинаетъ долетать нестройный гулъ. Ближе, ближе. Гулъ превращается въ топотъ и говоръ; огоньки превращаются въ фонари; изъ темноты выдѣляются черныя фигуры; васъ обдаетъ зловоніемъ.... Мимо валитъ безобразная арава. Шиффоньеры и шиффоньерки, по три, по четыре въ рядъ, движутся скорымъ шагомъ, переваливаясь и горбясь по привычкѣ. Корзины за спиною, крюки на плечѣ; фонари болтаются низко, чуть не касаясь земли.

* Углубленіе по обѣимъ сторонамъ улицы у тротуара, для сто̀ка воды.

Ни визгу, ни писку, ни пѣтушиныхъ криковъ, ни мяуканья, ни возгласовъ, раздающихся во всякой парижской толпѣ. Шумнаго, живаго говору, и того нѣтъ. Отрывистая рѣчь скороговоркой, непечатная брань, краткая но внушительная, да изрѣдка сиплый надтреснутый хохотъ, — вотъ все что слышно.

Не долго движется такъ это фантастическое шествіе. Ряды шиффоньеровъ рѣдѣютъ; небольшія кучки безпрестанно отдѣляются отъ главной колонны и исчезаютъ въ боковыхъ улицахъ, и вскорѣ вся тряпичная армія разсылается по городу.

Что это за народъ? Откуда они являются? Тянутъ они эту лямку всю свою жизнь, или случайно погрязли въ помояхъ? Сами ли пошли въ эту тину, или были засосаны въ нее судьбою?

Народъ это всякій, принадлежавшій ко всѣмъ классамъ общества, даже къ самымъ высшимъ. Попадались между ними и бывшіе воспитанники Политехнической Школы, и бывшіе студенты, и графы, и маркизы.

Прошлое такихъ шиффоньеровъ болѣе или менѣе сходно между собою: распутная, разнузданная жизнь, конечное раззоренье, отсутствіе рѣшимости и силы воли приняться за трудъ, начать новую жизнь, или, въ противномъ случаѣ, порѣшить съ собою; пьянство съ горя и отчаянія, безпробудное пьянство; затѣмъ, конечное паденіе, опущенность, нищета, лохмотья, шатаніе безъ крова, голодъ, холодъ.... Тутъ шиффоньерскій крюкъ является якоремъ спасенія.

Прошлое другихъ шиффоньеровъ скромнѣе: спившіеся съ круга или выгнанные отовсюду за дурное поведеніе работники, кучера, гарсоны, мастеровые.

Есть много шиффоньеровъ по наслѣдству, промышляющихъ тряпичничествомъ изъ рода въ родъ, отцы, дѣды и прадѣды которыхъ были „рыцарями крюка".

Есть между ними бѣглые каторжники и субъекты скрывающіеся отъ полиціи, и люди бѣжавшіе общества по какимъ-либо причинамъ.

Есть лѣнтяи, которымъ нравится валяться на боку двадцать часовъ въ сутки, хоть бы то было въ немыслимой грязи.

Встрѣчались просто циники, вооружившіеся поганымъ крюкомъ такъ, просто, изъ любви къ искусству.

Попадались мизантропы добровольно погрязшіе въ помояхъ, въ надеждѣ потопить гложущую ихъ тоску.

Не перечтешь.

Прошлое шиффоньерокъ однообразнѣе; это почти все ветеранки проституціи, слившіяся съ круга или не сумѣвшія пристроиться на старость.

Словомъ, въ массѣ, это подонки общества, осадки скопляющіеся въ одномъ мѣстѣ, гнилые, прокаженные соки стекающіеся въ одну яму, подобно тому какъ городскія нечистоты стекаются въ центральный сточный резервуаръ.

Странное дѣло! Шиффоньеры очень хладнокровные политики и не мѣшаются обыкновенно въ революціонныя движенія. Въ этомъ отношеніи они составляютъ рѣзкую противоположность съ другими общественными протестантами и вообще людьми живущими не въ ладахъ съ обществомъ. Увѣряютъ что само ремесло располагаетъ къ философіи! Развѣ только къ Діогеновой. Тутъ скорѣе другое: народъ это себѣ на-умѣ, опытный, бывалый, понимающій что никакая политическая революція не передѣлаетъ его соціальнаго положенія. Доказательство тому коммуна—соціалистскій миражъ—нашедшая въ нихъ ревностныхъ сектаторовъ. То была блестящая эпоха для шиффоньеровъ. Многіе изъ нихъ заняли видныя мѣста, другіе очутились штабъ- и оберъ-офицерами и гордо разгуливали по Парижу въ расшитыхъ мундирахъ и ботфортахъ; нѣкоторые попали даже въ генералы.... Увы! гдѣ это время? Генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и сановники лежатъ теперь въ сырой землѣ, томятся въ заточеніи, или попираютъ негостепріимную почву Новой Каледоніи.

Мнѣ удалось услышать на *Butte-aux-Cailles* поэтическій отголосокъ того времени: пѣсню сложенную по подругѣ разстрѣлянной версальскими войсками при взятіи Парижа. Я записалъ это непереводимое произведеніе дикой поэзіи. Вотъ оно:

J'la rencontre un joir par hasard;
C'était du temps que les communards
Dans Paris commettaient tant d'meurtres....
A Montmeurtre!...

J'lui plus d'abord parc'que j'avais
Un physico qui lui r'venait,
Et sur la tête un bonnet de marte!
A Montmarte!...

Elle n'était pas joli', du tout,
Mais tout d'même elle était d'mon goût...
Elle avait contracté des dartres
A Montmartre!...

Elle fut pris! par les Versailleux...
C'est ell' même qui commanda l'feu!
Allons donc prendre une absinthe verte
A Montmerte!...

Depuis qu'on l'y a crevé l'coeur,
Sur sa tombe on va j'ter des fleurs,
Car on l'y a bâti un tertre
A Montmertre!...

Но надо это слышать спѣтое туземцемъ, хриплымъ, надтреснутымъ голосомъ, то исполненнымъ ядовитой ироніи, то цинизма, то этого непередаваемаго *air canaille* присущаго парижскому подкаретному люду. И вдругъ, какъ лучъ солнечный мелькнувшій среди мрака, раздается теплая, душевная нотка и голосъ глухо-болѣзненно вибрируетъ при словахъ:

Allons donc prendre une absinthe verte...!

За два дня моего пребыванія на горкѣ я свелъ нѣсколько знакомствъ. Между ними позвольте мнѣ представить вамъ гражданина Гальяра.

Гальяръ шикарный шиффоньеръ. Шикарный! не примите это слово въ прямомъ смыслѣ. Гальяръ шикаръ по своему: шапку носитъ онъ круто на бекрень, крюкомъ маневрируетъ съ какимъ-то особеннымъ залихватствомъ, корзину носитъ какъ колчанъ, на бокъ. Словомъ онъ шиффроньеръ съ градомъ.

Теперь мнѣ надо оговориться. Я хочу сфотографировать вамъ типичную фигуру Гальяра и невольно призадумываюсь предъ этою операціей, призадумываюсь боясь обвиненія въ излишнемъ реализмѣ, въ погонѣ за отвратительнымъ.

Усиливать красокъ я не стану, но и не вижу причины смягчить ихъ. Вы хотите шиффоньера,—вотъ онъ вамъ, срисованный вѣрно, такой какъ есть.

Гальяръ идеально грязенъ; грязенъ какъ черви копошащіеся въ помойныхъ ямахъ. Первобытный цвѣтъ его блузы и штановъ опредѣлить теперь нѣтъ возможности, были

ли они синіе, бѣлые, сѣрые, рѣшать не берусь; за одно могу поручиться,—что лѣтъ за десять, кромѣ дождя, другой стирки этому платью не было. На всклокоченной головной растительности, таинственныя дебри которой обрѣтаются въ дѣвственномъ состояніи, покоится сочная, жирная фуражка безъ козырька, смятая блиномъ. Носъ Гальяра замѣчателенъ и страшенъ. Первобытную форму его опредѣлить также невозможно; теперь это сизо-сѣро-багровый мягкій, корявый наростъ, съѣхавшій книзу, изъ двухъ отверстій котораго выбиваются внаружу два лука волосъ сливающихся съ усами. Черная съ рыжиной борода лѣпится жирными язычками къ губамъ и подбородку. Маленькіе впалые глаза безъ рѣсницъ, горящіе какъ два угля подъ густо нависшими щетинистыми бровями набитыми соромъ. Умолчу о его пальцахъ, потому что оконечности ихъ быть-можетъ отвратительнѣе всего остальнаго. На ногахъ нѣчто въ родѣ стоптанныхъ туфель на босую ногу. Вообще нижняго бѣлья не полагается. Цвѣтъ лица неизвѣстный, столько на немъ наносныхъ наслоеній.

Этотъ почтенный шиффоньеръ согласился быть моимъ чичероне. Благодаря ему я видѣлъ возвращеніе смраднаго легіона съ жатвы, то-есть изъ города. Возвратъ происходитъ по одиночкѣ или маленькими группами. Сперва появляются „пары" и „аристократы", снявшіе первыя „сливки". Они спѣшатъ въ свои лачуги чтобы разсортировать ночную поживу. Сортировка эта производится въ единственной комнатѣ составляющей жилье шиффоньерской семьи; сочащаяся корзина опрокидывается на полъ и вся семья копается въ навозной кучѣ.

За парами и аристократами тянется простой плебсъ, довольствующійся объѣдками. У этихъ нѣтъ корзины и крюка; мѣшокъ замѣняетъ корзину, руки—крюкъ.

Возвратъ начинается съ шести часовъ утра. Улицы трущобы представляютъ въ это время самое бойкое зрѣлище. Въ дверяхъ лачугъ появляются дѣти, беременныя подруги и вообще людъ остававшійся дома.

Что̀ за типы, что̀ за картины!

Нѣсколько женщинъ сидятъ кучкой и внимательно роются другъ у друга въ головахъ; дѣти барахтаются въ канавкахъ и копошатся въ грязи; мальчишки лѣтъ десяти курятъ въ

коротенькихъ трубочкахъ (*brule-gueule*) сушеную траву вмѣсто табака. Тамъ и сямъ производится „сортировка“ на чистомъ воздухѣ; нѣсколько шиффоньеровъ свалили рядомъ кучки дабы усладить операцію пріятною бесѣдой. Бесѣда заключается почти исключительно въ непечатныхъ ругательствахъ которыми сортировщики угощаютъ другъ друга. Дѣвушки сидятъ на корточкахъ въ продранныхъ платьяхъ съ обнаженною грудью. По улицѣ бредетъ старуха въ лохмотьяхъ; на плечахъ ея красуется въ видѣ шали засаленный мѣшокъ. Другая, ужаснаго вида, сгорбленная, съежившаяся, съ крошечною лысою головой, съ лицомъ утратившимъ человѣческое подобіе, продаетъ стружки въ мѣшкѣ. У дверей сидитъ на землѣ горбунья неизвѣстныхъ лѣтъ; лицо грязно-коричневаго цвѣта, вмѣсто глазъ воспаленныя щелки, крошечный хвостикъ волосъ торчитъ на маковкѣ, какъ у Китайца, одѣяніе ея—невообразимо засаленныя влажныя лохмотья. У ногъ играютъ двое дѣтей, третьяго она кормитъ грудью. Она мать! Я невольно содрогнулся.

— Послѣдніе дни здѣсь доживаемъ, говоритъ мнѣ Гальяръ,—выживаютъ.... Тѣсно имъ стало въ Парижѣ! А мѣсто наше, насиженное съ искони....

Вернувшись съ жатвы и покончивъ съ сортировкою, шиффоньеры и шиффоньерки отправляются, куда слѣдуетъ, пропустить „утренникъ“, то-есть нѣсколько рюмокъ водки. Нѣкоторые повзыскательнѣе предпочитаютъ ублаготвориться литромъ другимъ *petit bleu* *, зарядившись предварительно, чтобы положить основу, водкою. Затѣмъ, на „второмъ взводѣ“ или совершенно пьяные, они заваливаются на боковую.

Вся семья спитъ обыкновенно въ повалку: мужъ, жена, дѣти, все это валяется вмѣстѣ на вонючей соломѣ прикрытой засаленною дерюгою. Тутъ же стоитъ навозная корзина, сохнетъ навозное пятно въ томъ мѣстѣ гдѣ производилась сортировка; въ углу глиняный кувшинъ съ водою, исключительно предназначенной для питья. Столъ, стулъ или скамейка.

И между тѣмъ многіе изъ шиффоньеровъ пропиваютъ до двухъ-трехъ франковъ въ сутки. Это нищета ужасная и ужасающая, отвратительная и отвращающая, распутная, не

---

* Виноградное вино низшаго сорта.

могущая внушить самому сердобольному сердцу ничего кромѣ омерзенія. Это порокъ въ лохмотьяхъ.

Во время оно, шиффоньеры собирались для оргій въ кабакѣ *Le Pot Blanc*. Я уже не засталъ этой диковинки, о которой много слышалъ, но за то видѣлъ нынѣшній ихъ сборный пунктъ, *Nectard de Baсu,* или не придерживаясь орѳографіи вывѣски *Nectard de Bacchus.*

Съ улицы его не видно. Въ глубинѣ грязнѣйшаго треугольнаго двора, заваленнаго всякою мерзостью, заставленнаго шиффоньерскими корзинами и ручными телѣжками, стоитъ грязный домишко съ мезониномъ. Нижній этажъ углубленъ аршина на полтора ниже уровня земли. Въ этомъ подвалѣ и помѣщается заведеніе гдѣ счастливые смертные могутъ, какъ обѣщаетъ вывѣска, отвѣдать нектаръ Вакха. У двери вьется тощая виноградная лоза; по бокамъ висятъ кроличьи шкуры. И то и другое красуется вѣроятно чтобы потребители не сомнѣвались въ томъ что имъ подносятъ настоящее вино и настоящихъ кроликовъ. Внутри такъ темно что въ первую минуту, пока глазъ не привыкнетъ, нельзя ничего различить. Большая низкая комната; по бокамъ засаленные, загаженные столы и скамейки; въ глубинѣ прилавокъ. Вечеромъ это освѣщается маленькими сальными свѣчами, дающими больше копоти чѣмъ свѣта.

Здѣсь царствуетъ американскій обычай раздѣленія половъ. Шиффоньерки имѣютъ свою „залу", гдѣ онѣ могутъ ссориться и драться сколько душѣ угодно, не мѣшая мущинамъ. Гальяръ увѣряетъ что дня не проходитъ безъ того чтобы въ „дамской залѣ" не происходило генеральной потасовки съ волосною расправою, послѣ обычнаго подпитія.

Мнѣ показали одну старуху проходившую въ „дамскую". Маленькая, худая, будто вся изсохшая, съеженная, съ лицомъ сморщеннымъ какъ печеное яблоко, съ вывороченными вѣками, безъ бровей и рѣсницъ, съ подъѣхавшимъ къ носу подбородкомъ; безъ лѣтъ — Маѳусаилъ въ юпкѣ; на головѣ старый клѣтчатый, красный съ желтымъ, платокъ, на плечахъ невѣдомаго цвѣта бурнусъ.

Вотъ что мнѣ про нее разказали.

Каждый вечеръ, къ обѣденному времени, она является въ кабакъ, садится и спрашиваетъ *ordinaire* (обыкновенный обѣдъ состоящій изъ порціи бульйона и одного блюда. Бульйонъ подается въ сосудѣ похожемъ на наши полоскательныя

чашки. Стóитъ это все четыре су). Едва предъ нею поставленъ бульйонъ какъ она начинаетъ поминутно кричать дребезжащимъ голосомъ: *Y-a-t-il du café bien chaud?* * За все время ѣды, она не перестаетъ разговаривать съ собою, шамкая беззубыми деснами, покачивая головою, подергивая плечами, какъ будто бы ее тормошили сзади. Выпивъ свой кофе съ коньякомъ, старуха съ добрые четверть часа остается неподвижна, какъ бы въ раздумьи, съ закрытыми глазами. Затѣмъ она вырывается вдругъ изъ забытья, начинаетъ суетливо шарить въ карманѣ и вытаскиваетъ нѣсколько су.

— Давайте мнѣ еще „бѣлаго“ *(blanc)* на два су. Слышите! взвизгиваетъ она.

„Бѣлое“ — мѣстная водка; ужасный напитокъ выдѣланный Богъ вѣсть изъ чего.

Старуха залпомъ опоражниваетъ стаканчикъ и поспѣшно утирается ладонью. Тутъ ее начинаетъ корчить: ротъ сворачивается на сторону, она щуритъ глаза, плачетъ, кривляется, высовываетъ языкъ и строитъ такія рожи — выражается Гальяръ — *comme une bigote qui aurait avalé le diable avec sa fourche* **. Когда припадокъ проходитъ, старуха начинаетъ болтать безъ умолка и сообщаетъ слушателямъ всѣ росказни и сплетни околотка.

Эта сцена повторяется каждый Божій день.

Чтò за женщина эта старуха? Откуда занесла ее судьба въ эту трущобу? не спрашивайте. Не спрашивайте у меня ничего даже о Гальярѣ, моемъ услужливомъ чичероне. Попробовалъ я было завести рѣчь съ этими людьми о прошломъ, но съ первыхъ же словъ понялъ что то будетъ лишь потерянное время. Кромѣ умышленной лжи, да самаго нагдаго вранья, ничего не услышишь. Не въ два дня можно приручить этотъ людъ.

Въ *Nectard de Bacu* обыкновенно обѣдаетъ и кутитъ аристократическій элементъ почтенной корпораціи. Раздѣленіе половъ не всегда соблюдается. Отъ времени до времени шиффоньеры устраиваютъ банкеты на которыхъ появляется и прекрасный полъ. Эти пиршества происходятъ обыкновенно

* Есть ли горячій кофе?

** Какъ ханжа проглотившая чорта съ вилами.

послѣ нѣсколькихъ удачныхъ жатвъ или случайныхъ поживъ. Пирующіе, изобильно запасшись нектаромъ Вакха, запираются въ отдѣльной залѣ на всю ночь, и смрадныя стѣны кабака остаются единственными и нѣмыми свидѣтелями безобразій этой оргіи прокаженныхъ.

Но довольно. Останавливаюсь. Слишкомъ долго быть-можетъ держалъ я васъ въ этой смрадной атмосферѣ: она вамъ претитъ, вы хотите отвернуться отъ гнусныхъ сценъ.

Выйдемъ же на чистый воздухъ; но не забывайте того что̀ видѣли въ этомъ омутѣ. Не въ одномъ Парижѣ онъ есть, — всякое общественное тѣло даетъ осадокъ.

Не забывайте того что у этихъ демоновъ родятся неповинныя дѣти, способныя на все хорошее, могущія стать полезными членами общества.

Не забывайте что рука вырвавшая ребенка изъ такой среды, спасаетъ погибающаго.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

ПОѢЗДКА ВЪ БУХАРУ

(ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДНЕВНИКА)

I.

Въ концѣ 1873 года, бухарскимъ эмиромъ Сеидъ-Музаффаръ-Эддиномъ было отправлено въ С.-Петербургъ посольство, которое только къ маю 1874 года возвратилось въ городъ Ташкентъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Бухару. Посѣщеніе столицы Россійской Имперіи, милостивый пріемъ котораго они удостоились, произвели сильное впечатлѣніе на дикихъ Бухарцевъ. По собственнымъ ихъ словамъ, они насмотрѣлись въ С.-Петербургѣ такихъ чудесъ какихъ себѣ и вообразить трудно. Эта похвала европейской образованности тѣмъ болѣе заслуживала удивленія что она была изъ немногихъ которыя средне-Азіятцы позволили себѣ провозглашать открыто и безъ всякой сдержанности. Вообще этотъ фактъ тѣмъ знаменателенъ что до сихъ поръ никогда никакой житель Средней Азіи не осмѣливался восхищаться ничѣмъ что̀ только не принадлежало къ мусульманскому міру, подъ страхомъ общаго презрѣнія и тяжелыхъ наказаній, которыми обыкновенно охлаждались неумѣренные восторги каждаго

мусульманина рискнувшаго найти что-нибудь хорошее въ европейской образованности *.

Означенное посольство везло отъ Государя Императора къ эмиру многочисленные подарки. По прибытіи его въ Ташкентъ, для оказанія ему почета, было поручено мнѣ сопровождать его до Бухары; кромѣ того я долженъ былъ передать Сеидъ-Музаффару поклоны и дружескія пожеланія туркестанскаго генералъ-губернатора и генералъ-лейтенанта Колпаковскаго.

Не скажу чтобъ извѣстіе о моемъ назначеніи пріятно подѣйствовало на посланника. Онъ боялся попасть въ немилость у своего властителя за то что привезъ съ собой кяфира **. Смущеніе свое Абдулъ-Кадыръ-бій (посланникъ) не смогъ скрыть, несмотря на всѣ приторныя любезности которыми поспѣшилъ меня осыпать при первомъ нашемъ знакомствѣ. Зная непостоянный и жестокій характеръ своего повелителя, онъ былъ особенно озабоченъ тѣмъ какъ я буду принятъ въ Бухарѣ и какъ его высокостепенство, эмиръ, отнесется къ его дѣйствіямъ въ С.-Петербургѣ. Мое присутствіе могло его сильно стѣснить.

15го мая, отправивъ впередъ арбы, *** нагруженныя подарками, посылаемыми Государемъ Императоромъ, и вещами, какъ нашими, такъ и бухарскими, я двинулся съ г. Вилькинсомъ (однимъ изъ моихъ спутниковъ) къ Самарканду, чтобъ обезпечить бухарскому посольству безостановочное слѣдованіе къ столицѣ Тимура и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить генералъ-майора Абрамова (начальника Заравшанскаго округа) о пріѣздѣ Бухарцевъ.

Переѣздъ изъ Ташкента въ Самаркандъ былъ совершенъ благополучно. Города Чиназъ, Джюзакъ и Самаркандъ, степь Мурзарабатъ, Тамерлановы Ворота и пр. не стану описывать: все это давнымъ-давно извѣстно до мельчайшихъ подробностей, а потому прямо начну свой разказъ съ выѣзда нашего изъ Самарканда.

Въ Самаркандѣ я узналъ что эмиръ Бухарскій находится

---

* Разительнымъ примѣромъ можетъ служить посольство въ 1869 году Тюря-Джана, сына эмира: мало уцѣлѣло отъ этого посольства.

** Кяфиръ—невѣрный.

*** Арба — телѣга.

въ городѣ Шаарѣ, а такъ какъ Абдулъ-Кадыру и мнѣ требовалось явиться первоначально къ его высокостепенству, то съ общаго согласія и было рѣшено проѣхать черезъ горы на городъ Китабъ и оттуда въ Шааръ. Изъ двухъ путей идущихъ по этому направленію (одинъ въ 72 версты, другой въ 110 верстъ), мы выбрали самый длинный, потому что по кратчайшему, вслѣдствіе крутыхъ горъ его перерѣзывающихъ, было бы невозможно благополучно провезти наши арбы (черезъ Кара-Тюбе арбы не ходятъ).

Новизна далекаго путешествія верхомъ, перспектива ближе ознакомиться съ однимъ изъ независимыхъ государствъ Средней Азіи, извѣстнымъ мнѣ только по книгамъ и разказамъ, наконецъ своеобразная обстановка при которой должно было совершиться путешествіе, все это сильно возбуждало мое любопытство. А Бухарцы нарочно, какъ будто испытывали мое терпѣніе, медлили приготовленіями къ отъѣзду, и, для большей важности, теряли время на пустыя церемоніи.

Наконецъ 20го мая въ 5 часовъ пополудни, мы оставили Самаркандъ. На большое пространство растянулся нашъ караванъ; вотъ составъ его: Абдулъ-Кадыръ-бій, токсаба, * посланникъ, его два секретаря, мирза ** уракъ *** и мирза Вахабъ, Зіанеддинъ-мирахуръ, **** ѣздившій въ Ташкентъ по приказанію эмира встрѣчать возвращающееся посольство, тридцать бухарскихъ джигитовъ, † я, г. Вилькинсъ, состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ и назначенный меня сопровождать г. Чалышевъ, назначенный мнѣ въ спутники въ качествѣ переводчика Татаринъ мулла-Хайрулла-Юнусовъ, приглашенный мною въ качествѣ частнаго секретаря, наши джигиты, Татаринъ Камалей и Ташкентцы Сеидъ-Али и Уста, десять уральскихъ казаковъ съ урядникомъ, одиннадцать арбъ съ ихъ проводниками и курбашъ †* самаркандскій съ пятью помощниками,

* Токсаба—военный чинъ, равный полковнику.

** Мирза — секретарь.

*** Уракъ — духовный чинъ.

**** Мирахуръ — шталмейстеръ, отъ словъ миръ — начальникъ и ахръ — ясли.

† Джигитъ — молодецъ; эти люди употребляются для посылокъ, исполняютъ обязанности прислуги и замѣняютъ почтальйоновъ. Джигитами также называются смѣльчаки, лихіе наѣздники.

†* Курбашъ — полицейскій чиновникъ.

которые провожали насъ до самой границы и распоряжались угощеніемъ, покуда мы не оставили русскихъ предѣловъ.

Живописную картину представляла изъ себя эта смѣшанная толпа всадниковъ въ европейскихъ и азіятскихъ костюмахъ. Весьма неуклюжіе и неповоротливые какъ пѣшеходы, Бухарцы имѣютъ совершенно другой видъ на лошади. Несмотря на тяжелыя чалмы, длинные, пестрые халаты (почти на каждомъ было надѣто ихъ по нѣскольку штукъ), они чрезвычайно ловко сидятъ на своихъ высокихъ сѣдлахъ (у старшихъ лошади были украшены разноцвѣтными шалевыми и парчевыми попонами и бирюзовыми сбруями) и смѣло перескакиваютъ черезъ самыя трудныя препятствія. Лошади, большею частью иноходцы (между ними были и туркменской породы), не уступаютъ своимъ всадникамъ въ ловкости, выносливости и смѣлости. Меня особенно удивлялъ комфортъ которымъ умѣлъ окружать себя Абдулъ-Кадыръбій во время своихъ странствованій. Въ продолженіе всего путешествія, *челимчи* * подносилъ ему ежеминутно *челимъ,* который онъ курилъ съ большою важностью, нисколько не замедляя шага лошади. Обыкновенно челимъ переходилъ изъ рукъ въ руки по старшинству. На опытѣ пришлось мнѣ убѣдиться что куреніе челима, возбуждая мокроту и освѣжая ротъ, значительно способствуетъ перенесенію усталости. Когда наступалъ часъ для совершенія намаза, немедленно растилался *намазъ-джай.* ** Когда томила жажда, тотчасъ же подносилась свѣжая вода или же холодный чай джигитомъ особо для этого назначеннымъ. На стоянкахъ всегда весьма скоро разбивались узорчатыя палатки, устанавливались навѣсы, раскладывались ковры и подушки и подавались многочисленныя угощенія. При этомъ нельзя было не пожалѣть несчастную прислугу, которая изъ страха наказанія, несмотря на усталость, принуждена была исполнять малѣйшіе капризы своего избалованнаго и изнѣженнаго господина. ***

---

* Обязанность челимчи заключается въ раскуриваніи и подаваніи челима — родъ кальяна. Бухарцамъ очень нравилось что я находилъ удовольствіе курить ихъ челимъ.

** Намазъ-джаемъ называется коверъ употребляемый во время намаза, то-есть молитвы.

*** На привалахъ Абдулъ-Кадыръ всегда переодѣвался и развали-

Проѣхавъ три *таша* * по прелестной холмистой мѣстности, пересѣченной нѣсколькими горными ручейками, мы остановились на ночлегъ въ *кишлакѣ* ** Садаганъ, у подножія Джамскихъ горъ. При лунномъ свѣтѣ разбили мы наши палатки на берегу быстраго горнаго ручейка; кони были привязаны къ желѣзнымъ кольямъ, что̀ однако не мѣшало имъ часто отрываться и производить большую суматоху между спавшимъ людомъ; и скоро весь караванъ, подкрѣпивъ свои силы туземными яствами, находился уже въ объятіяхъ Морфея. Съ этого мѣста, а потомъ съ каждаго привала, были посылаемы Абдулъ-Кадыромъ джигиты къ эмиру съ извѣщеніемъ о нашемъ приближеніи. Первый переѣздъ, хотя мы и совершили его шагомъ, показался нѣсколько скучнымъ и утомительнымъ; въ послѣдствіи мы свыклись съ такимъ способомъ передвиженія и уже болѣе не чувствовали никакой усталости.

На слѣдующій день (21го мая), проѣхавъ въ сильнѣйшій жаръ по совершенно ровной долинѣ $3^3/_4$ таша, мы добрались до кишлака Джамъ, гдѣ въ послѣдній разъ пользовались угощеніемъ на русской почвѣ. Здѣсь мы распростились съ курбашемъ, который вернулся въ Самаркандъ. Недалеко отъ кишлака, на маленькой возвышенности, мы увидѣли развалины стараго Джамскаго укрѣпленія. Отсюда подъ вечеръ мы успѣли сдѣлать еще два таша чрезъ Шахрисябзскія горы, по узенькой дорожкѣ, до кишлака Кызылъ-Кутанъ, находящагося уже въ бухарскихъ владѣніяхъ, гдѣ и остановились ночевать, такъ какъ далѣе, вслѣдствіе темной ночи и высокихъ горъ, было очень трудно и опасно ѣхать, особенно тяжело нагруженнымъ арбамъ нашимъ. Съ этого дня всѣ

вался на подушкахъ, причемъ джигиты обязаны были растирать его утомленное тѣло.

* Бухарскій ташъ (ташъ—камень) равняется восьми верстамъ. Отмѣриваютъ его слѣдующимъ образомъ: обыкновенно это дѣлается во время путешествій эмира, джигитъ ведетъ его лошадь и считаетъ шаги. Отсчитавъ 12.000 шаговъ, онъ останавливается, произноситъ „ташъ" и кладетъ на то мѣсто большой камень. Затѣмъ уже считаетъ другой джигитъ и т. д.

** Кишлакъ—зимовка, деревня, вообще какое-нибудь поселеніе неукрѣпленное; отъ словъ кишъ—зима, ликъ, или лякъ—окончаніе означающее мѣсто, способъ, средство, размѣръ.

попеченія обо мнѣ и моихъ спутникахъ Бухарцы взяли на себя, что̀ и исполнили съ большимъ успѣхомъ, обставивъ насъ самымъ изысканнымъ восточнымъ комфортомъ, какой только можно себѣ вообразить въ странѣ мало образованной. На этомъ ночлегѣ посланникъ предоставилъ намъ свою палатку, въ которой буквально все свободное пространство было заставлено блюдами съ разными кушаньями.

Хотя переѣздъ отъ Кызылъ-Кутана до кишлака Акъ-Бугая всего въ четыре таша, онъ у насъ однако занялъ очень много времени по причинѣ крутыхъ и длинныхъ подъемовъ на горы и такихъ же спусковъ. Дорога, весьма живописная, шла то большими пропастями и оврагами, то чрезъ узкія ущелья; поминутно приходилось переѣзжать быстрые горные ручейки, а самое худшее было переправляться чрезъ большія пространства густо усѣянныя острыми каменьями. Всѣ эти препятствія было довольно трудно преодолѣть арбамъ, для которыхъ проложенная тропинка была слишкомъ узка; а потому, принужденныя ѣхать по склонамъ горъ, онѣ подвергались на каждомъ шагу опасности опрокинуться. Съ большимъ трудомъ и только съ помощью многихъ рукъ (насильно принуждались къ этому всѣ встрѣчавшіеся туземцы) могли онѣ быть благополучно вытаскиваемы на горы и спускаемы внизъ. Придавая важное значеніе поклажѣ, которою онѣ были нагружены, Абдулъ-Кадыръ очень добросовѣстно заботился объ ихъ безопасности. Частыя депутаціи отъ разныхъ кишлаковъ выѣзжали къ Абдулъ-Кадыру на встрѣчу съ поздравленіями, причемъ встрѣчавшіе поспѣшно слѣзали съ лошадей, подобострастно подбѣгали къ посланнику и цѣловали его руки; эти задержки отнимали у насъ очень много времени.

На полдорогѣ до Акъ-Бугая, у кишлака Гюль-Хаме, мы были встрѣчены младшимъ сыномъ Китабскаго бека (Абдулъ-Гафаръ-илака) *, Абдуррахманъ-бекомъ-курчи **, который послѣ дружественнаго рукоположатія объявилъ мнѣ: „какъ онъ доволенъ и счастливъ даннымъ ему порученіемъ встрѣ-

---

* Илакъ — значитъ служащій въ свитѣ, чинъ придворный. Нѣкоторые мнѣ объясняли будто этимъ названіемъ обозначается довѣренное лицо, близкій совѣтникъ, и будто этотъ чинъ послѣ аталыка одинъ изъ важнѣйшихъ.

** Курчи — караульщикъ равняется чину поручика.

тить меня, поздравить съ благополучнымъ въѣздомъ въ бухарскія владѣнія, выразить чувства искренней дружбы, которую Бухарцы питаютъ къ Русскимъ и, провожая насъ до города Китаба, оказывать мнѣ гостепріимство." На это я отвѣтилъ: „что я съ своей стороны также считаю себя счастливымъ вступить при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ на бухарскую почву, гдѣ вижу на каждомъ шагу доказательства дружбы Бухары къ ея могучему сосѣду, что я весьма радъ случаю познакомиться съ нимъ и выразить ему мою глубокую благодарность за оказываемый мнѣ пріемъ; надѣюсь что наше знакомство этимъ не ограничится, и наконецъ, что съ нетерпѣніемъ буду ожидать дня когда буду имѣть честь представиться его высокостепенству." Молодаго бека сопровождало болѣе пятидесяти всадниковъ, всѣ въ нарядныхъ, разноцвѣтныхъ халатахъ.

Въ кишлакѣ Акъ-Бугаѣ насъ помѣстили въ узбекскія, весьма уютныя и красивыя, юрты, устланныя коврами, куда, тотчасъ по нашемъ прибытіи, цѣлымъ эскадрономъ слугъ, почти на пятидесяти блюдахъ, былъ принесенъ роскошный *дастарханъ* *, состоявшій изъ фруктовъ, печеній, сластей и разныхъ произведеній бухарской кухни. Послѣ короткаго отдыха, такъ какъ ожидали моего разрѣшенія, я далъ знакъ къ подъему. **

22го мая день былъ облачный, что̀ въ лѣтнее время въ этихъ странахъ рѣдко случается; дулъ сильный вѣтеръ, умѣрявшій нѣсколько страшный жаръ, который мучилъ насъ въ продолженіи всего путешествія. Опять пришлось превозмогать трудности, перебираясь черезъ горы. Особенно утомилъ насъ проходъ черезъ ущелье Макритъ-Тау *** (или Капканъ-Агачъ). **** Только въ узкихъ долинахъ, оврагахъ и ущельяхъ виднѣлись деревья, да склоны нѣкоторыхъ горъ были покрыты очень плохо обработанными полями; бо̀льшую же часть лейзажа занимали высокія горы, представлявшія изъ себя груды наваленныхъ камней, всевозможныхъ цвѣ-

---

* Дастарханъ — скатерть. Этимъ словомъ обыкновенно называется угощеніе.

** Меня Бухарцы называли калянъ-заде, т.-е. сынъ великаго сановника, почему и удостоивали самыхъ высокихъ почестей.

*** Тау—гора.

**** Капканъ-Агачъ, т.-е. оторванное дерево.

товъ. Сдѣлавъ около трехъ ташей, мы очутились въ кишлакѣ Макритъ, расположенномъ въ длинной и узкой долинѣ, окаймленной съ двухъ сторонъ горами. Насъ ждала масса народа (все Узбеки); угощенія уже были приготовлены, — несмотря на ихъ приторность мы принуждены были къ нимъ приступить, чтобы не обидѣть нашихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Здѣсь на нашихъ глазахъ разыгралась мелодраматическая сцена, о которой не могу умолчать, такъ какъ она весьма рельефно можетъ выставить на какой низкой ступени нравственнаго развитія стоитъ Бухарскій народъ. Когда нужны были вспомогательныя лошади для втаскиванія нашихъ арбъ на горы, то таковыя обыкновенно требовались отъ жителей. Одинъ Узбекъ, однако, отказался отъ этой неожиданной повинности; его рѣшили немедленно наказать за такое непослушаніе. Его замѣтили сидящимъ въ толпѣ, которая окружала нашу юрту. Абдуррахманъ - бекъ - курчи первый бросился на него и сталъ жестокимъ образомъ бить его ногайкою. Это послужило сигналомъ: въ одну секунду все поднялось на ноги и кинулось на несчастнаго; даже тѣ которые за нѣсколько минутъ сидѣли рядомъ и дружески разговаривали съ нимъ. Сильно избитый, Узбекъ былъ повѣшенъ за локти на деревѣ и провисѣлъ въ такомъ отчаянномъ положеніи около четверти часа. Но этимъ не удовольствовались; къ нему подошелъ узбекскій аксакалъ * и началъ его отвязывать, чтобы, какъ я узналъ позже, подвергнуть новымъ, еще худшимъ истязаніямъ. Узбекъ ждалъ только благопріятной минуты: когда его развязали, онъ внезапно, сбросивъ халатъ (за который его держали), устремился къ довольно высокой оградѣ, сдѣлалъ отчаянной скачокъ черезъ нее и мгновенно скрылся, благодаря своей быстротѣ, отъ спѣшившей за нимъ погони. Послѣ этого любопытно было видѣть ярость молодаго бека, который долженъ былъ сознаться что жертва избѣгла его жестокости.

Проѣхавъ еще немного по горамъ, мы наконецъ оставили ихъ и нашимъ глазамъ представилась великолѣпная картина: на далекое пространство разстилалась громадная Шахрисябская долина, совершенно оправдывающая свое названіе, — „зеле-

---

* Аксакалъ — старшина, почетное лицо; отъ словъ акъ — бѣлый, сакалъ — борода.

ный городъ". Вся долина покрыта сплошною массою зелени (сады и поля), на которой темными пятнами обозначались города и кишлаки и свѣтлыми полосками изгибались ручейки и рѣчки. Вдали возвышалась башня Акъ-Сарая, * постройка Тамерлановскихъ временъ.

II.

Одолѣвъ еще два таша, мы вечеромъ добрались до Улусъ-кишлака, гдѣ и остановились, за восемь верстъ отъ города Китаба, для ночлега въ нарочно для насъ отведенномъ домѣ, съ большимъ садомъ. Населеніе этого большаго кишлака очень привѣтливо отнеслось къ нашему пріѣзду. На слѣдующій день мы должны были въѣхать въ городъ, такъ какъ вечеромъ (отъ 9 до 10 часовъ), послѣ намаза хуфтана, послѣдней молитвы, ворота затворяются и въ городъ никого не впускаютъ.

Не обращая никакого вниманія на нашу усталость и почти насильно вынудивъ наше согласіе (мы отказывались сперва, но принуждены были согласиться, такъ какъ намъ внушили что отказъ очень обидитъ хозяевъ), послѣ неизбѣжнаго дастархана, Бухарцы устроили на небольшой эспланадѣ, подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ сальныхъ свѣчей, *баземъ.* ** Музыка загремѣла, нѣсколько мальчиковъ начали пляску, раздались пѣсни подъ аккомпаниментъ дутары. ** Съ трудомъ удалось намъ уговорить прекратить это увеселеніе и дать намъ необходимый отдыхъ.

23го мая, въ шесть часовъ утра, едва мы успѣли одѣться какъ явился Абдулъ-Кадыръ предупредить насъ чтобы мы готовились встрѣтить двухъ посланныхъ отъ эмира сановниковъ. При этомъ посланникъ предложилъ свои услуги всегда и вездѣ содѣйствовать своими совѣтами: какъ слѣдуетъ дѣйствовать

---

* Акъ-Сарай — дворецъ въ гор. Шаарѣ.

** Базѳмъ — увеселеніе съ музыкой и танцами.

*** Дутара — двухструнная гитара.

при извѣстныхъ церемоніяхъ чтобы не нарушить мѣстныхъ обычаевъ. Я не замедлилъ отблагодарить его за вниманіе и предупредительность, но къ совѣтамъ его все-таки рѣдко прибѣгалъ и то только для формы, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ бухарскими нравами и обычаями, что приводило Бухарцевъ очень часто въ немалый восторгъ. Съ великою важностію, облаченные въ парчевые халаты, явились эмирскіе сановники: Джалиль-бій токсаба и Ирлазаръ-удайчи. * Привѣтствовавъ меня отъ имени эмира и пожелавъ всего хорошаго (на что я отвѣчалъ въ томъ же духѣ), они предложили мнѣ поѣхать прямо во дворецъ, гдѣ меня желаетъ встрѣтить владѣтельный бекъ Абдулъ-Гафаръ-бекъ-инакъ.

При большомъ стеченіи народа мы поѣхали многочисленною кавалькадой: курбаши, съ палками въ рукахъ чтобы разгонять народъ, впереди, Абдулъ-Кадыръ-бій, за нимъ эмирскіе посланники, потомъ я, мои спутники, джигиты, казаки въ два ряда и бухарская свита. Предъ дворцомъ стояли сарбазы ** (въ красныхъ мундирахъ) и топчи *** (въ зеленыхъ мундирахъ), съ распущенными знаменами, шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги. Когда мы показались, музыка заиграла тушъ и послышалась русская команда „на караулъ", довольно отчетливо произнесенная. По отдачѣ чести, мы были впущены во дворецъ, гдѣ вышелъ на встрѣчу Китабскій бекъ, очень видный и весьма почтенной наружности старикъ, съ большою свитою сановниковъ. Бекъ привѣтствовалъ меня отъ имени эмира въ весьма дружелюбныхъ выраженіяхъ; между прочимъ говорилъ какъ ему пріятно принимать сына одного изъ важныхъ русскихъ сановниковъ. Послѣ продолжительнаго разговора, предметомъ котораго были отношенія дружбы и согласія установившіяся между Россіей и Бухарой, былъ поданъ дастарханъ гигантскихъ размѣровъ для меня и для всѣхъ меня сопровождавшихъ. Затѣмъ были мнѣ подарены лошадь съ полною сбруей, халаты и куски матерій. Соотвѣтствующими по старшинству подарками были также надѣлены и всѣ мои спутники безъ исключенія. Обы-

* Удайчи придворный чинъ.

** Сарбазы—солдаты. Этимъ именемъ обозначается регулярная пѣхота.

*** Топчи—артиллеристы.

чай одаривать при всякомъ удобномъ случаѣ очень распространенъ въ Бухарѣ,—отказъ считается оскорбленіемъ.

Такъ какъ эмиръ долженъ былъ скоро пріѣхать въ Китабъ (какъ мнѣ сказали, онъ спѣшилъ со мною познакомиться), то мы не могли остановиться во дворцѣ, который сперва намъ предназначался, а потому съ тѣми же церемоніями, какъ пріѣхали, были отведены на помѣщеніе въ частный домъ, гдѣ и расположились: я со спутниками своими на одномъ дворѣ, а Абдулъ-Кадыръ-бій—на другомъ, сосѣднимъ съ нашимъ. * О насъ заботиться въ продолженіи всего нашего пребыванія въ Китабѣ было поручено Абдуррахманъ-беку-курчи и Абдузаитъ-мирахуру (ученый, почтенный старикъ, всегда дружески къ намъ относившійся), которые приложили всѣ старанія чтобы предупреждать наши желанія и чтобы мы ни въ чемъ не нуждались, и исполнили это самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Едва мы успѣли переоблачиться въ домашній костюмъ, халаты намъ подаренные (что̀ очень понравилось Бухарцамъ), какъ уже пришли мальчики-танцоры и начался баземъ: намъ совершенно не хотѣли дать времени вздохнуть и опомниться, только и думали какъ бы развлекать насъ. Но такъ какъ бухарскія увеселенія не блещутъ особеннымъ разнообразіемъ и такъ какъ всѣмъ въ Бухарѣ наслаждаются до пресыщенія, то все это скоро обратилось въ Демьянову уху.

Утромъ 24го мая послышалась вдали военная музыка, которую скоро заглушили частые пушечные выстрѣлы и крики народа (впрочемъ вынужденные палками курбашей): это встрѣчали эмира. Вскорѣ затѣмъ явился къ намъ отъ властителя Бухары посланный чтобъ узнать о здоровьи и пожелать всего хорошаго. Посланный между прочимъ выразился что эмиръ былъ такъ доволенъ узнавъ о нашемъ пріѣздѣ что тотчасъ поспѣшилъ изъ Шаара въ Китабъ и былъ готовъ отъ радости „выскочить изъ своей рубашки чтобы насъ скорѣе увидѣть“. Я отвѣтилъ что высоко цѣню эту честь и прошу передать его высокостепенству покорнѣйшую просьбу: ежедневно сообщать мнѣ извѣстія о его здоровьи и

---

* Вслѣдствіе сильныхъ жаровъ мы не могли ночевать въ комнатахъ, очень маленькихъ и низкихъ, почему бо̀льшую часть времени проводили на воздухѣ подъ навѣсомъ или же въ палаткахъ.

благополучіи, чѣмъ премного меня обяжутъ; кромѣ того просилъ передать мою искреннюю благодарность за оказываемый пріемъ.

Въ одно время со мною въ Китабѣ находились: посланный отъ генерала Абрамова (котораго Бухарцы однако не допустили ко мнѣ) и посланникъ отъ кабульскаго владѣтеля, Ширъ-Али-хана. Послѣдній сопровождалъ эмира во всѣхъ его путешествіяхъ.

Здѣсь не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Бухары къ Авганистану и къ Россіи.

Отношенія Бухары, или вѣрнѣе сказать эмира Бухарскаго, къ Авганистану и къ Россіи часто мѣняются и вполнѣ зависятъ отъ того какая сторона наиболѣе угрожаетъ; къ той и примыкаетъ Музаффаръ. Было бы весьма ошибочно полагаться на него: онъ во всякое время готовъ превратиться въ преданнаго друга или же въ заклятаго врага. Такая шаткость въ политикѣ естественно вытекаетъ изъ самого положенія дѣлъ. Дѣйствительно, побывавъ въ Бухарѣ, легко можно убѣдиться на какомъ непрочномъ основаніи зиждется власть эмира и его отношенія къ сосѣдямъ. Благодаря своему жестокому и неправильному управленію, Сеидъ-Музаффару нельзя разчитывать на сочувствіе и преданность своихъ подданныхъ, что конечно заставляетъ его вѣчно находиться въ опасеніяхъ; никогда онъ не въ состояніи отвѣчать за безопасность своей власти, своихъ богатствъ и даже своей жизни. Покуда подданные его будутъ апатично выносить гнетущій ихъ деспотизмъ, владычество эмира еще возможно, но онъ погибъ безвозвратно, если только страхъ разсѣется. Не имѣя твердой почвы подъ собою въ своихъ владѣніяхъ, эмиръ и не думаетъ разчитывать на поддержку своихъ сосѣдей. Поэтому ему приходится вѣчно прибѣгать къ интригамъ, обману и хитростямъ, и лавировать между препятствіями и опасностями которыя его окружаютъ. Чье вліяніе сильнѣе, къ тому склоняются и его симпатіи.

Недоброжелательство и непріязненность къ намъ Авганцевъ давно уже извѣстны. Вѣроятно подзадориваемые Англичанами, Авганцы неуклонно стремятся возстановить противъ насъ эмира Бухарскаго и побудить его къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Свои настойчивыя требованія они подкрѣпляютъ разными угрозами; не испытавъ еще силы рус-

скаго оружія, они полагаются на храбрость своего войска (впрочемъ довольно хорошо организованнаго) и постоянно пугаютъ эмира тѣмъ что если онъ откажется къ нимъ присоединиться, то они вторгнутся въ его предѣлы. Бывшіе при мнѣ въ Бухарѣ Авганцы нѣсколько разъ высказывали это муллѣ Юнусову (ошибочно принимая его за Бухарца и не подозрѣвая что онъ мой спутникъ) и прибавляли: „наши войска всегда побѣдятъ Русскихъ“. Трусливый Музаффаръ частенько былъ готовъ уступить ихъ требованіямъ и согласиться объявить себя врагомъ Россіи. Такъ, еще недавно, во время Хивинской экспедиціи, по совѣту Авганцевъ, эмиръ хотѣлъ наотрѣзъ отказать въ присылкѣ выступившему въ походъ нашему отряду необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ онъ поставилъ бы нашихъ воиновъ въ безвыходное положеніе. Кромѣ того онъ намѣревался пропустить чрезъ свои владѣнія авганскія войска, съ которыми могъ бы сдѣлать нападеніе на Самаркандъ. Но проживающій въ Бухарѣ Татаринъ Каратаевъ и главнѣйшіе купцы бухарскіе пришли къ своему властителю, упросили его оставаться въ мирѣ съ Россіей и указали ему опасность въ какую подобныя дѣйствія могутъ вовлечь его самого и все государство. Эти доводы осилили нерѣшительность эмира, и Авганцы возвратились къ себѣ ничего не добившись.

Каждый годъ авганское посольство является въ Бухару съ новыми предложеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ съ новыми угрозами. Я засталъ такое посольство сопровождавшее эмира во всѣхъ его поѣздкахъ; но и въ этотъ разъ Авганцамъ не посчастливилось. Они пріѣхали, какъ я узналъ, снова настаивать на пропускѣ своихъ войскъ чрезъ бухарскія владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ старались отклонить эмира отъ блистательныхъ пріемовъ которые онъ мнѣ устраивалъ. Но и эти замыслы не удались. Музаффаръ былъ очень доволенъ честью оказанною ему Бѣлымъ Царемъ, а потому и рѣшился, какъ кажется, прямо объявить себя другомъ Россіи. Вслѣдствіе этого Авганцы были приняты очень холодно: они не допускались къ аудіенціямъ, содержаніе и подарки давались имъ скудные, разъѣзжать по городамъ имъ было запрещено и масса шпіоновъ слѣдила за каждымъ ихъ движеніемъ.

Повидимому въ настоящее время эмиръ Бухарскій образумился и понялъ насколько необходима и полезна ему дружба

Россіи, прибѣгая къ которой онъ можетъ упрочить свое положеніе, почему и старается теперь всѣми средствами доказать намъ свое расположеніе и преданность. Искренни ли его намѣренія и будетъ ли онъ вѣренъ этой политикѣ, трудно рѣшить.

Кушбеги и Куратаевъ, стоящіе во главѣ русской партіи, очень много способствовали къ возвращенію Музаффара на истинный путь. Большинство бухарскаго населенія дружески расположено къ Россіи, даже многіе сановники не скрываютъ своего къ намъ сочувствія; въ этомъ я лично убѣдился. Такъ начальникъ войскъ города Кермине, Кара-Бекъ-Ишокъ-Баши, провожая меня откровенно высказалъ мнѣ свой образъ мыслей: по его мнѣнію Бухара не можетъ долго продержаться въ независимомъ состояніи и непремѣнно, рано или поздно, будетъ присоединена къ Россіи; присоединеніе это будетъ радостно всѣмъ, и подъ охраною и благодѣтельнымъ покровительствомъ Россіи Бухарцы увидятъ наконецъ счастливые дни. То же самое я слышалъ и отъ многихъ другихъ лицъ.

Вернусь теперь къ своему разказу. Наконецъ явился Абдулъ-Кадыръ-бій, только-что представившійся* эмиру, вполнѣ веселый, счастливый и довольный. Страхъ и опасенія его разсѣялись; Музаффаръ-Эддинъ очень милостиво его принялъ, всѣмъ очень интересовался и выказалъ большое удовольствіе при видѣ подарковъ присланныхъ ему Государемъ Императоромъ и поднесенныхъ ему посланникомъ.

Начиная съ этого дня къ намъ одинъ за другимъ стали являться Бухарцы, ** такъ что почти каждую минуту кто-нибудь да сидѣлъ у насъ; многіе приходили изъ любопытства, а отчасти изъ желанія что-нибудь о насъ разузнать. Въ особенности мирза Вахабъ, второй секретарь Абдулъ-Кадыра, котораго обязанность была шпіонить за нами. Каждое наше слово, каждое движеніе записывались имъ и вносились въ его ежедневные о насъ доклады, подаваемые сперва посланнику, а потомъ самому владѣтелю.

Вечеромъ была намъ оказана особенная, впрочемъ довольно

---

* Представленіе эмиру называется саламомъ, то-есть идти на поклонъ.

** Въ томъ числѣ много больныхъ за совѣтами.

странная, почесть: эмиръ прислалъ въ полное наше распоряженіе, на все время нашего пребыванія въ Китабѣ, своихъ придворныхъ мальчиковъ-танцоровъ, главнаго *маскарабаза,* * *ходжа-джевачи* ** и музыкантовъ. Устроился баземъ при свѣтѣ китайскихъ фонарей нами привезенныхъ, которые привели въ восторгъ Бухарцевъ.

Съ этого времени въ каждомъ кишлакѣ, въ каждомъ городѣ, гдѣ мы только останавливались, ежедневно по вечерамъ, къ несчастію очень часто и днемъ, являлись насъ развлекать: танцоры, музыканты, маскарабазы, *найранбазы* *** и др. Танцы мало разнообразны, они пантомимою стараются изображать любовь, или же танцующіе выказываютъ въ прыжкахъ и круженіи свою ловкость и быстроту. Иногда они переодѣваются женщинами и такъ удачно что ихъ трудно узнать. Маскарабазы представляютъ смѣшныя сцены, но большею частію неприличнаго содержанія. Музыканты разыгрываютъ народныя пѣсни (иныя весьма мелодичны), которыя поются со страшными выкрикиваніями; когда же они бьютъ въ бубны, то производятъ это съ сильнѣйшимъ, оглушающимъ шумомъ (бывало по девяти бубенщиковъ). **** Принадлежностью всякаго базема были курбаши съ своими палками, которые сдерживали толпы зѣвакъ въ почтительномъ отдаленіи и соблюдали между ними порядокъ, безпощадно колотя палками по головамъ непослушныхъ. Мои старанія чтобъ эти увеселенія (которыя скоро надоѣли и опротивѣли) устраивались рѣже, остались напрасными. Пришлось покориться необходимости и терпѣливо, лежа на коврахъ, испи-

---

* Маскарабазъ—значитъ шутъ, отъ слова маскара—шутка и базъ—игра.

** Джевачи—чинъ военный, адъютантъ. Люди этого чина употребляются для разныхъ порученій. На обязанности ходжа-джевачи было сообщать эмиру всевозможныя сплетни.

*** Найранбазъ — фокусникъ, отъ словъ найранъ — обольщеніе, хитрость, обманъ и базъ — игра.

**** Инструменты бухарскіе слѣдующіе: дутара—двухструнная гитара, ситара — трехструнная, сурнай — флейта, цизакъ — въ родѣ скрипки, кобысъ — скрипка съ волосяными струнами, карнай — кларнетъ, най (камышъ) — дудочка, тыбаль — барабанъ, чирменда — бубенъ, давылъ — маленькій барабанъ, въ который обыкновенно бьютъ ночные сторожа, и пр.

вать чашу до дна. Было же это необходимо потому что все до мельчайшихъ подробностей доносилось эмиру, которому, какъ намъ объяснили, нашъ отказъ былъ бы крайне непріятенъ. Желая чѣмъ-нибудь ему угодить и вмѣстѣ съ тѣмъ отблагодарить за его гостепріимство, поневолѣ нужно было терпѣть. Кромѣ того наши уши сильно страдали отъ шума производимаго военною музыкою, которая ежедневно, въ присутствіи эмира, соблюдая извѣстныя церемоніи, разыгрывала зарю во время намаза дигара.*

III.

25го мая мы отправились въ мундирахъ представляться эмиру. Еще по выѣздѣ изъ Самарканда Абдулъ - Кадыръ приставалъ ко мнѣ и даже требовалъ чтобъ я ему отдалъ для передачи эмиру письмо которое я везъ отъ генерала Колпаковскаго; но я ему отказывалъ наотрѣзъ (потому что письмо это могло служить мнѣ рекомендаціей). Теперь же, предъ отъѣздомъ во дворецъ, онъ возобновилъ свои просьбы и старался всевозможными хитростями выманить у меня письмо. Я ему опять объявилъ что самъ передамъ его. Тогда онъ сказалъ что у нихъ въ обычаѣ передавать эмиру письма и прошенія чрезъ посредствующее лицо, и что я, отказавъ ему въ просьбѣ, нарушу этотъ обычай. Видя безполезность дальнѣйшаго спора въ вопросѣ не представлявшемъ особенной важности, я предложилъ Абдулъ-Кадыру слѣдующій компромисъ, на который онъ согласился: когда будетъ время отдавать письмо, то я при эмирѣ передамъ его Абдулъ-Кадыру съ просьбою отдать его Сеидъ-Музаффару. Вѣроятно посланникъ хотѣлъ особенно прислужиться своему властителю.

Нашъ переѣздъ ко дворцу совершился съ тѣми же церемоніями, какъ и при въѣздѣ въ городъ, разница была только въ численности участвовавшихъ: теперь было гораздо болѣе какъ сопровождавшихъ насъ такъ и солдатъ разставленныхъ шпалерами.** Входъ во дворецъ былъ совершенно заставленъ

* Всѣхъ намазовъ пять: утренній на зарѣ, въ полдень, за часъ до заката солнца — дигаръ, послѣ заката солнца и по наступленіи вечернихъ сумерекъ.

** У входа во дворецъ стояли двѣ пушки, а рядомъ съ ними тарантасы и кареты, видно для бо́льшаго парада.

придворными и различнымъ чиновнымъ людомъ. Все ходило съ трепетомъ на цыпочкахъ и говорило шепотомъ. Послѣ длинныхъ переговоровъ, послѣ частаго бѣганья Абдулъ-Кадыра къ эмиру и обратно, намъ было наконецъ объявлено что его высокостепенство желаетъ насъ видѣть. Меня было подхватили два *удайчи* подъ руки, чтобы вести въ парадные апартаменты, но я отказался отъ ихъ помощи, сказавъ что могу идти одинъ; для соблюденія же церемоніала имъ осталось только показывать видъ будто они меня поддерживаютъ. За то мои спутники, гг. Вилькинсъ и Чалышевъ, были почти внесены. Абдулъ-Кадыръ пошелъ съ нами чтобы представить насъ.

Сеидъ-Музаффаръ-Эддинъ принялъ насъ въ очень большой и высокой комнатѣ; деревянный потолокъ ея былъ раскрашенъ разнообразными пестрыми узорами; стѣны были покрыты довольно изящною лѣпною работой, со врѣзанными въ нихъ шкафиками (безъ дверецъ впрочемъ) всевозможныхъ величинъ и размѣровъ; но лучшимъ украшеніемъ комнаты были отличные ковры, сплошь покрывавшіе полъ. Еще далеко на лѣстницѣ, откуда едва можно было видѣть его высокостепенство, намъ подшепнули сдѣлать поклонъ, который мы и исполнили по-европейски. Сопровождавшіе насъ Абдулъ-Кадыръ и удайчи, прижимая руки къ животу, начали совершать частыя пригинанія и присѣданія (трудно найти подходящее слово для выраженія ихъ поклоновъ: они какъ-то особенно сгибались пополамъ). Затѣмъ насъ повелъ уже одинъ Абдулъ-Кадыръ, не прекращая присѣданій. У двери въ залу, гдѣ сидѣлъ эмиръ, мы сдѣлали другой поклонъ и наконецъ третій предъ самымъ его высокостепенствомъ. Тогда посланникъ исчезъ. Пожавъ намъ всѣмъ троимъ руки по старшинству, Музаффаръ знакомъ руки пригласилъ насъ сѣсть. Не видя вокругъ себя ни одного сѣдалища, мы принуждены были опуститься на коверъ и сѣсть по-бухарски, то-есть поджавъ ноги подъ себя. Первыми минутами, которыя мы провели въ молчаніи, я воспользовался чтобы подробно разсмотрѣть властителя Бухары, главу мусульманства въ Средней Азіи. Небольшаго роста, чрезмѣрно толстый, онъ сидѣлъ въ простомъ шелковомъ халатѣ, безъ особыхъ признаковъ величія, на шелковыхъ подушкахъ. Несмотря на начерненные волосы, бороду и брови, несмотря на раскрашенные глаза и щеки, все въ немъ обли-

чало человѣка истощившаго силы свои на плотскія удовольствія. Можетъ-быть когда-то и очень красивый, онъ теперь (ему 56 лѣтъ) имѣлъ видъ весьма непріятный. Медленно и очень тихимъ голосомъ (онъ задыхался отъ тучности), онъ привѣтствовалъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ, прибавивъ что до моего отъѣзда я могу считать себя какъ дома въ его владѣніяхъ, ѣздить куда хочу и видѣть что̀ только пожелаю. Потомъ онъ освѣдомился о здоровьи и благополучіи Государя Императора, всего Императорскаго Дома, начальника Туркестанскаго края, генерала Колпаковскаго и вообще всѣхъ высшихъ русскихъ сановниковъ. На это я отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Высокостепенный эмиръ! Господинъ начальникъ края и генералъ Колпаковскій поручили мнѣ передать вамъ ихъ искреннія поздравленія съ оказанною вашему посольству Государемъ Императоромъ честью и искреннія пожеланія всякаго благополучія, а также выразить чувства дружбы и пріязни которыя они питаютъ къ вамъ. Къ этому я осмѣливаюсь присоединить и свои пожеланія и поздравленія. Осчастливленнымъ считаю себя даннымъ мнѣ порученіемъ, такъ какъ это дало мнѣ случай удостоиться большой чести быть представленнымъ вашему высокостепенству. По въѣздѣ моемъ въ бухарскія владѣнія счастье и радость меня не покидали, повсюду видѣлъ я радушный пріемъ и на дѣлѣ могъ убѣдиться въ крѣпости союза и дружбы между Россіей и Бухарой. Каждый благомыслящій человѣкъ долженъ молить Бога чтобы всегда такъ продолжалось. Благодарю ваше высокостепенство за гостепріимство и почести оказываемыя мнѣ вашими подданными. Еще долгомъ своимъ считаю вамъ выразить какъ я благодаренъ почтенному Китабскому беку, его сыну и другимъ за ихъ старанія обратить мое пребываніе въ бухарскихъ владѣніяхъ въ цѣлый рядъ праздниковъ. Все это за непремѣнную обязанность почту сообщить пославшимъ меня и моему начальству въ Петербургѣ. Навѣрное эти вѣсти всѣхъ порадуютъ и еще болѣе послужатъ къ укрѣпленію дружелюбныхъ отношеній двухъ сосѣднихъ государствъ.“

Моя рѣчь ему понравилась и успокоила его. Поблагодаривъ меня, онъ началъ увѣрять въ дружбѣ которую питаетъ къ Россіи. За тѣмъ говорилъ г. Вилькинсъ, что̀ очень удивило эмира, такъ какъ въ Бухарѣ не принято чтобы младшій говорилъ при старшемъ, не испросивъ у послѣдняго

на то разрѣшенія. Повторивъ поздравленія, мой спутникъ выразилъ просьбу о содѣйствіи ему для изученія шелководства, какъ оно производится въ Бухарѣ, на что и получилъ полное разрѣшеніе. *

Когда эмиръ сдѣлалъ знакъ что кончаетъ аудіенцію я передалъ ему письмо отъ генерала Колпаковскаго черезъ посредство Абдула-Кадыра, который, вдругъ, точно выросъ изъ-подъ земли, явился предъ нами. Послѣ новаго пожатія рукъ и новыхъ троекратныхъ поклоновъ, мы вышли, отступая лицомъ къ Музаффару. Насъ тотчасъ окружила толпа царедворцевъ и осыпала поздравленіями съ милостивымъ пріемомъ.

Всѣ мои джигиты и казаки также были представлены эмиру, только съ тою разницею что они свой поклонъ совершили на лѣстницѣ, дальше ихъ не пустили, и привѣтствіе за нихъ прокричали удайчи по установленной формѣ. **

Потомъ всѣхъ насъ одѣлили халатами и кусками шелковыхъ матерій, а мнѣ и гг. Вилькинсу и Чалышеву были подведены лошади подъ парчевыми попонами и съ бирюзовыми сбруями. (Мнѣ были подарены двѣ лошади, халатъ съ плечъ эмира и его собственный поясъ.) Когда стали отъ насъ требовать чтобы мы надѣли халаты и въ нихъ отправились по городу, какъ прежде ошибочно дѣлали всѣ Русскіе ѣздившіе въ Бухару, то я рѣшительно отказался это исполнить и согласился только на одну уступку. Объяснивъ Бухарцамъ что на свой мундиръ не имѣю права надѣвать другой (у Бухарцевъ халатъ имѣетъ значеніе мундира), я только накинулъ халатъ и, пройдя немного по двору, у выхода немедленно снялъ его. Мои спутники сдѣлали то же.

Дома опять цѣлый эскадромъ *махремовъ*, *** принесъ намъ

* Г. Вилькинсъ состоитъ при школѣ шелководства, которую Министерство Государственныхъ Имуществъ учредило въ Ташкентѣ съ цѣлью распространенія правильнаго шелководства и разведенія здоровыхъ шелковичныхъ червей въ Туркестанскомъ краѣ.

** „Худа Хазрети амирни Музаффаръ мансуръ кылсунъ." То-есть да сдѣлаетъ Богъ эмира могущественнымъ, побѣдоноснымъ. Въ этой фразѣ есть своего рода комизмъ: музаффаръ значитъ побѣжденный. Не зная хорошо арабскаго языка, Бухарцы думаютъ что слово это значитъ побѣдоносный.

*** Махремъ—слуга приближенный. Махрембаши—начальникъ прислуги.

обильный дастарханъ, только уже съ кухни Музаффара— одна изъ самыхъ большихъ почестей.

Съ этого дня Абдулъ-Кадыръ по нѣскольку разъ въ день сталъ ходить къ эмиру. Потомъ я узналъ слѣдующее: онъ попалъ въ милость къ своему владѣтелю, пріобрѣлъ большое вліяніе на всѣ дѣла, словомъ, сдѣлался временщикомъ, убѣдивъ своего повелителя что онъ необходимый въ управленіи государствомъ человѣкъ. Начавъ козни противъ всѣхъ кто только старался ближе сойтись съ эмиромъ (это отозвалось и на насъ въ послѣдствіи), онъ сумѣлъ отстранить всѣхъ вліятельныхъ людей и дѣйствовалъ вообще такъ что рѣдко кому удавалось помимо его добраться до Сеидъ-Музаффара.

Не стану распространяться объ увеселеніяхъ, которыя были каждый день тѣ же, и вообще о нашемъ препровожденіи времени, не блиставшимъ особымъ разнообразіемъ; во избѣжаніе повтореній, упомяну только объ отдѣльныхъ случаяхъ которыми иногда нарушалось однообразіе нашей жизни.

Каждый день стали приходить разныя подозрительныя лица, оказавшіяся потомъ шпіонами, но такъ какъ я всегда держался насторожѣ, то имъ было невозможно узнать что-нибудь.

Утромъ 26го мая насъ разбудилъ страшный шумъ — это была военная музыка; проходили полки сарбазовъ и предъ нашимъ домомъ отдавали намъ военныя почести. ** Войска (около двухъ тысячъ человѣкъ) шли на поклонъ къ эмиру мимо насъ и мнѣ удалось такимъ образомъ подробно разсмотрѣть бухарскихъ сарбазовъ (о нихъ буду говорить послѣ). Въ этотъ день г. Вилькинсъ поѣхалъ дѣлать наблюденія надъ производствомъ шелка и выводкою червей, а я въ сопровожденіи казаковъ и двухъ курбашей отправился осматривать городъ. Высокая, большая стѣна, съ многочисленными башнями по угламъ, окаймляетъ городъ Китабъ. Другая стѣна, въ центрѣ города, окружаетъ дворецъ владѣтельнаго бека. Самъ по себѣ городъ не великъ и не имѣетъ почти никакихъ историческихъ памятниковъ. По серединѣ его находится небольшой базаръ. Долина предъ городомъ покрыта многочисленными кишлаками, садами и полями (рисовыя преобладаютъ). * Эту долину пересѣкаютъ съ одной стороны рѣка

---

* Эта церемонія происходила въ послѣдствіи каждый день.

** Рисовыя поля долго бываютъ совершенно затоплены водою, отчего распространяется сырость, причиняющая трудно-излѣчимыя лихорадки.

Акъ-Дарья, * съ другой—Китабъ-Дарья. Во время прогулки я посѣтилъ бухарскій лагерь, имѣвшій весьма плачевный видъ. Солдаты съ готовностью отдавали мнѣ честь. Хотя сопровождавшимъ меня курбашамъ и было поручено строго слѣдить за мною, однако они очень любезно отвѣчали на всѣ мои разспросы.

28го мая Бухарцы начали меня допрашивать когда я намѣренъ двинуться дальше. Этотъ вопросъ они повторяли почти до послѣдней минуты моего отъѣзда и постоянно получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Когда угодно будетъ его высокостепенству". Все это было дѣломъ Абдулъ-Кадыра, который старался скорѣе отправить насъ далѣе чтобъ отнять всякую возможность имѣть свиданія съ эмиромъ. И въ то же время этотъ ловкій Бухарецъ увѣрялъ меня что еслибы не служба, онъ все время проводилъ бы съ нами для исполненія нашихъ малѣйшихъ желаній.

Въ Бухарѣ всякое дѣло совершается медленно, послѣ длинныхъ переговоровъ, съ подходами и хитростями. Все другъ отъ друга скрываютъ, всѣ другъ друга боятся, другъ за другомъ шпіонятъ; поэтому въ барышахъ только умѣющіе интриговать, имъ и покровительствуетъ эмиръ; истинно же хорошіе люди всегда находятся въ тѣни, или пользуются тайною славою и уваженіемъ, или же невинно погибаютъ жертвою навѣтовъ злыхъ завистниковъ.

30го мая по всему городу раздались пронзительные и нестройные крики *азанчей,* ** созывавшихъ правовѣрныхъ къ совершенію намаза-джума. Намазъ-джума исполняется каждую пятницу (какъ мнѣ сказали, въ память въѣзда Магомета въ Медину). При громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи всѣхъ войскъ, эмиръ со всѣми своими сановниками совершилъ этотъ намазъ, послѣ котораго пропустилъ мимо себя всѣ полки церемоніальнымъ маршемъ, что представило весьма любопытное и комическое зрѣлище. Неловко, не въ ногу, неровными рядами, каждый держа свое ружье по собственному усмотрѣнію, подъ оглушительные звуки какого-то страннаго бухарскаго марша, прошли жалкіе сарбазы, скорѣе походившіе на толпу шутовъ, очень мало походившіе на военныхъ. Смотря на войско бухарское и на его во-

* Акъ—бѣлая, Дарья—рѣка.

** Азанчи — духовныя лица, созывающія магометанъ на молитву. Ихъ также называютъ муэдзинами.

оруженіе, легко убѣждаешься въ справедливости словъ Каратаева, который совѣтовалъ эмиру распустить войска и оставить при себѣ для забавы только два, три баталіона, такъ какъ бухарскіе воины не могутъ принести никакой пользы, а требуютъ большихъ издержекъ. Слова эти совершенно справедливы: не говоря уже про отсутствіе дисциплины, солдаты не имѣютъ ни одного изъ тѣхъ качествъ которыя требуются отъ военныхъ; между тѣмъ содержаніе ихъ ложится тяжелымъ налогомъ на народъ. Регулярной кавалеріи нѣтъ, иррегулярная же собирается только во время войны. Артиллерія есть, но ее намѣрены уничтожить по негодности. Пушки теперь плавятся и понемногу обращаются въ монеты, такъ что уже съ трудомъ можно насчитать въ Бухарѣ какихъ-нибудь сто орудій. Настоящее войско составляетъ только пѣхота, сарбазы, которая почти вся набрана изъ Персіянъ-невольниковъ (ихъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ въ войскахъ). Простые солдаты одѣты въ красныя и синія куртки, офицеры въ бѣлые кафтаны и въ халаты. Вооруженіе весьма разнообразное и въ самомъ жалкомъ положеніи: кремневыя ружья безъ кремней, ударныя безъ курковъ, другія же такія что при первомъ выстрѣлѣ разрываются.

Если есть полки и въ нихъ какой-то намекъ на порядокъ и дисциплину, если есть полковая музыка, команда по-русски, если наконецъ солдаты бухарскіе хотя нѣсколько похожи на воиновъ, то всѣмъ этимъ Бухара обязана сибирскому казаку, Алексѣю Яковлеву. Попавъ по своей оплошности въ неволю къ Бухарцамъ, этотъ казакъ употребилъ первыя усилія свои на то чтобъ освободиться отъ рабства: объявилъ эмиру что нисколько не намѣренъ бѣжать, и что, если только примутъ его услуги по устройству войскъ, то онъ сдѣлаетъ все чтобы быть полезнымъ. Сеидъ-Музаффаръ согласился на его предложеніе, переименовалъ его въ Османа, и вскорѣ, убѣдившись въ искренности его намѣреній, поручилъ ему начальство надъ своею арміей, возведя его въ достоинство бека. Османъ-бекъ немедленно принялся за нововведенія. Онъ научилъ Бухарцевъ дѣлать порядочный порохъ, лить пушки, хотя и плохія, исправлять ружья, образовалъ полки, которые одѣлъ въ одинаковые мундиры, ввелъ русскую команду и полковую музыку. Кончилъ же Османъ какъ и многіе другіе, насильственною смертью. Нашлись

завистники которые повели противъ него интригу, къ фальшивому документу (письму въ которомъ онъ будто подговаривалъ противъ эмира) приложили его печать; эмиръ повѣрилъ и Османъ былъ задушенъ. Войско бухарское не опасно; когда оно идетъ на войну, то обыкновенно еще до приближенія непріятеля разстрѣливаются всѣ патроны (на каждаго солдата выдается по тридцати штукъ) съ цѣлью устрашить врага, такъ что, когда непріятель въ виду, имъ уже нечѣмъ стрѣлять. Если первый напоръ неудаченъ, то немедленно всѣ поворачиваютъ спину и бѣгутъ; только наемные Афганцы умѣютъ стойко умирать и сражаются довольно храбро. Чтобы разбѣжавшееся войско собрать, употребляютъ очень оригинальный способъ: всякому прибѣжавшему къ мѣсту сбора невредимымъ и не раненымъ дарятъ халатъ (иначе невозможно собрать храброе воинство). Раненые же ничего не получаютъ,—имъ ставятъ въ вину зачѣмъ допустили себя ранить. Пораженіе обыкновенно стоитъ жизни главнокомандующему: непремѣнно заподозрятъ въ измѣнѣ и безъ суда казнятъ.

IV.

Утомленные выжидательнымъ положеніемъ (насъ все держали въ неизвѣстности насчетъ отъѣзда), 2го іюня мы съ удовольствіемъ услышали отъ Абдулъ-Кадыра извѣстіе что черезъ полтора часа непремѣнно должны выѣхать изъ Китаба чтобы не задержать эмира, который вскорѣ за нами желаетъ послѣдовать въ Шааръ. Наскоро приготовившись къ путешествію и одаривъ халатами и другими подарками всѣхъ лицъ которыя были къ намъ приставлены, мы оставили Китабъ.

Разстояніе между двумя главнѣйшими городами Шахрисябзской долины немного болѣе одного таша. Дорога идетъ мимо многочисленныхъ кишлаковъ, по хорошо обработанной мѣстности. На полдорогѣ насъ встрѣтили: племянникъ Шаарскаго бека, Саттаръ-Кули-мирахуръ, начальникъ полиціи, Мурадъ-ханъ-джевачи и ясаулъ-баши * Мукимъ, съ большою свитою. Съ ними мы и помѣнялись обычными любезностями. У воротъ городскихъ насъ встрѣтилъ караулъ.

* Ясаулъ-баши — помощникъ баталіоннаго командира. Ясаулъ—капралъ, баши—начальникъ.

Въѣхавъ на большую площадь, окружавшую цитадель, мы увидѣли толпы народа, смотрѣвшаго на насъ точно на звѣрей. У входа въ цитадель разставленные въ двѣ шеренги сарбазы, при двухъ знаменахъ, и артиллеристы при четырехъ пушкахъ, подъ звуки музыки отдали намъ честь. Въ воротахъ дворца мы были встрѣчены начальникомъ войскъ, Девлетъ-біемъ *, а на дворѣ дворца вышелъ къ намъ престарѣлый (80ти лѣтъ) бекъ, высшій сановникъ, родственникъ эмира по дѣду, Абдулъ-Каримъ-диванъ-беги. ** Насъ ввели въ большія залы Акъ-Сарая ***, постройка знаменитаго Тимура. Старикъ бекъ привѣтствовалъ меня довольно странною рѣчью. Послѣ обычныхъ любезностей онъ сказалъ: „Знатные люди легко другъ друга понимаютъ и всегда другъ другу сочувствуютъ, а потому, какъ высшій бухарскій сановникъ, я весьма счастливъ познакомиться и подружиться съ сыномъ извѣстнаго русскаго визиря." Замѣтивъ слабость старика, я ему отвѣтилъ что раньше еще слышалъ о его знатности, горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть великаго сановника и что теперь исполненіе моего желанія представиться ему наполнило мое сердце счастливымъ и радостнымъ спокойствіемъ. Лесть моя понравилась беку и побудила его удвоить старанія чтобы перещеголять въ гостепріимствѣ бека Китабскаго (дастарханъ и подарки были въ бо́льшихъ размѣрахъ).

Въ Шаарѣ мы были поручены попеченіямъ близкаго родственника владѣтельнаго бека, Абду-Захидъ-мирахура, домъ котораго и былъ отданъ въ полное наше распоряженіе. Въ этотъ же день мы поспѣшили осмотрѣть дворецъ. Акъ-Сарай, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже разрушившійся отъ времени, представляетъ во всякомъ случаѣ замѣчательный историческій памятникъ. Такія величественныя постройки нынѣ не воздвигаются болѣе въ Средней Азіи. Высота стѣнъ и башенъ, разнообразіе и красота эмальированныхъ на стѣнахъ узоровъ, **** прочность и долговѣчность древней мавританской

* Бій—князь, судья, господинъ, генералъ. У Киргизовъ—судья.

** Диванъ-беги — чинъ гражданскій, начальникъ совѣта, дивана. Это названіе дается также лицу завѣдующему какими-нибудь хозяйственными дѣлами.

*** Одна сторона Акъ-Сарая имѣетъ 60 аршинъ вышины, другая 65 аршинъ.

**** Узоры составлены изъ вдѣланныхъ въ стѣны разноцвѣтныхъ изразцовъ. Несмотря на время, цвѣта великолѣпно сохранились.

архитектуры служатъ неопровержимыми доказательствами прежняго процвѣтанія и богатства Средней Азіи. Городъ Шааръ былъ родиной Тимура. Здѣсь онъ однажды на *кокъ-буре* * сломалъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего и былъ прозванъ Тимуръ-ленгомъ или Тимуръ-аксакомъ, то-есть хромымъ. Объ одной башнѣ Акъ-Сарая сложилось слѣдующее преданіе, которое обыкновенно приводится туземцами въ доказательство какъ преданы были этому эмиру его подданные и какъ они его любили. „Тимуръ очень любилъ сидѣть на вершинѣ этой башни и любоваться великолѣпнымъ видомъ на городъ и его окрестности; однажды, когда онъ тамъ сидѣлъ, ему было подано прошеніе. Вѣтеръ вырвалъ изъ его рукъ бумагу, которая и упала у подножія башни. Тимуръ выразилъ желаніе чтобы прошеніе тотчасъ же было поднято: въ ту же минуту сорокъ приближенныхъ къ нему людей бросились съ вершины башни и всѣ до одного погибли. Пораженный этимъ несчастіемъ, Тимуръ оставилъ башню и болѣе уже не посѣщалъ ее.“

3го іюня пушечные выстрѣлы возвѣстили о пріѣздѣ Сеидъ-Музаффаръ-Эддина.

Въ сопровожденіи многочисленной свиты, мы осматривали городъ, который имѣетъ много интереснаго. Изъ особенно замѣчательныхъ зданій, кромѣ Акъ-Сарая, можно указать нѣсколько мечетей, гробницъ святыхъ, большой крытый, съ каменными сводами базаръ, нѣсколько медрессе * и наконецъ большую крѣпость, считающуюся одною изъ самыхъ неприступныхъ въ Бухарѣ.

Въ Шаарѣ особенно рѣзко обозначались происки Абдулъ-Кадыра, желавшаго насъ удалить отъ эмира. Между прочимъ многими доброжелателями (въ числѣ которыхъ находился мирза-уракъ) ** было мнѣ сообщено что еще въ Ки-

---

Мозаика эта невольно поражаетъ своею оригинальностью и изяществомъ. Кромѣ этихъ узоровъ стѣны покрыты арабскими надписями, большею частью синяго, чернаго и бѣлаго цвѣта.

* Кокъ-буре—очень опасная скачка, на которой всадники стараются вырвать другъ у друга козла. Побѣдитель всегда пользуется особымъ почетомъ и извѣстностью, какъ лихой наѣздникъ.

** Медрессе — училище.

*** Мирза-Уракъ (второй секретарь посланника), какъ человѣкъ умный, честный, прямой и хорошо образованный (насколько можетъ быть только образованъ Азіатецъ), рѣзко отличается отъ сво-

табѣ посланникъ старался убѣдить своего повелителя чтобы намъ не устраивали торжественныхъ встрѣчъ и вообще принимали какъ можно проще. Онъ говорилъ эмиру что мы какіе-то проходимцы, не пользующіеся никакимъ значеніемъ, потому и слѣдовало бы обращаться съ нами построже. Узнавъ объ этомъ заговорѣ, я попросилъ муллу Юнусова переговорить тайно съ мирзою уракомъ и, подъ видомъ дружбы и преданности, выставить ему что я не гонюсь за подарками и торжественными пріемами и пріѣхалъ только для исполненія даннаго порученія, что самъ я не большаго чина, не хочу выставлять себя въ лживомъ свѣтѣ и очень хорошо понимаю что въ лицѣ моемъ чествуется мой отецъ, и наконецъ что если со мною будутъ дурно обходиться и выкажется непріязнь какъ ко мнѣ, такъ и вообще къ Русскимъ, то это можетъ повлечь за собою дурныя послѣдствія, которыя обрушатся не на меня, а на тѣхъ кто будетъ идти противъ меня, такъ какъ я русскій чиновникъ, удостоившійся довѣрія своего начальства; врядъ ли положеніе дѣлъ можетъ улучшиться если я, за зло мнѣ сдѣланное, также буду отплачивать зломъ; по моему мнѣнію имъ гораздо лучше будетъ если они откажутся отъ своихъ напрасныхъ угрозъ и интригъ и останутся со мною въ дружескихъ отношеніяхъ. Я былъ увѣренъ что уракъ передастъ эти слова по принадлежности; такъ и случилось. На другой же день Абдулъ-Кадыръ пришелъ ко мнѣ съ новыми изъявленіями дружбы и преданности. Ему видимо было неловко.

Здѣсь также какъ и въ Китабѣ насъ постарались окружить многочисленными шпіонами, усилія которыхъ развѣдать что-нибудь остались попрежнему тщетными. Особенно интриговали Бухарцевъ частые разъѣзды джигитовъ съ письмами отъ меня въ Самаркандъ и обратно. Однако какъ ни велико было ихъ любопытство, вскрыть письма они побоялись.

Утромъ 6го іюня какой-то несчастный старикъ въ рубищахъ, прорвавшись сквозь толпу приставленныхъ ко мнѣ прислужниковъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ палатку и сталъ просить о защитѣ. Онъ оказался Узбекомъ и жаловался на то

ихъ соотечественниковъ. Онъ могъ бы принести большую пользу Бухарѣ, но къ несчастію эмиръ не любитъ правдивыя рѣчи, почему и держитъ его въ загонѣ.

что двѣ его дочери, несмотря на опубликованное запрещеніе продавать невольниковъ, были насильно схвачены и проданы одному богатому Бухарцу, который, не обращая вниманія на рѣшеніе кадіевъ и приказъ эмира, ни за что̀ не хотѣлъ возвратить имъ свободу. Я не счелъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія, почему отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса и поспѣшилъ выпроводить старика, посовѣтовавъ ему прямо обратиться къ эмиру.

10го іюня мы почти весь день провели въ саду племянника владѣтельнаго бека, Аллаяръ-бека-токсабы, который, чтобы намъ угодить, сдѣлалъ все что̀ только было въ его силахъ. Пришлось опять насладиться до пресыщенія музыкой, пѣніемъ, танцами и угощеніями. Это пиршество однако едва не было причиной очень трагическихъ событій. Вернувшись домой, я сильно расхворался (захватилъ шахрисябзскую лихорадку) и слегъ въ постель. Болѣзнь моя встревожила всѣхъ, и когда вѣсть о ней достигла до эмира, то послѣдній такъ перепугался,—ему тотчасъ пришла на мысль отрава,—что объявилъ: если мнѣ не будетъ лучше и если со мною случится какое-нибудь несчастіе, то всѣ приставленныя ко мнѣ лица, обязанность которыхъ была слѣдить за моею безопасностью, будутъ подвергнуты строжайшему наказанію, первому эта участь угрожала угощавшему насъ Аллаяръ-беку.

Утромъ на слѣдующій день (11го іюня) пріѣхали узнать о моемъ здоровьи отъ имени эмира Дурбинъ-бій * и владѣтельный бекъ. Кромѣ того каждыя четверть часа хозяинъ дома гдѣ мы жили и Абдулъ-Кадыръ освѣдомлялись о томъ же. Очень было замѣтно какъ у всѣхъ отлегло отъ сердца и какъ всѣ разомъ повеселѣли когда мнѣ сдѣлалось лучше и я поѣхалъ кататься по городу.

13го іюня пришли Абдулъ-Кадыръ и объявилъ что Музаффаръ-Эдинъ желаетъ принять насъ на слѣдующій день и въ доказательство своего дружескаго къ намъ расположенія присылаетъ подарки. Лица которымъ удалось часто видѣть эмира и которыя имѣли у него нѣсколько аудіенцій пользуются въ Бухарѣ большимъ значеніемъ и пріобрѣтаютъ особенныя преимущества. Для меня это было важно, такъ какъ могло быть значительнымъ облегченіемъ въ дѣлѣ собиранія раз-

---

* Младшій совѣтникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младшій казначей эмира.

ныхъ свѣдѣній, давая доступъ ко многимъ источникамъ которые при другихъ обстоятельствахъ навѣрно были бы закрыты для меня. Однако мое желаніе ближе сойтись съ эмиромъ постоянно встрѣчало противодѣйствіе со стороны Абдулъ-Кадыра, ревниваго къ своему вліянію, пріобрѣтенному съ большими опасностями и трудомъ. Борьба эта длилась во время моего пребыванія въ бухарскихъ владѣніяхъ. Съ самаго пріѣзда въ Шааръ, я просилъ передать его высокостепенству что съ нетерпѣніемъ ожидаю удобнаго случая чтобы еще разъ повидаться съ нимъ. Мнѣ обѣщали и въ то же время откладывали мое второе представленіе въ долгій ящикъ. Наконецъ 13го іюня, какъ я уже сказалъ, меня извѣстили о назначенной на слѣдующій день аудіенціи.

Въ день представленія (14го іюня) въ девять часовъ утра, одѣтые въ мундиры, мы ждали, какъ было условлено, Абдулъ-Кадара чтобы съ нимъ отправиться во дворецъ. Но посланникъ не являлся. Затянутые въ мундиры, мы должны были прождать до трехъ часовъ, испытывая не малыя мученія отъ удушливаго жара. Нѣсколько разъ я посылалъ сказать бію что мы ждемъ его съ великимъ нетерпѣніемъ и, когда онъ явился наконецъ, далъ ему понять всю неловкость и все неприличіе его обращенія съ нами. Сильно сконфуженный, онъ чуствовалъ свою ошибку и въ безсвязныхъ выраженіяхъ всю вину сваливалъ на эмира, который будто утомившись послѣ тяжелыхъ трудовъ отдыхалъ и никого не впускалъ къ себѣ; конечно все это оказалось выдумкой.

Представленіе обошлось съ обычными церемоніями. Когда я поблагодарилъ эмира за подарки и за расположеніе къ намъ и выразилъ ему какъ я радъ его видѣть въ вожделѣнномъ здравіи,— онъ отвѣтилъ что весьма доволенъ нашимъ пребываніемъ въ его владеніяхъ, постарается чаще видѣться со мною, для чего и сократитъ свое пребываніе въ Шаарѣ и поспѣшитъ въ Бухару, гдѣ будетъ въ состояніи еще нѣсколько разъ принять меня.

15го іюня Абдулъ-Кадыръ пришелъ намъ объявить что если мы согласны то можемъ выѣхать изъ Шаара около шести часовъ пополудни, такъ какъ эмиръ вскорѣ за нами послѣдуетъ, и что ему дозволено насъ сопровождать до столицы ханства. По его сіяющему виду, богатому шелковому халату, почетному кинжалу, виднѣвшемуся изъ-за

шалеваго кушака, и по *берату*, * который былъ воткнутъ въ великолѣпную чалму, мы могли замѣтить что онъ удостоился новой милости отъ своего повелителя, съ чѣмъ и поспѣшили его поздравить. Музаффаръ-Эддинъ за удачную его поѣздку въ С.-Петербургъ произвелъ его въ *датхи*. ** Не имѣя никакого дѣла въ Шаарѣ, я принялъ съ удовольствіемъ его предложеніе, и въ этотъ же день, когда жаръ началъ спадать, мы снова пустились въ дальнѣйшее странствованіе.

V.

Одаривъ многихъ подарками и распростившись въ Урта-Курганѣ (четыре версты отъ Шаара) съ гостепріимными Шахрисябцами, мы направились къ городу Чиракчи, отстоящему отъ Шаара на четырнадцать верстъ. Дарога все время пролегаетъ по берегу рѣки Кашка-Дарья, по ровной мѣстности, не отличающейся живописностью. Предъ городомъ мы были встрѣчены старшимъ сыномъ Китабскаго владѣтеля, съ многочисленною толпою всадниковъ. Произошелъ по прежнимъ примѣрамъ размѣнъ подарковъ.

Городъ Чиракчи стоитъ на возвышенности, на берегу Кашка-Дарьи. Хотя не очень большой, онъ занимаетъ хорошее стратегическое положеніе и представляетъ изъ себя довольно твердый оплотъ противъ всякихъ нападеній.

На слѣдующій день, въ сильнѣйшій жаръ, проѣхавъ двѣнадцать верстъ, мы остановились для отдыха въ Чимъ-Курганѣ, мѣстѣ весьма непривлекательномъ, * оправдывающемъ свое названіе (чимъ-курганъ значитъ холмъ покрытый дерномъ, впрочемъ дерна не было видно ни малѣйшихъ слѣдовъ). Даже узбекскія юрты не были въ состояніи достаточно скрыть насъ отъ удушающей жары. Отъѣхавъ три таша, мы достигли Чима, когда-то сильной крѣпости, теперь же незначительнаго кшилака. Въ два часа ночи опять были въ дорогѣ и, сдѣлавъ еще нѣсколько ташей, прибыли въ городъ Карши.

---

* Бератъ — эмирская грамота.

** Датха—военный чинъ, въ родѣ нашего генералъ-майора.

*** На этомъ мѣстѣ всегда останавливается эмиръ во время своихъ путешествій.

Предъ городомъ насъ выѣхали привѣтствовать лица приставленныя эмиромъ въ качествѣ менторовъ къ его сыну, каршинскому беку, Сеидъ-Акрамъ-хану.

Карши одинъ изъ древнѣйшихъ,— если не самый древній,— городовъ Бухарскихъ владѣній. Вмѣщая въ себѣ многочисленное населеніе, онъ растянулся на громадное пространство, имѣетъ довольно высокія зданія * и обширный, крытый, со сводами, базаръ. Это самый богатый и значительный центръ Бухары. Насъ помѣстили въ домѣ называемомъ посольскимъ, потому что онъ предназначенъ для пріѣзжающихъ почетныхъ иностранцевъ.

Здѣсь ко мнѣ подошелъ посланный отъ генерала Абрамова Татаринъ и началъ просить моей защиты отъ притѣсненій бухарскихъ властей. Ему было поручено начальникомъ Заравшанскаго округа отыскать трехъ дочерей одной самаркандской жительницы которыя были тайно увезены въ Бухару и проданы въ неволю. Нечаянно проговорившись, онъ навлекъ на себя подозрѣніе Бухарцевъ, которые его продержали пятьдесятъ шесть дней въ Карши въ заключеніи и обращались съ нимъ весьма дурно, несмотря на то что онъ объявилъ себя русскимъ джигитомъ. Чтобъ его освободить отъ притѣсненій я старался убѣдить Абдулъ-Кадыра въ неблаговидности поступка бухарскихъ властей. Послѣ долгихъ усилій, мои настоянія имѣли наконецъ успѣхъ, и онъ былъ отправленъ обратно въ Самаркандъ съ приличными подарками.

18го іюня мы представлялись владѣтедьному беку, который вовсе не былъ краснорѣчивъ и ограничился только обычными привѣтствіями, и то подсказанными Абдулъ-Кадыромъ. Сеидъ-Акрамъ-ханъ, третій сынъ эмира, хотя еще весьма юный (восемнадцати лѣтъ), уже носилъ признаки бухарской испорченности. Его истомленный видъ, болѣзненная блѣдность, безсвязныя рѣчи ясно свидѣтельствовали о недостаткѣ всякаго нравственнаго и умственнаго развитія. Онъ произвелъ на насъ очень грустное и тяжелое впечатлѣніе. Кромѣ того видно что онъ запуганъ своими совѣтниками, управляющими бекствомъ его именемъ.

19го іюня мы оставили Карши, переѣхали по каменному

---

* Въ Средней Азіи только въ старинныхъ городахъ можно увидѣть высокіе дома.

мосту Кашка-Дарью и съ большимъ трудомъ, по очень скверной дорогѣ, постоянно переправляясь черезъ глубокіе и широкіе арыки, добрались до Корсана, большаго кишлака, извѣстнаго своимъ базаромъ. Корсанъ былъ когда-то цвѣтущимъ городомъ, отъ котораго осталась только развалившаяся крѣпость.

На слѣдующій день, одолѣвъ четыре таша, мы остановились въ кишлакѣ Ходжа-Мубарекъ, — также древній городъ, о чемъ свидѣтельствуютъ большія развалины. Отсюда Кашка-Дарья направляется на югъ и теряется въ пескахъ. По дорогѣ очень много *сардоба,* крытыхъ колодцевъ, построенныхъ еще знаменитымъ эмиромъ Абдулла-ханомъ, очень заботившимся облегчить путешествія чрезъ безконечныя песчаныя пространства, занимающія всю середину бухарскихъ владѣній.

Ходжа-Мубарекъ расположенъ на краю громадной Каршинской степи, въ которую мы и въѣхали 21го іюня. Оставивъ за собою три таша, мы сдѣлали привалъ у большаго колодца Чули-Какыра. *

При степныхъ колодцахъ построены сараи, весьма удобные для остановокъ и представляющіе хорошее убѣжище отъ часто дующихъ степныхъ вихрей. Не разъ приходилось съ благодарностью вспоминать объ Абдулла-ханѣ. Безъ этихъ построекъ было бы невозможно переѣзжать степи гдѣ путешественникъ легко можетъ сбиться съ дороги или же быть занесеннымъ пескомъ.

Безконечно въ даль тянутся многочисленные песчаные холмы, по благоусмотрѣнію вѣтра мѣняющіе свои мѣста. Кое-гдѣ виднѣются мелкіе колючіе кустарники. Рѣдко встрѣчаются путники; трудно найти дорогу въ этихъ степяхъ; это возможно только привычному глазу, мѣстами иногда торчащіе изъ-подъ песка скелеты указываютъ ея направленіе. Въ иныхъ мѣстахъ попадается и твердый грунтъ, образующійся отъ многочисленныхъ солончаковъ, сухихъ лѣтомъ и топкихъ осенью.

На одинъ ташъ отъ Какыра отстоитъ другой большой сардоба, Бузачи **, гдѣ въ прежнія времена былъ притонъ

* Чули — степь.

** Названъ этотъ сардоба такъ потому что разбойники въ немъ жившіе опивались бузой. Буза—одуряющій напитокъ, дѣлаемый изъ риса и проса.

разбойниковъ. Послѣ отдыха, въ двѣнадцать часовъ ночи мы пустились далѣе по глубокому песку перемѣшанному со множествомъ каменьевъ, которые представляли большія затрудненія нашимъ утомленнымъ лошадямъ. Несмотря на эти препятствія мы употребили менѣе четырехъ часовъ на проѣздъ четырехъ съ половиною ташей; почти все время приходилось ѣхать рысью чтобы не отстать отъ посланника, который опережалъ всѣхъ на своемъ великолѣпномъ иноходцѣ. Наконецъ послѣ долгихъ усилій мы оставили мрачную степь съ ея горячимъ вѣтромъ и жгучимъ пескомъ и ступили на болѣе привлекательную почву. Въѣхавъ на небольшую каменистую гору мы немного остановились чтобы полюбоваться великолѣпною картиной, разомъ раскинувшеюся предъ нами. Большое озеро тянулось направо и ярко отражало первые лучи восходящаго солнца. Весело было смотрѣть на разноцвѣтную зелень многочисленныхъ полей и садовъ. А въ дали, окруженные тѣнистыми деревьями, возвышались башни, мечети, медрессе и дворцы. Это была знаменитая Бухара—цѣль нашего путешествія. Особенно для насъ это зрѣлище было отрадно послѣ безотрадной степи которую мы только-что покинули.

VI.

Чтобы приготовиться къ торжественному въѣзду въ Бухару, мы должны были сперва остановиться въ маленькомъ кишлакѣ. Здѣсь мы познакомились съ выѣхавшими къ намъ на встрѣчу тремя сыновьями Абдулъ-Кадыра. Послѣдній ташъ мы, окруженные многочисленными всадниками, сдѣлали медленнымъ шагомъ, строго соблюдая бухарскій церемоніалъ. Наконецъ мы могли отдохнуть отъ долгаго путешествія, и потому съ не малымъ удовольствіемъ слѣзли съ лошадей и вошли въ одинъ изъ лѣтнихъ, загородныхъ, эмирскихъ дворцовъ, отведенный намъ на все время нашего пребыванія въ Бухарѣ.

Загородный дворецъ этотъ называется Тальчой. * Его многочисленные и разнообразные балконы, галлереи, маленькія окна, украшенныя рѣзьбой, большое количество двориковъ, очень напоминаютъ наши старинные боярскіе терема.

* Тальча—значитъ зеленый холмъ.

Въ комнатахъ нѣтъ мебели, но за то богатые ковры и мягкія шелковыя и бархатныя подушки ее вполнѣ замѣняютъ. Очень изящная лѣпная работа на стѣнахъ и разноцвѣтные узоры на потолкахъ придаютъ комнатамъ весьма оригинальный и веселый видъ. Довольно большой садъ, распланированный на европейскій образецъ, представляетъ пріятное убѣжище отъ жары. Въ серединѣ его прудъ, очень чисто содержимый, распространяетъ благодѣтельную свѣжесть. У самаго пруда была раскинута для насъ роскошная палатка, принадлежавшая эмиру.

23го іюня, въ девять часовъ утра, состоялось при торжественной обстановкѣ наше представленіе кушбеги (первому министру) Мухаммедъ-бію-Инаку. * Очень представительный по наружности, бухарскій визирь съ перваго же знакомства пріобрѣлъ нашу симпатію своею разговорчивостью и веселостью. Принимая насъ съ неподдѣльнымъ радушіемъ, онъ изъ кожи лѣзъ чтобы намъ угодить. ** Навѣрно въ разговорѣ съ нами онъ далъ бы волю откровенности, еслибы не присутствіе его сына и Абдулъ-Кадыра, которые видимо его стѣсняли и пугали. Поблагодаривъ его за гостепріимство и получивъ позволеніе безпрепятственно разъѣзжать по городу, мы распростились. При этомъ онъ просилъ извинить его если ему не удастся до возвращенія эмира пріѣхать ко мнѣ съ визитомъ, такъ какъ въ качествѣ временнаго коменданта города Бухары онъ не имѣетъ права выѣзжать далѣе городскихъ воротъ, но что непремѣнно это исполнитъ какъ только представится возможность. Я поблагодарилъ его за намѣреніе и сказалъ что все-таки не теряю надежды увидѣть его у себя.

Въ этотъ же день меня посѣтили довѣренные нашихъ купцовъ: Дюкова—Александръ Агѣевъ и Коншина—Ѳеодоръ Козинъ. Третій, Мухамедъ-Джанъ — довѣренный Веснина, былъ въ отсутствіи, я его увидѣлъ послѣ. Какъ отъ нихъ, такъ и отъ другихъ лицъ мнѣ удалось собрать о торговлѣ въ Бухарѣ нѣкоторыя свѣдѣнія которыя считаю полезнымъ помѣстить здѣсь.

Такъ какъ торговля составляетъ одну изъ доходнѣйшихъ статей для эмира то на нее и обращено особенное его

* Кушбеги и его сынъ родомъ Персіяне, были рабами. Оба возвысились женившись на отставныхъ женахъ эмира.

** Особенно это высказалось въ подаркахъ намъ поднесенныхъ.

вниманіе. Чтобы купцы не могли увернуться отъ платежа установленной пошлины, существуютъ многочисленные зякетчи съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ. Главный надзоръ порученъ главному зякетчію—это мѣсто теперь занимаетъ сынъ кушбеги, который въ то же время исполняетъ должность казначея эмира. Кромѣ того для веденія торговыхъ дѣлъ и для наблюденія за правильностью торговли имѣются торговые аксакалы. * Хотя за сборомъ торговой пошлины весьма зорко слѣдятъ, однако иные торговцы умудряются ускользнуть отъ ея уплаты. Приведу слѣдующій примѣръ: Бухарцы, ввозя въ наши предѣлы товары, получаютъ зякетныя квитанціи въ удостовѣреніе того что товарная пошлина уплачена. Эти квитанціи секретно передаются или перепродаются въ другія руки, и такимъ образомъ могутъ служить нѣсколькимъ лицамъ (тождественность лица весьма трудно провѣрить въ Средней Азіи), которыя, пользуясь этимъ, провозятъ свои товары безплатно. Чтобы труднѣе было узнать истину, Бухарцы стараются брать квитанціи изъ городовъ болѣе отдаленныхъ отъ границы, напримѣръ изъ Джизака, Ходжента и др. Обманывая нашихъ чиновниковъ, Бухарцы такимъ же способомъ вводятъ въ обманъ и своихъ.

Привозимые товары складываются въ нарочно для того устроенные караванъ-сараи. ** Сараи эти отдаются въ пользованіе арендаторамъ, вслѣдствіе чего купцы принуждены платить кромѣ обыкновеннаго ($2^1/_2$%) зякета, еще за помѣщеніе товаровъ въ сараяхъ. Послѣдняя плата не опредѣлена точно и вполнѣ зависитъ отъ произвола арендаторовъ, надзоръ за которыми весьма слабъ.

Во время моего пребыванія въ Бухарѣ, цѣны на нѣкоторые бухарскіе товары были слѣдующія:

Бумага хлопчатая отъ 7 до $9^1/_2$ тенегъ (теньга, серебряная монета въ 20 коп.) за 20 фунтовъ;

Шелкъ-сырецъ отъ 175 до 180 тенегъ за 10 фунт.;

Черный каракуль (шкурки съ маленькихъ барановъ) отъ 135 до 130 тенегъ за 10 штукъ;

* Старшій торговый аксакалъ постоянно живетъ въ Бухарѣ. Теперь эту должность занимаетъ весьма почтенный человѣкъ—Мирза-Ша-аксакалъ, пользующійся большимъ вліяніемъ.

** Въ Бухарѣ такихъ сараевъ 155.

Данадаръ * отъ 100 до 150 тенегъ за 10 штукъ;
Миша ** отъ 120 до 130 тенегъ за 100 кожъ;
Бухарская пряжа 200 тенегъ за $6^1/_2$ пудовъ;
Выбойка большемѣрная 460 тенегъ за 100 штукъ;
Выбойка маломѣрная отъ 185 до 200 тенегъ за 100 шт.

Чаи идутъ болѣе всего въ Бухару изъ города Мамбая (такъ мнѣ сказали). Больше спроса на слѣдующіе сорта:

Баладуръ высшій сортъ—отъ 90 до 95 тиллей (золотая монета въ 5 руб. 20 коп.) за 160 фунтовъ;
Яхакъ, крупный и мелкій—70 тиллей за 160 фун.;
Кумышъ, высшій сортъ—отъ 45 до 60 тиллей за 160 фун.;
Акъ-куйрюкъ—35 тиллей за 160 фунтовъ, и
Альма ***—16 тиллей за 160 фунтовъ.

Бóльшая часть шелковичныхъ коконовъ направляется черезъ Авганистанъ въ Индію и Англію. Вообще цѣны стояли довольно низкія, и купцы жаловались на дурную торговлю.

Кромѣ отдѣльныхъ лавокъ **** и караванъ-сараевъ существуютъ для продажи товаровъ многочисленные базары. Самыми значительными могутъ считаться Бухарскій, Каршинскій и Гиссарскій.

Базары бываютъ постоянные и временные; на нихъ всегда стекается множество народа. Кромѣ торговаго значенія базары имѣютъ политическое, потому что служатъ центромъ распространенія разныхъ слуховъ, новостей, словомъ, играютъ роль нашихъ газетъ.

Одно время преобладавшіе на бухарскихъ рынкахъ англійскіе товары теперь совсѣмъ вытѣснены русскими. Англійскихъ товаровъ теперь очень мало въ Бухарѣ и распродаются они плохо.

Изъ англійскихъ товаровъ болѣе всего ситца, коленкору и металлическихъ издѣлій; только послѣднія имѣютъ хорошій сбытъ, что же касается англійскихъ ситцевъ и кисеи, то хотя они и лучшей доброты чѣмъ русскіе, покупаются однако неохотно, потому что русскіе продаются за полцѣны.

Временами много товаровъ привозятъ Авганцы и Индійцы, которые, спѣша скорѣе выручить деньги, продаютъ по деше-

* Данадаръ—мелкая мерлушка, зернистая.
** Миша—сырая баранья кожа для обуви.
*** Кирпичный, въ видѣ яблока. Альма—значитъ яблоко.
**** Въ Бухарѣ насчитываютъ до 200 лавокъ съ краснымъ товаромъ.

вымъ цѣнамъ (очень часто себѣ въ убытокъ), чѣмъ очень портятъ цѣны. Но эта конкурренція не опасна, такъ какъ непостоянна и недолговременна. Продавъ товары свои, Авганцы и Индійцы, а также и Евреи стараются пріобрѣсти русское золото, которое и вывозятъ въ большомъ количествѣ въ Индію. Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ убѣждаться какъ много въ Бухарѣ русскаго золота и стараго русскаго серебра. Итакъ первенство въ торговлѣ, конечно послѣ мѣстныхъ произведеній, безспорно принадлежитъ русскимъ товарамъ. Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о нашей торговлѣ съ Бухарою, привожу здѣсь перечень тѣхъ русскихъ товаровъ которые ввозятся въ Бухару и на которые спросъ болѣе распространенъ, съ обозначеніемъ приблизительно цѣнъ по которымъ они продаются:

Ситецъ Нарвской мануфактуры за кусокъ въ 50 аршинъ отъ 26 до 32 тенегъ.

За кусокъ въ 40 аршинъ отъ 18 до 24 тенегъ.

Однокубовый ситецъ за кусокъ въ 40 аршинъ 26 тенегъ.

Розовая сарпинка за кусокъ въ 30 аршинъ 21 теньга.

Голубая 17 тенегъ.

Ситецъ Коншина за кусокъ въ 50 аршинъ 35 тенегъ.

Ситецъ Зубова, пунцовый, 60 тенегъ.

Ситецъ Гандурина, зеленый, отъ 21 до 22 тенегъ.

Ситецъ Меньщикова тоже.

Ситецъ Кокушкина отъ 20 до 22 тенегъ.

Ситецъ Фокина 19 тенегъ.

Тикъ Соколова за кусокъ въ 40 аршинъ 1й сортъ 60 тенегъ.

Ситецъ Сидорова 50 тенегъ.

Ситецъ Шереметева, 2й сортъ, 27 тенегъ.

Сукно алое и розовое за кусокъ въ 20 аршинъ 80 тенегъ.

Сукно Потапова тоже.

Карамели 37 тенегъ за пудъ.

Леденецъ 47 тенегъ за пудъ.

Сахаръ 22-фунтовой 51 теньга за пудъ.

Песокъ сахарный 45 за пудъ.

Олово прутковое 80 тенегъ за пудъ.

Орѣшки чернильные, черные 40 тенегъ за пудъ.

Бѣлые 30 тенегъ за пудъ.

Кошениль черная 250 тенегъ за пудъ.

Сѣрая 220 тенегъ за пудъ.

Полотно въ кускѣ 30 аршинъ 32 теньги.

Коленкоръ лощеный, въ кускѣ 50 аршинъ, 17 тенегъ.

Красная юфть отъ 310 до 400 тенегъ за 10 кожъ.

Бумага прядильная, утокъ $^{38}/_{40}$, Нарвской мануфактуры, 27 тенегъ за лачку.

Лодерской мануфактуры 27 тенегъ за лачку и т. д.

Наши купцы обыкновенно отправляютъ свои караваны изъ Оренбурга черезъ Казалу прямо въ Бухару. Каждый караванъ состоитъ только изъ пятидесяти навьюченныхъ верблюдовъ, — болѣе за одинъ разъ не посылаютъ, такъ какъ это значительно замедляло бы движеніе каравана. Кромѣ нашихъ купцовъ, много бухарскихъ торговцевъ занимаются продажей русскихъ издѣлій, вывозя ихъ изъ Россіи (больше съ Нижегородской ярмарки). Исключительно для русскихъ товаровъ въ Бухарѣ отведены караванъ-сараи: Аимъ, Ташкентъ, Абдулъ-Хакимъ, Погай (для Татаръ) и базары.

Въ настоящее время, какъ я уже упомянулъ, въ Бухарѣ находятся довѣренные нашихъ купцовъ: Агѣевъ, довѣренный оренбургскаго купца Дюкова, Козинъ, довѣренный московскаго купца Коншина и Татаринъ Мухамедъ-Джанъ и Юдинъ, довѣренные ростовскаго купца Веснина. Первые трое живутъ въ городѣ Бухарѣ, а послѣдній въSerminѣ. Вообще они довольны своимъ положеніемъ; Бухарцы ихъ не притѣсняютъ и торговлю ведутъ они довольно успѣшно. Я ихъ познакомилъ съ главнымъ зякетчіемъ и Абдулъ-Кадыромъ, которыхъ просилъ, въ случаѣ необходимости, оказывать довѣреннымъ покровительство и содѣйствіе.

Кромѣ вышеизложеннаго, отъ нихъ я узналъ еще слѣдующее:

Плата за русскіе товары производится на теньги по курсу, который иногда стоитъ очень высоко, смотря потому спѣшитъ ли продавецъ сбыть свой товаръ. Цѣна теньги доходитъ отъ 27 до 40 копѣекъ. Это происходитъ тогда когда требуется немедленная уплата. Чтобы не подвергаться большимъ убыткамъ, которые были бы неизбѣжны при высокомъ курсѣ на теньгу, наши довѣренные принуждены поневолѣ торговать въ кредитъ, потому что въ этомъ случаѣ курсъ на теньгу почти не принимается въ разчетъ *.

* Во время моей поѣздки курсъ на русскія бумажныя деньги былъ въ Шахрисябзѣ 70 коп. за рубль и въ Бухарѣ 98 коп.

Бухарцы неохотно тотчасъ же платятъ за купленный товаръ, большею частью покупаютъ его въ кредитъ съ разсрочкой уплаты, иногда на довольно продолжительное время. При этомъ для русскихъ торговцевъ бываетъ еще та выгода что при повышеніи цѣны на какой-нибудь товаръ достоинство теньги понижается и доходитъ отъ 20 до 18 копѣекъ. Но если продажа въ кредитъ представляетъ нѣкоторыя выгоды, за то съ другой стороны она имѣетъ большія невыгоды. Такъ, въ Бухарѣ продажа происходитъ большею частію на извѣстный срокъ, безъ всякихъ документовъ,—требуется только личное присутствіе маклера (или вообще какого-нибудь должностнаго лица), который назначается отъ правительства. Конечно, такое голословное свидѣтельство, хотя и официальнаго лица, о совершившейся продажѣ далеко не достаточно и не можетъ служить хорошею гарантіей. Бухарцы обыкновенно не отказываются отъ уплаты за забранный товаръ, только рѣдко производятъ ее въ сроки. * Однако случается тоже что они совершенно не уплачиваютъ своихъ долговъ (чему главною причиной бываютъ частыя банкротства) и тѣмъ сильно подрываютъ нашу торговлю. Изъ всего этого ясно видно на какихъ шаткихъ основаніяхъ держится торговля Русскихъ въ Бухарѣ и какимъ большимъ опасностямъ подвергаются интересы нашихъ купцовъ. Поэтому довѣренныхъ нашихъ весьма интересуетъ вопросъ: какъ обезопасить нашу торговлю въ Бухарѣ. Что̀ конечно послужило бы къ большему ввозу русскихъ товаровъ. (Они очень надѣялись на учрежденіе торговаго консульства въ Бухарѣ или же на дозволеніе обезпечивать продажу законными документами.) Другая ихъ жалоба относится къ зякету въ $2^1/_2\%$ который теперь взимается эмиромъ съ вывозимаго хлопка. Этотъ лишній платежъ противорѣчитъ главному правилу по сбору зякета (было постановлено со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ брать $2^1/_2\%$ съ правомъ вывезти безплатно товаровъ на сумму равную ввозимымъ) и тяжело ложится на нашихъ купцовъ; кромѣ того взимается десятая часть съ вывозимой изъ Бухары звонкой монеты.

---

* При уплатѣ на каждыя двадцать тенегъ даютъ одну теньгу пулами, что̀ весьма затрудняетъ счетъ, такъ какъ въ одной теньгѣ (20 коп.) заключается 64 пулы. (Пула — маленькая, но тяжеловѣсная мѣдная монета).

VII.

На слѣдующій день пріѣзда въ Бухару, то-есть 24го іюня, я познакомился съ саратовскимъ Татариномъ Каратаевымъ (въ Бухарѣ его зовутъ Уста-Али). Онъ преданъ Русскимъ, и, несмотря на то что занимаетъ при эмирѣ ничтожную должность придворнаго часовщика, * имѣетъ большое вліяніе на Бухарцевъ. Послѣ перваго же свиданія онъ предложилъ свои услуги — доставлять мнѣ разныя свѣдѣнія, что и исполнилъ очень добросовѣстно и успѣшно, не обращая вниманія на опасности которыя были съ этимъ сопряжены. Али-Мухамедъ-Каратаевъ, сынъ купца второй гильдіи, изъ города Хвалынска, Саратовской губерніи, не имѣя возможности уплачивать гильдейскія повинности, въ 1854 году прибылъ въ Бухару, гдѣ и нанялся за 300 рублей у бухарскаго купца Рахимъ-Бая, караванъ-баши, для постройки мукомольныхъ мельницъ. Въ то же время онъ не бросалъ своего любимаго мастерства—издѣлія часовъ. Заработанныя деньги онъ посылалъ въ Россію для уплаты повинностей. Когда же Рахимъ-Бай умеръ, Каратаевъ захотѣлъ вернуться на родину, но эмиръ Насрулла (отецъ Музаффаръ-Эддина), видя въ немъ человѣка полезнаго, насильно задержалъ его и запретилъ ему выѣздъ изъ бухарскихъ владѣній (ему было назначено содержаніе по 280 тенегъ и 16 батмановъ хлѣба въ годъ). Некому было за него хлопотать, и всѣ его просьбы оставались безъ послѣдствій. Теперешній эмиръ, Сеидъ-Музаффаръ, даже приказалъ, подъ страхомъ наказанія, совсѣмъ не принимать его прошеній. Долгое время находясь въ бѣдственномъ положеніи, Каратаевъ едва былъ въ состояніи пропитывать себя. Нѣсколько разъ онъ пытался бѣжать, но за нимъ зорко слѣдили и каждый разъ его возвращали назадъ. Ему volens nolens пришлось покориться своей участи и терпѣливо выжидать спасенія въ будущемъ; часто жизнь его была въ опасности и только знаніе страны и жителей помогло ему избѣжать опасностей съ которыми приходилось бороться на каждомъ шагу. Уже двадцать лѣтъ какъ онъ жи-

* Одно изъ его произведеній, большіе стѣнные часы, красуются на воротахъ дворца въ городѣ Бухарѣ.

ветъ въ Бухарѣ; въ это время ему пришлось испытать многое: то онъ былъ переводчикомъ у эмира и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, то командовалъ артиллеріей (впрочемъ недолго, такъ какъ былъ признанъ неспособнымъ), то исполнялъ должность придворнаго часовщика, то наконецъ, впадая въ немилость, бѣдствовалъ въ нищетѣ. Теперь онъ исполняетъ обязанности главнаго переводчика и пользуется большимъ значеніемъ. Преданность его Россіи имѣетъ очевидныя доказательства. Благодаря его заступничеству, многіе русскіе плѣнники, между прочимъ гг. Струве, Глуховской и другіе, спаслись отъ смертной казни. Неоднократно ему удавалось удерживать эмира отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Русскихъ. * Замѣчая его расположеніе къ Русскимъ, Бухарцы нѣсколько разъ порывались запретить ему приходить ко мнѣ; однако, когда я сталъ выражать непремѣнное желаніе видѣть старика, они побоялись отказать мнѣ.

Получивъ отъ генерала Колпаковскаго приказаніе переговорить съ кушбеги по нѣкоторымъ дѣламъ, я отправился къ нему вмѣстѣ съ г. Чалышевымъ. Хотя пріемъ былъ по обыкновенію очень радушенъ, все-таки было довольно трудно говорить о дѣлахъ съ кушбеги, который избѣгалъ положительныхъ отвѣтовъ, видимо стѣснялся и даже не постарался скрыть свою радость и облегченіе когда свиданіе пришло къ концу. Бухарцы вообще неохотно говорятъ съ Русскими о дѣлахъ, относятся съ большимъ недовѣріемъ и избѣгаютъ высказывать свое мнѣніе. Они убѣждены что ихъ хотятъ непремѣнно обмануть, выпытавъ истину; а потому чтобы не подпасть гнѣву эмира за излишнюю болтливость, они или отмалчиваются, или же отвѣчаютъ совершенно ничего не значащими фразами. Понятно такой способъ переговоровъ не можетъ способствовать скорѣйшему рѣшенію дѣлъ.

26го іюня я посѣтилъ нашихъ торговцевъ, что, какъ я узналъ въ послѣдствіи, значительно повысило ихъ положеніе между Бухарцами. Отъ нихъ, вслѣдствіе офиціальнаго приглашенія, мы поѣхали въ гости къ Абдулъ-Кадыру, который задержалъ насъ у себя до слѣдующаго утра. Всѣ эти визиты

* Удивительно какъ этотъ старикъ, пробывъ двадцать лѣтъ въ Бухарѣ, не забылъ еще русскаго языка.

были очень утомительны, такъ какъ повсюду преслѣдовалъ насъ скучный бухарскій этикетъ.

Называя себя самымъ преданнымъ нашимъ другомъ, Абдулъ-Кадыръ попрежнему продолжалъ вести свои интриги противъ насъ. Онъ началъ убѣждать насъ что эмиръ не скоро пріѣдетъ въ Бухару, что мы напрасно будемъ его ждать, словомъ, старался поскорѣе выпроводить. Сперва я было и хотѣлъ поспѣшить своимъ возвращеніемъ въ Самаркандъ, но потомъ, посовѣтовавшись съ благонамѣренными людьми и прислушавшись къ народнымъ толкамъ, измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился непремѣнно дождаться пріѣзда эмира. Причины къ этому рѣшенію были основательныя: въ народѣ распространился слухъ будто эмиръ нами не доволенъ и намѣренъ подвергнуть насъ строгому обращенію, будто мы обманщики и самозванцы и т. п., кромѣ того я узналъ что Абдулъ-Кадыръ, вступивъ въ тайную борьбу съ кушбеги, постоянно доносилъ эмиру (донесенія были редактированы мирзою Вахабомъ, шпіономъ посланника) что мы всѣмъ недовольны, все бранимъ и критикуемъ, стараемся втереться въ дружбу Бухарцевъ чтобъ обо всемъ подробно доложить въ Петербургѣ; въ то же время кушбеги, съ своей стороны, представлялъ эмиру совершенно противоположныя извѣстія, что мы люди тихіе, доброжелательно относимся къ Бухарцамъ, довольны ихъ радушіемъ, за которое и стараемся отплатить добромъ и благодарностью. Это противорѣчіе не ускользнуло отъ эмира и побудило послѣдняго ускорить свой пріѣздъ въ Бухару чтобъ убѣдиться самому кто правъ и кто виноватъ.

28го іюня я былъ извѣщенъ что эмиръ проситъ меня дождаться его прибытія, такъ какъ непремѣнно желаетъ еще разъ принять меня. Когда Абдулъ-Кадыръ убѣдился въ своей ошибкѣ, онъ немедленно перемѣнилъ тактику и принялся увѣрять эмира что онъ былъ обманутъ ложными доносами.

29го іюня я нечаянно проговорился что это день именинъ моего отца. Каратаевъ услышавъ объ этомъ поспѣшилъ сообщить всему городу и внушить Бухарцамъ что они должны достойнымъ образомъ отпраздновать этотъ день; вслѣдствіе чего съ самаго утра начались поздравленія. Всѣ высшія должностныя лица перебывали у меня съ визитомъ. Весь день у меня въ саду играла военная музыка, а вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ (устройства Каратаева).

День окончился роскошнѣйшимъ ужиномъ съ участіемъ многочисленныхъ сановниковъ. За это вниманіе я отблагодарилъ подарками кого только было возможно.

Слѣдующимъ днемъ я воспользовался чтобы посѣтить кишлакъ Богоеддинъ (отстоящій на одинъ ташъ отъ Бухары), гдѣ похороненъ извѣстный мусульманскій святой, именемъ котораго названо это селеніе. Къ этому мѣсту стекается множество поклонниковъ, особенно нищихъ, очень нахальныхъ, отъ которыхъ просто прохода нѣтъ. Властители Бухары также часто посѣщаютъ это святилище. Въ этомъ кишлакѣ достойны вниманія мечети древней мавританской архитектуры. Особенно замѣчательны высокія колонны сѣраго мрамора, потолки украшенные великолѣпными рисунками и большія люстры русскаго издѣлія (сдѣланныя въ Россіи на заказъ). Гробница святаго, сдѣланная по образцу прочихъ бухарскихъ мавзолеевъ, окружена оградой, у которой возвышается большой шестъ со знаменемъ изъ конскаго волоса и разныхъ старыхъ тряпокъ на концѣ. На гробницѣ виднѣется мраморная доска, исписанная молитвами на арабскомъ языкѣ. Населеніе кишлака состоитъ большею частію изъ ходжей, потомковъ святаго Богоеддина. Ходжи приняли насъ весьма радушно, за то нищіе разорвали бы насъ на части, еслибы мы не были оберегаемы полицейскими. По моему порученію мулла Юнусовъ бросалъ деньги въ толпу; то же самое онъ дѣлалъ на возвратномъ пути нашемъ изъ Бухары къ Катта-Кургану. Эта благотворительность даже необходима въ Бухарѣ, потому что располагаетъ массы въ пользу благотворителя, воспоминанія о которомъ запечатлѣваются на долго.

2го іюля мы ѣздили въ гости къ богатому бухарскому купцу, Мансуръ-Баю, много путешествовавшему и часто посѣщавшему Россію. Онъ показалъ намъ довольно хорошо удавшіяся посадки американскаго хлопка.* Затѣмъ мы смотрѣли размотку коконовъ, производство бархата и шелковыхъ матерій. Все это, конечно, находится въ первобытномъ состояніи и нуждается въ большихъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ.

---

* Сѣмена американскаго хлопка были подарены эмиру нашимъ правительствомъ съ цѣлью улучшить въ Бухарѣ хлопокъ, такъ какъ бухарскій хлопокъ все болѣе и болѣе вырождается и дѣлается хуже по причинѣ небрежнаго ухода за нимъ.

Хотя въ разное время было написано много статей о земледѣліи въ Средней Азіи, я рѣшаюсь однако сообщить здѣсь тѣ свѣдѣнія которыя собралъ въ Бухарѣ по этому вопросу и которыя не лишены нѣкотораго интереса.

Положеніе Бухары придало здѣсь земледѣлію особенный характеръ. Сильные жары и вѣтры изсушили бы окончательно почву, не совсѣмъ доброкачественную (мѣстами глинистую, мѣстами песчаную и солонцоватую; чернозема почти нѣтъ), еслибы жители не пользовались разлитіемъ рѣкъ и не проводили многочисленныхъ арыковъ. * Слѣдовательно плодородіе въ Бухарѣ вполнѣ зависитъ отъ количества воды которою наводняются поля. Міанкальская и Шахрисябзская долины, какъ самыя близкія къ рѣкамъ, самыя урожайныя. Но первая почти цѣликомъ вошла въ составъ нашихъ владѣній, и главнѣйшими житницами Бухары остались только Шахрисябзская долина и бекства Зіаддинское и Хатырчанское. Роль египетскаго Нила исполняетъ въ Бухарѣ Заравшанъ, который спасаетъ своею цѣлительною влагой Заравшанскій округъ отъ засухи. Распредѣленіе воды на такомъ большомъ пространствѣ весьма затруднительно и зависитъ отъ высоты до которой вода доходитъ при разливѣ; отчего иной годъ всѣ поля заливаются водою, въ другой же годъ, напротивъ, жители принуждены довольствоваться наводненіемъ только незначительной части обработанныхъ земель. Такъ какъ главное теченіе Заравшана находится въ нашихъ предѣлахъ, то и ежегодное распредѣленіе его воды принадлежитъ нашему правительству, которое, завѣдуя этимъ дѣломъ, имѣетъ значительное преимущество предъ Бухарцами и можетъ всегда принудить послѣднихъ, поражая въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ, быть осторожными въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Сто́итъ только задержать воду и Бухара будетъ находиться въ крайнемъ положеніи. Почти каждый годъ между нашими и бухарскими пограничными властями возникаютъ пререканія по этому вопросу. Теперь эти пререканія усилились потому что задерживается большее противъ обыкновеннаго количество воды для Заравшанскаго округа, въ которомъ ежегодно увеличиваются обрабатываемыя земли. Для разрѣшенія этого вопроса и чтобы не лишить Бухару необходимаго для нея

* Арыкъ—канава.

количества воды, генералъ-майоръ Абрамовъ отправилъ къ Заравшану особаго чиновника, на котораго возложена обязанность хорошенько ознакомиться съ теченіемъ помянутой рѣки и ея притоковъ и исчислить сколько возможно и необходимо пускать воды какъ въ наши, такъ и въ бухарскія владѣнія.

Лучшія земли въ Бухарѣ, какъ я уже сказалъ, и наиболѣе обработанныя расположены по Заравшану, но земель этихъ не особенно много. Вторыми по качеству могутъ быть названы земли въ Шахрисябзской долинѣ и отчасти въ окрестностяхъ города Карши. Поля дѣлятся на танапы, величина которыхъ приблизительно равняется 600 квадратнымъ аршинамъ, то-есть четвертой части десятины (въ Ташкентѣ танапъ составляетъ одну шестую часть десятины). Несмотря на наводненія, земли требуютъ частаго удобренія: на танапъ, какъ меня увѣряли, идетъ обыкновенно отъ 100 до 150 ишачьихъ (ослиныхъ) вьюковъ навоза (мѣшанаго); каждый вьюкъ стóитъ двадцать копѣекъ. Только посѣвы на горахъ нуждаются въ меньшемъ удобреніи.

Въ Бухарѣ принято трехпольное хозяйство — двѣ части полей находятся обыкновенно подъ посѣвомъ, а одна подъ паромъ. Въ сѣвооборотъ не входятъ земли занятыя огородами. Съ каждаго клина снимаются двѣ жатвы, изъ которыхъ первая называется кукъ, а вторая акъ. * Такъ въ концѣ февраля засѣвается яровая пшеница, въ маѣ мѣсяцѣ она снимается, а на ея мѣсто сѣятся уже въ іюнѣ либо какія-нибудь масличныя растенія, либо овощи, которыя въ свою очередь снимаются въ теченіе сентября. На слѣдующій годъ участокъ этотъ остается подъ паромъ.

Пашутъ обыкновенно волами, но часто ярмо надѣвается и на лошадей. Плуги первобытнаго устройства и весьма плохи. Борона походитъ на нашу, только имѣетъ два ряда желѣзныхъ клиньевъ, по семи въ каждомъ; клинья покрыты доской на которую становится работникъ.** Чтобы не истощать землю, хлѣба перемежаются съ овощами и травами. Для примѣра привожу здѣсь нѣкоторыя произведенія бухар-

* Кукъ — зеленый, когда снимаются овощи и др. Акъ — бѣлый, для обозначенія хлѣбовъ.

** Часто борону замѣняетъ простая доска, даже безъ клиньевъ.

ской почвы, съ обозначеніемъ приблизительно урожаевъ которые они даютъ.

Морковь сѣется весной, получается въ количествѣ отъ 50 до 70 батмановъ * съ танапа. Цѣна за батманъ отъ четырехъ до двадцати тенегъ.

Затѣмъ сѣютъ пшеницу, иногда сорго, которымъ не даютъ вызрѣвать и вытравляютъ въ первый годъ скотомъ.

Потомъ идетъ очередь ячменя.

Пшеница родится самъ 10, 18 и даже 50, ячмень въ томъ же количествѣ. Обыкновенно съ четверти батмана получается отъ двухъ до трехъ батмановъ. Батманъ пшеницы, поспѣвающей во второй половинѣ іюня, стоитъ отъ 22 и до 100 тенегъ. Ячменя получается отъ трехъ до пяти батмановъ, сѣется въ послѣднихъ числахъ августа или сентября (въ рѣдкихъ случаяхъ въ октябрѣ); поспѣваетъ онъ въ первыхъ числахъ мая; стоитъ батманъ отъ 17 до 80 тенегъ.

Рисъ сѣютъ болѣе всего въ Шахрисябзской и Міанкальской долинахъ. Въ другихъ мѣстахъ не сѣютъ по недостатку воды.

Сорго сѣютъ въ іюлѣ и маѣ, поспѣваетъ въ сентябрѣ; собираютъ его въ октябрѣ; сорго требуетъ большаго удобренія.

Хлопчатникъ сѣется весной и поспѣваетъ въ концѣ августа.

Табакъ сѣютъ только въ Карши или Міанкалѣ. Цѣна его доходитъ до 120 тенегъ за батманъ.

Марену сѣютъ на грядахъ. Для нея необходимы усиленное удобреніе и тщательный уходъ. Отличается особенно длиннымъ корнемъ.

Свекла поспѣваетъ къ морозамъ; цѣна отъ четырехъ до пяти тенегъ за батманъ.

Земли въ Бухарѣ дѣлятся на три главные вида: эмирскія, бекскія и вакуфныя. Доходы съ эмирскихъ земель идутъ прямо эмиру и собираются особыми чиновниками—амлакдарами. Доходы съ бекскихъ земель употребляются на управленіе бекствами и собираются самими беками. А доходы съ вакуфныхъ земель идутъ въ пользу тѣхъ лицъ или учрежденій въ собственность которымъ эти земли предназначены.

Подать взимаемая съ обрабатываемыхъ земель часто из-

* Бухарскій батманъ равенъ 8 пудамъ.

мѣняется по произволу властителя. Съ земель орошаемыхъ водой берется третья часть урожая, съ неорошаемыхъ (большею частью въ горахъ) восьмая часть. Кромѣ того землевладѣльцы платятъ съ каждаго танапа до рубля двадцати копѣекъ.

VIII.

Свободнымъ отъ всякихъ занятій временемъ я пользовался чтобъ ознакомиться съ городомъ Бухарой. Благодаря любезности Бухарцевъ мнѣ удалось это безъ особенныхъ затрудненій.

Извнѣ городъ имѣетъ довольно изящный видъ, внутри же, вслѣдствіе очень узкихъ улицъ и небольшихъ площадей, красота древнихъ зданій теряется въ массѣ домовъ ихъ окружающихъ. Худая мостовая, * пыльныя въ жаркое время и грязныя въ дождливое арыки (хотя нѣкоторые довольно широки), большею частью наполненные мутною водой, ** постоянные міазмы, отравляющіе атмосферу, дѣлаютъ прогулку по городу не особенно пріятною. Доказательствами прежняго процвѣтанія страны остались многочисленные памятники, по своей величинѣ, изящности и оригинальности архитектуры, вполнѣ достойные удивленія. Въ Бухарѣ до двухсотъ медрессе, нѣсколько сотъ мечетей; бльшой крытый базаръ, въ которомъ лавки распредѣлены по различнымъ отраслямъ промышленности; башня съ которой бросаютъ преступниковъ; клоповникъ и колодезь также для наказанія преступниковъ; дворецъ эмира въ городѣ и четырнадцать загородныхъ уже новѣйшей постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщаются болѣе тысячи женъ и наложницъ эмира.

4го іюля всѣ находившіяся въ городѣ войска вышли встрѣчать эмира. Такъ какъ дворецъ который мы занимали былъ расположенъ на дорогѣ по которой эмиръ долженъ былъ въѣхать въ городъ, то владѣтель Бухары остановился въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, *** не рѣшаясь проѣхать

* По улицамъ разбросаны въ безпорядкѣ большіе камни, которые очень затрудняютъ ѣзду по городу; лошади легко спотыкаются и нерѣдко угрожаютъ паденіемъ.

** Бухарцы не стѣсняются и сваливаютъ всѣ нечистоты прямо въ арыкъ.

*** Дворецъ Ширбудунъ, гдѣ живутъ жены эмира.

мимо насъ (у Бухарцевъ это считается неприличіемъ), а также и изъ боязни какой-нибудь западни (онъ рѣшительно всего боится и въ каждомъ человѣкѣ видитъ врага).

Въ этотъ же день я познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ Урелевымъ, извѣстнымъ въ Бухарѣ подъ именемъ Абдуррахима, бывшимъ довѣреннымъ оренбургскаго купца Дѣева. Онъ мнѣ также былъ очень полезенъ разными свѣдѣніями которыя сообщалъ съ большою готовностью.

Удѣльный крестьянинъ Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, Урелевъ въ 1859 году въ качествѣ довѣреннаго былъ отправленъ въ Бухару съ большимъ караваномъ оренбургскимъ первой гильдіи купцомъ Степаномъ Михайловичемъ Дѣевымъ. Вскорѣ по прибытіи въ Бухару, Урелевъ сдѣлался жертвой собственыхъ увлеченій и неопытности. Захваченный ночнымъ карауломъ въ домѣ одного Бухарца съ женщиной, онъ былъ приговоренъ, согласно мѣстнымъ, законамъ, къ смертной казни, отъ которой ему удалось избавиться только по уплатѣ выкупа въ семь тысячъ тенегъ. Не имѣя своихъ денегъ, онъ принужденъ былъ произвести эту издержку изъ суммъ довѣренныхъ ему Дѣевымъ, что̀ и поставило его въ крайне затруднительное положеніе относительно довѣрителя, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи уплатить означенной суммы. Неизвѣстность какъ отнесется довѣритель къ его поступку и страхъ навлечь на себя гоненія побудили Урелева остаться въ Бухарѣ, гдѣ онъ находится и по сіе время. Эмиръ не замедлилъ воспользоваться его критическимъ положеніемъ, женилъ его на туземкѣ насильно и подъ страхомъ смерти заставилъ его принять мусульманство, назначилъ надъ нимъ строгій надзоръ чтобъ онъ не имѣлъ возможности бѣжать, и взялъ его къ себѣ въ переводчики, переименовавъ въ Татарина Абдуррахимъ Абдулина.

Одно время Урелевъ постоянно находился при Музаффарѣ и съ 1859 года участвовалъ во всѣхъ его походахъ. Человѣкъ весьма умный, ловкій и благомыслящій онъ хорошо изучилъ нравы, обычаи и языкъ Бухарцевъ. Теперь онъ отставленъ отъ должности переводчика и едва перебивается, занимаясь мелкими торговыми операціями.

Его довѣритель, съ которымъ онъ вступилъ въ переписку, и которому откровенно признался въ своей винѣ, простилъ ему долгъ и нѣсколько разъ звалъ его къ себѣ въ

Оренбургъ. Урепевъ, страдая тоской по родинѣ, порывался уѣхать, но Бухарцы были насторожѣ и постоянно разрушали его намѣренія. Много русскихъ подданныхъ подобно Урепеву и Каратаеву подвергаются въ Бухарѣ насильственному задержанію. Татары составляютъ большинство. Одни бѣжали въ Бухару чтобъ избавиться отъ наказанія за какія-нибудь преступленія или спасаются отъ взысканій за долги, другіе же, попавъ случайно въ Бухару, насильно задерживаются эмиромъ, который принуждаетъ ихъ поступить къ себѣ на службу, и наконецъ третьи (обыкновенно очень молодые), которыхъ обманомъ и лживыми обѣщаніями заманиваютъ въ Бухару, откуда уже выѣздъ имъ запрещенъ. Эмиръ находитъ особенное удовольствіе задерживать у себя русскихъ подданныхъ и упорно отказываетъ имъ въ разрѣшеніи выѣзда изъ Бухары. Многіе пробовали бѣжать, но попытки эти очень рѣдко удавались.

8го іюля состоялась наконецъ послѣдняя, прощальная аудіенція наша у эмира. Кромѣ меня и гг. Вилькинса и Чалышева на аудіенціи присутствовалъ Каратаевъ, на котораго эмиръ возложилъ обязанность слѣдить за переводомъ г. Чалышева. Поблагодаривъ еще разъ владѣтеля Бухары за его вниманіе и милости къ намъ и сказавъ ему что я не премину сообщить своему начальству самымъ точнымъ образомъ насколько укрѣпились въ Бухарѣ дружба и пріязнь къ Россіи, я предложилъ свою готовность исполнить всѣ порученія которыя ему будетъ угодно дать мнѣ. При этомъ воспользовался случаемъ чтобъ упомянуть о всѣхъ лицахъ блистательно исполнившихъ возложенное на нихъ порученіе, оказывать намъ самое утонченное гостепріимство. Меня очень удивило молчаніе которое послѣдовало за моею рѣчью. Эмиръ видимо затруднялся отвѣтомъ. Наконецъ онъ проговорилъ что остался весьма доволенъ нашимъ пребываніемъ въ его владѣніяхъ и проситъ передать его искренніе привѣты и пожеланія пославшимъ меня, а также выраженія глубокой преданности всему Императорскому Дому. Закончилъ онъ слѣдующими словами: „пожалуста передайте генералу Колпаковскому что я очень обиженъ и оскорбленъ его недовѣріемъ ко мнѣ; ему не слѣдовало бы провѣрять мои слова и поручать вамъ собирать по нѣкоторымъ дѣламъ доказательства.“ (Онъ намекалъ на порученіе данное мнѣ переговорить съ кушбеги о нѣкоторыхъ вопросахъ, рѣшеніе кото-

рыхъ Бухарцы по обыкновенію откладывали въ долгій ящикъ.) Разными уклончивыми фразами, ссылаясь болѣе на недоразумѣніе, я старался его успокоить и утѣшить, въ чемъ кажется и успѣлъ. По окончаніи аудіенціи произошла неизбѣжная раздача сарлаевъ *.

Въ столицѣ ханства мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о населеніи Бухары, управленіи, войскѣ, отношеніяхъ эмира къ народу и др.

Три рѣзко другъ отъ друга отличающіяся народности составляютъ главное населеніе Бухары: Узбеки, Таджики и Джугуты **.

Узбеки бѣдны и сильно притѣсняемы. Они держатся въ большомъ загонѣ; ихъ имя даже часто употребляется въ видѣ ругательства. По правдѣ говоря, Узбеки стоятъ на весьма низкой и первобытной ступени умственнаго развитія, въ чемъ далеко уступаютъ хитрымъ и ловкимъ Таджикамъ. Несмотря на это, они все-таки должны пользоваться предпочтеніемъ, такъ какъ очень добродушны, прямы и честны. Всѣ они осѣдлы и занимаются земледѣліемъ; торговцевъ между ними мало.

Таджики — самая многочисленная часть населенія, преобладаютъ въ странѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ высшей степени развращенные, они не останавливаются предъ выборомъ средствъ чтобы только достигнуть своихъ цѣлей; поэтому подкупъ, обманъ, шпіонство, доносы, у нихъ не считаются зломъ, родственныя чувства, честь, любовь къ религіи и отечеству имъ неизвѣстны; главное ихъ стремленіе — пріобрѣтать богатства и возвышаться быстро въ іерархическомъ отношеніи чтобы давить подчиненныхъ и высасывать изъ нихъ что̀ только возможно (я говорю здѣсь о бухарскихъ Таджикахъ).

Самому большому презрѣнію, самымъ большимъ притѣсненіямъ подвергнуты въ Бухарѣ Джугуты. Они живутъ преимущественно въ городахъ, лишены всякихъ правъ гражданства, даже ограничены въ выборѣ одежды, такъ напримѣръ, имъ запрещено ѣздить верхомъ, носить чалмы и наряды яркихъ цвѣтовъ, они должны ходить въ простыхъ

* Сарпай—значитъ почетный подарокъ. Саръ—голова, пай—нога, то-есть съ ногъ до головы.

** Джугуты—Евреи.

темныхъ халатахъ подпоясанныхъ маленькими платками, или просто веревочками, въ маленькихъ изъ темнаго сукна шапочкахъ на головѣ. Обидѣть, убить Джугута не считается грѣхомъ. И все-таки подобно всѣмъ Евреямъ, подобострастно сгибая спину, терпѣливо вынося всѣ невзгоды, они сумѣли сохранить свою религію, не бросаютъ своихъ занятій и настойчиво ожидаютъ лучшихъ дней. Всѣ ихъ надежды основаны на пришествіи Русскихъ (гдѣ только Русскіе водворялись въ Средней Азіи, тамъ и Евреи немедленно появлялись въ большомъ количествѣ). Занимаются же Джугуты крашеніемъ шелка, продажею шелковыхъ матерій и ростовщичествомъ, въ чемъ сильно соперничаютъ съ Индійцами. Никакія притѣсненія и лишенія не въ состояніи помѣшать имъ наживать значительныя богатства.

Кромѣ этихъ трехъ народностей въ Бухарѣ живутъ Индійцы, Авганцы, Персіяне (большею частью невольники), Киргизы, Каракалпаки, Туркмены и Татары, преимущественно ученики медрессе и бѣглые изъ нашихъ предѣловъ.

Сельскими жителями могутъ назваться только Таджики и Узбеки, остальные же населяютъ города или же перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто.

Всѣ вышеисчисленныя народности не живутъ между собою въ согласіи, что̀ еще болѣе усложняетъ интриги, которымъ всѣ безъ исключенія предаются въ Бухарѣ.

Какъ въ кишлакахъ, такъ и въ городахъ количество населенія очень часто измѣняется и собрать о немъ достовѣрныя статистическія свѣдѣнія совершенно невозможно; приходится ограничиться одними гипотезами. Торговля есть одна изъ главныхъ причинъ убыли и прибыли населенія; опала эмира также способствуетъ частымъ передвиженіямъ. Переписей совсѣмъ нѣтъ (теперь кажется хотятъ ввести эту мѣру), почему и количество взимаемой подати бываетъ каждый годъ различно. Только въ городахъ по числу мечетей и махалэ * опредѣляется количество жителей, и то приблизительно и весьма неточно. Такая неточность служитъ основою сборщикамъ податей къ великому произволу и злоупотребленіямъ. **

Изъ общей массы населенія выдѣляются два совершенно

---

* Махалэ—приходъ. Въ каждомъ приходѣ есть мечеть.

** Подушной подати нѣтъ.

различные элемента: военный (силаи—служилое сословіе) и духовный. *

Преимуществъ особенныхъ эти сословія не имѣютъ, такъ какъ все зависитъ отъ воли и каприза владѣтеля страны, почему и можно безошибочно утверждать что кастоваго раздѣленія въ Бухарѣ нѣтъ.

Кромѣ внѣшней и внутренней охраны, на силаяхъ лежатъ многочисленныя обязанности по управленію страны. Бо́льшая часть должностей распредѣлена между ними, что̀ и даетъ имъ не малый перевѣсъ надъ гражданскимъ людомъ. Духовные же исполняя религіозные обряды въ то же время служатъ главнымъ оплотомъ мусульманской образованности. Какъ одни, такъ и другіе, соблюдая только личные интересы, легко относятся къ своимъ обязанностямъ, отчего войско, управленіе, религія, словомъ, все постепенно приходитъ въ упадокъ. Застой и развратъ проникли всюду. Бухара называется мусульманами священною; она считается центромъ мусульманства въ Средней Азіи, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иную картину: въ ней царствуетъ полнѣйшее безвѣріе; фанатизмъ и то напускной, фиктивный, выказывается только по отношенію къ кяфирамъ; религіозные обряды хотя и исполняются, но это дѣлается для вида, для постороннихъ, въ дѣйствительности же охмѣляющіе напитки (даже вино), азартныя игры, бачи и женщины сдѣлались лучшимъ препровожденіемъ времени Бухарцевъ, когда-то отличавшихся необыкновенною строгостью нравовъ.

Въ то время какъ высшіе слои населенія предаются разврату, интригамъ и низкопоклонству предъ своимъ властителемъ, низшіе стонутъ подъ ужаснѣйшимъ гнетомъ. Нельзя сказать чтобы масса жителей Бухары любила своего повелителя, напротивъ того, рѣдко кто изъ подданныхъ Сеидъ-Музаффара скажетъ о немъ доброе слово. Со всѣхъ сторонъ слышны на него жалобы и проклятія. Даже осыпанные его милостями не стѣсняются и бранятъ его. Видя это, мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову,—какъ еще держится на своемъ престолѣ Музаффаръ? Какъ его не свергнутъ? Въ послѣдствіи, ознакомившись ближе съ положеніемъ страны и народа, я былъ въ состояніи себѣ отвѣтить на эти вопросы. Развращенность, нравственное паденіе

* Шейхи, ходжи, саиды и т. п.

болѣе всего способствовали апатіи оковавшей населеніе; конечно вѣрованіе въ предопредѣленіе играетъ въ этомъ не маловажную роль. Но главною причиной удерживающею Бухарцевъ отъ возмущенія и заставляющею ихъ терпѣливо выносить жестокій деспотизмъ ихъ гнетущій, можетъ безо всякаго сомнѣнія назваться интрига, которая вкоренилась во всѣхъ слояхъ общества. Такъ какъ все зависитъ отъ произвола эмира, то каждый самый послѣдній простолюдинъ не теряетъ надежды современемъ сдѣлаться высокимъ сановникомъ, для чего не требуется ни особеннаго знанія, ни заслугъ—достаточно одной воли всемогущаго повелителя. Вслѣдствіе этого частенько какой-нибудь владѣтельный бекъ, потерявъ свое званіе, преспокойно сидитъ въ лавочкѣ и торгуетъ мелкимъ товаромъ, или нищенствуетъ, а простой арбакешъ * его замѣщаетъ и пользуется плодами своей ловкой интриги. При такомъ управленіи, о дружбѣ, родственныхъ чувствахъ не можетъ быть и помину,—всѣ другъ друга боятся, другъ за другомъ слѣдятъ, другъ другу копаютъ яму. Каждому хочется получить хотя незначительную должность чтобы грабить и наживаться. Этою-то отвратительною и безнравственною политикой твердо держится эмиръ на своемъ престолѣ. Всѣмъ готовы Бухарцы пожертвовать чтобы только достигнуть своей цѣли, такъ, напримѣръ: Абдулъ-Кадыръ-бей, ѣздившій въ Петербургъ и восхищавшійся тамъ правильнымъ государственнымъ строемъ и европейскою образованностію, вернувшись въ Бухару, не задумался продать эмиру свою любимую дочь чтобы получить только чинъ *датхи* и пріобрѣсти вліяніе на эмира. ** Поговариваютъ будто онъ готовитъ своего младшаго сына въ бачи для забавы Сеидъ-Музаффару. Подобныхъ этому примѣровъ я могу привести множество.

Чтò же дѣлаетъ эмиръ? Онъ очень хорошо знаетъ что ненавидимъ своими подданными, всего боится поэтому, окружаетъ себя наемными тѣлохранителями и только съ многочисленною стражей показывается народу, который, изъ опасенія за жизнь свою, за свое имущество, поневолѣ принужденъ привѣтствовать своего мучителя вынужденно-восторженными криками. Эгоизму эмира нѣтъ предѣловъ: всѣ

---

* Арбакешъ—извощикъ, ломовой, управляющій арбою — телѣгою.

** Онъ взялъ за свою дочь двадцать тысячъ тенегъ.

желанія его должны быть исполняемы; если какой-нибудь дерзновенный осмѣлится противиться, тотъ мгновенно стирается съ лица земли. Казни и всевозможныя притѣсненія доставляютъ удовольствіе, пріятное развлеченіе жестокому Музаффару, нарушая, хотя и на короткое время, однообразіе его жизни. Кромѣ того, онъ умѣетъ извлекать изъ казней большую выгоду для себя, присвоивая имущества жертвъ своихъ. Такой легкій способъ собиранія богатствъ сдѣлалъ его скупымъ, жаднымъ, онъ не упускаетъ ни одного удобнаго случая чтобъ увеличить свои сокровища запрятанныя въ большихъ подвалахъ дворца и которыя онъ четыре раза въ годъ ходитъ осматривать и провѣрять. Чего только нѣтъ въ этихъ подвалахъ: золото, серебро, драгоцѣнные камни, разныя рѣдкости, навалены тамъ грудами, въ которыхъ даже халаты занимаютъ не малую часть.

Время свое Музаффаръ проводитъ исключительно среди своихъ женъ, бачей, музыкантовъ и маскарабаровъ; самая малая часть времени удѣляется на государственныя дѣла. Имѣя болѣе тысячи женъ и наложницъ, онъ все-таки этимъ не довольствуется: тѣ которыя ему надоѣли, или идутъ въ продажу, * или же передаются въ видѣ особенной милости приближеннымъ. ** Кромѣ того постоянно пріобрѣтаются новыя посредствомъ покупки (самая малая часть), или обманомъ, или же силою (обыкновенно употребляемый способъ).

Особенно тяжелы для народонаселенія частые разъѣзды эмира по его владѣніямъ, и горе тѣмъ провинціямъ на которыя падаетъ его опала. Такъ при мнѣ онъ привелъ съ собою въ Шахрисябзъ, кромѣ многочисленной свиты придворныхъ, нѣсколько полковъ сарбазовъ. Содержаніе всего этого люда ложится на народъ, отъ котораго мнѣ самому привелось слышать разказы о притѣсненіяхъ которымъ его подвергало пребываніе бухарскаго властителя. Какъ только клевреты Музаффара узнавали что у кого-нибудь изъ Шахрисябцевъ есть красивыя жены или дочери, эти несчастныя немедленно отрывались отъ семействъ и тащились ко двору. Въ ссылкахъ, конфискаціяхъ имуществъ, незаконныхъ по-

* Въ Бухарѣ мнѣ предлагали купить четырехъ женъ эмира, по 150 рублей за каждую.

** Такъ Кушбеги и сынъ его главный зякетчи женаты на отставныхъ женахъ эмира.

борахъ тоже недостатка не было. Эмиръ мстилъ и продолжаетъ мстить Шахрисябцамъ за прежнія ихъ возмущенія.

Входя въ разбирательство самыхъ назначительныхъ дѣлъ, эмиръ предоставляетъ себѣ исключительное право объявлять безапелляціонные приговоры. Никакая инквизиція не въ состояніи сравниться въ жестокости съ изобрѣтательною способностью Саидъ-Музаффара въ придумываніи наказаній. Первое мѣсто между наказаніями занимаютъ: клоповная яма, колодезь и башня.

1) Клоповная яма находится во дворцѣ, въ городѣ Бухарѣ, имѣетъ видъ бутылки, къ низу широкая, къ верху уже, такъ что приговореннаго спускаютъ туда на веревкахъ. Выкарабкаться изъ нея нѣтъ никакой возможности. Населена эта яма легіонами клоповъ, которыхъ нарочно откармливаютъ мясомъ, чтобы сдѣлать ихъ свирѣпѣе. Чтобы продлить мученія несчастныхъ заключенныхъ, ихъ два раза въ день вытаскиваютъ на воздухъ. Во время моего пребыванія въ Бухарѣ, въ этой ямѣ сидѣлъ двадцатилѣтній юноша, сынъ одного заслуженнаго бека. Сидитъ онъ въ ней уже годъ и вслѣдствіе истощенія силъ и большой потери крови у него уже произошло разжиженіе мозга. Наказанъ былъ этотъ молодой человѣкъ за слѣдующее: его отцу поручено было собрать въ одной провинціи зякетъ. Бекъ исполнилъ порученіе добросовѣстно, но эмиръ, по своей обычной подозрительности, остался имъ недоволенъ, объявилъ что онъ собралъ не все и вѣроятно часть сбора присвоилъ себѣ. Всевозможныя доказательства были представлены старикомъ, но все напрасно. Эмиръ прослышалъ о его богатствахъ, которыми и задумалъ непремѣнно завладѣть. Поэтому старика бека онъ засадилъ на всю жизнь въ темницу, а сына его, вовсе не причастнаго къ дѣлу, ввергнулъ въ клоповную яму.*

2) Колодезь имѣетъ глубины 38 футовъ; дно его усѣяно острыми кольями и кольями, на которые и бросаются съ верху несчастные; обезображенныя тѣла тамъ и остаются неприбранными.

3) Круглая башня, вышиною въ 60 аршинъ, построена однимъ киргизскимъ ханомъ, весьма красивое зданіе, укра-

* Эмиръ никогда не довольствовался наказаніемъ одного лица; непремѣнно все семейство обвиненнаго подвергалось опалѣ, а имущество конфисковалось.

шенное многочисленными и самыми разнообразными узорами и надписями. Съ вершины ея бросаютъ на каменную мостовую приговоренныхъ, отъ которыхъ остаются только какія-то массы.

Первымъ двумъ наказаніямъ подвергаются высокопоставленныя лица, а послѣднему простые преступники.

Кромѣ этихъ трехъ видовъ наказанія существуютъ:

Тюрьма, называемая *зинаданомъ*, состоящая изъ трехъ этажей. Два нижніе этажа выложены камнемъ, третій представляетъ изъ себя саклю. Въ нижній этажъ опускаютъ преступниковъ на блокахъ. Свѣтъ туда никогда не проникаетъ. Въ отдѣленія втораго этажа впускаютъ немного свѣта черезъ маленькія отверстія. Заключаютъ обыкновенно въ эту тюрьму на всю жизнь. Пищу для заключенныхъ казна не выдаетъ; заботу эту предоставляютъ родственникамъ преступниковъ. Въ противномъ случаѣ имъ остается голодная смерть.

Пытки, какъ-то: поджариваніе на раскаленныхъ подносахъ, отрубливаніе носовъ, ушей, рукъ и ногъ; выкалываніе глазъ, выдергиваніе ногтей, волосъ и языковъ; прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ; разламываніе молотками суставовъ и множество другихъ.

И наконецъ самая обыкновенная казнь — перерѣзываніе горла (на подобіе того какъ рѣжутъ барановъ) и отсѣченіе головы. За прелюбодѣяніе закапываютъ (этому подвергаются женщины) по поясъ въ землю и побиваютъ потомъ каменьями. Вотъ перечень нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ лицъ которыя подверглись разнымъ наказаніямъ:

Абдулъ-Адиръ, бывшій еще при Насруллѣ въ должности кушбеги, несмотря на свои заслуги, былъ Сеидъ-Музаффаромъ заключенъ въ крѣпость Нурата, гдѣ его три дня подрядъ били палками, потомъ жгли на раскаленномъ подносѣ и наконецъ зарѣзали. Было же это сдѣлано только потому что эмиру захотѣлось пріобрѣсти его имущество.

Баратбекъ, бывшій Уратюбинскимъ бекомъ, былъ послѣ ужасныхъ пытокъ зарѣзанъ предъ дворцомъ за то только что былъ разбитъ Коканцами, которые овладѣли крѣпостью Уратюбе. Трое сутокъ тѣло его лежало на дворцовой площади.

Начальникъ полиціи Абдулла былъ зарѣзанъ въ тюрьмѣ за то что отсовѣтовалъ воевать съ Русскими.

Все семейство Сеидъ-Ахатъ-хана, племянника эмира, было перерѣзано. Самъ Сеидъ-Ахатъ-ханъ едва успѣлъ спа-

стись бѣгствомъ въ Ташкентъ, гдѣ проживаетъ и нынѣ на счетъ русскаго правительства.

Люди казнились сотнями и тысячами заразъ (такъ при взятіи Гисара было казнено пять тысячъ человѣкъ). Хотя теперь казни совершаются рѣже, все-таки можно насчитать много невинныхъ жертвъ.

Управленіе въ Бухарѣ, какъ я уже сказалъ, основано на произволѣ и на злоупотребленіяхъ — рѣдко встрѣчается честный человѣкъ, который добросовѣстно исполнялъ бы свои обязанности. Хотя должностныхъ лицъ очень много, тѣмъ не менѣе въ Бухарѣ каждый можетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, отчего и происходитъ великая путаница. Всѣ заботятся болѣе о соблюденіи разныхъ безполезныхъ церемоніаловъ, которымъ придаютъ большое значеніе (мѣстничество особенно развито), чѣмъ о дѣлахъ по управленію страною. Одна политика еще интересуетъ немного и то потому что даетъ обширное поле интригамъ; остальныя дѣла исполняются весьма плохо и медленно. Между гражданскими и военными чинами точнаго разграниченія нѣтъ, такъ что часто въ одномъ лицѣ соединяются и военныя и гражданскія обязанности; только духовенство составляетъ нѣчто самостоятельное цѣлое.

Не стану утруждать вниманіе читателя разборомъ всѣхъ частей управленія въ Бухарѣ; постараюсь только представить маленькую характеристику этого управленія, насколько я успѣлъ подмѣтить во время моей поѣздки.

Центръ управленія находится въ городѣ Бухарѣ и сосредоточенъ въ лицѣ кушбеги; въ бекствахъ же веденіе дѣлъ возложено на владѣтельныхъ бековъ. Какъ первый, такъ и послѣдніе хотя и имѣютъ въ эмирѣ опаснаго контролера, однако, вслѣдствіе неправильно организованнаго государственнаго строя, всегда въ состояніи много скрыть. Игра эта очень опасна, потому что можетъ имѣть трагическій конецъ, но за то и очень выгодна, отчего ей всѣ и предаются на свой рискъ и страхъ. Только побывавъ въ Бухарѣ можно понять до какихъ утонченныхъ злоупотребленій могутъ дойти люди. Почти каждое дѣло рѣшается въ пользу того кто больше заплатитъ, почему бѣднымъ нѣтъ положительно никакого исхода. Общее правило въ Бухарѣ: каждый захватываетъ сколько успѣетъ и сумѣетъ, чтобы было чѣмъ задабривать другихъ болѣе сильныхъ. Предосторожность эта не

лишняя. Законнымъ основаніемъ для взятокъ служитъ древній обычай давать подарки при каждомъ удобномъ случаѣ. Главнымъ собирателемъ подобныхъ подарковъ можетъ считаться конечно самъ самъ эмиръ; только этимъ способомъ и можно заслужить его милости.

Считая государство собственнымъ достояніемъ, эмиръ не стѣсняется. Такъ когда умираетъ какой-нибудь чиновникъ, наслѣдники его обязаны представить подробный списокъ имущества умершаго эмиру, который уже рѣшаетъ: оставить все или часть наслѣдникамъ, или же присвоить себѣ. Скрывшіе что-нибудь подвергаются строгому наказанію. Но имущества отбираются не у однихъ мертвыхъ, живые также не могутъ считать свое въ безопасности отъ покушеній алчнаго Музаффара. Я былъ свидѣтелемъ ужасной несправедливости. Въ Китабѣ былъ бекомъ очень умный, вліятельный и, сравнительно съ другими, честный человѣкъ, Абдулъ-Гафаръ-бекъ (о которомъ я уже говорилъ раньше), глава большаго семейства. Его богатства давно прельщали эмира, который искалъ только удобнаго случая чтобъ ими завладѣть. Случай не замедлилъ представиться: Абдулъ-Кадыръбій, зная намѣреніе своего властителя, поспѣшилъ угодить ему, оклеветавъ Гафаръ-бека, съ которымъ былъ въ личной враждѣ. * Онъ донесъ Музаффару что старикъ бекъ, не обращая вниманія на данное приказаніе, отвелъ очень дурное помѣщеніе мнѣ и моимъ спутникамъ и вообще принялъ насъ дурно. Обвиненіе это было совершенно незаслуженное. Эмиръ ухватился за этотъ доносъ, немедленно смѣстилъ бека и его сыновей, конфисковалъ имущество всего семейства и повезъ несчастнаго старика съ собой въ Бухару чтобы заключить на всю жизнь въ тюрьму. Какъ я ни былъ возмущенъ такою несправедливостью, не могъ однако ничего предпринять въ пользу осужденныхъ. Не имѣя никакого права вмѣшиваться въ дѣла управленія, я рѣшился все-таки воспользоваться первымъ случаемъ чтобы смягчить эмира. На послѣдней аудіенціи я завелъ рѣчь объ Абдулъ-Гафарѣ, очень его хвалилъ, восхищался пріемомъ который онъ устроилъ въ мою честь и въ концѣ прибавилъ что, вернувшись въ Россію,

* Вражда произошла отъ пустяшнаго обстоятельства. Ипакъ отказалъ содержать людей и лошадей посланника во время его пребыванія въ Китабѣ.

непремѣнно разкажу все своему начальству, которое конечно очень доброжелательно отнесется къ этому человѣку. Мои слова произвели желаемое дѣйствіе: потомъ я узналъ что наказаніе было отмѣнено и Абдулъ-Гафару и его семейству подаренъ домъ, съ обѣщаніемъ въ скорости назначить его опять куда-нибудь бекомъ.

Подобныя дѣйствія конечно не могли пріобрѣсти эмиру симпатію народа и увеличиваютъ только разладицу и безпорядокъ.

Самымъ случайнымъ образомъ мнѣ удалось узнать что̀ разказываютъ здѣсь о происхожденіи Сеидъ-Музаффаръ-Эддина. Въ Бухарѣ появленіе на свѣтъ мальчика празднуется всегда съ большимъ торжествомъ, рожденіе же дѣвочки считается немилостью Божіею. Когда у любимой жены эмира Насруллы-Богадуръ-хана родилась дѣвочка, то бѣдная женщина, боясь подвергнуться опалѣ или даже смерти, рѣшилась на подлогъ. Подкупивъ жену одного плотника, которая въ одно время съ нею родила мальчика, она взяла, говорятъ, у нея сына и выдала за своего, а дѣвочку отдала ей. Дочь Насруллы до сихъ поръ живетъ въ неизвѣстности. Такимъ образомъ Музаффаръ изъ сына простаго плотника превратился въ сына владѣтеля Бухары. Невѣжественный, трусливый, онъ съ самой ранней юности своей уже обѣщалъ мало хорошаго въ будущемъ. Молодость его прошла въ чувственныхъ наслажденіяхъ (что̀ продолжается безъ всякаго перерыва по настоящее время) среди 30 женъ, цѣлаго эскадрона бачей, маскарабазовъ, хафизовъ * и пр. Его воспитатель Абдулъ-Каримъ диванъ-беги потерялъ всякую надежду на его исправленіе, что̀ и высказывалъ нерѣдко близкимъ къ себѣ людямъ. Крайне развратное общество въ которомъ Музаффаръ вращался съ дѣтства не могло благодѣтельно повліять на его умственное развитіе; и теперь на вопросъ о познаніяхъ его можно получить всегда одинаковый отвѣтъ: что у него мало „савата“, то-есть что онъ едва можетъ разбирать писанное. Доступъ къ нему имѣли только низкіе льстецы, интриганы, вообще люди вся жизненная цѣль которыхъ заключалась въ быстромъ обогащеніи. Насрулла его никогда не любилъ и хотѣлъ уже назначить своимъ наслѣдникомъ Абдулъ-Ахатъ-хана, сына одной изъ дочерей своихъ (вышедшей

* Хафизъ—поющій стихотворенія Хафиза.

замужъ за богатаго Бухарца Ходжа-Сеидъ-бека), но преждевременная смерть разрушила его намѣренія. При жизни отца своего Музаффаръ-Эддинъ еще сдерживался, когда же ему удалось захватить бразды правленія, онъ далъ полный ходъ своимъ дурнымъ наклонностямъ. Часть своихъ противниковъ онъ засадилъ въ заключеніе, гдѣ они и погибли, другихъ же предательски казнилъ. Такъ погибло все семейство Саидъ-Ахатъ-хана, который самъ успѣлъ спастись только бѣгствомъ въ Шахрисябзъ и оттуда въ Ташкентъ. *

Семейство Музаффара очень многочисленно; бо́льшая часть городовъ находится во владѣніи его сыновей. Старшій сынъ, послѣ неудавшейся войны противъ отца, живетъ теперь въ Кашгарѣ. Изъ всѣхъ своихъ сыновей Музаффаръ любилъ болѣе всего бека въ Кермине, котораго, какъ кажется, прочитъ себѣ въ наслѣдники. Эмиръ, подозрѣвая всѣхъ, не довѣряетъ также и дѣтямъ своимъ (возмущеніе старшаго сына сильно его напугало), вслѣдствіе чего озаботился ко всѣмъ приставить шпіоновъ для наблюденія за ними.

Въ настоящее время въ Бухарѣ проживаетъ Назаръ-ханъ, сынъ Суфи-бека, старшаго брата настоящаго кокансkаго владѣтеля — Худояръ-хана. Судьба этого молодаго человѣка весьма печальная. Биби-Хашія (мать Назаръ-хана), дочь одного ташкентскаго жителя Шадманъ-Бая, по смерти Суфи-бека, осталась съ тремя сыновьями и двумя дочерьми на рукахъ. Прельстившись красотою послѣднихъ, Худояръ-ханъ кокансkій задумалъ взять ихъ къ себѣ въ наложницы, но получилъ рѣшительный отказъ. На его предложеніе отвѣтили что дѣвушекъ согласны отдать ему въ жены, но не въ наложницы, такъ какъ будущность таковыхъ обыкновенно бываетъ самая ужасная. Разсерженный этимъ, Худояръ засадилъ все семейство въ тюрьму, откуда выпустилъ только по просьбѣ родственниковъ и друзей покойнаго бека. Потомъ видя въ лицѣ подроставшаго Назаръ-хана опаснаго для себя соперника, онъ отправилъ его къ эмиру Бухарскому съ просьбою непремѣнно задержать его въ Бухарѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не выпускать его. Мать, братья и сестры Назара вскорѣ присоединились къ нему въ Бухарѣ

* Сеидъ-Ахатъ-ханъ до сихъ поръ не теряетъ надежды сдѣлаться когда-нибудь бухарскимъ эмиромъ, почему и поддерживаетъ переписку со своими сторонниками (довольно многочисленными).

съ нѣкоторыми изъ оставшихся имъ вѣрными приверженцами. Сперва положеніе этого семейства было сносно: Назаръ-ханъ поступилъ въ военную службу и своимъ жалованьемъ могъ кое-какъ поддерживать себя и своихъ родныхъ. Но къ ихъ несчастію и эмиръ, прослышавъ о красотѣ дѣвушекъ, сталъ ихъ требовать себѣ въ жены. Ему также отвѣтили: вы вѣроятно желаете ихъ для временной забавы, а потомъ по обыкновенію отдадите кому-нибудь изъ своихъ прислужниковъ; дѣвушки недостойны такой горькой участи. Нѣсколько разъ эмиръ настаивалъ на своемъ намѣреніи, но все безуспѣшно, тогда онъ далъ волю своему гнѣву. Назаръ былъ немедленно отставленъ отъ службы и со всѣмъ семействомъ засаженъ подъ строгимъ надзоромъ въ домъ нарочно для этого назначенный эмиромъ, съ запрещеніемъ выходить изъ него и имѣть съ кѣмъ бы то ни было сношенія. Формально было объявлено, подъ страхомъ наказанія, чтобы никто не смѣлъ помогать имъ и свататься за молодыхъ дѣвушекъ. Такимъ образомъ несчастные были лишены всякихъ средствъ къ жизни. Младшій братъ Назара умеръ въ это время; жестокій эмиръ запретилъ его хоронить и трупъ пролежалъ нѣсколько дней въ домѣ; съ трудомъ могли испросить позволенія закопать его. Конечно все семейство погибло бы неизбѣжно, еслибы не сжалился надъ нимъ одинъ бухарскій портной, который тайно доставлялъ дѣвушкамъ работу; скудною платой за свое рукодѣліе послѣднія могли кое-какъ поддерживать своихъ родныхъ и избавить ихъ отъ голодной смерти, которая всѣмъ имъ угрожала. Много прошеній было подано эмиру отъ Назара и его матери, которые просили отпустить ихъ или въ Коканъ, или въ Ташкентъ, но все было напрасно. Разъ какъ-то Музаффаръ позволилъ имъ выѣхать, но когда они подъѣзжали къ городскимъ воротамъ, то ихъ остановилъ полицейскій и вернулъ опять въ заключеніе. Назаръ-хану теперь около тридцати лѣтъ; онъ пользуется всеобщею симпатіей, одаренъ большимъ умомъ и хорошими качествами, въ Коканѣ очень любимъ и большая часть кокансקаго населенія желаетъ имѣть его своимъ ханомъ. Каратегинскій * бекъ нѣсколько разъ подавалъ эмиру прошенія, съ многочисленными подписями Коканцевъ, въ которыхъ были изложены просьбы

* Каратегинъ расположенъ на границѣ Бухары и Кокана.

содѣйствовать къ низверженію Худояра и замѣщенію его Назаръ-ханомъ, но Музаффаръ разрывалъ прошенія и наконецъ объявилъ что если ему еще разъ будетъ подано подобное, то онъ казнитъ подателя. Единственное желаніе семейства Назаръ-хана — избавиться отъ жестокостей эмира и вѣрной насильственной смерти, которая въ будущемъ готовится для всѣхъ членовъ этого семейства, а потому они и просятъ позволенія жить у своихъ родственниковъ въ Ташкентѣ, подъ охраной русскихъ законовъ. Никакихъ политическихъ цѣлей въ этомъ желаніи не нужно предполагать.

Офиціально торговля невольниками была запрещена въ Бухарѣ по повелѣнію эмира, и караванъ-сарай гдѣ продавались невольники теперь навсегда закрытъ; нарушители этого повелѣнія подвергаются даже наказанію, штрафу въ тысячу тенегъ и шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ. Несмотря на это, большое количество людей (большею частью купцы) занимается тайно у себя на дому продажею и покупкой рабовъ. Попрежнему, главными поставщиками рабовъ могутъ назваться Туркмены, которыхъ баранты (разбои, набѣги) не прекращаются. Большинство попадающихъ въ неволю составляютъ Персіяне (я уже говорилъ что Персіянъ очень много въ войскахъ эмира Бухарскаго, это все несчастные захваченные Туркменами). Но особенно великъ торгъ женщинами; ихъ даже изъ нашихъ предѣловъ Бухарцы увозятъ посредствомъ обмана и всевозможныхъ хитростей и продаютъ секретно въ Бухарѣ, и это совершаютъ такъ ловко что положительно нѣтъ никакой возможности услѣдить за ними. Торговлей женщинами занимаются преимущественно Татары. Хотя формальное запрещеніе и существуетъ, но оно существуетъ номинально, такъ какъ самъ эмиръ секретно покровительствуетъ этой позорной торговлѣ. Къ ней его побуждаютъ двѣ причины: вопервыхъ, торгъ этотъ доставляетъ ему новобранцевъ для войска, и вовторыхъ, такимъ способомъ онъ можетъ пріобрѣтать себѣ молодыхъ и красивыхъ женщинъ и избавляться отъ тѣхъ которыя ему уже надоѣли. Для покупки и продажи рабовъ и рабынь Музаффаръ держитъ особыхъ тайныхъ агентовъ, которымъ платитъ очень значительное содержаніе.

Труднѣе всего мнѣ было собрать точныя свѣдѣнія о переправахъ черезъ рѣку Аму-Дарью. По этому вопросу Бухарцы старались сбить меня съ толку и давали самыя разно-

рѣчивыя показанія. Наконецъ Каратаевъ и Урелевъ разрѣшили мои сомнѣнія.

Переправы черезъ Аму-Дарью на всемъ протяженіи Бухарскихъ владѣній находятся во власти Бухарцевъ. Конечно, я говорю здѣсь о правомъ берегѣ рѣки, такъ какъ на лѣвомъ нѣсколько переправъ принадлежатъ Авганцамъ. Переправы около города Чарджуя (черезъ Чарджуй караваны идутъ въ Мемедъ) въ трехъ мѣстахъ, а именно въ Устѣ, Черчекѣ и Бурдалыкѣ, отданы теперь въ аренду за сто тридцать восемь тысячъ тенегъ бухарскимъ купцамъ. Около Иръ-Сари, въ трехъ мѣстахъ переправами владѣютъ Туркмены, которые иногда платятъ Бухарѣ, но очень рѣдко, дань за право перевоза чрезъ рѣку. Большею же частію они стараются избѣжать этой издержки, а Бухарцы положительно не въ состояніи принудить ихъ къ исполненію условій, которыя существуютъ только номинально. Правительство бухарское оставило въ своемъ распоряженіи только одну переправу, самую большую, около города Керки, имѣющую довольно важное значеніе, такъ какъ она есть пунктъ соединенія нѣсколькихъ караванныхъ путей. Эмиръ находится въ постоянномъ страхѣ чтобъ Авганцы не овладѣли переправами, тѣмъ болѣе что онъ чувствуетъ себя вполнѣ неспособнымъ имъ противодѣйствовать.

Въ настоящее время Сеидъ-Музаффаръ-Эддинъ сильно занятъ разными нововведеніями и начинаетъ обращать большое вниманіе на управленіе страною и на положеніе своихъ подданныхъ—фактъ утѣшительный. Я думаю что поддержка съ нашей стороны, даже самая незначительная, утвердитъ его въ этомъ благомъ рѣшеніи. Такою спасительною для страны перемѣною эмиръ безъ сомнѣнія обязанъ Каратаеву и тѣмъ лицамъ которыя клонятъ къ сближенію съ Россіей. Но это навѣрно совершится не скоро, потому что Бухарцамъ трудно вырваться изъ застоя, въ которомъ они пребывали неизмѣнно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Покуда эмиръ, нехотя соглашаясь на нѣкоторыя нововведенія, продолжаетъ противиться другимъ. Такъ ему нѣсколько разъ было предложено устроить правильное почтовое сообщеніе между Бухарою и Катта-Курганомъ, выставлены были ему всѣ выгоды которыя могли бы отъ этого произойти; но все напрасно, онъ отказалъ наотрѣзъ, доказывая что Русскіе могутъ воспользоваться этимъ средствомъ чтобы при случаѣ наве-

сти свои войска (какъ будто по почтѣ это легче сдѣлать) въ Бухару и завоевать ее. Его постоянно пугаетъ мысль что Россія непремѣнно овладѣетъ Бухарой, прельстившись ея богатствами.

Невѣжество Сеидъ-Музаффара выказывается во всемъ. Слѣдующій примѣръ можетъ ясно доказать на какой низкой ступени умственнаго развитія онъ стоитъ. Когда въ Самаркандѣ былъ пожаръ, Бухарцы успѣли однако спасти знаменитую Тамерлановскую библіотеку, которую и перевезли въ городъ Бухару. Теперь эта библіотека свалена въ подвалы эмирскіе и никому не позволяется ею пользоваться. Время, сырость и мыши производятъ въ ней большія опустошенія. Кромѣ того самъ Музаффаръ, нисколько не дорожа ею, когда является необходимость въ деньгахъ, отправляетъ довольно часто на базаръ продавать по пустяшнымъ цѣнамъ нѣкоторыя книги; сочиненія такимъ образомъ разрозниваются и если не положить этому конца, то скоро отъ всей библіотеки ничего не останется.

Возвращаюсь къ своему путешествію.

9го іюля утромъ мы присутствовали на прощальномъ завтракѣ, который мнѣ давали русскіе довѣренные. На этотъ случай всѣ вина и закуски нарочно были ими выписаны изъ Катта-Кургана. Со слезами на глазахъ провожали насъ эти добрые люди, что̀ произвело сильное впечатлѣніе на Бухарцевъ. Вечеромъ мы оставили городъ Бухару, простившись съ Абдулъ-Кадыромъ и русскими торговцами. Путеводителемъ нашимъ до русской границы былъ назначенъ мирза Васихъ, первый секретарь кушбеги, очень умный, ученый, прямой и честный человѣкъ, общество котораго было пріятнымъ развлеченіемъ во все время нашего обратнаго путешествія. Проѣхавъ по густо населенной мѣстности три таша, мы остановились на ночь въ кишлакѣ Куюкъ-Мазарѣ. *

10го іюля подъ вечеръ мы вступили въ степь Малекскую. Намъ предстояло сдѣлать три съ половиною таша по совершенно безводному, песчаному пространству. Погода была сперва великолѣпная, жаръ немного спалъ и тихій, теплый шамаль ** умѣрялъ ночную прохладу, которая въ степяхъ

* Снова предъ каждымъ кишлакомъ начали выѣзжать къ намъ на встрѣчу разныя чиновныя лица.

** Шамаль—вѣтеръ.

бываетъ очень ощутительна. Но, къ нашему несчастію, это не долго продолжалось. Вдругъ поднялся сильнѣйшій вихрь, небо совершенно скрылось за черными тучами и со всѣхъ сторонъ начали взвиваться густые столбы песку, такъ что мы едва видѣли другъ друга и съ большимъ трудомъ могли слѣдовать за нашимъ проводникомъ, быстро подвигавшимся на великолѣпномъ иноходцѣ. Опасность была не шуточная и перспектива погибнуть въ безводной степи отъ жажды и голода далеко не завидная. Мелкій песокъ проникалъ всюду, залѣплялъ глаза и мѣшалъ смотрѣть впередъ; лошади со страху дрожали и храпѣли; вѣтеръ такъ сильно дулъ что голоса совсѣмъ не были слышны. Послѣ всего этого легко понять съ какимъ наслажденіемъ мы въѣхали въ ворота маленькаго караванъ-сарая и съ какимъ облегченіемъ развалились подъ навѣсомъ на приготовленныхъ коврахъ. Хотя намъ сказали что этотъ переходъ былъ въ три съ половиною таша, но это невѣрно, такъ какъ онъ занялъ у насъ, несмотря на очень скорую ѣзду, почти всю ночь. Маленькое мѣстечко Малекъ (всего тридцать домовъ) находится почти посрединѣ степи. Большой мазаръ и сторожевая башня свидѣтельствуютъ и здѣсь о любви Абдулла-хана къ красивымъ постройкамъ и о его заботливости облегчить путешественникамъ трудности переходовъ по степнымъ пространствамъ. Въ Малекѣ мы были встрѣчены диванъ-беги, посланнымъ отъ бека города Кермине.

11го іюля, преслѣдуемые сильнымъ вѣтромъ, мы проѣхали еще два таша по степи и достигли Кермине. Городъ расположенъ въ долинѣ, густо населенной. Онъ дѣлится на новый и старый, послѣдній почти совсѣмъ покинутъ, бывъ нѣсколько разъ разоренъ Киргизами. Мѣстоположеніе его весьма красивое, на берегу рѣки Заравшана. Вдали темнѣютъ Нуратинскія горы. Надъ городомъ на горѣ возвышается большая крѣпость, построенная еще въ тѣ давно прошедшія времена, о которыхъ составилось столько баснословныхъ и поэтическихъ преданій. Насъ помѣстили въ лѣтнемъ дворцѣ бека, поручивъ попеченіямъ михмандаръ-баши * Абдулъ-Изака-мирахура (племянника Китабскаго бека). Здѣсь я познакомился съ Василіемъ Юдинымъ, довѣреннымъ ростовскаго куп-

* Михмандаръ-баши—придворный чинъ. На его обязанности лежитъ пріемъ почетныхъ гостей.

ца Веснина. Въ Кермине я узналъ нѣкоторыя подробности о сопровождавшемъ насъ секретарѣ кушбеги, мурзѣ Васихѣ, которыя его характеризуютъ съ хорошей стороны. Васихъ былъ прежде зякетчіемъ въ Кермине и исполнялъ свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, за что̀ и подвергнулся большимъ нападеніямъ своихъ многочисленныхъ враговъ. На него посыпались доносы, вслѣдствіе чего онъ подалъ въ отставку. * Въ противность заведенному въ Бухарѣ порядку, онъ ничего не нажилъ и долго находился въ большой бѣдности. Потомъ только его способности были замѣчены кушбеги, который и взялъ его къ себѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Этотъ человѣкъ навѣрно будетъ играть большую роль въ Бухарѣ.

12го іюля насъ принималъ пятнадцатилѣтній бекъ, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ, любимый сынъ эмира. Весьма умный, развитой и бойкій мальчикъ, онъ составляетъ рѣзкую противоположность со своимъ братомъ, бекомъ въ Карши. Посадивъ насъ на стулья (что̀ совсѣмъ не принято въ Бухарѣ) онъ освѣдомился о здоровьи Государя Императора и русскихъ генераловъ; потомъ очень много разспрашивалъ о Россіи. Хотя и некрасивое, его выразительное лицо внушаетъ симпатію. Покуда мы находились въ его владѣніяхъ, онъ входилъ въ мельчайшія подробности и во всемъ выказывалъ неподдѣльное желаніе намъ угодить. Послѣ представленія мы заѣзжали къ Юдину, а затѣмъ провели нѣсколько часовъ у одного изъ старшихъ сановниковъ города, Раджибъ-мирахура, который устроилъ въ нашу честь баземъ.

13го іюля, сопровождаемые большою свитой, мы отъѣхали три таша до кишлака Ташъ-Купрюкъ и оттуда немного болѣе одного таша до города Зіаддина, гдѣ насъ принялъ владѣтельный бекъ. Городъ Зіаддинъ не великъ; дворецъ бека и крѣпость построены на небольшомъ возвышеніи, у подножія котораго широко разстилается быстрый Заравшанъ; отъ этой рѣки зависятъ богатства всѣхъ бухарскихъ владѣній. Бекъ полновластенъ въ своихъ незначительныхъ помѣстьяхъ и, имѣя частыя сношенія съ Русскими, онъ успѣлъ пріобрѣсти нѣкоторый европейскій лоскъ. Всѣ его разговоры клонились къ разрѣшенію разныхъ политическихъ вопросовъ. Онъ всячески старался выпытать отъ меня свѣдѣнія о на-

* Въ Бухарѣ такой поступокъ можно назвать рѣдкимъ.

мѣреніяхъ Россіи относительно Бухары, но я былъ насторожѣ и общими фразами отдѣлался отъ излишней откровенности. Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, онъ задалъ намъ великолѣпное представленіе, насколько это позволило средне-азіятское искусство.

14го іюля мы распростились съ мирзою Васихомъ, которому я далъ письмо къ эмиру (письмо это я написалъ съ цѣлью обезопасить его отъ всякихъ нападеній), и при ружейныхъ залпахъ (намъ отдавали честь) оставили Зіаддинъ. Къ вечеру, сдѣлавъ два таша, мы прибыли въ кишлакъ-Миръ, послѣднее пограничное поселеніе Бухары.

15го іюля, перевааливъ черезъ Зарыбулакскія высоты (прославившіяся битвою, въ которой были совершенно разбиты бухарскія войска), мы прибыли наконецъ въ Катта-Курганъ. Отсюда, распростившись съ Бухарцами насъ сопровождавшими, мы уже въ тарантасахъ поспѣшили по направленію къ Самарканду.

Н. СТРЕМОУХОВЪ.

О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВНѢШНЯГО МІРА
И
ОСНОВАНІИ МЕТАФИЗИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ

(ОТВѢТЪ К. Д. КАВЕЛИНУ)

Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Апріорная философія или положительная наука? по поводу диссертаціи г. В. Соловьева*, г. Кавелинъ разсматриваетъ преимущественно два важные философскіе вопроса, тѣсно связанные между собою, именно вопросъ о дѣйствительности внѣшняго міра и о возможности метафизическаго познанія, подвергая своей критикѣ взгляды на этотъ предметъ найденные имъ въ моей диссертаціи *Кризисъ западной философіи*. Критика г. Кавелина совершенно свободна отъ полемическаго характера и нисколько не требуетъ съ моей стороны мелочнаго и скучнаго труда самозащиты. Тѣмъ болѣе считаю я нужнымъ по поводу замѣчаній г. Кавелина дать означеннымъ философскимъ вопросамъ болѣе опредѣлительную и ясную постановку чѣмъ какую они могли получить въ моей диссертаціи. Надѣюсь чрезъ это сами собою устранятся главныя возраженія моего почтеннаго критика.

Весь дѣйствительный міръ поскольку онъ существуетъ для меня, то-есть мною познается, есть непосредственно лишь мое представленіе, имѣетъ слѣдовательно значеніе субъективное. Въ самомъ дѣлѣ, то что̀ я называю внѣшними предметами состоитъ изъ ощущеній моихъ внѣшнихъ чувствъ, — зрѣнія, осязанія и т. д., — ощущеній, соединенныхъ въ опредѣленные образы или представленія. Итакъ прежде всего „міръ есть мое представленіе". Весьма многіе мыслители на этой точкѣ зрѣнія и останавливались. Къ сожалѣнію едва ли кто-нибудь изъ нихъ былъ вполнѣ послѣдователенъ. Такъ, отвергнувъ безъ большаго труда собственное бытіе предметовъ внѣшней природы (въ тѣсномъ смыслѣ) эти мыслители обыкновенно не рѣшаются отрицать собственное бытіе одушевленныхъ личныхъ существъ, другихъ людей, внѣ познающаго субъекта. Между тѣмъ, ясно что если я отвергаю собственное бытіе явленій внѣшней природы на томъ основаніи что они суть лишь мои представленія, то вѣдь и другихъ личныхъ существъ (то-есть внѣшнихъ мнѣ) я теоретически знаю также лишь какъ свои представленія, лишь поскольку они существуютъ въ моемъ субъективномъ сознаніи, для меня, иначе я ихъ узнать не могу. Правда, я имѣю непосредственную увѣренность что они кромѣ того что суть мои представленія, для меня, — существуютъ еще и сами по себѣ, имѣютъ собственное бытіе; и эта увѣренность руководитъ меня въ моихъ практическихъ отношеніяхъ. Но такую же точно увѣренность имѣю я и относительно *всѣхъ* остальныхъ внѣшнихъ предметовъ: я приписываю собственное, независимое отъ меня существованіе не только другимъ людямъ, но и деревьямъ, столамъ, стульямъ и т. д., и эту увѣренность точно также предполагаетъ моя практическая жизнь. И еслибы въ этомъ послѣднемъ случаѣ философское сознаніе уличало въ обманѣ непосредственную увѣренность, то тѣ же самыя улики имѣло бы оно и противъ собственнаго бытія личныхъ существъ внѣшнихъ познающему субъекту. Итакъ, чтобы быть здѣсь послѣдовательнымъ я долженъ отрицать собственное существованіе не только всѣхъ предметовъ безличной природы, но и всѣхъ другихъ личныхъ существъ кромѣ себя самого. На такую точку зрѣнія, которую я вмѣстѣ съ Гартманомъ назову *солипсизмомъ* и которая была бы очень на̀руку нашему практическому эгоизму, въ дѣйствительности однако врядъ ли

кто сероізно становился. Это, конечно, не есть еще философскій аргументъ. Но къ несчастію для всего этого воззрѣнія оно не можетъ остановиться даже на *солипсизмѣ:* оно должно идти далѣе къ такимъ заключеніямъ которыми само себя уничтожаетъ.

Если то обстоятельство что я знаю всѣ существа внѣшняго міра (не исключая и другихъ людей) лишь въ своихъ представленіяхъ, то-есть въ состояніяхъ моего сознанія, даетъ мнѣ право отрицать собственное, независимое отъ моего сознанія, бытіе этихъ существъ, то по той же причинѣ я долженъ отрицать и свое собственное существованіе какъ *субъекта* сознанія, такъ какъ и оно доступно мнѣ только въ состояніяхъ сознанія. Все сводится такимъ образомъ къ состояніямъ сознанія такъ или иначе между собою связаннымъ и не имѣющимъ никакого самобытнаго субъекта. Всѣ вещи и всѣ существа исчезаютъ, остаются только состоянія сознанія. Но такое воззрѣніе уже не только противорѣчитъ всякому обыкновенному смыслу, но заключаетъ въ себѣ и внутреннее логическое противорѣчіе: оно немыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ „состояніе сознанія" въ противоположность вещи или существу самому въ себѣ? „Этотъ предметъ есть лишь состояніе моего сознанія" значитъ что онъ существуетъ только относительно другаго, для другаго, именно для меня; и я могу сказать что весь міръ есть только состояніе моего сознанія, существуетъ только для меня; такое положеніе само по себѣ еще имѣетъ логическій смыслъ, хотя и противорѣчитъ общечеловѣческой увѣренности. Но если я отринувъ самобытность всего міра, признавъ что все на землѣ и небѣ существуетъ только для меня, есть только состояніе моего сознанія, долженъ послѣдовательно отрицать и свою собственную самобытность, то мнѣ приходится утверждать слѣдующее: я самъ, мое *я* есть не что̀ иное какъ только состояніе моего сознанія. Ясно въ самомъ дѣлѣ что если я не имѣю самобытности, не есмь существо само по себѣ, то я долженъ имѣть лишь бытіе для другаго, но этого другаго нѣтъ, потому что все существующее уже признано мною какъ только состояніе моего же сознанія, слѣдовательно уже предполагаетъ меня. Я могъ считать весь внѣшній міръ за представленіе, за бытіе для другаго, потому что для него было это другое, именно я самъ. Но если я и себя самого долженъ признать лишь за бытіе для другаго, лишь за объ-

ектъ, то тутъ другаго, то-есть субъекта, по отношенію къ которому я былъ бы представленіемъ или объектомъ,—такого субъекта тутъ уже нѣтъ, ибо все остальное признано тоже только за объектъ. Такимъ образомъ мнѣ приходится утверждать что я есмь только объектъ себя самого, только состояніе *моего* собственнаго сознанія; но *мое* сознаніе уже предполагаетъ *меня* какъ субъекта и нелѣпость положенія вполнѣ очевидна. И нелѣпость эта распространяется на все воззрѣніе; потому что если прежде я весь міръ признавалъ своимъ представленіемъ, лишь объектомъ по отношенію ко мнѣ какъ субъекту, то теперь когда я долженъ былъ отринуть и свое собственное бытіе, я отнимаю субъектъ и у внѣшняго міра, онъ превращается въ объектъ безъ субъекта, въ представленіе безъ представляющаго, въ бытіе для другаго безъ другаго. Но это очевидно не мыслимо; подъ объектомъ или представленіемъ разумѣется не что иное какъ бытіе по отношенію къ субъекту какъ другому необходимо предполагаемому. Объектъ безъ субъекта перестаетъ быть объектомъ, представленіе не есть представленіе когда нѣтъ представляющаго. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь нелѣпость, которая сама себя уничтожаетъ и переходитъ въ свою истину.

Если мы должны утверждать что все существующее состоитъ изъ объектовъ или представленій самихъ по себѣ, что все есть состоянія сознанія сами по себѣ, то это утвержденіе, если мы дадимъ ему логическій смыслъ, означаетъ что все существующее не зависитъ само по себѣ ни отъ какого внѣшняго ему субъекта, а есть вмѣстѣ и субъектъ и объектъ самъ по себѣ. Это значитъ что все что есть состоитъ изъ существъ имѣющихъ собственную внутреннюю дѣйствительность. Этимъ возстановляется и феноменальная сторона міра, ибо самобытныя существа, относясь другъ къ другу, получаютъ бытіе для другаго, становятся представленіемъ этого другаго, и такимъ образомъ для каждаго изъ нихъ всѣ остальные, то-есть весь міръ, есть его представленіе.

Итакъ первоначальная неистинность разсмотрѣннаго воззрѣнія заключалась не въ томъ утвержденіи что міръ есть мое представленіе,—это утвержденіе безспорно истинно,—но въ томъ предположеніи что если міръ есть мое представленіе, то онъ уже не можетъ имѣть собственнаго независимаго

отъ меня бытія. Поистинѣ же все можетъ быть моимъ представленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все есть существо само по себѣ, феноменальность міра не противорѣчитъ его самобытности. Явленіе какъ представленіе и сущее въ себѣ—Ding an sich—не суть двѣ безусловно отдѣльныя, недоступныя другъ другъ сферы, а только двѣ различныя, но нераздѣльныя стороны всякого существа. Заслуга философскаго идеализма состоитъ въ томъ что онъ показалъ рѣшительное, радикальное различіе сущности отъ явленія, различіе по которому невозможно простое перенесеніе опредѣленій явленія на сущность и обратно; но это различіе не есть безусловная отдѣльность, поскольку совершенно различные и даже противоположные предикаты могутъ принадлежать одному и тому же субъекту. Все существующее имѣетъ совмѣстно какъ бытіе въ себѣ и для себя такъ и бытіе для другаго, есть и сущность и явленіе, но въ двухъ радикально различныхъ отношеніяхъ. Отсюда такимъ образомъ никакъ не слѣдуетъ то гегеліанское положеніе что сущность вполнѣ исчерпывается въ своемъ явленіи, что сущность въ различіи отъ явленія есть только разсудочная абстракція и что познаніе логическихъ формъ явленія есть тѣмъ самымъ уже и познаніе сущности, абсолютное знаніе. Поистинѣ же можно только утверждать что въ собственной дѣйствительности и явленіе нераздѣльно отъ сущности, хотя и различается отъ нея какъ различаются двѣ противоположныя стороны одного и того же, но въ нашемъ внѣшнемъ или предметномъ познаніи мы имѣемъ только одну сторону, именно феноменальную, и въ этомъ смыслѣ наше предметное познаніе, какъ недостигающее сущности, одностороннее и неистинно; для познанія же другой, внутренней или существенной стороны нуженъ и другой способъ познаванія. Какъ явленіе не есть еще сущность, хотя въ дѣйствительности нераздѣльно отъ нея, такъ и познаніе явленія какъ явленія не есть еще познаніе сущности. Но если не вѣренъ гегелевскій принципъ, отождествляющій внутреннюю сущность съ логическими формами явленія, то столь же невѣрно, съ другой стороны, какъ мы сейчасъ увидимъ, и это основное предположеніе такъ-называемаго позитивизма что если мы въ своемъ предметномъ познаніи имѣемъ только явленія, то внутренняя сущность недоступна намъ уже никакимъ способомъ.

Изъ предыдущаго надѣюсь ясно что обвиненіе въ отрица-

нія дѣйствительности внѣшняго міра, взводимое на меня г. Кавелинымъ и основанное на томъ что я утверждаю исключительную феноменальность внѣшняго міра какъ внѣшняго, совершенно несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того что внѣшній міръ какъ такой, то-есть по отношенію ко мнѣ какъ другому (ибо внѣшнимъ можно быть очевидно только по отношенію къ другому), есть лишь мое представленіе (а это первая аксіома всякой философіи), никакъ не слѣдуетъ чтобъ онъ самъ по себѣ, безъ отношенія ко мнѣ, то-есть уже не какъ внѣшній, не имѣлъ собственной дѣйствительности. Этотъ столъ какимъ я его вижу и осязаю есть въ этихъ своихъ относительныхъ качествахъ мое представленіе, и только мое представленіе; но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ этому моему представленію не соотвѣтствовало никакой собственной, независимой отъ меня дѣйствительности, непосредственно мнѣ неизвѣстной. Напротивъ, указанное выше основаніе заставляетъ признать что всякому явленію соотвѣтствуетъ извѣстное, дѣйствительное, независимое отъ представляющаго субъекта бытіе.

Въ настоящее время феноменальность внѣшняго міра не есть философское только положеніе, но признается вполнѣ и физическою наукой, которая хорошо знаетъ что всѣ чувственныя качества вещей существуютъ лишь въ нашихъ ощущеніяхъ, а не въ самихъ вещахъ. Самъ г. Кавелинъ очень хорошо выражаетъ эту истину, говоря что всѣ познаваемые нами предметы суть лишь *значки* того что̀ существуетъ въ независимомъ отъ насъ дѣйствительномъ мірѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія *Задачи Психологіи* г. Кавелинъ повторяетъ ту несомнѣнную истину что все содержаніе нашего внѣшняго опыта, все что̀ мы называемъ внѣшними предметами, состоитъ лишь изъ элементовъ нашего собственнаго психическаго бытія, изъ ощущеній или впечатлѣній нашихъ чувствъ. Но именно это и разумѣется подъ феноменальностью внѣшняго міра. Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ г. Кавелинъ совершенно согласенъ со мною. Мы оба признаемъ ту безспорную истину что внѣшній міръ какъ онъ намъ непосредственно дается есть лишь явленіе, то-есть представленіе въ нашемъ сознаніи, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ему соотвѣтствуетъ нѣчто дѣйствительное само по себѣ и что эта его собственная дѣйствительность намъ непосредственно неизвѣстна.

Если внѣшній міръ доступенъ мнѣ непосредственно лишь какъ явленіе, то-есть какъ мое представленіе, собственная же его сущность какъ независимая отъ меня не входитъ въ сферу моего непосредственнаго познанія, то самъ себѣ я доступенъ и со внутренней стороны, не какъ явленіе только, но и какъ существо. Я познаю не только свое отношеніе къ другому, но и собственное свое внутреннее бытіе. Я какъ и все существующее имѣю двѣ формы или стороны бытія—внѣшнюю, относительную или феноменальную, и внутреннюю, самостоятельную или существенную. Другое доступно мнѣ только съ своей феноменальной стороны, именно какъ другое, потому что быть явленіемъ и значитъ только быть для другаго; но самъ я себѣ доступенъ и со внутренней стороны какъ существо, ибо еслибы мое существо было мнѣ недоступно, то оно было бы уже другое, а не мое существо, и слѣдовательно я самъ не былъ бы существомъ, а только явленіемъ, что̀, какъ мы видѣли, невозможно. Ясно что единственное различіе между существомъ другаго и моимъ можетъ заключаться только въ томъ что другое недоступно мнѣ само по себѣ непосредственно, а лишь въ посредствующемъ отношеніи, тогда какъ мое собственное существо есть для меня или сознается мною непосредственно. Другое я знаю только во внѣшнемъ явленіи, себя какъ собственное существо; въ противномъ случаѣ между мною и другимъ не было бы никакого различія, что̀ нелѣпо. Эта апріорная логическая необходимость осуществляется въ *фактѣ* внутренняго непосредственнаго знанія или самознанія, которое вполнѣ признаетъ и г. Кавелинъ, называя его внутреннимъ или психическимъ зрѣніемъ. Меня удивляетъ что несмотря на это признаніе, г. Кавелинъ находитъ возможнымъ отрицать всякое существенное познаніе, познаніе по существу. Въ своей полемикѣ съ профессоромъ Сѣченовымъ г. Кавелинъ постоянно открещивается отъ всякаго подозрѣнія въ допущеніи имъ какого-либо познанія по существу. Но это очевидное недоразумѣніе. Разъ допущено особое внутреннее познаніе, отличное отъ моего познанія другихъ предметовъ чрезъ внѣшнія чувства, должно опредѣлить въ чемъ заключается это отличіе. Но очевидно что оно заключается только въ томъ что чрезъ внѣшнее или предметное познаніе я познаю нѣчто другое, то-есть хотя представленіе внѣшняго предмета и есть мое собственное внутреннее состояніе,

но я необходимо отношу его къ другому, признаю его непосредственно только значкомъ этого другаго, во внутреннемъ же познаніи я познаю не другое, а непосредственно себя самого, внутреннія собственныя опредѣленія своего существа, такъ что тутъ познаваемое не есть другое для познающаго, а онъ самъ, и такимъ образомъ это внутреннее познаніе есть непосредственное самоpазличеніе, самопознаніе психическаго существа. Правда что я познаю лишь рядъ психическихъ состояній, но я знаю что эти состоянія суть непосредственныя выраженія *моего* существа, а не другаго, иначе я не сознавалъ и не называлъ бы ихъ *моими* психическими состояніями. Такимъ образомъ если и можно называть эти психическія состоянія явленіями (я не буду спорить о словахъ), то это явленія совершенно иного рода, чѣмъ то что я называю внѣшними явленіями. Существо которое не выражается въ моихъ внутреннихъ состояніяхъ не есть мое; единственное существо которое я могу назвать моимъ есть то которое мнѣ непосредственно извѣстно въ этихъ психическихъ состояніяхъ. Если такимъ образомъ я могу непосредственно познавать только свое существо, то слѣдовательно этимъ внутреннимъ самознаніемъ ограничивается для меня вообще существенное познаніе въ собственномъ смыслѣ. Всякое другое познаніе о существѣ,—всякое познаніе о существѣ другаго я могу получить только чрезъ какое-либо соединеніе съ этимъ непосредственнымъ внутреннимъ самознаніемъ, то-есть чрезъ такое или иное распространеніе опредѣленій своего внутренняго бытія на другое. Должно различать *существенное* познаніе отъ познанія *о существѣ*. Существенно или по существу, я могу познавать только свои внутреннія психическія состоянія какъ непосредственныя выраженія моего собственнаго существа. Но я могу имѣть посредственное познаніе и о существѣ другаго, хотя это не будетъ уже существенное познаніе въ показанномъ смыслѣ. Такъ напримѣръ, еслибъ я имѣлъ логическія основанія признать что другое внѣ меня существующее, напримѣръ другой человѣкъ, который непосредственно извѣстенъ мнѣ только со своей внѣшней, феноменальной стороны, самъ по себѣ имѣетъ такія же внутреннія психическія состоянія какъ и я, имѣетъ слѣдовательно такое же внутреннее существо какъ и то которое извѣстно мнѣ въ моемъ непосредственномъ самознаніи, тогда я имѣлъ бы

нѣкоторое познаніе о существѣ этого другаго, хотя это познаніе и не было бы существеннымъ, насколько внутреннія состоянія этого другаго въ ихъ непосредственности оставались бы для меня все-таки недоступными, я зналъ бы о нихъ лишь посредствомъ аналогіи.

Теперь спрашивается: имѣю ли я дѣйствительно какое-нибудь познаніе о существѣ другаго? Несомнѣнно имѣю, именно о существѣ другихъ людей, ибо я знаю что другіе люди кромѣ своей феноменальной стороны, то-есть кромѣ ихъ отношенія къ моему познающему субъекту, кромѣ ихъ предметности, имѣютъ еще и внутреннюю психическую сторону, суть *однородныя* со мною существа; то-есть обладающія всѣми существенными внутренними опредѣленіями которыя открываются мнѣ въ моемъ самосознаніи. Такимъ образомъ то что для одного внѣшняго предметнаго познанія безусловно недоступно, есть чистое *x*,—внутренняя подлежательная сторона другаго,—становится доступнымъ и извѣстнымъ чрезъ аналогію съ содержаніемъ внутренняго самосознанія. И эта аналогія не есть абстрактная, а совершенно непосредственная. Я непосредственно *увѣренъ* и знаю что человѣкъ съ которымъ я разговариваю не есть проявленіе какого-то неизвѣстнаго мнѣ Ding an sich, а самостоятельное существо, имѣющее *такую же* внутреннюю дѣйствительность какъ и я самъ. Но спрашивается: имѣетъ ли эта увѣренность положительное логическое основаніе, можетъ ли она быть сведена къ какому-нибудь необходимому логическому закону? Я нахожу что можетъ, именно къ закону, аналитически выводимому изъ закона тождества и выражающемуся такъ: *постоянная и непосредственная однородность (матеріальная и формальная) независимыхъ другъ отъ друга проявленій* (точнѣе: *рядовъ проявленій) предполагаетъ внутреннюю однородность проявляющихся существъ.* Такой законъ, какъ и всѣ другіе логическіе законы, есть не что иное какъ общее логическое выраженіе того что дано уже въ нашей непосредственной увѣренности. Но именно какъ *общій*, законъ этотъ можетъ неопредѣленно расширять кругъ своего примѣненія въ области возможнаго опыта. Такъ и извѣстный физическій законъ, отвлеченный первоначально отъ явленій совершающихся только на земномъ шарѣ, можетъ потомъ съ безусловною достовѣрностью примѣняться и къ міровымъ тѣламъ. Поэтому спрашивается: до какихъ предѣловъ имѣемъ мы осно-

ваніе расширить кругъ примѣненія указаннаго логическаго закона? Уже въ непосредственной увѣренности кругъ этотъ не ограниченъ міромъ человѣческимъ, а включаетъ въ себя и міръ животный. Наша непосредственная увѣренность признаетъ у животныхъ внутреннюю психическую дѣйствительность на томъ основаніи что внѣшнія ихъ проявленія существенно однородны съ соотвѣтствующими проявленіями нашей собственной природы. Но извѣстно что наука давно уже сняла границу между міромъ животнымъ и растительнымъ; явленія этого послѣдняго признаетъ она существенно однородными съ явленіями перваго, и такимъ образомъ распространяя и на міръ растеній примѣненіе нашего основнаго логическаго закона, заставляетъ и въ нихъ признать такую же внутреннюю психическую дѣйствительность какую мы признаемъ въ людяхъ и животныхъ. Но наука идетъ дальше и снимаетъ безусловную границу между міромъ органическимъ и неорганическимъ, утверждая существенную однородность въ явленіяхъ того и другаго. Такимъ образомъ и на неорганическій міръ простирается нашъ законъ; и на его основаніи мы должны признать собственную внутреннюю дѣйствительность не только у недѣлимыхъ органическихъ, но и у недѣлимыхъ неорганическихъ, то-есть у атомовъ, причемъ исчезаетъ логическое противорѣчіе существующее въ признаніи чисто вещественныхъ, то-есть лишенныхъ всякой внутренней дѣйствительности, атомовъ. Итакъ мы должны признать что все существующее состоитъ изъ единичныхъ недѣлимыхъ или монадъ имѣющихъ собственную внутреннюю дѣйствительность однородную съ тою какую мы знаемъ непосредственно въ своемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ. Взаимныя отношенія этихъ существъ между собою и къ нашему познающему субъекту образуютъ міръ вещественныхъ явленій. Во внѣшнемъ или предметномъ познаніи мы знаемъ только эти вещественныя явленія, но благодаря нашему внутреннему опыту и логическому примѣненію его данныхъ къ міру внѣшнему мы знаемъ что въ основѣ всѣхъ вещественныхъ явленій находится извѣстное психическое бытіе, такое же въ существѣ какъ и наше собственное, такъ что все существующее представляетъ различія лишь въ степеняхъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣкоторое познаніе о внутреннемъ существѣ всего другаго и если всякое познаніе о существѣ другаго называть метафизическимъ, то мы уже

тутъ имѣемъ нѣкоторое метафизическое познаніе. Но это познаніе весьма одностороннее. Мы знаемъ здѣсь только о единичныхъ существахъ какъ такихъ. Но въ конкретной дѣйствительности, единичныхъ существъ самихъ по себѣ нѣтъ: они существуютъ лишь въ постоянной, необходимо опредѣленной, связи между собой, въ одномъ цѣломъ, котораго они суть лишь элементы. Поэтому въ своемъ познаніи о единичныхъ существахъ мы познаемъ лишь „стихіи міра", а не самъ міръ какъ единое цѣлое. Міръ не есть только простая совокупность единичныхъ существъ, а ихъ логическій и телеологическій порядокъ — космосъ. Частныя существа какъ такія составляютъ лишь субстратъ или подлежащее (ὑποκείμενον) міра, бытіе же его какъ единаго цѣлаго, опредѣляемаго общими формами и общею цѣлью, предполагаетъ особое абсолютное первоначало, и это первоначало не есть только основаніе общихъ формъ и цѣли міра, но также и основаніе единичнаго бытія поскольку единичныя существа не имѣютъ отдѣльнаго бытія, сами по себѣ, а существуютъ лишь въ отношеніи ко всему космосу. Опредѣленіе абсолютнаго первоначала или метафизической сущности въ собственномъ смыслѣ, составляющее высшую задачу философіи, возможно, поскольку дѣйствительный космосъ какъ проявленіе метафизической сущности доступенъ намъ чрезъ внутренній и внѣшній опытъ и поскольку характеромъ проявленія опредѣляется характеръ проявляющагося. И еслибъ оказалось что отношенія дѣйствительнаго космоса заставляютъ предполагать въ ихъ метафизическомъ первоначалѣ опредѣленія аналогичныя съ тѣми какія мы знаемъ въ своемъ духовномъ бытіи, то мы получили бы положительное, хотя и весьма общее, познаніе о метафизическомъ существѣ космоса по аналогіи съ своимъ собственнымъ существомъ.

Изъ этихъ краткихъ указаній, надѣюсь, г. Кавелину будетъ ясно почему я приписываю большую важность философіи Шопенгауэра и Гартмана, несмотря на очевидную несостоятельность этой философіи въ смыслѣ полной и окончательной системы, и почему я не могу придавать никакого положительнаго значенія такъ-называемому позитивизму. Всякія дальнѣйшія объясненія въ сферѣ метафизическихъ вопросовъ были бы пока преждевременны, и потому я окончу резюмируя сказанное.

1) Во внѣшнемъ или предметномъ познаніи, то-есть въ познаніи происходящемъ изъ данныхъ внѣшнихъ чувствъ, мы познаемъ только реальныя отношенія дѣйствительныхъ существъ, то-есть ихъ внѣшнее взаимодѣйствіе.

2) Въ опытѣ внутреннемъ, то-есть происходящемъ изъ данныхъ самосознанія, мы познаемъ уже не отношенія только, а нѣкоторое дѣйствительное психическое существо, именно наше собственное, и только во внутреннемъ опытѣ возможно непосредственное познаніе существа вообще или то что я называю существеннымъ познаніемъ.

3) Чрезъ логическое соотношеніе данныхъ внутренняго и внѣшняго опыта мы можемъ имѣть и имѣемъ нѣкоторое познаніе и о другихъ существахъ внѣ насъ, притомъ какъ о частныхъ существахъ, такъ и о всеединомъ метафизическомъ существѣ или абсолютномъ первоначалѣ космоса.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ.

СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫХЪ

(ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

I.

Если вамъ случалось проѣзжать по большой ....ской дорогѣ, конечно не могла не обратить на себя вниманія вашего живописная господская усадьба примыкающая къ большому торговому селу Бакланамъ. Усадьба эта расположена по отлогому скату покрытой сплошнымъ лѣсомъ горы, отдѣляющейся отъ дороги длиннымъ, широкимъ прудомъ. На темномъ фонѣ вѣковыхъ липъ рельефно выдѣляется, выбѣгая впередъ полукруглою колоннадой, затѣйливой архитектуры длинный фасадъ стариннаго барскаго дома, съ симметрически расположенными по обѣ стороны его каменными флигелями, конюшнями и другими надворными строеніями. Его построилъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія тогдашній Баклановскій вотчинникъ, Екатерининскій вельможа, Н. М. Баклановъ. Вслѣдствіе какихъ-то придворныхъ интригъ, онъ долженъ былъ оставить службу и поселился доживать остатокъ дней въ родовомъ имѣніи своемъ. Онъ перенесъ съ собою и сюда привычку къ размашистой широкой жизни и не отказывалъ себѣ ни въ какихъ прихотяхъ и барскихъ затѣяхъ: у него была своя музыка, свой доморощенный театръ, царская

псовая охота и огромная дворня. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ, и въ посѣтителяхъ, конечно, недостатка не было; пріѣзжали навѣщать старика и петербургскіе гости, преимущественно изъ партіи недовольныхъ порядками послѣднихъ годовъ великаго царствованія, и гащивали у него подолгу. Такъ шла жизнь въ Бакланахъ въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, пока въ одинъ прекрасный день не умеръ, вслѣдствіе приступа подагры, опальный вельможа и не унесъ съ собою въ могилу всего, кромѣ воздвигнутыхъ имъ прихотливыхъ и ни на что ненужныхъ построекъ и соединенныхъ съ ними никого не интересующихъ воспоминаній. Сынъ его, занимавшій какой-то значительный постъ на службѣ, жилъ постоянно въ Петербургѣ и за границей и ни разу не пріѣхалъ взглянуть на свое прадѣдовское наслѣдіе. Болѣе полувѣка домъ оставался необитаемымъ, неподдерживаемыя затѣйливыя постройки съ каждымъ годомъ приходили въ упадокъ; заглохъ оставленный безъ призора садъ и мало-по-малу все пришло наконецъ въ окончательное запустѣніе. Но и въ самомъ запустѣніи этомъ была какая-то дикая, своеобразная прелесть, и проѣзжій невольно останавливался полюбиваться развертывавшеюся предъ нимъ очаровательною картиной. Всюду виднѣлись еще слѣды минувшей размашистой жизни. Сквозь густую листву буйно разросшихся деревьевъ и кустарниковъ мелькали тамъ и сямъ полуразвалившіеся причудливыхъ видовъ кіоски и бесѣдки; по сторонамъ заглохшихъ аллей мѣстами стояли еще уцѣлѣвшіе остатки статуй; отъ балкона къ пруду шелъ широкій каменный спускъ съ поросшими травой ступенями и площадками и стоявшими у самой воды сфинксами. Поодаль отъ него, изъ-подъ крутаго берега одиноко выглядывалъ полуобрушившійся гротъ съ окружавшими его когда-то искусственными, а теперь уже настоящими, руинами и каменнымъ бассейномъ. Здѣсь, по разказамъ стариковъ, билъ нѣкогда фонтанъ, плавали золотыя рыбки и въ званые дни игралъ оркестръ домашней музыки. До половины заросшій камышомъ прудъ окаймляли плакучія ивы и березы, склоняясь надъ самою водой, и опустивъ въ нее длинныя и гибкія вѣтви свои онѣ придавали ландшафту какой-то волшебный, чарующій видъ. Казалось предъ вами стоялъ очарованный замокъ какой-нибудь спящей феи. „Вотъ, вотъ, думали вы, очнется она отъ своего долгаго сна, ударитъ волшебнымъ жезломъ и снова

закипитъ въ немъ прежняя, своеобразная жизнь." Но фея не просыпалась, отжившая вѣкъ свой жизнь предъ вами не воскресала и долго въ нѣмомъ раздумьи смотрѣли вы на эти такъ краснорѣчиво говорящіе остатки минувшаго.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ усадьба эта принадлежала внуку Екатерининскаго вельможи, отставному гвардіи полковнику Александру Васильевичу Бакланову. Поселившись въ ней, онъ не счелъ нужнымъ реставрировать ее въ первоначальномъ видѣ. Онъ былъ человѣкъ положительный и смотрѣлъ на вещи съ практической точки зрѣнія; а потому, ремонтировавъ какъ слѣдуетъ домъ и надворныя строенія и сдѣлавъ кое-какія необходимыя разчистки въ саду, онъ бросилъ дѣдовскія затѣи на произволъ судьбы, предоставилъ имъ полную свободу разрушаться и мало-по-малу обращаться въ мусоръ. Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ не по годамъ былъ еще бодръ и свѣжъ. Онъ былъ средняго роста, сухаго, но крѣпкаго сложенія. Его открытое лицо, высокій лобъ съ прямо и смѣло смотрѣвшими изъ подъ него глазами и нѣсколько вздернутая подъ нависшими на нее усами губа изобличали въ немъ человѣка съ твердымъ, непреклоннымъ характеромъ. Говорилъ онъ громко и отрывисто, съ особою свойственною военнымъ людямъ тогдашняго времени интонаціей. Въ разговорѣ и пріемахъ его была та развязность и самоувѣренность которыя даютъ независимость средствъ и извѣстное положеніе въ обществѣ; но такъ какъ у него самоувѣренность эта была вмѣстѣ и прямымъ слѣдствіемъ настолько глубоко сознаннаго чувства собственнаго достоинства что она дозволяла ему безъ ущерба для его самолюбія признавать и уважать чувство это и въ другихъ, то она никогда не переходила въ ту грубую, подавляющую безцеремонность, которую иные позволяютъ себѣ въ обращеніи съ тѣми кого почему-либо считаютъ ниже себя. Правда, въ голосѣ его слышалось какъ бы что-то начальственное, нетерпящее возраженія; но это была не болѣе какъ привычка вынесенная имъ изъ военной службы, — привычка, переходящая обыкновенно незамѣтно со служебныхъ на частныя и даже на семейныя отношенія. Баклановъ былъ горячъ и вспыльчивъ, но умѣлъ вовремя сдерживать себя и въ минуту раздраженія не приступалъ ни къ какому серіозному рѣшенію: „утро вечера мудренѣе", говорилъ онъ, и откладывалъ дѣло до другаго дня. Въ домашнемъ быту онъ

не былъ ни деспотъ, ни самодуръ; въ семейныхъ дѣлахъ признавалъ за женой право голоса, принималъ въ соображенie ея справедливыя требованiя, въ иныхъ случаяхъ исполнялъ даже ея прихоти и причуды; но въ болѣе крупныхъ и серiозныхъ вопросахъ оставлялъ послѣднее слово за собою и, принявъ разъ зрѣло обдуманное рѣшенie, уже не измѣнялъ его. Вообще онъ былъ хорошiй семьянинъ, заботливый и нѣжный отецъ, но не умѣлъ высказывать чувствъ своихъ и если высказывалъ ихъ, то какъ-то особенно, по своему; такъ, онъ очень любилъ сына, но отношенiя его къ нему отзывались какою-то военною дисциплиной, — точно онъ хотѣлъ прiучить его съ дѣтскихъ лѣтъ къ строевой субординацiи. Онъ былъ въ душѣ консерваторъ и потому врагъ нововведенiй; но если видѣлъ что они были полезны, первый содѣйствовалъ ихъ проведенiю Характера онъ былъ настолько же прямаго и правдиваго, насколько стойкаго и послѣдовательнаго; аккуратность его въ дѣлахъ и пунктуальность доходили до педантизма; вся жизнь его была имъ заранѣе, такъ сказать, разграфлена, и отступить отъ разъ уже обдуманнаго и принятаго плана онъ не позволялъ себѣ ни на пядь.

Лишившись еще въ молодыхъ лѣтахъ отца и матери и располагая болѣе нежели независимымъ состоянiемъ, онъ могъ бы жить роскошно, не отказывая себѣ ни въ какихъ прихотяхъ; но и служа въ гвардiи, онъ жилъ очень скромно, и не потому чтобы былъ скупъ или разчетливъ, а потому что не имѣлъ ни особой къ чему-либо страсти, ни наклонности жить на болѣе широкую ногу. Онъ не чуждался общества, гдѣ было нужно, не отставалъ отъ своихъ товарищей, но ничѣмъ не увлекался и во всемъ умѣлъ держаться благоразумной середины. Баклановъ не имѣлъ особой склонности и къ военной службѣ, но исполнялъ требованiя ея свято и пунктуально, потому что взявшись за какое бы то ни было дѣло, ставилъ себѣ въ обязанность заниматься имъ добросовѣстно, прослужить же извѣстное число лѣтъ на государственной службѣ онъ считалъ непремѣннымъ долгомъ всякаго дворянина. Не менѣе священнымъ долгомъ своимъ, какъ помѣщика, считалъ онъ, по выходѣ въ отставку, заняться устройствомъ и управленiемъ доставшагося ему отъ предковъ имѣнiя; а потому, дослужившись до полковничьяго чина, какъ чина дающаго уже извѣстное почетное положенiе въ обществѣ, онъ несмотря на увѣщанiя начальства и

просьбы товарищей вышелъ въ отставку и поѣхалъ хозяйничать въ родовое помѣстье свое, село Большіе Бакланы.

Хозяйство свое нашелъ онъ въ грустномъ положеніи. Управляющій, завѣдывавшій имъ безконтрольно въ продолженіе долгихъ лѣтъ, не столько заботился объ интересахъ помѣщика сколько о своихъ собственныхъ, и Бакланову не трудно было убѣдиться что онъ высылалъ ему едва половину получавшихся съ имѣнія доходовъ. Несмотря однакожь на это, онъ, сознавая неопытность свою въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, рѣшился удалить обкрадывавшаго его управляющаго лишь изучивъ подъ его же рукой это новое и совершенно незнакомое ему дѣло настолько что могъ съ помощью избраннаго имъ изъ крестьянъ бурмистра обойтись безъ его совѣтовъ. Одновременно съ хозяйствомъ занялся онъ и улучшеніемъ быта разоренныхъ крестьянъ своихъ.

Исполнивъ такимъ образомъ два лежавшіе на немъ долга, какъ дворянина и помѣщика, Баклановъ согласно съ составленою имъ программой приступилъ къ исполненію послѣдняго остававшагося на немъ долга увѣковѣченія рода своего женитьбой. Если онъ не женился раньше, состоя на службѣ въ Петербургѣ, то не потому что не представлялось къ тому случая, а потому что, съ одной стороны, считалъ тогда дѣло это еще преждевременнымъ, а съ другой, хотѣлъ жениться непремѣнно на дочери такого же помѣщика какимъ долженъ былъ сдѣлаться самъ. „Петербургская или московская жена, думалъ онъ, станетъ склонять меня къ столичной жизни; а долгъ мой жить въ имѣніи, получивъ которое отъ предковъ своихъ, я принялъ на себя и обязанность лично завѣдывать имъ и пещись о благосостояніи доставшихся мнѣ полутора тысячъ душъ крестьянъ. И какое имѣю я право передать эту священную обязанность въ постороннія руки?“ У Бакланова и на счетъ женитьбы была своя программа, свои особыя требованія. Къ счастію, всѣ требованія эти, какъ казалось ему, соединяла въ себѣ дочь сосѣда его Льва Ѳедоровича Кудеярова, жившаго безвыѣздно въ родовомъ имѣніи своемъ, въ пятидесяти верстахъ отъ Бакланова. Она была умна, недурна собою и очень хорошо по тогдашнимъ требованіямъ воспитана. У Кудеяровыхъ было и родство, и связи; родъ же ихъ былъ такъ древенъ что по этикету стараго Французскаго двора давалъ бы право на мѣсто въ каретѣ короля. Со втораго же пріѣзда къ Куде-

ярову Баклановъ далъ ему понять цѣль своихъ посѣщеній, а на третій, какъ водится, за мазуркой, сдѣлалъ предложеніе. Причинъ къ отказу не было; правда, онъ былъ уже не первой молодости, но казался много моложе своихъ лѣтъ, былъ богатъ, гвардейскій полковникъ, что̀ назадъ тому тридцать лѣтъ имѣло свое значеніе, словомъ, невѣстѣ понравился; предложеніе было принято и ровно черезъ мѣсяцъ онъ въѣзжалъ въ дѣдовскій домъ свой съ молодою женой.

Бакланову было уже подъ сорокъ лѣтъ и привыкать къ совершенно новымъ для него требованіямъ семейной жизни ему конечно было не легко; но онъ предвидѣлъ это и заранѣе приготовился къ необходимымъ уступкамъ; не предвидѣлъ онъ лишь того что не столько разница въ лѣтахъ, сколько разница въ характерахъ и направленіяхъ должна была сдѣлаться главною помѣхой къ осуществленію задуманнаго имъ семейнаго быта. Дѣйствительно, насколько онъ былъ положителенъ и практиченъ, настолько жена его была мечтательна и экзальтирована. Этою мечтательностью и восторженнымъ направленіемъ своимъ обязана была она полученному ею воспитанію. Еще бывши ребенкомъ, лишилась она матери; отецъ ея, ничего не понимавшій въ трудномъ дѣлѣ воспитанія пятилѣтней дѣвочки, обратился за совѣтомъ къ теткѣ и та прислала изъ Петербурга какую-то Француженку-эмигрантку, которая, нося сама аристократическую фамилію, должна была, по мнѣнію ея, дать и питомицѣ своей самое блестящее и приличное званію ея воспитаніе. Madame de Bélicourt, никогда не занимавшаяся этимъ дѣломъ и жившая до того компаньйонкой при какой-то знатной барынѣ, потѣшая ее своей болтовней, начала съ того что создала въ воображеніи дѣвушки какой-то фантастическій міръ, населенный небывалыми дивами, разказывала ей о своей далекой милой родинѣ, ея роскошной природѣ, о прелестяхъ парижской жизни, бранила все русское и удивлялась какъ сколько-нибудь образованный человѣкъ можетъ жить въ этой варварской сторонѣ; когда же та достигла возраста полнаго пониманія, читала съ нею романы Бальзака, Сулье и Жоржъ Санда, распаляя ея воспріимчивое воображеніе чудовищными проявленіями необузданныхъ страстей. Результатомъ всего этого было то что молодая дѣвушка только и мечтала что о далекой невѣдомой ей сторонѣ съ ея чуднымъ небомъ и роскошною природой, бредила Жоржъ-

Сандовскими героинями, скучая деревенскою захолустною жизнью, и возненавидѣла родину свою съ ея полугодовою зимой, курными избами, овчинными тулупами и непроходимою грязью. Баклановъ увидѣлъ это съ первыхъ же дней женитьбы и тутъ же положилъ себѣ выбить у жены эту дурь изъ головы, но ему пришлось дѣйствовать на зыбкой, совершенно незнакомой ему почвѣ, и на этотъ разъ всѣ усилія его оказались тщетными. Чѣмъ болѣе старался онъ доказать ей что весь ея фантастическій міръ существовалъ лишь въ ея экзальтированномъ воображеніи, тѣмъ болѣе сосредоточивалась она въ себѣ самой и недовѣрчиво глядѣла на него, какъ на человѣка грубаго, матеріальнаго, поглощеннаго заботами обыденной жизни и для котораго высшія эстетическія наслажденія недоступны. Убѣдясь что продолжая идти этимъ путемъ, онъ неминуемо довелъ бы жену свою до сознанія себя женщиной непонятою и несчастною, femme malheureuse et incomprise, этой отравы семейной жизни, онъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ рѣшился повезть мечтательницу свою въ тѣ страны которыя такими яркими, заманчивыми красками рисовало ей ея экзальтированное воображеніе и доказать ей уже не на словахъ, а на дѣлѣ что какъ ни восхитительно роскошное италіянское небо, оно мало чѣмъ лучше нашего православнаго, степнаго; что какъ ни хороши лимонныя и апельсинныя деревья, далеко имъ до нашей развѣсистой березы или раскидистаго вяза; что какъ ни люты наши трескучіе морозы, но зимой и въ Италіи, дрожа отъ холода въ нетопленой остеріи, не разъ вспомнишь о русской, хотя и соломой топленой, избѣ, и что въ концѣ-концовъ можно точно также скучать на живописныхъ берегахъ Комскаго озера или Средиземнаго моря, какъ быть счастливымъ и живя въ степномъ захолустьѣ. Предложеніе было принято, разумѣется, съ восторгомъ. Молодые наши пропутешествовали цѣлый годъ и чуть не объѣхали всю Европу. Они были и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Неаполѣ, и въ Венеціи; ѣздили даже въ Испанію, взглянуть на Эскуріалъ и Альгамбру. Они любовались и живописными берегами Рейна, и великолѣпнымъ видомъ Неаполя, восходили на Везувій, катались въ гондолахъ по лагунамъ и каналамъ Венеціи, словомъ, Баклановъ возилъ жену свою всюду куда ей только хотѣлось. Сначала она отъ всего приходила въ неописанный восторгъ: первый сорванный ею въ

лугахъ гіацинтъ довелъ ее до слезъ и она лишь жалѣла что подлѣ нея не было Mme de Bélicourt чтобы подѣлиться съ нею своими впечатлѣніями. Такъ прошли первые три мѣсяца, и экзальтированное состояніе ея стало мало-по-малу переходить въ болѣе нормальное, чему много способствовало и то что все что она находила было ниже того чего ожидала. Она уже не отыскивала средневѣковыхъ руинъ, чтобы допрашивать ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, не стояла по нѣскольку часовъ въ нѣмомъ экстазѣ предъ памятниками искусства и стала предпочитать имъ прозаическую рулетку, которой впрочемъ въ первое время предалась также съ большимъ увлеченіемъ, и спокойно проѣзжала мимо живописныхъ развалинъ Гейдельбергскаго замка въ Вольфсбрунъ, полакомиться его жирными форелями.

— А что-то дѣлается теперь тамъ у насъ въ степной глуши? сказала она наконецъ мужу послѣ десятимѣсячнаго пребыванія за границей, сидя на каменной скамьѣ Promenade des Anglais и разсѣянно глядя на проходившую мимо толпу гуляющихъ.

Баклановъ торжествовалъ.

— Тамъ теперь морозы да метели, отвѣтилъ онъ;—а здѣсь, посмотри, какая благодать: солнце грѣетъ по-лѣтнему, цвѣтутъ фіалки и съ моря вѣетъ живительною прохладой.

Софья Львовна посмотрѣла на мужа; она, казалось ей, поняла его и ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Съ какимъ удовольствіемъ прокатилась бы я теперь на тройкѣ въ саняхъ и хоть взглянула бы на нашу настоящую русскую зиму, сказала она нѣсколько дней спустя.

— Одно воображеніе, отвѣтилъ также хладнокровно Баклановъ.—Какъ можно сравнить здѣшнюю зиму съ нашею.

И оба замолчали.

Софья Львовна еще не рѣшалась признаться мужу, но ей, привыкшей къ своему собственному осѣдлому углу, въ которомъ она чувствовала себя барыней, окруженной, избалованной извѣстнымъ почетомъ въ кругу сосѣдей и знакомыхъ, просто стала наскучать эта странствующая, скитальческая жизнь, эта бездомовность, это полное обезличенье среди незнакомой и чуждой ей толпы. Еще прошелъ мѣсяцъ послѣ послѣдняго разговора и она наконецъ прямо призналась что скучаетъ по Бакланамъ и Кудеярову, добавивъ что сестра ея въ послѣднихъ письмахъ своихъ въ такихъ мрачныхъ

краскахъ описываетъ положеніе больнаго отца что, оставаясь долѣе за границей, она боится не застать его въ живыхъ. Баклановъ не возражалъ и черезъ день они уже были на возвратномъ пути въ Россію. Была еще другая причина заставившая ихъ поспѣшить возвращеніемъ: Софья Львовна готовилась быть матерью.

Пріѣхавъ въ Бакланы, она была счастлива какъ ребенокъ; бѣгала по всему дому, прыгала отъ радости, перецѣловалась со всѣми домашними, какъ будто бы уже отчаивалась съ ними видѣться, смѣялась, плакала, и когда наконецъ, успокоившись, сѣла въ свои любимыя кресла предъ затопленнымъ каминомъ, призналась чистосердечно что если въ гостяхъ и хорошо, но дома лучше. Не менѣе ея былъ счастливъ и Баклановъ; комбинація его удалась вполнѣ: жена теперь уже не могла жаловаться на судьбу и говорить что она une femme malheureuse et incomprise; потому что онъ доказалъ ей что понялъ ее какъ нельзя лучше и сдѣлалъ все что могъ чтобы не только доставить ей то счастіе о которомъ она такъ восторженно мечтала, но и насладиться имъ сколько хотѣла.

Такъ сложилась семейная жизнь Баклановыхъ и установились ихъ взаимныя отношенія.

II.

Вскорѣ же по возвращеніи Баклановыхъ на родину Софья Львовна подарила мужа своего сыномъ, а четыре года спустя дочерью. Нечего и говорить что молодая мать была въ полномъ упоеніи: она вся была въ дѣтяхъ и остальной міръ, казалось, пересталъ для нея существовать. Былъ счастливъ по своему и Баклановъ: ему было теперь кому передать и имя, и прадѣдовское наслѣдіе, вмѣстѣ съ соединенными съ ними правами и обязанностями. Оставалось лишь внушить преемнику какъ достойно пользоваться первыми и исполнять послѣднія. „Больше и не нужно, разсуждалъ онъ самъ съ собою: сынъ да дочь—семья полная.“ Но на этотъ разъ судьба распорядилась по своему: на слѣдующій годъ Софья Львовна оказалась снова беременною; это обстоятельство заставило его серіозно призадуматься. „Что если родится еще сынъ, думалъ

онъ, маіоратовъ у насъ нѣтъ и придется раздѣлить Бакланы на двѣ части. Въ однѣхъ рукахъ это барское имѣніе: съ нимъ можно поддерживать блескъ имени и сохранять вполнѣ независимое положеніе; а тутъ изъ Баклановъ выйдетъ два Бакланчика. Да и какъ дѣлить ихъ? Тотъ кому достанется усадьба и будетъ настоящимъ представителемъ рода Баклановыхъ. Если отдать Бакланы въ полномъ составѣ старшему сыну, съ тѣмъ чтобъ онъ сдѣлалъ младшему по оцѣнкѣ уплату, будетъ ли это законно и справедливо?“ И онъ ломалъ себѣ голову изыскивая средство какъ бы предотвратить грозившую его дому бѣду. „Нѣтъ; ужь лучше бы родилась дочь,“ заключалъ онъ. Не такъ думала Софья Львовна. „Какъ бы я была счастлива, еслибы Богъ далъ намъ еще сына, говорила она мужу. Старшій былъ бы военный, а младшій дипломатъ; я выучила бы его всѣмъ возможнымъ языкамъ и сдѣлала бы изъ него втораго Меццофанти. Со временемъ онъ былъ бы посланникомъ гдѣ-нибудь въ Неаполѣ или Флоренціи. Лѣтомъ мы ѣздили бы съ тобой провѣдать Аркадія въ Петербургъ, наняли бы или купили дачу въ Петергофѣ, а на зиму въ Италію къ Митрошѣ. И ѣздили бы мы туда ужь не какъ въ чужую, а какъ въ родную сторону.“ И она при одной мысли о такой блаженной будущности отъ избытка чувствъ плакала какъ ребенокъ. Баклановъ слушалъ ее молча и преслѣдовалъ въ головѣ свои собственныя комбинаціи.

Наступилъ наконецъ съ такимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидаемый роковой день,—родилась дочь. Это до того убило Софью Львовну и потрясло ея слабые нервы что доктора въ продолженіи нѣсколькихъ дней опасались за жизнь ея. Новорожденную дочь свою она не могла видѣть, она возненавидѣла ее со дня ея рожденія. Бакланова это очень огорчало, и онъ утѣшалъ себя лишь тѣмъ что это была вспышка которая также легко пройдетъ какъ и другія. Но и на этотъ разъ онъ ошибался: это была не вспышка, а какая-то глубоко запавшая, ничѣмъ необъяснимая ненависть. И странное дѣло: возненавидѣвъ младшую дочь, она еще сильнѣе полюбила старшую, точно всю вложенную въ нее природой долю материнской любви къ бѣдной Лизѣ она перенесла на свою любимицу Олю. Она боготворила ее, чуть не молилась на нее. Да и дѣйствительно это былъ милый,

живой, красивый ребенокъ, и между нею и болѣзненною, апатичною Лизой контрастъ былъ разительный; въ первое время боялись даже чтобъ она не была идіоткой. Софью Львовну самое мучила эта ничѣмъ не заслуженная нелюбовь къ дочери; она называла себя и mère marâtre и mère dénaturée, но не могла превозмочь своего къ ней отвращенія. „Что же мнѣ дѣлать, говорила она мужу, если я видѣть ее не могу, c'est plus fort que moi.“ Баклановъ не разъ пытался подавить въ ней это чувство; но попытки эти приводили только лишь къ слезамъ и истерикамъ, и онъ наконецъ долженъ былъ отъ нихъ отказаться. „Авось время передѣлаетъ все по своему,“ думалъ онъ. Часто приказывалъ онъ несчастную дѣвочку привесть къ себѣ въ кабинетъ и посадивъ ее на колѣни „ахъ ты моя Сандрильйонка“, говорилъ онъ цѣлуя и лаская ее; и это были единственныя ласки которыя она видѣла бывши ребенкомъ.

Время шло. Аркадію было уже шесть лѣтъ, и Баклановъ сталъ серіозно думать о его воспитаніи. Онъ прежде всего хотѣлъ развить въ немъ понятіе о чести, чтобъ изъ него вышелъ русскій дворянинъ и помѣщикъ какими тотъ и другой по мнѣнію его долженствовали быть, то-есть вѣрный царскій слуга, человѣкъ съ твердымъ, независимымъ и неподкупнымъ характеромъ и гуманнымъ взглядомъ на крѣпостныя отношенія; а потому не хотѣлось ему ввѣрить воспитаніе его кому-либо кромѣ себя самого. Съ другой же стороны, онъ видѣлъ и явную невозможность обойтись безъ гувернера-иностранца, такъ какъ на человѣка не говорившаго по крайней мѣрѣ на двухъ иностранныхъ языкахъ въ то время смотрѣли какъ на неуча, не получившаго ровно никакого образованія и для котораго входъ въ порядочное общество, а тѣмъ болѣе въ высшій кругъ его, былъ положительно закрытъ; да и помимо того и самъ онъ былъ того убѣжденія что знаніе языковъ вещь вполнѣ необходимая. По долгимъ соображеніямъ онъ наконецъ рѣшилъ: взявъ на свою долю нравственное воспитаніе сына, научное образованіе его поручить иностранцу, человѣку испытанному и вполнѣ соединяющему въ себѣ нужныя для того условія. Пріискать такого наставника было дѣло не легкое; но ему помогъ счастливый случай. У Бакланова была въ Петербургѣ сестра, сынъ которой какъ разъ кончалъ свое домашнее воспитаніе и она рекомендовала ему воспитателя его, какъ

именно такого человѣка какой ему былъ нуженъ. Выборъ оказался дѣйствительно очень удачнымъ: не говоря уже о томъ что рекомендованный иностранецъ Тиссъ былъ человѣкъ развитой и хорошій педагогъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и человѣкъ вполнѣ нравственный и добросовѣстный и въ короткое время умѣлъ поселить въ воспитанникѣ своемъ любовь къ себѣ и довѣріе. Къ трудному дѣлу преподаванія приступилъ онъ очень просто: онъ не обременялъ памяти молодаго питомца своего выдалбливаніемъ заданныхъ уроковъ, не утомлялъ его скучнымъ сидѣньемъ надъ книгой и не отбивалъ у него тѣмъ охоты къ ученію. Первоначальныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи онъ передалъ ему въ видѣ разказовъ; элементарныя же понятія изъ естественныхъ наукъ преподавалъ незамѣтно, нагляднымъ образомъ, объясняя законы физики и химіи по мѣрѣ того какъ представляла къ тому удобный случай сама жизнь. Гремѣлъ ли громъ и сверкала молонія, шелъ ли дождь, падалъ ли градъ или перекидывалась по небу полосатою лентой радуга, онъ объяснялъ причины этихъ явленій; любуясь восходомъ или закатомъ солнца или усѣяннымъ звѣздами небомъ, разъяснялъ законы движенія небесныхъ свѣтилъ; вспыхивали ли догоравшіе въ каминѣ уголья, онъ незамѣтно прочитывалъ цѣлую, исполненную самаго живаго для ребенка интереса, лекцію о химическомъ составѣ воздуха и твердыхъ тѣлъ, о законахъ горѣнія и свѣта. Самыя гулянья не проходили безъ научной пользы: гербаризовали или собирали коллекціи камней и разныхъ ископаемыхъ, причемъ объяснялись шутя основныя начала ботаники, минералогіи и органической химіи. Такимъ образомъ опытный педагогъ мимоходомъ передавалъ питомцу своему всѣ тѣ свѣдѣнія которыя такъ трудно передаются и еще труднѣе удерживаются на скучныхъ и утомительныхъ урокахъ. Закону Божію и русскому языку училъ Аркадія сельскій священникъ. Надзоръ за нравственнымъ развитіемъ сына Баклановъ хотѣлъ было, какъ я уже сказалъ, оставить за собою; но, узнавъ ближе Тисса, всецѣло ввѣрилъ его ему, да и хорошо сдѣлалъ; потому что Аркадій былъ отъ природы робокъ и наставленія и замѣчанія дѣлаемыя имъ всегда рѣзкимъ и начальственнымъ тономъ болѣе пугали его нежели приносили дѣйствительную пользу. Вообще отношенія сына къ отцу основаны были на какомъ-то безотчетномъ страхѣ, на уваженіи подчиненнаго

къ строгому начальнику, а не на сыновней любви и взаимномъ довѣріи; а потому между ними никогда не могло быть искренности, а тѣмъ менѣе интимности. Эта натянутость и неестественность отношеній не могли не имѣть невыгоднаго вліянія на развитіе характера Аркадія и положили на немъ свою особую складку, которая уже не изгладилась во всю жизнь его.

Подростала и Оля; и для нея взята была Француженка. Mme Coudert не была ни un bas bleu, ни эмигрантка съ легитимистскими убѣжденіями, ни радикалка, ни соціалистка, а женщина очень обыкновенная, кроткаго и веселаго нрава, подъ часъ не въ мѣру болтливая, какъ и бо́льшая часть Француженокъ, безъ особыхъ капризовъ, какъ и безъ особыхъ тенденцій. Она была не безъ талантовъ: очень хорошо рисовала и была порядочная музыкантша, словомъ, соединяла въ себѣ всѣ тѣ качества которыхъ Баклановы искали въ гувернанткѣ для своей дочери и были ею вполнѣ довольны.

Дѣло воспитанія шло впередъ, незамѣтно прошли шесть лѣтъ съ поступленія Тисса въ домъ Баклановыхъ, Аркадію было уже двѣнадцать, — настало время везть его въ Петербургъ. Нечего и говорить о разставаніи съ нимъ Софьи Львовны. Конечно мать Остапа и Андрія, провожая ихъ въ Запорожскую Сѣчу и прощаясь съ ними можетъ-быть навсегда, не пролила, просидѣвъ надъ ними круглую ночь, столько горючихъ слезъ, сколько пролила ихъ она, разставаясь съ своимъ дорогимъ, несравненнымъ Аркадіемъ. Баклановъ долженъ былъ чуть не силой вырвать его изъ ея объятій.

Аркадій, благодаря полученной подготовкѣ, выдержалъ экзаменъ изъ первыхъ, и Баклановъ, поручивъ его попеченіямъ сестры и одного изъ старыхъ своихъ сослуживцевъ, возвратился домой вкушать отъ плодовъ трудовъ своихъ. Такъ, посѣявъ свою ниву, съ спокойнымъ духомъ утѣшаясь сознаніемъ добросовѣстно исполненной работы, возвращается къ себѣ на отдыхъ усталый земледѣлецъ. „Землю удобрилъ кажется недурно, думаетъ онъ; и вспахалъ хорошо, и посѣялъ вовремя; а что̀ на ней уродится и что̀ придется съ нея убрать, одному Господу извѣстно.“

Не на отдыхъ и не на радость возвратился Баклановъ домой. На другой же день пріѣзда его Оля послѣ обычной вечерней прогулки съ гувернанткой почувствовала страшную головную боль; ночью съ ней сдѣлался бредъ и на слѣдую-

щій день открылась нервная горячка. Приглашенъ былъ изъ города лучшій докторъ; но несмотря на всѣ медицинскія пособія, а можетъ-быть и благодаря имъ, болѣзь все усиливалась и на пятый день ея не стало. Не беру на себя описывать отчаяніе овладѣвшее Софьей Львовной,—она пришла въ состояніе какого-то изступленія близкаго къ умопомѣшательству. Съ трудомъ могли ее оторвать отъ бездыханнаго трупа дочери и въ продолженіе девяти дней она была между жизнію и смертію. Бакланова эта неожиданная утрата также очень огорчила; но онъ умѣлъ сосредоточивать въ себѣ волновавшія его чувства и перенесъ это семейное горе стоически. Онъ всячески старался утѣшить жену свою, говорилъ ей что у нихъ еще осталась дочь, на которую она можетъ перенесть всю материнскую любовь свою; но это лишь болѣе раздражало ее, и она просила чтобъ и имя ея при ней произносимо не было. На десятый день ей сдѣлалось наконецъ какъ будто нѣсколько лучше, и Баклановъ, проведшій у постели ея девять безсонныхъ ночей, уже на разсвѣтѣ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ чтобы хотя сколько-нибудь подкрѣпить себя сномъ. Не раздѣваясь бросился онъ на диванъ; но едва успѣлъ закрыть глаза, какъ дверь съ шумомъ отворилась. Онъ снова открылъ ихъ — предъ нимъ стояла Софья Львовна. Распущенные волосы въ безпорядкѣ лежали на ея полуобнаженныхъ плечахъ, глаза блестѣли какимъ-то неестественнымъ огнемъ, щеки пылали и грудь тяжело подымалась отъ неровнаго дыханія.

— Хочешь чтобъ я завтра же была покойна и здорова? сказала она взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

Баклановъ вскочилъ съ дивана и смотрѣлъ на нее въ нѣмомъ удивленіи.

— Если хочешь, то обѣщай мнѣ исполнить мою просьбу.

— Если это только въ силахъ моихъ, едва могъ онъ проговорить, не сводя съ нея глазъ.

— Я сейчасъ видѣла во снѣ Олю, продолжала Софья Львовна, опустившись въ изнеможеніи на диванъ.—Она подошла ко мнѣ въ томъ самомъ платьѣ въ которомъ ее положили въ гробъ, вся въ цвѣтахъ, бросилась ко мнѣ на шею и, рыдая, умоляла меня взять къ себѣ вмѣсто нея Олиньку Кузмину. Другъ мой, успокой и ее, и меня.

Баклановъ въ раздумьи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Просьба эта не столько удивила, сколько огорчила

его. Взять въ домъ вмѣсто дочери, то-есть усыновить, чужую дѣвочку, когда своя собственная дочь живетъ безъ всякой вины въ загонѣ, чуть не въ дѣвичьей, мысль эта возмущала его отцовское сердце. Онъ въ порывѣ негодованія хотѣлъ было уже высказать женѣ что Богъ потому и наказалъ ее что она такъ несправедлива къ Лизѣ; но воздержался, боясь этимъ окончательно убить ее. Да и отказать ей, думалъ онъ, въ ея просьбѣ наотрѣзъ страшно: не прошло и трехъ дней какъ жизнь ея была на волоскѣ, и такой рѣшительный отказъ можетъ пожалуй не менѣе гибельно подѣйствовать на нее, женщина она нервная, раздражительная. Да и почему знать: можетъ-быть получивъ согласіе мое взять Олиньку она изъ благодарности ко мнѣ будетъ ласковѣе и къ Лизѣ, тогда какъ отказъ еще болѣе ее востановитъ противъ нея. Къ тому же онѣ почти одних лѣтъ; можетъ-быть сдружатся, и одна дружба эта уже облегчитъ положеніе Лизы. Всѣ эти соображенія молніей пробѣжали въ головѣ его.

— Подумай, Alexandre, продолжала Софья Львовна не сводя съ него своего пылающаго взгляда. — И зовутъ ее Ольгой, и въ добавокъ даже Александровной. Вѣдь это перстъ Божій.

И она подняла руку къ небу.

Въ эту минуту лихорадочной экзальтаціи она похожа была на Пиѳію прорѣкающую свои проблематическія предсказанія. Баклановъ, взглянувъ на нее, пораженъ былъ ея болѣзненно-возбужденнымъ состояніемъ.

— Что жь, сказалъ онъ, боясь дальнѣйшимъ молчаніемъ повергнуть ее въ какой-нибудь новый и можетъ-быть уже смертельный нервный припадокъ,—если ты полагаешь что уже таково опредѣленіе Божіе,—пусть будетъ по твоему.

Софья Львовна, рыдая, бросилась благодарить его, умоляла на другой же день ѣхать къ Кузьминымъ, и Бакланову стоило не малаго труда уговорить ее подождать еще хотя недѣлю чтобы дать сколько-нибудь окрѣпнуть ея изнуреннымъ болѣзнію силамъ.

Ровно чрезъ недѣлю Баклановы уже ѣхали шестерикомъ въ каретѣ по Кудеяровской дорогѣ.

III.

Олинька Кузьмина была дочь небогатаго помѣщика, жившаго въ небольшомъ имѣніи своемъ въ пяти верстахъ отъ Кудеярова. Мать ея еще ребенкомъ, оставшись круглою сиротою, взята была отцомъ Софьи Львовны въ домъ, гдѣ и воспитывалась вмѣстѣ съ нею, хотя была нѣсколькими годами старше ея. Она попала на руки Mme de Bélicourt когда ей было уже болѣе двѣнадцати лѣтъ и потому понятно не могла воспользоваться тѣмъ воспитаніемъ которое получила Софья Львовна; да и Mme de Bélicourt, кичившаяся своими quartiers de noblesse, несмотря на неоднократныя замѣчанія старика Кудеярова, не охотно давала уроки бѣдной, безпріютной дѣвочкѣ, считая это несовмѣстнымъ съ своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, и обращалась съ нею съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. Вслѣдствіе этого все полученное Глашей воспитаніе ограничилось тѣмъ что она едва могла сказать по-французски двѣ, три затверженныя фразы, произнося ихъ такъ что Французъ пожалуй и не догадался бы что она говоритъ на его родномъ языкѣ, да, благодаря сельскаго священника, обучавшаго ее русской грамотѣ, могла съ грѣхомъ пополамъ написать несвязное письмо по-русски. Вообще она играла въ домѣ жалкую роль: люди на каждомъ шагу давали ей чувствовать кто она и какая разница между нею, безпріютною сиротою, и ихъ барышней; Француженка заставляла ее играть съ Соней, исполнять ея капризы, занимать и забавлять ее. Впрочемъ помимо нравственнаго вліянія которое могло имѣть на развитіе характера дѣвочки грустное положеніе ея въ Кудеяровскомъ домѣ, все же, живя въ немъ, она получила хотя какое-нибудь образованіе, котораго, оставленная одна на произволъ судьбы, конечно получить не могла бы; игры же и занятія ея съ Соней съ каждымъ днемъ мало-по-малу сближали ихъ и наконецъ скрѣпили ихъ взаимныя отношенія если не дружбой, то привычкой. Такъ незамѣтно шли годы пока наконецъ не вышла она замужъ за сосѣда-помѣщика, человѣка уже не молодаго, кавказскаго героя, который, вышедъ съ полнымъ пенсіономъ въ отставку, поселился хозяйничать въ небольшомъ имѣніи своемъ.

Александръ Семенивичъ Кузьминъ былъ что-называется старый служака и вынесъ съ собою изъ фронтовой службы всѣ тѣ качества которыя такъ рѣзко характеризуютъ отставныхъ военныхъ. Онъ былъ человѣкъ прямой и правдивый, камня за пазухой держать не любилъ, и что̀ зналъ или чувствовалъ, высказывалъ чистосердечно напрямикъ, безо всякихъ обиняковъ, за что̀ былъ очень уважаемъ въ сосѣдствѣ. Всю жизнь свою провелъ онъ въ кругу солдатъ, въ походахъ и экспедиціяхъ противъ горцевъ; а потому въ пріемахъ его была какая-то рѣзкость и угловатость, отзывавшіяся солдатскою выправкой. Болѣе десяти лѣтъ бывъ ротнымъ командиромъ, онъ привычку свою къ порядку и дисциплинѣ перенесъ и на хозяйство, былъ взыскателенъ и строгъ, но справедливъ, и крестьяне столько же боялись сколько и любили его. Ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ дѣятеленъ не по годамъ: во время посѣвовъ и уборки объѣзжалъ самъ поля, лично надзиралъ за молотьбой и ссыпкой хлѣба, словомъ, хозяйскій глазъ его слѣдилъ за всѣмъ и дѣйствительно небольшое хозяйство его шло великолѣпно. Онъ нѣжно любилъ жену свою и дѣтей, которыхъ подъ часъ даже черезчуръ баловалъ, что̀, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ слабостей большей части старыхъ инвалидовъ. Глафира Андреевна была женщина тихая и добрая, всецѣло преданная семейнымъ и домашнимъ заботамъ. Она искренно любила мужа, заботилась о немъ и ухаживала за нимъ какъ за ребенкомъ. Вообще между мужемъ и женой было такое невозмутимое согласіе, они такъ довольны были тѣмъ тихимъ счастіемъ которымъ наслаждались въ мирномъ уголкѣ своемъ что едва ле реступали вы порогъ ихъ небольшаго, но всегда чисто убраннаго дома, какъ и вами невольно овладѣвало чувство душевнаго спокойствія и довольства.

У Кузминыхъ было пятеро дѣтей: четыре сына и дочь. Два старшихъ воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, младшій въ гимназіи. Александръ Семеновичъ хотѣлъ и всѣхъ пустить по военной службѣ, но уступилъ просьбамъ жены.

— Что̀ если, избави Богъ, откроется война, говорила она,— и вдругъ всѣхъ ихъ у насъ перебьютъ! А тутъ по крайней мѣрѣ хоть двое останутся намъ подъ старость лѣтъ на утѣшеніе.

— А развѣ это не утѣшеніе, если всѣ лягутъ за вѣру и

царя, отвѣчалъ онъ.—На то они и дворяне, за то имъ и почетъ ото всѣхъ что долгъ ихъ за вѣру и царя кровь свою проливать; а чтобы бумаги кропать да карманы свои набивать, на то есть канцелярское сѣмя. Миша,—говорилъ онъ старшему сыну, семилѣтнему мальчику,—что если на царя нападетъ Французъ или Нѣмецъ, либо какой другой недобрый человѣкъ?

— Я ему голову сорву, отвѣчалъ тотъ не задумываясь.

— Молодецъ, говорилъ цѣлуя его въ лобъ Александръ Семеновичъ.—Не только вражьей головы, и своей собственной для царя щадить не слѣдуетъ. На то ты и дворянинъ чтобы за него грудью стоять.

Дома при старикахъ оставалась одна дочь. Она была лишь тремя мѣсяцами моложе старшей дочери Баклановыхъ и названа была Ольгой вслѣдствіе усиленной просьбы Софьи Львовны. „Если Богъ и вамъ дастъ дочь, говорила она Глафирѣ Андреевнѣ, когда та пріѣхала къ ней на крестины,—назовите и ее Ольгой. Онѣ будутъ почти ровесницы и стали бы онѣ какъ и мы рости и воспитываться вмѣстѣ: мнѣ вѣдь все равно держать гувернантку что для одной, что для двухъ. При моей и ваша выучилась бы и языкамъ и музыкѣ. Свою я звала бы Олей, а вашу Оленькой и любила бы обѣихъ одинаково.“ И обѣ матери отъ избытка чувствъ прослезились и обнявшись долго плакали.

Черезъ три мѣсяца у Глафиры Андреевны дѣйствительно родилась дочь, и несмотря на желаніе Александра Семеновича назвать ее въ честь покойной его матери Лукерьей, нарѣчена была во святомъ крещеніи Ольгою; предположенія же насчетъ воспитанія обѣихъ дѣвочекъ подъ надзоромъ одной гувернантки въ домѣ Баклановыхъ остались одними предположеніями. Правда, Софья Львовна не разъ говорила объ этомъ мужу; но тотъ постоянно отговаривалъ ее отъ ея намѣренія.

— Какъ брать чужаго ребенка на свои руки, отвѣчалъ онъ ей;—подумай какую мы взяли бы на себя отвѣтственность предъ Богомъ и людьми.

Да Кузмины серіозно и не разчитывали на этотъ планъ, составленный въ минуту сердечныхъ изліяній, и какъ не имѣли средствъ дать дочери дома хотя мало-мальски порядочное образованіе, то и хлопотали о помѣщеніи ея на казенный счетъ въ мѣстный институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Въ этомъ дѣлѣ содѣйствовалъ имъ и Баклановъ, но всѣ хлопоты его остались безуспѣшны. Ему отвѣчали очень вѣжливо и какъ будто резонно что всѣ казенныя вакансіи зачислены за сиротами, у дѣвицы же Ольги Кузминой есть отецъ и мать. Баклановъ возражалъ что хотя у дѣвицы Кузминой дѣйствительно есть отецъ и мать, но средства ихъ несравненно ограниченнѣе средствъ сиротъ помѣщенныхъ на эти вакансіи. Отвѣта на это возраженіе никакого не было; тѣмъ дѣло и кончилось.

— Нѣтъ, говорила пригорюнившись Глафира Андреевна;— видно на казенный коштъ воспитывать могутъ дочерей своихъ люди богатые, да знатные; а для нашего брата, бѣднаго и безпомощнаго дворянина, двери эти заперты.

— Да и не зачѣмъ, утѣшалъ ее Александръ Семеновичъ;— дѣвочка не мальчикъ. Къ чему ей ученость? знала бы грамоту, была благонравна, да научена какъ по закону мужа любить, дѣтей въ страхѣ Божіемъ воспитывать и Богу какъ слѣдуетъ молиться; а остальное все само-собой приложится.

Таково было семейство Кузминыхъ, къ которымъ съ извѣстною намъ цѣлью отправились Баклановы.

Былъ вечеръ, одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ первой половины сентября, когда солнце садится какъ разъ во-время, чтобы день и ночь, смѣняясь не въ ущербъ другъ другу, могли дать возможность насладиться какъ грѣющими, но уже не жгущими лучами солнца, такъ и живительною вечернею прохладой. Кузминъ только-что возвратился съ поля гдѣ домолачивали горохъ и возили на гумно запоздалыя копны проса и, надѣвъ халатъ, сидѣлъ у отвореннаго окна, прихлебывая изъ стакана горячій чай и покуривая свою коротенькую, походную трубку. Глафира Андреевна сидѣла у стола предъ ярко-вычищеннымъ какъ зеркало самоваромъ и выложивъ на подносъ для старой няньки два куска сахару, запирала стоявшую подлѣ нея на стулѣ чайную шкатулку. Оленька кормила остатками своего полдника большую меделянскую собаку. Уже сѣло солнце, и вдалекѣ противъ окна на багряной полосѣ ярко догаравшей зари рѣзкими чертами обрисовывались угловатые контуры водяной мельницы. На дворѣ было тихо, лишь доносился равномѣрный стукъ работавшихъ на мельницѣ колесъ, смѣшанный съ шумомъ падавшей съ нихъ воды, да отъ времени до времени долетали

изъ виднѣвшагося за прудомъ села блеяніе овецъ и голоса загонявшихъ ихъ бабъ и мальчишекъ.

— Что это такое? сказалъ вдругъ старикъ, пристально вглядываясь въ даль.—Карета шестерикомъ, да еще никакъ на нашу дорогу свернула.

Глафира Андреевна подошла къ окну.

— И въ самомъ дѣлѣ карета, сказала она, глядя по направленію дороги.—Кто же бы это такой могъ быть?

— Въ заправду карета, кричала Оленька, успѣвшая уже вскарабкаться на стулъ и съ любопытствомъ слѣдившая за приближавшимся экипажемъ. — И лошади все бѣлыя такія.

— Кто же это такой? повторяла въ недоумѣніи Глафира Андреевна,—и придумать не могу.

— А кому же больше и быть какъ не Александру Васильевичу; сказалъ наконецъ еще не совсѣмъ рѣшительно Кузминъ.

— И Богъ знаетъ что выдумаетъ. Жена умираетъ; а онъ станетъ по гостямъ разъѣзжать. Статочное ли это дѣло.

Кузмины уже знали какъ о смерти Оли, такъ и о болѣзни Софьи Львовны.

— Онъ же и есть, сказалъ Александръ Семеновичъ послѣ минутнаго молчанія.—Вонъ и Савельичъ сидитъ на козлахъ.

— И то Савельичъ, согласилась Глафира Андреевна.—Что же это такое значитъ?

Кузминъ всталъ и пошелъ переодѣваться. Глафира Андреевна засуетилась: приказала скорѣе подогрѣвать самоваръ, надвинула на плечи спавшую съ нихъ кофту, оправила на Оленькѣ платье и причесала ея растрепавшіеся волосы.

— Что бы это значило? продолжала она разсуждать сама съ собою, то подходя къ окну, то устанавливая и переставливая стулья.

Баклановы бывали у Кузминыхъ рѣдко и то обыкновенно проѣздомъ отъ Кудеяровыхъ, къ которымъ ѣзжали также почти исключительно лишь въ дни ихъ именинъ, а потому это неожиданное посѣщеніе въ такое необычное время страшно интриговало ее. Минуты черезъ двѣ карета проѣхала мимо окна къ подъѣзду и изъ нея выглядывала Софья Львовна.

— Сама она! Что это такое? всплеснула руками Глафира Андреевна.—Ну, слава Богу! Стало-быть выздоровѣла, сказала она перекрестясь и побѣжала встрѣчать гостей на

крыльцо. Вслѣдъ за нею вышелъ и успѣвшій уже переодѣться Александръ Семеновичъ. Встрѣча была самая трогательная.

— Вы знаете мое горе, сказала Софья Львовна бросившись къ Глафирѣ Андреевнѣ и обѣ горько заплакали.

— Успокойтесь, прилягте, да отдохните немного съ дороги, уговаривала хозяйка гостью, вводя ее въ домъ.

— А вотъ моя Олечка, сказала она подводя ее къ Софьѣ Львовнѣ.

Та поцѣловала ее и подарила бонбоньерку. Дѣвочка робко, какъ бы не охотно, взяла ее и съ недовѣрчивостію, смѣшанною со страхомъ, глядѣла на пріѣзжую, хотя и не совсѣмъ незнакомую ей барыню.

— Ты какъ будто бы не узнаешь и боишься меня, говорила лаская ее Софья Львовна.

— Она у меня такая дикая, вмѣшалась, желая ободрить дочь, Глафира Андреевна;—она такъ рѣдко видитъ чужихъ. Олечка,—обратилась она къ ней;—или ты ихъ не помнишь? Онѣ еще къ намъ зимой пріѣзжали съ хорошенькою барышней, которая тебѣ такъ понравилась.

— Это что вотъ недавно умерла-то? спросила съ грустною интонаціей въ полголоса Оленька.

— Боже! какъ она на нее похожа! Какъ она мнѣ ее собою напоминаетъ! зарыдала снова Софья Львовна.

— Послушайте, Глафира Андреевна, сказала она вдругъ, поднявшись съ дивана, — мнѣ надо поговорить съ вами объ очень серіозномъ дѣлѣ.

И взявъ ее за руку она пошла въ сосѣднюю комнату.

— Я къ вамъ съ убѣдительною просьбой, сказала она затворивъ за собою дверь. — Спасите меня!

И она упала предъ нею на колѣна.

— Что вы? Христосъ съ вами! засуетилась около нея совершенно растерявшаяся Глафира Андреевна, дѣлая всевозможныя усилія чтобы поднять ее на ноги.

— Не встану пока вы не дадите клятвы исполнить мою просьбу.

— Все что хотите, бормотала та, не помня себя отъ волненія и сама не понимая что говоритъ.

— Отдайте мнѣ вашу Оленьку.

Слова эти обдали ее какъ холодною водой, и она остановилась на мѣстѣ безъ движенія какъ ошеломленная.

— Я буду для нея второю матерью, буду любить больше

чѣмъ дочь, говорила восторженно Софья Львовна.—При ней будетъ та же гувернантка которая была взята для моей покойной Оли. Она будетъ окружена всѣми возможными заботами и попеченіями; когда она выростетъ, я пріищу ей богатаго жениха, все равно какъ для родной дочери своей, выдамъ ее замужъ, словомъ, сдѣлаю все что только отъ меня будетъ зависѣть для ея полнаго счастія.

Глафира Андреевна молча выслушала весь этотъ потокъ словъ и все еще никакъ не могла собраться съ мыслями. Она сознавала всю выгоду предложенія, очень хорошо понимала что она далеко не въ состояніи была дать дочери того воспитанія которое она могла получить у Баклановыхъ; но и не менѣе хорошо знала по собственному опыту что такое жизнь бѣдной дѣвушки въ чужомъ богатомъ домѣ. Правда, она сама нѣкогда желала этого; но тогда Оленьки еще не было на свѣтѣ, теперь же ей было уже восемь лѣтъ и она успѣла привыкнуть къ ней. Но если, съ одной стороны, ей тяжело было разстаться съ ней какъ съ единственнымъ оставшимся при ней дѣтищемъ; то съ другой, то же самое чувство материнской любви побуждало ее рѣшиться на это самопожертвованіе. Останавливало ее еще одно обстоятельство: она знала нелюбовь Софьи Львовны къ Лизѣ, была увѣрена что она станетъ оказывать Оленькѣ всевозможныя предъ нею предпочтенія; но каково же будетъ чрезъ это самое положеніе Оленьки въ домѣ Баклановыхъ и какія будутъ отношенія ея къ Лизѣ? какъ будетъ на все это смотрѣть Александръ Васильевичъ? какъ будутъ смотрѣть родные, близкіе знакомые, наконецъ, собственные люди? Не будутъ ли они при всякомъ удобномъ случаѣ колоть глаза ея бѣдной, ни въ чемъ неповинной Олечкѣ? Не будутъ ли всячески стараться вымѣстить на ней свое затаенное, сдерживаемое, но вполнѣ справедливое негодованіе на Софью Львовну? Всѣ эти и тысячи другихъ мыслей толпились въ ея головѣ.

— Рѣшайтесь, приставала къ ней съ умоляющимъ взоромъ Софья Львовна.—Не мечтали ли мы когда-то объ этомъ сами? И вотъ Господь Богъ устраиваетъ по нашему тогдашнему желанію. Не томите же меня; но помните что слово ваше можетъ какъ возвратить меня къ жизни, такъ и окончательно убить.

— Послушайте, проговорила наконецъ нерѣшительно Глафира Андреевна;—вѣдь вы хотите взять у меня послѣднее

утѣшеніе которое осталось мнѣ въ жизни; у васъ же есть еще....

— Я знаю что вы хотите сказать, перебила ее Софья Львовна;—и глаза ея засверкали, раздулись ноздри и на щекахъ выступили красныя пятна.—Но вѣдь это истуканъ, это деревяшка безъ всякихъ чувствъ. Какая же между нами можетъ быть симпатія? Это крестъ ниспосланный на меня Богомъ.

— Я вовсе не о томъ хотѣла рѣчь держать, спѣшила перебить ее въ свою очередь Глафира Андреевна, уже раскаиваясь что затронула эту щекотливою струну.—Я хотѣла только сказать что Лизанька вамъ все же родная дочь, и какъ же это Олечка вдругъ сядетъ ей что-называется на голову?

— Если вы уже принимаете такое участіе въ моей дочери, отвѣтила сухо Софья Львовна;—то скажу вамъ что при Оленькѣ и ея положеніе будетъ лучше. Она вмѣстѣ съ ней будетъ брать уроки у Mme Coudert, будетъ вмѣстѣ съ нею подъ ея надзоромъ рости и воспитываться. Держать же особую гувернантку для какой-нибудь идіотки было бы и смѣшно, и глупо.

— Повѣрьте, я не столько изъ участія къ Лизанькѣ, сколько по любви своей къ Олечкѣ, бормотала та, какъ бы оправдываясь.—Согласитесь, какое неловкое положеніе займетъ она въ вашемъ домѣ, если вы будете оказывать ей больше нѣжности и любви нежели собственной вашей дочери. Какъ будутъ на это смотрѣть Александръ Васильевичъ и родные ваши? Вѣдь этакъ долго ли и до семейнаго раздора, и всему будетъ безъ вины виновата все моя же Олечка. Вотъ вѣдь толкъ-то въ чемъ.

— Понимаю опасенія ваши, сказала, задумавшись, Софья Львовна,—и хотя не полагаю чтобъ они были основательны, для успокоенія вашего и для огражденія Оленьки отъ всякихъ возможныхъ нареканій и непріятностей въ будущемъ даю вамъ слово измѣнить сколько будетъ въ силахъ моихъ и отношенія мои къ дочери и положеніе ея въ домѣ, такъ что Оленька со дня вступленія въ него сдѣлается и моимъ утѣшеніемъ, и благодѣтельницей Лизы. Довольны вы?

Глафира Андреевна колебалась.

— Дайте мнѣ подумать, говорила она умоляющимъ голосомъ,—дайте сроку хоть до утра. Опять-таки вы сами знаете, у нея не я одна, у нея есть и отецъ.

— Совершенно справедливо, сказала Софья Львовна,—и мы сейчасъ узнаемъ его мнѣніе.

И не давъ ей опомниться она отворила дверь въ залъ.

Баклановъ уже успѣлъ объяснить Кузьмину цѣль своего пріѣзда, и тотъ какъ человѣкъ практичный и прямой сразу понялъ всю выгоду предложенія и принялъ его съ искреннею благодарностію.

— Александръ Семеновичъ, сказала Софья Львовна, войдя въ залъ;—я сейчасъ объяснила Глафирѣ Андреевнѣ цѣль нашего пріѣзда, вамъ вѣроятно передалъ о ней Александръ Васильевичъ. Отъ васъ зависитъ принять или отвергнуть нашу просьбу.

Старикъ въ короткихъ, но глубоко прочувствованныхъ, словахъ повторилъ ей только-что сказанное имъ ея мужу, въ заключеніе поцѣловавъ ея руку.

Глафира Андреевна стояла на одномъ мѣстѣ безъ движенія, какъ обвиненный выслушивающій свой смертный приговоръ...

Но не станемъ описывать раздирающей сцены разставанія матери съ дочерью. Баклановы, переночевавъ въ Кузминкѣ, на другой день рано утромъ уѣхали. Проводы были, разумѣется, самые трогательные.

— Помните же обѣщаніе ваше, говорила Глафира Андреевна, прощаясь съ Софьей Львовной.

— Помню, отвѣчала та, крѣпко обнимая ее, — помню, и вотъ вамъ моя рука что свято исполню его.

Проводивъ дочь, долго еще сидѣли старики у отвореннаго окна, слѣдя глазами за удалявшеюся каретой.

— О чемъ ты такъ грустишь и горюешь, Глаша? спросилъ наконецъ Александръ Семеновичъ когда карета скрылась за дальнимъ бугромъ.—Не хлопотали ли мы съ тобой сами помѣстить Олечку въ институтъ? Тогда бы она и вовсе жила отъ насъ за двѣсти верстъ, а до Баклановъ настоящихъ и пятидесяти не наберется. Будемъ ѣздить навѣщать ее; да и Софья Львовна, кажется, очень ее полюбила.

— Ахъ, другъ ты мой, грустно отвѣтила она ему, — тамъ была бы она на общемъ положеніи какъ и другія. Не ты, такъ государь за твою службу платилъ бы за нее; хлѣбъ она ѣла бы свой собственный; а чужой, я по себѣ сужу, подчасъ куда какъ бываетъ горекъ.

IV.

Софья Львовна сдержала свое слово. Возвратясь домой, она тотчасъ же позвала Лизу, сказала ей что Богъ взамѣнъ умершей сестры посылаетъ ей другую, что она должна любить ее какъ и первую и въ заключеніе приказала ей съ Оленькой поцѣловаться. Она одѣла ихъ въ одинаковыя платья, перевела Лизу въ комнату которую занимала ея сестра, гдѣ помѣстила вмѣстѣ съ нею и Оленьку и приказала Mme Coudert заниматься равно какъ съ тою, такъ и съ другою, не дѣлая между ними никакого различія. Въ томъ же смыслѣ отданы были приказанія и домашней прислугѣ. Баклановъ и радовался, и удивлялся этой неожиданной перемѣнѣ; онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и не зналъ чему приписать ее. Не менѣе его удивлялись и Mme Coudert, и старая няня, и вся прислуга; они всѣ смотрѣли на Оленьку какъ на ниспосланнаго съ неба ангела-умиротворителя и съ перваго же дня полюбили ее, словомъ, она поступила въ домъ Баклановыхъ при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ. Впрочемъ, Оленька вполнѣ того заслуживала: это былъ прелестный ребенокъ, если только семилѣтнюю дѣвочку можно назвать ребенкомъ. Она была стройна и довольно высокаго по годамъ своимъ роста, свѣтлорусые волосы густыми прядями спускались на ея бѣлыя, хотя и нѣсколько загорѣлыя, пухлыя плечики; бойкіе, каріе глаза глядѣли и лукаво, и привѣтливо. Несмотря на робость и застѣнчивость, которыя легко объяснялись уединенною захолустною жизнію Кузминыхъ, движенія ея были развязны и граціозны какъ движенія молодаго котенка; голосъ мягкій и симпатичный. Правда, въ первое время Софьѣ Львовнѣ стоило не малаго труда отучить ее отъ дурныхъ привычекъ и непринятыхъ въ порядочномъ обществѣ тривіальныхъ словъ и выраженій, перенятыхъ ею отъ окружавшихъ и на которыя и сама Глафира Андреевна была не очень разборчива. Она должна была останавливать и поправлять ее почти на каждомъ шагу; но это продолжалось недолго и Оленька вскорѣ же отвыкла отъ нихъ. Характера она была живаго и воспріимчиваго; она очень скоро сошлась съ Лизой и полюбила ее какъ родную сестру. Баклановъ, любуясь ихъ дѣтскими играми, не могъ нарадоваться

на нихъ, хотя въ то же время не могъ не видѣть и огромной между ними разницы. Насколько одна была мила и граціозна, настолько другая неловка и непривлекательна. Въ болѣзненномъ видѣ Лизы, въ бѣлесовато-желтыхъ волосахъ ея, въ анемичномъ цвѣтѣ кожи, съ слѣдами золотухи на щекахъ и шеѣ, было что-то далеко не симпатичное, почти отталкивающее; постоянно красные глаза ея смотрѣли тупо и безжизненно; въ движеніяхъ была вялость, въ характерѣ какая-то апатичность. Несмотря на все это она была отъ природы дѣвочка не глупая и съ очень добрымъ сердцемъ; но съ самаго рожденія до того забита и запугана дурнымъ обращеніемъ матери и несправедливою взыскательностію и строгостію гувернантки что въ характерѣ ея развились недовѣрчивость и сосредоточенность, заставлявшія ее казаться не коротко ее знавшимъ тупою и нелюдимою. Сообщество Оленьки принесло ей въ этомъ отношеніи большую пользу. Живая и веселая, она не давала ей углубляться въ самое себя, тормошила или тащила ее играть и бѣгать по саду. Та сначала упиралась, даже сердилась, но потомъ, видя невозможность постояннаго сопротивленія, сдѣлалась податливѣе и тѣмъ охотнѣе позволяла распоряжаться собою что инстиктивно сознавала что Оленька дѣлала все это изъ любви къ ней и желая раздѣлить съ нею свои дѣтскія забавы. Мало-по-малу между ними установилась интимность: чистосердечіе Оленьки вызвало и Лизу на откровенность; онѣ стали передавать другъ другу свои тайны, свои тревоги и опасенія. Вѣдь и у дѣтей есть свои тайны и надо отдать имъ справедливость: они подъ часъ умѣютъ хранить ихъ лучше взрослыхъ и стариковъ. Черезъ полгода Лизу узнать было трудно. Она измѣнилась какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи: на блѣдныхъ щекахъ ея появился легкій румянецъ; и смотрѣла она веселѣе и осмысленнѣе и въ движеніяхъ ея было больше энергіи и развязности. Въ ней уже не было этой вѣчной, безотчетной боязни за себя, этой пришибленности; она глядѣла и самоувѣреннѣе и самостоятельнѣе. Баклановъ молча радовался этой метаморфозѣ; Mme Coudert приписывала ее новой принятой ею методѣ воспитанія, хотя она въ дѣлѣ воспитанія не держалась ровно никакой методы; сама Софья Львовна не могла не замѣтить ея; она сдѣлалась къ Лизѣ внимательнѣе, стала даже иногда ласково разговаривать съ нею.

У Оленьки оказались способности нетолько къ наукамъ и языкамъ, но и къ музыкѣ, въ особенности же къ рисованію. Черезъ два года она говорила по-французски и по-нѣмецки очень хорошо и свободно (Mme Coudert была Альзаска и знала оба языка), ко дню же именинъ Софьи Львовны нарисовала тайкомъ отъ всѣхъ, разумѣется съ помощію Mme Coudert, и поднесла ей очень отчетливо исполненную дѣтскую головку, что конечно растрогало ее до слёзъ. „Mais c'est un prodige que cette enfant", твердила, разводя руками Француженка.

Пріѣзжали отъ времени до времени въ Бакланы провѣдать дочь свою и Кузмины и всякій разъ не могли вдоволь наглядѣться и нарадоваться не нее. Глафира Андреевна сначала боялась чтобъ она, отвыкнувъ отъ нихъ, не разлюбила ихъ, — боялась даже чтобъ она окруженная роскошью и обществомъ людей воспитанныхъ и образованныхъ не стала гнушаться родными своими, людьми бѣдными и простыми; но непритворная радость ея и искреннія слезы при встрѣчахъ и разставаньи, дѣтская заботливость и предупредительность во время пребыванія въ Бакланахъ всякій разъ окончательно разсѣивали ея опасенія.

— Кладъ послалъ намъ Господь Богъ въ Олечкѣ, говорилъ Александръ Семеновичъ, возвратившись домой.

Глафира Андреевна вмѣсто отвѣта утирала навернувшіяся на глазахъ слезы и затѣпливъ свѣчку предъ иконой Богоматери Скорбящихъ Радости въ горячихъ молитвахъ изливала предъ нею благодарность свою.

Успокоившись на счетъ неизмѣнности чувствъ Оленьки, она не менѣе того боялась за будущность которую готовило ей получаемое ею у Баклановыхъ воспитаніе; особенно же пугала ее наклонность ея къ музыкѣ и рисованію.

— На что ей эта музыка и рисованіе? говорила она мужу,— лишь отъ другихъ путныхъ занятій отвлекаютъ. И что мы съ такою воспитанною да образованною станемъ дѣлать? За нашего брата неуча не пойдетъ; а богатый и образованный ее безприданницу за себя не возметъ, и будетъ она вѣкъ свой въ дѣвкахъ сидѣть.

— А что жь такое, отвѣчалъ Александръ Семеновичъ.—Что нищихъ-то размножать; ихъ и такъ много.

— Да и вѣкъ волосами трясти толку тоже нѣтъ.

— Съ образованіемъ она всегда добудетъ себѣ кусокъ

хлѣба: не выйдетъ замужъ, пойдетъ въ наставницы либо гувернантки.

— И пустишь ты дочь свою по бѣлу свѣту мыкаться? говорила Глафира Андреевна, въ испугѣ выкативъ на мужа удивленные глаза.

— Почему жъ? хлѣбъ онѣ ѣдятъ не краденый.

— Чтобъ Олечка когда сдѣлалась Кудершей или Беликуршей? Избави Богъ ее дойти до такой низкости.

Глафира Андреевна уважала лишь вещественный трудъ, какъ приносящій видимую, осязаемую пользу, на всякій же другой, а тѣмъ болѣе на изящныя искусства смотрѣла какъ на пустую забаву, пригодную лишь для потѣхъ богатыхъ, праздныхъ людей; и если она такъ хлопотала дать Оленькѣ воспитаніе, то никакъ не потому чтобы сознавала въ томъ насущную потребность для нея самой, а потому что того требовалъ свѣтъ, „ужь больно сталъ прихотливъ и привередливъ“. Вслѣдствіе такого міросозерцанія гувернеры и гувернантки были въ глазахъ ея пустой ни на что̀ не нужный народъ, выдумавшій все это образованіе лишь для того чтобъ обирать честныхъ людей и кормиться его трудовыми денежками. Да и Александръ Семеновичъ высказалъ свою мысль вовсе не потому чтобы таково въ самомъ дѣлѣ было его убѣжденіе, а такъ, благо подвернулось ему кстати гдѣ-то имъ слышанное на языкъ; самъ же онъ никогда не рѣшился бы отпустить дочь свою, молодую дѣвушку, одну, въ чужіе люди.

Я уже сказалъ что Баклановъ поселившись въ имѣніи своемъ посвятилъ себя хозяйству и улучшенію быта крестьянъ своихъ. Онъ завелъ сельскую школу, учредилъ ссудныя кассы, устроилъ больницу, обратилъ особое вниманіе на распространеніе трезвости и уменьшеніе праздничныхъ, прогульныхъ дней, даже сдѣлалъ опытъ самоуправленія и самосуда; но вскорѣ же убѣдившись что мужикъ для этого послѣдняго дѣла еще недостаточно развитъ, долженъ былъ отказаться отъ своей попытки. Школы же въ двѣнадцать лѣтъ его управленія уже успѣли принести осязаемую пользу.

Вскорѣ кругу дѣятельности его суждено было расшириться: приближалась крестьянская реформа. Помѣщики много толковали, спорили, кричали, писали проекты. Баклановъ принималъ сначала въ преніяхъ этихъ дѣятельное участіе, по иниціативѣ его возбуждены были и обсужены многіе серіозные вопросы, онъ былъ такъ-сказать въ этомъ дѣлѣ коно-

водомъ; но когда явились люди которые увлекшись духомъ новаторства и дурно ли, хорошо ли понятаго ими либерализма, стали требовать того чтò не согласовалось съ его убѣжденіями, онъ счелъ обязанностію своею сдерживать этотъ порывъ. „Господа, говорилъ онъ, я вполнѣ сочувствую великому дѣлу предстоящей реформы, сознаю что вмѣстѣ съ полноправіемъ является для крестьянина и насущная потребность какъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи, такъ и въ улучшеніи матеріальнаго быта его, то-есть необходимо учрежденіе народныхъ школъ, ссудныхъ кассъ, установленіе на прочныхъ основаніяхъ частнаго кредита и т. п.; но тѣмъ не менѣе убѣжденъ я и въ томъ что при настоящей неразвитости своей, пришибленности и полномъ обезличеніи вслѣдствіе долголѣтней безправности, онъ положительно не въ состояніи будетъ справиться съ самоуправленіемъ и самосудомъ, которые вы хотите дать ему. Ему надо хорошенько освоиться со своимъ личнымъ полноправіемъ и новыми обязанностями, прежде нежели самостоятельно приняться за общественныя дѣла. Давайте же подвигаться впередъ по предстоящему пути не торопливымъ, а осмотрительнымъ шагомъ, чтобы позже не пришлось двигаться по немъ раковымъ ходомъ.“ Большинство людей положительныхъ сочувствовало ему; но увлеченное общимъ потокомъ не имѣло достаточно гражданскаго мужества чтобы прямо выразить ему свое сочувствіе и открыто примкнуть къ нему. Болѣе рьяные стали называть его отсталымъ и ретроградомъ, нашлись даже такіе которые обозвали его крѣпостникомъ хотя и сами сознавали какъ мало шелъ къ нему этотъ эпитетъ; но Баклановъ не обращалъ на все это никакого вниманія и до самаго конца остался себѣ вѣренъ. „Мы дошли до Рубикона, говорилъ онъ, переступить за который не дозволяютъ мнѣ убѣжденія до которыхъ я дошелъ путемъ долголѣтняго опыта и добросовѣстнаго изученія дѣла. Я могу, конечно, ошибаться, но я привыкъ говорить лишь то чтò чувствую и считаю недостойнымъ себя отказаться отъ своихъ воззрѣній только потому что они не согласуются съ господствующими въ данную минуту воззрѣніями и потому до поры до времени буду держаться особнякомъ. Когда же вопросъ выработается надлежащимъ образомъ и предполагаемая реформа сдѣлается обязательнымъ для всѣхъ учрежденіемъ, я безпрекословно подчинюсь ей въ той формѣ и

томъ размѣрѣ въ которыхъ она утверждена будетъ закономъ, какъ выраженію общественнаго требованія, и готовъ служить этому святому дѣлу всѣми силами своими."

И дѣйствительно, когда обнародовано было положеніе 19го февраля, Баклановъ предложилъ свои услуги правительству, былъ назначенъ мировымъ посредникомъ и всецѣло посвятилъ себя своей новой обязанности.

V.

Незамѣтно прошло восемь долгихъ лѣтъ со дня водворенія Оленьки въ домѣ Баклановыхъ. Ей пошелъ уже шестнадцатый годъ; она выросла, похорошѣла и почти вполнѣ сформировалась. Ея развившіяся формы уже приняли ту мягкость и округлость очертаній, которыя даютъ столько чарующей прелести стройному и гибкому стану молодой дѣвушки. Еще несобранные въ косу густые, русые волосы, обрамляя ея очаровательное личико, падали на плеча волнистыми прядями и, разсыпаясь по нимъ, еще рѣзче выказывали матовую бѣлизну ихъ. Движенія ея были просты и граціозны: въ нихъ не было и тѣни той натянутости и принужденности которыми грѣшатъ большинство нашихъ деревенскихъ барышень и которыя такъ много вредятъ имъ. Характеръ ея не утратилъ своей живости и веселости, часто и теперь раздавался ея звонкій, дѣтскій смѣхъ; лишь глаза ея смотрѣли ужь не такъ бойко и беззаботно и порой въ сосредоточенномъ взглядѣ ея можно было прочесть глубоко затаившуюся думу. Да было ей о чемъ и подумать. Замѣчено что дѣти и преимущественно дѣвочки выросшія въ чужомъ домѣ развиваются не по годамъ. Оленька въ пятнадцать лѣтъ уже смотрѣла на жизнь съ ея положительной стороны, а развертывалась она предъ нею не совсѣмъ въ радужномъ свѣтѣ. Несмотря на материнскія попеченія которыми продолжала окружать ее Софья Львовна, и на отцовскую любовь и привязанность къ ней Александра Васильевича, она понимала что она все-таки не у себя дома и что положеніе ея у Баклановыхъ основано не на какихъ-либо родственныхъ или другихъ отношеніяхъ, а на мимолетной причудѣ, на капризѣ богатой барыни, и что самое полученное ею воспитаніе было не болѣе какъ дѣломъ част-

ной благотворительности. Сознаніе это, съ одной стороны, возмущало ея щекотливое самолюбіе, а съ другой — налагало на нее долгъ благодарности, то-есть такой долгъ, уплатить который она не предвидѣла возможности. Она хотя и дала себѣ клятву посвятить всю жизнь свою, если нужно пожертвовать самой собою, для исполненія этой лежавшей на ней святой обязанности; но легко могла пройти и вся жизнь ея не представивъ ни одного удобнаго къ тому случая. Эта мысль преслѣдовала и мучила ее какъ неотвязчиво преслѣдуетъ человѣка его собственная тѣнь.

Дружба ея съ Лизой росла и крѣпла съ каждымъ днемъ: она буквально полюбила ее какъ родную сестру. Да она и стоила того: это была дѣвушка ангельской кротости. Проведенные въ загонѣ дѣтскіе годы не возстановили ея ни противъ матери, ни противъ людей, не развили въ ней ни чувства зависти, ни злобы, какъ это въ подобныхъ случаяхъ большею частью бываетъ, а лишь наложили печать какой-то тихой, сосредоточенной грусти. Несмотря на перемѣну въ обращеніи матери, она и теперь нерѣдко терпѣла отъ нея напраслину, но переносила вспышки ея безропотно, съ какою-то безотчетною покорностью судьбѣ, и спѣшила искать себѣ утѣшенія въ дружескихъ объятіяхъ своей нареченной сестры. И странное дѣло: Баклановъ все это видѣлъ, нерѣдко даже возмущался этими ничѣмъ не мотивированными вспышками, но постоянно держался въ сторонѣ, какъ бы не считая себя въ правѣ становиться между матерью и дочерью, точно также какъ не любилъ чтобъ и жена его вмѣшивалась въ отношенія его къ сыну. Такъ ужь видно сложились его убѣжденія.

Аркадій кончалъ курсъ; онъ долженъ былъ лѣтомъ быть выпущенъ офицеромъ въ гвардію, и Баклановъ хлопоталъ о назначеніи его въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, которымъ командовалъ его старый товарищъ по службѣ, для того чтобъ имѣть возможность лучше слѣдить за нимъ. Между отцомъ и сыномъ шла постоянная переписка. Аркадій писалъ акуратно два раза въ мѣсяцъ, и хотя коротенькія письма его по содержанію своему походили на рапортички подаваемыя дежурными офицерами по начальству, старикъ оставался ими вполнѣ доволенъ. „Не надо мнѣ этихъ размазываній, да сердечныхъ изліяній, говорилъ онъ; мнѣ нужно дѣло.“ Въ послѣднемъ письмѣ своемъ Аркадій, увѣдомляя

отца о благополучномъ исходѣ экзаменовъ, писалъ что будущій командиръ его обѣщалъ послѣ лагерей дать ему отпускъ на двадцать восемь дней для свиданія съ родными, и что онъ просилъ отпустить его на сентябрь мѣсяцъ, чтобъ имѣть возможность именины матери и сестры провести съ ними.

— Какія нѣжности, замѣтилъ Баклановъ, читая письмо женѣ,—и что за аккомодаціи такія съ начальствомъ,—баловство одно.

„Итакъ, заключалъ Аркадій, ровно черезъ два мѣсяца я наконецъ крѣпко прижму васъ къ своему сердцу.“

— Вотъ еще какъ, сказазалъ старикъ, складывая прочитанное письмо. — Въ наше время у отцовъ и матерей цѣловали драгоцѣнныя ручки; а нынче ужь прямо къ сердцу прижимаютъ.

— Но развѣ ты не видишь что слова эти вырвались у него помимо его воли, заступилась за сына Софья Львовна,— что они выражаютъ какъ нельзя лучше и теплоту сыновней любви, и нетерпѣніе съ которымъ онъ ждетъ этого свиданія.

Баклановъ изъ-подлобья полунасмѣшливо взглянулъ на жену, но не сказалъ ни слова.

Длинны показались для матери эти нескончаемые два мѣсяца. Чтобы скоротать какъ-нибудь время она даже сдѣлала таблицу дней остававшихся до пріѣзда Аркадія, и каждый вечеръ ложась спать вычеркивала на ней истекшее число, какъ дѣлаютъ школьники, думая скоротать тѣмъ время остающееся до выпуска. Наступило наконецъ и четвертое сентября, а Аркадій не пріѣзжалъ.

— А Лизины именины завтра, сказалъ Баклановъ за обѣдомъ.—Посмотримъ: пріѣдетъ ли такъ нѣжно любящій братъ обрадовать по обѣщанію сестру свою.

Наступило и пятое, а Аркадія все еще не было.

Утромъ, по возвращеніи отъ обѣдни, Софья Львовна, бывшая въ этотъ день въ очень хорошемъ расположеніи духа, подарила Лизѣ великолѣпныя серьги съ брошкой.

— Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, сказала она, поцѣловавъ ее въ лобъ.—А вотъ это за брата, добавила она, и крѣпко прижала къ сердцу. Это былъ первый искренній материнскій поцѣлуй. Лиза совершенно растерялась и ловила руку матери чтобы покрыть ее поцѣлуями. Пораженная и вмѣстѣ тронутая этимъ необычнымъ зрѣлищемъ не могла

совладѣть съ собою и Оленька: она бросилась къ нимъ, цѣлуя и обнимая то ту, то другую. Онѣ всѣ три плакали, плакали навзрыдъ и всѣ три въ эту минуту были такъ счастливы что конечно не согласились бы промѣнять своего свѣтлаго счастія ни на какое блаженство въ мірѣ.

Узнавъ отъ Лизы о происшедшемъ сближеніи ея съ матерью, повеселѣлъ и Александръ Васильевичъ, и чтобы не отравлять семейной радости, во весь день не упоминалъ объ Аркадіи. Для полнаго счастія Лизы не доставало только чтобъ и онъ въ этотъ день пріѣхалъ; но онъ какъ нарочно не пріѣзжалъ.

Такъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ прошли еще три дня. Баклановъ, начинавшій уже серіозно тревожиться не случилось ли чего съ сыномъ, послалъ въ Петербургъ телеграмму и получилъ въ отвѣтъ извѣщеніе что тотъ выѣхалъ еще перваго сентября.

— Что же это такое? спрашивалъ онъ самъ себя. — Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ загостился въ Москвѣ, у тетки, зная что мы по его же письму ждемъ его?

И онъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

Наступило наконецъ двѣнадцатое. Былъ ясный день. Баклановъ сидѣлъ на балконѣ, докуривая свою сигару, предъ нимъ по ту сторону омывавшаго садъ пруда тянулась, убѣгая вдаль, обсаженная ветлами большая К—ская дорога. Вдругъ среди общей тишины послышался колокольчикъ. Онъ невольно взглянулъ по направленію дороги; сначала на ней изъ-за густо разросшихся ветелъ ничего не было видно кромѣ поднимавшейся вдалекѣ и косвенно относимой вѣтромъ въ сторону пыли; потомъ показалась быстро подвигавшаяся темная точка и минуту спустя уже можно было довольно ясно различить летѣвшій что-называется на всѣхъ парахъ ямской тарантасъ съ сидѣвшимъ въ немъ въ бѣлой фуражкѣ сѣдокомъ. „Онъ", подумалъ про себя Баклановъ. И дѣйствительно, тарантасъ проѣхавъ прудъ повернулъ на плотину и чрезъ минуту пронесся мимо сада къ подъѣзду. Изъ лакейской послышался шумъ голосовъ смѣшанный съ радостными восклицаніями. Баклановъ всталъ и тихими шагами вошелъ въ домъ.

Въ залѣ у дверей въ переднюю стоялъ Аркадій съ повисшею у него на шеѣ матерью; нѣсколько поодаль стояли Лиза съ Оленькой. Софья Львовна, не умѣвшая ни въ чемъ

держаться середины, душила сына въ своихъ объятіяхъ, вмѣстѣ и смѣялась, и плакала. Лиза робко, въ нерѣшимости поглядывала то на группу матери съ братомъ, то на Оленьку, то на вошедшаго отца, какъ бы недоумѣвая чтò ей дѣлать со своею особой. Оленька, казалось, отъ искренняго сердца любовалась этою семейною сценой и съ любопытствомъ разсматривала пріѣхавшаго незнакомца.

Увидавъ отца Аркадій бросился къ нему на встрѣчу.

Тотъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— Выросъ, сказалъ онъ, осматривая его съ ногъ до головы.—Начали и усы пробиваться, какъ и слѣдуетъ корнету. Чтò же ты съ сестрами не поздороваешься?

Аркадій поцѣловалъ Лизу и молча пожалъ руку Оленькѣ.

— Ну, теперь объясни намъ гдѣ же это ты такъ замѣшкался? спросилъ Баклановъ.

— Все это, право, случилось такъ неожиданно, оправдывался Аркадій какъ провинившійся школьникъ предъ своимъ начальникомъ.—Вопервыхъ, изъ Петербурга, вмѣсто перваго, какъ предполагалъ, едва могъ я вырваться лишь пятаго....

— Какъ пятаго? перебилъ его отецъ.—Меня Павелъ Петровичъ увѣдомилъ телеграммой что ты выѣхалъ изъ Петербурга перваго.

Аркадій видимо сконфузился.

— Дѣйствительно, прощаясь съ Павломъ Петровичемъ, я сказалъ ему что выѣзжаю на другой же день, проговорилъ онъ несовсѣмъ твердо;—но кое-какія формальности, проводы товарищей, все это задержало меня на три дня лишнихъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ, и тетушка Марья Васильевна никакъ не хотѣла отпустить меня больнаго.

— Все это прекрасно, сказалъ выслушавъ его хладнокровно Баклановъ,—но подумалъ ли ты о томъ что до конца твоего отпуска осталось всего семнадцать дней, и что въ эти дни ты долженъ еще будешь съѣздить къ дядѣ Ѳедору Львовичу за пятьдесятъ верстъ, да къ тетушкѣ Варварѣ Васильевнѣ за двѣсти. Если ты пробудешь у нихъ и по одному дню, такъ все-таки проѣздишь цѣлую недѣлю. Сколько же тебѣ времени останется съ нами пробыть?

— Но вѣдь на это, папаша, у насъ теперь такъ строго не смотрятъ: можно нѣсколько дней и просрочить или взять свидѣтельство о болѣзни.

— То-есть начать службу неакуратностью или обманомъ? Нѣтъ, братъ, это ужь шалишь: надѣлъ лямку, такъ и тяни ее. Перваго октября срокъ; тридцатаго сентября изволь быть въ Петербургѣ.

— Но, другъ мой, вмѣшалась было Софья Львовна,—какъ же онъ все это успѣетъ сдѣлать въ такое короткое время?

— Это ужь дѣло его, отрѣзалъ Баклановъ голосомъ недопускавшимъ возраженія и сталъ говорить съ сыномъ о другихъ предметахъ.

Неожиданное рѣшеніе это отравило радость свиданія и очень огорчило Софью Львовну. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ восьми лѣтъ разлуки увидать сына лишь на нѣсколько дней, для нервной и раздражительной женщины было съ чего съума сойти; но она хорошо знала своего мужа; знала что когда дѣло шло объ исполненіи долга, на него нельзя было подѣйствовать ни мольбами, ни слезами, ни даже истерическими припадками и что въ въ настоящемъ случаѣ пытаться уговорить его измѣнить принятое имъ рѣшеніе было бы напрасною тратой времени.

Она вечеромъ долго совѣщалась съ сыномъ какъ бы помочь дѣлу другими путями, но ничего придумать не могла: не ѣхать къ ея брату за пятьдесятъ верстъ, было неловко, тѣмъ болѣе что жена его была женщина очень взыскательная; не ѣздить же къ сестрѣ Александра Васильевича нечего было и думать, — одинъ намекъ на это онъ принялъ бы за кровное оскорбленіе. Рѣшено было что Аркадій пробудетъ въ Бакланахъ до семнадцатаго, то-есть до именинъ матери; на другой же день поѣдетъ къ роднымъ, а къ двадцать пятому возвратится, чтобъ уже остальные два, три дня провести вмѣстѣ.

Слѣдующій день прошелъ для всѣхъ скучно и натянуто. Старикъ былъ недоволенъ сыномъ за его неакуратность. Софья Львовна дулась на мужа за его неумѣстный ригоризмъ; Лиза, и безъ того необщительная, еще болѣе сосредоточилась въ самое себя: съ одной стороны, на нее имѣло вліяніе дурное расположеніе духа стариковъ, — съ другой, она такъ мало знала Аркадія что не могла привыкнуть смотрѣть на него какъ на брата; Оленька чувствовала себя при немъ въ домѣ Баклановыхъ какъ-то неловко, будто не на своемъ мѣстѣ. Самъ Аркадій былъ до того озадаченъ и сконфуженъ сдѣланнымъ ему отцомъ пріемомъ, да еще въ присутствіи

почти незнакомыхъ ему молодыхъ дѣвушекъ, что окончательно потерялъ подъ ногами почву и смотрѣлъ не какъ пріѣхавшій въ провинцію блестящій гвардейскій офицеръ, а какъ только-что пойманный въ шалости и оштрафованный школьникъ. Даже Mme Coudert, обыкновенно веселая и разговорчивая, подъ вліяніемъ общей натянутости какъ-то жалась и видимо была не въ своей тарелкѣ.

Натянутость эта продолжалось бы еще можетъ-быть долго еслибы не положило ей конецъ неожиданное обстоятельство, которое, казалось бы, должно было еще болѣе усилить ее. На третій день пріѣзда, Аркадій за часъ до обѣда отправился съ сыномъ управляющаго, гостившимъ подобно ему у родныхъ своихъ, на верхъ поиграть на билліардѣ. Не разчиталъ ли онъ времени, или увлекся игрой, но не замѣтилъ какъ насталъ обѣденный часъ. Обѣдъ былъ сервированъ и недоставало только его чтобы сѣсть за столъ. Баклановъ послалъ ему сказать что его ждутъ. Прошло еще десять минутъ и онъ пригласилъ всѣхъ идти въ столовую.

— Семеро одного не ждутъ, сказалъ онъ;—а старику и одному семерыхъ молодыхъ ждать не приходится.

Лиза хотѣла было бѣжать за Аркадіемъ въ билліардную; но онъ остановилъ ее.

— Разъ сказано и довольно, сказалъ онъ сухо.

Сѣли за столъ; всѣ молчали. Софья Львовна поминутно посматривала на дверь, но Аркадій не приходилъ. Обѣдъ ужь приближался къ концу, когда онъ наконецъ вошелъ.

— Съ выигрышемъ или съ проигрышемъ? спросилъ старикъ, не поднимая глазъ съ своей тарелки.

Аркадій извинялся, оправдываясь какъ могъ, и хотѣлъ сѣсть за столъ.

— Тебѣ ужь лучше не дождаться ли какъ мы пообѣдаемъ? сказалъ отецъ:—Тебѣ начинать обѣдъ съ пирожнаго пріятнаго мало; да и намъ смотрѣть какъ ты начнешь его съ супа и ждать пока догонишь насъ, удовольствія будетъ немного. Тебѣ бы закурить пока папироску, оно бы уже какъ разъ на ресторанъ было похоже: одни обѣдаютъ, другіе играютъ на билліардѣ, третьи въ ожиданіи пока принесутъ имъ заказанную порцію покуриваютъ себѣ. И отлично: всякій лишь о себѣ думаетъ. Сестры-то твои кстати въ ресторанахъ еще не бывали.

Аркадій совершенно растерялся и, не зная что̀ ему дѣлать,

отошелъ къ окну. Обѣдъ впрочемъ скоро кончился; Софья Львовна ушла въ гостиную, Александръ Васильевичъ по обыкновенію къ себѣ въ кабинетъ. Сцена сдѣланная ему отцомъ до того озадачила, сконфузила и вмѣстѣ оскорбила Аркадія что слезы чуть не выступили у него на глазахъ. Онъ выпилъ стаканъ воды, постоялъ еще минуту у окна чтобы сколько-нибудь оправиться, и вошелъ въ гостиную, гдѣ нашелъ все дамское общество въ полномъ сборѣ. Софья Львовна сидѣла на диванѣ и плакала; Лиза стояла у стола и опустивъ глаза перебирала пальцами концы своего фартука; Оленька сидѣла въ углу у окна видимо взволнованная: ноздри ея раздувались отъ сдерживаемаго ею негодованія и грудь тяжело подымалась. Всѣ молчали; говорила одна Mme Coudert.

— Où sont donc aprés cela les droits de l'homme? тараторила она около Софьи Львовны.—M. Arcadie n'est plus un enfant. Et puis il y a manière et manière.

— Не стыдно ли тебѣ, Аркадій, сказала ему съ упрекомъ Софья Львовна.—Ты знаешь какъ отецъ всегда и во всемъ пунктуаленъ и какъ требуетъ и отъ другихъ той же пунктуальности. Что̀ бы тебѣ стоило сойти къ обѣду вовремя?

— Мнѣ право и въ голову не приходило чтобъ изъ такого вздора......

— Ну вотъ и скушалъ урокъ. Хорошъ?

— Можетъ-быть и хорошъ, только не сытенъ, сказалъ стараясь улыбнуться Аркадій.—Признаюсь вамъ: ѣсть страшно хочется.

Всѣ расхохотались. Софья Львовна отъ слезъ мгновенно перешла къ истерикѣ отъ разбиравшаго ее смѣха. Дѣвушки и Mme Coudert бросились хлопотать объ обѣдѣ.

Столовою избрана была комната Оленьки, какъ болѣе отдаленная, чтобы не могъ доходить стукъ ножей и тарелокъ до кабинета гдѣ отдыхалъ старикъ.

— C'est à vous à faire les honneurs de la maison, mademoiselle Olga, говорила Mme Coudert.

— A la guerre comme à la guerre, отвѣчала Оленька, составляя съ своего рабочаго столика стоявшія на немъ безделушки и покрывая его салфеткой.

Принесенъ былъ почти полный обѣдъ. Проголодавшійся Аркадій ѣлъ съ большимъ апетитомъ; надъ нимъ много шутили, смѣялись и въ какой-нибудь часъ болѣе сблизились

нежели въ предшествовавшіе два дня. Вечеръ прошелъ весело и оживленно: играли и въ petits jeux и въ jeux d'esprit.

Въ слѣдующіе три дня молодые люди или лучше сказать взрослыя дѣти сошлись еще ближе, и когда на четвертый Аркадій, отпраздновавъ матеренины именины, уѣзжалъ дѣлать свой объѣздъ, ему казалось что онъ прожилъ въ Бакланахъ цѣлый годъ.

— Смотри опять не замѣшкайся, не заболѣй и у этой тетки, говорилъ отецъ, провожая его на крыльцо.

— Будьте покойны, двадцать пятаго въ шесть часовъ утра буду здѣсь.

— Посмотримъ. Давши слово, надо сдержать его.

И дѣйствительно въ назначенный день еще до разсвѣта къ крыльцу подъѣхала коляска и изъ нея выпрыгнулъ Аркадій.

— Что̀ исправно такъ исправно, улыбался здороваясь съ нимъ старикъ, ровно въ шесть часовъ вышедшій изъ кабинета съ сигарою въ зубахъ.

Вскорѣ поднялся и весь домъ. За завтракомъ держали совѣтъ какъ употребить и если возможно какъ бы продлить оставшіеся три дня.

— Еслибъ изъ нихъ можно было сдѣлать хоть четыре, сказала Оленька со вкрадчивою улыбкой взглянувъ на Бакланова.

За нею какъ бы сговорясь взглянули на него и всѣ остальные; но онъ спокойно продолжалъ курить свою сигару и казалось ничего не слышалъ и не замѣчалъ.

— Je ne vois qu'un moyen, подала голосъ свой Mme Coudert;—c'est de prendre les jours sur les nuits.

Совѣтъ ея принятъ былъ единогласно и положено было расходиться не раньше трехъ часовъ ночи. Но несмотря на всѣ эти ухищренія три дня прошли въ свой положенный срокъ и наступилъ роковой день разставанья.

— Завтра тебѣ надо выѣхать пораньше, чтобы не опоздать въ городъ къ отъѣзду почтовой кареты, сказалъ еще наканунѣ, прощаясь съ Аркадіемъ, отецъ.

Въ семь часовъ утра онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и оставался съ нимъ наединѣ больше часа. Когда они вышли, у Аркадія глаза были красны; у старика по лицу хотя ничего нельзя было замѣтить, но по всему видно было что между ними произошло полное примиреніе.

Сѣли за завтракъ, до котораго впрочемъ никто не коснулся. Когда часы пробили девять, старикъ всталъ.

— Пора и въ путь, сказалъ онъ.—Помолимтесь Богу.

По заведенному изстари традиціонному обычаю, онъ заперъ двери и пригласилъ всѣхъ сѣсть. Послѣ минутной торжественной тишины, онъ молча всталъ и положилъ три крестные поклона. Всѣ послѣдовали его примѣру.

— Ну, Христосъ съ тобою, сказалъ онъ, перекрестивъ Аркадія и поцѣловавъ его на обѣ щеки.—Не позабудь что я давича говорилъ тебѣ: помни что ты представитель древняго благороднаго рода Баклановыхъ и что на тебѣ лежитъ священный долгъ поддерживать уваженіе къ имени которое съ честью и гордостью носили твои предки. Не пренебрегай и акуратностью: c'est la politesse des rois и безъ нея плохой ты будешь царскій слуга.

И онъ еще разъ перекрестилъ и поцѣловалъ его.

Софья Львовна до того рыдала, прощаясь съ сыномъ, что не могла выговорить ни слова. Ей дали нюхать какіе-то спирты и соли, мочили голову одеколономъ и холодною водой и въ заключеніе почти вынесли на рукахъ на крыльцо, гдѣ и посадили въ кресло.

— Вотъ вамъ на память отъ насъ обѣихъ, сказала Аркадію Оленька, когда онъ подошелъ прощаться съ нею, и она подала ему акварельный портретъ Лизы.

Портретъ этотъ былъ нарисованъ ею во время поѣздки Аркадія къ теткѣ. Онѣ съ Лизой долго придумывали какой бы сдѣлать ему сюрпризъ и наконецъ остановились на портретѣ. Сходство было разительное.

— Да ты, Оля, артистка; тебѣ надо съ твоимъ талантомъ ѣхать въ Академію, говорилъ Александръ Васильевичъ, любуясь имъ.—Ты бы ему и свой на память нарисовала.

— Пробовала, не могу, отвѣтила покраснѣвъ Оленька.

Лиза лукаво взглянула на нее. Дѣло въ томъ что она нарисовала и свой, но подарить его Аркадію рѣшиться не могла.

— И не нужно, je le porte dans mon coeur, сказалъ тотъ шутливо, приложивъ руку къ сердцу.

Оленька ничего не сказала. Слова эти и тонъ съ которымъ они были сказаны какъ-то болѣзненно подѣйствовали на нее; лишь принужденная улыбка судорожно скривила ея губки.

Простившись еще разъ съ отцомъ и матерью, Аркадій подошелъ и къ ней.

— Можетъ-быть и вы когда-нибудь обо мнѣ вспомните, сказалъ онъ, крѣпко сжимая ея руку.

Оленька молчала; рука ея была холодна какъ ледъ. Онъ взглянулъ на нее и увидалъ катившуюся по щекѣ ея слезу.

Что значила эта какъ бы украдкой скатившаяся слеза, эта furtiva lagrima? Льетъ слезы и безутѣшное горе, льетъ ихъ подчасъ и тихая, свѣтлая радость. Не съ дрожащею ли на лепесткахъ слезой привѣтствуетъ и роза восходящее солнце?

VI.

Съ отъѣздомъ Аркадія Баклановскій домъ какъ бы опустѣлъ: вмѣсто оживленной, лихорадочно-возбужденной дѣятельности наступила мертвая тишина и потекла обыденная жизнь своимъ обычнымъ чередомъ. Софья Львовна жаловалась на разстроенные нервы и почти не выходила изъ своей спальни, продушенной лавровишневыми и другими противунервными каплями; Александръ Васильевичъ сталъ молчаливѣе обыкновеннаго и по цѣлымъ часамъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ съ сигарой въ зубахъ и заложенными за спину руками; Лиза глядѣла какъ-то разсѣянно и не могла приняться ни за какое дѣло; всегда согласовавшаяся съ общимъ настроеніемъ духа скучна была и Mme Coudert; но грустнѣе всѣхъ была Оленька. Почему она была такъ грустна, она и сама не могла дать себѣ отчета. Скучала и грустила она, казалось ей, потому что она въ это короткое время успѣла такъ привыкнуть къ Аркадію что безъ него ей какъ будто бы чего-то недоставало. Онъ нравился ей уже потому что такъ рѣзко отличался отъ обыкновенныхъ посѣтителей Бакланова какъ образомъ мыслей и способомъ ихъ выраженія, такъ и самыми пріемами своими. Онъ былъ ловокъ и находчивъ, и когда хотѣлъ, очень забавенъ и остроуменъ, съ нею же всегда любезенъ и предупредителенъ; да и кромѣ того въ немъ было что-то симпатичное, что-то такое что невольно влекло къ нему. Съ самаго пріѣзда своего онъ возбудилъ въ ней къ себѣ участіе какъ крайне неласковымъ пріемомъ сдѣланнымъ ему отцомъ, такъ и постоянно сухимъ, начальственнымъ его съ нимъ обращеніемъ; съ того же дня какъ онъ оставленъ былъ безъ обѣда и она угощала его въ комнатѣ своей, она привязалась къ нему какъ къ брату, и въ

остальные дни, казалось ей, иначе на него ужь не смотрѣла. Если сказанныя имъ при прощаніи слова шутливымъ тономъ своимъ почему-то и болѣзненно подѣйствовали на нее, то когда онъ подошелъ къ ней во второй разъ и крѣпко сжавъ ея руку просилъ ее вспоминать иногда и о немъ, въ выраженіи лица его и въ самомъ голосѣ было столько искренности что она ему тутъ же простила ихъ, и помимо ея воли выкатившаяся слеза досказала то что она не могла высказать словами. Правда, въ эту минуту рядомъ съ братскою къ нему любовью въ ней какъ будто пробудилось еще какое-то другое, до того незнакомое ей чувство, но что это было за чувство, она и сама не знала, хотя и казалось ей что оно должно было еще болѣе привязать ее къ нему, какъ будто даже сулило ей минуты какого-то еще неизвѣданнаго ею блаженства. „Можетъ-быть, думала она, еслибъ онъ остался еще на нѣсколько дней, я уяснила бы себѣ это чувство, можетъ-быть узнала бы и самое блаженство, которое сулило оно; но онъ какъ нарочно тутъ же уѣхалъ и уѣхалъ надолго, быть-можетъ мнѣ уже никогда и не придется снова свидѣться съ нимъ.“ Такъ объясняла себѣ Оленька чувства свои къ Аркадію, такъ объясняла она себѣ и овладѣвшую ею грусть по отъѣздѣ его. Какъ же въ самомъ дѣлѣ было ей не грустить больше чѣмъ грустили другіе?

Не долго впрочемъ суждено было ей и скучать въ Бакланахъ. Не прошло и двухъ недѣль съ отъѣзда Аркадія какъ серіозно заболѣлъ ея отецъ. Она хотѣла непремѣнно ухаживать за нимъ сама, и Баклановы не сочли себя въ правѣ удерживать или отговаривать ее отъ этого намѣренія. У отца былъ ударъ, лишившій его употребленія руки и ноги, и она нашла его въ постели. Какъ ни сильно было желаніе ея быть ему полезною, болѣзнь была такого рода, да и сама она еще была такъ молода и въ этомъ дѣлѣ неопытна что уходъ ея большой пользы больному принесть не могъ, да и оказался почти лишнимъ, такъ какъ кромѣ Глафиры Андреевны при немъ постоянно находился близкій сосѣдъ Кузминыхъ, нѣкто Погорѣловъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, незадолго предъ тѣмъ вышедшій въ отставку и поселившійся въ небольшомъ имѣніи своемъ въ трехъ верстахъ отъ Кузминки. Онъ былъ многимъ обязанъ старику, любилъ его какъ роднато отца и въ продолженіе всей болѣзни его не отходилъ отъ него ни на шагъ. Впро-

чемъ если присутствіе Оленьки приносило больному мало матеріальной пользы, оно принесло нравственную: пріѣздъ ея обрадовалъ и ободрилъ его. Оленька очень хорошо это видѣла и дала себѣ слово не оставлять больнаго отца до полнаго его выздоровленія.

Два мѣсяца проведенные въ Кузминкѣ прошли для нея незамѣтно: въ постоянныхъ заботахъ о больномъ ей почти и не было времени предаваться грусти, которая порой и здѣсь посѣщала ее; къ тому же Лиза отъ времени до времени сообщала обо всемъ что̀ могло интересовать ее, разъ даже пріѣзжала съ отцомъ навѣстить ее сама. Жизнь въ Кузминкѣ даже нравилась ей тѣмъ своеобразіемъ, которымъ отличалась отъ Баклановской, не говоря уже о томъ что здѣсь чувствовала она себя какъ-то болѣе дома, у себя, въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ, съ роднымъ отцомъ, окруженною нѣжными заботами родной матери. Часто ловила она ея устремленный на нее кроткій, полный материнской любви взглядъ, нерѣдко подмѣчала и дрожавшую на рѣсницѣ или катившуюся по исхудалой щекѣ ея слезу, но тутъ же видѣла что это была слеза тихой радости и сердечной благодарности Тому Кѣмъ ниспослана была эта радость. По утрамъ Оленька занималась рисованіемъ: она сняла нѣсколько видовъ живописныхъ береговъ пруда и нарисовала портретъ своей старой няни; вечера же были исключительно посвящены чтенію около постели больнаго. У Погорѣлова была порядочная библіотека, и онъ выбиралъ изъ нея книги которыя могли бы занять и Оленьку, и старика. Онъ много видѣлъ и читалъ, имѣлъ прекрасную память и умѣлъ хорошо передавать все имъ видѣнное и читанное. Иногда по просьбѣ Кузмина разказывалъ онъ эпизоды изъ сдѣланной имъ Крымской кампаніи, и разказы его были полны такого живаго интереса что Оленька всегда слушала ихъ съ большимъ любопытствомъ. Порой любила она слушать и простодушную болтовню старой няни, напоминавшей ей собою ея такъ недавно минувшее дѣтство. Чаще же всего, несмотря на позднее время года, уходила она въ свободные часы въ садъ, въ сопровожденіи огромнаго меделянскаго щенка, котораго уже успѣла выучить носить за собою поноску, и тамъ бродила по опустѣлымъ аллеямъ и занесенному сухими листьями берегу широкаго пруда.

Ударъ сложившій старика въ постель былъ легкій, помощь

подана была своевременно, уходъ за больнымъ былъ самый бдительный, и онъ къ концу двухъ мѣсяцевъ проведенныхъ Оленькой въ Кузминкѣ, чувствовалъ себя настолько хорошо что могъ ходить безъ помощи костыля по комнатѣ и ждалъ лишь саннаго пути чтобъ отвезть Оленьку въ Бакланы и лично поблагодарить Александра Васильевича за посѣщеніе его во время болѣзни.

Ждала его съ нетерпѣніемъ и Оленька, не потому впрочемъ чтобы жизнь въ Кузминкѣ начинала наскучать ей; но она въ послѣднее время не имѣла никакихъ извѣстій изъ Баклановъ, знала какъ Лиза должна была скучать безъ нея и потомъ ей хотѣлось что-нибудь узнать отъ нея и объ Аркадіи. Онъ наканунѣ отъѣзда своего далъ слово Лизѣ писать ей часто, съ условіемъ чтобъ и она акуратно отвѣчала на письма его. Оленька хотя въ договорѣ этомъ лично и не участвовала, могла чрезъ эту переписку знать объ Аркадіи и передавать ему все что̀ хотѣла, конечно не отъ своего лица, а какъ слышанное отъ нея Лизой. Это была своего рода дипломатическая хитрость, которую оба они, разумѣется, очень хорошо понимали, но понимали что-называется каждый про себя.

Установился наконецъ и санный путь, и въ одинъ прекрасный вечеръ семейство Кузминыхъ въ полномъ наличномъ составѣ прибыло въ Бакланы. Общая радость была неописанная; встрѣча конечно не обошлась безъ самыхъ трогательныхъ сердечныхъ изліяній и было уже довольно поздно когда наконецъ Оленька могла удалиться съ Лизой въ ея комнату. Съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидали онѣ обѣ этой минуты: такъ много, казалось имъ, имѣли онѣ о чемъ сообщить другъ другу, хотя въ сущности все это многое, какъ мы сейчасъ увидимъ, сводилось чуть не къ нулю.

— Ну что̀? спросила Оленька, когда онѣ остались наединѣ.

Лиза вмѣсто отвѣта вынула изъ столика цѣлую связку писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ Оленька уже читала въ пріѣздъ Лизы въ Кузминку; остальныя прочитаны были ими тутъ же вмѣстѣ. Въ письмахъ этихъ не было ничего особеннаго, всѣ они были одного содержанія; это были варіанты на одну и ту же тему, такъ что прочитавъ одно, можно было остальныхъ и не читать. Аркадій писалъ въ нихъ что страшно скучаетъ по Бакланамъ и воображаетъ какъ Лиза должна скучать одна безъ Оленьки, что единственное утѣшеніе его

вспоминать о немногихъ счастливыхъ дняхъ проведенныхъ съ ними, что онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ даже объ обѣдѣ изъ-за котораго вышелъ голоднымъ, и что готовъ бы былъ каждый день оставаться безъ обѣда, лишь бы проводить вечеръ такъ какъ онъ провелъ его въ этотъ памятный для него день и т. д. и т. д. Словомъ, вся переписка была дѣтскою забавой. Дѣти и забавлялись по-дѣтски, никакъ не подозрѣвая въ какую опасную играли игру. О перепискѣ этой знали и старики; иногда заставляли они Лизу прочесть полученное ею отъ Аркадія письмо и выслушивали его съ самодовольною улыбкой.

— А вотъ на это, сказала Лиза очень серіозно и озабоченно, — я право не знаю что̀ и отвѣчать.

Въ письмѣ этомъ Аркадій просилъ Лизу убѣдить Оленьку прислать ему свой портретъ. „Если она будетъ отговариваться тѣмъ что не можетъ нарисовать его похожимъ, писалъ онъ, то скажи ей что мнѣ не трудно будетъ дополнить въ воображеніи моемъ то чего будетъ въ немъ недоставать.“

Долго думали что̀ бы отвѣтить и наконецъ рѣшено было написать что если ему такъ хочется имѣть этотъ портретъ, то чтобъ онъ пріѣзжалъ за нимъ самъ. Оленькѣ не хотѣлось посылать Аркадію свой портретъ, а потому она была очень довольна что придумала эту увертку, такъ какъ была увѣрена что онъ пріѣхать въ Бакланы такъ легко не рѣшится. Каковъ же былъ ея испугъ, когда ровно черезъ десять дней полученъ былъ отъ Аркадія отвѣтъ что онъ непремѣнно пріѣдетъ; онъ даже просилъ увѣдомить его къ какому сроку будетъ готовъ портретъ. Разумѣется тотчасъ же отправлено было другое письмо, въ которомъ просили Аркадія такимъ пріѣздомъ не возстановлять противъ себя отца и портретъ обѣщанъ былъ уже безъ всякихъ кондицій. Ему конечно только этого и было нужно.

Переписка эта впрочемъ велась акуратно лишь первые два, три мѣсяца, а тамъ Аркадій началъ запаздывать отвѣтами своими сначала недѣлею, потомъ двумя, и наконецъ цѣлымъ мѣсяцемъ. Самыя письма были короче и носили на себѣ совершенно другой колоритъ; онъ писалъ больше о петербургскихъ удовольствіяхъ, оперѣ, концертахъ, придворныхъ балахъ, словомъ, о такихъ предметахъ которые для Оленьки и Лизы, при ихъ замкнутой, захолустной жизни, представляли мало интереса; о Бакланахъ же и помина

уже не было. Это очень огорчало ихъ; онѣ долго недоумѣвали чему приписать такую перемѣну и наконецъ рѣшили что конечно Аркадій сердится на нихъ за то что онѣ долго не высылаютъ ему обѣщаннаго портрета.

Отдѣльнаго портрета своего Оленька посылать Аркадію не хотѣла и потому придумала нарисовать семейную группу. Мысль свою она сообщила старикамъ, которые конечно аппробовали ее. Группа была нарисована и отправлена и при ней приложено письмо, въ которомъ Лиза писала Аркадію что съ ихъ стороны обѣщаніе исполнено и что не найдетъ ли и онъ возможности подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ исполнить свое. Отвѣтъ на этотъ разъ пришелъ также акуратно какъ и въ прежнее время. Аркадій благодарилъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ за сдѣланный ему сюрпризъ и увѣрялъ что еслибы не служебныя обязанности, то конечно вмѣсто письма пріѣхалъ бы принести благодарность свою самъ, но что впрочемъ надѣется исполнить это не въ дальнемъ будущемъ. Письмо было много длиннѣе предыдущихъ; видно было что Аркадій старался поддѣлаться подъ тонъ прежнихъ своихъ писемъ, но въ поддѣлкѣ этой видно было что-то искусственное, натянутое, вообще письмо грѣшило отсутствіемъ искренности. Оленька, прочитавъ его, вздохнула, но не сказала ни слова. Отвѣтъ Аркадія на слѣдующее письмо былъ уже много короче и запоздалъ на цѣлую недѣлю, на слѣдующее за нимъ слишкомъ на двѣ; на третье же не получалось отвѣта болѣе мѣсяца. „Чтò бы это такое значило? говорила Оленькѣ Лиза, и портретъ посланъ, и онъ, кажется, остался имъ такъ доволенъ; за чтò же еще сердится онъ на насъ?“ Оленька молчала; но по лицу ея было видно какъ грустно было у ней на сердцѣ.

Незамѣтно прошло лѣто; сравнялся ровно годъ съ отъѣзда Аркадія въ Петербургъ. Дни проведенные имъ въ прошломъ году въ Бакланахъ показались Оленькѣ особенно скучны: въ день пріѣзда его она почти не сходила съ балкона, смотря на убѣгавшую въ даль большую дорогу, точно поджидая не покажется ли на ней мчащаяся во весь опоръ ямская тройка и не блеснетъ ли на солнцѣ знакомая ей бѣлая фуражка; въ память оставленія Аркадія безъ обѣда она въ этотъ день не коснулась за столомъ ни до одного кушанья; въ день же отъѣзда его даже немного всплакнула, заперлись въ своей комнатѣ.

Лѣто впрочемъ прошло для нея не совсѣмъ скучно. Въ сосѣднемъ городѣ какой-то академикъ открылъ школу живописи, и Баклановъ, желая развить талантъ Оленьки, пригласилъ его давать ей уроки. Она отъ акварели перешла къ масляньмъ краскамъ и преимущественно занялась лейзажемъ. Въ продолженіе лѣта она сняла нѣсколько видовъ съ живописной Баклановской усадьбы и ея окрестностей, изъ которыхъ нѣкоторыя были такъ хороши что безъ всякой компановки цѣликомъ такъ и просились на полотно. Наступившая же осень, оттѣнивъ окружившія усадьбу вѣковыя деревья и прилегавшій къ ней великолѣпный паркъ всѣми возможными нюансами самыхъ причудливыхъ колеровъ, придала ей съ разброcанными по саду полуразвалившимися гротами и бесѣдками и густо разросшимся между ними кустарникомъ какую-то дикую, самобытную, заманчивую прелесть. Оленька любила бродить по шуршавшимъ подъ ногами листьямъ въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ огромнаго парка, отыскивая для своихъ пейзажей болѣе живописныя мѣстности. Опустѣлый и одичалый видъ его въ позднюю осень почему-то особенно нравился ей; можетъ-быть и потому что согласовался съ ея настроеніемъ духа; да хороши и сами по себѣ ведренные, осенніе дни. Времена года, подобно возрастамъ человѣка, имѣютъ каждое свою собственную, своеобразную, ему одному присущую красоту. Прелестна кудрявая головка лукаво улыбающагося ребенка; упоителенъ долгій, полный сладострастія и нѣги взглядъ черноокой красавицы; очаровательна группа молодой матери, окруженной лепещущими и играющими около нея малютками; но хорошъ и почтенный видъ маститаго старца съ высокимъ, изрѣзаннымъ поперечными морщинами лбомъ и устремленнымъ на васъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, полнымъ передуманныхъ думъ, но еще бодрымъ и самоувѣреннымъ взглядомъ. Прекрасенъ и осенній, ясный день. Уже не жжетъ палящими лучами сентябрьское солнце; разрѣженный, свѣжій воздухъ вдыхается легче и свободнѣе; высоко скользятъ по чистому небу легкія и сѣрыя какъ дымъ облака; блеститъ на солнцѣ опутавшая землю шелковистою сѣтью паутина, ея тонкія подыгранныя вѣтромъ пряди колышатся и носятся въ воздухѣ; рдѣютъ на темной зелени кудрявой рябины сочныя гроздія ея блестящихъ какъ кораллы ягодъ; горитъ пурпуромъ и золотомъ на осинахъ и

березахъ ихъ уцѣлѣвшая листва. Уже начали серебрить землю, усыпая ее мелкою хрустальною пылью, ранніе утренники; сбираясь на отлетъ несмѣтными стаями токуютъ по полямъ грачи,—всюду чувствуется преддверье приближающейся зимы. Словно чей-то неотступный голосъ шепчетъ вамъ на-ухо: спѣшите насладиться этими еще прекрасными и свѣжими какъ бодрая старость днями, этими послѣдними дарами отходящей на покой природы. Скоро, скоро, утомленная полугодовою неустанною работой, заляжетъ міровая кормилица на отдыхъ, укроется своимъ бѣлымъ и теплымъ какъ лебяжій пухъ одѣяломъ и заснетъ полугодовымъ же, богатырскимъ сномъ.

VII.

Прошла осень, наступила и зима съ своими короткими днями и нескончаемыми вечерами. Занесло снѣгомъ паркъ и Оленька должна была отказаться отъ своихъ уединенныхъ прогулокъ. Предъ нею тянулась скучная перспектива полугодоваго домашняго заключенія, съ ежедневнымъ обязательнымъ чтеніемъ по утрамъ *Revue des deux Mondes* для Софьи Львовны, а за вечернимъ чаемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, которыя она, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру Васильевичу, должна была прочитывать ему отъ доски до доски, со всѣми правительственными распоряженіями, производствами и даже объявленіями. Правда, въ Баклановъ получались и другія періодическія изданія, была даже порядочная библіотека и Оленька читала очень много; но она еще была такъ молода что одно чтеніе, какъ оно ее ни интересовало, не могло вполнѣ удовлетворить ее. Кто не живалъ зимою въ деревнѣ, тотъ не имѣетъ понятія до чего скучна и однообразна эта одуряющая стереотипностію своею жизнь, и еслибы тотъ кто первый сказалъ: les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas, прожилъ хотя одну зиму въ нашей степной глуши, конечно взялъ бы свое изреченіе назадъ.

Единственными сколько-нибудь оживленными днями среди монотонной Баклановской жизни были дни привоза изъ города почтовой корреспонденціи; но и они были для Оленьки чѣмъ-то въ родѣ дней розыгрыша лотереи, то-есть днями однихъ напрасныхъ или по крайней мѣрѣ очень рѣдко осу-

ществлявшихся ожиданій. Корреспонденція эта обыкновенно привозилась вечеромъ, когда все общество сидѣло въ залѣ около большаго круглаго стола за чаемъ или рукодѣльемъ и чтеніемъ. Старикъ Баклановъ, во всемъ педантичный, взявъ кожаную сумку изъ рукъ посланнаго, вынималъ изъ нея не торопясь сначала газеты, которыя отдавалъ тутъ же связать по нумерамъ, потомъ журналы и наконецъ письма. Раздавъ послѣднія по адресамъ и оставивъ тѣ которыя были на его имя, онъ принимался за ихъ чтеніе, причемъ напередъ прочитывалъ снова на каждомъ изъ нихъ адресъ, разсматривалъ печать и почтовые штемпеля. По окончаніи всей этой процедуры, длившейся иногда очень долго, такъ какъ болѣе интересныя и дѣловыя письма перечитывалъ онъ по нѣскольку разъ, отдавалъ уже сшитые нумера газетъ Оленькѣ или Лизѣ и начиналось чтеніе.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, распорядившись по обыкновенію привезенною корреспонденціей, Баклановъ принялся за чтеніе писемъ. Прочитавъ одно изъ нихъ, онъ нахмурилъ брови, перечелъ еще разъ, и швырнувъ его на столъ, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Отъ кого это письмо? спросила нерѣшительно Софья Львовна, какъ бы боясь услышать непріятную вѣсть.

— Отъ сестры Вѣры Васильевны, проговорилъ тотъ сквозь зубы.

— Можно прочесть?

— Читай если есть охота, отвѣтилъ онъ рѣзко, съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, и молча ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Софья Львовна взяла со стола письмо и съ тревожнымъ волненіемъ стала читать его. Пока дочла его до конца, она нѣсколько разъ останавливалась чтобы перевесть стѣснившееся въ груди дыханіе; письмо дрожало въ ея рукахъ и казалось готово было изъ нихъ выпасть. Окончивъ его, она встала и не сказавъ ни слова также ушла къ себѣ въ спальню. Оленька съ Лизой молча переглянулись въ недоумѣніи.

Читатель уже знаетъ что у Бакланова была въ Петербургѣ сестра замужемъ за однимъ значительнымъ лицомъ. Она была женщина не глупая, любила брата и принимала въ дѣлахъ его живое участіе. Ея попеченіямъ поручилъ онъ Аркадія при опредѣленіи въ учебное заведеніе и она не теряла его изъ виду и теперь, издали наблюдая за нимъ.

Настоящее письмо, такъ смутившее Александра Васильевича, было отъ нея. Она писала ему что въ Петербургъ пріѣхали какія-то двѣ красавицы Француженки, носившія одну изъ самыхъ аристократическихъ фамилій; онѣ выдавали себя за родныхъ сестеръ, и какъ красотою своей, такъ и кокетствомъ и роскошною обстановкой свели съума всю молодежь. Въ числѣ поклонниковъ ихъ былъ и Аркадій. Онъ тратилъ на нихъ страшныя деньги и въ довершеніе въ одну изъ нихъ влюбился по уши, такъ что всѣ говорятъ что онъ на ней женится. „Вѣдь нынче въ большой модѣ жениться на Цыганкахъ да на актрисахъ, заключала она письмо свое; а потому поспѣши взять мѣры чтобы нашъ Донъ-Жуанъ не подарилъ насъ французскою родней уличныхъ авантюристовъ, а въ лицѣ жены своей какою-нибудь модисткой или флеристкой болѣе нежели сомнительнаго поведенія. А тутъ еще пошли у насъ какіе-то гражданскіе браки: и не спохватишься какъ ужь будетъ поздно.“

Софья Львовна, пришедши въ спальню, чуть не упала въ обморокъ. Она приняла противунервныхъ капель и переждавъ съ полчаса чтобы дать время мужу сколько-нибудь обдумать и сообразить дѣло, пошла къ нему въ кабинетъ. Подойдя къ двери и стукнувъ въ нее три раза, что̀ дѣлала всегда когда знала что Александръ Васильевичъ чѣмъ-нибудь занятъ, она вошла. Старикъ заложивъ руки за спину съ сигарой въ зубахъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Прочла? спросилъ онъ не останавливаясь.

— Прочла, отвѣтила Софья Львовна садясь на диванъ. — Что̀ же ты думаешь дѣлать?

— Думаю написать ему; да отцовскія письма и наставленія плохіе въ такихъ дѣлахъ вразумители, добавилъ онъ какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Но вѣдь надо же что-нибудь предпринять, медлить нельзя, продолжала Софья Львовна устремивъ на мужа долгій вопросительный взглядъ.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Знаешь что̀, сказала она вдругъ.—Лучшаго кажется ничего не придумаешь: выпиши его сюда въ безсрочный отпускъ. Онъ поживетъ съ нами три, четыре мѣсяца и позабудетъ свою Француженку: развѣ это въ самомъ дѣлѣ серіозная любовь какая? А этимъ временемъ можетъ-быть уѣдетъ и она откуда пріѣхала.

Дѣйствительно придумать что-нибудь лучше въ данномъ случаѣ было трудно; но это далеко не согласовалось съ понятіями старика о службѣ. „Пока я живъ онъ здѣсь не нуженъ, думалъ онъ: хозяйство идетъ, благодаря Бога, хорошо и безъ него; баклуши же бить безъ дѣла ему здѣсь нечего. Въ безсрочномъ отпуску онъ облѣнится, отъ службы отстанетъ и останется на весь вѣкъ свой шалопаемъ.“ Баклановъ вообще безсрочнымъ отпускамъ не сочувствовалъ.

— А служба? сказалъ онъ остановясь противъ жены.

— Помилуй, до службы ли тутъ, когда такая бѣда виситъ надъ головой.

Баклановъ промолчалъ и сталъ опять мѣрными шагами ходить изъ угла въ уголъ.

Онъ, какъ я уже сказалъ, въ семейныхъ дѣлахъ признавалъ за женою право голоса, и если находилъ что мнѣніе ея справедливо, не позволялъ себѣ увлекаться неумѣстнымъ самолюбіемъ и всегда охотно соглашался съ нею. Еслибъ еще въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла объ одной личности Аркадія и его служебной карьерѣ, можетъ-быть онъ и не принялъ бы въ резонъ ея совѣта; но это было дѣло общесемейное и онъ не считалъ себя въ правѣ руководствоваться одними личными своими воззрѣніями.

— Подъ какимъ же предлогомъ мы его сюда вызовемъ? спросилъ онъ наконецъ послѣ долгаго молчанія, снова остановясь предъ Софьей Львовной.—Если для его здоровья или для удовольствія видѣть его; онъ знаетъ что я не баловникъ, не повѣритъ. А если станетъ подозрѣвать что-нибудь такое, такъ пожалуй и не поѣдетъ: тутъ явится некстати и ревность къ службѣ и разныя законныя отговорки и всякая штука.

— Напиши ему что я очень больна и желаю его видѣть. Для большей правдоподобности пошли даже телеграмму.

— Ну ужь нѣтъ, матушка, въ этомъ меня извини. Съ роду никогда не лгалъ; а подъ старость учиться этому искусству ужь не приходится.

— Да ты и не солжешь. Я чувствую что завтра же непремѣнно слягу въ постель: во мнѣ нервы дрожатъ какъ какія-нибудь натянутыя струны.

Не стану описывать подробностей совѣщанія супруговъ; скажу только что оно длилось до полуночи.

На другой день утромъ верховой ѣхалъ въ городъ съ

письмомъ на почту. Софья Львовна писала сыну что она очень больна и проситъ его немедленно пріѣхать; Александръ Васильевичъ при коротенькой запискѣ посылалъ ему деньги на путевыя и другія издержки. Къ вечеру того же дня Софья Львовна дѣйствительно слегла въ постель.

Разстроило ли ее въ самомъ дѣлѣ до такой степени полученное изъ Петербурга письмо, притворилась ли она больною чтобы дать предлогу подъ которымъ вызывался Аркадій, болѣе правдоподобія въ глазахъ молодыхъ дѣвушекъ и тѣмъ самымъ скрыть отъ нихъ настоящую причину вызова; но приглашенъ былъ изъ города докторъ и черезъ три дня писалъ Аркадію уже самъ Александръ Васильевичъ о болѣзни матери и торопилъ его пріѣздомъ въ Баклапы.

Въ письмѣ такъ встревожившемъ Баклановыхъ было много правды, хотя опасенія на счетъ женитьбы Аркадія были неосновательны: онъ дѣйствительно ухаживалъ за пріѣзжею Француженкой, тратилъ на нее большія деньги, даже благодаря ей кругомъ задолжалъ, но жениться на ней никогда не думалъ, да и она врядъ ли имѣла это въ виду. Она начинала уже надоѣдать ему своими ненасытимыми и все возраставшими требованіями, удовлетворить которыя онъ не имѣлъ уже болѣе средствъ; но бросить безъ всякой благовидной причины уже огласившуюся связь было какъ-то не ловко и онъ волею-неволей долженъ былъ входить въ новые долги, не видя никакой возможности уплатить ихъ, не признавшись во всемъ отцу, а сдѣлать это ему было крайне тяжело. Полученное имъ письмо, хотя и огорчило его извѣстіемъ о болѣзни матери, которую онъ очень любилъ, давало ему этотъ благовидный предлогъ. Онъ тотчасъ же сталъ собираться въ путь и послѣднее письмо отца уже не застало его въ Петербургѣ.

Дней черезъ пять по отправкѣ этого письма, позднимъ вечеромъ Софья Львовна лежала у себя въ спальнѣ, окруженная всѣмъ семействомъ; она въ этотъ день чувствовала себя лучше и просила Оленьку прочесть ей что-нибудь изъ *Revue des deux Mondes*, любимаго журнала ея, который она неизмѣнно получала съ тѣхъ поръ какъ при ней была Mme de Bélicourt. Оленька читала какую-то никого не интересовавшую историческую статью; Баклановъ сидя въ креслахъ дремалъ; Лиза и Mme Coudert молча занимались рукодѣліемъ, вдругъ послышался у подъѣзда колокольчикъ.

— Аркадій! вскрикнула Софья Львовна, привскочивъ на кровати.

Александръ Васильевичъ встрепенулся.

— И колокольчикъ-то недостало ума велѣть подвязать чтобы не обезпокоить больную мать, проворчалъ онъ вставая съ кресел и вышелъ изъ комнаты.

— И прекрасно сдѣлалъ, кричала ему вслѣдъ Софья Львовна;—теперь я ужь приготовлена ко встрѣчѣ съ нимъ. Веди его прямо сюда.

Черезъ полчаса въ залѣ послышались голоса и шумъ приближавшихся шаговъ, среди которыхъ можно было различить тихое бряцаніе шпоръ.

— Можно? спросилъ за дверьми Александръ Васильевичъ.

— Я ужь сказала веди, отвѣтила Софья Львовна.

И въ спальню вошелъ старикъ Баклановъ въ сопровожденіи сына.

Едва успѣлъ Аркадій подойти къ матери, какъ та бросилась къ нему на шею и залилась слезами. Онъ съ участіемъ спросилъ ее о здоровьи, потомъ поцѣловался съ Лизой и пожалъ руку Оленьки и Mme Coudert. Аркадій въ эти полтора года много измѣнился; онъ смотрѣлъ уже не прежнимъ неопытнымъ юношей, а вполнѣ развитымъ взрослымъ человѣкомъ. Тогда только-что пробивавшіеся усы теперь уже густо оттѣняли верхнюю губу; глаза смотрѣли не робко и застѣнчиво, а прямо и самоувѣренно; движенія были развязны, но не рѣзки; лишь голосъ остался попрежнему мягокъ и симпатиченъ. Видно было что онъ уже успѣлъ понатерьться въ порядочномъ обществѣ и усвоить себѣ его пріемы и обращеніе.

— Прости меня, другъ мой, что я потревожила тебя въ такое время, извинялась предъ сыномъ Софья Львовна.— Рѣки въ полномъ разливѣ, дорогъ никакихъ нѣтъ: тебѣ, я думаю, пришлось ѣхать гдѣ въ саняхъ, гдѣ въ телѣгѣ. Вѣдь вы тамъ въ Петербургѣ и понятія не имѣете о нашихъ дорогахъ.

— Не безпокойтесь, maman, отвѣчалъ Аркадій;—я доѣхалъ прекрасно и эти переправы на лодкахъ и паромахъ очень понравились мнѣ своею оригинальностію.

— Въ его лѣта, да дороги разбирать, говорилъ Баклановъ.— А какже курьеры до желѣзныхъ дорогъ изъ Одессы въ

Петербургъ на перекладныхъ въ самую ростопель безъ отдыха летали.

Но Аркадій былъ не курьеръ до желѣзнодорожныхъ временъ; дорога видимо утомила его и мать вскорѣ же послала его подкрѣпить себя ужиномъ и сномъ.

Очень удивило Оленьку и оскорбило самолюбіе ея то что Аркадій во все время какъ бы не обращалъ никакого вниманія ни на нее, ни на Лизу. Она полагала что онъ поспѣшитъ извиниться предъ ними, если не въ томъ что такъ долго не исполнялъ обѣщанія своего, что̀ конечно при отцѣ и матери сдѣлать было неудобно, то по крайней мѣрѣ въ небрежности и неакуратности въ отвѣтахъ своихъ на письма Лизы; вѣдь онъ очень хорошо зналъ что въ корреспонденціи этой участвовала и она, а какъ разъ съ послѣдняго отвѣта его прошло болѣе мѣсяца. Наконецъ онъ могъ бы принесть извиненіе это и безъ свидѣтелей, при переходѣ изъ спальни въ столовую или прощаясь съ ними послѣ ужина. Пусть бы оправданія его были натянуты, даже не правдоподобны, думала она, по крайней мѣрѣ изъ нихъ видно было бы желаніе его или хотя сознаніе лежавшаго на немъ долга оправдаться предъ ними; но онъ въ спальнѣ говорилъ почти исключительно съ одною матерью, за ужиномъ разказывалъ отцу о послѣднихъ производствахъ и какихъ-то парадахъ; съ ними же въ продолженіе всего вечера почти вовсе не говорилъ, точно не замѣчалъ ихъ присутствія, или находилъ ихъ не стоющими того чтобы считаться съ ними.

Ночью Оленька долго не могла заснуть. Образъ только что видѣннаго ею Аркадія преслѣдовалъ ее и не давалъ покоя: онъ такъ рѣзко отличался отъ того Аркадія котораго знала она назадъ тому полтора года и черты котораго такъ живо сохранились въ ея сердцѣ. Ужь полно онъ ли это? спрашивала она себя; неужели въ такое короткое время можно физически и нравственно такъ измѣниться? И во снѣ грезился онъ ей. Снилось ей какъ угощала она въ своей комнатѣ обѣдомъ прежняго, милаго Аркадія, смѣялась, глядя съ какимъ апетитомъ ѣлъ онъ, говорила и шутила съ нимъ, и вдругъ вошелъ вчерашній Аркадій, съ фуражкой на головѣ, и, не обращая на нее никакого вниманія, какъ будто ея тутъ не было, дерзко спросилъ у того Аркадія зачѣмъ онъ здѣсь. Между ними готова ужь была вспыхнуть ссора,—она бросилась между ними и проснулась. Что̀ зна-

читъ этотъ сонъ? думала она; неужели онъ пророчитъ что этотъ Аркадій изгонитъ изъ сердца моего прежняго? Никогда; я вѣчно буду сохранять память о немъ. Такъ вы смотрите на насъ съ высоты вашего воображаемаго величія, рѣшила она наконецъ послѣ напрасныхъ усилій заглушить возмущавшее ее чувство оскорбленнаго самолюбія, — вы такъ высоко цѣните себя что не хотите удостоить насъ вниманія вашего. Что̀ жь, и я не ниже вашего цѣню себя и вниманіе ваше право мнѣ ни на что̀ не нужно.

VIII.

На другой день рано утромъ Баклановъ позвалъ къ себѣ сына въ кабинетъ. Носить долѣе маску, въ особенности же предъ сыномъ, онъ не могъ, да и не любилъ откладывать въ дальній ящикъ никакого дѣла, а настоящее считалъ онъ дѣломъ чести. Онъ объяснилъ ему что первоначальною причиной вызова его изъ Петербурга была не болѣзнь матери и что болѣзнь эта была уже естественнымъ послѣдствіемъ крайне нерадостныхъ слуховъ дошедшихъ до нихъ изъ вѣрныхъ источниковъ о двусмысленномъ поведеніи его и образѣ его жизни.

Аркадій сталъ-было оправдываться; но онъ остановилъ его.

— Не надо мнѣ твоихъ оправданій, сказалъ онъ ему рѣзко;—ими дѣла не поправишь. Я позвалъ тебя сюда не бобы разводить и не для того чтобы заставить тебя лгать, а чтобъ узнать отъ тебя цифру надѣланныхъ тобою долговъ.

Онъ сѣлъ въ стоявшее предъ письменнымъ столомъ кресло и, пододвинувъ листъ чистой бумаги, взялъ въ руки карандашъ.

— Сколько ты всего долженъ? спросилъ онъ не глядя на Аркадія.

Неожиданный вопросъ этотъ, брошенный такъ-сказать въ упоръ, совершенно озадачилъ его; онъ замялся.

— Ну, сказалъ Баклановъ, не сводя глазъ съ лежавшаго предъ нимъ листа бумаги.—Не утаивай, говори всю правду; вѣдь это дѣло чести.

Цифра была такъ велика что Аркадій не рѣшался признаться въ ней.

— Ну, что жь молчишь? повторилъ нетерпѣливо старикъ;— видно признаваться въ долгахъ труднѣе чѣмъ дѣлать ихъ.

„Чтожь въ самомъ дѣлѣ, подумалъ Аркадій; лучше объявить и уплатить весь долгъ разомъ, нежели потомъ понемногу выклянчивать.“

— Около восьмидесяти тысячъ, проговорилъ онъ нерѣшительно, украдкой взглянувъ на отца.

— Не дурно, замѣтилъ тотъ очень хладнокровно, записывая,—цифра почтенная. Я во всю службу свою столько не прожилъ. Кому и сколько именно? продолжалъ онъ допрашивать, не измѣняя своей позы.

— Я долженъ разнымъ лицамъ и въ числѣ ихъ есть такія которыя удовольствуются уплатою и половины.

Старикъ обернулся и молча посмотрѣлъ на него.

— Чье имя подъ росписками? спросилъ онъ сухо.

— Конечно мое; но вѣдь.....

— Еще до сихъ поръ, благодаря Бога, Баклановскими росписками трубокъ не закуривали, перебилъ онъ его съ чувствомъ достоинства.

— Но, вѣдь у насъ это вещь обыкновенная.... началъ было Аркадій снова.

— Довольно, остановилъ его на первыхъ же словахъ старикъ,—и презрительная улыбка пробѣжала по лицу его.

Онъ положилъ карандашъ и приказалъ сыну приготовить къ вечеру списокъ своимъ кредиторамъ съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ именъ и адресовъ.

— Ну, слушай, заключилъ онъ;—всѣ эти долги твои будутъ уплачены немедленно; но знай, что впередъ кромѣ денегъ которыя я высылаю тебѣ на твое содержаніе, а высылаю я вдвое больше чѣмъ нужно, я никакихъ долговъ твоихъ уплачивать не намѣренъ, и помни что тотъ кто дѣлаетъ долги которыхъ уплатить не въ силахъ, не достоинъ носить имя честнаго человѣка. Такъ думали въ мое время и полагаю также думаютъ благородные люди и теперь. Ступай, ты пока мнѣ больше не нуженъ.

На другой день Баклановскій повѣренный ѣхалъ уже въ Петербургъ, съ деньгами.

„Дешево отдѣлался, думалъ про себя, выходя изъ кабинета Аркадій. — Странный человѣкъ отецъ: за какой-нибудь вздоръ готовъ казнить; а тутъ, когда въ самомъ дѣлѣ было за что̀ голову хорошенько намылить, почти и выговора не сдѣлалъ. На все у него какія-то свои допотопныя воззрѣнія;

все основано на какомъ-то воображаемомъ долгѣ и щепетильномъ point d'honneur. За что въ самомъ дѣлѣ этотъ подлецъ Грюншпукъ получитъ тридцать тысячъ, когда я занялъ у него всего семь и когда онъ за пятнадцать съ радости черезъ голову перекувыркнулся бы. И еще говорятъ человѣкъ практичный. Гдѣ же тутъ практичность? По моему, чудакъ, ригористъ и больше ничего."

Аркадій чувствовалъ себя легко, какъ будто пудовая гиря свалилась у него съ плечъ. Въ залѣ встрѣтилъ онъ Оленьку.

— Я не успѣлъ еще разъ лично поблагодарить васъ за семейную группу, сказалъ онъ ей. — Не говоря уже о разительномъ сходствѣ лицъ и мастерствѣ съ которымъ они сгруппированы, самое исполненіе такъ безукоризненно хорошо что люди вполнѣ въ этомъ дѣлѣ компетентные восхищались этою во всѣхъ отношеніяхъ прелестною акварелью. C'est un vrai chef-d'oeuvre.

Говоря это, Аркадій смотрѣлъ Оленькѣ прямо въ глаза и ей показалось что во взглядѣ его было что-то чего прежде въ немъ не было, какъ будто выраженіе какой-то надмѣнной самонадѣянности, какъ бы сознанія своего превосходства, точно онъ снисходилъ до нея, удостоивая ее своею похвалой или комплиментомъ. Ей казалось даже будто словами этими онъ не столько благодарилъ ее, сколько дарилъ своею похвалой, давая ей чувствовать что она должна была ему быть за нее признательна, подобно тому какъ получающій на экзаменѣ похвальный листъ долженъ быть проникнутъ чувствомъ признательности къ начальству за дѣлаемое ему поощреніе. „Лучше бъ онъ извинился въ неисполненіи даннаго обѣщанія или въ небрежности отвѣтовъ своихъ на Лизины письма," подумала она. „Видно, въ самомъ дѣлѣ, мы въ глазахъ его не стоимъ того чтобы считаться съ нами." Невольно припомнилось ей все то о чемъ передумала она, запершись у себя въ комнатѣ, и оскорбленное чувство самолюбія заговорило въ ней съ новою силой.

— Я была бы очень довольна, отвѣтила она хотя и сдержанно, но такъ что сквозь сдержанность эту ясно видно было желаніе ея уколоть Аркадія, — еслибы хотя это сходство лицъ напоминало вамъ объ нихъ чаще чѣмъ вы напоминали имъ о себѣ письмами своими.

Слова эти что-называется сорвались у нея съ сердца и она тотчасъ же спохватилась что ей, и именно ей менѣе

нежели кому-либо можно было позволить себѣ сказать ихъ. Они имѣли видъ выговора, и какое право имѣла она дѣлать его ему? она не была даже его сестрой. А главное, выговоръ этотъ выдавалъ ее: онъ ясно высказывалъ Аркадію насколько интересовалась она его письмами. Ей было и досадно, и стыдно за себя.

— Не знаю насколько такое вещественное напоминовеніе нужно для другихъ; что же касается до меня, сказалъ Аркадій съ самодовольною и какъ бы заигрывающею улыбкой,— то вы сами очень хорошо знаете почему оно совершенно лишнее.

Оленька вспыхнула. Она невольно взглянула вскользь на Аркадія и встрѣтила его упорно устремленный на нее взглядъ и на этотъ разъ во взглядѣ этомъ, кромѣ прежней самонадѣянности и самодовольства, было выраженіе какъ бы сознаннаго имъ за собою права глядѣть на нее такъ прямо и самоувѣренно. Она горѣла какъ въ огнѣ.

— Впрочемъ портретъ этотъ, какъ вы конечно и сами помните, посланъ былъ вамъ лишь какъ исполненіе даннаго обѣщанія, поспѣшила сказать она болѣе для того чтобъ измѣнить направленіе которое Аркадій видимо хотѣлъ дать разговору. Она въ эту минуту была на него зла и желала бы высказать ему все что̀ накипѣло у нея противъ него на сердцѣ, ей хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь досадить ему или уколоть его.— Вѣдь обѣщаніе тогда лишь и имѣетъ цѣну когда точно исполняется, добавила она съ ощутительнымъ оттѣнкомъ горечи и укоризны.

И эта добавочная фраза опять-таки сказана была вовсе некстати и далеко не клеилась съ тѣмъ положеніемъ въ которое хотѣла стать Оленька въ отношеніи къ Аркадію; укоряя его въ неисполненіи даннаго обѣщанія, она вмѣстѣ съ тѣмъ помимо воли своей упрекала его въ томъ что онъ такъ долго не ѣхалъ въ Бакланы, то-есть высказывала ему именно то чего ни подъ какимъ видомъ не желала бы ему высказать. Она тутъ же сообразила это, но уже было поздно, дѣло было неисправимо. Бываютъ минуты, въ которыя что̀ ни сдѣлаешь, что̀ ни скажешь, все выходитъ какъ-то невпопадъ.

Оленька молчала, ее буквально душили готовыя прыснуть изъ глазъ слезы. Аркадій также молчалъ и казался сосредоточеннымъ въ самого себя, точно что-то обдумывалъ и соображалъ.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ вдругъ, какъ бы остановясь на внезапно принятомъ рѣшеніи.—Я до сихъ поръ обманывалъ васъ, да и теперь хотѣлъ напускною веселостію прикрыть то что у меня на сердцѣ; но долѣе носить предъ вами маску не могу.—И онъ пріостановился точно высказать то что было у него на сердцѣ ему было не легко.—Я писалъ Лизѣ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—что меня останавливали въ Петербургѣ служебныя занятія. Вы конечно могли принять, а можетъ-быть и приняли слова мои за пустую, вымышленную отговорку, и дѣйствительно это была одна отговорка, такъ какъ настоящую причину я объяснить вамъ не могъ. Причины удерживавшія меня въ Петербургѣ были много серіознѣе и еслибы вы знали ихъ, то конечно простили бы меня, а можетъ-быть и подарили бы вашимъ участіемъ.

Оленька взглянула на него съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ невольнымъ любопытствомъ, такой рѣзкій переходъ поразилъ ее. Сначала смотрѣла она на него недовѣрчиво; но въ голосѣ его было столько искренности, во взглядѣ столько сосредоточенной грусти что трудно было не повѣрить словамъ его. Припомнились ей и обстоятельства сопровождавшія вызовъ его изъ Петербурга, и поразившее такъ стариковъ письмо сестры Александра Васильевича, и таинственность которою былъ обставленъ самый вызовъ этотъ. Онѣ съ Лизой тогда же догадывались что причиною его была не болѣзнь Софьи Львовны, но настоящую причину узнать было не отъ кого. Теперь стали ей понятными, даже вполнѣ извинительными, неакуратность и сухость отвѣтовъ Аркадія на Лизины письма; въ самомъ дѣлѣ не насиловать же ему было себя и писать то что далеко не согласовалось съ его тогдашнимъ настроеніемъ духа. Это доказывало лишь благородство и прямоту его характера. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ соображеній было то что возмущавшее ее чувство оскорбленнаго достоинства мало-по-малу улеглось, кипѣвшее въ ней за минуту предъ тѣмъ чувство негодованія незамѣтно смѣнилось чувствомъ участія и состраданія и она уже спрашивала себя не можетъ ли чѣмъ-либо облегчить давящую грусть, подъ гнетомъ которой, казалось, находится Аркадій. Ей очень хотѣлось знать причину этой грусти, но спросить было неловко; самъ же онъ продолжалъ молчать, погруженный въ глубокое раздумье.

— Maman приказала спросить тебя исполнилъ ли ты ея порученіе, сказала Аркадію вошедшая Лиза.

— Исполнилъ, отвѣтилъ онъ, точно очнувшись отъ тяжелаго сна,—и даже очень удачно. Можно ее видѣть?

— Она меня прислала за тобой.

И они вмѣстѣ ушли въ спальню Софьи Львовны.

Оставшись одна, Оленька старалась уяснить себѣ то что̀ еще не совсѣмъ вязалось въ головѣ ея. „Если это и такъ, думала она; то все-таки чему же приписать его вчерашнее къ намъ съ Лизой невниманіе, какъ бы пренебреженіе нами? Чѣмъ объяснить этотъ самонадѣянный, почти наглый тонъ съ которымъ онъ сейчасъ говорилъ со мною? Не долго, впрочемъ, ломала она себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Извѣстно что когда кто желаетъ что-либо объяснить себѣ съ предвзятою мыслію, почти всегда объяснитъ все какъ ему хочется. Такъ было и здѣсь. Невнимательность Аркадія къ ней и къ Лизѣ она объяснила себѣ тѣмъ что онъ весь сосредоточенъ былъ на дѣлѣ о которомъ намекалъ ей и по которому вѣроятно и былъ вызванъ. Имъ съ Лизой слѣдовало по пріѣздѣ его выйти изъ спальни и дать ему свободу объясниться съ отцомъ и матерью наединѣ; тогда конечно, сбросивъ съ себя тяготившее его бремя, онъ съ ними былъ бы любезенъ попрежнему. А что у него было о чемъ съ ними переговорить, доказывалось тѣмъ что онъ позванъ былъ къ отцу, а теперь къ матери. Что же касается до самонадѣяннаго и такъ оскорбившаго ее тона съ которымъ онъ говорилъ съ ней; то это объяснялось еще легче. Когда онъ подошелъ къ ней, она была такъ противъ него вооружена что естественно должна была все растолковать въ невыгодную для него сторону; да и Аркадій вышелъ отъ отца въ такомъ веселомъ расположеніи духа, вѣроятно вслѣдствіе благопріятнаго для него исхода объясненія, что можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ держалъ себя свободнѣе обыкновеннаго. Вѣдь и самые серіозные люди, выпутавшись изъ труднаго положенія, бываютъ не по характеру своему веселы и шутливы. Къ тому же если въ самомъ дѣлѣ Аркадій чтобы скрыть свое сердечное горе хотѣлъ казаться веселымъ, то что̀ же удивительнаго если онъ не выдержалъ роли, а переступивъ границу, сдѣлалъ изъ себя какого-то самонадѣяннаго фата? Это только доказывало что онъ былъ плохой актеръ. Да если, наконецъ, онъ и дѣйствительно былъ въ

обращеніи съ нею черезчуръ легокъ и несдержанъ, то не сама ли она подала ему къ тому поводъ своими необдуманными, какъ бы вызывающими на такое обращеніе объясненіями? Другой на мѣстѣ Аркадія пожалуй счелъ бы себя въ правѣ быть съ нею еще несдержаннѣе. Словомъ: все объяснилось такъ легко и послѣдовательно что Оленька даже недоумѣвала и спрашивала себя какъ могла она представить и растолковать себѣ все это въ такомъ превратномъ видѣ.

— Знаешь о какомъ порученіи я сейчасъ спрашивала Аркадія? сказала вбѣжавшая впопыхахъ Лиза:—Мамаша поручила ему купить для тебя сѣдло, амазонку и шляпу и онъ все это привезъ съ собою.

Софья Львовна дѣйствительно за мѣсяцъ предъ тѣмъ спросила Оленьку не желаетъ ли она учиться ѣздить верхомъ и она съ радостью приняла ея предложеніе.

Черезъ часъ она позвала ее къ себѣ. Тамъ былъ Аркадій, на стульяхъ лежали амазонка и сѣдло.

— Ты, другъ мой, нарисовала брату сюрпризомъ нашъ семейный портретъ, сказала ей Софья Львовна;—а онъ сюрпризомъ же привезъ тебѣ сѣдло съ амазонкой.

Слова эти совершенно озадачили Оленьку. Принять этотъ сюрпризъ, т.-е. подарокъ отъ Аркадія и притомъ въ эту минуту было выше силъ ея; отказаться же отъ него значило оскорбить не столько его, сколько Софью Львовну. Она рѣшительно не знала что̀ ей дѣлать: день этотъ былъ для нея положительно днемъ неудачъ. Аркадій конечно не могъ не понять всей щекотливости ея положенія.

— Я тутъ, maman, ни причемъ, совершенно постороннее лицо, поспѣшилъ онъ предупредить отвѣтъ Оленьки.—Сюрприза съ моей стороны ровно никакого нѣтъ. Вы поручили мнѣ купить сѣдло и заказать амазонку, прислали даже для нея мѣрку; я обѣщалъ вамъ исполнить ваше порученіе, и если сдержалъ свое слово, то не думаю чтобъ это могло быть для кого-нибудь сюрпризомъ.

Онъ такъ вовремя и съ такимъ тактомъ выручилъ Оленьку и послѣднія слова сказаны были такъ любезно и казалось съ такимъ чистосердечіемъ что она тутъ же отъ души простила ему все что̀ имѣла противъ него. Она поцѣловала Софью Львовну и дружески пожала руку Аркадію.

— Могу ли я по крайней мѣрѣ предложить вамъ свои услуги? сказалъ онъ ей.—Я недурной ѣздокъ и еслибы вы позволили мнѣ быть вашимъ берейторомъ и грумомъ....

— Вы-таки непремѣнно хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ, сказала Оленька, смѣясь,—и я на этотъ разъ принимаю его съ удовольствіемъ и благодарностію, добавила она, еще разъ пожавъ ему руку.

Мировая была полная и искренняя.

IX.

Выздоравливаніе Софьи Лововны шло очень быстро: подѣйствовалъ ли на нее благотворно пріѣздъ сына или въ самомъ-дѣлѣ болѣзнь ея была не больше какъ личина, подъ которою она хотѣла скрыть настоящую причину вызова его изъ Петербурга; но къ вечеру того же дня она уже встала съ постели, а на другой день съ дѣтскимъ увлеченіемъ занялась одѣваніемъ Оленьки въ привезенный костюмъ. Она сама причесала ей волосы, надвинула на нихъ кокетливо шляпу и вывела ее въ залъ, гдѣ старикъ Баклановъ ходилъ, разговаривая съ Аркадіемъ. Оленька въ ловко обхватывавшей ея гибкій и граціозный станъ амазонкѣ, съ подобранными подъ шляпу волосами и хлыстикомъ въ рукѣ была очаровательна. Александръ Васильевичъ сразу не узналъ ея.

— Передайте мнѣ хоть на самое короткое время искусство ваше, чтобы снять въ эту минуту съ васъ портретъ, сказалъ любуясь ею Аркадій.

Оленька чувствовала, что въ словахъ этихъ не было ничего притворнаго и что они такъ-сказать вылетѣли у него прямо изъ сердца.

Съ другаго же дня начались уроки верховой ѣзды. Къ крыльцу подведена была осѣдланная лошадь; Александръ Васильевичъ самъ показалъ Оленькѣ какъ садиться въ сѣдло, какъ брать въ руки поводья и управлять ими. Аркадій взялъ лошадь подъ уздцы и сдѣлалъ съ ней нѣсколько вольтовъ по двору. Слѣдующіе уроки происходили уже въ манежѣ: Оленька была смѣла и они шли успѣшно. Лиза всякій разъ отъ искренняго сердца любовалась ею,—такъ граціозна она была на конѣ; сама же сѣсть на лошадь боялась; да ей верховая ѣзда запрещена была и докторомъ.

Между тѣмъ незамѣтно подкралась весна съ своими теплыми, но еще не знойными днями, прохладными и упоительными вечерами. Рѣки уже давно прошли; сошелъ съ полей

и снѣгъ и лишь кое-гдѣ по сѣверныхъ склонамъ лощинъ и овраговъ лежалъ еще длинными, сѣроватыми полосами. Мало-по-малу зазеленѣли луга; кусты и деревья стали одѣваться нѣжною, полупрозрачною листвой; надули почку, готовясь къ цвѣту, сирень и черемуха. Въ густой чащѣ ихъ защелкалъ и засвисталъ соловей, затянулъ свою нескончаемую трель, вися въ воздушномъ пространствѣ, жаворонокъ; закукукула въ липовой рощѣ и кукушка. „Кукушка, кукушка! сколько мнѣ лѣтъ жить на свѣтѣ?“ спрашивала, смѣясь, Оленька. „Одинъ, два, три.... довольно, довольно!“ кричала она, прыгая и хлопая въ ладони. И въ самомъ дѣлѣ что̀ значатъ годы, что̀ значатъ десятки лѣтъ скучной, обыденной жизни предъ однимъ днемъ, однимъ часомъ, нѣсколькими мгновеніями, полнаго, ничѣмъ не возмущеннаго счастія? А Оленька была такъ счастлива что казалось ей и не могло быть на свѣтѣ другаго болѣе полнаго счастія.

Съ наступленіемъ весны измѣнилась и жизнь въ Баклановыхъ. Аркадій по утрамъ ходилъ стрѣлять вальдшнеповъ; предъ обѣдомъ же и по вечерамъ уходилъ гулять съ Лизой и Оленькой. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ ихъ былъ примыкавшій къ саду вѣковой липовый паркъ, нравившійся Оленькѣ дикою величественностію своею и отсутствіемъ всякой искусственности; къ тому же они здѣсь были болѣе на свободѣ. Иногда присоединялась къ нимъ и Mme Coudert, умѣвшая прогулкамъ этимъ дать болѣе жизни и разнообразія. Старики рѣдко принимали въ прогулкахъ этихъ участіе: Софью Львовну онѣ утомляли; Александръ же Васильевичъ любилъ соединять пріятное съ полезнымъ и потому предпочиталъ имъ прогулку по полямъ и хозяйственнымъ заведеніямъ.

Аркадію вскорѣ же удалось совершенно изгладить то невыгодное для него впечатлѣніе которое онъ произвелъ на Оленьку при первой встрѣчѣ. Она полюбила его какъ брата,—такъ по крайней мѣрѣ казалось ей. Повидимому и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же чувствомъ: онъ былъ съ нею настолько же любезенъ, насколько и сдержанъ, настолько же казалось любилъ, насколько и уважалъ ее: никогда не позволялъ онъ себѣ съ нею ни двусмысленнаго слова, или нескромной шутки, словомъ, ничего такого что̀ могло бы хотя косвеннымъ образомъ оскорбить ея нравственное чувство. Мало-по-малу между ними установилась интимность, основанная

на дружбѣ и взаимномъ другъ къ другу довѣріи. „Какъ могла я такъ жестоко ошибиться?“ спрашивала иногда себя Оленька; „какъ могла я хотя на минуту подозрѣвать его въ томъ отъ чего онъ такъ далекъ, что такъ несродно его характеру?“ Ей становилось совѣстно за себя предъ Аркадіемъ, она сознавала себя предъ нимъ виноватою и всячески старалась загладить вину свою. Не разъ хотѣлось ей заговорить съ нимъ о томъ о чемъ онъ намекнулъ въ разговорѣ съ нею на другой день своего пріѣзда; но она боялась возобновить въ памяти его какія-нибудь грустныя или непріятныя воспоминанія, а можетъ-быть и растравить еще не зажившую сердечную рану. Да и какъ было ей начать говорить о такомъ щекотливомъ предметѣ, когда онъ самъ такъ упорно молчалъ о немъ? Порою молчаніе это казалось ей страннымъ, порою даже огорчало ее какъ признакъ его недовѣрія къ ней. „Но, утѣшала она тутъ же себя, придетъ время когда онъ, ближе узнавъ меня, пойметъ что руководитъ мною не пустое любопытство, а искреннее участіе, и тогда конечно будетъ со мной откровеннѣе.“ Такъ смотрѣла Оленька на взаимныя отношенія свои съ Аркадіемъ и на чувства свои къ нему. Они казались ей такъ естественно исходящими одни изъ другихъ, что ей и въ голову не приходило ихъ анализовать, пока одно обстоятельство не заставило ее ближе всмотрѣться въ нихъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Баклановъ, на берегу протекавшей по лугамъ рѣчки, была дубовая роща, куда Софья Львовна любила ѣздить подъ разными предлогами, смотря по времени года: то за ландышами, то за земляникой, то за грибами или орѣхами. Ѣздили на эти parties de plaisir обыкновенно въ большихъ дрогахъ цѣлымъ обществомъ; иногда, особенно во время покосовъ, пили тамъ и вечерній чай.

Возвращаясь съ одной изъ такихъ поѣздокъ, Оленька съ Аркадіемъ, конвоировавшіе дроги верхомъ, отъ нихъ отстали съ цѣлью проѣхать въ усадьбу бугристымъ берегомъ рѣчки, съ котораго открывались великолѣпные виды на окружавшую мѣстность и по которому въ экипажѣ проѣхать было нельзя.

Рѣчка протекала подъ самою кручею берега. По другую сторону ея зеленымъ ковромъ широко раскидывались по низменной равнинѣ необозримые луга съ пестрѣвшими по нимъ стадами и мелькавшими тамъ и сямъ игривыми рощами

ольшняка и осинника. Оставшаяся отъ вешняго разлива вода еще стояла на нихъ огромными озерами; по сверкавшей на солнцѣ ослѣпительною, серебристою чешуей поверхности ихъ скользили едва замѣтными черными точками стада дикихъ утокъ, а въ воздухѣ сновали съ пискливыми криками сотни чаекъ и рыболововъ. За лугами по постепенно возвышавшейся громаднымъ амфитеатромъ холмистой мѣстности виднѣлись разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ села и деревни, а еще дальше на самомъ горизонтѣ длинною темною полосой тянулся лѣсъ, какъ бы обрамляя собою эту дивную панораму. Любо было смотрѣть на эту необъятную ширь: и дышалось какъ-то вольнѣе, и мысль была свѣжѣе и на сердцѣ какъ бы легче и отраднѣе.

— Какая чудная картина, сказала Оленька, остановясь въ нѣмомъ экстазѣ.—Непремѣнно попрошу у maman позволенія завтра же опять пріѣхать сюда чтобы снять этотъ очаровательный пейзажъ, добавила она налюбовавшись имъ вдоволь.

— Прекрасная мысль, подхватилъ Аркадій.—Давайте ѣздить сюда каждый день и вы въ короткое время снимите всю живописную панораму этой рѣчки.

Дѣйствительно берега рѣчки представляли собою нескончаемую панораму видовъ изъ которыхъ одни были картиннѣе другихъ. Оленька съ Аркадіемъ такъ увлеклись ими что лишь когда увидѣли усадьбу далеко за собою, вспомнили что имъ давно уже слѣдовало быть дома.

— Однако куда же мы съ вами заѣхали? сказала вдругъ Оленька, остановивъ лошадь.—Посмотрите гдѣ остался у насъ паркъ. Насъ вѣрно ужь давно ждутъ и конечно будутъ сердиться за нашу самовольную прогулку.

— Пожалуй еще безъ обѣда оставятъ, сказалъ, смѣясь, Аркадій.

Оленька повернула лошадь и стала шагомъ подыматься по крутому косогору. Аркадій молча поѣхалъ за нею, любуясь какъ ловко и граціозно съ каждымъ движеніемъ лошади покачивался ея гибкій и стройный станъ.

— Ну, а теперь гопъ, гопъ, сказала она ему взобравшись на гору и, поднявъ коня своего въ галопъ, пустилась вскачъ по широкому рубежу, зеленою лентою тянувшемуся между нивъ свѣже-вспаханнаго чернозема.

Поскакалъ за нею и Аркадій.

Старики дѣйствительно уже около часа какъ возврати-

лись домой и были въ страшной тревогѣ. Они не замѣтили какъ Оленька съ Аркадіемъ отъ нихъ отстали и никакъ не могли объяснить себѣ куда они могли дѣваться. Они уже начинали серіозно безпокоиться не случилось ли съ ними чего-нибудь дорогой и хотѣли послать къ нимъ на встрѣчу верховыхъ, какъ увидали ихъ подъѣзжавшими къ крыльцу. Узнавъ почему они такъ долго не ѣхали, Александръ Васильевичъ тутъ же сдѣлалъ строгій выговоръ сыну. Софья Львовна, позвавъ Оленьку въ свою комнату, замѣтила ей, впрочемъ очень ласково, что подобныя прогулки вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ ея лѣта неприличны, что есть злые языки, которые изъ этого, самого по себѣ ничего незначащаго, поступка могутъ вывести сплетни, отъ которыхъ можетъ пострадать ея репутація и что она уже не маленькая дѣвочка и должна держать себя осмотрительнѣе. Оленька выслушала всю эту нотацію съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами. Она очень хорошо понимала что дѣвушкѣ неприлично ѣздить одной съ молодымъ постороннимъ ей человѣкомъ, — по крайней мѣрѣ по принятымъ въ кругу ея понятіямъ, и она конечно никогда бы этого себѣ не позволила; но развѣ Аркадій былъ для нея посторонній? Развѣ Софья Львовна не называла его ея братомъ, а ее его сестрой? Да и сами они развѣ иначе смотрѣли другъ на друга? И она невольно задумалась надъ этимъ послѣднимъ вопросомъ, который не разъ и прежде приходилъ ей въ голову. Дѣйствительно ли такъ смотрѣли они другъ на друга? спрашивала она себя. Она принялась анализовать взаимныя свои съ Аркадіемъ отношенія, прослѣдила шагъ за шагомъ за всѣми перипетіями развитія лежавшаго въ основѣ ихъ чувства съ самаго дня своего съ нимъ знакомства. Припомнились ей и первый пріѣздъ Аркадія въ Бакланы и выкатившаяся изъ глазъ ея при прощаніи съ нимъ слеза и веденная ими черезъ Лизу переписка; вспомнила она и свой съ нимъ разговоръ на другой день его втораго пріѣзда, старалась уяснить себѣ и настоящія свои къ нему чувства. И чѣмъ болѣе углублялась она въ себя, чѣмъ глубже всматривалась въ чувства свои къ Аркадію, тѣмъ болѣе поселялось въ ней недовѣріе къ самой себѣ, недовѣріе къ собственнымъ чувствамъ своимъ. Еще загадочнѣе казались ей чувства къ ней Аркадія, особенно въ связи съ памятнымъ разговоромъ на другой день его пріѣзда. Загадоч-

ность эта усложнялась для нея еще однимъ обстоятельствомъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ Аркадій показывалъ ей съ Лизой привезенный имъ изъ Петербурга альбомъ. Когда онъ вынималъ его изъ футляра, изъ него выпалъ обернутый въ китайскую бумагу акварельный портретъ; Аркадій хотѣлъ схватить его, но Лиза его предупредила и прежде нежели онъ успѣлъ выхватить портретъ у нея изъ рукъ, она ужь показала его Оленькѣ. Это былъ женскій портретъ замѣчательной красоты. Аркадій видимо сконфузился и, какъ бы въ чемъ оправдываясь, сказалъ что это былъ портретъ одной италіянской пѣвицы. Оленька съ Лизой конечно тутъ же поняли что онъ лгалъ: онѣ хотя и смутно, уже слышали о связи его съ Француженкой и были почти увѣрены что портретъ былъ ея. Съ этого дня Оленьку очень занимала мысль дѣйствительно ли любилъ и продолжалъ ли любить ее Аркадій. Вопросъ этотъ и теперь пришелъ ей въ голову. „Если онъ и до сихъ поръ еще любитъ ее, спрашивала она себя, какое же другое чувство можетъ онъ имѣть ко мнѣ кромѣ братской любви и дружбы?“

— Еслибы ты видѣла какъ papa и maman сердились на Аркадія, сказала вошедши къ ней Лиза, — особенно papa. „Развѣ онъ не понимаетъ, говорилъ онъ, что Оленька ужь не ребенокъ и что она ему не родная сестра.“ Знаешь что̀,— добавила она очень простодушно:—мнѣ кажется они боятся чтобы вы серіозно другъ въ друга не влюбились.

Оленька промолчала; но слова эти глубоко запали у нея на сердцѣ.

За обѣдомъ она почти не поднимала глазъ съ своей тарелки: послѣ полученнаго ею выговора, въ связи съ тѣмъ что̀ такъ наивно высказала ей Лиза и что̀ передумала сама, она не смѣла посмотрѣть кому-либо прямо въ глаза; пуще же всего избѣгала она встрѣтить взглядъ Аркадія; она боялась прочесть въ немъ отвѣтъ на волновавшій ее вопросъ, боялась чтобъ и онъ во взглядѣ ея не прочелъ того что̀ ей такъ хотѣлось скрыть отъ него.

Послѣ обѣда она до самаго вечера не выходила изъ своей комнаты и когда Аркадій сталъ приглашать ее по обыкновенію прогуляться по парку, она долго не рѣшалась.

— Почему же не пойти, уговаривала ее Лиза; вечеръ прекрасный и въ рощѣ поютъ соловьи.

— Да и будемъ мы не одни какъ давича: съ нами будетъ

ангелъ хранитель, добавилъ шутливо Аркадій, показывая на Лизу. Сквозь шутку эту слышалась иронія съ примѣсью худо скрытой досады.

Отказаться было неловко,—она пошла. Нервы ея были до того возбуждены что когда они вошли въ паркъ, ею овладѣлъ какой-то непонятный, какъ бы паническій страхъ: сумрачнѣе обыкновеннаго, казалось ей, смотрѣли стоявшія по сторонамъ вѣковыя липы; изъ полуразвалившагося грота словно вѣяло могильнымъ холодомъ; пугалъ ее и шелестъ игравшаго въ кустахъ вѣтра, пугалъ и шумъ шуршавшихъ подъ ногами сухихъ прошлогоднихъ листьевъ,—пугало самое молчаніе и царившая кругомъ тишина и она инстиктивно жалась къ Лизѣ, точно сердце говорило ей что въ ней должна она была искать себѣ защиту и опору.

— Однако утренній урокъ, какъ видно, пошелъ вамъ въ прокъ, сказалъ, смѣясь Аркадій;—должно-быть вразумительно былъ преподанъ.

— Да вѣдь и вы получили выговоръ отъ начальства, отвѣтила Оленька. Ей хотѣлось скрыть давившее ее чувство и казаться по возможности веселою.

— Я ужь обтерпѣлся, мнѣ къ нимъ не привыкать.

— А я давича сказала Оленькѣ за что papa съ maman на васъ сердятся или лучше сказать чего боятся, вмѣшалась со всегдашнею наивностью своею Лиза.

— Чего же? спросилъ Аркадій.

— Ради Бога перестань, шептала Оленька Лизѣ на ухо.

Онѣ шли обнявшись и она крѣпко прижала ее къ себѣ чтобы заставить замолчать.

— А развѣ это не правда? продолжала та съ тою же наивностью.

Оленька вспыхнула и невольно взглянула вскользь на Аркадія. Глаза ихъ встрѣтились. Такъ еще никогда не смотрѣлъ онъ на нее. Чтò прочла она въ этомъ взглядѣ, она и сама не могла дать себѣ отчета; но вся кровь ея, казалось ей, разомъ прихлынула въ голову, страшно забилось сердце и какъ бы перервалось стѣснившееся въ груди дыханіе.

— Чтò съ тобою? спросила ее Лиза;—ты вся дрожишь какъ въ лихарадкѣ, а сердце-то какъ бьется.

— Должно-быть отъ верховой ѣзды, едва могла проговорить Оленька.

— Весна, сказалъ хладнокровно, закуривая папироску, Аркадій.

Съ этой минуты Оленька уже болѣе не сомнѣвалась что въ основаніи взаимныхъ отношеній ея съ Аркадіемъ лежала не братская любовь и не дружба, а болѣе страстное чувство. Ей страшно было вспомнить о взглядѣ Аркадія, и страшно болѣе потому что онъ вызвалъ въ ея сердцѣ настолько же безотчетно-тревожное, насколько и томительно-сладкое ощущеніе, противостоять которому она чувствовала себя не въ силахъ; невольно припомнилось ей гдѣ-то прочитанное ею о чарующемъ взглядѣ змѣи, неотразимо притягивающей несчастную жертву въ раскрытую пасть свою. И тотъ же, до того невѣдомый ей, паническій страхъ съ новою силой овладѣлъ ею. Понятно что съ этой минуты должны были измѣниться и отношенія ея къ Аркадію: прежнюю искренность и интимность смѣнили сдержанность и осмотрительность; она стала наблюдать за собою, стала взвѣшивать каждое слово, разчитывать каждый шагъ, стала даже избѣгать частыхъ встрѣчъ съ нимъ, а тѣмъ менѣе позволяла себѣ оставаться съ нимъ наединѣ, чтобы какъ-нибудь не встрѣтить снова этого такъ сильно потрясшаго ее взгляда, а можетъ-быть и объясненія на словахъ что̀ выражалъ онъ, наконецъ, чтобы какъ-нибудь не высказаться и самой. Она стала чуждаться и окружавшихъ ее, боясь необдуманнымъ словомъ или неосторожнымъ взглядомъ выдать свою тайну. Прежнія невинныя забавы и развлеченія которымъ она еще такъ недавно предавалась съ дѣтскимъ увлеченіемъ уже не занимали ее; она по цѣлымъ часамъ сидѣла одна погруженная въ безотчетное раздумье. Оленька въ короткое время такъ измѣнилась что Софья Львовна стала серіозно опасаться за ея здоровье.

— Ужь не больна ли ты чѣмъ? заботливо спрашивала она ее.

— А ты ужь не любишь попрежнему Аркадія, выговаривала ей простодушно Лиза.

X.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ Аркадій жилъ въ Бакланахъ, но отношенія его къ отцу нисколько не улучшились; напротивъ, изъ натянутыхъ они сдѣлались какими-то непріязненными, чуть не враждебными. Причиною тому была противоположность ихъ взглядовъ на жизнь и убѣжденій, если только кое-какъ схваченныя Аркадіемъ верхушки слышанныхъ, но не прочувствованныхъ и неусвоенныхъ имъ идей можно было назвать убѣжденіями. Александръ Васильевичъ былъ человѣкъ стараго закала и раздѣлялъ воззрѣнія и вѣрованія людей своего вѣка; Аркадій, принадлежа къ молодому поколѣнію, хотѣлъ быть представителемъ и его воззрѣній. Иногда проводилъ онъ какую-нибудь новую мысль, далеко не совпадающую съ образомъ мыслей отца, а часто и діаметрально ему противоположную: возникали споры, которые, не разубѣждая старика, лишь раздражали его и все болѣе и болѣе возстановляли противъ него. Споры эти болѣзненно дѣйствовали на Оленьку, искренно любившую и уважавшую Александра Васильевича и отъ души желавшую видѣть его въ добромъ согласіи съ сыномъ. Она досадовала на Аркадія не только за его неуступчивость, которая, какъ и самъ онъ видѣлъ, ровно ни къ чему не вела, сколько за то что онъ часто защищалъ убѣжденія которыхъ не раздѣлялъ и проводилъ принципы которымъ не сочувствовалъ или которыхъ даже и самъ не понималъ, точно лишь для того чтобы доказать старику его отсталость. И она не ошибалась: у Аркадія дѣйствительно не было ни принциповъ, ни убѣжденій, а защищалъ онъ тѣ или другіе изъ нихъ лишь потому что они были въ ходу и онъ, считая себя человѣкомъ передовымъ, полагалъ обязанностію своею защищать ихъ. Всѣ они сводились у него къ какой-то туманной идеѣ либерализма, котораго онъ выдавалъ себя завзятымъ поборникомъ, хотя сути его никогда уяснить себѣ не могъ. Да онъ впрочемъ надъ такимъ вздоромъ никогда не ломалъ себѣ головы. „Ça vous pose dans le monde, думалъ онъ; ça vous donne un certain pli,“ и ему этого было довольно.

Когда старикъ Баклановъ былъ въ духѣ, онъ охотно разговаривалъ съ Аркадіемъ о петербургской жизни, причемъ припоминалъ и свои молодые годы; разспрашивалъ его о направленіи современнаго общества, о занимающихъ его вопросахъ, совершенныхъ и предстоявшихъ реформахъ, о новыхъ порядкахъ по военной службѣ: одни изъ нихъ одобрялъ, надъ другими слегка подтрунивалъ. Оленька прислушивалась къ этимъ разговорамъ съ любопытствомъ: они раскрывали предъ нею новую, незнакомую ей жизнь; подчасъ ей казалось что слышитъ она сказки Шехеразады.

— А касокъ и солдатскихъ шинелей у васъ ужь нѣтъ, говорилъ старикъ; — солдаты въ кепи да въ пальто щеголяютъ?

— Да, отвѣчалъ Аркадій; — послѣднія военныя дѣйствія доказали что они много удобнѣе. Прежде обращали вниманіе лишь на наружный видъ, а теперь болѣе смотрятъ на удобство.

— При Суворовѣ объ удобствахъ и не думали, а неприступныя крѣпости брали, да черезъ Чортовы мосты переходили. Ну и этихъ кепи солдаты предъ офицерами, какъ прежде фуражки, ужь не снимаютъ, а, проходя мимо, лишь дѣлаютъ имъ подъ козырекъ: бонжуръ, молъ, мусьё?

— Да, подъ козырекъ.

— Оно дѣйствительно удобнѣе. Что̀ бы при встрѣчѣ ужь прямо другъ другу руку жать. Вотъ что гимнастику ввели, такъ это дѣло хорошее, давно бы слѣдовало. Я чай между солдатами есть ребята ловкіе?

— Есть такіе что любому акробату не уступятъ.

— Любопытно было бы взглянуть, говорилъ съ самодовольною улыбкой старикъ. — Какъ буду въ Петербургѣ, непремѣнно съѣзжу посмотрѣть. Русскій человѣкъ на все способенъ: укажи ему только какъ за дѣло взяться, чорта за поясъ заткнетъ.

— А что̀ это у васъ тамъ за нигилистки такія завелись? спрашивалъ онъ немного спустя.—Говорятъ, ничему не вѣрятъ и знать ничего не хотятъ.

— Знать-то напротивъ онѣ все хотятъ, но вѣрятъ лишь тому въ чемъ убѣдятся умомъ или собственнымъ опытомъ.

— И для этого лягушекъ потрошатъ?

— Да, естествознаніемъ нынче много занимаются.

— А тамъ и людей рѣжутъ?

— Слушаютъ лекціи и въ анатомическій театръ ходятъ.

— Какое ходятъ, такъ, говорятъ, сами и полосуютъ: пріятно у такой барышни ручку поцѣловать. Ну и волосы стригутъ, и синія очки носятъ?

— Стригутъ и очки носятъ.

— А по вечерамъ у студентовъ собираются; съ ними бутерброды ѣдятъ, пиво пьютъ, да объ общественныхъ дѣлахъ толкуютъ.

— И собираются и толкуютъ.

— И что жь полиція? ничего?

— А полиціи какое до нихъ дѣло?

— Ну, нѣтъ, братъ, въ наше время — шалишь; еслибы полиція гдѣ такихъ накрыла, навѣрно ихъ куда бы-нибудь припрятала. А какіе это они еще гражданскіе браки придумали?

— Браки основанные на одномъ взаимномъ согласіи.

— То-есть выходитъ не освященные церковью и не утвержденные закономъ?

— Да; не связанные ни церковными обѣтами, ни формальными обязательствами.

— Стало-быть: любы другъ другу, живите, а не любы — хоть завтра же расходитесь? Хороши браки; главное удобны. Правду ты сказалъ что нынче больше объ удобствѣ хлопочатъ. Ну и съ такою женой тоже подъ-ручку по улицамъ гуляютъ?

— Гуляютъ.

— И знакомые встрѣчаются — кланяются?

— Если знакомые, почему же не поклониться.

— Ну, а если промежь себя разойдутся и пойдетъ она съ новымъ мужемъ подъ-ручку гулять, и опять ей поклонятся?

— И опять поклонятся.

— И съ прежнимъ мужемъ встрѣтится, разговариваетъ съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало?

— Почему же имъ не разговаривать? вѣдь они не ссорились.

— Только характерами не сошлись?

— Конечно.

— Чудеса! заключалъ Баклановъ.

Точно также въ разговорахъ съ сыномъ заводилъ онъ рѣчь и о другихъ интересовавшихъ его вопросахъ.

— А вотъ вчера Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ изъ Петербурга, сказалъ онъ какъ-то, возвратясь изъ гостей,—и разказываетъ будто тамъ говорятъ что всѣхъ стариковъ пере-

вѣшать надо, что они какъ старыя деревья молодымъ побѣгамъ солнце затѣняютъ, хода имъ не даютъ. Правда?

— Можетъ-быть и говорятъ, но я не слыхалъ, отвѣчалъ Аркадій.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, на что мы стали годны? Мы ужь и выдохлись, и изъ ума выжили. Вѣдь говорятъ же что не молодымъ у стариковъ, а старикамъ у молодыхъ учиться надо?

— Дѣйствительно говорятъ что по естественному ходу прогресса каждое новое поколѣніе становится и умнѣе, и опытнѣе стараго.

— Даже и опытнѣе? Это какъ? Объясни пожалуста, интересно послушать.

— Очень просто. Человѣчество, какъ нравственное лицо, живетъ точно также своею жизнью какъ и отдѣльный индивидуумъ, считая возрасты свои поколѣніями. Понятно что каждое послѣдующее поколѣніе опытнѣе предыдущаго, если не своимъ, то его же опытомъ.

— То-есть молодое-то поколѣніе по этому разчету становится ужь, такъ-сказать, старше стараго?

— Конечно.

— Хитро, сказалъ, подумавъ, Баклановъ, — и если разсудитъ хорошенько, такъ пожалуй и справедливо, только надо дѣло понять какъ слѣдуетъ; а то иной молокососъ возмечталъ что онъ умнѣе стариковъ уже потому что моложе ихъ. Вишь какіе камуфлеты подводятъ. А небось все поповичи разные эти силлогизмы придумываютъ. Все подъ нашего брата подкапываются, ужь больно ихъ подтормаживаемъ, хода не даемъ. Слышишь, Sophie,—кричалъ онъ женѣ.— Поди-ка разкажи матери, да скажи ей что Лиза и опытнѣе и старше ея стала и что ручку-то цѣловать теперь ужь ей у нея приходится.

И долго еще послѣ того старикъ смѣясь разказывалъ пріѣзжавшимъ къ нему гостямъ объ этомъ, какъ онъ называлъ, долгогривомъ силлогизмѣ.

Но не всегда разспросы и бесѣды эти кончались такъ миролюбиво; нерѣдко по поводу ихъ между отцомъ и сыномъ возникали горячіе споры, имѣвшіе иногда очень грустный исходъ.

Разъ завязался у нихъ диспутъ на тему: „собственность кража“. Аркадій хотя и не поддерживалъ принципа во всемъ

его луризмѣ, но тѣмъ не менѣе проводилъ положенія далеко не согласовавшіяся съ образомъ мыслей старика, заключивъ ихъ выводомъ что на всякомъ богатомъ человѣкѣ лежитъ непремѣнная обязанность удѣлить часть состоянія своего въ помощь неимущей братіи и что не сдѣлавъ этого, онъ не имѣетъ права смотрѣть на людей прямыми глазами.

Тотъ выслушалъ его очень серіозно и съ большимъ вниманіемъ.

— И ты чувствуешь въ себѣ достаточно характера и самоотверженія чтобы поступить такъ? спросилъ онъ его.

— Еслибы не чувствовалъ, то конечно и не позволилъ бы себѣ такъ говорить, отвѣтилъ нѣсколько обиженнымъ тономъ Аркадій.

— Стало-быть ты ничего не будешь имѣть противъ меня, если я употреблю часть имѣнія или по крайней мѣрѣ денежный капиталъ на человѣколюбивыя учрежденія?

Оба эти вопроса предложилъ онъ очень серіозно, точно были они не слѣдствіемъ настоящаго разговора, а еще заранѣе задуманнаго плана. Аркадій зналъ отца, зналъ что онъ говорить на вѣтеръ не любилъ, зналъ и то что онъ уже употребилъ довольно значительную сумму на устройство разныхъ сельскихъ учрежденій. Припомнились ему и слова матери какъ-то жаловавшейся ему на неумѣстныя по ея мнѣнію гуманничанія мужа и онъ невольно замялся. „Чего добраго, подумалъ онъ про себя; вѣдь онъ самодуръ,—пожалуй что̀ говоритъ, то и сдѣлаетъ: самъ же ты, скажетъ, того хотѣлъ.“

— Я спрашиваю тебя объ этомъ потому, продолжалъ также серіозно Баклановъ,—что въ силу моихъ убѣжденій всякій не нажившій самъ состоянія своего, и получившій его по наслѣдству отъ предковъ, обязанъ передать его не только въ полномъ составѣ, но и со сдѣланными на доходы съ него приращеніями своему потомству. Ты мой единственный сынъ и наслѣдникъ и потому я очень желалъ бы знать твое по этому предмету мнѣніе. Серіозно думаешь ты такъ? заключилъ онъ, смотря ему прямо въ глаза.

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ-сказать въ упоръ и отвѣчать на него надо было прямо и категорически.

— Конечно, сказалъ Аркадій, смѣшавшись и глядя на дымившуюся въ рукѣ его папироску,—чтобы поступить такъ, надо быть твердо увѣреннымъ что употребленный съ этою

цѣлію капиталъ пойдетъ по своему назначенію, а поручиться за это въ наше время трудно.

Сдѣлавъ этотъ уклончивый отвѣтъ, Аркадій взглянулъ вскользь на отца и ему показалось что въ его прямо и вопросительно устремленномъ на него взглядѣ промелькнуло что-то въ родѣ горькой насмѣшки. Старикъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ни слова и, заложивъ руки за спину, сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ другой разъ за обѣдомъ зашла рѣчь о настроеніи духа современнаго общества и преимущественно молодаго поколѣнія.

— Вѣдь нынче, сказалъ Баклановъ, — военная служба, говорятъ, ужь не въ прежнемъ почетѣ; всѣ больше наровятъ идти по статской.

— Да; гражданская служба въ настоящее время представляетъ болѣе легкую и блестящую карьеру, отвѣтилъ Аркадій;—да и кому какая охота подставлять свой лобъ подъ пулю.

— Какъ такъ? посмотрѣлъ на него вопросительно отецъ, остановивъ на половинѣ пути вилку съ кускомъ мяса, который несъ-было въ ротъ.

— Конечно; какой-нибудь авантюристъ Наполеонъ для осуществленія своей личной фантазіи или для упроченія своей династіи на узурпированномъ престолѣ заваритъ кашу; а тутъ по его милости и pour son bon plaisir и рискуй своею жизнію? Нѣтъ; нынче всякій разсуждаетъ что онъ ее не въ дровахъ нашелъ.

— Но если этого требуетъ честь націи, если это необходимо для поддержанія могущества и славы отечества?

— Все это прекрасно, но своя рубашка къ тѣлу ближе.

Старикъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— И дворяне нынѣшніе также думаютъ? спросилъ онъ, видимо приходя въ раздраженіе.

— Развѣ дворяне глупѣе другихъ? Много они выиграли что въ Двѣнадцатомъ Году ни скота, ни живота своего не щадили? Надъ ними же теперь всякій смѣется.

— Нѣтъ; я никогда не повѣрю чтобы такъ могъ разсуждать настоящій русскій дворянинъ, сказалъ Баклановъ, задыхаясь отъ негодованія. — Такъ можетъ думать лишь прохвостъ какой-нибудь безъ роду и племени. Это не благоразуміе, а низкая, недостойная дворянина трусость! И, бросивъ вилку на столъ, онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Сцена эта произвела на всѣхъ сильное, хотя и не одинакое впечатлѣніе. Оленька вполнѣ раздѣляла и образъ мыслей и негодованіе старика и недовѣрчиво смотрѣла на Аркадія; Лиза, сама не понимая чего испугалась, въ недоумѣніи и страхѣ провожала глазами уходившаго отца.

— И охота тебѣ вѣчно затѣвать эти споры съ отцомъ, упрекала Аркадія мать.

— Тѣмъ болѣе что я увѣрена что Аркадій Александровичъ самъ не раздѣляетъ убѣжденій которыя защищалъ, добавила нерѣшительно Оленька.

Аркадій посмотрѣлъ на нее, но не сказалъ ни слова: онъ чувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то неловко.

На другой день послѣ этого разговора, Оленька, гуляя по обыкновенію съ Аркадіемъ и Лизой, навела намѣренно на него рѣчь.

— Неужели таковы дѣйствительно ваши убѣжденія? спросила она Аркадія.

— То-есть какія именно?

— Что вы для блага и чести отечества не рѣшились бы рисковать своею жизнію?

— Вопервыхъ, что понимаете вы подъ словомъ отечество? Слово это чрезвычайно неопредѣленно. Понимаете ли вы подъ нимъ опредѣленный районъ извѣстной мѣстности, связанный общностью матеріальныхъ или какихъ-либо другихъ интересовъ, или все населеніе со включеніемъ Чувашей, Бурятъ, Самоѣдовъ?...

— Подъ именемъ отечества понимаю я Россію въ полномъ ея составѣ, ту Россію, могуществомъ и силою которой гордится всякій истинно Русскій.

— То-есть, продекламировалъ Аркадій:

......Отъ Перми до Тавриды
От Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

— Конечно.

— Что до меня касается, то признаюсь: сердце мое не настолько эластично чтобы могло растянуться на такое огромное пространство. Что у меня можетъ быть общаго съ какимъ-нибудь Камчадаломъ? И если его побьетъ или и вовсе убьетъ американскій китоловъ, неужели я долженъ считать

это за оскорбленіе націи и для удовлетворенія національной чести снаряжать кругосвѣтную экспедицію?

— Я понялъ бы еслибы дѣло шло о районѣ четырехъ, пяти смежныхъ губерній, связанныхъ между собою какимъ-нибудь общимъ матеріальнымъ интересомъ, хотя бы напримѣръ сбытомъ пшеницы. Еслибы вдругъ сбыту этому представилось бы такое препятствіе устранить которое нельзя было бы иначе какъ силою оружія; то я понимаю, всякій необходимо долженъ взяться за него во имя общей пользы.

— Неужели только и есть что матеріальная польза и опасность можетъ только угрожать пшеницѣ?

— Но какая же намъ можетъ угрожать опасность? Мы, благодаря Бога, живемъ не во времена Батыевъ, Тамерлановъ или какой-нибудь Пугачевщины.

— Компанія Двѣнадцатаго Года была не очень давно, да и Крымская могла кончиться не такъ, какъ кончилась. И что жь, вы оставили бы насъ на произволъ судьбы, потому что жизнь вашу не въ дровахъ нашли?

— О, тогда я конечно полетѣлъ бы въ станъ Русскихъ воиновъ, сѣлъ у огня между шатрами и запѣлъ бы:

Друзья, блаженнѣйшая часть:
Любезныхъ быть спасеньемъ.
Когда жь предѣлъ намъ въ битвѣ пасть—
Погибнемъ съ наслажденьемъ.

— Какъ! Вы и Жуковскаго читали?

— Еще бы; я еще мальчикомъ зналъ всѣ патріотическіе гимны и пѣсни наизусть.

— Удивляюсь. Такъ вы ужь кстати пропойте:

Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью.

— И заключилъ бы:

О Царь! Здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

И при словѣ „сонмъ“ укажу на весь разнохарактерный дивертисментъ отъ сидящихъ вкругъ огня на корточкахъ Алеутовъ, до остзейскихъ бароновъ. Не забуду, конечно, и Тамбовскихъ и Саратовскихъ помѣщиковъ, готовыхъ, какъ извѣстно, для защиты отечества по первому кличу бросить не только женъ и дѣтей, но и борзыхъ собакъ своихъ.

— Вы опять свое, сказала съ непритворною грустью Оленька:—самыя святыя чувства обращаете въ шутку, вѣдь это нравственное кощунство. Нѣтъ; я дамъ себѣ слово никогда не говорить съ вами о такихъ предметахъ.

— Считаете меня неспособнымъ возвыситься до нихъ?

— Вѣдь то-то и досадно что я, напротивъ, убѣждена что вы имъ вполнѣ сочувствуете, что вы любите отечество ваше и гордитесь имъ, и гордитесь именно его могуществомъ и силою. Я даже убѣждена что вы въ душѣ помѣщикъ, и если смѣетесь надъ ними, то только потому что такъ ужь въ духѣ настоящаго времени надъ ними смѣяться и дѣлать изъ нихъ какихъ-то шутовъ. Простите мнѣ мою откровенность; но я не вѣрю чтобы вы раздѣляли и большинство принциповъ и убѣжденій которые вы въ разговорахъ вашихъ проводите и не вѣрю потому что слишкомъ уважаю васъ.

Аркадій молчалъ; откровенность эта видимо была ему не понутру.

— Послушайте, продолжала Оленька послѣ минутнаго молчанія:—вы очень остроумны и обладаете способностію высокіе предметы представлять смѣшными. Дайте мнѣ слово не обращать этой способности на предметы касающіеся религіи и нравственныхъ убѣжденій. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ, сказала она почти со слезами на глазахъ, протягивая Аркадію руку.

— А вы что̀ мнѣ за это дадите? спросилъ онъ полушутливо.

— Мою дружбу.

— Что̀ еще?

— Развѣ вамъ этого мало?

— Можетъ-быть даже слишкомъ много; но я желалъ бы получить отъ васъ еще что-то.

— Что̀ же могу я вамъ дать еще?

— Подумайте.

— Такая право мудреная загадка что я сама собою никогда ее не отгадаю.

— А можетъ-быть и отгадали, да не рѣшаетесь сказать.

— Но развѣ на это нужна извѣстная доза рѣшимости?

— Вѣдь женщины вообще нерѣшительны. Кромѣ оковъ которыя наложило на нихъ общество, онѣ еще сами произвольно налагаютъ на себя разныя другія, то изъ нравствен-

ныхъ принциповъ, то изъ пустаго приличія, даже изъ предразсудковъ, и точно щеголяютъ ими. Хотите выслушать мою задушевную исповѣдь?

— Говорите.

— Откровенность моя не оскорбитъ васъ?

— Нисколько.

— Я женщинъ каждую порознь уважаю и имѣю къ нимъ всевозможныя аттенціи; но женщину вообще въ глубинѣ души моей презираю.

— За что жь такая немилость?

— А за то что она живетъ тысячи лѣтъ въ рабствѣ и до сихъ поръ еще не свергнула съ себя этого позорнаго ига.

— Но кто въ этомъ виноватъ какъ не вы же?

— Сначала конечно такъ; но съ тѣхъ поръ какъ нравственная сила стала брать верхъ надъ физическою, такъ равнодушно переносить свое униженіе просто возмутительно.

— Но что же намъ дѣлать?

— Войдите съ протестомъ, сдѣлайте демонстрацію, удалитесь наконецъ какъ нѣкогда плебеи изъ Рима на Авентинскую гору и мы всемірные патриціи явимся къ вамъ для переговоровъ.

— Гдѣ же эта Авентинская гора и какъ мы пойдемъ на нее? спросила Оленька, стараясь не глядѣть на Аркадія: онъ въ роли пропагандиста всегда казался ей до крайности смѣшнымъ.

— Начните хоть съ того что дайте себѣ слово не вступать въ бракъ на существующихъ условіяхъ.

— Что же изъ этого выйдетъ?

— Ну и мы поневолѣ должны будемъ согласиться на тѣ которыя вы намъ предложите.

— А если не согласитесь?

— И отлично: будемъ жить всякій самъ по себѣ, не завися другъ отъ друга, трудами своими. Такой порядокъ вещей былъ бы хорошъ ужь тѣмъ что при немъ было бы больше общности въ интересахъ. Теперь же женишься, обзаведешься своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, своимъ отдѣльнымъ микрокосмишкомъ, а объ общемъ дѣлѣ и позабудешь.

— Другими словами: вы проповѣдуете намъ гражданскіе браки, сказала Оленька.

— Васъ почему-то напугало это слово, возразилъ Арка-

дій,—и вы боитесь вглядѣться въ суть дѣла. Назовите эти качели хоть висѣлицей, они все-таки останутся качелями.

— Нѣтъ, Оленька, онъ какой-то злой духъ, Мефистофель, сказала прижавшись къ ней Лиза, — не слушай его. Не соблазняй моей доброй Гретхенъ, добавила она обратившись съ умоляющимъ взглядомъ къ Аркадію.

— Я лишь высказалъ свою мысль, сказалъ онъ;—а тамъ ваше дѣло. Если вамъ ваши оковы нравятся, такъ и оставайтесь въ нихъ: вольному воля.

— А спасенному рай, заключила Лиза цѣлуя Оленьку.

(До слѣд. №.)

Н. ЧАПЛЫГИНЪ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ

УКРАЙНОФИЛАХЪ

По поводу статьи о современномъ украйнофильствѣ (*Русскій Вѣстникъ*, 1875, февраль), считаю долгомъ заявить, или лучше сказать повторить, и мое мнѣніе объ этомъ странномъ направленіи нѣкоторыхъ нашихъ украйнолюбивыхъ дѣятелей, выбивающихся изъ силъ чтобы какъ-нибудь достигнуть своей фантастической цѣли. Не стану впрочемъ входить въ подробный разборъ этого направленія; авторъ вышеупомянутой статьи весьма вѣрно выставилъ всю недобросовѣстность ратоборцевъ украйнолюбства. Ограничусь только указаніемъ самыхъ главныхъ и существенныхъ его пунктовъ, имѣя въ виду преимущественно нашъ западъ и юго-западъ, такъ какъ, по одинаковости ихъ обстоятельствъ, состояніе одного обыкновенно отражается на другомъ. Въ томъ же смыслѣ какъ теперь я уже высказался нѣсколько разъ (особенно въ статьяхъ: *Голосъ изъ юго-западной Руси*, *Русское Слово*, 1859 года; *О русскомъ языкѣ*, *Современная Лѣтопись*, Москва, 1863 года и *О посланіи Поднѣпрянина къ Кіевскимъ Болгарамъ и Сербамъ*, Кіевъ, 1864).

Что̀ такое украинофильство? Еслибъ то была только любовь къ Украйнѣ, какъ своей родинѣ, то любовь эта была бы дѣломъ добрымъ; но бѣда въ томъ что наше украйно-

любство страдаетъ иногда довольно болѣзненнымъ избыткомъ; въ своемъ избыткѣ оно болѣзненно потому что какая-то горсть любителей своего уголка, называемаго Украйною, воображаетъ подчинить своимъ вкусамъ и весь нашъ западъ и юго-западъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Извѣстно что наши западные сосѣди, послѣ вѣковыхъ усилій, успѣли сильно подавить нашъ южно-русскій (а равно и западно-русскій) народъ въ западной полосѣ; но эти успѣхи не довершились и были прерваны, благодаря возсоединенію всего нашего запада съ центральною Россіей и образованному, богатому литературою обще-русскому языку. Продолжать прежнюю систему дѣйствій нѣтъ для нихъ теперь никакой возможности, и вотъ, издалека пущена въ ходъ другая система (подобная ей впрочемъ и прежде неоднократно употреблялась ими въ дѣло). Теперь сочинители этой системы желали бы ослабить православное русское населеніе нашего юга и юго-запада, ограничивъ его письменность и обученіе только его просторѣчіемъ и проводя въ немъ всевозможными инсинуаціями вражду къ центральной Россіи. Въ тактъ съ этими прямо гибельными для насъ желаніями нашихъ сосѣдей, къ тому же направляли свои довольно странныя усилія и нѣкоторые наши любители Украйны. И вотъ, въ этомъ и состоятъ главные, излюбленные ими пункты. Конечно, эта искусственная система обнаруживаетъ изворотливую ловкость въ своихъ авторахъ; но за то она обнаруживаетъ и нѣкоторую недалекость въ нашихъ землякахъ: они накинулись на эту систему какъ мотыльки на пламя горящей свѣчи, воображая что совершаютъ для насъ дивно благотворный подвигъ. Остановлюсь преимущественно на усиліи нѣкоторыхъ любителей Украйны направленномъ противъ русскаго языка; что касается прямыхъ и косвенныхъ выходокъ противъ центральной Россіи, то касаюсь ихъ только мимоходомъ, въ немногихъ словахъ, такъ какъ объ этомъ вопросѣ я уже высказалъ мой взглядъ довольно подробно въ вышеупомянутой статьѣ *О посланіи Поднѣпрянина къ Кіевскимъ Болгарамъ и Сербамъ*, стр. 15—51. *

* Для образчика подобныхъ выходокъ укажемъ только на два примѣра:

1) Львовское *Слово*, которое сочувственно относится къ Россіи и къ русскому языку, нѣкоторые любители Украйны стараются всячески унизить, тогда какъ какой-то галицкой мнимой „Правдѣ“ враж-

Наши любители Украйны, какъ намъ кажется, усиливались такъ повести дѣло чтобы вытѣснить обще-русскій языкъ и учебники на обще-русскомъ языкѣ и какъ-нибудь ввести учебники и объясненія только на южно-русскомъ просторѣчіи, по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ школахъ. Чего не говорено было, лишь бы достигнуть цѣли? Прежде всего старались увѣрить что обще-русскій языкъ въ элементарныхъ школахъ не понятенъ. Чтò сказать объ этомъ увѣреніи? Можемъ сказать смѣло что эта ссылка на непонятность обще-русскаго языка и элементарныхъ учебныхъ книгъ на обще-русскомъ языкѣ въ первоначальныхъ школахъ несправедлива. Обще-русскій языкъ учебныхъ книгъ въ элементарныхъ школахъ у насъ не только понятенъ дѣтямъ, но часто даже понятнѣе южно-русскаго жаргона выдумываемаго нѣкоторыми нашими любителями Украйны, такъ какъ

дебной Россіи, расточаютъ похвалы, или если и указываютъ въ ней на нѣкоторые недостатки, то только на второстепенные, возможные въ каждомъ періодическомъ изданіи, но отнюдь не на ея общее направленіе, непріязненное Россіи. По нашему мнѣнію, о подобномъ изданіи или вовсе говорить не стòитъ, или если говорить, то нужно указать на то что оно враждебно Россіи. Не имѣя возможности унизить направленіе львовскаго *Слова*, наши дѣятели украйнолюбства усиливаются по крайней мѣрѣ очернить самого издателя. А все изъ-за чего? Изъ-за того что издатель сочувственно относится къ Россіи и къ цѣлому шестидесятимилліонному Русскому народу, а не къ одной Украйнѣ, которая, правду сказать, для насъ безразлична. Но напрасно украйнофилы бѣгаютъ и хлопочутъ чтобъ унизить *Слово*, мѣшающее ихъ пигмейскимъ затѣямъ. Пока *Слово* сочувствуетъ Россіи и всему Русскому народу, и мы будемъ ему сочувствовать.

2) Другимъ образцикомъ можетъ быть композиція *Хмары* на южно-русскомъ просторѣчіи. Въ этой композиціи авторъ хотѣлъ выставить въ самыхъ темныхъ краскахъ одного воспитанника Кіевской Духовной Академіи, уроженца сѣверной Россіи. Заниматься разборомъ подобныхъ композицій не стòитъ. Замѣтимъ только что въ періодъ нашего воспитанія, мы постоянно встрѣчали самые прекрасные типы молодыхъ людей изъ уроженцевъ сѣверной Россіи и постоянно остаемся въ убѣжденіи что для общаго нашего блага нуженъ у насъ между сѣверомъ и юго-западомъ постоянный взаимный обмѣнъ умственныхъ силъ и дѣятелей. Мы желали бы только знать: неужели автору *Хмаръ* не жаль времени и труда потраченныхъ на эту жалкую работу? Писать подобныя сочиненія то же самое что заниматься ябедами и крючкотворствомъ.

южно-русское просторѣчіе не одинаково въ разныхъ полосахъ южной и юго-западной Россіи. Конечно, для начинающаго учиться будутъ и на обще-русскомъ книжномъ языкѣ встрѣчаться слова и понятія неизвѣстныя, точно также какъ они были бы, и притомъ несравненно въ большемъ количествѣ, на придумываемомъ южно-русскомъ просторѣчіи; но для того чтобъ эти рѣдкія непонятности сдѣлать понятными, существуютъ объясненія, а эти объясненія словъ и фразъ никто не воспрещаетъ сдѣлать, если это дѣйствительно нужно гдѣ-нибудь въ глуши, и на мѣстномъ просторѣчіи; никто же не воспрещаетъ, если кому угодно, читать и какія-нибудь композиціи на южно-русскомъ просторѣчіи. Къ чему же, спрашивается, хлопотать и суетиться о какомъ-то формальномъ, систематическомъ двуязычіи въ обученіи на нашей Русской землѣ, гдѣ въ средѣ главнаго ея народонаселенія вовсе нѣтъ того двойства которое дѣйствительно мы находимъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ? Прибавимъ еще что во многихъ, очень во многихъ первоначальныхъ школахъ, вовсе не потребуется даже и этихъ объясненій русскихъ словъ и фразъ на мѣстномъ просторѣчіи, потому что въ нихъ дѣти прекрасно все понимаютъ безъ всякихъ переводовъ на мѣстное просторѣчіе. Вводить для нихъ лишнія объясненія даже этихъ отдѣльныхъ словъ и фразъ на мѣстномъ просторѣчіи, значило бы просто только замедлять ходъ ихъ обученія и толочь въ ступѣ воду. Говорю это твердо, потому что весьма хорошо знаю какъ не только сотни вмѣстѣ со мною, но, подобно мнѣ, тысячи дѣтей, говорившихъ до 7—8 лѣтъ только на мѣстномъ южно-русскомъ просторѣчіи, начинали потомъ ученіе, безъ малѣйшихъ затрудненій, по книгамъ на обще-русскомъ языкѣ и все понимали также какъ понимали бы ихъ дѣти живущія въ центральной Россіи. Мало того, я думаю что большинство дѣтей нашего запада и юго-запада даже лучше будетъ понимать простой книжный обще-русскій языкъ нежели дѣти нѣкоторыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ губерній, знакомыя только съ мѣстнымъ просторѣчіемъ. Такъ было на нашемъ юго-западѣ (и сѣверо-западѣ) даже до тридцатыхъ годовъ, когда на всемъ пространствѣ его существовали только польскія свѣтскія училища, русскія же училища были только духовныя, и когда, смѣло можно сказать, во сто разъ меньше было возможности учиться на русскомъ языкѣ. Въ настоящее

же время, когда средства образованія значительно увеличились, когда существуетъ столько училищъ и столько учебныхъ руководствъ, когда русскій языкъ такъ распространенъ даже въ отдаленныхъ западныхъ губерніяхъ, было бы признакомъ нѣкоторой неискренности увѣрять что русскій языкъ непонятенъ въ школахъ, что нужно вытѣснить его и замѣнить какимъ-то новосочиняемымъ южно-русскимъ книжнымъ языкомъ. Въ другихъ странахъ, гдѣ даже главное народонаселеніе бываетъ очень разноплеменно, и гдѣ языки на которыхъ оно говоритъ совершенно чужды одинъ другому, какъ напримѣръ мадьярскій или нѣмецкій русскому, конечно, большею частью обучаютъ сначала на мѣстныхъ языкахъ или нарѣчіяхъ; но у насъ, въ областяхъ западныхъ и юго-западныхъ, гдѣ сплошное народонаселеніе почти все славяно-русское, стыдно для устраненія обще-русскихъ учебныхъ книгъ и объясненій, для ограниченія этого народонаселенія какими-то, кѣмъ-то составленными жаргонными книжонками, прибѣгать къ увѣреніямъ будто обще-русскія элементарныя книги не понятны. И одной этой понятности общерусскихъ учебныхъ книгъ достаточно для доказательства неумѣстности введенія какого-то двойственнаго книжнаго учебнаго языка.

Но мы и не вправѣ устранять обще-русскія учебныя книги и замѣнять ихъ какими бы то ни было другими; потому что обще-русскій или просто русскій языкъ также нашъ, какъ и жителей сѣверныхъ: онъ выработанъ совокупными трудами нашего сѣвера, запада и юга. Это не великорусскій только, а общій русскій языкъ, языкъ культурный, которымъ каждый сколько-нибудь грамотный будетъ и долженъ будетъ пользоваться во всевозможныхъ случаяхъ практической жизни.

Изъ того что южно-русское нарѣчіе отличается чѣмъ бы то ни было отъ великорусскаго, ровно ничего не слѣдуетъ относительно нашего образованія. Различіе между ними можетъ быть предметомъ филологическаго изслѣдованія для тѣхъ кого это интересуетъ; но оно нисколько не мѣшаетъ и не должно мѣшать употребленію одного обще-русскаго языка въ области школьнаго обученія. Кому угодно, можетъ себѣ что-нибудь читать на южно-русскомъ просторѣчіи; если изрѣдка бываетъ дѣйствительная необходимость въ объясненіи словъ и фразъ русскихъ на мѣстномъ просторѣчіи, она можетъ быть ува-

жена; но изъ-за личныхъ вкусовъ усиливаться измѣнить цѣлую систему обученія и устранить изъ школъ общій всѣмъ намъ и понятный русскій языкъ, было бы безразсудно. Подобныя притязанія всегда казались намъ тѣмъ болѣе странными что при серіозномъ отношеніи къ дѣлу, никто изъ родителей самаго простаго званія не пожелалъ бы чтобъ обученіе ихъ было на южно-русскомъ просторѣчіи. * Скорѣе они пожелали бы чтобы въ составъ обученія на обще-русскомъ языкѣ входило и церковно-славянское чтеніе.

Далѣе, и изъ того что нѣкоторые иностранцы говорятъ иногда о составленіи учебниковъ для элементарныхъ школъ только на мѣстномъ просторѣчіи, нисколько не слѣдуетъ что и мы непремѣнно должны слѣдовать ихъ мнѣнію. Ихъ историческая жизнь, этнографія, рознь въ языкахъ и нарѣчіяхъ и многія другія обстоятельства могутъ быть вовсе не сходны съ нашими; съ какой же стати мы непремѣнно должны имъ слѣдовать, когда, съ одной стороны, русскій языкъ принадлежитъ всѣмъ намъ и понятенъ на всѣхъ инстанціяхъ обученія, а съ другой — недоброжелатели Россіи только и жаждутъ какъ-нибудь проводить рознь въ средѣ главнаго и огромнаго ея народонаселенія. Чужими взглядами въ подобномъ вопросѣ, по моему мнѣнію, нужно пользоваться очень осторожно; иначе легко можно дойти до результатовъ, для насъ печальныхъ, а для другихъ, быть-можетъ, очень желанныхъ и отрадныхъ. Впрочемъ, если уже ссылаться на иностранцевъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду не мнѣнія которыя случайно высказаны кѣмъ-нибудь, но дѣйствительное положеніе дѣла, а въ образованныхъ странахъ Европы языкомъ преподаванія служитъ одинъ общій всему народу языкъ. Въ Германіи, также какъ и во Франціи, есть много мѣстныхъ говоровъ; но ни тамъ, ни тутъ никакое мѣстное нарѣчіе не оспариваетъ правъ общаго языка, и нѣмецкій языкъ для всѣхъ Нѣмцевъ есть общій, равно всѣмъ родной и дорогой языкъ національнаго единенія и образованія, какъ французскій для всѣхъ Французовъ.

Наконецъ, мы не можемъ и не имѣемъ права настаивать на томъ что прямо клонилось бы къ неестественному внутреннему отдаленію западныхъ губерній отъ центральной Россіи, къ отнятію у нихъ одного изъ источниковъ ихъ внутренней силы сообщаемой нашимъ прекраснымъ русскимъ

* Знаемъ это положительно, какъ фактъ.

языкомъ, и затѣмъ къ содѣланію изъ нихъ удобнѣйшей жертвы для различныхъ пропагандъ. Мы уже знаемъ результаты этихъ пропагандъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Неужели же мы не поймемъ что выбить ихъ можно только силою нашего образованнаго русскаго языка на всѣхъ инстанціяхъ обученія, и что всякая путаница въ этомъ отношеніи только упрочитъ навсегда эти неблагопріятныя для насъ послѣдствія былой пропаганды. Не можемъ не вспомнить при этомъ прекраснаго дѣла гр. А. Д. Б—ой; разумѣемъ основанное ею почти въ самомъ центрѣ одной изъ юго-западныхъ губерній женское училище. Вотъ что собственно могло бы оградить и упрочить на будущее время положеніе нашего несчастнаго запада и юго-запада; это — живое и основательное усвоеніе въ школахъ прекраснаго русскаго языка дѣвицами всякаго званія и состоянія, которыя изъ школъ перенесли бы его и въ свои семейства, а не эти злосчастныя выходки мнимыхъ украйнолюбцевъ, творимыя подъ камертонъ нашихъ же недоброжелателей. Вотъ что по нашему глубокому убѣжденію, достойно признательности и подражанія. Только русская литература и русскій языкъ могутъ тамъ вытѣснить собою языкъ до сихъ поръ господствовавшій почти во всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ слояхъ народонаселенія. * Выдумывая же хлопоты о какомъ-то формальномъ введеніи въ элементарныя школы какого-то южно-русскаго жаргона, котораго, какъ литературнаго, офиціальнаго и общаго, одинаковаго нѣтъ и быть не можетъ, усиливаясь постоянно объяснять различіе между центральною и юго-западною Россіей, рекомендуя какіе-то официіальные

---

* Дай Богъ чтобы подобныхъ женскихъ училищъ явилось еще хотя по два, по три въ каждой юго-западной губерніи, особенно подальше къ западу, лишь бы въ нихъ были хорошія русскія библіотеки, хорошій надзоръ и учили бы хорошо русскому языку и русскому произношенію. Не нужно много проницательности чтобы выразумѣть всю важность подобныхъ училищъ, а равно и всю безполезность украйнофильскихъ тенденцій; стоитъ только знать существовавшій до недавняго времени широкій фактъ и вдуматься въ его послѣдствія. Извѣстно что на нашемъ юго-западѣ почти всѣ, особенно по селамъ, знаютъ больше или меньше мѣстное южно-русское просторѣчіе. Но на немъ говорили и говорятъ только въ самыхъ низшихъ слояхъ общества или въ разговорѣ съ прислугою;

переводы при обученіи съ русскаго на южно-русскій и съ южно-русскаго на русскій языкъ, мы только способствуемъ тому чтобы продлить, а можетъ-быть и увеличить пассивное состояніе нашего православнаго русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ предъ чуждымъ намъ и иноплеменнымъ населеніемъ. Къ чему же намъ раздроблять и запутывать дѣло обученія, къ чему разстроивать его гармонію, когда никто же не мѣшаетъ, какъ мы сказали, и при нынѣшнемъ книжномъ единоязычіи, если это дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нужно, объяснять какія-нибудь русскія слова или фразы на мѣстномъ просторѣчіи? хотя снова прибавлю, это далеко не такъ часто нужно какъ иные господа хотятъ насъ увѣрить.

Напрасно мнимые украйнолюбцы, чтобы придать себѣ больше значенія, прибѣгали къ такимъ увѣреніямъ съ которыми могутъ примириться только люди незнакомые съ положеніемъ нашего русскаго запада. Суетясь о какомъ-то двойствѣ первоначальнаго обученія, наши мнимые любители Украйны хотятъ играть роль народолюбцевъ и рисуютъ себя какъ дѣятелей народнаго блага; для вящаго успѣха, они увѣряютъ что прежнія идеи о значеніи русскаго языка для насъ уже старыя и должны уступить мѣсто идеямъ новымъ, о подавленіи русскаго языка какимъ-то новосочиненнымъ жаргономъ. Слыша подобныя самовосхваленія кто-нибудь готовъ подумать что для нашего блага и въ самомъ дѣлѣ нужно устранить русскій образованный языкъ въ первоначальныхъ школахъ. Но когда вникнемъ въ дѣло, то окажется что это ни больше, ни меньше какъ самооболь-

---

въ сферахъ же сколько-нибудь образованныхъ, или считающихъ себя образованными, обыкновенно употребляли только языкъ польскій; такъ было даже въ семействахъ православнаго духовенства, съ рѣдкими исключеніями. Понятно теперь, какое слѣдствіе вышло бы и что именно мы упрочили бы и на будущее время, еслибы мы поколебали авторитетъ обще-русскаго языка хотя бы то и на низшей степени обученія, и перепутали это обученіе выдумываньемъ и введеніемъ какого-то не существующаго общаго и культурнаго южно-русскаго просторѣчія.... Не даромъ даже въ Галиціи, въ одномъ періодическомъ изданіи называютъ украйнофильство *скверною раною на тѣлѣ русскомъ, выкликанною вражьими забѣгами....* (*Зоря коломыйска*, 2, „Воспоминанія о Лукѣ Данкевичѣ", стр. 14—16).

щеніе. Почему же въ самомъ дѣлѣ наше благо невозможно если мы будемъ продолжать дѣло обученія по русскимъ и церковно-славянскимъ книгамъ? Почему наше благо невозможно, если мы будемъ напоминать не о томъ чего жаждутъ наши недоброжелатели, а о томъ что̀ дѣйствительно для насъ нужно, а именно о единствѣ съ центральною Россіей, гдѣ мы постоянно имѣемъ крѣпкую точку опоры? Напротивъ, по нашему убѣжденію, нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ что возникло бы много зла для насъ еслибы мы позволили себѣ увлечься странными, откуда-то и кѣмъ-то навѣянными притязаніями на ломку въ самомъ естественномъ ходѣ нашего обученія. Зло произошло бы вопервыхъ, отъ раздробленія нашихъ силъ; вовторыхъ, мы повредили бы себѣ какимъ-то насильственнымъ придумываніемъ особаго, низшаго учебнаго жаргона, когда его нѣтъ и когда есть для всѣхъ насъ одинъ образованный русскій языкъ; далѣе мы повредили бы себѣ ослабленіемъ авторитета русскаго языка и самаго употребленія его въ западныхъ губерніяхъ, безъ чего тамъ и все православное русское населеніе неизбѣжно утратитъ свою нравственную силу. Наконецъ, какъ мы выше сказали, мы повредили бы себѣ неописаннымъ хаосомъ какъ въ школахъ, такъ и въ жизни. Въ большинствѣ школъ не только не поймутъ этого жаргона, но и отнесутся къ нему съ ропотомъ и неудовольствіемъ какъ чему-то дикому и совершенно лишнему. О путаницѣ какая вышла бы отъ этого прихотливаго притязанія въ жизни и говорить нечего: не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ гдѣ все православно-русское народонаселеніе, сколько-нибудь образованное, говоритъ и пишетъ на русскомъ какъ на своемъ языкѣ, гдѣ и въ практической и офиціальной сферѣ другаго языка и быть не можетъ, домогаться нарушить нынѣшнюю гармоническую и однохарактерную систему обученія введеніемъ книжнаго двуязычія, котораго мы никогда не знали и о которомъ мы всегда думаемъ и будемъ думать какъ о чемъ-то неслыханномъ? Словомъ, отъ притязаній о которыхъ у насъ идетъ рѣчь произошли бы бѣдственныя послѣдствія, которыя всегда и вездѣ обыкновенно происходятъ отъ нарушенія господствующаго, естественнаго хода жизни и дѣла.

Не удивителенъ былъ бы подобный хаосъ тамъ гдѣ онъ неизбѣженъ при дѣйствительной рѣзкой разноплеменности,

разноязычности и разновѣрности между главными массами народонаселенія, напримѣръ, между Турками и Болгарами. Но намъ, нарочно, да еще съ болѣзнями рожденія, усиливаться произвесть раздвоеніе, котораго нѣтъ, намъ, изъ подражанія и угожденія завидующимъ нашему единству и пускающимъ въ нашу среду всевозможныя крамолы, усиливаться создать раздвоеніе въ существующемъ единствѣ обученія едва ли разумно. Да и какъ будто въ самомъ дѣлѣ каждое нарѣчіе можетъ сдѣлаться общимъ литературнымъ языкомъ, и особенно, когда мы уже выработали для себя общій литературный, образованный, книжный языкъ? Какъ будто въ самомъ дѣлѣ намъ возможно и нужно устроить два литературные языка? Можно себѣ что-нибудь читать на какомъ угодно южно-русскомъ просторѣчіи, если это кому-нибудь нравится; но это дѣло частное, дѣло личнаго вкуса. Изъ того же что кому-то угодно было поскорѣе написать какія-то книжонки на южно-русскомъ просторѣчіи, и потомъ бѣгать, суетиться и хлопотать о томъ чтобъ увѣрить что вотъ есть у насъ дескать и другая литература, нарочно посвящать страницы періодическаго изданія разбору этихъ книжонокъ, какъ произведеній дѣйствительно литературныхъ, смѣшно было бы дѣлать выводъ что, изъ угожденія этой непрошеной хлопотливости, мы должны отказаться отъ одной изъ самыхъ существенныхъ и постоянныхъ стихій нашего обученія и образованія, хотя бы то и низшаго. Всѣ эти композиціи на южно-русскомъ просторѣчіи, которыя рѣшительно не могутъ быть общими, не литература, а издѣлія форсированныя и искусственныя. А потому никогда онѣ не могутъ замѣнить обще-русскаго языка на всѣхъ инстанціяхъ обученія.

Что касается старой идеи о русскомъ языкѣ и новой, то послѣ того что̀ выше сказано, отвѣтъ на этотъ доводъ былъ бы излишенъ. Замѣтимъ только что было бы признакомъ нѣкоторой ограниченности еслибы русскіе жители нашего запада и юго-запада, изъ обыкновеннаго въ наше время увлеченія идеями выдаваемыми за новыя, стали колебать авторитетъ своего же русскаго языка на низшихъ инстанціяхъ обученія, а затѣмъ и въ общемъ употребленіи, то-есть если бы мы сами же подкапывали подъ собою то что̀ составляетъ одинъ изъ источниковъ нашей силы. Было бы легкомысленно, еслибы мы измѣряли основы народной жизни и

благосостоянія какими-нибудь идеями потому только что ихъ выдаютъ за идеи новой работы. Основы жизни имѣютъ и должны имѣть силу не только на столѣтія и тысячелѣтія, но и навсегда. Еще неизвинительнѣе было бы, еслибы мы, изъ желанія роли, позволили себѣ эксперименты надъ народнымъ образованіемъ которые не выдержатъ строгой и безпристрастной критики. Впрочемъ, чтобы наши слова не показались бездоказательными, припомнимъ что подобное самовосхваленіе новостію своихъ идей уже употреблялъ кой-кто въ шестидесятыхъ годахъ, хотя оно скоро было оцѣнено по достоинству. Въ 1861 году, въ одномъ изъ нашихъ столичныхъ журналовъ была напечатана статья *Національная Безтактность*, въ которой, между прочимъ, доказывалось русскимъ Галичанамъ что они напрасно поручаютъ обученіе народа своему духовенству, что гораздо лучше все дѣло заботливости о галицко-русскомъ народѣ и его образованіи поручить лицамъ стороннимъ. Чтобы придать этой статьѣ побольше вѣсу, люди усиливающіеся подавить Русскихъ Галичанъ стали вездѣ увѣрять что это голосъ молодой или новой Россіи, то-есть, употребляли именно тотъ же самый маневръ который и теперь усиливаются пустить въ ходъ нѣкоторые люди, лишь бы сколько-нибудь выставить въ выгодномъ свѣтѣ странныя выходки свои противъ русскаго языка и центральной Россіи. Каждый понимающій дѣло очень хорошо знаетъ что почти единственными учителями Русскаго народа въ Галиціи могутъ быть или галицко-русское духовенство, или лица выходящія изъ его среды, такъ какъ почти всѣ стоящіе сколько-нибудь выше простаго народа приняли другой языкъ, другую народность и другое вѣроисповѣданіе. Что̀ же вышло бы, еслибы русскіе Галичане увлеклись совѣтомъ автора *Національной Безтактности*, и повѣрили что совѣтъ его и въ самомъ дѣлѣ уже потому и разуменъ что названъ голосомъ молодой Россіи? Къ такимъ пріемамъ могутъ прибѣгать гостинодворцы, для скорѣйшаго сбыта своего товара, но не дѣятели народнаго образованія.

Заключимъ же наше поясненіе общимъ примѣчаніемъ и повтореніемъ главныхъ положеній: по нашему глубочайшему убѣжденію, воспитанному не только подъ родительскимъ кровомъ, но и долговременнымъ изученіемъ вопроса, помыслы украйнолюбцевъ объ устраненіи русскаго языка и русскихъ учебниковъ, да еще о какой-то неизвѣст-

ной намъ южно-русской литературѣ — вопросъ жизни и смерти. Не эти зловредныя благожеланія нужны намъ, а полное единеніе съ центральною Россіей, русскія учебныя книги на всѣхъ инстанціяхъ обученія и такой взаимный обмѣнъ умственныхъ силъ и дѣятелей между Русскимъ сѣверомъ и Русскимъ юго-западомъ, который бы наилучше упрочивалъ наше единство съ центромъ Россіи. Всегда и крѣпко должны мы помнить что эти три пункта должны быть барометромъ нашего развитія и безопасности на будущее время отъ всевозможныхъ пропагандъ, подобныхъ тѣмъ какія мы уже испытали въ былыя времена; что безъ этихъ условій жизни запада и юго-запада, мы уцѣлѣть не можемъ. Говоримъ это потому что всегда и впредь не будетъ недостатка и въ зложелательныхъ намъ людяхъ, и въ жертвахъ ихъ ловитвы, говоримъ потому что тѣ и другіе будутъ придумывать всевозможные доводы, лишь бы насъ какъ-нибудь разобщить и уединить, и потомъ тѣмъ удобнѣе повлечь куда угодно. Считаю долгомъ заявить это еще разъ навсегда, какъ истый автохѳонъ нашего юго-запада, какъ сознающій его прошлое и нынѣшнее положеніе и отъ всей души желающій ему блага.

С. ГОГОЦКІЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наслѣдники. Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ описаніе жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя. *Д. И. Стахѣева.* 2 тома. Спб. 1875.

Исторію нашей литературы нынче вошло въ обыкновеніе разсматривать такъ что будто бы до Гоголя она имѣла фальшивый, сочиненный характеръ, содержала и распространяла лишь одинъ

„Насъ возвышающій обманъ“,

и что будто бы Гоголь разрушилъ этотъ обманъ, указалъ путь къ правдѣ и обнажилъ предъ нами настоящую русскую дѣйствительность. Въ этой правдивости, въ этомъ стремленіи къ неприкрашенной дѣйствительности видятъ обыкновенно главную черту того движенія литературы которое послѣдовало за Гоголемъ и продолжается до сихъ поръ.

Намъ кажется, тутъ есть значительное недоразумѣніе. Фактъ поставленъ невѣрно вслѣдствіе очень обыкновенной ошибки, вслѣдствіе того что все вниманіе обращено на самый предметъ изображенія, а не на то *какъ* онъ изображается. Конечно послѣ Пушкина наша литература почти исключительно сосредоточилась на русской жизни и стала чуть

ли не систематически перебирать всевозможныя ея сферы, всѣ ея сословія и вѣдомства, всѣ углы и закоулки. Въ литературѣ исчезли такія произведенія какъ *Каменный Гость*, *Моцартъ и Сальери*, драмы и новеллы изъ жизни италіянскихъ художниковъ, и тому подобное. Міръ древній и міръ европейскій понемногу совершенно ушли изъ кругозора нашей поэзіи и не существуютъ для современныхъ читателей. Если поэтъ выходитъ за предѣлы русской жизни, то его произведеніе, хотя бы оно касалось величайшаго событія въ исторіи и высшихъ интересовъ человѣчества, какъ напримѣръ *Два Міра* А. Майкова, большинству читателей кажется чѣмъ-то чуждымъ, не возбуждающимъ живаго интереса.

Изъ того, однакоже, что нашъ интересъ и наше вниманіе ограничились извѣстнымъ предметомъ не слѣдуетъ еще что наше пониманіе этого предмета сдѣлалось глубже и яснѣе. Пониманіе Россіи! Возможно ли утверждать что мы обладаемъ имъ теперь въ значительно большей степени чѣмъ до Гоголя? Трудъ народнаго самосознанія есть дѣло столь великое и сложное что кто разумѣетъ важность этого вопроса, никогда не будетъ самоувѣреннымъ и поспѣшнымъ въ сужденіяхъ о немъ. Конечно переворотъ совершенный Гоголемъ, какъ и всякое движеніе умственной жизни, можетъ и долженъ пойти въ прокъ нашему самосознанію. Но пока до времени, это можетъ быть только запросъ на лучшее пониманіе, только постановка новыхъ задачъ, которыя еще можетъ-быть вовсе не рѣшены нами, да и не скоро будутъ рѣшены. Намъ бы не показалось страннымъ еслибы кто-нибудь сталъ утверждать что до Гоголя мы лучше понимали Россію чѣмъ послѣ него, и что теперь недоумѣнія и недоразумѣнія не только не кончились, а напротивъ еще растутъ и господствуютъ.

„Бѣдность да бѣдность, да несовершенство нашей жизни“ дѣйствительно составляютъ непосредственный предметъ нашей литературы послѣ Гоголя, но это еще ничего не говоритъ намъ о ея *близости къ дѣйствительности*. Чтобы разобрать и разсмотрѣть *что* намъ даетъ эта литература, нужно анализовать тотъ *пріемъ искусства* который она употребляетъ, видѣть въ чемъ состоитъ ея художественная работа, какому процессу въ ней подвергаются непосредственныя данныя дѣйствительности, тогда намъ и будетъ ясно

въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности находятся тѣ произведенія которыя получаются въ результатѣ.

Повидимому, ничего реальнѣе Гоголя быть не можетъ, положимъ хоть въ *Мертвыхъ Душахъ*. Онъ описываетъ величайшія мелочи съ полнѣйшею вѣрностію и точностію. Но, еслибъ эти описанія были простыми фотографическими снимками, они не имѣли бы никакой важности, никакого смысла. Смыслъ, художественное значеніе они получаютъ не вслѣдствіе своей вѣрности, а потому что *возведены въ перлъ созданія*, подвергаются какому-то художественному процессу, отъ котораго и получаютъ необыкновенную значительность.

Въ чемъ же дѣло? Первое что̀ должно намъ броситься въ глаза, если мы отвлечемъ свое вниманіе отъ *предмета* который описывается, и устремимъ его на *процессъ* художества, есть *тонъ* разказа. Этотъ тонъ не простой, не сливающійся съ содержаніемъ рѣчи, не стремящійся скрасться, уйти отъ вниманія, какъ форма которая не должна отдѣляться отъ того что̀ въ ней заключено; нѣтъ, это тонъ рѣзко звучащій, усиленно выдающійся и обособляющійся. Это тонъ въ высшей степени *ироническій*. Иронія, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ что мы важно, торжественно разказываемъ о томъ что̀ заслуживаетъ презрѣнія и насмѣшки. Сила ироніи состоитъ въ этой противоположности между предметомъ и способомъ его изображенія; мы усиливаемъ нашу рѣчь контрастомъ словъ и содержанія.

Вотъ тотъ пріемъ который господствуетъ въ *Мертвыхъ Душахъ*. Самый ходъ разказа, подробнаго, плавнаго, обстоятельнаго, медленнаго и тяжело движущагося, составляетъ иронію надъ пошлостію того что̀ разказывается. Пустѣйшіе разговоры передаются какъ важныя событія; ничтожныя подробности являются въ ужасномъ безобразіи, какъ будто мы вдругъ навели на нихъ увеличительное стекло. И чѣмъ тоньше черта отдѣляющая иронію отъ дѣйствительности, чѣмъ явственнѣе для насъ что это почти дѣйствительность, что жизнь города N почти такъ представляется самимъ жителямъ этого города, какъ ее описалъ Гоголь, тѣмъ ужаснѣе впечатлѣніе пошлости, тѣмъ сильнѣе торжество ироніи.

Но не нужно упускать изъ виду что иронія есть однакоже языкъ переносный, не собственный. Она связана съ неуловимымъ оттѣнкомъ синонимическихъ словъ, употребляемыхъ одно вмѣсто другаго, съ неуловимымъ поворотомъ

фразы, дающимъ ей то или другое теченіе. Вотъ отчего, вѣроятно, переводы *Мертвыхъ Душъ* на иностранные языки не имѣютъ, какъ говорятъ, успѣха у иностранныхъ читателей. Чрезвычайно трудно удержать въ переводѣ ироническій тонъ всей поэмы, принимающій тысячи оттѣнковъ; а безъ этого тона содержаніе разказа само по себѣ не имѣетъ цѣны.

Иронія есть во всякомъ случаѣ непрямое отношеніе къ дѣлу. Когда вы слышите ироническую рѣчь, вы чувствуете что говорящій порицаетъ то о чемъ говоритъ, но во имя чего совершается порицаніе и каково должно быть прямое отношеніе къ дѣлу, это еще вопросъ, вопросъ не только для васъ, но можетъ-быть, и даже весьма часто, и для того кто говоритъ. Явленія описываемыя иронически суть поэтому самому *не серіозныя* явленія; но при этомъ намъ еще не ясно, гдѣ и въ чемъ намъ искать серіозныхъ явленій, и въ какомъ отношеніи къ этому серіозному стоитъ описываемое несеріозное.

Но искусство требуетъ прямаго отношенія къ дѣлу; оно можетъ употреблять иронію, можетъ достигать въ этомъ пріемѣ величайшей художественности, какъ это и было у Гоголя, но остановиться на ироніи оно не можетъ. Гоголь, задумавъ въ *Мертвыхъ Душахъ* изобразить полную картину русской жизни, конечно не имѣлъ никогда и въ мысли ограничиться одною ироніей: его намѣреніе всегда было (какъ это видно изъ многихъ мѣстъ первой части *Мертвыхъ Душъ*) постепенно смягчить свой тонъ, перейти въ юморъ и кончить серіознымъ разказомъ. Гоголь былъ человѣкъ восторженный, пламенно, кровно любившій свою родину, и его художественная иронія порождена этою восторженностію, а не холоднымъ анализомъ недостатковъ русской жизни.

Гоголь, какъ извѣстно, не справился съ задачею, за которую взялся съ такимъ воодушевленіемъ и увѣренностію. Онъ погибъ, мучительно усиливаясь взять другой тонъ и создать иныя лица.

Исторія нашей литературы послѣ Гоголя какъ нельзя лучше показываетъ что изъ его тона требовался выходъ, что естественное стремленіе искусства было перейти отъ иронической рѣчи въ прямую. Возбужденіе произведенное Гоголемъ было необычайное, и послѣдствія его продолжаются до сихъ поръ; но почти всѣ значительныя явленія въ послѣ-Гоголевской литературѣ можно разсматри-

вать какъ *поправки* Гоголя, какъ попытки подойти къ предмету съ другой стороны, уменьшить разстояніе на которое насъ отдаляетъ отъ предмета иронія. И такъ какъ это была задача не легкая, то рядомъ съ этими попытками были дѣлаемы ошибочные, неправильные выходы изъ Гоголевскаго тона.

Самая простая ошибка состояла въ томъ что тонъ былъ вовсе упускаемъ изъ виду, какъ дѣло не существенное, и что Гоголю стали подражать въ выборѣ предметовъ. Отсюда вышла *натуральная* школа, выродившаяся потомъ въ *обличительную*. Натуральная школа пустилась въ описаніе пошлыхъ и мелкихъ людей и предметовъ, какъ будто вся сила Гоголя заключалась въ томъ что онъ обратилъ вниманіе на мелочи. Появилось очень много очень скучныхъ произведеній, весь интересъ которыхъ состоялъ въ стремленіи къ фотографической вѣрности и въ смутномъ чувствѣ пустоты и тоски. Конечно въ этихъ произведеніяхъ находило себѣ удовлетвореніе то недовольство дѣйствительностью, которое у насъ такъ обыкновенно и въ первые годы послѣ Гоголя было особенно сильно. Но все же ясно что пріемы этихъ писаній глубоко неправильны. Для читателя не приготовленнаго, не питающаго извѣстныхъ предрасположеній, не зараженнаго привычкою къ многочтенію, не испорченнаго господствующею литературой, эти книги должны представляться очень дикимъ и скучнымъ явленіемъ. Для такого читателя повѣствовательная книга должна быть столько же серіозна какъ и всякая другая, слѣдовательно или должна быть настоящею поэмою съ настоящими героями, или же—ироническою поэмой съ ироническими героями.

Между тѣмъ наши повѣствователи, очень часто прежде, а нерѣдко и теперь, ведутъ свои разказы такъ что приводятъ читателей въ совершенное недоумѣніе, зачѣмъ и о чемъ разказывается. Иногда мелкія и ничтожныя явленія изображаются такимъ тономъ, съ такимъ основательнымъ реализмомъ, какъ будто они имѣютъ полнѣйшее право на существованіе, все же другое есть вздоръ, пустыя мечтанія. Получается не иронія надъ дѣйствительностію, а ея оправданіе; излагается серіозно и потому какъ бы сочувственно то что̀ въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего серіознаго.

Но явились, какъ мы замѣтили, и правильныя попытки найти рѣшеніе задачи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣ-

чательна дѣятельность Островскаго. Онъ пишетъ серіозныя драмы и комедіи изъ такой сферы на которую читатели обыкновенно смотрятъ свысока. Онъ успѣлъ создать изъ этой сферы совершенно живыя лица и положенія и заставилъ насъ смотрѣть на нихъ не подсмѣиваясь, не иронизируя, а съ дѣйствительнымъ сочувствіемъ или негодованіемъ, слѣдовательно такъ что мы ставимъ себя на одинъ уровень съ ними, признаемъ интересъ и важность ихъ духовной жизни.

Но наибольшую прямоту, чистоту и вѣрность отношеній къ предмету мы конечно должны признать за графомъ Л. Н. Толстымъ. Опять, мы не хотимъ здѣсь опредѣлять полное значеніе произведеній этого писателя; мы только, какъ на примѣръ и на подтвержденіе, указываемъ на то что у него уже господствуетъ тотъ прямой пріемъ искусства, который какъ будто былъ потерянъ послѣ Пушкина.

Въ свою очередь то непрямое отношеніе къ предметамъ, которое началось съ ироніи Гоголя, не только однакоже не исчезло въ нашей литературѣ, а напротивъ продолжается у многихъ писателей и развилось даже до своихъ крайнихъ формъ. Иронія, которая у Гоголя имѣла такую строгую художественную мѣру, понемногу вовсе удалилась отъ предмета; все больше и больше усиливая свое выраженіе, писатели стали безпрерывно употреблять *иронію гиперболическую*, въ которой уже нѣтъ заботы о реальномъ изображеніи, а напротивъ вся потѣха заключается въ *искаженіи* реальныхъ чертъ. Эта гиперболическая иронія иногда разыгрывается наконецъ до того что переходитъ въ чистое *глумленіе*, то-есть въ рѣчи совершенно безсмысленныя, и самою своею безсмысленностію выражающія презрѣніе къ тому о чемъ говорится. Вмѣсто ироніи явилось такъ-сказать нахальное, наглое обращеніе съ предметами, какъ всего сильнѣе выражающее пренебреженіе къ нимъ того кто о нихъ говоритъ.

Такой характеръ представляютъ произведенія *Щедрина* и отчасти *Некрасова*. Ихъ пріемы пришлись очень по душѣ многимъ русскимъ людямъ, которые вообще не любятъ прямой рѣчи, для которыхъ почти нѣтъ средины между восторженностью и озлобленіемъ, между сентиментальностью и цинизмомъ. Спокойная рѣчь, раскрывающая съ художественною мѣрой свойства предмета, имъ кажется скучною и даже противною, какъ нѣчто прѣсное; имъ нужна сильная приправа, густая присыпка перца, что-нибудь язвительное или

надрывающее. Поэтому они и сами ни о чемъ говорить просто не могутъ, вѣчно иронизируютъ и сыплютъ циническими выраженіями безъ малѣйшаго повода.

Понятно что при такихъ условіяхъ нельзя ожидать въ литературѣ никакой *близости къ дѣйствительности.* Еслибъ иностранецъ вздумалъ, напримѣръ, изучать Россію по Щедрину и Некрасову, то онъ едва ли бы много узналъ. Онъ узналъ бы развѣ только то какъ иные русскіе люди впадаютъ въ гиперболы и въ глумленіе по поводу самыхъ простыхъ предметовъ, но этихъ предметовъ онъ узнать бы не могъ. Названные два писателя дѣйствительно замѣчательны тѣмъ что, при всемъ ихъ талантѣ, они не создали ни единаго лица, ни единой картины, ни единаго положенія или чувства на которое можно было бы указать какъ на нѣчто законченное, дѣйствительно созданное, дѣйствительно „возведенное въ перлъ созданія“. Ихъ иронія и гипербола безплодны, расплываются, никогда не достигаютъ точнаго, опредѣленнаго смысла. Образы, зачатки которыхъ иногда являются съ большою свѣжестью и силой, непремѣнно бываютъ испорчены, искажены въ развитіи. Такимъ образомъ, чтобъ оцѣнить достоинства этихъ писателей (иногда весьма блестящія), приходится прибѣгать къ отрывкамъ, почти къ отдѣльнымъ стихамъ, къ отдѣльнымъ выраженіямъ. Ничего цѣлаго указать у нихъ невозможно, такъ какъ цѣлое требуетъ дѣйствительнаго реализма, пониманія внутренней жизни предмета.

Странное настроеніе по которому для такого рода писателей невозможно стать въ прямое отношеніе къ дѣлу иногда выступаетъ очень ясно. У Некрасова есть слѣдующіе стихи:

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
Великое, святое слово: мать
Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ.
Но я привыкъ *обычай* презирать,
Я не боюсь насмѣшливости модной, и пр. *

Что такое? Что за помѣха встрѣтилась поэту когда онъ вздумалъ выражать свое сыновнее чувство? Онъ ссылается на *насмѣшливый и дерзкій вѣкъ;* увѣряетъ что въ людяхъ его окружающихъ слово *мать — не пробуждаетъ чувства.* Черта до такой степени чудовищная что ей невозможно

* См. т. I. *Изд. шестое*, ст. 206.

повѣрить. Стихотвореніе это писано лѣтъ двадцать тому назадъ; но развѣ очень отдаленные потомки могутъ подумать что дѣйствительно въ это время дерзость и насмѣшливость умовъ вытравила изъ сердца людей всякія сыновнія чувства. Однакоже почему-нибудь да написаны же эти стихи. Мы думаемъ что поэтъ, жалующійся на холодность вѣка, въ сущности испытывалъ борьбу внутри себя. Что-то мѣшало ему вольно отдаться изліянію своего чувства; прямое, открытое выраженіе не давалось, казалось чѣмъ-то неловкимъ, стыднымъ; словомъ, такъ или иначе, но поэтъ не былъ въ силахъ найти, или создать художественную форму для своего душевнаго состоянія. Стихотвореніе дѣйствительно такъ и осталось неоконченнымъ.

То ли дѣло иронія, шутка! Тутъ можно говорить не своимъ голосомъ, кривляться, преувеличивать, не соблюдать ни точности, ни порядка; словомъ, тутъ нужно не выражать свое чувство, а только намекать на него, только подразумѣвать его, причемъ иногда самъ авторъ не знаетъ что̀ такое слѣдуетъ подразумѣвать подъ его словами. Вотъ почему обыкновенный характеръ стихотвореній Некрасова есть мрачная шутливость, то переходящая вдругъ въ паѳосъ, то спускающаяся до водевильности. Тонъ всегда медленный, торжественный, ибо всегда ироническій, не натуральный.

Слава Богу, стрѣлять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И *едва ли кто въ городѣ спалъ:*
Ночью *пушечный громъ грохоталъ.*
Не до сна! *Вся столица молилась,*
Чтобъ Нева въ берега воротилась;
И минула большая бѣда—
Понемногу сбываетъ вода.... *

Вообразимъ себѣ иностранца, или читателя отдаленнаго отъ насъ значительнымъ промежуткомъ времени, нѣсколькими вѣками: для нихъ конечно будетъ очень трудно уловить шуточный, ироническій тонъ этихъ стиховъ, и они (какъ вѣроятно и теперь многіе провинціалы) пожалуй примутъ за правду все это описаніе. Между тѣмъ тутъ гипербола на гиперболѣ: *едва ли кто спалъ, пушечный громъ, вся столица молилась* — все это шутка; такихъ ужасовъ не бываетъ, да и быть не можетъ.

* Томъ II, стр. 149.

А вотъ описаніе петербургскихъ улицъ во время сильнаго мороза:

Разыгралися силы Господни!
На пространствѣ *пяти саженей*
Насчитаешь навѣрно *до сотни*
Отмороженныхъ щекъ и ушей.*

Шутка очень крупная, которая конечно выражаетъ не дѣйствительность, а настроеніе автора. Эти желчныя гиперболы нравятся читателямъ находящимся въ такомъ же настроеніи, напримѣръ многимъ жителямъ Петербурга, о которомъ иногда можно почти вправду сказать:

Въ цѣломъ городѣ нѣтъ человѣка
Въ комъ бы желчь не кипѣла ключомъ.**

Все это длинное вступленіе мы почли нужнымъ сдѣлать по поводу явленія само по себѣ весьма скромнаго, но по крайнему нашему убѣжденію, заслуживающаго того чтобы не пройти совсѣмъ незамѣченнымъ. Мы говоримъ о повѣсти г. Стахѣева. Колебанія въ разныя стороны, до сихъ поръ продолжающіяся послѣ Гоголя, послѣ того какъ онъ своею ироніей какъ бы нарушилъ равновѣсіе художественныхъ силъ, показываютъ какъ трудно нашимъ писателямъ найти твердую точку опоры и правильную, не колеблющуюся подъ ногами дорогу. И вотъ почему такія явленія, какъ повѣсть г. Стахѣева, хотя бы и не отличались яркими достоинствами, производятъ на насъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Вы вдругъ видите что писатель съ талантомъ хотя и попадаетъ въ нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ уклоненій, но чувствуетъ истинныя требованія искусства и наконецъ выбирается на прямой путь указываемый ими. Дарованіе г. Стахѣева имѣетъ такой складъ который дѣлаетъ изъ него подражателя Гоголю, но не копировщика, а такъ-сказать оригинальнаго подражателя, который владаетъ въ тонъ образца невольно, по требованію своей собственной натуры. Чистый Гоголевскій тонъ, который такъ сильно подѣйствовалъ, когда послышался въ первый разъ, однакоже, къ величайшему удивленію, не повторялся, не появлялся у другихъ писателей. Очевидно этотъ тонъ вовсе не легко брать и выдерживать. У г. Стахѣева онъ появляется въ большей чистотѣ. Но

* Томъ IV, стр. 12.
** Томъ II, стр. 156

изъ этого тона, какъ мы видѣли, требуется выходъ, и г. Стахѣевъ пошелъ по дорогѣ которая всего прямѣе ведетъ къ выходу. Эта прямая дорога—*юморъ*.

Юморъ, какъ извѣстно, есть насмѣшливое, шутливое изложеніе важныхъ предметовъ, пріемъ почти обратный пріему ироніи. Писатель повидимому смѣется надъ описываемыми предметами, говоритъ о нихъ легкимъ, часто ироническимъ тономъ, но въ сущности, онъ ихъ любитъ и вообще считаетъ то что разказываетъ дѣломъ серіознымъ. У Гоголя серіозенъ не предметъ къ которому иронія относится, а сама иронія; у юмористическаго писателя серіозна не иронія, а самый предметъ.

Отсюда видно какъ свободна и широка эта форма. Она какъ будто способна изобразить жизнь во всей ея двойственности, взять ее и съ комической и съ трагической стороны. Шутливая рѣчь, заключающая серіозный смыслъ, не составляетъ никакого противорѣчія съ рѣчью совершенно прямою и серіозною. Поэтому писателю дается полная свобода употреблять и ту и другую рѣчь, и онъ пользуется ими по мѣрѣ силы и надобности. Гдѣ предметъ труденъ и глубокъ, авторъ прибѣгаетъ къ особенному пріему, начинаетъ подсмѣиваться, дѣлаетъ намеки, боковые штрихи, и такимъ образомъ заставляетъ самого читателя создать образъ того чувства которое хочетъ описать. Давъ читателю понять свое сочувствіе, серіозность и глубину дѣла, авторъ умышленно пускается въ мелочныя подробности, въ описаніе будничныхъ и пошлыхъ чертъ: контрастъ который при этомъ получается усиливаетъ впечатлѣніе. Предметъ не исчерпывается, не получаетъ опредѣленности, но тѣмъ лучше—чувству и воображенію читателя дается полный просторъ.

Такъ пишутся большинство англійскихъ романовъ; ихъ безпрерывный юморъ скрываетъ подъ собою нѣкоторое серіозное значеніе признаваемое за описываемыми явленіями; нельзя говорить о предметѣ съ юморомъ не питая къ нему никакой любви. Конечно эта форма все-таки половинчатая, не вполнѣ художественная, но она и не анти-художественная, она законная переходная форма. Читая Диккенса вы никогда не упрекнете его ни въ скукѣ, ни въ невѣрности тона.

Авторъ *Наслѣдниковъ* представляетъ намъ, какъ мы сказали, и тонъ по мѣстамъ напоминающій Гоголя, и кромѣ

того юморъ, иногда замѣчательно правильный. Изъ лицъ выведенныхъ имъ на сцену, онъ къ нѣкоторымъ питаетъ глубочайшее сочувствіе и описалъ ихъ юмористически.

Недостатки *Наслѣдниковъ*, можно сказать — рутинные, наслѣдованные, тогда какъ достоинства самобытныя. Главный недостатокъ привычка къ обыкновенному въ нашей литературѣ реализму, по которой авторъ считаетъ законнымъ тщательное описаніе сценъ и явленій имѣющихъ иногда очень слабый интересъ. Тѣмъ не менѣе повѣсть представляетъ большую стройность, ясность и законченность. Можно упрекнуть ее въ растянутыхъ или слабыхъ мѣстахъ, но въ сочиненіи, въ фальши—невозможно. Взяты люди истинно-русскіе, люди которые больше или меньше равнодушны къ богатству, къ имуществу (наслѣдство—внѣшняя тема разказа), и не умѣютъ съ нимъ справиться; взяты также русскія семейныя отношенія, то отсутствіе связи и теплоты между отцами и дѣтьми, которое у насъ такъ нерѣдко. Это повѣсть о русскихъ людяхъ, которыхъ слѣдуетъ назвать хорошими, но которые вѣчно носятся съ какими-то порывами и никакъ не умѣютъ устроиться въ жизни.

Вмѣсто подробнаго разбора приведемъ лучше два, три мѣста, которыя будутъ для читателей образцикомъ таланта автора и вмѣстѣ подтвердятъ наши слова о смыслѣ который имѣютъ его художественные пріемы, и о чистотѣ, до которой они иногда достигаютъ.

Вотъ описаніе напомнившее намъ манеру Гоголя, хотя смягченную. Сцена происходитъ въ вагонѣ третьяго класса въ которомъ ѣдутъ два героя разказа: деревенскій священникъ, отецъ Варѳоломей, и бѣдный молодой учитель Чухлымовъ.

„Поѣздъ приближался къ Петербургу. Шелъ дождь, небо заволоклось тучами, и скука путешествія еще болѣе увеличилась; по временамъ, во время остановокъ на станціяхъ, слышалось однообразное стучанье дождя въ желѣзныя крыши вагоновъ.

— А ректоръ семинаріи, продолжалъ разказывать отецъ Варѳоломей,—этотъ вѣчно-памятный мнѣ ректоръ, по свойствамъ своего нрава уподоблялся Ироду....

Но раздался продолжительный свистокъ и Чухлымовъ вздохнулъ во всю грудь, уже не слыша что такое сдѣлалъ семинарскій Иродъ.

— Это, поистинѣ говоря, было избіеніе младенцевъ...

Продолжать далѣе уже не представлялось никакой возможности. Публика стала подниматься съ своихъ мѣстъ; нѣкоторые торопливо вскакивали, испуганно осматривались со сна; другіе сладко потягивались и зѣвали во весь ротъ. *Какая-то толстая купчиха, закутанная шалями и шарфами, точно на дворѣ были трескучіе морозы, охватила въ испугѣ обѣими руками кучу подушекъ, на которыхъ сидя спала, и испуганно зашептала: „ахъ, батюшки, не горимъ ли.“* Вылѣзали изъ-подъ скамей и показывались на свѣтъ Божій неизвѣстно откуда взявшіяся лица: *проворно вылѣзъ, точно изъ-подъ пола, какой-то бѣлобрысый мужичонко, и видя что появленіе его возбудило хохотъ товарищей, самъ захихикалъ себѣ подъ носъ оттого что не просыпаясь доѣхалъ отъ Волочка до Петербурга; черная борода медленно, точно крадучись, высовывалась изъ-подъ скамьи и вылѣзъ оттуда цѣлый Татаринъ, да такой толстый что изъ него легко можно было выкроить троихъ; вскочилъ на ноги, какъ встрепанный солдатъ и сталъ поспѣшно оправлять свою аммуницію;* появились саквояжи, чемоданы, ящики и пр. и пр. Татаринъ, выбравшись изъ своей засады, сѣлъ тутъ же на полу, и предварительно погладивъ ладонью голову, сталъ напяливать на засаленную тюбетейку высокую баранью шапку; но, выбитый изъ своей позиціи общимъ движеніемъ пассажировъ, онъ въ свою очередь поднялся на коротенькія ноги, сильно крякнулъ и началъ икать. *Высокій, сухощавый, съ длинною сѣдою бородой купецъ вздыхалъ на весь вагонъ и, смотря въ темную даль неба, молился Богу.*

— Иванъ Сидоришь, ты? крикнулъ онъ купцу.

Купецъ молча молился, не поворачивая головы.

— Иванъ Сидоришь, ты? опять повторилъ Татаринъ, пробираясь поближе къ купцу.

— Ну я, видишь чай, сердито отвѣтилъ купецъ, окончивъ молитву.

Татаринъ такъ быстро заговорилъ что кромѣ купца разговоръ этотъ для всѣхъ остальныхъ сливался въ одну общую трескотню; только и можно было понять между интервалами икоты: „я, судырь мой, поѣлъ, судырь мой, и заснулъ судырь мой, подъ эта самая сидѣнья, судырь мой,“ потомъ опять шла трескотня до новой икоты.

Поѣздъ шелъ уже между строеніями, и по причинѣ темнаго ненастнаго вечера, можно было по временамъ видѣть какъ вблизи рельсовъ двигались человѣческія фигуры съ фонарями, точно мрачные заговорщики въ какомъ-нибудь таинственномъ романѣ. Вѣтеръ сердито вылъ и шумѣлъ: кондукторъ растворилъ дверь вагона и сталъ въ проходѣ, оставаясь безучастнымъ къ нетерпѣнію публики и можетъ-быть занятый своими соображеніями о стеариновыхъ огаркахъ, которые при позднемъ зажиганіи и раннемъ тушеніи вагонныхъ фонарей, составляли нѣкоторую статью его доходовъ. Публика тѣсни-

лась къ выходу. Отецъ Варѳоломей расчесывалъ широкимъ бѣлымъ гребнемъ волосы, и окончивъ такимъ образомъ приготовленія къ пріѣзду въ столичный городъ обратился къ Чухлымову:

— До повиданія, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ, до повиданія. Если Господь благословитъ, можетъ-быть и паки встрѣтимся на пути жизни.

Публика безпокоила отца Варѳоломея, начиная выходить, такъ какъ поѣздъ уже остановился. Кто-то наконецъ сильно двинулъ его въ спину и увлекъ отъ Чухлымова, который напослѣдокъ услыхалъ только фразу отца Варѳоломея, обращенную уже къ публикѣ:

— Почтенные господа, недовольнымъ голосомъ произнесъ онъ стараясь запахнуть рясу, — почтенные господа, нужно поблагороднѣе, я такъ предполагаю....

Мужики вздѣвали на спины мѣшки и совершенно исчезали за ними, такъ что вдругъ въ одномъ концѣ вагона вмѣсто людей оказалась цѣлая куча громадныхъ мѣшковъ, которые какъ будто сами собою двигались и расталкивали публику. Недовольные этимъ волшебнымъ превращеніемъ отталкивали отъ себя мѣшки, и тогда точно изъ глубины ихъ слышалось сердитое ворчанье:

— Не налягай больно-то, ей!

— Ослобони маненько, почтенный!

Далѣе *послышался громкій крикъ покрывшій весь шумъ движенія и говоръ толпы:*

— *Робята, держись плотнѣе, оно ловчѣй будетъ, не свалятъ....*

Но надъ этимъ окрикомъ *старался взять верхъ другой.*

— *Не валисъ, Микитка, эка обрадовался, дьяволъ!*

И затѣмъ всѣ мѣшки высыпали на платформу.“ *

Приведемъ еще сцену которая непосредственно слѣдуетъ:

„Чухлымовъ былъ еще въ вагонѣ. Наклонившись, чтобы поднять стоявшій на полу сакъ-вояжъ, онъ почувствовалъ подъ ногой что-то мягкое, взялъ въ руку, посмотрѣлъ и вздрогнулъ: поднятая вещь оказалась бумажникъ, повидимому туго набитый деньгами. Въ памяти Чухлымова быстро возобновились впечатлѣнія вечера: онъ вспомнилъ что сѣдой купецъ въ сумерки этого дня „отъ нечего дѣлать“ укладывался на полу вагона вблизи его мѣста; ему какъ будто снова послышался *шопотъ купца, когда онъ, повертываясь на голомъ полу съ боку на бокъ, шепталъ, тяжело вздыхая: „Господи, прости мои великія согрѣшенія!“ и затѣмъ считалъ: „семь полтинъ—три съ полтиною.“*

Чухлымовъ началъ торопливо, нервически хватать свои вещи и такъ сильно дышалъ, какъ будто бы только-что вбѣжалъ на вершину крутой горы. Захвативъ подушки и сакъ-

* *Наслѣдники*, ч. II, стр. 64—68.

вояжъ, онъ бросился впередъ, расталкивая публику, не замѣчая и не слыша какъ сыплются на него со всѣхъ сторонъ толчки и ругательства. Въ это время онъ думалъ только объ одномъ, какъ бы догнать купца, который вышелъ уже изъ вагона, и, идя рядомъ съ Татариномъ, что-то разказывалъ ему, сильно размахивая длинными рукавами суконной чуйки. Отецъ Варѳоломей тоже подвернулся подъ руку Чухлымова и тоже проворчалъ что-то относительно благородства; но догадавшись что толчокъ получилъ ни отъ кого другаго какъ отъ его недавняго собесѣдника и видя что этотъ милый собесѣдникъ чѣмъ-то встревоженъ до крайности и ничего не замѣчаетъ вокругъ себя, отецъ Варѳоломей самъ ускорилъ шаги, слѣдуя за нимъ.

Чухлымовъ наконецъ догналъ купца и остановилъ его.

Отецъ Варѳоломей видя что Чухлымовъ что-то заговорилъ съ купцомъ, посовѣстился близко подойти и остался въ нѣкоторомъ отдаленіи, какъ говорится „на сторожѣ", чтобы въ случаѣ надобности подать помощь своему недавнему собесѣднику.

— Послушайте, остановитесь на одну минуту, задыхаясь сказалъ Чухлымовъ купцу.

— Ась! Что тебѣ, голубчикъ? удивленно спросилъ купецъ.

— Осмотритесь, не потеряли ли вы что-нибудь?

— Ни талкуй, чево напрасна, торопилъ Татаринъ, дергая купца за руку,—ни талкуй, иди знай....

— Послушайте....

Но купецъ уже вздрогнулъ и выраженіе испуга охватило его старческое лицо. Онъ быстро распахнулъ свою чуйку, откинулъ полу длиннаго кафтана и сунулъ руку въ одинъ карманъ, другой, вдругъ точно остолбенѣлъ.

— Владычица! Смерть моя! прошепталъ онъ потомъ, и затрясся весь, точно вдругъ охватилъ его сильнѣйшій припадокъ лихорадки.

— Успокойтесь, успокойтесь! зашепталъ въ свою очередь Чухлымовъ.

— Голубчикъ! Нашелъ что ли? Говори, не томи.... Умру! со слезами бросился къ нему купецъ.

— Шту такая, шту такая? затараторилъ Татаринъ и засуетился, торопливо обращаясь то къ одному, то къ другому, но на него не обращали никакого вниманія.

— Иванъ Сидорычъ, шту такая? приставалъ онъ къ купцу.

— Уйди ты, ради Христа! Уйди! ахъ, ахъ Господи! стоналъ купецъ.—Да говори же, голубчикъ.... ахъ!...

— Вы что, собственно, потеряли? едва могъ спросить Чухлымовъ, самъ до крайности встревоженный испугомъ купца.

— Батюшка! Кормилецъ!.. Бумажникъ обронилъ, бумажникъ съ деньгами... Голубчикъ! отдай... Давай!.. Давай!...

— Какого цвѣта?... силился еще спросить Чухлымовъ, давно готовый возвратить находку.

— Зеленый, родимый мой... Не мучь... Умру!.. Зеленый, краснымъ гайтанчикомъ перевязанъ, этакъ крестъ на крестъ... Царица Небесная! Владычица!.. А старуха-то еще сколько наказывала беречь....

Отецъ Варѳоломей стоялъ въ сторонѣ... Да нѣтъ, это не отецъ Варѳоломей стоялъ около стѣны: это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, блѣдный и испуганный, страдающій: на лицѣ его, точно въ зеркалѣ, отражались всѣ тѣ болѣзненныя ощущенія которыя испытывалъ купецъ, тревога, испугъ и страшное томительное ожиданіе того, чѣмъ все это, наконецъ, окончится. Отецъ Варѳоломей, казалось, болѣе купца боялся за развязку, и ждалъ, ждалъ нетерпѣливо, съ замираніемъ сердца...

Черезъ нѣсколько мгновеній купецъ плакалъ, обнималъ отъ радости Чухлымова и предлагалъ денегъ.

— На, возьми тысячу, голубчикъ, не брезгуй, пригодятся... Не жаль, ей-ей не жаль....

— Что вы, помилуйте! За что же я буду брать... Я радъ что все такъ благополучно кончилось, отвѣтилъ Чухлымовъ и пошелъ дальше.

— Святой человѣкъ! Да скажи хоть имя-то, хоть такъ обинякомъ... Гдѣ живешь-то хоть скажи.

Но Чухлымовъ шагалъ уже далеко и не оглядывался.

Отецъ Варѳоломей оставался еще нѣсколько времени въ полнѣйшемъ изумленіи, потомъ, точно опомнившись, вдругъ бѣгомъ пустился впередъ, слѣдомъ за Чухлымовымъ.

Татаринъ и купецъ все еще стояли на томъ же мѣстѣ гдѣ послѣдній получилъ обратно бумажникъ. Татаринъ сначала подозрѣвалъ въ Чухлымовѣ какого-нибудь хитраго мазурика (Петербургъ вѣдь, думалъ онъ), но догадавшись въ чемъ дѣло, всплеснулъ руками и почти вслухъ сказалъ: „шайтанъ (дьяволъ) Хайбулка!" видимо въ укоръ самому себѣ за то что не тамъ спалъ гдѣ слѣдовало, какъ оказалось по обстоятельствамъ. Купецъ между тѣмъ, перекрестившись разъ пятнадцать, сталъ размышлять: „дурачокъ надо-быть, этотъ паренекъ-то", и черезъ нѣсколько времени думалъ: „а можетъ-статься это вовсе и не человѣкъ, а ангелъ Божій явился во образѣ человѣческомъ"; но еще черезъ нѣсколько секундъ размышлялъ уже совершенно иначе: „куда ужь намъ, думалъ онъ, до ангельскихъ услугъ, — наше мѣсто въ аду, можетъ только по милосердію Божію, да за молитвы святыхъ угодниковъ сподобимся принять кончину съ покаяніемъ и избавимся мукъ преисподнихъ... Гдѣ ужь намъ до ангельскихъ услугъ."

Такъ думалъ онъ, все еще тяжело дыша.

— Ухъ, батюшки мои, угодники Божіи! Николай Чудотворецъ! Пресвятая Богородица!...

И опять принялся часто-часто креститься; потомъ вздохнулъ во всю грудь и окончательно порѣшилъ о Чухлымовѣ.

— Нѣтъ, надо-быть такъ какой-нибудь простенькій дурачокъ, сказалъ онъ и тронулся въ путь.

— Ты шайтанъ, Хайбулка! мысленно ругалъ себя Татаринъ идя рядомъ съ купцомъ и искоса взглядывая на его сѣдую бороду.“ *

Страницы столь же характерныя нерѣдки въ книгѣ г. Стахѣева. Но лучшія достоинства его повѣсти не могутъ быть показаны выписками; они состоятъ въ созданіи лицъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ конечно слѣдуетъ признать *отца Вареоломея*, являющагося во 2й части повѣсти. Лицо это—положительная заслуга г. Стахѣева; оно представляетъ вполнѣ дорисованную и вполнѣ живую фигуру; его жизнь и приключенія, его недостатки и смѣшныя стороны находятся въ удивительной гармоніи съ его душевною красотой, а красота эта поразительна. Это одинъ изъ тѣхъ священниковъ, преимущественно попадающихся въ деревенской глуши, которые представляютъ собою живое воплощеніе евангельскаго духа и о которыхъ съ такимъ изумленіемъ разказываютъ иногда просвѣщенные люди, привыкшіе вообще негодовать на грубость и дикость русской жизни.

Приведемъ небольшую картинку.

„Приходитъ, напримѣръ, мужикъ съ просьбой о помощи и валится въ ноги отцу Вареоломею, начиная во все горло выть. Отецъ Вареоломей строгимъ шепотомъ начинаетъ усовѣщевать просителя.

— Молчи! Молчи! въ ужасѣ шепталъ онъ,—молчи!

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ, вопилъ мужикъ, стукаясь лбомъ о полъ.

— Вставай! Вставай! Грѣховодникъ ты этакой! Кому ты кланяешься? Кому? ты долженъ Господу Богу покланяться и Ему Единому служить... Вставай!

Мужикъ лѣниво поднимается и начинаетъ громко разказывать свое горе, что давно хлѣба нѣтъ, что семья третій день сидитъ голодная, что ходилъ туда и туда....

Отецъ Вареоломей только руками машетъ и проситъ говорить тише, а самъ оглядывается, не слышитъ ли Анна Аѳанасьевна. Удостовѣрившись что ея нѣтъ дома, „онъ тихими столами“ ** отправляется въ свою амбарушку для того чтобъ исполнить просьбу бѣдняка.

— Ты, главное, много не говори, замѣчаетъ при этомъ отецъ Вареоломей;—помни что въ многоглаголаніи нѣсть спасенія,

* Стр. 69—72.

** Слова въ кавычкахъ принадлежатъ тому языку которымъ говорилъ отецъ Вареоломей.

а потому, касательно снабженія тебя хлѣбомъ ты лучше умолчи. Я съ великою готовностью радъ тебѣ услужить и помочь. Но ты помни слова Господа нашего, Который глаголетъ: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и вся временная благая приложатся вамъ". Вотъ, напримѣръ, я тебѣ, братецъ мой, скажу, было однажды достопамятное событіе въ царствованіе въ Бозѣ почившаго благовѣрнаго государя нашего Александра Благословеннаго. Во время одного изъ своихъ путешествій по государству онъ долѣе обыкновеннаго оставался на почтовой станціи...

Мужикъ стоялъ предъ отцомъ Варѳоломеемъ съ открытою головой и внимательно слушалъ разказъ; а разкащикъ уже не обращая вниманію на то что амбарушка еще не заперта и мужицкая телѣга съ мѣшкомъ хлѣба стоитъ посреди его двора, обстоятельно, со всѣми подробностями, разказывалъ про достопамятное событіе.

Подъ вліяніемъ представившагося случая сдѣлать добро ближнему и даже еще имѣть возможность побесѣдовать съ нимъ, отецъ Варѳоломей совершенно забывалъ про то что матушка въ это время можетъ возвратиться домой и уличить его на мѣстѣ преступленія въ томъ что онъ „расточаетъ" свое имѣніе! Несмотря на то что уже бывали такіе случаи и вели за собою весьма продолжительныя „пререканія", отецъ Варѳоломей былъ неисправимъ. Въ первое время онъ пугался когда Анна Аѳанасьевна нападала на него врасплохъ и даже не зналъ что говорить, тѣмъ болѣе что улика была на лицо: тутъ стоялъ и мужикъ съ открытою головой, тутъ же стояла и тощая кляченка съ мѣшкомъ муки на телѣгѣ; но отъ частаго повторенія подобныхъ сценъ, отецъ Варѳоломей обтерпѣлся и на упреки жены „за расточительство" указывалъ ей на ея малодушіе.

— Попадья, попадья! говорилъ онъ,—отчего ты не памятуешь о житіи святаго Филарета Милостиваго? Ужели въ твоемъ воспоминаніи не осталось никакихъ слѣдовъ изъ моихъ разказовъ о дѣяніяхъ сего замѣчательнаго угодника Божія.

Но указывать на малодушіе ему приходилось не долго, потому что чрезъ двѣ, три минуты Анна Аѳанасьевна уже визжала на весь дворъ, и изъ ея устъ лились одно за другимъ, въ безконечномъ количествѣ, различныя опредѣленія касательно нравственныхъ свойствъ отца Варѳоломея: тутъ слышались и „аспидъ", и „василискъ", и такія непонятныя слова которыя могла придумать только разсерженная супруга отца Варѳоломея, строгая блюстительница его хозяйственныхъ интересовъ.

Крестьянинъ послужившій новою причиною „междуусобій" спѣшилъ поскорѣе ретироваться и если успѣвалъ, то увозилъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, а если нѣтъ, то оставлялъ его на полѣ битвы до слѣдующаго благопріятнаго случая, когда

Анны Аѳанасьевны не будетъ дома. Отецъ Варѳоломей, замѣчая что авторитетъ Филарета Милостиваго сильно страдаетъ въ этомъ междуусобіи, благоразумно отступалъ и оставлялъ поле битвы. Онъ удалялся внутрь домика, плотно затворивъ за собою дверь для того чтобы не слышать какъ раздается на дворѣ звонкій голосъ Анны Аѳанасьевны, не видѣть какъ испуганныя этимъ крикомъ куры вмѣстѣ съ солидно ходившимъ до того времени пѣтухомъ, торопливо улепетываютъ въ отдаленную часть поповскаго двора, въ болѣе безопасное по ихъ понятіямъ мѣсто.

Отецъ Варѳоломей, вслѣдствіе неудавшагося случая сдѣлать добро и вообще вслѣдствіе „возникшихъ" вновь непріятностей, печально склонялся головой на преддиванный столъ и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

Если кому изъ читателей случалось видѣть въ Эрмитажѣ картину Бруни *Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду*, то онъ отчасти вѣрно можетъ представить себѣ выраженіе лица отца Варѳоломея въ то время когда онъ, поднявъ главу отъ стола, смотрѣлъ въ передній уголъ на икону, слабо освѣщенную свѣтомъ лампады.

Какъ ни далеко заходили иногда домашнія непріятности, какъ ни было трудно и, главное, обидно переживать ихъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ когда замѣшивался и страдалъ при этомъ интересъ третьяго лица, но отецъ Варѳоломей умѣлъ переживать: судя по его же собственнымъ словамъ, всѣ страданія сердца и боль, иногда „мгновенно" охватывавшая душу, разсѣивались при одномъ только взглядѣ на икону Долготерпѣливаго, при одной мысли о неисповѣдимомъ Его Промыслѣ, разсѣивались также какъ во храмѣ „ѳиміамъ куренія".

Успокоивъ такимъ образомъ свои взволнованныя чувства, отецъ Варѳоломей уже начиналъ обдумывать какъ бы поскорѣй устроить чтобы мѣшокъ съ мукой передать по принадлежности. А во дворѣ между тѣмъ все еще гремитъ голосъ Анны Аѳанасьевны. Она, какъ говорится, расходилась и сама не можетъ собою владѣть. Сосѣди, прильнувъ лицомъ къ щелямъ забора, наблюдаютъ за теченіемъ событій во дворѣ отца Варѳоломея; Анна Аѳанасьевна, замѣтивъ это, начинаетъ ихъ распекать и въ досадѣ швыряетъ въ нихъ первое попавшееся подъ руку, не разбирая, полѣно ли попало, камень или что другое. Однажды въ азартѣ она кинула въ сосѣдній дворъ даже посохъ отца Варѳоломея, который онъ только-что было выкрасилъ въ голубой цвѣтъ, сильно имъ, между прочимъ сказать, любимый.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того какъ оканчивались соображенія о передачѣ мужику мѣшка съ хлѣбомъ отецъ Варѳоломей осторожно подходилъ къ двери, прикладывалъ ухо къ ея скважинѣ и начиналъ вслушиваться въ неумолкающій визгъ Анны Аѳанасьевны, печально повторяя про себя: „соблазнъ! соблазнъ!..." Дождавшись наконецъ того времени

когда во дворѣ возстановилась тишина, онъ глубоко, глубоко вздыхалъ, точно по окончаніи тяжелой работы, и садился за книгу чтобы забыться окончательно и успокоиться; для чего и надвигалъ на носъ старинныя серебряныя очки солидныхъ размѣровъ. Иногда междуусобіе этимъ и оканчивалось; супруга сознавъ свое превосходство и восторжествовавъ надъ мужемъ, сурово принималась за свои домашнія дѣла, не обращая вниманія на отца Варѳоломея.

Вслѣдствіе этого, онъ уже совершенно успокоивался и углублялся въ чтеніе духовной книги; но читая, напримѣръ, о битвѣ Филистимлянъ съ Израильтянами во время Саула и Іонаѳана, онъ какъ-то невольно задумывался надъ вопросомъ о томъ, къ которому собственно изъ ихъ лагерей могла быть сопричислена его воинственная супруга.

Такъ дешево отдѣлаться за посягательство „расточать" свое имѣніе отцу Варѳоломею приходилось не часто, потому что Анна Аѳанасьевна не всегда ограничивалась тѣмъ что срывала бо́льшую часть гнѣва на сосѣдяхъ; его оставалось и на долю отца Варѳоломея достаточное количество. Въ такомъ случаѣ, онъ считалъ необходимымъ на нѣкоторое время „удалиться" изъ своего дома, чтобы дать возможность скорѣе утихнуть домашнимъ волненіямъ. Онъ уходилъ въ поле, бродилъ по лѣсамъ, забирался на горы и совершенно забывалъ о томъ какія причины вызвали его изъ дома. Иногда въ такое время домашнихъ баталій его можно было встрѣтить сидящимъ на крутомъ обрывѣ горы и наблюдающимъ закатъ солнца. Сидитъ онъ и смотритъ какъ уходитъ за дальнія горы великое свѣтило, какъ постепенно скрывается отъ глазъ его послѣдняя блестящая точка, и во всѣ стороны неба изъ яркаго пламени вечерней зари разстилаются полукругомъ его блѣднѣющіе лучи; вотъ оно уже совершенно скрылось отъ глазъ, а лучи все еще видны на небѣ и прорѣзываются сквозь легкія облака, озолоченныя и окрашенныя необъяснимо-чудными цвѣтами. Сидитъ отецъ Варѳоломей и все смотритъ, и только порывистѣе и порывистѣе дѣлается его дыханіе; видно что въ глубинѣ души его что-то творится и просится наружу; онъ, наконецъ, не выдерживаетъ, всталъ на ноги, снимаетъ шляпу и начинаетъ пѣть со слезами на глазахъ: „Величитъ душа моя Господа!..." *

Намъ тѣмъ пріятнѣе отдать справедливость повѣсти г. Стахѣева что онъ пишетъ уже давно, но до *Наслѣдниковъ* не успѣлъ обратить на себя вниманія. По той добросовѣстности которою отличается этотъ его послѣдній трудъ, видно что онъ усердно работаетъ надъ своимъ талантомъ; если же такъ, то по результатамъ которые уже теперь у насъ предъ глазами мы можемъ еще многаго ожидать отъ него въ будущемъ.

Н. СТРАХОВЪ.

* *Наслѣдники*, т. II, стр. 25—30.

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Histoire de la litterature contemporaine en Russie, par C. Courrière. Paris, 1875.

Не безъ основанія привыкли у насъ относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ сочиненіямъ французскихъ писателей о Россіи. Неосновательность и безцеремонность этихъ сочиненій всѣмъ извѣстна. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда французскій писатель, собираясь говорить о Россіи, не запасается никакими предвзятыми взглядами и не черпаетъ своихъ понятій о нашемъ отечествѣ изъ польскихъ источниковъ, даже и въ такихъ случаяхъ легкомысліе, самоувѣренность и неспособность понять чужую жизнь отнимаетъ у произведеній большинства французскихъ авторовъ о Россіи всякую цѣну и дѣлаетъ ихъ интересными развѣ со стороны многочисленныхъ и диковинныхъ куріозовъ почти всегда ихъ наполняющихъ.

Главнымъ препятствіемъ къ основательному знакомству Французовъ съ нашимъ отечествомъ служило всегда незнаніе русскаго языка, и слѣдовательно невозможность пользоваться русскими источниками. Въ послѣднее время французскіе писатели повидимому сознали что не владѣя такимъ

существеннымъ орудіемъ къ изученію страны, каково знаніе ея языка, нельзя много подвинуться въ знакомствѣ съ нею, также какъ нельзя избѣжать на каждомъ шагу самыхъ грубыхъ ошибокъ и нелѣпостей. Теперь многіе во Франціи уже изучаютъ русскій языкъ, и это обстоятельство тотчасъ отразилось самымъ выгоднымъ образомъ на сочиненіяхъ французскихъ авторовъ о Россіи. Въ *Revue des deux Mondes* и въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ появился въ послѣдніе годы цѣлый радъ статей о русской исторіи и современномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, статей написанныхъ на основаніи русскихъ источниковъ и далеко не представляющихъ тѣхъ грубыхъ промаховъ какими обиловали прежнія французскія сочиненія о нашемъ отечествѣ. Русскій читатель конечно не найдетъ въ большей части этихъ статей ничего для себя новаго; обыкновенно это только извлеченія изъ русскихъ книгъ и журналовъ, рѣдко удачныя тамъ гдѣ авторъ оставляетъ своего русскаго руководителя и вдается въ собственныя соображенія. Но для европейской и въ особенности французской публики эти новѣйшіе труды о Россіи чрезвычайно полезны и интересны. Въ нихъ западный читатель почти впервые находитъ довольно достовѣрное слово о странѣ остающейся по сю пору весьма мало извѣстною Европѣ, несмотря на ея громадное политическое значеніе. Почти все что онъ находитъ въ этихъ статьяхъ для него совершенно ново и должно разрушить множество предрасудковъ и заблужденій. Статьи въ *Revue des deux Mondes*—это почти то же что записки Америго Веспуччи. Европѣ открывается въ нихъ цѣлый новый міръ, до сихъ поръ почти невѣдомый, хотя и не отдѣленный отъ нея Океаномъ. Отсюда понятенъ огромный интересъ возбуждаемый этими статьями не только во Франціи, но и въ Германіи и въ Англіи.

Г. Куррьеръ, съ книгой котораго мы намѣрены познакомить нашихъ читателей, принадлежитъ къ этому новому поколѣнію французскихъ писателей о Россіи. Онъ знаетъ русскій языкъ, если не настолько чтобы понимать его художественныя красоты, то по крайней мѣрѣ достаточно чтобы справляться съ русскими историческими и критическими сочиненіями. Къ сожалѣнію, онъ кажется мало знакомъ непосредственно съ русскими поэтами и романистами; выдержки которыя онъ изъ нихъ приводитъ большею частью тѣ самыя какія приводятся въ русскихъ критическихъ статьяхъ; собственныя сужденія

его о русскихъ авторахъ почти всегда свидѣтельствуютъ о недостаточномъ пониманіи того что не разъяснено ему русскою критикой. Но весьма важно уже и то что г. Курръеръ предоставляетъ въ распоряженіе европейскаго читателя значительную часть матеріала разработаннаго русскою критикой, и притомъ располагаетъ этотъ матеріалъ довольно систематически, и хотя со многими промахами, но безъ вопіющихъ нелѣпостей. При томъ состояніи въ какомъ находится наша критика, потерявшая всѣ преданія и чуждая самаго умѣреннаго безпристрастія и добросовѣстности, совершить эту задачу было не легко. Французскому историку русской литературы приходилось поминутно видѣть себя между самыми крайними противорѣчіями и почти на ощупь давать вѣру тому или другому мнѣнію. Отсюда произошли нѣкоторые любопытные куріозы, о которыхъ мы въ своемъ мѣстѣ скажемъ. Теперь же укажемъ для примѣра хотя бы слѣдующее: говоря о послѣднихъ сочиненіяхъ гг. Писемскаго и Достоевскаго, г. Курръеръ руководствовался исключительно нашими статьями въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, переведя многое изъ нихъ почти буквально; но ни словомъ не обозначилъ такого заимствованія, и о самомъ *Русскомъ Вѣстникѣ* отозвался въ такомъ же смыслѣ въ какомъ принято говорить о нашемъ журналѣ у большинства петербургскихъ газетчиковъ. Той же системѣ слѣдовалъ французскій авторъ и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже. Непосредственное знакомство г. Курръеръ имѣетъ, кажется, только съ драмами гр. А. Толстаго и г. Аверкіева: отзывъ его объ этихъ произведеніяхъ отличается наибольшею полнотой. Произведенія г. Тургенева знакомы г. Курръеру, повидимому, только по французскимъ переводамъ; по крайней мѣрѣ о томъ что не переведено онъ говоритъ явныя несообразности, напримѣръ считаетъ отрывокъ *Довольно* стихотвореніемъ. Не читая самихъ авторовъ, а руководствуясь только рецензіями русскихъ журналовъ, г. Курръеръ конечно не могъ говорить о современныхъ писателяхъ съ тою же основательностью, какъ о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ; солидность его сужденій находится въ прямой зависимости отъ того какимъ изъ русскихъ журналовъ онъ руководился. Къ сожалѣнію, онъ весьма часто прибѣгаетъ къ помощи *Journal de St.-Pétersbourg*, критическій отдѣлъ въ которомъ не имѣетъ значенія и далеко не отличается безпристрастіемъ.

Существенное достоинство книги г. Курръера заключается конечно въ томъ что значеніе русской литературы, какъ высшей выразительницы нашего просвѣщенія, понято имъ безъ того презрительнаго отношенія ко всему русскому которое еще недавно отличало французскихъ писателей. Онъ говоритъ въ предисловіи что его трудъ долженъ удивить нѣкоторыхъ читателей и многихъ научить. „Мы слѣпо вѣрили что Россія не имѣетъ литературы, или что если эта литература существуетъ, то не можетъ интересовать насъ. Я хотѣлъ доказать этою книгой противное.“ По его мнѣнію, Россія не только имѣетъ литературу, но эта литература во многихъ случаяхъ выдерживаетъ сравненіе со всякой другой, и заслуживаетъ внимательнаго изученія. Правда, относясь со справедливымъ уваженіемъ къ русской литературѣ, авторъ остается прежде всего Французомъ и заявляетъ нѣкоторыя довольно странныя претензіи, напримѣръ удивляется что англійскіе романисты обнаружли на нашихъ болѣе значительное вліяніе чѣмъ французскіе, негодуетъ на тѣхъ изъ нашихъ писателей которые выводили въ своихъ произведеніяхъ Французовъ въ комическомъ видѣ, сѣтуетъ на графа Льва Толстаго за изображенія партизанскихъ стычекъ съ Наполеоновскими мародерами и пр. Правда также что несмотря на знакомство съ нѣкоторыми русскими историческими сочиненіями, многія явленія нашей внутренней жизни остались непонятыми г. Курръеромъ и отразились въ его книгѣ въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Но общій смыслъ нашей тысячелѣтней исторіи, также какъ и общественныя заслуги нашей литературы выражены авторомъ довольно вѣрно, и въ этомъ отношеніи книгу его нельзя не признать чрезвычайно полезною для европейской публики. Можно пожалѣть только что авторъ не ограничилъ своей задачи и не далъ отчета лишь о томъ съ чѣмъ онъ основательно познакомился. Не имѣя возможности осилить всего матеріала захваченнаго въ рамки его сочиненія, и желая въ то же время достигнуть наибольшей полноты, онъ принужденъ былъ о многомъ писать по наслышкѣ, отчего его книга обилуетъ внутренними и внѣшними погрѣшностями. Такъ напримѣръ, русскій читатель съ удивленіемъ узнаетъ что Пушкинскій Алеко былъ Цыганъ, отчего смыслъ поэмы, разумѣется, долженъ былъ сдѣлаться неяснымъ; что Четьи-Минеи есть родъ религіозной энцикло-

ледіи; что въ *Мертвыхъ Душахъ* выведенъ помѣщикъ Скудронжогло, а въ *Обрывѣ* нѣкто Раевскій; что Татьяна, невѣста Литвинова (въ *Дымѣ*), была его кузина; что извѣстный писатель Муравьевъ былъ архіепископъ; что комедіи г. Островскаго печатались въ журналѣ *Всемірный Трудъ*, отличавшемся внѣшнимъ изяществомъ; что до 1825 года въ Россіи существовала только одна газета, *С.-Петербургскія Вѣдомости*; что *Московскія Вѣдомости* проповѣдуютъ панславизмъ; что министръ народнаго просвѣщенія кажется склонится наконецъ въ пользу классической системы образованія; что *Русскій Міръ* сначала издавался г. Костомаровымъ, а теперь редактируется нѣсколькими лицами, и нападаетъ на мировой судъ и на земскія учрежденія; что дѣла о преступленіяхъ противъ законовъ о печати судятся присяжными состоящими изъ людей образованныхъ; что провинціальныя газеты подлежатъ предварительной цензурѣ потому что не въ состояніи внести 2.500 р. залогу, и пр. и пр. Всѣ эти промахи, сопоставленные вмѣстѣ, могутъ очень подорвать въ глазахъ русскаго читателя кредитъ книги г. Куррьера; но разсѣянные болѣе чѣмъ на 400 страницахъ, они не такъ замѣтны, и вообще не настолько существенны чтобъ отнять у произведенія французскаго автора нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства.

Г. Куррьеръ предпосылаетъ своему труду бѣглый историческій очеркъ, въ которомъ старается уловить древнѣйшіе слѣды культуры славянскаго племени. Онъ замѣчаетъ что хотя ни одинъ народъ не обладалъ такою прекрасною и богатою безыскусственною поэзіей, и что хотя ни у кого поэтическія преданія не были такъ живучи, какъ у Славянъ, тѣмъ не менѣе у нихъ не выработалась стройная миѳологическая система, и они не оставили письменнаго памятника въ родѣ санскритскихъ *Ведъ* или скандинавской *Эдды*. Авторъ указываетъ затѣмъ на нѣкоторые слѣды религіозныхъ представленій Славянъ и переходитъ къ былинамъ и пѣснямъ, причемъ не совсѣмъ ясно разграничиваетъ область миѳологическихъ вѣрованій отъ области сказокъ. Слѣдующая глава посвящена введенію христіанства. Безъ сомнѣнія это самая слабая часть книги, такъ какъ здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо высказалось неумѣнье автора понять внутренній смыслъ явленій чуждыхъ западно-европей-

ской исторіи. Заимствованіе христіанства отъ Византіи представляется автору самымъ роковымъ событіемъ въ судьбахъ Русскаго народа. Ему кажется что византійское христіанство было совершенно безплодно и не принесло никакого новаго нравственнаго начала. „Официальная религія, говоритъ онъ, силой навязанная народу и лишенная, по своей организаціи, всякаго соціальнаго вліянія, не могла имѣть никакого нравственнаго дѣйствія. Греческое христіанство принесло результаты мало благопріятные для дальнѣйшаго развитія Россіи. Оно надолго уединило ее отъ остальной Европы. Да и чего можно было ожидать отъ этого сочетанія испорченной цивилизаціи разрушающейся Имперіи и молодаго народа съ грубыми и варварскими нравами?“ Такимъ образомъ автору остаются совершенно непонятными тѣ высокія выгоды которыя пріобрѣтала Русь заимствуя христіанство отъ Византіи. Даже то обстоятельство что это христіанство явилось въ Русь проповѣдуемое на родномъ языкѣ и принесло съ собою готовую письменность—авторъ считаетъ въ числѣ самыхъ неблагопріятныхъ. А между тѣмъ немного далѣе ему приходится самому изумляться непосредственнымъ и быстрымъ результатамъ событія. „Странное дѣло! восклицаетъ онъ, важнѣйшими литературными воспоминаніями завѣщанными намъ этимъ періодомъ мы обязаны почти исключительно русскимъ писателямъ,“ и затѣмъ перечисляетъ труды Луки Жидяты, Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и наконецъ Нестора. Такимъ образомъ, замѣчая духовный подъемъ обнаружившійся въ Русскомъ народѣ тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ христіанства, авторъ не хочетъ отнести этотъ результатъ къ его дѣйствительному источнику, византійскому просвѣщенію и славянскому переводу книгъ Св. Писанія. Упомянувъ затѣмъ о *Поученіи* Владиміра Мономаха, о *Русской Правдѣ*, о *Посланіи* Даніила Заточника и *Словѣ о Полку Игоревомъ*, авторъ возвращается къ своей прежней мысли что „византійское христіанство не имѣло на соціальную и духовную жизнь Русскаго народа того спасительнаго вліянія какое имѣлъ католицизмъ на западную Европу“. Эту мысль онъ основываетъ болѣе всего на томъ что въ Россіи духовенство всегда было де подчинено свѣтской власти и стояло въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ. Въ литературѣ, говоритъ авторъ, православіе

имѣетъ ту единственную заслугу что внесло письменный языкъ, съ грамматическими формами; какъ будто этого мало! „Удерживая за собою литературную монополію, продолжаетъ онъ, греческое христіанство объявило ожесточенную войну народной поэзіи, привязанной къ языческимъ вѣрованіямъ." Но вѣдь то же самое происходило и въ католической Европѣ въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ, и остатки національныхъ вѣрованій тамъ были истреблены еще ранѣе и быстрѣе чѣмъ у насъ. Но авторъ какъ будто вычеркиваетъ изъ исторіи Запада Средніе Вѣка, соединяя принятіе христіанства съ эпохой Возрожденія: „Латинскій языкъ въ литургіи, говоритъ онъ, открывалъ новообращеннымъ широкіе горизонты великихъ произведеній древности." Однако прежде чѣмъ эти горизонты открылись западному человѣчеству, протекли долгіе вѣка варварства и мрака, о чемъ кажется забываетъ французскій авторъ.

Гораздо лучше поняты авторомъ историческіе результаты Монгольскаго ига. „Владычество Монголовъ, говоритъ онъ, имѣло роковыя и бѣдственныя послѣдствія для судебъ Россіи. Можно сказать что оно вырыло глубокую бездну между историческимъ прошлымъ страны и ея дальнѣйшимъ развитіемъ. Не только прекратилась всякая національная жизнь, но и нравы, начавшіе незамѣтно смягчаться подъ вліяніемъ христіанства, приняли вновь прежній характеръ грубости и варварства. Выиграла только въ своемъ вліяніи религія. Она была единственною связью соединявшею порабощенныя населенія. Съ этого времени она слилась съ народностью, и народъ Русскій привыкъ отнынѣ защищать съ одинаковою ревностью независимость этихъ двухъ великихъ началъ. Въ теченіе этого столь бѣдственнаго для Россіи періода, духовенство проявило энергію которой не давали предвидѣть ни его происхожденіе, ни созданное для него положеніе." Прямымъ результатомъ Монгольскаго завоеванія авторъ считаетъ возвышеніе Москвы и объединеніе Руси подъ сильною властью великихъ князей Московскихъ. Перемѣщеніе политическаго и умственнаго центра изъ Кіева въ Москву имѣло, по мнѣнію г. Куррьера, большое вліяніе на литературу. „По формѣ, говоритъ онъ, она нисколько не развивалась и попрежнему оставалась подражаніемъ византійской. Но характеръ ея совершенно измѣнился вслѣдствіе различія существующаго въ склонностяхъ Великорусса и Малоросса.

Первый, смѣсь Финна, Татарина и Славянина, болѣе суровъ, строгъ и положителенъ. У втораго умъ болѣе подвиженъ, у него болѣе воображенія и поэзіи.“ Въ XVI вѣкѣ Россія совершенно преобразовалась политически, Москва притянула къ себѣ всѣ религіозные, соціальные и интеллектуальные элементы народной жизни, и съ тѣмъ вмѣстѣ возникли новыя потребности, которымъ прежняя литература, заключенная въ тѣсныя рамки религіозныхъ интересовъ, не могла удовлетворить. Являются новые дѣятели, старающіеся вдохнуть въ жизнь общества новые идеалы. Къ такимъ дѣятелямъ авторъ причисляетъ Максима Грека, князя Курбскаго, Сильвестра и самого Ивана IV. Въ слѣдующемъ столѣтіи авторъ отмѣчаетъ патріарха Никона, Симеона Полоцкаго, Котошихина (котораго онъ называетъ Котошкинымъ), Крыжанича, Сильвестра Медвѣдева. Онъ указываетъ что въ то же время южная Русь, поставленная въ необходимость отстаивать свою религіозную независимость противъ посягательствъ католицизма, равнымъ образомъ напрягала свои духовныя силы. Она покрылась религіозными братствами, школами, типографіями; въ Кіевской Академіи преподавались науки по образцу западныхъ школъ. Весь этотъ Московскій періодъ русской исторіи г. Курьеръ характеризуетъ такими словами: „Съ перемѣщеніемъ умственнаго центра изъ Кіева въ Москву, литература попрежнему оставалась подчиненною религіозному вліянію Византіи. Но нравственная природа Великорусса и деспотизмъ тяготѣвшій надъ страной, дали ей характеръ угрюмый, тусклый и офиціальный. Этимъ объясняется, почему несмотря на испытанія и потрясенія, которымъ подпалъ въ теченіе этого періода Русскій народъ, литература оставалась исключительно религіозною и была лишена плодовитости и оригинальности. Однако позднѣе, со временъ Ивана IV, когда положеніе страны создало новыя потребности, Россія начала сближаться съ Европой. Сами цари, нѣкоторые высшіе умы эпохи, и въ особенности ученые пришедшіе изъ Кіева, были проводниками этого движенія. Но ихъ вліяніе чувствовалось лишь въ весьма ограниченной средѣ; народъ былъ совершенно чуждъ ему. Нуженъ былъ великій преобразователь чтобъ окончательно двинуть Россію по этому новому пути“.

Въ Петрѣ Великомъ г. Курьеръ видитъ именно такого преобразователя. Онъ становится вполнѣ на сторонѣ его

реформъ, хотя и замѣчаетъ что преслѣдуя чисто практическія цѣли, Петръ искалъ для своей страны техниковъ и мастеровъ, а не артистовъ и литераторовъ. Изъ современниковъ и учениковъ Петра, трудившихся вмѣстѣ съ нимъ надъ пересажденіемъ въ Россію европеизма, авторъ упоминаетъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Кантемирѣ, Татищевѣ, и переходитъ затѣмъ къ Ломоносову, Тредьяковскому и Сумарокову. Онъ замѣчаетъ далѣе что важною ошибкой Петра было то что онъ придалъ литературѣ слишкомъ практическій характеръ, опредѣлилъ ей вторую роль, употребляя ее только какъ средство для приложенія и распространенія новыхъ идей. „Оттого, продолжаетъ г. Курръеръ, эта литература освободилась отъ религіознаго ига только для того чтобы подпасть вліянію западной Европы и сохранить характеръ подражанія и заимствованія. Внѣ ея практической пользы, на нее смотрѣли лишь какъ на развлеченіе и забаву.“

Взглядъ автора на значеніе Екатерины II для русскаго просвѣщенія не вызываетъ особыхъ возраженій. Онъ опредѣляетъ ея величайшую заслугу тѣмъ что она внесла въ нашу литературу новое начало—нравственное. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, европейская цивилизація дѣйствовала только на форму; теперь она должна была проникнуть въ мнѣнія и въ самыя идеи“. Къ сожалѣнію, отзывъ автора о литературномъ движеніи того времени слишкомъ поверхностенъ: упомянувъ лишь вскользь о Фонвизинѣ и Новиковѣ, онъ не даетъ полнаго представленія объ этой замѣчательной эпохѣ нашего общественнаго и литературнаго развитія, и въ особенности о положительной сторонѣ движенія, выразившейся въ Державинѣ. Пѣвца Фелицы онъ привязываетъ къ послѣдующему періоду, общій характеръ котораго опредѣленъ имъ довольно вѣрно. Теоріи энциклопедистовъ, усвоенныя высшимъ обществомъ, служили ему только маской, подъ которою сохранялось много грубости и невѣжества, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ своей странѣ и національности. „Тогда, говоритъ г. Курръеръ, въ нѣдрахъ русскаго общества обнаружилась реакція въ пользу національности и религіи. Эта нравственная и литературная реакція произвела плеяду талантливыхъ писателей, подготовившихъ окончательную независимость русской литературы, и произведенія которыхъ составили эпоху“. Къ этой плеядѣ авторъ относитъ Державина, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и Крылова. Къ сожалѣнію,

характеристики этихъ писателей у г. Куррьера крайне поверхностны. Значеніе Карамзина имъ совершенно не понято и кажется онъ руководился исключительно мнѣніями г. Пыпина. Даже *Исторія Государства Россійскаго* представляется ему не заслуживающею тѣхъ похвалъ какими встрѣтили ее современники. Со словъ отрицательной русской критики, онъ ставитъ Карамзину въ упрекъ его званіе офиціальнаго исторіографа и увѣряетъ будто онъ написалъ лишь исторію князей и царей Московскихъ, а не исторію Русскаго народа. Нѣсколько строкъ посвященныхъ Жуковскому нисколько не опредѣляютъ его значенія для русской поэзіи; самыя главныя его произведенія—русскія сказки и баллады, переводы изъ Шиллера, переводъ *Одиссеи* — даже не упомянуты французскимъ историкомъ нашей литературы. Крыловъ заинтересовалъ его преимущественно тѣмъ что Русскіе сравниваютъ его съ Лафонтеномъ; но г. Куррьеръ находитъ, кажется, такое сравненіе слишкомъ лестнымъ для нашего баснописца. „Въ его басняхъ, говоритъ онъ, не находимъ той наивности, простоты и добродушія, которыя такъ характеризуютъ французскаго фабулиста.“ Значеніе Крылова какъ сатирика и какъ писателя въ высшей степени народнаго, внесшаго націонаную струю въ животный эпосъ, осталось для г. Куррьера непонятымъ.

Переходя во второй части своей книги къ новой литературѣ, г. Куррьеръ опредѣляетъ періодъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ какъ эпоху борьбы романтизма съ классицизмомъ. Эту борьбу онъ не считаетъ только эхомъ происходившаго въ западной Европѣ, но объясняетъ ее изъ естественнаго хода развитія нашей литературы. Романтизмъ, принятый сначала какъ эстетическая теорія, въ послѣдствіи сблизился съ народностью и помогъ русской литературѣ пріобрѣсть окончательную независимость и самобытность. Авторъ приводитъ нѣкоторыя подробности объ *Арзамасѣ* и о борьбѣ его съ Шишковымъ, и переходитъ къ обстоятельному очерку нашей литературы въ этомъ періодѣ.

Первый писатель довольно полную оцѣнку котораго мы находимъ у г. Куррьера — Грибоѣдовъ. Театръ вообще, какъ видно, наиболѣе интересуетъ французскаго историка нашей литературы, и здѣсь у него замѣтно непосредственное знакомство съ произведеніями нашихъ писателей. Глава о Грибоѣдовѣ отличается основательностью и отсутствіемъ тѣхъ

промаховъ, которыхъ къ сожалѣнію довольно много въ остальной части его труда. Авторъ даетъ очеркъ жизни Грибоѣдова, пользуясь замѣтками Пушкина и матеріалами собранными въ недавнее время въ русскихъ журналахъ. Переходя къ комедіи *Горе отъ Ума,* онъ замѣчаетъ что сценическое содержаніе этой піесы очень скудно, интрига совершенно ничтожна; что поэтъ очевидно хотѣлъ только провести предъ публикой нѣсколько типовъ въ которыхъ осмѣиваются нравственные недостатки и пустота высшаго московскаго общества двадцатыхъ годовъ. Пользуясь текстомъ комедіи, г. Курьеръ опредѣляетъ нѣкоторые изъ этихъ типовъ, и затѣмъ приводитъ два монолога Чацкаго, въ которыхъ выразилось сатирическое отношеніе поэта къ изображаемой имъ средѣ. „Комедія Грибоѣдова, говоритъ авторъ, есть протестъ противъ установившагося порядка вещей; это сатира и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдкая критика на современное общество. Но увлекаемый слишкомъ фанатическимъ рвеніемъ, герой ея становится нетерпимъ. Желчь его разливается черезъ край; изъ остроумнаго и насмѣшливаго, онъ дѣлается злымъ. Это ужь не сатира, а памфлетъ. Онъ разражается по поводу фраковъ, бритыхъ подбородковъ; онъ посылаетъ своихъ соотечественниковъ учиться у Китайцевъ, и продолжаетъ громить въ этомъ тонѣ до тѣхъ поръ пока выведенное изъ терпѣнія общество возмущается и трактуетъ его какъ сумашедшаго.“

Отъ Грибоѣдова г. Курьеръ переходитъ къ Пушкину, которому посвящаетъ самую большую главу своей книги. Къ сожалѣнію, разныя части этой главы весьма не равнаго достоинства. Взглядъ автора на внутреннюю исторію артистическаго развитія Пушкина, критическія сужденія о замѣчательнѣйшихъ его произведеніяхъ, могутъ удовлетворить читателя. При томъ поверхностномъ знакомствѣ съ русскою жизнью какое обнаруживаетъ французскій авторъ, естественно что многое въ поэзіи Пушкина осталось не усвоеннымъ и не оцѣненнымъ имъ, и притомъ именно то что̀ наиболѣе драгоцѣнно для русской литературы и русской цивилизаціи. Съ другой стороны, Пушкинъ въ современной нашей журналистикѣ сдѣлался предметомъ спорнымъ; мы сами какъ бы понизили свою точку зрѣнія. Нѣтъ ничего удивительнаго если иноземный историкъ нашей литературы принялъ за

чистую монету различныя журнальныя мистификаціи нашего времени.

Несмотря на то что г. Курръеръ цѣнитъ въ Пушкинѣ только произведенія первой половины его литературной жизни, общій взглядъ его на поэта и на его значеніе въ нашей литературѣ вообще вѣренъ. „Пушкинъ, говоритъ онъ, былъ и до сихъ поръ еще есть величайшій изъ русскихъ поэтовъ; его вліяніе на современниковъ и на послѣдующее поколѣніе было необъятно. Этимъ вліяніемъ онъ былъ обязанъ не только прелести своихъ стиховъ и оригинальности своего таланта, но по преимуществу существенно-національному характеру своей поэзіи. Различныя чувства его вдохновлявшія были только вѣрнымъ отраженіемъ стремленій и страданій общества среди котораго онъ жилъ. Оно нашло въ его произведеніяхъ то чего оно искало, что̀ его волновало, что̀ ему давало жизнь.“

Жизнь Пушкина довольно хорошо разказана г. Курръеромъ, преимущественно по Анненкову. Сказавъ о его лицейскихъ годахъ, онъ излагаетъ довольно подробно содержаніе *Руслана и Людмилы*, причемъ удачно переводитъ нѣкоторые отрывки изъ этой поэмы. Надо сказать вообще о переводахъ г. Курръера что они очень хороши, легки и живы, хотя конечно попадаются оттѣнки не вѣрно переданные, краски ослабленныя. Чтобы не ходить далеко, укажемъ въ самомъ первомъ отрывкѣ изъ *Руслана* слѣдующую фразу: „Les vêtements enviés vont tomber zur les tapis princiers“. У Пушкина сказано:

Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры.

Въ эпитетѣ *цареградскій* есть мѣстный и историческій колоритъ, между тѣмъ какъ эпитетъ *princier*—общее мѣсто. Подобныхъ обезличеній къ сожалѣнію не чужды всѣ французскіе переводы, что̀ объясняется отчасти свойствами самаго языка, имѣющаго слишкомъ много условности и стереотипности въ оттѣнкахъ.

Передавъ содержаніе *Руслана и Людмилы*, г. Курръеръ продолжаетъ: „По этой канвѣ, заимствованной изъ области народной поэзіи, Пушкинъ выткалъ цѣлый рядъ блестящихъ картинъ, образныхъ описаній, поразительныхъ контрастовъ,

руководясь одною своею фантазіей. Чувства высокія, нѣжныя, поэтическія, воинственныя, даже сатирическія, мѣшаются и слѣдуютъ другъ за другомъ съ удивительнымъ увлеченіемъ, огнемъ и блескомъ. Характеръ Людмилы, то веселый, то мечтательный, обрисованъ тонкою и легкою кистью. Пушкинъ превосходенъ въ женскихъ портретахъ."

Отношенія Пушкина къ байронизму объяснены г. Курръеромъ едва ли не лучше чѣмъ это сдѣлано въ русской литературѣ. Вмѣсто того чтобы разсматривать увлеченія Пушкина англійскимъ поэтомъ какъ проявленіе „слѣпо-бунтующей личности", г. Курръеръ видитъ въ немъ лишь стремленіе раздвинуть рамки русской поэзіи и открыть ей новыя области. „Байронизмъ, какъ его обыкновенно понимаютъ, говоритъ г. Курръеръ, дѣйствовалъ въ Россіи иначе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ этой странѣ онъ принялъ національный оттѣнокъ, сохраненный имъ даже въ самыхъ крайнихъ его странностяхъ. Пушкинъ расположенъ былъ болѣе всякаго другаго подпасть вліянію англійскаго поэта. Въ его положеніи было нѣчто сходное съ Байрономъ. Но что̀ соблазняло его болѣе всего — это артистическая форма, новые горизонты которые онъ нашелъ въ англійскомъ поэтѣ." Авторъ приводитъ затѣмъ нѣсколько отрывковъ изъ *Кавказскаго Плѣнника* и замѣчаетъ что въ слѣдующихъ поэмахъ: *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*, *Братьяхъ Разбойникахъ* и *Цыганахъ*, вліяніе Байрона чувствуется слабѣе, и рядомъ съ нимъ болѣе и болѣе проявляются признаки самобытнаго таланта.

Разказавъ затѣмъ жизнь Пушкина въ Кишиневѣ и Одессѣ, г. Курръеръ приводитъ стихотворенія *Наполеонъ* и *Къ Морю*, и слѣдитъ за новыми трудами Пушкина въ Михайловскомъ. Изъ *Бориса Годунова* онъ приводитъ цѣликомъ сцену у фонтана, также отрывки изъ писемъ Пушкина, въ которыхъ поэтъ объясняетъ исторію своей трагедіи и огромное значеніе придаваемое имъ этому труду, но самъ г. Курръеръ избѣгаетъ высказаться о трагедіи. Можно догадываться что это произведеніе, по духу и формѣ столь далекое отъ французскихъ понятій о драмѣ, ему не особенно нравится; повидимому, *Графъ Нулинъ*, подробно пересказанный г. Курръеромъ, заинтересовалъ его болѣе.

Слѣдующая эпоха въ жизни и дѣятельности Пушкина изображена французскимъ критикомъ гораздо менѣе удачно. Взгляды г. Пылина очевидно сбили его съ толку. Встрѣча-

ясь съ фактомъ разрыва, обнаружившагося между Пушкинымъ и массой русскаго общества со временъ *Бориса Годунова*, г. Куррьеръ очевидно объясняетъ его вмѣстѣ съ новою петербургскою критикой тѣмъ, будто общество опередило поэта, а не тѣмъ что самъ поэтъ достигъ той высшей артистической зрѣлости, на которой художникъ перестаетъ быть выразителемъ стремленій и чаяній du gros public. „Публика, говоритъ г. Куррьеръ, требовала отъ Пушкина отзыва на новые вопросы и стремленія ее волновавшія. Поэтъ не хотѣлъ ей отвѣчать; роль проповѣдника мало соблазняла его. Недовольный собой и другими, онъ становится все болѣе и болѣе чуждъ нравственной жизни окружающей его среды. Усилія сблизиться съ нею не удавались (?). Отнынѣ имъ невозможно было понять другъ друга. Пушкинъ претендовалъ что цѣль поэзіи—преслѣдованіе возвышеннаго и недоступнаго (?) идеала", и т. д.

О *Полтавѣ* г. Куррьеръ нашелся только сказать что эта поэма посвящена восхваленію Петра Великаго; точно также имъ лишь перечислены *Домикъ въ Коломнѣ* и нѣкоторыя драматическія произведенія; самыя зрѣлыя созданія Пушкина, каковы *Мѣдный Всадникъ*, *Галубъ*, *Сцена изъ Фауста*, *Русалка*, *Арапъ Петра Великаго*, *Египетскія Ночи*, даже не упомянуты французскимъ историкомъ нашей литературы и повидимому вовсе ему неизвѣстны. Вообще кажется что онъ читалъ у Пушкина лишь весьма немногое, и относительно позднѣйшаго періода творчества повѣрилъ безъ дальнихъ хлопотъ г. Пыпину. Разказавъ о женитьбѣ поэта въ 1831 году, г. Куррьеръ дѣлаетъ такую характеристику послѣдующихъ, самыхъ зрѣлыхъ и плодоносныхъ лѣтъ его жизни: „Творческій талантъ Пушкина сильно страдалъ отъ его новаго образа жизни. Офиціальные труды, заботы семейной жизни, безпокойства причиняемыя ему дѣлами его отца — все это мало могло поддерживать и оживлять въ немъ священный огонь вдохновенія. Поэтическія способности его слабѣли: онъ становился писателемъ работающимъ по столько-то за страницу. Къ этому времени относятся его главныя произведенія въ прозѣ: *Капитанская Дочка*, *Исторія Пугачевскаго Бунта*, и фантастическая сказка (?) *Пиковая Дама*." Кто узнаетъ въ этихъ строкахъ нашего Пушкина, въ самый зрѣлый и блестящій періодъ его творчества, когда

поэтическій геній его достигъ изумительной глубины и эпическаго спокойствія?

О *Капитанской Дочкѣ* французскій критикъ отзывается съ какою-то покровительственною снисходительностью: „Подробности романа, говоритъ онъ, приближаются къ истинѣ; интрига и эпизодическая сторона живы и возбуждаютъ интересъ. Портретъ Пугачева довольно живо схваченъ.“ О *Пугачевскомъ Бунтѣ* сказано еще менѣе, вмѣсто оцѣнки этого замѣчательнаго труда, г. Курръеръ находитъ нужнымъ объяснить что „въ вознагражденіе за него Пушкинъ былъ сдѣланъ въ 1833 году камергеромъ (?) его величества и получилъ 20 т. руб. ассигнаціями. Его матеріальное положеніе, продолжаетъ авторъ, улучшилось; отнынѣ онъ могъ глядѣть на будущее безъ боязни. Но нравственный недугъ которымъ онъ страдалъ все усиливался. Прекрасная юность его, полная силы и огня, плодоносная и страстная, въ теченіе которой онъ такъ много создалъ, миновала навсегда. Поэтическое пламя погасло. Чахлость и уныніе наполняли его душу, и семейныя отношенія не могли его утѣшить.“

Очевидно, французскій историкъ нашей литературы сдѣлался жертвою одной изъ тѣхъ мистификацій которыми такъ усердно занимается наша нынѣшняя журналистика.

Возникновеніе *Современника* г. Курръеръ объясняетъ какими-то счетами Пушкина съ критикой, причемъ самъ поэтъ оказывается кругомъ виноватымъ. „Появившись вновь въ свѣтѣ, послѣ долгаго изгнанія—говоритъ авторъ разбираемой книги—Пушкинъ увидѣлъ себя въ разладѣ съ мнѣніями и стремленіями общества. Всѣ партіи отвергли его. Онъ сохранялъ свои прежніе вкусы, тогда какъ идеи вѣка ушли съ тѣхъ поръ впередъ (?). Пушкинъ трактовалъ съ величайшимъ презрѣніемъ критиковъ, считавшихъ себя судьями хорошаго вкуса. Въ его глазахъ литература могла быть достояніемъ лишь небольшаго кружка привилегированныхъ (если не ошибаемся, эта фраза буквально заимствована у г. Пыпина) и должна удаляться отъ массы публики.“ Слѣдуетъ затѣмъ переводъ извѣстнаго сонета:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!

Приведя далѣе цѣликомъ письмо Жуковскаго о послѣднихъ дняхъ Пушкина и то мѣсто изъ *Онѣгина* гдѣ разказаны дуэль и смерть Ленскаго, авторъ переходитъ къ разбору

этого романа, который онъ называетъ лучшимъ произведеніемъ Пушкина. „Никогда еще, говоритъ онъ, не видѣли столько легкости ритма и тона, столько свободы и разнообразія въ стилѣ, переходящаго отъ важнаго къ сладостному, отъ нѣжнаго къ шутливому. Первыя главы этого романа были писаны въ Бессарабіи. Вліяніе Байрона еще чувствуется на формѣ. Какъ и англійскій поэтъ, Пушкинъ шутя берется за всѣ тоны. Положенія мѣняются, переплетаются, и не замѣчаешь ни малѣйшаго слѣда авторскаго труда. Поэтъ перескакиваетъ съ одного предмета на другой; за чувствительною сценой слѣдуетъ отступленіе, гдѣ онъ говоритъ о себѣ самомъ, о своихъ современникахъ и противникахъ. Онъ покидаетъ страстный или драматическій мотивъ чтобы посмѣяться надъ любовью, надъ воспитаніемъ, надъ поэзіей, надъ критикой. По поводу какого-нибудь прекраснаго пейзажа онъ издѣвается надъ классическою поэзіей, передразниваетъ ея напыщенность, и затѣмъ все кончаетъ сатирическою выходкой.“ Герой романа, по мнѣнію г. Курръера, есть русскій Донъ-Жуанъ того времени, продуктъ общества страдавшаго разочарованіемъ, сухостью и пустотой души. Для ближайшей характеристики его, авторъ приводитъ въ прекрасномъ прозаическомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ первой главы, именно:

Имѣлъ онъ счастливый талантъ

и потомъ

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить и т. д.

Очертивъ затѣмъ характеръ Ленскаго, Ольги и Татьяны и разказавъ содержаніе романа, авторъ проводитъ параллель между Чацкимъ и Онѣгинымъ, въ томъ же смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ это было сдѣлано нами въ одной изъ нашихъ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ заключеніе авторъ вновь возвращается къ оцѣнкѣ поэтической карьеры Пушкина и общаго литературнаго движенія эпохи. „Какъ бы то ни было, говоритъ онъ, Пушкинъ есть величайшій геній созданный Россіей. Литература его страны еще не дала ему соперника. Его творческій талантъ, его артистическія дарованія остались безъ преемниковъ. Скажемъ болѣе; прекрасные дни романтизма навсегда миновали. Нынче молодые умы не открыты вѣянію прекрасныхъ и плодотворныхъ идей, расцвѣтшихъ съ такимъ блескомъ въ

первой половинѣ нашего вѣка. То было время литературнаго диллетантизма. Что̀ сталось съ поэтическою зарей озарившей ту эпоху? Дряхлость или слишкомъ разслабляющая дѣйствительность тяготѣютъ надъ современнымъ поколѣніемъ? Въ Россіи, какъ во Франціи, какъ въ остальной Европѣ, романтизмъ былъ самымъ блестящимъ періодомъ въ духовной жизни народовъ."

Лермонтову г. Куррьеръ посвящаетъ лишь нѣсколько страницъ, да и тѣ больше чѣмъ на половину заняты біографіей поэта. О произведеніяхъ его говорится очень мало, въ самыхъ общихъ фразахъ. Повидимому, г. Куррьеръ ничего не читалъ изъ Лермонтова кромѣ *Думы*, не дурно имъ переведенной. О *Героѣ Нашего Времени* говорится, кажется, лишь по наслышкѣ; княжну Мери г. Куррьеръ считаетъ *дамой* и называетъ ее „пустой, набитой тщеславіемъ, съ празднымъ умомъ". О Печоринѣ говорится что это былъ, подобно Чацкому и Онѣгину, представитель русскаго байронизма. „Это живая картина борьбы генія противъ тяжелой и узкой атмосферы, тяготѣвшей тогда надъ свободными и независимыми умами, противъ апатіи и невѣжества массъ. Характеры серіозные и честолюбивые страдали; за борьбой, за кипучимъ пыломъ молодости, быстро слѣдовали разочарованіе, сомнѣніе, пресыщеніе." Вѣроятно г. Куррьеръ потому удѣлилъ такъ мало мѣста Лермонтову что нынѣшняя критика рѣдко о немъ говоритъ.

За то Гоголю посчастливилось болѣе всѣхъ. Это любимый авторъ французскаго критика, и ему онъ отводитъ послѣ Пушкина самое большое мѣсто въ своей книгѣ, хотя и тутъ основательное непосредственное знакомство г. Куррьера съ нашимъ писателемъ подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, такъ какъ иныя подробности обнаруживаютъ необъяснимое непониманіе. Чтобы не далеко ходить, укажемъ для примѣра на характеристику Акакія Акакіевича въ *Шинели:* „Онъ труженикъ простой и скромный; поставленный въ болѣе высокую сферу, онъ могъ бы быть истинно полезенъ". Развѣ это Гоголевскій Акакій Акакіевичъ?

Нѣтъ надобности слѣдить за г. Куррьеромъ во всѣхъ подробностяхъ его оцѣнки Гоголя: для русскаго читателя тутъ не найдется ничего новаго. Притомъ біографія и переводы занимаютъ столько мѣста что для критическаго анализа

произведеній остается его очень не много. Г. Куррьеръ даетъ почти полный переводъ повѣсти *Майская Ночь* и отрывки изъ *Страшной Мести* и *Тараса Бульбы*. Содержаніе послѣдней повѣсти разказано очень подробно. Позднѣйшимъ повѣстямъ Гоголя удѣлено меньше вниманія: авторъ спѣшитъ перейти къ *Ревизору* и *Мертвымъ Душамъ*. Знаменитая комедія чрезвычайно нравится г. Куррьеру, и чуть ли онъ не считаетъ ее картиной нынѣшняго русскаго общества; по крайней мѣрѣ онъ увѣряетъ что кто жилъ нѣкоторое время въ русской провинціи, можетъ смѣло назвать по имени каждый изъ выведенныхъ въ піесѣ типовъ. Но несмотря на все желаніе автора дать своимъ читателямъ самое выгодное представленіе объ этомъ произведеніи, онъ едва ли достигаетъ своей цѣли. Ему не удалось пересказать ее съ тѣмъ интересомъ какой она въ себѣ заключаетъ. Онъ пересчитываетъ по порядку дѣйствующихъ лицъ, характеризуя ихъ общими мѣстами въ родѣ: „почтмейстеръ любопытенъ какъ старая женщина"; выходитъ скучно и читателю надо много воображенія чтобы догадаться почему комедія возбуждаетъ такой смѣхъ. Точно то же дѣлаетъ потомъ г. Куррьеръ и съ *Мертвыми Душами*, перечисляя Чичикова, Манилова (котораго онъ называетъ Малиновымъ), Ноздрева и т. д., надѣляя ихъ весьма общими и вовсе не талантливыми характеристиками. Общій выводъ автора о *Ревизорѣ* выраженъ имъ такимъ образомъ: „Комедія эта очень проста съ точки зрѣнія плана и сюжета. Ея единственное достоинство—портретная живопись. Она соотвѣтствуетъ *Горю отъ Ума* Грибоѣдова, правда, въ болѣе скромной сферѣ, но съ большею реальностью типовъ. Да не подумаютъ мои французскіе читатели что сюжетъ этой піесы чистый вымыселъ. Это значило бы мало знать нравы прежней Россіи. Подобныя исторіи случались много разъ, и всегда находились авантюристы достаточно смѣлые чтобы разыграть эту роль." По поводу *Мертвыхъ Душъ* г. Куррьеръ говоритъ что въ основной идеѣ этого произведенія лежитъ то же недовольство существующимъ порядкомъ которое отличаетъ всѣхъ русскихъ писателей тридцатыхъ годовъ. „Созданія Гоголя, говоритъ онъ, происходятъ изъ той же идеи изъ которой вышли Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ; только первый, со своимъ юморомъ, схватилъ русскую натуру съ ея самыхъ смѣшныхъ и пошлыхъ сторонъ."

Опредѣляя роль Гоголя въ нашей литературѣ, г. Курръеръ говоритъ: „Его мѣсто близъ Пушкина. Въ нихъ обоихъ мы находимъ одинаковую силу оригинальности и таланта. Пушкинъ, въ качествѣ поэта, болѣе остается въ облакахъ. Онъ беретъ героевъ изъ среды въ которой живетъ, и тщательно ихъ рисуетъ, не заботясь объ обстановкѣ и никогда почти не приводя ихъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью (?). Гоголь низвелъ литературу изъ высокихъ сферъ, гдѣ ее оставилъ Пушкинъ. Его типы болѣе закончены, потому что дѣйствительны, въ нихъ болѣе человѣческаго; мы видимъ какъ они движутся, говорятъ, мы узнаемъ вліяніе среды въ которой они живутъ, и ихъ собственное дѣйствіе на эту среду. Съ другой стороны, Гоголь непосредственно происходитъ отъ Пушкина. Онъ дополняетъ его и дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, демократизуя такъ-сказать литературу. Вліяніе Пушкина на Гоголя очевидно; оно чувствуется на каждомъ шагу; Гоголь самъ гордился этимъ."

Покончивъ на Гоголѣ съ корифеями нашей изящной литературы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, г. Курръеръ переходитъ къ журналистикѣ и говоритъ о Полевомъ, Бѣлинскомъ и славянофилахъ. Эта часть его книги составлена почти исключительно по статьямъ г. Пыпина, и потому можно заранѣе знать какъ взглянулъ французскій авторъ на возникновеніе отрицательныхъ идей въ нашей журналистикѣ и на борьбу западниковъ съ славянофилами. Полеваго онъ считаетъ превосходнымъ критикомъ, а какъ историка ставитъ его выше Карамзина. Онъ говоритъ объ его *Исторіи Русскаго Народа* что „это трудъ добросовѣстный, не достаточно цѣнимый нынѣшними учеными. Въ ней онъ побиваетъ общепринятыя идеи и методу Карамзина. Въ изложеніи и сцѣпленіи фактовъ чувствуется вліяніе западныхъ историковъ: Нибура, Гизо, Гердера, Шлецера и др. Это уже не исторія государства и его властителей, какую далъ намъ Карамзинъ, это исторія самого народа".

Бѣлинскаго г. Курръеръ цѣнитъ по преимуществу какъ западника, энергически боровшагося съ теоріями славянофиловъ. Опредѣленіе какое онъ даетъ ученію славянофиловъ не отличается точностью. По его словамъ славянофильство возникло вслѣдствіе огромныхъ успѣховъ русской литературы въ тридцатыхъ годахъ; нѣкоторые писатели стали тогда говорить что Россія владѣетъ уже

достаточною степенью цивилизаціи чтобъ идти далѣе самостоятельно по пути развитія указанному ей исторіей. Западники же, по мнѣнію г. Куррьера, получили свое названіе оттого что защищали реформы Петра Великаго и полагали что Россія еще недостаточно созрѣла для того чтобъ обойтись безъ Европы. Такимъ образомъ выходитъ будто споръ между славянофилами и западниками былъ только споромъ о времени. Вообще эта страница въ исторіи нашего просвѣщенія осталась загадкою для французскаго автора, что̀ впрочемъ весьма понятно. Замѣтимъ однако что считая ученіе славянофиловъ ложнымъ, г. Куррьеръ признаетъ его заслуги въ общемъ ходѣ нашего развитія. „Ему удалось, говоритъ онъ, дать противовѣсъ увлеченію всѣмъ европейскимъ; оно привлекло вниманіе писателей къ національной исторіи, къ заключавшимся въ ней соціальнымъ даннымъ (авторъ подразумѣваетъ вѣроятно вопросъ о русской общинѣ), а также и къ народной поэзіи; все это были вопросы которыми напрасно пренебрегали, занимаясь однѣми философскими отвлеченностями.“

Отъ славянофиловъ г. Куррьеръ переходитъ къ Кольцову, котораго онъ называетъ первымъ поэтомъ-пѣсенникомъ въ Россіи. Онъ разказываетъ біографію поэта, а о произведеніяхъ его замѣчаетъ только что его стихотворенія подъ простонародною внѣшностью скрывали живое и глубокое чувство. „Жизнь народа, его радости и страданія—вотъ что̀ было его любимою темой. Господствующій тонъ его лиризма — тонъ *думы* средней Россіи, печальный и элегическій. Въ его мечтаніяхъ любовь, счастіе, идеальныя стремленія, все подавлено дѣйствительностью.“

На Кольцовѣ г. Куррьеръ заканчиваетъ первый періодъ нашей новой литературы, то-есть эпоху двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Слѣдующій періодъ онъ считаетъ отъ 1840 года до Крымской войны. Оцѣнку писателей сороковыхъ годовъ г. Куррьеръ начинаетъ съ Герцена и излагаетъ содержаніе его романа *Кто Виноватъ?* „Герцена отличаетъ въ особенности, говоритъ онъ, сила слога и тонкость анализа. У него поэтическая сторона стирается предъ идеей. Глубина наблюдательности, умъ и юморъ, вотъ что̀ увлекаетъ у него читателя.“ Затѣмъ авторъ выражаетъ сожалѣніе что этотъ талантливый писатель разрушилъ свою литературную карьеру, бросившись въ революцію, и передаетъ въ немногихъ словахъ

судьбу его какъ публициста. „Его пропаганда нѣкоторое время имѣла успѣхъ; но освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшія затѣмъ реформы сдѣлали ее безсильною.“

Отзывъ г. Курьера о комедіяхъ г. Островскаго, достоинства которыхъ едва ли могли быть понятны французскому писателю, вообще неблагопріятенъ. „Островскій, говоритъ онъ, выбираетъ свои типы въ купеческомъ классѣ, въ Москвѣ или въ провинціи. Этотъ классъ, по грубости нравовъ, тираніи предразсудковъ и деспотизму родительской власти, очень походитъ на крестьянское сословіе. Лица выводимыя Островскимъ вѣрны дѣйствительности. Но чтеніе его піесъ раждаетъ скуку. Онѣ всѣ почти вырѣзаны по одной выкройкѣ. Слишкомъ много однообразія въ характерахъ, въ интригѣ, въ положеніяхъ и въ развязкѣ. Отецъ непремѣнно тиранъ, требующій повиновенія, и выдающій дочь замужъ по разчету или по капризу. Мать и дочь всегда существа слабыя, безсильныя, умѣющія только склонять голову... Можно также упрекнуть г. Островскаго въ быстротѣ и недостаточной тщательности съ какою повидимому пишутся его піесы. Сцены слѣдуютъ одна за другой, не оставляя сильнаго впечатлѣнія; интрига развивается слишкомъ быстро, развязка ускорена, невозможно слѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ характеровъ.“

Подъ рубрикой того же періода г. Курьеръ говоритъ о первыхъ произведеніяхъ гг. Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго; но такъ какъ онъ возвращается къ этимъ писателямъ въ отдѣлѣ современной литературы, то мы перейдемъ прямо къ этому послѣднему отдѣлу. Упомянемъ только о весьма странномъ отзывѣ сдѣланномъ г. Курьеромъ о талантливой, нынѣ забытой повѣсти графа Соллогуба *Тарантасъ.* Эта повѣсть чрезвычайно раздражила французскаго автора тѣмъ что въ ней нѣсколько осмѣянъ молодой помѣщикъ жившій долго въ Парижѣ и вернувшійся въ Россію съ французскими взглядами и симпатіями и съ полнымъ невѣдѣніемъ русской жизни. Г. Курьеру непріятно что графъ Соллогубъ заставляетъ другаго помѣщика, кореннаго русскаго человѣка, разбить на всѣхъ пунктахъ нашего Парижанина и обнаружить всю пустоту и несостоятельность его французскаго воспитанія. Г. Курьеръ видитъ въ этомъ вопіющее пристрастіе и чуть ли не посягательство на честь Франціи, и графъ Соллогубъ трактуется

имъ какъ „крайне неискусный адвокатъ славянофильства" (?). Не странно ли что эта талантливая, но совершенно невинная повѣсть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ своего появленія, такъ сильно раздразнила національную щепетильность французскаго историка нашей литературы?

Въ современной беллетристикѣ нашей г. Куррьеръ отводитъ первое мѣсто г. Тургеневу. „Сказавъ свое слово по вопросу о крѣпостномъ правѣ—характеризуетъ его французскій критикъ—онъ задался изображеніемъ нравственнаго состоянія своихъ современниковъ. Вѣрность съ какою онъ ихъ воспроизводитъ составляетъ главную его заслугу. Съ чудеснымъ чутьемъ умѣетъ онъ угадать новыя потребности, новыя идеи. Не стараясь разрѣшить вопросы дня, онъ привлекаетъ вниманіе общества на каждую новую задачу начинающую волновать умы, и конечно это что-нибудь составляетъ. Онъ задается преимущественно изображеніемъ *лишнихъ* людей, этихъ представителей поколѣнія 40хъ годовъ, которые, полные увлеченія и пыла, довольствуются тѣмъ чтобы болтать, не имѣя возможности дѣйствовать."

Рудина авторъ считаетъ прототипомъ этихъ *лишнихъ* людей. „Но, спрашиваетъ онъ, былъ ли это человѣкъ лишній въ полномъ значеніи слова? Нѣтъ, потому что, будучи неспособенъ приложить свои теоріи къ практической жизни, онъ могъ жаромъ своего краснорѣчія внушить другимъ любовь къ труду. Въ ту эпоху русское общество находилось еще наканунѣ дѣятельности, и Рудины могли играть въ немъ дѣйствительную роль.

Въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* г. Куррьеръ различаетъ отголосокъ споровъ славянофиловъ съ западниками. Европеизмъ, въ его внѣшнихъ формахъ, представленъ въ лицѣ Паншина; Лаврецкій стоитъ на сторонѣ самобытнаго развитія, лежащаго въ основѣ славянофильскаго ученія. „Не слѣдуетъ однако удивляться, замѣчаетъ г. Куррьеръ, что Тургеневъ, хорошо извѣстный своимъ европеизмомъ, держитъ сторону Лаврецкаго. Западничество Паншина не осмыслено, не исходитъ изъ убѣжденія. Это случайное, поверхностное мнѣніе молодаго чиновника, изучившаго Россію не выходя изъ кабинета. Славянофильство Лаврецкаго не имѣетъ ничего фанатическаго, свирѣпаго; это результатъ серіознаго и просвѣщеннаго знакомства съ своею страною, результатъ ума здраво глядящаго на вещи." По поводу романа *Наканунѣ*

г. Куррьеръ опровергаетъ мнѣніе новѣйшей критики (les critiques de l'école avancée, какъ онъ выражается), видѣвшей въ этомъ произведеніи слѣды упадка авторскаго таланта. Французскій критикъ находитъ что г. Тургеневъ хотѣлъ показать своимъ Инсаровымъ что „время мечтаній и безплодныхъ споровъ прошло, и настало время дѣйствія. Инсаровъ не такъ остроуменъ и блестящъ какъ Шубинъ, не такъ ученъ и глубокъ какъ Берсеневъ, но онъ выше ихъ по той идеѣ которой посвятилъ себя, и по цѣли имъ преслѣдуемой.“ Г. Куррьеръ замѣчаетъ мимоходомъ что одну изъ лучшихъ сторонъ таланта г. Тургенева составляетъ тонкость отдѣлки съ которою онъ рисуетъ женскіе типы, и останавливается на роковой судьбѣ постоянно преслѣдующей его героинь и героевъ. Онъ объясняетъ ее условіями русской жизни, пораждавшими лишнихъ людей и осуждавшими ихъ на бездѣйствіе. Неуспѣхъ этихъ *лишнихъ* онъ приписываетъ тому что толпа всегда охотнѣе идетъ за людьми слѣпо вѣрующими въ свою цѣль, чѣмъ за умами сомнѣвающимися и анализующими, какъ объяснилъ это самъ Тургеневъ въ своей параллели между Донъ-Кихотомъ и Гамлетомъ. „Портретъ Гамлета, заключаетъ критикъ, не есть ли осужденіе эпохи которую мы изучаемъ, и которая умѣла производить однихъ Рудиныхъ? Мы понимаемъ теперь почему Елена предпочитаетъ Инсарова Берсеневу. Авторъ, показывая намъ превосходство чувства надъ разсудочностью, даетъ понять что царство Рудиныхъ кончено, и начинается царство людей дѣйствія.“ Однако г. Куррьеръ отказываетъ въ своемъ полномъ сочувствіи г. Тургеневу, когда тотъ отъ чаянія этихъ новыхъ людей приступилъ къ ихъ объективному изображенію. Его точка зрѣнія на романъ *Отцы и Дѣти* приближается къ воззрѣніямъ петербургской критики. Тургеневъ, по отзыву французскаго критика, въ этомъ произведеніи поддался старымъ симпатіямъ, хотя противъ воли его Базаровъ на всѣхъ пунктахъ торжествуетъ надъ *отцами*. „Желая провести безпристрастную параллель между *отцами* и *дѣтьми*, заключаетъ г. Куррьеръ, авторъ не удовлетворилъ ни тѣхъ ни другихъ. Первые, видя себя осмѣянными, протестовали, вторые испустили громкіе крики негодованія.“ Въ разборѣ *Дыма*, французскій критикъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. По его мнѣнію, въ этомъ произведеніи г. Тургеневъ обнаружилъ еще менѣе безпристрастія. „Въ группѣ

юныхъ прогрессистовъ, собранныхъ авторомъ въ Баденъ Баденѣ, мы видимъ только каррикатуры." Г. Куррьеръ признается что онъ съ удовольствіемъ готовъ принести въ жертву авторской сатирѣ группу русскихъ генераловъ, но желалъ бы взять подъ свое покровительство юныхъ прогрессистовъ. Достойно сожалѣнія что французскій историкъ нашей литературы берется въ настоящемъ случаѣ судить о томъ въ чемъ онъ очевидно не компетентенъ. Онъ одинаково, конечно, не знаетъ ни нашихъ *отцовъ*, ни нашихъ *дѣтей*, ни нашихъ генераловъ, ни нашихъ прогрессистовъ; онъ только переводитъ на французскій языкъ отголоски нашихъ газетчиковъ, надъ которыми самъ же въ другомъ мѣстѣ весьма основательно смѣется. Замѣтно вообще что сужденія г. Куррьера о позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Тургенева мало самостоятельны и весьма поверхностны; о многомъ онъ пишетъ лишь по наслышкѣ, какъ это явствуетъ напримѣръ изъ того что онъ считаетъ отрывокъ *Довольно* стихотвореніемъ, Татьяну кузиной Литвинова и пр. Неосновательность его сужденій обнаруживается между прочимъ и въ томъ что онъ очень высоко цѣнитъ самый плохой изъ всѣхъ разказовъ г. Тургенева, *Пунинъ и Бабуринъ*. Съ французской точки зрѣнія ему этотъ сочиненный по рецепту разказъ кажется очень новымъ и глубокимъ: героемъ взятъ *пролетарій*; „и не трогательно ли видѣть, восклицаетъ онъ, этого стараго республиканца (русскій мѣщанинъ республиканецъ!) забывающаго свои страданія и молящагося за правительство, его преслѣдовавшее, но нынче осуществившее то о чемъ мечталъ онъ много лѣтъ!"

Романы г. Гончарова г. Куррьеръ называетъ *живописью*, находя что этотъ авторъ производитъ только картины. „Его портреты чудесны по тонкости и изяществу рисунка, но слишкомъ отвлеченны, слишкомъ удалены отъ жизни; имъ не достаетъ одушевленія и движенія. По поводу *Обрыва* критикъ замѣчаетъ что авторъ также хотѣлъ провести въ немъ параллель между *отцами* и *дѣтьми*, но обнаружилъ еще менѣе безпристрастія чѣмъ г. Тургеневъ. Тотъ кого г. Гончаровъ даетъ намъ какъ типъ молодаго поколѣнія—грязенъ, бѣдно одѣтъ, нечесанъ, грубъ и циниченъ и хвастаетъ тѣмъ что попираетъ ногами всѣ приличія. Это Діогенъ, гордый страхомъ который умѣлъ внушить всѣмъ въ городѣ, гдѣ онъ живетъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Онъ занимаетъ деньги

предупреждая что не отдастъ ихъ; безстыдно эксплуатируетъ довѣрчивость и великодушіе Раевскаго (то-есть Райскаго) и въ отплату осыпаетъ его тысячью грубыхъ колкостей. Словомъ, Гончаровъ, какъ и всѣ писатели натуральной школы, сдѣлалъ каррикатуру, шаржъ." Здѣсь конечно мы опять встрѣчаемся съ отголосками петербургскаго журнализма, и это тѣмъ болѣе странно что въ другомъ мѣстѣ г. Курръеръ самъ даетъ характеристику „новыхъ людей" и въ этой характеристикѣ краски французскаго автора не уступаютъ краскамъ гг. Тургенева и Гончарова. „Нигилисты, говоритъ онъ, отвергали всякій авторитетъ въ религіи, въ нравственности, въ политикѣ, въ литературѣ, въ наукахъ и въ искусствахъ. Поэзія, любовь, чувство, даже сама природа, были для нихъ пустыя слова. Они смотрѣли на бракъ какъ на нелѣпое учрежденіе и признавали только животное, матеріальное влеченіе двухъ половъ. Это странное ученіе родилось не въ 1861 году: оно таилось уже съ давнихъ поръ. Скрытное и болѣе или менѣе отвлеченное прежде, съ этой эпохи оно облеклось въ плоть. Къ вліянію французскихъ соціалистовъ присоединилось вліяніе философскихъ системъ Молешота, Бюхнера и въ особенности Шопенгауэра (?). Къ нигилистамъ пристали соціалисты, недовольные недостаточными реформами. Нигилизмъ нашелъ особенно многочисленныхъ послѣдователей между университетскою молодежью, которую обольщали преимущественно отрицательныя тенденціи русской литературы. Не слѣдуетъ однако слишкомъ преувеличивать значеніе этой пропаганды. Нѣкоторое число студентовъ, плѣненныхъ идеей не признавать никакого авторитета, стали сами работать надъ своимъ развитіемъ и превратили нигилизмъ въ теорію своего рода selfhelp; другіе приняли ее изъ моды. У тѣхъ и у другихъ это былъ только порокъ молодости, который жизнь и опытность должны были исправить. Но есть также нигилисты искренніе (?); они проповѣдуютъ перейти къ дѣйствію и называютъ себя людьми будущаго. Послѣдовательные и убѣжденные, они примѣняютъ свои теоріи къ дѣлу, устраиваютъ фаланстеры, тайныя общества, производятъ революціонную пропаганду. Они подали руку польскимъ инсургентамъ и возбудили волненія въ Петербургскомъ Университетѣ въ 1863 (то-есть 1862) году. На этой почвѣ они сближаются съ соціалистами. Къ нимъ примкнули нѣсколько женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, покинув-

шихъ свои семейства чтобы жить въ фаланстерахъ и имѣть удовольствіе стричь себѣ волосы, носить очки, курить на улицахъ, посѣщать курсы анатоміи и провозглашать независимость женщины. Слѣдуетъ ли заключить что на этихъ такъ-называемыхъ людей дѣйствія не должно смотрѣть серіозно, какъ полагаетъ одинъ французскій критикъ? Нѣтъ, процессы Нечаева и Долгушина доказываютъ что они работаютъ втихомолку и стараются привлечь къ себѣ народъ." Прочитавъ эти строки, перестаешь понимать упреки обращаемые г. Курръеромъ къ гг. Тургеневу, Гончарову и др., за пристрастное будто бы изображеніе „новыхъ людей". Что-нибудь одно: или невѣрна характеристика нигилистовъ сдѣланная французскимъ авторомъ, или вѣрны изображенія упомянутыхъ русскихъ художниковъ. Путаница въ какую попалъ г. Курръеръ будетъ для насъ тѣмъ очевиднѣе, если мы сравнимъ эти упреки съ тѣмъ что онъ говоритъ о г. Писемскомъ. Этотъ писатель, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, „отличается умѣньемъ *схватить живьемъ* натуру и жизнь; оттого его созданія иногда также гадки какъ *сама дѣйствительность.* Въ своемъ *Взбаломученномъ Морѣ*—продолжаетъ французскій критикъ—онъ задается, подобно г. Тургеневу, изученіемъ нигилистовъ, но онъ рисуетъ намъ ихъ такими *каковы они на самомъ дѣлѣ,* то-есть въ наименѣе привлекательномъ видѣ." Итакъ что же наконецъ хочетъ сказать г. Курръеръ? Чѣмъ объясняются всѣ подобныя противорѣчія?

Объясненіе, кажется, заключается въ томъ случайномъ знакомствѣ г. Курръера съ нашей литературой на которое мы уже указывали. О г. Тургеневѣ онъ написалъ по отзывамъ петербургской критики, а о гг. Писемскомъ и Достоевскомъ—по нашимъ двумъ статьямъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1873 года: *Практическій Нигилизмъ* и *Общественная Психологія въ Романѣ.* Заимствованія эти столь очевидны что каждый взявъ въ руки книгу г. Курръера и наши статьи, тотчасъ убѣдится что послѣднія служили французскому автору единственнымъ источникомъ для оцѣнки новыхъ произведеній гг. Писемскаго и Достоевскаго. Даже едва ли читалъ онъ самыя произведенія, такъ какъ всѣ цитаты изъ нихъ приведены имъ по нашимъ статьямъ. Правда, г. Курръеръ ни словомъ не упоминаетъ объ этихъ заимствованіяхъ, вѣроятно для того чтобы не быть въ противорѣчіи съ отзывомъ своимъ о *Русскомъ Вѣстникѣ;* но именно въ виду этого отзыва

мы считаемъ не лишнимъ облегчить нашимъ читателямъ трудъ ловѣрки надъ французскимъ авторомъ, сопоставивъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ его книги и изъ нашихъ статей.

У г. Куррьера о *Взбаломученномъ Морѣ* говорится: „Il nous répresente la société russe comme une mer agitée et remuée jusque dans ses profondeurs; ses bouleversements ont fait remonter à la surface tout ce que son sein recélait d'impur, d'abject et de répoussant. Nous assistons à la confusion des idées, à l'abaissement du niveau moral, à la domination du mensonge et de la phrase.“

Въ нашей статьѣ о томъ же романѣ сказано: „Г. Писемскій представилъ намъ.... внезапное пониженіе общественнаго уровня, упадокъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, необузданное господство фразъ, деспотизмъ лжи... Картину какого-то взбаломутившагося общественнаго Океана, въ которомъ вся нечистота, поднятая волненіемъ съ глубокаго дна, всплыла на поверхность.“

Далѣе у г. Куррьера, какъ и въ нашей статьѣ, слѣдуетъ выписка изъ заключительной страницы романа, гдѣ авторъ говоритъ что если въ его произведеніи не отразилась вся Россія, за то тщательно собрана вся ея ложь.

О романѣ *Люди Сороковыхъ Годовъ* г. Куррьеръ говоритъ: „Mais cette oeuvre, malgré ses qualites réélles, n'impressionna pas le public, comme l'auteur aurait pu s'y attendre. La critique acussa le romancier de négliger les nombreuses questions qui se pressaient de tous côtés et demandaient une solution, pour appliquer son puissant talent d'observation à une époque qui semblait déjà éloignée.“

У насъ о томъ же романѣ сказано: „Въ публикѣ.... эта таинственная эпопея отошедшаго въ исторію періода не произвела большаго впечатлѣнія: читатели сожалѣли что авторъ обнаружившій такъ много ума и наблюдательности въ пониманіи интересовъ текущей минуты, какъ бы отворачивается отъ плывущей на него жизни.“

Переходя къ роману *Въ Водоворотѣ*, г. Куррьеръ говоритъ: „....La seconde phase du nihilisme, qui à notre époque a perdu son caractère primitif de doctrine et de système de philosophie. Il n'est pas rare de rencontrer dans le monde des hommes qui... dans leur vie pratique se sont appropriés inconsciemment certains côtés du nihilisme.“

У насъ это выражено такъ: „Движеніе вступило во второй

періодъ... Если въ обществѣ стали рѣдко встрѣчаться нигилисты сдѣлавшіе изъ своей доктрины задачу жизни, профессію, религію, за то на каждомъ шагу начали попадаться люди совершенно безсознательно усвоившіе себѣ нѣкоторую часть нигилистическихъ воззрѣній.“

Дальнѣйшее опредѣленіе практическаго нигилизма у г. Куррьера есть не болѣе какъ сокращеніе сказаннаго о томъ же въ нашей статьѣ. Затѣмъ самое изложеніе или лучше сказать толкованіе романа *Въ Водоворотѣ* также представляетъ лишь перифразъ нашей статьи, причемъ французскій авторъ цѣликомъ заимствуетъ наши мысли, наши цитаты и даже нерѣдко наши выраженія. Чтобы показать до какой степени французскій перифразъ г. Куррьера близокъ къ русскому оригиналу, ограничимся одною выдержкой:

У г. Куррьера: „Hélène devint la maitresse du prince. Désormais, commence pour ce dernier une lutte morale résultant de la situation équivoque et anormale dans laquelle il se trouve placé. Le tourbillon des événements l'entraîne contre son gré, il perd pied à chaque instant, et chaque foi qu'il veut se raccrocher à une branche, survient un nouveau courant plus fort qui le rejette dans la mer; privé de tout point d'appui, il est bien prêt à perdre tout sens moral; il en vient même à desirer platoniquement que sa femme prenne un amant. Cette atmosphère de faussetté, de mensonge et de dépravation systematique finit aussi par altérer la notion de l'honnêteté chez la princesse, Il se produit alors en elle un fait psychologique monstrueux, qui n'est cependant que la conséquence logique de tout ce qui précède. Affolée par les intrigues qui l'entourent, repoussée par son mari et perdant pied á son tour, elle consent à partir pour l'étranger avec un des amis du prince.“

Въ нашей статьѣ мы говорили такъ: „Она (Елена) сдѣлалась его любовницей. Почти съ самой той минуты, въ существованіи князя начинается та роковая борьба усвоенныхъ внѣшнимъ образомъ идей съ неодолимою силой внутреннихъ потребностей натуры, которая въ концѣ-концовъ приводитъ его къ трагическому исходу... Водоворотъ, въ которомъ они безпомощно кружатся, теряя всякую путеводную нить и переходя отъ одного неразчитаннаго шага къ другому.... Князь доходитъ до того что самъ перестаетъ понимать свое положеніе... Князь начинаетъ *умственно* желать чтобы жена его воспользовалась правомъ въ свою очередь

полюбить кого-нибудь... Атмосфера лжи начинаетъ оказывать свое вліяніе и на княгиню, и тутъ происходитъ очень странное и на первый взглядъ какъ бы нескладное, но весьма возможное и тонко подмѣченное явленіе. Наталкиваемая со всѣхъ сторонъ на интригу, оскорбляемая мужемъ, лишенная въ себѣ и внѣ себя всякой точки опоры, княгиня... соглашается ѣхать за границу съ Миклаковымъ.“

Намъ пришлось бы выписать почти цѣликомъ двѣ главы изъ книги г. Куррьера, еслибы мы захотѣли прослѣдить до конца сдѣланныя имъ заимствованія изъ нашихъ статей въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, слѣды заимствованій мы нашли бы и въ отзывѣ его о послѣднихъ произведеніяхъ г. Некрасова и о повѣстяхъ г. Глѣба Успенскаго. Полагаемъ однако что приведенныхъ выдержекъ достаточно для нашей цѣли. Мы не имѣемъ къ французскому автору ни малѣйшей претензіи за честь которую онъ оказалъ намъ, воспользовавшись нашими статьями; но мы полагаемъ что это обязывало его отнестись съ большею независимостью и безпристрастіемъ къ журналу съ критическими взглядами котораго онъ такъ близко сошелся въ нѣкоторыхъ вопросахъ.

Намъ нѣтъ надобности приводить здѣсь мнѣнія г. Куррьера о послѣднихъ произведеніяхъ гг. Писемскаго и Достоевскаго, такъ какъ эти мнѣнія заимствованы имъ изъ нашихъ статей, хорошо извѣстныхъ читателямъ *Русскаго Вѣстника*. Укажемъ только на заключительныя слова, которыми французскій авторъ характеризуетъ, по поводу романа *Бѣсы*, русскій нигилистическій кружокъ...

„Какая цѣль всѣхъ этихъ агитаторовъ? спрашиваетъ онъ.— Хотятъ ли они, подобно западнымъ соціалистамъ, объявить войну капиталу, богатству, собственности, высшимъ классамъ? Нѣтъ, русская почва не произвела еще классъ пролетаріевъ настолько многочисленный и развитый чтобы поднять эти вопросы. Они хотятъ только уничтожить таланты, просвѣщеніе. Еслибъ они могли, они отрѣзали бы языкъ Цицерону, выкололи бы глаза Копернику, побили бы камнями Шекспира... Эта соціальная гангрена есть недугъ гложущій современный міръ. Россія также подвержена ему, какъ и прочія страны; только въ ней эта борьба приняла другой характеръ. Нигилизмъ, отвергая всякій нравственный и умственный авторитетъ, ведетъ войну только съ просвѣщеніемъ, съ мыслью. Русскіе нигилисты, также какъ и западные

соціалисты, стремятся къ полнѣйшему равенству; но у нихъ это слово имѣетъ совершенно особое значеніе. Не равенства богатствъ и капитала они хотятъ, а равенства нравственнаго, раждающагося изъ невѣжества и порока. Когда цѣлое общество будетъ ввергнуто въ идіотизмъ и развратъ, тогда „да здравствуетъ вѣчная война, до пришествія новаго Іерусалима," какъ говоритъ Раскольниковъ. Соціальные романы Писемскаго и Достоевскаго даютъ намъ ключъ къ этимъ внезапнымъ взрывамъ, идущимъ изъ подполья интеллигенціи; и для тѣхъ кто прочелъ *Взбаломученное Море*, *Преступленіе и Наказаніе* и *Бѣсы*, теоріи Нечаева, Долгушина и tutti quanti не представляютъ уже ничего новаго и удивительнаго."

Отъ писателей сороковыхъ годовъ г. Куррьеръ переходитъ къ современной реальной беллетристикѣ, которую онъ называетъ „новою школой". Несмотря на нѣкоторыя несообразности, встрѣчающіяся напримѣръ въ отзывѣ о Рѣшетниковѣ, общій взглядъ автора на писателей этого направленія довольно основателенъ. Предоставляя беллетристамъ старшаго поколѣнія изучать и анализовать цивилизованный слой, эта новая школа, говоритъ г. Куррьеръ, „присвоила себѣ монополію низшихъ пластовъ общества и водрузила знамя простонароднаго реализма. Но подобно натуральной школѣ, она смотритъ на свой предметъ отрицательно, и кажется съ удовольствіемъ отыскиваетъ въ народѣ самыя гадкія и отталкивающія стороны. Отъ одной крайности она перешла къ другой и впала въ преувеличенія, отъ которыхъ ей трудно будетъ отдѣлаться. Хвастаясь тѣмъ что она не идеализуетъ крестьянина, какъ Тургеневъ и Григоровичъ, и претендуя быть вѣрнымъ выраженіемъ реалистическихъ тенденцій современнаго общества, какимъ образомъ выполнила она свою программу? Откровенно говоря, трудно полюбить народъ прочитавъ писанія Глѣба Успенскаго и tutti quanti."

Авторъ упоминаетъ затѣмъ о романѣ *Что Дѣлать*, какъ о произведеніи совершенно безсмысленномъ: „Его герой, Рахметовъ, не скажу мало натураленъ, но невозможенъ. Этотъ типъ *людей будущаго*, чтобы слѣдовать въ точности своимъ принципамъ, совершаетъ единственные въ своемъ родѣ фокусы. Онъ много путешествуетъ, затѣмъ освобождаетъ своихъ крестьянъ и дѣлается самъ бурлакомъ, чтобъ изучить вблизи народ-

ную жизнь. Онъ можетъ читать восемьдесятъ два часа сряду и проглатывать одинъ за другимъ восемь стакановъ крѣпкаго кофе. Къ несчастью, онъ имѣетъ вовсе не демократическую слабость къ хорошимъ сигарамъ. Этотъ Рахметовъ, этотъ чистѣйшій изъ чистыхъ, есть куріозъ достойный быть помѣщеннымъ въ музей; полагаю что онъ никогда не найдетъ молодыхъ людей которые пожелали бы ему подражать."

„Успенскій одинъ изъ главныхъ корифеевъ этой литературы, гордо носящей названіе *мужицкой*. Еслибъ-то еще она вводила насъ въ дѣйствительную, здоровую и нормальную жизнь народа! Но нѣтъ, всѣ ея герои или грубые идіоты — крестьяне, или пролетаріи въ постоянномъ мятежѣ противъ общества. Чтобъ ихъ изобразить, нѣтъ надобности идти въ деревню, надо слѣдить за преніями въ судахъ исправительной полиціи (?) или посѣщать кабаки." Приведя за тѣмъ нѣсколько цитатъ, заимствованныхъ изъ нашей статьи *Народность въ Новой Литературѣ*, авторъ замѣчаетъ что всѣ герои г. Успенскаго находятся въ состояніи вѣчнаго и нелѣпаго протеста и заключаетъ словами: „Будемъ надѣяться что типы подносимые намъ Успенскимъ суть только порожденія его фантазіи."

Упомянувъ затѣмъ о Помяловскомъ, Слѣпцовѣ, Левитовѣ, Рѣшетниковѣ, съ которыми г. Курръеръ знакомъ кажется только по отзывамъ петербургской критики, авторъ переходитъ къ историческому роману и начинаетъ съ *Князя Серебрянаго* графа Алексѣя Толстаго, талантъ котораго напоминаетъ, по его словамъ, Вальтеръ-Скотта. Наиболѣе мѣста въ этой главѣ онъ удѣляетъ впрочемъ хроникѣ *Война и Міръ* графа Л. Н. Толстаго, названной имъ „безъ сомнѣнія однимъ изъ лучшихъ образцовыхъ произведеній русской литературы". „Рамки его, продолжаетъ онъ, необъятны и дѣйствующія лица безчисленны. Между ними насчитываютъ трехъ императоровъ съ ихъ министрами, маршалами и генералами, офицеровъ, солдатъ, дворянъ и крестьянъ. Изъ петербургскихъ салоновъ авторъ переноситъ насъ въ лагерь, изъ Москвы въ деревню. И все это вяжется, сцѣпляется ясно, безъ путаницы, множество разнообразныхъ, мѣняющихся картинъ проходитъ предъ нашими глазами, равно прекрасныхъ, равно поражающихъ." Разказавъ затѣмъ общее содержаніе романа, г. Курръеръ выражаетъ

сожалѣніе что къ превосходнымъ картинамъ примѣшаны философскія разсужденія и выводы, по его мнѣнію, очень исключительные. Онъ высказываетъ затѣмъ нѣкоторыя частныя замѣчанія, съ которыми русскій читатель едва ли согласится. Такъ напримѣръ въ солдатикѣ Каратаевѣ онъ видитъ аллегорію; упрекаетъ графа Толстаго въ томъ будто бы онъ лишь вскользь касается Аустерлицкаго и Бородинскаго сраженій, между тѣмъ какъ мелкимъ партизанскимъ стычкамъ даетъ размѣры настоящихъ битвъ и пр. Въ другомъ мѣстѣ, впрочемъ, г. Курьеръ говоритъ совершенно иное, находя что описаніе этихъ битвъ у графа Толстаго можетъ смѣло соперничать съ подобными описаніями во французской литературѣ. Какъ будто во французской литературѣ есть что-нибудь подобное!

Глава оканчивается краткимъ отзывомъ о романѣ графа Саліаса *Пугачевцы*. Отзывъ этотъ одинъ изъ самыхъ странныхъ въ цѣлой книгѣ. Французскій авторъ судитъ романъ со стороны его историческаго колорита, и находитъ этотъ колоритъ невѣрнымъ... Не много ли взялъ на себя въ этомъ случаѣ иноземный историкъ нашей литературы? Впрочемъ, нерасположеніе его къ *Пугачевцамъ* объясняется изъ того же источника какъ и въ разборѣ *Тарантаса* графа Соллогуба: г. Курьеръ недоволенъ зачѣмъ тамъ выведенъ съ комической стороны одинъ Французъ. „Графу Саліасу, говоритъ онъ, показалось нужнымъ послѣдовать примѣру многихъ русскихъ писателей и сдѣлать изъ этого Француза шута, несовсѣмъ остроумныя дурачества котораго легко могли бы быть опущены.“

Съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ историческому роману, отнесся г. Курьеръ къ исторической драмѣ. Театръ, какъ мы сказали уже, вообще наиболѣе интересуетъ его, и въ этой области онъ обнаруживаетъ непосредственное знакомство съ произведеніями русской литературы. Историческія драмы г. Островскаго кажутся ему слабыми, за исключеніемъ *Лже-Димитрія*. Гораздо выше ставитъ онъ *Смерть Іоанна Грознаго* графа Алексѣя Толстаго; по его мнѣнію, это лучшая драма написанная когда-либо для русской сцены. „Правда, мы не находимъ въ ней—говоритъ онъ—разнообразія дѣйствія и богатства происшествій, отличающаго піесы г. Островскаго. Но за то характеры глубже обдуманы и портретъ царя Ивана, этой столь сложной въ

психологическомъ отношеніи фигуры, нарисованъ съ совершенствомъ подробностей какого еще никто не достигалъ." Разказавъ содержаніе драмы, г. Куррьеръ замѣчаетъ что она не чужда недостатковъ свойственныхъ вообще русской драматической литературѣ, то-есть что отдѣлка характеровъ преобладаетъ надъ сценическимъ интересомъ, что дѣйствіе замедляется длиннотами и обременено подробностями; но за всѣмъ тѣмъ піеса эта, по мнѣнію французскаго критика, содержитъ въ себѣ сцены не уступающія лучшимъ произведеніямъ французскихъ драматурговъ, и много превосходитъ трагедію Делявиня *Людовикъ XI*. Г. Куррьеръ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ этой такъ сильно понравившейся ему піесы и сообщаетъ въ примѣчаніи что въ настоящее время онъ занятъ окончательною отдѣлкой полнаго ея перевода, съ цѣлью поставить ее на одной изъ парижскихъ сценъ. Позднѣйшія драмы графа Толстаго, *Царь Ѳеодоръ* и *Царь Борисъ*, г. Куррьеръ находитъ много слабѣе предыдущей.

Драмѣ г. Аверкіева *Каширская Старина* авторъ отводитъ значительное мѣсто въ нашей литературѣ. Онъ замѣчаетъ что „дѣйствіе не затягивается въ ней, и есть сцены написанныя рукою мастера". По мнѣнію критика, г. Аверкіевъ имѣетъ то преимущество что не привязывается исключительно къ своему главному герою, не жертвуетъ ему прочими дѣйствующими лицами, и отводитъ достаточное мѣсто женскому элементу. Авторъ замѣчаетъ что въ Москвѣ піеса эта имѣла громадный успѣхъ, но въ Петербургѣ была встрѣчена холодно, частью по низкому уровню александринской публики, частью потому что все идущее изъ Москвы вообще не пользуется въ Петербургѣ пріемомъ...

Къ сожалѣнію, этого весьма вѣрнаго замѣчанія г. Куррьеръ не принялъ въ соображеніе въ той главѣ гдѣ онъ говоритъ о нѣкоторыхъ романахъ явившихся въ послѣдніе годы въ нашемъ журналѣ. Въ отзывѣ объ этихъ произведеніяхъ нельзя не видѣть отголоска петербургской фельетонистики, удостоивающей систематической вражды все то что появляется на страницахъ *Русскаго Вѣстника*. Чтобы судить насколько основательны въ этомъ случаѣ отзывы г. Куррьера, довольно упомянуть что романъ г. Крестовскаго *Панургово Стадо*, гдѣ петербургскія событія 1862 года изображены чуть не съ документальною достовѣрностью, кажется Куррьеру фантастическимъ и не натуральнымъ.

Еще менѣе самостоятельности и основательнаго знакомства обнаруживаетъ г. Куррьеръ въ главѣ посвященной новой русской поэзіи. Повидимому эта область ему совершенно чужда, за исключеніемъ двухъ, трехъ случайно попавшихся на глаза стихотвореній. Кое-что онъ могъ однако сообщить о г. Фетѣ. Онъ называетъ его однимъ изъ главныхъ представителей новой школы, поддавшей вліянію Гейне. „Его темы однакожъ довольно разнообразны. То поетъ онъ скорбь души уставшей жить и искать счастья, то отдается съ увлеченіемъ изображенію любви къ женщинѣ и красотъ природы.“ Поэзія гг. Майкова и Полонскаго вѣроятно вовсе неизвѣстна французскому критику, такъ какъ онъ посвящаетъ ей всего по парѣ словъ. Упомянувъ тутъ же о Шевченкѣ и Никитинѣ, г. Куррьеръ говоритъ что „всѣ эти поэты имѣли очень ничтожное вліяніе, такъ какъ поэзія нисколько не интересовала общество, всецѣло поглощенное вопросами дня“. Сатиры г. Некрасова имѣли, по словамъ г. Куррьера, болѣе успѣха, такъ какъ ихъ отрицательныя тенденціи болѣе отвѣчали состоянію умовъ. „Некрасовъ пользовался большимъ вліяніемъ на свою эпоху, въ особенности на университетскую молодежь. Мало заботясь о красотѣ формы и о гармоніи, онъ слѣдовалъ шагъ за шагомъ за движеніемъ жизни, за ходомъ идей, и былъ вѣрнымъ отголоскомъ стремленій современнаго журнализма. Онъ занималъ также довольно видное мѣсто въ журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ, поднявъ знамя реализма въ *Современникѣ*, котораго онъ былъ редакторомъ. Одно время онъ пользовался большою популярностью. Это было въ ту эпоху когда русская литература бросилась изучать вопросы сильно занимавшіе умы. Увлеченный этимъ движеніемъ, Некрасовъ написалъ нѣсколько стихотвореній дѣйствительно замѣчательныхъ, какъ напримѣръ начинающееся словами: „Ѣду ли ночью по улицѣ темной“. Позднѣе, съ появленіемъ нигилизма и ультра-реалистической школы, Некрасовъ, обратившійся къ этимъ новымъ теоріямъ, началъ видимо падать. Его стихотворенія въ народномъ духѣ ничѣмъ не лучше нѣкоторыхъ страницъ Успенскаго. Онъ показываетъ намъ крестьянина просящаго чтобъ его освободили отъ блохъ, кишащихъ въ его рубахѣ, молодую крестьянку онъ сравниваетъ съ проворною блохой. Теперь, когда усталые отъ волненій умы стали спокойнѣе,

г. Некрасовъ, за недостаткомъ сюжетовъ, обратился къ прошедшему. Событіе 14го декабря доставило ему содержаніе для нѣсколькихъ піесъ: *Дѣдушка*, *Русскія Женщины*, гдѣ онъ воспѣваетъ героизмъ двухъ княгинь, послѣдовавшихъ въ Сибирь для соединенія съ своими мужьями. Но видно что поэтъ стоитъ здѣсь не на своей почвѣ. Тщетно осѣдлалъ онъ романтическаго Пегаса, превратившагося подъ нимъ въ разбитую клячу; онъ создалъ поэму сухую, исполненную ложнаго лиризма. Муза, которую онъ хотѣлъ поработить своимъ тенденціямъ, мститъ за себя." Читатели могутъ замѣтить что этотъ отзывъ французскаго критика о г. Некрасовѣ довольно близко совпадаетъ съ замѣчаніями сдѣланными нами въ статьѣ о томъ же поэтѣ: *Поэзія Журнальныхъ Мотивовъ*.

Окончивъ обозрѣніе прошедшаго и настоящаго нашей литературы, г. Куррьеръ дѣлаетъ общее заключеніе, не лишенное нѣкоторыхъ основательныхъ замѣчаній и соображеній. „Русская литература, говоритъ онъ, имѣетъ весьма странную судьбу. Да и не все ли вообще странно въ этой двуликой подобно Янусу странѣ, старой своею исторіей и юной своими еще непочатыми силами, принадлежащей въ одно и то же время Европѣ и Азіи и имѣющей двойное призваніе— заимствовать иноземную цивилизацію и прививать ее своимъ народамъ? Выступивъ послѣднимъ на сцену, Русскій народъ долженъ былъ тащиться за другими. Все въ этой странѣ началось со вчерашняго дня: романъ, исторія, журналистика, критика. Несмотря на то она сумѣла создать въ различныхъ областяхъ литературы произведенія которыя смѣло могутъ выдержать всякое сравненіе. Умственныя силы ея, не истощенныя псевдо-классицизмомъ, обнаружили всю свою жизненность въ эпоху романтизма. Въ настоящее время русская литература также быстро пришла къ реализму какъ и ея старшія сестры. Послѣ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, она, какъ само русское общество, сдѣлалась жертвою кризиса, симптомы котораго легко опредѣлить, но исходъ невозможно предвидѣть." Упомянувъ затѣмъ что писатели сороковыхъ годовъ отнеслись отрицательно къ новому движенію, г. Куррьеръ продолжаетъ: „Талантъ этихъ великихъ писателей не ослабѣлъ, но они какъ будто потеряли слѣдъ посреди общества, съ которымъ оказались въ полномъ разладѣ. Новая школа критическая и литературная поступила не разсудительнѣе ихъ. Первое, въ чемъ можно упрекнуть

ее, это въ презрѣніи къ великимъ талантамъ, какіе уже произвела Россія. Она трактуетъ ихъ съ высоты своего величія, какъ молодые романтики 1830 года трактовали Филистимлянъ. * Желая вести свое начало лишь отъ себя самой, она не довольствуется сказать: Multum egerunt qui ante nos fuerunt, sed non peregerunt; она идетъ далѣе и не хочетъ признать романистовъ сороковыхъ годовъ своими предками. Это не простое увлеченіе молодости, это открытый бунтъ противъ славнаго прошлаго, представители котораго въ глазахъ новой школы суть не что̀ иное какъ аристократы. Въ этой чернильной войнѣ существуетъ смѣшеніе словъ и идей какого нигдѣ болѣе не найдешь. Упрекая великихъ романистовъ 1840—60 годовъ въ томъ что они держатся исключительно высшихъ слоевъ русскаго міра, писатели новой школы сдѣлали изъ реализма не только литературную теорію, но по преимуществу теорію соціальную. Они хвастаютъ тѣмъ что создали *мужицкую* литературу, забывая что реализмъ понимаемый такимъ образомъ не всегда вѣренъ. Не сказалъ ли Жуберъ что гдѣ нѣтъ изящества, тамъ нѣтъ литературы?" Въ связи съ этимъ замѣчаніемъ находится сказанное г. Курьеромъ въ другомъ мѣстѣ: „Большинство авторовъ-реалистовъ слишкомъ далеко зашло съ самаго начала. Съ той минуты какъ искусство исключено изъ романа, когда послѣдній дѣлается только слѣпкомъ, стенографіей, всѣ выходы заперты и литература осуждена на безсиліе и безплодіе. Всякій прогрессъ, всякое будущее становятся невозможны."

„Новая критическая школа, продолжаетъ французскій авторъ, сверхъ того впала въ чрезвычайныя крайности въ своихъ сужденіяхъ и требованіяхъ. Она убила поэзію и допускаетъ только сатиру. Она изгнала иллюзію изъ театра. Сцена отнынѣ должна сдѣлаться лишь уголкомъ дѣйствительной жизни, комедія—дагерротипнымъ потретомъ. Вообще, впрочемъ, этотъ родъ литературы разрабатывался въ Россіи съ малымъ успѣхомъ. Мы говорили уже о бѣдности вымысла характеризующей пьесы г. Островскаго. Комедія интриги не имѣетъ шансовъ акклиматизоваться въ Россіи, и нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ, какія мы видѣли, не были удачны. Комедія нравовъ также имѣетъ очень узкія рамки. Она

* Этимъ именемъ назывались во Франціи противники романтической школы, выступившей съ Викторомъ Гюго во главѣ.

заимствуетъ свои сюжеты всегда изъ міра купечества и чиновничества, міра узкаго и мало разнообразнаго. Скажемъ впрочемъ въ оправданіе русскихъ авторовъ что условія въ какихъ они находятся мало благопріятны. Правительство, не щадящее громадныхъ издержекъ для привлеченія иностранныхъ артистовъ, даетъ лишь крайне умѣренное вознагражденіе русскимъ авторамъ. Кромѣ того цензура, допускающая играть на театрахъ Берга и Буффъ самыя декольтированныя французскія оперетки, безъ жалости мнетъ русскія піесы. Наконецъ составъ публики Александринскаго театра не имѣетъ ничего поощряющаго. Аристократическое общество прилежно посѣщаетъ италіянскую оперу, Маріинскій театръ, гдѣ даютъ русскія оперы, Михайловскій, гдѣ даютъ французскія піесы; оно ходитъ, правда, тайкомъ въ Буффъ и въ театръ Берга, но совершенно гнушается Александринскимъ. Да и что можетъ ее привлечь туда? Репертуаръ его такъ бѣденъ; тамъ даются только русскія комедіи, мало интересныя, или переводы съ французскаго, такъ плохо прилаженные и такъ обезображенные что знающіе французскій языкъ разумѣется предпочитаютъ видѣть эти піесы разыгранными на Михайловскомъ театрѣ такими артистами какъ Дюпюи, Вормсъ, Лагранжъ, гжи Паска, Делапортъ и Лагранжъ-Белькуръ. Русскому автору остается партеръ, состоящій изъ бѣдныхъ и скромныхъ чиновниковъ, и ложи наполненныя купцами въ шапкахъ и кафтанахъ. Такая публика очень плохой судья, и неспособна оцѣнить достойнаго произведенія.

„Русскій умъ по преимуществу положительный, практическій и резонирующій. Этимъ объясняется нынѣшнее преобладаніе критики и реалистическихъ тенденцій. Говорили и повторяли что русскій умъ болѣе всего наклоненъ къ подражанію и ассимиляціи и что онъ совершенно лишенъ способности изобрѣтенія. Мнѣніе это произошло конечно оттого что Русскій народъ очень поздно получилъ цивилизацію. Но это мнѣніе далеко не вполнѣ характеризуетъ геній Русскаго народа. Мы видѣли что въ эпоху романтизма и позднѣе, произведенія русскихъ писателей не были лишены оригинальности. Вѣрнѣе будетъ сказать что русскій умъ обладаетъ даромъ изобрѣтенія, но лишенъ извѣстной высоты идей и понятій. Благодаря своей положительности, своей настойчивости, онъ производитъ изыскателей, терпѣливыхъ тружениковъ. Въ критикѣ онъ привязывается болѣе къ подробно-

стямъ чѣмъ къ общимъ взглядамъ. Въ философіи онъ еще ничего не сдѣлалъ."

Послѣдняя глава книги г. Курьера посвящена русской журналистикѣ и представляетъ пестрое смѣшеніе правды и вздора. Желая быть по возможности полнымъ, г. Курьеръ говоритъ о томъ что̀ ему, очевидно, неизвѣстно, или о чемъ дошли до него отрывочныя свѣдѣнія изъ чужихъ рукъ. Онъ полагаетъ напримѣръ что Добролюбовъ былъ преемникомъ Бѣлинскаго въ *Современникѣ* и въ *Русскомъ Словѣ* (вѣроятно отождествляя его съ Писаревымъ), что онъ сдѣлалъ для натуральной школы то что̀ Бѣлинскій для романтизма, и что онъ часто долженъ былъ жертвовать своими убѣжденіями ради мнѣній редакціи. „Его ошибкой, говоритъ г. Курьеръ, было то что онъ смѣшивалъ искусство съ наукой. По его мнѣнію идеалъ состоитъ въ томъ чтобъ отражать вполнѣ въ ежедневныхъ отдѣльныхъ фактахъ самыя возвышенныя общія идеи; и потому единственною цѣлью искусства и поэзіи должна быть популяризація науки." Въ другомъ мѣстѣ говорится что представителями школы Бѣлинскаго были Дружининъ, Ахшарумовъ и Николай Соловьевъ.

Авторъ замѣчаетъ что ежемѣсячные журналы имѣютъ въ Россіи болѣе значенія чѣмъ во Франціи. „У насъ, говоритъ онъ, гдѣ газета царствуетъ деспотически, гдѣ ежедневныя политическія событія поглощаютъ все вниманіе, книжки журналовъ проходятъ почти незамѣченными. Въ Россіи, гдѣ нѣтъ политическихъ партій, гдѣ полная тишина царствуетъ въ обществѣ, представляется досугъ заняться вопросами историческими, литературными, критическими. Первое число каждаго мѣсяца ожидается съ нетерпѣніемъ; спѣшатъ узнать содержаніе новыхъ книжекъ. Критика и публика раздѣлены на литературные лагери, ведущіе почти такую же ожесточенную войну какъ бонапартисты и республиканцы во Франціи." Авторъ группируетъ затѣмъ главные наши журналы, пародируя сочетаніе парламентскихъ партій. „При появленіи новаго романа или критической статьи, продолжаетъ онъ, всѣ эти партіи приходятъ въ движеніе. Огонь открываютъ фельетонисты, исполняющіе роль застрѣльщиковъ; за ними слѣдуетъ тяжелая кавалерія толстыхъ журналовъ. Герой романа, тенденціи статьи, хвалятся или порицаются смотря по тому соотвѣтствуютъ они или нѣтъ мнѣніямъ судей. Тутъ

нѣтъ мѣста безпристрастію, и мнѣ очень часто случалось видѣть какъ одинъ и тотъ же романъ, превозносимый до небесъ въ одномъ журналѣ, попирается ногами въ другомъ. Прибавьте что эти господа критики не всегда вѣжливы и что перо ихъ не отступаетъ предъ ругательствами. Короче, критика набрасывается на все; она ощипываетъ и крошитъ литературныя произведенія какъ трупы въ анатомическомъ театрѣ. Она не смотритъ, согласны ли мнѣнія автора съ истиной, съ принципами нравственными и эстетическими. Если писатель принадлежитъ къ одной партіи съ критикомъ, его хвалятъ, въ немъ находятъ талантъ; въ противномъ случаѣ онъ попадаетъ въ Могиканы литературы. Ультрареалисты и соціалисты также имѣютъ свою критическую школу. Успенскій ея богъ; Пушкина она считаетъ салоннымъ поэтомъ; Тургеневу, Гончарову и пр. она выдала отставку. Новая школа производитъ много шуму, сильно кричитъ; это почти единственная ея заслуга. Проповѣдуя самый широкій утилитаризмъ, она отрицаетъ искусство и даже разсматриваетъ его какъ вещь опасную. Она отвергаетъ все что русская литература произвела лучшаго и прекраснѣйшаго съ начала столѣтія.“

За этой общею характеристикой, г. Курръеръ переходитъ къ оцѣнкѣ главныхъ современныхъ журналовъ. *Вѣстникъ Европы* онъ называетъ умѣренно-либеральнымъ и упрекаетъ его въ томъ что онъ не всегда счастливъ въ выборѣ романовъ. *Гражданина* авторъ вѣроятно никогда не видалъ, такъ какъ считаетъ его московскимъ изданіемъ. По поводу *Отечественныхъ Записокъ* онъ замѣчаетъ что г. Краевскій, издавая кромѣ этого журнала газету *Голосъ*, можетъ такимъ образомъ имѣть двѣ мѣры и двое вѣсовъ. Объ отношеніи автора къ *Русскому Вѣстнику* мы уже говорили. *Московскимъ Вѣдомостямъ* г. Курръеръ посвящаетъ весьма пространный отзывъ, представляющій пеструю смѣсь былей и небылицъ, вѣрной оцѣнки и отголосковъ пустѣйшихъ сплетень. Въ заключеніе авторъ отдаетъ впрочемъ справедливость этому изданію въ томъ что оно „глубоко-національно, въ особенности въ вопросахъ внѣшней политики, и можетъ быть разсматриваемо какъ органъ истинныхъ Русскихъ“. О фельетонахъ, занимающихъ такую видную роль въ современной петербургской журналистикѣ, авторъ отзывается съ презрѣніемъ. „Критика прикрывающаяся анонимами и псевдо-

нимами, говоритъ онъ, заявляетъ тамъ себя иногда рѣзкостью и грубостью, напоминающею тонъ нѣкоторыхъ американскихъ журналовъ. Нѣкоторые изъ этихъ фельетоновъ наполнены личными намеками и клеветами, мало достойными печатнаго слова. Другіе, какъ напримѣръ критикъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (подъ редакціей г. Корша), не только нападаютъ на своихъ собратовъ, но съ наглою безцеремонностью заставляютъ ихъ говорить то чего они никогда не писали" и т. д.

Передавъ тщательнымъ образомъ содержаніе книги г. Курръера, представляющей во всякомъ случаѣ явленіе весьма любопытное, не можемъ не указать въ заключеніе что нѣкоторые талантливые русскіе писатели совершенно пропущены французскимъ историкомъ нашей литературы; онъ, напримѣръ, не упоминаетъ вовсе объ Аксаковѣ (авторѣ *Семейной Хроники)*, и Мельниковѣ (Андреѣ Печерскомъ).

Оканчивая свою книгу, г. Курръеръ говоритъ о необходимости и своевременности основать въ Парижѣ или въ Петербургѣ французскій литературный органъ который поставилъ бы своей задачей знакомить Францію съ нашимъ отечествомъ, со всѣмъ замѣчательнымъ въ области нашей литературы, промышленности и общественнаго быта. Повидимому вопросъ этотъ стоитъ на очереди. Не можемъ не пожелать успѣха предполагаемому изданію, но должны также присоединить пожеланіе чтобъ оно не впало въ тѣ же ошибки въ какія увлекся г. Курръеръ: пусть этотъ будущій франко-русскій органъ поставитъ правиломъ говорить лишь то съ чѣмъ онъ познакомится самостоятельно, и постарается избѣжать вліянія ходячихъ мнѣній и тенденціозныхъ предразсудковъ. Ему удобнѣе будетъ чѣмъ русскому журналу стоять во многихъ вопросахъ на почвѣ самаго строгаго безпристрастія; и только этимъ путемъ онъ можетъ пріобрѣсть извѣстное значеніе въ глазахъ русской публики.

А.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СТО СЕМНАДЦАТЫЙ.

МАЙ

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ІЮНЬ

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: